3 1761 08

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/polnoesobranieso02mami

ER
M2655B

Mamin, Dmitry Narkisovich

Д. Н. МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Polnoe sobranie sochineny

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА
И КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ П. В. БЫКОВА

1630?

ТОМЪ ВТОРОЙ

(V. 2)

494385

7. 7. 49

ИЗДАНІЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ :: ПЕТРОГРАДЪ

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1915 г.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29

ТРИ КОНЦА.

Уральская лѣтопись въ шести частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ кухнѣ господскаго дома Егоръ сидѣлъ уже давно и терпѣливо ждалъ, когда проснется приказчикъ. Толстая и румяная стряпка Домнушка, гремѣвшая у печи ухватами, время отъ времени взглядывала въ его сторону и думала про себя: „Настоящій медвѣдь... Ишь какъ шарами-то *) ворочаетъ!“ Она вспомнила, что сегодня среда—постный день, а Егоръ — кержакъ **). На залавкѣ между тѣмъ лежала приготовленная для щей говядина; кучеръ Семка въ углу на лавкѣ, подложивъ подъ деревянное корыто свои рукавицы, рубилъ говядину для котлетъ; на окнѣ въ тарелкѣ стояло коровье масло и кринка молока, — однимъ словомъ, Домнушка почувствовала себя кругомъ виноватою. И въ самомъ-то дѣлѣ, эти приказчики всегда нехристями живутъ да и другихъ на грѣхъ наводятъ. Въ открытое окно кухни, выходившее во дворъ, наносило табачнымъ дымомъ: это караульщикъ Антипъ сидѣлъ на завалинкѣ со своею трубкой и дремалъ. Чтобы сорвать на комъ-нибудь собственное неловкое положеніе, Домнушка высунулась въ окошко и закричала на старика:

— Чтой-то, Антипъ, задушилъ ты насъ своей поганой трубкой!.. Шелъ бы въ караушку, али въ машинную: тамъ всѣ табачники!

— Ну, ну... будетъ, кума, перестань...—ворчалъ Антипъ, насасывая трубочку.

— Да я кому говорю, старый чортъ?—озлилась Домнушка, всей полною грудью вылѣзая изъ окна, такъ что гдѣ-то треснулъ сарафанъ или рубашка.— Вотъ ужо встанетъ Петръ Елисѣичъ, такъ я ему сейчасъ побѣгу жаловаться...

— Ступай, кума, ступай... На свой жиръ сперва пожалуйся, корова колмогорская!

Егоръ тихонько отплюнулся въ уголокъ,—очень ужъ ему показалось все скверно, точно самый воздухъ былъ пропитанъ грѣхомъ и всяческимъ соблазномъ. Про Домнушку по заводу ходила нехорошая слава: бабенка путалась

---

*) Шары—глаза.

**) Кержаками на Уралѣ, въ заводахъ, называютъ старообрядцевъ, потому что большинство изъ нихъ выходцы съ р. Керженца.

со всею господскою конюшней. Всѣ онѣ, мочеганки *), на одну стать. Рубившій говядину Семка возмущалъ Егора еще больше, чѣмъ Домнушка: истрепался въ кучерахъ, а еще какихъ отца-матери сынъ... На легкую работу польстился,—ну и руби всякую погань: Петръ-то Елисѣичъ и зайчину, какъ сказываютъ, потреблялъ. Раскольникъ съ унынiемъ обвелъ всю кухню глазами и остановился на лѣстницѣ, которая вела изъ кухни во второй этажъ, прямо въ столовую. На лѣстницѣ, ухватившись одною рукой за потолочину, а другою за балясникъ перилъ, стояла дѣвочка лѣтъ семи, въ розовомъ ситцевомъ платьицѣ, и улыбающимися большими сѣрыми глазами смотрѣла на него, Егора. Онъ сразу узналъ въ ней дочь Петра Елисѣича, хотя раньше никогда ея и не видалъ.

— Домнушка, гдѣ Катря?—спрашивала дѣвочка, косясь на смѣшного мужика.

— А ушла...—нехотя отвѣтила стряпка, съ особеннымъ азартомъ накидываясь на работу, чтобы не упустить топившуюся печь.

— Куда ушла?—не отставала дѣвочка съ дѣтскою навязчивостью.

— А ушла... Не приставайте, барышня,—безъ васъ тошнехонько!

Домнушка знала, что Катря въ сарайной и точить тамъ лясы съ казачкомъ Тишкой,—каждое утро такъ-то съ жиру бѣсятся... И нашла съ кѣмъ время терять: Тришкѣ никакъ пятнадцатый годъ только въ доходѣ. Глупая эта Катря, а тутъ еще барышня пристаетъ: куда ушла... Вонъ и Семка скалитъ зубы: тоже на Катрю заглядывается, песъ, да только опасится. У Домнушки въ головѣ зашевелилось много своихъ бабьихъ расчетовъ, и она машинально совала приготовленную говядину по горшкамъ, вытаскивала чугунъ съ кипяткомъ и вообще управлялась за четверыхъ.

— Куда ушла Катря?—капризно спрашивала дѣвочка, топая ножкой.

Въ Егорѣ дѣвочка узнала кержака: и по покрою кафтана, и по волосамъ, гладко подстриженнымъ до бровей, отъ одного уха до другого, и по особому складу всего лица,—такое сердитое и скуластое лицо, съ узкими темными глазками и окладистою бородой, скатавшіяся пряди которой были запрятаны подъ воротъ рубахи изъ домашней пестрядины. Навѣрное, этотъ кержакъ ждетъ, когда проснется папа, а папа только напьется чаю и сейчасъ пойдетъ въ заводъ.

— Паночка, тату проснувсь,—окликнула дѣвочку Катря, наклоняясь надъ западней въ кухню.—Тату до васъ приходивъ у вашу комнату, а паночки нэма.

— Катря, скажи Петру Елисѣичу, что его дожидаетъ Егоръ изъ Самосадки!—крикнула Домнушка вслѣдъ убѣгавшей дѣвушкѣ.—Очень, говоритъ, надо повидать... давно дожидаетъ!

„Проклятущія мочеганки!—думалъ Егоръ, не могшій равнодушно слышать мочеганской рѣчи.—Нашли тоже „пана“.

Катря скоро вернулась и, сбѣжавъ по лѣстницѣ въ кухню, задыхавшимся голосомъ объявила:

— Панъ у кабинети... просивъ васъ до себе.

— Ступай за ней наверхъ,—коротко объявила Домнушка, довольная, что закоснѣлый кержакъ наконецъ выйдетъ изъ кухни и она можетъ всласть наругаться съ „шаропучимъ“ Семкой.

Катрѣ было лѣтъ семнадцать. Красивое, смуглое лицо такъ и смѣялось изъ-подъ кумачнаго платка, кокетливо надвинутаго на лобъ. Она посторони-

*) Мочеганами на заводахъ называютъ пришлыхъ жителей.

лась, чтобы дать Егору дорогу, и съ недоумѣніемъ посмотрѣла ему вслѣдъ своими бархатными глазами,—„кержакъ,а панъ велѣлъ прямо въ кабинетъ провести".

— Родной братъ будетъ Петру-то Елисѣичу...—шепнула на ухо Катрѣ слабая на языкъ Домнушка.—Лѣтъ, поди, съ десять не видались, а теперь вотъ пришелъ. Насчетъ воли допытаться пришелъ,—прибавила она, оглядываясь.—Эти долгоспинники хитрящіе... Ничего спроста у нихъ не дѣлается. Настоящіе выворотни!

Изъ этихъ словъ Катря поняла только одно, что этотъ кержакъ—родной братъ Петру Елисѣичу, и поэтому стояла посреди кухни съ раскрытымъ отъ удивленія ртомъ. Апрѣльское солнце ласково заглядывало въ кухню, разбѣгалось игравшими зайчиками по выбѣленнымъ стѣнамъ и заставляло горѣть, какъ жаръ, мѣдную посуду, разложенную на двухъ полкахъ надъ кухоннымъ залавкомъ. Въ открытое окно можно было разглядѣть часть широкаго двора, выстланнаго деревянными половицами, привязанную къ столбу гнѣдую лошадь и лысую голову Антипа, который давно дремалъ на своей завалинкѣ вмѣстѣ съ лохматою собакой Султаномъ. Осторожно скрипнувшая дверь пропустила кудрявую голову Тишки. Онъ посмотрѣлъ лукавыми темными глазами на кучера Семку, на Домнушку и хотѣлъ благоразумно скрыться.

— Эй, ты, выворотень, поди-ка сюды... ну, вылѣзай!—кричала Домнушка, становясь въ боевую позицію.—Умѣешь по сарайнымъ шляться... а?.. Нѣту стыда-то, да и ты, Катря, хороша.

— Что подсарайная... — ворчалъ Тишка, стараясь принять равнодушный видъ.—Петръ Елисѣичъ наказалъ... Потому гостей изъ Мурмоса ждемъ. Вотъ тебѣ и подсарайная!

— Нѣтъ, стыдъ-то у тебя гдѣ, змѣй?!—азартно наступала на него Домнушка и даже замахнулась деревянною скалкой.—Развѣ у меня глазъ нѣтъ, выворотень проклятый?.. Еще материно молоко на губахъ не обсохло, а онъ дѣвкѣ проходу не даетъ...

Тишка, красивый парень, въ смазныхъ сапогахъ со скрипомъ, нерѣшительно переминался съ ноги на ногу и смотрѣлъ исподлобья на ухмылявшагося Семку. Онъ рѣшительно не испытывалъ никакого раскаянія и съ удовольствіемъ смазалъ бы Домнушку прямо по толстому рылу, если бы не Семка. Катря стояла посреди кухни съ опущенными глазами и перебирала подолъ своего запона. Ей было совѣстно и обидно, что Тишка постоянно ругается со стряпкой: Домнушка хоть и гулящая бабенка, а все-таки добрая. Первая пожалѣетъ и первая научитъ, чуть что приключись.

— Дай поѣсть,—неожиданно проговорилъ Тишка, опускаясь на лавку.—Съ утра еще маковой росинки во рту не бывало, Домнушка.

— Ишь, какой ласковый нашелся,—подзуживалъ Семка, заглядываясь на Катрю.—Домна, дай ему по шеѣ, вотъ и будетъ закуска.

Кормить всю дворню было слабостью Домнушки, особенно когда съ ней обращались ласково. Погрозивъ Тишкѣ кулакомъ, она сейчасъ же полѣзла въ завалокъ, гдѣ въ чашкѣ стояла накрошенная капуста съ лукомъ и квасомъ.

— Ступай наверхъ, нечего тебѣ здѣсь дѣлать...—толкнула она по пути зазѣвавшуюся Катрю.—Да и Семка глаза проглядѣлъ на тебя.

II.

Катря стрѣлой поднялась наверхъ. Въ столовой сидѣла одна Нюрочка,—дѣвочка пила свою утреннюю порцію молока, набивая ротъ крошками вчерашнихъ сухарей. Она взглянула на горничную и показала головой на кабинетъ, гдѣ теперь сидѣлъ смѣшной мужикъ.

— Грѣшно Божій даръ сорить,—строго проговорила Катря, указывая на разбросанныя по скатерти крошки хлѣба.

Столовая помѣщалась между кабинетомъ и спальней Нюрочки. У печи-голанки со старинною лежанкой почикивали на стѣнѣ старинные часы. Вся комната была выкрашена сѣрою краской, а потолокъ выбѣленъ; на полу лежала дорожка. Буфетъ, стеклянный шкапъ съ разною посудой, дюжина березовыхъ желтыхъ стульевъ и двѣ полуведерныхъ бутылки съ наливками составляли всю обстановку приказчичьей столовой. Мы сказали, что Нюрочка была одна, потому что сидѣвшій тутъ же за столомъ сѣдой господинъ не шелъ въ счетъ, какъ часы на стѣнѣ или мебель. Онъ былъ въ халатѣ и сосредоточенно курилъ длинную трубку. Давно небритое лицо обросло сѣдою щетиной, потухшіе темные глаза смотрѣли неподвижно въ одну точку, и вся фигура имѣла такой убитый, подавленный видъ, точно старикъ что-то забылъ и не могъ припомнить. Время отъ времени онъ подымалъ худую, жилистую руку и теръ ею свой лобъ.

— Сидоръ Карпычъ, хотите еще чаю?—спрашивала дѣвочка, лукаво посматривая на своего молчаливаго сосѣда.

— А давайте жъ, колы есть,—мягкимъ хохлацкимъ выговоромъ отвѣтилъ старикъ, исчезая въ клубахъ табачнаго дыма.—Пожалуй, выпью.

— Панъ пилъ чай,—замѣтила Катря, прибирая посуду на столѣ.—Панъ не хоче чаю. Якій пану чай, колы винъ напивсь?

— Пожалуй, пилъ,—соглашался старикъ равнодушно.—Пожалуй, не хочу.

Изъ столовой маленькая дверка вела въ коридоръ, который соединялъ переднюю съ кабинетомъ и комнатой для пріѣзжихъ гостей. Теперь дверь въ кабинетъ была припертa, и слышались только мѣрные тяжелые шаги. Кержакъ Егоръ сидѣлъ въ кабинетѣ у письменнаго стола и сосредоточенно молчалъ. Кабинетъ двумя свѣтлыми и большими окнами выходилъ на дворъ. Клеенчатая широкая кушетка у внутренней стѣны замѣняла кровать. Во всю ширину другой внутренней стѣны тянулся другой столъ изъ простыхъ сосновыхъ досокъ, заваленный планами, чертежами, образцами рудъ и чугуна, цѣлою коллекціей склянокъ съ разноцвѣтными жидкостями и какими-то мудреными приборами для химическихъ опытовъ. По обѣ стороны стола помѣщались двѣ массивныя этажерки, плотно набитыя книгами; большой шкапъ съ книгами стоялъ между печью и входною дверью. Надъ письменнымъ столомъ на стѣнѣ висѣлъ литографированный видъ Парижа.

— Такъ чего же вы хотите отъ меня?—спрашивалъ Петръ Елисѣичъ, останавливаясь передъ Егоромъ.

— Матушка послала... Поди, говоритъ, къ брату и спроси все. Такъ и наказывала, потому какъ, говоритъ, своя кровь, хоть и не видались лѣтъ съ десять...

— Да я же тебѣ говорю, что ничего не знаю, какъ и всѣ другіе. Никто ничего не знаетъ, а потомъ видно будетъ.

— Матушка наказывала... Своя кровь, говоритъ, а мнѣ все равно, родимый мой. Не моя причина... Извѣстно, темные мы люди, прямо сказать: отъ нея народъ. Ну, матушка и наказала: поди къ брату и спроси...

Хозяинъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе своею волосатою рукой и даже поправилъ воротъ крахмальной сорочки, точно она его душила. Средняго роста, сутуловатый, съ широкою впалою грудью и совершенно сѣдою головой, этотъ Петръ Елисѣичъ совсѣмъ не походилъ на брата. Гладко выбритое лицо и завивавшіеся на вискахъ волосы придавали ему скорѣе видъ стараго нѣмца-аптекаря. Неопредѣленнаго цвѣта глаза смотрѣли изъ-за большихъ, сильно увеличивавшихъ очковъ въ золотой оправѣ съ застѣнчивою недовѣрчивостью,

исчезавшею при первой улыбкѣ. Привычка нюхать табакъ сказывалась въ томъ, что старикъ никогда не выпускалъ изъ лѣвой руки шелковаго носового платка и въ минуты волненія постоянно размахивалъ имъ, точно флагомъ, какъ было и сейчасъ. Черный суконный сюртукъ стариннаго покроя сидѣлъ на немъ мѣшковато. Такіе сюртуки носили еще въ тридцатыхъ годахъ: съ широкимъ воротникомъ и длинными узкими рукавами, наползавшими на кисти рукъ. Бархатный пестрый жилетъ и вычурная золотая цѣпочка дополняли костюмъ.

— Я ничего не знаю,—повторялъ Петръ Елисѣичъ, размахивая платкомъ.

Егоръ встряхнулъ своими по-кержацки подстриженными волосами и неожиданно проговорилъ:

— А какъ же Мосей сказывалъ, что вездѣ ужъ воля прошла?.. А у васъ, говоритъ, управители да приказчики все скроютъ. Такъ прямо и говоритъ Мосей-то, тоже вѣдь онъ родной нашъ братъ, одна кровь.

— Да гдѣ онъ теперь, Мосей-то?

— У насъ въ Самосадкѣ гоститъ... Вторую недѣлю околачивается и все разсказываетъ, потому грамотный человѣкъ.

— Отчего же ты мнѣ прямо не сказалъ, что у васъ Мосей смутьянитъ?— накинулся Петръ Елисѣичъ и даже покраснѣлъ.—Толкуешь-толкуешь тутъ, а о главномъ молчишь... Удивительные, право, люди: все съ подходцемъ нужно сдѣлать, вывѣдать, перехитрить. И совершенно напрасно... Что вамъ говорилъ Моей про волю?

— Все говорилъ... Какъ по крестьянамъ она прошла: молебны служили, попы по церквамъ манифестъ читали. Потомъ по городамъ воля разошлась и на заводахъ, окромя нашихъ... Мосей-то говоритъ, что большая можетъ выйти ошибка, ежели время упустить. Спрячутъ, говоритъ, приказчики вашу волю— и конецъ тому дѣлу.

— Онъ вретъ, а вы слушаете!.. Какъ же можно вѣрить всякому вздору?.. Моисей, можетъ, спьяна болталъ?

— Это точно, родимый мой... Есть грѣхъ: зашибаетъ. Ну, а пристанскіе за него, значитъ, за брата Мосея, и все водкой его накачиваютъ.

— Ты и скажи своимъ пристанскимъ, что волю никто не спрячетъ и въ свое время объявятъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ. Вотъ пріѣдетъ главный управляющій Лука Назарычъ, пріѣдетъ исправникъ и объявятъ... Въ Мурмосѣ ужъ все было и у насъ будетъ, а братъ Мосей вретъ, чтобы его больше водкой поили. Волю объявятъ, а какъ и что будетъ—никто сейчасъ не знаетъ. Приказчикамъ обманывать народъ тоже не изъ чего; сами крѣпостные.

— Оно конечно, родимый мой... И матушка говоритъ то же самое.

— А зачѣмъ Мосея слушаете?

— Да ужъ такъ... Большое сумлѣніе на всѣхъ,—ну и слушаютъ всякаго. Главная причина, темные мы люди, народъ все отъ пня...

— Матушка здорова?—спрашивалъ Петръ Елисѣичъ, чтобы перемѣнить непріятный для него разговоръ.

— Ничего, слава Богу... Ногами все скудается, да поясницу къ ненастью ломитъ. И то сказать, стàро ужъ мѣсто. Наказывала больно кланяться тебѣ... Говоритъ: хоть онъ и табачникъ и бритоусъ, а все-таки кланяйся. Моя, говоритъ, кровь, обо всѣхъ матернее сердце болитъ.

— Кланяйся и ты старухѣ... Какъ-нибудь заѣду, давно не бывалъ у васъ на Самосадкѣ-то... Дядья какъ поживаютъ?

— Все по-старому, родимый мой... По лѣсу больше промышляютъ,— по родителямъ, значитъ, пошли.

Скрипнувшая дверь заставила обоихъ оглянуться. На порогѣ стояла Нюрочка, такая свѣженькая и чистенькая, какъ вылетѣвшая изъ гнѣзда птичка.

— Папа, тамъ запасчикъ пришелъ къ тебѣ.

— Ну, пусть подождетъ, Нюрочка. А вотъ иди-ка сюда... Это твой дядя, Егоръ Елисѣичъ. Поцѣлуй его.

Дѣвочка сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ и остановилась въ нерѣшительности. Егоръ не шевелился съ мѣста и угрюмо смотрѣлъ то на заплетенные въ двѣ косы русые волосы дѣвочки, то на выставлявшіяся изъ-подъ платья бѣлыя оборочки кальсонъ.

— Подходи, не бойся, — подталкивалъ ее осторожно въ спину отецъ, стараясь подвести къ Егору.—Это мой братъ, а твой дядя. Поцѣлуй его.

Егоръ поднялся съ мѣста и, глядя въ уголъ, сердито проговорилъ:

— А зачѣмъ по-бабьи волосы дѣвкѣ плетутъ? Тоже и штаны не подходящее дѣло... Матушка наказывала, потому какъ слухи и до насъ пали, что полумужичьемъ дѣвку обряжаете. Не порядокъ это, родимый мой...

— Ахъ, какіе вы, право: вамъ-то какая печаль? Вѣдь Нюрочка никому не мѣшаетъ... Вы по-своему живете, мы—по-своему. Нюрочка, поцѣлуй дядю.

Суровый тонъ, какимъ говорилъ дядя, заставилъ дѣвочку ухватиться за полу отцовскаго сюртука и спрятаться. Плотно сжавъ губы, она отрицательно покачивала своею русою головкой.

— Я дѣло говорю,—не унимался Егоръ.—Тоже вотъ въ куфнѣ сидѣлъ даве... Какой севодни у насъ день-отъ, а стряпка говядину по горшкамъ суетъ... Семка тоже говядину сѣчкой рубитъ... Это какъ?..

Петръ Елисѣичъ покраснѣлъ и замахалъ своимъ платкомъ, но въ самый критическій моментъ въ кабинетъ вбѣжала запыхавшаяся Катря и объявила:

— Паны ѣдуть съ Мурмоса... На двухъ повозкахъ съ колокольцами. Ужъ Туляцкій конецъ проѣхалы и по мосту ѣдуть.

— Хорошо, хорошо... — забормоталъ Петръ Елисѣичъ. — Ты, Егоръ, теперь ступай домой, послѣ договоримъ... Кланяйся матери: пріѣду скоро. Катря, скажи Семкѣ, чтобы отворялъ ворота, да готово ли все въ сарайной?

— Усе готово,—отвѣтила Катря, пропуская какъ-то бокомъ вылѣзавшаго изъ кабинета Егора.—И постели настланы, и паутину Тишка вездѣ выскребъ. Усе готово...

III.

Дорога изъ Мурмосскаго завода проходила широкою улицей по всему Туляцкому концу, спускалась на поемный лугъ, гдѣ разлилась бойкая горная рѣчонка Култымъ, и круто поднималась въ гору прямо къ господскому дому, который лицомъ выдвинулся къ фабрикѣ. Всю эту дорогу отлично было видно только изъ сарайной, гдѣ въ критическихъ случаяхъ и устраивался сторожевой пунктъ. Караулили гостей или казачокъ Тишка, или Катря.

— Съ фалетуромъ зажариваютъ!.. — кричалъ изъ сарайной Тишка, счастливый, что первый „узѣрилъ“ гостей. — Вонъ какъ заухиваетъ... Казаки на вершныхъ гонятъ!

Мирно дремавшій господскій домъ пришелъ въ страшное движеніе, точно неожиданно налетѣла буря. Уханье форейтора и звонъ колокольчиковъ пріутихли,—это поднимались въ гору. Вся дворня знала, что съ „фалетуромъ“ гонялъ съ завода на заводъ одинъ Лука Назарычъ, главный управляющій, гроза всего заводскаго населенія. Антипъ распахнулъ ворота и ждалъ безъ шапки у вереи; Семка въ глубинѣ двора торопливо пряталъ бочку съ водой.

На крыльцѣ показался Петръ Елисѣичъ и тревожно прислушивался къ каждому звуку: вотъ ярко дрогнулъ дорожный колокольчикъ, завылъ форейторъ, и два тяжелыхъ экипажа съ грохотомъ вкатились во дворъ, а за ними, вытянувшись въ сѣдлахъ, какъ гончіе, на мохноногихъ и горбоносыхъ киргизахъ, влетѣли четыре оренбургскихъ казака.

Изъ перваго экипажа грузно вылѣзъ самъ Лука Назарычъ, толстый, сѣдой старикъ въ длиннополомъ сюртукѣ и котиковомъ картузѣ съ прямымъ козыремъ; онъ устало кивнулъ головой хозяину, но руки не подалъ. За нимъ бойко выскочилъ чахоточный и сгорбленный молодой человѣкъ—личный секретарь главнаго управляющаго Овсянниковъ. Онъ вездѣ слѣдовалъ за своимъ начальствомъ, какъ тѣнь. Изъ второго экипажа горшкомъ выкатился коротенькій и толстенькій старичокъ-исправникъ въ военномъ мундирѣ, въ бѣлыхъ лайковыхъ перчаткахъ и съ болтавшеюся на боку саблей. Онъ коротко тряхнулъ руку Петра Елисѣича и на ходу успѣлъ ему что-то шепнуть, а подвернувшуюся на дорогѣ Нюрочку подхватилъ на руки и звонко расцѣловалъ въ губы. Черезъ минуту онъ уже бѣжалъ черезъ дворъ въ сарайную, а передъ нимъ летѣлъ казачокъ Тишка, прогремѣвшій ногами по лѣстницѣ во второй этажъ. Высунувшаяся изъ окна Домнушка кивнула ласково головой бойкому старичку.

— Эге, кума, ты еще жива, — подмигивая, отвѣтилъ ей исправникъ.— Готовь намъ закуску: треба выпить горілки...

— Пожалуйте-съ, — приглашалъ Тишка, встрѣчая гостя въ дверяхъ сарайной.

Опрометью летѣвшая по двору Катря набѣжала на „фалетура“ и чуть не сшибла его съ ногъ, за что и получила въ бокъ здороваго тумака. Она даже не оглянулась на эту любезность, и только голыя ноги мелькнули въ дверяхъ погреба: Лука Назарычъ первымъ дѣломъ потребовалъ холоднаго квасу, своего любимаго напитка, съ которымъ ходилъ даже въ баню. Кержакъ Егоръ спрятался за дверью конюшни и отсюда наблюдалъ пріѣхавшихъ гостей: его кержацкое сердце предчувствовало, что начались важныя событія.

Въ небольшой гостиной господскаго дома на старинномъ диванчикѣ съ выцвѣтшею ситцевою обивкой сидитъ „самъ“ и сердито отдувается. Его сильно расколотило дорогой, да и самая цѣль поѣздки—ножъ острый сердцу стараго крѣпостного управляющаго. Скуластое характерное лицо съ жирнымъ налетомъ подернуто непріятною гримасой, какъ у больного, которому предстоитъ глотать горькое лѣкарство; густыя сѣдыя брови сдвинуты; растопыренные жирные пальцы нѣсколько разъ переходятъ отъ ручки дивана къ туго перетянутой шелковою косынкой шеѣ,—Лука Назарычъ сильно не въ духѣ, а еще недавно всѣ трепетали передъ его сдвинутыми бровями. Боже сохрани, если Лука Назарычъ встанетъ лѣвою ногой, а теперь старикъ сидитъ и не знаетъ, что ему дѣлать и съ чего начать. Его возмущаетъ проклятый французъ, какъ онъ мысленно называетъ Петра Елисѣича,—вѣдь знаетъ, зачѣмъ пріѣхали, а прикидывается, что удивленъ, и этотъ исправникъ Чермаченко, который, переодѣвшись въ сарайной, теперь коротенькими шажками мельтеситъ у него передъ глазами, точно бѣсъ. Ходитъ и папиросы куритъ,—очень обидно Лукѣ Назарычу, хотя исправникъ и раньше курилъ въ его присутствіи, а французъ всегда валялъ набитаго дурака.

Катря подала кружку съ пѣнившимся квасомъ, который издали пріятно шибанулъ старика по носу своимъ специфическимъ кисленькимъ букетомъ. Онъ разгладилъ усы и совсѣмъ поднесъ-было кружку ко рту, но отвелъ руку и хрипло проговорилъ:

— Иванъ Семенычъ, брось ты свою соску, ради истиннаго Христа... Мутитъ и безъ тебя. Вотъ садись тутъ, а то бродишь передъ глазами, какъ маятникъ.

— Нельзя, ангелъ мой, кровь застоялась...—добродушно оправдывается исправникъ, зажигая новую папиросу.—Ноги совсѣмъ отсидѣлъ, да и кашель у меня анаѳемскій, Лука Назарычъ; точно западней запретъ въ горлѣ, не передохнешь. А табачку хватишь—и полегчаетъ...

— Хоть бы въ сѣнки вышелъ, что ли... — ворчитъ старикъ, припадая сѣдою головой къ кружкѣ.

— Господа, закусить съ дороги, можетъ-быть, желаете? — предлагаетъ хозяинъ, оставаясь на ногахъ.—Чай готовъ... Эй, Катря, подавай чай!

Старикъ ничего не отвѣтилъ и долго смотрѣлъ въ уголъ, а потомъ быстро поднялъ голову и заговорилъ:

— Мы свою хорошую закуску привезли, французъ... да. Вотъ Иванъ Семенычъ тебѣ скажетъ, а ты сейчасъ пошли за попомъ... Охъ, грѣхи наши тяжкіе!..

— Ничего, ангелъ мой, какъ-нибудь...—успокоиваетъ исправникъ, сплевывая въ уголъ.—Это только сначала оно страшно кажется, а потомъ, глядишь, и обойдется.

Старикъ вскочилъ съ диванчика, ударилъ кулакомъ по столу, такъ что звякнула кружка съ квасомъ, и забѣгалъ по комнатѣ.

— Ну, что̀ фабрика?—накинулся онъ на Петра Елисѣича.

— Ничего, все въ исправности... Работы въ полномъ ходу.

— А у насъ Мурмосъ сталъ... Кое-какъ набрали народу на однѣ домны, да и то чуть не Христа-ради упросили. Ошалѣлъ народъ... Что̀ же это будетъ?

Исправникъ и хозяинъ угнетенно молчали, а старикъ такъ и остался посреди комнаты знакомъ вопроса.

Тишка во весь духъ слеталъ за попомъ Сергѣемъ, который и пришелъ въ господскій домъ черезъ полчаса, одѣтый въ новую люстриновую рясу. Это былъ молодой священникъ съ окладистою русою бородой и добродушнымъ блѣднымъ лицомъ. Онъ вошелъ въ гостиную и поздоровался съ гостями за руку, какъ человѣкъ, привыкшій къ заводскимъ порядкамъ. Лука Назарычъ хотя официально и числился единовѣрцемъ, но сильно прикержачивалъ“ и не любилъ получать поповское благословеніе. Появленіе этого лица сразу смягчило общее тяжелое настроеніе.

— Ну, ангелъ мой, какъ вы тутъ поживаете? — спрашивалъ Иванъ Семенычъ, любовно обнимая батюшку за талію. — Завтра въ гости къ тебѣ приду...

— Милости просимъ...

— Вотъ что̀, отецъ Сергѣй, — заговорилъ Лука Назарычъ, не приглашая священника садиться. — Завтра нужно будетъ молебствіе отслужить на площади... чтобы по всей формѣ. Образа̀ поднять, хоругви, звонъ во вся, — ну, ужъ вы тамъ знаете, какъ и что̀...

— Что̀ же, можно, Лука Назарычъ...

— А манифестъ... Ну, манифестъ завтра получите. А ты, французъ, оповѣсти поутру народъ, чтобы всѣ шли.

Петръ Елисѣичъ пригласилъ гостей въ столовую откушать, что̀ Богъ послалъ. О. Сергѣй сдѣлалъ перѣшительное движеніе убраться во-свояси, но исправникъ взялъ его подъ руку и потащилъ въ столовую, какъ хозяинъ.

— Пропустимъ по рюмочкѣ, ангелъ мой, стомаха ради и частыхъ недуговъ,—бормоталъ онъ, счастливый предстоящимъ серьезнымъ дѣломъ.

— Я не пью, Иванъ Семенычъ,—отказывался священникъ.

— Пустяки: и курица пьетъ, ангелъ мой. А если не умѣешь, такъ нужно учиться у людей опытныхъ.

Несмотря на эти утоворы, о. Сергѣй съ мягкою настойчивостью остался при своемъ, что̀ заставило Луку Назарыча посмотрѣть на попа подозрительно: „Приглашаютъ, а онъ кочевряжится... Вотъ еще невидаль какая!“. Нюрочка ласково подбѣжала къ батюшкѣ и, прижавшись головой къ широкому рукаву его рясы, крѣпко ухватилась за его руку. Она побаивалась сѣдого сердитаго старика.

— Эй, коза, хочешь за меня замужъ?—шутилъ съ ней Иванъ Семенычъ, показывая короткою рукой козу.

— Нѣтъ, ты старый...—шептала Нюрочка, хихикая отъ удовольствія.

Обѣдъ вышелъ поздній и прошелъ такъ же натянуто, какъ и начался. Лука Назарычъ вздыхалъ, морщилъ брови и молчалъ. На дворѣ уже спускался быстрый весенній вечеръ, и въ открытую форточку потянуло холодкомъ. Катря внесла зажженныя свѣчи и подставила ихъ подъ самый носъ Лукѣ Назарычу.

— Дура, что̀ я, разѣ архирей или покойникъ?—накинулся старикъ, топая ногами.

— Не такъ, ангелъ мой,—бормоталъ исправникъ, переставляя свѣчи.—Учись у меня, пока живъ.

Несчастная Катря растерянно смотрѣла на всѣхъ, блѣдная и жалкая, съ раскрытыъ ртомъ, что̀ немного развлекло Луку Назарыча, любившаго нагнать страху.

IV.

Послѣ обѣда Лука Назарычъ, противъ обыкновенія, не легъ спать, а отправился прямо на фабрику. Петръ Елисѣичъ торопливо накинулъ на худыя плечи свою суконную шинель сѣро-стального цвѣта съ широкимъ крагеномъ и по обычаю готовъ былъ сопутствовать владыкѣ.

— Не нужно! — проронилъ всего одно слово упрямый старикъ и даже махнулъ рукой.

Онъ одинъ пошелъ отъ заводскаго дома къ заводской конторѣ, а потомъ по плотинѣ къ крутому спуску на фабрику. Старый коморникъ, по прозванію Слѣпень, не узналъ его и даже не снялъ шапки, принявъ за кого-нибудь изъ служащихъ съ мѣднаго рудника, завертывавшихъ по вечерамъ на фабрику, чтобы въ конторкѣ сразиться въ шашки. Въ воротахъ доменнаго корпуса на деревянной лавочкѣ, точно облизанной отъ долгаго употребленія, сидѣли ожидавшіе выпуска чугуна рабочіе съ главнымъ доменнымъ мастеромъ Никитичемъ во главѣ. Конечно, вся фабрика уже знала о пріѣздѣ главнаго управляющаго и по-своему приготовилась, какъ предстать предъ грозныя очи страшнаго владыки, одно имя котораго производило панику. Это было привычное чувство, выросшее вмѣстѣ со всею этою „огненною работой“. Сидѣвшіе на лавочкѣ рабочіе знали, что опасность грозитъ именно съ этой лѣстницы, но узнали Луку Назарыча только тогда, когда онъ уже прошелъ мимо нихъ и завернулъ за уголъ формовочной.

— Да вѣдь это *самъ!*—ахнулъ чей-то голосъ, и лавочка опустѣла, точно по ней выстрѣлили.

Противъ формовочной стоялъ длинный кричный корпусъ; открытыя настежъ двери позволяли издалека видѣть цѣлый рядъ ярко пылавшихъ горновъ,

а у внутренней стѣны долбили по наковальнямъ двѣнадцать кричныхъ молотовъ, осыпая искрами тянувшихъ полосы кричныхъ мастеровъ. Картина получалась самая оживленная, и лязгъ желѣза разносился далеко, точно здѣсь какія-то гигантскія челюсти давили и плющили раскаленный добѣла металлъ. Ключевской заводъ славился своимъ полосовымъ кричнымъ желѣзомъ, и Лука Назарычъ невольно остановился, чтобы полюбоваться артистическою работой ключевскихъ кричныхъ мастеровъ. Онъ узналъ трехъ братановъ Гущиныхъ, имѣвшихъ дареные господскіе кафтаны, туляка Аѳоньку, двухъ хохловъ—отличные мастера, какихъ не найдешь съ огнемъ. На стоявшаго старика набѣжалъ дозорный Полуехтъ, по прозвищу Самоварникъ, и прянулъ назадъ, какъ облитый кипяткомъ. По кричному корпусу точно дунуло вѣтромъ: всѣ почуяли близость грозы. Размахивая правйломъ, торопливо бѣжалъ плотинный Сестра и тоже остановился рядомъ съ Полуехтомъ, какъ вкопанный.

Молота стучали, рабочіе двигались, какъ тѣни, не смѣя дохнуть, а Лука Назарычъ все стоялъ и смотрѣлъ, не имѣя силъ оторваться. Замѣтивъ остававшихся безъ шапокъ дозорнаго и плотиннаго, онъ махнулъ имъ рукой и тихо проговоаилъ:

— Не нужно...

За кричнымъ корпусомъ въ особомъ помѣщеніи тяжело отдувались новые мѣха, устроенные всего годъ назадъ. Слышно было, какъ тяжело ворочалось двухсаженное водяное колесо, точно оно хотѣло развороτить всю фабрику, и какъ пыхтѣли воздуходувные цилиндры, набирая въ себя воздухъ со свистомъ и рѣзкими хрипами. Старикъ обошелъ мѣховой корпусъ и повернулъ къ пудлинговому, самому большому изъ всѣхъ; въ ближайшей половинѣ, выступавшей внутрь двора глаголемъ, ослѣпительнымъ жаромъ горѣли пудлинговыя печи, середину корпуса занималъ обжимочный молотъ, а въ глубинѣ съ лязгомъ и змѣинымъ шипѣньемъ работала катальная машина. Въ особомъ притыкѣ со свистомъ и подавленнымъ грохотомъ вертѣлся маховикъ, заставлявшій сливавшіеся въ мутную полосу чугунные валы глотать добѣла раскаленные пакеты сварочнаго желѣза и выплевывать ихъ обратно гнувшимися подъ собственною тяжестью, ярко-красными желѣзными полосами.

При входѣ въ этотъ корпусъ Луку Назарыча уже встрѣчалъ заводскій надзиратель Подсѣдельниковъ, держа снятую фуражку на-отлетъ. Его круглое розовое лицо такъ и застыло отъ умиленія, а круглые темные глаза ловили каждое движеніе патрона. Когда разсылка сообщилъ ему, что Лука Назарычъ ходитъ по фабрикѣ, Подсѣдельниковъ обѣжалъ всѣ корпуса кругомъ, чтобы встрѣтить начальство при исполненіи обязанностей. Рядомъ съ нимъ вытянулся въ струнку старикъ-уставщикъ,—плотиннаго и уставщика рабочіе звали Сестрами.

— Не нужно!—махнулъ на нихъ рукой Лука Назарычъ и медленно прошелъ прямо къ обжимочному молоту, у котораго знаменитый обжимочный мастеръ Пимка Соболевъ ворочалъ семипудовую крицу.

Этотъ пріемъ обезкуражилъ все заводское начальство, и они, собравшись кучкой, слѣдили за владыкой издали. Случай выдался совсѣмъ небывалый, и у всѣхъ подводило со страху животики. Крутъ былъ Лука Назарычъ, и его боялись хуже огня. Только покажется на фабрикѣ, а завтра, глядишь, нѣсколько человѣкъ и пошло „въ гору“, т.-е. въ шахту мѣднаго рудника, а другихъ порютъ въ машинной при конторѣ. Какъ самоучка-практикъ, прошедшій всѣ ступени заводской іерархіи, старикъ понималъ мельчайшія тонкости заводскаго дѣла и съ перваго взгляда видѣлъ всѣ недочеты.

А Лука Назарычъ медленно шелъ дальше и окидывалъ хозяйскимъ

взглядомъ все. Въ одномъ мѣстѣ онъ было-остановился и, нахмуривъ брови, посмотрѣлъ на мастера въ кожаной защиткѣ и пряденикахъ: лежавшая на полу, только-что прокатанная желѣзная полоса была съ отщепиной... У несчастнаго мастера ёкнуло сердце, но Лука Назарычъ только махнулъ рукой, повернулся и пошелъ дальше.

Оставался послѣдній корпусъ, гдѣ прокатывали листовое желѣзо. Это было старинное зданіе, упиравшееся однимъ концомъ въ плотину. Между нимъ и пудлинговымъ помѣщалась небольшая механическая мастерская. Листовое кровельное желѣзо составляло главный предметъ заводскаго производства, и Лука Назарычъ особенно слѣдилъ за нимъ, какъ и за кричнымъ: это было старинное кондовое дѣло, возникшее здѣсь съ основанія фабрики и составлявшее славу Мурмосскихъ заводовъ. На рынкѣ была своя кличка для него: „старый горностай“. Въ Мурмосскомъ заводскомъ округѣ Ключевской заводъ считался самымъ старѣйшимъ, а ключевская домна—одной изъ первыхъ на Уралѣ.

Обогнувъ механическую, Лука Назарычъ въ нерѣшительности остановился передъ листокатальной,—его и тянуло туда, и точно онъ боялся чего. Постоявъ съ минуту, онъ быстро повернулся и пошелъ назадъ тѣмъ же путемъ. Всѣ корпуса замерли, какъ одинъ человѣкъ, и работа шла молча, точно въ заколдованномъ царствѣ. Старикъ чувствовалъ, что онъ въ послѣдній разъ проходитъ полнымъ и безконтрольнымъ хозяиномъ по своему царству,— проходитъ какъ страшная тѣнь, оставлявшая за собой трепетъ. Рабочіе снимали передъ нимъ свои шляпы и кланялись, но старику казалось, что уже все было не такъ и что надъ нимъ смѣются. Въ дѣйствительности же этого не было: заводскіе рабочіе хотя и ждали воли съ часу на часъ, но въ нихъ теперь говорила жестокая заводская муштра, тѣ рабьи инстинкты, которые искореняются только годами. Самая мысль о волѣ какъ-то совсѣмъ не укладывалась въ общій инвентарь заводскихъ соображеній и думъ.

Выбравшись на плотину, Лука Назарычъ остановился перевести духъ, а потомъ прошелъ къ запорамъ. Надъ самымъ шлюзомъ, по которому на большой глубинѣ глухо бурлила вода, выдвигалась деревянная скамейка, на которой Сестры любили посидѣть,—вся фабрика была внизу, какъ на ладони. Старикъ подошелъ къ самой рѣшеткѣ и долго смотрѣлъ на расцвѣченные яркими огнями корпуса, на пылавшую домну, и чутко прислушивался къ лязгу и грохоту желѣза, къ глухимъ ударамъ обжимочнаго молота. Цѣлая полоса пестрыхъ звуковъ поднималась къ нему снизу, и его заводское сердце обливалось кровью.

— Не нужно... ничего но нужно.... — повторялъ онъ, не замѣчая, какъ по его лицу катились рабьи крѣпостныя слезы.

Въ этотъ моментъ чья-то рука ударила старика по плечу, и надъ его ухомъ раздался сумасшедшій хохотъ: это былъ дурачокъ Терешка, подкравшійся къ Лукѣ Назарычу босыми ногами совершенно незамѣтно.

— Сорокъ восемь серебромъ, Иванычъ... — бормоталъ Терешка, скаля бѣлые зубы.—Приказываю... Не узналъ начальства, Иванычъ?.. Завтра хоронить будемъ... кисель будетъ съ попами...

Лука Назарычъ, опомнившись, торопливо зашагалъ по плотинѣ къ господскому дому, а Терешка провожалъ его своимъ сумасшедшимъ хохотомъ. На небѣ показался молодой мѣсяцъ; со стороны пруда тянуло сыростью. Господскій домъ былъ ярко освѣщенъ, какъ и сарайная, гдѣ всѣ окна были открыты настежъ. Придя домой, Лука Назарычъ отказался отъ ужина и заперся въ комнатѣ Сидора Карпыча, которую кое-какъ успѣли прибрать для него.

V.

Въ десять часовъ въ господскомъ домѣ было совершенно темно, а прислуга ходила на цыпочкахъ, не смѣя дохнуть. Огонь свѣтился только въ кухнѣ у Домнушки и въ сарайной, гдѣ секретарь Овсянниковъ и исправникъ Чермаченко истребляли ужинъ, приготовленный Лукѣ Назарычу.

Какъ стемнѣлось, кержакъ Егоръ все время бродилъ около господскаго дома,—ему нужно было увидать Петра Елисѣича. Егоръ видѣлъ, какъ торопливо возвращался съ фабрики Лука Назарычъ, убѣгавшій отъ дурака Терешки, и самъ спрятался въ караушку сторожа Антипа. Потомъ Петръ Елисѣичъ прошелъ на фабрику. Пришлось дожидаться его возвращенія.

— А, это ты!—обрадовался Петръ Елисѣичъ, когда на обратномъ пути съ фабрики изъ ночной мглы выступила фигура брата Егора. — Вотъ что, Егоръ, поспѣвай сегодня же ночью домой на Самосадку и объяви всѣмъ пристанскимъ, что завтра будутъ читать манифестъ о волѣ. Я ужъ хотѣлъ нарочнаго посылать... Такъ и скажи, что исправникъ пріѣхалъ.

— Не пойдутъ наши пристанскіе...—угрюмо отвѣчалъ Егоръ, почесывая въ затылкѣ.

— Это почему?

— А такъ... Попы будутъ манифесты читать, какая это воля?

— Ну, что же я могу сдѣлать?.. Какъ знаете, а мое дѣло—сказать.

Егоръ молча повернулся и, не простившись съ братомъ, пропалъ въ темнотѣ. Петръ Елисѣичъ только пожалъ плечами и побрелъ на огонекъ въ сарайную,—ему еще не хотѣлось спать, а на людяхъ все-таки веселѣе. Поднимаясь по лѣстницѣ въ сарайную, Петръ Елисѣичъ въ раздумьѣ остановился,—до него донесся знакомый голосъ рудниковаго управителя Чебакова, съ которымъ онъ вообще не желалъ встрѣчаться. Слышался разсыпчатый смѣхъ старика Чермаченко и бормотанье Сидора Карпыча. „Этотъ зачѣмъ попалъ сюда?“—подумалъ Петръ Елисѣичъ, но не вернулся и спокойно пошелъ на шумъ голосовъ. Отворивъ дверь, онъ увидѣлъ такую картину: секретарь Овсянниковъ лежалъ на диванѣ и дремалъ. Чермаченко ходилъ по комнатѣ, а за столомъ сидѣли Чебаковъ и Сидоръ Карпычъ.

— Водки хочешь, Сидоръ Карпычъ? — спрашивалъ Чебаковъ, наливая двѣ рюмки.

— Пожалуй...—равнодушно соглашался Сидоръ Карпычъ.

— А можетъ-быть, и не хочешь?

— Пожалуй.

— Такъ ужъ лучше я выпью за твое здоровье...

— Пожалуй...

Чебаковъ былъ высокій красавецъ-мужчина съ румянымъ круглымъ лицомъ, большими темными глазами и цѣлою шапкой русыхъ кудрей. Онъ носилъ всегда черный суконный сюртукъ и крахмальныя сорочки. Бритыя щеки и закрученные усы придавали ему видъ военнаго въ отставкѣ. По заводамъ Чебаковъ прославился своею жестокостью и въ средѣ рабочихъ былъ извѣстенъ подъ кличкой Палача. Главный управляющій, Лука Назарычъ, души не чаялъ въ Чебаковѣ и спускалъ ему многое, за что другихъ служащихъ разжаловалъ бы давно въ рабочіе. Чебаковъ, какъ и Петръ Елисѣичъ, оставался крѣпостнымъ. Петръ Елисѣичъ ненавидѣлъ Палача вмѣстѣ съ другими и теперь съ трудомъ преодолѣлъ себя, чтобы войти въ сарайную.

— Про вовка промовка, а вовкъ у хату, — встрѣтилъ его Чермаченко, разставляя свои короткія ручки.—А мы тутъ жартуемъ...

— Спать пора,—отвѣтилъ Мухинъ.—Завтра рано вставать.

— Щось таке: спать?.. А ты лягай, голубчику, вмѣстѣ зъ нами зъ козаками, о-тутъ, покòтомъ.

Явившаяся убирать ужинъ Катря старалась обойти веселаго старичка подальше и сердито отмахивалась свободною рукой, когда Чермаченко тянулся ее ущипнуть. Собственно говоря, къ такому заигрыванью пріѣзжихъ „пановъ“ Катря давно привыкла, но сейчасъ ее смущало присутствіе Петра Елисѣича.

— Отто гарна дівчина!—повторялъ Чермаченко, продолжая мѣшать Катрѣ убирать со стола.—А ну, писанка, перевэрнись!.. Да кажи Домнѣ, що я жъ стосковавсь по ней... Вона ласая на гроши.

Въ этихъ „жартахъ“ и „розмовахъ“ Овсянниковъ не принималъ никакого участія. Это былъ угрюмый и необщительный человѣкъ, весь ушедшій въ свою тяжелую собачью службу крѣпостного письмоводителя. Теперь онъ, переглянувшись съ Чебаковымъ, покосился на Мухина.

— Чему вы таки-веселитесь Иванъ Семенычъ?—удивлялся Овсянниковъ, вытягивая свои ноги, какъ палки.

— Всѣ добрые люди веселятся, Илья Савельичъ.

— Есть чему радоваться...—ворчалъ Чебаковъ.—Только что̀ и будетъ!.. Народъ и сейчасъ сбѣсился.

— Это вамъ такъ кажется,—замѣтилъ Мухинъ.—Пока никто еще и ничего не сдѣлалъ... Царь жалуетъ всѣхъ волей, и всѣмъ нужно радоваться!.. Мы всѣ здѣсь крѣпостные, а завтра всѣ будемъ вольные,—какъ же не радоваться?.. Конечно, теперь нельзя ужъ будетъ тянуть жилы изъ людей... гноить ихъ заживо... да.

— Это вы насчетъ рудника, Петръ Елисѣичъ?—спрашивалъ Чебаковъ.

— И насчетъ рудника и насчетъ остального.

— Та-акъ-съ...—протянулъ Чебаковъ и опять переглянулся съ Овсянниковымъ.—Только не рано ли вы радуетесь, Петръ Елисѣичъ?.. Какъ бы не пожалѣть потомъ...

— Ну ужъ нѣтъ! Конецъ нашей крѣпостной мукѣ... Дѣти, по крайней мѣрѣ, поживутъ вольными. Вотъ вамъ, Никонъ Авдеичъ, нравится смѣяться надъ сумасшедшимъ человѣкомъ, а я считаю это гнусностью. Это въ васъ привычка глумиться надъ подневольными людьми, а дѣти этого уже не будутъ знать. Есть человѣческое достоинство...

Отъ волненія Мухинъ даже покраснѣлъ и усиленно принялся размахивать носовымъ платкомъ.

— Бачь, якъ хранцузъ расходився,—смѣялся исправникъ.—А буде, що буде... Хуже не буде.

— Хуже будетъ насильникамъ и кровопійцамъ!—уже кричалъ Мухинъ, ударивъ себя въ грудь.—Рабство еще никому не приносило пользы... Крѣпостные — такіе же люди, какъ и всѣ другіе. Да, есть человѣческое достоинство, какъ есть звѣрство...

Петръ Елисѣичъ хотѣлъ сказать еще что-то, но круто повернулся на каблукахъ, махнулъ платкомъ и, взявъ Сидора Карпыча за руку, потащилъ его изъ сарайной. Онъ даже ни съ кѣмъ не простился, о чемъ вспомнилъ только на лѣстницѣ.

— Пожалуй, пойдемъ...—соглашался Сидоръ Карпычъ.

Вспышка у Мухина прошла такъ же быстро, какъ появилась. Конечно, онъ напрасно погорячился, но зачѣмъ Палачъ устраиваетъ посмѣшище изъ

сумасшедшаго человѣка? Пусть же онъ узнаетъ, что есть люди, которые думаютъ иначе. Пора имъ всѣмъ узнать то, чего не знали до нынѣшняго дня.

— Нѣтъ, каково онъ разговариваетъ, а? — удивлялся Палачъ, оглядываясь кругомъ.—Вотъ ужо Лука Назарычъ покажетъ ему человѣческое достоинство...

— Теперь ужъ поздно, ангелъ мой,—смѣялся исправникъ.

— Ничего, не мытьемъ, такъ катаньемъ можно донять,—поддерживалъ Овсянниковъ своего пріятеля, Чебакова. — Вѣдь какъ расхорохорился, проклятый французъ!.. Велика корысть, что завтра всѣ вольные будемъ: тотъ же Лука Назарычъ возьметъ да со службы и прогонитъ... Кому воля, а кому и хуже неволи придется.

— Ко мнѣ бы въ гору его послали, француза, такъ я бы ему показалъ!..—грозился Чебаковъ въ пространство.

— Да вѣдь онъ и бывалъ въ горѣ,—замѣтилъ Чермаченко.—Это еще при твоемъ родителѣ было, Никонъ Авдеичъ. Ужъ ты извини меня, а родителя-то тоже Палачомъ звали... Ну, тогда французъ нагрубилъ что-то главному управляющему, его сейчасъ въ гору, на шестидесяти саженяхъ работалъ... Я-то вѣдь все хорошо помню... Охъ-хо-хо... всячины бывало...

Скоро весь господскій домъ заснулъ, и только еще долго свѣтился огонекъ въ кабинетѣ Петра Елисѣича. Онъ все ходилъ изъ угла въ уголъ и снова переживалъ непріятную сцену съ Палачомъ. Сколько лѣтъ выдерживалъ, терпѣлъ, а тутъ соломинкой прорвало... Не слѣдовало горячиться, конечно, а все-таки есть человѣческое достоинство, чортъ возьми!..

Караульный Антипъ ходилъ вокругъ господскаго дома и съ особеннымъ усердіемъ колотилъ въ чугунную доску: нельзя, „служба требуетъ порядокъ“, а пусть Лука Назарычъ послушаетъ, какъ на Ключевскомъ сторожа въ доску звонятъ. Небось, на Мурмосѣ сторожа харчистые, подолгу спать любятъ. Антипъ былъ человѣкъ самолюбивый. Чтобы не задремать, Антипъ думалъ вслухъ:

— Эй, Антипъ, воля пришла... Завтра, братъ, всѣ вольные будемъ! Если бы тебѣ еще зубы новые дать на волѣ-то...

Старикъ Антипъ былъ изъ бѣглыхъ и числился въ разрядѣ непомнящихъ родства. Никто не помнилъ, когда онъ поселился на Ключевскомъ заводѣ, да и самъ онъ забылъ объ этомъ. Охъ, давно это было, какъ бѣжалъ онъ „изъ-подъ помѣщика“, подпаливъ барскую усадьбу, долго колесилъ по Россіи, побывалъ въ Сибири и наконецъ пристроился на Мурмосскихъ заводахъ, гдѣ принимали въ былое время всякихъ бѣглыхъ, какъ даровую рабочую силу. Припомнилъ Антипъ сейчасъ и свою Курскую губернію, и мазанки, и вишневые садочки, и тихія зори, и еще сердитѣе застучалъ въ свою доску, которая точно жаловалась, раскачиваясь въ рукѣ:

— Э, дураки, чему обрадовались: воля...

VI.

Ключевской заводъ принадлежалъ къ числу знаменитѣйшихъ Мурмосскихъ заводовъ, дача которыхъ своими сотнями тысячъ десятинъ залегла на самомъ перевалѣ средняго Урала. Съ запада на востокъ Мурмосская заводская дача растянулась больше чѣмъ на сто верстъ, да почти столько же по оси горнаго кряжа. Главную красоту дачи составляли еще сохранившіеся лѣса, а потомъ цѣлая сѣть глубокихъ горныхъ озеръ, соединявшихся протоками съ озерами

степными. Заводскій центръ составлялъ громадный Мурмосскій заводъ, расположившійся между двумя громадными озерами—Октылъ и Черчежъ. Свое названіе заводъ получилъ отъ глубокаго протока, соединяющаго между собой эти два озера. Дорога изъ Мурмосскаго завода въ Ключевской заводъ почти все время шла по берегу озера Черчежъ, а затѣмъ выходила на бойкую горную рѣчку Березайку. Ключевской заводъ помѣстился въ узлѣ трехъ горныхъ рѣчекъ—Урья, Сойга и Култымъ, которыя образовали здѣсь большой заводскій прудъ, а дальше шли уже подъ именемъ одной рѣки Березайки, вливавшейся въ Черчежъ. На восточномъ склонѣ такихъ горныхъ рѣчекъ, рѣчонокъ и просто ручьевъ—тысячи. Всѣ они въ жаркіе лѣтніе дни почти пересыхаютъ, но зато первый дождь заставляетъ ихъ весело бурлить и пѣниться, а весной послѣдняя безыменная рѣчонка надувалась, какъ будто настоящая большая рѣка, выступала изъ береговъ и заливала поемные луга. Живая горная вода сочилась изъ-подъ каждой горы, катилась по логамъ и уклонамъ, сливалась въ бойкія рѣчки, проходила черезъ озера и, повернувъ тысячи тяжелыхъ заводскихъ и мельничныхъ колесъ, вырывалась наконецъ на степной просторъ, гдѣ, какъ шелковыя ленты, ровно и свободно плыли красивыя степныя рѣки.

Въ прежнія времена, когда еще не было заводовъ, въ этихъ мѣстахъ прятались всего два раскольничьихъ выселка: на р. Березайкѣ стояли Ключи, да на р. Каменкѣ, сбѣгавшей по западному склону Урала, пристань Самосадка. Мѣсто было глухое, лѣса непроходимые, топи и болота. Осѣвшее здѣсь населеніе сбѣжалось на Уралъ изъ коренной Россіи, а потомъ пополнялось бѣглыми и непомнящими родства. Когда, въ срединѣ прошлаго столѣтія, эта полоса цѣликомъ попала въ однѣ крѣпкія руки, Ключи превратились въ Ключевской заводъ, а Самосадка такъ и осталась пристанью. Какъ первый заводъ въ дачѣ, Ключевской долго назывался старымъ, а Мурмосскій — новымъ, но когда были выстроены другіе заводы, то и эти названія утратили всякій смыслъ и постепенно забылись. „Фундаторомъ“ этого заводскаго округа былъ выходецъ изъ Балахны, какой-то промышленный человѣкъ по фамиліи Устюжанинъ. Когда впослѣдствіи эта фамилія вошла въ силу и добилась дворянства, то и самую фамилію перекрестили въ Устюжаниновыхъ. При старикѣ Устюжанинѣ въ Ключевскомъ заводѣ было не больше сотни домовъ. У только-что запруженной Березайки поставилась первая доменная печь, а къ ней прилаженъ былъ небольшой кирпичный корпусъ. Верстахъ въ двухъ ниже по теченію той же рѣки Березайки, на мѣстѣ старой чудской копи, выросъ первый мѣдный рудникъ Крутяшъ,—это былъ одинъ изъ лучшихъ мѣдныхъ рудниковъ на всемъ Уралѣ. Устюжаниновы повели заводское дѣло сильною рукой, а такъ какъ на Уралѣ въ то время рабочихъ рукъ было мало, то они охотно принимали бѣглыхъ раскольниковъ и просто бродягъ, тянувшихъ на Уралъ изъ далекой помѣщичьей „Рассеи“. Сами Устюжаниновы тоже считались по „старой вѣрѣ“, и это обстоятельство помогло быстрому заселенію дачи.

Если смотрѣть на Ключевской заводъ откуда-нибудь съ высоты, какъ, напримѣръ, вершина ближайшей къ заводу горы Еловой, то можно было залюбоваться открывавшеюся широкою горною панорамой. На западѣ громоздились и синѣли горы со своими утесистыми вершинами, а къ востоку мѣстность быстро понижалась широкимъ обрывомъ. Десятки озеръ глядѣли изъ зеленой рамы лѣса, какъ громадныя окна, связанныя протоками и рѣчками, какъ серебряными нитями. Въ самомъ Ключевскомъ заводѣ невольно бросалась въ глаза, прежде всего, расчлененность „жила“, раскидавшаго свои домишки по берегамъ трехъ рѣчекъ и заводскаго пруда. Первоначальное „жило“

расположилось на лѣвомъ крутомъ берегу рѣки Урьи, гдѣ она впадала въ Березайку. Утесистый берегъ точно былъ усыпанъ бревенчатыми избами, нораскольничьи: избы съ высокими коньками, маленькими окошечками и глухими, крытыми со всѣхъ сторонъ дворами. Эти почернѣвшія постройки кондоваго раскольничьяго „жйла“ были извѣстны подъ общимъ именемъ „Кержацкаго конца“.

Когда рѣка Березайка была запружена и три рѣки слились въ одинъ прудъ, заводскимъ центромъ сдѣлалась фабрика. Если итти изъ Кержацкаго конца по заводской плотинѣ, то на другомъ берегу пруда вы попадали прямо въ заводскую контору. Это было низкое деревянное зданіе съ мезониномъ, выкрашенное желтою краской; фронтонъ составляли толстыя бѣлыя колонны, какъ строились при Александрѣ I. Громадный дворъ конторы былъ занятъ конюшнями, гдѣ стояли „казенныя“ лошади, швальней, гдѣ шорники шили всякую сбрую, кучерской, машинной, гдѣ хранились пожарныя машины, и длиннымъ флигелемъ, гдѣ помѣщались аптека и больница. Машинная, кромѣ своего прямого назначенія, служила еще мѣстомъ заключенія и наказанія,—конюха, между прочимъ, обязаны были пороть виноватыхъ. Контора со всѣми принадлежавшими къ ней пристройками стояла уже на мысу, т.-е. занимала часть того угла, который образовали рѣчки Сойга и Култымъ. Отъ конторы шла по берегу пруда большая квадратная площадь. Господскій домъ стоялъ какъ разъ противъ конторы, а между ними въ глубинѣ площади тянулись каменные хлѣбные магазины. На другомъ концѣ площади на пригоркѣ красовался деревянный базаръ, а на самомъ берегу пруда стояла старинная деревянная церковь, совсѣмъ потонувшая въ мягкой зелени липъ и черемухъ. Отдѣльный порядокъ, соединявшій базаръ съ господскимъ домомъ, составляли такъ называемые „служительскіе дома“, гдѣ жили заводскіе служащіе и церковный причтъ.

Въ такомъ видѣ Ключевской заводъ оставался до тридцатыхъ годовъ. Заводское дѣйствіе расширялось, а заводскихъ рукъ было мало. Именно въ тридцатыхъ годахъ одному изъ Устюжаниновыхъ удалось выгодно пріобрѣсти двѣ большія партіи помѣщичьихъ крестьянъ, — одну въ Черниговской губерніи, а другую въ Тульской. Малороссы и великороссы были „пригнаны“ на Уралъ и попали въ Ключевской заводъ, гдѣ и заняли свободныя мѣста по р. Сойгѣ и Култыму. Такимъ образомъ образовались два новыхъ „конца“— Туляцкій на Сойгѣ и Хохлацкій—на Култымѣ. Новые поселенцы получили отъ кержаковъ обидное прозвище „мочеганъ“, а мочегане въ свою очередь окрестили кержаковъ „обушниками“. Разница въ постройкахъ сразу опредѣляла характеристику концовъ, особенно Хохлацкаго, гдѣ избы были поставлены кое-какъ. Туляки строились „на рассейскую руку“, а самые богатые сейчасъ же переняли всю кержацкую повадку, благо лѣсу кругомъ много. Хохлы селились какъ-то врозь, съ большими усадами, лицомъ къ рѣкѣ, а туляки осѣли гуще и къ рѣкѣ огородами.

Всѣхъ дворовъ въ трехъ концахъ насчитывали до тысячи, слѣдовательно населеніе достигало тысячъ до пяти, причемъ между концами оно дѣлилось неравномѣрно: Кержацкій конецъ занималъ половину, а другая половина дѣлилась почти поровну между двумя остальными концами.

Мы уже сказали, что въ двухъ верстахъ отъ завода открытъ былъ мѣдный рудникъ Крутяшъ. Сюда со всѣхъ заводовъ ссылали провинившихся рабочихъ, такъ что этотъ рудникъ служилъ чѣмъ-то въ родѣ домашней каторги. Попасть „въ мѣдную гору“, какъ мочегане называли рудникъ, считалось величайшею бѣдой, гораздо хуже, чѣмъ „огненная работа“ на фабрикѣ, не го-

воря уже о вспомогательныхъ заводскихъ работахъ, какъ поставка дровъ, утля и руды или перевозка вообще. Ссыльное населеніе постепенно образовало по теченію Березайки особый выселокъ, который получилъ названіе Пеньковки. Въ теченіе времени Пеньковка такъ разрослась, что крайними домишками почти совсѣмъ подошла къ Кержацкому концу, — ихъ раздѣлила только громадная дровяная площадь и чернѣвшіе угольные валы. Постройки въ Пеньковкѣ сгорожены были кое-какъ, потому что каждый строился на живую руку, пока что, да и народъ сошелся здѣсь самый нехозяйственный. Пеньковка славилась, какъ самое отчаянное мѣсто, поставлявшее заводскихъ конюховъ, поденщицъ на фабрику и рабочихъ въ рудникъ. Черезъ Пеньковку шла дорога на пристань Самосадку, которая была уже по ту сторону Урала. До нея считалось отъ Ключевского завода верстъ двадцать, хотя версты и мѣряли заводскіе приказчики. По дорогѣ въ Самосадку особенно сильное движеніе происходило зимой, когда на пристань везли „металлъ“, а съ пристани и изъ дальнихъ куреней—уголь и дрова.

Отдѣльно отъ всѣхъ другихъ построекъ стояла заимка старика Основы, приткнувшись на правомъ берегу р. Березайки, почти напротивъ Крутяша. Основа былъ кержакъ и слылъ за богатаго человѣка. Онъ первый расчистилъ лѣсъ подъ пашню и завелъ пчелъ; занимался онъ главнымъ образомъ рыболовствомъ на озерахъ, хоть эти озера и сдавались крупнымъ арендаторамъ, такъ что населеніе лишено было права пользоваться рыбой. Заимка Основы являлась какимъ-то таинственнымъ мѣстомъ, про которое ходило много разсказовъ. Старикъ жилъ крѣпко и рѣдко куда показывался, а попасть къ нему на заимку было трудно, — ее сторожила цѣлая стая злющихъ собакъ.

VII.

Послѣдняя крѣпостная ночь надъ Ключевскимъ заводомъ миновала.

Рано утромъ, еще совсѣмъ „на брезгу“, по дорогѣ съ пристани Самосадки, съ настоящими валдайскими колокольчиками подъ дугой, въ Ключевской заводъ весело подкатилъ новенькій троечный экипажъ съ поднятымъ кожанымъ верхомъ. По звону колокольчиковъ всѣ знали, что ѣдетъ Самойло Евтихычъ, первый заводскій богатей, проживавшій на Самосадкѣ,—онъ былъ изъ самосадскихъ „долгоспинниковъ“ и приходился Мухину какою-то дальнею родней. Изъ разбогатѣвшихъ подрядчиковъ Самойло Евтихычъ Груздевъ на Мурмосскихъ заводахъ представлялъ своею особой громадную силу: онъ отправлялъ заводскій караванъ по р. Каменкѣ, онъ владѣлъ десяткомъ лавокъ съ краснымъ товаромъ и, главное, онъ содержалъ кабаки по всѣмъ заводамъ. Обыкновенно Груздевъ останавливался на заимкѣ у старика Основы, но теперь его запыхавшаяся тройка въ наборной сбруѣ подъѣхала прямо къ господскому дому. Съ козелъ, не торопясь, слѣзъ здоровенный мужикъ, Матвѣй Гущинъ, первый борецъ по заводамъ, ѣздившій съ Груздевымъ въ качествѣ „обережного“.

Изъ экипажа самъ Груздевъ выскочилъ очень легко для своихъ пятидесяти лѣтъ и восьми пудовъ вѣса. Онъ схватилъ за плечо спавшаго Антипа и началъ его трясти.

— Развѣ такъ караулятъ господскіе дома, старый чортъ?—кричалъ онъ, довольный, что испугалъ старика.

— Лука Назарычъ здѣсь... — едва могъ проговорить Антипъ, напрасно стараясь освободиться изъ медвѣжьей лапы Груздева.—Онъ въ дому, а гости въ сарайной.

Это извѣстіе заставило Груздева утихнуть. Онъ по старой мужицкой привычкѣ провелъ всею ладонью по своему широкому бородатому лицу съ плутоватыми темными глазами, тряхнулъ головой и весело подумалъ: „А мы чѣмъ хуже другихъ?“ Съ заводскою администраціей Груздевъ сильно дружилъ и съ управителями былъ за панибрата, но Луки Назарыча побаивался старымъ рабьимъ страхомъ. Въ другое время онъ не посмѣлъ бы въѣхать во дворъ господскаго дома и разбудить „самого“, но теперь было все равно: сегодня Лука Назарычъ великъ, а завтра неизвѣстно, что̀ будетъ.

— Отворяй ворота, старый чортъ!—крикнулъ Груздевъ сторожу и сладко потянулся.

Одѣтъ былъ Груздевъ на господскую руку: верхнее „французское“ пальто изъ синяго драпа, подъ французскимъ пальто суконный черный сюртукъ, подъ сюртукомъ жилетъ и крахмальная сорочка, на головѣ мягкая дорожная шляпа,— однимъ словомъ, все форменно.

— Эй, Васюкъ, вставай! — будилъ Груздевъ мальчика лѣтъ десяти, который спалъ на подушкахъ въ экипажѣ счастливымъ дѣтскимъ сномъ. — Пора, братъ, а то я уѣду одинъ...

Эта угроза заставила подняться черноволосую головку съ заспанными красивыми глазами. Груздевъ вынулъ ребенка изъ экипажа, какъ перышко, и на рукахъ понесъ въ сарайную. Топанье лошадиныхъ ногъ и усталое позвякиваніе колокольчиковъ заставило выглянуть изъ кухни Домнушку и кучера Семку.

— Эку рань принесло гостей!.. — ворчала Домнушка, зѣвая и крестя ротъ.

— Ѣхалъ бы на заимку къ Основѣ, требушина этакая!—ругался Семка, соображая, что нужно итти принимать лошадей.

— Нѣтъ, Самойло Евтихычъ славный... — сонно проговорила Домнушка и, встряхнувшись, какъ курица, принялась за свою работу; квашня поспѣла, надо печку топить, потомъ коровъ отпустить въ пасево, а тамъ пора „хлѣбъ творить“, „мягки катать“ и къ завтраку какую-нибудь постряпёнку Лукѣ Назарычу налаживать.

Разбитная была бабенка, увертливая, какъ говорилъ Антипъ, и успѣвала управляться одна со всѣмъ хозяйствомъ. Горничная Картя спала въ комнатѣ барышни и благодаря этому являлась въ кухню часамъ къ семи, когда и самоваръ готовъ, и печка дотапливается, и скатанные хлѣбы „доходятъ“ въ деревянныхъ чашкахъ на полкахъ. Теперь Домнушка ругнула сонулю-хохлушку и принялась за работу одна.

Появленіе Груздева въ сарайной разбудило первымъ исправника, который крѣпко обругалъ ранняго гостя, перевернулся на другой бокъ, попытался-было заснуть, но сонъ былъ „переломленъ“, и ничего не оставалось, какъ подняться и еще разъ обругать долгоспинника.

— Куда торопишься ни свѣтъ ни заря?—обрушился на Груздева старикъ, охая отъ застарѣлыхъ ревматизмовъ.—Не безпокойся: твое и безъ того не уйдетъ.

— Кто рано встаетъ, тому Богъ подаетъ, Иванъ Семенычъ, — отшучивался Груздевъ, укладывая спавшаго на рукахъ мальчика на полу въ уголку, гдѣ кучеръ разложилъ дорожныя подушки. — Можно одинъ-то день и не поспать: немного такихъ дней насчитаешь. А я, между прочимъ, Домнушкѣ наказалъ самоварчикъ наставить... Вотъ оно сонъ-то какъ рукой и сниметъ. А это кто тамъ спитъ? А, конторская крыса, Овсянниковъ... Чего-то съ дороги поясницу разломило, Иванъ Семенычъ!

— Самосадскія старухи вылѣчатъ...

— И то кровь давно не отворялъ. Это ты вѣрно!

Домнушка знала свычаи Груздева хорошо, и самоваръ скоро появился въ сарайной. Туда же Домнушка уже сама притащила на сковородѣ только-что испеченную въ маслѣ пшеничную лепешку, какъ любилъ Самойло Евтихычъ: одинъ бочокъ подрумяненъ, а другой совсѣмъ пухлый.

— Такъ-то вотъ, ваше благородіе! — говорилъ Груздевъ, разливая чай по стаканамъ. — Приходится, видно, по-новому жить...

— Тебѣ-то большая печаль: новыя деньги загребать...

— Ну, это еще старуха надвое сказала, Иванъ Семенычъ. Въ глупой копейкѣ толку мало, а умная любитъ, чтобы ее умненько и брали... Ну что, какъ Лука-то Назарычъ?

— Какъ ночь темная...

— Такъ, такъ... Ндравный старикъ, характерный, а тутъ вдругъ: всякій самъ себѣ главный управляющій. У Луки-то Назарыча и со служащими короткій разговоръ: „Въ гору!“. Да... Вонъ какъ онъ Мухина-то прежде донималъ... На моихъ памятяхъ дѣло было, какъ онъ съ блендочкой *) въ гору по стремянкѣ лазилъ, даромъ что въ Парижѣ выучился. Трудно, пожалуй, будетъ старичку, то-есть Лукѣ Назарычу. По Рассеѣ-то давно воля прошла, Иванъ Семенычъ, а у насъ запозднилась немножко. Большое сумлѣніе для простого народу отъ этого было. Какъ ужъ они, то-есть мужики, все знаютъ— удивительно. Газетъ не читаютъ, постороннихъ людей не видятъ, а все имъ доподлинно извѣстно. Затянули волю на Мурмосѣ: апрѣль мѣсяцъ на дворѣ.

— Куда торопиться-то? Не такое дѣло... Торопятся, душа моя, только блохъ ловить. Да и не отъ насъ это самое дѣло зависитъ...

— Ну, да ужъ сколько ни ждали, а все-таки дождались.

Эти разговоры разбудили Овсянникова. Онъ всталъ недовольный и сердитый и, не умывшись, подсѣлъ къ самовару.

— Скоро семь часовъ... Ужъ какъ время-то катится!—удивлялся Груздевъ, вытаскивая изъ жилетнаго кармана массивные золотые часы.

— Да вонъ и попъ въ церковь побрелъ,—замѣтилъ исправникъ, заглядывая въ окно. — И денекъ славный выдался, солнышко такъ и жаритъ.

Овсянниковъ молча и сосредоточенно пилъ одинъ стаканъ чая за другимъ, вытиралъ свое зеленое лицо платкомъ и какъ-то исподлобья упорно смотрѣлъ на хозяйничавшаго Груздева.

— Что ты на меня уставился, какъ быкъ? — замѣтилъ тотъ, начиная чувствовать себя неловко.

— Да такъ... Денегъ, говорятъ, у тебя очень много, Самойло Евтихычъ, такъ вотъ и любопытно поглядѣть на богатаго человѣка.

— Завидно, что ли?.. Вѣдь не считали вы деньги-то у меня въ карманѣ...

— А вотъ, душа моя, Самойло-то Евтихычъ съ волей распыхается у насъ, — заговорилъ исправникъ и даже развелъ руками. — Тогда его и рукой не достанешь.

— По осени гусей считаютъ, Иванъ Семенычъ,—скромничалъ Груздевъ, очень польщенный такимъ вниманіемъ. — Наше такое дѣло: сегодня богатъ, все есть, а завтра въ трубу вылетѣлъ.

---

*) Блендой называется рудничная лампа, какую рабочіе прикрѣпляютъ къ поясу; стремянка—деревянная лѣстница, по которой спускаются въ шахты.

Прибѣжавшій Тишка шопотомъ объявилъ, что Лука Назарычъ проснулся и требуетъ къ себѣ Овсянникова. Послѣдній не допилъ блюдечка, торопливо застегнулъ на ходу сюртукъ и разбитою походкой, какъ опоенная лошадь, пошелъ за казачкомъ.

— Глиста!.. — проговорилъ Груздевъ вслѣдъ Овсянникову. — Такимъ бы людямъ и на свѣтъ лучше не родиться. Навѣрное, лежалъ и подслушивалъ, что̀ мы тутъ калякали съ тобой, Иванъ Семенычъ, потомъ въ уши Лукѣ Назарычу и надуетъ.

Груздевъ пожалѣлъ про себя, что не во̀-время развязалъ языкъ съ исправникомъ, но ужъ ничего не подѣлаешь. Сказанное слово не воробей: вылетитъ — не поймаешь.

VIII.

Ровно въ девять часовъ на церкви загудѣлъ большой колоколъ, и народъ толпами повалилъ на площадь. Изъ Туляцкаго и Хохлацкаго концовъ, какъ муравьи, ползли мужики, а за ними пестрѣли бабьи платки и сарафаны. Всевозможная дѣтвора скоро облѣпила всю церковную ограду, паперть и даже церковныя липы. Церковь была маленькая и не могла вмѣстить столько народа. А колоколъ гудѣлъ, разливая въ воздухѣ мѣрную, торжественную волну. Народъ столпился вездѣ. На базарѣ стояли въ своихъ жупанахъ и кожухахъ хохлы, у поповскаго порядка — туляки; бабы пестрою волнующеюся кучей ждали у церковной ограды. Старухи-хохлушки въ большихъ сапогахъ и выставлявшихся изъ-подъ жупановъ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ, съ длинными черемуховыми палками въ рукахъ, переходили площадь разбитою, усталою походкой, не обращая вниманія ни на кого. Худыя и тонкія, съ загорѣвшею, сморщенною кожей шеи, какъ у жаренаго гуся, замотанныя тяжелыми платками головы и сгорбленныя, натруженныя спины этихъ старухъ представляли рѣзкій контрастъ съ плотными и бѣлыми тулянками, носившими свои понитки въ накидку. Великорусскій типъ сказывался на старикахъ: важный и степенный народъ, съ такими открытыми лицами и бѣлыми патріархальными бородами.

Колоколъ все гудѣлъ, народъ прибывалъ, и на площади становилось тѣсно. Около заводской конторы и на крылечкѣ сидѣли служащіе и мелкая заводская сошка, а у машинной, гдѣ висѣлъ на высокомъ столбѣ мѣдный колоколъ, шушукалась и хихикала расцвѣченная толпа заводскихъ поденщицъ, вырядившихся въ ситцевые сарафаны, кумачные платки и станушки съ пестрыми подзорами. Тутъ были и хохлушки, и тулянки, и кержанки, но заводская поденщина давно сгладила всякую племенную разницу. Заводскіе конюха и пріѣхавшіе съ гостями кучера заигрывали съ этою веселою толпой, которая взвизгивала, отмахивалась руками и бросала въ конюховъ комьями земли. Кое-кто изъ мужиковъ насмѣлился подойти къ самому господскому дому. У воротъ стояли отдѣльною кучкой лѣсообъѣздчики и мастера въ дареныхъ господскихъ кафтанахъ изъ синяго сукна съ позументомъ по вороту и на полахъ.

Фабрика была остановлена, и дымилась одна доменная печь, да на мѣдномъ рудникѣ высокая зеленая желѣзная труба водокачки пускала густые клубы чернаго дыма. Въ общемъ движеніи не принималъ никакого участія одинъ Кержацкій конецъ,—тамъ было совсѣмъ тихо, точно всѣ вымерли. Въ Пеньковкѣ уже слышались пѣсни: оголтѣлые рудничные рабочіе успѣли напиться по рудниковой поговоркѣ: „кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ“.

На дворѣ господскаго дома у крыльца стоялъ выѣздной экипажъ, дожидавшійся „самого“. Лука Назарычъ еще не выходилъ изъ своей комнаты, а гости и свои служащіе ждали его появленія въ гостиной и переговаривались сдержаннымъ шопотомъ. Слышно было, какъ переминалась съ ноги на ногу застоявшаяся у крыльца лошадь, да какъ въ кухнѣ поднималась бабья трескотня: у Домнушки сидѣла въ гостяхъ пшикарка Рачителиха, красивая и хитрая баба, потомъ испитая старуха, надрывавшаяся отъ кашля, — мать Катри, заводская дурочка Парасковея-Пятница и еще какія-то звонкоголосыя заводскія бабенки. Маленькая Нюрочка занимала свой обычный постъ на лѣстницѣ и со страхомъ и любопытствомъ смотрѣла на дурочку, которая въ окошко плевала на дразнившаго ее Васю Груздева.

— Ты, балунъ, перестань...—уговаривала Домнушка мальчика и качала головой, когда тотъ показывалъ ей языкъ.

До десятка ребятишекъ, какъ воробьи, заглядывали въ ворота, а Вася жевалъ пряники и бросалъ имъ жвачку. Мальчишки гурьбой бросались на приманку и разсыпались въ сторону, когда Вася принимался колотить ихъ тонкою камышевою тросточкой; онъ плевалъ на Парасковею-Пятницу, ущипнулъ пробѣгавшую мимо Катрю, два раза пребольно поколотилъ Нюрочку, а когда за нее вступилась Домнушка, онъ укусилъ ей руку, какъ волчонокъ.

— У, озорникъ проклятый!.. — ругалась Домнушка и грозила мальчику своимъ кулакомъ. — Ужо вотъ скажу отцу-то.

— Ну, скажи, что ты круглая дура!—бойко отвѣчалъ мальчикъ и былъ совершенно счастливъ, что его слова вызывали сдержанный смѣхъ набравшейся во дворъ толпы:—у тебя и рожа глупая, какъ рѣшето!

Наконецъ показался и Лука Назарычъ, грузно усѣлся въ экипажъ и вмѣстѣ съ исправникомъ, нарядившимся въ мундиръ и бѣлыя перчатки, отправился въ церковь. За нимъ двинулись гурьбой остальные—Груздевъ, Овсянниковъ и самъ Мухинъ, который велъ за руку свою Нюрочку, разодѣвшуюся въ коротенькое желтенькое платьице и соломенную лѣтнюю шляпу съ полинявшими лентами. Дѣвочка бойко сѣменила маленькими ножками и боязливо оглядывалась назадъ, потому что Вася потихоньку отъ отца дергалъ ее за юбки. Отъ конторы къ нимъ присоединились заводскіе служащіе: цѣлая семья Подсѣдельниковыхъ и семья Чебаковыхъ, дозорные, уставщикъ Корнила, плотинный Евстигней, лѣсообъѣздчики и кафтанники. Трапезникъ Павелъ, худой, черноволосый тулякъ, завидѣвъ выѣзжавшій изъ господскаго дома экипажъ, ударилъ во вся, — онъ звонилъ отлично, съ замиравшими переходами, когда колокола чуть гудѣли, и громкими трелями, отъ которыхъ дрожала вся деревянная колокольня. Навстрѣчу заводской власти изъ церковной ограды показались зеленыя хоругви, ярко блеснули иконы, а за ними мѣрнымъ шагомъ двигался церковный причтъ въ полномъ праздничномъ облаченіи.

Поднятыя иконы несли все туляки, опоясанные черезъ плечо бѣлыми полотенцами. Вся площадь глухо замерла. Мѣсто для молебна было оцѣплено лѣсообъѣздчиками и пріѣхавшими съ исправникомъ казаками, которые гарцовали на своихъ мохноногихъ лошадкахъ и помахивали на напиравшую толпу нагайками.

Парчевой низенькій аналой служилъ центромъ. Передъ нимъ полукругомъ выстроились иконы; хоругви колыхались на высокихъ древкахъ по бокамъ. Старичокъ-дьяконъ, откашлявшись, провозгласилъ ектенію, а ему отвѣтилъ цѣлый хоръ съ дьячкомъ Евгеньичемъ во главѣ. Пѣли свои заводскіе служащіе, какъ фельдшеръ Хитровъ, учитель Агапъ Горбатый, заводскій надзиратель Ястребокъ, рудничный надзиратель Ефимъ Андреичъ и цѣловальникъ

Рачитель. Косынались дождемъ усердные кресты, головы наклонились, какъ подъ напоромъ вѣтра стелются лоснящеюся волной спѣлые колосья на нивѣ. Лука Назарычъ стоялъ впереди всѣхъ, сумрачный и желтый. Онъ старался не смотрѣть кругомъ и откладывалъ порывистые кресты, глядя на одну старинную икону, — раскольникамъ подъ открытымъ небомъ позволяется молиться старинными писанными иконамъ, какія выносятъ изъ православныхъ церквей. Около него стояла Нюрочка и все оглядывалась на отца, который, наклонившись къ ней, сдавленнымъ отъ слезъ голосомъ шепталъ ей:

— Нюрочка, молись Богу...

Мухинъ еще дорогой подхватилъ дочь на руки и, горячо поцѣловавъ въ щеку, шепнулъ на ухо:

— Нюрочка, помни этотъ день: другого такого дня не будетъ... Молись хорошенько Богу, твоя дѣтская чистая молитва дойдетъ скорѣе нашей.

Нюрочка все смотрѣла на свѣтлыя пуговицы исправника, на трясущуюся голову дьячка Евгеньича съ двумя смѣшными косичками, вылѣзавшими изъ-подъ засаленнаго ворота стараго нанковаго подрясника, на молившійся со слезами на глазахъ народъ и казачьи нагайки. Вотъ о. Сергѣй началъ читать прерывавшимся голосомъ евангеліе о трехдневномъ Лазарѣ, потомъ дьячокъ Евгеньичъ унило запѣлъ: „Тебѣ Бога хвалимъ“... Потомъ все затихло. О. Сергѣй обернулся лицомъ къ Лукѣ Назарычу, вынулъ изъ-подъ ризы свернутую вчетверо бумагу, развернулъ ее своими бѣлыми руками и внятно началъ читать манифестъ: „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, русскій народъ...“ Глубокая тишина воцарилась кругомъ. Многіе стояли на колѣняхъ. Какая-то старушка-тулянка припала головой къ землѣ, и видно было, какъ вздрагивало у ней все тѣло отъ подавленныхъ глухихъ рыданій. Дурачокъ Терешка стоялъ около дьячка и сердито смотрѣлъ кругомъ. На лѣвой, бабьей сторонѣ мелькала простоволосая голова Парасковеи-Пятницы. Въ кучкѣ служащихъ виднѣлись красныя заплаканныя лица. Старикъ-запасчикъ стоялъ на колѣняхъ и, откладывая широкіе кресты, благочестиво качалъ головой, точно онъ хотѣлъ запомнить каждое слово манифеста.

Великая и единственная минута во всей русской исторіи свершилась... Освобожденный народъ стоялъ на колѣняхъ. Многіе плакали навзрыдъ. По загорѣлымъ старымъ мужицкимъ лицамъ катились крупныя слезы, плакалъ батюшка о. Сергѣй, когда начали прикладываться ко кресту, а Мухинъ закрылъ лицо платкомъ и ничего больше не видѣлъ и не слышалъ. Груздевъ старался спрятать свое покраснѣвшее отъ слезъ лицо, и только одинъ Палачъ сурово смотрѣлъ на взволнованную и подавленную величіемъ совершившагося толпу своими красивыми темными глазами.

Солнце ярко свѣтило, обливая смѣшавшійся кругомъ аналоя народъ густыми золотыми пятнами. Зеленыя хоругви качались, высоко поднятыя иконы горѣли на солнцѣ своею позолотой, изъ кадила дьякона синеватою кудрявою струйкой поднимался быстро таявшій въ воздухѣ дымокъ, и слышно было, какъ, раскачиваясь въ рукѣ, позванивало оно мѣдными колечками.

— Иванычи, Господи помилуй идетъ!—вскрикивалъ Терешка, становясь въ головѣ обратной процессіи.

Сейчасъ послѣ молебна Лука Назарычъ отправился въ Мурмосъ. Онъ даже не зашелъ въ комнату. Съ нимъ рядомъ сидѣлъ красавецъ Палачъ. Опять звонко завылъ „фалетуръ“, и бѣшеная пятерка полетѣла черезъ мостъ по мурмосской дорогѣ. Исчезавшее впереди облачко пыли показывало слѣдъ угнавшихъ впередъ заводчиковъ. За экипажемъ главнаго управляющаго въ видѣ почетнаго конвоя скакали лѣсообъѣздчики, погромыхивая своими лядун-

ками. Въ это время исправникъ объяснилъ столпившимся около него мужикамъ, что нужно составлять уставную грамоту, выбирать старшину и т. д. Черезъ заводскую плотину валила на площадь густая толпа раскольниковъ,—тронулся весь Кержацкій конецъ, чтобы послушать, какъ будетъ читать царскій манифестъ не попъ, а самъ исправникъ.

IX.

Съ отъѣздомъ Луки Назарыча весь Ключевской заводъ вздохнулъ свободнѣе, особенно господскій домъ, контора и фабрика. Конечно, волю объявили,—отлично, а все-таки кто его знаетъ... Груздевъ отвелъ Петра Елисѣича въ кабинетъ и тамъ допрашивалъ:

— Зачѣмъ такъ скоро угналъ Лука-то Назарычъ? Даже въ горницы не зашелъ...

— Право, не знаю... Вообще онъ такой недовольный и озлобленный.

— Отошла, видно, пора, вотъ и злится.

Господскій домъ былъ переполненъ народомъ. Заводскій людъ по привычкѣ льнулъ къ нему, полный недоумѣнія и смутныхъ вопросовъ. Любопытные заглядывали въ окна, другіе продирались во дворъ, гдѣ на особомъ положеніи чинно сидѣли на деревянныхъ скамьяхъ кафтанники, кричные мастера и особенно почтенные старики. Всю лѣстницу и переднюю заняли лѣсообъѣздчики и такіе служащіе, какъ дозорный Самоварникъ и „Сестры“, уставщикъ Корнила и плотинный Евстигней. Между ними толкался доменный мастеръ Никитичъ, который всегда что-нибудь бормоталъ, какъ было и теперь.

— Родимые мои, слава Тебѣ, Господи... Ну, и народичку понаперло: здорово! Эхъ, родимые вы мои...

Заводскіе служащіе дожидались приглашенія въ конторѣ и пришли въ господскій домъ двумя партіями: сначала пришли Подсѣдельниковы, а за ними Чебакова родня. Мужики снимали шляпы и шапки, а Никитичъ какъ-то по-бабьи причиталъ: „Благодѣтели, родимые... Ефиму Андреичу нижайшее... Ахъ, голубь ты нашъ сизокрылый“... Служащіе кланялись и степенно проходили въ „горницы“, гдѣ ихъ встрѣчалъ Петръ Елисѣичъ. Эти двѣ фамиліи заводскихъ служащихъ враждовали между собой съ испоконъ вѣку и теперь сошлись вмѣстѣ въ полномъ своемъ составѣ, кажется, еще въ первый разъ. Во главѣ фамиліи Чебаковыхъ стояли мѣднорудянскій надзиратель старичокъ Ефимъ Андреичъ и Палачъ, а во главѣ Подсѣдельниковыхъ—заводскій надзиратель Ястребокъ; первые съ испоконъ вѣку обращались главнымъ образомъ около мѣднаго рудника Крутяша, а вторые—на фабрикѣ и въ заводской конторѣ, хотя и встрѣчались перебѣжчики. Были служащіе, какъ фельдшеръ Хитровъ или учитель Агапъ Горбатый, которые не принадлежали ни къ той ни къ другой партіи: фельдшеръ пріѣхалъ изъ Мурмоса, а учитель вышелъ изъ мочеганъ. Всѣ они были крѣпостные.

Отдѣльно держались пріѣзжіе, какъ своего рода заводская аристократія, Овсянниковъ, Груздевъ, исправникъ, старикъ Основа и о. Сергѣй. Къ нимъ присоединились потомъ Ефимъ Андреичъ и Ястребокъ. Основа, плечистый и широкій въ кости старикъ, держалъ себя совершенно свободно, какъ свой человѣкъ. Онъ степенно разглаживалъ свою сѣдую, окладистую бороду и вполголоса разговаривалъ больше съ Груздевымъ. Въ своемъ раскольничьемъ полукафтанѣ, съ подстриженными въ скобку волосами, Основа рѣзко выдѣлялся изъ остальныхъ гостей.

— Ну, господа, теперь можно и выпить,—предлагалъ Мухинъ, стараясь занимать своихъ гостей.

— Тотъ не добрый человѣкъ, хто не нье горілки, — поддерживалъ его отдыхавшій послѣ молебна исправникъ.

Домнушка, Катря и казачокъ Тишка выбивались изъ силъ: нужно было приготовить два стола для панòвъ, а тамъ еще столъ въ сарайной для дозорныхъ, плотиннаго, уставщиковъ и кафтанниковъ, самый большой столъ для лѣсообъѣздчиковъ и мастеровъ во дворѣ. Послѣ первыхъ рюмокъ на Домнушку посыпался цѣлый рядъ непрошенныхъ любезностей, такъ что она отбивалась даже ногами, особенно когда пробѣгала черезъ крыльцо мимо лѣсообъѣздчиковъ.

Больше всѣхъ надоѣдалъ Домнушкѣ гонявшійся за ней по пятамъ Вася Груздевъ, который толкалъ ее въ спину, щипалъ и все старался подставить ногу, когда она тащила какую-нибудь посуду. Этотъ „пристанской разбойникъ“, какъ окрестила его прислуга, вообще всѣмъ надоѣлъ. Когда ему наскучило дразнить Сидора Карпыча, онъ приставалъ къ Нюрочкѣ, и бѣдная дѣвочка не знала, куда отъ него спрятаться. Она спаслась только тѣмъ, что ушла за отцомъ въ сарайную. Петръ Елисѣичъ, по обычаю, долженъ былъ поднести всѣмъ по стакану водки „изъ своихъ рукъ“.

— Родимый мой, Петръ Елисѣичъ,—причиталъ Никитичъ, уже успѣвшій гдѣ-то хлебнуть.—Родимый мой, дай я тебя поцѣлую отъ желань-сердца.

— А ты ужъ успѣлъ клюкнуть?—удивлялся Петръ Елисѣичъ.

— Да вѣдь, родимый мой, Петръ Елисѣичъ... а-ахъ, голубь ты нашъ сизокрылый! Вѣдь однова намъ волю-то справить, а другой не будетъ...

— Смотри, чтобы козла*) въ домну для праздника не посадить.

— Я? А-ахъ, родимый ты мой... Да я какъ родную мать ее стерегу, доменку-то свою. А ты ужъ намъ изъ своихъ рукъ подай, голубь.

Петръ Елисѣичъ наливалъ стаканы, а Нюрочка подавала ихъ по очереди. Дѣвочка была счастлива, что могла принять наконецъ дѣятельное участіе въ этой церемоніи, и съ удовольствіемъ слѣдила, какъ стаканы быстро выпивались, лица веселѣли, и вездѣ поднимался смутный говоръ, точно закипала приставленная къ огню вода.

Предобѣденная закуска развязала языки и въ господскомъ домѣ, гдѣ тоже всѣ замѣтно оживились.

— Теперь я... ежели, напримѣръ, я двадцать пять лѣтъ, по два раза въ сутки, изо дня въ день въ шахту спускался, — ораторствовалъ старикъ Ефимъ Андреичъ, размахивая руками.—Какая мнѣ воля, ежели я къ ненастью поясницы не могу разогнуть?

Старикъ Чебаковъ принадлежалъ къ типу крѣпостныхъ заводскихъ служащихъ фанатиковъ. Онъ точно родился въ своемъ мѣдномъ рудникѣ. Желтый и сгорбленный, съ кривыми короткими ногами, съ остриженными подъ гребенку, сѣрыми отъ сѣдины волосами и узкими, глубоко посаженными глазками, онъ походилъ на крота. Рудниковые рабочіе боялись его, какъ огня, потому что онъ на два аршина подъ землей видѣлъ все. Служащіе уважали его, какъ отчаяннаго „дѣлягу“, и охотно теперь слушали, сбившись въ кучку. О волѣ точно боялись говорить, — кто знаетъ, что̀ еще будетъ? — а старики грустно вздыхали: можетъ, и хуже будетъ.

Обѣдъ начался очень весело, и на время всѣ забыли про свои личные счеты и мелкія недоразумѣнія. Незамѣтно сгладилась даже разница, раздѣлявшая ключевскихъ служащихъ отъ пріѣзжихъ. Нюрочка сидѣла около отца и

*) „Посадить козла“ на заводскомъ жаргонѣ значитъ остудить доменную печь, когда въ ней образуется застывшая масса изъ чугуна, шлаковъ и угля.

слушала, что говорятъ другіе. Ей было весело безотчетно, потому что веселились другіе. Особенно смѣшилъ ее исправникъ Иванъ Семенычъ, который то пугалъ ее козой, то дѣлалъ изъ салфетки зайчика и даже кудахталъ по-индюшечьи. Только въ разгарѣ обѣда, когда всѣ окончательно развеселились, произошелъ непріятный случай. Захмелѣвшій Овсянниковъ ни съ того ни съ чего началъ придираться къ Ивану Семенычу. Сначала старикъ отшучивался, а потомъ покраснѣлъ.

— Эти хохлы—упрямые черти,—продолжалъ Овсянниковъ.

Петръ Елисѣичъ заговорился съ Груздевымъ и не успѣлъ предупредить непріятности.

— Не упрямѣе другихъ,—отвѣчалъ Иванъ Семенычъ.

— А какъ ты отпоролъ Сидора Карпыча тогда, а?—приставалъ Овсянниковъ.—Ну-ка, разскажи?

— И тебя бы отпоролъ, ежели бы ты такъ же сдѣлалъ.

— Да ты разскажи, какъ дѣло было!..

— Ничего не было... Тогда я еще только на службу поступилъ въ Мурмосъ, а Сидоръ Карпычъ съ Петромъ Елисѣичемъ изъ-за границы пріѣхали. Ну, Сидоръ Карпычъ—свой хохолъ, въ гостяхъ другъ у друга бывали, всякое прочее, да. А потомъ Сидоръ Карпычъ нагрубилъ Лукѣ Назарычу, а Лука Назарычъ посылаетъ его ко мнѣ. Ну что я буду дѣлать съ нимъ? Знакомый человѣкъ, хлѣбъ-соль водили,—ну, я ему и говорю: „Сидоръ Карпычъ, теперь ты будешь бумаги въ правленіе носить“, а онъ мнѣ: „Не хочу!“. Я его посадилъ на три дня въ темную, а онъ свое: „Не хочу!“. Что же было мнѣ съ нимъ дѣлать? Онъ меня подводилъ... Другихъ я за это поролъ и его долженъ былъ отпороть. Служба. Для себя онъ заграничный, а для меня крѣпостной.

Сидоръ Карпычъ сидѣлъ тутъ же за столомъ и равнодушно слушалъ разсказъ Ивана Семеныча. Кто-то даже засмѣялся надъ добродушнымъ объясненіемъ исправника, но въ этотъ моментъ Нюрочка дико вскрикнула и, блѣдная, какъ полотно, схватила отца за руку.

— Нюрочка, что съ тобой?—разспрашивалъ Петръ Елисѣичъ, съ недоумѣніемъ глядя на всѣхъ.

— Папа... папочка...—шептала дѣвочка, заливаясь слезами,—Иванъ Семенычъ дрянной, онъ высѣкъ Сидора Карпыча...

Петръ Елисѣичъ на рукахъ унесъ истерически рыдавшую дѣвочку къ себѣ въ кабинетъ и здѣсь долго отваживался съ ней. У Нюрочки сдѣлался нервный припадокъ. Она и плакала, и цѣловала отца, и, обнимая его шею, все повторяла:

— Папочка, миленькій, мнѣ страшно... я боюсь... зачѣмъ Иванъ Семенычъ дрянной?

Что могъ объяснить Петръ Елисѣичъ чистой дѣтской душѣ, когда этотъ случай былъ каплей въ морѣ крѣпостного заводскаго зла?

— Теперь всѣ свободные, дѣточка,—шепталъ онъ, вытирая своимъ платкомъ заплаканное лицо Нюрочки и не замѣчая своихъ собственныхъ слезъ.—Это было давно и больше не будетъ...

Оставивъ съ Нюрочкой горничную Катрю, Петръ Елисѣичъ вернулся къ гостямъ. Радостный день былъ для него испорченъ этимъ эпизодомъ: въ душѣ поднялись старыя воспоминанія. Иванъ Семенычъ старался не смотрѣть на него.

X.

По улицамъ вездѣ бродилъ народъ. Изъ Самосадки наѣхали пристановляне, и въ Кержацкомъ концѣ точно открылась ярмарка, хотя пьяныхъ и не было видно, какъ въ Пеньковкѣ. Кержаки кучками проходили черезъ плотину къ заводской конторѣ, прислушивались къ веселью въ господскомъ домѣ и возвращались назадъ; по глухо застегнутымъ на мѣдныя пуговицы полукафтаньямъ старинаго покроя и низенькимъ валенымъ шляпамъ съ широкими полями этихъ кержаковъ можно было сразу отличить въ толпѣ. Крѣпкій и прижимистый народъ, не скажетъ слова спроста.

Изъ гулявшей Пеньковки веселье точно перекинулось въ Хохлацкій конецъ: не вытерпѣли старики и отправились „подъ горку“, гдѣ стоялъ единственный кабакъ Дуньки Рачителихи. Да и какъ было сидѣть по хатамъ, когда такъ и тянуло разузнать, что̀ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, а гдѣ же это можно было получить, какъ не въ Дунькиномъ кабакѣ? Многіе видѣли, какъ туда уже прошелъ дьячокъ Евгеньичъ, потомъ изъ господскаго дома задами прокрался караульщикъ Антипъ, завертывала на минутку проворная Домнушка и подвалила цѣлая гурьба загулявшихъ мастеровъ, отправившаяся съ угощенія изъ господскаго дома допивать на свои. Дунькинъ кабакъ былъ замѣчательнымъ мѣстомъ въ исторіи Ключевского завода, какъ связующее звено между тремя концами. Общая работа на фабрикѣ или въ рудникѣ не сближала въ такой степени, какъ галдѣнье у кабацкой стойки. Любопытно было то, что теперь изъ кабака не погонитъ дозорный, какъ бывало раньше: хоть умри у стойки. Рудниковые пріѣзжали въ кабакъ верхомъ и забирали вино. Другіе просто пришли потолкаться на народѣ и „послухать“, что̀ „гуторятъ добрые люди“. Низенькое, бревенчатое зданіе кабака точно присѣло къ землѣ, выкинувъ къ дорогѣ гостепріимное крылечко, надъ которымъ, вмѣсто вывѣски, была прибита небольшая елочка съ покраснѣвшею хвоей. Часть кабацкой публики столпилась около этого крылечка, потому что въ кабакѣ было ужъ очень людно и не вдругъ пробьешься къ стойкѣ, у которой ловко управлялась сама Рачителиха, видная и гладкая баба въ кумачномъ сарафанѣ.

У стойки бесѣдовали самъ Рачитель, вихлястый мужикъ въ красной рубахѣ, и дьячокъ Евгеньичъ. Оба уже были замѣтно навеселѣ, и Рачителиха посматривала на нихъ очень недружелюбно. Старички постепеннѣе заняли лавки около стѣнъ и вслухъ толковали про свои дѣла. Дверь была открыта, и новые гости входили и выходили сплошною толпой. Два маленькихъ оконца едва освѣщали эту галдѣвшую толпу; въ воздухѣ висѣлъ табачный дымъ и дѣлалось жарко, какъ въ банѣ. Небольшая захватанная дверка вела изъ-за стойки въ слѣдующую комнату, гдѣ помѣщалась вся домашность кабацкой семьи, а у цѣловальничихи было шестеро ребятъ и меньшенькій еще ползалъ по полу. Приходившіе гости почище забирались въ эту комнату, а также и знакомые.

— Обезножила, поди, Дунюшка?—спрашивала Домнушка цѣловальничиху участливымъ тономъ.

— Ужъ и то смаялась... А Рачитель мой вонъ съ дьячкомъ кампанію завелъ да съ учителемъ Агапомъ. Нѣту на нихъ пропасти, на окаянныхъ!

Рачителиха знала, зачѣмъ прилетѣла Домнушка: изъ господскаго дома въ кабакъ прошелъ кричный мастеръ Спирька Гущинъ, первый красавецъ, котораго шустрая стряпка давно подманивала и теперь изъ-за косячка поглядывала на него масляными, улыбавшимися глазами.

— Мало тебѣ машинной-то, ненытые твои глаза?—попрекнула Рачителиха гостью.—У Спирьки своихъ кержанокъ много.

— А тебѣ завидно?

Красавецъ Спирька, польщенный заигрываньемъ Домнушки, выпилъ лишній стаканъ водки, молодцовато крякнулъ и проворчалъ:

— Ишь, мочеганки лупоглазыя!.. Эй, Домна, выходи, я тебѣ одно словечко скажу. Чего спряталась, какъ тараканъ?

— Ступай къ своимъ обушницамъ, нечего зубы-то мыть,—огрызалась Домнушка, вызывающе хихикая.

— Хошь стаканчикъ бальзану?—предлагалъ Спирька.

— Отойди, грѣхъ... Вотъ еще навязался человѣкъ, какъ короста!

— Н-но-о?.. Брысь, мочеганка!.. Но, бальзану хошь?

Домнушка поломалась для порядку и выпила. Очень ужъ ей нравился чистякъ-мастеръ, на котораго дѣвки изъ Кержацкаго конца всѣ глаза проглядѣли.

Рачитель потащилъ дьячка и учителя въ комнату, гдѣ ревѣли позабытые ребятишки.

— У, прощелыги!..—обругала цѣловальничиха гостей вдогонку.

Худой, изможденный учитель Агапъ, въ казинетовомъ пальтишкѣ и дырявыхъ сапогахъ, добылъ изъ кармана кошелекъ съ деньгами и послалъ Рачителя за новымъ полуштофомъ: „пировать, такъ пировать, а тамъ пусть дома жена ѣстъ, какъ ржавчина“. Съ этою счастливою мыслью были согласны Евгеньичъ и Рачитель, какъ люди опытные въ житейскихъ дѣлахъ.

— Однова она, воля-то наша, прилетѣла...—говорилъ Рачитель, возвращаясь съ полуштофомъ.—Вонъ какъ народъ поворачиваетъ съ радости: скоро новую бочку починать... Агапъ, а батька своего видѣлъ? Тоже въ кабакъ прибрелъ, вмѣстѣ съ старымъ Ковальчукомъ... Загуляли старики.

— А ну ихъ!—отмахивался учитель костлявою рукой.—Развѣ они что могутъ понимать?.. Необразованные люди...

Дѣйствительно, въ углу кабака, на лавочкѣ, примостились старикъ-хохолъ Дорохъ Ковальчукъ и старикъ-тулякъ Титъ Горбатый. Хохолъ былъ широкій въ плечахъ старикъ, съ цѣлою шапкой сѣдыхъ волосъ на головѣ и маленькими сѣрыми глазками; несмотря на теплое время, онъ былъ въ полушубкѣ, или, по-хохлацки, въ кожухѣ. Рядомъ съ нимъ Титъ Горбатый выглядѣлъ сморчкомъ: низенькій, сгорбленный, съ бородкой клинышкомъ и длинными худыми руками, мотавшимися, какъ деревянныя.

— И что тилько будетъ?—повторялъ Титъ Горбатый, набивая носъ табакомъ.—Ты, Дорохъ, какъ своею, этово-тово, головой полагаешь, а?

— Та я такочки вгадаю: чи були паны и будуть, чи були мужики и зостануться... Така въ мене голова, Титъ.

— А ты неладно, Дорохъ... нѣтъ, неладно! Теперь надо такъ говорить, этово-тово, что всякій о своей головѣ промышляй... вѣрно. За бариномъ жили—баринъ промышлялъ, а теперь самъ доходи... Вотъ оно куда пошло!... Теперь вотъ у меня пять сыновъ—пять заботъ.

— Нашелъ заботу, Титъ... ха-ха!.. Одна дѣвка стоитъ пятерыхъ сыновъ... Повырастаютъ большіе, батьку и замѣна. Повертай, якъ хто хоче... Нэхай имъ, сынамъ. Була бы своя голова у каждаго... Вотъ якъ кажу тоби, старый.

— Старичкамъ наше почтеніе!—здоровался съ нимъ дозорный Самоварникъ.—Чего ворожите, старички?

— А такъ, Полуехтъ, промежду себя балакаемъ,—уклончиво отвѣчалъ

Титъ, недолюбливавшій пустого человѣка.—То то̀, то другое... Одинъ говòритъ, а другой слухаетъ, всего и работы...

— Вѣрно, старички... вѣрно, родимые.

Самоварникъ осмотрѣлъ кабацкую публику, уткнулъ руки въ бока, такъ что черный халатъ изъ тонкаго сукна болтался назади, какъ хвостъ, и, наклонивъ свое „шадривое“ лицо съ вороватыми глазами къ старикамъ, проговорилъ вполголоса:

— Вотъ что̀, старички, родимые мои... Прожили вы на свѣтѣ долго, всего насмотрѣлись, а скажите мнѣ такую штуку: кто теперь будетъ у насъ на фабрикѣ робить, а?

Старики переглянулись, посмотрѣли на Полуехта, извѣстнаго заводскаго враля, и одновременно почесали въ затылкахъ: имъ эта мысль еще не приходила въ голову.

— А кто въ гору полѣзетъ?—не унимался Самоварникъ, накрепивая новенькій картузъ на одно ухо.—Ха-ха!.. Вотъ оно въ чемъ дѣло-то, родимые мои... Такъ, Дорохъ?

— Пранци твоему батьку, якое слово вывернулъ!—добродушно удивлялся Ковальчукъ и опять смотрѣлъ на Тита.—Уси запануемъ, а хто буде робить?

— Да меня на веревкѣ теперь на фабрику не затащишь!—оралъ Самоварникъ, размахивая руками.—Самъ большой—самъ маленькій, и близко не подходи ко мнѣ... А фабрика стой, рудникъ стой... Ха-ха!.. Я въ лавку къ Груздеву торговать сяду, заведу сапоги со скрипомъ.

Около Самоварника собралась цѣлая толпа, что̀ его еще больше ободрило. Что̀ же, пустой онъ человѣкъ а все-таки и пустой человѣкъ можетъ хорошимъ словомъ обмолвиться. Кто, въ самомъ дѣлѣ, пойдетъ теперь въ огненную работу или полѣзетъ въ гору? Весь кабакъ загалдѣлъ, какъ пчелиный улей, а Самоварникъ оралъ пуще всѣхъ и даже ругалъ неизвѣстно кого.

— Да, оно точно что тово...—повторялъ Титъ Горбатый, ошеломленный общимъ галдѣньемъ.—Оно дѣйствительно... Какъ ты думаешь, Дорохъ?

— А кажу бісова сына этому выворотню, Титъ... Оно такъ!.. Пидемъ та и потягнемъ горілки, Титъ, бо въ мене голова якъ гарбузъ.

XI.

— Казакъ иде... шире дорогу!—кричалъ голосъ на улицѣ.

— Ото дурень, Терешка мой...—самодовольно говорилъ старикъ Ковальчукъ, толкая локтемъ Тита Горбатаго.—Такой уродивсь: дурня не выпрямишь.

Горбатый посмотрѣлъ на пріятеля слезившимися глазами и покачалъ головой.

— Бачъ, якъ разщирився мой козакъ... го!..—радовался Ковальчукъ, заглядывая въ двери.—Запорожецъ, кажу бісова сына... Гей, Терешка!.. А батька не побачивъ, бісова дітына?

Къ старикамъ протолкался приземистый хохолъ Терешка, старшій сынъ Дороха. Онъ былъ въ кумачной красной рубахѣ; новенькій чекмень, накинутый на одно плечо, тащился полой по землѣ. Смуглое лицо съ русою бородкой и карими глазами было бы красиво, если бы его не портилъ открытый пьяный ротъ.

— А, это ты, батько!..—проговорилъ Терешка пошатываясь.—А я, батько, въ козаки... запорожецъ... Чи нэма въ васъ, тату, горілки?

— Ото такъ, сынку... Доходи ближе, вже жъ покажу тоби, пранцеватому, батькову горілку!.. Якъ потягну за чупрыну, тогда и будешь козакъ.

Терешка махнулъ рукой, повернулся на каблукахъ и побрелъ къ стойкѣ. Съ нимъ пришелъ въ кабакъ степенный, сѣдобородый старикъ-тулякъ Дѣянъ, извѣстный по всему заводу подъ названіемъ Поперешнаго,—онъ всегда шелъ поперекъ міру и теперь высматривалъ кругомъ, къ чему бы „почипляться“. Завидѣвъ Тита Горбатаго, Дѣянъ поздоровался съ нимъ и, мотнувъ головой на галдѣвшаго Терешку, проговорилъ:

— Вотъ они, эти хохлы какіе: батьковъ въ грошъ не ставятъ, а?.. Ты, Дорохъ, какъ полагаешь, порядокъ это, али нѣтъ?

— Якого же тебѣ порядка треба?—удивлялся Дорохъ.

— Вотъ ты и толкуй съ ними...—презрительно замѣтилъ Дѣянъ, не отвѣчая хохлу.—Отецъ въ кабакъ—и сынъ въ кабакъ, да еще Терешка же передъ отцомъ и величается. Нашимъ ребятамъ повадку даютъ... Пришелъ бы мой сынъ въ кабакъ, да я бы изъ него цѣлую сажень дровъ сдѣлалъ!

— Вѣрно... Это ты вѣрно, Дѣянъ, этово-тово,—соглашался Титъ Горбатый.—Надо порядокъ въ дому, чтобы острастка... Не надо баловать парней. Это ты вѣрно, Дѣянъ... Слабый народъ—хохлы, у нихъ никакихъ порядковъ въ дому не полагается, а, значитъ, родители совсѣмъ ни въ грошъ. Вотъ Дорохъ съ Терешкой же и разговариваетъ, этово-того, замѣсто того, чтобы взять орясину да Терешку орясиной.

— Да за волосья!—добавлялъ Дѣянъ, дѣлая правою рукой соотвѣтствующее движеніе.—Да по зубамъ!

— Можно и по зубамъ,—соглашался Титъ.

— Одною рукой за волосья, а другою въ зубы,—вотъ тебѣ и будетъ твой сынъ, а то... тьфу!.. Глядѣть-то на нихъ одинъ срамъ.

— Одчепись, глиндра!—ругался старый Ковальчукъ, возмущенный назойливостью Дѣяна.—Поперешный человікъ... Побачимо, що-то зъ вашихъ сыновъ буде, а наши до насъ зостануться: свое лихо.

Эта размолвка стариковъ прекратилась сейчасъ же, какъ Дѣянъ отошелъ къ стойкѣ и присталъ къ Самоварнику.

— Другъ ты мнѣ или нѣтъ, Дѣянъ?—лѣзъ обниматься къ нему подгулявшій дозорный.—Родимый мой, вкусимъ по единой.

— Чему ты обрадовался!—отталкивалъ его Дѣянъ.—Воля намъ, православнымъ, вышла, а кержаковъ пуще того будетъ корчить... Обрадовались, обушники!.. А знаешь поговорку: „взвыла собака на свою голову“?

— Родимый мой, а?.. Какое я тебѣ слово скажу, а?.. Кто Устюжанинову робить на фабрикѣ будетъ, а?.. Родимый мой, а еще что я тебѣ скажу, а?..

Въ кабакѣ стоялъ дымъ коромысломъ. Изъ дверей къ стойкѣ едва можно было пробиться. Одна сальная свѣчка, стоявшая у выручки, едва освѣщала небольшое пространство, гдѣ дѣйствовала Рачителиха. Ей помогалъ красивый двѣнадцатилѣтній мальчикъ съ большими темными глазами. Онъ съ снисходительною важностью принималъ деньги, пересчитывалъ и пряталъ подъ стойку въ стоявшую тамъ деревянную „шкатунку“.

— Илюшка, ты смотри, не просчитайся, — повторяла ему Рачителиха.—Получилъ, что ли, съ Терешки?

— Не приставай, знаемъ безъ тебя,—небрежно отвѣчалъ мальчикъ и съ важностью смотрѣлъ на напиравшую толпу.—Вонъ Дѣяну отпущай четушку. Дядя Дѣянъ, хошь наливки?

— Ахъ, ты, клопъ... А какъ ты маткѣ сейчасъ отвѣтилъ?—привязался къ нему Поперешный.—Дунюшка, не поважай парнишка: теперь пожалѣешь—послѣ наплачешься отъ него.

— Ну, ну, у себя на печи командуй,—спокойно огрызнулся мальчикъ и лѣниво зѣвнулъ.—Экая прорва народу наперла!..

Время отъ времени мальчикъ пріотворялъ дверь въ комнату, гдѣ сидѣлъ отецъ съ гостями, и сердито сдвигалъ брови. Дьячокъ Евгеньичъ былъ совсѣмъ пьянъ и, пошатываясь, размахивалъ рукой, какъ это дѣлаютъ настоящіе регенты. Рачитель и учитель Агапъ пѣли козлиными голосами, закрывая отъ удовольствія глаза.

— Многая, многая, многая лѣта... мно-о-о-г-ая лѣ-ѣѣ-та!—вытягивалъ своимъ дребезжащимъ, жиденькимъ тоноркомъ Евгеньичъ.—Ну, еще, братіе... Агапъ, слушай: си-до-ре!.. А ты, Рачитель, подхватывай. Ну, братіе... Илюшка, пострѣлъ, подавай еще водки, чего глядишь?

— Давай деньги... Даромъ-то гуси по водѣ плаваютъ.

Титъ Горбатый и старый Ковальчукъ успѣли еще раза два сходить къ стойкѣ и теперь вполнѣ благодушествовали. Хохолъ досталъ кисетъ съ табакомъ, набилъ тютюномъ люльку и попыхивалъ дымомъ, какъ заводская труба.

— Кумъ... а кумъ?—повторялъ Титъ, покачиваясь на мѣстѣ.

— Якій я тоби кумъ? Ото выворачивае человікъ...

— Нѣтъ, ты постой, Дорохъ... Теперь мы такъ съ тобой, этово-тово, будемъ говорить. Есть у меня сынъ Павелъ?

— Щось таке?

— Есть, говорю, сынъ у меня меньшой? Пашка сынъ, десятый ему годочекъ съ Спожинокъ пошелъ. Значитъ, Пашка... А у тебя, Дорохъ, есть дочь, какъ ее звать-то?.. Лукерьей дочь-то звать?

— Та нэтъ же: ни якой Лукерьи нэма... Старшая Матрена, удовая, ну, Катрина матка—Катря, що у пана въ горницахъ. Нэма Лукерьи.

— А меньшую-то какъ звать?

— Э, якій же ты, Титъ, недогадливый: Ѳедоркой звать.

— Такъ, такъ, Ѳедорка... вспомнилъ. Въ нашемъ Туляцкомъ концѣ видалъ, этово-тово, какъ съ дѣвчонками бѣгала. Славная дѣвушка, ничего, а выправится—невѣста будетъ.

— А то якъ же? У стараго Коваля якъ дочка подростетъ — вѣдмедица буде... У мене всѣ дочки вѣдмедицы!

— Такъ, такъ... Такъ я тово, Дорохъ, про Ѳедорку-то, значитъ, тово... Вѣдь жениха ей нужно будетъ приспособить? Ну, такъ у меня, значитъ, Пашка къ тому времю въ пору войдетъ.

— Ну, нэхай ему, твоему Пашкѣ... Усѣ хлопцы такъ: маленькій, маленькій, а потомъ выросте большой дурень, якъ мой Терешка.

— Хочешь сватомъ быть, Дорохъ?.. Сейчасъ ударимъ по рукамъ—и дѣло свято... Пропьемъ, значитъ, твою дѣвку, коли на то пошло!

— А ну вдаримъ, Титъ... Вѣдмедица, кажу, Ѳедорка буде!

Подгулявшіе старики ударили по рукамъ и начали перекоряться относительно заклада, даровъ, количества водки и другихъ необходимыхъ принадлежностей всякой свадьбы.

— А ну поцѣлуемся, Титъ,—предлагалъ Ковальчукъ и облапилъ будущаго свата, какъ настоящій медвѣдь.—Оттакъ!.. Да пидемъ къ Дунькѣ, пусть руки разниметъ.

Пошатываясь, старики побрели прямо къ стойкѣ; они не замѣтили, что кабакъ быстро опустѣлъ, точно весь народъ вымели. Только въ дверяхъ нерѣшительно шушукались чьи-то голоса. У стойки на скамьѣ сидѣлъ плечистый мужикъ въ одной красной рубахѣ и тихо разговаривалъ о чемъ-то съ цѣловальничихой. Другой въ чекменѣ и синихъ нестрядиныхъ шароварахъ пилъ

водку, поглядывая на сердитое лицо цѣловальничихина сына Илюшки, который косился на мужика въ красной рубахѣ.

— Дунька... А вотъ разойми у насъ руки: сватами будемъ,—заговорилъ Титъ Горбатый, останавливаясь у стойки.

Взглянувъ на мужика въ красной рубахѣ, онъ такъ и проглотилъ какое-то слово, которое хотѣлъ сказать. Дорохъ во-время успѣлъ его толкнуть въ бокъ и прошепталъ:

— Сватъ, бачишь?.. Эге, Окулко...

Но сватъ уже пятился къ дверямъ, озираясь по сторонамъ: Окулко былъ знаменитый разбойникъ, державшій въ страхѣ всѣ заводы. Въ дверяхъ старики наткнулись на дурака Терешку и Парасковею-Пятницу, которыхъ подталкивали въ спину другіе.

— Эге, сватъ, пора втикать до дому,—шепталъ Ковальчукъ, выскакивая на крыльцо.—Оттакъ Дунька... Другій-то тоже разбойникъ: Безпалаго слыхалъ?

XII.

Безпалый попрежнему стоялъ у стойки и сосредоточенно пилъ водку. Его сердитое лицо съ черноватою бородкой и черными, какъ угли, глазами производило непріятное впечатлѣніе; подстриженные въ скобку волосы и раскольничьяго покроя кафтанъ говорили о его происхожденіи—это былъ закоренѣлый кержакъ, отрубившій себѣ палецъ на правой рукѣ, чтобы не итти подъ красную шапку. Окулко былъ симпатичнѣе: свѣтло-русая окладистая бородка, сѣрые большіе глаза и шапка кудрявыхъ волосъ на головѣ. Къ нимъ подошелъ третій товарищъ, хохолъ Челышъ, громадный мужикъ съ маленькой головкой, длинными руками и сутулою спиной, какъ у всѣхъ силачей.

— Гдѣ ты пропадалъ, Челышъ?—окликнулъ его Окулко.

— А до господскаго дома ходивъ,—вяло отвѣтилъ хохолъ и знакомъ приказалъ цѣловальничихѣ подать цѣлый полуштофъ водки.—Паны гуляютъ у господскомъ дому,—ну, я на исправника поглядѣлъ... Давно не видались.

Воцарившаяся въ кабакѣ тишина заставила дьячка Евгеньича высунуть голову. Увидавъ разбойниковъ, онъ поспѣшилъ мгновенно скрыться, точно кто его ударилъ. Окулко продолжалъ сидѣть у стойки и сумрачно поглядывалъ на Рачителиху.

— Нашли тоже и время прійти...—ворчала та, стараясь не смотрѣть на Окулка.—Народу полный кабакъ, а они лѣзутъ... Ты, Окулко, одурѣлъ совсѣмъ... Возьму вотъ, да всѣхъ въ шею!.. Какой народъ-то, поди ужъ къ исправнику побѣжали.

— А Самоварникъ у встрѣчу попавсь: бѣгитъ-бѣгитъ къ господскому дому,—смѣялся Челышъ, расправляя усы.—До исправника побѣгъ, собачій сынъ, а мы що зуспѣемъ покантовать, Дуня.

— Пора кабакъ запирать, вотъ что!—не вытерпѣлъ наконецъ Илюшка, вызывающе поглядывая на кутившихъ разбойниковъ.—Ступайте, откуда пришли...

— Вишь, змѣенышъ!—взбурилъ Окулко и ударилъ кулакомъ по стойкѣ.

Цѣловальничиха посмотрѣла на него умоляющимъ взглядомъ и вся покраснѣла, точно онъ ударилъ ее этимъ словомъ по сердцу. Она такъ и обмерла давеча, когда у стойки точно изъ земли выросъ Окулко. И каждый разъ такъ, а онъ сидитъ и смотритъ на нее. О, какъ любила когда-то она вотъ эту кудрявую голову, сколько приняла изъ-за нея всякаго сраму, а онъ на свою же кровь поднимается... Вонъ какъ на Илюшку взбурилъ, какъ мед-

вѣдь. Но это было минутное чувство: Дуня забыла о себѣ и думала теперь объ этихъ разбойникахъ, которымъ одна своя воля осталась. Бабье сердце такъ и заныло отъ жалости, и цѣловальничиха смотрѣла на всѣхъ троихъ такими ласковыми глазами. Не будетъ воли вотъ этимъ отпѣтымъ, забубеннымъ головушкамъ да бабамъ.

— Окулко, ступай, коли умъ есть,—ласково прошептала она, наклоняясь къ разбойнику.—Сейчасъ народъ нагонятъ... неровенъ часъ...

— Тошно мнѣ, Дунюшка... — тихо отвѣтилъ Окулко и такъ хорошо посмотрѣлъ на цѣловальничиху, что у ней точно что̀ порвалось.—Стосковался я объ тебѣ, вотъ и пришелъ. Всѣмъ радость, а мы, какъ волки, по лѣсу бродимъ... Давай водки!

Челышъ и Безпалый въ это время шептались относительно Груздева. Его теперь можно будетъ взять, потому какъ и остановился онъ не у Основы, а въ господскомъ домѣ. Антипъ обѣщалъ подать вѣсточку, по какой дорогѣ Груздевъ поѣдетъ, а онъ большія тысячи везетъ съ собой. Антипъ-то ловко все развѣдалъ у кучера: водку даве вмѣстѣ пили,—ну, кучеръ и разболтался, а обережного обѣщался напоить. Проворный чортъ, этотъ Матюшка Гущинъ, дай Богъ троимъ съ нимъ однимъ управиться.

— Работишка будетъ...—толкнулъ Безпалый разнѣжившагося Окулка.—Толстое брюхо поѣдетъ.

Въ это время, пошатываясь, въ кабакъ входилъ Антипъ. Онъ размахивалъ шапкой и напѣвалъ крѣпостную московскую цѣсню, которую выучилъ въ одномъ сибирскомъ острогѣ:

Собаки борзыя,
Крестьяне босые...

Разбойники не обратили на него никакого вниманія, какъ на незнакомаго человѣка, а Безпалый такъ его толкнулъ, что старикъ отлетѣлъ отъ стойки сажени на двѣ и началъ ругаться.

— А ты не дерись, слышишь?—приставалъ Антипъ къ Безпалому, разыгрывая посторонняго человѣка.— Мы и сами сдачи дадимъ мелкими...

Подбодренные смѣлостью старика, въ дверяхъ показались два-три человѣка съ единственнымъ заводскимъ воромъ Мо̀рокомъ во главѣ. Они продолжали подталкивать дурочка Терешку, Парасковею-Пятницу и другого дурака Марзака, высокаго старика съ лысою головою. Мо̀рокъ, плечистый мужикъ съ окладистою бородой и темными глазами на выкатѣ, слылъ за отчаянную башку и не боялся никого. Съ нимъ подъ руку ворвался въ кабакъ совсѣмъ пьяный Терешка-казакъ.

— Сорокъ восемь серебромъ... приказываю...—бормоталъ Терешка и полѣзъ къ стойкѣ.

— Терешка, хочешь водки? — окликнулъ его Окулко. — Рачителиха, давай имъ всѣмъ по стакану... Парасковея, аль не узнала?.. Наливай еще по стакану!—командовалъ развеселившійся Окулко.—Всѣмъ воля вышла... Гуляй на всѣ, сдачи не будетъ.

— Окулко, возьмите меня съ собой козаковать?—приставалъ къ разбойнику Терешка-казакъ, не понимавшій, что̀ дѣлаетъ.— Я верхомъ поѣду... Теперь, братъ, всѣмъ воля: не тронь!

— У насъ хлѣбъ дорого̀й, а ты глупъ. Нѣтъ, братъ, намъ съ тобой не по пути...—отвѣчалъ Окулко, чутко прислушиваясь къ каждому звуку.

— Я?.. Запорожецъ... эге!.. Хочешь, потянемся на палкѣ...

— Ступай къ своему батькѣ да скажи ему, чтобы по спинѣ тебя вы-

тянулъ палкой-то...—смѣялся Окулко.—Вотъ Мòрока возьмемъ, ежели пойдетъ, потому какъ онъ промыслитъ и для себя и для насъ. Такъ я говорю, Мòрокъ?

— Угости стаканчикомъ, Окулко.

— Ахъ, ты, горѐ гороховое!.. Рачителиха, лени ему стаканчикъ... Пусть съ Парасковеей повеселятся въ мою голову. А давно тебя били въ послѣдній разъ, Мòрокъ?

— Третьева-дни... Такъ взбодрили, что страсть.

— За какія качества?

— А такъ... Сапоги нашли... Знаешь Самоварника? Ну, такъ его сапоги. Только какъ живъ остался—удивительно!

Мòрокъ былъ удивительный человѣкъ, умѣвшій отбиться отъ работы даже въ крѣпостное время. Онъ произошелъ всѣ заводскія работы, какія только существовали, и нигдѣ не могъ ужиться. Сначала какъ будто и работаетъ, а потомъ все броситъ, и его гонятъ въ три шеи. Окончательно Мòрокъ отбился отъ господской работы, когда поставили на рудникѣ паровую машину. „Что̀ я за собака, чтобы на свистъ сталъ ходить?“—объявилъ Мòрокъ и не сталъ ходить на работу. Что̀ съ нимъ ни дѣлали, онъ устоялъ на своемъ. Самъ Палачъ отказался отъ Мòрока. Добившись воли, Мòрокъ превратился въ кабацкаго завсегдатая и слылъ по заводу, какъ единственный воръ. Онъ ходилъ въ лохмотьяхъ, но держался гордо, какъ свободный человѣкъ. И теперь, выпивъ стаканъ водки, онъ тряхнулъ своею косматою бородой, хлопнулъ Окулка по плечу и проговорилъ:

— Вотъ я, Окулко, раньше всѣхъ волю получилъ... Ужъ драли-драли, тиранили-тиранили, Палачъ выбился изъ силъ, а я все-таки устоялъ... Вотъ каковъ я есть человѣкъ, Окулко!.. Разѣ еще ошарашить стаканчикъ за твое здоровье? Больно ужъ меня избили третьева-дни... на смерть били.

Окулко только мотнулъ головой Рачителихѣ, и та налила Мòроку второй стаканчикъ. Она терпѣть не могла этого пропойцу, потому что онъ вѣчно пьянствовалъ съ Рачителемъ, и теперь смотрѣла на него злыми глазами.

Въ кабакѣ послѣ недавняго затишья опять поднялся шумъ. Пьяный Терешка-казакъ оралъ пѣсни и обнимался съ Челышемъ, Марзакъ и Парасковея-Пятница горланили пѣсни, дурачокъ Терешка хохоталъ, какъ сумасшедшій.

— Надъ чѣмъ ты хохочешь, Терешка?—спрашивала его участливо Рачителиха.

— Весело, браковòвка...—отвѣчалъ дурачокъ и, протянувъ руку съ деревянною коробкой, прибавилъ:—Часы купи... днемъ и ночью ходятъ...

Коробка была выдолблена изъ куска дерева и закрыта крышкой. Отодвинувъ крышку, Терешка показалъ бѣгавшаго въ коробкѣ таракана и опять залился своимъ дѣтскимъ смѣхомъ. Всѣхъ мужиковъ онъ звалъ Иванычами, а бабъ—браковòками.

Захмелѣвшій Мòрокъ подсѣлъ къ Окулку и, облапивъ его одною рукой, заговорилъ:

— Ну, какъ вы теперь, Окулко?.. Всѣмъ вышла воля, а вы все на лѣсномъ положеніи... Такъ я говорю?

XIII.

Послѣ веселаго обѣда весь господскій домъ спалъ до вечерняго чая. Всѣ такъ устали, что на два часа домъ точно вымеръ. Въ сарайной отдыхали Груздевъ и Овсянниковъ, въ комнатѣ Луки Назарыча почивалъ исправникъ Иванъ Семенычъ, а Петръ Елисѣичъ прилегъ въ своемъ кабинетѣ. Домнушка тоже прикурнула у себя въ кухнѣ. Бодрствовали только дѣти.

Нюрочка спряталась въ кабинетѣ отца и хотѣла здѣсь просидѣть до вечера, пока всѣ не проснутся: она боялась Васи. Ей сдѣлалось ужасно скучно, и еще не улеглось нервное состояніе послѣ разсказа Ивана Семеныча за обѣдомъ, какъ онъ высѣкъ Сидора Карпыча. Окружавшая ее тишина усиливала невидимую душевную работу. Подъ конецъ Нюрочка расплакалась, сидя тихонько въ своемъ уголкѣ, какъ плачутъ сироты. Въ этотъ критическій моментъ дверь въ кабинетѣ осторожно отворилась, и въ нее высунулась кудрявая русая головка Васи,—она что-то шептала и дѣлала таинственные знаки. Нюрочка отлично понимала этотъ нѣмой языкъ, но только отрицательно покачала головой. Знаки повторились съ новою силой, и Васина голова дѣлала такія уморительныя гримасы, что Нюрочка разсмѣялась сквозь слезы. Это ее погубило. Голова сначала показала ей языкъ, а потомъ приняла хныкающее выраженіе. Осторожно, на цыпочкахъ, чтобы не разбудить спавшаго отца, Нюрочка вышла изъ своей засады и подошла къ двери.

— Ты опять будешь драться?—спросила она на всякій случай.

— А ты плакса...—шопотомъ отвѣтила голова, и это показалось Нюрочкѣ настолько убѣдительнымъ, что она вышла изъ кабинета.

Очутившись за дверью, она вдругъ струсила; но Вася и не думалъ ее бить, а только схватилъ за руку и стремительно потащилъ за собой.

— Пойдемъ, Нюра, я тебѣ покажу такую штуку...—задыхающимся шопотомъ повторялъ онъ.

Глаза у пристанского разбойника такъ и горѣли, и охватившее его воодушевленіе передалось Нюрочкѣ, какъ зараза. Она шла теперь за Васей, сама не отдавая себѣ отчета. Они сначала вышли во дворъ, потомъ за ворота, а черезъ площадь къ конторѣ уже бѣжали бѣгомъ, такъ что у Нюрочки захватывало духъ.

— Вотъ такъ штука!..—повторялъ Вася, задыхаясь отъ волненія.

Они прибѣжали въ контору. Черезъ темный коридоръ Вася провелъ свою пріятельницу къ лѣстницѣ наверхъ, гдѣ помѣщался заводскій архивъ. Нюрочка здѣсь никогда не бывала и остановилась въ нерѣшительности, но Вася уже тащилъ ее за руку по лѣстницѣ вверхъ. Дѣти прошли какой-то темный коридоръ, гдѣ стояла поломанная мебель, и очутились наконецъ въ большой низкой комнатѣ, уставленной по стѣнамъ шкапами со связками бумагъ. Все здѣсь было покрыто толстымъ слоемъ пыли, какъ и слѣдуетъ быть настоящему архиву.

— А это что?—торжественно объявилъ Вася, указывая на громадный черный щитъ изъ картона, на которомъ былъ вырѣзанъ вензель, подклеенный зеленою и красною бумагой.

Нюрочка еще никогда не видала вензелей и съ удивленіемъ смотрѣла на эту мудреную штуку, пока Вася объяснялъ ей его значеніе и заставлялъ пощупать картонъ, и бумагу, и полочку для свѣчей на задней стѣнкѣ вензеля.

— Все это зажгутъ,—объяснялъ Вася тономъ знатока.—Плошки приготовлены въ машинной... А мы будемъ кричать „ура“, и твой папа, и мой—всѣ.

Нюрочкѣ вдругъ сдѣлалось ужасно весело, и Вася въ ея глазахъ совсѣмъ измѣнился. Ей даже нравилось ничего не думать, а слѣпо подчиняться чужой волѣ. Она чувствовала то же сладко-замирающее ощущеніе, какъ на высокихъ качеляхъ. Когда же наконецъ наступитъ вечеръ и зажгутъ иллюминацію? Ей казалось, что она просто не доживетъ до этого, и маленькое сердце замирало отъ волненія. Дальше все происходило въ какомъ-то туманѣ: Вася водилъ свою спутницу по всей конторѣ, потомъ они бѣгали на плотину, гдѣ такъ ужасно шумѣла вода, и наконецъ очутились на крышѣ господскаго

дома. Какъ случилось это послѣднее, Нюрочка не могла объяснить. Одна она умерла бы отъ страха, а за Васей карабкалась вездѣ, какъ коза, и была счастлива, если онъ ее одобрялъ взглядомъ или жестомъ.

Петра Елисѣича разбудила Катря, объяснив своимъ ломанымъ хохлацкимъ говоромъ, что паночка на крышѣ и ни за что не хочетъ спуститься оттуда.

— Нюрочка? На крышѣ?—повторилъ машинально Петръ Елисѣичъ, ничего не понимая.

— Ажъ страшно глядѣть...—объясняла Катря.

— Не можетъ быть!—рѣшилъ онъ.—Ты что-нибудь путаешь...

Когда онъ вышелъ на дворъ, то дѣйствительно увидалъ Нюрочку, которая въ своемъ желтомъ платьицѣ карабкалась по самому коньку крыши. У него даже замерло сердце отъ ужаса... А Нюрочка улыбалась ему съ крыши, напрасно отыскивая глазами своего веселаго спутника,—пристанской разбойникъ, завидѣвъ Петра Елисѣича, съ ловкостью обезьяны кубаремъ скатился по крышѣ, прыгнулъ на рослую въ саду липу, а по ней уже добрался благополучно до земли. Нюрочка увидала его уже въ саду; онъ опять кривлялся и показывалъ ей языкъ, а она только сейчасъ поняла свою полную безпомощность, и давешній страхъ опять охватилъ ее. Снялъ ее съ крыши уже кучеръ Семка.

— Ахъ, ты, коза, коза...—ласково журилъ ее Петръ Елисѣичъ.—Такъ нельзя, Нюрочка.

Петръ Елисѣичъ въ радостномъ волненіи унесъ Нюрочку на рукахъ въ комнату и заставилъ наливать себѣ чай,—въ столовой уже кипѣлъ на столѣ самоваръ.

Господскій домъ проснулся какъ-то разомъ, и опять въ немъ закипѣло веселье, на время прерванное сномъ. Иванъ Семенычъ потребовалъ себѣ пунша, потому что у него голова требовала починки. Потомъ стали пить пуншъ всѣ, а на дворѣ опять появились кафтанники, лѣсообъѣздчики и разный другой заводскій людъ.

— Ахъ, ты, французъ, французъ!..—говорилъ исправникъ, хлопая Петра Елисѣича по плечу.—Ну-ка, разскажи, какъ ты съ французскимъ королемъ въ Парижѣ обѣдалъ?

— Давно это было, Иванъ Семенычъ, позабылъ,— отнѣкивался Петръ Елисѣичъ.

— Сегодня можно и припомнить... Да ну же, ангелъ мой, разскажи...

— Да самая простая вещь: всѣ первые ученики, кончившіе курсъ въ Ecole polytechnique, обѣдали съ королемъ... Такой обычай существовалъ, а Луи-Филиппъ былъ добрякъ. Ну, и я обѣдалъ...

— А страшно было, ангелъ мой? Ну, признайся... хе-хе!.. Какой-нибудь кержакъ изъ Самосадки и вдругъ обѣдаетъ за однимъ столомъ съ французскимъ королемъ. Это, чортъ возьми, ангелъ мой... Ты какъ полагаешь, Самойло Евтихычъ?

— А?.. Выпьемъ!..—какъ-то мычалъ Груздевъ; онъ рѣдко пилъ и подъ вліяніемъ вина превращался изъ бойкаго и говорливаго человѣка въ меланхолика.

Нюрочка перебѣгала изъ столовой въ залу и смотрѣла въ огно на галдѣвшую на дворѣ толпу. Ей опять было весело, и она только избѣгала встрѣчаться съ Иваномъ Семенычемъ, котораго сразу разлюбила. Добрый старикъ замѣчалъ эту дѣтскую ненависть и не зналъ, какъ опять подружиться съ Нюрочкой. Улучивъ минуту, когда она проходила мимо него, онъ поймалъ ее за какую-то оборку и прошепталъ, указывая глазами на Овсянникова:

— Писанка, ну, спроси у его про часы...

Въ другое время Нюрочка не посмѣла бы обратиться къ сердитому и недовольному секретарю Луки Назарыча, но сейчасъ на нее накатился шаловливый стихъ.

— Илья Савельичъ, покажите часы!..—звонко проговорила она, развязно подходя къ угрюмому человѣку.

Овсянниковъ дремалъ за стаканомъ пунша, когда Нюрочка подбѣжала къ нему, и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее. Слово „часы“ сразу подняло его на ноги. Онъ досталъ ихъ изъ кармана жилета, вытеръ платкомъ и началъ объяснять ихъ необыкновенныя достоинства.

— Анкерные-съ... съ парашютомъ... — повторялъ онъ, показывая Нюрочкѣ внутреннее устройство часовъ.

У закоснѣвшаго на заводской работѣ Овсянникова была всего единственная слабость, именно эти золотые часы. Если кто хотѣлъ найти доступъ въ его канцелярское сердце, стоило только завести рѣчь объ его часахъ и съ большею или меньшею ловкостью похвалить ихъ. Эту слабость многіе знали и пользовались ею самымъ безсовѣстнымъ образомъ. На именинахъ, когда Овсянниковъ выпивалъ лишнюю рюмку, онъ бросалъ ихъ за окно, чтобы показать прочность. То же самое продѣлалъ онъ и теперь, и Нюрочка хохотала до слезъ, какъ сумасшедшая.

— Ото дурень!—шепталъ ей Иванъ Семенычъ, стараясь обнять.—А ты все еще сердишься на меня, писачка?

— Вы—злой...—отвѣчала Нюрочка, стараясь побороть въ себѣ зарождавшуюся симпатію къ Ивану Семенычу.—Нехорошій...

Нюрочка совсѣмъ не замѣтила, какъ наступилъ вечеръ, и пропустила главный моментъ, когда зажигали иллюминацію, главнымъ образомъ когда устанавливали надъ воротами вензель. Какъ весело горѣли плошки на крышѣ, по карнизамъ, на окнахъ, а собравшійся на площади народъ кричалъ „ура“. Петръ Елисѣичъ разошелся, какъ никогда, и въ окно бросалъ въ народъ мѣдныя деньги и пряники.

— Пѣсенниковъ!..—скомандовалъ онъ кому-то изъ дозорныхъ.

Скоро подъ окнами образовался кругъ, и грянула проголосная пѣсня. Пѣвцы были все кержаки, — отличались брательники Гущины. Обережной Груздева, силачъ Матюшка Гущинъ досталъ берестяный рожокъ и заводилъ необыкновенно кудрявыя колѣна; въ Ключевскомъ заводѣ на этомъ рожкѣ играли всего двое, Матюшка да доменный мастеръ Никитичъ. Проголосная пѣсня полилась широкою рѣкой, и все затихло кругомъ.

Не взвивайся, мой голубчикъ,
Да выше лѣсу, выше горъ...—

выводилъ чей-то жалобный фальцетикъ, а рожокъ Матюшки подхватывалъ мотивъ, и пѣсня поднималась точно на крыльяхъ. Мочеганка Домнушка присѣла къ окну, подперла рукой щеку и слушала, вся слушала, — очень ужъ хорошо поютъ кержаки, хоть и обушники. У мочеганъ и пѣсенъ такихъ нѣтъ... Свое бабье одиночество обступило Домнушку, непокрытую головушку, и она растужилась, расплакалась. Нѣту дна бабьему горюшку... Домнушка совсѣмъ забылась, какъ чья-то могучая рука обняла ее.

— Не вѣсь голову, не печаль хозяина... — ласково проговорилъ надъ самымъ ея ухомъ голосъ красавца Спирьки Гущина.

Домнушка не двинулась, точно она вся застыла, очарованная проголосною старинною пѣсней.

Какое-то стихійное веселье охватило весь господскій домъ. Иванъ Семенычъ развернулся и потребовалъ пѣсенниковъ въ горницы, а когда кругъ грянулъ:

Ужъ ты, зимонька-зима,
Студеная была зима!..—

онъ пошелъ въ присядку съ Васей Груздевымъ, который плясалъ, какъ скоморохъ.

— Куму подавайте!..—кричалъ Иванъ Семенычъ.—Гдѣ кума?

Притащили Домнушку изъ кухни и, какъ она ни упиралась, заставили выпить цѣлый стаканъ наливки и поставили въ кругъ. Домнушка вытерла губы, округлила правую руку и, помахивая своимъ фартукомъ, поплыла павой,—плясать была она первая мастерица.

— Ахъ, ѣшь тебя мухи съ комарами!—кричалъ Иванъ Семенычъ, изгибаясь и притопывая ногами на мѣстѣ.—Ахти... хти, хти...

Онъ только-что хотѣлъ выдѣлывать свое колѣно, какъ въ кругъ протиснулся Полуехтъ Самоварникъ и остановилъ его за плечо.

— Родимый мой...—бормоталъ онъ, дѣлая какіе-то знаки.

— Ну, и нашелъ время,—ворчалъ Иванъ Семенычъ.

Кругъ замолкъ, Домнушка унырнула въ свою кухню, а Самоварникъ шепталъ исправнику:

— Въ кабакѣ всѣ трое... Вотъ сейчасъ провалиться, своемъ глазамъ видѣлъ: и Окулко, и Челышъ, и Безпалый...

— Я имъ покажу, ангелъ мой...

Набатъ точно вымелъ весь народъ изъ господскаго дома, остались только Домнушка, Катря и Нюрочка, да бродилъ еще по двору пьяный коморникъ Антипъ. Народъ съ площади бросился къ кабаку,—всѣхъ гнало любопытство посмотрѣть, какъ будетъ исправникъ ловить Окулка. Перепуганныя Катря и Нюрочка прибѣжали въ кухню къ Домнушкѣ и не знали, куда имъ спрятаться.

— Я боюсь... боюсь...—плакала Нюрочка.—Всѣ убѣжали...

— Христосъ съ нами, барышня,—уговаривала дѣвочку захмелѣвшая отъ наливки Домнушка.—Легкое мѣсто сказать: весь заводъ бросился ловить одного Окулка... А онъ уйдетъ отъ нихъ!

— Онъ съ ножомъ, Домнушка?

— Конечно, съ ножомъ, потому какъ въ лѣсу живетъ... Тьфу!.. Не пымать имъ Окулка... Туда же и нашъ Аника-то воинъ потрепался, Иванъ-то Семенычъ!..

Замирающею трелью заливался колоколъ у заводской конторы, какъ звонили только на пожаръ. Вскинулась за своею стойкой Рачителиха, когда донесся до нея этотъ звукъ.

— Чу, это намъ благовѣстятъ!..—проговорилъ Безпалый, пряча руку за пазуху, гдѣ лежалъ у него ножъ.

— Уходи, уходи...—шептала Дуня, хватая Окулка за его могучее плечо и напрасно стараясь сдвинуть съ мѣста.

— Не впервой...—лѣниво отвѣтилъ Окулко.—Давай водки, Дуня.

Замерло все въ кабакѣ и около кабака. Со стороны конторы близился гулкій топотъ,—это гнали верхомъ лѣсообъѣздчики и исправничьи казаки. Дверь въ кабакѣ была отворена попрежнему, но никто не смѣлъ войти въ нее. Къ двумъ окнамъ припали усатыя казачьи рожи и глядѣли въ кабакъ.

Когда къ кабаку подъѣхалъ Иванъ Семенычъ, единственная сальная свѣча, горѣвшая на стойкѣ, погасла, и наступила зловѣщая тишина.

— Берите его!—кричалъ Иванъ Семенычъ, бросаясь въ дверь.

Въ мгновеніе ока произошла невообразимая свалка. Зазвенѣли стекла въ окнахъ, полетѣли откуда-то полѣнья, поднялся крикъ и отчаянный свистъ.

— Вяжи ихъ, ангелы вы мои!..—кричалъ Иванъ Семенычъ, перелѣзая къ стойкѣ по живой кучѣ катавшихся по полу мужицкихъ тѣлъ.

— Готово!..—отвѣчалъ Матюшка Гущинъ, который бросился въ кабакъ въ числѣ первыхъ и теперь пластомъ лежалъ на разбойникѣ. — Тутъ ёнъ, вашескородіе... здѣсь... Надо полагать, самый Окулко и есть!

Разбойникъ дѣлалъ отчаянныя усилія освободиться: билъ Матюшку ногами, кусался, но все было напрасно.

— Всѣхъ перевязали?—спрашивалъ въ темнотѣ охриплый голосъ Ивана Семеныча.

— Усѣхъ, вашескородіе...—отвѣчалъ голосъ туляка-лѣсообъѣздчика.

Когда добыли огня и освѣтили картину побоища, оказалось, что, вмѣсто разбойниковъ, перевязали Терешку-казака, вора Мòрока и обоихъ дураковъ.

— Который Окулко?—спрашивалъ Иванъ Семенычъ.

Всѣ сконфуженно молчали. Иванъ Семенычъ, когда узналъ, въ чемъ дѣло, даже побѣлѣлъ отъ злости и дрожащими губами сказалъ Рачителихѣ:

— Ну, душа моя, я тебя сейчасъ такъ посеребрю, что...

Но онъ вò-время опомнился, махнулъ рукой и вышелъ изъ кабака.

— Пусть эти подлецы переночуютъ въ машинной, — указалъ онъ на связанныхъ, а потомъ обернулся, выругалъ Рачителиху, плюнулъ и вышелъ.

Окулко въ это время успѣлъ забраться въ сарайную, гдѣ захватилъ исправничій чемоданъ и благополучно съ нимъ скрылся.

XIV.

Набатъ поднялъ весь заводъ на ноги, и всякій, кто могъ бѣжать, летѣлъ къ кабаку. Въ общемъ движеніи и сумятицѣ не могъ принять участія только одинъ доменный мастеръ Никитичъ, дожидавшійся подъ домной выпуска. Его такъ и подмывало бросить все и побѣжать къ кабаку вмѣстѣ съ народомъ, который изъ Кержацкаго конца и Пеньковки бросился по плотинѣ толпами.

Убѣжитъ Никитичъ подъ домну, посмотритъ „въ глазъ“ *), откуда сочился расплавленный шлакъ, и опять къ лѣстницѣ. Слѣпень бормоталъ ему сверху, какъ осенній глухарь съ лиственя.

— Кто-нибудь завернетъ, тогда узнàемъ, — рѣшилъ Никитичъ, окончательно удаляясь на свой постъ.

Въ доменномъ корпусѣ было совсѣмъ темно, и только небольшое слабо освѣщенное пространство оставалось около напряженно краснѣвшаго глаза. Заспанный мальчикъ тыкалъ пучкомъ березовой лучины въ шлакъ, но огонь не показывался, а только дымилась лучина, съ трескомъ откидывая тонкія синеватыя искры. Когда наконецъ она вспыхнула, прежде всего освѣтилась глубокая арка самой печи. Направо къ землѣ шла подъ глазомъ канавка съ порогомъ, а налѣво у самой арки стояла деревянная скамеечка, на которой обыкновенно сидѣлъ Никитичъ, наблюдая свою „хозяйку“, какъ онъ называлъ доменную печь.

— Да ты откуда объявился-то, Сидоръ Карпычъ?—удивился Никитичъ, только теперь замѣтивъ сидѣвшаго на его мѣстѣ сумасшедшаго.

---

*) Глазомъ у доменной печи называютъ отверстіе для выпуска шлаковъ и чугуна.

— А пришелъ...

— Знаю, что пришелъ... .Михалко, посвѣти-ка на изложницы, всѣ ли канавки продѣланы...

Сидоръ Карпычъ каждый вечеръ исправно являлся на фабрику и обходилъ всѣ корпуса, гдѣ шла огненная работа. Къ огню онъ питалъ какое-то болѣзненное пристрастіе и по цѣлымъ часамъ неподвижно смотрѣлъ на пылавшіе кричные огни, на раскаленныя добѣла пудлинговыя печи, на внутренность домны черезъ стеклышко въ фурмѣ, и на его неподвижномъ, безстрастномъ лицѣ появлялась точно тѣнь пробѣгавшей мысли. Въ застывшемъ лицѣ на мгновеніе вспыхивало сознаніе и такъ же быстро потухало, стоило Сидору Карпычу отвернуться отъ яркаго свѣта. Теперь всѣ корпуса были закрыты, кромѣ доменнаго, и Сидоръ Карпычъ смотрѣлъ на доменный глазъ, свѣтившійся огненно-красною слезой. Рабочіе такъ привыкли къ безмолвному присутствію „нѣмого“, какъ называли его, что не замѣчали даже, когда онъ приходилъ и когда уходилъ: явится, какъ тѣнь, и, какъ тѣнь, скроется.

Теперь онъ наблюдалъ колеблющееся свѣтовое пятно, которое ходило по корпусу вмѣстѣ съ Михалкой, — это весело горѣлъ пукъ лучины въ рукахъ Михалки. Вверху, подъ горбившеюся запыленною желѣзною крышей едва обозначались длинныя желѣзныя связи и скрѣпленія, точно въ воздухѣ висѣла желѣзная паутина. На воротѣ, который опускалъ надъ изложницами блестѣвшія отъ частаго употребленія желѣзныя цѣпи, дремали доменные голуби, — въ каждомъ корпусѣ были свои голуби, и рабочіе ихъ прикармливали.

— Миръ вамъ, и я къ вамъ,—послышался голосъ въ дверяхъ и показался самъ Полуехтъ Самоварникъ, въ своемъ кержацкомъ халатѣ, форсисто перекинутомъ съ руки на руку. — Эй, Никитичъ, родимый мой, чего ты тутъ ворожишь?

— Ты изъ кабака, Полуехтъ?

— Было дѣло... Ушелъ Окулко-то, а казаки впотьмахъ связали Морока, Терешку Ковальчука, да Марзака, да еще дурачка Терешку. Чистая галуха *)!

— Такъ и ушелъ?

— Ушелъ, да еще у исправника чемоданъ прихватилъ, родимый мой.

— Н-ноо?.. Ловко!

Полуехтъ посмотрѣлъ на Никитича и присѣлъ на скамеечку, рядомъ съ Сидоромъ Карпычемъ, который все слѣдилъ за горѣвшею лучиной и падавшими отъ нея красными искрами.

— Ну, какъ твоя хозяйка? — спрашивалъ Самоварникъ, чтобы угодить Никитичу, который въ своей доменной печи видѣлъ живое существо.

— Пошаливать начинаетъ для праздника...—отвѣтилъ Никитичъ и, подойдя къ деревянной полочкѣ съ пробой, показалъ свѣжій образчикъ.—Половикъ выкинула, потому не любитъ она нашихъ праздниковъ.

Самоварникъ посмотрѣлъ пробу и покачалъ головой. Лучшимъ чугуномъ считался сѣрый, потому что легко идетъ въ передѣлъ, а бѣлый плохимъ; половикомъ называютъ средній сортъ.

— Наверху, видно, празднуютъ...—глубокомысленно замѣтилъ Самоварникъ, поднимая голову кверху. — Засыпки и подсыпки **) плохо робятъ. Да и то сказать, родимый мой, суди на волка, суди и по волку: всѣ загуляли.

Къ разговаривавшимъ подошелъ казачокъ Тишка, приходившійся Никитичу племянникомъ. Онъ страшно запыхался, потому что бѣжалъ изъ господ-

---

*) На фабричномъ жаргонѣ „галуха“—умора.

**) Засыпки и подсыпки — рабочіе, которые засыпаютъ въ печь уголь, руду и флюсы.

ского дома во весь духъ, чтобы сообщить дядѣ послѣднія новости, но, увидѣвъ сидѣвшаго на скамейкѣ Самоварника, понялъ, что напрасно торопился.

— Ну что, малецъ?—спрашивалъ Никитичъ, зажигая новый пукъ лучины.

— Все то же... У насъ въ дому дымъ коромысломъ стоитъ: пируютъ страсть!

— И Окулка не боятся?

— Антипа заставили играть на балалайкѣ, а Груздевъ пляшетъ съ Домнушкой... Въ присядку такъ и зажариваетъ, только брюхо трясется. Даве наклался-было плясать исправникъ, да Окулко помѣшалъ... И Петръ Елисѣичъ нашъ тоже вотъ какъ развернулся, только платочкомъ помахиваетъ.

— Вотъ что, Никитичъ, родимый мой, скажу я тебѣ одно словечко,— перебилъ мальчика Самоварникъ.—Смотрю я на фабрику нашу, родимый мой, и раскидываю своимъ умомъ такъ: кто теперь Устюжанинову робить на ней будетъ, а? Тоже вотъ и мѣдный рудникъ взять: вся Пеньковка расползется, какъ тараканы изъ лукошка.

— Какъ ты сказалъ?—удивился Никитичъ и даже опустилъ зажженную лучину, не замѣчая, что у него уже начала тлѣть пола кафтана.

— Я говорю, родимый мой: кто Устюжанинову робить будетъ? Всѣ уйдутъ съ огненной работы и съ рудника тоже.

Никитичъ только теперь понялъ все значеніе вопроса и совершенно остолбенѣлъ.

— Теперь вольны стали, не заманишь на фабрику,—продолжалъ Самоварникъ уже съ азартомъ. — Мочегане-то всѣ поднялись даве, какъ одинъ человѣкъ, когда я имъ сказалъ это самое словечко... Да я первый не пойду на фабрику, плевать мнѣ на нее! Я торговать сяду въ лавку къ Груздеву.

— Постой, постой...—остановилъ его Никитичъ, все еще не имѣя силъ совладать съ мыслью, никакъ не хотѣвшею укладываться въ его заводскую голову.—Какъ ты сказалъ: кто будетъ на фабрикѣ робить?

— Да я первый!.. Да мнѣ плевать... да пусть самъ Устюжаниновъ жарится въ огненной-то работѣ!..

Довольный произведеннымъ впечатлѣніемъ, Самоварникъ поднялся на ноги и размахивалъ своимъ халатомъ подъ самымъ носомъ у Никитича, точно пѣтухъ. Казачокъ Тишка смотрѣлъ своими большими глазами то на дядю, то на развоевавшагося Самоварника и, затаивъ дыханіе, ждалъ, что скажетъ дядя.

— А какъ же, напримѣръ, моя-то домна останется?—накинулся Никитичъ съ азартомъ, — для него вдругъ сдѣлалось все совершенно ясно. — Ну, какъ ее оставить хоть на часъ?.. Сейчасъ козла посадишь — и конецъ!

— Хошь десять козловъ сади, чортъ съ ней, съ твоею домной!

— Ну, нѣтъ, братъ, это ужъ ты врешь, Полуехтъ! Я теперь тридцать лѣтъ около нея хожу, сколько разъ отваживался, а тутъ вдругъ брошу за здорово живешь.

— И бросишь, когда всѣ уйдутъ: летухи, засыпки, печатальщики... Сиди и любуйся на нее, когда некому будетъ робить. Ужъ мочегане не пойдутъ, а наши кержаки чѣмъ грѣшнѣе сдѣлались?

— Врешь, врешь!..—оралъ Никитичъ, какъ бѣшеный: въ немъ сказался фанатикъ-мастеровой, выросшій на огненной работѣ третьимъ поколѣніемъ.— Ну, чего ты орешь-то, Полуехтъ?.. Если тебѣ охота—уходи, чортъ съ тобой, а какъ же домну оставить?.. Ну, кричные мастера, обжимочные, пудлинговые, листокатальные... Да ты сбѣсился никакъ, Полуехтъ?

Казачокъ Тишка вполнѣ понималъ дядю и хохоталъ до слезъ надъ Самоварникомъ, который только раскрывалъ ротъ и махалъ руками, какъ ворона, а Никитичъ на него все наступаетъ, все наступаетъ.

— Ты его въ ухо засвѣти, дядя! — посовѣтовалъ Тишка. — Вотъ такъ галуха, братцы...

— Меня не будетъ, Тишка пойдетъ подъ домну! — ревѣлъ Никитичъ, оттѣсняя Самоварника къ выходу.—Сынишка подрастетъ, онъ замѣнитъ меня, а домна все-таки не станетъ.

— Да вѣдь и сына-то у тебя нѣтъ! — кричалъ Самоварникъ.

— Все равно: дочь Оленку пошлю.

Этотъ шумъ обратилъ на себя вниманіе литуховъ, которые тоже бѣгали въ кабакъ ловить Окулка и теперь сбились въ одну кучку въ воротахъ доменнаго корпуса. Они помирали со смѣху надъ Самоварникомъ, и только одинъ Сидоръ Карпычъ былъ невозмутимъ и попрежнему смотрѣлъ на красный глазъ печи.

Эта сцена кончилась тѣмъ, что Самоварникъ обругалъ Никитича варнакомъ и убѣжалъ.

XV.

Праздникъ для Петра Елисѣича закончился очень печально: неожиданно расхворалась Нюрочка. Когда всѣ вернулись изъ неудачной экспедиціи на Окулка, веселье въ господскомъ домѣ закипѣло съ новою силой, — полились веселыя пѣсни, поднялся гамъ пьяныхъ голосовъ и топотъ неистовой пляски. Петръ Елисѣичъ въ суматохѣ какъ-то совсѣмъ забылъ про Нюрочку и вспомнилъ про нее только тогда, когда прибѣжала Катря и заявила, что паночка лежитъ въ постели и бредитъ.

— Папочка, мнѣ страшно, — повторяла дѣвочка. — Окулко придетъ съ ножомъ и зарѣжетъ насъ всѣхъ.

Комната Нюрочки помѣщалась рядомъ со столовой. Въ ней стояли двѣ кровати, одна Нюрочкина, другая—Катри. Дѣвочка, совсѣмъ раздѣтая, лежала въ своей постели и показалась Петру Елисѣичу такою худенькой и слабой. Лихорадочный румянецъ разошелся по ея тонкому лицу пятнами, глаза казались темнѣе обыкновеннаго. Маленькія ручки были холодны, какъ ледъ.

— Я посижу съ тобой, моя крошка, —успокоивалъ больную Петръ Елисѣичъ.

— Съ тобой я не боюсь, папа,— шептала Нюрочка, закрывая глаза отъ утомленія.

Пульсъ былъ нехорошій, и Петръ Елисѣичъ только покачалъ головой. Такіе лихорадочные припадки были съ Нюрочкой и раньше, и Домнушка называла ихъ „ростýчкой“,—къ росту дѣвочка скудается здоровьемъ, вотъ и все. Но теперь Петръ Елисѣичъ невольно припомнилъ, какъ Нюрочка провела цѣлый день. Вообще слишкомъ много впечатлѣній для одного дня.

— Папочка, *его* очень били?—неожиданно спросила Нюрочка, продолжая лежать съ закрытыми глазами.

— Нѣтъ, Окулко убѣжалъ...

— Куда же онъ убѣжалъ, папочка?.. Вѣдь теперь темно... Я знаю, что *его* били. Вотъ всѣмъ весело, всѣ смѣются, а онъ, какъ звѣрь, бѣжитъ въ лѣсъ... Мнѣ его жаль, папочка!..

— Да вѣдь ты его боишься и другіе боятся тоже, поэтому и ловили.

— А если бы поймали, тогда Иванъ Семенычъ высѣкъ бы его, какъ Сидора Карпыча?

— Не нужно объ этомъ думать, глупенькая. Спи...

— Когда тебя нѣтъ, папочка, мнѣ ужасно страшно дѣлается; а когда ты со мной, мнѣ опять жаль Окулка... отчего это?..

Разгулявшіеся гости не нуждались больше въ присутствіи хозяина, и Петръ Елисѣичъ былъ радъ, что можетъ наконецъ отдохнуть въ Нюрочкиной комнатѣ. Этотъ дѣтскій лепетъ всегда какъ-то освѣжающе дѣйствовалъ на него. Въ дѣтскомъ мозгу мысль просыпалась такая же чистая и свѣтлая, какъ вода гдѣ-нибудь въ горномъ ключикѣ. Вотъ и теперь встревоженный дѣтскій умъ такъ трогательно ищетъ опоры, разумнаго объясненія и, главное, сочувствія, какъ молодое растеніе тянется къ свѣту и теплу. Чтобы отецъ не ушелъ, Нюрочка держала его руку за палецъ и такъ дремала.

— Ты здѣсь, папочка?

— Я здѣсь, Нюрочка.

Дѣтское лицо улыбалось въ полуснѣ счастливою улыбкой, и слышалось ровное дыханіе засыпающаго человѣка. Лихорадка проходила, и только красныя пятна попрежнему играли на худенькомъ личикѣ. О, какъ Петръ Елисѣичъ любилъ его, это дѣтское лицо, напоминавшее ему другое, котораго онъ уже не увидитъ!.. А между тѣмъ именно сегодня онъ страстно хотѣлъ его видѣть, и щемящая боль охватывала его старое сердце, и въ головѣ проносилась одна картина за другой.

Вотъ на пристани Самосадкѣ живетъ „жигаль“ *) Елеска Мухинъ. Старикъ Палачъ, отецъ нынѣшняго Палача, замѣтилъ его и взялъ къ себѣ на рудникъ Крутяшъ въ дозорные, какъ вѣрнаго человѣка, а маленькаго Елескина сына записалъ въ заводскую ключевскую школу. Маленькій кержачонокъ, попавшій въ учобу, былъ горько оплаканъ въ Самосадкѣ, гдѣ мать и разныя старухи отчитывали его, какъ покойника. Жигаль Елеска тоже хмурился, потому что боялся гражданской печати хуже медвѣдя, но разговаривать со старымъ Палачомъ не полагалось.

— Дуракъ, человѣкомъ будетъ твой Петька,—коротко объяснилъ Палачъ, по-медвѣжьи покровительствовавшій Елескѣ. — Выучится, въ контору служителемъ опредѣлятъ.

На Мурмосскихъ заводахъ было всего двѣ школы — одна въ Мурмосѣ, другая въ Ключевскомъ. Учили одинаково скверно въ обѣихъ, а требовался главнымъ образомъ красивый почеркъ. Маленькій кержачонокъ Петька Жигаль, какъ прозвали его школяры по отцу, оказался однимъ изъ первыхъ, потому что уже выучился церковной печати еще въ Самосадкѣ у своихъ старухъ-мастерицъ. Выучился бы онъ въ школѣ, поступилъ бы на службу въ заводъ и превратился бы въ обыкновеннаго крѣпостного служителя, но случилось иначе. Проживавшій за границей заводовладѣлецъ Устюжаниновъ какъ-то вспомнилъ про свои заводы на Уралѣ, и ему пришла дикая блажь насадить въ нихъ плоды настоящаго европейскаго просвѣщенія, а для этого стоило только написать коротенькую записочку главному заводскому управляющему. Сказано—сдѣлано. Когда эта записочка прилетѣла на Уралъ, то послѣдовала немедленная резолюція: выбрать изъ числа заводскихъ школьниковъ десять лучшихъ и отправить ихъ въ Парижъ, гдѣ проживалъ самъ Устюжаниновъ. Въ это роковое число попали Петька Жигаль и хохленокъ Сидоръ Карпычъ. Можно себѣ представить, какъ съ Самосадки отправляли мальчугана въ невѣдомую, басурманскую сторону. Даже „красная шапка“ не производила такого паническаго ужаса: бабы выли и ревѣли надъ Петькой хуже, чѣмъ если бы его живого закапывали въ землю,—совсѣмъ несмысленный еще мальчонка, а бритоусы и табачники обасурманятъ его.

---

*) Жигалями въ куренной работѣ называютъ рабочихъ, которые жгутъ дровяныя кучи въ уголь: работа очень трудная и еще больше отвѣтственная.

Маленькому Петѣ Мухину было 12 лѣтъ, когда онъ распрощался со своею Самосадкой, увозя съ собой твердую рѣшимость во что бы то ни стало бѣжать отъ антихристовой учобы. Лучше умереть, чѣмъ погубить маленькую самосадскую душу, уже пропитанную раскольничьимъ духомъ подъ руководствомъ разныхъ исправницъ, мастерицъ и начетчицъ. Три раза пытался бѣжать съ дороги маленькій самосадскій дикарь и три раза былъ жестоко наказанъ родными розгами, а дальше слѣдовало ошеломляющее впечатлѣніе новой парижской жизни. Устюжаниновъ не поскупился на средства для своей „академіи“, какъ онъ называлъ своихъ заграничныхъ учениковъ. Къ крѣпостнымъ дѣтямъ были поставлены дорогіе учителя, и вообще они воспитывались въ прекрасной обстановкѣ, что̀ не помѣшало Петѣ Мухину сдѣлать послѣднюю отчаянную попытку къ бѣгству. Онъ былъ возвращенъ въ „академію“ уже французскимъ комиссаромъ и долженъ былъ помириться съ неизбѣжною судьбой. Боже мой, какъ это было давно, и изъ всей „академіи“ въ живыхъ остались только двое: онъ, Петька Жигаль, да еще Сидоръ Карпычъ.

Десять лѣтъ, проведенныхъ въ Парижѣ, совершенно переработали уральскихъ дикарей, усвоившихъ не только внѣшній видъ проклятыхъ басурманъ, но и душевный строй. Блага европейской цивилизаціи совершенно побѣдили черноземную силу. Родное оставалось въ такой дали, что о немъ думали, какъ о чемъ-то чужомъ. Часть воспитанниковъ получила дипломы въ Ecole des mines, а другіе въ знаменитой Ecole polytechnique. Къ послѣднимъ принадлежалъ Pierre Mouchine, окончившій курсъ первымъ ученикомъ. Мѣщанскій король Луи-Филиппъ ежегодно приглашалъ перваго ученика изъ Ecole polytechnique къ своему обѣду, и такимъ образомъ самосадскій кержакъ, сынъ жигаля Елески, попалъ въ Елисейскій дворецъ. Это былъ какой-то блестящій и фантастическій сонъ, который разбился потомъ самымъ безжалостнымъ образомъ.

Меценатствовавшій заводовладѣлецъ Устюжаниновъ былъ доволенъ успѣхами своей „академіи“ и мечталъ о томъ времени, когда своихъ крѣпостныхъ самородковъ-управителей замѣнитъ на заводахъ европейски-образованными спеціалистами. Неожиданная смерть прервала эти замыслы, а „академія“ осталась крѣпостной: меценатъ забылъ выдать вольныя. Оставался, конечно, наслѣдникъ, но онъ былъ еще настолько малъ, что не могъ поправить эту маленькую ошибку, какъ и окружавшая его опека. Это маленькое затрудненіе, впрочемъ, нисколько не безпокоило молодыхъ инженеровъ, возвращавшихся на родину съ легкимъ сердцемъ. Большинство изъ нихъ переженилось, кто въ Парижѣ, кто въ Германіи, кто въ Бельгіи. Мухинъ тоже женился на француженкѣ, небогатой дѣвушкѣ, дочери механика.

Появленіе „заграничныхъ“ въ Мурмосѣ произвело общую сенсацію. На вернувшуюся изъ далекихъ краевъ молодежь сбѣгались смотрѣть, какъ на невиданныхъ звѣрей. Положимъ, на заводахъ всегда проживали механики-нѣмцы, но тутъ получались свои нѣмцы. Всего болѣе удивляли одеревянѣвшій въ напастяхъ заводскій людъ европейскіе костюмы „заграничныхъ“, потомъ ихъ жены „нѣмки“ и наконецъ та свобода, съ какой они держали себя. Съ первыхъ же шаговъ на родной почвѣ произошли драматическія столкновенія: родная, кровная среда не узнавала въ „заграничныхъ“ свою плоть и кровь. Такъ, напримѣръ, обѣдавшій съ французскимъ королемъ Мухинъ на Самосадкѣ былъ встрѣченъ проклятіями. Самого жигаля Елески уже не было въ живыхъ, а раскольница-мать не пустила „француза“ даже на глаза къ себѣ, чтобы не осквернить родного пепелища. Онъ былъ проклятъ, какъ бритоусъ, табачникъ и, особенно, какъ мужъ „нѣмки“. Но самое ужасное было еще

впереди. Главнымъ управляющимъ тогда только-что былъ назначенъ Лука Назарычъ, выдвинувшійся изъ безличной крѣпостной массы своею неукротимою энергіей. Появленіе „заграничныхъ“ уже впередъ стало ему костью поперекъ горла. Они жили въ Мурмосѣ уже около мѣсяца, а онъ все еще не желалъ ихъ принять, выжидая распоряженія изъ Петербурга. Наконецъ получено было и оно: дѣлайте съ „заграничными“, что̀ знаете и какъ знаете, по своему личному благоусмотрѣнію. Это только и было нужно. Заводскій разсылка оповѣстилъ „заграничныхъ“, чтобы они явились въ контору въ шесть часовъ утра. Они явились и должны были ждать два часа въ передней, пока не позвалъ „самъ“. Ихъ уже предупредили, что они должны остановиться у порога и здѣсь выслушать милостивое слово своего начальства.

— Прежде всего, вы всѣ крѣпостные, — заговорилъ Лука Назарычъ, тогда еще среднихъ лѣтъ человѣкъ.—Я тоже крѣпостной. Вотъ и все. О дальнѣйшихъ моихъ распоряженіяхъ вы узнаете черезъ контору.

Это было ударомъ грома. Одно слово „крѣпостной“ убивало все: значитъ, и ихъ жены тоже крѣпостныя, и дѣти, и всѣ вмѣстѣ отданы на полный произволъ крѣпостному заводскому начальству. Нѣтъ словъ выразить то отчаяніе, которое овладѣло всею „академіей“. Чтобы не произошло чего-нибудь, всѣхъ „заграничныхъ“ разсортировали по отдѣльнымъ заводамъ. Геній крѣпостного управляющаго проявился въ полномъ блескѣ: горные инженеры получили мѣста писцовъ въ бухгалтеріи, техники были приставлены пріемщиками угля и т. д. Мухинъ, какъ удостоившійся чести обѣдать съ французскимъ королемъ, получилъ и особый почетъ. Лука Назарычъ ни съ того ни съ чего возненавидѣлъ его и отправилъ въ „мѣдную гору“, къ старому Палачу, что̀ дѣлалось только въ наказаніе за особенно важныя провинности. Первый ученикъ Ecole polytechnique каждый день долженъ былъ спускаться по стремянкѣ съ киркой въ рукахъ и съ блендочкой на кожаномъ поясѣ на глубину 60 саженъ и работать тамъ наравнѣ съ другими; онъ представлялъ въ заводскомъ хозяйствѣ цѣнность, какъ мускульная сила, а въ его знаніяхъ никто не нуждался. Мухина спасло то, что старый Палачъ еще не забылъ жигаля Елеску и не особенно притѣснялъ новаго рабочаго.

Нужно ли говорить, что̀ произошло потомъ: всѣ „заграничные“ кончили очень быстро; двое спились, одинъ застрѣлился, трое умерли отъ чахотки, а остальные сошли съ ума. Къ этому тяжелому времени относится эпизодъ съ Сидоромъ Карпычемъ, котораго отодралъ Иванъ Семенычъ. Сидоръ Карпычъ кончилъ сумасшествіемъ, и Петръ Елисѣичъ держалъ его при себѣ, какъ товарища по несчастію, которому даже и дѣваться было некуда. Уцѣлѣлъ одинъ Петръ Елисѣичъ, да и тотъ слылъ за человѣка повихнувшагося. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ его преслѣдовала неукротимая ненависть Луки Назарыча, и только впослѣдствіи онъ могъ кое-какъ выбиться изъ числа простыхъ рабочихъ.

Главный управляющій торжествовалъ вполнѣ.

Жена Мухина героически переносила свои испытанія, но слишкомъ рано сдѣлалась задумчивой, молчаливой и какъ-то вся ушла въ себя. Ее почти не видали посторонніе люди. Это нелюдимство походило на сумасшествіе, за исключеніемъ тѣхъ рѣдкихъ минутъ, когда мелькали проблески сознанія. Къ этому служило поводомъ и то, что первыя дѣти умирали, и оставалась одна Нюрочка. Умирая, эта „нѣмка“ умоляла мужа отправить дочь туда, на Западъ, гдѣ и свѣтъ, и справедливость, и счастье. Ахъ, какъ она тосковала, что даже мертвымъ ея тѣло должно оставаться въ русскихъ снѣгахъ, хотя и вѣрила, что наступитъ пора и для крѣпостной Россіи.

Все это происходило за пять лѣтъ до этого дня, и Петръ Елисѣичъ снова переживалъ свою жизнь, сидя у Нюрочкиной кроватки. Онъ не слыхалъ шума въ сосѣднихъ комнатахъ, не слыхалъ, какъ расходились гости, и опомнился только тогда, когда въ господскомъ домѣ наступила полная тишина. Мельники, говорятъ, просыпаются, когда остановится мельничное колесо, такъ было и теперь.

Убѣдившись, что Нюрочка спитъ крѣпко, Петръ Елисѣичъ отправился къ себѣ въ кабинетъ, гдѣ горѣлъ огонь и Сидоръ Карпычъ гулялъ, по обыкновенію, изъ угла въ уголъ.

— Ну, что же ты ничего не скажешь?—заговорилъ съ нимъ Мухинъ.—Ты понимаешь вѣдь, что случилось, да? Ты радъ?

— Пожалуй...

Петръ Елисѣичъ схватилъ себя за голову и упалъ на кушетку; его только теперь взяло то горе, которое давило камнемъ цѣлую жизнь.

— Старые, дряхлые, никому ненужные... — шепталъ онъ, сдерживая глухія рыданія.—Поздно наша воля пришла, Сидоръ Карпычъ. Вѣдь ты понимаешь, что я говорю?

Единственный человѣкъ, который могъ раздѣлить и горе и радость великаго дня, не могъ даже отвѣтить.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Когда старый Коваль вернулся вечеромъ изъ кабака домой, онъ прямо объявилъ женѣ Ганнѣ, что, слава Богу, просваталъ Ѳедорку. Это извѣстіе старая хохлушка приняла за обыкновенные выкрутасы и не обратила вниманія на подгулявшаго старика.

— Пошелъ вывертать на уси бо̀ки... — ворчала она, толкая мужа въ спину.

— Ганна, що я тобі кажу? — бормоталъ упрямый хохолъ, хватаясь за косяки дверей въ сѣнцы.—А вотъ устану и буду стоять... Не трошь стараго козака!..

— Оце лядащо... чего винъ товчется, якъ баранъ?

Старушка напрасно старалась своими худыми руками разнять руки пьяницы, но ей на подмогу выскочила изъ избы сноха Лукерья и помогла втащить Коваля въ хату.

— А гдѣ Терёхъ?—спрашивала Лукерья.—Двѣ пьяницы, право... Сидѣли бы дома, какъ добрые люди, а то нашли мѣсто въ кабакѣ.

Эта тулянка Лукерья была сердитая баба и любила покомандовать надъ мужиками, а своего Тереха, по великорусскому обычаю, совсѣмъ подъ голикъ загнала.

— Геть, бабы!.. Чего мордуете?.. — командовалъ старикъ, продолжая упираться ногами.—А якого я свата нашелъ... по рукамъ вдарили.,. Эге, моя Ѳедорка вѣдмедица... сватъ Титъ тоже хвалитъ... а у него хлопецъ Пашка... Ну, чего вы на мене зуставились, якъ двѣ козы?

— Матушка, да вѣдь старики и въ самомъ дѣлѣ, надо быть, пропили Ѳедорку! — спохватилась Лукерья и даже всплеснула руками. — Съ Титомъ Горбатымъ весь день въ кабакѣ сидѣли, ну, и ударили по рукамъ...

Это извѣстіе совсѣмъ ошеломило Ганну, у ней даже руки повело отъ ужаса, и она только смотрѣла на сноху. Изба едва освѣщалась чадившимъ ночникомъ. На лавкѣ, подложивъ старую свитку въ головы, спала мертвымъ сномъ Ѳедора.

— Дорохъ, вже то правда? — спрашивала несчастная Ганна, чувствуя, какъ ее подкатываетъ „до пиченокъ“.

— А то якъ же?.. Въ мене така голова, Ганна... тягнемъ горілку съ Титомъ, а сами по рукамъ...

— Ой, лышечко!..—заголосила Ганна, набрасываясь на старика.—Вотъ ледачи люди... выворотни проклятущи... Та я жъ не отдамъ Ѳедорку: помру, а не отдамъ.

— Нашелъ, куда просватать!..—качала головой Лукерья.—Домъ большой, однѣхъ снохъ четыре... Да и свекровь хороша: изъѣдуга...

Ѳедорка проснулась, сѣла на лавкѣ, посмотрѣла на плакавшую мать и тоже заревѣла благимъ матомъ. Этотъ ревъ и вой нѣсколько умѣрили блаженное состояніе Коваля, и онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ по сторонамъ.

— Отъ тоби на... — проговорилъ онъ наконецъ, разводя руками. — Лукерья, а гдѣ твой Терёхъ, вгадай?

— Да я почемъ знаю... Вмѣстѣ сидѣли въ кабакѣ...

— А я жъ тоби кажу: побигай до машинной, тамъ твой и Терёхъ. Попавсь, бісова дітына, якъ индыкъ!

Теперь запричитала Лукерья и бросилась въ свою заднюю избу, гдѣ на полу спали двое маленькихъ ребятишекъ. Накинувъ на плечи понитокъ, она вернулась, чтобы разспросить старика, что̀ и какъ случилось, но Коваль уже спалъ на лавкѣ и, какъ бабы ни тормошили его, только мычалъ. Старая Ганна не знала, о комъ теперь сокрушаться: о просватанной Ѳедоркѣ или о посаженномъ въ машинную Терешкѣ.

— А я въ контору сбѣгаю провѣдать...—рѣшила сердитая на все Лукерья и полетѣла на улицу.

Черезъ полчаса она вернулась: Терешка спалъ въ машинной мертвецки пьяный, и Лукерья, заливаясь слезами, отъ души желала, чтобы завтра исправникъ хорошенько отодралъ его. Старая Ганна слушала сноху и качала головой. Закричавшій въ задней избѣ ребенокъ заставилъ Лукерью уйти, наконецъ, къ себѣ.

Всю ночь до свѣту не спала Ганна. И кашель ее мучилъ и разныя нехорошія думки. Терешка, конечно, проспится, а вотъ какъ Ѳедорка. Слезы такъ и душили старую хохлушку, когда она начинала думать объ этомъ несчастномъ сватовствѣ и представляла свою Ѳедорку снохой Тита Горбатаго. Хохлы охотно женились на тулянкахъ, какъ это было и съ Терешкой. Ганна сама этого пожелала и выбрала Лукерью. Тулянки такія работящія и не зорятъ семьи, какъ хохлушки. Куда бы дѣвалась та же Ганна, если бы Лукерья начала подбивать Терешку къ отдѣлу? Конечно, она сердитая и ни въ чемъ не уступаетъ Ганнѣ, но зато ведетъ цѣлый домъ и никогда не пожалуется. Тулянки сами охотно шли за хохловъ, потому что тамъ не было большихъ семей, а хохлушки боялись женихаться съ туляками. Въ большомъ дому лѣнивую и неумѣлую хохлушку-сноху забьютъ проворныя на все тулянки, чему и было нѣсколько примѣровъ.

Старшая дочь Матрена сколько горя приняла со своимъ вдовствомъ, а теперь послѣднюю родной отецъ хочетъ загубить.

Рано утромъ, отпустивъ корову въ пасево, Ганна успѣла прибраться по хозяйству. Домъ у Коваля былъ небольшой, но исправный. Изба дѣлилась

сѣнями по-москалиному на двѣ половины: въ передней жилъ самъ старикъ со старухой и дочерью, а въ задней—Терешка со своей семьей. Было у нихъ два хлѣва, гдѣ стояли Терешкина лошадь и корова Пестренка; подъ навѣсомъ красовалась новая телѣга, подъ другимъ жили овцы, а въ огородѣ была устроена особая загородка для свиней. Дорохъ любилъ, чтобы къ Рождеству заколоть своего „кабана“ и ѣсть коржики со своимъ саломъ. Вообще, все хозяйство какъ слѣдуетъ быть: своя шерсть отъ овецъ и овчины (это ужъ Лукерья завела овецъ), свое молоко и свое мясо къ празднику.

Когда сноха проснулась и затопила печку, Ганна накинула на плечи старый жупанъ и торопливо вышла изъ воротъ: стадо уже угнали въ лѣсъ, и только проснавшія хозяйки гнали своихъ коровенокъ. Изба стараго Коваля выходила лицомъ къ рѣчкѣ Култыму, которая отдѣляла Хохлацкій конецъ отъ Туляцкаго. Старая Ганна торопливо перебѣжала по берегу, поднялась на пригорокъ, гдѣ по праздникамъ дѣвки играли пѣсни, и черезъ покосившійся старый мостъ перешла на туляцкую сторону, гдѣ правильными рядами вытянулись все такія крѣпкія, хорошія избы.

— Вонъ какія славныя избы у туляковъ...—невольно сравнила старуха туляцкую постройку со своей хохлацкой.—Наши хохлы лѣнивые да пьяницы... о, чтобъ имъ пусто было!.. Вонъ туляки ужъ печки истопили, а наши хохлушки только еще поднимаются...

Когда-то давно Ганна была и красива и „товста“, а теперь остались у ней кожа да кости. Даже сквозь жупанъ выступали на спинѣ худыя лопатки. Сгорбленныя плечи, тонкая шея и сморщенное лицо дѣлали Ганну старше ея лѣтъ, а обмотанная бумажною шалью голова точно была чужая. Стоптанные старые сапоги такъ и болтались у ней на ногахъ. Съ моста нужно было подняться опять въ горку, и Ганна пріостановилась, чтобы перевести немного духъ: у ней давно болѣла грудь.

Большая пятистѣнная изба Горбатаго стояла на большой Туляцкой улицѣ, по которой шла большая дорога въ Мурмосъ. Она рѣзко выдѣлялась среди другихъ построекъ своею высокою тесовою крышей и цѣлымъ рядомъ разныхъ пристроекъ, сгрудившихся на задахъ. Недавно старикъ покрылъ весь дворъ сплошною крышей, какъ у кержаковъ, и новыя тесницы такъ и горѣли на солнцѣ. Всѣ знали, что старику помогъ второй сынъ, Макаръ, который попалъ въ лѣсообъѣздчики и сталъ получать доходы. Такихъ крытыхъ дворовъ въ Туляцкомъ концѣ было уже штукъ пять, а у хохловъ—ни одного. Рядомъ съ избой Горбатаго стыдливо присѣла развалившаяся избенка пьяницы Рачителя и своимъ убожествомъ еще сильнѣе выдѣляла богатаго сосѣда.

У воротъ стояла запряженная телѣга. Титъ Горбатый давно всталъ и собирался ѣхать на покосъ. У старика трещала съ похмелья голова, и онъ непривѣтливо покосился на Ганну, которая спросила его, гдѣ старая Палагея.

— А въ избѣ киснетъ...—едва отвѣтилъ старикъ, разсматривая разсыхавшееся колесо.—Она, тово-этово, со снохами воюетъ.

Поднимаясь на крылечко, Ганна натолкнулась на молодую сноху Агаѳью, которая стремглавъ вылетѣла изъ избы и на ходу поправляла сбившійся на затылокъ платокъ. Красное лицо и заплаканные глаза не требовали объясненій. Отворивъ дверь въ избу, Ганна увидѣла старшую сноху у печи, а сама Палагея усаживалась за кроснà. Обернувшись, старуха съ удивленіемъ посмотрѣла на раннюю гостью. Помолившись на образъ, Ганна присѣла на лавочку къ кроснàмъ и завела рѣчь о лишней ярочкѣ, которую не знала куда дѣвать. Палагея внимательно слушала, опустивъ глаза,—она чувствовала, что хохлушка пришла не за этимъ. Когда возившаяся около печи сноха вы-

вернулась за чѣмъ-то изъ избы, Ганна разсказала про вчерашнее сватовство.

— Ну, такъ что тебѣ?—сурово спросила Палагея, непріятно пораженная этой новостью. Титъ не любилъ разбалтывать въ своей семьѣ и ничего не сказалъ женѣ про вчерашнее.

— Та будь ласкова, разговори своего-то старика,—уговаривала Ганна со слезами на глазахъ.—Глупая моя Ѳедорка, какая она сноха въ такомъ большомъ дому... И дѣлать ничего не вмѣетъ,—совсѣмъ ледаща.

— Отецъ да мать не выучатъ—добрые люди выучатъ... Что же, развѣ мы цыгана, чтобы словами-то мѣняться?.. Можетъ, родниться не хочешь?

Вернувшаяся въ избу сноха прекратила этотъ разговоръ, и Ганна торопливо вытерла непрошенныя слезы и опять заговорила про свою ярочку.

— А нашихъ тулянокъ любите брать?—спрашивала разсердившаяся старуха, не обращая вниманія на политику гостьи.—Сама тоже для Теренки присмотрѣла не хохлушку... Вишь старая!.. А какъ самой довелось...

— Да вѣдь тулянки сами бѣгутъ за нашихъ хохловъ,—оправдывалась Ганна.—Спроси Лукерью...

— Потакаете снохамъ, вотъ и бѣгутъ... Да еще нашимъ повадка нехорошая идетъ. А про Ѳедорку не безпокойся: выучится помаленьку.

Кросна сердито защелкали, и Ганна поняла, что пора уходить: не вовремя пришла. „У, вѣдьма!“ — подумала она, шагая черезъ порогъ богатой избы, по которой снохи бѣгали, какъ мыши въ мышеловкѣ.

За воротами Ганна натолкнулась на новую непріятную сцену. Титъ стоялъ у телѣги съ черемуховою палкой въ рукахъ и смотрѣлъ на подъѣзжавшаго верхомъ второго сына, Макара. Лѣсообъѣздчикъ прогулялъ гдѣ-то цѣлую ночь съ товарищами и теперь едва держался въ сѣдлѣ. Завидѣвъ отца, Макаръ выпрямился и расправилъ болтавшіяся на немъ лядунки.

— Слѣзай,—коротко приказалъ Титъ.

Макаръ, не торопясь, слѣзъ съ лошади, снялъ шапку и подошелъ къ отцу.

— Тятя... прости...—бормоталъ онъ и повалился въ ноги.

Титъ схватилъ его за волосы и принялся колотить своею палкой что было силы. Гибкій черемуховый прутъ только свистѣлъ въ воздухѣ, а Макаръ даже не пробовалъ защищаться. Это былъ красивый, широкоплечій парень, и Ганнѣ стало до смерти его жаль.

— Будешь по ночамъ пропадать, а?..—кричалъ на всю улицу Титъ, продолжая работать палкой.—Будешь?..

— Хорошенько его,—поощрялъ Дѣянъ Поперешный, который жилъ напротивъ и теперь высунулъ голову въ окошко.—Отъ рукъ ребята отбиваются, глядя на хохловъ. Ты его за волосья да по спинѣ... вотъ такъ... Поболтай его хорошенько, дольше не разсохнется.

— Тятя, прости!—взвылъ Макаръ, валяясь по землѣ.

Эта сцена привлекла общее вниманіе. Вездѣ изъ оконъ показались туляцкія головы. Изъ воротъ выскакивали бѣлоголовые ребятишки и торопливо прятались назадъ. Общественное мнѣніе безраздѣльно было за старика Тита, который совсѣмъ умаялся.

— Буде тоби хлопца увѣчить,—вступилась-было Ганна и даже сдѣлала попытку схватить черемуховую палку у расходившагося старика.

— Убирайся, потатчица,—закричала на нее въ окошко Палагея.—Вишь выискалась какая добрая... Вотъ я еще, Макарка, прибавлю тебѣ, иди-ка въ избу-то.

— Что взяла, старая?—накинулся Дѣнь изъ своего окна на Ганну.—Теренка-то придетъ изъ машинной, такъ ты позови меня поучить его... А то вмѣстѣ съ Титомъ придемъ.

Но старая Ганна уже не слушала его и торопливо шла на свою хохлацкую сторону съ худыми избами и пьяницами-хозяевами.

— А Богъ съ вами!—бормотала она, шаркая сапогами по землѣ.—Бо зна, що роблять...

На мосту ей попались Пашка Горбатый, шустрый мальчикъ, и Илюшка Рачитель,—это были закадычные друзья. Они ходили вмѣстѣ въ школу, а потомъ бѣгали въ лѣсъ, затѣвали разныя игры и баловались. Огороды избенки Рачителя и горбатовской избы были рядомъ, что и связывало ребятъ: выпеетъ Пашка въ огородъ, а ужъ Илюшка сидитъ на прислѣ, или наоборотъ. Старая Ганна пристально посмотрѣла на будущаго мужа своей непригляднѣй Ѳедорки и даже остановилась: проворный парнишка будетъ, ежели бы не семья ихняя.

— Ты чего шары-то вытаращила?—оборвалъ ее Пашка и показалъ языкъ.—У, старая корга... глиндра!..

Илюшка поднялъ комъ сухой грязи и ловко запустилъ имъ въ старуху.

— Оце, змѣеныши!—ругалась Ганна, защищая лицо рукой.—Я васъ, пранцеватыхъ... Геть, щидрики!..

— Глиндра!..

II.

Мальчишки что есть духу запустили отъ моста домой, и зоркій Илюшка крикнулъ:

— Гли, Пашка, гли: важно взбулындываетъ отецъ Макарку! Даромъ что лѣсообъѣздчикъ, а только лядунки трясутся.

Сорванцы остановились въ приличномъ отдаленіи: имъ хотѣлось и любопытную исторію досмотрѣть до конца, да и на глаза старику-чорту не попасться, пожалуй, еще вздуетъ здорово живешь.

— Айда къ намъ въ избу,—приглашалъ Илюшка и перекинулся на рукахъ прямо черезъ прясло.—Испугался, небось, тятьки-то, а?.. Титъ и тебя отвзбулындываетъ.

Бойкій Илюшка любилъ дразнить Пашку, какъ вообще всѣхъ богатыхъ товарищей. Въ немъ сказывалось завистливое нехорошее чувство,—вонъ какая изба у Тита, а у нихъ какая-то гнилушка.

— Я буду непремѣнно разбойникомъ, какъ Окулко,—говорилъ онъ, толкая покосившуюся дверку въ сѣни избушки.—Поѣдетъ богатый мужикъ съ деньгами, а я его за горло: стой, глиндра!

— А богатый тебя по лбу тресне.

— Въ красной кумачной рубахѣ буду ходить, какъ Окулко, и въ плисовыхъ шароварахъ. Приду въ кабакъ—всѣ и разступятся... Разбойникъ Илька пришелъ!..

Въ избѣ жила мать Домнушки и Рачителя, глухая жалкая старуха, вѣчно лежавшая на печи. Мальчишки постоянно приходили подразнить ее и при случаѣ стащить что-нибудь изъ съѣстного. Домнушка на недѣлѣ завертывала провѣдать мать раза три и непремѣнно тащила съ собой какой-нибудь узелокъ съ разною господскою ѣдой: то кусокъ пирога, то телятины, то цѣлую жареную рыбу, а иногда и никалекъ сладкой наливки. Старуха не прочь была выпить, причемъ стонала и жаловалась на свою судьбу еще больше, чѣмъ обыкновенно. Заслышавъ теперь шаги своихъ враговъ, старуха закричала на нихъ:

— Куда вы, пострѣлы, лѣзете?.. Илюшка, это ты?

— Я, баушка Акулина.

— А съ тобой кто?

— Пашка Горбатый... Въ гости пришли, баушка.

— Какъ ты сказалъ: въ гости?.. Вотъ я ужо слѣзу съ печки-то да Титу и пожалуюсь... Онъ вамъ такихъ гостинцевъ насыплетъ, пострѣлы.

Ребята обшарили всю избушку и ничего не нашли: рано пришли, а Домнушка еще не бывала.

— Этакая шлюха эта Домнушка!—тономъ большого обругался Илюшка.—Отецъ-то куды у тебя собрался?

— А на покосъ... Меня хотѣлъ везти, да я убѣгъ отъ него. Больно злой съ похмелья-то, старый чортъ... Всѣхъ по зубамъ такъ и чиститъ съ утра.

Пашка старался усвоить грубый тонъ Илюшки, которому вообще подражалъ во всемъ. Илюшка былъ старше его и вездѣ лѣзъ въ первую голову. Изъ избы ребята прошли въ огородъ, гдѣ и спрятались за худою баней,—отсюда черезъ прясло было отлично видно, какъ Титъ поѣдетъ на покосъ.

— Пашка... эй, Пашка!—кричалъ сердитый старикъ, выглядывая въ свой огородъ.—Ужо я тебя, этово-тово... Пашка!

— Не откликайся: вздуетъ!—подучилъ Илюшка.

Ребятишки прятались за баней и хихикали надъ сердившимся старикомъ. Домой онъ пріѣдетъ къ вечеру, а тогда Пашка заберется на палати въ переднюю избу, и мать не дастъ обижать.

— Эхъ, вы, богатеи!—презрительно замѣтилъ Илюшка, хватая пріятеля за вихры, и прибавилъ съ гордостью: — третьева-дни я бѣгалъ къ теткѣ на рудникъ...

— Къ приказчицѣ?—хихикнулъ Пашка, закрывая ротъ рукой.— Вѣдь Анисья съ Палачомъ живетъ.

— Ну, живетъ... Ну, мать меня къ ей посылала... Я нарочно по Кержацкому концу прошелъ и двухъ кержаковъ отболталъ.

— Не подавись врать-то!

— Я?.. Вѣрно тебѣ говорю... Ну, прихожу къ теткѣ, она меня сейчасъ давай часмъ угощать, а сама въ матерчатомъ платьѣ ходитъ... Шалевый платокъ ей подарилъ Палачъ на Пасхѣ, да козловы ботинки, да шкатунку. Вотъ тебѣ и приказчица!

Это хвастовство взбѣсило Пашку,—ужъ очень этотъ Илюшка носъ сталъ задирать... Лучше ихъ нѣтъ, Рачителей, а и вся-то цѣна имъ: кабацкая затычка. Послѣдняго Пашка изъ туляцкаго благоразумія не сказалъ, а только подумалъ. Но Илюшка, поощренный его вниманіемъ, продолжалъ еще сильнѣе хвастать: у матери двои козловы ботинки, потомъ шелковое платье хочетъ купить и т. д.

— А откуда деньги-то?—лукаво хихикнулъ Пашка.

— Извѣстно, откуда: изъ выручки. Отъ Груздева, небось, отсчитаемся... Цѣлую бочку на недѣлѣ-то продали.

— Вотъ и врешь: Окулко дастъ твоей матери деньги,—неожиданно заявилъ Пашка съ убѣжденіемъ.

Это заявленіе обезкуражило Илюшку, такъ что онъ не нашелся даже что ему отвѣтить.

— А ты не зналъ, зачѣмъ Окулко къ вамъ въ кабакъ ходитъ?—не унимался Пашка, ободренный произведеннымъ впечатлѣніемъ.—Вотъ тебѣ и твои козловы ботинки... Окулко-то вѣдь жилъ съ твоею матерью, когда она

еще въ дѣвкахъ была. Ее въ хомутѣ водили по всему заводу... А все изъ-за Окулка!..

Илюшка молчалъ и только смотрѣлъ на Пашку широко раскрытыми глазами. Онъ могъ, конечно, сейчасъ же исколотить пріятеля; но что-то точно связывало его по рукамъ и по ногамъ, и онъ ждалъ съ мучительнымъ любопытствомъ, что̀ еще скажетъ Пашка. И злость, и слезы, и обидное щемящее чувство захватывали ему духъ, а Пашка продолжалъ свое, наслаждаясь мученіями благопріятеля. Ему страстно хотѣлось, чтобы Илюшка заревѣлъ и даже побилъ его. Вотъ тебѣ, хвастунъ!

— У васъ вся семья такая,—продолжалъ Пашка.—Домнушку на фабрикѣ какъ дразнятъ, а твоя тетка въ приказчицахъ живетъ у Палача. Дѣдъ постоянно разсказываетъ, какъ мать-то въ хомутѣ водили тогда. Онъ разсказываетъ, а мужики хохочутъ. Рачитель потомъ какъ колотилъ твою-то мать: за волосья по улицамъ таскалъ, черезсѣдельникомъ хлесталъ... страсть! Вотъ тебѣ и козловы ботинки...

Въ это мгновеніе Илюшка прыжкомъ насѣлъ на Пашку, повалилъ его на землю и принялся отчаянно бить по лицу кулаками. Онъ былъ страшенъ въ эту минуту: лицо покрылось смертельною блѣдностью, глаза горѣли, губы тряслись отъ бѣшенства. Пашка сначала крѣпился, а потомъ заревѣлъ благимъ матомъ. На крикъ выбѣжала молодая сноха Агаѳья, копавшая въ огородѣ гряды, и накинулась на разбойника Илюшку.

— Ахъ, ты, собачье мясо!—кричала она, стараясь разнять катавшихся по землѣ ребятишекъ, но ничего не могла подѣлать и бросилась за помощью въ избу.

Разстервенившійся Илюшка ничего не сознавалъ,—онъ точно одеревянѣлъ, вцѣпившись въ обидчика. Прибѣжавшая старуха Палагея ударила его по спинѣ палкой, а старшая сноха ухватила за волосы, но Илюшка не выпускалъ хрипѣвшаго Пашки и ругалъ бабъ нехорошими словами. Только появленіе Макарки прекратило побоище: онъ, какъ кошку, отбросилъ Илюшку въ сторону и поднялъ съ земли жениха Ѳедорки въ самомъ жалкомъ видѣ,—лицо было въ крови, губы распухли. На шумъ выползла изъ своей избушки даже бабушка Акулина, на которую и накинулась Палагея. Илюшка уже давно летѣлъ по улицѣ къ кабаку.

— Сейчасъ видно разбойничье-то отродье...—корила Палагея, размахивая руками.—Вотъ навязались сусѣди, прости Господи!

— Ну, вы, бабы: будетъ!—окрикнулъ Макаръ, далъ затрещину хныкавшему Пашкѣ и, пошатываясь, пошелъ домой.

Высокая, здоровая старуха Палагея долго не могла успокоиться. Поругавшись съ бабушкой Акулиной, она цыкнула на снохъ, стоявшихъ у прясла съ разинутыми ртами, и съ ворчаньемъ, какъ медвѣдица, побрела къ своему двору. Въ нестрядиномъ сарафанѣ своей домашней работы изъ домашняго холста, она имѣла что-то внушительное, а старушечье лицо смотрѣло сѣрыми глазами такъ строго и холодно. Старшая сноха, красивая толстая баба, повязанная кумачнымъ платкомъ, высоко подтыкала свой будничный сарафанъ и, не торопясь, тоже пошла домой,—она по очереди сегодня управлялась въ избѣ. Младшая сноха, Агаѳья, бѣлобрысая бабенка съ узкими и покатыми плечами, слѣдовала за ней по пятамъ, чтобы не попадаться на глаза разсерженной свекрови. Она не пошла къ своей грядѣ, гдѣ въ бороздѣ валялась брошенная второпяхъ лопатка, а поскорѣе нырнула въ ворота и спряталась отъ старухи къ конюшнѣ.

Пашка въ семьѣ Горбатаго былъ младшимъ и поэтому пользовался боль-

ними льготами, особенно у матери. Снохи за это терпѣть не могли баловня и при случаѣ натравляли на него старика, который никому въ домѣ спуску не давалъ. Да и трудно было увернуться отъ родительской руки, когда четыре семьи жались въ двухъ избахъ. О выдѣлѣ никто не смѣлъ и помышлять, да онъ былъ и немыслимъ: тогда рухнуло бы все горбатовское благосостояніе.

Макаръ ушелъ къ себѣ въ заднюю избу, гдѣ его жена Татьяна стирала на ребятъ. Онъ все еще не могъ прочухаться отъ родительской трепки и недружелюбно смотрѣлъ на широкую спину безотвѣтной жены, взятой въ богатую семью за свою лошадиную силу.

— Это ты нажалилась отцу?—придирался Макаръ къ женѣ, едва удерживаясь отъ желанія хлобыснуть Татьяну по спинѣ.

— Чтой-то, Макаръ, все ты присыкаешься ко мнѣ... — слезливо отвѣтила несчастная баба, инстинктивно убирая свою спину отъ замахнувшагося кулака.

— У, вѣдьма!..—рычалъ Макаръ, тыкая жену въ бокъ.

Та схватилась за „убитое“ мѣсто и жалко захныкала, что еще сильнѣе разсердило Макара, и онъ больно ударилъ жену ногой прямо въ животъ.

Положеніе Татьяны въ семьѣ было очень тяжелое. Это было всѣмъ хорошо извѣстно, но каждый смотрѣлъ на это, какъ на что-то неизбѣжное. Макаръ пьянствовалъ, Макаръ походя билъ жену, Макаръ вообще безобразничалъ, но гдѣ дѣло касалось жены—вся семья молчала и дѣлала видъ, что ничего не видитъ и не слышитъ. Особенно фальшивили въ этомъ случаѣ старики, подставлявшіе несчастную бабу подъ обухъ своими руками. Когда сосѣдки начинали приставать къ Палагеѣ, она подбирала строго губы и всегда отвѣчала одно и то же:

— Промежду мужемъ и женой одинъ Богъ судья...

Даже сегодняшняя проволочка Макару, заданная отъ старика, имѣла болѣе хозяйственный интересъ, а не нравственный: онъ его билъ не какъ плохого мужа, а какъ плохого члена семьи, баловавшаго на сторонѣ на неизвѣстныя деньги. Старшій сынъ, Ѳедоръ, былъ смирный и забитый мужикъ, не могшій служить опорой дому въ качествѣ большака. Когда пришлось женить Макара, горбатовская семья была большая, но все подростки или ребята, такъ что у Палагеи со старшею снохой „управа не брала“. Нужно было взять работящую, безотвѣтную бабу, какую самъ Титъ и подыскалъ въ лицѣ Татьяны. Макаръ, конечно, зналъ отлично эти домашніе расчеты и все-таки женился, не смѣя перечить родительской волѣ. Пока семья крѣпла и разрасталась, Татьяна была необходима для работы,—баба „воротила весь домъ“,—но когда остальныя дѣти подросли и въ домъ взяли третью сноху, Агаою, жену четвертаго сына, Флора, честь Татьянѣ сразу отошла. Три снохи управятся съ какимъ угодно хозяйствомъ, и въ ней не было теперь особенной необходимости. Вмѣстѣ съ приливавшимъ довольствомъ явились и новыя требованія: Агаою взяли уже изъ богатаго дома,—значитъ, ею нельзя было такъ помыкать, какъ Татьяной, да и работать по-настоящему еще нужно было учить. Выходило такъ, что Татьяна своимъ слишкомъ рабочимъ видомъ точно конфузила горбатовскую семью, особенно на ряду съ другими снохами, и ее держали въ черномъ тѣлѣ, какъ изработавшуюся скотину, какая околачивается по заднимъ дворамъ на подножномъ корму.

Были у Горбатаго еще два сына: одинъ—Артемъ, мужъ Домнушки, женившійся на ней „по сосѣдству“, противъ родительской воли, а другой—учитель Аганъ. Артемъ ушелъ въ солдаты. Считая сыновей, Титъ откладывалъ всего пять пальцевъ и откидывалъ Агана, какъ отрѣзанный ломоть. Да и ка-

кой это человѣкъ для семьи: учитель заводской народной школы? Еще былъ бы служащій или просто попалъ куда „на доходы“, какъ лѣсообъѣздчикъ Макаръ, тогда другое дѣло, а то учитель—послѣднее дѣло. Братья подшучивали надъ пьяницей Аганомъ, какъ надъ посторонним человѣкомъ, и въ грошъ его не ставили. Даже большакъ Оедоръ, околачивавшійся въ доменной печи подсыпкой, и тотъ чувствовалъ свое превосходство. Аганъ и Домнушка совсѣмъ были исключены изъ семьи, какъ чужіе, потому что отъ нихъ не было дому никакой пользы.

Семья Тита славилась, какъ хорошіе, исправные работники. Самъ старикъ работалъ всю жизнь въ куренях, куда уводилъ съ собой двухъ сыновей. Куренная работа тяжелая и отвѣтственная, потомъ нужно имѣть скотину и большое хозяйственное обзаведеніе, но большія туляцкія семьи держались именно за нее, потому что она представляла больше свободы,—въ куренѣ не скоро достанешь, да и какъ услѣдишь за самою работой? На дворѣ у Тита всегда стояли угольные коробья, дровни и тому подобная углеставщицкая снасть.

III.

Когда у кабака Дуньки Рачителихи стояла сивая кобыла, всѣ знали, что въ кабакѣ засѣлъ Мòрокъ. Эта кобыла ходила за хозяиномъ, какъ собака, и Мòрокъ никогда ее не кормилъ: если захочетъ жрать, такъ и сама найдетъ. Сейчасъ кобыла стояла у кабака, понуривъ голову и сонно моргая глазами, а Мòрокъ сидѣлъ у стойки съ учителемъ Аганомъ и Рачителемъ. Сегодня происходило великое торжество: друзья дѣлали вспрыски по поводу отправленія Мòрока въ пасево. Единственный заводскій воръ зналъ только одну работу: пасти лошадей. Это былъ каторжный и крайне отвѣтственный трудъ, но Мòрокъ пользовался громкою репутаціей лучшаго конскаго пастуха. Ключевляне довѣрялись ему на основаніи принципа, что если ужъ кто убережетъ, такъ, конечно, самъ воръ. У Мòрока былъ свой гоноръ, и въ теченіе лѣта онъ оставался почти честнымъ человѣкомъ, за исключеніемъ мелкихъ кражъ гдѣ-нибудь на покосѣ. Получивъ задатокъ, Мòрокъ первымъ дѣломъ, конечно, отправился въ кабакъ, гдѣ его уже дожидались благопріятели.

— Молодецъ ты, Мòрокъ!..—льстиво повторялъ учитель Аганъ.—Найди-ка другого такого конскаго пастуха...

— Это ты вѣрно!..—поддакивалъ захмелѣвшій прежде другихъ Рачитель.

— У меня въ позапрошломъ году медвѣдь мою кобылу хваталъ,—разсказывалъ Мòрокъ съ самодовольнымъ видомъ. — Только и хитра скотинка, эта кобыла самая... Онъ, медвѣдь, какъ ее облапитъ, а она въ чащу, да къ озеру, да въ воду, — ей-Богу!.. Отсталъ вѣдь медвѣдь-то, потому удивила его кобыла своею догадкой.

„Три пьяницы“ вообще чувствовали себя прекрасно, что̀ бѣсило Рачителиху, нѣсколько разъ выглядывавшую изъ дверей своей каморки въ кабакъ. За стойкой управлялся одинъ Илюшка, потому что днемъ въ кабакѣ народу было немного, а набивались къ вечеру. Рачителиха успѣвала въ это время управиться около печи, прибрать ребятишекъ и вообще повернуть все свое бабье дѣло, чтобы вечеромъ уже самой выйти за стойку.

— Илюшка, ты смотри за отцомъ-то,—наставляла она дѣтище.—Куды-нибудь отвернешься, а онъ какъ разъ полштофъ и стащитъ...

Илюшка упорно отмалчивался, что̀ еще больше злило Рачителиху. Съ парнишкой что-то сдѣлалось: то молчитъ, то такъ звѣремъ на нее и смотритъ.

Раньше Рачителиха спускала сыну разныя грубыя выходки, а теперь, обозленная радовавшимися пьяницами, она не вытерпѣла.

— Ты чего молчишь, какъ пень?—накинулась она на Илюшку.—Кому говорятъ-то?.. Недавно оглохъ, такъ не можешь отвѣтить матери-то?

Илюшка продолжалъ молчать; онъ стоялъ спиной къ окну и равнодушно смотрѣлъ въ сторону, точно мать говорила стѣнѣ. Это уже окончательно взбѣсило Рачителиху. Она выскочила за стойку и ударила Илюшку по щекѣ. Мальчикъ весь побѣлѣлъ отъ бѣшенства и, глядя на мать своими большими темными глазами, обругалъ ее нехорошимъ мужицкимъ словомъ.

— Ахъ, ты, змѣенышъ!..

Рачителиха вся затряслась отъ бѣшенства и бросилась на сына, какъ смертельно раненая медвѣдица. Она сбила его съ ногъ и таскала по полу за волосы, а Илюшка въ это время на весь кабакъ выкрикивалъ все, что слышалъ отъ Пашки Горбатаго про Окулка.

— Будь же ты отъ меня проклятъ, змѣенышъ!—заголосила Рачителиха, съ ужасомъ отступая отъ своей взбунтовавшейся плоти и крови. — Не тебѣ, змѣенышу, родную мать судить...

Остервенившійся Илюшка больно укусилъ ей палецъ, но она не чувствовала боли, а только слышала проклятое слово, которымъ обругалъ ее Илюшка. Пьяный Рачитель громко хохоталъ надъ этою дикою сценой и кричалъ сыну:

— Валяй ее, Илюшка!..

Опомнившись отъ потасовки и поощренный отцомъ, Илюшка опять обругалъ мать, но не успѣлъ онъ докончить ругани, какъ чья-то могучая рука протянулась черезъ стойку, схватила его и подняла за волосы.

— Давай веревку, Дуня... — хрипло говорилъ Мѳрокъ, выхватившій Илюшку изъ-за стойки, какъ годовалаго щенка.—Я его поучу, какъ съ матерью разговаривать.

Рачителиха бросилась въ свою коморку, схватила опояску и сама принялась крутить Илюшкѣ руки за спину. Озвѣрѣвшій мальчишка принялся отчаянно защищаться, ругалъ мать и одною рукой успѣлъ выхватить изъ бороды Мѳрока цѣлый клокъ волосъ. Связанный по рукамъ и ногамъ, онъ хрипѣлъ отъ злости.

— Ну и звѣрь!—удивлялся Мѳрокъ, показывая Рачителихѣ укушенный палецъ.

Въ этотъ моментъ подкатилъ къ кабаку, заливаясь колокольчиками, экипажъ Груздева. Войдя въ кабакъ, Самойло Евтихычъ нашелъ Илюшку еще связаннымъ. Рачителиха такъ растерялась, что не успѣла утащить связаннаго хоть за стойку.

— Кто это тебя такъ стреножилъ, мальчуга?—весело спрашивалъ Груздевъ, узнавшій Илюшку.

Это участіе растрогало Рачителиху, и она залилась слезами. Груздевъ ее любилъ, какъ разбитную шинкарку, у которой дѣло горѣло въ рукахъ,—ключевской кабакъ давалъ самую большую выручку. Разспросивъ, въ чемъ дѣло, онъ только строго покачалъ головой.

— Ну, дѣло дрянь, Илюшка,—строго проговорилъ Груздевъ.—Надо будетъ тебя и въ самъ-дѣлѣ поучить, а матери гдѣ же съ тобой справиться?.. Вотъ что скажу я тебѣ, Дуня: отдай ты его мнѣ, Илюшку, а я изъ него шелковаго сдѣлаю. У меня, братъ, разговоры короткіе.

— Самойло Евтихычъ, будь отцомъ роднымъ! — причитала Рачителиха, бросаясь въ ноги благодѣтелю.—Бога за тебя буду молить, ежели возьмешь его.

— Встань, Дуня...—ласково говорилъ Груздевъ, поднимая ревѣвшую неладомъ бабу.—Золотыя у тебя руки, какъ бы вонъ не твой-то сахаръ...

Груздевъ мотнулъ головой на Рачителя и поморщился.

— Ну, давай счеты.

Къ особенностямъ Груздева принадлежала феноменальная память. На трехъ заводахъ онъ почти каждаго зналъ въ лицо и могъ назвать по имени и отчеству, а въ своихъ десяти кабакахъ велъ счеты на память, безъ всякихъ книгъ. Такъ было и теперь. Присѣлъ къ стойкѣ, взялъ счеты въ руки и пощелъ пощелкивать, а Рачителиха тоже на память отсчитывалась за двѣ недѣли своей торговли. Разница вышла въ двухъ полуштофахъ.

— Это ужъ мнѣ въ жалованье накинь, Самойло Евтихычъ, — печально проговорила Рачителиха.—Моя неустойка.

— Рачитель выпилъ? — коротко спросилъ Груздевъ и, поморщившись, скостилъ два украденныхъ Рачителемъ полуштофа. — Ну, смотри, чтобы впередъ у меня этого не было... не люблю.

— И то рукъ не покладаючи бьюсь, Самойло Евтихычъ, а гдѣ же углядѣть; тоже какое ни на есть хозяйство, за робятами должна углядѣть, а замѣниться некѣмъ.

— Знаю, знаю, Дунюшка... Не разорваться тебѣ въ самъ-то дѣлѣ!.. Руки-то твои золотыя жалѣю... Ну, собирай Илюшку, я его сейчасъ же и увезу съ собой на Самосадку.

Все время расчета Илюшка лежалъ связанный посреди кабака, какъ мертвый. Когда Груздевъ сдѣлалъ знакъ, Мòрокъ бросился его развязывать, отъ усердія къ благодѣтелю у него даже руки дрожали, и узлы онъ развязывалъ зубами. Груздевъ, конечно, отлично зналъ единственнаго заводскаго вора и съ улыбкой смотрѣлъ на его широчайшую спину. Развязанный Илюшка бросился-было стремглавъ въ открытую дверь кабака, но здѣсь попалъ прямо въ лапы къ обережному Матюшкѣ Гущину.

— Подержи его малымъ дѣломъ, Матюшка,—приказывалъ Груздевъ.

Сборы Илюшки были окончены въ пять минутъ: двѣ новыхъ рубахи, новые сапоги и суконное пальтишко были связаны въ одинъ узелъ и засунуты въ повозку Груздева подъ кòзлы. Рачителиха, заливаясь слезами, остановилась въ дверяхъ кабака.

— Перестань, Дуня,—ласково уговаривалъ ее Груздевъ и потрепалъ по плечу.—Наши самосадскія старухи говорятъ такъ: „маленькія дѣтки матери спать не даютъ, а большія вырастутъ—самъ не уснешь“. Ну, прощай пока, горюшка.

Такъ какъ мѣсто около кучера на козлахъ было занято обережнымъ, то Груздевъ усадилъ Илюшку въ экипажъ рядомъ съ собой.

— Вотъ ужò я тебѣ задамъ, — ворчалъ онъ, засовывая себѣ за спину дорожную кожаную подушку.

Лихо рванула съ мѣста отдохнувшая тройка въ наборной сбруѣ, залились серебристымъ смѣхомъ настоящіе валдайскіе колокольчики, и экипажъ птицей полетѣлъ въ гору, по дорогѣ въ Самосадку. Рачителиха стояла въ дверяхъ кабака и причитала, какъ по покойникѣ. Очень ужъ любила она этого Илюшку, а онъ даже и не оглянулся на мать.

Цѣлый день проревѣла Рачителиха, оплакивая свое ненаглядное дѣтище. Къ вечеру народу въ кабакѣ набралось много, и она торговала съ опухшими отъ слезъ глазами. Урвется свободная минутка, и Рачителиха гдѣ-нибудь въ уголкѣ припадетъ своею горькою головой и зальется рѣкой. Она ли не любила, она ли не лелѣяла Илюшку, а онъ первый поднялъ на нее свою дѣт-

скую руку! Этотъ случай поднялъ въ ея душѣ все прошлое, которое довело ее до кабацкой стойки. Родомъ она была изъ богатаго туляцкаго дома и рано заневѣстилась. Отъ женциховъ не было отбоя, а пока отецъ съ матерью думали да передумывали, кого выбрать въ зятья, она познакомилась на покосѣ въ страду съ Окулкомъ, и эта встрѣча рѣшила ея судьбу. Окулко тогда не былъ разбойникомъ и работалъ на фабрикѣ, какъ одинъ изъ лучшихъ кричныхъ мастеровъ,—самъ Лука Назарычъ только любовался, когда Окулко вытягивалъ подъ молотомъ полосу. Видный былъ парень Окулко и содержалъ всю семью, да попуталъ его грѣхъ: наткнулся онъ на Палача-отца. За какую-то провинность Окулко посланъ былъ на исправленіе въ мѣдную гору (лучшіе мастера не избѣгали этого наказанія). Когда дѣло дошло до плетей, Окулко съ ножомъ бросился на Палача и зарѣзалъ бы его, да спасли старика большіе старинные серебряные часы луковицей: ножъ изгадалъ по часамъ, и Палачъ остался живъ. Окулко бѣжалъ въ горы, гдѣ и присоединился къ другимъ крѣпостнымъ разбойникамъ, какъ Безналый, бѣгавшій отъ рекрутчины. Этимъ и закончился романъ Дуни. Чтобы смотать дочь съ рукъ, отецъ подыскалъ ей самаго завалящаго жениха—Рачителя, который за двадцать рублей взялся прикрыть вѣнцомъ дѣвичій грѣхъ.

Избывая дочь, старики просчитались и не ушли отъ срама. Страшное это было дѣло, когда оба конца, Туляцкій и Хохлацкій, сбѣжались смотрѣть на даровой позоръ невѣсты съ провинкой. Самая свадьба походила на похороны. На другой день, когда свахи подняли молодыхъ, мужняя родня накинулась на молодую. На Дуньку надѣли лошадиный хомутъ и въ такомъ видѣ водили по всему заводу. Какъ билъ жену Рачитель — это знала она одна. Этотъ стыдъ и мужнины побои навѣки озлобили Дунькину душу, и она два раза пыталась „стравить мужа“, хотя послѣдній и уцѣлѣлъ, благодаря слишкомъ большимъ пріемамъ яда. Конечно, Рачитель билъ жену на смерть, пока не спился окончательно съ круга. Она взяла, наконецъ, верхъ надъ мужемъ-пропойцей, отвоевавъ право существованія, и сѣла въ кабакъ.

Когда родился первый ребенокъ, Илюшка, Рачитель избилъ жену полѣномъ до полусмерти: это было отродье Окулка. Если Дунька не наложила на себя рукъ, то благодаря именно этому ребенку, къ которому она привязалась съ болѣзненною нѣжностью,—она все перенесла для своего любимаго дѣтища, все износила и все умѣла забыть. Много лѣтъ прошло, и только сегодняшній случай поднялъ наверхъ старую бѣду. Вотъ о чемъ плакала Рачителиха, проводивъ своего Илюшку на Самосадку.

Когда въ сумерки въ кабакъ садами прибѣжала Домнушка, ловившая Спирьку Гущина, она долго утѣшала убивавшуюся Рачителиху своими безсмысленными бабьими наговорами, какими знахарки унимаютъ кровь. По пути свои утѣшенія она пересыпала разными новостями, какихъ всегда приносила съ собой цѣлый ворохъ.

— А наши-то тулянки чего придумали,—трещала участливо Домнушка.— Съ ногъ сбились, все про свой хлѣбъ толкуютъ. И все старухи... Съ заводу хотятъ уѣзжать куда-то въ орду, гдѣ земля дешевая. Право... У самихъ зубовъ нѣтъ, а своего хлѣба захотѣли, старыя... И хохлушекъ туда же подманиваютъ, а доведись до дѣла, такъ на снохахъ и поѣдутъ. Удумали!.. Воля вышла, вотъ всѣ и зашевелились: кто куда, — объясняла Домнушка. — Старики-то такъ и поднялись, особенно въ нашемъ Туляцкомъ концѣ.

— Это мужикамъ воля вышла, Домнушка, а не бабамъ,—грустно отвѣтила Рачителиха.

IV.

Обыкновенно фабрику останавливали послѣ Петрова дня до Успенья: это была заводская страда. Нынче всякое заводское дѣйствіе остановилось само собой двумя мѣсяцами раньше. Главная контора въ Мурмосѣ сдѣлала распоряженіе не начинать работъ до осени, чтобы дать народу одуматься и самимъ тоже подумать. Все заводское управленіе было связано по рукамъ и ногамъ распоряженіями петербургской конторы, гдѣ тоже думали. Такимъ образомъ заводскіе служащіе получили полную свободу до осени. Мухинъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы помириться съ матерью.

— Нюрочка, мы поѣдемъ въ Самосадку,—весело объявилъ онъ дочери.— Бабушку свою увидишь.

До Самосадки было верстъ двадцать съ небольшимъ. Рано утромъ дорожная повозка, заложенная тройкой, ждала у крыльца господскаго дома. Кучеръ Семка нѣсколько разъ принимался оправлять лошадей, садился на козлы, выравнивалъ вожжи и вообще продѣлывалъ необходимыя предварительныя церемоніи настоящаго господскаго кучера. Антипъ и казачокъ Тишка усердно ему помогали. Особенно хлопоталъ послѣдній; онъ выпросился тоже ѣхать на пристань и разъ десять пробовалъ свое мѣсто рядомъ съ Семкой, который толкалъ его локтемъ.

— Какая отличная погода, папа,—лепетала Нюрочка, когда они усаживались наконецъ въ экипажъ. — На деревьяхъ ужъ листочки развернулись... травка зеленая... цвѣты.

Катря и Домнушка все-таки укутали барышню въ большую шаль, ноги покрыли одѣяломъ, а за спину насовали подушекъ. Но и это испытаніе кончилось,—Антипъ растворилъ ворота, и экипажъ весело покатилъ на Самосадку. Мелькнула контора, потомъ фабрика, дальше почернѣвшія отъ дыма избушки Пеньковки, высокая зеленая труба мѣднаго рудника, прогремѣлъ подъ колесами деревянный мостъ черезъ Березайку, а дальше уже начинался безконечный лѣсъ и тронутыя первою зеленью лужайки. Дорога отъ р. Березайки пошла прямо въ гору.

— Эвонъ дядя Никитичъ лопочетъ по сторонѣ, — проговорилъ Тишка, оборачивая свое улыбавшееся, счастливое лицо.

Никитичъ шелъ съ кучкой кержанокъ. Онъ былъ одѣтъ по-праздничному: въ плисовые шаровары, въ красную рубаху и суконный черный халатъ. На головѣ красовалась старинная шелковая шляпа въ родѣ цилиндра,—въ Ключевскомъ заводѣ всѣ раскольники щеголяли въ такихъ цилиндрахъ. Только сапоги Никитичъ пожалѣлъ, онъ шелъ босикомъ, а новые сапоги болтались за плечами, перекинутые на дорожную палку. Троица—годовой праздникъ на Самосадкѣ, и Никитичъ выпросился погулять. Когда экипажъ поровнялся, Никитичъ весело приподнялъ свой цилиндръ настлетъ и крикнулъ:

— Гулять на Самосадку, Петръ Елисѣичъ, родимый мой!

Попадались и другіе пѣшеходы, тоже разодѣтые по-праздничному. Мужики и бабы кланялись господскому экипажу,—на заводахъ рабочіе привыкли кланяться каждой фуражкѣ. Всѣ шли на пристань. Николинъ день считался годовымъ праздникомъ на Ключевскомъ, и тогда самосадскіе шли въ заводъ, а въ Троицу заводскіе на пристань. Впрочемъ, такъ „гостились“ одни раскольники, связанные родствомъ и многолѣтнею дружбой, а мочегане оставались сами по себѣ.

— И дочь Оленку дядя-то повелъ на пристань,—сообщилъ Тишка.—Дѣв-

чонка махонькая, по восьмому году, а онъ ее волокетъ... Тоже не отъ ума человѣкъ!

Съ Никитичемъ дѣйствительно торопливо сѣменила ножками маленькая дѣвочка съ большими сѣрыми глазами и серьезнымъ не по лѣтамъ личикомъ. Когда она уставала, Никитичъ вскидывалъ ее на одну руку и шелъ со своею живою ношей какъ ни въ чемъ не бывало. Эта Оленка очень заинтересовала Нюрочку, и дѣвочка долго оглядывалась назадъ, пока Никитичъ не остался за поворотомъ дороги.

На половинѣ дороги обогнали телѣгу, въ которой ѣхалъ старикъ Основа съ двумя маленькими дочерями, а потомъ другую телѣгу, въ которой лежали и сидѣли брательники Гущины. Лошадью правила ихъ сестра Аграфена, первая заводская красавица.

— Куды телятъ-то повезла, Аграфена?—спрашивалъ Семка, молодцовато подтягиваясь на козлахъ; онъ частенько похаживалъ подъ окнами гущинской избы, и Спирька Гущинъ пообѣщался наломать ему шею за такія прогулки.

— Бороться ѣдутъ, — объяснилъ Тишка. — Безпремѣнно на пристани кругъ унесутъ, ежели Матюшка Гущинъ не напьется до поры. Матюшка съ Груздевымъ третьева-дни проѣхали на Самосадку.

Нюрочка всю дорогу щебетала, какъ птичка. Каждая горная рѣчка, лужокъ, распустившаяся верба,—все ее приводило въ восторгъ. Въ одномъ мѣстѣ Тишка соскочилъ съ козелъ и сорвалъ большой блѣдно-желтый цвѣтокъ съ пушистою мохнатою ножкой.

— Ахъ, какой славный цвѣтокъ! Папа, какъ онъ называется?.. Вѣтреница?—Какое смѣшное названіе!..

Вонъ тамъ еще желтѣютъ вѣтреницы, — это первые весенніе цвѣты на Уралѣ, съ тонкимъ ароматомъ и меланхолическою окраской. Странная эта дѣтская память: Нюрочка забыла молебенъ на площади, когда объявляли волю, а эту поѣздку на Самосадку запомнила хорошо и главнымъ образомъ дорогу туда. Стоило закрыть глаза, какъ отчетливо представлялся Никитичъ съ сапогами за спиной, улыбавшійся Тишка, телѣга съ брательниками Гущиными, которыхъ Семка назвалъ телятами, первые весенніе цвѣты.

— Эвонъ она, Самосадка-то! — крикнулъ Семка, осаживая взмыленную тройку на глинистомъ косогорѣ, гдѣ дорога шла корытомъ и оставленныя весеннею водой водороины встряхивали экипажъ, какъ машинку для сбиванія сливочнаго масла.

Подъ горой бойкая горная рѣка Каменка разлилась широкимъ плесомъ, который огибалъ круглый мысъ, образовавшійся при впаденіи въ нее Березайки, и тамъ далеко упиралась въ большую гору, спускавшуюся къ водѣ желтымъ открытымъ бокомъ. Жило *) раскинуто было на этомъ кругломъ мысу, гдѣ домишки высыпали точно стадо овецъ. Изъ общей массы построекъ крупными зданіями выдѣлялись караванная контора съ зеленою желѣзною крышей и домъ Груздева, грузно присѣвшій къ землѣ своими крѣпкими пристройками изъ кондоваго стариннаго лѣса. За избами сейчасъ же тянулись ярко зеленѣвшія „перемѣны“ **), огороженныя легкими прясламн. На Самосадкѣ народъ жилъ справно, благо сплавъ заводскаго каравана давалъ всѣмъ работу: зимой рубили лѣсъ и строили барки, весной сплавляли караванъ, а

*) На Уралѣ сохранилось старинное слово „жило“, которымъ обозначается всякое жилье и вообще селитьба.

**) Перемѣнами называются покосы, обнесенные изгородями, или „прясламн“, по-уральски.

остальное время шло на свои домашнія работы, на перевозку металловъ изъ Ключевского завода и на курепную работу. Самосадка была основана раскольничьими выходцами съ рѣки Керженца и изъ Выгорѣцкихъ обителей, когда Мурмосскихъ заводовъ еще и въ поминѣ не было. Весь Кержацкій конецъ въ Ключевскомъ заводѣ образовался изъ переселенцевъ съ Самосадки, поэтому между заводомъ и пристанью сохранялись неразрывныя, кровныя отношенія.

Кучеръ не спрашивалъ, куда ѣхать. Подтянувъ лошадей, онъ лихо прокатилъ мимо перемѣнъ, проѣхалъ по берегу Березайки и, повернувъ на мысъ, съ шикомъ въѣхалъ въ открытыя ворота груздевскаго дома, глядѣвшаго на рѣку своими расписными ставнями, узорчатою вышкою и зеленымъ палисадникомъ. Было еще рано, но хозяинъ выскочилъ на крыльцо въ шелковомъ халатѣ съ болтавшимися кистями, въ какомъ всегда ходилъ дома и даже принималъ гостей.

— Вотъ это ужъ настоящій праздникъ!..—кричалъ Груздевъ, вытаскивая изъ экипажа Нюрочку и цѣлуя ее налету.—Ай да Петръ Елисѣичъ, молодецъ... Давно бы такъ-то собраться!

На звонъ колокольчиковъ выбѣжалъ Вася, пропадавшій по цѣлымъ днямъ на голубятнѣ, а Матюшка Гущинъ, какъ медвѣдь, навьючилъ на себя все, что было въ экипажѣ, и потащилъ въ горницы.

— Ты повозку-то хоть оставь, чортъ деревянный!..—огрызнулся на него Семка.—Право, чортъ какъ есть...

— Вотъ что, Матвѣй,—заговорилъ Мухинъ, останавливая обережного:— ты сходи за братомъ Егоромъ...

Матюшка съ медвѣжьею силой соединялъ въ себѣ великую глупость, поэтому остановился и не зналъ, что ему дѣлать: донести приказчичьи пожитки до горницы, или бросить ихъ и бѣжать за Егоромъ...

— Тащи, чего сталъ?—окрикнулъ его Груздевъ, втащившій Нюрочку на крыльцо на рукахъ.—Петръ Елисѣичъ, еще успѣется... куда торопиться?.. Ну, Нюрочка, пойдемъ ко мнѣ въ гости.

Домъ у Груздева былъ поставленъ на славу. Въ два этажа съ вышкой, онъ точно обросъ какими-то переходами, боковушами и свѣтелками, а дальше шли громадные амбары, конюшни, подсарайныя, людскія и сѣновалы. Громадный дворъ былъ закрытъ только наполовину, чтобы не отнимать свѣта у людской. Комнаты въ домѣ были небольшія, съ крашеными потолками, вылощенными полами и пестрыми обоями. Хорошая мебель была набита вездѣ, такъ что трудно было ходить. Нюрочку особенно удивили мягкіе персидскіе ковры и то, что рѣшительно все было выкрашено. Въ горницахъ встрѣтила гостей жена Груздева, полная и красивая женщина съ бѣлымъ лицомъ и точно выцвѣтшими глазами.

— Милости просимъ, дорогіе гости!—кланялась она, шумя тяжелымъ шелковымъ сарафаномъ съ позументами и золотыми пуговицами.

Вася вертѣлся около матери и показывалъ дорогой гостьѣ свои крѣпкіе кулаки, что ее очень огорчало: этотъ мальчишка-драчунъ отравилъ ей все удовольствіе поѣздки, и Нюрочка жалась къ отцу, ухвативъ его за руку.

— Забыли вы насъ, Петръ Елисѣичъ,—говорила хозяйка, покачивая головой, прикрытой большимъ шелковымъ платкомъ съ заткапными по широкой каймѣ серебряными цвѣтами.—Давно не бывали на пристани! Вонъ и дочку вырастили...

— Давненько-таки, Аѳиса Егоровна,—отвѣчалъ Мухинъ, размахивая по своей привычкѣ платкомъ.—Много новыхъ домовъ, лѣсъ вырубили...

Аноиса Егоровна опять качала головой, какъ фарфоровая кукла, и гладила ненаглядное дитятко, Васеньку, по головкѣ.

Пока пили чай и разговаривали о разныхъ пустякахъ, о какихъ говорятъ съ дороги, обережной успѣлъ сходить за Егоромъ и доложилъ, что онъ ждетъ на дворѣ.

— Что же ты не ввелъ его въ горницы? — смутился Груздевъ. — Ты всегда такъ... Никуда послать нельзя.

— Я его звалъ, да онъ уперся, какъ пень, Самойло Евтихычъ.

Мухинъ вышелъ на крыльцо, переговорилъ съ Егоромъ и, вернувшись въ горницу, сказалъ Нюрочкѣ:

— Теперь ты ступай къ бабушкѣ... Дядя Егоръ тебя проводитъ.

Дѣвочка пытливо посмотрѣла на отца и, догадавшись, что ее посылаютъ одну, капризно надула губки и рѣшительно заявила, что одна не пойдетъ. Ее начали уговаривать, а Аноиса Егоровна пообѣщала цѣлую коробку конфетъ.

— Нельзя же, Нюрочка, упрямиться... Нужно итти къ бабушкѣ. Ручку у ней поцѣлуй... Нужно стариковъ уважать.

Поупрямившись, Нюрочка согласилась. Егоръ дожидался ея во дворѣ. Онъ пошелъ впереди, смѣшно болтая на ходу руками, а она легкою походкой шла за нимъ. Соломенная шляпа съ выцвѣтшими лентами обратила на себя общее вниманіе самосадскихъ ребятишекъ, которые тыкали на нее пальцами и говорили какія-то непонятныя слова. Нюрочка боялась, что Вася догонитъ ее и прибьетъ, поэтому особенно торопливо сѣменила своими крошечными ножками въ прюнелевыхъ ботинкахъ. Они шли по береговой улицѣ, мимо большихъ бревенчатыхъ избъ съ высокими коньками, маленькими окошками и шатровыми воротами. Около одной изъ такихъ избъ Егоръ остановился, отворилъ калитку и пропустилъ дѣвочку впередъ.

— Иди сюда, дѣушка, — послышался въ темнотѣ крытаго двора знакомый ласковый голосъ.—Не бойсь, голубушка, иди прямо.

Это была начетчица Таисья, которая иногда завертывала въ господскій домъ на Ключевскомъ. Она провела Нюрочку въ избу, гдѣ у стола въ синемъ косоклиномъ сарафанѣ сидѣла худая и сердитая старуха.

— Здоровайся съ баушкой... здоровайся хорошенько...—шептала Таисья своимъ ласковымъ голосомъ и тихонько подталкивала дѣвочку къ неподвижно сидѣвшей старухѣ.

Нюрочкѣ вдругъ сдѣлалось страшно: старуха такъ и впилась въ нее своими темными, глубоко ввалившимися глазами. Вспомнивъ наказъ Аноисы Егоровны, она хотѣла-было поцѣловать худую и морщинистую руку молчавшей старухи, но рука Таисьи заставила ее присѣсть и поклониться старухѣ въ ноги.

— Говори: „здравствуй, баушка“, — напоминала старуха, поднимая опѣшившую дѣвочку за плечи. — Ну, чего молчишь?

Старуха сдѣлала какой-то знакъ головой, и Таисья торопливо увела Нюрочку за занавѣску, которая шла отъ русской печи къ окну. Тѣ же ловкія руки, которыя заставили ее кланяться бабушкѣ въ ноги, теперь быстро расплетали ея волосы, собранные въ двѣ косы.

— Ахъ, Нюрочка, Нюрочка, кто это тебя по бабьи-то чешетъ?.. — ворчала Таисья, переплетая волосы въ одну косу. — У дѣвушки одна коса бываетъ. Вотъ такъ!.. Не верти головкой, а то баушка разсердится...

Чтобы удобнѣе управиться съ работой, Таисья поставила ее на лавку и только теперь замѣтила, что изъ-подъ желтенькой юбочки выставляются

кружева панталонъ, — вотъ увидала бы бабушка-то!.. Таисья торопливо сняла панталоны и спрятала ихъ куда-то за пазуху. Дѣвичья коса была готова, хотя Нюрочка едва крѣпилась отъ боли: постаравшаяся Таисья очень туго закрутила ей волосы на затылкѣ. Всѣ эти церемоніи были продѣланы такъ быстро, что дѣвочка не успѣла даже подумать о сопротивленіи, а только со страхомъ ждала момента, когда она будетъ цѣловать руку у сердитой бабушки.

Но послѣдняго не пришлось дѣлать. Старуха сама пришла за занавѣску, взяла Нюрочку и долго смотрѣла ей въ лицо, а потомъ вдругъ принялась ее креститъ и горько заплакала.

— Своя родная кровь, а половина-то басурманская...—шептала старуха, прижимая къ себѣ внучку. — И назвали-то какъ: Нюрочка... Ты будешь, внучка, Аннушкой!

Старуха сѣла на лавку, посадила внучку на колѣни и принялась ласкать ее съ какимъ-то причитаньемъ. Таисья притащила откуда-то тарелку съ пряниками и изюмомъ.

— Ахъ, ты, моя ластовочка... ненаглядная... — шептала бабушка, жадно заглядывая на улыбавшуюся дѣвочку. — Привелъ Господь увидѣть внучку... спокойно умру теперь...

— Бабушка, вы о чемъ это плачете? — рѣшилась наконецъ спросить Нюрочка, преодолѣвая свой страхъ.

— Отъ радости, милушка... отъ великой радости, ластовочка! Услышалъ Господь мои старыя слезы, привелъ внученьку на колѣнкахъ покачать...

Таисья отвернулась лицомъ къ печи и утирала слезы темнымъ ситцевымъ передникомъ.

V.

— Папа, папа идетъ! — закричала Нюрочка, заслышавъ знакомые шаги въ темныхъ сѣняхъ, и спрыгнула съ колѣней бабушки.

Старуха сейчасъ же приняла свой прежній суровый видъ и осталась за занавѣской. Выскочившая навстрѣчу гостю Таисья сдѣлала рукой какой-то таинственный знакъ и повела Мухина за занавѣску, а Нюрочку оставила въ избѣ у стола. Видъ этой избы, полной далекихъ дѣтскихъ воспоминаній, заставилъ сильно забиться сердце Петра Елисѣича. Войдя за занавѣску, онъ поклонился и хотѣлъ обнять мать.

— Въ ноги, въ ноги, басурманъ!—строго закричала на него старуха.— Позабылъ порядокъ-то, какъ съ родною матерью здороваться...

Услужливая Таисья заставила Мухина продѣлать эту раскольничью церемонію, какъ давеча Нюрочку, и старуха взяла сына за голову и, наклоняя ее къ самому полу, шептала:

— Въ землю, въ землю, дитятко... Не стыдись матери-то кланяться. Да скажи: прости, родимая маменька, меня, басурмана... Ну, говори!

— Мать, къ чему это?—заговорилъ-было Мухинъ, сконфуженный унизительною церемоніей.—Неужели нельзя просто?

— А, такъ ты вотъ какъ съ матерью-то разговариваешь!.. — застонала старуха, отталкивая сына.—Не надо, не надо... не ходи... Не хочешь матери покориться, басурманъ.

Мать и сынъ, навѣрное, опять разошлись бы, если бы не вмѣшалась начетчица, которая ловко, чисто по-бабьи сумѣла заговорить упрямую старуху.

— Ты какъ дочь-то держишь? — все еще ворчала старуха, напрасно

старался унять расходившееся материнское сердце.—Она у тебя и войти въ избу не умѣетъ... волосы въ двѣ косы по-бабьи... Святое имя и то на басурманскій ладъ повернулъ.

— Прости его, баушка! — уговаривала Таисья.—Грѣшно сердиться.

— Басурманку-то свою похоронилъ?—пытала старуха.—Сказала тогда, что не будетъ счастья безъ родительскаго благословенья... Оно все такъ и вышло!

— Мать, опомнись, что ты говоришь?—застоналъ Мухинъ, хватаясь за голову.—Неужели тебя радуетъ, что несчастная женщина умерла?.. Постыдись хоть той дѣвочки, которая насъ слушаетъ!.. Мнѣ такъ тяжело было итти къ тебѣ, а ты опять за старое... Мать, Богъ насъ разсудитъ!

— А зачѣмъ отъ старой вѣры отпатился? Зачѣмъ съ бритоусами да табачниками водишься?.. Вотъ Богъ-то и нашелъ тебя, и еще найдетъ.

— Будетъ вамъ грѣшить-то, — умоляла начетчица, схвативъ обоихъ за руки.—Перестаньте, ради Христа! Столько годовъ не видались, а тутъ вонъ какіе разговоры подняли... Баушка, слышишь, перестань: тебѣ я говорю?

Строгій тонъ Таисьи вдругъ точно придавилъ строгую старуху: она сразу размякла, какъ-то вся опустилась и тихо заплакала. Показавъ рукой за занавѣску, она велѣла привести дѣвочку и, обнявъ ее, проговорила умавшимъ голосомъ:

— Вотъ для нея, для Аннушки, прощаю тебя, Петръ Елисѣичъ... У ней еще безгрѣшная, ангельская душенька...

— Папа, и тебя заставляли въ ноги кланяться? — шептала Нюрочка, прижимаясь къ отцу.—Папа, ты плакалъ?

— Да, голубчикъ... отъ радости...

— И бабушка тоже отъ радости плачетъ?

— И бабушка отъ радости...

Примиреніе наконецъ состоялось, и Мухинъ почувствовалъ, точно у него гора съ плечъ свалилась. Мать онъ любилъ и уважалъ всегда, но эта ненависть старухи къ его женѣ-басурманкѣ ставила между ними непреодолимую преграду,—нужно было несчастной умереть, чтобы старуха успокоилась. Эта послѣдняя мысль отравляла тѣ хорошія сыновнія чувства, съ какими Мухинъ переступалъ порогъ родной избы, а тутъ еще унизительная церемонія земныхъ поклоновъ, попреки въ отступничествѣ и цѣлый рядъ мелкихъ и ничтожныхъ недоразумѣній. Старуха, конечно, не виновата, но онъ не могъ войти сюда съ чистою душой и искреннею радостью. Наконецъ, ему было просто совѣстно передъ Нюрочкой, которая такъ умненько наблюдала за всѣмъ своими свѣтлыми глазками.

— Пойдемъ теперь за столъ, гость будешь, — говорила старуха, поднимаясь съ лавки. — Таисьюшка, ужъ ты похлопочи, а наша-то Дарья не сумѣетъ ничего сдѣлать. Простая баба, не съ кого и взыскивать...

Егоръ съ женой Дарьей уже ждали въ избѣ. Мухинъ поздоровался со снохой и сѣлъ на лавку къ столу. Таисья натащила откуда-то тарелокъ съ пряниками, изюмомъ и конфетами, а Дарья поставила на столъ только-что испеченный пирогъ съ рыбой. Появилась даже бутылка съ наливкой.

— Не хлопочите, пожалуйста...— просилъ Мухинъ, стѣснявшійся этимъ родственнымъ угощеніемъ.—Я радъ такъ посидѣть и поговорить съ вами.

Мухина смущало молчаніе Егора и Дарьи, которые не рѣшались даже присѣсть.

— Не велики господа, и постоятъ, — замѣтила старуха, когда Мухинъ пригласилъ всѣхъ садиться. — Поѣшь-ка, Петръ Елисѣичъ, нашей каменской рыбки: для тебя и пирогъ стряпала своими руками.

Мухинъ внимательно оглядывалъ всю избу, которая оставалась такою же, какою была сорокъ лѣтъ назадъ. Тѣ же палати, та же русская печь, тотъ же коникъ у двери, лавки, столъ, выкрашенный въ синюю краску, и въ переднемъ углу полочка со старинными иконами. Надъ палатями висѣло то же ружье, съ которымъ старикъ-отецъ хаживалъ на медвѣдя. Это было дрянное кремневое тульское ружье съ самодѣльною березовою ложей; курокъ былъ привязанъ ремешками. Вся нехитрая обстановка крестьянской избы сохранилась до мельчайшихъ подробностей, точно самое время не имѣло здѣсь своего разрушающаго вліянія.

— Ты, Егоръ, ходишь съ ружьемъ?—спрашивалъ Мухинъ, когда разговоръ прервался.

— А такъ, въ куренѣ когда балуюсь...

— Ты его мнѣ отдай, а я тебѣ подарю другое.

— Какъ матушка прикажетъ: ея воля,—покорно отвѣтилъ Егоръ и переглянулся съ женой.

— На что его тебѣ, ружье-то? — спрашивала старуха, недовѣрчиво глядя на сына.

— Такъ, на память объ отцѣ... А Егору я хорошее подарю, пистонное.

— Нѣтъ, ужъ пусть лучше это остается... Умру, тогда дѣлите, какъ знаете.

Некрасивая Дарья, видимо, раздѣляла это мнѣніе и ревниво поглядѣла на родительское ружье. Она была въ ситцевомъ пестренькомъ сарафанѣ и бѣлой холщевой рубашкѣ, голову повязывала коричневымъ старушечьимъ платкомъ съ зелеными и синими разводами.

— Я такъ сказалъ, матушка, — неловко оправдывался Мухинъ, поглядывая на часы.—У меня есть свои ружья.

Въ избу начали набиваться сосѣди, явившіеся посмотрѣть на басурмана: какія-то старухи, старики и ребятишки, которыхъ Мухинъ никогда не видалъ и не помнилъ. Онъ ласково здоровался со всѣми и спрашивалъ, чьи и гдѣ живутъ. Всѣ его знали еще ребенкомъ и теперь смотрѣли на него удивленными глазами.

— Какъ же, помнимъ тебя, соколикъ,—шамкали старики.—Тоже, поди, нашъ самосадскій. Еще когда ползункомъ былъ, такъ на улицѣ съ нашими ребятами игралъ, а потомъ въ учобу ушелъ. Конечно, кому до чего Господь разумъ откроетъ... Мать-то пытала ревѣть да убиваться, какъ по покойникѣ отчитывала, а вотъ на старости Господь привелъ старухѣ радость.

— Спасибо, что меня не забыли, старички,—благодарилъ Мухинъ.—Вотъ я и самъ успѣлъ состариться.

Скоро изба была набита народомъ. Становилось душно. Нюрочка раскраснѣлась и вытирала вспотѣвшее лицо платкомъ. Мухинъ былъ недоволенъ, что эти чуткіе люди мѣшаютъ ему поговорить съ глазу на глазъ съ матерью. Онъ скоро понялъ, что попался въ ловушку, а всѣ эти душевные разговоры служили только, по раскольничьему обычаю, прелюдіей къ нѣкоторому сюрпризу. Пока старички разговаривали съ дорогимъ гостемъ, остальные шушукались и все поглядывали на дверь. Наконецъ дверь распахнулась, и въ ней показалась приземистая и косолапая фигура здоровеннаго мужика. Всѣ сразу замолкли и разступились. Мужикъ прошелъ въ передній уголъ, истово положилъ поклонъ передъ образами и, поклонившись въ ноги Василисѣ Корниловнѣ, проговорилъ заученнымъ раскольничьимъ речитативомъ:

— Прости, мамынька, благослови, мамынька.

— Богъ тебя проститъ, Мосеюшка, Богъ благословитъ, — съ строгою

ласковостью въ голосѣ отвѣтила старуха, довольная покорностью этого третьяго сына.

— Здравствуй, родимый братецъ Петръ Елисѣичъ, — съ дѣланнымъ смиреніемъ заговорилъ Мосей, протягивая руку.

— Здравствуй, братъ.

Братья обнялись и поцѣловались изъ щеки въ щеку, какъ требуетъ обычай. Петръ Елисѣичъ поморщился, когда на него пахнуло отъ Мосея перегорѣлою водкой.

— Давно не видались... — бормоталъ Петръ Елисѣичъ. — Что ко мнѣ не загляпешь на Ключевской заводъ, Мосей?

— Матушка не благословила, родимый мой... Мы по родительскому завѣту держимся. Я-то, значитъ, въ куренѣ роблю, въ жигаляхъ хожу, какъ покойникъ-родитель. Въ лѣсу живу, родимый мой.

Эта встрѣча произвела на Петра Елисѣича непріятное впечатлѣніе, хотя онъ и не видался съ Мосеемъ нѣсколько лѣтъ. По своей медвѣжьей фигурѣ Мосей напоминалъ отца, и старая Василиса Корниловна поэтому питала къ Мосею особенную привязанность, хотя онъ и жилъ въ отдѣлѣ. Особенностью Мосея, кромѣ слащаваго раскольничьяго говора, было то, что онъ никогда не смотрѣлъ прямо въ глаза, а куда-нибудь въ уголъ. По тому, какъ отнеслись къ Мосею набравшіеся въ избу сосѣди, Петръ Елисѣичъ видѣлъ, что онъ на Самосадкѣ играетъ какую-то роль.

— Садись, Мосеюшка, гость будешь, — приговаривала его мать.

— И то сяду, мамынька.

Егоръ съ женой продолжали стоять, потому что при матери садиться не смѣли, хотя Егоръ былъ и старше Мосея.

— Такъ-то вотъ, родимый мой Петръ Елисѣичъ, — заговорилъ Мосей, подсаживаясь къ брату. — Надо мнѣ тебя было видѣть, да все доступа не выходило. Есть у меня до тебя одно словечко... Ужъ ты не взыщи на нашей темнотѣ, потому какъ мы народъ, пряменько сказать, отъ нея.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ Петръ Елисѣичъ, чувствуя, что Мосей начинаетъ его пытать.

— Да дѣло не маленькое, родимый мой... Вотъ прошла теперь вездѣ воля, значитъ, всѣмъ хрестьянамъ, а какъ насчетъ земляного положенья? Тебѣ это ближе знать...

— Пока ничего неизвѣстно, Мосей: я знаю не больше твоего... А потомъ, положеніе крестьянъ другое, чѣмъ приписанныхъ къ заводамъ людей.

— Такъ, родимый мой... Конечно, мы люди темные, не понимаемъ. А только ты все-таки скажи мнѣ, какъ это будетъ-то?.. Теперь по Рассеѣ вездѣ прошла по хрестьянамъ воля и вездѣ вышла хрестьянская земля, кто, значитъ, чѣмъ владалъ: на, получай.. Ежели, напримѣрно, оборотить это самое на насъ: выйдетъ намъ земля, али нѣтъ?

Петру Елисѣичу не хотѣлось вступать въ разговоры съ Мосеемъ, но такъ какъ онъ, видимо, являлся здѣсь представителемъ Самосадки, то пришлось подробно объяснять все, что Петръ Елисѣичъ зналъ объ уставныхъ грамотахъ и надѣлѣ землей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Старички теперь столпились вокругъ всего стола и жадно ловили каждое слово, поглядывая на Мосея, такъ ли, молъ, Петръ Елисѣичъ говоритъ.

— Ты все про другихъ разсказываешь, родимый мой, — приставалъ Мосей, разглаживая свою бороду корявою, обожженною рукой. — А намъ до себя... Мы тебя своимъ считаемъ, самосадскимъ, такъ, значитъ, ужъ ты все обскажи намъ, чтобы безъ сумлѣнія... Вотъ и старички послушаютъ... Тамъ

заводы какъ хотятъ, а наша Самосадка допрежь заводовъ стояла. Прапрадѣды жили на Каменкѣ, когда о заводахъ и слыхомъ было не слыхать... Наше дѣло совсѣмъ особенное. Родимый мой, ты ужъ для насъ-то постарайся, чтобы воля вышла намъ правильная...

Въ этихъ словахъ слышалось чисто-раскольничье недовѣріе, которое возмущало Петра Елисѣича больше всего: что̀ ему скрывать, когда ни онъ ни другіе рѣшительно ничего не знали? Приставанье Мосея просто начинало его бѣсить.

— Вотъ что̀, Мосей, — заговорилъ Петръ Елисѣичъ рѣшительнымъ тономъ: — если ты хочешь потолковать, такъ заходи ко мнѣ, а сейчасъ мнѣ некогда...

— Такъ, родимый мой... Спасибо на добромъ словѣ, только все-таки ты ужъ сказалъ бы лучше... потому ужъ мы безъ сумлѣнія...

Слушавшіе старички тоже принялись упрашивать, и Петръ Елисѣичъ очутился въ непріятномъ положеніи. Въ избѣ поднялся страшный гвалтъ, и никто не хотѣлъ больше никого слушать. Теперь Петру Елисѣичу приходилось отвѣчать за-разъ десятерымъ, и онъ только размахивалъ своимъ платкомъ.

— Пана, мнѣ неловко, — наконецъ заявила Нюрочка.

— Ахъ, я про тебя и забылъ, крошка... — спохватился Петръ Елисѣичъ.— Ты ступай къ Самойлу Евтихычу, а я вотъ со старичками здѣсь потолкую...

— Я ее провожу, Петръ Елисѣичъ, —вызвалась начетчица Таисья.

— Скажи Самойлу Евтихычу, что я скоро приду, — говорилъ Петръ Елисѣичъ.

VI.

Нюрочка была рада, что вырвалась изъ бабушкиной избы, и торопливо бѣжала впередъ, такъ что начетчица едва поспѣвала за ней.

— Ишь, быстроногая... — любовно повторяла Таисья, уленетывая за Нюрочкой. Таисьѣ было подъ сорокъ лѣтъ, но ея восковое лицо все еще было красиво тою раскольничьею красотой, которая не знаетъ износа. Неслышныя, мягкія движенія и полумонашескій костюмъ придавали строгую женственность всей фигурѣ. Ярко-красныя, строго-сложенныя губы говорили о неизжитомъ запасѣ застывшихъ въ этой начетчицѣ силъ.

— Таисья, я боюсь Васи... — проговорила Нюрочка, задерживая шаги. — Онъ меня прибьетъ...

— Полно, касаточка... — уговаривала ее Таисья. — Мы его сами за ухо поймаемъ, разбойника.

Порядокъ, по которому они шли, выходилъ на крутой берегъ р. Каменки и весь былъ уставленъ такими крѣпкими, хорошими избами, благо лѣсъ подъ рукой, — сейчасъ за Каменкой начинался дремучій ельникъ, уходившій на сотни верстъ къ сѣверу. Съ улицы всѣ избы были, по раскольничьему обычаю, начисто вымыты, и это придавало имъ веселый видъ. Желтыя бревна такъ и свѣтились, какъ новыя. Такія же мытыя избы стояли и въ Кержацкомъ концѣ на Ключевскомъ заводѣ, потому что тамъ жили тѣ же чистоплотныя, какъ кошки, самосадскія бабы. Раскольничья чистота рѣзко выдѣлялась среди мочеганской грязи.

Когда Таисья съ Нюрочкой уже подходили къ груздевскому дому, имъ попался Никитичъ, который велъ свою Оленку за руку. Никитичъ былъ родной братъ Таисьѣ.

— Сестрица, родимая моя... — бормоталъ Никитичъ, снимая свой цилиндръ.

— Кто празднику радъ — до свѣту пьянъ, — ядовито замѣтила Таисья, здороваясь съ братомъ кивкомъ головы.

— Ахъ, ты, святая душа на костыляхъ!.. Да ежели, напримѣрно, я загулялъ? Теперь я прямо къ Василисѣ Корниловнѣ, потому хочу уважить сродственницу.

Оленка, красивая и глазастая дѣвочка, одѣтая въ сарафанъ изъ дешевенькаго ситца, со страхомъ смотрѣла на Таисью. Нюрочкѣ очень хотѣлось подойти къ ней и заговорить, но она боялась загулявшаго Никитича.

— Зачѣмъ дѣвчонку-то таскаешь за собой, путаная голова? — заворчала Таисья на Никитича и, схвативъ Оленку за руку, потащила ее за собой.

— Родимая... какъ же, напримѣрно, ежели я къ бабушкѣ Василисѣ?.. — бормоталъ Никитичъ, напрасно стараясь невѣрными шагами догнать сестру. — Отдай Оленку!

Таисья даже не обернулась, и Никитичъ махнулъ рукой, когда она съ дѣвочками скрылась въ воротахъ груздевскаго дома. Онъ постоялъ на одномъ мѣстѣ, побормоталъ что-то про себя и рѣшительно не зналъ, что̀ ему дѣлать.

— Эй, берегись: замну!..— крикнулъ надъ его ухомъ веселый голосъ, и верховая лошадь толкнула его мордой.

Отъ толчка у Никитича полетѣлъ на землю цилиндръ, такъ что онъ обругалъ проѣхавшихъ двоихъ верховыхъ уже вдогонку. Стоявшіе за воротами кучеръ Семка и казачокъ Тишка громко хохотали надъ Никитичемъ.

— Ахъ, вы... да я васъ... кто это проѣхалъ, а?..

— Это? А наши ключевскіе мочеганы...

— Н-но-о?

— Вѣрно тебѣ говоримъ: лѣсообъѣздчикъ Макаръ да Терешка-казакъ. Вишь, пьяные ѣдутъ, бороться хотятъ. Только самосадскіе уполощутъ ихъ: вровень съ землей сдѣлаютъ.

— Уполощутъ! — согласился Никитичъ. — Гдѣ же мочеганамъ съ самосадскими на кругъ выходить... Ахъ, черти!..

— Извѣстно, не отъ ума поѣхали: не сами, а водка ѣдетъ... Макарка-то съ лѣсообъѣздчиками-кержаками дружитъ, — ну, и надѣется на защиту, а Терешка за нимъ дурóмъ увязался.

— Ну, это еще кто кого... — проговорилъ дѣтскій голосъ за спиной Семки. — Какъ бы Макарка-то не унесъ у васъ кругъ.

Это былъ Илюшка Рачитель, который пока жилъ у Груздева.

— Ахъ, ты, мочеганинъ!..—выругалъ его Никитичъ.

— Не лѣзь, коли тебя не трогаютъ, — огрызнулся Илюшка.

Никитичъ хотѣлъ-было схватить Илюшку за ухо, но тотъ ловко подставилъ ему ногу, и Никитичъ растянулся плашмя, какъ подгнившее съ корня дерево.

— Ахъ, ты, отродье Окулкино! — ругался Никитичъ, съ трудомъ поднимаясь на ноги, а Илюшка уже былъ далеко.

Таисья провела обѣихъ дѣвочекъ куда-то наверхъ и здѣсь усадила ихъ въ ожиданіи обѣда, а сама ушла на половину къ Аѳоисѣ Егоровнѣ, тобы разсказать о состоявшемся примиреніи бабушки Василисы съ басурманомъ. Дѣвочки сначала оглядѣли другъ друга, какъ попавшіе въ одну клѣтку звѣрки, а потомъ первой заговорила Нюрочка:

— Тебѣ сколько лѣтъ, Оленка?

— Не знаю.

Оленка смотрѣла на Нюрочку испуганными глазами и готова была разревѣться благимъ матомъ каждую минуту.

— Какъ же ты не знаешь? — удивилась Нюрочка. — Развѣ ты не учишься?

— Учусь... у тетки Таисьи азбуку учу.

— Ты ея боишься?

— Боюсь. Она ременною лѣстовкой хлещется... Всѣ ея боятся.

Нюрочкѣ сдѣлалось смѣшно; развѣ можно бояться Таисьи? Она такая добрая и ласковая всегда. Дѣвочки быстро познакомились и первымъ дѣломъ осмотрѣли костюмы одна у другой. Нюрочка даже хотѣла-было примѣрять Оленкинъ сарафанъ, какъ въ окнѣ неожиданно показалась голова Васи.

— А, вотъ вы гдѣ, голубушки! — весело проговорилъ онъ, пробуя отворить окно.

Нюрочка такъ и обомлѣла отъ страха, но, на ея счастье, окно оказалось запертымъ изнутри. Свѣтелка, гдѣ онѣ сидѣли, единственнымъ окномъ выходила куда-то на крышу, гдѣ Вася гонялъ голубей.

— Отворите окошко, куклы!—командовалъ онъ. — А не то сломаю стекло, вамъ же хуже будетъ...

— Нюрочка, иди обѣдать... — послышался въ этотъ критическій моментъ голосъ Таисьи на лѣстницѣ, и голова Васи скрылась.

— А Оленка развѣ не пойдетъ съ нами? — спрашивала Нюрочка, спускаясь по лѣстницѣ.

— Пусть пока тамъ посидитъ, не велика гостья... — ворчала Таисья, придерживая Нюрочку за юбку.

Сегодня обѣденный столъ былъ поставленъ въ парадной залѣ, и прислуга сбилась съ ногъ, стараясь устроить все форменно. Петръ Елисѣичъ въ волненіи ходилъ кругомъ стола и особенно сильно размахивалъ платкомъ.

— Погостили у бабушки Василисы, Петръ Елисѣичъ? — спрашивала Аѳиса Егоровна. — И слава Богу... Сколько лѣтъ не видались, а старушка ужъ старенькая стаетъ... Не сегодня-завтра и помретъ, а теперь ей все же легче...

— А что, заставляла, поди, въ ноги кланяться? — подсмѣивался Груздевъ, хлопая гостя по плечу. — Мы тутъ по старинкѣ живемъ... Признаться сказать, я и самъ не очень-то долюбливаю нашу раскольничью стариковщину, все изъѣдуги какіе-то...

— Самойло Евтихычъ! — строго остановила его жена.

— Ну, не буду, не буду!.. Конечно, строгость необходима, особенно съ дѣтьми... Вотъ у тебя дочь, а у меня сынъ, а еще кто знаетъ, чѣмъ они утѣшатъ родителей-то на старости лѣтъ.

— Точно изъ бани вырвался, — разсказывалъ Петръ Елисѣичъ, не слушая хозяина. — Такъ и папираетъ... Еще этотъ Мосей навязался. Главное, что обидно: не вѣрятъ ни одному моему слову, точно я ихъ продалъ кому. Не вѣрятъ и, въ то же время, выпытываютъ. Одна мука.

— Темнота наша, — замѣтилъ Груздевъ и широко вздохнулъ. — А вотъ и Нюрочка!.. Ну, иди сюда, кралечка, садись вотъ рядомъ со мной, а я тебя буду угощать...

— Хозяйку ростите, — ласково говорила Аѳиса Егоровна, гладя Нюрочку по головѣ.

Обѣдали все свои. Въ дальнемъ концѣ стола скромно помѣстилась Таисья, а съ ней рядомъ какой-то таинственный старецъ Кириллъ. Этотъ ко-

слѣдній въ своемъ темномъ раскольничьемъ полукафтанѣ и съ подстриженными по-раскольничьи на лбу волосами невольно бросался въ глаза. Широкое, скуластое лицо, обросшее густою бородой, съ плутоватыми темными глазками и приплюснутымъ татарскимъ носомъ, было типично само по себѣ, а пробивавшаяся въ темныхъ волосахъ сѣдина придавала ему какое-то иконное благообразіе.

— Не узнаёшь, видно, меня, милостивецъ? — обратился онъ къ Петру Елисѣичу, когда тотъ садился за столъ.—Смиренный старецъ Кириллъ изъ Заболотья...

— Что-то не упомню...

— А у о. Основы въ третьемъ годѣ? Занамятовалъ, милостивецъ...

— Вотъ этакіе смиренные старцы и смущаютъ народъ, — объяснилъ Груздевъ, указывая глазами Мухину на смиреннаго Кирилла. — Спроси-ка его, зачѣмъ онъ въ Самосадку-то пріѣхалъ?.. Съ твоимъ братцемъ Моссемъ два сапога пара будутъ.

— Самойло Евтихычъ! — закликала мужа Аноиса Егоровна.

— Ну, не буду... Сказалъ: не буду!

— Обнесъ ты меня напраслиной, милостивецъ, — кротко отвѣтилъ смиренный Кириллъ.—Дѣйствительно, возымѣлъ желаніе посѣтить богоспасаемыя веси, премногими мужи и жены изобилующія... Вотъ сестра Таисья на перепутьѣ задержала, разговора нѣкоего для.

За столомъ прислуживали груздевскіе „молодцы“, и въ числѣ ихъ Илюшка Рачитель, смотрѣвшій на обѣдавшихъ сердитыми глазами. Петръ Елисѣичъ былъ не въ духѣ и почти ничего не ѣлъ, что̀ очень огорчало хозяйку. Груздевъ больше всего заботился о винахъ, причемъ не забывалъ и себя. Между прочимъ, онъ заставлялъ пить и смиреннаго Кирилла, который сначала все отнѣкивался. Сестра Таисья сидѣла, опустивъ глаза долу, и совсѣмъ не вмѣшивалась въ разговоръ. Нюрочкѣ опять было весело, потому что она сидѣла рядомъ съ отцомъ, а Вася напротивъ нихъ. Расхрабрившись, она даже показала ему языкъ и очень смутилась, когда встрѣтила строгій взглядъ Таисьи.

— А ты, Самойло Евтихычъ, былъ на молебнѣ-то, когда волю объявляли на Ключевскомъ?—спрашивалъ смиренный Кириллъ.

— Былъ... Мнѣ, братъ, нельзя, потому что тутъ исправникъ и Лука Назарычъ. Подневольный я человѣкъ.

— Не въ осужденіе тебѣ, милостивецъ, слово молвится, а паиначе къ тому, что все для однихъ мочеганъ дѣлается: у нихъ и свои иконы поднимали, и въ колокола звонили, и стеченіе народное было, а нашъ Кержацкій конецъ безмолвствовалъ... Воля-то вышла всѣмъ, а радуются одни мочегане.

— Кто же вамъ мѣшалъ радоваться?—грубо спрашивалъ Груздевъ, замѣтно подвыпившій.

— Суета!—вздохнулъ смиренный Кириллъ.—И прежде сіи лестныя козлованія въ прочихъ изъявлена была, но расточенныя овцы не собрашася вкупѣ...

— Перестань ты морочить-то, а говори по-людски!—оборвалъ его Груздевъ и, указавъ на него Мухину, прибавилъ:—Вотъ этакіе смиренные иноки разъѣзжаютъ теперь по заводамъ и смутьянятъ...

— Антихристъ народился, вотъ что̀, если говорить напрямки!—съ неожиданнымъ азартомъ заявилъ смиренный Кириллъ и даже ударилъ кулакомъ по столу, такъ что посуда загремѣла. — Въ Писаніи прямо сказано: „Придетъ всескверный, яко льстецъ и ложь“... Вотъ онъ и пришелъ! А что̀ сказано въ Кирилловой книгѣ? — „И власть перваго звѣря вся творитъ... Всякъ глаголяй, кромѣ повелѣнныхъ, аще и достовѣренъ будетъ, аще и по-

стить и дѣвствуетъ, аще и знаменія творитъ, аще и пророчествуетъ—волкъ тебѣ да мнится во овчей кожѣ, овцамъ пагубу содѣвающъ"...

Глазки смиреннаго заболотскаго инока такъ и заблестѣли, лицо побѣднѣло, и онъ дѣлался все смѣлѣе, чувствуя поднимавшееся обаяніе своей восторженной рѣчи. Таисья еще ниже опустила глаза... Она знала, что смиренный Кириллъ перевралъ текстъ: часть взялъ изъ Игнатія Богоносца, а выдаетъ за Кириллову книгу. Но она удержалась отъ изобличенія завравшагося инока, чтобы не нарушать произведеннаго имъ впечатлѣнія. Слѣпое уваженіе къ церковно-славянскому языку сказалось въ слушателяхъ, особенно въ Груздевѣ. Заныла мистическая раскольничья жилка съ ея вѣчною скорбью, страхомъ и недовѣріемъ... Подогрѣтый этимъ впечатлѣніемъ, смиренный Кириллъ говорилъ и говорилъ, уснащая свою рѣчь излюбленными цитатами. Таисья уже забыла о промахахъ заболотскаго инока и со слезами на глазахъ смотрѣла на смущеннаго милостивца Самойла Евтихыча, который какъ-то весь съежился. Анѳиса Егоровна вытирала платкомъ катившіяся слезы, а Нюрочка съ широко раскрытыми, удивленными глазами боязливо прижалась своею дѣтскою головкой къ отцу. Заболотье посылало этого полуученаго Кирилла съ разными тонкими порученіями къ милостивцамъ именно за эти яркія вспышки какого-то дикаго вдохновенія, производившаго на темную массу неотразимое впечатлѣніе. Это былъ одинъ изъ „повелѣнныхъ" раскольничьихъ агентовъ.

— Работы египетскія вмѣстятся...—гремѣлъ Кириллъ; онъ теперь уже стоялъ на ногахъ и размахивалъ правою рукой. — Нищъ, убогъ и странѣнъ стою предъ тобой, милостивецъ, но нищъ, убогъ и странѣнъ по своей волѣ... Да! Видитъ мое духовное око ненасытную алчбу и похоть, большіе помыслы, а будетъ часъ, когда ты, милостивецъ, позавидуешь мнѣ...

— Будетъ, будетъ, — ласково удерживала Таисья расходившагося старца.—Всѣ мы грѣшные люди и всѣ будемъ въ огнѣ горѣть.

Анѳиса Егоровна толкала мужа и что-то шептала ему на ухо.

— Ну, будетъ... прости, — нерѣшительно, устыдясь гостя, проговорилъ Груздевъ.—Сгрубилъ я тебѣ по своей мірской слѣпотѣ...

— А, теперь — прости! — кричалъ охваченный яростью смиренный Кириллъ.—А какъ ты даве со мной разговаривалъ? Вставай да кланяйся въ ноги, тогда и прощу.

Груздевъ на мгновеніе задумался, но быстро вылѣзъ изъ-за стола и, подойдя къ иноку, отвѣсилъ глубокій поясной поклонъ, касаясь рукой пола.

— Не тебѣ кланяюсь, а твоему иноческому чину, — проговорилъ онъ уже спокойнымъ тономъ.—Прости, отче, и благослови...

— Ну, Богъ тебя благословитъ, Богъ тебя проститъ...

Наступила тяжелая минута общаго молчанія. Всѣмъ было неловко. Казачокъ Тишка стоялъ у стѣны, опустивъ глаза, и только побѣлѣвшія губы у него тряслись отъ страха: ловко скрутилъ Кириллъ Самойла Евтихыча... Одинъ Илюшка посматривалъ на всѣхъ съ скрытою во взглядѣ улыбкой: онъ былъ чужой здѣсь и понималъ только одну смѣшную сторону въ униженіи Груздева. Заболотскій инокъ посмотрѣлъ кругомъ удивленными глазами, разслабленно опустился на свое мѣсто и, закрывъ лицо руками, заплакалъ съ какими-то дѣтскими всхлипываніями.

— Отецъ Кириллъ, что вы?—уговаривала его Анѳиса Егоровна.—Простите ужъ насъ, глупыхъ...

— Не о себѣ плачу, — отозвался инокъ, не отнимая рукъ. — Знаменія ясны... Разбойникъ ужъ идетъ съ умиренною душой, а мы слѣпотствуемъ во тьмѣ невѣдѣнія.

VII.

Еще за обѣдомъ Вася нѣсколько разъ выскакивалъ изъ-за стола и подбѣгалъ къ окну. Мать строго на него смотрѣла и качала головой, но у мальчика было такое взволнованное лицо, что у ней не повертывался языкъ побранить непосѣду. Когда смиренный Кириллъ принялся обличать милостивцевъ, Вася воспользовался удо нымъ моментомъ, подбѣжалъ къ Нюрочкѣ и шепнулъ:

— Нюрочка, айда наверхъ... Сейчасъ на мысу кругъ соберется!

Повторять свое приглашеніе ему не пришлось, потому что Нюрочкѣ самой до смерти надоѣло сидѣть за столомъ, и она рада была случаю удрать. Дѣти скрылись потихоньку, и только материнскій глазъ Аѳиисы Егоровны проводилъ ихъ до порога, да сестра Таисья строго покачала головой. Вырвавшись на волю, дѣти взапуски понеслись наверхъ, такъ что деревянная лѣстница только загремѣла у нихъ подъ ногами. По пути Вася заглянулъ въ ту свѣтелку, гдѣ давеча пряталась Нюрочка съ Оленкой, и весело захохоталъ. Оленка стояла въ углу, привязанная веревкой къ стулу. Вмѣсто угощенія, передъ ней лежалъ клокъ сѣна. Она не смѣла пикнуть въ чужомъ домѣ и такъ простояла все время обѣда. Конечно, все это продѣлалъ Вася и теперь съ дѣтскою жестокостью хохоталъ надъ несчастною дѣвочкой, у которой отъ слезъ распухло все лицо.

— Ахъ, ты, разбойникъ!..—послышался голосъ Таисьи, которая своими неслышными шагами, какъ тѣнь, поднялась по лѣстницѣ за дѣтьми.

Завидѣвъ тетку, Оленка горько заревѣла.

— Тпрсо! тпрсо!..—дразнилъ ее Вася, протягивая руку, какъ манятъ лошадей.—У ней копоть, у Оленки, какъ у лошадей бываетъ.

Но его кудрявая голова очутилась сейчасъ же въ рукахъ у Таисьи, и онъ только охнулъ, когда она съ неженскою силой ударила его между лопатокъ кулакомъ. Это обезкуражило балозня, а когда онъ хотѣлъ вцѣпиться въ Таисьину руку своими бѣлыми зубами, то очутился уже на полу.

Ступай, жалься матери-то, разбойникъ!—спокойно говорила Таисья, съ необыкновенною ловкостью трепля Васю за уши, такъ что его кудрявая голова болталась и стучала о полъ.—Ступай, жалься... Я тебя еще выдеру. Погоди, несъ!..

Вася едва вывернулся изъ Таисьиныхъ рукъ и, какъ бомба, вылетѣлъ въ открытую дверь. Нюрочка со страху прижалась въ уголъ и не смѣла шевельнуться. Таисья обласкала Оленку, отвязала и, погладивъ ее по головкѣ, сунула ей прямо въ ротъ кусокъ пирожнаго. Оленка принялась жевать его, глотая слезы.

— Пойдемте, дѣушки, на балконъ, кругъ смотрѣть, — говорила Таисья, подхватывая дѣвочекъ за руки. — Перестань, Оленка, хныкать... Ужо накормлю и тебя на куфнѣ.

Онѣ пошли какимъ-то темнымъ переходомъ и попали въ другую свѣтелку, выходившую широкимъ балкономъ прямо на улицу. Нюрочка такъ и ахнула отъ восторга, когда онѣ вышли на балконъ: подъ ихъ ногами раскинулась, какъ на ладони, вся Самосадка. Рѣка Каменка дѣлала красивое колѣно къ Желтой горѣ, а за ней зубчатою стѣной поднимался безконечный лѣсъ, уходившій изъ глазъ. За Березайкой красиво пестрѣла большая караванная контора, склады желѣза, барки, амбары и сложенныя бунтами снасти. Собственно селеніе раскидало свои избушки въ четыре неправильныя улицы,

лучами сбѣгавшіяся на мысу. Въ яркій солнечный день картина получалась замѣчательно красивая, и даже Таисья вздохнула, любуясь всѣмъ „жйломъ“. Она особенно долго смотрѣла на глинистую дорожку, которая на томъ берегу Каменки желтою змѣйкой уползала въ лѣсъ.

— Таисья, а гдѣ кругъ? — спрашивала Нюрочка, сгорая отъ нетерпѣнія.

— А вонъ... вонъ, гдѣ люди-то собрались на мысу, гляди прямо-то.

Дѣйствительно, на самомъ мысу уже собралась толпа, образуя широкій кругъ. Пока стояли одни подростки да сновала пристанская дѣтвора. Борьбу начинали по изстари заведенному обычаю малыши, за ними выступали подростки, а большіе мужики подходили уже къ концу, когда рѣшался на цѣлый годъ горячій вопросъ, кто „унесетъ кругъ“ — ключевляне или самосадскіе. Лучшіе борцы приберегались къ концу борьбы, и послѣдній уносилъ кругъ. Этотъ обычай переходилъ изъ рода въ родъ, и Самосадка славилась своими борцами, которые почти каждый годъ торжествовали и у себя дома и на Ключевскомъ заводѣ.

— Вонъ онъ, тятька-то...—проговорила Оленка, указывая рукой на кругъ.

— Ишь, какіе вострые глаза: узнала тятьку! — похвалила Таисья, заслоняя глаза отъ солнца рукой.—Твой тятька въ кругу шарашится. Прежде-то самъ хватски боролся, а нонѣ, ишь, ребятишекъ стравляетъ.

— Эй, ты, святая душа на костыляхъ!—кричалъ снизу Вася, окруженный цѣлою толпой пристанскихъ ребятишекъ.

— Ахъ, разбойникъ... Ужо вотъ я скажу матери-то!—бранилась Таисья, грозя Васѣ кулакомъ.—И востеръ только мальчишка; въ кого такой, подумаешь, уродился!

Вася въ отвѣтъ скакалъ на одной ногѣ и показывалъ языкъ.

Пьяный Никитичъ зналъ свое дѣло, и борьба завязалась. Сначала выпущены были пятилѣтки, и съ балкона было видно, какъ въ воздухѣ мелькали босыя дѣтскія ноги. Прибывавшая толпа шумно выражала свое одобреніе побѣдителямъ. Мальчиковъ-ключевлянъ было немного, и ихъ скоро перекидали приставляне. Боролись не въ охапку, по-мужицки, а за воротокъ, подшибая ногой. По обычаю, каждый боролся три раза. Ребята боролись скоро, и на кругъ выходили все новые борцы. Никитичъ бѣгалъ по кругу съ палкой, отодвигая напиравшихъ сзади праздныхъ зрителей, и зорко слѣдилъ, чтобы борьба стояла правильно. Заслышавъ шумъ на мысу, народъ [такъ и повалилъ къ кругу. Въ толпѣ запестрѣли кумачные красные бабьи платки. Около нихъ увивалась пристанская молодежь, разряженная по-праздничному— въ кумачныя рубахи, плисовыя шаровары и суконныя пальто. Халатовъ и шелковыхъ цилиндровъ молодежь уже не носила. Таисья, глядя съ балкона на происходившую внизу суету, только вздыхала.

Когда на кругу выступили подростки, на балконъ пришли Самойло Евтихычъ, Анѳиса Егоровна и Петръ Елисѣичъ. Мужчины были слегка навеселѣ, а у Самойла Евтихыча лицо горѣло, какъ кумачъ.

— Ну-ка, поворачивай, молодцы! — кричалъ онъ съ балкона гудѣвшей на мысу толпѣ.—Эй, самосадскіе, не выдавай!.. Кто унесетъ кругъ, приходи получать кумачную рубаху—это отъ меня!

Когда-то и самъ Самойло Евтихычъ лихо боролся на кругу съ ключевлянами, и теперь у него зудились руки.

— Тишка, Илюшка, валяй въ кругъ! — кричалъ онъ, свѣшиваясь съ балкона.—А гдѣ Васька? Пусть и онъ попробуетъ, какъ печенки отшибаютъ... Эхъ, не въ отца уродился!..

— Развѣ онъ мужикъ?—уговаривала расходившагося мужа Аѳиса Егоровна.—Тоже и придумаешь... Петръ Елисѣичъ, какая красавица у васъ въ Ключевскомъ заводѣ выросла, вонъ стоитъ съ бабами. Чья это?

— Это сестра брательниковъ Гущиныхъ, — съ гордостью объяснила Таисья:—Аграфеной звать.

— Это сестра нашему оберсжному Матвѣю? Удивительно красивая дѣвка.

Казачокъ Тишка и новый груздевскій „молодецъ“ Илюшка стояли уже въ кругу и попробовали счастья вмѣстѣ съ другими груздевскими молодцами. Но имъ не повезло. Тишка сошелъ съ круга на второмъ борцѣ, а Илюшка полетѣлъ на землю отъ перваго. Кругъ дѣлался все плотнѣе, несмотря на отчаянныя усилія Никитича, раздвигавшаго напиравшій народъ. Господскій кучеръ Семка уронилъ четверыхъ самосадчанъ и нѣсколько поддержалъ этимъ репутацію своего завода. Брательники Гущины были, конечно, налицо и терпѣливо ждали своей очереди. Впереди всѣхъ стоялъ красавецъ Спирька Гущинъ, на котораго проглядѣли глаза всѣ самосадскія дѣвки. Изъ другихъ ключевлянъ выдавались обжимочный мастеръ Пимка Соболевъ и листокатальный мастеръ Гараська Ковригинъ, — тоже не послѣдніе борцы, уносившіе кругъ у себя дома. Тутъ же толкался въ народѣ подгулявшій дозорный Полуехтъ Самоварникъ, ко всѣмъ приставалъ и всѣмъ надоѣдалъ.

— Родимые мои... — повторялъ Самоварникъ, помахивая подобраннымъ халатомъ, какъ хвостомъ. — Постарайтесь, голубчики! Чтобы не стыдно было на заводъ воротиться...

— Самъ поборись, Полуехтъ.

— Не могу, родимый мой: кость у меня жидкая.

Всѣ были увѣрены впередъ, что кругъ унесетъ Матюшка Гущинъ, который будетъ бороться послѣднимъ. Онъ уже два раза уносилъ круга, и обѣ стороны оставались довольны, потому что каждая считала Матюшку своимъ: ключевляне—потому, что Матюшка родился и выросъ въ Ключевскомъ, а самосадскіе—потому, что онъ жилъ сейчасъ на Самосадкѣ.

— Мочеганы пришли... — загудѣла толпа, когда къ кругу подошли Терешка-казакъ и лѣсообъѣздчикъ Макаръ Горбатый. — Пустите мочеганъ бороться...

— Но шеѣ мочеганъ!—раздался чей-то одинокій голосъ и замеръ.

Мочегане вошли въ кругъ и присоединились къ своимъ ключевскимъ. Встрѣтившая ихъ насмѣшками толпа сейчасъ же успокоилась, потому что началась настоящая борьба: выступилъ въ кругъ младшій брательникъ Гущинъ. Воцарилась мертвая тишина. Борцы ходили по кругу, взявши другъ друга за воротъ чекменей правою рукой, — лѣвая шла въ дѣло только въ моментъ схватки. Вся суть заключалась въ томъ, чтобы ловко ударить противника ногой и сбить его на землю. Младшій брательникъ Гущинъ погибъ на шестомъ борцѣ и вызвалъ шумныя одобренія со стороны своихъ ключевлянъ, какъ до него кучеръ Семка. Второй братъ упалъ подъ перваго борца, и торжествовали самосадчане. Такъ же безславно погибъ и третій братъ, за которымъ выступилъ Спирька. Огорченный неудачей двухъ братьевъ, Спирька въ теченіе пяти минутъ смялъ трехъ лучшихъ самосадскихъ борцовъ.

— Эхъ, вы, ворѳны, развѣ такъ борются? — кричалъ съ балкона Груздевъ, размахивая платкомъ. — Подъ лѣвую ногу Спирьку ударь, а потомъ черезъ колѣно...

Но въ этотъ моментъ Спирька уложилъ пластомъ четвертаго. Не успѣла Аѳиса Егоровна сказать слова, какъ Груздевъ уже полетѣлъ по лѣстницѣ

внизъ, безъ шапки выбѣжалъ на улицу, и кругъ разступился, давая ему дорогу.

— Ай да Самойло Евтихычъ! — поощряли голоса. — Ну-ка, тряхни стариной...

— Давайте мнѣ чекмень...—говорилъ Груздевъ, засучивая рукава.

— Мотри, Самойло Евтихычъ, кабы я тебя не зашибъ,—предупреждалъ его Спирька.—Руки у насъ жесткія, а ты обмякъ...

— Ладно, разговаривай! — храбрился Груздевъ, надѣвая чекмень. — Только уговоръ: черезъ голову не бросать.

— Да гдѣ тебя бросить, Самойло Евтихычъ: съ хоромную крышу вѣсишь...

Когда желѣзная рука Спирьки ухватила Самойла Евтихыча за воротъ чекменя, всѣмъ стало ясно, что самосадскому набобу не сдобровать, и всѣхъ яснѣе это понималъ и чувствовалъ самъ Самойло Евтихычъ. Недавній хмель какъ рукой сняло, но бѣжать съ круга было бы несмываемымъ пятномъ. Съ другой стороны, Самойло Евтихычъ чувствовалъ, что Спирька труситъ, и это его замѣтно ободрило. Конечно, силой ничего не возьмешь, а надо пуститься на хитрости. Припомнивъ какое-то мудреное борцовое колѣно, Самойло Евтихычъ надѣялся изловчиться и началъ подтягивать Спирьку въ правую сторону, какъ будто бы хотѣлъ его подшибить правою ногой. Спирька въ свою очередь, какъ быкъ, забочился налѣво и началъ убирать свою лѣвую ногу. Выбравъ удобный моментъ, Самойло Евтихычъ неожиданно ударилъ его лѣвою ногой такъ, что Спирька пошатнулся, но въ то же мгновеніе Самойло Евтихычъ точно вспорхнулъ на воздухъ, смѣшно заболталъ ногами и растянулся пластомъ.

— До трехъ разъ! нѣтъ, братъ, до трехъ разъ!.. — кричалъ Самойло Евтихычъ, барахтаясь на землѣ.

Онъ хотѣлъ подняться, но только застоналъ,—лѣвая нога, которою онъ ударилъ Спирьку, была точно чужая, а страшная боль въ лодыжкѣ заставила его застонать. Самойло Евтихычъ палъ ничкомъ, его окружили и начали поднимать.

— Домой несите...—проговорилъ онъ, скрипя зубами отъ боли.

— Ахъ, родимый ты мой!—кричалъ Самоварникъ, стараясь подхватить болтавшуюся голову Самойла Евтихыча.—Ну и Спирька, да не разбойникъ ли...

Домой принесли Самойла Евтихыча въ чекменѣ, какъ онъ боролся. Въ кабинетѣ, когда начали снимать сапогъ съ лѣвой ноги, онъ закричалъ благимъ матомъ, такъ что Аѳисѣ Егоровнѣ сдѣлалось дурно, и Таисья увела отпаивать ее водой. Пришлось ухаживать за больнымъ Петру Елисѣичу съ казачкомъ Тишкой.

— Охъ, смерть моя!..—стоналъ Самойло Евтихычъ, лежа на своей кровати; сапогъ разрѣзали, чтобы снять съ ноги.

Петръ Елисѣичъ осторожно ощупалъ быстро пухнувшее мѣсто и спокойно замѣтилъ:

— Ну, счастье твое...

— А что?

— Простой вывихъ, вѣрнѣе — растяженіе связокъ... Что, испугался?.. Сейчасъ нарочнаго пошлемъ за фельдшеромъ на заводъ...

Принесли ледъ съ погреба, и Петръ Елисѣичъ самъ наложилъ компрессъ. Груздевъ лежалъ съ помертвѣвшимъ, блѣднымъ лицомъ, и крупныя капли холоднаго пота покрывали его лобъ. Въ какихъ-нибудь пять минутъ онъ измѣнился до неузнаваемости.

Происшествіе съ Самойломъ Евтихычемъ минутъ на десять пріостано-

вило борьбу, но потомъ она пошла своимъ чередомъ. На кругъ вышелъ Терешка-казакъ. Это появленіе въ кругу мочеганина вызвало сначала смѣхъ, но Никитичъ цыкнулъ на особенно задорныхъ,—онъ теперь отстаивалъ своихъ ключевлянъ, безъ различія концовъ. Впрочемъ, Терешкѣ пришлось не долго покрасоваться на кругу, и онъ свалился подъ второго борца.

— Куда вамъ, мочеганы, бороться!—радостно кричала толпа, довольная пораженіемъ Терешки.—Ну-ка, Макаръ, теперь ты попробуй...

Дѣйствительно выступилъ Макаръ Горбатый. Онъ надѣлъ толстый чекмень, разгладилъ русую окладистую бородку, тряхнулъ волосами и весело оглянулъ затихшій кругъ.

— Ну, молодцы, выходи на мочеганина! — покрикивалъ Никитичъ.— Кто посмѣлѣе?

Борцы переминались и только подталкивали другъ друга: очень ужъ плечистъ былъ Макаръ и шея, какъ у быка. Первый смѣльчакъ, попробовавшій счастья, полетѣлъ на землю, какъ кошка, брошенная за хвостъ. Такая же участь постигла второго, третьяго, четвертаго, — Макаръ клалъ въ лоскъ послѣднихъ самосадскихъ борцовъ. По кругу пробѣжалъ ропотъ неудовольствія: если мочеганинъ унесетъ кругъ, то это будетъ вѣчнымъ позоромъ для всей пристани, и самосадскимъ борцамъ стыдно будетъ показать глаза на Ключевской заводъ. Бабы засмѣютъ... Цѣлыхъ двѣнадцать человѣкъ положилъ Макаръ, и оставался послѣдній Матюшка Гущинъ. Толпа замерла въ ожиданіи рокового момента. Матюшка былъ пониже Макара ростомъ, но еще плотнѣе. Онъ вышелъ на кругъ съ какою-то застѣнчивою улыбкой, точно новичокъ.

— Раздайся, кругъ!—оралъ охрипшимъ голосомъ Никитичъ.

Когда борцы взяли другъ друга за воротъ, весь мысъ замеръ. Народъ смотрѣлъ съ крышъ, изъ оконъ, лѣзли на плечи. Цѣлая толпа пристанскихъ бабъ и ключевлянокъ сбилась у груздевскаго дома, откуда было видно все. Первый разъ свалился Макаръ, и весь кругъ облегченно вздохнулъ: конечно, Матюшка обломаетъ мочеганина. Но не успѣли пристанскіе порадоваться хорошенько, какъ Матюшка грузно ударился о землю, точно пала чугунная баба, какою заколачиваютъ сваи. Оставался послѣдній, рѣшительный разъ... Оба борца чувствовали, какая отвѣтственность лежитъ на нихъ, и ходили по кругу битыхъ полчаса, — ни тотъ ни другой не поддавался. У Макара отъ натуги напружились жилы на шеѣ, и онъ тяжело дышалъ. Всѣмъ показались эти полчаса за годъ, а когда Матюшка Гущинъ полетѣлъ опять на землю— воцарилась на нѣсколько мгновеній зловѣщая тишина. Кругъ унесъ Макаръ...

— Чего вы на нихъ, мочеганъ, глядите?.. Бей!.. — раздался въ толпѣ неизвѣстный голосъ.

Достаточно было одного этого крика, чтобы разомъ произошло что-то невѣроятное. Весь кругъ смѣшался, и послышался глухой ревъ. Произошла отчаянная свалка. Никитичъ пробовалъ-было образумить народъ, но сейчасъ же былъ сбитъ съ ногъ и очутился подъ живою, копошившеюся на немъ кучей. Откуда-то появились колья и полѣнья, а у воротъ груздевскаго дома раздался отчаянный женскій вопль: это кричала Аграфена Гущина.

— Не бойсь, брательники-то отобьются!—утѣшали ее бабы.

Отчаянная свалка прекратилась только съ появленіемъ на полѣ битвы Петра Елисѣича. Народъ бросился врассыпную, а въ кругу остались лежавшіе пластомъ Терешка-казакъ и Макаръ Горбатый. Ихъ такъ замертво и снесли въ ближайшую избу.

— Ну, что тамъ: кто унесъ кругъ?—съ нетерпѣніемъ спрашивалъ Груз-

девъ, когда Петръ Елисѣичъ вернулся. — Макаръ Горбатый?.. Не можетъ быть!..

— Чего не можетъ быть: въ лоскъ самого уходили... Страшно смотрѣть: лица не видно, весь въ крови, все платье разорвано. Это какіе-то звѣри, а не люди! Нужно запретить это варварское удовольствіе.

Груздевъ отнесся къ постигшему Самосадку позору съ большимъ азартомъ, хотя у самого уже начинался жаръ. Этотъ сильный человѣкъ вдругъ ослабѣлъ, и только стоило ему закрыть глаза, какъ сейчасъ же начинался бредъ. Петръ Елисѣичъ сидѣлъ около его кровати до полночи. Убѣдившись, что Груздевъ забылся, онъ хотѣлъ выйти.

— Петръ Елисѣичъ, постой,—окликнулъ его очнувшійся Груздевъ.

— Что, опять нога безпокоитъ?

— Ну ее, ногу: заживетъ... А я все думаю про этого Кирилла, который говорилъ давеча о знаменіяхъ. Что это по-твоему значитъ: „и разбойникъ придетъ съ умиренною душой“? Про кого это онъ закинулъ?

— Да такъ, мало ли что опъ болталъ.

— Нѣтъ, братъ, это не спроста сказано... Не таковскій народъ!.. Понимаешь: съ умиренною душой.

Всю ночь Груздевъ страшно мучился. Ему все представлялось, что онъ бьется въ кругу не на животъ, а на смерть: поборетъ одного — выходитъ другой, поборетъ другого—третій, и такъ безъ конца. На улицѣ долго пьяные мужики горланили пѣсни, а Груздевъ стоналъ, какъ раздавленный.

Петръ Елисѣичъ тоже долго не могъ заснуть. Ему съ Нюрочкой была отведена свѣтелка съ балкономъ. Нюрочка, конечно, спала счастливымъ дѣтскимъ сномъ, а Петръ Елисѣичъ долго ворочался, прислушиваясь къ праздничному шуму гулявшей пристани и пьянымъ пѣснямъ. Чтобы освѣжиться, онъ осторожно вышелъ на балконъ. Надъ Самосадкой стояла прелестная лѣтняя ночь, какія бываютъ только на Уралѣ. Рѣка утонула въ бѣлой пеленѣ двигавшагося тумана, лѣсъ казался выше, въ домахъ кое-гдѣ еще мигали красные огоньки. Заслоненныя дневнымъ шумомъ воспоминанія далекаго дѣтства поднялись теперь съ особенною силой... Вотъ онъ выросъ здѣсь, на этомъ мысу игралъ ребенкомъ, а потомъ за границей часто вспоминалъ эту родную Самосадку, рисовавшуюся ему въ радужныхъ краскахъ. Какъ рвалась его душа въ родное гнѣздо, а потомъ глубокая пропасть навсегда отдѣлила его отъ близкихъ по крови людей. И сейчасъ онъ чувствовалъ себя чужимъ, припоминая тяжелую сцену примиренія съ матерью. Но что думать о себѣ, когда жизнь прожита, а вотъ что ждетъ Нюрочку, ровное дыханіе которой онъ сейчасъ слышалъ? Спи, милая дѣвочка, пока заботы и огорченія большихъ людей не безпокоятъ твоего дѣтскаго, счастливаго сна!..

VIII.

Страда на уральскихъ горныхъ заводахъ—самое оживленное и веселое время. Все заводское населеніе переселяется на покосы, гдѣ у избушекъ и балагановъ до Успеньева дня кипитъ самая горячая работа. Кержацкій конецъ уходилъ на берега р. Урьи и Березайки, а мочегане занимали противоположную сторону, гдѣ весело разливались Култымъ и Сойга. Кержацкіе покосы занимали мѣста первыхъ заводскихъ куреней, а мочегане дѣлали новыя расчистки, и каждый шагъ покупался здѣсь отчаяннымъ трудомъ. На заводѣ оставались однѣ старухи, въ родѣ бабушки Акулины, матери Рачителя, да разныя бобылки. Исключеніе составляла Пеньковка, гдѣ сошлось пришлое населеніе,

не имѣвшее никакого хозяйства,—мѣдный рудникъ работалъ круглый годъ. Всѣ три конца пустѣли, и большинство домовъ оставалось совсѣмъ безъ хозяевъ. Закрытыя ставнями окна, деревянные засовы и гроповые замки служили единственною охраной пустовавшаго жилья. Воровства въ Ключевскомъ заводѣ вообще не было, а единственный заводскій воръ Никешка Мѣрокъ лѣтомъ проживалъ въ конскомъ пасевѣ.

Семья Горбатаго въ полномъ составѣ перекочевала на Сойгу, гдѣ у старика Тита былъ расчищенъ большой покосъ. Увезли въ лѣсъ даже Макара, который послѣ праздника въ Самосадкѣ вылежалъ дома недѣли три и теперь едва бродилъ. Впрочемъ, онъ и не участвовалъ въ работѣ семьи, какъ лѣсообъѣздчикъ, занятый своимъ дѣломъ.

— Плохо тебя поучили кержаки, — ворчалъ на сына старый Титъ. — Этово-тово, надо было тебя убить...

Макаръ отмалчивался и цѣлые дни лежалъ пластомъ въ балаганѣ, предоставляя женѣ убираться съ покосомъ. Татьяна каждое лѣто работала за двоихъ, а потомъ всю зиму слушала попреки свекрови, что вотъ Макаръ травитъ чужое сѣно. Мужъ попрежнему не давалъ ей прохода, и такъ какъ не могъ ходить по-здоровому, то подзывалъ жену къ себѣ и тыкалъ ее кулакомъ въ зубы или просто швырялъ въ нее палкой или камнемъ. Эта мертвая ненависть наводила какое-то оцѣпенѣніе на забитую бабу, и она выносила истязанія безъ звука, какъ рыба. Только по вечерамъ, когда послѣ трудового дня на покосахъ разливалась пѣсня, Татьяна присаживалась къ огоньку и горько плакала,—чужая радость хватала ее за живое. Особенно веселились на покосѣ хохлы, вообще любившіе „пожартовать“. Покосъ стараго Коваля приходился рядомъ съ покосомъ Тита, а дальше шелъ покосъ Дѣяна Поперешнаго. Этотъ послѣдній служилъ предметомъ общей зависти, какъ самый лучшій: къ горѣ выдавался такой ловкій мысокъ, почти кругомъ обойденный р. Сойгой. Весной рѣка заливала его, и Дѣяновъ покосъ не боялся никакой засухи. Трава на немъ росла по поясъ. Расчистилъ его Никешка Мѣрокъ и подъ пьяную руку сбылъ за безцѣнокъ Дѣяну.

Раннимъ утромъ было любо-дорого посмотрѣть на покосъ Тита Горбатаго, на которомъ старикъ управлялся своею одною семьей. Однѣхъ снохъ работало три, да сынъ Ѳедоръ, да самъ со старухой, да подсоблялъ еще Пашка своимъ ребячьимъ дѣломъ. На работу выходили на брезгу, а къ покосной избушкѣ возвращались, когда солнце садилось совсѣмъ. Старый Титъ былъ неумолимъ и въ покосъ не жалѣлъ своихъ бабъ. Одна Палагея пользовалась нѣкоторою льготой и могла отрываться отъ работы подъ предлогомъ посмотрѣть внучатъ, остававшихся около избушки, или когда варила варево на всю семью. Въ первыя двѣ недѣли такой страды всѣ снохи „спадали съ тѣла“ и только потомъ отдыхали, когда поспѣвала гребь и вообще начиналась раздышка.

И нынче все на покосѣ Тита было по-старому, но работа какъ-то не спорилась: и встаютъ рано, и выходятъ на работу раньше другихъ, а работа не та,—опытный стариковскій глазъ Тита видѣлъ это, и душа его болѣла. Старикъ частенько вздыхалъ про себя, но никому ничего не говорилъ. И по другимъ покосамъ было то же самое: у Дѣяна, у Канусиковъ, у Чеботаревыхъ—кажется, народъ на всякую работу спорый, а работа нейдетъ. По вечерамъ старики собирались гдѣ-нибудь около огонька и подолгу гуторили между собой, остерегаясь больше всего бабъ. Народъ былъ все степенный, какъ старикъ Филиппъ Чеботаревъ или Канусикъ. Изъ хохловъ въ эту компанію попалъ одинъ Коваль.

— Теперь, этово-тово, ежели разсудить, какая здѣсь земля, старички?— говорилъ Титъ. — Тутъ тебѣ покосъ, а тутъ гора... камень... Только вотъ по рѣкѣ сколько мѣстовъ угодныхъ и найдется. Дальше — народу больше, а, этово-тово, въ землѣ будетъ умаленіе. Это я насчетъ покосу, старички...

— Ужъ это что̀ и говорить, — соглашались слушатели. — Одно званье...

— То-то вотъ, старички... А оно, этово-тово, нужно тебѣ хлѣбъ, сейчасъ ступай на базаръ и купляй. Вѣдь баринъ-то теперь шабашъ, чтобы, этово-тово, изъ магазину хлѣбъ выдавать... Пудъ муки аржаной купилъ, полтины и нѣтъ въ карманѣ, а ее еще добыть надо. Другое прочее — крупы, говядину, все купляй. Шерсть купляй, бабамъ ленъ купляй, овчину купляй, да еще бабы ситцу поганаго просятъ... такъ я говорю?

— Это ты вѣрно... Набаловались наши заводскія бабы!

— Куды ни пошевелись, все купляй... Вотъ какая наша земля, да и та не наша, а господская. Теперь опять такъ сказать: опять мы въ куренную работу съ волею-то своей, али на фабрику...

— Э, пусть ей пусто будетъ, этой огненной нашей работѣ, Титъ! Шабашъ теперь!

— Ну, а чѣмъ будемъ жить?

— Кабы земля, такъ какъ бы не жить. Пашни бы разбили, хлѣбъ стали бы сѣять, скотину держать. Все повернулось бы на настоящую хрестьянскую руку... Вонъ изъ орды когда хрестьяны хлѣбъ привозятъ къ намъ на базаръ, такъ, слышь, не нахвалятся житьемъ-то своимъ: все у нихъ свое.

— То-то вотъ и оно-то, что въ ордѣ хрестьянину самый разъ, старички,—подхватывалъ Титъ заброшенное словечко. — Земля въ ордѣ новая, травы ковыльныя, крѣпкія, скотина всякая дешевая... Все къ намъ на заводы съ той стороны везутъ, а мы, этово-тово, деньги имъ травимъ.

Такіе разговоры повторялись каждый день съ небольшими варіаціями, но послѣдняго слова никто не говорилъ, а все ходили кругомъ да около. Старый Титъ сторопой вызналъ, какъ думаютъ другіе старики. Раза два, закинувъ какое-нибудь задѣлье, онъ объѣхалъ почти всѣ покосы по Сойгѣ и Култыму и вездѣ сталкивался со стариками. Свои туляки говорили всѣ въ одно слово, а хохлы или упрямились, или хитрили. Ну, да хохлы сами про себя знаютъ, а Титъ думалъ больше о своемъ Туляцкомъ концѣ.

Въ страду на Уралѣ выпадаютъ такія хорошія, теплыя ночи. Надъ головой синее-синее небо, гдѣ-то точно подъ землей ворчитъ бойкая Сойга, дальше зубчатою синею стѣной обступили горы, между покосами лѣсныя гривки и островки. Ухнетъ въ лѣсу филинъ, прокукуетъ кукушка, и опять все тихо. Смолкаютъ веселыя пѣсни, меркнутъ огоньки у покосныхъ балагановъ и избушекъ, а старый Титъ все сидитъ, сидитъ и думаетъ. Всѣхъ онъ знаетъ и знаетъ все, что̀ дѣлается кругомъ. Вонъ Дѣянова семья какъ проворно убирается съ сѣномъ, Чеботаревы потише, потому какъ мужиковъ въ семьѣ всего одинъ старикъ Филиппъ, а остальные—все дѣвки. Работящія дѣвки, худого слова не скажешь, а все дѣвки—такая имъ и цѣна. Ковали могли бы управиться на ряду съ Дѣяномъ, такъ на работу лѣнивы и погулять любятъ. Среди богатыхъ, людныхъ семей бьется, какъ рыба объ ледъ, старуха Мавра, мать Окулка,—другимъ не работа—праздникъ, а Мавра вышла на покосъ съ одною дочерью Наташкой, да мальчонка Тараска при нихъ околачивается. Не велико ребячье дѣло, не съ кого и взыскивать. Извѣстно, ребята!.. По ягоды бѣгаютъ, коней стерегутъ, птичьи гнѣзда зорятъ, копны возятъ— только ихней и работы. Присматриваетъ Титъ и свою будущую невѣстку Оедорку, которая съ маткой сѣно ворошитъ да свои хохлацкія пѣсни поетъ.

Ничего, славная дѣвушка, коренастенькая такая, съ крутымъ оплечьемъ и румянцемъ во всю щеку. Выправится—ядреная будетъ, какъ рѣпа. Сидитъ у огонька старый Титъ и все думаетъ... Вотъ подойдетъ осень, и пойдетъ народъ опять въ кабалу къ Устюжанинову, а какая это работа: молодые ребята балуются на фабрикѣ, мужики изробливаются къ пятидесяти годамъ, а про бабъ и говорить нечего,—которая пошла на фабрику, та и пропала. Развѣ съ заводскимъ балованнымъ народомъ можно сравнить крестьянъ? Куда они лучше будутъ! Сиротства меньше по крестьянамъ, потому нѣтъ у нихъ заводскаго увѣчья и простуды, какъ на огненной работѣ: у того ноги застужены, у другого поясница не владѣетъ, третій и на ногахъ, да силы въ немъ нѣтъ никакой. Эхъ, уйти бы въ орду и сѣсть на свою землю... Послѣднюю мысль старый Титъ какъ будто прячетъ отъ самого себя и даже оглядывается каждый разъ, точно кто можетъ его подслушать. Да, хорошо было бы уйти совсѣмъ. Всю ночь думаетъ Титъ и день думаетъ, и даже совсѣмъ отъ хлѣба отбился.

— Ужъ тебя, старикъ, не сглазилъ ли кто?—спрашивала старая Палагея.—Чего-то больно туманный ходишь...

Съ женой Титъ не любилъ разговаривать и только цыкнулъ на нее: не бабьяго это ума дѣло.

Сколько ни мялись старики, сколько ни крѣпились, а завѣтное слово пришлось выговорить. Сказалъ его старый Коваль:

— А втикать надо, старички, до орды... Побачімо, якъ добрі люди на свѣтѣ живутъ.

— Тоже и сказалъ!—ворчалъ на свата Титъ.—Не близкое мѣсто орда, этово-тово, верстъ съ пятьсотъ будетъ...

— Пригнали же насъ сюда, а до орды много поближе, сватъ. Не хочу зоставатися здѣсь, и все туточки! Вотъ якій твой сватъ, Титъ...

Старички даже какъ будто испугались, когда высказана была роковая мысль, висѣвшая въ воздухѣ. Думать каждый думалъ, а выговорить страшно.

— Только вотъ что, старички,—говорилъ Дѣянъ Поперешный:—бабамъ ни гу-гу!.. Примутся стрекотать, какъ сороки, и все дѣло испортятъ. Подымутъ ревъ, забѣгаютъ, какъ оглашенныя.

— А ну ихъ, жинокъ, къ нечистому!—подтвердилъ старый Коваль и даже благочестиво отплюнулся.

— Конечно, не бабьяго это ума дѣло,—авторитетно подтвердилъ Титъ, державшій своихъ бабъ въ качествѣ безсловесной скотины.—Надо обмозговать дѣло.

Долго толковали старички на эту тему, и только упорно „мовчалъ“ одинъ старый Коваль, хотя онъ первый и выговорилъ роковое слово. Онъ принадлежалъ къ числу немногихъ стариковъ-хохловъ, которые помнили еще свою Украйну. Когда Коваля-нарубка погнали въ Сибирь, онъ рѣшилъ про себя „побѣгти у рѣчку“ и, вѣроятно, утопился бы, если бы не „карыя очи“ Ганны. Теперь ужъ поздно было думать объ Украйнѣ, гдѣ все „ридненькое“ давно „вмерло“, а „втикать до орды“ на старости лѣтъ стоило угона въ Сибирь. Въ старомъ хохлѣ боролось двойное чувство.

— Что же ты, сватъ, этово-тово, молчишь?—спрашивалъ Титъ, когда старики разошлись и они остались вдвоемъ съ глазу на глазъ.—Сказалъ слово и молчишь.

— Щось таке, сватъ?.. Мовчу, такъ мовчу... Вотъ о жинкахъ ты сказалъ, а жинки напередъ насъ свой хлѣбъ продумали.

— Н-но-о?

— Да я жъ тобі говорю... Моя Ганна на стѣну лѣзе, якъ коза, що бѣлены поѣла. Такъ и другія бабы... Э, плевать! А то я мовчу, сватъ, какъ мы съ тобой будемъ: посватались, а може женихъ съ невѣстой и разъѣдутся. Такъ-то...

— Какъ разъѣдутся, этово-тово?

— А такъ же... Може, я уѣду въ орду, а ты зостанешься, бо тулякі вашіі хитрые.

— Вмѣстѣ поѣдемъ, сватъ... Я избу поставлю, а ты, этово-тово, другую избу рядомъ. Я Ѳедьку отдѣлю, а Макаръ пусть въ большакахъ остается. Замотался онъ въ лѣсообъѣздчикахъ-то...

— Добре, сватъ!..

— А на мѣсто Ѳедьки женатымъ сыномъ будетъ Пашка, этово-тово...

— Такочки, сватъ!..

— А все-таки бабамъ не надо ничего говорить, сватъ. Пусть болтаютъ себѣ, а мы ничего не знаемъ... Поболтаютъ и бросятъ.

— Не можно, сватъ... Жинка завсегда хитрѣе. Да... А я слухалъ, какъ приказчичья Домна съ Рачителихой въ кабакѣ о своемъ хлѣбѣ толковали. Оттакъ!

— Это хохлы бабъ распустили и парней также, а наши тулянки не посмѣютъ. Дурни вы, хохлы, вотъ что, коли такую волю бабамъ даете!..

— Сватъ, не зачипляй!

Сваты даже легонько повздорили и разошлись недовольные другъ другомъ. Особенно недоволенъ былъ Титъ: тоже послалъ Богъ свата, у котораго семь пятницъ на недѣлѣ. Да и бабы хороши!.. Тѣ же хохлы наболтали, а теперь валятъ на бабъ. Во всякомъ случаѣ, дѣло выходитъ скверное: еще не начали, а ужъ разговоръ пошелъ по всему заводу.

IX.

Бабы-мочеганки дѣйствительно заговорили о своемъ хлѣбѣ раньше мужиковъ, и бабьи языки работали съ особеннымъ усердіемъ. О переговорахъ стариковъ на покосѣ бабы тоже знали, что̀ еще сильнѣе конфузило такихъ упрямыхъ людей, какъ Титъ Горбатый. Конечно, впереди всѣхъ оказались старухи-тулянки, какъ Палагея, жена Дѣяна Ѳекла, жена Филиппа Чеботарева высокая Дарья. Къ тулянкамъ подбились и хохлушки, какъ Ганна Ковалиха, Горпина Канусикъ и др. Тулянки не очень-то жаловали лѣнивыхъ хохлушекъ, да ужъ дѣло такое, что разбирать не приходилось, кто и чего сто̀итъ. И старухъ-тулянокъ и старухъ-хохлушекъ связывали теперь общія воспоминанія: вѣдь ихъ вмѣстѣ пригнали на Ключевской заводъ и вмѣстѣ онѣ проживались здѣсь. Сколько горя было принято отъ однихъ кержаковъ, особенно въ первое время. Проклятые обушники, бывало, ковша не дадутъ воды зачерпнуть: испоганятъ, слышь, мочегане... Дѣянова жена Ѳекла показывала всѣмъ иголку, которую еще изъ Рассеи вынесла съ собой,—сорокъ лѣтъ служила иголка-то...

— Все свое будетъ, некупленное,—повторяли скопидомки-тулянки.—А хлѣбушко будетъ, такъ какого еще рожна надо! Сказываютъ, въ этой самой ордѣ аржаного хлѣба и въ заведеньи нѣтъ, а все пшеничный ѣдятъ.

— Скотину, слышь, рожью-то кормятъ, бабоньки! Божій даръ, а они его скотинѣ травятъ... Урождаи у нихъ страшенные.

— Теперь снохи одними ситцами разорятъ,—жаловалась старая Палагея.—И на сарафанъ ситца подай, и на подзоры къ станушкѣ подай, и на

рубаху подай—одно разореніе... А въ хрестьянахъ во все свое одѣвайся: ленъ свой, шерсть своя. У бабъ у хрестьянокъ новинъ со сто набирается: и тебѣ холстъ, и тебѣ пестрядина, и сукно домашнее, и чулки, и варежки, и овчины.

— Ужъ это что и говорить,—поддакивали старухи:—испотачились наши сношеньки. Прямо сказать, въ конецъ истварились! А по хрестьянамъ-то баба всему голова, безъ бабы мужику ни взадъ ни впередъ: оба къ одной землѣ привязаны. Такъ-то...

— И мужики изъ хрестьянъ лучше нашихъ заводскихъ.

— А чтобы дѣвки которыя гулящія были по хрестьянамъ—ни-ни!..

Эта исконная тяга великорусскаго племени къ своей землѣ сказалась въ старыхъ крестьянкахъ съ какою-то болѣзненною силой. Самыя древнія старушки поднялись на дыбы при одной вѣсти о крестьянствѣ и о своемъ хлѣбѣ. Сорока лѣтъ заводскаго житья точно не бывало. Старухи, по возможности, таились отъ снохъ и даже отъ родныхъ дочерей, а молодыя бабы шушукались между собой. Сказывалась какая-то скрытая рознь, пока еще не опредѣленная никакимъ словомъ. Однѣ дѣвки, какъ безпастушная скотина, ничего знать не хотѣли и только ждали вечера, чтобы горланить пѣсни да съ парнями зубы скалить.

— Сбѣсились наши старухи,—судачили между собой снохи изъ большесемейныхъ туляцкихъ домовъ.—Туда же, беззубыя, своего хлѣба захотѣли!.. Теперь житья отъ нихъ нѣтъ, а тамъ поѣдомъ съѣдятъ!

Молодыя бабы-хохлушки слушали эти жалобы равнодушно, потому что въ Хохлацкомъ концѣ женатые сыновья жили почти всѣ въ отдѣлѣ отъ стариковъ, за немногими исключеніями, какъ семья Ковалей. Богатыхъ семей въ Хохлацкомъ концѣ не было, но не было и такого утѣсненія снохъ и вообще бабъ, какъ у туляковъ. Тулянки, попадавшія замужъ за хохловъ, сейчасъ же нагуливали тѣло. Замѣчательно было то, что какъ хохлушки, такъ и тулянки одѣвались совсѣмъ по-заводски, какъ кержанки: въ подбористые сарафаны, въ ситцевыя рубашки, въ юбки съ ситцевымъ подзоромъ, а щеголихи по праздникамъ разряжались даже въ ситцевыя кофты. Ни плахтъ, ни запасокъ, ни напёвъ—ничего не осталось, кромѣ какъ у старухъ, донашивавшихъ старое. Молодыя бабы-мочеганки во всемъ подражали щеголихамъ-кержанкамъ. То же было и съ языкомъ и съ пѣснями... Молодые всѣ говорили „по-кержацки“, а старинныя хохлацкія и туляцкія пѣсни пѣлись только на свадьбахъ.

Въ общемъ гвалтѣ, поднятомъ старухами, не участвовали только такія бобылки, какъ Мавра, мать Окулка. Этой ужъ некуда было ѣхать, да и не зачѣмъ: вотъ бы сѣнца поставить для коровы—и то впередъ. Сама Мавра не могла работать, а только подсобляла дочери Наташкѣ, которая и косила, и гребла, и коннила сѣно, и метала зародъ. Проворная была дѣвка и управлялась за мужика, даромъ что зиму работала на фабрикѣ дровосушкой. Нехорошая слава про фабричныхъ дѣвокъ, а надъ Наташкой никто не смѣлъ посмѣяться: соблюдала она себя. Въ праздники, когда отцовскія дочери гуляли по улицѣ съ пѣснями да шутками, Наташка сидѣла въ своей избушкѣ, и мать не могла ее дозваться на улицу.

— Зачѣмъ я пойду: тряпицы свои показывать?—отговаривалась она.

Семья только и держалась Наташкиной работой. Если бы не круглая бѣдность, быть бы Наташкѣ замужемъ за хорошимъ мужикомъ, а теперь женихи ее обѣгали, потому что всякому лестно вывести жену изъ достаточной семьи, а тутъ вмѣсто приданаго два голодныхъ рта—Мавра да Тараска. Наташка сама понимала свое положеніе, да и пора понимать: дѣвкѣ на два-

дцать второй годъ перевалило, а это ужъ перестаркомъ свахи зовутъ. На покосѣ Наташкѣ доставалось вдвое. Утромъ она едва поднималась, отъ натуги ломило поясницу, и руки, и ноги. Днемъ на работѣ молодое тѣло расходилось, а къ вечеру Наташка точно вся нѣмѣла отъ своей лошадиной работы. Не до пѣсенъ тутъ, какъ на другихъ покосахъ. Да и ѣсть было надо, а достатковъ нѣтъ. Вездѣ было занято, гдѣ можно, а до осени, когда начинается поденщина, еще далеко. Кусокъ черстваго хлѣба да ключевая вода—вотъ и вся ѣда... Больше всего не любила Наташка ходить съ займами къ богатымъ, какъ Титъ Горбатый, а выворачивалась какъ-нибудь у своего же брата голытьбы. Мавра обходила съ займами всѣ покосы и всѣмъ надоѣла, а Наташка часто ложилась спать совсѣмъ голодная. Мавра тоже терпѣла голодъ, но молчала, а Тараска ревѣлъ и ругался, требуя хлѣба. Была и у Наташки своя маленькая заручка, но она все опасалась ею пользоваться. Когда ей приходилось особенно тошно, она вечеромъ завертывала на покосъ къ Чеботаревымъ,—и люди они небогатые, свой братъ, и потомъ товарка здѣсь была у Наташки, старшая дочь Филиппа, солдатка Аннушка, работавшая на фабрикѣ вмѣстѣ съ Наташкой. Не велики были достатки у Чеботаревыхъ, да солдатка Аннушка была добрая душа и готова отдать послѣднее. Черезъ Тараску солдатка Аннушка давно засылала Наташкѣ то пирожокъ съ лукомъ, то яичко, а то просто скажетъ: „Отчего это Наташка къ намъ не завернетъ?.. Удосужилась бы малымъ дѣломъ“... Но Наташка боялась особенно дружить съ солдаткою Аннушкой, про которую шла нехорошая слава: подманивала она красивыхъ дѣвокъ для Палача. Можетъ-быть, это было и неправда, на фабрикѣ мало ли что болтаютъ, но Наташка все-таки боялась ласковой Аннушки, какъ огня. Разъ подъ вечеръ Аннушка сама пришла на покосъ къ Маврѣ и ласково принялась выговаривать Наташкѣ:

— Снесивая стала, Наташенька... Дозваться я не могла тебя, такъ сама пошла: солдаткѣ не до снеси. Охъ, гляжу я на тебя, какъ ты маешься, такъ вчужѣ жаль... Кожу бы съ себя ровно сняла до помогла тебѣ! Вонъ Горбатые не знаютъ, куда съ деньгами дѣваться, а нѣтъ, чтобы послали хоть кобылу копны къ заводу свозить.

— Скоро управимся, Аннушка,—отвѣчала Наташка, подкупленная жалостливымъ словцомъ,—вѣдь ее никто не жалѣлъ.—Попрошу у васъ же лошади, когда ослобонится.

— Тятька безпремѣнно дастъ... Своя нужда дома вилоть до крыши, такъ и чужую пожалѣетъ. Это завсегда такъ, Наташенька... Ужо поговорю съ тяткой. Трудно тебѣ, горюшкѣ, одной-то весь покосъ воротить... хоть бы немудренькаго мужичонку вамъ.

— Гдѣ его взять-то, Аннушка? Вотъ Тараска подрастетъ. Нонѣ его на фабрику сведу.

Посидѣла Аннушка, потужила и ушла съ тѣмъ же, съ чѣмъ пришла. А Наташка долго ее провожала глазами: откуда только что беретъ Аннушка—одѣта чисто, сама здоровая, на шеѣ разныя бусы, а по праздникамъ въ кофтахъ щеголяетъ. Къ Пасхѣ шерстяное платье справила: то-то безпутная голова! Хорошо ей, солдаткѣ! Позавидовала Наташка, какъ живутъ солдатки, да устыдилась.

Въ серединѣ покоса Наташка разнемоглась своею бабьею болѣзнью: все болитъ. Давно она разнемоглась, да все терпѣла. Оставалось докосить мокрый лужокъ къ самой рѣкѣ, но Наташка откладывала эту работу: трава по мокрымъ мѣстамъ жесткая, а она косила босая. И то всѣ ноги въ крови къ вечеру. Такъ лужокъ и оставался нескошеннымъ, а Наташка лежала въ бала-

ганѣ третій день, ни рукой ни ногой пошевелить не можетъ. Старуха Мавра вмѣсто того, чтобы пожалѣть дѣвку, на нее же взъѣлась: ты и такая, ты и сякая. Не понимаетъ того, старая, что отъ голодухи обезсилѣла Наташка. Бѣдные люди поневолѣ дѣлаются несправедливыми, какъ было и теперь. Оставалось одно: обратиться къ Аннушкѣ, но Наташка еще перемогалась: можетъ, къ утру полегчаетъ.

— Вонъ добрые люди въ орду собираются уѣзжать, а ты лежишь, какъ колода,—корила обезумѣвшая Мавра единственную работницу.—Хоть бы умереть... Хлѣба вонъ осталась одна разъединая корочка, какъ хошь ее дѣли на трохъ-то.

— Мамынька, завтра поправлюсь, дастъ Богъ...

— Аннушка вонъ обѣщалась пособить, только, гритъ, пусть Наташка сама придетъ. Вонъ у нея какіе сарафаны-то, а ты ее же обѣгаешь. Ваша-то, дѣвичья-то честь для богатыхъ, а бѣднымъ не помирать же съ голоду.

— Опомнись, мамынька, какія ты слова выговариваешь?—стонала Наташка.

— А такія... Не ты первая, не ты послѣдняя: про всѣхъ про васъ, дровосушекъ, одна слава-то...

Какъ ни крѣпилась Наташка, какъ ни перемогалась, а старуха такидоняла ее: заревѣла дѣвка. Раньше хоть спала, а тутъ и ночь не спится,—обидѣла ее мать. Къ утру только заснула Наташка, такъ хорошо, крѣпко заснула. Давно ободняло ужъ, а Наташка спитъ, спитъ и сама дивится, что никто ее не будитъ. Что бы это такое значило? Солнышко ужъ въ балаганъ стало заглядывать, значитъ, время къ обѣду. Стыдно стало Наташкѣ. Собралась она съ силами, поднялась и вышла изъ балагана. Мать сидитъ у огонька, опустила голову на руки и горько-горько плачетъ.

— Чего ты, мамынька родная?

Старуха Мавра съ удивленіемъ посмотрѣла на дочь, что та ничего не знаетъ, и только головой указала на лужокъ у рѣки. Тамъ съ косой Наташки лихо косилъ какой-то здоровенный мужикъ, такъ что слышно было, какъ жесткая болотная трава свистѣла у него подъ косой.

— Да вѣдь это Окулко?!—крикнула Наташка, всплеснувъ руками.

— Опъ самый. Утромъ даве я встаю, вышла изъ балагана, вотъ этакъ же гляжу, а у насъ лужокъ мужикъ коситъ. Испугалась я по первоначалу-то, а истомъ разглядѣла: онъ, Окулко. Самъ пришелъ и хлѣба принесъ. Говоритъ, объявляться пришелъ... Докошу, говоритъ, вамъ лужокъ, а потомъ пойду прямо въ контору къ приказчику: вяжите меня...

— Вотъ, мамынька, ты все жалилась да меня корила.

— Отъ голоду, родная, отъ голоду. Помутилась я разумомъ на старости лѣтъ... Ты погляди, какъ Окулко-то поворачиваетъ: тебѣ бы на три дня колотиться надъ лужкомъ, а онъ къ вечеру управится.

— Да вѣдь онъ мужикъ, мамынька.

Окулко косилъ съ ранняго утра вплоть до обѣда, безъ передышки. Маленькій Тараска ходилъ по кòсеву за нимъ и молча любовался на молодецкую работу богатыря-брата. Обѣдать Окулко пришелъ къ балагану, молча съѣлъ кусокъ ржаного хлѣба и опять пошелъ косить. На другихъ покосахъ уже замѣтили, что у Мавры коситъ какой-то мужикъ, и, конечно, полюбопытствовали узнать, какой-такой новый работникъ объявился. Титъ Горбатый даже подъѣхалъ верхомъ на своей буланой кобылѣ и вслухъ похвалилъ чистую Окулкину работу.

— Здравствуй, Окулко,—проговорилъ онъ.—Ты, этово-тово, ладно надумалъ, въ самый разъ.

— Ладно, такъ и примѣривать не надо,—отрѣзалъ Окулко, продолжая работать.

— Ты, этово-тово, правильно...

Конечно, прибѣжала на той же ногѣ Анцушка.

— Ну, вотъ и слава Богу, мужикъ нашелся,—радовалась она.—А ты, Наташка, совсѣмъ затощала, лица на тебѣ нѣтъ... Ай да Окулко! Тоже и придумалъ ловко.

Маврина семья сразу ожила, точно и день былъ свѣтлѣе, и всѣ помолодѣли. Мавра сбѣгала къ Горбатымъ и выпросила цѣлую ковригу хлѣба, а у Дѣяна заняла луку да соли. Къ вечеру Окулко дѣйствительно кончилъ лужокъ, опять молча поужиналъ и улегся въ балаганѣ. Наташка радовалась: сгрести готовую кошенину не велика печаль, а старая Мавра опять горько плакала. Какъ-то Окулко пойдетъ объявляться въ контору? Ушлютъ его опять въ острогъ въ Верхотурье, только и видѣла работничка.

X.

По всѣмъ покосамъ широкою волной прокатилась молва о задуманномъ переселеніи въ орду, и самымъ разнообразнымъ толкамъ не было конца.

— Надо засылать ходоковъ, старички,—повторялъ Филиппъ Чеботаревъ, когда собирались человѣкъ пять-шесть.—Страда въ половинѣ, которыя семьи управились съ кошениной, а ежели есть свои мужики, такъ поставятъ сѣно и безъ старика. Надо засылать.

— Ужъ это что̀ и говорить,—соглашались всѣ.—Какъ по другимъ прочіимъ мѣстамъ добрые люди дѣлаютъ, такъ и мы. Жалованье зададимъ ходокамъ, чтобы имъ не обидно было и чтобы неустойки не вышло. Тоже задарма̀ кому охота болтаться... Въ аккуратѣ надо дѣло дѣлать.

Всѣ понимали, что въ ходоки нужно выбрать обстоятельныхъ стариковъ, а не кого-нибудь. Дѣло хлопотливое и отвѣтственное, и не всякій на него пойдетъ. Разъ подъ вечеръ, когда семья Горбатыхъ дружно вершила первый зародъ, къ нимъ степенно подвалила артелька стариковъ.

— Здорово, старички!—весело крикнулъ Титъ съ зарода.

— Богъ на помочь!

Старички присѣли къ сторонкѣ и съ достоинствомъ обождали, пока Горбатые кончатъ свою работу. Макаръ и Ѳедоръ продолжали свое дѣло, не обращая на гостей никакого вниманія. Молодые мужики вообще какъ-то сторонились отъ стариковъ, а въ большихъ туляцкихъ семьяхъ они не смѣли пикнуть, когда большакъ дома. Легко работали Горбатые около своего зарода, такъ что любо-дорого было смотрѣть. Филиппъ Чеботаревъ наблюдалъ ихъ съ тайною завистью: вотъ бы ему хоть одного сына въ семью, а то съ дѣвками недалеко уѣдешь. Изъ туляковъ пришли Дѣянъ Поперешный и рыжій, какъ огонь, Шкарабура (прозвище за необыкновенный видъ), а изъ хохловъ Дорохъ Ковальчукъ, Канусикъ и Шикунъ.

— Садитесь, этово-тово, на прясло-то, такъ гости будете,—кричалъ Титъ, едва успѣвая принимать подкидываемое сыновьями сѣно.

— Управляйся, дѣдушка, дѣло не къ спѣху.

Подбиравшія граблями сѣно бабы молчали: онѣ чувствовали, зачѣмъ приволоклись старички. Палагея сердито поглядывала на снохъ.

Когда кончили вершить зародъ, Макаръ и Ѳедоръ ушли копнить поспѣвшее къ вечеру сѣно, а за ними поплелись бабы. Титъ спустился съ за-

рода, обругалъ Пашку, который неладно покрывалъ верхушку зарода свѣжими березовыми вѣтками, и подошелъ къ дожидавшимъ старичкамъ.

— Ну, этово-тово, здравствуйте...

— Мимо шли, такъ вотъ завернули, — объяснялъ Чеботаревъ. — Васко робите около зароду, ну, такъ мы и завернули поглядѣть... Этакую-то семью да на пашню бы выгнать: загорѣлось бы все въ рукахъ.

Прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, старички поговорили о разныхъ посторонних предметахъ, какъ и слѣдуетъ серьезнымъ людямъ; не прямо же броситься на человѣка и хватать его за горло.

— А мы, видно, къ тебѣ, дѣдушка Титъ...—заявилъ нерѣшительно одинъ голосъ, когда были продѣланы всѣ предварительныя церемоніи.

— Вижу, этово-того...

Старый Титъ какъ-то весь съежился и только заморгалъ глазами.

— Мы, значитъ, ужъ къ тебѣ, дѣдушка, всѣмъ міромъ... послужи міру-то... Въ ходоки тебя міръ выбралъ, чтобы обслѣдовать эту самую орду наскрозь.

Титъ замоталъ головой, точно взнузданная лошадь, и пошелъ на отпоръ.

— Старъ я, этово-тово... Семья у меня вò какая, а замѣниться некѣмъ. Нѣтъ, ужъ вы ослобоните меня... Кого помогутнѣе надо выбрать.

— Нѣтъ, міръ тебя выбралъ... Ты ужъ не корячься напрасно: безъ твоего слова не уйдемъ.

— Посердѣтовалъ на меня міръ, старички, не по годамъ моимъ служба. А только я одинъ не пойду... Кто другой-то?

— Другого ужъ ты самъ выбирай: тебѣ съ нимъ итти, тебѣ и выбирать. Отъ Туляцкаго конца, значитъ, ты пойдешь, а отъ Хохлацкаго...

— Вотъ развѣ сватъ... — нерѣшительно заявлялъ Титъ, поглядывая на понятившагося Ковали.

— Вѣрное твое слово, дѣдушка; вы сваты, такъ заодно итти вамъ въ орду.

Старый Коваль не спорилъ и не артачился, какъ Титъ: итти, такъ итти... Нэхай буде такъ!.. Сваты, по обычаю, ударили по рукамъ. Дѣло уладилось сразу, такъ что всѣ повеселѣли. Только охалъ одинъ Титъ, которому не хотѣлось оставлять недоконченный покосъ.

— Коней двѣнадцать головъ, куды я повернусь зимой-то безъ сѣна?— повторялъ онъ, мотая головой. — Ежели его купилять по зимѣ, сѣна-то, такъ, этово-тово, достатку не хватитъ...

— Э, сватъ, буде тебѣ гвалтувати,—уговаривалъ Коваль.—Якъ уведемъ оба конца въ орду, такъ усе наше сѣно кержакамъ зостанется... Нэхай твоему сѣну!..

Три дня ходилъ Титъ темнѣе ночи и ничего не говорилъ своей семьѣ. Его одолѣвали какія-то тяжелыя предчувствія. Онъ веселѣлъ немного только въ присутствіи стараго Коваля, который своимъ балагурствомъ и хохлацкими „жартами“ разгонялъ туляцкую скуку. Сваты даже уѣхали съ покоса и за разговорами проводили время въ кабакѣ у Рачителихи. На Тита нападали сомнѣнія: какъ да что? Выпитая водка нѣсколько ободряла его, но это искусственное оживленіе выкупалось наутро новымъ приступомъ малодушія. Разъ онъ не вытерпѣлъ и заявилъ Ковалю рѣшительнымъ тономъ:

— Нѣтъ, сватъ, этово-тово, надо сходить къ попу посовѣтовать... Онъ больше насъ знаетъ.

— Пойдемъ и до попа, — соглашался Коваль: — письменный человѣкъ, усе знае...

Попъ Сергѣй жилъ напротивъ церкви въ большомъ пятистѣнномъ дере-

вянномъ домѣ. Онъ принялъ ходоковъ ласково, какъ всегда, и первый заговорилъ:

— Слышалъ, старички, про ваши затѣи... Своего хлѣба отвѣдать захотѣли?

— Такъ вотъ мы и пришли, батюшка, къ тебѣ посовѣтовать.

— Что же, доброе дѣло: умъ—хорошо, два—лучше того.

Попъ усадилъ гостей и повелъ длинную, душевную бесѣду, а ходоки слушали.

— Отсовѣтовать вамъ я не могу,—говорилъ о. Сергѣй, разгуливая по комнатѣ:—вы подумаете, что я это о себѣ буду хлопотать... А не сказать не могу. Есть хорошія земли въ Оренбургской степи, и можно тамъ устроиться, только одно нехорошо: молодымъ-то не понравится тяжелая крестьянская работа. Особенно бабамъ непривычно покажется... Заводская баба только и знаетъ, что свою домашность да ребятъ, а тамъ онѣ вездѣ поспѣвай.

— Это ты вѣрно, батюшка: истварѝлись наши бабы, набаловались и парни тоже... Отъ этого самаго и въ орду уходимъ,—говорилъ Титъ.—Вѣрное твое слово.

— Я не говорю: не ѣздите... Съ Богомъ... Только нужно хорошо осмотрѣть все, сообразить, чтобы потомъ хуже не вышло. Тоже и урожаи не каждый годъ бываютъ... Подумать нужно, старички.

— Такъ ты ужъ намъ скажи прямо: ѣхать али не ѣхать?

— Ничего я не могу вамъ сказать: ваше дѣло... Тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ.

Долго толковали старики съ попомъ, добиваясь, чтобы онъ прямо посовѣтовалъ имъ уѣзжать, но о. Сергѣй отвѣчалъ уклончиво и скорѣе не совѣтовалъ уѣзжать.

— Не могу я вамъ сказать: уѣзжайте,—говорилъ онъ на прощанье.—Послѣ, если выйдетъ какая неудача, вы на меня и будете ссылаться. А если я скажу: оставайтесь, вы подумаете, что я о себѣ хлопочу. Подумайте сами...

Ходоки ушли отъ попа недовольные, потому что онъ, видимо, гнулъ больше на свою сторону.

— Обманываетъ насъ попъ,—рѣшилъ Коваль.—Ему до себя, а не до насъ... Грошей меньше буде добывать, якъ мы въ орду уѣдемъ.

— И то правда,—согласился Титъ.—Не жадный попъ, а правды сказать не хочетъ, этово-тово. Къ приказчику разѣ дойдемъ?

— А пойдемъ до приказчика: тотъ усе скажетъ... Ему что, приказчику, онъ жалованье изъ казны беретъ.

Старики отправились въ господскій домъ и сначала завернули на кухню къ Домнушкѣ. Все же свой человѣкъ, можетъ, и научитъ, какъ лучше подойти къ приказчику. Домнушка сначала испугалась, когда завидѣла свекра Тита, который обыкновенно не обращалъ на нее никакого вниманія, какъ и на сына Агапа.

— Да вы садитесь...—упрашивала Домнушка.—Катря, панъ дома?—крикнула она на лѣстницу вверхъ.

— У кабинети,—отвѣтилъ сверху голосъ Катри.

Титъ все время наблюдалъ Домнушку и только покачалъ головой: очень ужъ она разъѣлась на готовыхъ хлѣбахъ. Коваль позвалъ внучку Катрю и долго разговаривалъ съ ней. Горничная испугалась не меньше Домнушки: ужъ не сватать ли ее пришли старики? Но Домнушка такъ весело поглядывала на нее своими ласковыми глазами, что у Катри отлегло на душѣ.

— Эге, гарна дівчина!—повторялъ Коваль, любуясь внучкой.

Порывшись гдѣ-то въ залавкѣ, Домнушка достала бутылку съ водкой и поставила ее гостямъ.

— Пожалуйте, дорогіе гости, — просила она, кланяясь.—Не обезсудьте на угощеньи.

— Ото вумная баба!—хвалилъ Коваль, обрадовавшійся водкѣ.

Старики выпили по двѣ рюмки, но Титъ дольше не остался и потащилъ за собой упиравшагося Ковaля; дѣло дѣлать пришли, а не прохлаждаться у Домнушки.

— Упрямый чоловікъ...—ворчалъ Коваль.

Катря провела ихъ въ переднюю, куда къ нимъ вышелъ и самъ Петръ Елисѣичъ. Онъ только-что оторвался отъ работы и не успѣлъ снять даже большихъ золотыхъ очковъ.

— Ну что, старички, скажете?

Старики послѣ нѣкоторой заминки подробно разсказали свое дѣло, а Петръ Елисѣичъ внимательно ихъ слушалъ.

— Такъ вотъ мы и пришли, этово-тово, — повторялъ Титъ. — Чего ты ужъ намъ скажешь, Петръ Елисѣичъ.

Петръ Елисѣичъ ввелъ стариковъ къ себѣ въ кабинетъ и долго здѣсь толковалъ съ ними, а потомъ сказалъ почти то же, что и попъ. И не отговаривалъ отъ переселенія, да и не совѣтовалъ. Ходоки только уныло переглянулись между собой.

— Такъ прямого твоего слова не будетъ, Петръ Елисѣичъ? — приставалъ Титъ.

— Трудно сказать, старички,—уклончиво отвѣчалъ Мухинъ.—Съѣздите, посмотрите и тогда сами увидите, гдѣ лучше.

Выйдя отъ приказчика, старики долго шли молча и повернули прямо въ кабакъ къ Рачителихѣ. Выпивъ по стаканчику, они еще помолчали, и только потомъ уже Титъ проговорилъ:

— Изъ слова въ слово, что попъ, что приказчикъ, сватъ! Этово-тово, правды-то, видно, изъ нихъ топоромъ не вырубишь.

— А они жъ сговорились, сватъ,—объяснилъ Коваль.—Приказчику тоже не велика корысть, коли два конца уйдутъ, а зостанутся одни кержаки. Кто будетъ робить ему на фабрикѣ?.. Такъ-то...

Вообще ходоковъ охватило крѣпкое недовѣріе и къ попу и къ приказчику. Это чувство укрѣпило ихъ въ рѣшеніи немедленно отправиться въ путь. Объ ихъ замыслахъ знали пока однѣ старухи, которыя всячески ихъ поддерживали: старухи такъ и рвались къ своему хлѣбу.

Ровно черезъ недѣлю послѣ выбора ходоковъ Титъ и Коваль шагали уже по дорогѣ въ Мурмосъ. Они отправились пѣшкомъ,—не стоило маять лошадей цѣлыхъ пятьсотъ верстъ, да и какіе же это ходоки разъѣзжаютъ въ телѣгахъ? Это была трогательная картина, когда оба ходока съ котомками за плечами и длинными палками въ рукахъ шагали по сторонѣ дороги, какъ два библейскихъ соглядатая, отправлявшихся высматривать землю, текущую молокомъ и медомъ.

— А ты, сватъ, иди напередъ,—шутилъ Коваль:—я за тобой, якъ журавель...

XI.

Страда была на исходѣ, а положеніе заводскихъ дѣлъ оставалось въ самомъ неопредѣленномъ видѣ. Заводскіе управители ждали подробныхъ инструкцій отъ главнаго заводоуправленія въ Мурмосѣ, а главное заводоуправленіе въ свою очередь ждало окончательной программы изъ главной конторы

въ Петербургѣ. Пока эта контора только требовала все новыхъ и новыхъ справокъ по разнымъ статьямъ заводскаго хозяйства, статистическихъ данныхъ, смѣтъ и отчетовъ. Такая канцелярская политика возмущала до глубины души главнаго управляющаго Луку Назарыча, ненавидѣвшаго вообще канцелярскіе порядки. Раньше онъ все дѣла вершалъ единолично, а теперь пришлось устраивать съѣзды заводскихъ управителей, отдѣльныя совѣщанія и просто интимныя бесѣды. Вся эта кутерьма точно обезсилила Луку Назарыча: отъ прежней грозы оставались жалкія развалины.

— Все кончено... — повторялъ упрямый старикъ, удрученный крѣпостнымъ горемъ. — Да... И ничего не будетъ! Всѣмъ этимъ подлецамъ теперь плати... за все плати... а что же Устюжанинову останется?

— Лука Назарычъ, вы напрасно такъ себя обезпокоиваете, — докладывалъ письмоводитель Овсянниковъ, этотъ непремѣнный членъ всѣхъ заводскихъ засѣданій. — Рабочіе сами придутъ-съ и еще намъ же поклонятся... Пусть теперь порадуются, а тамъ мы свое-съ наверстаемъ. Вонъ въ Кукарскихъ заводахъ какую уставную грамоту составили: отдай все...

— На словахъ-то ты, какъ гусь на водѣ...

Въ теченіе лѣта Лука Назарычъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Ключевской заводъ и велъ длинные переговоры съ Мухинымъ.

— Ну, ты, французъ, вездѣ бывалъ и всякіе порядки видывалъ,—говорилъ онъ съ обычною своею грубостью: — на устюжаниновскія денежки выучился... Ну, теперь и помогай. Ежели съ крѣпостными нужно было строго, такъ съ вольными вдвое строже. Главное, не надо имъ поддаваться... Лучше заводы остановить.

Петръ Елисѣичъ былъ другого мнѣнія, которое старался высказать по возможности въ самой мягкой формѣ. Въ Западной Европѣ даровой крѣпостной трудъ давно уже не существуетъ, а между тѣмъ заводское дѣло процвѣтаетъ благодаря машинамъ и улучшеніямъ въ производствѣ. Конечно, сразу нельзя обставить заводы, но постепенно все устроится. Даже будетъ выгоднѣе и для заводовъ эта новая система хозяйства.

— Ну, ужъ это ты врешь! — рѣзко спорилъ Лука Назарычъ.

— Нѣтъ, не вру... сами увидмте.

— Первая причина, Лука Назарычъ, что мы не обязаны будемъ содержать сиротъ, ни престарѣлыхъ, ни увѣчныхъ, — почтительнѣйше докладывалъ Овсянниковъ. — А побочныхъ сколько было расходовъ: изба развалилась, лошадь пала, коровы нѣтъ,—все это мы заводили на заводскій счетъ, чтобы не обезсилить народъ. А теперь пусть сами живутъ, какъ знаютъ.

— Знаю и безъ тебя...

— Не нужно содержать хлѣбныхъ и провіантскихъ магазиновъ, не нужно запасчиковъ...

— И это знаю!.. Только все это пустяки. Одной поденщины сколько мы должны теперь платить. Однимъ словомъ, бросай все и заживо ложись въ могилу... Вотъ французъ все своею заграницей утѣшаетъ, да только тамъ свое, а у насъ свое. Машины-то денегъ стоятъ, а мы должны милліонъ каждый годъ выслать владѣльцамъ... И безъ того заводы плелись кое-какъ, концы съ концами сводили, а теперь гдѣ мы возьмемъ милліонъ нашъ?

Послѣдняя вспышка старой крѣпостной энергіи произошла въ Лукѣ Назарычѣ, когда до Мурмоса дошла вѣсть о переселеніи мочеганъ и о толкахъ въ Кержацкомъ концѣ и на Самосадкѣ о какой-то своей землѣ. Лука Назарычъ поскакалъ въ Ключевской заводъ, какъ на пожаръ. Онъ пріѣхалъ въ глухую полночь и не остановился въ господскомъ домѣ, какъ всегда, а про-

ѣхалъ на мѣдный рудникъ къ молодому Палачу. Раннимъ утромъ Петръ Елисѣичъ потребованъ былъ на рудникъ къ отвѣту. Онъ предчувствовалъ налетѣвшую грозу и отправился на рудникъ съ тяжелымъ сердцемъ. Фабрика еще не дѣйствовала, и дымилась всего одна доменная печь. Съ плотины управительскій экипажъ повернулъ въ Пеньковку съ ея кривыми улицами и домишками. Эта часть завода всегда возмущала Петра Елисѣича своимъ убогимъ видомъ. Самый рудникъ стоялъ въ ямѣ, и высокая зеленая труба вѣчно дымилась, какъ на фабрикѣ домна. Кругомъ тянулись цѣлыя полѣнницы изъ рудничныхъ „чурокъ"—деревянныя крѣпи и подставки въ шахтѣ. По берегу Березайки шелъ громадный отвалъ изъ пустой породы, добытой изъ шахты. Во дворѣ самого рудника чернѣли неправильныя кучи добытой мѣдной руды и полѣнницы куренного долготья для отопленія паровой машины, занимавшей отдѣльный корпусъ. Надъ шахтой горбился деревянный сарай съ почернѣвшею желѣзною крышей, а отъ него во всѣ стороны разбѣгались узколинейные подъѣздные пути, по которымъ катились ручные вагоны — въ шахту съ чурками, а изъ шахты съ рудой и пустою породой. Въ углу рудничнаго двора приткнулся домикъ Палача, весело глядѣвшій своими свѣтлыми окнами, зеленою крышей и небольшимъ палисадникомъ. Петръ Елисѣичъ проѣхалъ прямо къ этому домику, но Лука Назарычъ ушелъ въ шахту.

На дворѣ копошились, какъ муравьи, рудниковые рабочіе въ своихъ желтыхъ отъ рудничной глины холщевыхъ балахонахъ, съ жестяными блендочками на поясѣ и пеньковыхъ прядениках. Лица у всѣхъ были землистаго цвѣта, точно они выцвѣли отъ постояннаго пребыванія подъ землей. Это былъ жалкій сбродъ по сравненію съ ключевскою фабрикой, гдѣ работали такіе молодцы.

— Лука Назарычъ въ шахтѣ...—повторяла нѣсколько разъ „приказчица" Анисья, отворившая Мухину дверь.

Это была цвѣтущая женщина, напоминавшая фигурой Домнушку, но съ мелкими чертами злого лица. Она была разодѣта въ яркій сарафанъ изъ китайки съ желтыми разводами по красному полю и кокетливо закрывала нижнюю часть лица концами краснаго кумачнаго платка, кое-какъ накинутаго на голову.

Оставивъ экипажъ у дома, Петръ Елисѣичъ зашагалъ къ рудничному корпусу, гдѣ хрипѣла работавшая штанговая машина. Корпусъ былъ грязный, какъ и все на мѣдномъ рудникѣ. Петръ Елисѣичъ нашелъ своего повелителя у отверстія шахты, гдѣ кучки рабочихъ разгружали поднятую изъ шахты желѣзную бадью прямо въ вагонь. Лука Назарычъ продолжалъ разговаривать съ Палачомъ, не обращая вниманія на поклонившагося ему Мухина, — это былъ скверный признакъ... Палачъ объяснялъ что-то относительно работавшей водокачки, и Лука Назарычъ нѣсколько разъ наклонялся къ черневшему отверстію шахты, откуда доносились подавленные хрипы, точно тамъ, въ невѣдомой глубинѣ, въ смертельной истомѣ билось какое-то чудовище. Откуда-то появился рудничный надзиратель, старичокъ Ефимъ Андреичъ, и молча вытянулся предъ лицомъ грознаго начальства.

— Ты у меня смотри, сахаръ...—ласково ворчалъ Лука Назарычъ, грозя Палачу пальцемъ.—Чурокъ не жалѣй, а то упустимъ шахту, такъ съ ней не развяжешься. А ты, Ефимъ Андреичъ, не зѣвай... голубковскую штольню вода возьметъ...

Быстро обернувшись къ Мухину, Лука Назарычъ какъ-то визгливо закричалъ:

— Что у тебя, бунтъ, а? Добился своего!.. распустилъ всѣхъ!.. Теперь полюбуйся...

— Лука Назарычъ...

— Молчать! — завизжалъ неистовый старикъ и даже привскочилъ на мѣстѣ. — Я все знаю!.. Родной братъ на Самосадкѣ смутьянитъ, а ты ему помогаешь... Можетъ, и мочеганъ ты не подучалъ переселяться?.. Знаю, все знаю... въ порошокъ изотру... всѣхъ законопачу въ гору, а тебя первымъ... вышибу дурь изъ головы... Ежели мочегане уйдутъ, кто у тебя на фабрикѣ будетъ работать? Ты подумалъ объ этомъ... ты... ты...

Петръ Елисѣичъ покраснѣлъ, молча повернулся и вышелъ изъ корпуса. Въ первую минуту Лука Назарычъ онѣмѣлъ отъ изумленія, потомъ ринулся было въ догонку за уходившимъ Мухинымъ, но опомнился и какъ-то только застоналъ. Онъ даже зашатался на мѣстѣ, такъ что Палачъ долженъ былъ его поддержать.

— Вредно вамъ, Лука Назарычъ... — заботливо проговорилъ Ефимъ Андреичъ, стараясь поддержать старика за рукавъ осенняго драпового пальто.

— Въ гору!..—хрипѣлъ Лука Назарычъ, самъ не понимая, что̀ говоритъ.

Рабочіе, нагружавшіе вагонъ, смотрѣли на эту сцену, разинувъ рты, такъ что Палачъ накинулся уже на нихъ.

— А вы что̀ остановились, подлецы?!—заоралъ онъ своимъ протодьяконскимъ басомъ. — Вотъ я васъ, канальи!..

— Въ гору!.. — ослабѣвшимъ голосомъ шепталъ Лука Назарычъ, закрывая глаза отъ захватившей его усталости.

Изъ корпуса его увели въ квартиру Палача подъ руки. Анисьѣ пришлось и раздѣвать его и укладывать въ постель. Страшный самодуръ, державшій въ желѣзныхъ тискахъ цѣлый горный округъ, теперь отдавался въ ея руки, какъ грудной младенецъ, а по суровому лицу катились безсильныя слезы. Анисья умѣлыми, ловкими руками уложила старика въ постель, взбила подушки, укрыла одѣяломъ, а сама все наговаривала ласковымъ полушопотомъ, какимъ убаюкиваютъ малыхъ ребятъ.

— Ужо я тебя липовымъ цвѣтомъ напою... — лепетала она, подтыкивая одѣяло. — Да перцовочкой разотру...

Луку Назарыча трепала жестокая лихорадка, такъ что стучали зубы. Онъ плохо понималъ, что̀ дѣлалось кругомъ, и тупымъ, остановившимся взглядомъ смотрѣлъ куда-то въ уголъ. Палачъ сидѣлъ въ кабинетѣ и прислушивался къ каждому шороху. Когда мимо него проходила Анисья, онъ погрозилъ ей своимъ кулакомъ. Для Палача теперь было ясно, что звѣзда Мухина померкла, и Лука Назарычъ не проститъ ему его дерзости. Слѣдовательно оставалось только воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ, и въ головѣ Палача зароились смѣлые планы. „Анисья, ты у меня не дыши, а то всю выворочу на лѣвую сторону“... Приказчица старалась изо всѣхъ своихъ бабьихъ силъ и только скалила зубы, когда Палачъ показывалъ ей кулаки. Знала она отлично эти кулаки, когда Палачъ былъ трезвый, но онъ пилъ запоемъ, и тогда была уже „вся воля“ Анисьи.

Домикъ, въ которомъ жилъ Палачъ, точно замеръ до слѣдующаго утра. Разставленные въ опасныхъ пунктахъ сторожа не пропускали туда ни одной души. Такъ прошелъ цѣлый день и вся ночь, а утромъ крѣпкій старикъ ни свѣтъ ни заря отправился въ шахту. Караулъ былъ немедленно снятъ. Анисья знала всѣ привычки Луки Назарыча, и въ восемь часовъ утра уже былъ готовъ завтракъ, Лука Назарычъ смотрѣлъ довольнымъ и даже милостиво пошутилъ съ Анисьей.

— Рюмочку анисовки... — предлагалъ Палачъ. — Отлично разбиваетъ кровь, Лука Назарычъ. Средство испытанное...

— А ты самъ что же?

— Не могу, Лука Назарычъ... У меня зарокъ.

— Знаю, знаю... Ты, краля, не давай ему баловаться.

— Кабы слушался онъ меня, Лука Назарычъ...

Палачъ только повелъ глазами, какъ Анисьинъ языкъ точно прилипъ.

Завтракъ вообще удался, и Лука Назарычъ повеселѣлъ. Въ окна глядѣлъ свѣтлый августовскій день. Въ открытую форточку слышно было, какъ тяжело работали деревянныя штанги. Прогудѣлъ свистокъ первой смѣны, — въ шахтѣ работали на три смѣны.

— А этого француза я укорочу... — замѣтилъ Лука Назарычъ, не говоря собственно ни съ кѣмъ. — Я ему покажу, какъ со мной разговаривать.

Въ прихожей осторожно скрипнула дверь, и послышалось тяжелое шептанье.

— Кто тамъ? — окликнулъ Палачъ.

— А Луку Назарыча повидать бы, — отвѣтилъ хриплый голосъ. — Мы до него пришли...

Палачъ выскочилъ въ переднюю, чтобы обругать смѣльчаковъ, нарушившихъ завтракъ, но такъ и остановился въ дверяхъ съ раскрытымъ ртомъ: передъ нимъ стояли заводскіе разбойники Окулко, Челышъ и Безпалый. Первая мысль, которая мелькнула въ головѣ Палача, была та, что разбойники явились убить его, но сейчасъ же услышалъ шептанье собравшагося у крыльца народа.

— Намъ бы Луку Назарыча...

— Меня? Кто меня спрашиваетъ? — повторялъ Лука Назарычъ и тоже пошелъ въ переднюю.

— Лука Назарычъ, не вели казнить, вели миловать,—проговорилъ Челышъ, выступая впередъ.

— Въ чемъ дѣло? — удивлялся Лука Назарычъ.

— Это наши... заводскіе разбойники,—объяснилъ наконецъ Палачъ, стараясь заслонить собой управляющаго.

— Мы до твоей милости, Лука Назарычъ,—заговорилъ Безпалый. —Съ повинной пришли... Что хошь, то и дѣлай съ нами.

— Въ кандалы! Въ машинную!..—заревѣлъ Лука Назарычъ, понявъ, въ чемъ дѣло. — Лѣсообъѣздчиковъ сюда, конюховъ!..

Палачъ тихонько отвелъ старика въ гостиную и шопотомъ объяснилъ:

— Нельзя-съ, Лука Назарычъ... Не прежняя пора! Надо ихъ отправить въ волостное правленіе, пусть тамъ съ ними дѣлаются, какъ знаютъ...

Въ Ключевскомъ заводѣ уже было открыто свое волостное правленіе, и крѣпостныхъ разбойниковъ отправили туда. За ними двинулась громадная толпа, такъ что, когда шли по плотинѣ, не осталось мѣста для проѣзда. Разбойники пришли сами „объявиться“.

— Вотъ оно что значитъ: „и разбойникъ придетъ съ умиренною душой“,— объяснялъ Петру Елисѣичу пріѣзжавшій въ Мурмосъ Груздевъ.—Не даромъ эти старцы слова-то свои говорятъ...

XII.

Весь Ключевской заводъ съ нетерпѣніемъ ждалъ наступленія Успеньева дня, который наконецъ долженъ былъ самымъ дѣломъ выяснить взаимныя отношенія. Будутъ ли рабочіе работать на фабрикѣ и кто выйдетъ на работу, — все это оставалось пока неизвѣстнымъ. Петръ Елисѣичъ прежде вре-

мени не старался заводить на эту тему никакихъ разговоровъ и надѣялся, что все обставится помаленьку, при помощи маленькихъ взаимныхъ уступокъ. Соединяющимъ звеномъ для всѣхъ трехъ концовъ явилась теперь только-что открытая волость, гдѣ мужики и собирались потолковать и послушать. Первымъ старшиной былъ выбранъ старикъ Основа. На волостныхъ сходахъ много было ненужнаго галдѣнья, споровъ и пересудовъ, но было ясно одно, что весь Кержацкій конецъ выйдетъ на работу. Заводоуправленіе съ своей стороны вывѣсило въ конторѣ подробное объявленіе относительно новыхъ поденныхъ платъ. Фабричные мастера были довольны цѣнами.

Наканунѣ Успеньева дня въ господскій домъ явились лѣсообъѣздчики съ заявленіемъ, что они желаютъ остаться на своей службѣ. Петръ Елисѣичъ очень удивился, когда увидѣлъ среди нихъ Макара Горбатаго.

— А ты какъ же, Макаръ? — спрашивалъ Петръ Елисѣичъ.

— А ужъ такъ, Петръ Елисѣичъ... Какъ допрежъ того былъ, такъ и останусь.

— Такъ... да. Ну, а если отецъ вернется изъ орды и Туляцкій конецъ будетъ переселяться?

— Пусть переселяется, Петръ Елисѣичъ, а мое дѣло — сторона... Конечно, родителевъ мы должны уважать завсегда, да только старики-то насъ вѣдь не спрашивали, когда придумали эту самую орду. Ихнее это дѣло, Петръ Елисѣичъ, а я попрежнему...

Должность лѣсообъѣздчика считалась доходной, и охотниковъ нашлось бы много, тѣмъ болѣе, что сейчасъ имъ назначено было жалованье — съ лошадью 15 р. въ мѣсяцъ. Это хоть кому лестно, да и работа не тяжелая.

Прошелъ и Успеньевъ день. Заводскіе служащіе, отдыхавшіе лѣтомъ, заняли свои мѣста въ конторѣ, какъ всегда,—имъ было увеличено жалованье, какъ мастерамъ и лѣсообъѣздчикамъ. За контору никто и не опасался, потому что служащимъ, поколѣніями выраставшимъ при заводскомъ дѣлѣ и не знавшимъ ничего другого, некуда было и дѣваться, кромѣ своей конторы. Вся разница теперь была въ томъ, что они были вольные, и никакой Лука Назарычъ не могъ послать ихъ въ „гору“. Всѣ смотрѣли на фабрику, что̀ скажетъ фабрика.

— Пить-ѣсть захотятъ, такъ выйдутъ на работу, а за страду всѣмъ подвело животы, — говорилъ Никитичъ, весело похаживавшій подъ своею домной.

Съ ранняго утра разное мелкое заводское начальство было уже на своихъ мѣстахъ. Еще до свѣту коморникъ Слѣпень пропустилъ обѣихъ „сестеръ“—уставщика Корнилу и плотиннаго Евстигнея, за ними пришелъ надзиратель Подсѣдельниковъ, извѣстный на фабрикѣ подъ именемъ „Ястребка“, потомъ дозорные (Полуехтъ Самоварникъ забрался раньше другихъ), записчикъ поденныхъ работъ Чебаковъ, магазинеръ Подсѣдельниковъ, амбарные Подсѣдельниковы и т. д. Вышли на работу всѣ мастера: обжимочный Нимка Соболевъ, кричные брательники Гущины и Аѳонька Тулякъ, листокатальный мастеръ Гараська Ковригинъ, а съ ними пришли „ловельщики“, „шуровщики“, кузнецы, слесаря и т. д. Растворились желѣзныя двери громадныхъ корпусовъ, загремѣло желѣзо въ амбарахъ, повернулись тяжелыя колеса, и вся фабрика точно проснулась послѣ тяжелаго летаргическаго сна. Около дровосушныхъ печей запестрѣла голосистая толпа поденщицъ. Тутъ были и солдатка Аннушка, и Наташка, и отчаянная Марька, любовница Спирьки Гущина.

— Вотъ тебѣ и кто будетъ робить!—посмѣивался Никитичъ, поглядывая

на собравшійся народъ.—Хлѣбъ за брюхомъ не ходитъ, родимые мои... Какъ же это можно, чтобы этакое обзаведенье и вдругъ остановилось? Большіе милліонты въ него положены,—вотъ это какое дѣло!

Съ Никитичемъ, цѣпляясь за полу его кафтана, изъ корпуса въ корпусъ ходила маленькая Оленка, которая и выросла подъ домной. Одна въ другіе корпуса она боялась ходить, потому что рабочіе пѣли ей нехорошія пѣсни, а мальчишки, приносившіе въ буракахъ обѣдъ, колотили ее при случаѣ.

— У тебя Оленка-то въ подмастерьяхъ ходитъ?—смѣялись надъ Никитичемъ другіе мастера.

— А развѣ она помѣшала кому?.. Оленушка, ты ихъ не слушай, варнаковъ.

Въ груди у Никитича билось нѣжное и чадолюбивое сердце, да и другихъ дѣтей, кромѣ Оленки, у него не было. Онъ нестовалъ свою дѣвочку, какъ самая заботливая нянька.

Кержацкій конецъ вышелъ на работу въ полномъ составѣ, а изъ мочеганъ вышли наполовину: въ кричной робилъ Аѳонька Тулякъ, наверху домны, у „хайла“, безотвѣтный человѣкъ Ѳедька Горбатый, въ листокатальной Терешка-казакъ и еще нѣсколько человѣкъ. Полуехтъ Самоварникъ обѣжалъ всѣ корпуса и почтительно донесъЯстребку, кто не вышелъ изъ мочеганъ на работу.

— Придутъ...—коротко отвѣтилъ надзиратель, закладывая руки за спину.

— Обпаковенно, Палъ Иванычъ... Первое дѣло человѣку надобно жрать, родимый мой.

Конечно, фабрику пустить сразу всю было невозможно, а работы шли постепенно. Однѣ печи нагрѣть чего стоило... Шуровальщики выбивались изъ силъ, бросая шестичетвертовыя полѣнья въ чугунныя хайла холодныхъ печей. Сырой чугунъ „садили“ въ пудлинговыя печи, отсюда онъ въ формѣ громаднаго „шмата“ поступалъ подъ обжимочный молотъ и превращался въ „болванку“. Болванка снова нагрѣвалась и прокатывалась „подъ машипой“ въ тяжелыя полосы сырого желѣза, которое разрѣзывалось и нагрѣвалось „складками“, поступавшими опять въ прокатныя машины, превращавшія его въ „калязникъ“, и ужъ изъ калязника вырабатывалось сортовое желѣзо—полосовое, шинное, кубовое, круглое и т. д. Каждый фунтъ выработаннаго желѣза проходилъ длинный огненный путь. Тяжело повернулось главное водяное колесо, зажужжали чугунныя шестерни, застучали, какъ желѣзные дятлы, кричные молота, задымились трубы, посыпались искры снопами, и раскаленныя добѣла заслонки печей глядѣли, какъ сыпавшія искры глаза чудовища. Пронзительный свистъ огласилъ корпуса, и дремавшіе по переплетамъ крышъ фабричные голуби встрепенулись, отвыкнувъ за лѣто отъ грохота, лязга и свиста.

Когда Петръ Елисѣичъ пришелъ въ девять часовъ утра посмотрѣть фабрику, привычная работа кипѣла ключомъ. Ястребокъ встрѣтилъ его въ доменномъ корпусѣ и провелъ по остальнымъ. Въ кричномъ уже шла работа, въ кузницѣ, въ слесарной, а въ другихъ только еще шуровали печи, смазывали машины, чинили и поправляли. Подъ ногами уже хрустѣла фабричная „трескà“, т.-е. крупинки шлака и осыпавшееся съ крицъ и полосъ желѣзо-соръ.

— Что же, отлично, если всѣ вышли на работу,—повторялъ Петръ Елисѣичъ, переходя изъ корпуса въ корпусъ.

Гдѣ онъ проходилъ, вездѣ шумъ голосовъ замиралъ и точно сами собой снимались шляпы съ головъ. Почти всѣ рабочіе ходили на фабрикѣ въ пеньковыхъ пряденикахъ, вмѣсто сапогъ, а мастера, стоявшіе у молота или у про-

катныхъ становъ, въ кожаныхъ передникахъ, „защиткахъ“. У каждаго на рукѣ болталась пара кожаныхъ вачегъ, безъ которыхъ и къ холодному желѣзу не подступишься.

— Почти всѣ вышли въ полàзну,—докладывалъ Ястребокъ.

Полàзна—фабричный терминъ. Работа дѣлилась на двухнедѣльныя „выписки“, по которымъ въ конторѣ производились всѣ расчеты. „Вышелъ въ полàзну“ въ переводѣ обозначало, что рабочій въ срокъ началъ свою выписку, а „прогулялъ полàзну“ — не поспѣлъ къ сроку и, значитъ, долженъ ждать слѣдующей „выписки“. Фабричная терминологія установилась съ испоконъ вѣку, вмѣстѣ съ фабрикой, и переходила отъ одного поколѣнія къ другому. Петръ Елисѣичъ, какъ всякій заводскій человѣкъ, горячо любилъ свою фабрику и теперь съ особеннымъ удовольствіемъ ходилъ по корпусамъ въ сопровожденіи своей свиты изъ уставщика, дозорныхъ и надзирателя. Погода мѣнялась, и началъ накрапывать осенній мелкій дождичекъ—сѣногной. Въ ненастье фабрика производила какое-то особенно бодрое впечатлѣніе.

На фабрикѣ Петръ Елисѣичъ пробылъ вплоть до обѣда, потому что все нужно было осмотрѣть и всѣмъ дать работу. Онъ вспомнилъ объ ѣдѣ, когда уже пробило два часа. Нюрочка, навѣрное, заждалась его... Выслушивая на ходу какое-то объясненіе Ястребка, онъ большими шагами шелъ къ выходу и на дорогѣ встрѣтилъ дурачка Терешку, который безъ шапки и босой бѣжалъ по двору.

— Эй, Иванычи, старайся!.. — кричалъ Терешка.—А я васъ жалованьемъ... четыре недѣли на мѣсяцъ, пятую снать.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Получерничка Таисья жила въ самомъ центрѣ Кержацкаго конца. Новенькая избушка съ бѣлыми ставнями и шатровыми воротами глядѣла такъ весело на улицу, а задами, т.-е. огородомъ, выходила къ пруду. Отсюда видна была и церковь, и фабрика, и господскій домъ, и базаръ, и мочеганскія избушки, и поднимавшаяся за ними синева невысокихъ горъ. У Таисьи все хозяйство было небольшое, какъ и сама изба, но зато въ этомъ небольшомъ царилъ такой тугой порядокъ и чистота, какіе встрѣчаются только въ раскольничьихъ домахъ, а здѣсь все скрашивалось еще монастырскою строгостью. Самосадскіе и ключевскіе раскольники хорошо знали дорогу въ Таисьину избу, хотя въ шутку и называли хозяйку „святою душой на костыляхъ“. Чуть что приключится съ кѣмъ, сейчасъ къ Таисьѣ, у которой для всякаго находилось ласковое и участливое словечко. Особенно одолѣвали ее бабы, приносившія съ собой безконечныя бабьи горести. Много было хлопотъ „святой душѣ“ съ женскою слабостью, но стоило Таисьѣ заговорить своимъ ласковымъ полушопотомъ, какъ сейчасъ же все какъ рукой снимало.

По своему ремеслу Таисья слыла по̀ заводу „мастерицей“, т.-е. домашнею учительницей. Каждое утро къ ея избушкѣ боязливо подбѣгало до десятка ребятишекъ, и тонкіе голоса молитвовались подъ окошкомъ:

— Господи Іисусе, помилуй насъ!..

— Аминь!..

„Отдавши“ свой мастерской аминь, Таисья дергала за шнурокъ отъ щеколды, ворота отворялись, и дѣтвора еще тише появлялась въ дверяхъ избы. Клали „началь“ и усаживались съ деревянными указками за деревянный столъ въ переднемъ углу. Изба у Таисьи была маленькая, но такая чистенькая и уютная, точно гнѣздышко. Лавки выкрашены желтою охрой, палати—синею краской, иконостасъ въ переднемъ углу и деревянная укладка съ книгами въ кожаныхъ переплетахъ—зеленой. На полу лежалъ чистенькій половикъ домашней работы, а печка скрывалась за ситцевою розовою занавѣской. Заходившія сюда бабы всегда завидовали Таисьѣ и, покачивая головами, твердили: „Хоть бы денекъ пожить экъ-ту, Таисьюшка: сама ты больная, сама маленькая“... Да и какъ было не завидовать бабамъ святой душенькѣ, когда дома у нихъ дымъ коромысломъ стоялъ: одну ребята одолѣли, у другой мужъ на руку больно скоръ, у третьей сиротство или смута какая,—мало ли напастей у мірского человѣка, особенно у бабы? Даже Груздевъ, завертывавшій иногда въ Таисьѣ „съ поклончикомъ“, оглядывалъ любовно ея сиротскую тѣсноту и смѣшкомъ говорилъ: „Кошачье тебѣ житье, Таисья... Живешь себѣ, какъ мышь въ норкѣ, а мы и съ деньгами-то въ другой разъ жизни своей не рады!“

— Охъ, не ладно вы, родимые мои, выговариваете,—ласково пеняла Таисья, покачивая головой.—Нашли кому позавидовать... Только-только Богъ грѣхамъ нашимъ терпитъ!

Дома Таисья ходила въ синемъ нанковомъ сарафанѣ съ обшитыми желтой тесемочкой проймами. Всегда бѣлая, изъ толстаго холста рубашка, длинный темный запонъ и темный платокъ съ глазками составляли весь костюмъ. Въ своихъ мягкихъ „ступняхъ“ изъ козловой кожи Таисья ходила неслышными шагами, а дома разгуливала въ однихъ чулкахъ, оставляя ступни, по старинному раскольничьему обычаю, у дверей. Ея красивое, точно восковое лицо смотрѣло на всѣхъ съ печальною строгостью, а темные глаза задумчиво останавливались на какой-нибудь одной точкѣ.

„Мастерство“ въ избушкѣ начиналось съ осени, сейчасъ послѣ страды, и Таисья встрѣчала своихъ выучениковъ и выученицъ съ ременною лѣстовкой въ рукахъ. Эту лѣстовку хорошо помнили десятки теперь уже большихъ мужиковъ, которые, встрѣчаясь съ мастерицей, отвѣшивали ей глубокій поклонъ. Строгая была мастерица и за всякую оплошку нещадно донимала своею ременною лѣстовкой плутоватую и лѣнивую плоть. Но были и свои исключенія. Такъ, Оленка, дочь Никитича, пользовалась въ избушкѣ тетки большими преимуществами, и ей многое сходило съ рукъ. Дѣвочка осталась безъ матери, отецъ вѣчно подъ своею домной, а въ праздники всегда пьянъ,—все это заставляло Таисью смотрѣть на сироту, какъ на родную дочь. Лѣстовка поднималась и падала, не нанося удара, а мастерица мучилась про себя, что потакаетъ племянницѣ и роститъ въ ней своего врага. Ученики тоже старались по-своему пользоваться этою слабостью Таисьи и валили на Оленку всякую вину: указка сломается, листъ у книги изорвется, хихикнетъ кто не во-время,—Оленка все принимала на себя. У ней была добрая отцовская душа.

Стояла глубокая осень. Первый снѣгъ прикрылъ загрязнившуюся осенью землю. Палъ онъ „по мокру“, и первый санный путь установился сейчасъ же. Дома точно сдѣлались ниже, сталъ заводскій прудъ, и только одна бойкая Березайка все еще бурлила потемнѣвшею холодною водой. Мягкій бѣлый снѣгъ шелъ по цѣлымъ днямъ, и въ избушкѣ Таисьи было особенно уютно. Наканунѣ Михайлова дня Таисья попридержала учениковъ долѣе обыкновеннаго. Къ снѣгу у ней ломило поясницу, и лѣстовка поощряла лѣнивую плоть

съ особенною энергіей. Ребятишки громко выкрикивали свои „урки“ и водили указками кто по часовнику, кто по псалтырю. Громче всѣхъ вычитывала Оленка, проходившая уже восьмую каѳизму. Она по десяти разъ прочитывала одно и то же мѣсто, закрывала глаза и старалась повторить его изъ слова въ слово наизусть. Звонкіе дѣтскіе голоса выводили слова протяжно и въ носъ, какъ того требуетъ древлее благочестіе.

— Нѣтъ, врешь!.. — останавливалъ голосъ съ полатей кого-нибудь изъ зарвавшихся выучениковъ. — Говори сызнова... „и на пути нечестивыхъ не ста“... ну?..

На полатяхъ лежалъ заболотскій инокъ Кириллъ, который частенько завертывалъ въ Таисьину избушку. Онъ наизусть зналъ всю церковную службу и наводилъ на ребятъ своею подавляющею ученостью паническій страхъ. Сама Таисья возилась около печки со своимъ бабьимъ дѣломъ и только для острастки появлялась изъ-за занавѣски съ лѣстовкой въ рукахъ.

— Ты чего путаешь-то слово Божіе, родимый мой? — говорила она, и лѣстовка свистѣла въ воздухѣ.

Опять монотонное выкрикиванье непонятныхъ церковныхъ словъ, опять кто-то совралъ, и Кириллъ, продолжая лежать, кричитъ:

— Эй, мастерица, окрести-ка лѣстовкой Оленку, чтобы не иначила писаніе.

Для видимости Таисья прикрикивала и на Оленку, грозила ей лѣстовкой и опять уходила къ топившейся печкѣ, гдѣ вмѣстѣ съ водой кипѣли и варились ея бабьи мысли. Въ это время подъ окномъ кто-то нерѣшительно постучалъ и, незнакомый женскій голосъ помолитвовался.

— Аминь! — отвѣтила Таисья, выглядывая въ окно.—Да это ты, Аграфена, а я и не узнала тебя по голосу-то.

— Къ тебѣ, матушка, пришла... — шопотомъ отвѣтила Аграфена; она училась тоже у Таисьи и поэтому величала ее матушкой. — До смерти надо поговорить съ тобой.

— Прибѣжала, такъ, значитъ, надо... Иди ужо въ заднюю избу, Грунюшка.

Начетчица дернула за шнурокъ и, не торопясь, начала надѣвать ступни, хотя ноги не слушались ея и попадали все мимо.

— Отъ Гущиныхъ?—спросилъ Кириллъ съ палатей.

— Отъ нихъ.

Въ сѣняхъ она встрѣтила гостью и молча повела въ заднюю избу, гдѣ весь передній уголъ былъ уставленъ „мѣдполитными иконами“, складнями и врѣзанными въ дерево мѣдными крестами. Безпоповцы не признаютъ писанныхъ на деревѣ иконъ, а на крестахъ—изображеній Св. Духа и „титлу“: І. Н. Ц. І. Высокая и статная Аграфена и въ своемъ пониткѣ, накинутомъ кое-какъ на плечи, смотрѣла красавицей, но въ ея молодомъ лицѣ было столько ужаса и гнетущей скорби, что даже у Таисьи упало сердце. Положивъ началъ передъ иконами, дѣвушка съ глухими причитаніями повалилась мастерицѣ въ ноги.

— Матушка... родимая... смертынька моя пришла...—шептала она, стараясь обнять ноги Таисьи, которая стояла неподвижно, точно окаменѣла.

Такія сцены повторялись слишкомъ часто, чтобы удивить мастерицу, но теперь валялась у ней въ ногахъ Аграфена, первая заводская красавица, у которой отбоя отъ женіховъ не было. Объясненій не требовалось: дѣвичій грѣхъ былъ налицо.

— Съ кѣмъ?—коротко спросила Таисья, не отвѣчая ни однимъ движеніемъ на ползавшее у ея ногъ дѣвичье горе.

Аграфена вдругъ замолкла, посмотрѣла испуганно на мастерицу своими большими сѣрыми глазами, и видно было только, какъ вся она дрожала, точно въ лихорадкѣ.

— Тебя спрашиваютъ: съ кѣмъ?

— Охъ, убьютъ меня братаны-то... какъ узнаютъ, сейчасъ и убьютъ...— опять запричитала Аграфена и начала колотиться виноватою головой о полъ.

Страшная мысль мелькнула въ головѣ Таисьи, и она начала поднимать обезумѣвшую съ горя дѣвушку.

— Опомнись, Грунюшка... — шептала она уже ласково, стараясь заглянуть въ лицо Аграфенѣ. — Что ты, родимая моя, убиваешься ужъ такъ?.. Можетъ, и поправимое твое дѣло...

— Матушка, убей меня... святая душенька, лучше ты убей: все равно помирать...

— Съ Макаркой Горбатымъ свѣдалась?—тихо спросила Таисья и въ ужасѣ отступила отъ преступницы.—Не будетъ тебѣ прощенья ни на этомъ ни на томъ свѣтѣ. Слышишь?.. Уходи отъ меня...

Это былъ еще первый случай, что кержанка связалась съ мочеганиномъ, да еще съ женатымъ. Между своими этотъ грѣхъ скоро сматывали съ рукъ: если самосадская дѣвка провинится, то увезутъ въ Заболотье, въ скиты, а роднѣ да знакомымъ говорятъ, что ушла гостить въ Ключевской; если съ ключевской приключится грѣхъ, то сошлются на Самосадку. Такъ дѣло и сойдетъ само собой, а когда грѣшная душа вернется изъ скитовъ, ее сейчасъ и пристроятъ за какого-нибудь вдоваго, дѣтнаго мужика. У безпоповцевъ сводные браки совершаются, какъ и расторгаются, очень легко. Но здѣсь было совсѣмъ другое: отъ своихъ не укроешься, и Аграфенѣ дѣваться уже совсѣмъ некуда. А тутъ еще брательники узнаютъ и разорвутъ дѣвку на части.

— Что же я съ тобой буду дѣлать, горюшка ты моя? — въ раздумьѣ шептала Таисья, соображая все это про себя.

Она припомнила теперь, что дѣйствительно Макаръ Горбатый, какъ только попалъ въ лѣсообъѣздчики, такъ и началъ сильно дружить съ кержаками. Сперва, конечно, въ кабакѣ сходились или по лѣсу вмѣстѣ ѣздяли, а потомъ Горбатый началъ завертывать и въ Кержацкій конецъ. Нѣтъ-нѣтъ, да и завернетъ къ кому-нибудь изъ лѣсообъѣздчиковъ, а тутъ Гущины на грѣхъ подвернулись: вмѣстѣ пировали брательники съ лѣсообъѣздчиками, ну, и Горбатый съ ними же увязался. Кто-то и говорилъ Таисьѣ, что кержаки грозятся за что-то на мочеганина, а потомъ она сама видѣла, какъ его до полусмерти избили на пристани нынѣшнимъ лѣтомъ. Вотъ онъ зачѣмъ повадился, мочеганскій песъ, да и какую дѣвку-то обманулъ... Отъ этихъ мыслей у мастерицы опять закипѣло сердце, и она сердито посмотрѣла на хныкавшую Аграфену. Приливъ нѣжности смѣнился новымъ ожесточеніемъ.

— Ступай, ступай, голубушка, откуда пришла!—сурово проговорила она, отталкивая протянутыя къ ней руки. — Умѣла гулять, такъ и кайся... Не стало тебѣ своихъ-то мужиковъ?.. Кабы еще свой, а то наслушать теперь мочегане и проходу не дадутъ... Похваляться еще будутъ твоею-то бѣдой.

— Матушка... родимая... Не помню я, какъ и головушка моя пропала!.. Такъ отемнѣла вся... въ страду онъ все ѣздилъ на покосъ къ братанамъ... пировали вмѣстѣ...

— А вотъ за гордость тебя Господь и наказалъ: красотою своей гордилась и женіховъ гоняла... Этотъ не женихъ, тотъ не женихъ, а красота-то и довела до конца. Съ никоніанинома спуталась... да еще съ женатымъ... Нѣтъ, нѣтъ, уходи лучше, Аграфена!

— Матушка, не гони, руки на себя наложу.

— Молчи, безпутная!.. на Бога подымаешься: приняла грѣхъ, такъ надо терпѣть.

Аграфена опять горько зарыдала, закрывъ лицо руками. Таисья сѣла на лавку и, перебирая лѣстовку, безучастно смотрѣла на убивавшуюся грѣшницу. Ей было и обидно и горько, и она напрасно старалась подавить въ себѣ сочувствіе къ этой несчастной. А какъ узнаютъ на Самосадкѣ про такой случай, какъ пойдутъ на фабрикѣ срамить брательниковъ Гущиныхъ,—изгибнетъ дѣвка ни за грошъ. Таисьѣ сдѣлалось даже страшно, точно все это ожидало не Аграфену, а ее, мастерицу... А дѣвка-то какая: чистякъ, кровь съ молокомъ, и вдругъ погубила себя изъ-за какого-то мочеганина.

— И его убьютъ, матушка... — шептала Аграфена. — Гоняется онъ за мной... Домна-то, которая въ стряпкахъ въ господскомъ домѣ живетъ, ужъ нашептываетъ братану Спирькѣ, — она его-таки подмапила. Она вѣдь изъ ихней семьи, изъ Горбатовской... Спирька-то ужъ, надо полагать, догадался, а только молчитъ... Застрѣлятъ они Макара...

— Собакѣ собачья и смерть!.. Женатый человѣкъ да на этакое дѣло пошелъ... тьфу!.. Чужой головы не пожалѣлъ—свою подставляй... А ты, безпутная, его же еще жалѣешь, погубителя-то твоего?

— Голубушка, матушка... Ничего я не знаю... затемнилась вся...

Таисья отвернулась къ окну и незамѣтно вытерла непрошенную старческую слезу: Аграфенино несчастье очень ужъ близко пришлось къ ея сердцу, хотя она и не выдавала себя.

— Вотъ что, Аграфена, ты теперь поди-ка домой, — строго заговорила Таисья, сдерживая свою бабью слабость,—ужо вечеркомъ заверну.

— Нельзя мнѣ итти, матушка... смерть моя пришла... Ворота-то у насъ...

— Что-о?.. Осередь бѣлаго дня?..

— Сноха даве выглянула за ворота, а они въ дегтю... Это изъ нашего конца кто-нибудь мазалъ... Снохи-то теперь ревмя ревутъ, а я домой не пойду. Охъ, пропала моя головушка!..

II.

— Что случилось? — спрашивалъ съ полатей инокъ Кириллъ, когда вернулась Таисья изъ задней избы.

— Ничего... такъ...

— Все у васъ, бабъ, такъ!

Инокъ отлично слышалъ, какъ убивалась Аграфена, и сразу понялъ, въ чемъ дѣло. Ему теперь доставляло удовольствіе помучить начетчицу: пусть выворачивается, святая душа! „Охъ, ужъ только и бабы эти самыя, нѣтъ на нихъ погибели!—благочестиво размышлялъ онъ, закрывая глаза.—Какъ будто и дѣло говоритъ, и форцу на себя напуститъ, а ежели поглядѣть на нее, такъ все-таки она баба... Съ грѣшкомъ, видно, прибѣгала къ матушкѣ Аграфена-то,—у всѣхъ дѣвокъ по Кержацкому концу одно положеніе. Отъ бабъ и поговорка такая идетъ по боголюбивымъ народамъ: не согрѣшишь — не спасешься“. А Таисья въ это время старалась незамѣтно выпроводить своихъ учениковъ, чтобы самой въ сумерки сбѣгать къ Гущинымъ, пока брательники не пришли съ фабрики,—въ семь часовъ отбиваетъ Слѣпень поденщину, а къ этому времени надо увернуться. Пока Аграфена была заперта на висячій замокъ въ задней избѣ.

— Прости, матушка, благослови, матушка!—нараспѣвъ повторяли тонкіе дѣтскіе голоса уходившихъ съ учобы ребятъ.

— Богъ тебя проститъ, Богъ благословитъ! — машинально повторяла Таисья, провожая дѣтвору.

Когда ребята ушли, заболотскій инокъ спустился, не торопясь, съ полатей, остановился посредѝнѣ избы, посмотрѣлъ на Таисью и, покрутивъ головой, захохоталъ.

— Чему обрадовался-то прежде времени?—оборвала его мастерица.

— Глупость ваша бабья, вотъ что̀!.. И туда и сюда хвостомъ вертите, а тутъ вамъ сейчасъ и окончаніе: „Ой, смертынька, ой, руки на себя наложу!“ Слабость-то своя ужъ очень вамъ сладка... Заперла на замокъ дѣвушку?

— Замололъ!.. Не твоего это ума дѣло!..

— И то не моего,—согласился инокъ, застегивая свое полукафтанье.— Вотъ что̀, Таисья, зажился я у тебя, а люди, чего добраго, еще сплетки сплетутъ... Нездоровится мнѣ что-то, а то хоть сейчасъ бы со двора долой. Одинъ грѣхъ съ вами...

Таисья отлично понимала это иноческое смиреніе. Она скрылась за занавѣской, гдѣ-то порылась, гдѣ-то стукнула таинственною дверкой и вышла съ бутылкой въ рукахъ. Сунувъ ее какъ-то прямо въ физіономію иноку, она коротко сказала:

— На̀, жри, ненасытная утроба!

— А закуска будетъ, святая душа? — еще смиреннѐе спрашивалъ Кириллъ. — Капустки бы, али рѣдечки съ конопляным̀ъ масломъ... Охъ, горе душамъ нашимъ!

Опять Таисья исчезла, опять послышалась таинственная возня, а въ результатѣ передъ инокомъ появилась тарелка съ свѣженасольною капустой.

— Согрѣшила я, грѣшная, съ вами, съ заболотскими иноками!—ворчала Таисья.—Одного вина не напасешься на васъ.

Старецъ Кириллъ зѣвнулъ, разгладилъ усы, выпилъ первую рюмку и благочестиво вздохнулъ. Уплетая капусту, онъ терпѣливо выслушивалъ укоризны и наговоры Таисьи, пока ей не надоѣло ругаться, а потомъ дѣловымъ тономъ проговорилъ:

— Видно, твоей Аграфенѣ не миновать нашего Заболотья... Ничего, я увезу по первопутку-то, а у Енафы приметъ исправу. А ежели что̀ касаемо, напримѣръ, ребенка, такъ старицы управятся съ нимъ въ лучшемъ видѣ.

— Я сама повезу... Давно не видалась со скитскими-то, пожалуй, и соскучилась, а оно ужъ за попутьемъ, — совершенно спокойно, такимъ же дѣловымъ тономъ отвѣтила Таисья.—Убивается больно дѣвка-то, такъ о земь головой и бьется.

— Знамо дѣло, убивается, хошь до кого доведись. Только напрасно она, — дѣвичій стыдъ до порога... Неможется мнѣ что-то, Таисьюшка, кровь во мнѣ остановилась. Вотъ что̀, святая душа, больше водки у тебя нѣтъ? Ну, не надо, не надо...

Таисью такъ и рвало побѣжать къ Гущинымъ, но ей не хотѣлось выдавать себя передъ проклятымъ Кирилломъ, и она нарочно медлила. Отъ выпитой водки широкое лицо инока раскраснѣлось, узенькіе глазки покрылись масломъ, и на губахъ появилась блуждающая улыбка.

— Ты, въ самомъ-то дѣлѣ, уходилъ бы куда ни на есть, Кирила,—замѣтила Таисья, стараясь сдержать накипѣвшую въ ней ярость.—Мое дѣло женское, мало ли что̀ скажутъ...

— Больше того не скажутъ, что̀ было! — отрѣзалъ Кириллъ и даже стукнулъ кулакомъ по столу. — Что̀ больно гонишь? Видно, забыла про прежнее-то?.. Не лучше Аграфены-то была!

Этимъ словомъ инокъ ударилъ точно ножомъ, и Таисья даже застонала. Ухвативъ второпяхъ старую шубенку на бѣличьемъ мѣху, она выбѣжала изъ избы. У ней даже захватило духъ отъ подступившихъ къ горлу слезъ. Опомнилась она уже на улицѣ, гдѣ ее прохватило холодкомъ. На скорую руку вытерла она свои непрошенныя слезы кулакомъ, оглянулась около своихъ воротъ и еще разъ всплакнула. Снѣгъ такъ и валилъ мягкими хлопьями. Въ избѣ Никитича, стоявшей напротивъ, уже горѣлъ огонь. Славная была изба у Никитича, да только стояла она какъ нетопленая печь,—не было хозяйки. Еще разъ вытеревъ слезы, Таисья быстро перешла на другой порядокъ и, какъ тѣнь, исчезла въ темнотѣ быстраго зимняго вечера. Она плохо сознавала, что дѣлаетъ и что должна сдѣлать, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, отлично знала, что должна все устроить, и устроить сейчасъ же. Въ ней билась практическая бабья смѣтка. У воротъ Пимки Соболева стояла чья-то засѣдланная лошадь. Таисья по скорости наткнулась на нее и только плюнула: нехорошій знакъ... До Гущиныхъ оставалось перебѣжать одинъ кривой узенькій переулокъ, уползавшій подъ гору къ пруду. Вотъ и высокій конекъ гущинскаго двора. Брательники жили вмѣстѣ. Во всемъ Кержацкомъ концѣ у нихъ былъ лучшій дворъ, лучшія лошади и вообще все хозяйство. Богато жили, однимъ словомъ, и въ выписку втроемъ теперь зарабатывали рублей сорокъ. Жить бы да радоваться Аграфенѣ изъ-за брательниковъ, а она вонъ что придумала... Новыя тесовыя ворота дѣйствительно были вымазаны дегтемъ, и Таисья „ужахнулась“ еще разъ. Она постучалась въ окошко и помолитвовалась. Въ избѣ огня не было и „аминь отдали“ не скоро.

— Это я... я...—повторяла Таисья, когда въ волоковомъ оконцѣ показалась испуганная бабья голова.

— Ахъ, ты, наша матушка!..

Гдѣ-то быстро затопали босыя бабьи ноги, отодвинулся деревянный засовъ, затворявшій ворота, и Таисья вошла въ темный дворъ.

— Матушка ты наша...—жалобно шепталъ въ темнотѣ женскій голосъ.

— Это ты, Парасковья?—тоже шопотомъ спросила Таисья. — Аграфена у меня.

— Охъ, матушка... пропали мы всѣ... всякаго ума рѣшились... Вотъ-вотъ брательники воротятся... смертынька наша... И огня засвѣтить не смѣемъ, такъ въ потемкахъ и сидимъ.

Мужики были на работѣ, и бабы окружили Таисью въ темнотѣ, какъ испуганныя овцы. У Гущиныхъ мастерицу всегда принимали, какъ дорогую гостью, и не знали, куда ее усадить, и чѣмъ потчевать, и какъ получше привѣтить. Куда бы эти бабы дѣлись, если бы не Таисья: у каждой свое горе и каждая бѣжала къ Таисьѣ, чуть что случится. Если мастерица и не поможетъ избыть бѣду, такъ хоть поплачетъ вмѣстѣ... У Парасковьи мужъ Спирька очень ужъ баловался съ бабами: раньше путался съ Марькой, а теперь ее бросилъ и перекинулся къ приказчичьей стряпкѣ Домнушкѣ; вторая сноха ссорилась съ Аграфеной и все подбивала мужа на выдѣлъ; третья сноха замаялась съ ребятами, а меньшакъ-брательникъ началъ зашибать водкой. Пятистѣнная изба гущинскаго двора холодными сѣнями дѣлилась на двѣ половины: въ передней жилъ Спирька съ женой и сестрой Аграфеной, а въ задней середнякъ съ меньшакомъ. Была еще подсарайная, гдѣ жилъ третій брательникъ.

— Какъ же быть-то, милыя?—повторяла Таисья, не успѣвая слушать бабьи жалобы.—Первое бы дѣло огоньку засвѣтить...

— Что ты, матушка!.. Страшно... Сидимъ въ потемкахъ да горюемъ.

Вѣдь мазаныя-то ворота всѣмъ бабамъ проходу не даютъ, а не одной Аграфенѣ...

— Такъ вотъ что̀, бабоньки,—спохватилась Таисья,—есть горячая-то вода? Берите-ка вехти*) да песку, да въ потемкахъ-то и смоемъ деготь съ воротъ.

— Охъ, матушка, да гдѣ же его смоешь?

— Сколько-нибудь да смоется... Скоро на фабрикѣ отдадутъ шабашъ, такъ надо торопиться. Да мыльце захватите...

— И то, матушка, надо торопиться.

Бабы бросились вразсыпную и принялись за ворота.

— А онъ, Макарка-то, вѣдь здѣсь! — сообщила Прасковья, работая вехтемъ надъ самымъ большимъ дегтянымъ пятномъ.

— Какъ здѣсь?—удивилась Таисья, помогавшая бабамъ работать.

— А видѣла лошадь-то у избы Пимки Соболева? Онъ самый и есть... Ужо̀ воротятся брательники, такъ порѣшатъ его... Это онъ за Аграфеной гонится.

— Тьфу!—отплюнулась Таисья, бросая работу. — Вотъ что̀, бабоньки, вы покудова орудуйте тутъ, а я побѣгу къ Пимкѣ... Живою рукой обернусь. Да вотъ что̀: косаремъ**) скоблите, гдѣ дерево-то засмолѣло.

— Какъ же мы однѣ-то останемся, матушка? — взмолились бабы не своимъ голосомъ.

— Сейчасъ приду, сказала,—отвѣтилъ голосъ исчезнувшей въ темнотѣ Таисьи.

Она торопливо̀ побѣжала къ Пимкиной избѣ. Лошадь еще стояла на прежнемъ мѣстѣ. Подъ окномъ Таисья тихонько помолитвовалась.

— Чего тебѣ понадобилось? — спрашивалъ самъ хозяинъ, высовывая свою пьяную башку въ волоковое окно, какъ было у Гущиныхъ.—Ишь какъ ускорилась... запыхалась вся...

— Вышли-ка ты мнѣ, родимый мой, Макара Горбатаго... Словечко одно мнѣ надо бы ему сказать. За ворота пусть выйдетъ...

— Нѣту его...

— А лошадь чья у воротъ стоитъ?

Таисьѣ пришлось подождать, пока̀ пьяный Макаръ вышелъ за ворота. Онъ былъ безъ шапки, въ дубленомъ полушубкѣ.

— Макарушка, поѣзжай-ка ты по добру по здорову домой... Слышишь?—ласково заговорила Таисья.

— Н-но-о?

— Я тебѣ говорю: лучше будетъ... Не ровенъ часъ, родимый мой, кабы не попритчилось чего, а дома-то оно спокойнѣе. Да и жена тебя дожидается... Славная она баба, а ты вотъ пируешь. Поѣзжай, говорю...

Пьяный Макаръ встряхивалъ только головой, шатался на мѣстѣ, какъ чумной быкъ, и повторялъ:

— А ежели, напримѣрно, у меня свое дѣло?.. Никого я не боюсь и весь вашъ Кержацкій конецъ разнесу... Вотъ я каковъ есть человѣкъ!

— Знаемъ, какое у тебя дѣло, родимый мой... Совсѣмъ хорошее твое дѣло, Макарушка, ежели на всю улицу похваляешься. Про худыя-то дѣла добрые люди молчатъ, а ты вонъ какъ пасть разинулъ... А гдѣ у тебя шапка-то?

---

*) Вехоть—мочалка.

**) Косарь—большой тупой ножъ, которымъ колютъ лучину.

Не дожидаясь согласія, Таисья въ окно вытребовала шапку Макара, сама надѣла ее на его пьяную башку, помогла сѣсть верхомъ, отвязала поводъ и, повернувъ лошадь на выѣздъ, махнула на нее рукой.

— Кышь, ты, Христова скотинка!—по-бабьи попукала она лошадь, точно отгоняла курицу.—Съ Богомъ, родимый мой...

Когда, мотаясь въ сѣдлѣ, Макаръ скрылся наконецъ изъ вида, Таисья облегченно вздохнула, перекрестилась и усталою, разбитою походкой пошла опять къ гущинской избѣ. Когда она подходила къ самымъ воротамъ, на фабрикѣ Слѣпень „отдалъ шабашъ“,—было ровно семь часовъ. Отмывавшія на воротахъ деготь бабы до того переполошились, что побросали ведра, вехти, косари и вразсыпную бросились во дворъ... Сейчасъ пойдутъ рабочіе по улицѣ и всѣ увидятъ мазаныя ворота,—было чего испугаться. Не потерялась одна Таисья и съ молитвой подбирала разбросанныя бабами ведра. „Помяни, Господи, царя Давыда и всю кротость его...“—вычитывала она вслухъ.

— Гли-ко, дѣвонька, ворота-то у Гущиныхъ!—крикнулъ чей-то дѣвичій голосъ черезъ улицу.

Какъ на грѣхъ снѣгъ пересталъ итти, и въ бѣломъ сіяніи показался молодой мѣсяцъ. Теперь весь позоръ гущинскаго двора былъ на виду, а замываньемъ только размазали по нимъ деготь. Крикнувшій голосъ принадлежалъ поденщицѣ Марькѣ, которая возвращалась съ фабрики во главѣ остальной отпѣтой команды. Послышался визгъ, смѣхъ, хохотъ, и въ Таисью полетѣли комья свѣжаго снѣга.

— Тьфу, вы, окаянныя!—ругалась она, захлопывая ворота.

— Вотъ какъ нонѣ честныя-то дѣвушки поживаютъ!—орала на всю улицу Марька, счастливая позоромъ своего бывшаго любовника.—Вся только слава на насъ, а отецкія-то дочери потихоньку обгуливаются... Эй, ты, святая душа, куда побѣжала?

Когда брательники Гущины подошли къ своему двору, около него уже толпился народъ. Конечно, сейчасъ же началось жестокое избіеніе разстервенившимися брательниками своихъ женъ: Спирька таскалъ за волосы по всему двору несчастную Прасковью, середнякъ „утюжилъ“ свою жену, третій брательникъ „колышматилъ“ свою, а меньшакъ смотрѣлъ и учился. Заступничество Таисьи не спасло бабъ, а только еще больше разозлило брательниковъ, искавшихъ сестру по всему дому.

— Убить ее, бестію, мало!—оралъ Спирька, бѣгая по двору съ налитыми кровью глазами.

III.

На заимкѣ Основы привѣтливо свѣтился огонекъ. Она стояла на самомъ берегу р. Березайки, какъ разъ напротивъ мѣднаго рудника Крутяша, а за ней зеленою стѣной поднимался настоящій лѣсъ. Отбившись отъ коренного жила, заимка Основы оживляла пустынный правый берегъ, а теперь, когда все кругомъ было покрыто снѣговымъ покровомъ, единственный огонекъ въ ея окнѣ точно согрѣвалъ окружавшую мглу. Зимой изъ Кержацкаго конца на заимку дорога шла черезъ Крутяшъ, но теперь Березайка еще не замерзла, а лубочныя пошевни Таисьи должны были объѣхать заводскою плотиной, повернуть мимо заводской конторы и такимъ образомъ уже попасть на правый берегъ. Небольшая пѣгая лошадка бойко летѣла по только-что укатанной дорогѣ. Правила сама Таисья умѣлою рукой, и пѣгашка знала ея голосъ и весело взмахивала завѣсистою гривой.

— Охъ, горе душамъ нашимъ!—вздыхала Таисья, понукая нѣташку.

Рядомъ съ ней сидѣла Аграфена, одѣтая по-зимнему, въ нагольный тулупъ. Она замерла отъ страха и все прислушивалась, нѣтъ ли погони.

— Матушка... смертынька...—шептала она, когда назади слышался какой-нибудь стукъ.

— Это на фабрикѣ, милушка... Да и брательникамъ сейчасъ не до тебя: женъ своихъ увѣчатъ. Совсѣмъ озвѣрѣли... И меня Спирька-то въ шею чуть не вытолкалъ! Вотъ управятся съ бабами, тогда тебя бросятся искать по заводу и въ первую голову ко мнѣ налетятъ... Ну, да у меня съ ними еще свой разговоръ будетъ. Не бойся, Грунюшка... Видывали и не такую страсть!

Когда пошевни подъѣхали къ заимкѣ, навстрѣчу бросились двѣ большихъ сѣрыхъ собаки, походившихъ на волковъ. На ихъ отчаянный лай и рычанье въ окнѣ показалась голова самого хозяина.

— Кто крещеный?—спросилъ онъ.

— Свои, Аника Парѳенычъ,—коротко отвѣтила Таисья, не вылѣзая изъ пошевней.—Отопри-ка намъ поскорѣе ворота, родимый мой... Дѣльце есть до тебя небольшое.

— А я тебя и не призналъ какъ будто, Таисьюшка... Что больно ускорилась? Лысанъ, цыцъ!.. Куфта... у, живорѣзы!..

Старикъ самъ отворилъ ворота, и пошевни въѣхали на большой, крытый по-раскольничьи, темный дворъ. Заимка Основы была выстроена въ родѣ деревянной крѣпости, и ворота были всегда заперты, а собаки никому не давали проходу даже днемъ. Широкая пятистѣнная изба незамѣтно переходила въ другія пристройки, изъ которыхъ образовался крѣпкій деревянный четыреугольникъ. Тутъ были и конюшни, и амбары, и кладовыя, и какія-то таинственныя клѣтушки, какъ во всѣхъ раскольничьихъ постройкахъ. Вся эта хозяйственная городьба пряталась подъ сплошною деревянною крышей.

Завидѣвъ незнакомую женщину, закрывавшуюся тулупомъ, Основа ушелъ въ свою переднюю избу, а Таисья провела Аграфену въ заднюю половину, гдѣ была какъ у себя дома. Немного погодя пришелъ самъ Основа съ фонаремъ въ рукѣ. Оглядѣвъ гостью, онъ не подалъ и вида, что узналъ ее.

— На перепутьѣ завернули!—объясняла Таисья уклончиво.—Мнѣ бы съ тобой словечкомъ перемолвиться, Аника Парѳенычъ. Вишь, такое дѣло доспѣло, что надо въ Заболотье проѣхать... Какъ теперь болотами-то: поди еще не промерзли?

— Чистое не промерзло, а ежели съ Самосадки въ курени повернуть, такъ можно его и объѣхать.

— Слыхали, а бывать этою дорогой не доводилось.

Аграфена сидѣла у стола, повернувшись къ разговаривавшимъ спиной. Она точно вся онѣмѣла.

— Такъ я вотъ что тебѣ скажу, родимый мой,—уже шопотомъ проговорила Таисья Основѣ,—изъ огня я выхватила дѣвку, а теперь лиха бѣда схорониться отъ брательниковъ... Ночью мы будемъ на Самосадкѣ, а къ утру, къ свѣту, я должна, значитъ, воротиться сюда, чтобы на меня никакой замѣтки отъ брательниковъ не вышло. Такъ ты сейчасъ же этого инока Кирилла вышли на Самосадку: повремени этакъ часокъ-другой, да и отправь его...

— Понимаемъ...

— Только и всего. А съ Самосадки ужъ какъ-нибудь...

— И это понимаемъ, Таисьюшка... Тоже и у насъ бывали рога въ торгу. На исправу везешь дѣвушку?

— Около того...

— Ну, твое дѣло, а я этого Кирилла живою рукой подмахну. Своего парня ужѣ пошлю на рыжкѣ.

— Ужъ послужи, Аника Пароенычъ, сосчитаемся...

Опять распахнулись ворота заимки, и пошевни Таисьи стрѣлой полетѣли прямо въ лѣсъ. Нужно было сдѣлать верстъ пять околицы, чтобы выѣхать на мостъ черезъ р. Березайку и попасть на большую дорогу въ Самосадку. Пѣгашка стояла безъ дѣла недѣли двѣ и теперь летѣла стрѣлой. Могутная была лошадка, точно сколоченная, и не кормя дѣлала верстъ по сту. Во всякой дорогѣ бывала. Таисья молчала, изрѣдка посматривая на свою спутницу, которая не шевелилась, какъ мертвая.

— Грунюшка, ужъ ты жива ли?—спросила Таисья, когда пошевни покатились по широкой самосадской дорогѣ.

— Жива, матушка...

Голосъ Аграфены вдругъ дрогнулъ, и она завсхлипывала.

— О чемъ ты, милушка?

— Матушка, родимая, не поѣду я съ этимъ Кирилломъ... Своего сраму не оберешься, а про Кирилла-то что говорятъ: дѣвушникъ онъ. Дорогой-то онъ въ лѣсу и невѣсть что со мной сдѣлаетъ...

Закрывъ лицо руками, Аграфена горько зарыдала.

— Вотъ вы всѣ такія...—заворчала Таисья.—Вы гуляете, а я расхлебывай ваше-то горе... Да еще вы же и топорщитесь: „не хочу съ Кирилломъ“. Было бы изъ чего выбирать, милушка... Старца испугалась, а Макарки поганаго не было страшно?.. Весь Кержацкій конецъ осрамила... Неслыханное дѣло, чтобы наши кержанки съ мочеганами вязались...

Долго выговаривала Таисья несчастной дѣвушкѣ, пока та не перестала плакать и не проговорила:

— Матушка, какъ ты накажешь; вся твоя...

— Такъ-то лучше будетъ, милушка! Нашими бабьими слезами рѣки бы прошли, кабы имъ вѣра была...

У Таисьи не разъ у самой закипали слезы, но она сдерживала свою бабью жалость, чтобы еще больше не „разхмелить“ дѣвку. Тогда она говорила съ ней суровымъ тономъ, и Аграфена глотала слезы, инстинктивно подчиняясь чужой волѣ. Таисья теперь думала о томъ, какъ бы благополучно миновать куренную повертку, которая выходила на самосадскую дорогу въ половинѣ,—попадутся куренные, какъ разъ узнаютъ по пѣгашкѣ и разскажутъ брательникамъ. Какъ на грѣхъ, и ночь выяснѣла. Снѣгъ пересталъ итти и морозъ крѣпчалъ. Дорога была скатертью, и Таисья все понукала свою бойкую лошадку. Лѣсъ кругомъ дороги вырубленъ, и видно далеко впередъ. Въ одномъ мѣстѣ Таисья совсѣмъ напугалась, когда завидѣла впереди нѣсколько возовъ. Но, къ счастью, это были не куренные, а порожняки транспортные, возившіе на Самосадку желѣзо, а оттуда возвращавшіеся съ рудой. Транспортные въ Ключевскомъ заводѣ были все чужіе и мало знали Таисью. Когда проѣхали наконецъ повертку, Таисья вздохнула свободнѣе: половина бѣды избылась сама собой. Теперь пѣгашка бѣжала уже своею обыкновенною рысью, и Таисья скоро забыла о ней. Аграфена тупо смотрѣла по сторонамъ и совсѣмъ не узнавала дороги, на которой бывала только лѣтомъ: и лѣсу точно меньше, и незнакомые объѣзды болотами, и знакомыхъ горъ совсѣмъ не видать.

Двадцать верстъ промелькнули незамѣтно, и когда пошевни Таисьи покатились по Самосадкѣ, въ избушкахъ еще тамъ и сямъ мелькали огоньки,—значитъ, было всего около девяти часовъ вечера. Пѣгашка сама подворотила къ груздевскому дому—дорога знакомая, а овса у Груздева не съѣсть.

— Самого Самойла Евтихыча нѣту...,—заявилъ караульщикъ.

Это было на руку Таисьѣ: однимъ глазомъ меньше, да и пошутить любилъ Самойло Евтихычъ, а ей теперь совсѣмъ не до шутокъ. Дома оставалась одна Анѳиса Егоровна, которая и приняла Таисью съ обычнымъ почетомъ. Хорошо было въ груздевскомъ домѣ лѣтомъ, а зимой еще лучше: тепло, уютно, крѣпко.

— Ты насъ въ горницы не води,—предупредила Таисья хозяйку,—не велики гости... Только обогрѣться завернули да обождать самую малость.

Анѳиса Егоровна привыкла къ такимъ таинственнымъ появленіямъ Таисьи и безъ слова провела ее въ свѣтелку наверхъ, гдѣ лѣтомъ привязана была Оленка. Хозяйка мелькомъ взглянула на Аграфену и, какъ Основа, сдѣлала видъ, что не узнала ея.

— Озябли мы, родимая,— говорила Таисья, чтобы отвлечь вниманіе Анѳисы Егоровны.—Женское дѣло: скудельный сосудъ...

— Чайку разъ напьетесь?..

— Грѣшна, родимая, въ дорогѣ испиваю, да вотъ и товарка-то моя отъ стужи слова вымолвить не можетъ...

— Такъ я ужъ сюда самоварчикъ-то, Таисьюшка, велю принести... Оно способнѣе, потому какъ совсѣмъ на устороньѣ. Самойло-то Евтихычъ еще третьева-дни угналъ въ Мурмосъ. Подряды у него тамъ на постройку коломенокъ.

Аграфену оставили въ свѣтелкѣ одну, а Таисья спустилась съ хозяйкой внизъ и уже тамъ въ короткихъ словахъ обсказала свое дѣло. Анѳиса Егоровна только покачивала въ тактъ головой и жалостливо приговаривала: „Ахъ, какой грѣхъ случился... И дѣвка-то какая, а вотъ попуталъ врагъ. То-то лицо знакомое: съ перваго раза узнала. Да такой другой красавицы и съ огнемъ не сыщешь по всѣмъ заводамъ...“ Когда рѣчь дошла до ожидаемаго старца Кирилла, который долженъ былъ увезти Аграфену въ скиты, Анѳиса Егоровна только всплеснула руками.

— А какъ же Енафа-то?—проговорила она.

— Ихнее дѣло, матушка, Анѳиса Егоровна,—кротко отвѣтила Таисья, опуская глаза.—Не намъ судить ихнія скитскія дѣла... Да и дѣваться Аграфенѣ некуда, а тамъ все-таки исправу приметъ. За свой грѣхъ-то мѵку покучать... И сама бы я ее свезла, да никакъ обернуться нельзя: первое дѣло, брательники на меня накинутся, а второе—ущитить надо снохъ ихнихъ. Какъ даве принялись ихъ полоскать—одна страсть... Не знаю, застану ихъ живыми, аль нѣтъ. Бабенокъ-то тоже надо пожалѣть...

Когда Таисья принесла самоваръ въ свѣтелку, Аграфена отрицательно покачала головой.

— Не буду я, матушка, чаи эти пить, не обычна,—прошептала она.

— Ну, милушка, теперь ужъ твоя часть такая: какъ велятъ,—строго отвѣтила Таисья, поджимая губы,—она любила испить чайку.—Не умѣла своей волей жить, такъ надо умѣть слушаться.

Аграфенѣ случалось пить чай всего раза три, и она не понимала въ немъ никакого вкуса. Но теперь приходилось глотать горячую воду, чтобы не обидѣть Таисью. Попавъ съ мороза въ теплую комнату, Аграфена вся разгорѣлась, какъ маковъ цвѣтъ, и Таисья невольно залюбовалась на нее: то ли не дѣвка, то ли не писаная красавица: брови дугой, глаза съ поволокой, шея какъ выточенная, грудь лебяжья, такихъ, кажется, и не бывало въ скитахъ. У Таисьи даже захолонуло на душѣ, какъ она вспомнила про инока Кирилла да про старицу Енафу.

Не успѣли онѣ кончить чай, какъ въ ворота уже послышался осторожный стукъ: это былъ самъ смиренный Кириллъ... Онъ даже не вошелъ въ домъ, чтобы не терять напрасно времени. Основа далъ ему охотничьи сани на высокихъ копылахъ, въ которыхъ самъ ѣздилъ по лѣсу за оленями. Рыжая лошадь дымилась отъ пота, но это ничего не значило: оставалось сдѣлать всего верстъ семьдесятъ. Таисья сама помогала Аграфенѣ „оболокаться“ въ дорогу, и ея руки тряслись отъ волненія. Дѣвушка покорно дѣлала все, что̀ ей приказывали, — она опять вся застыла.

— Около Крещенья пріѣду тебя провѣдать, — шепнула Таисья, благословляя ее на прощанье. — Съ Богомъ, касатушка!

Аграфена плохо помнила, какъ она вышла изъ груздевскаго дома, какъ сѣла въ сани рядомъ съ Кирилломъ и какъ исчезла изъ глазъ Самосадка. Таисья выбѣжала провожать ее за ворота въ одномъ сарафанѣ и стояла все время, пока сани спускались къ рѣкѣ, объѣхали караванную контору и по льду мелькнули черною точкой на ту сторону, гдѣ уползала въ лѣсъ змѣей лѣсная глухая дорожка. Рѣка Каменка покрывалась льдомъ раньше бойкой Березайки. Сани уже скрылись въ лѣсу, а Таисья все стояла за воротами и не чувствовала ледянившаго холода, пока сама Анѳиса Егоровна не увела ее въ горницы.

— Что̀ ты студишься, Таисьюшка?—усовѣщевала она ее.—Статочное ли это дѣло тебѣ по морозу бѣгать!

Таисья взглянула на нее непонимавшими глазами и горько разрыдалась. Заплакала и Анѳиса Егоровна, понимавшая горе своей гостьи.

— Къ самому сердцу пришлась она мнѣ, горюшка, — плакала Таисья, качая головой.—Точно вотъ она моя родная дочь... Все терпѣла, все скрывалась я, Анѳиса Егоровна, а вотъ теперь прорвало... Кабы можно, такъ на себя бы, кажется, взяла весь Аграфенинъ грѣхъ!.. Видѣла, какъ этотъ проклятущій Кириллъ зѣнки-то свои пряталъ: у, волкъ! Съѣдятъ они тамъ дѣвку въ скитахъ съ своею-то Енафой!..

IV.

Первое чувство, которое охватило Аграфену, когда сани переѣхали на другую сторону Каменки и быстро скрылись въ лѣсу, походило на то, какое испытываетъ тонущій человѣкъ. Сидѣнье у саней было узкое, такъ что на поворотахъ, чтобы сохранить равновѣсіе, инокъ Кириллъ всѣмъ корпусомъ наваливался на Аграфену.

— Сиди крѣпче! — сердито крикнулъ онъ въ одномъ мѣстѣ, когда сани перепрыгнули черезъ валежину и она чуть не вылетѣла.

Лошадь быстро шла впередъ своею машистою рысью и только прядала ушами, когда гдѣ-нибудь около дороги попадалъ подозрительный пень. Чѣмъ дальше, тѣмъ лѣсъ становился гуще и деревья поднимали свои мохнатыя вершины выше и выше. Это былъ настоящій дремучій ельникъ, выстилавшій горы на протяженіи сотенъ верстъ. Здѣсь и снѣгу выпало больше, и подъ его тяжестью сильно гнулись боковыя вѣтви, протянувшіяся мягкими зелеными лапами къ узкому просвѣту дороги. Мерцавшее звѣздами небо мелькало только разорванными клочьями и полосками, а то сани катились подъ навѣсомъ вѣтвей, точно по темному коридору. Дѣвушку больше всего пугала мертвая тишина, которая стояла кругомъ. Ни звука, ни движенія, точно все умерло. Смиренный инокъ Кириллъ тоже упорно молчалъ и только время отъ времени угнетенно вздыхалъ, точно его что̀ давило. Что̀ у него было на умѣ? Агра-

фена боялась на него взглянуть. Она слыхала, что до скитовъ отъ Самосадки считаютъ верстъ семьдесятъ, но эта мѣра какъ-то совсѣмъ не укладывалась въ ея головѣ, потому что дальше Самосадки ей не случалось бывать. Она знала только одно, что ее завезутъ на край свѣта, откуда не выберешься. Не ее первую увозятъ такъ-то въ скиты на исправу, только изъ увезенныхъ туда дѣвушекъ рѣдко кто вернулся: увезутъ—и точно въ воду канетъ. Аграфена начала думать о себѣ, какъ о заживо похороненной, и страшная тоска давила ее. Что-то теперь дѣлается со снохами? Что Таисья? Мастерица хоть и бранила ее, но Аграфена чувствовала всегда, что она ее любитъ... Добрая она, Таисья. По пути дѣвушка вспомнила темную исторію, какъ Таисью тоже возили въ скиты на исправу. Это было давно, лѣтъ тридцать назадъ, и на Ключевскомъ про Таисьинъ грѣхъ могли разсказать только старики. Сама Аграфена знала объ этомъ изъ пятаго въ десятое, да и тому, что слыхала, мало вѣрила. Теперь ей вдругъ сдѣлалось жаль Таисьи, и это невольное чувство заглушало ея собственное горе. Да и она сама, Аграфена, будетъ такою же мастерицей, когда состарится, а пока будетъ проживать въ скитахъ черничкой. Закрывъ глаза, она видѣла уже себя въ темномъ, полумонашескомъ одѣяніи, въ темномъ платкѣ на головѣ, съ восковымъ лицомъ и опущенными долу глазами... Господи, какъ страшно!..

— Ты чего это ревешь?—огрызнулся старецъ Кириллъ, когда послышались сдержанныя рыданія. — Выкинь дурь изъ головы... И въ скитахъ люди живутъ не хуже тебя.

Аграфена даже вздрогнула: она не слыхала своихъ слезъ. Старецъ Кириллъ, чтобы сорвать злость, нѣсколько разъ ударилъ хлыстомъ ни въ чемъ неповиннаго рыжка. Дорога повернула на полдень и начала забирать все круче и круче, минуя большія горы, которыя тѣснили ее все сильнѣе съ каждымъ шагомъ впередъ. Прежняго дремучаго лѣса уже не было. Онъ замѣтно рѣдѣлъ, особенно по горамъ, гдѣ деревья съ полуночной стороны были совсѣмъ голыя,—вѣтеръ студеный ихъ донималъ. Холодно Аграфенѣ,—холодно не отъ холода, а отъ того, что боится она пошевельнуться и все тѣло отерпло отъ сидѣнья. И мысли совсѣмъ путаются въ головѣ, а дремота такъ и подмываетъ; взяла да легла бы прямо въ снѣгъ и уснула тутъ на вѣки вѣчные. Горе истомило ее... Бѣгутъ сани, стучитъ конское копыто о мерзлую землю, мелькаютъ по сторонамъ хмурыя деревья, и слышитъ Аграфена ласковый старушечій голосъ, который такъ любовно наговариваетъ надъ самымъ ея ухомъ: „Пѣтушокъ, пѣтушокъ, золотой гребешокъ, масляна головушка, шелкова бородушка, выгляни въ окошечко“... Это баушка Степанида сказку разсказываетъ ребятамъ, а сама Аграфена совсѣмъ еще маленькая дѣвчонка. Сонно жужжитъ веретено въ рукахъ у баушки Степаниды, а сказка такъ и льется... Сидитъ пѣтушокъ у окошечка, а хитрая лиса его подманиваетъ. Долго пѣтушокъ не сдается лисѣ, а потомъ и повѣрилъ... „Ухватила его лиса поперекъ живота и поволокла... Несетъ его черезъ горы высокія, несетъ черезъ рѣки быстрыя, черезъ лѣса дремучіе, принесла къ избушкѣ и говоритъ: „я тебя съѣмъ, пѣтушокъ“. Страшно Аграфенѣ, захватило у нея духъ, и она проснулась... Лошадь стоитъ, а она сидитъ въ саняхъ одна. Аграфена даже вскрикнула отъ страха, но смиренный инокъ Кириллъ былъ тутъ, — онъ ходилъ по дорогѣ и высматривалъ что-то въ снѣгу. Ужъ не заплутались ли они въ лѣсу, на ночь глядя?

— Повертка къ Чистому болоту вышла,—объяснилъ онъ, нерѣшительно подходя къ санямъ. — Ночью-то, пожалуй, болото и не переѣхать... которыя окна еще не застыли, такъ въ нихъ попасть можно. Тутъ сейчасъ будетъ

старый курень Бастрыкъ, а на немъ есть избушка,—въ ней, видно, и заночуемъ. Тоже и лошадь затомилась: троихъ везетъ...

— Я не буду ночевать въ лѣсу съ тобой!—смѣло отвѣтила Аграфена.

— Что такъ?—засмѣялся себѣ въ бороду старецъ.

— А такъ... Вѣдь болотомъ и днемъ не проѣхать, все равно черезъ Талый курень придется. Мы у могилки о. Спиридона сейчасъ...

— Ишь, дошлая!.. А все-таки ты дура, Аграфена: на Талый-то мы пріѣдемъ къ утру, а тамъ мочегане робятъ: днемъ-то и тебя и меня узнаютъ. Говорю: лошадь пристала.

— Все-таки не поѣду... Матушка Таисья наказывала черезъ Талый ѣхать.

— И матушка Таисья дура.

Старецъ Кириллъ походилъ около лошади, поправилъ черезсѣдельникъ, сѣлъ въ сани и свернулъ на Бастрыкъ. Аграфена схватила у него вожжи и повернула лошадь на дорогу къ Талому. Это была отчаянная попытка, но старецъ схватилъ ее своею желѣзною рукой прямо за горло, опрокинулъ навзничь, и сани полетѣли по едва замѣтной тропѣ къ Бастрыку.

— Что ты дѣлаешь, отчаянный?—крикнула Аграфена, напрасно стараясь вырвать вожжи.

— А вотъ это самое...

Что она могла подѣлать одна въ лѣсу съ сильнымъ мужикомъ? Лошадь бывала по этой тропѣ и шла впередъ, какъ по наѣзженной дорогѣ. Былъ всего одинъ слѣдъ, да и тотъ замело вчерашнимъ снѣгомъ. Смиренный инокъ Кириллъ улыбался себѣ въ бороду и все поглядывалъ сбоку на притихшую Аграфену: ишь какая быстрая дѣвка выискалась... Лѣсъ скоро совсѣмъ порѣдѣлъ, и начался голый березнякъ: это и былъ заросшій старый курень Бастрыкъ. Онъ тянулся широкимъ уваломъ верстъ на восемь. На немъ работалъ еще отецъ Петра Елисѣича, жигаль Елеска.

— Вотъ мы и дома,—самодовольно проговорилъ инокъ Кириллъ, сворачивая съ тропы налѣво подъ гору.—Ишь какое угодное мѣстечко жигали выбрали.

Взмыленная лошадь остановилась у вросшей въ землю старой лѣсной избушки, засыпанной молодымъ снѣгомъ. Только чернѣла дырой растворенная дверь. Инокъ Кириллъ, не торопясь, вылѣзъ изъ саней, привернулъ лошадь вожжой къ оглоблѣ и полѣзъ въ избушку. Аграфена оставалась въ саняхъ и видѣла, какъ въ избушкѣ желтымъ пятномъ затеплился огонекъ. Запасливый инокъ успѣлъ захватить изъ Таисьиной избы сальную свѣчу и теперь засвѣтилъ ее. Въ избушкѣ съ лѣта, видимо, никто не бывалъ. Двери, очагъ изъ камней и у задней стѣны нары изъ еловыхъ плахъ были цѣлы, значитъ, можно было и заночевать въ лучшемъ видѣ. Отоптавъ снѣгъ около входа и притворивъ дверку, чтобы не задуло огонь, старецъ съ топоромъ въ рукѣ отправился за дровами. Аграфена упрямо сидѣла въ саняхъ. Скоро въ березнякѣ звонко застучалъ топоръ,—это старецъ выискалъ сухое дерево и умѣлою рукой свалилъ его. Аграфена все сидѣла, прислушиваясь къ работѣ. Черезъ десять минутъ Кириллъ приволокъ цѣлую березу и принялся ее рубить. Отъ работы онъ сейчасъ же согрѣлся и снялъ верхній бараній тулупъ. Аграфена видѣла только его широкія плечи и бойко взлетавшій топоръ, игравшій въ привычныхъ рукахъ. Скоро избушка освѣтилась яркимъ пламенемъ разложеннаго на очагѣ костра изъ сухого дерева, а густой дымъ повалилъ прямо въ дверь. Инокъ слазилъ на крышу, ототкнулъ закутанную дымовую дыру и приперъ дверь. Потомъ онъ отпрягъ лошадь и поставилъ ее выстаиваться къ

избушкѣ, прикрывъ сверху своею шубой. На Аграфену онъ все время не обращалъ никакого вниманія и только уже потомъ, когда совсѣмъ управился, вышелъ изъ избушки и проговорилъ:

— Ну, ты, недотрога-царевна, долго еще будешь мерзнуть? Иди, погрѣйся...

Аграфена колебалась выйти изъ саней, но потомъ на нее напала какая-то отчаянная рѣшимость: все равно пропадать... Засиженныя ноги едва шевелились, и она съ трудомъ дошла до избушки, точно шла на костыляхъ. Отъ движенія у ней дѣлалась боль въ суставахъ, а спину такъ и ломило. Зато какъ хорошо было въ избушкѣ, гдѣ теперь весело трещалъ живой огонь. Дымъ, крутившійся столбомъ, уходилъ въ дыру на крышѣ, но часть его оставалась въ избушкѣ и страшно ѣла глаза. Старецъ Кириллъ присѣлъ на корточкахъ къ огню и опять не обращалъ никакого вниманія на свою спутницу. Онъ согрѣлъ руки, распоясался, добылъ изъ саней походную кожаную суму и, отпивъ изъ горлышка водки, проговорилъ добродушно:

— Ты бы поѣла, Аграфена... Я таки-прихватилъ у матушки Таисьи краюшку хлѣбца да рѣдечки, — наша скитская ѣда. Затощаешь дорогой-то...

— Не хочу...

Старецъ Кириллъ точно не слыхалъ отвѣта и аппетитно принялся уписывать свою краюшку. Маленькая бутылочка хранилась въ глубокомъ карманѣ скитскаго кафтана, и онъ прикладывался къ ней еще раза два, а потомъ широко вздохнулъ, перекрестился, икнулъ и началъ сонно зѣвать. Аграфена все сидѣла на нарахъ, какъ была, въ тулупѣ, и чувствовала, какъ согрѣвается у ней каждая косточка. Тепло такъ и разливалось по тѣлу, и опять началъ клонить предательскій сонъ. Ѣсть она не хотѣла, а заснуть боялась. Снять тулупъ она тоже не хотѣла, точно ея дѣвичья беззащитность въ немъ была безопаснѣе. Ее даже прошибъ потъ. Кириллъ спряталъ свою суму, еще покрестился и вышелъ изъ избушки. На небѣ уже легла предутренняя отбѣль, и звѣзды начали меркнуть.

— Кичиги на закатѣ стоятъ,—проговорилъ онъ вслухъ, разглядывая три звѣзды на юго-западной сторонѣ неба,—а Ичиги надъ головой,—скоро ободняетъ.

Ичиги—созвѣздіе Большой Медвѣдицы; Кичиги—три звѣзды, которыя видны бываютъ въ этой сторонѣ только зимой. Съ вечера Кичиги поднимаются на юго-востокѣ, а къ утру „западаютъ“ на юго-западѣ. По нимъ опредѣляютъ время длинной сѣверной ночи.

Вернувшись въ избу и подкинувъ свѣжихъ дровъ, инокъ Кириллъ разостлалъ на нарахъ свою шубу и завалился спать. Онъ сейчасъ же захрапѣлъ, какъ зарѣзанный. Аграфена все сидѣла въ своемъ тулупѣ и слушала, какъ у дверей лошадь жуетъ сѣно. Укладываясь спать, Кириллъ задулъ свѣчу, и теперь избушку освѣщалъ только очагъ. Когда догорятъ дрова, опять будетъ темно, и Аграфена со страхомъ думала о томъ моментѣ, когда останется въ темнотѣ со старцемъ съ глазу на глазъ. Пока она подсѣла къ огню и поправляла головешки. Она и боялась Кирилла, и еще больше боялась повѣрить ему. Пока онъ не трогаетъ ее, а все-таки кто его знаетъ, что у него на умѣ. Когда огонь догорѣлъ и дровъ больше не осталось, Аграфена вышла изъ избушки. Небо было какое-то бѣлое, — занимался короткій зимній день. Отогрѣвшись въ избушкѣ, она улеглась въ сани и сейчасъ же заснула убитымъ молодымъ сномъ,—тѣмъ сномъ, который не знаетъ грезъ.

— Эй, вставай, голубушка!.. — толкалъ ее кто-то въ бокъ.

Аграфена вскочила. Кругомъ было темно, и она съ удивленіемъ оглядывалась, не понимая, гдѣ она и что съ ней. Лошадь была запряжена, и старецъ Кириллъ стоялъ около нея въ своемъ тулупѣ, совсѣмъ готовый въ путь.

Съ большимъ трудомъ дѣвушка припомнила, гдѣ она, и только удивлялась, что кругомъ темно.

— Цѣльный день проспала, Аграфенушка,—объяснилъ Кириллъ.—А я тебя пожалѣлъ будить-то... Больно ужъ сладко спала. Тоже измаялась, да и дѣло твое молодое... Доходилъ я до Чистаго болота: нѣту намъ проѣзда. Придется повернуть на Талый... Ну, да ночное дѣло, проѣдемъ какъ-нибудь мимо куренныхъ.

Аграфена стояла передъ нимъ точно въ туманѣ и плохо понимала, что онъ говоритъ. Неужели она проспала цѣлый день?.. А старецъ ее пожалѣлъ... Когда она садилась въ сани, онъ молча сунулъ ей большой ломоть ржанаго хлѣба. Она дѣйствительно страшно хотѣла ѣсть и теперь повиновалась угощавшему ее Кириллу.

За день лошадь совсѣмъ отдохнула, и сани бойко полетѣли обратно, къ могилкѣ о. Спиридона, а отъ нея свернули на дорогу къ Талому. Небо облегали низкія зимнія облака, и опять началъ падать мягкій снѣжокъ... Это было на руку бѣглецамъ. Скоро показался и Талый, т.-е. свѣжіе пеньки, кучи куренныхъ дровъ-долготья, и гдѣ-то въ чащѣ мелькнулъ огонекъ. Старецъ Кириллъ молча добылъ откуда-то мужицкую ушастую шапку и велѣлъ Аграфенѣ надѣть ее.

— Да вотъ возьми рукавицу, да рукавицей рожу и натри,—совѣтовалъ онъ.—Нарочно даве сажей ее намазалъ... И будешь, какъ заправскій мужикъ. Кабы насъ куренные-то не признали...

Аграфена вымазала лицо себѣ сажей, сняла платокъ съ головы и надѣла шапку. Она чувствовала теперь искреннюю благодарность къ догадливому пустынножителю, который впередъ запасъ все, что̀ нужно.

V.

Курень состоялъ изъ нѣсколькихъ землянокъ, въ родѣ той, въ какой Кириллъ ночевалъ сегодня на Бастрыкѣ. Между землянками стояли загородки и навѣсы для лошадей. Разная куренная снасть, сбруя и топоры лежали на открытомъ воздухѣ, потому что здѣсь и украсть было некому. Охотничьи сани смиреннаго заболотскаго инока остановились передъ одной изъ такихъ землянокъ.

— Ты посиди, Ефимъ, а я схожу погрѣться, — разсчитанно громкимъ голосомъ проговорилъ Кириллъ, обращаясь къ Аграфенѣ.

Куренныя собаки накинулись на него цѣлою стаей, а на ихъ лай изъ землянокъ показались любопытныя головы.

— Мосей здѣсь? — спрашивалъ инокъ, входя въ землянку.—Съ Самосадки поклонъ привезъ, родимые мои... Бабы больно соскучились и наказывали кланяться.

— Ишь какой выискался охотникъ до бабъ, — отвѣтилъ съ полатей голосъ Мосея.—Куда опять поволокся, спасенная душа?

Появленіе Кирилла вызвало дружный смѣхъ въ землянкѣ, и человѣкъ шесть мужиковъ и парней окружили его. Инокъ отшучивался, какъ умѣлъ, разыгрывая балагура. Одинъ Мосей отмалчивался и поглядывалъ на Кирилла не совсѣмъ дружелюбно.

— Погрѣться завернулъ...—объяснялъ Кириллъ, похлопывая рукавицами.

— Оставайся ночевать, коли озябъ.

— Тороплюсь, родимые мои...

— Объ Енафѣ соскучился? — спросилъ кто-то, и опять послышался

дружный смѣхъ. — Она тебѣ вторую дочь привезла... Этимъ скитскимъ не житье, а масленица!..

— Чего вы зубы-то скалите, омморошные?— озлился Кириллъ.—Мало ли народу по скитамъ душу спасаетъ...

— Знаемъ мы ваше спасенье: больше около бабъ...

— Вотъ ты и осудилъ меня, а какъ въ Писаніи сказано: „Ты кто еси судій чуждему рабу: своему Господеви стоишь или падаешь...“ Такъ-то, родимые мои! Осудить-то легко, а того вы не подумали, что къ мірянину приставленъ всего одинъ бѣсъ, къ попу — семь бѣсовъ, а къ чернецу — всѣ четырнадцать. Согрѣли бы вы меня лучше водочкой, чѣмъ непутевыя рѣчи заводить про наше иноческое житіе.

— Какая у насъ водка...

Побалагуривъ съ четверть часа и выспросивъ, кто выѣхалъ нынче въ курень,—больше робили самосадскіе да ключевляне изъ Кержацкаго конца, а мочеганъ не было ни одной души,—Кириллъ вышелъ изъ избы.

— А это кто съ тобой ѣдетъ? — спросилъ Мосей, вышедшій проводить его.

— А такъ... одинъ человѣкъ...—уклончиво отвѣтилъ инокъ, неторопливо усаживаясь въ сани.—Ну-ка, Ефимушка, трогай... Прощай, Мосей. Заверты-вай ужо какъ-нибудь къ намъ въ гости.

— Самое это наше дѣло по гостямъ ѣздить,—отвѣтилъ Мосей, подозрительно оглядывая Аграфену.

Куренныя собаки проводили сани отчаяннымъ лаемъ, а смиренный заболотскій инокъ сердито отплюнулся, когда курень остался назади. Только и народецъ, эти куренные... Всегда на смѣхъ подымутъ! Увязла имъ костью въ горлѣ эта Енафа. А не заѣхать нельзя, потому сейчасъ учнутъ доискиваться, каковъ человѣкъ черезъ курень проѣхалъ, да куда, да зачѣмъ. Только вотъ другой дороги въ скиты нѣтъ... Диви бы мочегане на смѣхъ подымали, а то свои же кержаки галятся... Когда это непріятное чувство улеглось, Кириллъ обратился къ Аграфенѣ:

— Дураками оказали себя куренные-то: за мужика тебя приняли... Такъ и будь мужикомъ, а то еще скитскіе встрѣнутся да будутъ допытываться... Охъ, грѣхи наши тяжкіе!.. А Мосей-то такъ волкомъ и глядитъ: сердитуетъ онъ на меня не знамо за что. Родной братъ вашему-то приказчику Петру Елисѣичу...

До скита Енафы оставалось еще верстъ тридцать. Дорога опять превратилась въ маленькую тропу, на которой даже и слѣда не было, но инокъ Кириллъ проѣхалъ бы всю эту „пустыню“ съ завязанными глазами: было похожено и поѣзжено по ней по разнымъ скитскимъ дѣламъ. Выспавшаяся Аграфена чувствовала себя бодрѣе вчерашняго и не боялась Кирилла. Да и скиты близко, а тамъ проживаетъ много раскольничьихъ „матерей“: въ случаѣ чего, онѣ ущитятъ отъ Кирилла. Удивляло Аграфену и то, что чѣмъ дальше они ѣхали, тѣмъ рѣже становился лѣсъ. Ели стояли тонкія да чахлыя, совсѣмъ не такія, какъ на Самосадкѣ. Дѣло въ томъ, что они ѣхали по самому перевалу, на значительной высотѣ. Горы дѣлались все выше, и тропа извивалась между ними, какъ змѣя. Спускаясь въ одномъ мѣстѣ съ увала, Кириллъ указалъ рукой влѣво и проговорилъ:

— Тутъ тебѣ будетъ Святое озеро, куда ходятъ на Успеньевъ день...

— Въ Успеньевъ-то день ходятъ на Крестовые острова...

— Ну, они на Святомъ озерѣ и есть, Крестовые-то... Три старца на нихъ спасались: Пахомій-постникъ, да другой старецъ Пафнутій-болящій, да

третій старецъ Порфирій-страстотерпецъ, во узилищѣ отъ никоніанъ раны и напрасную смерть пріявшій. Вотъ къ нимъ на могилку народъ и ходитъ. Подъ Петровъ день къ отцу Спиридону на могилку идутъ, а въ Успенье — на Крестовые. А тутъ вотъ, подадимся малымъ дѣломъ, выступитъ гора Нудиха, а въ ней пещера схимника Паисія. Тоже угодное мѣсто...

Этотъ благочестивый разговоръ подѣйствовалъ на Аграфену самымъ успокоивающимъ образомъ. Она ѣхала теперь по мѣстамъ, гдѣ спасались свои раскольники—старцы и угодники, слава о которыхъ прошла далеко. Изъ Москвы пріѣзжаютъ на Крестовые острова. Прежде тамъ скиты стояли, да разорены никоніанами. Инокъ Кириллъ разсказывалъ ей про схоронившуюся по скитамъ свою раскольничью святыню, про тихую скитскую жизнь, и въ заключеніе запѣлъ длинный раскольничій стихъ:

„Прекрасная мати пустыня!
Отъ суетнаго міра прими мя...
Любезная, не изжени мя.
Пойду по лѣсамъ, по болотамъ,
Пойду по горамъ, по вертепамъ,
Поставлю въ тебѣ малу хижу,
Полезная въ ней азъ увижу.
Потщился къ тебѣ убѣжати,
Владыку Христа подражати".

Длинная дорога скороталась въ этихъ разговорахъ и пѣніи незамѣтно, Аграфена успѣла привыкнуть къ своему спутнику и даже испугалась, когда онъ, указывая на темнѣвшую впереди гору Нудиху, проговорилъ:

— Какъ ее проѣдемъ, тутъ тебѣ сейчасъ будетъ повертка въ скитъ матери Пульхеріи. Великая она у насъ постница... А къ Енафѣ подальше проѣдемъ, на рѣчку, значитъ, Мокрушу. Пульхерія-то останется у насъ вправѣ.

Ночь была сегодня темная, настоящая волчья, какъ говорятъ охотники, и видѣли хорошо только узкіе глазки старца Кирилла. Подъѣзжая къ поверткѣ къ скиту Пульхеріи, онъ только угнетенно вздохнулъ. Дороги оставалось всего верстъ восемь. Горы смѣнялись широкими высыхавшими болотами, на которыхъ росла кривая болотная береза да сосна-карлица. Лошадь точно почуяла близость жилья и прибавила ходу. Когда они проѣзжали мимо небольшой лѣсистой горки, инокъ Кириллъ, запинаясь и подбирая слова, проговорилъ:

— Ты вотъ что̀, Аграфенушка... гм... ты, значитъ, съ Енафой-то поосторожнѣй, особливо насчетъ ѣды. Какъ разъ еще окормитъ чѣмъ ни на есть... Она экъ-ту ужъ стравила одну слѣпую дѣвушку изъ Мурмоса. Я ее вотъ такъ же на исправу привозилъ... По-нашему, по-скитскому, слѣпыми прозываются дѣвушки, которыя въ родѣ тебя. А красивая была... Такъ въ лѣсу и похоронили сердечную. Наши скитскія матери тоже всякія бываютъ... Чѣмъ съ тобою ласковѣе будетъ Енафа, тѣмъ больше ты ея опасайся. Змѣя она подколодная, пряменько сказать...

— Зачѣмъ же Енафа отравила ее?—удивлялась Аграфена.

— А такъ, по бабьей своей глупости... Было бы сказано, а тамъ ужъ сама догадывайся, зачѣмъ вашу сестру травятъ свои же бабы.

Чѣмъ ближе былъ скитъ Енафы, тѣмъ инокъ Кириллъ дѣлался безпокойнѣе. Онъ часто вздыхалъ и вслухъ творилъ молитву. Когда вдали, точно подъ землей, нерѣшительно взлаяла собака, онъ опять сердито отплюнулся. Учуяла, проклятая! Мимо скита Енафы можно было проѣхать среди бѣлаго

дня и не замѣтить его,—такъ онъ ловко спрятанъ въ еловомъ лѣсу у подножья Мохнатенькой горки. На лай собаки мелькнулъ въ лѣсу слабый огонекъ, и только по нему Аграфена догадалась, что они пріѣхали. Ни дороги ни слѣда, а стоитъ въ лѣсу старая изба, крытая драньемъ,— вотъ и весь скитъ. Немного поодаль задами къ ней стояла другая такая же изба. Въ первой жила сама мать Енафа, а во второй—двѣ ея дочери.

— Господи Ісусе Христе, помилуй насъ! — смиренно помолитвовался инокъ Кириллъ подъ окномъ первой избы.

— Аминь!—отвѣтилъ женскій голосъ.

Избы стояли безъ дворовъ: съ улицы прямо ступай на крыльцо. Поставлены онѣ были по-старинному: срубы высокіе, коньки крутые, оконца маленькія. Скоро вышла и сама мать Енафа, приземистая и толстая старуха. Она остановилась на крыльцѣ и молча смотрѣла на сани.

— Долго ты шатался на Ключевскомъ,—проговорила она наконецъ, когда Кириллъ подошелъ къ крыльцу. — Небось у Таисьи все проклажался? Сладко она васъ прикармливаетъ, безпутныхъ.

Инокъ Кириллъ только замоталъ головой, и мать Енафа умолкла.

— Привезъ я тебѣ, мать Енафа, новую трудницу... — заговорилъ Кириллъ, набираясь храбрости.—Ослѣпла, значитъ, въ мірѣ... Таисья послала... Такъ возжелала исправу принять у тебя.

Аграфена давно вылѣзла изъ саней и ждала, когда мать Енафа ее позоветъ. Она забыла снять шапку и опомнилась только тогда, когда мать Енафа, вглядѣвшись въ нее, проговорила:

— Это еще что̀ за полумужичье?.. Иди-ка сюды, умница, погляжу я на тебя поближе-то!

Смущенный Кириллъ, сбиваясь въ словахъ, объяснялъ, какъ они должны были проѣзжать черезъ Талый, и скрылъ про ночевку на Бастрыкѣ. Енафа не слушала его, а сама такъ и впилась своими большими черными глазами въ новую трудницу. Она, конечно, сразу поняла, какую жаръ-птицу послала ей Таисья.

— Ну, идите въ избу...—сурово пригласила она.

Изба была высокая и темная отъ сажи: свѣчи въ скиту зажигались только по праздникамъ, а по будняхъ горѣла березовая лучина, какъ было и теперь. Свѣтецъ съ лучиной стоялъ у стола. На палатяхъ кто-то храпѣлъ. Войдя въ избу, Аграфена повалилась въ ноги матери Енафѣ и проговорила положенный началъ:

— Прости, матушка, благослови, матушка!..

— Богъ тебя проститъ, Богъ благословитъ...

— А на палатяхъ-то кто у тебя спрятанъ? — спрашивалъ Кириллъ, прислушиваясь къ доносившемуся съ палатей храпу.

— Бродяжка одинъ изъ Краснаго-Яру...—спокойно отвѣтила Енафа.

Она была въ одномъ косоклинномъ сарафанѣ изъ домашняго синяго холста, рубашка была тоже изъ холста, только бѣлая. У окна стояли кросна̀ съ начатою новиной. Аграфенѣ было совѣстно теперь за свой заводскій ситцевый сарафанъ и ситцевую рубаху, и она стыдливо вытирала свое раскраснѣвшееся лицо. Мать Енафа пытливо посмотрѣла на нее и на смиреннаго Кирилла и только сжала губы.

— Щеголиха...—прошипѣла она, поправляя трещавшую въ свѣтцѣ лучину.—Чьихъ ты будешь, умница? Гущиныхъ?.. Слыхала про брательниковъ, какъ же! У Самойла-то Евтихыча тоже брательникъ обережнымъ служитъ, Матвѣемъ звать?.. Видала.

Это вліятельное родство значительно смягчило мать Енафу, и она, позѣвывая, проговорила почти ласково:

— Вотъ что̀, щеголиха: ложись-ка ты спать, а утро вечера мудренѣе. Вотъ тутъ на лавочку приляжь...

Но спать Аграфенѣ не пришлось, потому что въ избу вошли двѣ высокихъ дѣвки и прямо уставились на нее. Обѣ высокія, обѣ рябыя, обѣ въ сарафанахъ изъ синяго холста.

— Чего не видали-то?—накинулась на нихъ мать Енафа.—Лбы-то перекрестите, оглашенныя... Ѳедосья, Акулина, ступайте домой: нечего вамъ здѣсь дѣлать.

Дѣвки переглянулись между собой, посмотрѣли на смущеннаго инока Кирилла и прыснули со смѣху.

— А гостинца привезъ?—отратилась къ Кириллу старшая, Ѳедосья.

— Потомъ привезетъ, — отвѣтила за него мать Енафа. — Вотъ новую трудницу съ Мурмоса вывезъ.

— Похоже на то, мамынька,—отвѣтила младшая, Акулина, съ завистью оглядывая Аграфену.—Прямо сказать: монашка.

Дѣвки зашептались между собой, а бѣдную Аграфену бросило въ жаръ отъ ихъ нахальныхъ взглядовъ. На шумъ голосовъ съ палатей свѣсилась чья-то стриженая голова и тоже уставилась на Аграфену. Давеча старецъ Кириллъ скрылъ свою почевку на Бастрыкѣ, а теперь мать Енафа скрыла отъ дочерей, что Аграфена изъ Ключевского. Шелъ круговой обманъ... Дѣвки потолкались въ избѣ и выбѣжали съ хохотомъ.

Мать Енафа раскинула шелковую пелену передъ кіотомъ, затеплила передъ нимъ толстую восковую свѣчу изъ бѣлаго воска и, разложивъ на столѣ толстую кожаную книгу, принялась читать акаѳистъ Похвалѣ Богородицѣ; поклоны откладывались по лѣствкѣ и съ подрушникомъ.

Такъ началось для Аграфены скитское „трудничество“.

VI.

По первопутку вернулись изъ орды ходоки. Хохлацкій и Туляцкій концы затихли въ ожиданіи событій. Ходоки отдохнули, сходили въ баню, а потомъ явились въ кабакъ къ Рачителихѣ. Обступилъ ихъ народъ, всѣ ждутъ, что̀ скажутъ старики, а они переминаются да другъ на друга поглядываютъ.

— Ну что̀, старики, какъ орда?—спрашивали нетерпѣливые.

Опять переминаются ходоки,—ни тому ни другому не хочется говорить первымъ. А народъ такъ и льнетъ къ нимъ, потому всякому любопытно знать, что̀ они принесли съ собой.

— Хорошо въ ордѣ, этово-тово,—проговорилъ наконецъ первымъ Титъ Горбатый.

— Одобряешь, дѣдушка?

— Земля овчина овчиной, травы ковыльныя, крѣпкія, укòсъ — на десятину по сту копенъ, скотина кормная,—нахваливалъ Титъ.—Одно названіе, что будто орда. У тамошнихъ крестьянъ какой обычай, этово-тово: жнитво, а жнутъ не чисто, тутъ кустикъ пшенички оставятъ, и въ другомъ мѣстѣ кустикъ, и въ третьемъ кустикъ. „Для чего вы, говорю я, не чисто жнете?“ — „А это, говорятъ, мы Николѣ на бородку оставляемъ, дѣдушка. Пойдутъ по пашнѣ за нами вдовы да сироты и подберутъ кустики“... Вотъ какая тамъ сторона! Хлѣба ржаного совсѣмъ и въ заводѣ нѣтъ, а все пшеничный...

Расхваливаетъ Титъ орду, руками машетъ, а старый Коваль молчитъ и только трубочку свою посасываетъ.

— Ну, а ты, Дорохъ, что̀ намъ скажешь? — пристаютъ свои хохлы къ Ковалю.

— Що я вамъ кажу?—тянетъ Коваль точно сквозь сонъ.—А то я вамъ кажу, братики, что сватъ гвалтуетъ понапрасну... Пусто бы этой ордѣ было! Вотъ что̀ я вамъ кажу... Бо ка-зна-що! Чи вода була бъ, чи лѣсъ булъ, чи добри люди: ничегесенько!.. А ну ее, орду, къ нечистому... Пранцеватый народъ въ ордѣ.

— Да вѣдь ты самъ же хвалилъ все время орду, этово-тово, — накинулся на него Титъ:—а теперь другое говоришь...

— Балакали, сватъ, а якъ набігло на думку, такъ зовсѣмъ друге и війшло... Оце велико лихо твоя орда!

Ходоки упорно стояли каждый на своемъ, и это подняло на ноги оба мочеганскихъ конца. Въ спорахъ и препирательствахъ сторонниковъ и противниковъ орды принялъ дѣятельное участіе даже Кержацкій конецъ, насколько онъ былъ причастенъ кабаку Рачителихи. Ходокамъ дѣлали очныя ставки, вызывали въ волость, уговаривали, но они продолжали рознить. Особенно неистовствовалъ Титъ, такъ и наступавшій на Коваля.

— Отчепись къ нечистому!—ругался Коваль.—Казавъ: не пойду у твою орду. Оттакъ!..

Туляки стояли за своего ходока, особенно Дѣянъ Поперешный, а хохлы отмалчивались или глухо роптали. Нѣсколько разъ въ кабакѣ дѣло доходило до драки, а ходоки все стояли на своемъ. Вездѣ по избамъ, какъ говорила Домнушка, точно капусту рубили,—такая шла свара и несогласіе.

— Выведу въ орду всю свою семью, а вы какъ знаете, этово-тово, — повторилъ Титъ.

— А я зостанусь!—повторялъ Коваль.—Нэхай ей пусто будетъ, твоей ордѣ.

Сколько ни бились старички съ ходоками, но такъ ничего и не могли съ ними подѣлать. Рѣшено было свести ихъ къ попу и къ приказчику, чтобы они хоть тамъ повинились и сказали настоящее. Не довѣряя ни попу ни приказчику, старички улучили минуту, когда попъ прошелъ въ господскій домъ, и повели ходоковъ туда же. Пусть вмѣстѣ говорятъ, тогда будетъ видно, кто говоритъ правду, а кто обманываетъ. Ходоки, когда пришли въ господскій домъ, имѣли видъ подсудимыхъ. Въ виду важности дѣла, Петръ Елисѣичъ позвалъ всѣхъ въ залу. О. Сергѣй сидѣлъ на диванѣ, а Петръ Елисѣичъ ходилъ по комнатѣ, размахивая платкомъ. Старички подталкивали ходоковъ, чтобы тѣ начинали, но ходоки только переминались, какъ лошади въ станкѣ у кузницы.

— Пусть Коваль говоритъ наперво, этово-тово,—заявлялъ Титъ.—Отъ него вся смуть пошла.

— А чого жъ я буду говорить, сватъ? — упирался Коваль. — Лучше жъ послухаемъ твои викрутасы, бо ты кашу заварилъ... А ну, сватъ, тоби попереду говорить, а мы послухаемъ, що изъ того выйде.

Нечего дѣлать, пришлось первому говорить Титу: переупрямилъ его хитрый хохолъ.

— Все мы обсмотрѣли, все обслѣдовали и въ ордѣ, и въ казакахъ, и въ степѣ, — заговорилъ Титъ. — „Глянешься, говорю, сватъ?“ А сватъ хвалитъ... И землю хвалитъ, и народъ хвалитъ, и ужъ мѣстечко мы обыскали, этово-тово, чтобы свой выселокъ поставить. Только идемъ это мы назадъ, а

сватъ все орду нахваливаетъ... Ну, все у насъ согласно. Только, этово-тово, стали мы совсѣмъ къ дому подходить, почесть у самой поскотины, а сватъ и говоритъ: „Я, сватъ, этово-тово, въ орду не пойду!“ И пошелъ хаять: воды нѣтъ, лѣсу нѣтъ, народъ живетъ нехорошій... Теперь къ вамъ пришли, чтобы вы урезонили свата, потому какъ онъ совсѣмъ неправильныя слова говоритъ и во всемъ въ отпоръ пошелъ... Отъ него, этого-тово, вся смута!

— Ну, а ты что скажешь, Дорохъ?—спрашивалъ Петръ Елисѣичъ.

— А то и кажу, що зостанусь здѣсь... Пусть сватъ иде у эту пранцеватую орду!

— Нужно какъ-нибудь помириться, старички,—совѣтовалъ Петръ Елисѣичъ.—Не такое это дѣло, чтобы вздорить.

— Да я-то врагъ, что ли, самому себѣ? — кричалъ Титъ, ударяя себя въ грудь кулакомъ.—На свои глаза свидѣтелей не надо... Въ первую голову всю свою семью выведу въ орду. Все у меня есть, этого-тово, всѣмъ отъ Господа Бога доволенъ, а въ ордѣ лучше... Наша заводская копейка дешевая, Петръ Елисѣичъ, а хрестьянская двухвершковымъ гвоздемъ приколочена. Все свое въ хрестьянахъ: и хлѣбъ, и харчъ, и обуй, и одежа... Мнѣ-то немного надо, о молодыхъ стараюсь...

Маленькое сморщенное лицо у Горбатаго дышало неопредолимою энергіей, и въ каждомъ словѣ сказывалось твердое убѣжденіе. Ходоки долго спорили и опять ни до чего не доспорились.

— Треба еще жинокъ да парубковъ спросить, може вони и не захочутъ твоего-то хлѣба, сватъ! — кричалъ охрипшимъ голосомъ Коваль. — Оттакъ!..

— И спрашивай бабъ да робятъ, коли своего ума не стало,—отвѣчалъ Титъ. — Разѣ это порядокъ, чтобы съ бабами въ этакомъ дѣлѣ вязаться? Бабій-то умъ, какъ коромысло: и криво, и зарубисто, и на два конца...

О. Сергѣй тоже предлагалъ ходокамъ помириться, но ему вѣрили еще меньше, чѣмъ приказчику. Приказчикъ жалованье изъ конторы получаетъ, а попъ голодомъ насидится, когда оба мочеганскихъ конца уйдутъ въ орду.

Домнушка и Катря слушали этотъ разговоръ изъ столовой и обѣ были на сторонѣ стараго Коваля, а Титъ совсѣмъ сбѣсился со своею ордой.

— Уведетъ онъ въ эту орду весь Туляцкій конецъ, — соболѣзновала Домнушка, качая головой. — Старухи-то за него тоже, беззубыя, а бабенки, которыя помоложе, такъ теперь же всѣ слезьми изошли... Легкое мѣсто сказать, въ орду наклался!

— А пусть попытаютъ эту самую орду,—смѣялся дома старый Коваль, покуривая трубку.—Пусть ихъ... Тамъ и хаты изъ соломы да изъ березовыхъ прутьевъ понадѣланы. Возьмутъ солому, помажутъ глиной — вотъ тебѣ и хата готова.

Старая Ганна была совершенно счастлива, что Коваль уперся. Она про себя молила Бога, чтобы туляки поскорѣе уѣзжали въ орду, а впереди всѣхъ уѣзжали бы Горбатые. Тогда свадьба Ѳедорки разстроилась бы сама собой. Материнское сердце старой хохлушки такъ и прыгало отъ радости, что она разсватаетъ Ѳедорку и выдастъ ее замужъ куда-нибудь въ Хохлацкій конецъ. Пусть за своего хохла выходитъ, а въ большихъ туляцкихъ семьяхъ снохъ со свѣту сживаютъ свекрови да золовки. Ганна особенно часто ласкала теперь свою писанку Ѳедорку и совсѣмъ не бранилась, когда старый Коваль возвращался изъ кабака пьяный.

— А то проклятуща, тая орда! — выкрикивалъ Коваль, пѣтухомъ рас-

хаживая по своей хатѣ. — Замордовалъ сватъ, а того не знае, що отъ хорошаго житья тягнется на худое... Такъ говорю, стара?

— А то якъ же, Дорохъ? Почипилялись за орду, якъ дурни.

Хитрый Коваль пользовался случаемъ и каждый вечеръ „ползъ до шинка“, чтобы выпить трохи горилки и „погвалтувати“ съ добрыми людьми. Одна сноха Лукерья ходила съ надутымъ лицомъ и сердитовала на стариковъ. Ея туляцкая семья собиралась уходить въ орду, и бѣдную бабу тянуло за ними. Лукерья выплакивала свое горе гдѣ-нибудь въ уголкѣ, скрываясь отъ всѣхъ. Добродушному Терешкѣ-казаку теперь особенно доставалось отъ туляпки-жены, и онъ спасался отъ нея тоже въ шинокъ, гдѣ гарцовалъ батько Дорохъ.

— Вѣдмедица эта самая Лукерка! — смѣялся старый Коваль, разглаживая свои сивые казацкіе „вусы“.—А ты, Терешка, не трожь ее, нэхай баба продурится; на то вона баба и есть.

Гуляка Терешка побаивался сердитой жены-тулянки и только почесывалъ затылокъ. Къ Лукерьѣ нѣсколько разъ на перепутьѣ завертывала Домнушка и еще сильнѣе разстроила бабенку своими наговорами, соболѣзнованіемъ и причитаньемъ, хотя въ то же время ругала, на чемъ свѣтъ стоитъ, сбѣсившагося свекра Тита.

— Тебѣ-то легко, Домнушка,—жалились другія горбатовскія снохи.—Ты вотъ, какъ блоха, попрыгиваешь, а каково намъ... Хоть бы ты замолвила словечко нашему Титу,—тоже вѣдь и ты снохой ему приходишься...

— И скажу! — храбрилась Домнушка. — Безпремѣнно скажу, потому и Петръ Елисѣичъ не одобряетъ эту самую орду... Самое, слышь, проваленное мѣсто. Прямо-то мужикамъ онъ ничего не сказываетъ, а съ инымъ разговариваютъ... и Самойло Евтихычъ тоже не согласенъ насчетъ орды...

— Поговори ты, Домнушка!—упрашивали снохи.—Съ тебя, съ солдатки, взять нечего.

Разбитная Домнушка дѣйствительно посыкнулась-было поговорить съ Титомъ, но старикъ зарычалъ на нее, какъ звѣрь, и даже кинулся съ кулаками, такъ что Домнушка едва спаслась позорнымъ бѣгствомъ.

— Я вотъ тебѣ, разстройщица!—оралъ Титъ, выбѣгая на улицу за Домнушкой съ палкой.

Но черемуховая палка Тита, вмѣсто нагуленной на господскихъ харчахъ жирной спины Домнушки, угодила опять на Макара. Дѣло въ томъ, что до послѣдняго часа Макаръ ни слова не говорилъ отцу, а когда Титъ велѣлъ бабамъ мало за малымъ собирать разный хозяйственный скарбъ, онъ пришелъ въ переднюю избу къ отцу и заявилъ при всѣхъ:

— А я, батюшка, въ твою орду не поѣду.

— Что-о?

— Не поѣду, говорю... Ты меня не спрашивалъ, когда наклался уѣзжать, а я не согласенъ.

— Да ты, этово-тово, съ кѣмъ разговариваешь-то, Макарка? Въ умѣ ли ты, этово-тово?..

— Изъ твоей воли не выхожу, а въ орду все-таки не поѣду. Мнѣ и здѣсь хорошо.

Произошла горячая семейная сцена, и черемуховая палка врѣзалась въ могучее Макаркино тѣло. Старикъ до того остервенился, что даже вступилась за сына сама Палагея. Того и гляди, изувѣчитъ сбѣсившійся старикъ Макара.

— Твоя воля, а въ орду не поѣду! — повторялъ Макаръ, покорно валяясь на полу.

— Я тебя породилъ, собаку, я тебя и убью! — оралъ Титъ въ бѣшенствѣ.

Сорвавъ сердце на Макаркиной спинѣ, Титъ невольно раздумался, зачѣмъ онъ такъ лютуетъ. Большакъ Ѳедоръ слова ему не сказалъ,—въ орду, такъ въ орду. Флоръ тоже, а послѣдышъ Пашка еще малъ, чтобы съ отцомъ разговаривать. Самъ-третей выѣдетъ онъ въ орду, да еще парень-подростокъ въ запасѣ,—хоть какое хозяйство управить можно. А Макарка пусть пропадастъ въ Ключевскомъ, ежели умнѣе отца захотѣлъ быть. О двухъ остальныхъ сыновьяхъ Титъ совсѣмъ какъ-то не думалъ: солдатъ Артемъ, мужъ Домнушки, отрѣзанный ломоть, а учитель Агапъ давно отбился отъ мужицкой работы. Раздумавшись дальше, Титъ пришелъ къ мысли, что Макаръ-то, пожалуй, и правъ: первое дѣло—живетъ онъ теперь на доходахъ, лѣсообъѣздчикамъ контора жалованье положила, а потомъ изба за нимъ же останется, покосы и всякое прочее... Всего съ собой не увезешь, а когда Артемъ выйдетъ изъ службы, вмѣстѣ и будутъ жить въ отцовскомъ дворѣ.

„Опо, этово-тово, правильное дѣло говоритъ, Макаръ-то“, — раздумывалъ Титъ, хотя, съ другой стороны, Макарку все-таки слѣдовало поучить.

VII.

Таинственное исчезновеніе Аграфены и скандалъ съ дворомъ брательниковъ Гущиныхъ какъ-то совсѣмъ были заслонены готовившимся переселеніемъ мочеганъ. И въ кабакѣ, и въ волости, и на базарѣ, и на фабрикѣ только и разговору было, что о вздорившихъ ходокахъ. Не думала о переселеніи въ орду только такая безпомощная голь, какъ семья Окулка, перебивавшаяся кое-какъ въ покосившейся избушкѣ на краю Туляцкаго конца. Появленіе Окулка и его работа на покосѣ точно подразнила эту бѣдность. Когда съ другими разбойниками Окулко явился съ повинной къ Лукѣ Назарычу, ихъ всѣхъ сейчасъ же засадили въ волость, а потомъ немедленно отправили въ Верхотурье въ острогъ. Старая Мавра опять осталась съ глазу на глазъ со своею непокрытою бѣдностью. Наташка попрежнему въ четыре часа утра уходила на фабрику, въ одиннадцать прибѣгала пообѣдать, а въ двѣнадцать опять уходила, чтобы вернуться только къ семи, когда коморникъ Слѣпень отдавалъ шабашъ. За эту работу Наташка получала 15 копеекъ, и этихъ денегъ едва хватало на хлѣбъ. Поднятая въ Туляцкомъ концѣ суматоха точно дѣлала семью сидѣвшаго въ острогѣ Окулка еще бѣднѣе.

— Богатые-то всѣ въ орду уѣдутъ, а мы съ кержаками и останемся,— жаловалась Мавра. — Хоть бы Господь смерть послалъ. И безъ того жизни не рада.

Сборы переселенцевъ являлись обидой: какіе ни на есть, а все-таки свои туляки-то. А какъ уѣдутъ, тутъ съ голоду помирай... Теперь все-таки Мавра кое-какъ изворачивалась: тамъ займетъ, въ другомъ мѣстѣ перехватитъ, въ третьемъ попроситъ. Какъ-то Ѳедоръ Горбатый въ праздникъ цѣлый возъ хворосту привезъ, а потомъ ворота поправилъ. Наташка попрежнему не жаловалась, а только молчала, а старая Мавра боялась именно этого молчанія.

— Что ты все молчишь, Наташка? — спрашивала она дочь. — Точно пень березовый.

— О чемъ говорить-то, мамынька? — сердито отвѣчала Наташка. — За-

маялась я, вотъ что̀... Поясницу ломитъ. Вонъ ступни *) новыя надо покупать, варежки износились.

— Ну, ты у меня смотри: знаемъ мы, какъ у дѣвокъ поясницы болятъ... Дурите больше съ парнями-то!.. Вотъ я какъ-то Анисью приказчицу видѣла: сарафанъ кумачный, станушка съ кумачнымъ подзоромъ, платокъ на головѣ кумачный, ботинки козловыя... Поумнѣе, видно, васъ, дуръ...

— И пусть будетъ умнѣе.

Старая, поглупѣвшая отъ голода и болѣзней Мавра пилила несчастную Наташку по̀ходя и въ утѣшеніе себѣ думала о томъ, что вотъ выпустятъ Окулка изъ острога, и тогда все будетъ другое. Онъ и дровецъ навозитъ, и избенку починитъ, и за хлѣбомъ по сосѣдямъ не придется бѣгать... Не бойсь, этакій могутный мужикъ безъ работы не останется. Въ послѣднее время Мавра придумала не совсѣмъ хорошее средство добывать деньги на хлѣбъ: отправится къ Рачителихѣ и начнетъ расписывать ей свою бѣдность. Не любила кабатчица вѣчно канючившую старуху, но слушаетъ-слушаетъ и пожалѣетъ: то хлѣба дастъ, то деньгами ссудитъ, а сама только вздохнетъ. Мавра, конечно, знала о несчастной любви Рачителихи и по-своему эксплоатировала эту привязанность. Зато, когда узнала Наташка объ этомъ, у нихъ вышла крупная ссора.

— Умирать, что ли, съ голоду? — кричала обозленная Мавра.

— Послѣднее это дѣло!—кричала Наташка.—Хуже, чѣмъ по-міру итти. Изъ-за Окулка же страмили на весь заводъ Рачителиху, и ты же къ ней идешь за деньгами.

— Ну, и не пойду... Помирайте всѣ голодомъ! Одинъ конецъ.

— Вѣдь не померли, слава Богу, и не помремъ раньше смерти.

Обойденная со всѣхъ сторонъ отчаянною нуждой, Наташка часто думала о томъ, что есть же богатыя семьи, гдѣ робятъ одни мужики, а бабы остаются только для разной домашности. Она завидовала отецкимъ дочерямъ, которыя никакого горя въ дѣвкахъ не знаютъ, а потомъ выскочатъ замужъ и опять попадутъ на хорошее житье. А вотъ ей, Наташкѣ, ниоткуда и ничего, да еще мать корми... Вонъ у Ковалей засиротѣла внучка Катря, такъ сейчасъ въ господскій домъ ее опредѣлили на легкое житье, потому у богатыхъ вездѣ рука. Живетъ эта Катря въ свѣтлѣ да въ теплѣ и никакого горя не знаетъ, а она, Наташка, муку мученическую на проклятой фабрикѣ принимаетъ. Мужики одни чего стоятъ: проходу не даютъ—тотъ щипнетъ, другой облапитъ, третій нехорошимъ словомъ обзоветъ. Хоть бы часъ такъ-то прожить, какъ другія дѣвки. Единственнымъ утѣшеніемъ для Наташки оставался примѣръ другихъ поденщицъ, которыя околачивались вмѣстѣ съ ней на фабрикѣ. Ни отъ кого-то она добраго слова не слыхивала, кромѣ солдатки Аннушки Чеботаревой, которая всегда сама такая веселая.

— Перестань ты думать-то напрасно, — уговаривала ее Аннушка гдѣ-нибудь въ уголкѣ, когда онѣ отдыхали.—Думай не думай, а наша женская часть всѣмъ одна. Вонъ Аграфена Гущина изъ какой семьи-то была, а и то свихнулась. Насъ съ тобой и Богъ проститъ... Намедни мнѣ машинистъ Кузьмичъ что̀ говорилъ про тебя: „славная, гритъ, эта Наташка“. Такъ и сказалъ. Славный парень, одно слово: чистякъ. Въ праздникъ съ тросточкой по базару ходитъ, шляпа на ёмъ пуховая...

— Перестань ты, Аннушка: стыда у тебя нѣтъ совсѣмъ.

---

*) Ступни — башмаки.

— А ежели Кузьмичъ не по сердцу, такъ уставщикъ Корнила чѣмъ плохъ? Конечно, онъ староватъ, а старый-то еще способнѣе въ другой разъ.... Закидывалъ мнѣ про тебя словечко намедни и Корнила, да ужъ я молчу.

— Отстань, смола!

Наташа однако крѣпилась изъ послѣдняго, крѣпилась, можетъ-быть, потому, что изъ гордости не хотѣла поддаться дешевому соблазну. Къ ней и пристаютъ потому, что она бѣдная и защититься ей некѣмъ. Раньше она боялась и избѣгала Аннушки, а теперь какъ-то подружилась съ ней. Вѣдь не съѣстъ же она ее, въ самомъ дѣлѣ, ежели у ней и на умѣ нѣтъ ничего худого, какъ у другихъ фабричныхъ дѣвокъ. Съ ней, по крайности, можно и поговорить и посовѣтоваться, — Аннушка все на свѣтѣ знала. Такъ, вопросъ о Тараскѣ оставался долго открытымъ. Наташка еще лѣтомъ рѣшила помѣстить его въ рудобойцы, — все-таки гривенникъ заробитъ, какъ другіе парнишки. Но, съ другой стороны, ей было до-смерти жаль мальчика, эту послѣднюю надежду и будущую опору семьи. Да и одежонки у Тараски никакой нѣтъ, а работа на открытомъ воздухѣ, и зимой парнишка заколѣетъ. Сколько ни крѣпилась Наташка, а пришлось и Тараску свести на фабрику. Это было проклятое утро, когда, послѣ предварительныхъ переговоровъ съ уставщикомъ Корнилой, дозорнымъ Полуехтомъ и записчикомъ подденныхъ работъ, Наташка повела наконецъ брата на работу. Въ первые же дни мальчикъ такъ отмахалъ себѣ руки, что не могъ итти на работу. У Наташки надрывалось сердце, когда приходилось раннимъ утромъ будить Тараску. Мальчикъ какъ-то захирѣлъ и вставалъ со слезами и руганью. Приходилось ждать, когда онъ одѣнется и поѣстъ, и Наташка изъ-за него опаздывала на фабрику. Когда въ темнотѣ Наташка бѣжала почти бѣгомъ по Туляцкому концу и по пути стучалась въ окошко избы Чеботаревыхъ, чтобы итти на работу вмѣстѣ съ Аннушкой, солдатки уже не было дома, и Наташка получала выговоры на фабрикѣ отъ уставщика. Все-таки заработанные Тараской гривенники являлись большимъ подспорьемъ для семьи. Когда выпалъ снѣгъ, Тараскѣ не въ чемъ было итти на работу, и онъ остался дома. Въ это же время контора отказала всѣмъ въ выдачѣ дарового хлѣба изъ заводскихъ магазиновъ, какъ это дѣлалось раньше, когда шелъ хлѣбный провіантъ на каждую крѣпостную душу.

„Вотъ когда наша смерть пришла!“—въ ужасѣ думала Наташка.

Гдѣ же взять и шубу, и пимы, и зимнюю шапку, и теплыя варежки Тараскѣ? Отнятый казенный хлѣбъ привелъ Мавру въ молчаливое отчаяніе. Вотъ въ такую минуту Наташка и обратилась за совѣтомъ къ Аннушкѣ, какъ избыть бѣду. Аннушка всегда жалѣла Наташку и долго качала головой, а потомъ и придумала.

— А Кузьмичъ-то на что?—проговорила она, раскинувъ своимъ бабьимъ умомъ.—Ужо я ему поговорю... Онъ въ мѣховомъ корпусѣ сейчасъ ходитъ, вотъ бы въ самый разъ туды Тараску опредѣлить. Сидѣлъ бы парнишка въ теплѣ и одежи никакой не нужно, и вся работа съ маслянкой около машины походить да паклей ржавчину обтереть... Говорю: въ самый разъ.

— Такъ ужъ ты поговори, Аннушка, съ Кузьмичомъ-то...

— Извѣстно, поговорю... Была у него промашка супротивъ меня, — ну, да Богъ съ нимъ: я не завистлива на этакихъ-то хахалей.

Благодаря переговорамъ Аннушки и ея старымъ любовнымъ счетамъ съ машинистомъ, Тараска попалъ въ механическій корпусъ на легкую ребячью работу. Мавра опять вздохнула свободнѣе: призракъ голодной смерти на время

отступилъ отъ ея избушки. Все-таки въ выписку Тараска рубль серебра принесетъ, а это, говорятъ, цѣлый пудъ муки.

— Ну, мальчуга, дѣйствуй, — прикрикивалъ Кузьмичъ, молодой и бойкій машинистъ.—Да смотри у меня—въ машину головой не лѣзь.

Рядомъ съ мѣховымъ корпусомъ строили помѣщеніе для первой паровой машины. Раньше воды хватало на всю фабрику, а теперь и прудъ обмелѣлъ и плотина обветшала, — пришлось ставить паровую машину. Для фабрики это обстоятельство являлось цѣлымъ событіемъ: въ Мурмосѣ цѣлыхъ двѣ паровыхъ машины работали, а на Ключевскомъ одна вода. У Кузьмича съ паровою машиной были соединены свои расчеты: онъ перейдетъ на паровую машину и тогда будетъ уже настоящимъ машинистомъ. Корпусъ былъ заложенъ съ начала осени, а по первому снѣжку изъ Мурмоса привезли готовую машину и паровикъ. Докладывали фундаментъ подъ машину и печь для паровика уже въ тепломъ корпусѣ, а къ Рождеству пустили въ ходъ и машину. Кузьмичъ торжествовалъ, когда, вмѣсто крѣпостного колокола, весело загудѣлъ его свистокъ. Теперь всѣ работы на фабрикѣ шли по свистку. Старые мастера нарочно завертывали къ Кузьмичу, чтобы посмотрѣть на мудреную штуку, и сейчасъ окрестили паровую машину „кобылой“.

— Ничего, хорошая скотинка, только ужъ больно много дровъ жретъ,— похваливали они хитрую выдумку.

Тараска перешелъ вмѣстѣ съ Кузьмичомъ въ паровой корпусъ, и его должность называлась „ходить у крантовъ“. Новая работа была совсѣмъ легкая, и Тараска въ холода оставался даже ночевать въ паровомъ корпусѣ, а ѣсть приносила ему Наташка. Она частенько завертывала „къ машинѣ“ и весело балагурила съ Кузьмичомъ, пока Тараска опрастывалъ какой-нибудь бурачокъ со щами изъ толстой крупы съ сметанною забѣлой.

— Завертывай когда погрѣться, — приглашалъ ее Кузьмичъ. — Все въ теплѣ посидишь.

Наташкѣ и самой нравилось у Кузьмича, но она стѣснялась своей дровосушной сажи. Сравнительно съ ней Кузьмичъ смотрѣлъ щеголемъ, хотя его бѣлая холщевая курточка и была перемазана всевозможнымъ машиннымъ составомъ, въ родѣ ворвани и смазочныхъ маслъ. Онъ заигрывалъ съ Наташкой, когда въ машинной никого не было, но не лѣзъ съ нахальствомъ другихъ мужиковъ. Эта деликатность машиниста много подкупала Наташку.

— Какая-то ты несообразная, — шутилъ Кузьмичъ, подсаживаясь къ Наташкѣ плечомъ къ плечу. — Не укушу, не бойсь. Хошь, козловы ботинки подарю? Не глянется? Ну, тогда кумачный платокъ...

Наташка отрицательно качала головой: не то у ней было на умѣ, а такіе платки да ботинки служили вывѣской загулявшихъ дѣвокъ.

— Посмѣяться тебѣ охота надо мной,—отвѣчала задумчиво Наташка.— Вѣдь есть кому платки-то дарить, а меня оставь. И то сиротство заѣло... Знаю я ваши-то платки. Съ ними одного сраму не расхлебаешь...

— Ну вотъ, пошла околесную городить,—ворчалъ Кузьмичъ.

Хотя Наташка и отбивалась кулаками отъ машинныхъ любезностей Кузьмича, но все-таки завертывала въ корпусъ провѣдать Тараску и погрѣться. Ее тянуло сюда даровое тепло. Когда Кузьмичъ былъ занятъ работой, она молча слѣдила за нимъ глазами. Нечего сказать, парень чистякъ и всякое дѣло у него кипитъ. Въ уголкѣ у Кузьмича былъ прилаженъ слесарный станокъ, и онъ, болтая съ Наташкой, ловко работалъ у ней на глазахъ разнымъ инструментомъ. „Не женится онъ на простой дѣвкѣ, — соображала съ грустью Наташка: — возьметъ себѣ жену изъ служительскаго дому...“ А

можетъ-быть, и не такой, какъ другіе. Глаза у Кузьмича были добрые и онъ всегда такой веселый. Наташка знала про него только то, что Кузьмичъ родомъ изъ Мурмоса и выросъ тоже въ сиротствѣ, какъ и она.

Посѣщеніямъ Наташки новой машинной наступилъ неожиданно конецъ. Незадолго передъ Рождествомъ вышла она на работу, какъ всегда. Свистокъ уже прогудѣлъ въ третій разъ, и она съ Аннушкой бѣжала на фабрику почти бѣгомъ. Спускаясь съ плотины по деревянной лѣстницѣ, она издали замѣтила какое-то необыкновенное движеніе. Изъ доменнаго корпуса пробѣжалъ безъ шапки Никитичъ, потомъ мелькнула долговязая фигура Полуехта, и около новой машинной сбѣжалась цѣлая толпа, которая молча разступилась, когда пришли Наташка съ Аннушкой. У Наташки все похолодѣло внутри отъ какого-то предчувствія. Ее больно толкнулъ фельдшеръ Хитровъ, бѣжавшій съ ватой въ рукахъ.

— Неладно, Наташка, — шепнула ей кержанка Марька. — Брательника твово паромъ сварило...

Утромъ, когда Кузьмичъ выпускалъ паръ, онъ спросонья совсѣмъ не замѣтилъ спавшаго подъ краномъ Тараску и выпустилъ струю горячаго пара на него. Сейчасъ слышался только дѣтскій прерывавшійся крикъ, и, ворвавшись въ корпусъ, Наташка увидѣла только широкую спину фельдшера, который накладывалъ вату прямо на обваренное лицо кричавшаго Тараски. Собственно лица не было, а былъ сплошной пузырь... Тараску положили на чью-то шубу, вынесли на рукахъ изъ корпуса и отправили въ заводскую больницу.

VIII.

Домнушка была огорчена, хотя никто не зналъ, кто и чѣмъ могъ ее обидѣть. Кучеръ Семка только успѣвалъ въ кухнѣ поѣсть и сейчасъ же скрывался, казачокъ Тишка и глазъ не показывалъ. Оставались на прежнемъ положеніи горничная Катря да старый караульщикъ Антипъ, — первой никакъ нельзя было миновать кухни, а второму не было никуда другой дороги, какъ отъ своей караулки до господской кухни. Рвавшая и метавшая Домнушка теперь оказывала старику замѣтное предпочтеніе и подкидывала ему при случаѣ кое-какіе объѣдки. Домнушка управляется около своей печи, а старый Антипъ сидитъ у порога и смотритъ. Когда наверху послышатся тяжелые шаги Катри, которая сейчасъ ходила не босая, а въ новыхъ ступняхъ, Домнушка принималась сердито ворчать:

— Совсѣмъ истварились нынѣшнія дѣвки, пряменько сказать.

— Это точно... это ты вѣрно, Домнушка,—какъ эхо откликался Антипъ.

Когда Катря спускалась въ кухню, Домнушка стороной непремѣнно сводила разговоръ на Аграфену Гущину, о которой доходили самые невѣроятные слухи.

— Родила она, слышь, въ скиту-то,— сообщала Домнушка.— Мертвенькаго выкинула... Охъ, грѣхъ тяжкій... А другіе опять сказываютъ, что живымъ ребеночкомъ разродилась.

— А сама виновата, — подтягивалъ Антипъ. — Ежели которая дѣвка себя не соблюдаетъ, такъ ее на части живую разрѣзать... Вотъ это какое дѣло!.. Завсегда дѣвка должна себя соблюдать, на то и званье у нея такое: дѣвка.

— Аглаидой теперь перекрестили Аграфену-то,—продолжала Домнушка свою мысль. — Тоже и придумаютъ... Ужо теперь загуляетъ со старцами

ихними. Одинова нашей-то сестрѣ ошибиться, а тутъ мужичишки, какъ бѣсы, къ тебѣ пристанутъ... Тьфу!..

Катря краснѣла, молчала и поскорѣе старалась улизнуть наверхъ, а Домнушка только качала головой. Съ барышней Домнушка тоже обращалась какъ-то сурово и постоянно ворчала на нее. Чуть маленькія ножки Нюрочки покажутся на лѣстницѣ, какъ Домнушка сейчасъ же и оговоритъ ее.

— Не твое это дѣло, барышня, наши мужицкіе разговоры слушать... Иди-ка въ свою комнату да читай въ свою книжку.

Нюрочкѣ дѣлалось совѣстно за свое любопытство, и она скрывалась, хотя ее такъ и тянуло въ кухню, къ живымъ людямъ. Петръ Елисѣичъ половину дня проводилъ на фабрикѣ, и Нюрочка ужасно скучала въ это время, потому что оставалась въ домѣ одна, съ глазу на глазъ все съ тою же Катрей. Сидоръ Карпычъ окончательно переселился въ сарайную, а его комнату временно занимала Катря. Веселая хохлушка тоже замѣтно измѣнилась, и Нюрочка нѣсколько разъ заставала ее въ слезахъ.

— Это тебя опять Домнушка бранила?—спрашивала Нюрочка.

— Змѣя она подколодная, вотъ что!—плакала Катря.—Поѣдомъ съѣла, проходу не даетъ... И чѣмъ только я помѣшала ей?

Разъ, когда Петръ Елисѣичъ пришелъ изъ завода, Нюрочка не утерпѣла и пожаловалась на Домнушку.

— Въ чемъ дѣло? Что такое случилось, крошка? — разсѣянно спрашивалъ Петръ Елисѣичъ.—Домнушка васъ обижаетъ? Ахъ, да...

Петръ Елисѣичъ неожиданно смутился, помахалъ платкомъ и торопливо ушелъ въ свой кабинетъ, а Нюрочка такъ и осталась съ раскрытымъ ртомъ отъ изумленія. Вообще, что-то случилось, а что — Нюрочка не понимала, и никто ей не могъ ничего объяснить. Ей показалось только, что отецъ точно испугался, когда она пожаловалась на Домнушку.

Разъ, когда днемъ Катря опять ходила съ заплаканными глазами, Петръ Елисѣичъ, уложивъ Нюрочку спать, позвалъ Домнушку къ себѣ въ кабинетъ. Нюрочка слышала только, какъ плотно захлопнулась дверь отцовскаго кабинета, а потомъ послышался въ немъ настоящій крикъ, — кричалъ отецъ и кричала Домнушка. Потомъ отецъ уговаривалъ въ чемъ-то Домнушку, а она все-таки кричала и голосила, какъ настоящая баба.

— Богу отвѣтите за сироту, Петръ Елисѣичъ! — доносился звонкій голосъ Домнушки черезъ запертыя двери.—Другіе-то побоятся вамъ сказать, а я вся тутъ... Нечего съ меня взять, съ солдатки! Дочь у васъ растетъ, большая будетъ, вамъ же стыдно... Этакій срамъ въ дому! Безпремѣнно этого варнака Тишку въ три шеи. Обнакновенно, Катря — глупая дѣвка и больше ничего, а вы хозяинъ въ дому и отвѣтите за нее.

— Да я-то при чемъ тутъ, Домнушка?

— А кто же хозяинъ въ дому?.. Глядѣть тошнехонько.

Вообще происходило что-то непонятное, странное, и Нюрочка даже поплакала, зарывшись съ головой подъ свое одѣяло. Отецъ нѣсколько дней ходилъ грустный и ни о чемъ не говорилъ съ ней, а потомъ опять все пошло по-старому. Нюрочка теперь уже начала учиться, и въ ея комнатѣ стоялъ особенный столъ съ ея книжками и тетрадками. Занимался съ ней по вечерамъ самъ Петръ Елисѣичъ, — придетъ съ фабрики, отобѣдаетъ, отдохнетъ, напьется чаю и скажетъ Нюрочкѣ:

— О чемъ мы съ тобой говорили въ прошлый разъ?

— О Кювье, папа...

Занимался съ дочерью Петръ Елисѣичъ по-своему. Выучилась читать и

писать она шутя. Дальше слѣдовала ариѳметика, французскій языкъ и священная исторія. Ариѳметику и французскій языкъ Нюрочка не любила и только ждала съ нетерпѣніемъ, когда отецъ начнетъ ей что-нибудь разсказывать. Онъ выбиралъ біографіи великихъ ученыхъ и разсказывалъ ей, какъ они жили, какъ они учились, какъ они работали. Это былъ лучшій методъ, дѣйствовавшій на дѣтскую душу неотразимо. Была еще любимая книжка у Нюрочки,—это всеобщая исторія Ляме-Флери, которую она уже читала одна.

— Папа, вѣдь и они были маленькими: Кювье, Бюффонъ, Лапласъ, Биша?—спрашивала Нюрочка задумчиво.

— Да, крошка.

— Изъ нынѣшнихъ дѣтей тоже будутъ и Кювье и Бюффонъ?

— Дай Богъ.

Нюрочка задумывалась и говорила послѣ длинной паузы:

— Какъ имъ было трудно, папа, бѣдненькимъ... Такіе маленькіе и ужъ сколько знали.

— Это необыкновенные люди, крошка, и для нихъ все легко, что̀ намъ съ тобой покажется труднымъ.

Воодушевившись, Петръ Елисѣичъ разсказывалъ о большихъ европейскихъ городахъ, о музеяхъ, о разныхъ чудесахъ техники и вообще о томъ, какъ живутъ другіе люди. Эти разсказы уносили Нюрочку въ какой-то волшебный міръ, и она каждый разъ рѣшала про себя, что, какъ только вырастетъ большая, сейчасъ же уѣдетъ въ Парижъ или въ Америку. Слушая эту дѣтскую болтовню, Петръ Елисѣичъ какъ-то грустно улыбался и молча гладилъ бѣлокурую Нюрочкину головку.

— Ты уѣдешь, а я-то какъ же буду?—спрашивалъ онъ.

— И тебя, папа, возьму съ собой... Вмѣстѣ поѣдемъ.

Выросшая среди большихъ, Нюрочка и говорила, какъ большіе. Въ куклы она не любила играть.

Изъ постороннихъ въ господскомъ домѣ являлись только пріѣзжавшіе по дѣламъ изъ Мурмоса заводскіе служащіе, исправникъ Иванъ Семенычъ и Самойло Евтихычъ изъ Самосадки. Мурмосскіе служащіе для Нюрочки оставались чужими людьми, а двое послѣднихъ были уже своими. Иванъ Семенычъ баловалъ ее и часто игралъ въ медвѣдя, т.-е. устраивалъ себѣ изъ стульевъ берлогу, садился тамъ на корточки и начиналъ „урчать“, а Нюрочка бѣгала кругомъ и хохотала до слезъ. Какъ неисправимый хохолъ, Иванъ Семенычъ говорилъ „вѣдмедь“ вмѣсто медвѣдь. Съ Груздевыми сношенія были чаще, и Самойло Евтихычъ каждый разъ привозилъ Нюрочкѣ разные гостинцы: то куклу, то игрушку, то просто разныхъ сластей.

Разъ утромъ, когда Нюрочка сидѣла въ своей комнатѣ за книжками, въ ея комнату неслышными шагами вошла Анѳиса Егоровна и, подкравшись, обняла сзади.

— Угадай, кто?—спрашивала она, закрывая Нюрочкѣ глаза ладонями.

— Это вы, Анѳиса Егоровна...

Нюрочкѣ больше всего удивительнымъ показалось то, что она совсѣмъ не слыхала, какъ пріѣхала гостья и какъ вошла въ комнаты. Потомъ, у нихъ никогда не бывали гостями женщины.

— Въ гости къ тебѣ пріѣхала,—объясняла Анѳиса Егоровна.—Ну, какъ ты поживаешь здѣсь? Не скучаешь?

— Нѣтъ.

Анѳиса Егоровна отнеслась съ какимъ-то болѣзненнымъ участіемъ къ Нюрочкѣ и до послѣдней мелочи осмотрѣла всю ея комнату, а потомъ и весь

домъ. Спустившись въ кухню, она и тамъ произвела самую строгую ревизію. Домнушка замѣтно смутилась,—она привыкла хозяйничать въ свою голову, а Петръ Елисѣичъ въ ея кухонныя дѣла не вмѣшивался. Анѳиса Егоровна отыскала зеленыя пятна на мѣдныхъ кастрюляхъ, кое-гдѣ грязь, кое-гдѣ пыль, велѣла выжить таракановъ, привольно гулявшихъ по заслѣчью, и нѣсколько разъ покачала головой, когда Домнушка по пальцамъ пересчитывала выходившую провизію.

— Многонько, голубушка, многонько для двоихъ-то,—повторяла Анѳиса Егоровна и опять качала головой.

— Да вѣдь у насъ пріѣздъ, Анѳиса Егоровна, — оправдывалась Домнушка.—Съ Мурмоса постоянно гонятъ.

— Знаю, знаю, милая...

На Катрю Анѳиса Егоровна не обратила никакого вниманія и точно не замѣчала ея. Въ залѣ она велѣла переставить мебель, въ столовой накрыли столъ по-новому, въ Нюрочкиной комнатѣ постлали коверъ,—однимъ словомъ, произведена была маленькая революція, а гостья все ходила изъ комнаты въ комнату своими неслышными шагами и находила новые безпорядки. Когда вернулся съ фабрики Петръ Елисѣичъ, онъ замѣтно смутился.

— Чѣмъ я васъ буду угощать, Анѳиса Егоровна?—спрашивалъ онъ.—Живу старымъ вдовцомъ и совсѣмъ мохомъ обросъ...

Послѣ обѣда Анѳиса Егоровна ушла въ кабинетъ къ Петру Елисѣичу, и здѣсь между ними произошелъ какой-то таинственный разговоръ вполголоса. Нюрочкѣ было велѣно уйти въ свою комнату. О чемъ они говорили тамъ и почему ей нельзя было слушать?—удивлялась Нюрочка. Вообще, поведеніе гостьи имѣло какой-то таинственный характеръ, начинавшій пугать Нюрочку. По смущеннымъ лицамъ прислуги дѣвочка замѣтила, что у нихъ въ домѣ вообще что-то неладно, не такъ, какъ прежде.

Послѣ этой таинственной бесѣды Анѳиса Егоровна велѣла Нюрочкѣ одѣваться.

— Въ гости поѣдемъ,—объявила она съ строгою ласковостью.

Кучеръ Семка отвезъ ихъ въ Кержацкій конецъ, въ избушку Таисьи. Получерничка всполошилась и не знала, куда усадить дорогихъ гостей и чѣмъ ихъ угостить. Анѳиса Егоровна держала себя съ приличною важностью, а Нюрочкѣ показалось ужасно скучно, когда гостья и хозяйка заговорили между собой вполголоса и Анѳиса Егоровна опять качала головой, а Таисья поглядывала на Нюрочку своими печальными глазами съ скрытою любовью. Нюрочка поняла только, что они все время говорили про какую-то Аграфену, а потомъ еще про какую-то женщину, которую слѣдовало непремѣнно выгнать изъ дому. Должно-быть, это была очень нехорошая женщина, если и Анѳиса Егоровна и Таисья говорили о ней съ такою злобой.

— Хоть бы ты, Таисьюшка, когда заглянула,—пеняла Анѳиса Егоровна.—Все же женскій глазъ, а то смотрѣть-то тошнехонько.—И *та* постыдилась бы чужого-то человѣка... Величка ли дѣвочка, а тутъ... охъ, и говорить-то такъ нехорошо!..

Нюрочка чуть не заснула отъ этихъ непонятныхъ разговоровъ и была рада, когда онѣ поѣхали наконецъ домой. Дорогой Анѳиса Егоровна крѣпко обняла Нюрочку и ласково поцѣловала.

— Ахъ ты, моя дѣвочка, дѣвочка...—шептала она со слезами на глазахъ.

Ужинъ прошелъ очень скучно. Петръ Елисѣичъ больше молчалъ и старался не смотрѣть на гостью. Она осталась ночевать и расположилась въ комнатѣ Нюрочки. Катря и Домнушка принесли ей кровать изъ бывшей ком-

наты Сидора Карпыча. Передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, Аѳиса Егоровна подробно осмотрѣла всѣ комоды и даже пересчитала Нюрочкино бѣлье.

— А молиться ты умѣешь?—спросила она, надѣвая кофту.

Нюрочка попалась. Молиться ее училъ только о. Сергѣй, а отецъ не обращалъ на это никакого вниманія.

— Ну-ка, сложи крестъ,—заставляла Аѳиса Егоровна.—Нѣтъ, не ладно, милая: это не нашъ крестъ... Нужно молиться большимъ крестомъ, вотъ такъ.

Аѳиса Егоровна сложила Нюрочкины пальчики въ двуперстіе и заставила молиться вмѣстѣ съ собой, отбивая поклоны по лѣстовкѣ, которую называла „Христовою лѣсенкой“. Потомъ она сама уложила Нюрочку, посидѣла у ней на кроваткѣ, перекрестила на ночь нѣсколько разъ и велѣла спать. Нюрочкѣ вдругъ сдѣлалось какъ-то особенно тепло, и она подумала о своей матери, которую помнила какъ во снѣ.

— Ты спи, а я посижу около тебя...—шептала Аѳиса Егоровна, лаская тонкое дѣтское тѣльце своею мягкою женскою рукой.—Закрой глазки и спи.

Когда утромъ Нюрочка проснулась, Аѳисы Егоровны уже не было—она уѣхала въ Самосадку такъ же незамѣтно, какъ пріѣхала, точно тѣнь, оставивъ послѣ себя неиспытанное еще Нюрочкой тепло. Нюрочка вдругъ полюбила эту Аѳису Егоровну, и ей страшно захотѣлось броситься ей на шею, обнимать ее и цѣловать.

Катря была переведена въ сарайную, а Сидоръ Карпычъ опять поселился въ своей комнатѣ рядомъ съ Нюрочкой. Тишка приходилъ нѣсколько разъ въ кабинетъ къ Петру Елисѣичу и получалъ головомойку: Петръ Елисѣичъ усовѣщевалъ его, кричалъ и даже топалъ ногами.

IX.

У Петра Елисѣича дѣла было по горло. Дѣятельность завода переживала переходное время. Отъ дарового крѣпостного труда нужно было перейти къ платному, а сообразно съ этимъ требовались нововведенія, измѣненія и вообще крупныя реформы всего производства. Время шло, а пока еще въ этомъ направленіи ничего не было извѣстно. Опять тормозила петербургская контора, потому что весь вопросъ сводился на деньги; заводовладѣльцы привыкли только получать съ заводовъ милліонныя прибыли и рѣшительно ничего не вкладывали въ дѣло отъ себя. Не существовало даже оборотнаго капитала для заводскихъ операцій, а о запасномъ не было и помину. Конечно, такъ нельзя было итти дальше, что̀ понималъ даже Лука Назарычъ. Старикъ сердился на Мухина за его выходку на Мѣдномъ рудникѣ, но смирилъ себя и обратился къ нему съ заказомъ составить докладную записку по поводу необходимыхъ реформъ заводскаго дѣла, сообразно съ требованіями и условіями новаго положенія. Изъ крѣпостныхъ управителей Мухинъ являлся единственнымъ человѣкомъ, на котораго возможно было возложить такое порученіе. Петръ Елисѣичъ былъ радъ этой работѣ и съ головой зарылся въ заводскія книги, чтобы представить полную картину заводскаго хозяйства, а потомъ тѣ реформы, какія необходимо было сдѣлать въ виду измѣнившихся условій. Вотъ когда пригодились хоть отчасти тѣ знанія, которыя были пріобрѣтены Мухинымъ за границей, хотя за сорокъ лѣтъ много воды утекло, и заводская крупная промышленность за это время успѣла шагнуть далеко. Вся Европа успѣла перестроиться изъ конца въ конецъ, а желѣзныя дороги покрыли ее живою сѣтью. Перемѣстились нѣкоторые бойкіе промышленные центры, выдвинулись далеко впередъ новыя отрасли труда и создались не существовавшіе

сношенія, обороты и грандіозныя предпріятія, о какихъ не смѣли мечтать даже самые смѣлые умы. Тамъ широкою волной катилась настоящая жизнь, о которой Петръ Елисѣичъ зналъ только изъ газетъ и по книгамъ. На этомъ чужомъ фонѣ собственное крѣпостное убожество выступало съ особенною яркостью, и если когда можно было его исправить, то именно теперь. Петръ Елисѣичъ всею душой вѣрилъ въ это открывавшееся будущее, для котораго стоило поработать.

Надъ своею работой онъ просидѣлъ всѣ праздники и успокоился только тогда, когда объемистая рукопись отправлена была наконецъ въ Мурмосъ. За этимъ дѣломъ Петръ Елисѣичъ совсѣмъ забылъ окружающихъ и даже о томъ, что въ послѣднее время отравляло ему жизнь. Кончивъ работу, онъ, къ удивленію, пережилъ тяжелое настроеніе: не съ кѣмъ было подѣлиться своими мыслями. Нюрочка была еще мала, а свои заводскіе служащіе изъ крѣпостныхъ не поняли бы его. Это сознаніе своего одиночества проснулось съ новою силой. Оставался Груздевъ, съ которымъ Петра Елисѣича связывало землячество, но и тотъ показывался въ Ключевскомъ заводѣ рѣдко и вѣчно торопился по своимъ безконечнымъ дѣламъ. Петру Елисѣичу казалось, что какъ будто старый другъ избѣгалъ его. Онъ кстати припоминалъ таинственный визитъ Аѳоисы Егоровны и только морщился отъ внутренней душевной боли. Въ сущности, онъ очень любилъ эту простую и добрую женщину, но зачѣмъ она вмѣшивается въ чужія дѣла? Какъ казалось Петру Елисѣичу, именно со времени этого визита Нюрочка измѣнилась въ отношеніяхъ къ нему и время отъ времени такъ пытливо смотритъ на него, точно не рѣшается спросить что-то. Между отцомъ и дочерью легла первая житейская тѣнь.

Груздевъ пріѣхалъ передъ масленицей и остановился въ господскомъ домѣ. Петръ Елисѣичъ обрадовался ему, какъ дорогому гостю, потому что могъ съ нимъ отвести душу. Онъ вытащилъ черновыя посланнаго проекта и торопливо принялся объяснять суть дѣла, приводя выдержки изъ посланной рукописи. Груздевъ слушалъ его со вниманіемъ заинтересованнаго человѣка.

— Вѣдь все правда, да?—спрашивалъ Петръ Елисѣичъ, размахивая черновой.—Вотъ когда привелось сказать имъ все... Меня безпокоитъ только одно. Конечно, въ прежнемъ видѣ дѣло оставаться не можетъ, но введеніе реформъ на заграничный манеръ связано съ нѣкоторыми практическими неудобствами. Напримѣръ, я проектирую печь Сименса. Прекрасная вещь сама по себѣ, потому что не потребуется практикующейся нынче сушки дровъ, а потомъ и дровъ потребуется вдвое меньше, потому что въ дѣло пойдетъ и хворостъ, и щепы, и разный хламъ. Теперь мы тратимъ около 15 тысячъ кубическихъ саженъ дровъ, а тогда потребуется всего 5 тысячъ. Теперь съ сушкой дрова намъ обходятся около 8 р. сажень, а тогда будетъ стоить сажень сырыхъ дровъ всего 4 рубля. Вѣдь отлично, потому что получается громадное сбереженіе. А между тѣмъ выходитъ такая штука: 150 дроворубовъ при 200 лошадяхъ останутся безъ дѣла, да около 60 человѣкъ поденщицъ-дровосушекъ. Онѣ, эти дровосушки, вышли на работу послѣ воли первыми, и первыми же должны остаться безъ работы. У меня это просто на совѣсти. И такъ въ каждой статьѣ. Чтобы не сдѣлать такой переходъ слишкомъ рѣзкимъ, необходимо расширить производство и ввести новыя работы, какъ, напримѣръ, добываніе торфа. Но когда еще и что будетъ, а придется начать съ сокращенія старыхъ работъ. Меня эта мысль просто убиваетъ. Положимъ, въ Европѣ давно все машина дѣлаетъ, а мы еще должны переживать этотъ болѣзненный переходъ отъ ручного труда къ машинному производству. Другой примѣръ: кричное производство... Вѣдь это наша слава и гордость, кричное

полосовое желѣзо лучше прокатаннаго въ машинѣ, а между тѣмъ мы должны его закрыть, какъ невыгодную статью. Лучшіе мастера останутся безъ дѣла...

— Что̀ будешь дѣлать... — вздыхалъ Груздевъ. — Чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе жить становится, а какъ будутъ жить наши дѣти—страшно подумать. Кстати, вотъ что̀... Проектъ-то у тебя написанъ и бойко и основательно, все на своемъ мѣстѣ, а только напрасно ты не показалъ мнѣ его раньше.

— А что̀?

— Неладно маленько, Петръ Елисѣичъ... Ты ужъ меня извини, а я тебѣ пряменько скажу: неладно. Видишь, какая штука выходитъ: старое-то дѣло ты все охаялъ... такъ? Все неладно выходитъ по-твоему, такъ?

— Конечно... Можно сказать больше: одно безобразіе у насъ было. Но вѣдь я говорю о крѣпостномъ времени.

— Такъ-то оно такъ, а кто твой проектъ читать будетъ? Лука Назарычъ... Крѣпостное право изничтожили, это ты правильно говоришь, а Лука Назарычъ остался... Старухи такъ говорятъ: щука-то умерла, а зубы остались... Смотри, какъ бы тебѣ благодарность изъ Мурмоса кожей наоборотъ не вышла. Одинъ Овсянниковъ чего сто̀итъ... Они попрежнему гнутъ, чтобы вольнаго-то мужика въ оглобли завести, а ты дровосушекъ да кричныхъ мастеровъ здѣсь жалѣешь. А главная причина: Лука Назарычъ обидится.

— А вѣдь ты вѣрно говоришь,—согласился обезкураженный Петръ Елисѣичъ.—Какъ это мнѣ самому-то въ голову не пришло? А впрочемъ, пусть ихъ думаютъ, что̀ хотятъ... Я сказалъ только то, что̀ долженъ былъ сказать. Всю жизнь я молчалъ, Самойло Евтихычъ, а тутъ прорвало... Ну, да теперь ужъ нечего толковать: дѣло сдѣлано. И я не жалѣю.

Въ свою очередь Груздевъ пріѣхалъ тоже потолковать о своихъ дѣлахъ. По раскольничьей привычкѣ, онъ откладывалъ настоящій разговоръ вплоть до ночи и разговорился только послѣ ужина, когда Нюрочка ушла спать, а они остались за столомъ съ глазу на глазъ.

— Надумалъ я одну штуку, Петръ Елисѣичъ,—нерѣшительно заговорилъ Груздевъ, поглядывая на хозяина сбоку.—Надумалъ, да и страшно какъ-то...

— Именно?

— Думаю переѣхать на житье въ Мурмосъ.

— А какъ же Самосадка?

— Вотъ я то же самое думаю и ничего придумать не могу. Конечно, въ крѣпостное время можно было и сидя въ Самосадкѣ орудовать... А вотъ теперь почитай и дома не бываю, а все въ разъѣздахъ. Ужъ это какая же жизнь... А какъ подумаю, что придется уѣзжать изъ Самосадки, такъ даже ото̀ронь возьметъ. Не то что жаль насиженнаго мѣста, а такъ... какой-то страхъ.

— Ну, это ужъ вздоръ, Самойло Евтихычъ,—улыбнулся Мухинъ.—Какъ-то даже странно слышать отъ взрослаго человѣка такія дѣтскія вещи... Пристанскихъ старухъ поменьше слушай.

— Да вѣдь самъ-то развѣ не понимаю, Петръ Елисѣичъ? Тоже, слава Богу, достаточно видали всякихъ людей и свою темноту видимъ... А какъ подумаю, точно сердце оборвется. Ночью просыпаюсь и все думаю... Развѣ я первый переѣзжаю съ одного мѣста на другое, а вотъ поди же ты... Стыдно разсказывать-то!

— Сдѣлай такъ: домъ на Самосадкѣ не продавай... Все-таки, въ случаѣ чего, гнѣздо останется.

— Это ты вѣрно...—разсѣянно соглашался Груздевъ.—Дѣлами-то своими я ужъ очень раскидался: и кабаки, и лавки съ краснымъ товаромъ, и караванъ, и торговля хлѣбомъ. Однихъ приказчиковъ да цѣловальниковъ больше

двадцати человѣкъ, а за каждымъ нуженъ глазъ... Наше дѣло тоже аховое: не кормя, не поя, ворога не наживешь.

— Мой совѣтъ: переѣзжать. Въ Мурмосѣ будешь жить—до всего близко... Тогда и кабаки можешь бросить. Не люблю я этого дѣла, Самойло Евтихычъ.

— А кто его любитъ? Самое поганое дѣло... Цѣловальники, и тѣ всѣ разбѣжались бы, если бы ихняя воля. А только дѣло вѣрное, поэтому за него и держимся... Ты думаешь, я много на караванѣ заводскомъ наживу? Иной годъ и изъ кармана уплывешь, а кабаками и раскроюсь. Ежели Богъ пошлетъ счастки въ Мурмосѣ, тогда и кабаки по боку... Тоже выходитъ причина, чтобы не оставаться на Самосадкѣ. Куда ни кинь, вездѣ выходитъ, что уѣзжать.

Груздевъ сидѣлъ у стола, какъ-то по-старчески опустивъ голову. Его бородатое бойкое лицо было теперь грустно, точно онъ предчувствовалъ какую-то неминучую бѣду. Впрочемъ, подъ вліяніемъ лишней рюмки на него накатывался иногда такой „стихъ“, и Петру Елисѣичу показалось, что благопріятель именно выпилъ лишнее. Ему и самому было не легко.

— Знаешь, что я тебѣ скажу, — проговорилъ Петръ Елисѣичъ послѣ длинной паузы: — состарились мы съ тобой, старина... Вотъ и пошли ахи да страхи. Жить не жили, а состарились.

— Вѣрно, родимый мой!—точно обрадовался Груздевъ, что причина его недовольства накопецъ нашлась. — Сѣдой волосъ пробивается, а ровно все еще только собираешься жить.

Ночевалъ Груздевъ въ сарайной вмѣстѣ со своимъ обережнымъ Матюшкой, который днемъ ходилъ въ Кержацкій конецъ провѣдывать брательниковъ.

— Куда они Аграфену-то дѣвали?—спрашивалъ Груздевъ сонным голосомъ, уже лежа въ постели. — Охъ-хо-хо... А дѣвка-то какая была: ломтями рѣжь да ѣшь.

— А кто ее знаетъ, куды она провалилась, — неохотно отвѣчалъ Матюшка, почесывая затылокъ. — Куды больше, какъ не въ скиты... Улимонила ее эта Таисья, надо полагать.

Матюшка еще разъ почесалъ въ затылкѣ и прибавилъ, глядя по-медвѣжьи въ сторону:

— И что я тебѣ скажу, Самойло Евтихычъ... Мочеганка-то эта самая, вотъ которая при горницахъ у Петра Елисѣича... Петръ-то Елисѣичъ хоша и старичокъ, а полюбопытствовалъ...

— Молчи, дуракъ! Не наше дѣло.

— Будь онѣ прокляты, эти самыя дѣвки: кто ихъ и придумалъ...— ворчалъ Матюшка, укладываясь спать въ передней.

Матюшка думалъ крайне тяжело, точно камни ворочалъ, но зато разъ попавшая ему въ голову мысль такъ и оставалась въ Матюшкиномъ мозгу, какъ желѣзный клинъ. И теперь онъ лежалъ и все думалъ о мочеганкѣ Катрѣ, которая вышла сейчасъ на одну стать съ сестрой Аграфеной. Дуры эти дѣвки самыя...

Груздевъ, по обыкновенію, проснулся рано и вскочилъ, какъ встрепанный. Умывшись и положивъ началъ передъ дорожнымъ образкомъ, онъ не уѣхалъ, какъ обыкновенно, не простившись ни съ кѣмъ, а дождался, когда встанетъ Петръ Елисѣичъ. Онъ заявился къ нему уже въ дорожной оленьей дохѣ и такомъ же треухѣ и проговорилъ:

— Вотъ что, родимый мой... Забылъ тебѣ вечоръ-то сказать: на Мурмосѣ на тебя все сваливаютъ, — и что мочегане задумали переселяться, и что ко-

торые кержаки насчетъ земли начали поговаривать... Такъ ужъ ты тово, родимый мой... береженаго Богъ бережетъ. Имъ бы только свалить на кого-нибудь.

Петръ Елисѣичъ только сейчасъ понялъ, зачѣмъ оставался Груздевъ: именно, ему нужно было предупредить его, и онъ сдѣлалъ это въ самую послѣднюю минуту, какъ настоящій закоснѣлый самосадскій кержакъ.

Когда Груздевъ уже садился въ свою коневую, къ нему подбѣжала какая-то женщина и комомъ повалилась въ ноги.

— Что тебѣ нужно, милая?—спрашивалъ Груздевъ, сморщивъ брови.

— Самойло Евтихычъ, возьми ты себѣ парнишечка,—голосила какая-то дѣвка со слезами на глазахъ.—Бѣднота одолѣла.

— Сколько ему лѣтъ?

— Одиннадцать въ Петровки будетъ.

— Ладно,—коротко отвѣтилъ Груздевъ, сѣлъ въ кошевую и крикнулъ:—Трогай!

Голосившая дѣвка была Наташка. Ее подучила, какъ все сдѣлать, сердобольная Домнушка, бѣгавшая провѣдывать лежавшаго въ лазаретѣ Тараску.

— Ну, слава Богу! — говорила она Наташкѣ.—Сказалъ одно слово Самойло Евтихычъ, и будетъ твой Тараска счастливъ на всю жизнь. Пошли ему, Господи, хоть онъ и кержакъ. Не любитъ онъ отказывать, когда его вотъ такъ поперекъ дороги попросятъ.

X.

Разногласіе ходоковъ и споры по этому поводу задержали переселеніе мочеганъ, по крайней мѣрѣ, мѣсяца на два. Дѣло быстро двинулось впередъ благодаря совершенно случайному обстоятельству. Главное заводское управленіе въ Мурмосѣ давно косилось на поднятую ключевскими мочеганами смуту, но открытыхъ мѣръ противъ этого движенія пока не принимало никакихъ, ограничиваясь конфиденціальными справками и частными слухами. Но вскорѣ послѣ Святокъ въ Ключевской заводъ пріѣхалъ горный исправникъ Иванъ Семенычъ съ секретнымъ порученіемъ остановить движеніе. Предостереженіе Груздева оправдалось: въ Мурмосѣ не довѣряли Петру Елисѣичу.

— Что тутъ у васъ дѣлается, душа моя? — спрашивалъ Иванъ Семенычъ, какъ только вошелъ въ кабинетъ къ Петру Елисѣичу.—Бунтъ...

— Пока ничего особеннаго, Иванъ Семенычъ, а о бунтѣ не слыхалъ. Просто туляки затѣяли переселяться въ Оренбургскую губернію, о чемъ я уже писалъ въ свое время главному заводоуправленію. По моему мнѣнію, явленіе вполнѣ естественное. Вѣдь они были пригнаны сюда насильно, какъ и хохлы.

— Знаю, знаю, душа моя, а все-таки должны быть коноводы.., Впрочемъ, я долженъ тебя предупредить, ангелъ мой, что я знаю рѣшительно все. Да-съ... Вотъ мы этихъ смутьяновъ и пощупаемъ... хе-хе!

— Если вы все знаете, такъ вамъ же лучше, — сухо отвѣтилъ Петръ Елисѣичъ.

Въ господскій домъ для увѣщанія въ тотъ же день были вызваны оба ходока и волостные старички. Съ небольшими измѣненіями повторилась приблизительно та же сцена, какъ и тогда, когда ходоковъ приводили „судиться къ приказчику“. Каждый повторялъ свое и каждый стоялъ на своемъ. Особенно въ этомъ случаѣ выдвинулся упрямый Титъ Горбатый.

— Значитъ, о переселеніи ты думалъ еще раньше, душа моя?—допрашивалъ его Иванъ Семенычъ.

— А кто его знаетъ, ваше высокоблагородіе... Можетъ, и раньше думали, — напрасно старался припомнить Титъ. — Конечно, этово-тово, думали, а настоящій разговоръ пошелъ будто съ весны...

— А со стороны никто не подбивалъ васъ? Можетъ-быть, письма были... ну, странники тамъ, старушонки разныя?

— Нѣтъ, не упомню, ваше высокоблагородіе... Такъ, значитъ, этово-тово, промежду себя толковали.

— Вотъ у тебя домъ, старикъ, все хозяйство, и вдругъ надо будетъ все разорить. Подумалъ ты объ этомъ? Самъ разоришься и другихъ до сумы доведешь... Отъ добра добра не ищутъ.

— Это ты вѣрно... Конечно, какъ не жаль добра: тоже горбомъ, этово-тово, добро-то нажизали. А только намъ не способно оставаться-то здѣсь... все куплять... Тамъ, въ ордѣ, сторона вольная, земли сколько хошь... Опять и то сказать, что пригнали насъ сюда безо всего, да, слава Богу, вотъ живы остались. Богъ дастъ, и тамъ управимся.

Это очевидное упрямство старика и какая-то тупость отвѣтовъ навели Ивана Семеныча на мысль, что за нимъ стоитъ кто-нибудь другой, болѣе ловкій. Въ числѣ увѣщеваемыхъ старичковъ больше другихъ галдѣлъ Дѣянъ Поперешный, и проницательное око Иванъ Семеныча остановилось на немъ.

— Да это совсѣмъ пустой мужикъ,—объяснялъ Петръ Елисѣичъ, когда исправникъ высказалъ ему свои подозрѣнія.—Гдѣ шумъ, тамъ и Дѣянъ... И кличка у него по шерсти: Поперешный.

Иванъ Семенычъ бился со стариками цѣлыхъ два дня и ничего не могъ добиться. Даже былъ приглашенъ къ содѣйствію о. Сергѣй, увѣщанія и совѣты котораго тоже не повели ни къ чему. Истощивъ весь запасъ своей административной энергіи, Иванъ Семенычъ махнулъ рукой на все.

— А ну ихъ къ чорту, этихъ мочеганъ!.. Мнѣ бы только полтора года до пенсіи дослужить, а тамъ хоть трава не расти...

Этотъ эпизодъ разрѣшилъ всѣ сомнѣнія. Дѣло было яснѣе дня. Даже самые нерѣшительные присоединились теперь къ общему теченію. Это былъ захватывающій моментъ, и какая-то стихійная сила толкала впередъ людей самыхъ неподвижныхъ, точно въ половодье, когда выступившая изъ береговъ вода выворачиваетъ деревья съ корнемъ и уноситъ тяжелые камни. Не могли увлекаться этимъ общимъ движеніемъ только тѣ, кто не могъ уѣхать по бѣдности или слабости, какъ увѣчные, старики, бобылки. Волненіе захватило даже фабрику. Заговорили кержаки, поддаваясь общему настроенію, и по корпусамъ шли не менѣе оживленные разговоры, чѣмъ въ кабакѣ Рачителихи или у волости.

— Дураки вы всѣ!—ругался Никитичъ, перебѣгая изъ корпуса въ корпусъ, какъ угорѣлый.—Вѣрно говорю, родимые мои: дураки... Вѣдь зря только языками мелете. Пусть мочеганы сами сперва поѣдятъ своего-то хлѣба... Пусть!..

— Ишь, судорога!—удивлялись рабочіе, глядя, какъ Никитичъ убивается надъ чужими дѣлами.—Съ исправникомъ снюхался да съ приказчикомъ...

До сихъ поръ ни на фабрикѣ ни въ кабакѣ, нигдѣ не поднималось разговоровъ о тѣхъ жестокостяхъ, которыя продѣлывались еще недавно на заводахъ, а теперь все это всплыло, какъ масло на водѣ. Припомнились всѣ неистовства стараго Палача, суровыя наказанія самого Луки Назарыча и другихъ управляющихъ, изъ-за этихъ воспоминаній поднялась кровавая память дѣда нынѣшняго заводовладѣльца, старика Устюжанинова, который на-смерть заколачивалъ людей у себя на глазахъ. Пашлись старики, которые хорошо

помнили и шпицрутены, и устюжаниновскіе кнутья, которыми нещадно били всякую живую заводскую душу. Мало ли по заводамъ у огненной работы бывало всякаго звѣрства... Ключевской заводъ подъ мягкимъ управленіемъ Мухина успѣлъ забыть многое, а о старыхъ жестокостяхъ напоминали только крѣпостные разбойники да дураки, какъ жертвы своего времени. Даже неугомонный Никитичъ замолкъ, когда поднялись эти разговоры, и скрылся къ себѣ подъ домну. Мочегане, пожалуй, и не застали того, что̀ пережилъ Кержацкій конецъ: имъ достались только крѣпостные цвѣточки.

Туляцкому и Хохлацкому концамъ было не до этихъ разговоровъ, потому что всѣ жили въ настоящемъ. Наѣздъ исправника рѣшилъ все дѣло: надо уѣзжать. Первый примѣръ подалъ и здѣсь Дѣянъ Поперешный. Пока другіе говорили да сбирались потихоньку у себя дома, онъ взялъ да и продалъ свой покосъ на Сойгѣ, самый лучшій покосъ во всемъ Туляцкомъ концѣ. Покупателемъ явился Никитичъ. Сдѣлка состоялась, конечно, въ кабакѣ, и „руки розняла“ сама Рачителиха.

— Мнѣ что̀ покосъ! — кричалъ Дѣянъ. — Не съ собой везти... Владай, Никитичъ, твои счастки. Вотъ я каковъ человѣкъ есть...

Это послужило точно сигналомъ, и туляцкое добро полетѣло: продавали покосы, избы, скотину. Изъ кержаковъ купили избы въ Туляцкомъ концѣ старикъ Основа и брательникъ-третьякъ Гущинъ, а потомъ накинулись хохлы. Туляцкая стройка была крѣпкая, а свои избы у хохловъ были поставлены кое-какъ.

— Пусть хохлы поживутъ въ хорошихъ-то избахъ да насъ добромъ поминаютъ,—говорилъ Дѣянъ.

Нажитое годами добро шло за полцѣны, да и на него покупателей не находилось. Половина избъ оставалась безъ хозяевъ. Бойкая Рачителиха купила за двадцать рублей двѣ избы,—въ одну помѣстила свою мать, старуху Акулину, а въ другую пустила жить мать Окулка съ Наташкой. Всѣхъ переселенцевъ насчитывали за сто дворовъ, а изъ нихъ девяносто въ Туляцкомъ концѣ. Мужики продавали избы и покосы, а бабы зорили разный домашній скарбъ и продавали скотину. Хохлы прохарчились на избы, а остальное туляцкое добро ушло въ Кержацкій конецъ. Домовитыя кержанки особенно рвали скотину, которая въ общей сутолокѣ точно сбѣсилась, особенно коровы. Тулянки своими руками должны были уводить ревѣвшихъ и упиравшихся коровъ въ Кержацкій конецъ. Отъ этой картины общаго разгрома дрогнуло сердце даже у Тита Горбатаго, и у него въ головѣ зашевелилась мысль, ужъ ладно ли дѣло затѣялось. Собственно горбатовскій дворъ со всѣмъ горбатовскимъ добромъ уцѣлѣлъ, за исключеніемъ разной куренной снасти, проданной въ Кержацкій конецъ. Макаръ заплатилъ отцу „выходъ“, а то, за что не было заплачено, пошло въ часть отсутствовавшаго солдата Артема. Упрямый Титъ былъ радъ, что Макаръ остается: горбатовскій дворъ не будетъ пустовать. Основа ужъ прицѣнивался къ нему, но отъѣхалъ ни съ чѣмъ.

Зимній мясоѣдъ прошелъ въ этихъ сборахъ незамѣтно. Въ это время обыкновенно въ Туляцкомъ концѣ „играли свадьбы“, а нынче только Чеботаревы выдали одну дочь, да и то все дѣло свертѣли на скорую руку, такъ что свадьба походила на пожаръ. Не до свадебъ, когда деньги всѣмъ нужны: переселенцамъ на далекую дорогу, а оставшіеся дома издержались на покупку. Молодые хоть и отмалчивались, но невольно поддавались общему увлеченію. Старики и старухи командовали вполнѣ. Притихли даже тѣ, которые кричали раньше противъ переселенія. Не такое было время, чтобы разговоры разговаривать.

Самое тяжелое положеніе получалось тамъ, гдѣ семьи дѣлились: или выданныя замужъ дочери уѣзжали въ орду, или уѣзжали семьи, а дочери оставались. Такъ было у стараго Коваля, гдѣ сноха Лукерья подняла настоящій бунтъ. Семья, изъ которой она выходила замужъ, уѣзжала, и Лукерья забунтовала. Сначала она все молчала и только плакала потихоньку, а потомъ поднялась на дыбы, „якъ вѣдмедица“.

— Лежебоки проклятые, эти хохлы,—ругалась Лукерья со своею свекровью Ганной.—Только бы имъ вино трескать... Небось, испугались орды, потому какъ тамъ работы всѣмъ будетъ.

— Ото цокотуха!—удивлялась Ганна.—Видкиль ущемилась наша баба!.. Зовсімъ сказылась *)!

— И хохлушки такія же.—не унималась Лукерья.

Ганна даже поплакала тихонько отъ взбѣсившейся снохи и пожаловалась старому Ковалю.

— Хиба жъ я не твоя жинка, Дорохъ?

— Эге!—отвѣтилъ Коваль.—А це що таке?.. То я жъ ее, вѣдмедицу, за ухи скубти буду... Геть, лядаща! Чего вона мордуе?.. Побачимо, що зъ того выйде?..

Дѣйствительно, когда вся семья была въ сборѣ, старый Коваль подтянулся и строго сказалъ Лукерьѣ:

— Эй, ты, голова зъ ухами... А доки ты будешъ тутъ гвалтувати, прапцеватая? Отто гадюка... Терехъ, починляй жинку!

Терешка-казакъ только посмотрѣлъ на отца,—дескать, попробуй-ка самъ зацѣпить проклятую бабу. Чтобы напустить „страховину“, Коваль схватился даже за свою черемуховую палку, какъ это дѣлалъ сватъ Титъ. Впрочемъ, Лукерья его предупредила. Она такъ завопила, какъ хохлы и не слыхивали, а потомъ выхватила палку у старика и принялась ею колотить мужа.

— Эге! Отто чортова баба!—заоралъ Коваль.—Та я жъ тебя вывертаю, якъ козу къ празднику.

Коваль даже засучилъ рукава, чтобы поучить вѣдмедицу, но въ тотъ же моментъ очутился сначала во дворѣ, а потомъ на улицѣ. „Щось таке було?“—удивился старикъ вслухъ. Когда за нимъ громко захлопнулись ворота, Коваль посмотрѣлъ на стоявшаго рядомъ сына Терешку, улыбнулся и проговорилъ:

— Терешка, это ты?

— Я, тату.

— Эге!.. А ты не говори, що тебе жинка колотила... Больно дереться, проклятуща.

По безмолвному соглашенію Ковали отправились прямо къ Рачителихѣ.

— Першъ усего выпьемъ чарочку за нинкарочку,—балагурилъ у кабацкой стойки старый Коваль, какъ ни въ чемъ не бывало.—Ну, Дуня, давай намъ трохи горилки, щобъ вороги мовчали и сусиди не знали... Такъ я говорю, Терешка? Отто вѣдмедица!.. отто проклятуща!.

XI.

На фабрикѣ работа шла своимъ чередомъ. Попрежнему дымились трубы, попрежнему доменная печь выкидывала по ночамъ огненные снопы и тучи искръ, попрежнему на плотинѣ въ караулкѣ сидѣлъ старый коморникъ Слѣпень и отдавалъ часы. Впрочемъ, онъ теперь не звонилъ въ свой колоколъ

*) Сказыться—сойти съ ума.

на поденщину или съ поденщины, а за него четыре раза въ день гудѣлъ свистокъ паровой машины.

— Этакое хайло чортово, подумаешь!—ругался каждый разъ Слѣпень, когда раздавался этотъ свистокъ.—Не къ добру онъ воетъ.

У старика, цѣлую жизнь просидѣвшаго въ караулкѣ, родилась какая-то ненависть вотъ именно къ этому свистку. Ну, чего онъ воетъ, какъ собака? Разъ, когда Слѣпень сладко дремалъ въ своей караулкѣ, натопленной, какъ баня, расщелявшаяся деревянная дверь отворилась и, нагнувшись, въ нее вошелъ Мòрокъ. Единственный заводскій воръ никогда и глазъ не показывалъ на фабрику, а тутъ самъ пришелъ.

— Здравствуй, дѣдушка.

— Здравствуй и ты.

— Пустишь, что ли, на фабрику-то?

— А ступай... Назадъ пойдешь—обыщу. Ужъ такой у насъ порядокъ.

— Ну, чортъ съ тобой, обыскивай хоть сейчасъ. Я и самъ-то у себя ничего не найду...

— Да чего тебѣ на фабрикѣ-то понадобилось, Мòрокъ?

— Мнѣ? А у меня, дѣдушка, важнѣющее дѣло... Ну, такъ я пойду.

— Ахъ, ты, хрѣнъ тебѣ въ голову, что̀ придумалъ!—удивлялся Слѣпень, когда широкая спина Мòрока полѣзла обратно въ дверь.

Мòрокъ уже наполовину вылѣзъ, какъ загудѣлъ свистокъ. Онъ точно завязъ въ двери и выругался. Экъ, взвыла собака на свою голову... Плюнувъ, Мòрокъ влѣзъ обратно въ караулку. Это разсмѣшило даже Слѣпня, который улыбнулся, кажется, первый разъ въ жизни: этакій большой мужикъ, а свистка испугался.

— Что̀, не любишь *его?* —спросилъ Слѣпень послѣ нѣкоторой паузы, протягивая Мòроку берестяную табакерку.

— Свистокъ-то? А я тебѣ вотъ что̀ скажу: лежу я это утромъ, а какъ *онъ* загудитъ—и шабашъ. Соскочу и не могу больше спать, хоть зарѣжь. Жилы онъ изъ меня тянетъ. Такъ бы вотъ, кажется, горло ему перервалъ...

— Самая подлая машинка,—согласился Слѣпень, дѣлая ожесточенную понюшку.

Старый Слѣпень походилъ на жука: маленькій, черный, сморщенный. Онъ и зиму и лѣто ходилъ безъ шапки. Въ караулъ онъ попалъ еще молодымъ, потому что былъ немного тронутый человѣкъ и ни на какую другую работу не годился. По заводу онъ славился тѣмъ, что умѣлъ заговаривать кровь и зимой послѣ бани купался въ проруби. Теперь рядомъ съ громадною фигурой Мòрока онъ походилъ совсѣмъ на ребенка и какъ-то совсѣмъ по-ребячьи смотрѣлъ на могучія плечи Мòрока, на его широкое лицо, большую бороду и громадныя руки. А Мòрокъ сидѣлъ и что-то думалъ.

— Пропащее это дѣло, ваша фабрика,—проговорилъ наконецъ Мòрокъ, сплевывая на горѣвшій въ печкѣ огонь. Слѣпень постоянно день и ночь палилъ даровыя заводскія дрова.—Чорту вы всѣ-то работаете...

— Самъ-то ты чортъ деревянный!..

— Самъ-то я? — повторилъ какъ эхо Мòрокъ, посмотрѣлъ любовно на Слѣпня и засмѣялся.—Мнѣ плевать на васъ на всѣхъ... Вотъ какой я самъ-то! Ты вотъ, какъ цѣпная собака, сидишь въ своей караулкѣ, а я на полной своей волѣ гуляю. Ничего, сытъ...

— Сытъ, такъ и убирайся, откуда пришелъ.

— И уйду.

Мòрокъ нахлобучилъ шапку и вышелъ. Онъ осторожно спустился на

деревянной лѣстницѣ внизъ къ доменному корпусу, у котораго на скамеечкѣ сидѣли летухи и формовщики.

— Робя, гли, Мòрокъ!—раздались удивленные голоса. — Въ приказчики пришелъ напиматься.

— Чему обрадѣли, гàлманы! — огрызнулся Мòрокъ и зашагалъ дальше.

У Мòрока знакомыхъ была полна фабрика; одни его били, другихъ онъ самъ билъ. Но онъ не помнилъ ни своего ни чужого зла и добродушно раскланивался направо и налѣво. Между прочимъ, онъ посидѣлъ въ кричномъ корпусѣ и поговорилъ ни о чемъ съ Аѳонькой Тулякомъ, дальше по пути завернулъ къ кузнецамъ и заглянулъ въ новый корпусъ, гдѣ пыхтѣла паровая машина.

— Ишь, какого чорта нагородили!—проворчалъ онъ и побрелъ къ пудлинговымъ печамъ.

— Мòрокъ идетъ!.. Мòрокъ пришелъ! — кричали мальчишки-подсѣнщики, забѣгая впередъ.

Мòрокъ посидѣлъ съ пудлинговыми и тоже поговорилъ ни о чемъ, какъ съ кузнецами. Около него собиралась вездѣ цѣлая толпа, ждавшая съ нетерпѣніемъ, какое колѣно Мòрокъ отколетъ. Недаромъ же онъ пришелъ на фабрику,—не таковскій человѣкъ. Но Мòрокъ балагурилъ со всѣми—и только.

— Пришелъ поглядѣть, какъ вы около огня маетесь, — объяснилъ онъ, между прочимъ.—Дураки вы, вотъ что я вамъ скажу...

— Вотъ такъ отвѣсилъ... Ай да Мòрокъ!

— Конечно, дураки. Прежде-то одни мужики робили, ну, а потомъ бабъ повели на фабрику, а бабы ребятишекъ... Это какъ по-вашему? Богачество, небось, принесете домой... Эхъ, вы, гàлманы, право, гàлманы!

Показавшійся вдали Ястребокъ разогналъ толпу однимъ своимъ появленіемъ. Ястребокъ находился въ хорошемъ настроеніи и поэтому подошелъ прямо къ Мòроку.

— А, это ты...

— Я, Палъ Иванычъ... Поглядѣть пришелъ. Давно ужъ на фабрикѣ не бывалъ.

Слѣдовавшій за надзирателемъ, какъ тѣнь, дозорный Полуехтъ Самоварникъ впередъ искривилъ рожу, ожидая даровой потѣхи.

— Мòроку сорокъ одно съ кисточкой!—здоровался Самоварникъ.—Какъ живешь-можешь, родимый мой?

— Живемъ, пока мыши головы не отъѣли, да вашими молитвами, какъ соломенными шестами, подпираемся...

— Мы вѣдь съ тобой теперь сусѣди будемъ: изъ окна въ окно заживемъ...

— Ври да не подавись, мотри,—огрызнулся Мòрокъ, презрительно глядя на Самоварника.

— Вѣрно тебѣ говорю, родимый мой: избу насупротивъ тебя въ Туляцкомъ концѣ купилъ.

Ястребокъ даже потрепалъ Мòрока по плечу и замѣтилъ:

— Работать бы тебѣ у обжимочнаго молота съ Пимкой Соболевымъ...

— Угорѣлъ я немножко, Палъ Иванычъ, на вашей-то работѣ... Да и спина у меня тово... плохо гнется. У меня, какъ у волка, прямыя ребра.

Когда Ястребокъ отошелъ, Мòрокъ еще посидѣлъ съ рабочими и дождался, когда всѣ разошлись по своимъ дѣламъ. Онъ незамѣтно перешелъ изъ корпуса на дворъ и помѣстился на деревянной лавочкѣ у входа, гдѣ обыкновенно отдыхали послѣ смѣны рабочіе. Ихъ и теперь сидѣло человѣкъ

нять,—усталые, потные, изнуренные. Лица у всѣхъ были покрыты яркими красными пятнами, что̀ служило лучшею вывѣской тяжелой огненной работы. Нѣкоторые дремали, опустивъ головы и безсильно свѣсивъ руки съ напружившимися жилами, другіе безучастно смотрѣли куда-нибудь въ одну точку, какъ пришибленные. Имъ было не до Мо̀рока, и онъ могъ свободно наблюдать, что̀ дѣлается въ той части фабричнаго двора, гдѣ пестрѣла толпа дровосушекъ-поденницъ. Уставщикъ Корнила, конечно, былъ тамъ, вызывая градъ шутокъ и задорный смѣхъ. Первыми заводчицами этого веселья являлись, какъ всегда, отпѣтая Марька и солдатка Аннушка.

— Экъ ихъ розняло!—проворчалъ одинъ изъ рабочихъ, сидѣвшихъ рядомъ съ Мо̀рокомъ.—А пуще всѣхъ Марьку угибаетъ.

— Новенькія есть?—спросилъ Мо̀рокъ послѣ длинной паузы.

— Все тѣ же. Вонъ Аннушка привела третьева-дни сестру, такъ Корнила и льнетъ. Любопытный, песъ...

— Которую сестру-то?—равнодушно спросилъ Мо̀рокъ, сплевывая.

— Феклистой звать... Совсѣмъ молоденькая дѣвчонка. Эвонъ съ Форточкой стоитъ въ красномъ платкѣ...

— Какая Форточка?

— А Наташка, сестра Окулка... Раньше-то она больно крѣпилась, ну, а теперь съ машинистомъ... ну, и вышла Форточка.

Мо̀рокъ свернулъ изъ сѣрой бумаги „цыгарку“ и закурилъ.

Галдѣвшая у печей толпа поденницъ была занята своимъ дѣломъ. Одни носили сырыя дрова въ печь и складывали ихъ тамъ, другія разгружали изъ печей уже высохшія дрова. Работа кипѣла, и слышался только трескъ летѣвшихъ дождемъ полѣньевъ. Солдатка Аннушка работала вмѣстѣ съ сестрой Феклистой и Наташкой. Эта Феклиста была еще худенькая, не сложившаяся дѣвушка съ бойкими глазами. Она за нѣсколько дней работы исцарапала себѣ всѣ руки и едва двигалась: ломило спину и тѣло. Сырыя дрова были такія тяжелыя, точно камни.

— Чего стала?—кричала на нее Аннушка, когда нужно было подпимать носилки съ дровами.

— Поясница отнялась...—шопотомъ отвѣтила Феклиста.

— У, нѣженка!—ругалась Аннушка.—Ѣсть хлѣбъ, такъ умѣешь, а работать, такъ и поясница отнялась. Далась я вамъ одна каторжная!..

— Ну, понесемъ,—предлагала Наташка, привычнымъ жестомъ, легко и свободно поднимая носилки.—Погоди, привыкнетъ и Феклиста.

Аннушка сегодня злилась на всѣхъ, точно предчувствуя ожидавшую ее непріятность. Наташка старалась ее задобрить маленькими услугами, но Аннушка не хотѣла ничего замѣчать. Подвернувшійся подъ руку Корнила получилъ отъ нея такой градъ ругательствъ, что юркнулъ въ первую печь, какъ напрокудившій котъ.

— Ужо̀ вотъ старухѣ-то твоей скажу!—кричала ему вслѣдъ Аннушка.—Сѣдой волосъ прошибъ, а онъ за дѣвками увязался... Свои дочери невѣсты.

День сегодня тянулся безъ конца, и Кузьмичъ точно забылъ свой свистокъ. Аннушка уже нѣсколько разъ приставала къ Наташкѣ, чтобы та сбѣгала въ паровой корпусъ и попросила Кузьмича отдать свистокъ.

— Ступай сама,—огрызалась Наташка.

— Мнѣ туда не дорога,—ядовито отвѣтила Аннушка:—а тебѣ по пути.

Наконецъ загудѣлъ и свистокъ. Поденницы побросали работу и веселою гурьбой пошли къ выходу. Уставшая и разсерженная Аннушка плелась въ числѣ послѣднихъ, а на лѣстницѣ, по которой поднимались къ Слѣпню, и

совсѣмъ отстала. На обязанности Слѣпня было дѣлать осмотръ поденщицъ, и это всегда вызывало громкій хохотъ, визгъ и разныя шутки по адресу караульщика. Желѣзо воровали съ фабрики, какъ это было всѣмъ извѣстно, но виновныхъ не находилось. Слѣпень по очереди ощупывалъ каждую поденщицу и отпускалъ. Молодые рабочіе всегда поджидали на верхней площадкѣ этой церемоніи и громко хохотали надъ Слѣпнемъ. Теперь было какъ всегда. Когда поднялась Аннушка, толпа поденщицъ уже была обыскана и, раздѣлившись на двѣ партіи, съ говоромъ расходилась на плотинѣ,— кержанки шли въ свой Кержацкій конецъ, а мочегане въ Туляцкій и Хохлацкій. Слѣпень, проживши всю свою жизнь неженатымъ, чувствовалъ себя вечеромъ послѣ осмотра поденщицъ очень скверно и поэтому обругалъ запоздавшую Аннушку.

— Проходи, чортова кукла: безъ тебя тошно! — ворчалъ онъ, хлопая дверью сторожки.

Аннушка такъ устала, что не могла даже отвѣтить Слѣпню приличнымъ образомъ и молча поплелась по плотинѣ. Было еще свѣтло настолько, что не смѣшаешь собаку съ человѣкомъ. Свѣжія осеннія сумерки заставляли ее вздрагивать и прятать руки въ кофту. Когда Аннушка поровнялась съ „бучиломъ“, ей попался навстрѣчу какой-то мужикъ и молча схватилъ ее прямо за горло. Она хотѣла крикнуть, но только замахала руками, какъ упавшая спросонья курица.

— Что, небось, не узнала... а?—шипѣлъ надъ нею чей-то голосъ.— Сейчасъ задушу... Дохнуть не дамъ!..

Это былъ Морокъ, котораго Аннушка въ первое мгновеніе не узнала. Онъ затащилъ ее къ сараю у плотинныхъ запоровъ и, прижавъ къ стѣнѣ, больно ударилъ по лицу кулакомъ.

— Это тебѣ въ задатокъ, а потомъ я тебя разорву, какъ дохлую кошку.

У Аннушки искры посыпались изъ глазъ, но она не смѣла шевельнуться и только дрожала всѣмъ тѣломъ.

— Ежели еще разъ поведешь Феклисту на фабрику, — говорилъ Морокъ,—такъ я тебя за ноги прямо въ бучило спущу...

Опять ударъ по лицу, и Морокъ исчезъ въ сумеркахъ, какъ страшное привидѣніе. Аннушка очувствовалась только черезъ полчаса, присѣла на землю и горько заплакала,—кровь у ней бѣжала носомъ, лѣвый глазъ началъ пухнуть. Ее убивала мысль, какъ завтра она покажется на фабрику. Били ее часто и больно, какъ и всѣхъ другихъ пропащихъ бабенокъ, но зачѣмъ же увѣчить человѣка?.. И съ чего Морокъ къ ней привязался? Ни съ того ни съ сего за Феклисту вздумалъ заступаться... Всѣ били Аннушку, но били ее за ея бабью слабость, а тутъ начали бить за другихъ. Въ груди Аннушки кипѣла теперь смертельная ненависть именно къ этой сестрѣ Феклистѣ.

XII.

Прошла Пасха, которую туляки справляли съ особеннымъ благоговѣніемъ, какъ евреи, готовившіеся къ бѣгству изъ Египта. Все, что можно продать, было продано, а остальное уложено въ возы. Ждали только, когда просохнетъ немного дорога, чтобы двинуться въ путь. Больше не было ни шуму ни споровъ, и кабакъ Рачителихи пустовалъ. Оставшіеся въ заводѣ какъ-то притихли и точно стыдились собственной нерѣшительности. Что же, если въ ордѣ устроятся, такъ выѣхать можно и потомъ... Это хорошее настроеніе нарушено было только въ послѣднюю минуту измѣной Дѣяна Поперешнаго, ко-

торый „сдыгалъ“, сказавшись больнымъ. Титъ Горбатый не повѣрилъ этому и самъ пошелъ провѣдать больного. Дѣянъ лежалъ на печи подъ шубой и жаловался неестественно-слабымъ голосомъ:

— Весь не могу, Титъ... Съ глазу, должно полагать, попритчилось. И покосъ Никитичу продалъ, бабы собрались, а я вотъ и разнемогся.

— Ахъ, ты, грѣхъ какой, этово-тово!—виновато бормоталъ Титъ, скомфуженный безстыжимъ враньемъ Дѣяна.—Вѣдь вотъ прикинется же боль къ человѣку... Ну, этово-тово, ты потомъ, видно, пріѣдешь, Дѣянъ.

— Безпремѣнно пріѣду, только сущую бы малость полегчало, — вралъ Дѣянъ изъ-подъ шубы.—И то хочу баушку Акулину позвать брюхо править... Покосъ продалъ, бабы собрались, хозяйство все нарушилъ, — безпремѣнно пріѣду.

Это вѣроломство Дѣяна огорчило стараго Тита до глубины души; больше всѣхъ Дѣянъ шумѣлъ, первый продалъ покосъ, а какъ пришло уѣзжать — и сдыгалъ. Даже обругать его по-настоящему было нельзя, чтобы напрасно не мутить другихъ.

— Этакая непорешная душа, этово-тово!—ругался Титъ про себя.

Бабы-мочеганки ревмя ревѣли еще за недѣлю до отъѣзда, а тутъ поднялся настоящій адъ, — ревѣли и тѣ, которыя уѣзжали, и тѣ, которыя оставались. Титъ поучилъ свою младшую сноху Агаою черемуховою палкой для острастки другимъ бабамъ. Съ вечера приготовленныя въ дорогу телѣги были выкачены на улицу, а изъ поднятыхъ кверху оглобель выросъ цѣлый лѣсъ. Едва ли кто спалъ въ эту послѣднюю ночь. Раннимъ утромъ бабы успѣли сбѣгать на могильникъ, чтобы проститься съ похороненными родственниками, и успѣли еще разъ наревѣться своими бабьими дешевыми слезами. Титъ Горбатый наканунѣ сходилъ къ о. Сергѣю и попросилъ отслужить напутственный молебенъ.

— Доброе дѣло,—согласился о. Сергѣй.—Дай Богъ счастливо устроиться на новомъ мѣстѣ.

Въ восемь часовъ на церкви зазвонилъ большой колоколъ, и оба мочеганскихъ конца сошлись опять на площади, гдѣ объявляли волю. Для такого торжественнаго случая были подняты иконы, которыя изъ церкви выносили благочестивыя старушки-тулянки. Учитель Аганъ, дьячокъ Евгеньичъ и фельдшеръ Хитровъ пѣли хоромъ. Пришелъ на молебенъ и Петръ Елисѣичъ съ Нюрочкой. Всѣ молились съ торжественнымъ усердіемъ, и опять текли слезы умиленія. О. Сергѣй сказалъ отъѣзжавшимъ свое пастырское напутственное слово и осѣнилъ крестомъ всю „ниву Господню“. Закончился молебенъ громкими рыданіями. Особенно плакали старухи, когда стали прощаться съ добрымъ священникомъ, входившимъ въ ихъ старушечью жизнь; онъ давалъ совѣты и помогалъ нести до конца тяжелое бремя жизни. Для всякаго у о. Сергѣя находилось доброе, ласковое слово, и старухи молились на него.

— Съ Богомъ, старушки,—повторялъ о. Сергѣй, со слезами на глазахъ благословляя ползавшихъ у его ногъ тулянокъ.

— Батюшка, родной ты нашъ, думали мы, что ты и кости наши похоронишь,—голосили старухи. — Охъ, тяжко, батюшка... Молодые-то жить ѣдутъ въ орду, а мы помирать. Не для себя ѣдемъ.

Прослезился и Петръ Елисѣичъ, когда съ нимъ стали прощаться мужики и бабы. Никого онъ не обидѣлъ напрасно,—послѣ стараго Палача при немъ рабочіе „свѣтъ увидѣли“. То, что̀ Петръ Елисѣичъ не ставилъ себѣ въ заслугу, выплыло теперь наружу въ такой трогательной формѣ. Старый Титъ Горбатый даже повалился приказчику въ ноги.

— Не оставь ты, Петръ Елисѣичъ, Макарку-то дурака...—просилъ Титъ, вытирая непрошенную слезу кулакомъ.—Самъ вижу, что дуракъ... Умнаго-то жаль, Петръ Елисѣичъ, а дурака, этово-тово, вдвое.

Какія-то неизвѣстныя женщины цѣловали теперь Нюрочку, которая тоже плакала, поддаваясь общему настроенію.

О. Сергѣй проводилъ толпу въ Туляцкій конецъ, дождался, когда запрягутъ лошадей, и въ послѣдній разъ благословилъ двинувшійся обозъ. Пришли проводить многіе изъ Кержацкаго конца, особенно бабы. Титъ Горбатый выѣхалъ на смоленой новой телѣгѣ въ головѣ всего обоза. Съ нимъ рядомъ сидѣлъ Макаръ, вызвавшійся проводить до Мурмоса. Старикъ сидѣлъ на возу безъ шапки и кланялся на всѣ четыре стороны бѣжавшему за обозомъ народу. День былъ ясный и солнечный. Березы еще не успѣли распуститься, но первая весенняя травка уже высыпала по обогрѣтымъ мѣстамъ. Въ воздухѣ пахло горькимъ ароматомъ набухавшихъ почекъ. По дорогѣ въ Мурмосъ обозъ вытянулся на цѣлую версту.

— Ты, Макаръ, смотри, этово-тово...—повторялъ Титъ, оглядываясь постоянно назадъ.—Одинъ остаешься... Самъ большой, самъ маленькій. Когда Артемъ выйдетъ изъ солдатъ, такъ ужъ не ссорьтесь... Отрѣзанный онъ ломоть, а тоже своя кровь, не выкинешь изъ роду-племени. Не обижай... Вотъ и Агапъ тоже... Водкой онъ зашибаетъ. Тоже вотъ Татьяна, этово-тово...

Изъ Туляцкаго конца дорога поднималась въ гору. Когда обозъ поднялся, то всѣ возы остановились, чтобы въ послѣдній разъ поглядѣть на оставшееся въ ямѣ „жилло“. Здѣсь провожавшіе простились. Поднялся опять ревъ и причитанья. Бабы ревѣли до изнеможенія, а глядя на нихъ, голосили и ребятишки. Титъ Горбатый надѣлъ свою шляпу и двинулся: дальніе проводы—лишнія слезы. За нимъ хвостомъ двинулись остальныя телѣги.

— Тятя, смотри-ка,—нерѣшительно проговорилъ Макаръ, указывая впередъ.

Какъ Титъ глянулъ, такъ и остолбенѣлъ: впереди обоза безъ шапки шагалъ Терешка-дурачокъ, размахивая лѣвою рукой. У Тита екнуло даже сердце.

— Охъ, плохой знакъ, что Терешка провожаетъ, какъ покойниковъ. Еще увидятъ, пожалуй, съ другихъ возовъ.

Но Макаръ соскочилъ съ телѣги, догналъ бѣгомъ Терешку и остановилъ.

— А, Иванычъ...—бормоталъ Терешка, глядя на него своими пустыми глазами.—Сорокъ восемь серебромъ Иванычей...

— Куда ты, Терешка? Ступай-ка домой по-добру по-здорову.

— Ступай самъ домой.

Пришлось Макару задержать Терешку силой, причемъ сумасшедшій полѣзъ драться. Возы было-остановились, но Титъ махнулъ шапкой, чтобы не зѣвали. Макаръ держалъ ругавшагося Терешку за руки и, пропустивъ возы, подъ руку повелъ его обратно въ заводъ. Терешка упирался, плевалъ на Макара и все порывался убѣжать за обозомъ.

— Водку пойдемъ пить къ Рачителихѣ,—уговаривалъ его Макаръ.

— Обманешь, Иванычъ.

Такъ и пришлось Макару воротиться. Дома онъ засѣдлалъ лошадь и верхомъ уже поѣхалъ догонять ушедшій впередъ обозъ. По дорогѣ онъ нагналъ ѣхавшаго верхомъ стараго Коваля, который гналъ тоже за обозомъ безъ шапки и безъ сѣдла, болтая длинными ногами.

— Куда торопишься, Дорохъ?—крикнулъ ему Макаръ.

— А до свата...—отвѣтилъ сконфуженно Коваль.—Треба побалакать.

— Нашелъ время!

Коваль ничего не отвѣтилъ, а только сильнѣе погналъ лошадь. Они догнали обозъ версты за три, когда онъ остановился у моста черезъ Култымъ. Здѣсь шли повертки на покосы.

— Сватъ, а сватъ! — кричалъ Коваль, подъѣзжая къ возу Тита Горбатаго.

— Чего тебѣ, сватъ?—отвѣчалъ Титъ.

— Едва я тебя догналъ, ажно упарився.

Титъ молчалъ, глядя впередъ.

— А якъ же мы будемъ съ тобой, сватъ?—спросилъ Коваль послѣ нѣкоторой паузы:—посватàлись да и разсватàлись.

— Ужъ, видно, такъ, Дорохъ... Не судилъ, видно, Богъ, этово-тово...

Старый Коваль съ удивленіемъ посмотрѣлъ на пріятеля, покрутилъ головой и проговорилъ:

— Куда же я съ Ѳедоркой дѣнусь, коли вона просватана? Почиплялась же лихо, тая ваша орда.

Долго стоялъ Коваль на мосту, провожая глазами уходившій обозъ. Ему было обидно, что сватъ Титъ уѣхалъ и ни разу не обернулся назадъ. Вотъ тебѣ и сватъ!.. Но Титу было не до вѣроломнаго свата, — старикъ не могъ отвязаться отъ мысли о дуракѣ Терешкѣ, который все дѣло испортилъ. И откуда онъ взялся, подумаешь; точно изъ земли выросъ... Идетъ впереди обоза безъ шапки, какъ ходилъ передъ покойниками. Въ душѣ Тита этотъ пустой случай вызвалъ первую тѣнь сомнѣнія: ужъ ладно ли они выѣхали?

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Осенью, когда земля уже звенѣла подъ колесами, Петръ Елисѣичъ былъ вызванъ въ Мурмосъ для личныхъ объясненій по поводу того проекта, который былъ составленъ имъ еще зимой. Раньше онъ ѣздилъ въ Мурмосъ одинъ, а теперь взялъ съ собой Нюрочку, потому что тамъ жили Груздевы, и она могла погостить у нихъ. Дальше Самосадки Нюрочка не бывала, и можно представить себѣ ея радость, когда отецъ объявилъ ей о предстоявшей поѣздкѣ. О Мурмосѣ у ней сложилось какое-то фантастическое представленіе, какъ о своего рода чудѣ: это большой-большой городъ, съ каменными домами, громадною фабрикой, блестящими магазинами и вообще рѣдкостями. По крайней мѣрѣ, такъ увѣряли Домнушка и Катря, хотя онѣ и не бывали тамъ.

Передъ отъѣздомъ Нюрочка не спала всю ночь и одѣлась по-дорожному ровно въ шесть часовъ утра, когда кругомъ было еще темно. Дѣвочку возмущало, что отецъ вернулся съ фабрики къ семи часамъ, какъ обыкновенно, не торопясь напился чаю и только потомъ велѣлъ закладывать лошадей. Нюрочка все время ходила въ своей бѣличьей шубкѣ и ни за что не хотѣла раздѣться. Она разсердилась на отца, который ровно на зло ей медлилъ. Даже стѣнные часы, и тѣ точно остановились, а Нюрочка бѣгала смотрѣть на нихъ ровно черезъ пять минутъ. Нѣтъ, они, кажется, никогда не выѣдутъ, и она никогда не увидитъ Мурмоса съ его чудесами. До десяти часовъ прошла цѣлая вѣчность, и Нюрочка усѣлась въ экипажъ совсѣмъ истомленная, съ не-

довольнымъ личикомъ. Она даже надулась и не говорила съ отцомъ. Большая лѣтняя повозка, въ которой они въ прошломъ году ѣздили въ Самосадку, весело покатилась по широкой мурмосской дорогѣ. Дурное настроеніе Нюрочки прошло сейчасъ же, и она съ любопытствомъ смотрѣла по сторонамъ дороги, гдѣ мелькалъ лѣсъ и покосы. Лѣсу здѣсь было меньше, чѣмъ по дорогѣ въ Самосадку, да и тотъ скоро совсѣмъ кончился, когда дорога вышла на берегъ большого озера Черчежъ.

— Папа, это море?

— Озеро Черчежъ... А за нимъ Рябиновыя горы. Вонъ синѣютъ.

Осенью озеро ничего красиваго не представляло. Почерпѣвшая холодная вода била пѣнившеюся волной въ песчаный берегъ съ жалобнымъ стономъ, дулъ сильный вѣтеръ; низкія сѣрыя облака сползали непрерывною грядой съ Рябиновыхъ горъ. По берегу ходили бѣлыя чайки. Когда экипажъ подъѣзжалъ ближе, онѣ поднимались съ жалобнымъ крикомъ и уносились кверху. Вдали отъ берега сторожились утки цѣлыми стаями. Въ осенній перелетъ озеро Черчежъ было любимымъ становищемъ для утокъ и гусей,—они здѣсь отдыхали, кормились и летѣли дальше.

— Нюрочка, посмотри, вонъ гуси летятъ!—указывалъ Петръ Елисѣичъ на небо.—Цѣлый косякъ летитъ.

Нюрочка долго всматривалась, прежде чѣмъ увидѣла колебавшуюся линію черныхъ точекъ. „Неужели гуси такіе маленькіе? Куда они летятъ? А далеко югъ, папа?.. Должно-быть, имъ очень холодно". Нюрочка сама начала зябнуть и поэтому съ особеннымъ участіемъ отнеслась къ летѣвшимъ гусямъ. И дорога и озеро ей не понравились, совсѣмъ не то, что ѣхать въ Самосадку, и она никакъ не могла повѣрить, что лѣтомъ здѣсь очень красиво. Одинъ противный вѣтеръ чего стоитъ... Дорога отъ озера повернула въ сосновый лѣсъ, а потомъ опять вышла на то же озеро, которому, казалось, не было конца.

— Вонъ тамъ, въ самомъ дальнемъ концѣ озера, видишь, бѣлѣетъ церковь?—объяснялъ Петръ Елисѣичъ. — Прямо черезъ озеро будетъ верстъ десять, а объѣздомъ больше пятнадцати.

— Зачѣмъ она стоитъ на водѣ, папа?

— Это только такъ кажется. Церковь далеко отъ воды, на горѣ.

Около озера ѣхали, по крайней мѣрѣ, часа полтора, и Нюрочка была рада, когда оно осталось назади и дорога пошла прекраснымъ сосновымъ лѣсомъ. Высокія сосны стояли дерево къ дереву, какъ желтыя свѣчи. Здѣсь начали попадаться транспорты съ желѣзомъ, которое везли на продажу „въ городъ". Возчики сворачивали съ дороги и снимали шапки. Этотъ сосновый лѣсъ тоже надоѣлъ Нюрочкѣ,—ему не было конца, какъ озеру. Она даже удивилась, когда прямо изъ-за лѣса показалась та самая бѣлая церковь, которую они давеча видѣли черезъ озеро. Боръ подходилъ къ самому заводу зеленою стѣной.

Когда показались первые домики, Нюрочка превратилась вся въ одно вниманіе. Экипажъ покатился очень быстро по широкой улицѣ прямо къ церкви. За церковью открывалась большая площадь съ двумя рядами деревянныхъ лавчонокъ по срединѣ. Одною стороною площадь подходила къ законченной кирпичной стѣнѣ фабрики, а съ другой ее окружили каменные дома съ зелеными крышами. Къ одному изъ такихъ домовъ экипажъ и повернулъ, а потомъ съ грохотомъ въѣхалъ на мощеный широкій дворъ. На звонъ дорожнаго колокольчика выскочилъ Илюшка Рачитель.

— Пожалуйте, Петръ Елисѣичъ! — приглашалъ онъ, помогая вылѣзать изъ экипажа.—Самойло Евтихычъ сейчасъ будутъ... На столъ накрыто.

Илюшка держался совсѣмъ на городскую руку, какъ слѣдуетъ быть купеческому молодцу. Плисовыя шаровары, сапоги бутылками, спинджакъ, красный шарфъ на шеѣ,—при всей молодцовской формѣ.

— Ну что, привыкъ, Илья?—спрашивалъ Петръ Елисѣичъ, поднимаясь по лѣстницѣ во второй этажъ.

— Ничего, слава Богу, Петръ Елисѣичъ... Ежели съ умомъ, такъ вездѣ жить можно.

Аѳиса Егоровна встрѣтила гостей въ передней и горячо поцѣловала Нюрочку. Она сейчасъ же повела гостей показывать новый домъ, купленный по случаю за безцѣнокъ. У Нюрочки просто глаза разбѣжались отъ окружавшаго ее великолѣпія. Особенно удивили ее расписанные трафаретомъ потолки. Въ залѣ потолокъ изображалъ все небо: по синему полю были насажены звѣзды изъ сусальнаго золота, а въ серединѣ золотой треугольникъ съ лучами. Раньше въ этомъ треугольникѣ мѣстнымъ художникомъ было нарисовано „всевидящее око“, но Груздевъ велѣлъ его замазать, потому что неловко было заколачивать въ такое око гвоздь для висячей лампы. Вѣнская мебель, ковры, занавѣски на окнахъ, драпировки на дверяхъ, цвѣты,—все это казалось Нюрочкѣ чѣмъ-то волшебнымъ, точно она перенеслась въ сказочный замокъ.

— Отлично, отлично! — какъ-то равнодушно хвалилъ Петръ Елисѣичъ, переходя изъ комнаты въ комнату.—А мнѣ на Самосадкѣ больше нравится.

— Нельзя, Петръ Елисѣичъ,—съ какою-то грустью въ голосѣ объясняла Аѳиса Егоровна. — На людяхъ живемъ... Не доводится быть хуже другихъ. Я-то, пожалуй, и скучаю о Самосадкѣ...

Груздевъ скоро пришелъ, и сейчасъ же всѣ сѣли обѣдать. Нюрочка была рада, что Васи не было и она могла дѣлать все, какъ сама хотѣла. За обѣдомъ шелъ дѣловой разговоръ. Петръ Елисѣичъ только поморщился, когда узналъ, что вмѣстѣ съ нимъ вызванъ на совѣщаніе и Палачъ. Послѣ обѣда онъ отправился сейчасъ же въ господскій домъ, до котораго было рукой подать. Лука Назарычъ обѣдалъ поздно, и теперь было удобнѣе всего его видѣть.

Господскій домъ стоялъ рядомъ съ фабрикой. Онъ рѣзко выдѣлялся изъ среды другихъ построекъ своею величиной. Это было трехэтажное зданіе съ колоннами, балконами и террасой. Широкій дворъ, отдѣлявшій его отъ улицы, придавалъ ему видъ какого-то дворца. По сторонамъ двумя крыльями расходились хозяйственныя постройки: кухня, людская, кучерская и т. д. Петръ Елисѣичъ прошелъ пѣшкомъ, такъ что въ парадной передней не встрѣтилъ никого,—швейцаръ Аристашка выскакивалъ обыкновенно на стукъ экипажа, а теперь спалъ въ швейцарской, какъ зарѣзанный. Широкая мраморная лѣстница вела во второй этажъ. Встрѣтивъ по дорогѣ горничную, Петръ Елисѣичъ попросилъ ее доложить о себѣ, а самъ остался въ громадной залѣ въ два свѣта, украшенной фамильными портретами Устюжаниновыхъ. Это была настоящая картинная галлерея, гдѣ работы лучшихъ иностранныхъ мастеровъ перемѣшались съ работами русскихъ художниковъ, какъ Венеціановъ и Брюловъ. По этимъ портретамъ антропологъ могъ прослѣдить послѣдовательное вырожденіе когда-то крѣпкой мужицкой семьи. Отъ могучихъ основателей фамильныхъ богатствъ шелъ цѣлый рядъ изнѣженныхъ потомковъ.

— Пожалуйте... — пригласила горничная, неслышно входя въ залу. — Лука Назарычъ у себя въ кабинетѣ.

Изъ залы нужно было пройти небольшую пріемную, гдѣ обыкновенно дожидались просители, и потомъ уже слѣдовалъ кабинетъ. Отворивъ тяжелую дубовую дверь, Петръ Елисѣичъ былъ непріятно удивленъ: Лука Назарычъ

сидѣлъ въ креслѣ у своего письменнаго стола, а напротивъ него Палачъ. Поздоровавшись кивкомъ головы и не подавая руки, старикъ взглядомъ указалъ на стулъ. Такой пріемъ расхолодилъ Петра Елисѣича сразу, и онъ почуялъ что-то недоброе.

— Читалъ, провѣрялъ и нашелъ...—говорилъ Лука Назарычъ, отыскивая въ кипѣ бумагъ проектъ Мухина.—Да, я нашелъ, что... Куда онъ завалился, твой проектъ?

Палачъ сдѣлалъ такое движеніе, точно намѣренъ былъ для удовольствія Луки Назарыча вспорхнуть, но сразу успокоился, когда рукопись отыскалась. Взвѣсивъ на рукѣ объемистую тетрадь, старикъ заговорилъ, обращаясь уже къ Палачу:

— Сущая бѣда эти умники... Всѣхъ насъ въ порошокъ истеръ Петръ-то Елисѣичъ, а того не догадался, что я же буду проектъ-то его читать. Умень да не догадливъ... Какъ онъ насъ всѣхъ тутъ разнесъ: прямо изъ дураковъ въ дураки поставилъ.

— Вы ошибаетесь, Лука Назарычъ, — горячо вступился Мухинъ. — Я никого не обвинялъ, а только указывалъ на желательныя перемѣны... Если ужъ дѣло пошло на то, чтобы обвинять, то виновато было одно крѣпостное право.

— Постой, голубчикъ, твоя рѣчь еще впереди... Крѣпостного права не стало, а люди-то вѣдь все тѣ же.

Петръ Елисѣичъ напрягъ послѣднія силы, чтобы сдержаться и не выйти изъ себя. Онъ зналъ, что теперь все кончено. Оставалось только одно: умереть съ честью. Послѣ рѣзкаго вступленія Лука Назарычъ тоже замѣтно смирился.

— Мы люди необразованные,—говорилъ онъ упавшимъ голосомъ:—учились на мѣдные гроши... Съ насъ и взыскивать нечего. Пусть другіе лучше сдѣлаютъ. Это вѣдь на бумагѣ легко разводы разводить. Да...

— Я считаю долгомъ объясниться съ вами откровенно, Лука Назарычъ,—отвѣтилъ Мухинъ. — До сихъ поръ мнѣ приходилось молчать или исполнять чужія приказанія... Я не маленькій и хорошо понимаю, что говорю съ вами въ послѣдній разъ, поэтому и скажу все, что лежитъ на душѣ.

Лука Назарычъ молчалъ и только похлопывалъ одною рукой по ручкѣ кресла. Изрѣдка онъ взглядывалъ на Палача и плотно сжималъ губы. Охваченный волненіемъ, Петръ Елисѣичъ ходилъ около стола и порывисто договаривалъ то, чего не успѣлъ высказать въ своей докладной запискѣ. Да, заводское дѣло должно быстро пасть, если не принять быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ. Даровой крѣпостной трудъ необходимо замѣнить дешевымъ машиннымъ—это прежде всего. Затѣмъ, сейчасъ же необходимо вводить новыя производства и усовершенствованія, пользуясь готовымъ уже опытомъ европейскихъ заводовъ. Наконецъ, исходная точка всего—солидарность интересовъ заводовладѣльцевъ и рабочаго населенія. Если будетъ хорошо, то хорошо обѣимъ сторонамъ, какъ и наоборотъ. Живая рабочая сила, подготовленная крѣпостнымъ правомъ, сама по себѣ составляетъ для заводовъ богатство, которымъ остается только воспользоваться. Привыкшему къ заводской работѣ населенію дѣваться некуда, и если бы надѣлить его землей, то это послужило бы вѣрнымъ обезпеченіемъ.

— Такъ, такъ...—говорилъ Лука Назарычъ, покачивая головой.—Вотъ и твой братъ Мосей то же самое говоритъ. Можетъ, вы съ нимъ дѣйствуете заодно... А могечанъ кто разстраивалъ на Ключевскомъ?

— Вѣроятно, тоже я?—отвѣтилъ вопросомъ Мухинъ.—А что касается брата,

Лука Назарычъ, то, по меньшей мѣрѣ, я считаю страннымъ возлагать отвѣтственность за его поступки на меня... Каждый отвѣчаетъ только за себя.

— Хорошо, хорошо... Мы это еще увидимъ. А что за себя каждый—это ты вѣрно сказалъ. Вотъ у Никона Авдеича (старикъ ткнулъ на Палача) ни одной души не ушло, а ты ползавода распустилъ.

— Да вѣдь нельзя и сравнивать Пеньковку съ мочеганскими концами!—взмолился Мухинъ.—Пеньковка—это разный заводскій сбродъ, который даже своего угла не имѣетъ, а туляки—исконные пахари... Если я чего боюсь, то развѣ того, что молодежь не выдержитъ тяжелой крестьянской работы и переселенцы вернутся назадъ. Другими словами, получится цѣлый разрядъ вконецъ разоренныхъ рабочихъ.

— Ничего, это намъ на руку, — иронизировалъ Лука Назарычъ. — Съ богатыми не умѣли справиться, такъ, можетъ, управимся какъ-нибудь съ разоренными... Кто ихъ гналъ съ завода?

— Это стихійная сила, Лука Назарычъ...

— По-нашему: дурь! Да...

II.

Послѣ обѣда Груздевъ прилегъ отдохнуть, а Анѳиса Егоровна ушла въ кухню, чтобы сдѣлать необходимыя приготовленія къ ужину. Нюрочка осталась въ чужомъ домѣ совершенно одна и рѣшительно не знала, что̀ ей дѣлать. Она походила по комнатамъ, посмотрѣла во всѣ окна и кончила тѣмъ, что надѣла свою шубку и вышла на дворъ. Ворота были отворены, и Нюрочка вышла на улицу. Рынокъ, господскій домъ, громадная фабрика, обступившія заводъ со всѣхъ сторонъ лѣсистыя горы,—все ее занимало.

— Берегись, замну!.. — крикнулъ надъ ея головой знакомый голосъ.

Нюрочка даже вскрикнула со страха. Это былъ Вася, подъѣхавшій верхомъ на гнѣдомъ иноходцѣ. Онъ держался въ сѣдлѣ настоящимъ молодцомъ, надвинувъ черную шапочку изъ мерлушки-каракулки на ухо. Синій бешметъ перехваченъ былъ кавказскимъ серебрянымъ поясомъ.

— Что̀, испугалась?—весело спрашивалъ Вася, блестя глазами.—Не хочешь ли прокатиться верхомъ?

Не дожидаясь отвѣта, онъ круто повернулъ лошадь на однѣхъ заднихъ ногахъ и помчался по площади. Нюрочка еще въ первый разъ въ жизни позавидовала: ей тоже хотѣлось проѣхать верхомъ, какъ Вася. Вернувшись, Вася на полномъ ходу соскочилъ съ лошади, перевернулся кубаремъ и проговорилъ дѣловымъ тономъ:

— А я у васъ на Ключевскомъ былъ... къ вамъ заходилъ, да не засталъ дома. Отцу нужно было нарочнаго посылать, ну, онъ и послалъ меня.

— Ты одинъ ѣздилъ?

— Конечно, одинъ... Няньку, что ли, мнѣ нужно? Эхъ, ты, плакса!..

Нюрочка разговаривала съ Васей и чувствовала, что нисколько не боится его. Да и онъ въ этотъ годъ выросъ такой большой и не смотрѣлъ уже тѣмъ мальчишкой, который лазалъ съ ней по крышамъ.

— Я тебѣ своихъ голубей покажу, Нюра, — прежнимъ серьезнымъ тономъ заявилъ Вася, но, подумавши, прибавилъ: — Нѣтъ, сначала сбѣгаемъ вонъ туда, гдѣ контора... Тамъ такая штука стоитъ.

Дѣти, взявшись за руки, весело побѣжали къ лавкамъ, а отъ нихъ спустились къ фабрикѣ, перешли зеленый деревянный мостъ и бѣгомъ понеслись въ гору къ заводской конторѣ. Это было громадное каменное зданіе, съ такими

же колоннами, какъ и господскій домъ. На площадь оно выступало громадною чугунною лѣстницей,—широкія ступени тянулись во всю ширину зданія.

— Вотъ смотри, какіе у насъ пильщики!—крикнулъ Вася, подбѣгая къ рѣшеткѣ стоявшаго посреди площади памятника.

Это былъ великолѣпный памятникъ, воздвигнутый благодарными наслѣдниками „фундатору“ заводовъ, старику Устюжанинову. Центръ занимала высокая бронзовая фигура въ костюмѣ восемнадцатаго вѣка. Ее окружали аллегорическія бронзовыя женщины, изображавшія промышленность, искусство, торговлю и науки. По угламъ сидѣли бронзовыя музы. Памятникъ былъ сдѣланъ въ Италіи еще въ прошломъ столѣтіи.

— Это памятникъ, а не пильщики, — замѣтила Нюрочка, съ любопытствомъ оглядывая необыкновенное сооруженіе.

— Говорятъ тебѣ: пильщики... Одинъ хохолъ пріѣхалъ изъ Ключевского ночью, посмотрѣлъ на памятникъ, а потомъ и спрашиваетъ: „зачѣмъ у васъ по ночамъ пильщики робятъ?“

— Неправда!.. Это ты самъ придумалъ...

Вмѣсто отвѣта Вася схватилъ камень и запустилъ имъ въ мѣднаго заводовладѣльца. Вотъ тебѣ, кикимора!.. Нюрочкѣ тоже хотѣлось бросить камнемъ, но она не посмѣла. Ей опять сдѣлалось весело, и съ горы она побѣжала за Васей, разставивъ широко руки, какъ дѣлалъ онъ. На мосту Вася набралъ шлаку и заставилъ ее бросать имъ въ плававшихъ у берега утокъ. Этотъ пестрый стекловидный шлакъ такъ понравился Нюрочкѣ, что она набила имъ полные карманы своей шубки, причемъ порѣзала руку.

— Мнѣ отецъ обѣщалъ купить ружье,—утѣшалъ ее Вася.—А кровь—это пустяки.

Петръ Елисѣичъ вернулся изъ господскаго дома темнѣе ночи. Онъ прошелъ прямо въ кабинетъ Груздева и разбудилъ его.

— А, это ты...—бормоталъ Груздевъ спросонья.—Ну, что?..

— Ничего...

— Какъ ничего?

— Да такъ... Отъ службы отказали.

— Не можетъ быть!.. Постой, разскажи, какъ было дѣло.

Шагая по комнатѣ, Петръ Елисѣичъ передалъ подробно свой разговоръ съ Лукой Назарычемъ. Широкое бородатое лицо Груздева выражало напряженное вниманіе. Онъ сидѣлъ на диванѣ въ драповомъ халатѣ и болталъ туфлями.

— Вообще все кончено,—заключилъ свой разсказъ Петръ Елисѣичъ.—Тридцать лѣтъ работалъ я на заводахъ, и вотъ награда...

— Да вѣдь прямо онъ не отказывалъ тебѣ?

— Чего же еще нужно? Я не хочу навязываться со своими услугами. Да, я въ этомъ случаѣ гордъ... У Луки Назарыча давно намѣченъ и преемникъ мнѣ: Палачъ... Вотъ что обидно, Самойло Евтихычъ! Назначь кого угодно другого, я ушелъ бы со спокойнымъ сердцемъ... А то Палачъ!

— Ну, это все равно, по-моему: кто ни попъ, тотъ и батька... Эхъ, говорилъ я тебѣ тогда... Помнишь? Все это твой проектъ.

Петръ Елисѣичъ весь вспыхнулъ.

— Нѣтъ, я не раскаиваюсь въ этомъ,—отвѣтилъ онъ дрожащимъ голосомъ.—Каждый порядочный человѣкъ долженъ былъ сдѣлать то же самое.

— Сила солому ломитъ, Петръ Елисѣичъ... Ну, да что сдѣлано, то сдѣлано, и покойниковъ съ кладбища назадъ не носятъ. Какъ же ты теперь жить-то будешь, голубчикъ?

— Я? А право, и самъ не знаю... Есть маленькія деньжонки, сколоченыя про черный день, такъ ихъ буду проѣдать, а потомъ найду гдѣ-нибудь мѣсто на другихъ заводахъ. Земля не клиномъ сошлась...

— Невозможно, Петръ Елисѣичъ! — спорилъ Груздевъ, — не такое это дѣло, чтобы новыя мѣста намъ съ тобой разыскивать... Мохомъ мы съ тобой обросли, вотъ главная причина. Знаешь, какъ собака: ее палкой, а она все къ хозяину лѣзетъ...

— Ну ужъ извини: ты меня плохо знаешь!

— Да ты говоришь только о себѣ сейчасъ, а какъ подумаешь, такъ около себя и другихъ найдешь, о которыхъ тоже нужно подумать. Это ужъ всегда такъ... Обидно, несправедливо, а другихъ-то и пожалѣешь. Фабрику свою пожалѣешь!..

— Что̀ дѣлать, а я все-таки не могу имѣть дѣла съ мерзавцами.

— Да вѣдь и Лука-то Назарычъ сегодня здѣсь и великъ, а завтра и нѣтъ его. Все можетъ быть...

Вечеръ прошелъ въ самомъ грустномъ настроеніи. Петръ Елисѣичъ все молчалъ, и хозяева выбивались изъ силъ, чтобы его утѣшить и развлечь. Особенно хлопотала Аѳиса Егоровна. Она точно чувствовала себя въ чемъ-то виноватой.

— Ахъ, какое дѣло!..—повторялъ время отъ времени самъ Груздевъ.— Развѣ такъ можно съ людьми поступать?.. Вотъ у меня сколько на службѣ приказчиковъ... Ежели человѣкъ смышленый и не вороватый, такъ я имъ дорожу. Берегу его, а не то, чтобы, напримѣръ, въ шею.

— Ну, ужъ ты расхвастался со своими приказчиками,—замѣтила Аѳиса Егоровна.—Набралъ съ вѣтру разныхъ голышей... Не стало своихъ-то, такъ мочеганъ нахваталъ...

— А что̀ же, околѣвать ему, мальчонкѣ, по-твоему?.. Что̀ кержакъ, что̀ мочеганинъ—для меня все единственно... Вонъ Илюшка Рачитель, да онъ кого угодно за поясъ заткнетъ! Обстоятельный человѣкъ будетъ...

— Оберутъ они тебя, твои-то приказчики,—спорила Аѳиса Егоровна.— Больно ужъ дѣлами-то раскидался... За всѣмъ не углядишь.

— Только бы я кого не обобралъ...—смѣялся Груздевъ.—И такъ надо сказать: Богъ далъ, Богъ и взялъ. Роптать не слѣдуетъ.

За ужиномъ, вмѣстѣ съ Илюшкой, прислуживалъ и Тараска, братъ Окулка. Мальчикъ сильно похудѣлъ, а на лицѣ у него остались бѣлыя пятна отъ залѣченныхъ пузырей. Онъ держался очень робко и видимо стѣснялся больше всего своими новыми сапогами.

— Братъ Окулка-то,—объяснилъ Груздевъ гостю, когда Тараска ушелъ въ кухню за жаренымъ. — А мнѣ это все равно: чѣмъ мальчонка виноватъ? Потомъ его паромъ обварило на фабрикѣ... Дома холодъ да голодъ. Ну какъ его не взять?.. Щенятъ жалѣютъ, а живого человѣка какъ не пожалѣть?

— Доброе дѣло,—согласился Петръ Елисѣичъ, припоминая исторію Тараски.—По-настоящему, мы должны были его пристроить, да только у насъ такіе порядки, что ничего не разберешь... Бѣда будетъ всѣмъ этимъ сиротамъ, престарѣлымъ и увѣчнымъ.

Аѳиса Егоровна примирилась съ расторопнымъ и смышленымъ Илюшкой, а въ Тараскѣ она не могла забыть роднаго брата знаменитаго разбойника Окулка. Это было инстинктивное чувство, котораго она не могла подавить въ себѣ, несмотря на всю свою доброту. И мальчикъ былъ кроткій, а между тѣмъ Аѳиса Егоровна чувствовала къ нему какую-то кровную антипатію и даже вздрагивала, когда онъ неожиданно входилъ въ комнату.

Когда ужинъ кончился, Аѳиса Егоровна неожиданно проговорила:

— А что вы думаете, Петръ Елисѣичъ, относительно Самосадки?

— Т.-е. какъ „что“?—удивился Мухинъ.

— Да такъ... У насъ тамъ теперь пустуетъ весь домъ. Обзаведенье всякое есть, только живи да радуйся... Вотъ бы вамъ туда и переѣхать.

— Въ самомъ дѣлѣ, отличная бы штука была! — согласился Груздевъ съ женой.—Домъ отличный... Живи себѣ.

— Вмѣсто караульщика?—отвѣтилъ Мухинъ съ печальною улыбкой.—Спасибо... Нужно будетъ подумать.

— И думать тутъ не о чемъ,—настаивалъ Груздевъ, съ радостью ухватившись за счастливую мысль.—Не чужіе, слава Богу... Сочтемся...

— А какъ старушка-то Василиса Корниловна будетъ рада! — продолжала свою мысль Аѳиса Егоровна.—На старости лѣтъ вмѣстѣ бы со всѣми дѣтьми пожила. Тоже черпнула она горя въ свою долю, а теперь порадуется.

— Нужно серьезно подумать, Аѳиса Егоровна,—говорилъ Мухинъ.—А сегодня я въ такомъ настроеніи, что какъ-то ничего не понимаю.

Присутствовавшія за ужиномъ дѣти совсѣмъ не слушали, что говорили большіе. За день они такъ набѣгались, что засыпали сидя. У Нюрочки сладко слипались глаза, и Вася долженъ былъ ее щипать, чтобы она совсѣмъ не уснула. Груздевъ съ гордостью смотрѣлъ на своего молодца-наслѣдника, а Аѳиса Егоровна потихоньку вздыхала, вглядываясь въ Нюрочку. „Славная дѣвочка, скромная да очестливая“,—думала она матерински. Спать она увела Нюрочку въ свою комнату.

Въ домѣ Груздева ложились и вставали рано, какъ онъ привыкъ жить у себя на Самосадкѣ. Гости задержали дольше обыкновеннаго. Петру Елисѣичу былъ отведенъ кабинетъ хозяина, но онъ почти не ложился спать, еще разъ переживая всю свою жизнь. Вотъ налетѣло горе, и не съ кѣмъ подѣлиться имъ... Нѣтъ ласковой женской руки, которая дѣлаетъ незамѣтнымъ бремя жизни. Участіе Груздевыхъ и ихъ семейная жизнь еще сильнѣе возбуждали въ немъ зарытое въ землю горе. Чужое семейное счастье дѣлало его собственное одиночество еще печальнѣе... Но онъ былъ не одинъ, и это еще сильнѣе безпокоило его. Онъ теперь чувствовалъ то, что было недосказано тою же Аѳисой Егоровной.

Петръ Елисѣичъ ложился на диванъ и не могъ заснуть. Онъ какъ-то всегда не любилъ Мурмосъ, и вотъ бѣда налетѣла на него именно здѣсь. Но что значитъ онъ, прогнанный со службы управитель, когда дѣло идетъ, быть-можетъ, о тысячахъ людей? Думать о другихъ всегда лучшее утѣшеніе въ своемъ собственномъ горѣ, и Петръ Елисѣичъ давно испыталъ это всеисцѣляющее средство. Въ вентиляторъ доносился къ нему шумъ работавшей фабрики. Какъ онъ любилъ это заводское дѣло, которое долженъ оставить неизвѣстно для чего! Между тѣмъ онъ еще въ силахъ и могъ быть полезнымъ. Мысли въ его головѣ путались, а фантазія вызывала цѣлый рядъ картинъ изъ добраго стараго времени. Господи, сколько было совершено въ томъ же Мурмосѣ ненужныхъ и безсмысленныхъ жестокостей сначала фундаторомъ заводовъ, а потомъ своими крѣпостными управляющими! И для чего все это дѣлалось?.. А что дастъ будущее?.. Неужели будутъ только повторяться старыя ошибки въ новой формѣ?

III.

Возвращаясь на другой день домой, Петръ Елисѣичъ сидѣлъ въ экипажѣ молча: невесело было у него на душѣ. Нюрочка, напротивъ, чувствовала себя прекрасно и даже мурлыкала, какъ котенокъ, какую-то дѣтскую пѣсенку. Разъ она безъ всякой видимой причины расхохоталась.

— Что̀ съ тобой, крошка?—невольно улыбнулся Петръ Елисѣичъ.

— Ахъ, папа... какой этотъ Вася смѣшной!.. Пильщики...

Задыхаясь отъ новаго прилива смѣха, Нюрочка разсказала анекдотъ, какъ хохолъ принялъ памятникъ Устюжанинову за пильщиковъ. Петръ Елисѣичъ тоже смѣялся, поддаваясь этому наивному дѣтскому веселью. Потомъ Нюрочка вдругъ притихла и сдѣлалась грустной.

— Ну, что̀ ты молчишь, дѣвочка?—спрашивалъ Петръ Елисѣичъ.

— Такъ.

— Это не отвѣтъ... Тебѣ весело было въ Мурмосѣ?

— Очень.

— О чемъ же ты сейчасъ такъ задумалась?

— Такъ... Я думаю вотъ о чемъ, папа: если бы я была мальчикомъ, то...

— То не была бы дѣвочкой, да?

— Нѣтъ, не такъ... Мальчикъ лучше дѣвочки. Вонъ и Домнушка хоть и бранитъ Васю, а потомъ говоритъ: „какой онъ молодецъ“. Про меня никто этого не скажетъ, потому что я не умѣю ѣздить верхомъ, а Вася вчера одинъ ѣздилъ.

— Ахъ, ты, моя маленькая женщина! — утѣшалъ ее Петръ Елисѣичъ, прижимая бѣлокурую головку къ своему плечу. — Во-первыхъ, нельзя всѣмъ быть мальчиками, а во-вторыхъ... во-вторыхъ, я тебѣ куплю тоже верховую лошадь.

— Живую лошадь?

— Настоящую лошадь и съ сѣдломъ... Самъ буду съ тобой ѣздить.

— И серебряный поясъ, какъ у Васи?

— Можно и поясъ.

Это обѣщаніе совершенно успокоило Нюрочку, хотя въ глубинѣ ея дѣтской души все-таки осталось какое-то неудовлетворенное, нехорошее чувство. Въ дѣвочкѣ съ мучительною болью безсознательно просыпалась женщина. Вращаясь постоянно въ обществѣ большихъ, Нюрочка развилась быстрѣе своихъ лѣтъ. Маленькое дѣтское тѣло не поспѣвало за быстро работавшею дѣтскою головкой, и въ этомъ разладѣ заключался источникъ ея задумчивости и первыхъ женскихъ капризовъ, какъ было и сейчасъ. Петръ Елисѣичъ только тяжело вздохнулъ, чувствуя свою полную безпомощность: дѣвочка вступала въ тотъ формирующій, критическій возрастъ, когда нужна руководящая любящая женская рука.

Дома Петра Елисѣича ждала новая непріятность, о которой онъ и не думалъ. Не успѣлъ онъ войти къ себѣ въ кабинетъ, какъ ворвалась къ нему Домнушка, блѣдная, заплаканная, испуганная. Она едва держалась на ногахъ и въ первое мгновеніе не могла выговорить ни одного слова, а только безнадежно махала руками.

— Что̀ съ тобой, Домнушка? — спросилъ Петръ Елисѣичъ. — Что̀ случилось?

— Охъ, смертынька моя пришла, баринъ!—запричитала Домнушка, комомъ падая въ ноги барину. — Пришелъ онъ, погубитель-то мой... Батюшки мои свѣты, головушка съ плечъ!..

— Какой погубитель? Говори, пожалуйста, толкомъ.

— Да солдатъ-то мой... Артемъ... Въ куфнѣ сейчасъ сидѣлъ. Я-то ужъ мертвымъ его считала, а онъ и выворотился изъ службы... Пусть зарѣжетъ лучше, а я съ нимъ не пойду!

— Что же я могу сдѣлать, Домнушка? — повторилъ Петръ Елисѣичъ, вытирая лицо платкомъ.—Онъ мужъ, и ты должна...

— Поговорите вы съ нимъ, баринъ!—голосила Домнушка, валяясь въ ногахъ и хватая добраго барина за ноги.—И жалованье ему все буду отдавать, только пусть не тревожитъ онъ меня.

Нюрочка слушала причитанье Домнушки и такъ напугалась, что у ней побѣлѣли губы. Бѣжавшая куда-то опрометью Катря объявила на ходу, что пришелъ „Домнушкинъ солдатъ“.

— О чемъ же Домнушка такъ плачетъ?—недоумѣвала Нюрочка.

— Ахъ, ничего вы не понимаете, барышня!—грубо отвѣтила Катря,— она въ послѣднее время часто такъ отвѣчала. — Ваше господское дѣло, а наше—мужицкое.

Любопытство Нюрочки было страшно возбуждено, и она, преодолѣвая страхъ, спустилась на половину лѣстницы въ кухню. Страшный „Домнушкинъ солдатъ“ дѣйствительно сидѣлъ на лавкѣ у самой двери и, заидѣвъ ее, приподнялся и поклонился. Онъ не показался ей такимъ страшнымъ, а скорѣе жалкимъ: лицо худое, загорѣлое, рубаха грязная, шинель какая-то рыжая. Рѣшительно ничего страшнаго въ немъ не было. Нюрочка постояла на лѣстницѣ и вернулась. Навстрѣчу ей изъ кабинета показался Петръ Елисѣичъ: онъ шелъ въ кухню объясниться съ солдатомъ и посмотрѣлъ на Нюрочку очень сурово, такъ что она устыдилась своего любопытства и убѣжала къ себѣ въ комнату.

Спустившись въ кухню, Петръ Елисѣичъ поздоровался съ солдатомъ, который вытянулся передъ нимъ въ струнку.

— Садись, любезный...

— Можемъ и постоять, вашескородіе.

— Что же, ты хочешь взять у меня кухарку?

— Точно такъ-съ.

— Но вѣдь она живетъ на мѣстѣ, зачѣмъ же отрывать отъ работы?.. Она жалованье получаетъ...

— Много благодарны, Петръ Елисѣичъ, за вашу деликатность, а только Домна все-таки пусть собирается... Законъ для всѣхъ одинъ.

— Какой законъ?

— А касаемо, то-есть, мужнихъ женъ... Конечно, вашескородіе, она по своей бабьей глупости только напрасно васъ безпокоила, а потомъ привыкнетъ. Одинъ законъ, Петръ Елисѣичъ, ежели, напримѣръ, баба... Пусть она собирается.

Сколько Петръ Елисѣичъ ни уговаривалъ упрямаго солдата, тотъ погорбатовски стоялъ на своемъ, точно на пень наѣхалъ, какъ выражался Груздевъ. Онъ не горячился и даже не спорилъ, а велъ свою линію съ мягкою настойчивостью.

— Мое дѣло, конечно, сторона, любезный,—проговорилъ Петръ Елисѣичъ въ заключеніе, чувствуя, что солдатъ подозрѣваетъ его въ какихъ-то личныхъ расчетахъ. — Но я сказалъ тебѣ, какъ лучше сдѣлать по-моему... Она отвыкла отъ вашей жизни.

— Пустое это дѣло, Петръ Елисѣичъ! — съ загадочною улыбкой отвѣтилъ солдатъ. — И разговору-то не стоитъ... Законъ одинъ: жена завсегда

подвержена мужу вполнѣ... Какой тутъ разговоръ?.. Я вѣдь не тащу за воротъ сейчасъ... Тоже имѣю понятіе, что вамъ безъ куфарки невозможно. А только этого добра достаточно, куфарокъ: подыщете себѣ другую, а я Домну поворочу ужъ къ себѣ.

Домнушка такъ и не показалась мужу. Солдатъ посидѣлъ еще въ кухнѣ, поговорилъ съ Катрей и Антиномъ, а потомъ побрелъ домой. Нюрочка съ нетерпѣніемъ дожидалась этого момента и побѣжала сейчасъ же къ Домнушкѣ, которая спряталась въ передней за вѣшалку.

— Солдатъ ушелъ, Домнушка.

Это извѣстіе нисколько не обрадовало Домнушку, и она опять запричитала:

— Придетъ онъ опять, Нюрочка... Охъ, головушка моя спобѣдная!

Это происшествіе непріятно взволновало Петра Елисѣича, и онъ сдѣлалъ выговоръ Домнушкѣ, зачѣмъ она подняла ревъ на цѣлый домъ. Но въ слѣдующую минуту онъ раскаялся въ этой невольной жестокости и еще разъ почувствовалъ себя тяжело и непріятно, какъ человѣкъ, поступившій несправедливо. Поведеніе Катри тоже его безпокоило. Ему показалось, что она начинаетъ третировать Нюрочку, чего не было раньше. Выждавъ минуту, когда Нюрочки не было въ комнатѣ, онъ сдѣлалъ Катрѣ замѣчаніе.

— Такъ нельзя, Катря, — закончилъ онъ съ невольною ласковостью въ голосѣ.

— А мнѣ усе равно... — грубо отвѣтила Катря, не глядя на него.— Раньше усѣмъ угодила, а теперь съ глазъ гоните...

— Никто тебя не гонитъ, съ чего ты взяла?

— Несчастна я, вотъ что!..

Для полноты картины недоставало только капризовъ Катри. Петръ Елисѣичъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ и громко хлопнулъ дверью, а Катря убѣжала въ кухню къ Домнушкѣ и принялась голосить надъ ней, какъ надъ мертвой.

Петръ Елисѣичъ долго шагалъ по кабинету, стараясь пріучить себя къ мысли, что онъ гость вотъ въ этихъ стѣнахъ, гдѣ прожилъ лѣтъ пятнадцать. Да, нужно убираться, а куда?.. Впрочемъ, въ резервѣ оставалась Самосадка съ груздевскимъ домомъ. Чтобы развлечься, Петръ Елисѣичъ сходилъ на фабрику и тамъ нашелъ какіе-то непорядки. Между прочимъ, досталось Никитичу, который никогда не слыхалъ отъ приказчика „худого слова“.

— Богъ съ тобой, Петръ Елисѣичъ,—пристыженно говорилъ Никитичъ, держа шляпу въ рукахъ.—Напрасно ты меня обидѣлъ.

— Ты со мной разговаривать?..—неожиданно накинулся на него Петръ Елисѣичъ.—Я тебѣ покажу... я... я...

Опомнившись вò-время, Петръ Елисѣичъ только махнулъ рукой и отправился прямо въ сарайную къ старому другу, Сидору Карпычу. Тотъ сидѣлъ за самоваромъ и не выразилъ ни удивленія ни радости.

— Ну что, какъ поживаешь? — спрашивалъ Петръ Елисѣичъ. — Какъ здоровье? Хорошо?

— Пожалуй.

Петръ Елисѣичъ зашагалъ по комнатѣ, перебирая въ умѣ рядъ сдѣланныхъ сегодня несправедливостей. Да, очень хорошъ... Ко всѣмъ придирался, какъ сумасшедшій, точно кто-нибудь виноватъ въ его личныхъ неудачахъ. Пересиливъ себя, Петръ Елисѣичъ старался принять свой обыкновенный добродушный видъ.

— Вотъ что, Сидоръ Карпычъ... — заговорилъ онъ послѣ нѣкоторой пазуы.—Мнѣ отказали отъ мѣста... Поѣдешь со мной жить на Самосадку?

— Пожалуй.

Петръ Елисѣичъ съ какимъ-то отчаяніемъ посмотрѣлъ на застывшее лицо своего единственнаго друга и замолчалъ. До сихъ поръ онъ считалъ его несчастнымъ, а сейчасъ невольно завидовалъ этому безумному спокойствію. Самъ онъ такъ усталъ и измучился.

Вечеромъ, когда Нюрочка пришла прощаться, Петръ Елисѣичъ обнялъ ее и привлекъ къ себѣ.

— Нюрочка, нужно собираться: мы переѣдемъ жить въ Самосадку,— проговорилъ онъ, стараясь по лицу дѣвочки угадать произведенное его словами впечатлѣніе. — Это не скоро еще будетъ, но необходимо все приготовить.

Нюрочка осталась совершенно равнодушна къ этому извѣстію, что̀ удивило Петра Елисѣича.

— Ты слышала, о чемъ мы говорили вчера за ужиномъ? — спросилъ онъ.

— Да... Мы будемъ жить у Самойла Евтихыча, — отчетливо отвѣтила Нюрочка.

— Не у Самойла Евтихыча, а только въ его домѣ... Можетъ-быть, тебѣ не хочется переѣзжать въ Самосадку?

— Нѣтъ, я хочу... Тамъ бабушка Василиса... лѣсъ...

У Нюрочки что-то было на умѣ, что̀ ее занимало больше, чѣмъ предстоявшій переѣздъ въ Самосадку. На прощанье она не выдержала и проговорила:

— Папа, солдатъ будетъ очень бить Домнушку?

Сразу Петръ Елисѣичъ не нашелся, что̀ ей отвѣтить.

— Это не наше дѣло... — заговорилъ онъ послѣ непріятной паузы.—Да и тебѣ пора спать. Ты вотъ бѣгаешь постоянно въ кухню и слушаешь все, что̀ тамъ говорятъ. Знаешь, что я этого не люблю. Въ кухнѣ болтаютъ разныя глупости, а ты ихъ повторяешь.

Выдастся же этакій денекъ!.. Петръ Елисѣичъ никогда не сердился на Нюрочку, а тутъ былъ даже радъ, когда она ушла въ свою комнату.

Можно себѣ представить удивленіе Никитича, когда послѣ двѣнадцати часовъ ночи онъ увидалъ проходившаго мимо его корпуса Петра Елисѣича. Онъ даже протеръ себѣ глаза: ужъ не блазнитъ ли, грѣшнымъ дѣломъ? Нѣтъ, онъ, Петръ Елисѣичъ... Утромъ рано онъ приходилъ на фабрику каждый день, а ночью не любилъ ходить, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, какъ пожаръ или другое какое-нибудь несчастіе. Петръ Елисѣичъ обошелъ всѣ корпуса, осмотрѣлъ всѣ работы и завернулъ подъ домну къ Никитичу.

— Ну что̀, Никитичъ, обидѣлъ я тебя давеча? — заговорилъ онъ ласково.

— Что̀ ты, Петръ Елисѣичъ?.. Не всякое лыко въ строку, родимый мой. Взъѣлся ты на меня даве, это точно, а только я-то и ухомъ не веду... Много насъ, хошь кого вышибутъ изъ терпѣнія. Вотъ хозяйка у меня посерживается малымъ дѣломъ: утромъ половикъ выкинула... Нездоровится ей...

IV.

Послѣ отъѣзда переселенцевъ въ горбатовскомъ дворѣ стоялъ настоящій кромѣшный адъ. Макаръ все время пировалъ, билъ жену, разгонялъ ребятишекъ по сосѣдямъ и вообще держалъ себя звѣрь-звѣремъ, благо остался въ дому одинъ и никого не боялся.

— Макарушка, да ты Бога-то побойся,—усовѣщевали его сосѣди.—Ты Бога-то попомни, Макарушка... Онъ найдетъ, Богъ-отъ!

— Мой домъ, моя жена... кто мнѣ смѣетъ указывать?—оралъ Макаръ, накидываясь на непрошенныхъ совѣтниковъ.—Расшибу въ крохи!..

Такія благочестивыя рѣчи сосѣдей производили немедленное дѣйствіе: изъ горбатовскаго двора шли отчаянные вопли избиваемой на смерть Татьяны. Разстервенившійся Макаръ хотѣлъ показать всѣмъ, что онъ можетъ „учить жену“, какъ хочетъ. Это священное право мужа обезоруживало всѣхъ, и только бабы-сосѣдки бѣгали посмотрѣть, какъ Макаръ на смерть увѣчитъ жену. Чаще всего онъ привязывалъ ее къ столбу, какъ лошадь, и билъ кнутомъ, пока не уставалъ самъ. Сначала Татьяна ревѣла благимъ матомъ, а потомъ затихала, и только слышно было, какъ свищетъ кнутъ по обезсилѣвшему тѣлу. Однимъ словомъ, Макаръ изводилъ постылую жену по всѣмъ правиламъ искусства, и никто не рѣшался вмѣшаться въ его семейную жизнь. Сама Татьяна никуда не показывалась и бродила по дому, какъ тѣнь. И безъ того некрасивая, она теперь превратилась въ скелетъ, обтянутый кожей. Къ мужу-звѣрю она относилась съ паническимъ ужасомъ и только тряслась, когда онъ входилъ въ избу.

— Совсѣмъ мужикъ рѣшился ума,—толковали сосѣдки по своимъ закоулькамъ.—А все его та, змѣя-то, Аграфена, испортила... Поди, напоила его какимъ-нибудь приворотнымъ зельемъ, вотъ онъ и озвѣрѣлъ. Кержанки на это дошлыя, анаѳемы... Извела мужика, а сама улепетнула въ скиты грѣхъ хоронить. Разорвать бы ее на мелкія части...

У самой Татьяны ниоткуда и никакой „заступы“ не было, и она съ тупою покорностью ждала неизбѣжнаго конца, т.-е. когда Макаръ уходитъ ее на смерть. Не одинъ разъ онъ вытаскивалъ ее изъ избы за волосы, какъ мертвую, но, полежавъ на морозѣ, она опять отходила. Татьянѣ было такъ тяжело, что она сама молила Бога о своей смерти: она всѣмъ мѣшала, и, когда ея не будетъ, Макаръ женится на другой и заживетъ, какъ слѣдуетъ хорошему мужику. Вотъ только жаль ребятишекъ, и мысль о нихъ каждый разъ варомъ обливала отупѣвшее материнское сердце: какъ-то они будутъ жить у мачехи?.. Сама Татьяна выросла въ сиротствѣ и хорошо знала, каково дѣтямъ безъ матери. Она любила думать о себѣ, какъ о мертвой: лежитъ она, раба Божія Татьяна, въ сосновомъ гробу, скрестивъ на груди отработавшія руки, тихо и мирно лежитъ, и одинъ Богъ видитъ ея материнскую душу. „Раба Божія Татьяна, покайся и дай отвѣтъ“, слышится ей голосъ. Ахъ, какъ страшно, но вѣдь не одна она будетъ давать этотъ отвѣтъ Богу, а и тѣ, которые прожили счастливо до смерти, и которые грѣшили до гробовой доски, и которые просто ни свѣту ни радости не видѣли, а принимали одну муку мученическую... Нѣтъ, хорошо въ могилѣ: никто не тронетъ.

Макаръ думалъ свое: только бы извести Татьяну, а тамъ бы ужъ у него руки развязаны. Отыщетъ онъ Аграфену на днѣ морскомъ, и будетъ она хозяйкой у него въ домѣ. Тупая ненависть охватывала Макара, когда онъ видѣлъ жену, и не разъ у него мелькала въ головѣ мысль покончить съ ней разомъ, хотя отъ этого его удерживалъ страхъ наказанія. Объ Аграфенѣ онъ зналъ, что она въ скитахъ, и все порывался туда, но не пускала служба. Брательники Гущины въ свою очередь добирались до него и разъ совсѣмъ поймали-было въ кабакѣ, да спасибо подвернулся Мѣрокъ и выручилъ. Макаръ теперь не боялся никого и пошелъ бы прямо на ножъ.

Появленіе „Домнушкина солдата“ повернуло все въ горбатовскомъ дворѣ вверхъ дномъ. Братья встрѣтились очень невесело, какъ соперники на от-

ковское добро. До открытой вражды дѣло не доходило, но и хорошаго ничего не было.

— Не разссоримся, Макаръ, ежели напримѣръ съ умомъ... — объяснялъ „Домнушкинъ солдатъ“ съ обычною своею таинственностью. — Мѣста двоимъ хватитъ достаточно: ты въ передней избѣ живи, я въ задней. Родитель-то у насъ запасливый старичокъ...

— Да вѣдь я ему полный выходъ заплатилъ! — спорилъ Макаръ. — Это какъ по-твоему? Полтораста цѣлковыхъ заплочено...

— А гдѣ моя часть, Макаръ?

— На то была родительская воля, Артемъ...

— А за кого я въ службѣ-то отдувался, этого тебѣ родитель-то не обсказывалъ? Весьма даже напрасно... Теперь что же, по твоему-то, я по міру долженъ итти, по заугольямъ шататься? Нѣтъ, я къ этому не подверженъ... Ежели что, такъ пусть міръ насъ разсудитъ, а покедова я и такъ съ женой поживу.

— Я тебя и не гоню, а только, какъ, значитъ, родительская воля.

До открытаго раздора дѣло все-таки не дошло благодаря увертливости и разнымъ наговорамъ Артема. Онъ точно заворожилъ брата. Такъ прошло съ недѣлю, а потомъ солдатъ привелъ вечеркомъ и жену. Домнушка явилась ни жива ни мертва: лица на ней не было. Дорогой Артемъ маленько ее поучилъ для острастки, а потомъ велѣлъ истопить баню и еще разъ поучилъ. На этотъ разъ отъ науки у Домнушки искры изъ глазъ посыпались, но она укрѣпилась и не голосила, какъ другія „ученыя бабы“. Видимо это понравилось Артему, и, сорвавъ сердце, онъ успокоился: не онъ первый, не онъ послѣдній. Другимъ обстоятельствомъ, подкупившимъ его, былъ сундукъ Домнушки, доверху набитый разнымъ бабьимъ добромъ. Солдатъ внимательно перебралъ всѣ ея сарафаны, платки, верхнюю одежду и строго наказалъ беречь это добро. Домнушка сама отдала ему всѣ деньги, какія у ней были припрятаны про черный день. Это ужъ окончательно понравилось солдату, и онъ нѣсколько разъ съ особеннымъ вниманіемъ пересчиталъ всѣ гроши, которыхъ оказалось ни мало ни много, а цѣлыхъ 13 р. 28 к.

— Что хорошо, то хорошо,—замѣтилъ Артемъ, пряча деньги въ особый сундучокъ, который привезъ съ собой изъ службы.—Денежка первое дѣло.

Эта жадность мужа нѣсколько ободрила Домнушку: на деньги позарился, такъ, значитъ, можно его помаленьку и къ рукамъ прибрать. Но это было мимолетное чувство, которое заслонялось сейчасъ же другимъ, именно тѣмъ инстинктивнымъ страхомъ, какой испытываютъ только животныя.

Домнушка сразу похудѣла, сдѣлалась молчаливой и ходила, какъ въ воду опущенная. Да и дѣлать-то ей было нечего: самой съ мужемъ много ли нужно? Ни настоящаго хозяйства, ни скотины, ни заботы, какъ есть ничего. Отвыкла Домнушка отъ мужицкой жизни и по цѣлымъ часамъ сидѣла въ своей избушкѣ неподвижно, какъ пришибленная. Сидитъ Домнушка и все думаетъ, думаетъ, думаетъ... Тошно ей сдѣлается, горько, а слезъ нѣтъ. И солдату тошно на нее глядѣть, но онъ крѣпился, потому что бывалый и привычный ко всему человѣкъ. Изъ разговоровъ и поведенія мужа Домнушка убѣдилась, что онъ знаетъ рѣшительно все какъ про нее, такъ и про брата Макара, только молчитъ до поры до времени. Что-то такое свое держалъ на умѣ этотъ солдатъ, и Домнушка еще сильнѣе начинала его бояться,—чѣмъ онъ ласковѣе съ ней, тѣмъ ей страшнѣе.

„Зарѣжетъ онъ меня когда-нибудь, — думала она каждый вечеръ, укладываясь спать подъ одну шубу съ мужемъ.—Безпремѣнно зарѣжетъ...“

Всего больше удивило Домнушку, какъ мужъ подобрался къ брату Макару. Ссориться открыто онъ, видимо, не желалъ, а показать свою силу все-таки надо. Когда Макаръ бывалъ дома, солдатъ шелъ въ его избу и стороной заводилъ какой-нибудь общій хозяйственный разговоръ. Послѣ этого маленькаго вступленія онъ уже прямо обращался къ снохѣ Татьянѣ:

— Чтой-то, Татьяна Ивановна, вы такъ себя на работѣ убиваете?.. Вѣдь краше въ гробъ кладутъ. Да... А работы не передѣлаешь... Да.

Сидитъ и наговариваетъ, а самъ трубочку свою носогрѣйку посасываетъ, какъ слѣдуетъ быть настоящему солдату. Сначала такое вниманіе до смерти напугало забитую сноху, не слыхавшую въ горбатовской семьѣ ни одного ласковаго слова, а солдатъ навеличиваетъ ее еще по отечеству. И какой же дошлый этотъ Артемъ, нарочно при Макарѣ свое уваженіе Татьянѣ показываетъ.

— Конечно, родителей укорять не приходится, — тянетъ солдатъ, не обращаясь собственно ни къ кому. — Богъ за это накажетъ... А только на моихъ памятяхъ это было, Татьяна Ивановна, какъ вы весь нашъ домъ горбомъ воротили. За то васъ и въ домъ къ намъ взяли изъ бѣдной семьи, какъ лошадь двужильная бываетъ. Да-съ... Что же, Богъ труды любитъ, даже это и по нашей солдатской части, а потрудится человѣкъ — его и поберечь надо. Скотину, и ту жалѣютъ... Такъ я говорю, Макаръ?

Макаръ не зналъ, куда ему дѣваться отъ этихъ солдатскихъ разговоровъ, и только моргалъ заплывшими отъ пьянства глазами. Главное, очень ужъ складно умѣлъ говорить Артемъ... Совѣстно стало Макару, что онъ еще недавно въ гробъ заколачивалъ безотвѣтную жену, а солдатъ все свое: и худая-то она, Татьяна Ивановна, и одѣвается не по достатку, и тяжело-то ей весь домъ воротить. Сама Татьяна чувствовала то же, что испытываетъ окоченѣвшій на холодѣ человѣкъ, когда попадаетъ прямо съ мороза въ теплую комнату. Въ горбатовскомъ домѣ точно стало вдругъ свѣтлѣе, и Татьяна въ первый разъ вздохнула свободно. Душегубецъ Макаръ теперь не смѣлъ тронуть жены пальцемъ. Нашелся же такой человѣкъ, который заступился и за нее, Татьяну, и какъ все это ловко у солдата вышло: ни шуму, ни драки, какъ въ другихъ семьяхъ, а тихонько да легонько. Домнушка, не замѣчавшая раньше забитой снохи, точно въ первый разъ увидѣла ее и даже удивилась, что вотъ эта самая Татьяна Ивановна точно такой же человѣкъ, какъ и всѣ другіе.

— Ты, Домна, помогай Татьянѣ-то Ивановнѣ, — наговаривалъ ей солдатъ тоже при Макарѣ. — Ты вотъ и въ чужихъ людяхъ жила, а свой женскій видъ не потеряла. Ну, тамъ по хозяйству подсобляй, за ребятишками приглядн и всякое прочее: рука руку моетъ... Тебѣ-то въ охотку будетъ поработать, а Татьяна Ивановна, глядишь, и переведетъ духъ. Ты ужъ старайся, потому какъ въ нашемъ дому работы Татьяны Ивановны и не усчитаешь... Такъ здѣсь я говорю, Макаръ?

Домнушкѣ очень понравилось, какъ умненько и ловко мужъ донимаетъ Макара, и ей даже сдѣлалось совѣстно, что сама она никогда пальца не разогнула для Татьяны. По праздникамъ Артемъ позволялъ ей сходить въ господскій домъ и къ Рачителихѣ. Здѣсь, конечно, Домнушка успѣвала разсказать все, что съ ней происходило за недѣлю, а Рачителиха только покачивала головой.

— Ну и человѣкъ! — повторяла она, когда Домнушка передала исторію съ Татьяной. — Точно онъ съ того свѣту объявился... Такихъ-то у насъ ровно еще не бывало. А гдѣ онъ робить будетъ?

— Не знаю я ничего, Дунюшка... Не говоритъ онъ со мной объ этомъ, сама спрашивать боюсь. Съ Татьяной онъ больше разговоры-то свои разговариваетъ...

— Оказія, бабонька!.. А не спроста онъ, твой-то солдатъ, Домнушка...

— Знамо дѣло, не спроста... Боюсь я его до смерти.

— Ужъ выкинетъ какую-нибудь штуку... И чѣмъ, подумаешь, взялъ: тихостью. Другіе тамъ кулаками да горломъ, а онъ тишиной донимаетъ. Можетъ, на фабрику поступитъ?

— Не знаю, Дунюшка, ничего не знаю... Вездѣ ходитъ, все смотритъ, а дѣлать пока ничего не дѣлаетъ.

— Можетъ, денегъ изъ службы много вынесъ?

— Нѣтъ, особенныхъ денегъ не видать, а на прожитокъ хватаетъ, пока что.

Про себя Рачителиха отъ души жалѣла Домнушку: тяжело ей, бѣдной... Съ полной-то волюшки да прямо въ лапы къ этакому темному мужику попала, а бабенка простая. Изъ-за простоты своей и мужнино ученье теперь принимаетъ.

Солдатъ продолжалъ свое „поведеніе“ и съ другими. Со всѣми онъ свой человѣкъ, а съ каждымъ порознь свое обхожденіе. Въ первое же воскресенье зашелъ въ церковь и на клиросѣ дьячку Евгеньичу подпѣвалъ всю службу, послѣ обѣдни подошелъ къ о. Сергѣю подъ благословеніе, а изъ церкви отправился на базаръ. Потолкавшись на народѣ, онъ не забылъ и волость — тамъ съ волостными старичками покалякалъ. Изъ волости прошелъ въ кабакъ къ Рачителихѣ и перекинулся съ ней двумя-тремя словечками. Изъ кабака отправился въ гости къ брату Агапу, а по пути завернулъ провѣдать баушку Акулину. Однимъ словомъ, солдатъ сразу зарекомендовалъ себя „человѣкомъ съ поведеніемъ“.

О переселенцахъ не было ни слуху ни духу, точно они сквозь землю провалились. Единственное извѣстіе привезли пріѣзжавшіе передъ Рождествомъ мужики съ хлѣбомъ, — они сами были изъ орды и слышали, что весной прошелъ обозъ съ переселенцами и ушелъ куда-то на „линію“.

V.

Полуехтъ Самоварникъ теперь жилъ напротивъ Мòрока, — онъ купилъ себѣ избу у Канусика. Изба была новая, пятистѣнная, и досталась Самовару почти даромъ. Эта дешевка имѣла только одно неудобство, именно, съ перваго появленія Самоварника въ Туляцкомъ концѣ Мòрокъ возненавидѣлъ его отчаяннымъ образомъ и не давалъ прохода. Только Самоварникъ покажется на улицѣ, а Мòрокъ ужъ кричитъ ему изъ окна:

— Эй, ты, чужая ужна!.. Заходи ко мнѣ чай пить... Ужò мнѣ надо будетъ одно словечко сказать.

Полуехтъ дѣлалъ видъ, что не слышитъ, и Мòрокъ провожалъ его отборными ругательствами до поворота за уголъ. По зимамъ Мòрокъ рѣшительно ничего не дѣлалъ и поэтому преслѣдовалъ своего врага на каждомъ шагу. Выведенный изъ терпѣнія Самоварникъ нѣсколько разъ бѣгалъ жаловаться въ волость, но тамъ ему старикъ Основа отвѣтилъ поговоркой, что „не купи домъ — купи сосѣда“. Всего обиднѣе было то, что за Мòрока стоялъ весь Туляцкій конецъ. По праздникамъ Самоварникъ старался совсѣмъ не выходить на улицу, а въ будни пробирался на фабрику задами. Но и эта уловка не помогла. Мòрокъ каждый день выходилъ на мостъ черезъ Култымъ и тер-

пѣливо ждалъ, когда мимо него пойдетъ съ фабрики или на фабрику Самоварникъ, и вообще преслѣдовалъ его по пятамъ. Собиралась цѣлая толпа, чтобы посмотрѣть, какъ Мòрокъ будетъ „стрàмить“ дозорнаго.

— Полуехту Меркулычу сорокъ одно съ кисточкой, — говорилъ Мòрокъ, встрѣчая безъ шапки своего заклятаго врага. — Сапожки со скрипомъ у Полуехта Меркулыча, головка напомажена, а самъ онъ расповаженный... Пустой колосъ голову кверху носитъ.

— Отстань, смола горючая! — ругался Самоварникъ.

Доведенный до отчаянія Полуехтъ попробовалъ даже подкупить Мòрока и разъ, когда тотъ поджидалъ его на мосту, подошелъ прямо къ нему и проговорилъ съ напускною развязностью:

— А что, сусѣдъ, развѣ завернемъ отседа къ Рачителихѣ?.. Выпили бы, родимый мой...

Сначала Мòрокъ какъ будто оторопѣлъ, — онъ не ожидалъ такого выверта,—но потомъ сообразилъ и, показывая свой кулакъ, отвѣтилъ:

— У меня ужъ для тебя и закуска припасена... Пойдемъ. Тебѣ котораго ребра не жаль?

Ненависть Мòрока объяснялась тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ подозрѣвалъ Самоварника въ шашняхъ съ Феклистой, работавшей на фабрикѣ. Это была совсѣмъ некрасивая и такая худенькая дѣвушка, у которой душа едва держалась въ тѣлѣ, но она какъ-то пришлась по сердцу Мòроку, и онъ слѣдилъ за ней издали. Съ этою Феклистой онъ не сказалъ никогда ни одного слова и даже старался не встрѣчаться съ ней, но за нее онъ чуть не задушилъ солдатку Аннушку только потому, что не терялъ надежды задушить ее въ свое время.

Положеніе Самоварника получалось критическое: человѣкъ купилъ себѣ домъ—и вдругъ ни проходу ни проѣзду. Ничего не оставалось, какъ вернуться въ свой Кержацкій конецъ на общее посмѣшище. Единственнымъ союзникомъ Самоварника являлся синельщикъ Митричъ, тощій и чахоточный вятчанинъ, появившійся въ Ключевскомъ заводѣ уже послѣ воли. Этотъ Митричъ одинаково былъ чужимъ для всѣхъ трехъ концовъ и держалъ сторону Самоварника только потому, что жилъ у него на квартирѣ. Пользы отъ Митрича не могло и быть. Въ самый разгаръ этой борьбы Самоварника съ Мòрокомъ явился на выручку „Домнушкинъ солдатъ“. Онъ познакомился съ Полуехтомъ гдѣ-то на базарѣ, а потомъ завернулъ по пути къ нему въ избу.

— Одолѣлъ меня Мòрокъ, — жаловался Полуехтъ. — Хошь сейчасъ избу продавать... Прямо сказать: язва.

Артемъ только качалъ головой въ знакъ своего сочувствія.

— Ядовитый мужичонка, — поддакивалъ онъ Самоварнику. — А промежду прочимъ и такъ сказать: собака лаетъ—вѣтеръ носитъ. Надо его будетъ немного укоротить.

— Родимый мой, заставь вѣчно Бога молить!.. Поѣдомъ съѣлъ... Вотъ спроси Митрича.

— Укротимъ, Полуехтъ Меркулычъ, только оно не вдругъ, а этакъ полегоньку... Шелковый будетъ.

Когда Мòрокъ увидѣлъ, какъ Артемъ завелъ „каппанію“ съ Самоварникомъ, то закипѣлъ страшною яростью и, выскочивъ на улицу, заоралъ:

— Эй, солдатъ, кислая шерсть, чаю захотѣлъ?.. Завели каппанію, нечего сказать: одинъ двухъорловый, а другой совсѣмъ темная копейка. Ужò который котóраго обуетъ на обѣ ноги... Ахъ, черти деревянные, что придумали!.. На одной бы веревкѣ васъ удавить обоихъ: вотъ вамъ какая каппанія слѣдуетъ...

— Ахъ, озорникъ, озорникъ! — удивлялся „Домнушкинъ солдатъ“. — Этакая пасть, подумаешь, а?

Вмѣстѣ съ Самоварникомъ солдатъ пробрался на фабрику и осмотрѣлъ все съ такимъ вниманіемъ, точно собирался ее, по меньшей мѣрѣ, купить. Съ фабрики онъ отправился на Крутяшъ.

— Давно собираюсь роденьку свою навѣстить, — объяснялъ онъ Самоварнику.—Къ Никону Авдеичу, значитъ... Не чужой онъ мнѣ, ежели разобрать. Своякомъ приходится.

Эта смѣлость солдата забраться въ гости къ самому Палачу изумила даже Самоварника: ловокъ солдатъ. Да еще какъ говоритъ-то: не чужой мнѣ, говоритъ, Никонъ Авдеичъ. Нечего сказать, нашелъ большую родню — свояка.

Дѣйствительно Артемъ отправился на Мѣдный рудникъ и забрался прямо къ Анисьѣ въ качествѣ родственника. Сначала эта отчаянная бабенка испугалась неожиданнаго гостя, а потомъ онъ ей понравился и своею обходительностью и вообще всѣмъ поведеніемъ.

— Все-то у васъ есть, Анисья Трофимовна, — умиленно говорилъ солдатъ.—Не какъ другія прочія бабы, которыя отъ одной своей простоты гинутъ... У каждаго своя линія. Вотъ моя Домна... Кто Богу не грѣшенъ, а я по роницу: и хороша — моя, и худа — моя... Законъ-то для всѣхъ одинъ.

— Ужъ ты не взыскивай съ нея очень-то,—умасливала его Анисья.— Одна у насъ, у бабъ, слабость. Около тебя-то опять человѣкомъ будетъ.

— Это вы правильно, Анисья Трофимовна... Помаленьку. Живемъ, прямо сказать, въ темнотѣ. Народъ отъ ниня, и никакого понятія...

Палачъ отнесся очень благосклонно къ „свояку“ и даже велѣлъ Анисьѣ подать гостю стаканъ водки.

— Не потребляю, Никонъ Авдеичъ, — отвѣтилъ Артемъ.—Можно такъ сказать, что даже совсѣмъ презираю это самое вино.

— Какой же ты послѣ этого солдатъ? — удивлялся Палачъ. — Эхъ, служба, служба, плохо дѣло...

— И прежде не имѣлъ я этого малодушія, Никонъ Авдеичъ, а теперь ужъ привыкать поздно.

Особенно любилъ Артемъ ходить по базару въ праздники; какъ изъ церкви, такъ прямо и на базаръ до самого вечера. Съ тѣмъ поговоритъ, съ другимъ, съ третьимъ; въ одной лавкѣ посидитъ, перейдетъ въ другую, и вездѣ свой разговоръ. Базаръ на Ключевскомъ былъ маленькій, всего лавокъ пять; въ одной старшій сынъ Основы сидѣлъ съ мукой, овсомъ и разнымъ харчемъ, въ другой торговала разною мелочью старуха Никитична, въ третьей хромой и кривой Желтухинъ продавалъ разный крестьянскій товаръ: чекмени, азямы, опояски, конскую сбрую, пряники, медъ, деготь, веревки, гвозди, варенье и т. д. Двѣ лучшихъ лавки принадлежали Груздеву, одна съ краснымъ товаромъ, другая съ галантереей. Передъ Рождествомъ въ лавку съ краснымъ товаромъ Груздевъ посадилъ торговать Илюшку Рачителя: невеликъ паренекъ, а сноровистъ. Повѣрять его пріѣзжалъ каждую субботу старшій приказчикъ изъ Мурмоса, а иногда самъ Груздевъ, имѣвшій обыкновеніе наѣзжать невзначай.

По праздникамъ лавка съ краснымъ товаромъ осаждалась обыкновенно бабами, такъ что Илюшка едва успѣвалъ съ ними поправляться. Особенно доставалось ему отъ поденщицъ-щеголихъ. Солдатъ обыкновенно усаживался гдѣ-нибудь у прилавка и смотрѣлъ, какъ бабы тащили Илюшкѣ послѣдніе гроши.

— Эхъ, бить-то васъ некому, умницы! — обругаетъ онъ иной разъ, когда придется невтерпежъ отъ бабьей глупости. — Принесла деньги, а унесла тряпки...

— Ты самъ купи да подари, а потомъ и кори, — ругались бабы. — Чего на чужое-то добро зариться? Женѣ бы вотъ на сарафанъ купилъ.

Илюшка вообще былъ сердитый малый и косился на солдата, который безъ дѣла только мѣсто просиживаетъ да другимъ мѣшаетъ. Гнать его изъ лавки тоже не приходилось, ну и пусть сидитъ, чортъ съ нимъ! Но чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе безпокоили эти посѣщенія Илюшку. Онъ начиналъ сердиться, какъ котенокъ, завидѣвшій собаку.

— Трудненько тебѣ, Илюша, — ласково говоритъ солдатъ. — Ростомъ-то еще не дошелъ маненько...

— Не твоя забота, — огрызается Илюшка. — Шелъ бы ты куда тебѣ надо, а то напрасно только глаза добрымъ людямъ мозолишь.

— Ишь ты, какой прыткій! — удивляется солдатъ. — Мѣста пожалѣлъ.

Въ какихъ-нибудь два года Илюшка сдѣлался неузнаваемъ, — выросъ, поздоровѣлъ, выправился. Только дѣтское лицо было серьезно не по годамъ, и на немъ ложилась какая-то тѣнь. По вечерамъ онъ частенько завертывалъ провѣдать мать въ кабакѣ, — самъ онъ жилъ на отдѣльной квартирѣ, потому что у матери и безъ него негдѣ было кошку за хвостъ повернуть. Первымъ дѣломъ Илюшка подарилъ матери платокъ, и это вниманіе пробило Рачителиху. Звѣрь Илюшка точно переродился, и материнское сердце оттаяло. Да и всѣ другіе не нахваливались, начиная съ самого Груздева: очень ужъ ловкій да расторопный мальчуганъ. Большому за нимъ не угнаться. Рачителиха чувствовала, что сынъ жалѣетъ ее, и что въ его задумчивыхъ не по-дѣтски глазахъ для нея свѣтится конецъ ея каторжной жизни. Не вѣкъ же и ей за кабацкою стойкой мыкаться.

Разъ вечеромъ Илюшка пришелъ къ матери совсѣмъ угрюмый и такой неласковый, что это встревожило Рачителиху.

— Ужъ ты здоровъ ли?—спросила она.

— Ничего, слава Богу...

Помолчавъ немного, Илюшка, между прочимъ, сказалъ:

— Солдатъ меня этотъ одолѣлъ... Придетъ, вытаращитъ глаза и сидитъ.

— Ну и пусть сидитъ... Онъ вѣдь вездѣ экъ-ту ходитъ да высматриваетъ. Вчерашній день потерялъ...

— Нѣтъ, мамынька, не то: не спроста онъ обхаживаетъ насъ всѣхъ.

— Чумной какой-то!.. Дуракомъ не назовешь, а и къ умнымъ тоже не пристадъ.

Илюшка только улыбнулся и замолчалъ.

— Мамынька, что я тебѣ скажу, — проговорилъ онъ послѣ длинной паузы: — вѣдь солдатъ-то, помяни мое слово, или тебя, или меня по шеѣ... Вѣрно тебѣ говорю!

— Н-но-о?!

— Вѣрно тебѣ говорю... Вотъ погляди, какъ онъ въ кабакъ цѣловальникомъ сядетъ.

— Да не несъ ли? — изумилась Рачителиха. — А вѣдь ты правильно сказалъ: быть ему въ цѣловальникахъ... Теперь все обнюхалъ, все осмотрѣлъ, ну и за стойку. А только какъ же я-то?

— Ты-то?.. Ты такъ и останешься, а Груздевъ, навѣрное, другой кабакъ откроетъ... У тебя мочеганы наши, а у солдата Кержацкій конецъ да Пеньковка. Не бойсь, не ошибется Самойло-то Евтихычъ...

VI.

Извѣстіе, что на его мѣсто управителемъ назначенъ Палачъ, для Петра Елисѣича было страшнымъ ударомъ. Онъ могъ помириться съ потерей мѣста, съ собственнымъ изгнаніемъ и вообще съ чѣмъ угодно, но это было свыше его силъ.

— Имъ нужны кровопійцы, а не управители! — кричалъ онъ, когда въ Ключевской заводъ пріѣхалъ исправникъ Иванъ Семенычъ. — Они погубятъ все дѣло, и тогда самъ Лука Назарычъ полетитъ со своего мѣста... Вотъ посмотрите, что такъ будетъ!

— А ну ихъ! — равнодушно соглашался исправникъ. — Я самъ бросаю свою собачью службу, только дотянуть бы до пенсіи... Надоѣло.

Иванъ Семенычъ вообще принялъ самое живое участіе въ судьбѣ Мухина и даже помогалъ Нюрочкѣ укладываться.

— Я къ тебѣ въ гости на Самосадку пріѣду, писанка,—шутилъ онъ съ дѣвочкой.—Лѣтомъ будемъ въ лѣсъ по грибы ходить... да?

Предварительно Петръ Елисѣичъ съѣздилъ на Самосадку, чтобы тамъ приготовить все, а потомъ уже начались серьезные сборы. Домнушка какъ-то выпросилась у своего солдата и прибѣжала въ господскій домъ помогать „собираться“. Она горько оплакивала уѣзжавшихъ на Самосадку, точно провожала ихъ на смерть. Изъ прежней прислуги у Мухина оставалась одна Катря, попрежнему „на горничномъ положеніи“. Тишка поступалъ „въ молодцы“ къ Груздеву. Таисья, конечно, была тоже на мѣстѣ дѣйствія и управлялась вмѣстѣ съ Домнушкой.

Сборы на Самосадку вообще приняли грустный характеръ. Петръ Елисѣичъ не былъ суевѣрнымъ человѣкомъ, но его начали тѣснить какія-то грустныя предчувствія. Что онъ высидитъ тамъ, на Самосадкѣ, а затѣмъ, что ждетъ бѣдную Нюрочку въ этой медвѣжьей глуши? Единственнымъ утѣшеніемъ служило то, что все это дѣлается только „пока“, а тамъ будетъ видно. Изъ заводскихъ служащихъ всѣхъ лучше отнесся къ Петру Елисѣичу старый рудничный надзиратель Ефимъ Андреичъ. Старикъ выказалъ искреннее участіе и, качая головой, говорилъ:

— Теперь молодымъ ходъ, Петръ Елисѣичъ, а насъ, стариковъ, на подножный кормъ погонятъ всѣхъ... Значитъ, другого не заслужили. Только я такъ думаю, Петръ Елисѣичъ, что и безъ насъ тоже дѣло не обойдется. Помудрятъ малымъ дѣломъ, а потомъ насъ же за оба бока и ухватятъ.

Крѣпкій былъ старикъ Ефимъ Андреичъ и не любилъ жаловаться на свою судьбу, а тутъ не утерпѣлъ. Онъ даже прослезился, прощаясь съ Петромъ Елисѣичемъ.

Обозъ съ имуществомъ былъ посланъ впередъ, а за нимъ отправлена въ особомъ экипажѣ Катря вмѣстѣ съ Сидоромъ Карпычемъ. Петръ Елисѣичъ уѣхалъ съ Нюрочкой. Передъ отъѣздомъ онъ даже не зашелъ на фабрику проститься съ рабочими: это было выше его силъ. Изъ дворни господскаго дома остался на своемъ мѣстѣ только одинъ старикъ-сторожъ Антипъ. У Палача былъ свой штатъ дворни, и „приказчица“ Анисья еще раньше похвалялась, что „изъ мухинскихъ“ никого въ господскомъ домѣ не оставитъ.

Груздевскій домъ на Самосадкѣ былъ жарко натопленъ въ ожиданіи новыхъ хозяевъ. Онъ стоялъ пустымъ всего около года и не успѣлъ еще принять тотъ нежилой видъ, которымъ отличаются всѣ такіе дома. Нюрочка была въ восторгѣ, главнымъ образомъ, отъ двухъ свѣтелокъ, гдѣ лѣтомъ такъ

хорошо. Сбѣжалась вся пристань поглазѣть на бывшаго приказчика. Въ комнатахъ набралось столько всевозможной родни, что повернуться было негдѣ. Не пришла только сама Василиса Корниловна,—правная старуха сама ждала перваго визита. Вся эта суматоха произвела на Нюрочку какое-то опьяняющее впечатлѣніе, точно она переселилась въ какой-то новый міръ. Да и бояться ей теперь было некого: разбойникъ Вася былъ далеко—въ Мурмосѣ.

— Нюрочка, ты теперь большая дѣвочка,—заговорилъ Петръ Елисѣичъ, когда вечеромъ они остались вдвоемъ,—будь хозяйкой.

— А что значитъ, папа, быть хозяйкой?

— Гм... Домнушки у насъ нѣтъ, Тишки тоже. Остается одна Катря... Кто-нибудь долженъ смотрѣть за порядкомъ въ домѣ. Понимаешь?

— Какъ Анѳиса Егоровна, папа?

— Ну да.

Нюрочка задумалась, а потомъ разрѣшила всѣ недоразумѣнія:

— Папа, мнѣ нужно сшить такой же фартукъ, какъ у Анѳисы Егоровны.

Первое время хлопоты по устройству въ новомъ мѣстѣ заняли всѣхъ. Даже Катря, и та „уходилась“ съ разными хозяйственными хлопотами. У ней была своя отдѣльная комната, гдѣ раньше жила Анѳиса Егоровна. Кухаркой поступила въ груздевскій домъ сердитая старуха Потапиха, жившая раньше у Груздева. Однимъ словомъ, все устроилось помаленьку, и Петръ Елисѣичъ съ какимъ-то страхомъ ждалъ наступленія того рокового момента, когда будетъ поставленъ послѣдній стулъ и вообще нечего будетъ дѣлать. Впрочемъ, оставалась еще въ запасѣ пристанская родня, съ которою приходилось теперь поневолѣ дружить,—ко всѣмъ нужно сходить въ гости и всѣхъ принять. Эти церемоніи заняли немало времени. Бабушка Василиса встрѣтила переселенцевъ очень миролюбиво, какъ и братъ Егоръ. Старуха сильно перемогалась и по-раскольничьи готовилась къ смерти. Лицо у ней сдѣлалось совсѣмъ бѣлое, какъ воскъ; только глаза попрежнему смотрѣли неприступно-строго. Это мертвое лицо точно свѣтлѣло какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ только въ присутствіи Нюрочки.

— Ахъ, ты, моя басурманочка,—ласково шептала старуха, приглаживая своею сухою, дрожавшею рукой бѣлокурую головку Нюрочки. — Не любишь баушку Василису?

Когда ей дѣлалось особенно тяжело, старуха посылала за басурманочкой и сейчасъ же успокоивалась. Нюрочка не любила только, когда бабушка упорно и долго смотрѣла на нее своими строгими глазами,—въ этомъ взглядѣ выливался послѣдній остатокъ силъ бабушки Василисы.

Петръ Елисѣичъ при переѣздѣ на Самосадку обратилъ особенное вниманіе на библіотеку, которую сейчасъ и приводилъ въ порядокъ съ особенною любовью, точно онъ послѣ труднаго и опаснаго путешествія попалъ въ общество старыхъ хорошихъ знакомыхъ. Да, это были старые, неизмѣнные друзья. Въ послѣдніе года онъ какъ-то поотсталъ отъ занятій и теперь могъ съ лихвой наверстать разраставшіеся пробѣлы. Большинство книгъ были иностранныя, преимущественно французскія и англійскія. Особенно любилъ Петръ Елисѣичъ англійскую спеціальную литературу, гдѣ каждый вопросъ разрабатывался съ такою солидною роскошью, какъ лучшіе предметы англійскаго производства. По горнозаводскому дѣлу здѣсь оставалось только пользоваться уже готовыми результатами феноменально дорогихъ опытовъ. Примѣненіе къ мѣстнымъ условіямъ и требованіямъ производства являлось дѣломъ несложнымъ. Въ воображеніи Петра Елисѣича рисовались грандіозныя картины, захватывавшія духъ своею смѣлостью. Для выполненія ихъ подъ руками было

рѣшительно все: громадная заводская площадь, привыкшая къ заводскому дѣлу рабочая сила, уже существующія фабрики, и вообще цѣлый строй жизни, сложившейся еще подъ давленіемъ крѣпостного режима. И вдругъ все это свѣтлое будущее, обогатившее бы и заводовладѣльца и заводское населеніе, заслонено сейчасъ одною фигурой крѣпостного управляющаго Луки Назарыча.

VII.

Въ великое говѣнье Василиса Корниловна совсѣмъ разнемоглась. Она уже больше не вставала и говорила съ трудомъ: лѣвая половина тѣла вся отнялась. Желтая, какъ скитскій воскъ, старуха лежала на лавкѣ и съ умилительнымъ терпѣніемъ ждала смерти. Послѣдняя любовь угасавшей жизни теперь сосредоточивалась на жигалѣ Мосеѣ и маленькой Нюрочкѣ. Старуха потребовала, чтобы Мосей выѣхалъ съ своего куреня и дожидался ея смерти. О другихъ дѣтяхъ, какъ Петръ Елисѣичъ и Егоръ, она даже не вспоминала. Когда Петръ Елисѣичъ пригласилъ изъ Ключевского завода фельдшера Хитрова, Василиса Корниловна съ трудомъ проговорила:

— Отъ смерти лѣкарства нѣтъ... Смертынька моя пришла. Пошлите въ скиты за Енафой... Хочу принять послѣднюю исправу...

Пришлось исполнить эту послѣднюю волю умирающей все тому же Петру Елисѣичу. Въ Заболотье былъ наряженъ братъ Егоръ. Его возвращенія ждали съ особеннымъ нетерпѣніемъ, точно онъ могъ привезти съ собой чудо исцѣленія. Нюрочка успѣла привыкнуть къ бабушкѣ и даже ночевала у ней въ избѣ. Егоръ вернулся только черезъ три дня. Это было ночью, когда вся Самосадка спала мертвымъ сномъ, и только теплился огонекъ въ избѣ Егора. Двое саней проѣхали прямо въ груздевскій домъ. Рано утромъ, когда Нюрочка сидѣла у баушки, въ избу вошла мать Енафа въ сопровожденіи инока Кирилла. Василиса Корниловна облегченно вздохнула: будетъ кому похоронить ее по древлему благочестію.

— Ну что, бабушка?—грубо спрашивала мать Енафа, останавливаясь передъ больной.—Помирать собралась?

— Завтра помру, матушка,—кротко отвѣтила старуха, собирая послѣднія силы.—Спасибо, что не забыла.

— Другъ о дружкѣ должны заботиться, а Богъ обо всѣхъ.

Больная тяжело заметалась и закрыла глаза. Инокъ Кириллъ неподвижно стоялъ у двери, опустивъ глаза въ землю.

— Желаю принять иночество, — шептала больная, оправляясь отъ забытья.

Мать Енафа и инокъ Кириллъ положили „началъ“ передъ образами и раскланялись на всѣ четыре стороны, хотя въ избѣ, кромѣ больной, оставалась одна Нюрочка. Потомъ мать Енафа перевернула больную внизъ лицомъ и покрыла шелковою пеленой съ нашитымъ на ней изъ желтаго позумента большимъ восьмиконечнымъ раскольничьимъ крестомъ.

— Теперь читай: „Ослаби, остави, прости, Боже, согрѣшенія мои вольныя и невольныя“,—грубо приказывала мать Енафа.

Больная только слабо стонала, а читать за нее долженъ былъ инокъ Кириллъ. Нюрочкѣ вдругъ сдѣлалось страшно, и она убѣжала домой. Кстати, тамъ ее уже искали: пріѣхалъ изъ Мурмоса Самойло Евтихычъ и мастерица Таисья.

— Ой, какая ты большая выросла! — удивлялся Груздевъ, ласково поглядывая на Нюрочку.—Вотъ и хозяйка въ дому, Петръ Елисѣичъ!

Груздевъ пріѣхалъ по дѣлу: время шло къ отправкѣ весенняго каравана, и нужно было осмотрѣть строившіяся на берегу барки. Петръ Елисѣичъ, пожалуй, былъ и не радъ гостямъ, хотя и любилъ Груздева за его добрый характеръ.

— Вотъ и со старушкой кстати прощусь,—говорилъ за чаемъ Груздевъ съ грустью въ голосѣ. — Корень была, а не женщина.... Когда я еще босикомъ бѣгалъ по пристани, такъ она частенько началила меня... То за вихры поймаетъ, то подзатыльника хорошаго дастъ. Охъ, жизнь наша, Петръ Елисѣичъ... Сколько ни живи, а все помирать придется. Говори мнѣ спасибо, Петръ Елисѣичъ, что я тогда тебя помирилъ съ матерью. Помнишь? Ежели и помретъ старушка, все же однимъ грѣхомъ у тебя меньше. Мать — первое дѣло...

Петръ Елисѣичъ больше молчалъ. Онъ впередъ былъ разстроенъ быстро близившеюся развязкой. Его огорчало больше всего то, что онъ не чувствовалъ того, что̀ должна была бы вызвать смерть любимой женщины. Мать оставалась для него чужою, какъ отвлеченная идея или представленіе. Онъ напрасно отыскивалъ въ своей душѣ то теплое и дѣтски-чистое чувство, которое является синонимомъ жизни. Именно этого чувства и не было. Неужели впослѣдствіи такъ же отнесется къ нему и Нюрочка? Нѣтъ, это ужасно... Жизнь являлась какою-то колоссальною безсмыслицей, и душу охватывала щемящая пустота.

Вечеромъ Петръ Елисѣичъ отправился къ матери вмѣстѣ съ Нюрочкой. Груздевъ былъ уже тамъ. Больная лежала передъ образами вся въ черномъ. До десятка желтыхъ восковыхъ свѣчъ тускло горѣло передъ мѣднымъ распятіемъ и старинными складнями. Дымъ ладана заволакивалъ все, а мать Енафа все помахивала кацеей *), изъ которой дымъ такъ и валилъ. Первое, что̀ поразило Нюрочку, это удивительно пріятный женскій голосъ, который, казалось, наполнялъ всю избу вмѣстѣ съ ладаномъ. Читала какая-то незнакомая старица, вся въ черномъ и съ черною шапочкой на головѣ. Около нея стояла съ лѣстовкой въ рукѣ мастерица Таисья и откладывала поклонъ за поклономъ. А женскій голосъ все читалъ и читалъ звенящимъ раскольничьимъ распѣвомъ. Нюрочку вдругъ охватило еще не испытанное ею чувство благоговѣнія. Когда мастерица Таисья подала ей лѣстовку и ситцевый подрушникъ, дѣвочка принялась откладывать земные поклоны и креститься, повторяя каждое движеніе Таисьи. Ей казалось, что она сама возносится куда-то кверху вмѣстѣ съ кадильнымъ дымомъ, а звенѣвшій молодой голосъ звалъ ее въ невѣдомую даль. Когда читавшая инокиня оглянулась зачѣмъ-то къ Таисьѣ, Нюрочкѣ показалось, что она видитъ ангела: изъ темной рамы „иночества“ на нее глянуло блѣдное лицо неземной красоты. Сѣрые большіе глаза скользнули по ней, и этотъ случайный взглядъ навсегда запалъ въ дѣтскую душу. Нюрочкѣ страстно захотѣлось подойти къ удивительной инокинѣ и поцѣловать край ея темной рясы. Она все время безконечной раскольничьей службы стояла, какъ очарованная, и все смотрѣла на читавшую инокиню.

— Кто эта инокиня, которая читала? — спрашивала Нюрочка, когда мастерица Таисья повела ее домой.

— Какая это инокиня,—неохотно отвѣтила Таисья, шагая по узенькой тропочкѣ, пробитой въ сугробахъ снѣга прямо подъ окнами.—Инокини не такія бываютъ.

— А кто же она?

---

*) Кацея—кадильница съ деревянною ручкой.

— Послушница Аглаида... Она съ матерью Енафой пріѣхала изъ Заболотья. Уставщицей у нихъ въ скитахъ будетъ... А зачѣмъ ты спрашиваешь?

— Такъ.

Нюрочкѣ вдругъ сдѣлалось больно: зачѣмъ Таисья такъ говоритъ о черномъ ангелѣ, котораго ей хотѣлось цѣловать?

Цѣлую ночь не спали ни въ груздевскомъ домѣ ни въ избѣ Егора,— всѣ томились ожиданіемъ, когда „отойдетъ“ Василиса Корниловна. Петръ Елисѣичъ, конечно, былъ противъ разныхъ церемоній, какія продѣлывались надъ умирающей наѣхавшею скитскою братіей, но что подѣлаешь съ невѣжественною родней, когда старуха сама потребовала „иночества“, а передъ этимъ еще должно было совершиться „скитское покаяніе“, соборованіе масломъ и т. д. Единственнымъ разумнымъ человѣкомъ являлась мастерица Таисья, и черезъ нее Петръ Елисѣичъ дѣлалъ напрасную попытку уговорить остальныхъ, но все это было безполезно.

— Сама матушка Василиса Корниловна пожелала,—съ обычнымъ смиреніемъ отвѣчала Таисья.—Ея воля, Петръ Елисѣичъ, голубчикъ.

— Она больная женщина, и другіе должны позаботиться объ ея спокойствіи.

Таисья терпѣливо выслушивала выговоры и ворчанье Петра Елисѣича и не возражала ему. Это было лучшее средство поставить на своемъ, какъ она дѣлала всегда. Собственно говоря, Петръ Елисѣичъ всегда былъ радъ ее видѣть у себя, и теперь въ особенности, — Таисья вездѣ являлась желанною гостьей.

Такъ прошла вся ночь. Таисья то и дѣло уходила справляться въ избу Егора, какъ здоровье бабушки Василисы. Петръ Елисѣичъ дремалъ въ креслѣ у себя въ кабинетѣ. Подъ самое утро Таисья тихонько разбудила его.

— Отходитъ Василиса Корниловна,—шопотомъ объявила она.—Вся затихла, а это ужъ къ смерти.

Какъ Петръ Елисѣичъ ни былъ подготовленъ къ такому исходу, но эти слова ударили его, точно обухомъ. У него даже руки тряслись, когда онъ торопливо одѣвался въ передней.

— Не нужно ли чего-нибудь?—спрашивалъ онъ.

— Охъ, ничего не нужно, родимый мой... Все здѣсь останется, одна душенька отойдетъ.

Въ избѣ Егора собралась въ послѣдній разъ вся семья жигаля Елески: Петръ Елисѣичъ, Мосей и Егоръ. Больная лежала на старомъ мѣстѣ. Когда Петръ Елисѣичъ вошелъ въ избу, она открыла глаза, обвела всѣхъ и слабо поморщилась. Одна Таисья поняла это движеніе и сейчасъ же побѣжала за Нюрочкой. Дѣвочку привели сонную; она почти не сознавала, что дѣлается вокругъ. Ее заставили подойти къ бабушкѣ. Сухая старушечья рука легла на ея бѣлокурую головку, но силы уже оставляли бабушку Василису, и она только жалобно посмотрѣла кругомъ. Таисья взяла ея здоровую правую руку, сложила большимъ крестомъ и благословила ею плакавшую маленькую басурманку.

— Живите... живи... Богомъ...—бормотали высохшія губы больной.

Въ избѣ воцарилась мертвая тишина, и мать Енафа подала знакъ Аглаидѣ читать отходную. При сѣромъ свѣтѣ занимавшагося мартовскаго утра, глядѣвшаго въ маленькія оконца избы Елески Жигаля, старая Василиса Корниловна наконецъ „отошла“... У Петра Елисѣича точно что оборвалось въ груди, и онъ глухо зарыдалъ. Что-то такое несправедливое и жестокое пронеслось надъ избушкой Елески Жигаля, что отравляло жизнь всѣмъ, на-

чиная вотъ съ этой покойницы. Да, онъ самъ, Петръ Елисѣичъ, былъ несправедливъ къ ней, къ матери, потому что несправедлива была вся жизнь... Его поразилъ больше всего ничтожный фактъ: когда Аглаида стала читать отходную, Таисья быстро сунула подъ голову умиравшей заранѣе приготовленный камень. Такъ требуетъ раскольничій обычай. Каждый уноситъ съ собой въ могилу такіе камни.

Похороны заняли цѣлыхъ три дня. Надъ покойницей читали попеременно Аглаида и Таисья. Гробъ былъ сдѣланъ колодой, а не дощатый. Покойницу обули въ лапти, какъ того требовалъ обычай, хотя въ Самосадкѣ въ лаптяхъ никто не ходилъ, спеленали по савану широкою холстиной и положили на столъ въ переднемъ углу. По обычаю, надъ женщиной читали только женщины, а инокъ Кириллъ привезенъ былъ только для исполненія чина погребенія. Нюрочка хотя и плакала, но только потому, что плакали другіе. Въ избу къ покойницѣ она бѣгала, чтобы поговорить съ послушницею Аглаидой, съ которою успѣла познакомиться въ день бабушкиной смерти. Эта послушница производила на дѣвочку неотразимое впечатлѣніе своею застывшею красотой и чуднымъ голосомъ. Нюрочка нарочно плакала, чтобы слышать утѣшенія и ласковыя слова Аглаиды. Обыкновенно Аглаида уводила Нюрочку за занавѣску къ печкѣ, усаживала въ уголокъ на лавку или къ себѣ на колѣни и говорила ласковымъ шопотомъ одно и то же:

— Сорокъ день и сорокъ ночей будетъ летать баушкина душенька надъ своимъ домомъ и будетъ она плакать... Горько будетъ она плакать, а мы будемъ молиться. Всѣ мертвыя души такъ-то летаютъ надъ своими избами. А въ Радуницу ты возьмешь красное яичко и пойдешь христосоваться къ баушкѣ на могилку: въ Радуницу всѣ покойнички радуются. Отъ великаго четверга Страстныя седмицы до Вознесенья всѣ мертвыя душеньки въ свѣтломъ мѣстѣ летаютъ, а отъ Вознесенья до великаго четверга утомляются въ темномъ. Только у нихъ и радости, когда за нихъ на землѣ кто помолится... На дѣтяхъ никакого грѣха нѣтъ, вотъ ихняя молитва и доходнѣе къ Богу, чѣмъ наша. Только ты молись большимъ крестомъ, да съ лѣствовкой...

— Я буду вмѣстѣ съ тобой молиться,—отвѣчала Нюрочка, стараясь прижаться всѣмъ тѣломъ къ ласковой послушницѣ.

— Я скоро уѣду...—печально говорила Аглаида и молча гладила Нюрочку своею мягкою бѣлою рукой.

— А я скажу папѣ, чтобы онъ тебя не отпускалъ...

— Нельзя, родная моя.

Въ Нюрочкѣ проснулось какое-то страстное чувство къ красивой послушницѣ, какъ это бываетъ съ дѣвочками въ переходномъ возрастѣ, и она ходила за ней, какъ тѣнь. Затѣмъ на ней все черное? Зачѣмъ глаза у ней такіе печальные? Зачѣмъ на нее ворчитъ походя эта сердитая Енафа? Десятки подобныхъ вопросовъ носились въ головѣ Нюрочки и не получали отвѣта.

Эта быстро вспыхнувшая дѣтская страсть исчезла съ такою же скоростью, какъ и возникла. Въ день похоронъ, когда Нюрочка одна пошла изъ дому, она увидѣла, какъ у воротъ груздевскаго дома, прислонившись къ вереѣ, стоялъ груздевскій обережной Матюшка Гущинъ, а около него какая-то женщина. Дѣвочка инстинктивно оглянулась и замѣтила въ первую минуту, что женщина о чемъ-то плачетъ. Уже подходя къ бабушкиной избѣ, Нюрочка догадалась, что эта плакавшая женщина была послушница Аглаида. Это открытіе взволновало дѣвочку до слезъ: ея черный ангелъ, ея любовь—и какой-нибудь Матюшка. Нюрочку оскорбило то, что сестра Аглаида разгова-

ривастъ съ мужикомъ, а всѣ мужики пьютъ водку и ругаются нехорошими словами.

„Нѣтъ, она нехорошая“,—думала Нюрочка съ горечью во время похоронъ и старалась не смотрѣть на сестру Аглаиду.

Во главѣ похоронной церемоніи стоялъ инокъ Кириллъ, облаченный въ темную ряску и иноческую шапочку. Онъ говорилъ возгласы и благословлялъ покойницу въ далекій путь, изъ котораго нѣтъ возврата. Вся Самосадка сбѣжалась провожать бабушку Василису на свой раскольничій „могильникъ“, гдѣ лежали дѣды и прадѣды. Бабы подняли такой ужасный вой и такъ запричитали, что у Петра Елисѣича повернулось сердце. Груздевъ тоже присутствовалъ на похоронахъ,—онъ остался лишній день изъ уваженія къ пріятелю. Вся Самосадка шла за колодой бабушки Василисы. День былъ пасмурный, и падалъ мягкій снѣжокъ. Въ воздухѣ неслось похоронное пѣніе,—пѣли скитницы, мать Енафа и Аглаида, а имъ подтягивалъ инокъ Кириллъ. Мастерица Таисья не могла пѣть отъ душившихъ ее слезъ.

Старый раскольничій могильникъ расположился на высокомъ берегу Каменки бобровою шапкой изъ мохнатыхъ елей, пихтъ и кедровъ. Надъ каждою могилкой стоялъ деревянный голубецъ съ деревяннымъ восьмиконечнымъ крестомъ. Нюрочку удивило, какая маленькая могилка была вырыта для бабушки Василисы, а потомъ ей сдѣлалось страшно, когда мерзлая земля застучала о гробовую крышку и бабы неистово запричитали. Съ могильника вернулись въ избу Егора, гдѣ и справили поминальный столъ. Всѣмъ верховодила Таисья. Скитскіе обѣдали за отдѣльнымъ столомъ и ѣли каждый изъ своей чашки. Когда послѣ похоронныхъ блиновъ пропѣта была послѣдняя вѣчная память, Петръ Елисѣичъ отправилъ Нюрочку домой. Провожать ее вызвалась Аглаида, потому что Таисья управлялась съ гостями. Сначала онѣ шли молча, и, только уже подходя къ груздевскому дому, Аглаида проговорила:

— Аннушка, ты сердишься на меня?

Нюрочка въ первую минуту смутилась и посмотрѣла на Аглаиду злыми глазами, а потомъ бросилась къ ней на шею и громко зарыдала. Когда Аглаида узнала, въ чемъ дѣло, она опустила глаза и сказала:

— Да вѣдь это мой родной братъ, Аннушка... Я изъ гущинской семьи. Можетъ, помнишь, года два тому назадъ, вмѣстѣ ѣхали на Самосадку къ Троицѣ? Я съ брательниками на одной телѣгѣ ѣхала... Въ мірѣ-то меня Аграфеной звали.

Дѣйствительно, Нюрочка все припомнила, даже ту фразу, которую тогда кучеръ Семка сказалъ Аграфенѣ: „Ты, Аграфена, куды телятъ-то повезла?“ Нюрочка тогда весело смѣялась. Это объясненіе съ Аглаидой успокоило ее, но прежняго восторженнаго чувства къ послушницѣ не осталось и слѣда: оно было разбито. Теперь передъ ней была самая обыкновенная женщина, а не черный ангелъ.

За поминальнымъ обѣдомъ Груздевъ выпилъ лишнюю рюмку и вернулся домой слегка навеселѣ. Сейчасъ послѣ обѣда онъ долженъ былъ отправиться въ обратный путь. Переодѣваясь по-дорожному, онъ весело ухмылялся и бормоталъ себѣ въ бороду:

— Ну и бабы только... ахъ, хитрыя!

— А что?—полюбопытствовалъ Петръ Елисѣичъ, заинтересованный этимъ совсѣмъ не похоронымъ настроеніемъ своего друга.

— Нѣтъ, онѣ, братъ, унюхаютъ все и такъ сдѣлаютъ, что самъ себя не узнаешь... Ты думаешь, я самъ на пристань пріѣхалъ?.. Какъ бы не такъ!.. Вышло-то оно, пожалуй, такъ, что и самъ, а на дѣлѣ нужно было сестрѣ

Аглаидѣ повидаться съ брательникомъ Матюшкой. Да... Святая-то душа, Таисья, у насъ въ Мурмосѣ гостила, ну и подвела всю механику. Изъ Заболотья везутъ Аглаиду, а я везу Матюшку. Ну и бабы!.. Мнѣ-то все равно, когда ни ѣхать, а только онѣ-то хитры больно... Даже и хорошо вышло, что баушку Василису проводилъ до могилки. Аноиса Егоровна похвалитъ...

Совсѣмъ одѣтый Груздевъ на прощанье спросилъ хозяина:

— Ну, а ты самъ-то какъ о своей головѣ понимаешь?

— Ничего пока не понимаю, а живу на старыя крохи.

— Это не резонъ, милый ты мой... Прохарчишься, и все тутъ. Да... А ты лучше, знаешь, что̀ сдѣлай... Отдавай мнѣ деньги-то, я ихъ оберну раза три-четыре въ годъ, а процентъ пополамъ. Глядишь, и набѣжитъ тысченка-другая. На Самосадкѣ-то не прожить... Я для тебя говорю, а ты подумай хорошенько. Мнѣ-то все равно, тебѣ платить или кому другому.

— Хорошо, я подумаю.

Про черный день у Петра Елисѣича было накоплено тысячъ двѣнадцать, но онѣ давали ему очень немного. Онъ не умѣлъ купить выгодныхъ бумагъ, а чтобы продать свои бумаги и купить новыя—пришлось бы потерять очень много на комиссіонныхъ расходахъ и на разницѣ курса. Предложеніе Груздева пришлось ему по душѣ. Онъ довѣрялся ему вполнѣ. Если что̀ его и смущало, такъ это груздевскіе кабаки. Но вѣдь можно уговориться, чтобы онъ его деньги пустилъ въ оборотъ по другимъ операціямъ, какъ та же хлѣбная торговля.

— Ну, святая душа, смотри, уговоръ дороже денегъ: битый небитаго везетъ,—весело шутилъ Груздевъ, усаживаясь въ свою кибитку съ Таисьей.— Не я тебя возилъ, а ты меня...

— Перестань ты, Самойло Евтихычъ, шутки свои шутить, — ворчала Таисья.—Ты вотъ: хи-хи, а бѣсъ у тебя за спиной: ха-ха!

VIII.

Скитскіе выѣхали съ Самосадки въ ночь, какъ всегда ѣздили. На переднихъ саняхъ ѣхалъ Мосей съ Енафой, а на заднихъ инокъ Кириллъ съ Аглаидой. Всѣмъ, кажется, удоволили мать Енафу на Самосадкѣ: и холста подарили, и меду кадушку, и деньгами на поминъ души да на неугасимую. Сама Василиса Корниловна всю жизнь копила, чтобы было чѣмъ помянуть ея душеньку въ скитахъ. Голыми денежками было выдано Енафѣ рублей сорокъ, а Петръ Елисѣичъ заплатилъ особо. Все-таки мать Енафа недовольна и все оглядывается назадъ. Впередъ-то она ѣхала съ Кирилломъ, а теперь онъ попалъ въ однѣ сани съ Аглаидой. Хитеръ песъ... И что̀ ему далась эта самая Аглаида? Кажется, по горло сытъ: раньше съ Ѳедосьей прижилъ троихъ ребятъ, теперь съ Акулиной путается. Охъ, согрѣшенье одно съ этими скитскими старцами! Грѣхъ отъ нихъ большой идетъ по всѣмъ скитамъ...

Аграфена видѣла, что матушка Енафа гнѣвается, и всю дорогу молчала. Одинъ смиренный Кириллъ чувствовалъ себя прекрасно и только посмѣивался себѣ въ бороду: всѣ эти бабы одинаковы, что̀ мірскія, что̀ скитскія, и всѣмъ имъ одна цѣна, и слабость у нихъ одна женская. Вотъ Аглаида и глядѣть на него не хочетъ, а что̀ онъ ей сдѣлалъ? Какъ родила въ скитахъ, онъ же увозилъ ребенка въ Мурмосъ и отдавалъ на воспитанье! Хорошо еще, что ребенокъ-то догадался во̀-время умереть, и теперь Аглаида чистотою своей передъ нимъ же похваляется.

Зима была студеная, и въ скиты проѣзжали черезъ курень Бастрыкъ,

минуя Талый. Чистое болото промерзло, и ходъ былъ вездѣ. Дорога сокращалась версть на десять, и вмѣсто двухъ переѣздовъ, дѣлали всего одинъ. Аглаида всю дорогу думала о братѣ Матвѣѣ, съ которымъ она увидалась ровно черезъ два года. И его прошибла слеза, когда онъ увидѣлъ ее въ черномъ скитскомъ одѣяніи.

— Ну, что папи, Матвѣюшка?—спрашивала Аглаида, глотая слезы.

— Ничего, живутъ... Сперва-то брательники больно сердитовали на тебя, — отвѣчалъ Матюшка, — а потомъ ничего, умякли тоже... Не съ кого взыскивать-то. Прямо сказать: отрѣзанный ломоть.

А какъ тянуло Аглаиду въ міръ, какъ хотѣлось ей разспросить брата обо всѣхъ, но, свидѣвшись съ нимъ у воротъ, она позабыла всѣ слова, какія нужно было сказать. Такъ ничего и не спросила, и только поплакала вмѣстѣ съ Матюшкой. Добрѣе онъ изъ всѣхъ брательниковъ и пожалѣлъ ее, черничку... Послѣ ужъ Таисья разсказала ей про все, что безъ нея сдѣлалось на Ключевскомъ: и про уѣхавшихъ въ орду мочеганъ, и про Никитича, который купилъ покосъ у Дѣяна Поперешнаго, и про Палача, который теперь поживаетъ со своею мочеганкой Анисьей въ господскомъ домѣ, и про Самойла Евтихыча, захватившаго всю торговлю, и про всю родню въ своемъ Кержацкомъ концѣ. Цѣлую ночь разсказывала Таисья, а черноризица Аглаида слушала ее и разливалась рѣкой. Хоть бы однимъ глазкомъ глянуть ей на свой Ключевской заводъ! Уже подъ самый конецъ Таисья разсказала про Макара Горбатаго, какъ онъ зажилъ въ отцовскомъ домѣ большакомъ, какъ вышелъ солдатъ Артемъ изъ службы и какъ забитая въ семьѣ Татьяна увидѣла свѣтъ.

— Макаръ-то и пировать бросилъ,—разсказывала Таисья.—Только есть у него что-то на умѣ: ночь-ночью ходитъ.

Въ скитахъ ждали возвращенія матери Енафы съ большимъ нетерпѣніемъ. Изъ-подъ горы Нудихи приплелась даже старая схимница Пульхерія и сидѣла въ избѣ матери Енафы уже второй день. Ѳедосья и Акулина то приходили, то уходили, сгорая отъ нетерпѣнія. Скитскіе подъѣхали около полудня. Первой вошла Енафа, за ней остальныя, а послѣднимъ вошелъ Мосей, тащившій въ обѣихъ рукахъ разные гостинцы съ Самосадки.

— Благополучно ли съѣздила, матушка?—шамкала Пульхерія, въ которой женское любопытство вѣчно враждовало съ иноческою добродѣтелью.

— Ничего, слава Богу,—нехотя отвѣчала Енафа, поглядывая искоса на обогрѣвшихся мужиковъ.—Вотъ что, Кириллъ, сведи-ка ты гостя къ дѣвицамъ въ келью, тамъ ужъ его и ухлѣбите, а ты, Мосеюшка, не взыщи на нашемъ скитскомъ угощеніи.

— И то пойдемъ, Мосей,—съ удовольствіемъ согласился Кириллъ.—Тебѣ, мірскому человѣку, и отдохнуть впору... Тоже намаялся дорогой-то.

Выживъ мужиковъ, мать Енафа вздохнула свободнѣе, особенно когда за гостемъ незамѣтно ушли и дочери. Ей хотѣлось отвести душеньку съ Пульхеріей. Прежде всего мать Енафа накинулась на Аглаиду съ особеннымъ ожесточеніемъ.

— Ты чего это, милая, мужикамъ-то на шею лѣзешь? — кричала она, размахивая своими короткими руками.—Одинъ грѣхъ избыла, захотѣлось другого... Въ кои-то вѣки носъ показала изъ лѣсу и сейчасъ въ сани къ Кириллу залѣзла. Своемъ глазамъ видѣла... Стыдобушка головушкѣ!

Пока мать Енафа началила, Аглаида стояла, опустивъ глаза. Она не проронила ни одного слова въ свое оправданіе, потому что мать Енафа просто хотѣла сорвать расходившееся сердце на ея безотвѣтной головѣ. Поругается и перестанетъ. У Аглаиды совсѣмъ не то было на умѣ, что подозрѣвала мать

Енафа, обличая ее въ шашняхъ съ Кирилломъ. Притомъ Енафа любила ее больше своихъ дочерей, и если бранила, то ужъ такая у ней была привычка.

— Нехорошо, Агландушка...—шамкала Пульхерія, качая своею дряхлою головой.—Ахъ, какъ нехорошо!.. Легкое мѣсто сказать, на кого позарилась-то! Слабъ человѣкъ нашъ-то Кириллъ.

Долго ругалась мать Енафа, приступая къ Агландѣ съ кулаками. Надоѣло наконецъ и ей, и она въ заключеніе прибавила совершенно другимъ тономъ:

— Клади началъ да читай правило, смиренница!

Положивъ началъ передъ образами и поклонившись въ ноги матерямъ, Аглаида вполголоса начала читать свое скитское правило, откладывая поклоны по лѣстовкѣ. Старуха сидѣла попрежнему на лавочкѣ, а мать Енафа высыпала привезенный запасъ новостей. Она умѣла говорить безъ перерыва, съ какими-то захлебываніями, точно бѣжала съ журчаньемъ вода. Въ тактъ разсказа мать Пульхерія только качала головой и тяжело вздыхала. Господи, какъ это на міру-то и живутъ,—маются, бѣдные, а не живутъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Измотался совсѣмъ народъ. Послѣднія времена наступили: хлѣбъ, и тотъ вѣсятъ на клейменыхъ вѣсахъ съ печатью антихриста. И выходитъ по Писанію, какъ сказано въ Апокалипсисѣ: „безъ числа его ни купити, ни продати никто не можетъ, а число его 666“.

— Тошнехонько и глядѣть-то на нихъ, на мірскихъ,—продолжала Енафа съ азартомъ.—Прежде скитскіе наѣдутъ, такъ не знаютъ куда ихъ посадить, а по нонѣшнимъ временамъ, какъ на волковъ, свои же и глядятъ... Не стало прежнихъ-то христолюбцевъ и питателей, а пошли какіе-то богострастники да отчаянные. Бѣсъ проскочилъ и промежду боголюбивыхъ народовъ... Вездѣ свара и неистовство. Знай себѣ чай хлебаютъ да табачище палятъ.

Взглянувъ на Аглаиду, мать Енафа прибавила уже шопотомъ на ухо Пульхеріи:

— Таисья-то, смиренница-то, и та, слышь, чай прихлебываетъ потихоньку отъ своихъ... Тоже въ отчаянные попала!..

— Матушки свѣты!—всхлипывала Пульхерія, раскачиваясь всѣмъ своимъ одряхлѣвшимъ тѣломъ.—Охъ, страсти какія!...

— Вѣрный человѣкъ мнѣ про Таисью-то сказывалъ!.. На другихъ-то ужъ и дивить нечего... Охъ, нехорошо, матушка, вездѣ нехорошо! Мечтаніе одолѣваетъ боголюбивые народы... Въ Златоустѣ, слышь, новая вѣра прошла: самовыкресты. Сами себя перекрещиваютъ и молятся пятерней... На Мурмосѣ проявились дыромолы: сдѣлаютъ въ стѣнѣ въ избѣ дыру и молятся... А что дѣлается у поповщины, такъ ровно и говорить-то нехорошо. Столпы-то ихніе въ Екатеринбургѣ, ну, про нихъ и въ Писаніи сказано: „и бысть нелады, мятежъ и свары не малы—сталось раздѣленіе между собой до драки“.

— А гдѣ у нихъ Геннадій-то, архирей ихній?

— Да все въ Суздалѣ-монастырѣ у никоніянъ на затворѣ... Неправильный онъ архирей, да человѣкъ-то хорошъ... Больно его жалѣютъ... Послѣ Архипа тагильскаго при немъ поповцы свѣтъ увидали, а теперь сидитъ, родимый, въ челюстяхъ мысленнаго льва.

— Архипа-то я помню, Енафа... Ѣзжала въ Тагилъ, когда онъ службу тамъ правилъ. Почитай, лѣтъ съ сорокъ-тому времю будетъ, какъ онъ преставился. Угодный былъ человѣкъ...

— На могилку теперь къ Архипу-то каждый годъ ходятъ, кануны говорятъ, все равно, какъ у о. Спиридонія. Ну, нынѣшніе-то исправленные попы ослабѣли вконецъ... Даже неудобь сказуемо, матушка! Взять хоть того же

Карпа или Евстигнея, екатеринбургскихъ поповъ, али Каментарія міясскаго. Теперь въ Екатеринбургѣ-то снялись два новыхъ, ставленныхъ попа: Иванъ попъ да Трефилій попъ. Въ рукопашную, слышь, да за волосья другъ дружку... Столны-то замаялись съ ними. Одна надежа осталась у нихъ, у поповцевъ, на какого-то Савватія, тоже архирей, только изъ рассейскихъ. Его хотятъ выписывать, чтобы свое-то безчинство укротить. Вездѣ мечтаніе идетъ, матушка, да и наши безпоповцы не лучше, пожалуй...

— Все это *онъ* мутитъ, льстецъ всескверный... *)—повторяла мать Пульхерія, содрогаясь отъ ужаса.—Отъ него пагуба идетъ...

— Бѣсъ проскочилъ промежду боголюбивыми народами, матушка. Осталась одна наша слабость... Мы вотъ тутъ сидимъ въ лѣсу да грѣхи свои отмаливаемъ, а наши же наставники да наставницы большую силу забираютъ у милостивцевъ, и на заводахъ, и въ городу. Тоже дошлый народъ пошелъ... Таисья-то хоть и хлебаетъ чай, а достаточно мнѣ посказала. Поморцы, слышь, больно усилились и нашихъ многихъ соблазнили: что ни домъ, то и вѣра... Въ одномъ дому у нихъ по двѣ вѣры живетъ: отецъ такъ молится, а сынъ инако. Какъ голодные волки рыщутъ поморцы и большую силу забираютъ черезъ своихъ бабъ, потому какъ у нихъ явный бракъ считается за самый большой грѣхъ, а тайный блудъ прощается. Женъ съ мужьями раздѣляютъ, дѣтей съ родителями... Настоящая пагуба эти поморцы нашему древлему благочестію.

— Все это *онъ* поднимаетъ и сваритъ! — стонала Пульхерія. — Прежде этого не было и въ поминѣ, чтобы тайный грѣхъ лучше явнаго дѣлался.

— Поморцы-то всѣхъ достигаютъ: и поповцевъ, и безпоповцевъ, и единовѣрцевъ, и православныхъ.

Старухи принялись опять шушукаться, а Агланда, кончивъ правило, сняла съ себя иноческое одѣяніе, надѣла свою скитскую пестрядину и залѣзла на полати, гдѣ обыкновенно спала. Она не любила подслушивать чужихъ разговоровъ и закрыла голову овчиннымъ тулупомъ. Устала Аглаида съ дороги, спать хотѣла давеча, а легла—сонъ и отбѣжалъ. Лежитъ она и думаетъ, думаетъ безъ конца, перебирая свою скитскую жизнь, точно она вчера только пріѣхала сюда подъ Мохнатенькую горку. Господи, какъ ей страшно дѣлается!.. Вотъ ее, „слѣпую“, привезъ Кириллъ и сдалъ на руки матери Енафѣ. Хоть и сердитая и на руку быстрая мать Енафа, а только Аглаида сердцемъ почуяла, что она добрая. Сколько стыда приняла тогда „слѣпая“: чуть кто помолитвуется подъ окномъ, она сейчасъ прятаться въ голбецъ или въ сѣни. По зимамъ народу пришлаго въ скитахъ видимо-невидимо. У матери Енафы вездѣ дѣла и вездѣ милостивцы, и никто мимо не проѣдетъ. До родинъ Агланду не трогали; а когда пришло время, увезли въ какую-то лѣсную избушку на стародавнемъ куренѣ. Отваживалась съ ней сама мать Енафа: дѣло привычное. Родившагося ребенка Аглаидѣ и не показали, а его увезъ въ Мурмосъ инокъ Кириллъ. Тамъ гдѣ-то и сгинулъ ребеночекъ, а Агланда могла только плакать да убиваться. Въ міру бабьи слезы дешевы, а по скитамъ онѣ и ничего не стоятъ. Вернулась Аглаида къ Енафѣ уже „прозрѣвшей“ и начала принимать скитскую исправу. Прежде всего наложила на нее Енафа сорокадневный „канунъ“: однажды въ день ѣсть одинъ ржаной хлѣбъ, однажды пить воду, откладывать ежедневно по триста поклоновъ съ Іисусовой молитвой да четвертую сотню Похвалѣ-Богородицѣ. Скитское правило особо и особо же шестьсотъ поясныхъ поклоновъ опять съ Іисусовой молитвой. На молитву

*) Льстецъ — антихристъ.

мать Енафа поднимала новую трудницу въ 4 часа утра. Разбудитъ ее и заставитъ молиться, а сама на печку, — лѣнивая была эта Енафа, хотя всю раскольничью службу знала до тонкости. Вынесла Аглаида свой искусъ въ точности, ни одного раза не сказала „поперешнаго“ слова матери Енафѣ да еще отъ себя прибавила за свой грѣхъ особую эпитимію: ляжетъ спать и полѣно подъ голову положитъ. Эта ревность тронула Енафу, и она душой полюбила свою новую послушницу. Тихая да работящая дѣвка, воды не замутитъ, а голосъ, какъ у соловья. Принялась мать Енафа учить Аглаиду своему скитскому уставу, чтобы послѣ она могла править сама скитскую службу. Свои-то дѣвки едва ковыряли одну псалтырь, да на псалтыри и посѣли, а Аглаида еще у Таисьи всю церковную грамоту прошла.

— Экій у тебя голосъ, Аглаида! — удивлялась мать Енафа, когда кончилась служба. — Въ Москвѣ бы тебя озолотили за одинъ голосъ... У Фаины на Анбашѣ голосистая головщица Капитолина, а у тебя еще почище выходитъ. Ужѣ какъ-нибудь на Крестовыхъ островахъ мы утремъ носъ Фаинѣ-то.

Между скитомъ Фаины и скитомъ Енафы шла давнишняя „пря“, и теперь мать Енафа задалась цѣлью въ лоскъ уничтожить Фаину съ ея головщицей. Капитолина была рябая дѣвка съ длиннымъ посомъ, и лѣвое плечо у ней было выше, а Аглаида красавица — хоть воду у ней съ лица пей. Послѣдняго, конечно, Енафа не говорила своей послушницѣ, да и торопиться было некуда: пусть исправу сперва приметъ да уставы всѣ пройдетъ, а расчетъ съ Фаиной потомъ. Не таковское дѣло, чтобы торопиться.

Такимъ образомъ ключевская Аграфена сдѣлалась черноризицей Аглаидой. Черноризицами называли тѣхъ скитницъ, которыя еще „не приняли вѣнца“, а носили уже иноческое одѣяніе. Аглаида возымѣла непремѣнное желаніе сдѣлаться „инокой“ и готовилась къ пріятію ангельскаго чина, какъ мать Пульхерія. Все время, остававшееся свободнымъ отъ уставнаго моленья и своей скитской домашности, она посвящала чтенію житія разныхъ святыхъ. Единственнымъ удовольствіемъ для нея были тѣ минуты, когда мать Енафа отпускала ее къ матери Пульхеріи. До ея избушки лѣсомъ было верстъ восемь, и девяностолѣтняя старуха ходила еще пѣшкомъ къ Енафѣ въ гости даже зимой, какъ сегодня. У Пульхеріи Аглаида отводила свою душу благочестивыми разговорами. Келейка у ней была маленькая, двоимъ негдѣ повернуться, а Пульхерія спасалась въ ней сорокъ лѣтъ. Къ себѣ она никого не принимала по обѣту схимницы и только изрѣдка сама ходила къ Енафѣ. Пищу ей доставляла мать Енафа, для которой эта обязанность служила прекрасною доходною статьей: слава о постницѣ Пульхеріи разошлась по всему Уралу, и черезъ Енафу высылалась разная доброхотная милостыня, остававшаяся почти цѣликомъ въ ея рукахъ.

Въ кельѣ у Пульхеріи рѣшительно ничего не было, кромѣ печки, коскакъ сложенной изъ плитняка, да деревянной лавки, на которой она спала.

— Вотъ не могу на землѣ спать,—сокрушалась Пульхерія отъ чистаго сердца.—Плоть свою не могу усмирить... Мышей боюсь.

Аглаида думала въ это время, что со временемъ, когда Пульхерія умретъ, она займетъ ея келью и будетъ спасать душу тоже одна.

— Только бы мнѣ ангельскій чинъ принять,—повторяла Аглаида, когда бывала у Пульхеріи. — Трудно, баушка?

— Охъ, трудно, милушка... Малый вѣнецъ трудно принимать, а большой труднѣе того. Послѣ малаго постриженія запрутъ тебя въ келью на шесть недѣль, пока у тебя не отрастутъ ангельскія крылья, а для схимницы вдвое дольше срокъ-то. Трудно, голубушка, и страшно... Ежели въ эти шесть

недѣль не отрастишь крыльевъ, такъ потомъ ужъ никогда они не вырастутъ... Большое смущеніе бываетъ.

Собственно жизнь въ скиту у матери Енафы мало чѣмъ разнилась отъ мірской, кромѣ скитскаго вечерняго правила да утренней службы. Въ свободное время скитницы пряли ленъ или шерсть, ткали и шили, убирались по хозяйству и готовили свою скитскую ѣду. День шелъ за днемъ съ томительнымъ однообразіемъ, особенно зимой, а лѣтомъ было тяжелѣе, потому что скитницы изнывали въ своемъ одиночествѣ, когда все кругомъ зеленѣло, цвѣло и ликовало. Черноризица Аглаида была рада такой жизни, если бы молитвенный покой скитской жизни не нарушался постоянными наѣздами отъ-. кудъ. То какіе-то проѣзжіе сибирскіе старцы завернутъ, то свои скитскіе наставники, то разные милостивцы, которые сами развозили по скитамъ подаяніе, то совсѣмъ неизвѣстные люди или бродяги. Не любила Аглаида этихъ наѣздовъ и обыкновенно никому не показывалась: уйдетъ куда-нибудь и спрячется. Зато мать Енафа была радехонька каждому новому человѣку и ублажала каждаго встрѣчнаго.

— У насъ, у скитскихъ, побольше дѣловъ-то, чѣмъ у мірскихъ,—говорила она иногда, точно оправдываясь передъ Аглаидой. — Въ другой разъ хоть разорваться, такъ въ ту же пору.

О дѣлахъ Енафы черноризица Аглаида имѣла неясное представленіе и даже какъ-то не довѣряла имъ. Просто мать Енафа важность на себя накидываетъ... Да и смиренный Кириллъ давно бы проболтался, если бы что̀ было. Живя два года въ скиту, Аглаида знала этого смиреннаго заболотскаго инока не больше, чѣмъ когда увидала его въ первый разъ. Онъ оставался для нея живою загадкой. Она даже не знала, гдѣ онъ жилъ. Инокъ то неожиданно появлялся, то еще неожиданнѣе исчезалъ. Ясно было одно, что мать Енафа держала его въ черномъ тѣлѣ. Секретъ ея власти могъ быть и въ ея собственномъ прошломъ и въ настоящемъ ея двухъ дочерей. Аглаида даже не пыталась узнать, что̀ и какъ, да и какое ей дѣло до Кирилла? Мать Енафа пригрѣла ее въ несчастіи, и получерничка Аглаида относилась къ ней съ покорностью и уваженіемъ.

— Ты осудилъ, и грѣхъ на тебѣ,—часто говорила мать Енафа, предупреждая пытливость и любопытство своей послушницы. — Кто что̀ сдѣлалъ, тому и каяться... Знаемый грѣхъ легче незнаемаго, потому какъ есть въ чемъ каяться, а не согрѣшишь — не спасешься.

Вернувшись съ Самосадки, Аглаида привезла съ собой и свою старую тоску, которая заполоняла ея скитскія мысли, какъ почвенная вода. Поднялось и то, что̀ казалось уже забытымъ и похороненнымъ. И никогда не уйти ей отъ этихъ мірскихъ мыслей, пока не приметъ настоящаго постриженія. Только бы скорѣе все, а то одна мука... Подъ шапочкой иноки съ нашитыми на ней бѣлымъ восьмиконечнымъ крестомъ и адамовой головой она точно хотѣла спрятаться отъ того міра, который продолжалъ тянуть ее къ себѣ, какъ страшный призракъ, какъ что-то роковое. Вонъ мастерица Таисья обошлась и безъ иночества, но на то она и Таисья.

IX.

Аграфена пріѣхала въ скиты осенью по первопутку, и въ теченіе двухъ лѣтъ мать Енафа никуда не позволяла ей носу показать. Этотъ искусъ продолжался вплоть до поѣздки въ Самосадку на похороны Василисы Корниловны. Вернувшись оттуда, мать Енафа особенно приналегла на свою черно-

ризицу: она подготовляла ее къ Петрову дню, чтобы показать своимъ безпоповцамъ на могилкѣ о. Спиридонія. Аглаида выучила наизусть „канунъ по единоумершемъ“, со всѣми поклонами и церемоніями древляго благочестія.

— Мы имъ покажемъ, какъ говорятъ кануны, — грозилась мать Енафа въ воздушное пространство и даже сжимала кулаки.—Ноньче и на могилахъ-то наши безпоповцы болтаютъ кое-какъ, точно оммороиные. Настоящіе-то старики повымерли, а теперешніе наставники сами лба перекрестить по-истовому не умѣютъ. Персты растопыриваютъ и щелчкомъ молятся... Поучись у нашей Пульхеріи, Аглаидушка: она старину блюдетъ неукоснительно.

Эта ревность сводилась, главнымъ образомъ, на то, чтобы подкузьмить мать Фаину съ ея рябою головщицей. Аглаида могла огорчаться про себя, а спорить не смѣла: мать Енафа возраженій не принимала и осудила бы за непокорность. Да и кто она такая, Аглаида, чтобы судить другихъ?.. Она покорно долбила свои кануны и слушалась каждаго слова матери Енафы. Съ послѣднимъ зимнимъ путемъ скиты разобщались съ осталынымъ міромъ до Петрова дня,—горами и болотами весной не было проѣзжей дороги. Въ Мурмосъ приходилось попадать черезъ раскольничью деревню Красный-Яръ, а этотъ объѣздъ составлялъ верстъ полтораста. Болота просыхали къ Петрову дню, такъ что изъ скитовъ кое-какъ можно было пробраться на могилку къ о. Спиридонію. Лучшимъ вожакомъ служилъ смиренный инокъ Кириллъ, который зналъ всѣ тропы и едва замѣтныя „сакмы“ *).

Весна нынче выпала поздняя, а снѣга были глубокіе. На горахъ снѣгъ пролежалъ вплоть до Николы вешняго, а горныя рѣчонки играли двумя недѣлями позже. Мать Енафа наложила на себя нарочитую эпитимію, чтобы хоть немного спустить свою вдовью толщину. Трудно ей было выносить такой искусъ, но итти съ красной рожей на могилку къ о. Спиридонію тоже не годится. Наберется тамъ много народу изъ Ключевского, съ Мурмоса и Самосадки и какъ разъ осудятъ, особенно рядомъ со смиренницею Таисьей да сухою Фаиной. Грѣшная плоть вообще доставляла матери Енафѣ постоянныя неудобства, и она ненавидѣла свое цвѣтущее здоровье. Ѣда у ней была, какъ у хорошаго пильщика, а сонъ мертвый,—на которомъ боку легла, на томъ и встала. Не разъ случалось такъ, что мать Енафа читаетъ свое скитское правило, сдѣлаетъ земной поклонъ, припадетъ головой къ подрушнику да такъ и заснетъ.

— Отъ крови голову обноситъ,—объясняла она, вздыхая.—Сырая я женщина, вотъ главная причина.

Вся сила заболотскихъ скитовъ заключалась въ матери Пульхеріи, а мать Енафа только эксплоатировала эту популярность. Бывавшіе въ Заболотьѣ милостивцы не удостоивались видѣть великую подвижницу. Все дѣлалось черезъ мать Енафу, умѣвшую только одно: ладить съ разными милостивцами, питателями и христолюбцами.

Хорошо весной въ скитахъ. Кругомъ все зелено. Каждая былинка радуется. Мохнатенькая гора до самой вершины поросла соснякомъ и ельникомъ, какъ шапка. Въ жаркіе дни здѣсь было настоящее раздолье, а къ ключику, выбѣгавшему съ полгоры, приходили пить студеную воду олени и дикія козы. Ихъ никто не трогалъ, и пугливый звѣрь не боялся человѣка. Ключикъ на Мохнатенькой славился, какъ святой: около него спасался Паисій, прежде чѣмъ ушелъ на Нудиху. Тихо въ лѣсу, какъ слеза сочится свѣтлая горная вода, и Аглаида проводила въ святомъ мѣстѣ цѣлые дни. Вотъ бы хорошо

*) Сакма—слѣдъ на травѣ.

гдѣ поставить себѣ келейку, если бы не былъ близко скитъ матери Енафы. Разгуливая по лѣсу, Аглаида противъ воли уносилась мыслями на берегъ р. Березайки, гдѣ у брательниковъ Гущиныхъ былъ лучшій покосъ. Въ страду у нихъ была не работа, а веселье. Въ восемь косъ выходили на лугъ. Рядомъ страдовалъ Никитичъ съ сестрою Таисьей. У нихъ своей силы недоставало, такъ прихватывали кого-нибудь изъ неньковскихъ бобылей, или подсобляли Никитичу свои доменные летухи да засыпки. Мать Енафа никакой скотины не держала, и Аглаида невольно жалѣла засыхавшую на корню высокую траву, которая стояла выше пояса. Нескошенныя были мѣста, и вездѣ торчали сухія медвѣжьи дудки. Подъ Ильинъ день, когда заводская страда была въ полномъ разгарѣ, Аглаида особенно сильно тосковала: ее такъ и тянуло поработать, а работы нѣтъ.

Незадолго до Петрова дня объявился въ скитахъ неизвѣстно гдѣ пропадавшій инокъ Кириллъ.

— Мать Фаина прошла къ Спиридонію, — сообщилъ онъ Енафѣ подъ секретомъ.

— Что̀ больно поторопилась?

— Ея дѣло...

— Чего-нибудь замышляетъ эта Фаина... Поди, на Самосадку пробредетъ, а то и на Ключевской. Этакая непосѣда...

— Не наше дѣло...

— Съ Таисьей у нихъ какія-нибудь дѣлишки завелись. Не иначе...

— Самъ-пять прошла она: Капитолина съ ней, двѣ старицы, да два старца.

— Съ Анбаша старцы-то?

— Одинъ съ Анбаша, а другой съ Краснаго-Яра.

Это извѣстіе взволновало мать Енафу, хотя она и старалась не выдавать себя. Въ самомъ дѣлѣ, не спроста поволоклась Фаина такую рань... Нужно было и самимъ торопиться. Впрочемъ, сборы были недолгіе: собрать котомки, взять палки въ руки — и все тутъ. Раньше мать Енафа выходила на могилку о. Спиридонія со своими дочерьми да инокомъ Кирилломъ, а теперь захватила съ собой и Аглаиду. Нужно было пройти пѣшкомъ верстъ пятьдесятъ.

— Ну, спала я съ тѣла, али нѣтъ? — спрашивала мать Енафа, когда надѣла за плечи котомку. — Говори правду, Аглаидушка...

— Какъ будто съ лица-то потоньше стала, матушка.

— А тѣломъ-то какъ?

— Тѣломъ-то ровно попрежнему...

— Охъ, согрѣшила я, грѣшная... Развѣ вотъ дорогой промнусь, не будетъ ли отъ этого пользы. Денька три, видно, придется вплотную попостовать... Кириллъ-то по болотамъ насъ поведетъ, такъ и это способствуетъ. Тебѣ бы, Аглаидушка, тоже какъ позаботиться: очень ужъ ты изъ лица-то бѣла.

Смиренный заболотскій инокъ повелъ скитницъ такъ называемыми „волчьими тропами“, прямо черезъ Чистое болото, гдѣ дорога пролегала только зимой. Верстъ двадцать пришлось итти мочежинами, чуть не по колѣна въ водѣ. Въ особенно топкихъ мѣстахъ были проложены неизвѣстною доброю рукой тоненькія жердочки, но пробираться по нимъ было еще труднѣе, чѣмъ итти прямо болотомъ. Молодыя дѣвицы еще проходили, а мать Енафа разъ десять совсѣмъ-было „огрузла“, такъ что инокъ Кириллъ долженъ былъ ее вытаскивать.

— Охъ, смертынька моя пришла!—стонала мать Енафа въ отчаяніи:—голову мнѣ обноситъ...

Изъ-подъ Мохнатенькой вышли раннимъ утромъ, а заночевали въ Чистомъ болотѣ, на какомъ-то островѣ, о которомъ зналъ одинъ Кириллъ. Когда всѣ скитницы заснули около огонька, какъ зарѣзанныя, инокъ спросилъ неспавшую Аглаиду:

— Глянется тебѣ, Аглаида, мой островокъ?.. Это почище будетъ мѣстечко, чѣмъ у Пульхеріи подъ Нудихой... Самое угодное мѣсто.

— Ничего, славное,—равнодушно согласилась Аглаида, занятая своими мыслями.

— Ужъ сюда, сестрица, никто не проберется... Истинно сказать, что и воронъ костей не занашивалъ.

Къ могилкѣ о. Спиридонія вышли только на слѣдующій день къ вечеру. Мать Енафа такъ умаялась, что не могла говорить. Мѣсто для могилки было выбрано въ горахъ очень красивое: на крутомъ лѣсистомъ увалѣ, подлѣ студенаго ключика. Небольшая зеленая еланка точно была расшита яркими шелками. Надъ самою могилкой росла столѣтняя ель; въ ней на стволѣ врѣзанъ былъ восьмиконечный мѣдный раскольничій крестъ. Сама могилка ничего особеннаго не представляла: небольшой деревянный полусгнившій „голубецъ“ съ деревяннымъ крестомъ, и больше ничего. Незнающій человѣкъ могъ проѣхать въ десяти шагахъ и ничего не замѣтить. Дорога изъ Самосадки у могилки раздвоялась: одна шла на курень Талый, а другая на Бастрыкъ, образуя „рòзстань“.

До Петрова дня оставались еще цѣлыя сутки, а на „рòзстани“ народъ уже набирался. Это были все дальніе богомольцы, изъ глухихъ раскольничьихъ угловъ и дальнихъ мѣстъ. Къ о. Спиридонію шли благочестивые люди даже изъ Екатеринбурга и Златоуста, шли цѣлыми недѣлями. Ключевляне и самосадчане приходили послѣдними, потому что не боялись опоздать. Это было на руку матери Енафѣ: она побаивалась за свою Аглаиду... Не вышло бы чего отъ ключевлянъ, когда узнаютъ ее. Пока мать Енафа мало съ кѣмъ говорила, хотя ее и знали почти всѣ.

— Потрудилась, матушка ты наша,—жалѣли ее богомолки-кержанки.—Тоже не молодое твое дѣло...

— Какіе наши труды, голубушки,—отвѣчала мать Енафа:—съ грѣхами не знаешь куда дѣваться.

Мать Фаина пришла на могилку только подъ самый Петровъ день. Это была высокая и худая старуха, походившая на сушеную рыбу. Съ ней была, конечно, и головщица Капитолина. При людяхъ матери встрѣтились какъ родныя сестры—скитское „раздѣленіе“ оставалось про себя. Набралось много другихъ скитницъ, старичковъ и старушекъ, но всѣ они встрѣчались только на такихъ богомольяхъ, какъ могилка о. Спиридонія. Между собой шла у нихъ такая же „пря“, какъ и у Енафы съ Фаиной. Мастерица Таисья пришла въ числѣ послѣднихъ и сейчасъ же пріобщилась къ главнымъ скитскимъ матерямъ. Черноризицы Аглаиды она точно не замѣчала, а только издали кивнула ей головой.

Моленье началось съ вечера. Мурмосскіе, ключевляне, самосадчане молились отдѣльно и отдѣльно же „говорили“ свои скитскіе кануны. Задымились кацеи, полилось грустное похоронное пѣніе и раздался неутѣшный женскій плачъ. Одна партія не успѣвала кончить канунъ надъ могилой о. Спиридонія, какъ ее сейчасъ же смѣняла другая. Вся еланка на рòзстани была покрыта сплошною толпой богомольцевъ. Когда солнце сѣло, въ разныхъ мѣ-

стахъ загорѣлись яркіе костры, и моленье продолжалось при огнѣ. Въ полночь мать Фаина разрѣшила своей головщицѣ Капитолинѣ читать. Свѣтлый и звенящій голосъ пронесся въ воздухѣ, какъ струя яркаго свѣта, и шумѣвшая толпа стихла. Съ рыдающими нотами и высокими переливами этотъ голосъ производилъ на всѣхъ чарующее впечатлѣніе. Именно этого скитскаго чтенія и ждала толпа. Черноризица Аглаида слушала знаменитую головщицу съ замираніемъ сердца: у ней захватывало духъ отъ волненія. Гдѣ же ей, Аглаидѣ, состязаться съ анбашскою головщицей, когда ее душили слезы! Мать Енафа замѣтила произведенное Капитолиной впечатлѣніе, отвела Аглаиду въ сторону и сказала:

— Слышала, какъ анбашскіе говорятъ канунъ?.. А мы имъ все-таки носъ утремъ.

Капитолина читала до самаго свѣта, пока небо не посѣрѣло. Подъ горой, какъ молоко, стоялъ густой туманъ. Холодная горная ночь заставляла вздрагивать. Огни потухли. Народъ не ложился спать. Когда анбашскіе кончили, выступили заболотскіе. Инокъ Кириллъ поставилъ передъ голубцомъ складной аналой, Енафа сама затеплила свои скитскія свѣчи и толкнула оробѣвшую Аглаиду къ аналою. Напротивъ Аглаиды за могилкой стояла мать Фаина и не сводила съ нея глазъ: слухъ о новой головщицѣ облетѣлъ уже всѣ скиты. Аглаида перекрестилась и начала „говорить“ канунъ. Сначала у ней голосъ дрогнулъ, но потомъ окрѣпъ и разлился въ утреннемъ воздухѣ, точно серебро. Она читала ровно и спокойно, и каждая нота звучала чарующею женскою нѣжностью. Нѣвучая страстность и рыдавшіе переливы анбашской головщицы смѣнились вѣрующимъ спокойствіемъ, точно разлилась широкая многоводная рѣка... Особенно хороши были полныя низкія ноты, когда Аглаида закрывала глаза. Кержанки-богомолки облѣпили могилку, какъ пчелы, и съ изумленіемъ смотрѣли прямо въ ротъ новой головщицѣ.

— Матушка ты наша, касаточка... Ангельскій голосокъ!..

Инокъ Кириллъ и мастерица Таисья слушали издали. Таисья точно застыла и стояла, какъ деревянная. Инокъ Кириллъ наконецъ не вытерпѣлъ и, толкнувъ ее локтемъ, прошепталъ:

— Какова птичка завелась, Таисьюшка? Соловьемъ разливается...

Таисья посмотрѣла какими-то удивленными глазами на Кирилла и ничего не отвѣтила. Она еще съ вечера все прислушивалась къ чему-то и тревожно поглядывала подъ гору, на дорогу изъ Самосадки, точно поджидала кого. Во время чтенія Аглаиды она первая услышала топотъ лошадиныхъ копытъ.

Въ туманѣ изъ-подъ горы сначала показался низенькій старичокъ съ длинною палкой въ рукѣ. Онъ шелъ безъ шапки, легко переваливаясь на своихъ кривыхъ ногахъ. Полы поношеннаго кафтана для удобства были заткнуты за опояску. Косматая сѣдая борода и цѣлая шапка сѣдыхъ волосъ на головѣ придавали ему дикій видъ, а добрые сѣрые глаза ласково улыбались.

— Да вѣдь это Гермогенъ!—какъ-то ахнулъ смиренный Кириллъ.

— Какой Гермогенъ? Перекрещенецъ?

— Онъ самый... Изъ Златоуста.

Таисья даже попятилась отъ такой неожиданности. Златоустовскіе поморцы-перекрещенцы не признавали о. Спиридонія за святого и даже смѣялись надъ нимъ, а тутъ вдругъ выкатилъ самъ Гермогенъ, первый раскольщикъ и смутьянъ... Чуяло сердце Таисьи, что быть бѣдѣ! За Гермогеномъ показалась изъ тумана голова лошади, а на ней ѣхалъ верхомъ Макаръ Горбатый.

— Вотъ такъ мечтаніе!—прошепталъ инокъ Кириллъ, прячась за Таисью.

Но добрые сѣрые глаза Гермогена уже отыскали его въ тысячной толпѣ. Старикъ прямо прошелъ къ Кириллу и, протягивая руку, проговорилъ:

— Здорово, сибирскій котъ...

— Ты бы шелъ своею дорогой, Гермогенъ,—огрызнулся Кириллъ, пряча свою руку.—Не туда ты попалъ... Уходи по-добру по-здорову, откудова пришелъ.

— Мнѣ вездѣ дорога.

Старикъ посмотрѣлъ на Таисью, на другихъ богомолокъ и, улыбнувшись, прибавилъ:

— Бабъ обманываете... Ишь, сколько ихъ набралось: какъ пчелки на медъ налетѣли, милыя.

Аглаида уже дочитывала свой канунъ, когда по толпѣ пробѣжалъ вѣтромъ общій шопотъ. Ее точно что̀ кольнуло, и голосъ порвался. Она слышала конскій топотъ и не смѣла оглянуться, какъ птица, которую въ травѣ накрыла охотничья собака. Смущеніе, произведенное въ толпѣ появленіемъ вершника, быстро прошло, когда ключевляне узнали своего лѣсообъѣздчика. А Макаръ стоялъ на одномъ мѣстѣ и широко раскрытыми глазами смотрѣлъ на черноризицу Аглаиду: онъ узналъ голосъ Аграфены. Такъ вотъ она гдѣ... Вся краска сбѣжала съ лица, и только глядѣли одни глаза, точно они хотѣли сжечь новую головщицу. Подъ этимъ упорнымъ взглядомъ Аглаида повернула свое лицо и тихо вскрикнула... Произошелъ переполохъ. Мастерица Таисья бросилась къ Аглаидѣ, схватила ее за руку и скрылась съ ней въ толпѣ. Макара окружили нѣсколько мужиковъ и угрожающе ждали, что̀ онъ будетъ дѣлать.

— Что̀, испугались?—говорилъ Гермогенъ, выступая впередъ.—Кому вы здѣсь молитесь, слѣпцы?

— Бей выкреста!—пронеслось въ толпѣ.—Это поморскій волкъ пришелъ...

— Васъ здѣсь много, а я одинъ,—спокойно отвѣтилъ старикъ.

Ему не дали кончить,—какъ-то вся толпа хлынула на него, смяла, и слышно было только, какъ на землѣ молотили живое человѣческое тѣло. Силенъ былъ Гермогенъ: подковы гнулъ, лошадей поднималъ за переднія ноги, а тутъ не устоялъ. Макаръ бросился-было къ нему на выручку, но его сейчасъ же стащили съ лошади и десятки рукъ не давали пошевельнуться. Перепуганныя богомолки бросились въ лѣсъ, а на рòзстани остались одни мужики.

— Порѣшимъ его, собаку!—опять крикнулъ неизвѣстный голосъ.

Улучивъ моментъ, Макаръ вырвался, и свалка закипѣла съ новымъ ожесточеніемъ. „Катай мочеганина и собаку-выкреста!“—гудѣла уже вся толпа. Едва ли ушли бы живыми изъ этого побоища незваные гости, если бы не подоспѣлъ на выручку остервенившійся инокъ Кириллъ.

— Что̀ вы дѣлаете, отчаянные?—крикнулъ онъ, бросаясь въ толпу со своимъ иноческимъ посохомъ.—Креста на васъ нѣтъ...

Это заступничество заставило толпу отхлынуть. Гермогенъ лежалъ на травѣ безъ движенія. Макаръ вытиралъ рукавомъ свое окровавленное лицо.

— Ну-ка, тащи старичка къ ключику,—говорилъ Кириллъ, поднимая голову Гермогена, болтавшуюся по-мертвому.—Еще дышитъ, кажись.

У ключика, который былъ въ десяти шагахъ, старика облили холодною водой, и онъ сейчасъ же открылъ глаза.

— Живъ еще, дѣдушка?—спрашивалъ Кириллъ, вытирая ему лицо какимъ-то бабьимъ платкомъ.—Ну, слава Богу... Макарушка, ты его вотъ на бокъ поверни этакъ... Ахъ, звѣри, какъ изуродовали человѣка!

Лицо у Гермогена быстро заплывало багровою опухолью, верхняя губа оказалась разсѣченной, но старикъ пересилилъ себя, улыбнулся и проговорилъ:

— Слѣпцы... Не меня били, а свою глупость.

Смиреніе Гермогена и его стоицизмъ подѣйствовали на толпу въ обратномъ смыслѣ. Нѣсколько человѣкъ отдѣлилось и подошло къ ключику сначала изъ любопытства.

— Звѣриный образъ на васъ на всѣхъ,—кротко заговорилъ Гермогенъ, обращаясь къ нимъ.—Себя-то пожалѣйте, слѣпые.

Толпа росла у ключика, а Гермогенъ продолжалъ свое. Его слова производили впечатлѣніе. Какой-то здоровенный мужикъ даже повалился ему въ ноги.

— Прости, дѣдушка...—бормоталъ онъ.—Это я тебя въ губу-то саданулъ...

— Богъ тебя проститъ, милый.

Участіе къ поморцу росло съ каждымъ мгновеніемъ, и Кириллъ струсилъ.

— Эй, вы, чего лѣзете?—крикнулъ онъ на толпу.—Не вашего это ума дѣло... Да и ты, Гермогенъ, держалъ бы лучше языкъ за зубами.

Когда свалка кончилась, бабы вышли изъ лѣсу и смотрѣли въ сторону ключика. Первая насмѣлилась подойти къ Гермогену мать Енафа. Наклонившись къ старику, она проговорила:

— Убить тебя мало, антихристъ... Уходи отсюда, коли живъ хочешь быть.

Мастерица Таисья уговаривала въ это время Макара, который слушалъ ее съ опущенною головой. Она усадила его на лошадь, какъ это было въ Кержацкомъ концѣ, а сзади сѣдла подсадила избитаго поморца.

— Ну, съ Богомъ теперь!—говорила Таисья, поворачивая лошадь къ Самосадкѣ.

X.

Случившійся на могилкѣ о. Спиридонія скандалъ на цѣлое лѣто далъ пищу разговорамъ и пересудамъ, особенно по скитамъ. Всѣ обвиняли мать Енафу, которая вывела головщицей какую-то пропащую дѣвку. Конечно, голосъ у ней лучше, чѣмъ у анбашской Капитолины, а все-таки и себя и другихъ срамить не доводится. Мать Енафа не обращала никакого вниманія на эти скитскіе пересуды и была даже довольна, что Гермогенъ съ могилки о. Спиридонія едва живой уплелъ ноги.

— Это ужъ, видно, о. Спиридоній посмѣялся надъ выкрестомъ,—говорила она.—Въ святое мѣсто да съ поганою рожею пришелъ...

Аглаида молчала и ходила, какъ въ воду опущенная. Она видѣла Макара только издали, какъ во снѣ, но и этого было достаточно, чтобы поднять въ душѣ все старое. Вмѣстѣ съ тѣмъ, картина того, какъ незлобиво перенесъ Гермогенъ обиду, произвела на нее неизгладимое впечатлѣніе. Это былъ настоящій мученическій подвигъ, и Аглаида часто думала про этого удивительнаго старца. На нее нападали иногда сомнѣнія въ правотѣ собственнаго иноческаго житія, которое только тѣмъ и отличалось отъ мірского, что скитскіе ничего не дѣлали да молились отъ свободности. Со своими сомнѣніями Аглаида всегда шла къ матери Пульхеріи; такъ было и теперь. Она разсказала старухѣ все, какъ на духу, и горько плакалась на свою нетвердость.

— Мнѣ его жаль, Макара-то,—шептала Аглаида, заливаясь слезами.—Неотступно стоитъ онъ передо мной... и Гермогенъ тоже... „Слѣпые, говоритъ, вы всѣ... Жаль мнѣ васъ!“

— Мечтаніе это, голубушка!.. Врагъ онъ тебѣ злѣйшій, мочеганинъ-то

этотъ. Зачѣмъ онъ ѣхалъ-то, когда добрые люди на молитву пришли?.. И Гермогена знаю. Въ четвертый разъ самъ себя окрестилъ: вотъ онъ каковъ человѣкъ... Хуже никоніанина. У нихъ въ Златоустѣ послѣдняго ума рѣшились отъ этихъ поморцевъ... А мать Фаина къ поповщинѣ гнетъ, потому какъ сама-то она изъ часовенныхъ.

Бесѣда съ Пульхеріей всегда успокаивала Аглаиду, но на этотъ разъ она ушла отъ нея съ прежнимъ гнетомъ на душѣ. Ей чего-то недоставало... Даже про себя она боялась думать, что въ скитахъ ей трудно жить и что можно устроиться гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ; Аглаида не могла и молиться попрежнему, хотя и выстаивала всякую службу.

А лѣто шло уже на исходъ. Послѣ Ильина дня добрые люди считаютъ уже осень. Солнышко поднимается позднѣе и ложится раньше. Въ горахъ начинаютъ перепадать холодные утренники. Лѣтніе алые цвѣтки поблекли, а трава подъ ногой шелеститъ—по-мертвому... Лѣсная птица давно уже птенцовъ вывела на ягоду. На Мохнатенькой много было такихъ выводковъ. Однихъ поляшей *) гнѣздъ больше десяти. Непуганая птица подпускала близко, и Аглаида по цѣлымъ часамъ любовалась, какъ старыя полышонки ходили съ гнѣздомъ по ягодамъ. Вѣдь птица, а только-только не скажетъ... По-своему-то между собой тоже говорятъ, особенно мать съ дѣтьми. Рано по утрамъ два выводка приходили пить къ святому ключу. Впереди бѣгутъ птенцы, а мать за ними. Таково-то все хорошо да умненько у этихъ птицъ... Наблюдая птичью жизнь, Аглаида невольно завидовала имъ,—никакому творенію такъ хорошо не живется. Которая птица перелетная, такъ той и того лучше: сегодня здѣсь, завтра тамъ. Прямо сказать: Господняя тварь. Утромъ еще солнышко не взошло, а птичка ужъ проснулась и славитъ... И никакого грѣха у птицы нѣтъ: кормъ она у другихъ не отнимаетъ, дѣточекъ воспитываетъ, а самая чистая птица все парами—лебедь съ лебедушкой, журавль съ журавлихой, голубь съ голубкой, скворчикъ съ скворчихой. Звѣрь—тотъ хуже, а человѣкъ хуже всѣхъ звѣрей. Недаромъ, когда человѣкъ идетъ по лѣсу, всякая тварь отъ него прячется, и даже лютый медвѣдь уходитъ. Любила Аглаида ходить по лѣсу одна и раздумывать свои думы. Такъ-то это хорошо, когда одинъ останешься...

Разъ послѣ перваго Спаса шла Аглаида по Мохнатенькой, чтобы набрать травки-каменки для матери Пульхеріи. Старушка недомогала, а самой силы нѣтъ подняться на гору. Идетъ Аглаида по лѣсу, собираетъ траву и тихонько напѣваетъ раскольничій стихъ. У самаго святого ключика она чуть не наступила на лежавшаго на землѣ мужика. Она хотѣла убѣжать, но потомъ разглядѣла, что это инокъ Кириллъ.

— Что ты тутъ дѣлаешь?—спросила Аглаида.

— Проходи дальше...—грубо отвѣтилъ Кириллъ и отвернулся.

Аглаидѣ показалось, что онъ плакалъ. О чемъ же онъ могъ убиваться, беззаботный скитскій инокъ? Аглаида отошла нѣсколько шаговъ и остановилась.

— Чего стала-то?—точно зарычалъ инокъ.—Сказано—проходи.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, Аглаида остановилась за деревомъ и стала смотрѣть, что будетъ дѣлать Кириллъ. Онъ лежалъ попрежнему, и только было замѣтно, какъ вздрагивало все его тѣло отъ подавленныхъ рыданій. Какая-то непонятная сила такъ и подталкивала Аглаиду подойти поближе къ Кириллу. Шагъ за шагомъ она опять была у ключа.

*) Поляшъ—косачъ.

— Кириллъ...

Старецъ быстро сѣлъ и удивленными глазами посмотрѣлъ на Агланду, точно не узналъ ее. Все лицо у него опухло отъ слезъ, но онъ не пряталъ его, а только смотрѣлъ на непрошенную гостью исподлобья.

— Не подходи, говорю... — проговорилъ Кириллъ, не спуская глазъ съ Агланды.—Не человѣкъ, а звѣрь передъ тобой, преисполненный скверны. И въ тебѣ все скверна, и подошла ты ко мнѣ не сама, а бѣсъ тебя толкнулъ... Хочешь, чтобы звѣрь пожралъ тебя?

Аглаида давно уже не боялась Кирилла и спокойно сѣла на траву рядомъ съ нимъ.

— О чемъ ты плакалъ? — спросила она тихимъ голосомъ, глядя ему прямо въ глаза.

— Я?.. Какъ мнѣ не плакать, ежели у меня смертный часъ приближается?.. Скоро помру. Сердце чуетъ... А потомъ-то что будетъ? У васъ, у бабъ, всего одинъ грѣхъ, да и съ тѣмъ вы не подсобились, а у нашего брата мужика грѣховъ-то тьма... Вотъ ты пожалѣла меня и подошла, а я что думаю о тебѣ сейчасъ?.. Помру скоро, Аглаида, а звѣрь-то останется... Можетъ, я видѣть не могу тебя!..

— Перестань ты, Кириллъ, неподобныя слова говорить,—спокойно уговаривала Аглаида.—Иночество скоро приму, и нечего мнѣ тебя бояться.

— Да вѣдь мнѣ-то обидно: лежалъ я здѣсь и о смертномъ часѣ сокрушался, а ты подошла — у меня все нутро точно перевернулось... Какой же я послѣ этого человѣкъ есть, что душа у меня коромысломъ? И весь-то грѣхъ въ міръ идетъ единственно черезъ васъ, бабъ, значитъ... Какъ оно зачалось, такъ, видно, и кончится. Адамъ началъ, а антихристъ кончитъ. Правильно я говорю?.. И съ этакою-то нечистою душой долженъ я скоро предстать туда, гдѣ и ангелы не смѣютъ взирати... Этакая нечисть, погань, скверность,— вотъ что я такое!

Старецъ Кириллъ опять упалъ на траву и зарыдалъ „источнымъ голосомъ“. Аглаида сидѣла неподвижно, точно прислушиваясь къ тому, что у ней самой дѣлалось на душѣ. Вѣдь и она то же самое думала про себя, что говорилъ ей сейчасъ плакавшій инокъ.

— Ты еще все не ушла?—удивился Кириллъ, поднимаясь.

— Нѣтъ.

— Такъ ты вотъ какая... Мало тебѣ того, что я сказалъ? Мало? Хочешь знать и то, чего тебѣ не слѣдуетъ знать?.. Два года боялась меня, а теперь не боишься? Такъ я же тебѣ все скажу... Мастерицу Таисью помнишь: я жилъ съ ней, когда она исправу принимала въ скитахъ. Мать Енафа жила со мной въ то же время, а потомъ я съ Ѳедосьей да съ Акулиной запутался... Мало тебѣ этого?.. У меня въ Мурмосѣ есть одна вдова-солдатка, на Анбашѣ—головщица Капитолина, въ Красномъ-Яру—цѣлыхъ три сестры... Лютый я звѣрь, — вотъ что я тебѣ скажу!.. Не страшно тебѣ глядѣть-то на меня?

Аглаида молчала, опустивъ голову. Послѣ этого приступа старецъ Кириллъ точно изнемогъ и нѣсколько времени тоже молчалъ, а потомъ началъ говорить, не обращаясь ни къ кому, точно Аглаиды и не было совсѣмъ. Онъ разсказывалъ ей всю свою жизнь, всѣ грѣхи, всѣ помыслы и тайныя желанія, точно на исповѣди. Да, онъ искалъ истины, а находилъ вездѣ одинъ только грѣхъ. Душа изболѣла въ грѣхѣ, изнемогло тѣло, а впереди страхъ и скрежетъ зубовный. Близится день судный, народится льстецъ всескверный, а спасенія нѣтъ. И въ лѣсу не уйдешь отъ грѣха, потому что мы его съ собой въ лѣсъ-то приносимъ.

— Два года я тебя подстерегалъ, Аглаида, чтобы сотворить срамъ, — каялся Кириллъ.—Ни молитва, ни крестъ, ни слезы, ничто бы не удержало... Вотъ и теперь ты сидишь рядомъ со мной, а я... нѣтъ, я не могу... Рука у меня не поднимается на тебя!.. Какъ взглянешь мнѣ прямо въ глаза, такъ я и изнемогу, а отойду — ненависть у меня къ тебѣ. Точно такъ бы и разорвалъ тебя на мелкія части... Помнишь, какъ я тогда тебя въ первый-то разъ съ Самосадки слѣпую везъ въ скиты? Нарочно въ балаганъ на Бастрыкъ завезъ, и Господь тебя сохранилъ отъ моей лютости... Везу тебя тогда, а у самого сердце огнемъ горитъ. А заговорила, взглянула — сердце и упало... Проклятый я человѣкъ, Аглаида! Нѣтъ мнѣ прощенія...

— Не ладно ты говоришь, Кириллъ, — отвѣтила Аглаида, качая головой.—Не пойму я тебя что-то... Лишнее на себя наговариваешь. Не сужу я тебя, а къ слову сказала...

— Мало тебѣ, значитъ, и этого? А видѣла тогда на рѣзстани старца Гермогена?

— Видѣла.

— Ну, такъ я отъ него сейчасъ... Въ большое онъ сомнѣніе меня привелъ. Чуть-чуть въ свою вѣру меня не повернулъ... Помнишь, какъ онъ тогда сказалъ: „слѣпые вы всѣ“? Слѣпые и выходитъ!

Этого Аглаида уже не могла вынести: вскочила и ушла, и ни даже разу не оглянулась на старца.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

Вмѣсто Палача управителемъ на Крутяшѣ былъ назначенъ мѣднорудянскій смотритель Ефимъ Андреичъ. Онъ жилъ въ Пеньковкѣ, гдѣ у него былъ выстроенъ собственный деревянный домикъ на пять оконъ. Въ своей новой должности Ефимъ Андреичъ имѣлъ право занять казенную квартиру Палача на самомъ рудникѣ, что̀ онъ и сдѣлалъ. Правда, жаль было оставлять свой домишко, но, съ другой стороны, примиряющимъ обстоятельствомъ являлась квартирная плата, которую Ефимъ Андреичъ будетъ получать за свой домъ, да и новому рудничному смотрителю гдѣ-нибудь надо же пріютиться.

— Ну, мать, какъ ты полагаешь своимъ бабьимъ умомъ?—спрашивалъ Ефимъ Андреичъ свою старушку-жену.

— Ужъ и не знаю, Ефимъ Андреичъ...

Прасковья Ивановна была почтенная старушка раскольничьяго склада, очень строгая и домовитая. Дѣтей у нихъ не было, и старики жили какъ-то особенно дружно, точно сироты, что̀ иногда бываетъ съ бездѣтными парами. Высокая и плотная Парасковья Ивановна сохранилась не по годамъ и держалась въ сторонкѣ отъ женъ другихъ заводскихъ служащихъ. Она была изъ богатой купеческой семьи съ Мурмоса и крѣпко держалась своей старой вѣры.

— Ну, такъ ка̀къ, мать?—спрашивалъ Ефимъ Андреичъ.—За квартиру будемъ получать пять цѣлковыхъ, а въ годъ-то вѣдь это всѣ шестьдесятъ. Ежели и четыре, такъ и то сорокъ восемь рубликовъ... Не баранъ чихалъ, а голенькія денежки!

Раскинули старики умомъ и порѣшили переѣхать на казенную квартиру.

Главное затрудненіе представлялось въ разной домашности: и корова Пестренка, и старый слуга Гнѣдко, и курочки,—всѣхъ нужно было тащить за собой да устраивать на новомъ мѣстѣ. Да и гнѣзда своего стараго жаль... Тоже двадцать лѣтъ прожито—и вдругъ переѣзжай. Но желаніе получить четыре рубля въ мѣсяцъ за квартиру пересилило всѣ остальныя соображенія. Когда такимъ образомъ вопросъ былъ рѣшенъ, у Ефима Андреича точно что̀ повихнулось на душѣ, — старикъ вдругъ затосковалъ... Но дѣло сдѣлано, и ворочаться не приходилось. Старики, скрѣпя сердце, переѣхали изъ Пеньковки на самый рудникъ и поселились въ господской квартирѣ.

Случилось стра́нное дѣло. Ефимъ Андреичъ выслужилъ на Мѣдномъ рудникѣ тридцать пять лѣтъ и былъ для рудниковой вольницы настоящею грозой. „Ужъ Ефима Андреича не обманешь, Ефимъ Андреичъ достигнетъ, потому какъ на два аршина подъ землей видитъ“,—таково было общественное мнѣніе подчиненной массы. Работалъ старикъ, какъ машина, съ аккуратностью хорошей работы старинныхъ часовъ: въ извѣстный часъ онъ уже будетъ тамъ, гдѣ ему слѣдуетъ быть, хоть камни съ неба вались. Рудничное дѣло не заводское: не остановишь. Крутяшъ и праздниковъ не зналъ, какъ не зналъ ихъ и Ефимъ Андреичъ: онъ въ Свѣтлый день спускался два раза въ шахту, какъ въ будни, и въ Рождество, и въ свои именины. Сохрани Богъ упустить шахту, да тогда вся бы Пеньковка по міру пошла, пока „отводились“ бы съ упущенною шахтой. Вонъ на Кукарскихъ заводахъ этакъ-то „ушла шахта“, такъ девять человѣкъ утонуло, да воду паровыми машинами полгода отливали. Большихъ тысячъ стоило, чтобы „отводиться“ съ шахтой. Когда Ефимъ Андреичъ былъ простымъ смотрителемъ, онъ зналъ только свое дѣло и не боялся за шахту: осмотритъ всѣ работы, задастъ „уроки“, и чистъ молодецъ. Сдѣлавшись мѣднорудянскимъ управителемъ, старикъ точно что̀ потерялъ, а прежде всего потерялъ собственный покой. Дѣло велось, какъ и раньше, а Ефимъ Андреичъ не довѣрялъ даже собственной работѣ: такъ, да не такъ. Обходя подземныя галлереи, старикъ косился на каждую стойку, поддерживавшую своды, подолгу прислушивался къ работѣ паровой машины, откачивавшей воду, къ далекому гулу подземной работы, и уходилъ разстроенный. Случись что̀ — онъ одинъ въ отвѣтѣ... И рабочіе стали относиться къ нему какъ-то иначе, не такъ, какъ прежде, точно не довѣряли ему, а въ такомъ отвѣтственномъ дѣлѣ именно довѣріе прежде всего. Ночью Ефимъ Андреичъ лежитъ на кровати и однимъ ухомъ все прислушивается, какъ пыхтитъ паровая машина, и все ему кажется, что что-то не такъ и чего-то вообще недостаетъ. Въ концѣ концовъ старикъ началъ просто бояться неизвѣстной, но неминуемой грозы, похудѣлъ, осунулся и сдѣлался крайне раздражительнымъ и недовѣрчивымъ. Парасковья Ивановна тоже тяжело вздыхала, глядя на мужа. Что̀ же дальше-то будетъ, ежели онъ и сейчасъ мѣста себѣ не находитъ?

Дѣло кончилось тѣмъ, что Ефимъ Андреичъ разъ за вечернимъ чаемъ сказалъ женѣ:

— Паша, давно я тебѣ хочу сказать... однимъ словомъ, наплевать!

Парасковья Ивановна съ полуслова знала, въ чемъ дѣло, и даже перекрестилась. Въ самомъ-то дѣлѣ, вѣдь этакъ и жизни можно рѣшиться, а имъ двоимъ много ли надо?... Глядѣть жаль на Ефима Андреича, какъ онъ убивается. Участіе жены тронуло старика до слезъ, но онъ сейчасъ же повеселѣлъ.

— Ну его къ ляду, управительское-то мѣсто!—говорилъ онъ.—Конечно, жалованья больше, ну, и господская квартира, а промежду прочимъ наплe-

вать... Не могу, Паша, не могу своего характера переломить!.. Точно вотъ я другой человѣкъ, и свои же рабочіе по-другому на меня смотрятъ. Вижу я ихъ всѣхъ наскрозь, а самъ какъ связанный.

— Чтой-то, Ефимъ Андреичъ, не на пасынковъ намъ добра-то копить. Слава Богу, хватитъ и смотрительскаго жалованья... Да и по чужимъ угламъ на старости лѣтъ муторно жить. Вонъ курицы у насъ, и тѣ точно сироты бродятъ... Переѣхали бы къ себѣ въ домъ, я телочку бы стала выкармливать... На тебя-то глядѣть, такъ сердечушко все изболѣлось! Самъ не свой ходишь, по ночамъ вздыхаешь... Долго ли человѣку известись!

Старики тутъ же за чаемъ и рѣшили, что Ефимъ Андреичъ откажется отъ управительства. Ну его къ ляду и съ господской квартирой вмѣстѣ!

— Знаешь, Паша, что я сдѣлаю? — говорилъ развеселившійся Ефимъ Андреичъ.—Поѣду къ Петру Елисѣичу и попрошу, чтобы онъ на мое мѣсто управителемъ заступилъ.

— Не пойдетъ онъ, Ефимъ Андреичъ, — обидѣлъ его Лука Назарычъ; да и мѣсто рудниковаго управителя ниже заводскаго.

— А вотъ и пойдетъ... Заводская косточка, не утерпитъ: только помани. А что касаемо обиды, такъ опять свои люди и счеты свои... Еще въ силѣ человѣкъ, безъ дѣла сидѣть обидно, а главное—свое вѣдь кровное заводское-то дѣло! Пошлютъ кого другого—хуже будетъ... Самъ поѣду къ Петру Елисѣичу и буду слезно просить. А ужъ я-то за нимъ—какъ тараканъ за печкой.

Ѣхать на Самосадку для Ефима Андреича было чѣмъ-то въ родѣ экспедиціи къ сѣверному полюсу. Дѣло въ томъ, что Ефимъ Андреичъ только разъ въ жизни выѣзжалъ съ Ключевского завода, и то по случаю женитьбы, когда нужно было отправиться къ невѣстѣ въ Мурмосъ. Дальше Мурмоса старикъ не ѣздилъ и даже не бывалъ на Самосадкѣ, до которой всего было два часа ѣзды. И рудникъ не приходилось оставлять, да и самъ по себѣ Ефимъ Андреичъ былъ большой домосѣдъ. Понятно, какой для него предстоялъ подвигъ, и онъ собирался цѣлый мѣсяцъ. Нѣсколько разъ съ вечера онъ заказывалъ, что выѣдетъ завтра поутру; наступало утро и—поѣздка откладывалась. Легко сказать—уѣхать, а тутъ безъ тебя и шахта уйдетъ, и Парасковья Ивановна захвораетъ, и всякая другая бѣда приключится.

Великое событіе отъѣзда Ефима Андреича совершилось по послѣднему санному пути. Онъ прощался съ женой, точно ѣхалъ на медвѣжью охоту или на дуэль. Мало ли что дорогой можетъ приключиться!

— Ну, Паша, ежели я завтра утромъ не вернусь, такъ ужъ ты тово...— наказывалъ старикъ упавшимъ голосомъ.—Эхъ, до чего дожилъ: вотъ тебѣ и господская квартира!

Разстроенная прощаньемъ Парасковья Ивановна даже всплакнула и сейчасъ же послала за мастерицей Таисьей: на людяхъ все же веселѣе скоротать свое одиночество. Сама Парасковья Ивановна придерживалась поповщины,—вся у нихъ семья были поповцы,—а безпоповщинскую мастерицу Таисью любила и частенько привѣчала. Таисья всегда шла по первому зову, какъ и теперь.

— Проводила я своего-то Ефима Андреича,—торжественно заявила Парасковья Ивановна. — На Самосадку укатилъ... Не знаю, вернется живъ, не знаю—не живъ. Тоже не близкое мѣсто.

За чаемъ старушка разсказала Таисьѣ все свое горе, а Таисья долго и участливо качала головой.

— Ну, а ты какъ думаешь?—пытала ее Парасковья Ивановна. — Правильно онъ разсудилъ, Ефимъ-то Андреичъ?

— Въ самый разъ, Парасковья Ивановна!—поддакивала Таисья.

— Ужъ мы всяко думали, Таисьюшка... И своего-то старика мнѣ жаль. Сталъ садиться въ долгушку, чтобы ѣхать, и чуть не вылѣзъ: вспомнилъ про Груздева. Пожалуй, говоритъ, онъ тамъ, Груздевъ-то, подумаетъ, что я къ нему пріѣхалъ.

У Парасковьи Ивановны были старые счеты съ Груздевыми, которыхъ она вообще недолюбливала и даже избѣгала о нихъ говорить. Причина этой непріязни таилась въ семейной исторіи. Дѣло въ томъ, что отецъ Парасковьи Ивановны велъ торговлю въ Мурмосѣ, имѣлъ небольшія деньги и жилъ, „не задѣвая ноги за ногу“, какъ говорятъ на заводахъ. Семья слыла за богатую, тоже по заводскимъ расчетамъ. Но подъ старость отецъ Парасковьи Ивановны проторговался, и вся семья это несчастіе объясняла конкуренціей пробойнаго самосадскаго мужика Груздева, который настоящимъ кореннымъ торговцамъ сталъ костью въ горлѣ. Такъ это дѣло и тянулось: Груздевъ разорилъ—и все тутъ. Груздевъ считалъ себя обиженнымъ этими наговорами и сторонился отъ стариннаго заводскаго полукупечества.

— Распыхался ужъ очень Самойло-то Евтихычъ,—прибавила Парасковья Ивановна точно въ свое оправданіе.—Не подъ силу дерево заломилъ.

Таисья не возражала, а только, благочестиво опустивъ глаза, легонько вздохнула.

А Ефимъ Андреичъ ѣхалъ да ѣхалъ. Отъѣдетъ съ версту и оглянется: что-то теперь Парасковья Ивановна подѣлываетъ? Поди, ужъ самоваръ наставила и одна у самовара посиживаетъ... Дорога ему казалась невыносимо длинной.

— Дожилъ, нечего сказать,—ворчалъ онъ, кутаясь въ шубу.—На старости лѣтъ довелось мыкаться по свѣту.

Петръ Елисѣичъ, конечно, былъ дома и обрадовался старому сослуживцу, котораго не зналъ куда и посадить. Нюрочка тоже ластилась къ гостю и все заглядывала на него. Но Ефимъ Андреичъ находился въ самомъ угнетенномъ состояніи духа, какъ колесо, съ котораго сорвался приводъ и которое вертѣлось поэтому зря.

— По дѣлу пріѣхалъ, по самому казусному дѣлу,—коротко объяснилъ онъ, занятый своими мыслями.

— Дѣло не уйдетъ, а вотъ сначала чайку напьемся.

Но и чай не пился Ефиму Андреичу, а послѣ чая онъ сейчасъ же увелъ Петра Елисѣича въ кабинетъ и тамъ объяснилъ все дѣло. Петръ Елисѣичъ задумался и не рѣшался дать окончательный отвѣтъ.

— И думать нечего,—настаивалъ Ефимъ Андреичъ.—Вѣдь мы не чужіе, Петръ Елисѣичъ... Ежели разобрать, такъ и я-то не о себѣ хлопочу: рудника жаль, если въ чужія руки попадетъ. Чужой человѣкъ чужой и есть... Сегодня здѣсь, завтра тамъ, а мы, заводскіе, ужъ никуда не уйдемъ. Свое лихо... Какъ пошлютъ какого-нибудь инженера на рудникъ-то, такъ я тогда что буду дѣлать?

Послѣ долгихъ переговоровъ Петръ Елисѣичъ условно согласился, и Ефимъ Андреичъ нѣсколько успокоился.

— Теперь Парасковья Ивановна спать поди ужъ легла...—говорилъ за ужиномъ Ефимъ Андреичъ съ какою-то дѣтскою наивностью.—А я утромъ пораньше уѣду, чтобы прямо къ самовару подкатить.

Но старикъ не вытерпѣлъ: когда послѣ ужина онъ улегся въ хозяйскомъ кабинетѣ, его схватила такая тоска, что онъ потихоньку пробрался въ кухню и велѣлъ закладывать лошадей. Такъ онъ и уѣхалъ въ ночь, не простившись съ хозяиномъ, и успокоился только тогда, когда очутился у себя дома и нашелъ все въ порядкѣ.

II.

Дѣло съ переѣздомъ Петра Елисѣича въ Крутяшъ устроилось какъ-то само собой, такъ что даже Ефимъ Андреичъ удивился такому быстрому выполненію своего плана. Главная сила заключалась въ Лукѣ Назарычѣ, но сердитый старикъ, видимо, даже обрадовался благопріятному случаю, чтобы помириться съ „французомъ“. Палачъ, сдѣлавшись заводскимъ управителемъ, началъ кутить все чаще и вообще огорчалъ Луку Назарыча своимъ поведеніемъ. Съ другой стороны, и Петръ Елисѣичъ былъ радъ избавиться отъ своего вынужденнаго бездѣлья, а всякое заводское дѣло онъ любилъ душой. Однимъ словомъ, всѣ были довольны, и Петръ Елисѣичъ переѣхалъ въ Крутяшъ сейчасъ же. Между прочимъ, живя на Самосадкѣ, онъ узналъ, что въ раскольничьей средѣ продолжаютъ циркулировать самые упорные слухи о своей землѣ, и что однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ здѣсь является его братъ Мосей. Пропаганда шла какими-то подземными путями, причемъ оказались запутанными въ это дѣло и старикъ Основа, и выкрестъ Гермогенъ, а главнымъ образомъ самосадчане. Выходило такъ, что Петръ Елисѣичъ какъ будто являлся здѣсь подстрекателемъ и, какъ ловкій человѣкъ, дѣйствовалъ черезъ брата Мосея. Молва видѣла въ этомъ только месть заводскому управленію, отказавшему ему отъ службы. Иначе зачѣмъ ему было переѣзжать на пристань? Попытка разговорить пристанскихъ не заводить смуты кончилась для него ничѣмъ.

— Самосадка-то пораньше и Ключевского и Мурмоса стояла, — повторяли старички-коноводы.—Дѣды-то вольные были у насъ, на своей землѣ сидѣли, а Устюжаниновъ потомъ неправильно записалъ Самосадку къ своимъ заводамъ.

Въ сущности, никто ничего не зналъ, и заводское землевладѣніе являлось сомнительнымъ вопросомъ въ юридическомъ смыслѣ, но за нимъ стояла громадная давность. Старики увѣряли, что у нихъ есть „вѣрная бумага“, гдѣ все показано, но Петръ Елисѣичъ такъ и не могъ добиться увидѣть этотъ таинственный документъ. Очевидно, ему свои самосадскіе не довѣряли, дѣйствовала какая-то невидимая рука, и дѣйствовала очень настойчиво. Прямымъ слѣдствіемъ этого невыяснившаго еще движенія являлось то, что ни на Ключевскомъ заводѣ ни въ Мурмосѣ уставной грамоты населеніе еще не подписывало до сихъ поръ, и вопросъ о землѣ оставался открытымъ.

Переѣздъ съ Самосадки совершился очень быстро, — Петръ Елисѣичъ ужасно торопился, точно боялся, что эта новая должность убѣжитъ отъ него. Устраиваться въ Крутяшѣ помогали Ефимъ Андреичъ и Таисья. Нюрочка здѣсь въ первый разъ познакомилась съ Парасковьей Ивановной и каждый день уходила къ ней. Старушка съ перваго раза привязалась къ дѣвочкѣ, какъ къ родной. Разъ Ефимъ Андреичъ, вернувшись съ рудника, нашелъ жену въ слезахъ. Она открыла свое тайное горе только послѣ усиленныхъ просьбъ.

— Не могу я жить безъ этой Нюрочки,—шептала старушка, закрывая лицо руками. — Точно вотъ она моя дочь. Даже вздрогну, какъ она войдетъ въ комнату, и все ее жду.

Это былъ святой порывъ неудовлетвореннаго материнства, и старики поплакали о своемъ горѣ вмѣстѣ.

Весна въ этомъ году вышла ранняя, караваны на Самосадкѣ отправлялись „спѣшкой“. Одинъ караванъ шелъ заводскій „съ металломъ“, а другой

груздевскій съ хлѣбомъ. У Груздева строились съ зимы шесть коломенокъ подъ пшеницу да двѣ подъ овесъ, — въ Россіи, на Волгѣ, былъ неурожай, и Груздевъ разсчитывалъ сплавить свой хлѣбъ къ самой высокой цѣнѣ, какая установляется весной. Обыкновенно караваны отваливали „близъ Егорія вешняго“, т.-е. около 23 апрѣля, а нынче дружная весна подхватила цѣлою недѣлей раньше. Заводскій караванъ все-таки поспѣлъ вò-время нагрузиться, а хлѣбный дня на два запоздалъ, — грузить хлѣбъ труднѣе, чѣмъ желѣзо да чугунъ. Впрочемъ, главною причиной здѣсь служило и то обстоятельство, что самому Груздеву приходилось бывать на Самосадкѣ только наѣздомъ, а его замѣнялъ Вася. Въ великое говѣнье разнемоглась Анѳиса Егоровна и теперь лежала пластомъ. Груздевъ боялся оставить ее, потому что, того гляди, она кончится. Больная тосковала о Самосадкѣ, въ которой прожила почти всю жизнь, а Мурмосъ ей не нравился.

— Поѣзжай ты, Самойло Евтихычъ, на пристань,—упрашивала больная мужа.—Какое теперь время: работа, какъ пожаръ, а Вася еще не дошелъ до настоящей точки.

— Успѣется,—отвѣчалъ Груздевъ.—Не первый караванъ отправляемъ, Васѣ показано все, какъ и что̀...

— Свой-то глазъ не замѣнишь, Самойло Евтихычъ... Я и безъ тебя поправилась бы. Не впервòй хворать-то: Богъ милости пошлетъ, такъ и безъ тебя встану.

У Анѳисы Егоровны была одна изъ тѣхъ таинственныхъ болѣзней, которыя начинаются съ пустяковъ. На первой недѣлѣ поста она солила рыбу впрокъ и застудила ноги на погребу. Сначала появился легкій кашель, потомъ лихорадка и общее недомоганье. Въ Мурмосѣ жилъ свой заводскій врачъ, но Груздевы, придерживаясь старинки, не обратились къ нему въ свое время, тѣмъ болѣе, что вначалѣ Анѳисѣ Егоровнѣ какъ будто полегчало. Впрочемъ, этотъ свѣтлый промежутокъ продолжался очень недолго, и къ Пасхѣ больная лежала уже крѣпко,—кашель, лихорадка, безсонница, плохой аппетитъ. Лѣчили ее разными домашними средствами свои же старушки.

— Надо доктора позвать,—предлагалъ Груздевъ:—какъ быть-то, ежели нельзя безъ него?

— Нѣтъ, ты ужъ не обижай меня,—просила больная.

Такъ дѣло и тянулось день за днемъ, а къ каравану больная уже чувствовала, что она не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ, хотя этого и не говорила мужу, чтобы напрасно не тревожить его въ самую рабочую пору. Анѳису Егоровну охватило то предсмертное равнодушіе, какое бываетъ при затянувшихся хроническихъ болѣзняхъ. О себѣ самой она какъ-то даже и не думала, а заботилась больше всего о сынѣ: какъ-то онъ будетъ жить безъ нея?.. Вотъ и женить его не привелъ Господь, — когда еще въ настоящіе-то годы войдетъ? Другою заботой былъ караванъ,—вѣдь чего будетъ стоить неудачный сплавъ, когда одной пшеницы нагружено девяносто тысячъ пудовъ да овса тысячъ тридцать? На худой конецъ тысячъ на семьдесятъ въ караванѣ-то... Только подъ конецъ больной удалось уговорить мужа отправиться на пристань, а вмѣсто себя послать въ Мурмосъ Васю. Груздеву казалось, что женѣ лучше, и онъ отправился на Самосадку съ облегченнымъ сердцемъ.

Заводскій караванъ уже отвалилъ, а груздевскія коломенки еще стояли въ прилукѣ, когда пріѣхалъ самъ хозяинъ.

— Какъ вода? — спрашивалъ Груздевъ, еще не вылѣзая изъ экипажа.

— Высоконько стоитъ, Самойло Евтихычъ,—объяснялъ главный сплавщикъ.—Съ Кукарскихъ заводовъ подпираютъ Каменку-то... Ну, да Господь милостивъ!..

— Я самъ поплыву...—рѣшилъ Груздевъ.

Вася былъ отправленъ сейчасъ же къ матери въ Мурмосъ, а Груздевъ занялся караваномъ со своею обычною энергіей. Во время сплава онъ иногда цѣлую недѣлю „ходилъ съ тѣми же глазами“, т.-е. совсѣмъ не спалъ, а теперь ему приходилось наверстывать пропущенное время. Нужно было повернуть дѣло дня въ два. Нанятые для сплава рабочіе роптали, ссылаясь на отвалившій заводскій караванъ. Задержка у Груздева вышла въ одной коломенкѣ, которую при спускѣ на воду „избочило“, — надо было ее поправлять, чтобы получилась правильная осадка.

Въ то самое утро, когда караванъ долженъ былъ отвалить, съ Мурмоса прискакалъ нарочный: это было извѣстіе о смерти Аѳоисы Егоровны... Груздевъ разсчитывалъ рабочихъ на берегу, когда обережной Матюшка подалъ ему небольшую записочку отъ Васи. Пробѣжавъ глазами нѣсколько строкъ, набросанныхъ второпяхъ карандашомъ, Груздевъ что-то хотѣлъ сказать, но только махнулъ рукой и зашатался на мѣстѣ, точно его кто ударилъ.

— Лошадей,—хрипло сказалъ онъ Матюшкѣ, чувствуя, какъ все у него темнѣетъ въ глазахъ.

Такъ караванъ и отвалилъ безъ хозяина, а Груздевъ полетѣлъ въ Мурмосъ. Сидя въ экипажѣ, онъ рыдалъ, какъ ребенокъ... Чортъ съ нимъ и съ караваномъ!.. Цѣлую жизнь прожили вмѣстѣ душа въ душу, а тутъ не привелъ Богъ и глаза закрыть. И какъ все это вдругъ... Гдѣ у него умъ-то былъ?

По дорогѣ Груздевъ завернулъ въ Крутяшъ, чтобы подѣлиться своимъ горемъ съ Петромъ Елисѣичемъ. Мухинъ уже зналъ все и только-что собрался ѣхать въ Мурмосъ вмѣстѣ съ Нюрочкой.

— Поѣдемъ вмѣстѣ со мной, — упрашивалъ Груздевъ со слезами на глазахъ.—Ничего я не понимаю: темно въ глазахъ...

— Какъ же я съ Нюрочкой буду?—думалъ вслухъ Петръ Елисѣичъ.—Троимъ въ твоемъ экипажѣ тѣсно... Дома оставить ее одну... гм...

— Скорѣе, скорѣе!—торопилъ Груздевъ.

Петра Елисѣича поразило непріятно то, что Нюрочка съ видимымъ удовольствіемъ согласилась остаться у Парасковьи Ивановны, — дѣвочка, видимо, начинала чуждаться его, что̀ отозвалось въ его душѣ больною ноткой. Дорога въ Мурмосъ шла черезъ Пеньковку, поэтому Нюрочку довезли въ томъ же экипажѣ до избушки Ефима Андреича, и она сама потянула за веревочку у воротъ, а потомъ быстро скрылась въ распахнувшейся калиткѣ.

Всю дорогу до Мурмоса Груздевъ страшно неистовствовалъ и совсѣмъ не слушалъ утѣшеній своего стараго друга, повторявшаго обычныя для такого случая фразы.

— А можетъ-быть, она не умерла? — повторялъ Груздевъ, ожидая подтвержденія этой мысли.—Вѣдь бываютъ глубокіе обмороки... Я читалъ въ газетѣ про одну дѣвушку, которая четырнадцать дней лежала мертвая и потомъ очнулась.

Когда Мухинъ начиналъ соглашаться относительно обморока, Груздевъ спорилъ, что все это пустяки, и что смѣшно утѣшать его, какъ маленькаго ребенка.

— Какъ несправедливо устроена вся наша жизнь, Петръ Елисѣичъ!— сѣтовалъ Груздевъ, нѣсколько успокоившись.—Живешь-живешь, хлопочешь, все чего-то ждешь, а тутъ трахъ — и нѣтъ ничего... Который-нибудь долженъ раньше умереть: или мужъ, или жена, а для чего, спрашивается, столько лѣтъ прожили вмѣстѣ?

— Какъ же ты разсуждаешь такъ? — удивлялся Мухинъ. — Вѣдь ты человѣкъ религіозный...

— Какая наша религія: какая-нибудь старуха почитаетъ да ладаномъ покуритъ — вотъ и все. Вѣдь какъ не хотѣла Аѳиса Егоровна переѣзжать въ Мурмосъ, чуяло сердце, что помретъ, а я точно ослѣпъ и на своемъ поставилъ.

Въ домѣ Груздева уже хозяйничала мастерица Таисья и смиренный заболотскій инокъ Кириллъ. По покойницѣ попеременно читали лучшія скитскія головщицы: Капитолина съ Анбаша и Аглаида изъ Заболотья. Изъ уваженія къ хозяину заводское начальство дѣлало видъ, что ничего не видитъ и не слышитъ, а то скитницъ давно выпроводили бы. Исправникъ Иванъ Семенычъ тоже махнулъ рукой: „пусть ихъ читаютъ, ангелъ мой“.

Въ самый день похоронъ, — хоронили покойницу ночью, чтобы не производить соблазна, — прискакалъ съ Самосадки нарочный съ извѣстіемъ, что груздевскій караванъ разбился. Это грозило полнымъ разореніемъ, а между тѣмъ Груздевъ отнесся къ этому несчастью совершенно спокойно, точно дѣло шло о десяткѣ рублей.

— Деньги — дѣло наживное, — съ грустью отвѣтилъ онъ на нѣмой вопросъ Петра Елисѣича. — На нашъ вѣкъ хватитъ... Для кого мнѣ копить-то ихъ теперь? Вмѣстѣ съ Аѳисой Егоровной наживали, а теперь мнѣ все равно...

III.

Мужики, привозившіе передъ Рождествомъ хлѣбъ, разсказывали на базарѣ, что знаютъ переселившихся въ „орду“ ключевлянъ и даже видѣли ихъ передъ отъѣздомъ. Дальше шли разнорѣчивыя показанія: одинъ говорилъ, что переселенцы живутъ ничего, привыкли, а другой—что имъ плохо приходится и что поговариваютъ объ обратномъ переселеніи. Этотъ слухъ встревожилъ родныхъ, и бабы заголосили на всѣ лады про „проклятущую орду“. Но потомъ все стихло, и стали ждать повѣстки: легкое мѣсто сказать, два года съ лишкомъ, какъ уѣхали и въ воду канули,—должна быть повѣстка.

Около Николина дня въ кабакъ Рачителихи пришелъ Мѳрокъ и заявилъ:

— Выворотились наши изъ орды...

— Перестань врать, непутевая башка!

— Вѣрно говорю... И потѣха только, что̀ теперь у Горбатыхъ въ дому творится!.. Самъ-то Титъ выворотился „ни съ чѣмъ пирогъ“... Домъ сыновьямъ запродалъ, всякое обзаведенье тоже, а теперь оглобли и повернулъ. Больно не хвалятъ орду...

— Да кто не хвалитъ-то?—накинулась на него Рачителиха.—Ты самъ, что ли, видѣлъ Тита-то?.. Ну, говори толкомъ!

— Видѣть самъ не видѣлъ, а только вѣрно это самое дѣло, Дунюшка... Сейчасъ провалиться, вѣрно!.. Отощали, слышь, всѣ, обносились, обвѣтряли,— супротивъ заводскихъ срамъ глядѣть.

Всѣ кабацкіе завсегдатаи пришли въ неописуемое волненіе, и Рачителиха торговала особенно бойко, точно на праздникѣ. Всѣ ждали, не подойдетъ ли кто изъ Туляцкаго конца, или, можетъ, завернетъ старый Коваль.

Титъ Горбатый дѣйствительно вернулся, и вернулся не одинъ, а вывелъ почти всю семью, кромѣ безотвѣтнаго большака Ѳедора, который пока остался съ женой въ ордѣ. Старая Палагея, державшая весь домъ желѣзною рукой, умерла по зимѣ, и Титъ вывелъ пока меньшака Фрола съ женой Агаѳьей да Пашку; они пріѣхали на одной телѣгѣ самъ-четвертъ, не считая двухъ

Агаѳьиныхъ погодковъ-ребятишекъ. Это былъ тяжелый моментъ, когда Титъ ночью постучалъ кнутикомъ въ окно собственной избы. — днемъ онъ не желалъ ѣхать по заводу въ настоящемъ своемъ видѣ. На стукъ показалась Татьяна; она не узнала грознаго свекра, и онъ не узналъ забитую сноху.

— Кого тебѣ, крещеный? — спросила Татьяна, разглядывая плохую лошаденку.—Можетъ, Макара, такъ его нѣту дома...

— Отворяй ворота, Татьяна, — отвѣтила Агаѳья съ телѣги, и Татьяна узнала ея голосъ.

— Батюшки-свѣты, да вѣдь это ты, свекоръ-батюшка!.. — заголосила она, по старой привычкѣ, бросаясь опрометью къ воротамъ. — Ахъ, родимые вы мои...

На шумъ выскочилъ солдатъ Артемъ, а за нимъ Домнушка. По туляцкому обычаю и сынъ и обѣ снохи повалились старику въ ноги тутъ же на дворѣ, а потомъ начали здороваться.

— Ну, этого-тово, принимайте гостей, — печально проговорилъ Титъ, входя въ переднюю избу.—Мать Палагея приказала долго жить...

Домнушка и Татьяна сейчасъ же подняли вой, но Титъ оговорилъ ихъ и велѣлъ замолчать. Онъ все оглядывался кругомъ, точно боялся чего. Съ одной стороны, онъ былъ радъ, что Макаръ уѣхалъ куда-то на лѣсной пожаръ: не всѣ за-разъ увидятъ его убожество... Обстановка всего двора подѣйствовала на старика самымъ успокаивающимъ образомъ. Братья, видимо, жили справно и не сорили отцовскаго добра. Что же, дай Богъ всякому такъ-то... Вонъ и Татьяна выправилась, даже не узналъ-было по первоначалу, а солдатъ со своею солдаткой тоже какъ слѣдуетъ быть мужу съ женой. Конечно, Домнушка поспала съ рожицы, а все-таки за настоящую бабу сойдетъ, одна спина чего стоитъ.

— А ты давно изъ службы выворотился, Артемъ? — спрашивалъ старикъ для разговора.

— Да ужъ этакъ, примѣрно, второй годъ пошелъ, родитель, — вѣжливо отвѣчалъ солдатъ, вытягиваясь въ струнку. — Этакъ по осени, значитъ, я на Ключевскомъ очутился...

— Такъ, такъ... — разсѣянно соглашался Титъ, оглядывая избу.—А теперь, значитъ, этово-тово, при братѣ состоишь?

— Это вы касательно Макара, родитель? Нѣтъ, это вы напрасно, потому какъ у брата Макара, напримѣрно, своя часть, а у меня своя... Ничего, живемъ, ногой за ногу не задѣваемъ.

— Робишь гдѣ-нибудь?

— Такъ вообче... своимъ средствіемъ пока, а что касаемо предбудущихъ временъ, такъ имѣемъ свою осторожность.

Фролъ смотрѣлъ на брата, какъ на чужого человѣка, а вытянувшійся за два года Пашка совсѣмъ не узнавалъ его. Да и солдатъ былъ одѣтъ такъ чисто, а они пріѣхали въ лаптяхъ, рубахахъ изъ домашней пестрядины и вообще мужланами. Сноха Агаѳья тоже смущалась за свой деревенскій синій „дубасъ“ и простую холщевую рубашку, въ какихъ на Ключевскомъ ходили только самыя древнія старухи. Заводское щегольство больно отозвалось на душѣ Агаѳьи, и она потихоньку заплакала. Половину вѣка унесла эта проклятущая орда... Теперь на улицу стыдно будетъ глаза показать, — свои заводскіе проходу не дадутъ.

Какъ человѣкъ бывалый, солдатъ спросилъ только про дорогу, давно ли выѣхали, благополучно ли дослѣдовали, а объ ордѣ ни гу-гу. Пусть старикъ самъ заговоритъ, а то еще не во-время спросишь.

— Да вѣдь они, гли, совсѣмъ наѣхали,—шепнула ему Домнушка на ухо, соображая свои бабьи дѣла.

— Не наше дѣло,—цыкнулъ на нее Артемъ.

Никакихъ разговоровъ по первоначалу не было, какъ не было ихъ потомъ, когда на другой день пріѣхалъ съ пожара Макаръ. Старикъ отмалчивался, а сыновья не спрашивали. Зато Домнушка въ первую же ночь черезъ Агаѳью вызнала всю подноготную: совсѣмъ „выворотились“ изъ орды, а по осени выѣдетъ и большакъ Ѳедоръ съ женой. Неловко было выѣзжать всѣмъ заразъ, тоже совѣстно супротивъ другихъ, которымъ не на что было пошевельнуться: уѣхали вмѣстѣ, а назадъ повернули первыми Горбатые.

— Погибель, а не житье въ этой самой ордѣ,—разсказывала Домнушка мужу и Макару. — Старики-то, слышь, укрѣпились, а молодяжникъ да бабы взбунтовались... Въ голосъ, сказываютъ, ревѣли. Самое гиблое мѣсто эта орда, особливо для бабъ,—ну, бабы наши подняли бунтъ. Какъ оглядѣлись, такъ и зачали донимать мужиковъ... Мужики ихъ бить, а бабы все свое толмятъ, ну и достигли-таки мужиковъ.

— Обнаковенно, все черезъ васъ, черезъ бабъ,—глубокомысленно замѣтилъ солдатъ. — А все-таки какъ же родителя-то обернули, не таковскій онъ человѣкъ...

— И не обернуть бы, кабы не померла матушка Палагея. Тошнехонько стало ему въ ордѣ, родителю-то,—ну, бабы и зачали его сомущать да разговаривать. Агаѳью-то онъ любитъ, а Агаѳья ему: „Батюшка, вотъ скоро женить Пашку надо будетъ, а какія здѣсь въ ордѣ невѣсты?.. Народъ какой-то морный, обличьемъ въ татаръ, а то ли дѣло наши дѣвки на Ключевскомъ?“ Побилъ, слышь, ее за эти слова раза два, а потомъ, послѣ Святой, вдругъ и склался.

Возвращеніе Горбатыхъ подняло на ноги оба мочеганскихъ конца. У каждаго былъ кто-нибудь свой въ ордѣ, и поэтому всѣ хотѣли узнать, что̀ и какъ. А между тѣмъ старый Титъ никуда глазъ не показывалъ. Свои сказывали его больнымъ, — разбило старика съ дороги. Самые любопытные по вечерамъ нарочно проходили подъ окнами горбатовскаго двора и ничего не могли замѣтить. Бабенки побойчѣе завертывали съ разнымъ бездѣльемъ то къ Домнушкѣ, то къ Татьянѣ и все-таки не видали Тита; старикъ, дѣйствительно, лежалъ на печкѣ и только вздыхалъ. Первый выходъ онъ сдѣлалъ въ воскресенье къ заутренѣ. Народъ уже ждалъ его и встрѣтилъ глухимъ ропотомъ. Усердно молился старый Титъ, и всѣ видѣли, какъ онъ плакалъ. Послѣ заутрени вышелъ о. Сергѣй и долго бесѣдовалъ съ нимъ. Изъ пятаго въ десятое слышали эту бесѣду только самые почтенные старики и разныя старушки, которые между заутреней и обѣдней обыкновенно осаждали о. Сергѣя разными просьбами и просто разговорами. Священникъ любилъ подолгу разговаривать, особенно со старушками, такъ что послѣднія души въ немъ не чаяли. Изъ разговора съ о. Сергѣемъ старики только и слышали, какъ Титъ разсказывалъ о смерти своей старухи, а о. Сергѣй утѣшалъ его.

Послѣ обѣдни за Титомъ изъ церкви вышла цѣлая толпа, остановившая его на базарѣ.

— Эй, Титъ, разскажи-ка, какъ ты изъ орды убёгъ! — крикнулъ неизвѣстный голосъ въ толпѣ.—Разорилъ до ста семей, засадилъ ихъ въ ордѣ, а самъ убёгъ...

Старикъ даже головы не повернулъ на дерзкій вызовъ и хотѣлъ уйти, но его не пустили. Толпа все росла. Пока ее сдерживали только старики, окружавшіе Тита. Они видѣли, что дѣло принимаетъ скверный оборотъ, и

потихоньку проталкивались къ волости, которая стояла на горкѣ сейчасъ же за базаромъ. Дѣло праздничное, народъ подгуляетъ, долго ли до грѣха, а на Тита такъ и напирали, особенно молодые.

— Богатымъ вездѣ житье!—кричало уже нѣсколько голосовъ.—А зачѣмъ другихъ было зорить?

— Да я... ахъ, Боже мой, этово-тово!..—бормоталъ Титъ, не зная, кому отвѣчать.—Неужели же я себѣ-то врогъ? Ну, этово-тово, ошибочка маленькая вышла... неустойка... А вы чего горло-то дерете, дайте слово сказать.

— И то, ребята, не приставайте,—заступились за Тита старики.

— Ладно, знаемъ мы его разговоры!.. Небось, самъ убѣгъ, а другихъ засадилъ въ ордѣ своей.

Напирали особенно хохлы, а туляки сдержанно молчали, хотя должно было быть какъ разъ наоборотъ, потому что большинство переселенцевъ было изъ Туляцкаго конца.

Подъ прикрытіемъ стариковъ Титъ былъ наконецъ доставленъ въ волость, гдѣ кстати случился налицо и самъ старшина, старикъ Основа.

— Ну, что, дѣдушка, скажешь?—спросилъ Основа.

Отъ волненія Титъ въ первую минуту не могъ сказать слова, а только тяжело дышалъ. Его худенькое старческое лицо было покрыто потомъ, а маленькіе глазки глядѣли съ усталою покорностью. Народъ набился въ волость, но, къ счастью Тита, большинство здѣсь составляли кержаки.

— А ничего не скажу, этово-тово...—проговорилъ Титъ, продышавшись, и отмахнулся рукой, точно отгонялъ невидимыхъ комаровъ.

— Совсѣмъ пріѣхалъ или на побывку?—спрашивалъ Основа, степенно разглаживая свою сѣдую голову.

— А видно совсѣмъ... Сила не взяла, этово-тово,—бормоталъ виновато Титъ.—Своя неустойка вышла... Старики и старухи хвалятъ житье, а молодяжникъ забунтовалъ... Главная причина въ молодяжникѣ... Набаловался народъ на фабрикѣ, этово-тово. Бабамъ ситцу подавай, а другія бабы чаю требуютъ... По крестьянству бабѣ много работы, вотъ снохи и подняли смуту. Правильная жисть имъ не по нутру, потому какъ крестьянская баба настоящій возъ везетъ, а заводская баба набалованная... Вся неустойка отъ молодыхъ снохъ, этово-тово. Онѣ и мужиковъ подбивали. Способу съ емя не стало, съ бабами...

— Это ты правильно, дѣдушка,—поддерживалъ его Основа.—Слышите, что старикъ-то говоритъ?

Всѣ молчали и только переминались съ ноги на ногу. Дерзкіе на языкъ хохлы не смѣли въ волости напирать на Тита, какъ на базарѣ, и только глухо ворчали.

— Что же ты теперь думаешь дѣлать, дѣдушка?—спрашивалъ Основа.

— А не знаю... Старуху похоронилъ, а снохи отъ рукъ отбиваются—ну, этово-тово, и выворотился.

— А другіе какъ: тоже воротятся?

— Надо полагать, что такъ... На заводѣ-то одни мужики робятъ, а бабы шишляются только по-домашнему, а въ крестьянахъ баба-то наравнѣ съ мужикомъ: она и дома, и въ полѣ, и за робятами, и за скотиной, и она же всю семью обряжаетъ. Наварлыжились наши заводскія бабы къ легкому житію, ну, имъ и не стало ходу. Вся причина въ бабахъ...

Волостное правленіе помѣщалось всего въ двухъ комнатахъ, и отъ набившагося народа сдѣлалось душно. Въ окружавшей волость толпѣ пронесся слухъ, что ходока Тита судятъ волостнымъ судомъ. Народъ бросился къ

окнамъ, такъ что въ волости сдѣлалось совсѣмъ темно. Основа понялъ неловкое положеніе старика Горбатаго и пригласилъ его сѣсть къ столу и разспрашивалъ его обо всемъ, какъ хорошій знакомый... Этотъ маневръ успокаивающимъ образомъ подѣйствовалъ на толпу, и она мало-по-малу порѣдѣла. Одни ушли на базаръ, другіе подъ гору къ Рачителихѣ, третьи домой.

— Ну, а ты какъ жить-то думаешь?—спрашивалъ Основа.—Хозяйство позорилъ, снова начинать придется... Углепоставщикомъ сколько лѣтъ былъ?

— Да лѣтъ съ двадцать уголь жегъ, это точно... Теперь вотъ ни къ чему пріѣхалъ. Макаръ, этово-тово, въ большакахъ остался и выходъ заплатилъ, ну, теперь ужъ отъ его вся причина... Можетъ, не выгонитъ, а можетъ, и выгонитъ. Не знаю самъ, этово-тово.

Титъ тяжело замолчалъ, а потомъ вдругъ точно просвѣтлѣлъ, поднялъ голову и съ увѣренностью проговорилъ:

— А Богъ-то на что? Я на правильную жисть добрыхъ людей наводилъ, нѣтъ моего отвѣту... На легкое житье польстились бабенки, ну, имъ же и хуже будетъ. Это ужъ вѣрно, этово-тово.

— Не поглянулся, видно, свой-то хлѣбъ?— пошутилъ Основа и, когда другіе засмѣялись, сердито добавилъ:—А вы чему обрадовались? Правильно старикъ-то говоритъ... Право, галманы!.. Ты, дѣдушка, ужо какъ-нибудь заверни ко мнѣ на заимку, покалякаемъ отъ свободности, а будутъ къ тебѣ приставать—ущитимъ какъ ни на есть. Народъ неправильный, это ты вѣрно говоришь.

Отъ этихъ привѣтливыхъ словъ старый Титъ даже заплакалъ. Очень ужъ тяжело ему было сегодня.

Изъ волости Титъ пошелъ домой. По дорогѣ его такъ и тянуло завернуть къ Рачителихѣ, чтобы повидаться со своими, но въ кабакѣ ужъ очень много набилось народу. Пожалуй, еще какого-нибудь дурна не вышло бы, какъ говорилъ старый Коваль. Когда Титъ проходилъ мимо кабака, въ открытую дверь кто-то крикнулъ:

— Эй, свой хлѣбъ, куда пошелъ?

Титъ остановился, горько усмѣхнулся и, сгорбившись, побрелъ къ своему Туляцкому концу. Тяжело ему было итти къ собственному двору. Сыновья хоть и не гнали, а оба молчали. Особенно не понравился Титу солдатъ Артемъ, какъ хитрый человѣкъ, изъ котораго правды топоромъ не вырубишь. Макаръ былъ и на языкъ дерзокъ, а все-таки съ нимъ Титъ чувствовалъ себя легче. Итти мимо пустовавшихъ въ Туляцкомъ концѣ избъ переселенцевъ для старика было ножъ острый, но другой дороги не существовало. Какъ на грѣхъ навстрѣчу Титу попался Полуехтъ Самоварникъ. Онъ шелъ навеселѣ, перекинувъ халатъ черезъ лѣвую руку. Завидѣвъ Тита, Самоварникъ еще издали снялъ шляпу, остановился и заговорилъ:

— Старику сорокъ одно съ кисточкой...

— Здравствуй,—сухо поздоровался Титъ.

— А я теперь въ туляки къ вамъ записался,—болталъ Самоварникъ.—Заходи ко мнѣ въ избу... Раздавимъ четвертушку съ виномъ.

— Ужо въ другой разъ какъ-нибудь,—отнѣкивался Титъ.—Не до водки мнѣ, Полуехтъ Меркулычъ.

— Здоровенько ли поживаешь? А мы тутъ безъ тебя во какъ живемъ, въ два кваса; одинъ какъ вода, а другой пожиже воды.

Титъ едва отвязался отъ подгулявшаго дозорнаго и вернулся домой темнѣе ночи. Всего мѣста оставалась печь, на которой старикъ чувствовалъ себя почти дома.

IV.

Когда старая Ганна Ковалиха узнала о возвращеніи разбитой семьи Горбатыхъ, она ужасно всполошилась. Грозный призракъ жениха-туляка для Ѳедорки опять явился передъ ней, и она опять оплакивала свою „крашанку“, какъ мертвую. Пока еще, конечно, ничего не было, и сватъ Титъ еще носу не показывалъ въ хату къ Ковалямъ, ни въ кабакъ къ Рачителихѣ, но все равно—сваты гдѣ-нибудь встрѣтятся и еще разъ пропьютъ Ѳедорку.

— У, пранцеватый, размордовалъ Туляцкій конецъ, — ворчала Ганна про свата Тита,—а теперь и до насъ доберется... Оце лихо почиплялось!

Ѳедорка за эти годы совсѣмъ выровнялась и почти „заневѣстилась“. „Ласые“ темные глаза уже подманивали парубковъ. Гладкая вообще дѣвка выросла, и нашлось бы жениховъ, кромѣ Пашки Горбатаго. Старый Коваль упорно молчалъ, и Ганна теперь преслѣдовала его съ особеннымъ ожесточеніемъ, предчувствуя бѣду. Конечно, сейчасъ Титу совѣстно глаза показать на міръ, а вотъ будетъ страда, и сваты непремѣнно снюхаются. Ковалиха боялась этой страды до смерти.

Дѣйствительно, вплоть до страды Титъ Горбатый, кромѣ церкви, рѣшительно никуда не показывался. Макаръ обыкновенно былъ въ лѣсу, солдатъ Артемъ ходилъ по гостямъ или сидѣлъ на базарѣ, въ волости и въ кабакѣ, такъ что съ домашностью раньше управлялись однѣ бабы. Но теперь старый Титъ опять наложилъ свою желѣзную руку на все хозяйство, хотя ужъ прежней силы у него и не было: взять подрядъ на куренную работу было не съ чѣмъ—и вся снасть позорена, и своей живой силы не хватило бы. Вообще старикъ замѣтно опустился и безмолвно подчинился Макару и Артему. Сыновья хотя ни въ чемъ и не перечили отцу, но и воли особенной не давали. Это была глухая подземная борьба, для которой не требовалось словъ, а между тѣмъ старый Титъ переживалъ ужасное состояніе „лишняго человѣка“. Каждый кусокъ хлѣба вставалъ у него поперекъ горла. Положеніе выведенныхъ изъ орды сыновей Фрола и Пашки было не лучше. Пока Фролъ пристроился въ подсыпки на домну, гдѣ прежде работалъ большакъ Ѳедоръ, а Пашка оставался безъ дѣла.

— Вонъ Илюшка какъ торгуетъ на базарѣ, — нѣсколько разъ со вздоромъ говорилъ Пашка: — плисовые шаровары на емъ, суконную фуражку завелъ... Тоже вотъ Тараска, братъ Окулка, сказываютъ, на Мурмосѣ у Груздева въ мальчикахъ служитъ. Тишка-казачокъ, который раньше у Петра Елисѣича былъ, тоже торгуетъ... До Илюшки имъ далеко, а все-таки...

Пашка, Илюшка и Тишка-казачокъ были погодки и раньше дружили, а теперь Пашка являлся передъ ними уже смѣшнымъ мужикомъ-челдономъ. За два года крестьянства въ ордѣ Пашка измѣнился на крестьянскую руку, и его поднимали на смѣхъ свои же дѣвки-тулянки, когда онъ начиналъ говорить „по-челдонски“. Любимецъ старика Тита начиналъ испытывать къ отцу глухую ненависть, какъ и сноха Агаѳья, подурнѣвшая и состарившаяся отъ „своего хлѣба“. Вообще кругомъ вырастали непріятности, и старый Титъ только вздыхалъ. Не разъ онъ думалъ, что ужъ лучше ему было бы помереть въ ордѣ,—по крайней мѣрѣ похоронили бы „рядышкомъ“ съ Палагеей.

Старый Титъ вздохнулъ свободнѣе, когда наступила наконецъ страда и онъ могъ выѣхать со всею семьей на покосъ. Весело закурились покосные огоньки на Сойгѣ, но и здѣсь непріятности не оставляли Тита. На дѣяновскомъ покосѣ, лучшемъ изъ всѣхъ, теперь страдовалъ кержакъ Никитичъ.

„Хозяйка“ Никитича закашляла, какъ онъ говорилъ про свою доменную печь, и ее весной „выдули“ для необходимыхъ поправокъ. Такимъ образомъ Никитичъ освободился на всю страду и вывелъ на свой покосъ доменныхъ летуховъ, свою сестру Таисью и, конечно, дочь Олёнку, съ которой вообще не разставался. Урвался даже Тишка-казачокъ и тоже болтался на покосѣ. Кержаки работали дружно, любо-дорого смотрѣть, а по вечерамъ у Никитича весело заливались старинныя кержацкія пѣсни. Олёнка уже была по пятнадцатому году, и ея голосъ рѣзко выдѣлялся высокими переливами,—хохлушки и тулянки пѣли контральтовыми голосами, а кержанки сопрано. Самъ Никитичъ всегда былъ радъ случаю погулять и, смастеривъ изъ бересты волынку, подтягивалъ Олёнкѣ. Это кержацкое веселье было ножъ вострый тулякамъ, особенно Титу Горбатому, которому кержакъ Никитичъ сѣлъ, какъ бѣльмо на глазу. Да и Дѣянъ Поперешный не удержался и попрекнулъ Тита своимъ проданнымъ покосомъ.

— Твоя работа, старый чортъ! — обругалъ Дѣянъ старика Горбатаго, тыкая пальцемъ на покосъ Никитича.—Ишь какъ пѣсни наигрываютъ кержаки на моемъ покосѣ.

— Самъ продавалъ, никто не неволилъ,—оправдывался хмуро Титъ. — Свой умъ гдѣ былъ?

— А все отъ тебя, Титъ... Теперь вотъ рендую покосъ у Мавры, значитъ, у Окулкиной матери. Самой-то ей, значитъ, не управиться, Окулко въ острогѣ, Наташка не къ шубѣ рукавъ—загуляла дѣвка, а сынишка меньшой въ мальчикахъ у Самойла Евтихыча. Достигъ ты меня, Титъ, вотъ какъ достигъ... Какой я человѣкъ безъ покосу-то?..

— А такой... Дурашливъ уродился, значитъ, а моей причины тутъ нѣтъ,—огрызался Титъ, выведенный изъ терпѣнія.—Руки бы вамъ отрубить, лежебокамъ... Нашли виноватаго!.. Вонъ у Мѣрока покосъ по людямъ гуляетъ, его бы взялъ. Изъ пятой копны сдаетъ Мѣрокъ покосъ-то, шальная голова, этово-тово...

— Это мы и безъ тебя знаемъ, дѣдушка. А все-таки достигъ ты насъ всѣхъ,—охъ, какъ еще достигъ-то!.. Сказываютъ, и другіе-прочіе изъ орды-то твоей выворотятся по осени.

Единственный человѣкъ, который не корилъ и не попрекалъ Тита, былъ Филиппъ Чеботаревъ, страдовавшій со своими дѣвками. Онъ частенько завертывалъ къ Титу покалякать, и старики отдыхали вмѣстѣ. Положеніе Филиппа ухудшалось съ каждымъ годомъ: онъ оставался единственнымъ работникомъ-мужикомъ въ семьѣ и совсѣмъ „изробился“. Пора было и отдохнуть, а замѣниться некѣмъ. Еще въ страду дѣвки за людей шли, все же подмога, а въ остальное время всѣ-то онѣ вмѣстѣ расколотаго гроша не стоили и едва себѣ на одежду зарабливали. Безвыходное положеніе чеботаревской семьи являлось лучшимъ утѣшеніемъ для стараго Тита: трудно ему сейчасъ, а все-таки два сына подъ рукой, и мало-по-малу семья справится и войдетъ въ силу. Если старшіе сыны въ отдѣлъ уйдутъ, такъ съ него будетъ и этихъ двоихъ, все-таки лучше, чѣмъ у Филиппа. Жена Филиппа, худая Дарья, и на человѣка не походила. А солдатка Аннушка совсѣмъ замоталась: зимой имъ ворота дегтемъ вымазали, а потомъ повадились ходить кержаки съ фабрики въ гости. Одна худая слава чего стоитъ, а тутъ еще полонъ домъ дѣвокъ. Всѣмъ имъ загородила дорогу безпутная Аннушка. Про Феклисту тоже неладно начинаютъ поговаривать, хоть въ глазахъ дѣвка и смирная — воды не замутитъ. Да и взыскивать не съ кого: попала на фабрику—все одно пропала. Еще ни одна поденщица не вышла замужъ, какъ стоитъ эта проклятая

фабрика. Все сердце изболѣлось у Дарьи, глядючи на своихъ дѣвокъ, да и мужъ-старикъ захирѣлъ совсѣмъ. Очень ужъ онъ добрый да жальливый до всѣхъ: въ семьѣ худого слова отъ него не слыхивали. Жаловаться другимъ Филиппъ тоже не любилъ и несъ свою тяжелую долю скрѣпя сердце. Въ страду Аннушка завела шашни съ кержаками, работавшими на покосѣ у Никитича, и только срамила всю семью. Примѣтила Дарья, что и Феклиста тоже не совсѣмъ чиста,—пока на фабрикѣ робила, такъ грѣхъ на сторонѣ оставался, а тутъ каждая малость наверхъ плыла. Летухи Никитича хоть въ балаганъ къ Филиппу не лѣзли, а кругомъ да около похаживали. Горько плакала Дарья, когда на покосѣ Никитича кержаки „играли“ свои старинныя кержацкія пѣсни.

На бѣду, въ покосъ, когда подваливали траву, подъѣхалъ Мѣрокъ. Зачѣмъ онъ шатался—Дарья и ума не могла приложить. Пріѣхалъ этотъ Мѣрокъ, остановился у нихъ и цѣлыхъ три дня работалъ, какъ настоящій мужикъ. Одинъ онъ подвалилъ копенъ пятьдесятъ и замѣнилъ недомогавшаго Филиппа. Все-таки мужикъ, хоть и не настоящій. Сначала Дарья подумала, что Мѣрокъ для Аннушки пріѣхалъ, и нехорошо подумала про него, но это оказалось невѣрнымъ: Мѣрокъ чуть не поколотилъ Аннушку, такъ, за здоровоживешь, да и Аннушка грызлась съ нимъ, какъ хорошая цѣпная собака. Чудной человѣкъ этотъ Мѣрокъ: работаетъ, ни съ кѣмъ ничего не говоритъ, а потомъ вдругъ свернулся, сѣлъ на свою сивую кобылу и былъ таковъ.

— Это онъ къ тебѣ пріѣзжалъ!—накинулась Дарья на младшую дочь, Феклисту.—Все я вижу... Мало вамъ съ Аннушкой фабрики, такъ вы въ глазахъ страмите отца съ матерью.

— Мамынька, вотъ те Христосъ, ничего не знаю! — отпиралась Феклиста.—Ничего не знаю, чего ему, омморошному, надо отъ меня... Онъ и на фабрику ходитъ: сядетъ на свалку дровъ и глядитъ на меня, какъ я дрова ношу. Я ужъ и то жаловалась на него уставщику Корнилѣ... Корнила-то раза три выгонялъ Мѣрока съ фабрики.

— Ладно, безстыжіе глаза, разговаривай!.. Всѣмъ-то вамъ на фабрикѣ одна цѣна...

— Мамынька, да я...

Дарья ни за что ни про что прибила Феклисту, прибила на единственномъ основаніи, чтобы хоть на комъ-нибудь сорвать свое расходившееся материнское сердце. Виновникомъ паденія Феклисты былъ старикъ-уставщикъ Корнила, которому Аннушка подвела сестру за грошовый подарокъ, какъ подводила и другихъ изъ любви къ искусству. Феклиста отдалась старику изъ расчета имѣть въ немъ вліятельнаго покровителя, который при случаѣ и заступится, когда будутъ обижать свои фабричные.

Старый Дорохъ Коваль страдовалъ верстахъ въ двухъ отъ Горбатыхъ, вверхъ по р. Сойгѣ. Скотины у нихъ было всего одна лошадь да корова съ телочкой, поэтому и работали не торопясь, какъ всѣ хохлы. Надрываться надъ работой Коваль не любилъ. „А ну ее, у лісъ не убігнетъ тая работа...“ Будетъ, старый Коваль поробилъ на пана. Покосъ у Ковалей тоже былъ незавидный, въ сырыя лѣта совсѣмъ мокрый, да и подчистить его не догадывался никто. Работали изъ мужиковъ самъ Дорохъ съ Терешкой да бабы — старая Ганна, вдовая дочь Матрена да сердитая тулянка, сноха Лукерья. Ѳедорка еще въ первый разъ вышла „съ косой на траву“ и замѣнила матку.

— А кто же меня замѣнитъ? — смѣялся старый Коваль надъ женой Ганной.—Терешка за себя робитъ... Ну, я возьму зятя въ домъ—будетъ мнѣ спину гнуть.

— Глиндру возьмешь, — ворчала Ганна. — Въ кабакѣ у Рачителихи въ винѣ жениха Ѳедоркѣ Ваньку Голаго выхлебаешь.

„Выхлебать Ваньку Голаго“ значило иносказательно разориться. Это выраженіе часто употреблялось въ Хохлацкомъ концѣ.

Чего старая Ганна боялась, то и случилось. Она со своей стороны употребляла всѣ мѣры, чтобы удержать Дороха около себя, а когда онъ порывался уйти къ кому-нибудь на покосъ, она пускала въ ходъ послѣднее средство—угощала своего пьяницу водкой, и Коваль оставался. Конечно, эти уловки ничего не значили, но сваты сами почему-то избѣгали встрѣчъ, помня свои раздоры относительно орды. Но въ одно воскресенье, когда Ганна послѣ ранняго покоснаго обѣда прикурнула въ балаганѣ, старый Коваль вдругъ исчезъ. Онъ явился только къ вечеру, навеселѣ, и вмѣстѣ съ Титомъ. Сваты пріѣхали верхомъ на одной лошади. Коваль сидѣлъ къ хвосту, болталъ босыми ногами и даже „голосилъ“ какую-то пѣсню. Титъ ѣхалъ безъ шапки и въ тактъ пѣсни размахивалъ правою рукой.

— Геть, стара! — кричалъ еще издали Коваль. — Принимай гостей... Слухай, сватъ:

Старый бояринъ, якъ болванъ,
Вытаращивъ очи, якъ баранъ.
На ёмъ свита соломою шита...
На ёмъ каптанъ соломою напханъ,
Лычкомъ подперевязався,
По-боярски прибрався...
А старша свѣтилица—черви въ потылицѣ *),
А на свахѣ-то да чепецъ скаче!..

У старой Ганны даже ноги подкосились, когда она увидѣла сватовъ въ такомъ видѣ, а пьяница Коваль такъ и голосилъ свадебныя пѣсни

— Геть, стара! Свата изъ орды привезъ тобі... Сватались да разсватались, а потомъ опять сватались. Кажи свату Ѳедорку, бо мы ее въ горілкѣ со сватомъ выхлебали... Оттакъ!

— А ты здравствуй, Анна, — здоровался Титъ немного прилипавшимъ языкомъ. — Мы, этово-тово, ударили по рукамъ. Видно, отъ суженаго не уйдешь...

— Пьяницы вы, вотъ что!—ругалась Ганна.—Ишь, чего придумали! Не отдамъ Ѳедорки... Помру, а не отдамъ.

Все это были одни слова, и ночью Ганна опять оплакивала свою крашанку.

V.

Отдохнувшій на покосѣ Титъ началъ забирать семью опять въ свои руки и прежде всего, конечно, ухватилъ бабъ. Особенно доставалось Домнушкѣ, которая совсѣмъ отвыкла отъ страды.

— Надо съ тебя помаленьку приказчичій-то жиръ снимать,—ворчалъ на нее Титъ.—Съ осени, видно, была закормлена, этово-тово...

— Вы много жиру-то привезли со своего хлѣба, — огрызалась Домнушка.—Тоже нашелъ чѣмъ укорить!

Солдатъ Артемъ хоть и выѣхалъ на покосъ, но работалъ мало, а больше

---

*) На свадьбѣ свѣтилицами называли въ Хохлацкомъ концѣ дѣвушекъ со стороны жениха; потылица—затылокъ.

бродилъ по чужимъ балаганамъ; то у Дѣяна, то у Никитича, то у Ковалей. Сильно налегать на него старый Титъ не смѣлъ, а больше донималъ стороной.

— Къ чему тебя и примѣнить, Артемъ,—удивлялся Титъ вслухъ:—ни ты мужикъ, ни ты баринъ... Ходишь, какъ маятникъ—только твоего и дѣла. Этово-тово, не укладешь тебя никуда, какъ козьи рога.

— Ломаный я человѣкъ, родитель,—отвѣчалъ Артемъ безъ запинки.—Ты думаешь, мнѣ это пріятно безъ дѣла слоняться? Можетъ, я въ другой разъ и жисти своей не радъ... Поработаю—спина отымается, руки заболятъ, ноги точно чужія сдѣлаются. Завидно на другихъ глядѣть, какъ добрые люди надъ работой убиваются.

— Все-то ты врешь, Артемъ!—корилъ его Титъ.

Въ серединѣ страды Артемъ и совсѣмъ пропалъ. Нѣтъ его день, нѣтъ два, нѣтъ три, а на четвертый пріѣхалъ въ телѣгѣ,

— Гдѣ пропадалъ-то, этово-тово?—спрашивалъ Титъ.

— А въ Мурмосъ ѣздилъ, родитель... Позаимствовалъ вотъ лошадку и съѣздилъ, слава Богу. Дѣльце одно обмозговалъ.

На этотъ разъ солдатъ дѣйствительно „обыскалъ работу“. Въ Мурмосѣ онъ былъ у Груздева и нанялся сушить пшеницу изъ разбитыхъ весной коломенокъ. Работа началась, какъ только спала вода, а къ страдѣ народъ и разбѣжался. Да и много ли народу въ глухихъ деревушкахъ по Каменкѣ? Работали больше самосадчане, а къ страдѣ и тѣ ушли.

— Бабъ наймовать пріѣхалъ,—объяснялъ солдатъ родителю:—по цѣлковому поденщину буду платить, потому никакъ невозможно,—горитъ пшеница у Груздева. Надо будетъ ему подсобить.

— Какія же дуры-бабы пойдутъ къ тебѣ съ покоса?—удивлялся Титъ, разводя руками.

— А цѣлковый-то, по-твоему, что̀ онъ означаетъ? На сигнацію попрежнему три рубля съ полтиной... Можетъ это чувствовать баба, али нѣтъ?

Изъ работавшихъ на покосѣ бабъ Артемъ соблазнилъ своимъ цѣлковымъ только одну гулящую Аннушку, а другихъ набралъ въ Ключевскомъ, изъ дровосушекъ, а въ томъ числѣ Наташку, сестру Окулка. Свою жену Домну солдатъ оставилъ страдовать.

— Зачѣмъ ее трогать съ мѣста?—объяснялъ Артемъ.—У меня жена женщина сырая, въ воду ее не пошлешь... Пусть за меня остается въ семьѣ, все же родителю нашему подмога.

Всѣхъ бабъ Артемъ набралъ до десятка и повелъ ихъ черезъ Самосадку къ мѣсту крушенія коломенокъ, подъ боецъ Горюнъ. Отъ Самосадки нужно было пройти тропами верстъ пятьдесятъ, и въ проводники Артемъ взялъ Мосея Мухина, который сейчасъ на пристани болтался безъ дѣла,—страдовалъ въ горахъ братъ Егоръ, куренныя дрова только еще рубили, и жигаль Мосей отдыхалъ. Его страда была осенью, когда складывали кучонки и жгли уголь. Мѣста̀ Мосей зналъ по всей Каменкѣ верстъ на двѣсти и повелъ „сушилокъ“ никому неизвѣстными тропами.

— Прямымъ трактомъ проведу,—коротко объяснилъ онъ.—Самойло-то Евтихычъ вечоръ на косной уплылъ подъ Горюнъ... Пожалуй, кабы мы не опередили его.

Дорòгой Мосей объяснялъ Артему, по какимъ мѣстамъ они шли, какія гдѣ рѣчки выпали, какіе ключики, лога, кедровники. Дремучій глухой лѣсъ для Мосея представлялъ лучшую географическую карту. Другимъ, пожалуй, и жутко, когда тропа уводила въ темный ельникъ, въ которомъ глухо и тихо, какъ въ могилѣ, а Мосей счастливъ. Настоящій лѣсовикъ былъ... Солдата

больше всего интересовали разсказы Мосея про скиты, которые въ прежнія времена были здѣсь,—они и шли по старой скитской дорогѣ.

— А теперь ихъ нѣту, скитовъ-то?—пыталъ Артемъ къ разговору.

— Здѣсь, значитъ, скиты кончились, а выше по Каменкѣ еще есть, къ Заболотью.

— Почему же ихъ здѣсь не стало?

— А потому... Извѣстно, позорили. Лѣсообъѣздчики съ Кукарскихъ заводовъ наѣхали этакъ на одинъ скитъ и позорили. Меду одного, слышь, пудовъ съ пять увезли, воску, крупчатки, денегъ... Много добра въ скитахъ лежитъ, вотъ и покорыстовались. Ну, поглянулось имъ, лѣсообъѣздчикамъ, они и давай другіе скиты зорить... Большія деньги, сказываютъ, добыли и теперь въ купцы вышли. Дома какіе построили, одежду завели, коней...

— Н-но-о?

— Вѣрно говорю... Первые люди стали, а раньше вровень съ мужиками жили.

— А какъ же старцы-то: ихъ, напримѣрно, зорятъ, а они отдаютъ?

— Какъ бы не такъ!.. Тоже и старцы ущитились, ну, да въ лѣсу, извѣстно, одинъ Микола богъ... Троихъ, сказываютъ, старичковъ порѣшили лѣсообъѣздчики, а потомъ стащили въ одинъ скитокъ и скитокъ подпалили. Одни угольки остались... Кто ихъ въ лѣсу-то видѣлъ? Да и народъ все такой, за котораго и отвѣту нѣтъ: бродяги, бѣглые солдаты, поселенцы. Какой за нихъ отвѣтъ? Все равно, какъ лѣсной звѣрь, такъ и они.

Эти разговоры глубоко запали въ душу Артема, и онъ осторожно разспрашивалъ Мосея про разные скиты. Такъ незамѣтно въ разговорахъ и время прошло. Шестьдесятъ верстъ прошли безъ малаго въ сутки: утромъ рано вышли съ Самосадки, шли цѣлый день, а на другое утро были уже подъ Горюномъ. По рѣкѣ нужно было проплыть верстъ двѣсти.

Картина, которую представлялъ берегъ Каменки, заставила ахнуть даже Артема. Боецъ Горюнъ, высокая известковая скала, выдававшаяся въ рѣку грудью, стоялъ на правомъ берегу Каменки, въ излучинѣ, подъ самымъ прибоемъ: лѣвый берегъ выдавался низкою песчаною отмелью. Теперь вся эта отмель была завалена обломками убившихся о Горюнъ коломенокъ, кулями и какими-то черными кучами.

— Вонъ она, пшеничка-то груздевская, какъ прѣетъ!—говорилъ Мосей, указывая на черныя кучи.—Большія тыщи Самойло Евтихычъ посадилъ здѣсь.

На мысу изъ барочнаго лѣса кое-какъ были сгорожены нѣсколько балагановъ, въ которыхъ жилъ старикъ-сторожъ, а раньше бабы-сушилки. Сейчасъ изъ сушилокъ оставалось всего три старухи, которыя разгребали прѣвшее на солнцѣ зерно.

Приведенная Артемомъ артель дѣйствительно опередила Груздева на цѣлыхъ полдня,—его косная привалила сверху только подъ вечеръ.

— Спасибо, служба,—поблагодарилъ онъ, когда Артемъ представилъ ему приведенныхъ бабъ.

— Одна другой лучше, Самойло Евтихычъ...—хвастался солдатъ.—Которая больше поглянется, ту и отдамъ.

Осмотрѣвъ работу, Груздевъ остался на нѣсколько дней, чтобы лично слѣдить за дѣломъ. До ближайшей деревни было верстъ одиннадцать, да и та изъ четырехъ дворовъ, такъ что сначала Груздевъ устроился-было на своей лодкѣ, а потомъ перешелъ на берегъ. Угодливый и разбитной солдатъ ему нравился.

— Ужъ я изъ кожи вылѣзу, да услужу,—увѣрялъ Артемъ.—Давно бы

вамъ сказать мнѣ, Самойло Евтихычъ... Этихъ самыхъ бабъ мы бы нагнали цѣлый табунъ.

— Да кто тебя раньше-то знялъ?—говорилъ Груздевъ.—Всѣхъ знаю на сто верстъ кругомъ, а тебя не знялъ.

Работы у „убитыхъ коломенокъ“ было по горло. Мужики вытаскивали изъ воды кули съ разбухшимъ зерномъ, а бабы распивали кули и разсыпали зерно на берегу, чтобы его охватывало вѣтромъ и сушило солнышкомъ. Но зерно уже осолодѣло, и отъ него несло затхлымъ духомъ. Мысъ сразу оживился. Бойкія заводскія бабы работали съ пѣснями, точно на помочи. Конечно, въ первую голову вездѣ пошла развертная солдатка Аннушка, а за ней Наташка. Онѣ и работали вездѣ рядомъ, какъ привыкли на фабрикѣ.

— Веселѣй похаживай!—командовалъ Артемъ, довольный своею новою службой, на которой можно было ничего не дѣлать.

Онъ самъ назвалъ себя десятникомъ и даже ходилъ по берегу съ палкой, какъ заводскіе уставщики.

Груздевъ осмотрѣлъ все подробно, пересчиталъ кули и прикинулъ на глазомѣръ лежавшее въ кучахъ зерно. Убытокъ былъ страшный. Овесъ уйдетъ на солодъ, а гнилую пшеницу съ величайшимъ трудомъ можно было сбыть куда-нибудь въ острогъ или въ мѣстную воинскую команду. Если бы получить четверть своей цѣны, и то слава Богу. Во всякомъ случаѣ убытокъ страшный, тысячъ въ пятьдесятъ. День проходилъ въ хлопотахъ незамѣтно, а когда наступалъ вечеръ, Груздева охватывала страшная тоска. Тихо кругомъ. Чуть слышно бурлитъ Каменка. На берегу огни. Наработавшіяся за день бабы отдыхали въ балаганахъ или починивались у огня. Около Груздева вертѣлся больше всѣхъ солдатъ Артемъ. Онъ и приходилъ тогда, когда Груздеву дѣлалось скучно.

— Ну, что скажешь, Артемъ?—спрашивалъ Груздевъ.

— А ничего, все, слава Богу, идетъ своимъ чередомъ...—по-солдатски бойко отвѣчалъ Артемъ.—Ужо къ осени управимся, нагрузимъ хлѣбъ на полубарки и сгонимъ книзу. Все будетъ форменно, Самойло Евтихычъ!

Въ нѣсколько дней Артемъ сумѣлъ сдѣлаться необходимымъ для Груздева, который теперь ѣздилъ уже безъ обережного—и денегъ у него не было, да и Матюшка Гущинъ очень ужъ сталъ зашибать виномъ.

— Скучно вамъ, Самойло Евтихычъ,—повторялъ Артемъ, надрываясь отъ усердія.—Человѣкъ вы еще въ полной силѣ, могутный изъ себя... Кругомъ васъ темнота и никакого развлеченія. Вотъ вы теперь меня слушаете, а я весьма это чувствую, гдѣ мое-то мѣсто.

Подмѣтилъ Артемъ, что Груздевъ какъ будто началъ забываться. Выйдетъ утромъ на берегъ, походитъ около пшеницы, надаетъ приказаній, какъ будто у него двѣсти человѣкъ рабочихъ, а потомъ и забудетъ все. Солдатъ только поддакивалъ, какъ малому ребенку, и соображалъ свое. Чаще всего Груздевъ торопится-торопится, а потомъ вдругъ сядетъ куда-нибудь на доску, опуститъ голову и сидитъ до тѣхъ поръ, пока его не позовутъ. Любилъ по вечерамъ Груздевъ слушать, какъ ключевскія тулянки пѣли свои невеселыя туляцкія пѣсни. По рѣкѣ такъ и отдаетъ эхомъ, а Горюнъ повторяетъ каждое слово. Разъ Груздевъ слушалъ-слушалъ и спрашиваетъ солдата:

— Это которая такъ ловко выводитъ?

— А вонъ толстая, съ кумачнымъ подзоромъ... Значитъ, солдатка Аннушка.

— Нѣтъ, не она...—замѣтилъ Груздевъ, прислушиваясь.—А рядомъ съ ней чья? Вотъ еще спиной повернулась...

— Это-съ?.. Это будетъ Наташка, сестра разбойника Окулка... Да. Еще ейный братъ Тарасъ у васъ, Самойло Евтихычъ, въ мальчикахъ служитъ. Конечно, сиротство ихнее, а то развѣ пошла бы въ сушилки?

— Гм... да. То-то я смотрю на нее: лицо какъ будто знакомое, а хорошенько не упомню. Да и видѣлъ я ее всего разъ, когда она просила насчетъ брата.

Съ этого разговора пѣсни Наташки полились каждый вечеръ, а днемъ она то и дѣло попадала Груздеву на глаза. Встрѣтится, глаза опуститъ и даже покраснѣетъ. Сейчасъ видно, что очестливая дѣвка, не халда какая-нибудь. Разъ вечеркомъ Груздевъ сказалъ Артему, чтобы онъ позвалъ Наташку къ нему въ балаганъ; надо же ее хоть чаемъ напоить, а то что̀ дѣвка задарма горло деретъ?

„Эхъ, кабы все это да до убившаго каравана!—думалъ Артемъ, какъ-то по-волчьи глядя на Груздева.—А то и взять-то сейчасъ съ тебя нечего... Все одно, что̀ проколотый пузырь. Не сто̀итъ съ тобой и бобы разводить, ежели сказать по-настоящему“.

По вечерамъ солдатъ любилъ посидѣть гдѣ-нибудь у огонька и подумать про себя. Нейдутъ у него съ ума скиты—и кончено, а Мосей еще подбавляетъ—и о Заболотьѣ разсказалъ, и объ Анбашѣ, и о Красномъ-Ярѣ. Много добра по скитамъ попрятано...

VI.

Семья Груздева „рушилась“ какъ-то сразу, вмѣстѣ съ груздевскимъ благосостояніемъ. Не было никакихъ переходныхъ ступеней, какъ это обыкновенно случается. Анѳиса Егоровна точно унесла съ собой все груздевское счастье. Повидимому, эта скромная женщина рѣшительно ничего не дѣлала, а жила себѣ на купеческую руку и только, а всѣми дѣлами заправлялъ одинъ Самойло Евтихычъ,—онъ являлся настоящимъ главой дома. Между тѣмъ стоило только умереть Анѳисѣ Егоровнѣ, какъ у Груздева все пошло вверхъ дномъ. Собственно громадные убытки отъ „убившаго каравана“ не могли здѣсь итти въ счетъ: они подорвали груздевскія дѣла очень серьезно, но за нимъ оставалась еще репутація дѣятельнаго, оборотистаго человѣка, извѣстное довѣріе и наконецъ кредитъ. Мало-по-малу онъ могъ опять подняться на прежнюю высоту. Но вся бѣда заключалась въ томъ, что Груздевъ какъ-то сразу опустился. Прежняя энергія и дѣловитость проявлялись только вспышками, а затѣмъ наступали широкія полосы бездѣлья, апатіи и равнодушія,—вообще человѣкъ повихнулся. Гдѣ-то въ глубокихъ и невѣдомыхъ тайникахъ души происходилъ невидимый процессъ разложенія нравственнаго человѣка.

На Крутяшъ Груздевъ больше не заглядывалъ, а бывая въ Ключевскомъ заводѣ, останавливался въ господскомъ домѣ у Палача. Это обижало Петра Елисѣича: Груздевъ точно избѣгалъ его. Старикъ Ефимъ Андреичъ тоже тайно вздыхалъ: по женамъ они хоть и разошлись, а все-таки на глазахъ человѣкъ гибнетъ. Въ маленькомъ домикѣ Ефима Андреича теперь особенно часто появлялась мастерица Таисья и подъ рукой сообщала Парасковьѣ Ивановнѣ разныя новости о Груздевѣ.

— Рехнулся человѣкъ,—качая головой, раскольничьимъ полушопотомъ разсказывала Таисья.—Легкое мѣсто сказать, по веснѣ жену похоронилъ, а лѣтомъ эту мочегапку Наташку приспособилъ... Срамъ одинъ.

— Это подъ Горюномъ проклятый солдатъ ему подвелъ дѣвку,—объясняла Парасковья Ивановна, знавшая рѣшительно все, не выходя изъ комнаты.—

Выискался песъ... А еще какъ тосковалъ-то Самойло Евтихычъ, вчужѣ жаль, а тутъ вопъ на какое художество повернулъ. Вѣрь имъ, мужчинамъ, послѣ этого. Съ Анѳисой-то Егоровной душа въ душу всю жизнь прожилъ, а тутъ сразу обернулъ на другое... Всѣ мужики-то, видно, на одну колодку. Я вотъ про своего Ефима Андреича такъ же думаю: помри я, и...

— Что ты, матушка, Парасковья Ивановна, и скажешь!—совѣстила ее Таисья.—Тебѣ-то грѣшно... Слава Богу, живете да радуетесь.

— Все до время, Таисьюшка... Врагъ силенъ.

Парасковья Ивановна была особенная женщина, съ тѣмъ грустнымъ раскольничьимъ складомъ души, который придавалъ совершенно особую окраску всей жизни. Жизнь она видѣла въ какихъ-то темныхъ цвѣтахъ и вѣчно кого-нибудь жалѣла. Правда, что зла кругомъ было достаточно, но другіе больше думали о себѣ, а старушка Парасковья Ивановна скорбѣла о другихъ. Міръ передъ ея глазами разстилался въ грѣхѣ и несовершенствахъ, какъ библейская юдоль плача, а на себя она смотрѣла, какъ на гостью, которая пришла, повернулась и должна уже думать о возвращеніи въ неизвѣстное и таинственное „домой“. Каждый новый печальный фактъ только усугублялъ это грустное настроеніе. Была и спеціальная точка для такихъ невеселыхъ мыслей — это свои безконечныя женскія незадачи. Нѣтъ счастья на землѣ, нѣтъ справедливости, нѣтъ покоя... Разложеніе груздевской семьи служило только лишнимъ доказательствомъ этой теоріи.

— А приказчики-то какъ зорятъ Самойла Евтихыча, — повѣствовала мастерица Таисья, качая головой.—Тошнехонько глядѣть... Набралъ онъ приказчиковъ-то себѣ съ бору да съ сосенки, ну, они его и доѣзжаютъ теперь. Жаренымъ и варенымъ волокутъ... Вѣдь еще мальчишки которые, а какъ обираютъ его. Рачителихинъ Илюшка такъ прямо разбойникомъ и глядитъ... Ну, и Тишка, племянничекъ-то мой, тоже хорошъ, да и другіе всѣ. А Рачители такъ въ двѣ руки и хапаютъ: мать-то Дунька въ кабакѣ давно утвердилась, а сынъ Илюшка по лавкѣ... Станутъ говорить Самойлу Евтихычу люди со стороны, такъ онъ не вѣритъ имъ: обошли его кругомъ свои же приказчики. Навязался теперь еще этотъ солдатъ Артемъ, настоящій губитель. Онъ больше черезъ Наташку дѣйствуетъ...

— Стыдъ-то гдѣ у Самойла Евтихыча?—возмущалась Парасковья Ивановна.—Сказываютъ, куды самъ поѣдетъ, и Наташку съ собой въ повозку... Въ Мурмосѣ у него она въ дому и живетъ. Анѳиса Егоровна устраивала домъ, а теперь тамъ Наташка расширилась. Хоть бы сына-то Васи постыдился... Охъ, и говорить-то, такъ одинъ срамъ!.. Да и другіе хороши, ежели разобрать: взять этого же Петра Елисѣича или Палача... Свое-то лакомство, видно, дороже всего.

Нюрочка бывала у Парасковьи Ивановны почти каждый день и дѣлалась невольною свидѣтельницей тайныхъ разговоровъ и сокрушеній. Сначала ея остерегались, а потомъ какъ-то совсѣмъ привыкли къ молчаливому присутствію скромной дѣвушки. Такимъ образомъ Нюрочка сразу была посвящена въ темныя стороны жизни. Къ Парасковьѣ Ивановнѣ она относилась съ какимъ-то благоговѣніемъ и каждому ея слову вѣрила, какъ непреложной истинѣ. Міръ раскрывался передъ ея полудѣтскими глазами во всей своей непривлекательной наготѣ, и она, какъ молодое растеніе, впитывала въ себя окружающія ее мысли и чувства. Изъ дѣтства Нюрочка шагнула прямо къ какой-то старческой зрѣлости. Грустная нотка чувствовалась и раньше въ ея характерѣ, а теперь именно она и получала развитіе. Процессъ формированія внутренняго человѣка шелъ съ поразительною быстротой, и дѣтское личико Нюрочки

часто смотрѣло недѣтскимъ взглядомъ. Многаго она, конечно, не понимала, какъ всѣ дѣти, а о многомъ уже начинала догадываться. Теорія грѣховности міра проходила передъ ея дѣтскими глазами въ живыхъ и яркихъ образахъ. Противовѣсомъ этому настроенію являлась религія, та практическая и скорбная религія, какая создавалась словами, поступками и чувствами Парасковьи Ивановны и мастерицы Таисьи.

Въ свою очередь, Ефимъ Андреичъ по вечерамъ частенько завертывалъ къ Петру Елисѣичу, чтобы потолковать отъ свободности о разныхъ разностяхъ. Конечно, исторія Груздева въ этихъ вечернихъ бесѣдахъ занимала не послѣднее мѣсто, хотя старики говорили очень сдержанно, не пускаясь въ излишнія откровенности. Петръ Елисѣичъ по поводу груздевской исторіи чувствовалъ себя особенно скверно, точно самъ онъ въ чемъ-то былъ очень виноватъ. Бесѣды съ Ефимомъ Андреичемъ доставляли Петру Елисѣичу большое удовольствіе и какъ-то успокоивали его. Ефимъ Андреичъ вносилъ съ собой такую широкую струю какого-то дѣлового добродушія. Кровною связью для стариковъ служило свое родное заводское дѣло. Оно сейчасъ совсѣмъ охватило Петра Елисѣича. Послѣ вынужденнаго бездѣлья на Самосадкѣ работа на Крутяшѣ являлась праздникомъ, и Петръ Елисѣичъ замѣтно помолодѣлъ. Даже самый рудникъ точно повеселѣлъ и казался гораздо оживленнѣе. Просыпаясь по ночамъ, Петръ Елисѣичъ съ удовольствіемъ прислушивался къ неугомонной работѣ главной шахты: вѣчно отпыхивали паровыя машины, хрипѣли штанги, съ лязгомъ катились по рельсамъ откатныя телѣжки, и весело гудѣла неустанная работа. Мѣдная шахта походила на улей, гдѣ жизнь творилась въ таинственной глубинѣ. Собственно заводская работа была бы больше по душѣ Петру Елисѣичу, но пока приходилось удовлетвориться и этимъ.

Ефимъ Андреичъ зналъ о деньгахъ, которыя были отданы Петромъ Елисѣичемъ Груздеву на честное слово, какъ зналъ и то, что это было все состояніе Петра Елисѣича. Этимъ и объяснялось то, что Груздевъ какъ будто избѣгалъ Крутяша. Послѣ долгихъ размышленій Ефимъ Андреичъ рѣшился дѣйствовать энергично, потому что, очевидно, Петръ Елисѣичъ былъ очень простъ, а Груздевъ совсѣмъ сбѣсился. Улучивъ свободную минутку, когда Груздевъ пріѣхалъ въ Ключевской заводъ, Ефимъ Андреичъ отправился въ господскій домъ. Старикъ недолюбливалъ молодого Палача, хотя тотъ и приходился ему родственникомъ. Въ господскій домъ Ефимъ Андреичъ пришелъ какъ разъ къ завтраку, когда Палачъ и Груздевъ благодушествовали за бутылкой водки.

— Ты зачѣмъ это пожаловалъ?—спрашивалъ Палачъ, уже пьяный, несмотря на раннее время: онъ сильно пьянствовалъ въ послѣднее время.

— А я къ Самойлу Евтихычу,—уклончиво отвѣтилъ Ефимъ Андреичъ.—Дѣльце есть небольшое.

— Говори.

— И скажу, когда придется.

Груздевъ замѣтно былъ хмеленъ, хотя и бодрился. Онъ сразу понялъ, зачѣмъ пришелъ Ефимъ Андреичъ, и, не дожидаясь приглашенія, взялъ шапку и покорно пошелъ за нимъ.

— Куда вы?—удивлялся Палачъ.—Самойло, такъ нельзя ломать компанію... Выпей посошокъ!

Груздевъ даже не оглянулся, а только отмахнулся рукой. Вообще онъ имѣлъ виноватый и жалкій видъ.

— Эхъ, Самойло Евтихычъ, Самойло Евтихычъ! — повторялъ Ефимъ Андреичъ, когда они шли по плотинѣ.—Нѣтъ, не ладно...

— А я развѣ самъ-то не понимаю, что не хорошо?—спрашивалъ Груздевъ, останавливаясь. — Можетъ-быть, я самъ-то получше другихъ вижу свое свинство... Стыдно мнѣ. Ну, доволенъ теперь?

— Эхъ, Самойло Евтихычъ, Самойло Евтихычъ!.. Ждали мы васъ, когда вы на Крутяшъ завернете, да такъ и не дождались...

— И это понимаю! Что я пойду съ пустыми-то руками къ твоему Петру Елисѣичу? Кругомъ моя вина, а меня Богъ убилъ.

Свиданіе старыхъ друзей произошло при самой грустной обстановкѣ. Сдѣлавъ свое дѣло, Ефимъ Андреичъ постарался скрыться незамѣтнымъ образомъ. Петръ Елисѣичъ ужасно смутился и не зналъ, съ чего начать.

— Вотъ что, Петя, давай водки, — объявилъ наконецъ Груздевъ. — Тошно мнѣ.

Онъ сѣлъ къ столу, закрылъ лицо руками и забормоталъ:

— Не стало голубушки моей Анѳисы Егоровны... не стало Анѳисы Егоровны... Пропащій я человѣкъ, Петя!

Крупныя слезы такъ и посыпались сквозь пальцы. Эта сцена тяжело подѣйствовала на Петра Елисѣича, и онъ быстро ходилъ по конторѣ, размахивая платкомъ. Что онъ могъ сказать своему другу?

— Ты думаешь, что я потому не иду къ тебѣ, что совѣстно за долгъ?— спросилъ Груздевъ, выпивъ водки. — Конечно, совѣстно... Только я тутъ не виноватъ,—Божья воля. Богъ далъ, Богъ и взялъ... А тяжело было мнѣ просто видѣть тебя, потому какъ ты мнѣ больше всѣхъ Анѳису Егоровну напоминаешь. Какъ вспомню про тебя, такъ кровью сердце и обольется.

Эта откровенность сразу уничтожила взаимную неловкость. Петръ Елисѣичъ спокойно и просто сталъ уговаривать Груздева оставить глупости и приняться за свое дѣло. Всѣ мы дѣлаемъ ошибки, но не слѣдуетъ падать духомъ. Груздевъ слушалъ, опустивъ голову, и въ тактъ рѣчи грустно улыбался. Когда Петръ Елисѣичъ истощилъ весь запасъ своихъ нравоученій, хорошихъ словъ и утѣшающихъ соображеній, Груздевъ сказалъ всего одну фразу:

— А если у меня, Петя, въ душѣ-то пусто? Понимаешь: пусто... Вотъ какъ въ дому, когда жильцы выѣдутъ и ставни закроютъ.

Въ результатѣ этой бесѣды было то, что Груздевъ разбилъ даже рюмку, изъ которой пилъ водку, и далъ самое торжественное обѣщаніе исправиться. При прощаньи, оглянувшись, онъ шопотомъ прибавилъ:

— А дѣвку я тово, по шеѣ...

— Какую дѣвку?

— Ну, Наташку свою...

VII.

Познакомившись съ Таисьей давно, Нюрочка стала бывать у ней только съ переѣздомъ на Крутяшъ, благо отъ Пеньковки до Кержацкаго конца было рукой подать. Въ первый разъ въ Таисьиной избушкѣ Нюрочка была съ покойною Анѳисой Егоровной, потомъ бывала съ Парасковьей Ивановной, а сейчасъ ходила уже одна. Ей нравилось все въ этомъ маленькомъ домикѣ, отъ котораго вѣяло молитвенною тишиной и неустаннымъ пчелинымъ трудомъ. Сама мастерица Таисья походила больше всего именно на пчелу, лѣпившую невидимый сотъ. Это былъ совершенно особенный міръ, который неудержимо тянулъ къ себѣ дѣтскую душу Нюрочки своею убѣжденною цѣльностью, таинственною обстановкой и вѣчнымъ сокрушеніемъ о грѣхахъ міра. Таисья гово-

рила съ ней, какъ съ большой, и Нюрочка вырастала въ собственныхъ глазахъ, а съ этимъ вмѣстѣ росло и сознаніе какой-то громадной отвѣтственности. Настоящій міръ съ его горемъ и радостью уходилъ все дальше и дальше, превращаясь постепенно въ грозный призракъ.

— Охъ, горе душамъ нашимъ!—повторяла сокрушенно Таисья.—Всѣ-то мы въ потемкахъ ходимъ, какъ слѣпцы... Все-то намъ мало, все о земномъ хлопочемъ, а съ собой ничего не возьмемъ: все останется на землѣ, кромѣ душеньки.

Мысль о смерти покрывала траурнымъ флеромъ все міросозерцаніе Таисьи и вмѣстѣ служила исходною точкой всѣхъ ея разсужденій. Она такъ и жила, что каждую минуту готова была къ этому переселенію изъ временнаго міра въ вѣчный, и любила называть себя Божьею странницей. Въ подкрѣпленіе своихъ мыслей Таисья приводила житіе какого-нибудь раскольничьяго подвижника, и это было самою интересною частью ея бесѣдъ. Нюрочка слушала, затаивъ дыханіе, чтобы не проронить ни одного святого слова, и не чувствовала, какъ у ней по лицу катились слезы; ей дѣлалось и страшно и хорошо отъ этихъ разговоровъ, но дома она по какому-то инстинкту ничего не говорила отцу.

— А ты видала святыхъ людей?—спрашивала Нюрочка мастерицу.

— Святыми бываютъ послѣ смерти, когда чудеса явятся, а живыхъ подвижниковъ видывала... Удостоилась видѣть схимника Паисія, который спасался на горѣ Нудихѣ. Я тогда въ скитахъ жила... Ну, въ лѣсу его и встрѣтила: прошелъ отъ меня этакъ будетъ, какъ черезъ улицу. Борода ужъ не сѣдая, а совсѣмъ желтая, глаза опущены, — идетъ и молитву творитъ. Потомъ ужъ онъ въ затворъ сѣлъ и не показывался никому до самой смерти... Какъ я его увидѣла, такъ со страху чуть не умерла.

— Чего же ты испугалась?

— А какъ же: грѣшный я человѣкъ, можетъ, хуже всѣхъ, а тутъ святость. Какъ бы онъ глянулъ на меня, такъ бы я и померла... Былъ такой-то случай съ Пафнутіемъ болящимъ. Вотъ такъ же встрѣтила его одна женщина и по своему женскому малодушію заговорила съ нимъ, а онъ только поглядѣлъ на нее—она языка и рѣшилась.

Подъ вліяніемъ Таисьи въ Нюрочкиной головѣ крѣпко сложилась своеобразная космогонія: земля основана на трехъ китахъ, питающихся райскимъ благоуханіемъ; тѣло человѣка сотворено изъ семи частей: отъ камня — кости, отъ Чернаго моря—кровь, отъ солнца—очи, отъ облака—мысли, отъ вѣтра—дыханіе, теплота—отъ духа; Адамъ „начертанъ“ Богомъ 5 марта въ 6-мъ часу дня; безъ души онъ пролежалъ 30 лѣтъ, безъ Евы жилъ 30 дней, а въ раю всего былъ отъ 6-го часу до 9-го; сатана зародился на морѣ Тиверіадскомъ, въ 9-мъ валу, а на небѣ онъ былъ не болѣе получаса; болѣзни въ человѣкѣ оттого, что дьяволъ „истыкалъ тѣло Адама“ въ то время, когда Господь уходилъ на небо за душой, и т. д., и т. д. Дальше Нюрочка получила самыя точныя свѣдѣнія о „черподневіи“ и о почитаніи 12 пятницъ, прочитала нѣсколько разъ „сонъ Богородицы“ и цѣлый курсъ о „всескверномъ льстецѣ“, т.-е. объ антихристѣ. Раскольничье ученіе объ антихристѣ являлось кульминаціонною точкой и раскольничьей космогоніи, и этики, и повседневной морали, какъ обобществленіе скорбной идеи единичнаго уничтоженія въ формѣ смерти тѣлеснаго человѣка. Фантазія создала здѣсь рядъ потрясающихъ картинъ разрушенія видимаго міра и очищенія царящаго зла огнемъ и всевозможными муками. По ученію безпоповцевъ, „льстецъ“ уже народился и царствуетъ духовно съ 1666 года, чему подтвержденіемъ слу-

жатъ многія знаменія: прежде всего „повшества“, введенныя Никономъ патріархомъ, а затѣмъ разные знаки, выраженные „властными литтеры“ и фигурами — двуглавый орелъ, паспорты, клейма, карты, ликописаніе (портреты), присяга, печать и т. д. Дальше слѣдовали ношеніе иноземной „нестрины“, „власы женски на челѣ ежомъ подклейны по-бѣсовски и галстусы удавленія вмѣсто“, „женскъ полъ пологрудомъ и простоволосо“ стоятъ въ церкви и, поклонясь, „оглядываются, какъ козы“, и мужчины и женщины по-татарски молятся на колѣнкахъ и т. д. Табакъ, чай и кофе—три адскихъ зелья, которыми сатана окончательно погубитъ человѣческій родъ. Но это все частности и мелочи, а общее представленіе о послѣднихъ дняхъ складывалось въ широкую картину. Горячая фантазія нагромоздила здѣсь послѣдовательными степенями рядъ величайшихъ бѣдствій и безысходныхъ страданій, какія только въ состояніи былъ придумать человѣческій мозгъ. „Воскипитъ земля кровію и смѣсятся рѣки съ кровію; шесть поль останется, а седьмое будутъ сѣять; не воспоетъ ратай въ полѣ и изъ седьми селъ людіе соберутся во едино село, изъ седьми деревень во едину деревню, изъ седьми городовъ во единъ городъ“. Запечатаетъ антихристъ всѣхъ „печатью чувственною“ и не будетъ того храма, гдѣ не было бы мертвеца. Увянетъ лѣпота женская, отлетитъ мужское желаніе и „тако возжелаютъ седьмъ женъ единова мужа“, но въ это время „изомрутъ младенцы въ лонехъ матернехъ“ и некому будетъ хоронить мертвыхъ. Затворится небо, и земля не дастъ плода; подъ конецъ небо сдѣлается мѣднымъ, а земля желѣзной, и „по аэру“ пронесется антихристъ на конѣ съ огненною шерстью. Главная сила антихриста будетъ въ томъ, что онъ всѣхъ „изойметъ гладомъ“, пока всѣ не покорятся ему и не примутъ его печать. Всѣ эти несчастія совершатся постепенно, по мѣрѣ того, какъ будутъ „возглашать“ восемь трубъ, а когда возгласитъ послѣдняя, восьмая труба, „вся тварь страхомъ восколеблется и преисподняя вострепещетъ“, а земля выгоритъ огнемъ на девять локтей. Только тогда наступитъ второе пришествіе и послѣдній страшный судъ.

Все это было такъ просто и ясно, что Нюрочка только удивлялась, какъ другіе ничего не хотятъ замѣчать и живутъ изо дня въ день слѣпцами. Разныя умныя книжки, которыя она читала раньше съ отцомъ, казались ей теперь дѣтскою сказкой. Онѣ ничего не объясняли ей, а мастерица Таисья открыла всѣ тайны жизни. Каждый шагъ и каждое слово получало теперь опредѣленный смыслъ, глубокое внутреннее содержаніе. Въ душѣ Нюрочки поднималась смутная жажда подвига, стремленіе къ совершенству. Она точно проснулась и съ удивленіемъ смотрѣла на самоё себя. Да, всѣ они жили въ темнотѣ, а гдѣ-то по лѣснымъ трущобамъ совершалась великая тайна спасенія погибшей души. Это послѣднее интересовало Нюрочку больше всего, и она постоянно приставала къ Таисьѣ съ разспросами о пустынножителяхъ и скитскихъ.

— Ужò вотъ, погоди, какъ-нибудь на Святое озеро сходимъ,—говорила Таисья.

— А папа? Онъ не позволитъ.

— Ничего, устроимъ такъ, что позволитъ... Парасковья-то Ивановна на что?

У мастерицы Таисьи быстро созрѣлъ планъ, какимъ образомъ уговорить Петра Елисѣича. Съ нею одной онъ не отпустилъ бы Нюрочку на богомолье, а съ Парасковьей Ивановной отпуститъ. Можно проѣхать сначала въ Мурмосъ, а тамъ озеромъ и тропами. Парасковья Ивановна долго не соглашалась, пока Таисья не уломала ее со слезами на глазахъ. Старушка сама

отправилась на рудникъ, и Петръ Елисѣичъ, къ удивленію, согласился съ перваго слова.

— Что же, пусть съѣздитъ,—задумчиво проговорилъ онъ.—Ей полезно будетъ провѣтриться... Только одно условіе: я отпускаю ее на вашу отвѣтственность, Парасковья Ивановна.

— Какъ свою родную дочь буду беречь, Петръ Елисѣичъ... Сама помру, а ее не дамъ въ обиду.

— То-то, смотрите... Одна она у меня.

— Да ужъ будьте спокойны! Какъ свой глазъ сберегу.

Нюрочка бросилась Парасковьѣ Ивановнѣ на шею и цѣловала ее со слезами на глазахъ. Одинъ Ефимъ Андреичъ былъ недоволенъ, когда узналъ о готовившейся экспедиціи. Ему еще не случалось оставаться одному. А вдругъ что-нибудь случится съ Парасковьей Ивановной? И все это придумала проклятая Таисья, чтобы ей ни дна ни покрышки... У ней тамъ свои дѣла съ скитскими старцами и старицами, а зачѣмъ Парасковью Ивановну съ Нюрочкой волокетъ за собой? Охъ, неладно удумала святая душа на костыляхъ!

Недѣля промелькнула въ разныхъ сборахъ. Нюрочка ходила точно въ туманѣ и считала часы. Петръ Елисѣичъ далъ свой экипажъ, въ которомъ онѣ могли доѣхать до Мурмоса. Занятыя предстоящимъ подвигомъ, всѣ трое въ душѣ были противъ такой роскоши, но не желали отказомъ обижать Петра Елисѣича.

— Ну, тамъ еще по тропамъ-то успѣемъ всѣ ноги оттоптать,—утѣшала Таисья.—Оно, пожалуй, и лучше, потому какъ ваше дѣло непривычное.

Никогда еще Нюрочка такъ не волновалась, какъ въ этотъ день отъѣзда. Минуты превращались въ часы.

— Ты что это, хочешь безъ шляпки ѣхать? — удивлялся Петръ Елисѣичъ.

— Въ платкѣ удобнѣе, папа.

Нюрочка добыла себѣ у Таисьи какой-то старушечій бумажный платокъ и надѣла его по-раскольничьи, надвинувъ на лобъ. Свѣжее, почти дѣтское личико выглядывало изъ желтой рамы съ сосредоточенною важностью, и Петръ Елисѣичъ въ первый еще разъ замѣтилъ, что Нюрочка почти большая. Онъ долго провожалъ глазами укатившій экипажъ и грустно вздохнулъ: Нюрочка даже не оглянулась на него... Грустное настроеніе Петра Елисѣича разсѣялъ Ефимъ Андреичъ: старикъ пришелъ къ нему размыкать свое горе и не могъ отъ слезъ выговорить ни слова.

— Перестаньте, Ефимъ Андреичъ, что вы...

— А ежели она умретъ дорогой-то?.. Я теперь и домой не пойду: пусто тамъ, какъ послѣ покойника. А все Таисья... Расказню я ее!

Дорога до Мурмоса для Нюрочки промелькнула, какъ свѣтлый, молодой сонъ. Въ Мурмосъ пріѣхали къ самому обѣду и остановились у какихъ-то родственниковъ Парасковьи Ивановны. Изъ Мурмоса нужно было переѣхать въ лодкѣ озеро Октылъ къ Еловой горѣ, а тамъ уже итти тропами. И лодка, и гребцы, и проводникъ были приготовлены заранѣе. Оказалось, что Парасковья Ивановна ужасно боялась воды, хотя озеро и было спокойно. Переѣздъ по озеру верстъ въ шесть занялъ съ часъ, и Парасковья Ивановна все время охала и стонала.

— Укрѣпись, матушка,—уговаривала ее Таисья.—Твори про себя молитву, она и облегчитъ.

Красивое это озеро Октылъ въ ясную погоду. Вода прозрачная, съ зеленоватымъ оттѣнкомъ. Видно, какъ по дну рыба ходитъ. Съ запада озеро об-

ступили синею стѣной высокія горы, а на востокъ шелъ низкій степной берегъ, затянутый камышами. Надъ лодкой-шитикомъ все время съ крикомъ носились бѣлыя чайки-краснопожки. Нюрочка была въ восторгѣ, и Парасковья Ивановна все время держала ее за руку, точно боялась, что она отъ радости выскочитъ въ воду. На озерѣ ихъ обогнало нѣсколько лодокъ-душегубокъ съ богомольцами.

— На Крестовые острова народъ собирается,—объясняла Таисья.—Со всѣхъ сторонъ боголюбивые народы идутъ: изъ-подъ Москвы, съ Нижняго, съ Поволжья.

Наконецъ шитикъ присталъ къ берегу, гдѣ курился огонекъ,—это ждалъ подряженный Таисьей проводникъ, молодой парень съ подстриженными въ скобку волосами. Парасковья Ивановна какъ-то сразу обезсилѣла и даже измѣнилась въ лицѣ.

— Ну, теперь ужъ пѣшкомъ пойдемъ, милыя вы мои трудницы,—паговаривала Таисья. — По первоначалу-то оно будетъ и трудненько, а потомъ обойдется... Да и то сказать, никто вѣдь не гонитъ насъ: пойдемъ-пойдемъ и отдохнемъ.

На берегу опнулись чуть-чуть и пошли прямо въ гору по едва замѣтной тропинкѣ. Предстояло сдѣлать пѣшкомъ верстъ двадцать. Проводникъ шелъ впереди, размахивая длинною палкой. Парасковья Ивановна едва поднялась на первую гору и сѣла на камень. Она чувствовала, что дальше не можетъ итти: и одышка ее донимала, и какая-то смертная истома во всемъ тѣлѣ. Нѣтъ, не дойти ей до озера, хоть убей на мѣстѣ... Таисья ужасно всполошилась. Нюрочка любовалась открывавшимся съ вершины горы видомъ на два озера—Октылъ, за нимъ Черчежъ. Мурмосъ точно стоялъ на водѣ, а заводскія церкви ярко бѣлѣли на солнцѣ, точно свѣчи. Господи, какъ хорошо... Оглянувшись, Нюрочка только теперь замѣтила, что Парасковья Ивановна сидѣла на камнѣ и горько плакала.

— Не сподобилъ Господь,—шептала она, не вытирая слезъ.

— Какъ же быть-то? — недоумѣвала Таисья. — Можетъ, обойдешься, Парасковья Ивановна.

— Нѣтъ, вы не дожидайтесь меня. Я назадъ уйду. Въ Мурмосѣ ужо дождусь васъ.

Эта разлука очень огорчила Нюрочку, но некогда было ждать: къ вечеру приходилось поспѣвать къ Святому озеру, чтобы не „затемнать“ гдѣ-нибудь въ лѣсу. Такъ Парасковья Ивановна и осталась на своемъ камешкѣ, провожая заплаканными глазами быстро уходившихъ товарокъ.

— Это ее „они“ не допустили, — проговорила Таисья, оглядываясь въ послѣдній разъ.

— Кто „они“-то?

— А угодники Божіи: Пахомій постникъ, Пафнутій болящій, Порфирій страстотерпецъ... Поповщины она придерживается, вотъ они ее и не допустили до себя. Не любятъ они, миленькіе, кто сладко-то ѣстъ да долго спитъ.

Тропинка вела съ горы на гору то лѣсомъ, то болотами. На Таисью напало какое-то восторженное настроеніе. Она смотрѣла на Нюрочку какими-то жадными глазами и все говорила, разсказывая о великихъ трудничкахъ, почивавшихъ на Крестовыхъ островахъ, о скитскомъ житіи, о скитницахъ, у которыхъ отрастали ангельскія крылья. Самой Таисьѣ казалось, что она ведетъ прямо въ небо эту чистую дѣтскую душу, слушавшую ее съ замирающимъ сердцемъ. Она и плакала, и смѣялась, и цѣловала Нюрочку, и пѣла заунывные скитскіе стихи, и опять разсказывала.

— Охъ, грѣшный я человѣкъ!—каялась она вслухъ, въ порывѣ своего восторженнаго настроенія.—Недостойная раба... Все равно, какъ собака, которая сорвалась съ цѣпи: сама бѣжитъ, а цѣпь за ней волочится, такъ и мое дѣло. Страшно, голубушка, и подумать-то, что̀ тамъ будетъ, на томъ свѣтѣ.

Никогда Нюрочка еще не видала мастерицу Таисью такою и даже испугалась, а та ничего не замѣчала и продолжала говорить безъ конца. Этотъ лѣсной воздухъ, окружавшая ихъ глушь и собственное молитвенное настроеніе точно опьяняли ее. Когда въ сторонѣ встрѣчались отдыхавшія партіи богомольцевъ, Таисья низко кланялась трудничкамъ и говорила:

— Какъ пчелки къ улью летятъ грѣшныя мірскія душеньки.

На половинѣ дороги онѣ сдѣлали привалъ. Нюрочка прошла цѣлыхъ десять верстъ, но пока особенной усталости не чувствовала.

— Ужо̀ Аглаиду увидимъ, — говорила Таисья. — Помнишь, поди, какъ баушку Василису хоронили? Она наша, ключевлянка. На могилкѣ отца Спиридонія о Петровъ день анбашскую головщицу Капитолину подъ голикъ загнала.

VIII.

Косыя тѣни уже крестили тропинку, когда изъ-за лѣса бѣлою полосою мелькнуло Святое озеро. Нюрочка только теперь почувствовала, какъ она устала. Глубокое горное озеро залегло въ синей рамѣ обступившихъ его лѣсистыхъ кручъ. Тропинка вывела на мысокъ, гдѣ курились огни и богомольцы ждали перевоза. Крестовые острова залегли въ верстѣ отъ берега, точно зеленыя шапки. Десятокъ лодокъ-душегубокъ и парòмъ изъ бревенъ не успѣвали перевозить прибывавшихъ богомольцевъ. Вода въ озерѣ стояла, какъ зеркало. Съ низкихъ мѣстъ уже наносило вечернею сыростью, пропитанною запахомъ свѣжей травы и лѣсныхъ цвѣтовъ. Таисья сразу разыскала нѣсколько знакомыхъ мужиковъ съ котомками и женщинъ-богомолокъ, — народъ набрался со всѣхъ сторонъ.

— Да это никакъ ключевская Таисья,—весело говорила громадная женщина, проталкиваясь къ мастерицѣ. — Она и есть... Здравствуй, матка-свѣтъ.

— Здравствуй, матушка Маремьяна.

— Ну, каково прыгаешь, Таисьюшка?

— Вашими молитвами, родимая.

Матушку Маремьяну за глаза называли полумужичьемъ. Высокая, рослая, широкая, загорѣлая, потная, она походила на ломовую лошадь. Таисья знала ее цѣлыхъ тридцать лѣтъ, и матушка Маремьяна оставалась все такой же. Однимъ словомъ, богатырь-баба и голосъ, какъ хорошая труба. Проживала она гдѣ-то подъ Златоустомъ, по зимамъ разъѣзжала на своей лошадкѣ по всему Уралу и, какъ разсказывали, занималась всякими дѣлами: укрывала бѣглыхъ, мѣняла лошадей, провозила краденое золото и вообще умѣла хоронить концы. Она дружила и съ поповщиной, и съ безпоповщиной, и съ поморцами, и съ православными попами. Гдѣ собирался народъ—безъ матушки Маремьяны дѣло не обходилось. Таисья не совсѣмъ долюбливала ее и называла переметною сумой, но безъ матушки Маремьяны тоже не обойдешься,— она развозила вѣсти обо всемъ, всѣхъ знала и все могла развѣдать.

— Словечко есть у меня до тебя, Таисьюшка, — гудѣла матушка Маремьяна, трепля могучею рукой худенькую мастерицу.—И не маленькое словечко... Нарочно хотѣла ѣхать къ тебѣ въ Ключевской съ Крестовыхъ-то острововъ.

Матушка Маремьяна отвела Таисью въ сторону и принялась ей быстро наговаривать что-то, вѣроятно, очень интересное, потому что Таисья въ первый моментъ даже отшатнулась отъ нея, а потомъ въ тактъ разсказа грустно покачивала головой. Онѣ проговорили такъ вплоть до того, какъ подошелъ плотъ, и разстроенная Таисья чуть не забыла дожидавшейся ея на берегу Нюрочки.

— Ахъ, ласточка ты моя, забыла про тебя!... — причитала она лаская притихшую дѣвочку.—Совсѣмъ оговорила меня матушка Маремьяна.»

На плоту помѣстилось человѣкъ двадцать богомольцевъ, и матушка Маремьяна стала у кормового правила. Нюрочка такъ устала, что даже не боялась плескавшейся между бревнами воды. Плотъ былъ связанъ ивовыми прутьями кое-какъ, и бревна шевелились, какъ живыя. Издали можно было разглядѣть на Крестовыхъ островахъ поднимавшійся дымъ костровъ и какое-то бѣлое пятно, точно сидѣла громадная бабочка. Какой-то лысый старикъ стоялъ на колѣняхъ и громко молился. Двѣ лодки обогнали плотъ. На одной изъ нихъ Нюрочка узнала старика Основу и радостно вскрикнула: это былъ еще первый „свой“ человѣкъ.

Когда плотъ тяжело подвалилъ къ берегу, было почти уже совсѣмъ темно. Въ горахъ ночь наступаетъ быстро. Острова были густо запушены смотрѣвшеюся въ воду зеленью, а огни дымились дальше. Нюрочка вмѣстѣ съ другими шагала по болоту, прежде чѣмъ выбралась на сухой берегъ. То, что она увидала, казалось ей какимъ-то сномъ: громадная поляна была охвачена живымъ кольцомъ огней, а за ними поднималась зубчатая стѣна вѣкового бора. Святыя могилки занимали центръ поляны, и около нихъ теперь горѣли тысячи свѣчъ. Предъ своими аналоями кучками толпились богомольцы одного согласія: поповцы у своихъ исправленныхъ поповъ, безпоповцы у стариковъ и старицъ, поморцы у наставниковъ. Около огней дѣленіе шло по мѣсту жительства: екатеринбургскіе, златоустовскіе, невьянскіе, шарташскіе, мурмосскіе, самосадскіе, кукарскіе,—всѣ сбились отдѣльными кучками. Скитскіе тоже раздѣлились на артельки: анбашскіе особо, заболотскіе и красноярскіе особо. Кромѣ своихъ уральскихъ, сошлись сюда и „чужестранные“—изъ-подъ Москвы, съ Поволжья, изъ дальнихъ сибирскихъ городовъ. Бѣлое пятно оказалось большой палаткой, въ которой засѣлъ какой-то начетчикъ съ Иргиза. Слышалось протяжное пѣніе, а скитскія головщины вычитывали наперебой.

Таисья переходила отъ одной кучки къ другой и напрасно кого-то хотѣла отыскать, а спросить прямо стѣснялась. Нюрочка крѣпко уцѣпилась ей за руку,—она едва держалась на ногахъ отъ усталости.

— Погоди, милушка, погоди, касаточка,—уговаривала ее Таисья шопотомъ.—Вонъ сколько народу, нескоро разыщешь своихъ-то.

Ихъ догналъ старикъ Основа и, показавъ головой на Нюрочку, проговорилъ:

— Айда ко мнѣ въ балаганъ, Таисьюшка... Вотъ и дѣвушка твоя тоже пристала, а у насъ мѣсто найдется.

Таисья безъ слова пошла за Основой, который не подалъ и вида, что узналъ Нюрочку еще на плоту. Онъ привелъ ихъ къ одному изъ огней у опушки лѣса, гдѣ на живую руку былъ сдѣланъ балаганъ изъ березовыхъ вѣтокъ, еловой коры и хвои. Около огня сидѣли двѣ дѣвушки-подростки, дочери Основы, обѣ крупныя, обѣ кровь съ молокомъ.

— Ну, теперь можно тебя и признать, барышня, — пошутилъ Основа, когда подошли къ огню. — Я еще даве, на плоту, тебя примѣтилъ... Неужто пѣшкомъ прошла экое мѣсто?

— А мы черезъ Мурмосъ,—объясняла Таисья.—Парасковья Ивановна было-увязалась съ нами, да только обезножила.

Нюрочка познакомилась съ обѣими дѣвушками,—одну звали Парасковьей, другую Анисьей. Онѣ съ удивленіемъ оглядывали ее и улыбались.

— Нѣтъ, я не устала,—точно оправдывалась Нюрочка.—А вы?

— Мы со вчерашняго дня здѣсь, — объяснила старшая, Парасковья. — Успѣли отдохнуть.

Отъ балагана Основы видъ на всю поляну былъ еще лучше, чѣмъ съ берега. Нюрочкѣ казалось, что она въ какой-то громадной церкви, сводомъ для которой служило усѣянное звѣздами небо. Восторженно-благоговѣйное чувство охватило ее съ новою силой, и слезы навертывались на глаза отъ неиспытаннаго еще счастья, точно она переселилась въ какой-то новый міръ, а зло осталось тамъ, далеко позади. Эта народная молитва подъ открытымъ небомъ являлась своего рода торжествомъ свѣта, правды и духовной радости. Старикъ Основа такъ любовно смотрѣлъ на Нюрочку и все безпокоился, чѣмъ ее угостить. Одна Таисья сидѣла на землѣ, печально опустивъ голову,— ее разстроили наговоры матушки Маремьяны. Время отъ времени она что-то шептала, тяжело вздыхала и качала головой.

Молились всю ночь напролетъ. Не успѣвала кончить у могилокъ свой канунъ одна партія, какъ ее сейчасъ же смѣняла другая. Подождавъ, когда Нюрочка заснула, Таисья потихоньку вышла изъ балагана и отправилась въ сопровожденіи Основы къ дальнему концу горѣвшей линіи огоньковъ.

— Соблазнъ, Таисья...—повторялъ Основа.

— Охъ, и не говори, Аника Парѳенычъ!.. Кабы знатье, такъ и глазъ сюда не показала бы...

— Мать Енафа совсѣмъ разнемоглась отъ огорченія, а *та* хоть бы глазомъ повела: точно и дѣло не ея... Видѣлъ я ее издалька, ровно еще краше стала.

— А *онъ* тутъ?

— Какъ волкъ посреди овецъ бродитъ... Къ златоустовскимъ пристадъ и все съ Гермогеномъ, все съ Гермогеномъ. Два сапога—пара.

Они нашли мать Енафу въ крайнемъ балаганѣ. Она дѣйствительно сказывалась больной и никого не принимала, кромѣ самыхъ близкихъ. Ухаживала за ней Аглаида.

— Змѣя... змѣя... змѣя!..—зашипѣла мать Енафа, указывая Таисьѣ глазами на Аглаиду.—Не кормя, не поя, видно, ворога не наживешь.

Аглаида молчала, какъ убитая, и даже не взглянула на Таисью. Основа посидѣлъ для видимости и незамѣтно ушелъ.

— Аглаидушка, что же это такое и въ самъ-то дѣлѣ?—заговорила наконецъ Таисья дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ.—Раньше тѣломъ согрѣшила, а теперь душу загубить хочешь...

Аглаида молчала, опустивъ глаза.

— Да ты что съ ней разговариваешь-то,—накинулась мать Енафа.—Ее надо въ воду бросить—вотъ и весь разговоръ... Ишь, точно окаменѣла вся!.. Огнемъ ее палить, на мелкія части изрѣзать... Ужъ пытала я ее усовѣщевать да молить, такъ куды, приступу нѣтъ! Обошелъ ее тотъ, змѣй-то...

Тутъ случилось что-то необыкновенное, что Таисья сообразила только потомъ, когда опомнилась и пришла въ себя. Одно слово о „змѣѣ“ точно ужалило Аглаиду. Она накинулась на Енафу съ цѣлымъ градомъ упрековъ, высчитывая по пальцамъ всѣ скитскіе порядки. Мать Енафа слушала ее съ раскрытымъ ртомъ, точно чѣмъ подавилась.

— Вы всѣ такія, скитскія матери!—со слезами повторяла Аглаида.— Не меня, а васъ всѣхъ надо утопить... Съ вами и говорить-то грѣшно. Одна Пульхерія только и есть, да и та давно изъ ума выжила. Въ мірѣ грѣхъ, а по скитамъ-то въ десять разъ больше грѣха. А еще туда же про Кирилла судачите... И онъ грѣшный человѣкъ только все черезъ васъ же, скитскихъ матерей. На васъ его грѣхи и взыщутся... Знаю я все!..

— Ну, ну, говори... Пусть Таисья послушаетъ!—подзадоривала мать Енафа.

— И скажу... всѣмъ скажу!.. Не спасенье у васъ, а пагуба... А Кирилла не трогайте... онъ, можетъ, побольше насъ всѣхъ о грѣхахъ своихъ сокрушается, да и о вашихъ тоже. Слабый онъ человѣкъ, а душа въ ёмъ живая...

— Ты бы у красноярскихъ дѣвокъ спросила, какая у него душа!— рѣзала мать Енафа, злобно сверкая глазами.—Нашла тоже кого пожалѣть... Змѣй онъ лютый!

Мать Енафа разгорячилась, а въ горячности она была скора на руку. Поэтому Таисья сдѣлала ей знакъ, чтобы она вышла изъ балагана. Аглаида стояла на одномъ мѣстѣ и молчала.

— Что же ты молчишь, милушка?—глухо спросила Таисья.—Всѣ мы худы, одна ты хороша... Ну, говори.

— И скажу, все скажу... Зачѣмъ ты меня въ скиты отправляла, матушка Таисья? Тогда у меня одинъ былъ грѣхъ, а здѣсь я ихъ, можетъ, нажила сотни... Всѣ тутъ обманомъ живемъ. Это хорошо по-твоему? Вотъ и сейчасъ добрые люди со всѣхъ сторонъ на Крестовые острова собрались души спасти, а мы передъ ними какъ представленныя... Вонъ Капитолина съ вечера на всѣ голоса голоситъ, чтобъ меня осрамить. Соблазнъ одинъ...

— Такъ, такъ... Ахъ, великій соблазнъ, Аглаида, когда хвостъ попереди головы очутится. Вѣрное ты слово сказала... Ты вотъ все вызнала, живучи въ скитахъ, а то тебѣ неизвѣстно, что домашнюю бѣду въ люди не носятъ. Успѣли бы и послѣ разобрать, кто у васъ правѣе, а зачѣмъ другихъ, стороннихъ смущать?.. Да и говоришь-то ты совсѣмъ не то, о чемъ мысли держишь, скитскими-то грѣхами ты глаза отводишь. Молода еще, голубушка, концы хоронить не умѣешь, а вотъ я тебѣ скажу побольше того, что ты и сама знаешь. Да... Кириллъ-то по своему малодушію къ поморцамъ перекинулся, ну и тебя въ свою вѣру оборотитъ. Теперь ты Аглаида, а онъ тебя перекреститъ Аглаей, по-поморскому всѣ грѣхи на томъ свѣтѣ съ Аглаиды будутъ взыскиваться, а Аглая стеклышкомъ останется... Аглая нагрѣшитъ, тогда въ Агнію перевернется, и опять горошкомъ покатилась. И еще тебѣ скажу: затаилась ты и, какъ змѣя, хочешь старую кожу съ себя снять, а того не подумала, что всѣмъ отпустятся грѣхи, кромѣ Іуды-христопродавца. И сейчасъ въ тебѣ женская твоя слабость говоритъ... Ну-ка, погляди мнѣ прямо въ глаза, безстыдница!.. Какія ты слова сейчасъ Енафѣ-то выговаривала? И статочное ли намъ съ тобой дѣло чужіе грѣхи разбирать, когда въ своихъ тонемъ?.. Ну, что молчишь?

— Матушка!—взмолилась Аглаида, ломая руки.

— Нѣтъ, нѣтъ...—сурово отвѣтила Таисья, отстраняя ее движеніемъ руки.—Не подходи и близко! И словъ-то подходящихъ нѣтъ у меня для тебя... На кого ты руку подняла, безстыдница? Чужіе-то грѣхи мы всѣ видимъ, а чужія слезы въ тайнѣ проходятъ... Послѣднее мое слово это тебѣ!

Таисья кликнула стоявшую за балаганомъ мать Енафу, и Аглаида, какъ снопъ, повалилась ей въ ноги. Это смиреніе еще больше взорвало мать Енафу, и она нѣсколько разъ ударила ползавшую у ея ногъ дѣвушку.

— Свою скитскую змѣю выростила!—шипѣла мать Енафа.—Ну, ползай, подколодная душа!

— Прости ты ее, матушка,—молила Таисья, кланяясь Енафѣ въ поясъ.—Не отъ ума вышло это самое дѣло... Да и канунъ надо начинать, а то апбашскіе, гляди, кончатъ.

— А изъ-за кого мы всю ночь пропустили?—жаловалась мать Енафа упавшимъ голосомъ.—Вотъ изъ-за нея: уперлась, и конецъ тому дѣлу.

— Прости, матушка, и благослови,—молила Аглаида.

Нюрочка проснулась утромъ отъ ужаснаго, нечеловѣческаго крика, пронесшагося надъ поляной. Она безъ памяти выскочила изъ балагана.

— Это красноярская кликуша Глафира,—объяснила ей дочь Основы, выбѣжавшая вслѣдъ за ней.—Теперь всѣ кликуши учнутъ кликать... Страсть Господня!

Передъ могилкой Порфирія страстотерпца, въ ужасныхъ конвульсіяхъ, каталась худая и длинная женщина, которую напрасно старались удержать десятки рукъ. Народъ обступилъ ее живою стѣной. Никто и голоса не подавалъ, и въ воздухѣ неслось мѣрное чтеніе Аглаиды, точно звенѣла туго натянутая серебряная струна. Не успѣла Глафира успокоиться, какъ застоналъ кто-то у могилки Пахомія постника, и вся толпа вздрогнула отъ истерическаго плача, причитаній и неистовыхъ воплей. Черезъ полчаса у могилокъ билось съ пѣной у рта до десятка кликушъ. Это было такъ ужасно, что Нюрочка забѣжала въ чей-то чужой балаганъ и натолкнулась на дядю Мосея, котораго и не узнала сгоряча. Онъ спокойно сидѣлъ у балагана и сумрачно смотрѣлъ куда-то вдаль.

— Зачѣмъ ихъ бьютъ?—стонала Нюрочка, закрывъ глаза отъ страха.

— Перестань дурить!—закликнулъ ее Мосей строго.—Бѣсъ ихъ бьетъ.

Тускло горѣли тысячи свѣчъ, клубами валилъ синій кадильный дымъ изъ кацей, въ нѣсколькихъ мѣстахъ пѣли гнусавыми голосами скитскіе иноки, а надъ всѣмъ этимъ чистою нотой звучалъ все тотъ же чудный голосъ Аглаиды. За ней стояла мастерица Таисья и плакала... Не было сердца у нея на Аглаиду, и она оплакивала свою собственную слабость. Но что̀ это такое? Голосъ Аглаиды дрогнулъ и точно порвался. Она дѣлала видимое усиліе, чтобы „договорить“ канунъ до конца, но не могла,—лицо поблѣднѣло, на лбу выступилъ холодный потъ, и ангельскій голосъ погасъ такъ же, какъ гаснетъ догорающая свѣча. Мастерица Таисья инстинктивно оглянулась назадъ, увидѣла стоявшихъ рядомъ смиреннаго Кирилла и старика Гермогена и сразу все поняла: проклятые поморскіе волки заѣли лучшую овцу въ безпоповщинскомъ стадѣ... На нихъ же смотрѣлъ жигаль Мосей отъ своего балагана, и горѣло огнемъ его самосадское сердце. На Крестовыхъ островахъ набралось много поморцевъ, которые признавали почившихъ здѣсь угодниковъ. Гермогена избили на богомольѣ у могилки о. Спиридонія именно за то, что поморцы не признавали его, а здѣсь они расхаживали, какъ у себя дома, и никто не смѣлъ ихъ тронуть пальцемъ.

Вечеромъ въ Петровъ день мастерица Таисья съ Нюрочкой потихоньку убралась съ острововъ, точно она скрывалась отъ какой неминучей бѣды.

IX.

Послѣ страды семья Горбатовыхъ устроилась по-новому: въ передней избѣ жилъ Макаръ съ женой и ребятишками, а заднюю занялъ старикъ Титъ съ женатымъ сыномъ Фроломъ да съ Пашкой. Домнушка очутилась, какъ

говорила сама, ни на дворѣ ни на улицѣ, и пока устроилась въ прежней избѣ, вмѣстѣ съ Татьяной, благо мужья у нихъ дома появлялись только наѣздомъ. Между бабами, сбѣгавшимися опять на одномъ дворѣ, постоянно возникали мелкія ссоришки, тѣмъ болѣе, что надъ ними не было желѣзной руки свекровушки Палагеи и онѣ могли вздорить и перекоряться отъ свободности. Татьяна все-таки отмалчивалась, а вздорила Домнушка съ Агаѳьей. Старикъ Титъ не вмѣшивался въ эти бабьи дѣла, потому что до поры до времени не считалъ себя хозяиномъ. Вмѣстѣ съ покосомъ кончилась и его работа, и онъ опять почувствовалъ себя лишнимъ человѣкомъ. Впрочемъ, у старика завелась одна мысль, которая ему не давала покоя: нужно было завести помаленьку коней, выправить разную куренную снасть—дровни, коробья, топоры, лопаты, а тамъ, благословясь, опять углепоставщикомъ сдѣлаться. Работа своя, привычная, а по первопутку, гляди, большакъ Ѳедоръ изъ орды воротится, тогда бы Титъ самъ-четвертъ въ курень выѣхалъ: самъ еще въ силахъ, да три сына, да двѣ снохи. А въ дому пусть Макаръ съ Артемомъ остаются. Мало-за-мало можно бы въ Туляцкомъ концѣ дворишко-другой присмотрѣть, чтобы въ отдѣлъ уйти. У добрыхъ людей сыновей выдѣляютъ, а тутъ самому приходится уходить.

Основаніемъ для всѣхъ этихъ соображеній служило заготовленное въ страду сѣно. По хозяйству Макара его хватитъ съ лишкомъ,—всего одна коровенка, двѣ лошади да пять овецъ. Одна лошадь у Макара устарѣла для ѣзды по лѣсу, и онъ все хотѣлъ промѣнять ее, чтобы добыть получше,—вотъ бы и лошадь осталась, кабы Макаръ прямо купилъ себѣ новую. Другую бы можно было справить изъ задатка, когда стали бы въ конторѣ подрядъ брать, а третью прихватили бы въ долгъ. На трехъ-то лошадяхъ можно вывести коробьевъ двѣсти угля. Теперь Титъ бережетъ сѣно, какъ зѣницу ока,—въ немъ схоронено было все будущее разоренной переселеніемъ въ орду семьи. Кстати, у свата Коваля жеребенокъ по третьему году есть—повѣритъ сватъ и въ долгъ. Пока Фролъ робилъ на домнѣ, но все это было не настоящее, не то, чего хотѣлось Титу. Главное, жаль было Титу отпускать на фабрику Пашку: малышъ какъ разъ набалуется.

Своихъ хозяйственныхъ соображеній старый Титъ, конечно, не довѣрялъ никому, но о нихъ чутьемъ догадалась Татьяна, сгорѣвшая на домашней работѣ. Она съ перваго разу примѣтила, какъ жадничалъ на сѣнѣ старикъ и какъ онъ заглядывалъ на состарившуюся лошадь Макара, и даже испугалась возможности того, что опять возстановится горбатовская семья въ прежней силѣ. Вѣдь старому Титу только бы уйти въ курень, а тамъ онъ всѣхъ заморитъ на работѣ: мужики будутъ рубить дрова, а бабы окапывать землей и дернать кученки. А какъ поднимется Титъ, тогда опять загонитъ всѣхъ снохъ подъ голикъ, а Татьяну и совсѣмъ сморитъ.

— Ишь, старый песъ, чего удумалъ! — удивлялась Домнушка, когда Татьяна объяснила ей затаенные планы батюшки-свекра.—Ловокъ тоже... Надо будетъ его укоротить.

— И то надо, а то съѣстъ онъ насъ потомъ обѣихъ съ тобой... Ужѝ какъ-нибудь поговори своему солдату, къ слову замолви, а Макаръ-то простъ, его старикъ какъ разъ обойдетъ. Я бы сказала Макару, да не стóитъ.

Подстроивъ Домнушку, Татьяна при случаѣ закинула словечко и младшей снохѣ Агаѳьѣ, которая раньше надъ ней форсила. Съ ней ссорилась Домнушка, а Татьяна дружила, точно раньше ничего и не было.

— Вотъ погляди, старикъ-то въ курень собирается васъ везти,—говорила Татьяна молодой Агаѳьѣ.—Своего хлѣба въ ордѣ ты отвѣдала, а въ куренѣ почище будетъ: все равно, какъ въ трубѣ будешь сидѣть. Одной сажи куренной

не проглотаешься... Я восемь зимъ изжила на Бастрыкѣ да на Таломъ, такъ знаю. А теперь-то тебѣ съ полугоря житья: мужъ на фабрикѣ, а ты посиживай дома.

Вышедшая изъ богатой семьи Агаѳья испугалась серьезно и потихоньку принялась разстраивать своего мужа Фрола, смирнаго мужика, походившаго характеромъ на большака Ѳедора. Вся бѣда была въ томъ, что Фролъ по старой памяти боялся отца, какъ огня, и не смѣлъ сказать поперекъ слова.

— Ты и молчи, — говорила Агаѳья.—Солдатъ-то нашъ на что? Какъ какой лютой змѣй... Мы его и напустимъ на батюшку-свекра, а ты только молчи. А я въ куренную работу не пойду... Зачѣмъ брали сноху изъ богатаго дому? Будетъ съ меня и орды: напринималась горя.

Однимъ словомъ, бабы приготовили глухой отпоръ замысламъ грознаго батюшки-свекра. Ждали только Артема, чтобы объяснить все. Артемъ пріѣхалъ съ Мурмоса около Дмитріевой субботы, когда уже порошилъ снѣгъ. Макаръ тоже навернулся домой,—капканы на волковъ исправлялъ. Но бабьи замыслы пока остались въ головѣ, потому что появился въ горбатовскомъ дому новый человѣкъ: кержакъ Мосей съ Самосадки. Его зазвалъ Артемъ и устроилъ въ передней избѣ.

— Вмѣстѣ подъ Горюномъ робили,—говорилъ Артемъ.—Нашего хлѣба-соли отвѣдай, Мосей. Что мочегане, что кержаки—все одно... Нечего намъ другъ съ дружкой дѣлить.

Артемъ точно обошелъ кержака Мосея, который даже и про свой Кержацкій конецъ забылъ. Сидитъ въ избѣ да съ солдатомъ разговоры разговариваетъ, а солдатъ передъ нимъ мелкимъ бѣсомъ разсыпается. Обошелъ онъ и брата Макара, который тоже все по-его дѣлаетъ. Что нужно было Артему отъ кержака—бабы ума не могли приложить. Одно оставалось: видно, Артемъ вмѣстѣ съ Мосеемъ мокрую пшеницу у Груздева съ убившаго каравана подъ Горюномъ воровали, не иначе. Домнушка проболталась, что мужъ привезъ много денегъ, а гдѣ ихъ взять? Ужъ это вѣрно, что вмѣстѣ ихнее дѣло было, а вотъ теперь солдатъ и компанится съ кержакомъ. Раза два солдатъ водки покупалъ и угощалъ Мосея.

— Вотъ въ гости къ твоему братцу, къ Петру Елисѣичу въ Крутяшъ пойдемъ,—шутилъ Артемъ.

— Отрѣзанный ломоть онъ, вотъ что, — угрюмо отвѣчалъ Мосей. — Онъ на господскую руку гнетъ.

Макаръ тоже замѣтно припадалъ къ Мосею, особенно, когда разговоръ заходилъ о землѣ. Мосей не вдругъ распоясывался, какъ всѣ раскольники, и сначала даже косился на Макара, памятуя двойную обиду, нанесенную имъ кержакамъ: первая обида — кругъ унесъ на Самосадкѣ, а вторая — испортилъ дѣвку Аграфену.

— Ваши-то мочегане пошли свою землю въ ордѣ искать, — говорилъ Мосей убѣжденнымъ тономъ, — потому какъ народъ пригонный, съ рассейской стороны... А наше дѣло особенное: наши дѣды на Самосадкѣ еще до Устюжанинова жили. Насъ неправильно къ заводамъ приписали въ казенное время... И бумага у насъ есть, чтобы обернуть на старое. Который годъ теперь собираемся выправлять эту самую бумагу, да только согласиться не можемъ промежду себя. Тоже у насъ этихъ разговоровъ весьма достаточно, а рознимъ...

— Значитъ, обнадеживаютъ, которые есть знающіе? — спрашивалъ Макаръ.

— Правильная бумага, какъ слѣдуетъ... Такъ и прозванье ей: акъ.

У Устюжанинова свой акъ, у насъ свой. Безпремѣнно землю оборотимъ на себя, а съ землей-то можно жить: и пашенку распахалъ, и покосъ расчистилъ, и рѣны насѣялъ... Ежели, напримѣрно, выжечь лѣсъ и по горѣлому мѣсту эту самую рѣпу посѣять, такъ урождан страшенные бываютъ, — по шлянѣ рѣпа родится и слатимая такая рѣпа. По скатамъ завсегда такъ рѣпу сѣютъ... По старымъ-то рѣпищамъ и сейчасъ знать, гдѣ эти скиты стояли.

— А мочеганамъ ужъ, значитъ, насчетъ земли шабашъ? — любопытствовалъ Макаръ.

— Окончательно, потому народъ пригонный.

— Ежели бы мы и свой акъ добыли?

— Все единственно... Уставную грамоту только не подписывайте, чтобы надѣлъ получить, какъ въ крестьянахъ. Мастеровымъ надѣла не должно быть, а которые обращались на вспомогательныхъ работахъ, тѣмъ выйдетъ надѣлъ. Куреннымъ, кто перевозкой займовался, кто дрова рубилъ, — всѣмъ долженъ выйти надѣлъ. На Кукарскихъ заводахъ тоже уставную-то грамоту не подписываютъ.

Въ головѣ Макара эта мысль о землѣ засѣла клиномъ. Смутно сказался тотъ великорусскій пахарь, который еще жилъ въ заводскомъ лѣсообъѣздчикѣ. Это была темная тяга къ своей землѣ, которая прошла стихійною силой черезъ всю русскую исторію.

Солдатъ Артемъ только слушалъ эти толки о землѣ, а самъ въ разговоры не вступался. Онъ думалъ свое и при случаѣ разспрашивалъ Мосея о скитахъ. Уляжется вечеромъ на полати съ Мосеемъ и заведетъ рѣчь.

— И въ скитахъ такъ же живутъ, — неохотно отвѣчалъ Мосей. — Тѣ же люди, какъ и въ міру, а только названіе одно: скитъ... Другіе скитскіе-то, пожалуй, и похуже будутъ мірскихъ. Этакъ вонъ сибирскіе старцы проѣзжали какъ-то по зимѣ.,. Съ Москвы они, значитъ, ѣхали, отъ боголюбивыхъ народовъ, и денегъ везли съ собой уйму.

— А много денегъ?

— Большія тысячи, сказываютъ... Ну, ихъ, значитъ, старцевъ, и порѣшили въ лѣсу наши скитскіе, а деньги себѣ забрали. Есть тутъ одинъ такой-то инокъ... Волкъ онъ, а не инокъ. Теперь ужъ онъ откололся отъ скитовъ и свою вѣру объявилъ. Скитницу еще за собой увелъ... Вотъ про него и сказываютъ, что не миновали его рукъ убитые-то сибирскіе старцы.

— А какъ его звать, убивца-то?

— Кирилломъ прежде звали, а нонѣ онъ перекрестился и свою полюбовницу тоже перекрестилъ. Въ лѣсу съ ей и живетъ... Ребенка, сказываютъ, прижилъ. Да тебѣ-то какая печаль? Вотъ еще присталъ человѣкъ, какъ банный листъ.

— А можетъ, я самъ тоже хочу въ скиты уйти? — отшучивался солдатъ, ворочаясь съ боку на бокъ. — Вотъ Домна помретъ, ну, я тогда и уйду въ лѣсъ...

— Перестань зря молоть, — оговаривалъ его степенный Мосей, не любившій напрасныхъ словъ. — Одно дѣло сказать, а другое и помолчать.

Старый Титъ прислушивался къ разговорамъ кержака издали, а потомъ началъ подходить все ближе и ближе. Что же, хоть онъ и кержакъ, а говоритъ правильныя слова. Солдатъ Артемъ поглядывалъ на родителя и только усмѣхался. По куренной работѣ Титъ давно зналъ Мосея, какъ и другихъ жителей, но близкихъ сношеній съ кержаками старательно избѣгалъ. Титу нравилось то, что Макаръ какъ будто гнетъ тоже къ своей землѣ, къ надѣлу. Только вотъ проклятый солдатъ замѣшался совсѣмъ не къ числу. Разъ, когда было выпито малымъ дѣломъ, Титъ вмѣшался и въ разговоръ.

— Ты, этово-тово, Мосей, правильно, хоть и оборачиваешь на кержацкую руку. Нельзя по-ихнему-то, по-заводскому, думать... Хозяйствомъ надо жить: тутъ тебѣ телушка подросла, тамъ — жеребенокъ, здѣсь — ярочка. А первое дѣло — лошадь. Какой мужикъ, этово-тово, безъ лошади?

— Лошадь, говоришь, родитель, нужно? — подзадоривалъ солдатъ, подмигивая Макару.

— Обнакновенно... Да ты чего, этово-тово, зубы-то скалишь, шишига? Тебѣ дѣло говорятъ... Вотъ и Мосей то же скажетъ.

— Ишь, какъ разстарался-то! — поддразнивалъ Артемъ. — Туда же кричитъ...

— Да ты съ кѣмъ разговариваешь-то? — накинулся на него Титъ съ внезапнымъ ожесточеніемъ. — Я не погляжу, что ты солдатъ...

Разсвирѣпѣвшій старикъ даже замахнулся на солдата, но тотъ спокойно отвелъ грозную родительскую руку и заговорилъ:

— Родитель ты нашъ любезный, и что это какая въ тебѣ злость? Вотъ сядемъ рядкомъ да поговоримъ ладкомъ... У тебя на умѣ опять курень, — я, родитель, все могу понимать. Ты еще, можетъ, не успѣлъ и подумать, а я ужъ впередъ тебя понимаю. Такъ вѣдь я говорю? Ну, сдѣлаемъ мы тебѣ удовольствіе, заведемъ коней, всю куренную снасть, и пойдетъ опять каторжная работа, а толку-то никакого. Одна маята... И брательниковъ замотаешь, и снохъ тоже. Тебя же бабы и учнутъ корить. И чего тебѣ, родитель, надо? Пока живи, а впередъ увидимъ. Погоди малость, заживемъ и почище... Такъ я говорю? Тебя же жалѣю, родитель нашъ любезный!

— Не ладно ты, этово-тово, — бормоталъ Титъ, качая своею упрямою маленькою головкой. — Обижаешь ты меня, Артемъ.

— Будетъ, родитель, достаточно поработано, а тебѣ пора и отдохнуть. Больно ужъ ты жаденъ у насъ на работу-то... Не такіе твои года, чтобы по куренямъ маяться.

Титъ понималъ, что всѣ его расчеты и соображенія разлетѣлись прахомъ, и что онъ такъ и останется лишнимъ человѣкомъ. Опустивъ голову, старикъ грустно умолкъ, и по его сморщенному лицу скатилась непрошенная старческая слезинка. Ушибъ его солдатъ однимъ словомъ, точно камнемъ придавилъ.

X.

Гуляетъ холодный зимній вѣтеръ по Чистому болоту, взметаетъ снѣгъ, съ визгомъ и стономъ катится по открытымъ мѣстамъ, а въ кустахъ да въ сухой болотной травѣ долго шелеститъ и шепчется, точно чего ищетъ и не находитъ. Волки, и тѣ обходятъ Чистое болото: нечего взять здѣсь острому волчьему зубу. А между тѣмъ по суметамъ идетъ осторожный легкій слѣдъ, точно прошелъ самъ лѣшій: вмѣсто ногъ, на снѣгу отпечатались какія-то вѣтвистыя лапы. Непривычный глазъ и не замѣтитъ, пожалуй, ничего. Слѣдъ путается, дѣлаетъ петли, а потомъ и приведетъ на островокъ, заросшій гнилымъ болотнымъ березнякомъ, сосной-карлицей, кривыми горными елочками. Издали островокъ не отличишь въ болотной заросли, а ближе къ снѣгу чернѣетъ что-то, не то волчье логово, не то яма, въ какой сидятъ смолу и деготь. Подъ саженнымъ сугробомъ снѣга спряталась избушка-землянка, въ которой перебивается теперь бывшій заболотскій инокъ Кириллъ, а теперь Кононъ. Съ нимъ живетъ въ избушкѣ сестра Авгарь, бывшая заболотская скитница Аглаида, а въ мірѣ Аграфена Гущина. Съ ними въ избушкѣ жи-

ветъ маленькій сынъ Глѣбъ, которому пошелъ уже второй годъ. Кирилла перекрестилъ старикъ Гермогенъ на Святомъ озерѣ, а потомъ Кириллъ перекрестилъ скитницу Аглаиду и сына Глѣба.

— Отметаются всѣ твои старые грѣхи, Кононъ, — сказалъ Гермогенъ, кладя руку на голову новообращеннаго. — Взыщутся старые грѣхи на инокѣ Кириллѣ, а рабъ Божій Кононъ свѣтлѣетъ душой передъ Господомъ.

Крестился инокъ Кириллъ на озерѣ въ самый день Крещенія, въ проруби. Едва не замерзъ въ ледяной водѣ. Сестру Авгарь окрестилъ онъ раннею весной въ томъ же озерѣ, когда еще оставались забереги и ледъ разсыпался сосульками.

— Будь ты мнѣ сестрой, Авгарь, — говорилъ Кононъ. — Съ женой великій грѣхъ жить... Адамъ погибъ отъ жены Евы, а отъ сестры никто еще не погибалъ. И на томъ свѣтѣ не будетъ ни мужей ни женъ, а будутъ только братья и сестры. Въ Писаніи сказано: имущіе жены въ послѣднее время будутъ яко неимущіе; значитъ, жена грѣхъ, а про сестру ничего въ Писаніи не сказано. Твои грѣхи остались на рабѣ Божіей Аграфенѣ, а раба Божія Авгарь тоже свѣтлѣетъ душой, какъ и рабъ Божій Кононъ. Водой и духомъ мы возродились отъ прежняго грѣха, а сейчасъ я тебѣ духовный братъ. Одна наша вѣра правая, а остальные всѣ блуждаютъ, какъ стадо безъ пастыря.

— А мать Пульхерія? — нерѣшительно спрашивала Авгарь.

— И Пульхерія поститъ и дѣвствуетъ напрасно... Я ужо и ее перекрещу въ нашу вѣру, ежели захочетъ настоящаго спасенья. Будетъ моя вторая духовная сестра.

Авгарь подчинялась своему духовному брату во всемъ и слушала каждое его слово, какъ откровеніе. Когда на нее накатывался тяжелый стихъ, духовный братъ Кононъ распѣвалъ псалмы или читалъ отъ Писанія. Это успокоивало духовную сестру, и ея молодое лицо точно свѣтлѣло. Остальное время уходило на маленькаго Глѣба, который уже начиналъ бодро ходить около лавки и дѣтскимъ лепетомъ называлъ мать сестрой.

— На томъ свѣтѣ не будетъ ни родителей ни дѣтей, — объяснялъ Кононъ. — Глѣбъ тебѣ такой же духовный братъ, какъ и я... Не мы съ тобой дали ему душу.

На Чистомъ болотѣ духовный братъ Кононъ спасался съ духовною сестрой Авгарью только пока, — оставаться вблизи безпоповщинскихъ скитовъ ему было небезопасно. Лучше бы всего уѣхать именно зимой, когда во всѣ концы скатертью дорога, но куда поволокешься съ ребенкомъ на рукахъ? Нужно было „сождать“, пока малышъ подрастетъ, а тогда и въ дорогу. Собственно говоря, сейчасъ Кононъ чувствовалъ себя прекрасно. Съ нимъ не было припадковъ прежняго религіознаго отчаянія, и часто, сидя передъ огонькомъ въ каменкѣ, онъ самъ удивлялся себѣ.

— Каковъ я былъ человѣкъ, сестра Авгарь? — спрашивалъ онъ и только качалъ головой. — Звѣрь я былъ, вотъ что...

— И то звѣрь, — соглашалась сестра Авгарь. — Помнишь, какъ завезъ-было меня на Бастрыкъ-то?

— Да это что: сущіе пустяки! То ли бывало... Какъ-то сидѣлъ я одно время въ замкѣ, въ Златоустѣ. За безпаспортность меня усадили, ну, потомъ бѣглаго солдата во мнѣ признали одинъ ундеръ... Хорошо. Сижу я въ такомъ разѣ подъ подозрѣніемъ, а со мной въ камерѣ другой бродяга сидитъ, Спиридонъ звать. Онъ изъ Шадринскаго уѣзда... То, се, разговорились. Тоже, значитъ, въ бѣгахъ состоялъ изъ-за расколу: бросилъ молодую жену, а самъ въ лѣсъ, да въ пещерѣ цѣлый годъ высидѣлъ. Голодомъ хотѣлъ себя уморить...

Ну, сидимъ мы, а Спиридонъ мнѣ разсказываетъ про все — и про жену, и про родню, и про деревню. Запала тогда мнѣ мысль превращенная... Какъ бѣжалъ изъ замка, сейчасъ въ Шадринскій уѣздъ и прямо въ ту деревню, изъ которой Спиридонъ. Пожилъ тамъ съ недѣлю, вызналъ и сейчасъ къ женѣ Спиридона вечеркомъ прихожу: „я и есть твой самый мужъ Спиридонъ“. Бабенка молодая, красивая изъ себя, а какъ увидѣла меня, такъ вся и помушнѣла. Жила-то она съ матерью да съ ребятами и себя содержала честно, а тутъ вдругъ чужой человѣкъ мужемъ называется. Ну, всполошилась моя баба, а я робятъ ласкаю и совсѣмъ, значитъ, по-домашнему, какъ настоящій мужъ... Бабенка-то головой только вертитъ, не мужъ и кончено, а старуха-мать по древности лѣтъ совсѣмъ помутилась въ разумѣ и признала меня за Спиридона. Дѣло къ ночи пришло, бабенка моя ужъ прямо на дыбы... Боится тоже за свою женскую честь. Мать ее уговариваетъ, а она свое толмитъ. Тогда на меня отчаянность напала: „Пойдемъ, говорю, въ волость, тамъ старички меня признаютъ...“ Пошли въ волость, народъ сбѣжался, глядятъ на меня. Есть во мнѣ Спиридоновы примѣты, а все-таки сумлѣваются. Тогда я водки выставилъ старикамъ, а женѣ при всѣхъ и говорю такую примѣту, про которую только старухи знали. Ну, тутъ она ужъ не вытерпѣла, упала мнѣ въ ноги и повинилась, что вполнѣ подвержена мужу... И старички присудили ее мнѣ: волей не пойдетъ, силой уводи и что̀ хошь дѣлай. А я еще днемъ наказалъ старухѣ истопить баню; все, значитъ, честь-честью, какъ заправскій мужъ. Пошли мы въ баню съ женой... Притихла и только вздыхаетъ. И послѣ бани ничего, молчитъ. Хорошо... Только утромъ моя любезная жена на дыбы: „Нѣтъ, не мужъ ты мнѣ, не Спиридонъ!..“ Я ее за волосы, а она простоволосая на улицу и реветъ, какъ зарѣзанная. Сбѣжался народъ, оцѣпили избу и меня, раба Божія, въ волость да въ темную. Едва на четвертый день я бѣжалъ изъ волости-то... Спроси ты меня сейчасъ, Авгарь, для чего я это дѣлалъ?.. Вотъ какой лютой звѣрь былъ смиренный заболотскій инокъ Кириллъ!.. Страха во мнѣ не было, а одна дерзость: мало своихъ-то бабъ, — нѣтъ, дай обезчещу у всѣхъ на глазахъ честную мужнюю жену.

— А настоятеля, отца Гурія, ты убилъ? — тихо спрашиваетъ Авгарь.

— Нѣтъ, не я...

— Знаю, что не ты, а заболотскій инокъ Кириллъ.

Не одинъ разъ спрашивала Авгарь про убійство отца Гурія, и каждый разъ духовный братъ Кононъ отпирался. Всю жизнь свою разсказывалъ, а этого не признавалъ, потому что очень ужъ приставала къ нему духовная сестра съ этимъ Гуріемъ. Да и дѣло было давно, лѣтъ десять тому назадъ.

— Я еще подросткомъ была, какъ про о. Гурія на Ключевскомъ у насъ разсказывали, — говорила сестра Авгарь. — Мучили его, бѣднаго, а потомъ ужъ убили. Сѣрою горючей капали по живому тѣлу: зажгли сѣру да ей капали на о. Гурія, а онъ источнымъ голосомъ молилъ, чтобы поскорѣе убили.

— Вотъ и врутъ все ваши ключевскіе! — не утерпѣлъ духовный братъ Кононъ. — Это самое дѣло знаетъ одна мать Енафа да...

— Да смиренный инокъ Кириллъ.

— Ну, онъ знаетъ, а ключевскіе все-таки врутъ... Совсѣмъ дѣло не такъ было.

— А какъ?

— А я почемъ знаю?

— Ежели говоришь, что не такъ, значитъ, знаешь какъ. Сѣрою зажженной капали вы съ Енафой на о. Гурія, а онъ слезно о смерти своей молилъ.

— Вотъ и врешь, сестра! Отецъ-то Гурій самъ бы всякаго убилъ... Росту онъ былъ высокаго, въ плечахъ—косая сажень, а рука—пудовая гиря. Сказывали про него, что онъ съ каторги бѣжалъ, а потомъ ужъ поселился у насъ. Я съ нимъ познакомился въ скиту у Енафы. Здоровенный старичище, даромъ что сѣдой весь, какъ лунь. Слабость у него большая была къ женскому полу... Съ него Енафа и въ дѣло пошла: онъ ее и выучилъ всему, значитъ, Гурій. Жилъ съ ней... Ѳедосья-то у Енафы отъ Гурія. Ну, а потомъ промежду нихъ вздоръ пошелъ, тоже изъ-за бабъ... Уѣдетъ Гурій и кантуетъ гдѣ-нибудь на сторонѣ, а Енафа въ скиту его грѣхи замаливаетъ да свою душу спасаетъ. Конечно, баба она была въ соку, бѣсъ ее смущаетъ, а тутъ смиренный заболотскій инокъ Кириллъ подвернулся. Гурій-то пронюхалъ да инока Кирилла за честные власы. До полусмерти уходилъ... Затаилъ смиренный Кириллъ смертную злобу на о. Гурія и три года оную воспитывалъ въ себѣ. Все ждалъ случая... Случилось имъ пойти вмѣстѣ въ лѣсъ за дровами. Пришли. Подходитъ инокъ Кириллъ съ топоромъ къ о. Гурію и говоритъ: „Отче, благослови!“. Только поднялъ о. Гурій правую руку съ крестомъ, а Кириллъ его топоромъ прямо по лбу и благословилъ. Даже не дохнулъ старикъ, точно его молоньей ушибло. Только и всего дѣла было, сестра моя духовная. А потомъ Кириллъ привязалъ камень о. Гурію на шею да въ окно на Чистомъ болотѣ и спустилъ...

— Такъ это вѣрно, что ты его убилъ?—въ ужасѣ спрашивала Авгарь.

— Не я, сестра, а заблудшій инокъ Кириллъ... звѣрь былъ въ образѣ человѣка. А только сѣрой о. Гурія не пытали... Это ужъ врутъ.

Убитый о. Гурій такъ и засѣлъ въ головѣ сестры Авгари, и никакъ она не могла выкинуть его изъ своихъ мыслей. Нѣсколько разъ она принималась разспрашивать духовнаго брата про этого старика, но духовный братъ отперся отъ своихъ словъ начисто, а когда Авгарь стала его уличать, больно ее поколотилъ.

Особенно по ночамъ мучилась Авгарь. Все ей казалось, что кто-то ходитъ около избушки, а вдали раздаются и стоны, и плачъ, и дикій хохотъ. Ей дѣлалось вдругъ такъ страшно, что она не смѣла дохнуть. Вѣдь это онъ, о. Гурій, ходитъ. Его душа тоскуетъ. Не успѣлъ онъ и покаяться передъ смертью, да и похоронить его никто не похоронилъ. Вотъ онъ и бродитъ по ночамъ, ищетъ свою могилку. Странное что-то дѣлалось съ Авгарью: она по цѣлымъ недѣлямъ точно застывала и ничего не думала, то не находила мѣста отъ какого-то смутнаго и тяжелаго раздумья. Новое согласіе духовныхъ братьевъ и сестеръ нѣсколько ее успокоило, но оставалась неопредѣленная тоска. Скитская жизнь ей опротивѣла, какъ и жизнь въ міру. Вездѣ грѣхъ, человѣконенавистничество и неправда. Другъ дружку обманываютъ. А всѣхъ несчастнѣе бабы. Куда баба ни повернется, тутъ ей и грѣхъ. Только и спасенья, когда состарится. Духовный братъ Кононъ поразсказалъ про скитницъ: ни одной-то нѣтъ праведной, кромѣ самыхъ древнихъ старушекъ. На что крѣпкая мастерица Таисья, а и та приняла всякаго грѣха на душу, когда слѣпой жила въ скитахъ. Съ тѣмъ же Кирилломъ грѣшила. Какое-то отчаяніе охватывало душу Авгари, и она начинала ненавидѣть и свою молодость, и свою красоту, и свой голосъ. Еще на богомольяхъ она замѣчала, какъ всѣ заглядывались на нее, а стоило ей самой взглянуть ласковѣе—грѣхъ и тутъ.

Маленькій духовный братъ Глѣбъ росъ какимъ-то хилымъ и молчаливымъ, какъ осенняя поздняя травка. Мать часто подолгу вглядывалась въ него, точно старалась узнать въ немъ другого ребенка, того несчастнаго первенца, котораго она даже и не видала. Тогда скитницы не дали ей и взгля-

путь на него, а сейчасъ же отправили въ Мурмосъ. Куда онъ дѣвался, Авгарь такъ и не могла допытаться. Она не могла его забыть, а маленькаго духовнаго брата совсѣмъ не любила. Особенно сильно стала задумываться Авгарь, когда узнала, какъ ея духовный братъ Кононъ убилъ о. Гурія. Все тосковала Авгарь, убивалась и плакала потихоньку, а наконецъ не вытерпѣла и накинулась на Конона:

— Это ты, змѣй, убилъ его...

— Кого убилъ?—удивился Кононъ.

— Моего сына убилъ... Того, перваго... — шептала Авгарь, съ яростью глядя на духовнаго брата.—И о. Гурія убилъ и моего сына... Ты его тогда увозилъ въ Мурмосъ и гдѣ-нибудь бросилъ по дорогѣ въ болото, какъ Гурія.

Это былъ какой-то приступъ ярости, и Авгарь такъ и лѣзла къ духовному брату съ кулаками. А когда это не помогло, она горько заплакала и кинулась ему въ ноги.

— Успокой ты мою душу, скажи... — молила она, ползая за нимъ по избушкѣ на колѣняхъ.—Вѣдь я каждую ночь слышу, какъ ребеночекъ плачетъ... Я это сначала на о. Гурія думала, а потомъ ужъ догадалась. Кононушка, братецъ, скажи только одно слово: ты его убилъ? Ахъ, нѣтъ, и не говори лучше, все равно не повѣрю... ни одному твоему слову не повѣрю, потому что вынялъ ты изъ меня душу.

— Бѣсъ смущаетъ... бѣсъ смущаетъ... — бормоталъ Кононъ, начиная креститься.—Ребенка я въ Мурмосъ свезъ, какъ и другихъ. Всѣ знаютъ, и Таисья знаетъ на Ключевскомъ...

XI.

Ночь. Низкія зимнія тучи безпрерывною грядой несутся такъ близко къ землѣ, что точно задѣваютъ верхушки деревьевъ. Сыплется откуда-то сухой, какъ толченое стекло, снѣгъ, порой со стономъ вырвется холодный вѣтеръ и глухо замретъ, точно дохнетъ какая-то страшная пасть, которую сейчасъ же и закроетъ невидимая могучая рука. Авгарь лежитъ въ своей избушкѣ и чутко прислушивается къ каждому шороху, какъ настороживщаяся птица. Вотъ храпитъ на печкѣ духовный братъ Кононъ, вотъ ровное дыханіе маленькаго брата Глѣба, а за избушкой гуляетъ по Чистому болоту зимній буранъ.

— Кононъ, слышишь?..—шепчетъ Авгарь, затаивъ дыханіе.

— А, что?..—бормочетъ сквозь сонъ духовный братъ; онъ спитъ чутко, какъ заяцъ.

— Опять стонетъ кто-то въ болотѣ.

— Пусть его стонетъ. Сотвори молитву и спи.

— И ребеночекъ плачетъ... Слышишь? Нѣтъ, это стонетъ о. Гурій.

Духовный братъ Кононъ просыпается. Ему такъ и хочется обругать, а то и побить духовную сестру, да рука не поднимается: жаль тоже бабенку. Очень ужъ сумлительна стала. Да и то сказать, хоть кого боязнь возьметъ въ этакую ночь. Эхъ, только бы малость Глѣбъ подросъ, а тогда скатертью дорога на всѣ четыре стороны.

— А ты голову заверни, да и спи,—совѣтуетъ Кононъ, зѣвая такъ, что челюсти у него хрустятъ.—Какъ же иноки по скитамъ въ одиночку живутъ? Право, глупая.

— Ежели меня блазнитъ...

— Читай Іисусову молитву... Ну, ужъ и ночь, прямо сказать: волчья...

Уйдемъ мы съ тобой изъ этихъ самыхъ мѣстовъ, безпремѣнно уйдемъ. Въ теплую сторону проберемся, къ теплому морю. Вѣрно тебѣ говорю! Одинъ человѣкъ съ Кавказу проходилъ, тоже изъ нашихъ, такъ весьма одобрялъ тамошнія мѣста. Первая причина, говоритъ, тамъ зимы окончательно не полагается: у насъ вотъ мятель, а тамъ, поди, цвѣты цвѣтутъ. А вторая причина—произрастаніе тамъ очень ужъ чудное. Грѣцкій орѣхъ растетъ, виноградъ, разное чудное быліе... Нашихъ туда ссылали еще въ допрежнія времена, и древлее благочестіе утверждено во многихъ мѣстахъ.

— А турки гдѣ живутъ?

— Турки—другое. Сначала жиды пойдутъ, потомъ бѣлая арапія, а потомъ ужъ турки.

— А до Бѣловодья далеко будетъ?

— Экъ куда махнула: Бѣловодье въ сибирской сторонѣ будетъ, а турки совсѣмъ наоборотъ.

— Пульхерія сказывала, что въ Бѣловодьѣ на великъ день подъ землей колокольный звонъ слышенъ и церковное четье-пѣтье.

— Ну, это не въ Бѣловодьѣ, а на рассейской сторонѣ. Такое озеро есть, а на берегу стоялъ святый градъ Китежъ. И жители въ немъ были все благочестивые, а когда началась никоніанская пестрота—святой градъ и ушелъ въ воду. Слышенъ и звонъ и церковная служба. А мы уйдемъ на Кавказъ, сестрица. Тамъ мѣста нежилыя и всякое приволье. Всякая гонимая вѣра тамъ сошлась: и молоканы, и субботники, и хлысты... Тепло тамъ круглый годъ, произрастаніе всякое, нашихъ братьевъ и сестеръ найдется тоже достаточно... виноградъ...

Послѣднія слова духовный братъ проговорилъ уже сквозь сонъ и сейчасъ же захрапѣлъ. Авгарь опять прислушивалась къ завыванію вѣтра и опять слышала дѣтскій плачъ, стоны о. Гурія и чьи-то безотвѣтныя жалобы. Видно, такъ и не уснуть ей, пока не займется сѣрое зимнее утро. Но что̀ это такое?.. Въ полосу затишья, между двумя порывами вѣтра, она ясно разслышала скрипъ осторожныхъ шаговъ. Кто-то невидимый приближался къ избушкѣ, и Авгарь похолодѣла отъ охватившаго ее ужаса. Она хотѣла крикнуть и разбудить Конона, но голосъ замеръ въ груди. А шаги были все ближе... Авгарь бросилась къ печи и растолкала Конона.

— Ну тебя!..—бормоталъ духовный братъ.

— Идутъ сюда! — не своимъ голосомъ шептала Авгарь, прислушиваясь къ скрипу снѣга.—Слышишь? Ужъ близко...

— И то идутъ, — согласился Кононъ. — Надо полагать, кто-нибудь изъ скитскихъ заплутался.

Шаги ужъ были совсѣмъ близко. Все затихло. Потомъ донесся сдержанный говоръ нѣсколькихъ голосовъ.

— Ужо вздуй-ко огня,—шепнулъ Кононъ, быстро вскакивая.

Пока Авгарь возилась у печки, добывая изъ загнеты угля, чтобы зажечь самодѣльщину спичку-сѣрянку, чьи-то тяжелые шаги подошли прямо къ двери.

— Кто тамъ крещеный? — окликнулъ Кононъ, вставая за косякъ въ уголъ,—на всякій случай онъ держалъ за спиной топоръ.

— Свои скитскіе,—послышался мужской голосъ за дверью. — Заплутались въ болотѣ. Пустите погрѣться.

— А сколько васъ?

— Самъ-другъ.

— Что̀ больно далеко заѣхали?

Авгарь, побѣлѣвшая отъ ужаса, дѣлала знаки, чтобы Кононъ не отворялъ двери, но онъ только махнулъ на нее рукой. Дверь была безъ крючка и распахнулась сама, впустивъ большого мужика въ собачьей ягѣ *). За нимъ вошелъ другой, поменьше, и замѣтно старался спрятаться за первымъ.

— Миръ на стану,—проговорилъ первый и, не снимая шапки, кинулся на Конона.

Завязалась отчаянная борьба. Кононъ едва успѣлъ взмахнуть своимъ топоромъ, какъ его правая рука очутилась точно въ желѣзныхъ клещахъ. Его повалили на землю и скрутили руки назадъ. Стоявшая у печки Авгарь съ крикомъ бросилась на выручку, но вошелъ третій мужикъ и, схвативъ ее въ охапку, оттащилъ въ передній уголъ.

— Ты покеда тутъ со старицей побесѣдуй, — проговорилъ большой мужикъ,—а намъ надо со старцемъ поговорить малость... Эй, ты, волчья сыть, не шеперься!

Двое мужиковъ схватили Конона и поволокли изъ избушки. Авгарь съ невѣроятною для бабы силой вырвалась изъ рукъ державшаго ее мужика, схватила топоръ и, не глядя, ударила имъ большого мужика прямо по спинѣ. Тотъ вскинулся, какъ ошпаренный, повалилъ ее на полъ и уже схватилъ за горло.

— Не тронь, Артемъ!—крикнулъ мужикъ, державшій Авгарь въ углу.— Оставь...

— Она меня чуть не зарубила!—сказалъ солдатъ, съ ворчаньемъ оставляя свою жертву.

Авгарь узнала Макара и вся точно оцѣпенѣла. Она такъ и осталась на полу.

— Вставай, Аграфена,—говорилъ Макаръ, стараясь ее поднять.

— Они его убьютъ...—шептала Авгарь въ ужасѣ.—Зачѣмъ вы пришли, душегубы? Ты ужъ разъ убилъ меня, а теперь пришелъ убивать во второй... Аграфены нѣтъ здѣсь... она умерла давно.

Макаръ ничего не отвѣчалъ, а только загородилъ своею фигурой дверь, когда Авгарь поднялась и сдѣлала попытку вырваться изъ избушки. Она остановилась противъ него и быстро посмотрѣла прямо въ глаза какимъ-то остановившимся взглядомъ, точно хотѣла еще разъ убѣдиться, что это онъ.

— Макарушка, голубчикъ... — ласково зашептала она, стараясь отвести его руку отъ дверной скобы. — Вѣдь *его* убьютъ... Макарушка, ради истиннаго Христа... въ ножки тебѣ поклонюсь...

— И пусть убьютъ: собакѣ собачья и смерть,—грубо отвѣтилъ Макаръ.— За тѣмъ пришли.

Дѣланная ласковость Авгари сейчасъ же смѣнилась приступомъ настоящей ярости. Она бросилась на Макара, какъ бѣшеная, и повисла на его рукѣ, стараясь укусить. Онъ опять схватилъ ее въ охапку и снесъ въ передній уголъ.

— Ребенка задавишь!—кричала Авгарь, барахтаясь.

Это слово точно придавило Макара, и онъ безсильно опустился на лавку около стола. Да, онъ теперь только разглядѣлъ спавшаго на лавкѣ маленькаго духовнаго брата,—ребенокъ спалъ, укрытый заячьей шубкой. У Макара заходили въ глазахъ красные круги, точно его ударили обухомъ по головѣ. Авгарь, воспользовавшись этимъ моментомъ, выскользнула изъ избы, но Макаръ даже не пошевелился на лавкѣ и смотрѣлъ на спавшаго ребенка, одинъ видъ котораго повернулъ всю его душу.

---

*) Яга—шуба вверхъ мѣхомъ.

— Змѣя!—прошепталъ онъ и замахнулся на ребенка кулакомъ.

Одинъ моментъ — и дѣтская душа улетѣла бы изъ маленькаго тѣльца, какъ легкій вздохъ, но въ эту самую минуту за избушкой раздался отчаянный, нечеловѣческій крикъ. Макаръ бросился изъ избушки, какъ былъ, безъ шапки. Саженяхъ въ двадцати отъ избушки, въ мелкой березовой поросли, копошились въ снѣгу три человѣческихъ фигуры. Подбѣжавъ къ нимъ, Макаръ увидѣлъ, какъ солдатъ Артемъ одною рукой старался оттащить голосившую Аграфену съ лежавшаго ничкомъ въ снѣгу Кирилла, а другою рукой ощупывалъ убитаго, отыскивая что-то еще на тепломъ трупѣ.

— Что вы дѣлаете, душегубы?—крикнулъ Макаръ, отталкивая Артема.— Креста на васъ нѣтъ!

— Порѣшили! — спокойно отвѣтилъ Мосей, стараясь затоптать капли крови на снѣгу.—Волка убили, Макаръ. Сорокъ грѣховъ съ души сняли.

— Братикъ миленькій! Голубчикъ!—причитала Авгарь, вцѣпившись руками въ убитаго духовнаго брата.

— Перестань выть, — крикнулъ на нее Мосей и замахнулся. — Одного волка порѣшили, и тебѣ туда же дорога.

Его удержалъ Макаръ. Онъ опять взялъ Аграфену въ охапку и унесъ въ избушку. Мосей проводилъ его глазами и только сердито сплюнулъ. Сейчасъ лицо у него было страшное, и онъ въ сердцахъ пнулъ ногой Артема, продолжавшаго обыскивать убитаго Кирилла.

— Вотъ она гдѣ...—шопотомъ говорилъ Артемъ, срывая съ убитаго кожаную сумку, которую тотъ носилъ подъ рубахой.

Эта жадность возмутила Мосея до глубины души, и онъ съ удовольствіемъ порѣшилъ бы и солдата вмѣстѣ съ вѣроотступникомъ Кирилломъ. Два сапога — пара... И Макаръ тоже хорошъ: этакое дѣло сдѣлали, а онъ за бабенкой увязался! Непремѣнно и ее убить надо, а то еще объявитъ послѣ. Всѣ эти мысли пронеслись въ головѣ Мосея съ быстротой молніи, точно тамъ бушевала такая же мятель, какъ и на Чистомъ болотѣ.

— Ну, а теперь куды мы его дѣнемъ?—спрашивалъ Артемъ, запрятывая кожаную сумку за пазуху. — Здѣсь не годится оставлять... Та же Аграфена пойдетъ да на насъ и докажетъ.

— Увеземъ, видно, съ собой мертвяка,—рѣшилъ Мосей, раздумывая.— Тутъ отъ Бастрыка есть повертка къ старому мѣдному руднику, тамъ на ёмъ есть одна обвалившаяся шахта, ну, мы его туды и спустимъ. Не стоитъ провозу-то, гадина!

Убитый Кириллъ лежалъ попрежнему въ снѣгу ничкомъ. Онъ былъ въ одной рубахѣ и въ валенкахъ. Длинные темные волосы разметались въ снѣгу, какъ крыло подстрѣленной птицы. Около головы снѣгъ былъ окрашенъ кровью. Лошадь была оставлена версты за двѣ, въ береговомъ ситникѣ, и Мосей соображалъ, что имъ придется нести убитаго на рукахъ. „Эхъ, неладно, что онъ связался съ этими мочеганами: не то у нихъ было на умѣ... Одинъ за бабой погнался, другой за деньгами. Того гляди, разболтаютъ еще“.

Въ избушкѣ въ это время происходила тяжелая сцена. Авгарь сидѣла на лавкѣ и остановившимся мутнымъ взглядомъ смотрѣла на одну точку.

— Груня, Грунюшка, опомнись...—шепталъ Макаръ, стоя передъ ней.— Ворога твоего мы порѣшили... Иди и объяви начальству, что это я сдѣлалъ: уйду въ каторгу... Легче мнѣ будетъ!.. Вѣдь три года я муку мученическую принималъ изъ-за тебя... душу ты изъ меня выняла, Груня. А что касаемо Кирилла, такъ слухи о немъ пали до меня давно, и я еще по веснѣ съ

Гермогеномъ тогда на могилку къ о. Спиридонію выѣзжалъ, чтобы его достигнуть.

— Уйди... Я тебя не знаю,—отвѣчала Авгарь.—Аграфены давно нѣтъ... Зачѣмъ вы сюда пришли?

— Груня, опомнись...

Авгарь поднялась, посмотрѣла на Макара страшными глазами и проговорила:

— Будь ты отъ меня проклятъ, убивецъ!..

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

I.

Луку Назарыча, служившаго главнымъ управляющимъ всѣхъ мурмосскихъ заводовъ въ теченіе тридцати лѣтъ, внезапно уволили. Для заводовъ это было громаднымъ событіемъ, особенно въ мірѣ заводскихъ служащихъ. Когда эта вѣсть разнеслась, старики-служаки только качали головами: что же можетъ быть безъ Луки Назарыча? Онъ являлся для заводовъ чѣмъ-то въ родѣ грозной и роковой судьбы, отъ которой все исходитъ и къ которой все приходитъ. И вдругъ Луки Назарыча не стало... Новость была ошеломляющая, а впереди совершенно неизвѣстное будущее... Что касается причинъ такого переворота, то о нихъ только могли догадываться, потому что иниціатива шла изъ Петербурга, изъ таинственныхъ глубинъ главнаго столичнаго правленія. Невидимая рука свергла Луку Назарыча, и новый главный управляющій вставалъ грознымъ призракомъ. Насколько догадывался самъ Лука Назарычъ, вся катастрофа разразилась благодаря уменьшенію дивидендовъ. Наслѣдники Устюжанинова не хотѣли ничего знать о новыхъ условіяхъ заводскаго труда,—имъ нужны были только доходы.

Свергнутый главный управляющій оставался попрежнему въ Мурмосѣ, гдѣ у него былъ выстроенъ свой домъ. Разстаться съ Мурмосомъ Лука Назарычъ былъ не въ силахъ. Все дѣло повернули такъ круто, что заводы остались на нѣкоторое время совсѣмъ безъ головы. Работа все-таки шла своимъ обычнымъ ходомъ, по разъ заведенному порядку, хотя это было только одною внѣшностью: душа отлетѣла... По наружному виду все осталось попрежнему, но это была иллюзія: рабочіе опаздывали, подряды не исполнялись, машины останавливались. Не было того грознаго взгляда, который все видѣлъ и передъ которымъ все трепетало. Даже дымъ, и тотъ валилъ изъ высокихъ заводскихъ трубъ какъ-то вяло, точно удивлялся самъ, что онъ еще можетъ выходить безъ Луки Назарыча.

Такъ прошелъ августъ и наступалъ сентябрь. Прохарчившееся въ страду населеніе роптало. Мастеровые каждый день собирались около заводской конторы и подолгу галдѣли. Контора сама ничего не знала, и канцелярская сложная машина такъ же бездѣйствовала, какъ и фабрика. Даже на базарѣ остановилась всякая продажа, и только бойко торговали одни груздевскіе кабаки.

Новый главный управляющій пріѣхалъ въ концѣ октября, когда его никто и не ожидалъ. Онъ пріѣхалъ на почтовыхъ, какъ самый обыкновенный

проѣзжающій, и даже спросилъ вѣжливо разбуженнаго Аристашку, можетъ ли онъ остановиться въ господскомъ домѣ?

— Да вы-то кто такіе будете?—дерзко спросилъ Аристашка, оглядывая дорожный полушубокъ незваного гостя.

— Я-то? Я—главный управляющій Голиковскій,— спокойно отрекомендовался гость.

Аристашка оцѣпенѣлъ, какъ дупель, надъ которымъ охотничья собака сдѣлала стойку. Онъ замѣтилъ всего одно: новый главный управляющій былъ косъ на лѣвый глазъ, тогда какъ онъ, Аристашка, имѣлъ косой правый глазъ. Управляющій бойко взбѣжалъ во второй этажъ, осмотрѣлъ всѣ комнаты и коротко приказалъ оставить себѣ всего двѣ — кабинетъ и пріемную, а остальныя затворить.

— А какъ же спальная, напримѣръ? — полюбопытствовалъ Аристашка.

— Я буду спать въ кабинетѣ... Да. А топить цѣлую амфиладу ненужныхъ никому комнатъ очень дорого... Завтра утромъ въ шесть часовъ подашь мнѣ самоваръ.

Багажъ главнаго управляющаго заключался всего въ одномъ чемоданчикѣ, что уже окончательно сконфузило Аристашку. Вѣрный слуга настолько растерялся, что даже забылъ предупредить конторскихъ служителей о налетѣвшей грозѣ и самъ чуть не проспалъ назначенные шесть часовъ. Когда онъ подалъ самоваръ прямо въ кабинетъ, Голиковскій вынулъ изъ кармана дешевенькіе серебряные часы съ копеечною стальною цѣпочкой и, показывая ихъ Аристашкѣ, замѣтилъ:

— Ты опоздалъ на цѣлыхъ шесть минутъ... Если еще разъ повторится подобная вещь, можешь искать себѣ другое мѣсто. Я человѣкъ аккуратный... Можешь уходить.

Аристашка только замычалъ, съ удивленіемъ разглядывая новое начальство. Это былъ небольшого роста господинъ, неопредѣленныхъ лѣтъ, съ солдатскою физіономіей; тусклый глазъ неопредѣленнаго цвѣта суетливо ерзалъ по сторонамъ. Дорожный костюмъ былъ смѣненъ горно-инженерскимъ мундиромъ. Всѣ движенія отличались порывистостью. Въ общемъ ничего запугивающаго, какъ у крѣпостныхъ управляющихъ, въ родѣ Луки Назарыча, умѣвшихъ наводить панику однимъ своимъ видомъ.

Въ семь часовъ новый управляющій уже былъ въ заводской конторѣ. Служащихъ, конечно, налицо не оказалось, и онъ немедленно потребовалъ бухгалтера, съ которымъ безъ дальнихъ разговоровъ и приступилъ къ дѣламъ.

— У Луки Назарыча былъ свой секретарь,—заикнулся-было бухгалтеръ:— такъ вы, можетъ-быть...

— Нѣтъ, я самъ, слава Богу, грамотѣ немного учился и привыкъ все дѣлать своими руками.

„Ну, ты, братъ, видно, изъ молодыхъ да ранній!“—съ грустью подумалъ бухгалтеръ, растворяя шкапы съ дѣлами.

Общее впечатлѣніе главный управляющій произвелъ на своихъ будущихъ сослуживцевъ неблагопріятное. Не успѣлъ человѣкъ пріѣхать и сейчасъ къ дѣламъ бросился. „Погоди, братъ, упыхаешься, а новая метла только сначала чисто мететъ“. Наружность тоже не понравилась, особенно лѣвый глазъ... Старикъ-бухгалтеръ, когда начальство ушло, заявилъ, что „въ царствіи святыхъ нѣсть рыжихъ, а косыхъ, а кривыхъ и подавно“.

Въ то же утро въ Ключевской заводъ летѣлъ нарочный къ Мухину съ маленькою запиской отъ „самого“, въ которой выражалось любезное желаніе познакомиться лично съ уважаемымъ Петромъ Елисѣичемъ, и чѣмъ скорѣе,

тѣмъ лучше. Мухинъ не заставилъ себя ждать и тотчасъ же отправился въ Мурмосъ. Это обращеніе Голиковскаго польстило ему, какъ выраженіе извѣстнаго вниманія. Онъ остановился въ домѣ Груздева, гдѣ царилъ страшный безпорядокъ: хозяйничала одна Наташка, а Самойло Евтихычъ „объѣзжалъ кабаки".

Голиковскій встрѣтилъ гостя очень любезною фразой:

— Я много слышалъ о васъ, дорогой Петръ Елисѣичъ, и поэтому рѣшился прежде всего обратиться къ вамъ, какъ будущему сотруднику по управленію заводами.

Мухину ничего не оставалось, какъ только кланяться и благодарить. Бесѣда происходила въ кабинетѣ, куда Аристашка подалъ самоваръ.

— Считаю долгомъ предупредить, что я прежде всего человѣкъ послѣдовательный и могу показаться въ этомъ отношеніи даже придирчивымъ, — говорилъ Голиковскій, расхаживая по кабинету. — Характеръ въ каждомъ дѣлѣ прежде всего, а остальное уже пойдетъ само собой... Я знаю, что заводское хозяйство запущено, въ чемъ и не обвиняю своего предшественника, какъ человѣка, не получившаго спеціальнаго образованія. Было бы несправедливостью требовать отъ него невозможнаго... А съ вашими взглядами я познакомился по вашему проекту необходимыхъ реформъ, который валялся въ петербургской конторѣ. Кромѣ того, я имѣю самыя подробныя свѣдѣнія о своихъ теперешнихъ сослуживцахъ и долженъ буду начать свою дѣятельность съ очистки. Печальная и непріятная необходимость... Знаю и о вашемъ годовомъ изгнаніи. Вы получили образованіе за границей?

— Да... Но это было такъ давно и я успѣлъ состариться еще при крѣпостномъ режимѣ.

— Да, да, понимаю... У насъ вездѣ такъ: нѣтъ людей, а дѣловые люди не у дѣлъ. Важенъ духъ, душа, а остальное само собой.

Слишкомъ быстрая откровенность и торопливость мысли не понравились Петру Елисѣичу, хотя онъ и не любилъ дѣлать заключеній по первому впечатлѣнію.

Бесѣда затянулась на нѣсколько часовъ, причемъ Голиковскій засыпалъ новаго друга вопросами. Петра Елисѣича непріятно удивило то, что новый управляющій главное вниманіе обращалъ больше всего на формальную сторону дѣла, въ частности — на канцелярскія тонкости. Мимоходомъ онъ далъ понять, что это уже не первый случай, когда ему приходится отваживаться съ обезсиленнымъ заводомъ, какъ доктору съ больнымъ.

— Вѣдь я знаю главную язву, съ которой придется бороться,—говорилъ Голиковскій на прощанье:—съ одной стороны, мелкое взяточничество мелкихъ служащихъ, а съ другой — поблажка рабочимъ въ той или въ другой формѣ... Каждый долженъ исполнять свои обязанности неуклонно — это мой девизъ.

II.

Первою жертвой новаго главнаго управляющаго сдѣлался Палачъ, чего и нужно было ожидать. Съ назначеніемъ въ заводскіе управители Палачъ ньянствовалъ безобразно и оставался на мѣстѣ только благодаря покровительству Луки Назарыча. Желѣзное здоровье Палача еще выдерживало невозможную жизнь, хотя по наружности онъ уже сильно измѣнился — обрюзгъ, потолстѣлъ, вообще опустился. Изъ красавца-мужчины онъ съ поразительною быстротой обратился въ пропойцу. Отставка не образумила его, а, какъ всѣ

безнадежно погибшіе люди, онъ обвинилъ въ случившемся другихъ и прежде всего Петра Елисѣича, который назначенъ былъ вмѣсто него управителемъ завода и, кромѣ того, оставленъ въ прежней должности рудниковаго управителя. Палачъ полетѣлъ въ Мурмосъ для личныхъ объясненій съ Голиковскимъ, но даже не былъ принятъ. Оставалось утѣшаться вмѣстѣ съ Лукой Назарычемъ. Пока съ горя Палачъ закутилъ во вся тяжкія, какъ умѣетъ это дѣлать замотавшійся русскій человѣкъ. Онъ по-пріятельски остановился въ груздевскомъ домѣ и чувствовалъ себя здѣсь прекрасно.

Петръ Елисѣичъ, прежде чѣмъ переѣхать въ господскій домъ, долженъ былъ передѣлывать его почти заново, чтобы уничтожить въ немъ всѣ слѣды Палачинаго безобразія. Нюрочка была чрезвычайно рада, что опять будетъ жить въ своей маленькой комнатѣ, что у нихъ будетъ сарайная, свой огородъ,—все это было такъ ей дорого по раннимъ дѣтскимъ впечатлѣніямъ.

— А Домнушка не будетъ у насъ жить?—спрашивала она отца съ дѣтской наивностью. — И казачка Тишки не будетъ?.. Ахъ, если бы къ намъ переѣхала Парасковья Ивановна, папа!

— Нельзя же всѣхъ собрать въ одинъ домъ,—ласково отвѣчалъ Петръ Елисѣичъ.—Ты теперь большая и можешь ходить или ѣздить къ Парасковьѣ Ивановнѣ хоть каждый день.

Нюрочкѣ было пятнадцать лѣтъ, но смотрѣла она совсѣмъ большою, не по годамъ. Высокая, стройная, съ красивымъ и выразительнымъ личикомъ, она хотя и не была записною красавицей, но казалась такою миловидной, какъ молодое растеніе. Особенно хороши были глаза, когда Нюрочка о чемъ-нибудь задумывалась. Парасковья Ивановна лелѣяла и холила развертывавшуюся на ея глазахъ дѣвичью красу съ какимъ-то восторженнымъ чувствомъ, какъ рѣдкую и дорогую гостью. Нюрочкѣ дѣлалось даже совѣстно, когда добрая старушка ухаживала за ней и любовными глазами провожала каждое ея движеніе. Живя на рудникѣ, она бывала у Парасковьи Ивановны по нѣсколько разъ въ день, поэтому переѣздъ съ Крутяша въ заводъ ей казался такимъ далекимъ путешествіемъ, точно она переселялась, по меньшей мѣрѣ, на край свѣта. Въ свою очередь, Парасковья Ивановна уже нѣсколько разъ принималась оплакивать свою любимицу, точно хоронила ее. Ефимъ Андреичъ тоже морщился и тихонько вздыхалъ про себя.

— Я приду проститься съ вами, Парасковья Ивановна,—предупреждала Нюрочка заранѣе.

Это была еще первая тяжелая разлука въ жизни Нюрочки. До этого времени для нея люди приблизительно были одинаковы, а всѣ привязанности сосредоточивались дома. Чтобы отдалить прощаніе съ Парасковьей Ивановной, Нюрочка упросила отца отложить переѣздъ хоть на одинъ день.

Прощаться къ Парасковьѣ Ивановнѣ пошла Нюрочка пораньше утромъ, когда Ефима Андреича не было дома. Въ это время старушка обыкновенно пила чай. Нюрочку охватило сильное волненіе, когда она дернула за веревочку у калитки. Въ окнѣ сейчасъ же мелькнуло лицо Парасковьи Ивановны, и калитка распахнулась. Нюрочка торопливо вбѣжала на крыльцо, прошла темныя сѣни и, отворивъ двери, хотѣла броситься прямо на шею старушкѣ, но въ горницѣ сидѣла мастерица Тансья и еще какая-то незнакомая молодая женщина вся въ темномъ. Весь планъ прощанья съ Парасковьей Ивановной разстроился сразу.

— Все свои,—успокаивала ее Парасковья Ивановна.—Это сестра Авгарь,—объяснила она, указывая на сидѣвшую въ уголкѣ незнакомую женщину.—Изъ нашихъ тоже.

Нюрочка замѣтила только блѣдное лицо и глубоко надвинутый на глаза темный платокъ.

— Не признала, видно, сестру-то?—съ обычною ласковостью спрашивала Таисья, цѣлуя Нюрочку.—А помнишь, какъ на Самосадкѣ баушку Василису хоронили? Ну, такъ мать Енафа привезла тогда изъ скитовъ головщицу... Она самая и есть. Тоже на Крестовыхъ видѣла...

Нюрочка сильно смутилась,—у ней въ головѣ мелькнулъ образъ того чернаго ангела, который запечатлѣлся въ дѣтской памяти съ особенною рельефностью. Она припомнила дальше, какъ ей сдѣлалось больно, когда она увидѣла этого чернаго ангела разговаривающимъ у воротъ съ обережнымъ Матюшкой. И теперь на нее смотрѣли тѣ же удивительные глубокіе сѣрые глаза, такъ что ей сдѣлалось жутко. Да, это была она, Аглаида, а Парасковья Ивановна называетъ ее Авгарью.

— А я пришла прощаться съ вами, Парасковья Ивановна,—заговорила Нюрочка.—Сегодня вечеромъ мы переѣзжаемъ.

— Какое прощаться, голубчикъ: не на вѣкъ разстаемся,—оговорила ее Парасковья Ивановна, стѣснявшаяся при постороннихъ. — Невелико мѣсто отъ Крутяша до господскаго дома въ заводѣ.

По неловкому молчанію сидѣвшихъ гостей Нюрочка поняла, что она помѣшала какому-то разговору и что стѣсняетъ всѣхъ своимъ присутствіемъ. Посидѣвъ для приличія минутъ десять, она начала прощаться. Сцена разставанья прошла довольно холодно, а Парасковья Ивановна догнала Нюрочку уже въ сѣняхъ, крѣпко обняла и торопливо перекрестила нѣсколько разъ. Когда Нюрочка выходила изъ горницы, Таисья сказала ей:

— А ты, барышня, заѣзжай ужо ко мнѣ-то въ гости... Не побрезгуй нашимъ убожествомъ. Что-то давненько не бывала у меня.

Вообще все случилось не такъ, какъ ожидала Нюрочка. Она даже была нѣсколько обижена за собственное волненіе, разрѣшившееся ничѣмъ. Впрочемъ, это чувство недовольства быстро исчезло въ суматохѣ переѣзда, и Нюрочка думала о разныхъ хозяйственныхъ комбинаціяхъ. Напримѣръ, Сидоръ Карпычъ,—гдѣ онъ будетъ жить? Впрочемъ, онъ, навѣрное, помѣстится въ сарайной, какъ раньше, а Катря будетъ жить въ кухнѣ. Весной она будетъ разводить садъ, а въ саду устроитъ цвѣтникъ. Въ огородѣ еще сохранилась старая оранжерея—ее нужно будетъ возобновить. Вообще все отлично, по крайней мѣрѣ, лучше въ десять разъ, чѣмъ въ Крутяшѣ или на Самосадкѣ.

Въ господскомъ домѣ встрѣтила Домнушка хлѣбомъ-солью. Она всплакнула отъ радости, цѣлуя Нюрочку.

— Гдѣ ты нынче живешь, Домнушка?—спрашивала ее Нюрочка.

— Я, барышня, нынче по-богатому живу,—объясняла Домнушка шопотомъ.—Мой-то солдатъ избу купилъ... Отдѣлились изъ родительскаго дома. Торговать хочетъ мой солдатъ... Даже какъ-то совѣстно передъ другими-то!

— Значитъ, ты совсѣмъ богатая?

— Кунчихой буду, Нюрочка... Слава Богу, вотъ и Палача выгнали, а вы опять въ старое гнѣздышко. Какая вы большая, барышня, стали... Совсѣмъ невѣста. Ужо, того гляди, женихъ подкатитъ...

— Какой женихъ?

— А такой... Не нами это заведено, не нами и кончится. Все живетъ дѣвушка, ничего не знаетъ, а тутъ и свои крылышки отрастутъ. Не вѣкъ вѣковать съ отцомъ-то... Былъ у меня и женишокъ для васъ на примѣтѣ, да только не стоитъ онъ красоты вашей. Балуется очень... По крышамъ вмѣстѣ, бывало, лазили ребячьимъ дѣломъ.

Нюрочка даже покраснѣла отъ этой бабьей болтовни. Она хорошо поняла, о комъ говорила Домнушка. И о Васѣ Груздевѣ она слышала, бывая у Парасковьи Ивановны. Старушка замѣтно ревновала ее и при случаѣ, стороной, разсказывала о Васѣ ужасныя вещи. Совсѣмъ мальчишка, а ужъ водку сосетъ. Отецъ на старости лѣтъ совсѣмъ сбѣсился,—ну, и сынокъ за нимъ. Видно, яблоко недалеко отъ яблони падаетъ. Вася какъ-то забрался къ Палачу, да вмѣстѣ цѣлыхъ два дня и пьянствовали. Хорошъ молодецъ, нечего сказать!

Переѣздъ въ господскій домъ являлся для Нюрочки чѣмъ-то особеннымъ, а не просто перемѣной одной квартиры на другую. Она предчувствовала, что случится съ ней что-то необыкновенное именно въ этомъ старомъ господскомъ домѣ, и волновалась смутнымъ предчувствіемъ этого таинственнаго будущаго. И отецъ относился къ ней теперь иначе. Онъ уже говорилъ съ ней, какъ съ большой, и въ трудныхъ случаяхъ даже совѣтовался, какъ поступить лучше. Изъ прежней прислуги въ господскомъ домѣ оставался одинъ сторожъ Антипъ, для котораго время, кажется, не существовало. Онъ попрежнему стучалъ по ночамъ въ свою чугунную доску, а цѣлые дни спалъ въ караушкѣ, какъ старый котъ. Для развлеченія старикъ отправлялся на плотину къ Слѣпню, сидѣлъ у него по цѣлымъ часамъ, нюхалъ табакъ, а по праздникамъ они вмѣстѣ ходили въ кабакъ къ Рачителихѣ. Онъ встрѣтилъ старыхъ господъ совершенно равнодушно, точно такъ все и должно быть, а вечеромъ пришелъ поздравить съ новосельемъ. Нюрочка вынесла ему стаканъ водки, и старикъ, глядя на нее, въ раздумьѣ проговорилъ:

— Однако, тово... большая стала наша барышня.

Сидоръ Карпычъ былъ доволенъ, кажется, больше всѣхъ, особенно когда устроился въ сарайной. Онъ терпѣть не могъ переѣздовъ съ мѣста на мѣсто, а сейчасъ ворчалъ себѣ подъ носъ, что въ переводѣ означало довольство. Нюрочка сама устроила ему комнату, разставила мебель, повѣсила занавѣски.

— Теперь хорошо?—спрашивала она, счастливая своими хлопотами.

— Пожалуй...

За этою работой засталъ Нюрочку о. Сергѣй, который нарочно поднялся въ сарайную. Петръ Елисѣичъ ушелъ на фабрику.

— Вотъ это хорошо,—похвалилъ онъ немного смутившуюся дѣвушку.— Вдвойнѣ хорошо, потому что и дѣло, и доброе дѣло.

Въ послѣдніе годы Нюрочка видала о. Сергѣя крайне рѣдко и только въ церкви. Но виной здѣсь было не разстояніе отъ Крутяша, а вліяніе Парасковьи Ивановны, не любившей никоніанскихъ поповъ. Прямо она ничего не говорила противъ о. Сергѣя, а выражалась вообще въ антипоповскомъ духѣ. У Нюрочки сказалась смутная антипатія къ православному духовенству, хотя лично о. Сергѣя она любила еще по дѣтскимъ воспоминаніямъ. Теперь, подъ вліяніемъ этого двойственнаго чувства, она смотрѣла на о. Сергѣя смущеннымъ взглядомъ, точно была въ чемъ-то виновата передъ нимъ.

— Батюшка, пойдемте въ комнаты туда...—приглашала Нюрочка.—Папа скоро вернется съ фабрики.

— Я подожду. Продолжайте свое дѣло, а я посижу.

Онъ такъ пытливо и проницательно смотрѣлъ, что Нюрочка даже покраснѣла. Ей вдругъ сдѣлалось неловко. А о. Сергѣй все сидѣлъ и, не торопясь, разспрашивалъ ее о разныхъ разностяхъ, какъ старый и хорошій другъ.

— Давненько мы съ вами не видались, Анна Петровна... Много воды утекло: вы вотъ выросли, а я начинаю стариться. Да... Теперь поближе будемъ жить, такъ и встрѣчаться чаще придется.

Нюрочка отвѣтила нѣсколько разъ совсѣмъ невпопадъ, такъ что о. Сергѣй посмотрѣлъ на нее какими-то печальными глазами.

— Да, большая, совсѣмъ большая дѣвица,—вслухъ думалъ онъ.—А чѣмъ больше человѣкъ, тѣмъ и отвѣтственность больше.

III.

Напротивъ базара, на самомъ видномъ мѣстѣ, строился новый двухъ-этажный домъ, вызывавшій общіе толки и пересуды. Дѣло въ томъ, что онъ строился совсѣмъ на господскую руку—съ фундаментомъ, подваломъ, печкой-голанкой и другими затѣями.

— Ай-да солдатъ! ай-да Артемъ!..—повторялъ каждый, невольно останавливаясь передъ постройкой.—Этакую махину заворотилъ, подумаешь... Ну и солдатъ, а?

Солдатъ „сидѣлъ на базарѣ“ уже близко года. Сначала онъ выѣхалъ на саночкахъ: поставилъ зеленый тагильскій сундукъ и привезъ его на базаръ. Это знаменательное событіе произошло въ воскресенье, когда на базарѣ толчется отъ-нечего-дѣлать много народа. Всѣ обступили солдата и ждали, что̀ изъ этого будетъ. „Гли, робята, торговать хочетъ солдатъ-отъ!“—крикнулъ какой-то бойкій голосъ въ толпѣ. Дѣйствительно, всѣ поступки солдата обличали приступъ къ чему-то необыкновенному. Онъ, прежде всего, снялъ шапку, помолился на церковь, потомъ раскланялся на четыре стороны, раскрылъ сундукъ и крикнулъ:

— Эй, у кого рука легкая: покупай... магазинъ открываю!

Въ сундукѣ оказалась всевозможная дрянь, начиная съ пряниковъ и орѣховъ и кончая дешевыми платками, тесемками, нитками, пуговками. Первою покупательницей явилась отпѣтая дровосушка Марька, позарившаяся на кумачный платокъ съ желтыми разводами. Солдатъ отдалъ ей платокъ чуть не даромъ, какъ дѣлаютъ настоящіе торговые. Около солдата собралась цѣлая толпа, галдѣвшая и вышучивавшая новаго купца. Сбѣжались даже старые заводскіе торгаши, обросшіе въ своихъ деревянныхъ лавчонкахъ мохомъ, старуха Анкудиниха, торговавшая разною мелочью, хромой и кривой старикъ Желтухинъ, сидѣвшій съ крестьянскимъ товаромъ, лысый Вилокъ, продававшій мочала, деревянную посуду, горшки и гвозди, и т. д. Усидѣли на мѣстахъ только груздевскіе приказчики—Илюшка, торговавшій краснымъ товаромъ, бывшій казачокъ Тишка и старшій сынъ Основы, степенный и молчаливый мужикъ Степанъ, промышлявшій разнымъ харчемъ, мукой и солью.

— Эй, ты, новый торговый—старый нищій!—крикнулъ Илюшка изъ-за прилавка солдату.—Съ прибылью торговать...

Такъ открылъ торговлю солдатъ, выѣзжая по воскресеньямъ со своимъ зеленымъ сундукомъ. А потомъ онъ сколотилъ изъ досокъ балаганъ и разложилъ товаръ по прилавку. Дальше явилась лавчонка, въ родѣ хлѣвушка. Торговля шла у солдата хорошо, потому что онъ сталъ давать поденщицамъ въ долгъ подъ двухнедѣльную выписку, а получать деньги ходилъ прямо въ контору. Черезъ два мѣсяца зеленый сундукъ явился ужъ съ крупой, солью и разнымъ приваркомъ.

— На два магазина расторговался нашъ солдатъ,—смѣялись старые базарные сидѣльцы.—Что̀ хочешь—того просишь.

Къ веснѣ солдатъ купилъ мѣсто у самаго базара и началъ строиться, а въ лавчонку посадилъ Домнушку, которая въ первое время не знала, куда ей дѣвать глаза. И совѣстно ей было, и мужа она боялась. Эта выставка у

всѣхъ на виду для нея была настоящею казнью, особенно по праздникамъ, когда на базаръ набирался народъ со всѣхъ трехъ концовъ, и чуткое ухо Домнушки ловило смѣшки и шутки надъ ея старыми грѣхами. Особенно доставалось ей отъ отчаянной заводской поденщицы Марьки.

— У, толсторылая!—ругали Домнушку бабы.—Раньше-то въ мапинной торговала, а теперь на базаръ выѣхала.

Ничего хуже солдатъ не могъ придумать, если бы желалъ извести жену. Каждое утро Домнушка отправлялась на базаръ, какъ на пытку. И бабы ее донимали, и сидѣльцы, и бывшіе дружки, какъ Спирька Гущинъ. На Домнушку нападало какое-то отчаяніе, то тупое отчаяніе, когда человѣкъ наслаждается собственными муками. „Хоть бы помереть“,—часто думала несчастная, изнывая смертною тоской. А солдатъ точно ничего не замѣчаетъ и похаживаетъ по базару гоголемъ. Онъ больше всего любилъ подсѣсть къ кому-нибудь за прилавокъ и играть въ шашки, а то возьметъ у Илюшки Рачителя гармонику и наигрываетъ безъ конца. Домнушка стала примѣчать, что груздевскіе приказчики незамѣтно подчиняются Артему, а онъ наговариваетъ имъ свои мудреныя слова. Все говоритъ, а самъ смѣется. Какъ засмѣется Артемъ, такъ у Домнушки и упадетъ бабье сердце, и чувствуетъ, что вся она точно чужая, и что все она сдѣлаетъ по-солдатову, только поведетъ онъ пальцемъ.

Изъ знакомыхъ у Домнушки оставалась одна Дунька Рачителиха, къ которой ей приходилось завертывать все рѣже. И некогда бабьимъ дѣломъ, да и Рачителиха стала носъ задирать передъ другими бабами. Благодаря пьянству Груздева, она теперь хозяйничала въ кабакѣ по-своему и, какъ знала Домнушка, загребала хозяйскую выручку. Да и змѣенышъ Илюшка охулки на руку не клалъ и тоже тащилъ изъ своей лавки жаренымъ и варенымъ. Только еще молодъ былъ Илюшка и не зналъ, какъ быть съ наворованнымъ. До поры до времени онъ припрятывалъ товаръ у матери, а у себя оставлялъ только деньги.

— Въ двои руки съ матерью-то Илюшка грабитъ Груздева,—кричалъ на весь базаръ Полуехтъ Самоварникъ.—Въ острогъ бы ихъ обоихъ!

Рачителиха относилась къ Домнушкѣ свысока и, кромѣ того, недолюбливала ее за подходы Артема къ Илюшкѣ. Недаромъ льнетъ проклятущій солдатъ къ парню, такому научитъ, что и не расхлебаешь послѣ. Ничего спроста не сдѣлаетъ Артемъ... Чтобы обидѣть Домнушку, Рачителиха нѣсколько разъ спрашивала ее:

— А скажи, бабонька, много тогда брательники добра вывезли, когда ѣздили скиты зорить и старца Кирилла зарѣзали?

— Ничего я не знаю, Дунюшка... Не моего это ума дѣло. Про солдата не поручусь,—темный человѣкъ,—а Макаръ не изъ таковскихъ, чтобы душу загубить.

— Сказывай... Вмѣстѣ съ солдатомъ, поди, скитское-то добро прятала.

— И ничего я не знаю, Дунюшка.

— Домъ теперь на убитыя денежки ставите,—язвила Рачителиха.—Съ чего это распыхался-то такъ твой солдатъ? Отъ нитокъ да отъ пряниковъ расторговался... Ужъ не морочили бы лучше добрыхъ людей, пряменько сказать.

— Мало ли, Дунюшка, и про тебя разнаго болтаютъ,—корила Домнушка въ свою очередь.—Всего не переслушаешь.

Сначала эти разговоры объ убійствѣ старцевъ очень волновали Домнушку, а потомъ она какъ-то привыкла къ нимъ и сама начала подозрѣвать, что дѣло не чисто, и что отъ Артема все станется. Но какъ ни кричали объ этомъ почти открыто, при старомъ Титѣ никто не рѣшался ни слова пикнуть. Ста-

рикъ, конечно, кое-что слышалъ стороной, но относился къ разговорамъ совершенно безучастно, точно дѣло шло о чужихъ людяхъ. Артемъ теперь ухаживалъ за отцомъ и даже велъ безконечные разговоры на тему о своей землѣ. Не вѣрившій ни одному слову вертоватаго солдата, старикъ на время какъ будто отмякалъ и оживлялся.

— Погоди, родитель, будетъ и на нашей улицѣ праздникъ, — увѣрялъ Артемъ.—Вотъ торговлишку мало-мало обмыслилъ, а тамъ избушку поставлю, чтобы тебя не стѣснять... Ну, ты и живи, гдѣ хошь: хоть въ передней избѣ съ Макаромъ, хоть въ задней съ Фроломъ, а то и ко мнѣ милости просимъ. Найдемъ и тебѣ уголокъ потеплѣе. Намъ-то съ Домной двоимъ не на пасынковъ копить. Такъ я говорю, родитель?

— Спасибо на добромъ словѣ, Артемъ... Родителевъ и законъ велитъ воспитывать, этово-тово. Законъ такой обозначенъ... Вонъ нонѣ молодятникъ-то какъ балуется: совсѣмъ стариковъ не слушаетъ. Въ кабакѣ у Рачителихи съ сватомъ Ковалемъ сидимъ на той недѣлѣ, а туда кержачонокъ Тишка съ моимъ Пашкой и пришли да прямо полштофа водки и спрашиваютъ... Материно молоко на губахъ не обсохло, а они въ кабакъ. Ну, я на Пашку, за волосья его, а онъ на меня же, на родителя... А Тишка его подущаетъ. Страмъ, этово-тово, хоть въ кабакъ не ходи. Прежде-то этого не было... Кержачата балуются, а за ними и наши мочегане тянутъ.

— Ужо надо Пашку постращать, — грозился Артемъ для успокоенія отца.—Распослѣднее это дѣло... Отодрать его, подлеца, первымъ дѣломъ!

— Поучилъ я его малымъ дѣломъ тогда дома, а онъ какъ разстервенится, этово-тово... То-то змѣенышъ!

— А мы его въ волости отдеремъ, ежели что... Не моги перечить родителю, и конецъ тому дѣлу.

— Страмъ, этово-тово, ежели въ волости...

Единственнымъ утѣшеніемъ для Тита было сходить къ свату Ковалю и поболтать съ нимъ, а отъ свата пройти къ Рачителихѣ.

— Ну, что кажешь, сватъ Титъ? — спрашивалъ каждый разъ Коваль.

— А ничего...

— Дуже скверно, сватъ... Пранцеватые хлопцы роблятъ зъ нами лихо. Оттакъ!

Придутъ сваты въ кабакъ, выпьютъ горилки, сядутъ куда-нибудь въ уголокъ да такъ и сидятъ молча, точно пришибленные. И въ кабакѣ все новый народъ пошелъ, и все больше молодые, кержачата да хохлы, а съ ними и туляки, которые посмѣлѣе.

— Оттакъ!—ворчитъ старый Коваль, посасывая свою люльку.—За чубы ихъ, пранцеватыхъ, да батогомъ.

— Этово-тово, въ волости драть,—подтверждалъ Титъ.

Макаръ въ кабакѣ совсѣмъ не показывался и дома бывалъ мало. Онъ живмя жилъ въ лѣсу. Но служба была только предлогомъ, и старый Титъ давно примѣтилъ, что съ Макаромъ творится что-то неладное. Крѣпкій человѣкъ Макаръ, не будетъ разсказывать, о чемъ думаетъ. А задумывался онъ совсѣмъ замѣтно. Пріѣдетъ домой и сидитъ въ избѣ, какъ гость. Прежде съ кержаками любилъ пировать, а теперь отсталъ. Развѣ когда Мосей съ Самосадки завернетъ, да и то рѣдко. Титъ, конечно, зналъ про исторію съ Аграфеной Гущиной и страшно испугался, когда она вернулась изъ скитовъ. Объявила ему объ этомъ сноха Татьяна, перепугавшаяся на смерть.

— Опять онъ будетъ, Макаръ-то, со свѣту меня сживать,—жаловалась

она.—Только успѣла вздохнуть, а эта змѣя изъ скитовъ и выползла. Приворожила она его чѣмъ ни на есть... Люты на привороты всѣ кержанки!

Титъ только качалъ головой. Татьяна теперь была въ домѣ большухой и всѣмъ заправляла. Помаленьку и Титъ привыкъ къ этому и даже слушался Татьяны, когда рѣчь шла о хозяйствѣ. Прежней забитой бабы точно не бывало. Со страхомъ ждала Татьяна момента, когда Макаръ узнаетъ, что Аграфена опять поселилась въ Кержацкомъ концѣ. Когда Макаръ вернулся изъ лѣсу, она сама первая сказала ему это. Макаръ не пошевелился, а только сдвинулъ сердито брови.

— Тебѣ-то какая печаль до Аграфены?—отвѣтилъ онъ послѣ короткаго раздумья.—Гдѣ хочетъ, тамъ и живетъ.

На утро Макаръ опять уѣхалъ въ лѣсъ и не показывался домой цѣлый мѣсяцъ. Татьяна вздохнула свободнѣе. Да и Аграфена проживала совсѣмъ тайно въ избушкѣ мастерицы Таисьи вмѣстѣ со своимъ сынишкой Глѣбомъ. Ее рѣдко кто видѣлъ, и то больше изъ своихъ же кержаковъ, какъ жигаль Мосей или старикъ Основа.

IV.

Наступила страда, но и она не принесла старикамъ обычнаго рабочаго счастья. Виной всему былъ покосъ Никитича, на которомъ доменный мастеръ страдовалъ вмѣстѣ съ племянникомъ Тишкой и дочерью Оленкой. Недавніе ребята успѣли сдѣлаться большими и помогали Никитичу въ настоящую силу. Оленка щеголяла въ кумачномъ сарафанѣ, и ея голосъ не умолкалъ съ утра до ночи,—такая ужъ голосистая дѣвка издалась. Пашка Горбатый, страдовавшій съ отцомъ, потихоньку каждый вечеръ удиралъ къ Тишкѣ и вмѣстѣ съ нимъ веселился на кержацкую руку.

— Эге, твой хлопецъ по-кержацки виворачивае!—говорилъ старый Коваль свату Титу:—слухай, якъ вонъ пѣсни играе съ Никитичемъ.

Старый Титъ поникалъ головой и ничего не отвѣчалъ, — онъ чувствовалъ себя безсильнымъ.

Покосъ стараго Коваля однимъ бокомъ сошелся совсѣмъ близко съ покосомъ Никитича, такъ что, когда Ѳедорка косила здѣсь траву, то могла видѣть все, что дѣлается у кержаковъ, и втайнѣ завидовала ихъ веселью. Она иногда останавливалась и подолгу слушала кержацкія пѣсни, нагонявшія на нее непонятную тоску. По вечерамъ, сидя у огонька передъ своимъ балаганомъ, она тоже заводила свою хохлацкую пѣсню, но никто ее не поддерживалъ, и пѣсня замирала въ безсиліи собственнаго одиночества. Иногда только подтянетъ старый Коваль охрипшимъ голосомъ, и только всего. Такъ было съ недѣлю, а потомъ на Ѳедоркинъ голосъ стала откликаться пѣсня съ покоса Никитича. Это чувствовала одна Ѳедорка,—запоетъ она, и тамъ запоетъ мужской голосъ. Если она вечеромъ молчитъ, мужской голосъ самъ начиналъ заунывную проголосную пѣсню.

— Лютой кержачонокъ пѣсни играть,—задумчиво говорилъ старый Коваль своей старухѣ Ганнѣ.—Бачь, якъ заливается.

Ганна только тяжело вздыхала. Ѳедорка была совсѣмъ большая, и осенью сваты рѣшили сыграть свадьбу. Ни Пашка ни Ѳедорка этого, конечно, не знали, и сердце Ганны обливалось кровью. Лучше бы отдать Ѳедорку за своего хохла: по-небогатому-то лучше прожить, чѣмъ выходить на большую семью, гдѣ своихъ три снохи. Да и какое теперь горбатовское богатство? Съ другой стороны, Ганна стала примѣчать, что кержачонокъ Тишка сталъ какъ

будто бродить около ихъ покоса: то скажетъ, что лошадь ищетъ, то съ другимъ какимъ задѣльемъ прикинется. Разъ Ганна накрыла его на мѣстѣ преступленія: Тишка съ уздой въ рукахъ стоялъ около Ѳедорки и о чемъ-то разговаривалъ. Ганна налетѣла на него кошкой и чуть не вцѣпилась прямо въ глаза.

— Геть, щидрикъ!—ругалась она, размахивая руками. — Не туда пришелъ... А свою лошадь поищи въ Кержацкомъ концѣ.

Тишка только посмотрѣлъ на нее, ничего не отвѣтилъ и пошелъ къ себѣ на покосъ, размахивая уздой... Ганна набросилась тогда на Ѳедорку и даже потеребила ее за косу, чтобы не заводила шашней съ кержачатами. Въ пылу гнѣва она пригрозила ей свадьбой съ Пашкой Горбатымъ и сказала, что осенью въ заморозки окрутятъ ихъ. Такъ рѣшили старики и такъ должно быть. Ѳедорка не проронила ни слова, а только побѣлѣла, такъ что Ганнѣ стало ее жаль, и старуха горько заплакала.

Однажды, проснувшись ночью, Ганна окликнула Ѳедорку, но она ей не отвѣтила. Въ балаганѣ, гдѣ старуха спала со снохой и съ дочерью, было темно. Ужасъ охватилъ Ганну при одной мысли, что Ѳедорка могла куда-нибудь уйти. Она обшарила мѣсто, гдѣ та спала—пусто, оползла весь балаганъ—пусто, вылѣзла изъ балагана — нѣтъ Ѳедорки. У потухшаго огня, завернувшись въ чекмени, спали оба Коваля, а Ѳедорки не было. Пахучая лѣтняя ночь скрыла все. Мѣсяцъ еще не родился, со стороны Култыма надвигался густой туманъ, гдѣ-то въ болотѣ рѣзко скрипѣлъ коростель. Въ первую минуту у Ганны подкосились ноги отъ ужаса, а потомъ она инстинктивно побѣжала по направленію къ покосу Никитича. Ноги сами несли ее съ невѣроятною для ея старости быстротой. Оставалось всего нѣсколько шаговъ до избушки Никитича, и уже брехнула спавшая у огонька собака, какъ Ганна остановилась. Зачѣмъ она идетъ къ кержаку? Только славу худую пуститъ про Ѳедорку, а дѣлу не подсобитъ. Да если Ѳедорка и убѣжала къ Тишкѣ, такъ не въ балаганѣ же они у Никитича, а, навѣрное, шляются гдѣ-нибудь по лѣсу. Ганна повернула назадъ и пошла домой разслабленною походкой, точно пьяная. Горе было такъ велико, что она даже не могла плакать. Мысли кружились въ головѣ, какъ спугнутая стая птицъ.

Обратно Ганна прошла берегомъ Култыма и напала на слѣдъ по мокрой травѣ, который велъ къ нимъ на покосъ. Ганна остановилась въ раздумьѣ. Занималась уже заря, и она побрела къ своему балагану. Ѳедорка спала на своемъ мѣстѣ, какъ зарѣзанная, и только мокрый подолъ сарафана говорилъ объ ея ночномъ путешествіи. Ганна заплакала безсильными старческими слезами. Ей даже побить Ѳедорку сейчасъ было нельзя: и Лукерья проснется, и мужики тоже. Зачѣмъ срамить дѣвку прежде времени! Развела огонь Ганна, сѣла на валявшійся обрубокъ смолевого дерева и задумалась. Конечно, Ѳедорка глупа и бѣжитъ на кержацкія пѣсни, какъ коза, вылупивъ очи. Если бы не было покоса Никитича, не было бы и грѣха. А кто все устроилъ? Конечно, сватъ Титъ. Кабы не его проклятая орда, Дѣянъ не продалъ бы покоса Никитичу, и Ганна не бѣгала бы за Ѳедоркой ночью.

Выждавъ, когда мужики съ Лукерьей ушли на работу, Ганна безъ слова схватила Ѳедорку за косу и принялась бить. Ѳедорка не защищалась, а только покорно болтала головой, какъ выдернутая изъ гряды рѣпа.

— Задушу, своими руками задушу...—хрипѣла Ганна, изъ послѣднихъ силъ таская Ѳедорку за волосы. —Я тебя народила, я тебя и задушу... Знаю, куда ты по ночамъ шляешься! Ну, чего ты молчишь?

Ѳедорка все-таки молчала и только старалась не смотрѣть въ глаза

матери. Да и что̀ она могла сказать? Ганна опять набросилась на нее съ кулаками, чувствуя, что она безсильна передъ этимъ молодымъ, точно сколоченнымъ тѣломъ. И здоровая же дѣвка эта Ѳедорка, какъ выточенная. Въ отца, видно, уродилась. Мать ее бьетъ, а она хоть бы пикнула. Дѣло кончилось тѣмъ, что Ганна плюнула на нее, пала на землю и горько зарыдала. Слезы тронули Ѳедорку болѣе материнскихъ побоевъ, и она откровенно призналась, что ходила къ Тишкѣ уже не первую ночь. Нѣтъ словъ, чтобы описать охватившее Ганну отчаянье. Она опять впала въ какое-то неистовство и кинулась на Ѳедорку съ полѣномъ.

— Ой, лишечко!—стонала Ганна, когда Ѳедорка ловко увернулась отъ удара.

То, что̀ нѣкогда было съ Аграфеной, повторилось сейчасъ съ Ѳедоркой, съ тою разницей, что Ганна „покрыла“ глупую дѣвку и не сказала никому объ ея грѣхѣ. О будущемъ она боялась и подумать. Ясно было пока одно, что Ѳедоркѣ не бывать за Пашкой. А Ѳедорка укрѣпилась дня на три, а потомъ опять сбѣжала да и къ утру не пришла, такъ что ея хватился и самъ старый Коваль.

— А гдѣ Ѳедорка, бісова дѣвка?—спрашивалъ онъ грозно.

— А пошла...

— Да куда же вона пошла?—допытывался упрямый старикъ.

— А до Горбатыхъ...

Ганна соврала, сама не зная для чего. Дальше покрывать Ѳедорку было совершенно безполезно. Хуже будетъ, если Коваль дознается обо всемъ черезъ другихъ людей. Какъ ни плакалась Ганна, уговаривая Ѳедорку, какъ ни молила,—ничего не помогало. Ѳедорка точно одеревянѣла. Днемъ работала, а ночью уходила неизвѣстно куда. Лукерья тоже догадалась, но молчала, показывая видъ, что не ея дѣло. Ей первой Ганна призналась во всемъ и просила совѣта, какъ быть. Лукерья посовѣтовала разсказать все мужикамъ, чего Ганна боялась до смерти.

— Такъ я сперва скажу Терешкѣ, а онъ скажетъ отцу,—говорила Лукерья.

— Нѣтъ, ужъ лучше я сама.

Это было вечеромъ, когда Ганна наконецъ открыла свое горе мужу. Коваль въ первую минуту не могъ вымолвить ни слова, а только хлопалъ глазами, какъ оглушенный быкъ. Когда Ганна тихо заплакала, онъ понялъ все.

— Гдѣ бісова дочь?—спросилъ онъ, закипая яростью.

Ѳедорка предчувствовала бѣду и заблаговременно исчезла. Старикъ Коваль безъ шапки побѣжалъ прямо на покосъ къ Никитичу. За нимъ бѣжала Ганна, боявшаяся, что въ сердцахъ старикъ изувѣчитъ Ѳедорку. Но она задохлась на полдорогѣ. Коваль прибѣжалъ къ Никитичу, какъ сумасшедшій.

— Подавай Ѳедорку!—оралъ онъ, накидываясь на оторопѣвшаго Никитича.—Гдѣ моя Ѳедорка?

— Да ты ошалѣлъ, старый хрѣнъ? — огрызнулся Никитичъ. — На что намъ твоя Ѳедорка? Ступай домой да поищи хорошенько около себя.

Единственною свидѣтельницей этой горячей сцены была Оленка, которая равнодушно оставалась у огонька, надъ которымъ былъ повѣшенъ чугунный котелокъ съ варевомъ. Коваль совсѣмъ одурѣлъ. Онъ такъ кричалъ и ругался, что Никитичъ наконецъ вытолкалъ его въ шею и только потомъ догадался спросить, гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, мошенникъ Тишка?

— Былъ, да весь вышелъ, — равнодушно отвѣтила Оленка.—У Чеботаревыхъ съ Пашкой хороводятся... Тамъ дѣвокъ цѣлый табунъ.

Наступила ночь, а Ѳедорки все не было. Старый Коваль три раза приходилъ въ балаганъ къ Никитичу и начиналъ ругаться съ нимъ. Обезумѣвшій отъ горя старикъ бродилъ съ покоса на покосъ и кричалъ своимъ зычнымъ голосомъ: „Ѳедорка!.. Ѳедо-орка!..“. Крикнетъ и слушаетъ, не откликнется ли гдѣ-нибудь звонкій, молодой голосъ. Но нѣмая ночь не откликалась, и Коваль бѣжалъ въ лѣсъ и опять кликалъ дочь. Онъ плохо помнилъ, какъ передъ самымъ утромъ очутился на покосѣ у Горбатыхъ. Когда сватъ Титъ проснулся, онъ увидѣлъ стараго Коваля, который сидѣлъ у потухшаго огня, упершись глазами въ землю.

— Это ты, Дорохъ? — окликнулъ его Титъ, не вѣря собственнымъ глазамъ.

Коваль ничего не отвѣчалъ и, кажется, не слышалъ оклика. Титъ подошелъ къ нему и началъ трясти за плечо.

— Сватъ, да ты это какъ сюда попалъ, этово-тово?

— Якій я тоби сватъ! — глухо отвѣтилъ старикъ и заплакалъ. — Чортъ мнѣ сватъ... въ чортову родню попалъ!

Ѳедорка такъ и пропала съ покоса, а потомъ оказалась въ Кержацкомъ концѣ, въ избѣ Никитича. Выручать ее поѣхалъ Терешка-казакъ, но она наотрѣзъ отказалась итти къ отцу.

— Да ты никакъ сбѣсилась,—усовѣщевалъ ее Терешка.—Видное ли это дѣло, чтобы православная за кержака убѣгала?

— Не пойду домой,—твердила Ѳедорка.—Нечего мнѣ тамъ дѣлать.

Терешка вернулся домой ни съ чѣмъ, и Ѳедорку пришлось добывать черезъ волостное правленіе. Она спряталась на сарай, а когда ее тамъ нашли, отчаянно защищалась. Дома самъ Коваль заперъ ее въ заднюю избу и ключъ отъ замка повѣсилъ себѣ на поясъ. Ѳедорка не подавала голосу, точно оглушенная. Она сидѣла въ углу, какъ затравленный звѣрь, и не хотѣла ни ѣсть ни пить. Пробовали съ ней заговаривать, — Ѳедорка не отвѣчала. Самъ Коваль даже ночью нѣсколько разъ подходилъ къ двери и прислушивался, что̀ дѣлаетъ Ѳедорка. Стариковъ мучила мысль о томъ, какъ бы она не наложила на себя рукъ. Старая Ганна потихоньку отъ стараго Коваля прокрадывалась къ окошку избы и начинала кликать дочь, называя ее прежними ласковыми словами, но Ѳедорка молчала.

— Заговорена вона кержаками,—рѣшилъ Коваль.—Надо ее будетъ отчитать... Ужо̀ пойду до попа.

Когда пришелъ о. Сергѣй, чтобы сдѣлать пастырское увѣщаніе заблудшей овцѣ, задняя изба оказалась пустой: Ѳедорка бѣжала въ окно, выпутое снаружи.

V.

Мастерица Таисья частенько теперь завертывала въ господскій домъ и любила потолковать съ молодою барышней о разныхъ разностяхъ. Черезъ нее Нюрочка мало-по-малу разузнала всю подноготную заводской жизни, а въ томъ числѣ и трагическую исторію Аграфены до убійства духовнаго брата Конона включительно. Конечно, главнымъ образомъ Таисья разсказывала о своемъ Кержацкомъ концѣ, Самосадкѣ и скитахъ. О мочеганскихъ концахъ говорилось только къ слову, когда рѣчь заходила о такихъ крупныхъ событіяхъ, какъ выходъ замужъ Ѳедорки Ковалихи или позорная свадьба старой Рачителихи, которую мочегане водили въ хомутѣ по всему заводу. Таисья знала рѣшительно все на свѣтѣ, и ея разсказамъ не было конца-краю. Слу-

шавшая ее дѣвушка съ головой уходила въ этотъ міръ разныхъ жестокостей, неправды, крови и слезъ, и ея сердце содрогалось отъ ужаса. Господи, какъ страшно жить на свѣтѣ, особенно несчастнымъ женщинамъ! Дѣйствительность проходила передъ ея глазами въ яркихъ картинахъ грѣха, человѣконенавистничества и крови.

— Мы изъ міру-то въ лѣса да въ горы бѣжимъ спасаться,—повѣствовала Таисья своимъ ласковымъ речитативомъ:—а грѣхъ-то ужъ попередъ насъ забѣжалъ... Неочерпаемая сила этого грѣха! На что крѣпка была наша старая вѣра, а и та пошатилась.

Въ избушкѣ Таисьи Нюрочка познакомилась и съ сестрой Авгарью, которая рѣдко говорила, а обыкновенно сидѣла, опустивъ глаза. Нюрочку такъ и тянуло къ этой застывшей женской красотѣ, витавшей умомъ въ невѣдомомъ для нея мірѣ. Когда Нюрочка сдѣлала попытку разговориться съ этой таинственною духовною сестрой, та взглянула на нее какими-то испуганными глазами и отодвинулась, точно боялась осквернить своимъ прикосновеніемъ еще нетронутую чистоту.

— Ужъ больно ты зачастила къ Таисьѣ-то, — попрекнула разъ Парасковья Ивановна завернувшую къ ней Нюрочку.—Сладко она поетъ, да только... Мальчика-то видѣла ты у ней?

— Какого мальчика?

— Значитъ, хоронится отъ тебя... Тоже совѣстно. А есть у нихъ такой духовный братъ, трехлѣточекъ-мальчикъ. Глѣбомъ звать... Авгарь-то матерью ему родной приходится, а зоветъ духовнымъ братомъ. Въ скитахъ его еще прижила, а здѣсь-то ей какъ будто совѣстно съ ребенкомъ объявиться, потому какъ названіе ей дѣвица да еще духовная сестра. Ну, Таисья-то къ себѣ и укрыла мальчонка... Прячетъ, говорю, отъ тебя-то!

Парасковья Ивановна въ послѣднее время стала замѣтно коситься на Таисью, а при Нюрочкѣ не стѣснялась разсказать про нее что-нибудь обидное. Это очень огорчало Нюрочку, потому что она всѣхъ любила — и Парасковью Ивановну, и Таисью, и Авгарь. Она чувствовала, что Парасковья Ивановна не досказываетъ, хотя не разъ уже издалека подводила рѣчь къ чему-то, что̀ ее, видимо, очень огорчало и мучило.

Другой врагъ у Таисьи, котораго Нюрочка тоже очень любила, былъ о. Сергѣй.

Она каждый праздникъ ходила въ церковь. О. Сергѣй такъ хорошо служилъ. Церковь была небольшая и старая, но въ ней такъ хорошо было молиться. Иногда о. Сергѣй говорилъ небольшія поученія, примѣняясь къ пониманію слушателей, и, какъ казалось Нюрочкѣ, онъ часто говорилъ именно для нея. Между утреней и обѣдней, а также послѣ обѣдни о. Сергѣй оставался въ церкви, чтобы побесѣдовать со старушками, которыя черезъ силу набирались сюда изъ обоихъ мочеганскихъ концовъ. Онѣ ужасно любили о. Сергѣя и несли къ нему свои послѣднія земныя заботы, огорченія и напасти. Нюрочка нѣсколько разъ была свидѣтельницей этихъ бесѣдъ и могла только удивляться терпѣнію священника, который по цѣлымъ часамъ толковалъ съ этими человѣческими обносками и лохмотьями. Разъ она откровенно высказала ему это.

— А кто же ихъ утѣшитъ, этихъ старушекъ?—просто отвѣтилъ о. Сергѣй.—Вѣдь у нихъ никого не осталось, рѣшительно никого и ничего, кромѣ церкви... Молодые, сильные и счастливые люди поэтому и забываютъ церковь, что увлекаются жизнью и ея радостями, а когда придетъ настоящее горе, тяжелыя утраты и вообще испытанія, тогда и они вернутся къ церкви.

— Это показываетъ, о. Сергѣй, что есть много людей безхарактерныхъ...

— Всѣ мы безхарактерные люди, Анна Петровна... Я никого не осуждаю, а говорю для примѣра.

И этотъ добрѣйшій человѣкъ, какимъ былъ о. Сергѣй въ глазахъ Нюрочки, относился такъ непріязненно къ мастерицѣ Таисьѣ. Въ господскомъ домѣ о. Сергѣй бывалъ главнымъ образомъ по вечерамъ, поэтому и не встрѣчался съ Таисьей, но разъ онъ завернулъ утромъ и столкнулся въ дверяхъ съ ней носомъ къ носу. Произошла неловкая нѣмая сцена, пока не явилась на выручку Нюрочка. Вдобавокъ и Петра Елисѣича не случилось дома. Обыкновенно о. Сергѣй удалялся при такой оказіи домой, а тутъ остался, чтобы не показаться передъ раскольничьей начетчицей трусомъ и „хоронякой“. Нюрочка очутилась между двухъ огней, потому что и Таисья не уходила по той же причинѣ.

— Вы знакомы? — перѣшительно спрашивала Нюрочка покашливавшаго о. Сергѣя.

— Весьма наслышанъ о нихъ, Анна Петровна, — степенно отвѣтилъ о. Сергѣй, подбирая губы. — Слухомъ земля полнится... Однимъ словомъ, про нашу ключевскую мастерицу Таисью вездѣ знаютъ.

— А ровно бы и знать-то нечего, духовный отецъ, — не безъ достоинства отвѣтила Таисья.—Живу, какъ тараканъ за печкой...

— Какъ слышно, вы и требы исправляете? Окрестить младенца можете, хороните умершихъ... Впрочемъ, это не мое дѣло. Я не вмѣшиваюсь, а только высказалъ то, что говорятъ иные.

— У насъ требы исправляютъ по древле-отеческому чину старцы, духовный отецъ... Не женское это дѣло. А молиться никому нельзя воспретить: и за живыхъ молимся и за умершихъ. По своей силѣ душу свою спасаемъ.

Разговоръ вообще плохо вязался, и Нюрочка выбивалась изъ силъ, чтобы занять чѣмъ-нибудь мудреныхъ гостей. Прежде всего, конечно, явился чай, но Таисья отказалась. О. Сергѣй все покашливалъ. Нюрочка предчувствовала, что вся эта сцена разрѣшится какою-нибудь непріятностью, — такъ и случилось. Выпивъ свой стаканъ, о. Сергѣй обратился къ Таисьѣ съ такимъ вопросомъ:

— А какъ вы полагаете относительно Ѳедоры Коваль, которая убѣжала къ вамъ въ Кержацкій конецъ?

— Ничего я не знаю, отецъ духовный, а если что и случается, такъ меня не спрашиваютъ...

— Такъ-съ... А я вамъ скажу, что это нехорошо. Совращать моихъ прихожанъ я не могу позволить... Одинъ примѣръ поведетъ за собой десять другихъ. Это называется совращеніемъ въ расколъ, и я долженъ поступить по закону... Кромѣ этого, я знаю, что завелась у васъ новая секта духовныхъ братьевъ и сестеръ, и что главная зачинщица Аграфена Гущина подъ именемъ Авгари распространяетъ это лжеученіе при покровительствѣ хорошо извѣстныхъ мнѣ лицъ. Это будетъ еще похуже совращенія въ расколъ, и относительно этого тоже есть свой законъ... Да-съ.

— Ничего я не знаю...—упрямо повторяла Таисья.—Наше дѣло маленькое. Со своею одною головой не знаешь, куда дѣваться, а куда ужъ другихъ судить!

Когда мастерица Таисья ушла, о. Сергѣй нѣсколько времени молчалъ, а потомъ тихимъ голосомъ проговорилъ;

— Извините меня, Анна Петровна, если я сказалъ что лишнее въ вашемъ домѣ. Но это долгъ пастыря, который отвѣчаетъ за каждую погибшую овцу.

Многое вижу и молчу. Сокрушаюсь и молчу... да. Вотъ и вы очень огорчали меня, когда ходили на богомолье на Крестовые острова. Конечно, Богъ вездѣ одинъ, но заблужденія раздѣляютъ людей. Петръ Елисѣичъ держится относительно вѣры свободныхъ мыслей, но я считаю своимъ долгомъ предостеречь васъ отъ ошибокъ и увлеченій.

Нюрочка покорно молчала, чувствуя себя виноватой. Ее выручилъ отецъ: при немъ о. Сергѣй неловко умолкъ.

VI.

Новый управляющій сначала не ѣздилъ въ Ключевской заводъ около полугода. Онъ былъ занятъ приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ главной конторы и разными реформами преимущественно канцелярскаго характера. Это былъ заводскій дѣлецъ совершенно новаго типа, еще неизвѣстнаго на Уралѣ, гдѣ до сихъ поръ вершили заводскія дѣла свои крѣпостные, доморощенные управители, питавшіе органическое отвращеніе къ писаной бумагѣ вообще. По крайней мѣрѣ половина служащихъ была смѣнена за ненадобностью, а на ихъ мѣсто поступили новые, выписанные новымъ главнымъ управляющимъ. Оставшіеся безъ куска заводскіе служащіе были обречены на голодную смерть, потому что, выращенные на заводскомъ дѣлѣ рядомъ поколѣній, они не могли помириться съ какою-нибудь другою службой. Другою причиной недовольства новымъ управляющимъ являлось строгое отношеніе къ рабочимъ и мелочные урѣзки въ заработкѣ. Собственно говоря, счетъ шелъ на гроши, но въ крупныхъ предпріятіяхъ именно изъ такихъ грошей и создаются крупныя цифры.

— Если рабочимъ не нравятся новые порядки, то могутъ уходить на всѣ четыре стороны, — повторялъ Голиковскій направо и налѣво, чѣмъ еще болѣе возстанавливалъ противъ себя.—Я силой никого не заставляю работать, а если свои не захотятъ работать, такъ выпишемъ рабочихъ изъ другихъ заводовъ, а въ случаѣ чего—даже изъ Россіи.

Это было кровною обидой для всего сплоченнаго заводскаго люда, не отдѣлявшаго себя до сихъ поръ отъ заводскаго дѣла. Являлось какою-то нелѣпостью, что вдругъ въ Мурмосъ наѣдутъ рабочіе съ другихъ заводовъ или даже рассейскіе. Да и куда пойдетъ коренной заводскій человѣкъ изъ своего насиженнаго гнѣзда?.. Просто, новый управляющій бахвалится, чтобы сдѣлать прижимку. Даже Лука Назарычъ, державшій всѣхъ въ ежовыхъ рукавицахъ, и тотъ не говорилъ никогда ничего подобнаго, а въ случаѣ неурядицъ обходился своими домашними средствами. И служащіе и рабочіе почуяли въ Голиковскомъ чужого человѣка, которому все трынъ-трава, потому что сегодня онъ здѣсь, а завтра неизвѣстно гдѣ.

Петръ Елисѣичъ тоже не могъ согласиться съ Голиковскимъ.

— Рабочіе, прежде всего, люди, — говорилъ онъ новому начальству.—У нихъ есть свое самолюбіе, извѣстныя традиціи, наконецъ простое человѣческое достоинство... По моему мнѣнію, именно этихъ сторонъ и не слѣдуетъ трогать.

— Это все сентиментализмъ,—возражалъ Голиковскій.—Я смотрю на рабочую силу, какъ на всякую машину—и только. Ни больше ни меньше. Каждая машина стоитъ столько-то и должна давать такой-то процентъ выгодной работы, а разъ этого нѣтъ—я выкидываю ее за бортъ. Развѣ можетъ быть самолюбіе у паровой машины?... Извините меня, Петръ Елисѣичъ, но вы отстали отъ современныхъ взглядовъ на крупную промышленность... Лучшій примѣръ для насъ—Европа, въ особенности Англія. У насъ рабочія массы страшно распущены, и необходимо ихъ субординировать. Будемъ учиться у Европы.

— Какъ мнѣ кажется, намъ не слѣдовало бы перенимать именно больныя мѣста европейской промышленности, тѣмъ болѣе, что и условія производства у насъ нѣсколько иныя.

Голиковскій откладывалъ цѣлыхъ полгода свою поѣздку по другимъ заводамъ изъ-за необходимыхъ реформъ въ центрѣ, а когда дѣло было уже обставлено, онъ „позволилъ себѣ это удовольствіе“ и прежде всего отправился въ Ключевской заводъ. Пріѣхалъ онъ на парѣ, какъ самый обыкновенный проѣзжающій, а не на пятеркѣ съ „фалетуромъ“, какъ ѣздилъ Лука Назарычъ. Онъ разсѣянно вбѣжалъ въ переднюю и, не раздѣваясь, вошелъ въ залу, гдѣ и столкнулся лицомъ къ лицу съ Нюрочкой. Передъ нимъ точно въ туманѣ мелькнуло это милое дѣвичье лицо, а большіе сѣрые глаза глянули прямо въ душу, полную холостого одиночества и житейскаго холода.

— Петръ Елисѣичъ, надѣюсь, дома?—заговорилъ гость, останавливаясь въ нерѣшительной позѣ.

— Папа ушелъ на фабрику, — отвѣтила Нюрочка, свободно и просто смотрѣвшая на гостя.

Голиковскій молча сѣлъ на ближайшій стулъ и въ какомъ-то смущенномъ восторгѣ смотрѣлъ на незнакомку. Онъ даже и не подозрѣвалъ, что у Петра Елисѣича есть взрослая дочь. Эта пріятная неожиданность точно ошеломила его.

Потомъ онъ что-то такое спросилъ ее, вѣроятно, невпопадъ, потому что она посмотрѣла на него удивленными глазами. Что она отвѣтила, онъ не понималъ, а только видѣлъ, какъ она вышла изъ комнаты граціозною походкой, какъ тѣ рѣдкія сновидѣнія, какія заставляютъ молодѣть. Голиковскій сидѣлъ нѣсколько времени одинъ и старался припомнить, зачѣмъ онъ пріѣхалъ сюда и какъ вообще очутился въ этой комнатѣ. Изъ раздумья вывелъ его Петръ Елисѣичъ, за которымъ уже успѣли послать на фабрику.

Все время, пока ходили по фабрикѣ, Голиковскій былъ очень разсѣянъ, такъ что даже Петръ Елисѣичъ подъ конецъ не зналъ, какъ держать себя и зачѣмъ собственно Голиковскій пріѣхалъ. Съ фабрики онъ повезъ гостя въ мѣдный рудникъ, но и тамъ онъ ходилъ точно во снѣ. Съ рудника на обратномъ пути завернули въ контору, и Голиковскій какъ будто немного пришелъ въ себя: канцелярія была его родною стихіей. Бѣдные служащіе пришли въ ужасъ, когда главный управляющій потребовалъ для ревизіи нѣкоторыя книги. Гроза накатилась вдругъ. Многіе уже читали себѣ отходную: на Ключевскомъ, конечно, будетъ то же, что было въ Мурмосѣ. Но и книги не помогли. Цифры прыгали въ глазахъ Голиковскаго, и онъ не могъ ничего сообразить. Разсматривая какую-то вѣдомость, онъ, обращаясь къ Петру Елисѣичу, замѣтилъ:

— А я не зналъ, что у васъ есть дочь, Петръ Елисѣичъ.

— Гдѣ дочь?—удивился въ свою очередь Петръ Елисѣичъ, думавшій о другомъ.

— А я давеча видѣлъ ее.

За обѣдомъ Голиковскій тоже держался крайне разсѣянно, но Нюрочка не показалась, и онъ уѣхалъ сейчасъ же послѣ обѣда. Петръ Елисѣичъ только пожималъ плечами. Въ слѣдующій разъ Голиковскій пріѣхалъ черезъ двѣ недѣли, потомъ сталъ ѣздить каждую недѣлю и наконецъ по два раза въ недѣлю.

— Знаете, я отдыхаю у васъ,—откровенно объяснилъ онъ Петру Елисѣичу, точно извиняясь за свои слишкомъ частые визиты.

Сначала Нюрочка совсѣмъ не показывалась гостю, потомъ стала показываться изъ вѣжливости, чтобы разливать чай, и наконецъ привыкла къ

новому человѣку. Голиковскій умѣлъ держать себя съ большимъ тактомъ и постепенно сблизился. Онъ зналъ еще больше, чѣмъ Петръ Елисѣичъ, и просто поражалъ Нюрочку своею ученостью. Каждый разъ онъ привозилъ съ собой какую-нибудь новую интересную книгу и требовалъ, чтобы Нюрочка читала ее. Голиковскій и самъ недурно читалъ вслухъ и знакомилъ Нюрочку съ выдающимися произведеніями иностранной литературы, какъ Диккенсъ или Шпильгагенъ. Петръ Елисѣичъ не читалъ романовъ, и для Нюрочки раскрывался шагъ за шагомъ совершенно невѣдомый міръ, куда вводилъ ее этотъ странный человѣкъ, возбуждавшій всеобщую ненависть. Дѣвушка знала о подвигахъ новаго главнаго управляющаго въ Мурмосѣ и часто подолгу задумчиво смотрѣла прямо ему въ лицо: некрасивый, пожилой человѣкъ, почти старикъ— и больше ничего. А между тѣмъ сколько семей проклинаетъ его... Нюрочкѣ онъ казался такимъ добрымъ, и ей не хотѣлось вѣрить въ сдѣланное имъ зло.

Когда заходилъ о. Сергѣй, они втроемъ садились за преферансъ и играли за полночь, причемъ Голиковскій непремѣнно выигрывалъ. Нюрочка любила сидѣть около него и смотрѣть въ карты.

— Вы приносите мнѣ счастье, Анна Петровна, — пошутилъ однажды Голиковскій, показывая ей свои карты.

Нюрочкѣ это не понравилось. Что онъ хотѣлъ сказать этимъ? Наконецъ, она совсѣмъ не подавала ни малѣйшаго повода для этого фамильярнаго тона. Она молча ушла къ себѣ въ комнату и не показывалась къ ужину. Катря довершила остальное. Она пришла въ комнату Нюрочки, присѣла на кровать и, мотнувъ головой въ сторону столовой, проговорила:

— А женихъ-то сегодня разсердится.

— Какой женихъ? Да ты съ ума сошла, Катря.

— Барышня притворяется, а я усе вижу, хоть и неученая... Панъ съ Мурмоса женится на нашей Нюрочкѣ!

Это предположеніе показалось Нюрочкѣ до того обиднымъ, что она прогнала Катрю, заперла дверь своей комнаты на крючокъ и кончила слезами. Успокоившись, она должна была согласиться, что Катря, пожалуй, и права... Передъ ней прошелъ цѣлый рядъ маленькихъ и ничтожныхъ въ отдѣльности сценъ и разговоровъ, ярко освѣтившихся теперь однимъ словомъ: женихъ. Она даже старалась представить себя m-me Голиковской и громко расхохоталась. Онъ годится ей въ отцы, этотъ косой женихъ. Понятіе о женихѣ носилось въ ея воображеніи какъ что-то необыкновенное, сказочное и роковое, и совсѣмъ ужъ не похожее на г. Голиковскаго.

Странная вещь: проснувшись на другой день, Нюрочка въ предположеніи Катри не нашла рѣшительно ничего ужаснаго, а даже весело улыбнулась. Въ ней откликнулось неудержимое женское любопытство: ее любили еще въ первый разъ. А что будетъ дальше?..

Человѣкъ, наводившій трепетъ на тысячи людей, ѣздитъ спеціально для нея изъ Мурмоса черезъ каждые три дня. Это сустное чувство, мелькнувшее въ душѣ дѣвушки, смѣнилось сейчасъ же угрызеніемъ совѣсти, и она съ горечью подумала: „какая я дрянная дѣвчонка!..“. Все-таки она утромъ одѣлась тщательнѣе обыкновеннаго и вышла къ чаю такая розовая и улыбающаяся. Голиковскій съ замѣтнымъ смущеніемъ пожалъ ей руку и неловко пробормоталъ какой-то комплиментъ. Подогрѣтая этою робостью, Нюрочка чувствовала себя необыкновенно весело, такъ что даже Петръ Елисѣичъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. А Голиковскій совсѣмъ не походилъ на влюбленнаго человѣка: онъ почти все время молчалъ и смотрѣлъ куда-то въ

сторону, но для Нюрочки это молчаніе было краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Какой онъ смѣшной, и притомъ это совсѣмъ другой человѣкъ, а не тотъ главный управляющій Голиковскій, о которомъ Нюрочка слышала раньше такъ много дурного, наконецъ, не тотъ Голиковскій, который ѣздилъ къ нимъ черезъ три дня.

— Интересно, когда онъ сдѣлаетъ мнѣ признаніе?.. — соображала Нюрочка, увлекаемая вихремъ молодого легкомыслія.—Можетъ-быть, сегодня же... Если бы у него не былъ одинъ глазъ косой и если бы, вмѣсто сорока лѣтъ, ему было двадцать пять...

Но Голиковскій и не думалъ дѣлать признанія, даже когда они остались въ гостиной вдвоемъ. Онъ чувствовалъ, что дѣвушка угадала его тайну, и какъ-то весь съежился. Неестественное возбужденіе Нюрочки ему тоже не нравилось: онъ желалъ видѣть ее всегда такою, какою она была раньше. Нюрочка могла только удивляться, что онъ при отъѣздѣ простился съ ней такъ сухо. Ей вдругъ сдѣлалось безотчетно скучно. Впрочемъ, она вышла на подъѣздъ, когда Голиковскій садился въ экипажъ.

— Это что тамъ за народъ? — спрашивалъ Петръ Елисѣичъ стоявшаго у воротъ Антипа.—Вонъ у конторы.

— А это тово... парнишку несутъ... убился съ лошади.

— Какого парнишку?

— Ну, пристанского... значитъ, Василія Самойлыча... Съ Самосадки ѣхалъ верхомъ и убился... Въ лазаретъ понесли къ фершалу.

Петръ Елисѣичъ безъ шапки бѣгомъ бросился къ конторѣ и издали еще махалъ руками мужикамъ, чтобы несли больного въ господскій домъ. Голиковскій дождался, пока принесли „убившагося“ въ сарайную къ Сидору Карпычу, и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на побѣлѣвшую отъ страха Нюрочку.

— Онъ умеръ... — шептала она со слезами на глазахъ. — Папочка, неужели онъ умеръ?

— Я пойлю вамъ своего доктора, Анна Петровна, — отвѣтилъ Голиковскій, подавая знакъ трогать.

Нюрочка ничего не слышала и не видѣла, оцѣпенѣлая пронесшимся передъ ея глазами призракомъ смерти. Господи, неужели Вася умретъ?

— Лѣвая рука вывихнута, а одна нога, кажется, сломана, — сообщилъ ей отецъ, бѣгомъ возвращаясь изъ сарайной. — Гдѣ у насъ свинцовая примочка? нашатырный спиртъ? Онъ лежитъ въ обморокѣ.

VII.

Во всѣхъ трудныхъ случаяхъ обыкновенно появлялась мастерица Таисья, какъ было и теперь. Она уже была въ сарайной, когда поднимали туда на рукахъ Васю. Откуда взялась Таисья, какъ она проскользнула въ сарайную раньше всѣхъ, осталось неизвѣстнымъ, да никто про это и не спрашивалъ. Таисья своими руками уложила Васю на кровать Сидора Карпыча, раздѣла, всего ощупала и сразу рѣшила, что на молодомъ тѣлѣ и не это износится.

— Первое дѣло, надо руку вправить, — совѣтовала она фельдшеру Хитрову.—Затекетъ плечо, тогда не пособишь, а нога подождетъ.

Какъ онъ кричалъ, этотъ Вася, когда фельдшеръ съ Таисьей принялись вправлять вывихнутую руку! Эти крики были слышны въ господскомъ домѣ, такъ что Нюрочка сначала заперлась въ своей комнатѣ, а потомъ закрыла голову подушкой. Вообще происходило что-то ужасное, чего еще не случалось въ господскомъ домѣ. Петръ Елисѣичъ тоже помогалъ производить мучительную

операцію, самъ блѣдный, какъ полотно. Безучастнымъ оставался одинъ Сидоръ Карпычъ, который преспокойно расхаживалъ по конторѣ и даже что-то мурлыкалъ себѣ подъ носъ.

Когда рука была вправлена, всѣ вздохнули свободно. Сростить сломанную лѣвую ногу — дѣло пустое. Фельдшеру постоянно приходилось возиться съ переломами, и онъ принялся за работу уже съ равнодушнымъ лицомъ.

— Лошадь испугалась... понесла... — объяснялъ Вася, точно извиняясь за причиненное всѣмъ безпокойство. — Вышибла изъ сѣдла, а я въ стремѣ версты двѣ безъ памяти тащился.

Къ удивленію, голова Васи пострадала незначительно.

— Ну, а какъ теперь себя чувствуешь?—спрашивалъ Петръ Елисѣичъ.

— Ничего, до свадьбы заживетъ, — отвѣтила за него Таисья, а Вася только устало закрылъ глаза.

Молодое лицо, едва тронутое первымъ пухомъ волосъ, дышало завиднымъ здоровьемъ, а недавняя мертвенная блѣдность смѣнилась горячимъ молодымъ румянцемъ. Петръ Елисѣичъ невольно залюбовался этимъ русскимъ молодцомъ и даже вздохнулъ, припомнивъ безпутную жизнь Васи. Въ послѣднее время онъ очень кутилъ и вообще держалъ себя настоящимъ саврасомъ.

— Какой ты молодецъ выросъ, Вася! — проговорилъ вслухъ Петръ Елисѣичъ.

— Груздевская порода,—объяснила Таисья съ гордостью.—Въ родителя издался.

Привели и верховую лошадь, которая пробѣжала въ Туляцкій конецъ съ оборванными поводьями. Она вся дрожала и пугливо вздрагивала отъ малѣйшаго шороха, косясь горячимъ глазомъ. Это былъ великолѣпный караковый киргизскій иноходецъ, костлявый и горбоносый, съ поротыми ушами. Нюрочка нарочно выходила посмотрѣть красавицу-лошадь и долго гладила бархатную морду съ раздувшимися ноздрями.

— Я на ней покатаюсь папа,—говорила она отцу за обѣдомъ.

— Она и тебя выбьетъ изъ сѣдла.

— А я не боюсь!.. Изъ дамскаго сѣдла легче выскочить, чѣмъ изъ мужского.

— Пусть она успокоится сначала, а впрочемъ, какъ знаешь...

Послѣ короткаго раздумья Петръ Елисѣичъ прибавилъ:

— А какой красавецъ этотъ Вася... да. Жаль, что онъ испортился такъ рано.

Нюрочка посмотрѣла на отца и опустила глаза. Ей ужасно хотѣлось посмотрѣть, какой сталъ теперь Вася, и вмѣстѣ съ тѣмъ она понимала, что такое любопытство въ настоящую минуту просто неприлично. Человѣкъ боленъ, а она пойдетъ смотрѣть на него, какъ на рѣдкаго звѣря. Когда послѣ обѣда отецъ легъ въ кабинетѣ отдохнуть, Нюрочка дождалась появленія Таисьи. Мастерица прошла на цыпочкахъ и сообщила шопотомъ:

— Уснулъ, голубчикъ... Намаялся до смерти, а тутъ вдругъ точно весь распустился. Горячій такой лежитъ, какъ уголекъ... Завтра, говоритъ, фершалъ-то въ гипсъ ногу ему заливать будетъ, а сегодня усталъ. Вотъ бы мать-то, Аниса Егоровна, кабы жива была, такъ напринималась бы страсти съ дѣтинемъ, а отецъ-то и ухомъ не поведетъ... Извѣстно, материнское сердце: умнаго-то сына жаль, а дурака вдвое. Ну, да еще Васинъ умъ впереди... Перемелется—мука будетъ. Добрый онъ, въ отца изгадалъ... У мужчинъ это бываетъ, что продурится и человѣкомъ станетъ. Сила въ ёмъ ходитъ, а дѣвать ее некуда.

Разговорившись, Таисья даже всплакнула о Васѣ, и о покойницѣ Аннисѣ Егоровнѣ, и просто такъ, отъ своей бабьей жалости. На Нюрочку разговоръ съ Таисьей подѣйствовалъ сокрушающимъ образомъ, и она какъ-то вся притихла. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ-быть, Вася оттого и испортился, что у него нѣтъ матери. У ней тоже нѣтъ матери... Нюрочкѣ вдругъ сдѣлалось совѣстно за свое поведеніе съ Голиковскимъ, такъ хорошо, по-молодому совѣстно. Пустая она и дряпная дѣвчонка, если разобрать. Готова была кокетничать со старикомъ. Это похуже баловства брошеннаго на произволъ судьбы Васи. Онъ ничему не учился и ничего не читалъ, а она сколько умныхъ книжекъ перечитала. Нѣтъ, рѣшительно негодная дѣвчонка... На Нюрочку напало что-то въ родѣ отчаянія, и она даже не вышла къ ужину. Лежа въ постели, она все думала и думала. Жизнь — серьезная и строгая вещь. А тутъ какой-нибудь ударъ копытомъ по головѣ, и человѣка не стало на свѣтѣ. Это можетъ случиться со всякимъ человѣкомъ, а что̀ можетъ быть обиднѣе такой глупой смерти? Вася дѣлалъ глупости по-своему, а она по-своему.

Цѣлую ночь Нюрочка спала очень скверно и все думала о Васѣ. Она даже видѣла его, только не того забіяку-мальчишку, который колотилъ ее и водилъ по крышамъ, а совсѣмъ другого,—блѣднаго, страдающаго, безпомощнаго. Она поднялась утромъ очень рано, одѣлась на скорую руку и отправилась во флигель. Кухарка только еще затопила печь. Въ сарайной было тихо. Нюрочка осторожными шагами поднялась по лѣстницѣ, въ передней перевела духъ и осторожно пріотворила дверь въ комнату Сидора Карпыча. Она увидала слѣдующее: Таисья спала прямо на голомъ полу у самой кровати, свернувшись клубочкомъ, а на кровати подъ байковымъ одѣяломъ лежалъ совсѣмъ большой мужчина. Именно впечатлѣніе большого прежде всего и бросилось въ глаза Нюрочкѣ, такъ что она даже немного отступила, точно пришла не туда. Это былъ не тотъ Вася, котораго она знала, а чужой, большой человѣкъ. Она такъ и подумала: „ахъ, какой большой!“. Лицо она разсмотрѣла потомъ и крайне смутилась, замѣтивъ, что Вася пристально глядитъ на нее большими темными глазами съ поволокой.

— Зайдите,—пригласилъ больной.

Нюрочка смущенно вошла и остановилась у кровати. Вася съ трудомъ выпросталъ правую руку изъ-подъ одѣяла и нерѣшительно протянулъ ее гостьѣ.

— Вамъ очень тяжело?—спрашивала Нюрочка уже смѣлѣе. — Можетъ-быть, вы хотите чаю? Я сейчасъ принесу.

— Нѣтъ, я ничего не хочу... спасибо.

Наступила неловкая пауза. Вася съ трудомъ перекатилъ по подушкѣ отяжелѣвшую голову и взглянулъ на Нюрочку такими покорными глазами, точно просилъ въ чемъ-то извиненія. Она принесла стулъ и сѣла около кровати.

— И папа и я—всѣ такъ вчера испугались,—заговорила Нюрочка, подбирая слова.—Лошадь могла васъ убить...

Вася молчалъ и упорно смотрѣлъ на Нюрочку, точно стараясь что-то припомнить. Этотъ взглядъ ее смутилъ, и она замолчала.

— Анна Петровна,—проговорилъ онъ вполголоса, оглядываясь на спавшую Таисью.—Вы... вы меня презираете...

— Я? Я, право, не знаю...

— Нѣтъ, я знаю, что презираете... и другіе тоже. Да и самъ я себя презираю... Вотъ лежу и думаю, какой я скверный человѣкъ, Анна Петровна... Вѣдь и я тоже понимаю.

— Сейчасъ объ этомъ не слѣдуетъ думать, — серьезно отвѣтила Нюрочка. — Волненіе повредитъ... Вы еще такъ молоды, вся жизнь впереди, и только явилось бы желаніе исправиться! Сознаніе—уже половина исправленія, какъ говоритъ папа.

— Петръ Елисѣичъ меня презираетъ,—уныло замѣтилъ Вася.—Ужъ я знаю, что презираетъ.

— Папа добрый.

Нюрочка припомнила, какъ вчера отецъ сказалъ за обѣдомъ: „Какой молодецъ этотъ Вася...“, и внимательно посмотрѣла на больного. Дѣйствительно молодецъ, и какой сильный да красивый. Особенно хороша была эта кудрявая голова съ темными глазами и рѣшительный, вызывающій складъ рта. Теперешнее безпомощное состояніе еще больше оттѣняло молодую силу. У Нюрочки явилось страстное желаніе чѣмъ-нибудь облегчить положеніе больного, помочь ему и просто утѣшить, въ родѣ того, какъ няньчатся съ маленькими дѣтьми. Притомъ онъ самъ сознаётъ, что необходимо исправиться и жить иначе. Вѣдь она то же самое думала, что онъ ей сказалъ. Нюрочкѣ вдругъ сдѣлалось весело, и она проговорила совсѣмъ просто, по-дѣтски:

— А помните, какъ мы по крышамъ лазали?

Она даже засмѣялась, весело блеснувъ глазами. Вася вздохнулъ и благодарно взглянулъ на нее. Она припомнила все, до мельчайшихъ подробностей, и опять весело смѣялась. Какая она тогда была глупая, а онъ обижалъ ее.

— Я ужасно боялась васъ тогда,—болтала Нюрочка ужъ совсѣмъ безъ заботно.—Да и вообще всѣ мальчишки ужасные драчуны... и всѣ злые... да...

— А помните, какъ вы пріѣзжали съ Петромъ Елисѣичемъ къ намъ въ Мурмосъ?—въ свою очередь вспомнилъ Вася. — Еще я вамъ тогда показывалъ памятникъ...

— Пильщика?

Нюрочка чуть не расхохоталась, но Вася сдвинулъ брови и показалъ глазами на Таисью. Пусть ее спитъ, святая душа на костыляхъ. Нюрочка почувствовала, что Вася именно такъ и подумалъ, какъ называлъ Таисью развеселившійся Самойло Евтихычъ. Ей теперь ужасно захотѣлось разсказать про Голиковскаго, какой это смѣшной человѣкъ, но Таисья пошевелилась, и Нюрочка вспорхнула, какъ птичка.

— Ты это съ кѣмъ здѣсь шушукался? — спрашивала Таисья, продирая глаза.

— Я?.. У меня, должно-быть, бредъ...—сонно отвѣчалъ Вася, закрывая глаза въ блаженной истомѣ.

Таисья подозрительно посмотрѣла на него, подозрительно покачала головой и даже понюхала воздухъ, а потомъ принялась зѣвать, креститься и творить молитву, отгоняя „навожденіе“.

Утромъ же пріѣхалъ изъ Мурмоса посланный Голиковскимъ докторъ, совсѣмъ еще молодой человѣкъ, недавно кончившій курсъ. Это былъ средняго роста господинъ съ пушистою бородкой и добрыми сѣрыми глазами. Держался онъ крайне просто и ходилъ въ плисовой поддевкѣ, благо на заводахъ можно было держать себя по-домашнему. И фамилія у него тоже была простая: Ковылинъ, Иванъ Петровичъ. Онъ осмотрѣлъ руку и сдѣлалъ гипсовую повязку переломленной ноги, а потомъ сейчасъ же и уѣхалъ: въ Мурмосѣ ждали свои больные. Черезъ двѣ недѣли докторъ обѣщалъ навѣстить больного. Всего же лежать въ постели Васѣ назначено было ровно шесть недѣль.

— Вотъ тебѣ, Васенька, и великій постъ,—пошутила Таисья.

Для Васи эти шесть недѣль были тяжелымъ испытаніемъ, но онъ покорился своей участи съ удивившимъ Таисью спокойствіемъ и только попросилъ почитать какую-нибудь книгу.

— Небось, гражданской печати захотѣлъ? — корила Таисья. — Такъ и есть... Нѣтъ, чтобы псалтырь читать.

Самойло Евтихычъ пріѣхалъ провѣдать сына только черезъ недѣлю и отнесся къ этому несчастію довольно безучастно: у него своихъ заботъ было по горло. Полное разореніе сидѣло на носу, и дѣла шли хуже день ото дня. Нетра Елисѣича непріятно поразило такое отношеніе стараго пріятеля къ сыну, и онъ однажды вечеромъ за чаемъ сказалъ Нюрочкѣ:

— Нюрочка, ты взяла бы какую-нибудь книжку и почитала вслухъ больному, а то вѣдь можно съ ума сойти отъ этого дурацкаго лежанья... Конечно, тебѣ одной ходить въ сарайную неудобно, а будешь читать, когда тамъ Таисья бываетъ.

Желаніе отца было приведено въ исполненіе въ тотъ же день. Нюрочка потащила въ сарайную цѣлый ворохъ книгъ и торжественно приготовилась къ своей обязанности чтицы. Она читала вслухъ недурно, и, кромѣ Васи, ее внимательно слушали Таисья и Сидоръ Карпычъ. Выборъ статей былъ самый разнообразный, но Васѣ больше всего нравились повѣсти и романы изъ русской жизни. Въ каждой героинѣ онъ видѣлъ Нюрочку и въ каждомъ героѣ себя, а пока только не спускалъ глазъ со своей сидѣлки.

VIII.

Въ жизни Ключевского завода происходили тѣ внутреннія перевороты, о которыхъ можно было только догадываться. Прежде населеніе подводилось подъ одинъ общій уровень, изъ котораго выдѣлялись рѣдкія семьи, какъ Горбатые или брательники Гущины. Богатство замѣчалось въ рабочей силѣ и крѣпкомъ строѣ семьи. Отдѣльныя лица не имѣли значенія, за самыми рѣдкими исключеніями. Съ „волей“ влилась широкая струя новыхъ условій, и сейчасъ же начали складываться новыя бытовыя формы и выступали новые люди, быстро входившіе въ силу. Глухо говорили о нараставшемъ богатствѣ такихъ выходцевъ, какъ солдатъ Артемъ или Дунька Рачителиха. Конечно, въ томъ и другомъ случаѣ источникъ богатства являлся крайне сомнительнымъ, но важно было то, что новые люди сумѣли воспользоваться богатствомъ уже по-новому. Изъ зеленаго солдатскаго сундука выросъ настоящій магазинъ, въ которомъ можно было найти рѣшительно все, чего только могли пожелать ключевляне. Дунька Рачителиха тоже полѣзла въ гору, хотя и не такъ явно. Она прибрала Груздева въ свои руки и мечтала только о томъ, чтобы развязаться съ кабакомъ, гдѣ ей, пожалуй, ужъ не подъ силу было управляться. Если бы не пьяница-мужъ, она давно бы жила панъ-паномъ. Рачитель былъ въ загонѣ, и Дунька, въ случаѣ его провинностей, тузила его чѣмъ попадя, какъ раньше тузилъ онъ ее,—роли перемѣнились. Забралъ силу также и старикъ Основа, открывшій свою лавку въ Кержацкомъ концѣ и въ Пеньковкѣ. Поговаривали, что есть деньжонки у Макара Горбатаго, у доменнаго мастера Никитича, у Ковалей, у мастерицы Таисьи, у бывшаго груздевскаго обережного Матюшки Гущина, который съ Самосадки переселился въ Кержацкій конецъ. Но всѣ они еще не рѣшались показать свои карты и жили по-старому—ни шатко, ни валко, ни на сторону.

Рачителиха мечтала открыть лавку въ Туляцкомъ концѣ и даже выбрала мѣсто подъ нее, именно избенку пропойцы Морока, стоявшую какъ

разъ „на рѣзстани“, между обоими мочеганскими концами. Нѣсколько разъ Рачителиха стороной заводила рѣчь съ Мѣрокомъ на эту тему, но Мѣрокъ только ругался.

— На что тебѣ изба, непутевому?—убѣждала Рачителиха.—Все равно, живешь гдѣ день, гдѣ ночь..,

— Инь, гладкая, тоже и придумала!—ворчалъ Мѣрокъ—Какой же мужикъ безъ избы?.. У меня хозяйство...

— Пастушій хлыстъ?

— А лошадь? Нѣтъ, братъ, отваливай въ налевомъ, приходи въ голубомъ... Вызолоти меня, а я избы не уступлю.

— Дуракъ ты, Мѣрокъ, коли своего счастья не хочешь чувствовать; можетъ, деньги бы дали за избу-то...

— Все одно пропью, а куды лошадь дѣнется? Не съ деньгами жить, а съ добрыми людьми.

Много было перемѣнъ въ Ключевскомъ заводѣ, и только одинъ Мѣрокъ оставался прежнимъ Мѣрокомъ: такъ же лѣто онъ ходилъ въ конныхъ пастухахъ, а всю зиму околачивался въ кабакѣ, и такъ же его били время отъ времени за разныя мелкія кражи. Попрежнему воевалъ онъ со своимъ сосѣдомъ Полуехтомъ Самоварникомъ. Впрочемъ, сейчасъ ненависть Мѣрока расчленялась: онъ преслѣдовалъ по пятамъ сосѣда Артема, куда бы тотъ ни показался. Крѣпокъ былъ солдатъ, но и тотъ дѣлалъ уже нѣсколько попытокъ умиротворить Мѣрока, именно — давалъ ему денегъ въ долгъ, поилъ водкой и т. д. Успѣхи солдата просто отравляли существованіе Мѣрока, и онъ измышлялъ каверзу за каверзой. Придетъ прямо въ магазинъ къ Артему и начнетъ приставать къ Домнушкѣ.

— Вашему степенству сорокъ одно съ кисточкой... Нѣтъ ли у васъ подходящаго товару: полфунта комариная сала да фунтъ тараканьяго мозгу?

У магазина собиралась кучка любопытныхъ, жаждавшая посмотрѣть, какъ Мѣрокъ „травитъ“ Домнушку.

Но наступилъ тяжелый день и для Мѣрока, когда онъ долженъ былъ расплатиться за свои художества. Уже нѣсколько лѣтъ Мѣрокъ выслѣживалъ Феклисту, дочь Филиппа Чеботарева. Приходилъ онъ и на фабрику посмотрѣть, какъ Феклиста работаетъ у дровосушныхъ печей, и на покосъ къ Чеботаревымъ являлся, и вообще проходу не давалъ дѣвкѣ. Это было чувство глубокой любви, выражавшейся иногда въ крайне экстравагантныхъ формахъ. На покосѣ Мѣрокъ косилъ за Феклисту, на фабрикѣ ругалъ ее нехорошими словами, а встрѣчаясь съ ней на улицѣ, переходилъ на другую сторону. Вообще при людяхъ обходился съ ней крайне дерзко, а съ глазу на глазъ робѣлъ и смущался. Это давало постоянный поводъ къ откровеннымъ шуточкамъ и насмѣшкамъ, особенно въ праздники на базарѣ. Выведенный изъ терпѣнія Мѣрокъ дрался съ обидчиками и разъ на базарѣ ни съ того ни съ сего отколотилъ Феклисту. Но, къ общему удивленію, вышло такъ, что въ одно прекрасное утро Феклиста очутилась въ избѣ у Мѣрока. Это возмутило всѣхъ до послѣдней степени... Солдатъ Артемъ и дозорный Полуехтъ воспользовались слабостью Мѣрока и подняли на ноги весь Туляцкій конецъ. Первымъ дѣломъ они обратились къ старику Чеботареву и принялись его разспрашивать: мало ли дѣвки балуются, да не на виду у всѣхъ, а тутъ въ глазахъ у всѣхъ Феклиста поселилась у Мѣрока. Срамъ на весь заводъ, да и другимъ дѣвкамъ большой соблазнъ. Однимъ словомъ, дѣло загорѣлось, и въ одно прекрасное утро передъ избушкой Мѣрока собралась цѣлая куча народа.

— Эй, ты, заворуй, выходи,—кричалъ Полуехтъ Самоварникъ, выступая

храбро впередъ.—Вотъ онъ, Филиппъ-то, самъ пришелъ за дочерью... Отдавай съ добра, коли не хочешь отвѣдать горячихъ въ волости.

Въ избушкѣ никто не откликался.

— Что съ нимъ разговаривать, съ продомъ!—кричалъ солдатъ Артемъ.—Вали, ребята, ломай дверь...

Началась настоящая атака избы Морока. Двери оказались запертыми, и камни полетѣли прямо въ окна. Въ отвѣтъ изъ избушки полетѣли полѣнья, кирпичи и доски: Морокъ разломалъ печь и защищался отчаянно... Феклиста забралась на полати и лежала тамъ ни жива ни мертва. Зачѣмъ она пришла жить къ Мороку, трудно сказать. Любить его она не любила и сдалась на ласковое слово: одинъ Морокъ пожалѣлъ ея беззащитную дѣвичью голову. Такъ въ первый день ничего и не могли подѣлать съ Морокомъ,—онъ отсидѣлся въ избушкѣ, какъ ежъ въ норѣ. Раньше, когда приходили брать его за какое-нибудь воровство, онъ покорялся безпрекословно и самъ шелъ въ волость, чтобы получить соотвѣтствующую порцію горячихъ, а теперь защищался изъ принципа,—онъ чувствовалъ за собой право на существованіе,—да и защищалъ онъ главнымъ образомъ не себя, а Феклисту.

Сколько ни галдѣли солдатъ Артемъ съ Полуехтомъ, такъ ничего и не могли подѣлать съ Морокомъ. На другой день они явились уже съ начальствомъ во главѣ, т.-е. привели изъ волости старосту.

— Эй, ты, ежовая голова, выходи!—заявлялъ староста, постукивая палкой въ оконную раму безъ стеколъ.—Добромъ тебѣ говорятъ...

— Не подходи, убью!—рычалъ Морокъ.

Опять полетѣли камни въ избушку, а изъ нея кирпичи, точно происходила настоящая бомбардировка неприступной крѣпости. Полуехтъ въ азартѣ забрался на крышу избушки и принялся разбирать тесницы. Этотъ маневръ достигъ цѣли: Морокъ выскочилъ изъ избы въ одной рубахѣ и съ наступнымъ хлыстомъ бросился на крышу, но тутъ его и накрыли. Произошла ужасная свалка, причемъ Морока били полѣньями, топтали ногами и подъ конецъ связали его же хлыстомъ и поволокли въ волость, какъ стягъ говядины. Феклисты въ избѣ не оказалось; она еще ночью исчезла неизвѣстно куда. Все это происходило въ отсутствіе старшины Основы, который по дѣламъ уѣзжалъ на Самосадку. Когда онъ узналъ о всемъ случившемся, то велѣлъ сейчасъ же выпустить Морока и далъ жестокій нагоняй превысившему власть старостѣ.

— Что, подлецы, взяли?—ругался Морокъ, выходя изъ волости, и показалъ собравшимся кукишъ.—Не отдамъ Феклисту, и конецъ тому дѣлу...

— Выпороть бы его, стервеца,—совѣтовалъ солдатъ Артемъ.

— Молите Бога, что Морокъ не догадается пожаловаться на васъ начальству,—проговорилъ Основа.—Сами безчинствовали, а онъ имѣетъ полное свое право...

Въ этихъ походахъ противъ Морока главное участіе принимали старики, а молодежь оставалась въ сторонѣ,—у ней было свое на умѣ. Такъ, въ семьѣ Горбатыхъ происходила полная нескладица. Пашка былъ уже совсѣмъ большой и не хотѣлъ знать старика-отца. Домой онъ приносилъ только половину заработка, а другую половину пропивалъ на сторонѣ въ обществѣ пріятелей, какъ Илюшка Рачитель и казачокъ Тишка. По праздникамъ Пашка уходилъ въ Кержацкій конецъ и тамъ проводилъ все время въ избѣ Никитича. Самъ Никитичъ обыкновенно сидѣлъ подъ домной и даже спалъ тамъ, а дома управлялись теперь Ѳедорка да Оленка, дѣвка на возрастѣ и настоящая красавица на кержацкую руку. Ѳедорка и Оленка тянули къ себѣ молодятникъ. Самъ

Никитичъ зналъ о молодомъ веселѣ, кипѣвшемъ въ его домѣ, только стороной, больше черезъ сестру Таисью, и каждый разъ удивлялся самымъ искреннимъ образомъ.

— Но-о? Такъ они, мошенники, ко мнѣ въ избу повадились?—спрашивалъ онъ.—Ужо я доберусь до этихъ мочеганишекъ и Оленку произведу! Только вотъ мнѣ домну свою въ праздникъ-то нельзя оставить, потому какой нонѣ народъ—какъ праздникъ, всѣ и разбѣгутся, а я Оленку произведу, шельму.

Дѣйствительно, въ одно воскресенье Никитичъ нежданно-негаданно заявился домой и засталъ всю компанію въ сборѣ. Онъ, не говоря худого слова, схватилъ Илюшку Рачителя за воротъ и поволокъ изъ избы. Потомъ принялся за Пашку.

— Я вамъ покажу, молокососы, какъ страмить отецкую дочь!—оралъ Никитичъ, раздѣлываясь съ Пашкой.—Я произведу...

Но въ самый горячій моментъ этой отеческой расправы за Пашку вступилась Оленка, и у Никитича опустились руки. Онъ обругалъ дочь и только пробормоталъ:

— Ахъ, ты, безстыдница Оленка... Ну-ка, погляди мнѣ въ глаза!

Вечеромъ Никитичъ сидѣлъ въ избѣ у Тита Горбатаго и жаловался на озорника Пашку, который „омманулъ“ его Оленку.

— Какъ же теперь этому самому дѣлу быть?—спрашивалъ онъ, безпомощно разводя руками.

Титъ по туляцкой хитрости прикинулся, что не понимаетъ ничего, и только качалъ головой.

— Нѣтъ, что я теперь съ дочерью-то буду дѣлать?—приставалъ Никитичъ, входя въ азартъ все больше:—а? Слава-то какая про дѣвку пройдетъ...

Когда Титъ ужъ не могъ больше притворяться, то обѣщалъ отдуть Пашку черемуховою палкой, что нисколько не удовлетворило Никитича. Старики долго перекорялись и спорили, а потомъ отправились рѣшать свое дѣло въ кабакъ къ Рачителихѣ. У стойки сидѣлъ старый Коваль, такой грустный и невеселый.

— Что мы теперь будемъ дѣлать?—спрашивалъ Никитичъ стараго хохла, который черезъ Ѳедорку долженъ былъ знать все.—Слава-то, слава-то какая!..

Коваль только покрутилъ своею сивою головой и вздохнулъ.

— Нечего вамъ мудрить-то, старые черти!—огрызнулась на всѣхъ троихъ Рачителиха.—Не вашего это ума дѣло... Видно, брать тебѣ, Никитичъ, Пашку къ себѣ въ домъ зятемъ. Ѳедорку принялъ, а теперь бери Пашку... Парень отличный.

IX.

Лѣто было дождливое, и сѣна поставили сравнительно немного. Особенно неудачная вышла страда на Самосадкѣ, гдѣ почти все сѣно сгнило. Въ горахъ это случается: заберется ненастье и кружится на одномъ мѣстѣ. И въ Мурмосѣ „сѣна не издались“, такъ что негдѣ было и купить его ближе ста верстъ, да и въ сторону орды тоже на траву вышелъ большой „неурождай“. Объ овсахъ ходили нехорошіе слухи.

— Дѣло скверное, Леонидъ Ѳедорычъ,—предупреждалъ Петръ Елисѣичъ еще лѣтомъ новаго главнаго управляющаго.

— А намъ-то какая печаль? Мы ни овсомъ ни сѣномъ не торгуемъ. Подряды на дрова, уголь и транспортъ сданы съ торговъ еще весной по среднимъ цѣнамъ. Мы исполнимъ то, что обѣщали, и потребуемъ того же и отъ другихъ. Я понимаю, что годъ будетъ тяжелый, но важенъ принципъ. Да...

— Съ формальной стороны вы правы, но бываютъ обстоятельства, когда приходится поступиться даже своимъ принципомъ.

— Все это сентиментальности, Петръ Елисѣичъ!—смѣялся Голиковскій.— Въ доброе старое время такъ и дѣлали: то шкуру съ человѣка спустятъ, то по головкѣ погладятъ. А нужно смотрѣть на дѣло трезво, и прежде всего принципъ.

— Знаю, знаю. Вы смотрите на людей, какъ на машину.

— Какъ и на самого себя. Милый Петръ Елисѣичъ, нельзя иначе въ такомъ дѣлѣ, гдѣ все держится принципомъ.

Споры на эту тему продолжались все лѣто, а осенью въ Мурмосъ къ главному управляющему явились первыми углепоставщики съ Самосадки и заявили, что по взятымъ цѣнамъ они не могутъ выполнить своихъ подрядовъ. Голиковскій отвѣтилъ, что ничего не можетъ сдѣлать для нихъ, а въ случаѣ неисполненія поставокъ они вынудятъ его обратиться къ закону. Да, ихъ заставятъ сдѣлать то, что они должны. Онъ не кричалъ на мужиковъ, не топалъ ногами, не приходилъ въ неистовство, какъ, бывало, Лука Назарычъ, а держалъ себя совершенно безстрастно, какъ докторъ съ паціентами. Самосадчане три раза пытались уговорить начальство и ушли ни съ чѣмъ. Та же участь постигла ключевлянъ, а затѣмъ и мурмосскихъ подрядчиковъ, перевозившихъ руду, желѣзо и чугунъ.

Наступила и голодная зима, самое ужасное время, какое посылается только въ наказаніе. Предсказанія Петра Елисѣича начали сбываться, да и не трудно было предвидѣть послѣдствія недостатка корма. До перваго снѣга скотина еще кое-какъ околачивалась, наполовину въ лѣсу, наполовину дома. Богатые мужики успѣли приколоть лишнихъ коровъ еще въ промежговѣнье, послѣ филипповокъ, когда онѣ еще были нагулянныя съ лѣта; мясо съѣли, а кожа осталась въ барышахъ. Бѣдные тянулись изъ послѣдняго, жалѣючи ребятишекъ. Въ заводѣ не было даже тѣхъ запасовъ старогодней соломы, которая спасаетъ отъ голодовокъ деревню. Между мужиками и бабами началась жестокая война изъ-за каждаго клочка сѣна: мужики берегли сѣно лошадямъ, бабы—коровамъ и овцамъ. Голодная скотина ревѣла „источнымъ“ голосомъ, и ее выгоняли на улицу, чтобы промышляла ѣду сама по старымъ назьмамъ и около чужихъ дворовъ. Коровы сейчасъ же сбавили молоко, а въ Хохлацкомъ концѣ начался голодный падежъ. Не запасливый былъ народъ хохлы на сѣно, а туляки берегли кормъ для себя, какъ и кержаки.

Когда началась вывозка угля и дровъ, заготовленныхъ въ куреняхъ съ лѣта, недокормленныя лошади быстро выбились изъ силъ, особенно лошади изъ дальнихъ мѣстъ, какъ Самосадка. Жаль было смотрѣть, какъ голодная скотина валилась съ ногъ. По дорогѣ изъ Ключевского завода въ Самосадку въ сторонѣ валялись уже десятки палыхъ лошадей. Мужики крѣпились до послѣдняго, а потомъ Самосадка забастовала вся разомъ, какъ одинъ человѣкъ. Это было сигналомъ для Ключевского завода и Мурмоса, гдѣ углепоставщики и подрядчики тоже забастовали. Цѣлый заводскій округъ очутился въ самомъ критическомъ положеніи: если по зимнему пути не вывезти древеснаго топлива, то заводы должны пріостановить свое дѣйствіе на цѣлый годъ, а это грозило убытками въ сотни тысячъ рублей. Голиковскій прискакалъ въ Ключевской заводъ въ сопровожденіи уѣзднаго исправника; горныхъ исправниковъ уже не существовало, и добрякъ Иванъ Семенычъ давно удалился на покой въ свою Малороссію.

— Это бунтъ,—заявилъ Голиковскій, входя въ комнату. — Очевидно, зачинщики всего дѣла скрываются въ Самосадкѣ. Да, я имѣю нѣкоторыя свѣдѣнія.

Петръ Елисѣичъ отмалчивался, что еще больше раздражало Голиковскаго. Старикъ-исправникъ тоже молча курилъ сигару; это былъ администраторъ новаго типа, который понималъ, что самое лучшее положеніе дѣлъ въ уѣздѣ то, когда нѣтъ никакихъ дѣлъ. Создавать такіе бунты просто невыгодно: въ случаѣ чего, онъ же и останется въ отвѣтѣ, а пусть Голиковскій самъ расхлебываетъ кашу, благо получаетъ ровно въ пять разъ больше жалованья.

— Что же вы молчите, Петръ Елисѣичъ?—накинулся Голиковскій на своего пріятеля.

— Что же я могу вамъ сказать, Леонидъ Ѳедоровичъ, кромѣ того, что уже высказалъ раньше, за полгода впередъ?

— Слѣдовательно по-вашему виноватъ во всемъ одинъ я? Благодарю. Именно этого я не ожидалъ отъ васъ!

— Виновато дождливое лѣто, Леонидъ Ѳедоровичъ. Я васъ предупреждалъ.

— Да. Но вѣдь заводы—не богоугодное заведеніе. Прежде всего принципъ. Я послѣдовательный человѣкъ. Необходимо съѣздить на Самосадку и въ корнѣ вырвать смуту.

Поѣздка на Самосадку однако не привела ни къ чему. Остовы палыхъ лошадей по всей дорогѣ иллюстрировали дѣло лучше всего. Въ рѣдкомъ дворѣ находился полный комплектъ рабочихъ лошадей: часть вывалилась, а другая обезсилѣла. Если углевозу выгодно было производить поставку, работая на трехъ лошадяхъ, то работать на одной не было никакого расчета. Переговоры съ мужиками окончательно выяснили положеніе дѣла. Исправникъ слушалъ и отмалчивался, а для острастки велѣлъ взять Мосея Мухина и препроводить его въ Мурмосъ. Собственно у исправника была своя цѣль: произвести негласное дознаніе относительно агитаціи о своей землѣ и о новой сектѣ „духовныхъ братьевъ“. Бунтъ углепоставщиковъ служилъ только прикрытіемъ. Пользуясь случаемъ, онъ имѣлъ нѣсколько объясненій со старикомъ Основой, а потомъ просилъ Петра Елисѣича вызвать лѣсообъѣздчика Макара Горбатаго. Это было легкое предварительное дознаніе, пока ничего не выяснившее.

— Хорошо, идите домой,—закончилъ исправникъ.—Послѣ поговоримъ...

Голиковскій замѣтно испытывалъ угнетенное состояніе духа и, по возвращеніи съ Самосадки, долго разговаривалъ съ Нюрочкой, горячо интересовавшейся ходомъ всего дѣла. Онъ могъ только удивляться, что эта барышня, выросшая въ четырехъ стѣнахъ, такъ много знаетъ.

Голиковскій какъ-то особенно внимательно смотрѣлъ все время на Нюрочку, а потомъ съ грустью въ голосѣ замѣтилъ:

— Да, я теперь понимаю васъ... У васъ есть свой мірокъ, въ которомъ вы живете. Понимаю и то, почему вы въ послѣднее время замѣтно отвернулись отъ меня.

Нюрочка хотѣла что-то отвѣтить, но Голиковскій быстро поцѣловалъ у нея руку и вышелъ. Ей вдругъ сдѣлалось его жаль, и она со слезами на глазахъ убѣжала къ себѣ въ комнату.

Отъѣздъ Голиковскаго изъ Ключевского завода сопровождался трагикомическою сценой. Въ господскій домъ явился Морокъ и, когда Голиковскій усаживался уже въ экипажъ, приступилъ къ нему:

— Вашескородіе, явите божескую милость...

— Что тебѣ нужно, любезный?

— Кобыла издыхаетъ, вашескородіе... Какой же я буду человѣкъ безъ кобылы?.. Явите...

— Въ холодную!—коротко отвѣтилъ за Голиковскаго исправникъ, указывая стоявшему безъ шапки Основѣ на бунтаря.

Экипажъ уѣхалъ, и Основа, подхвативъ Мòрока подъ локоть, шутя проговорилъ:

— Ну, айда на даровую квартиру!

— Самъ приду...—сумрачно отвѣтилъ Мòрокъ, вырываясь.—Еще успѣешь.

Онъ крупно зашагалъ домой, удрученный горемъ. Знаменитая кобыла дѣйствительно издыхала. Она лежала пластомъ и не могла подняться даже на переднія ноги. Мòрокъ сбѣгалъ къ Домнушкѣ и выпросилъ нѣсколько ломтей черстваго ржаного хлѣба. Но кобыла великодушно отказалась отъ ѣды, а только посмотрѣла на хозяина потухавшимъ большимъ глазомъ. Мòрокъ не могъ даже мысли допустить, что его единственное достояніе вдругъ превратится въ ничто, и послалъ Феклисту къ Рачителихѣ за косушкой водки. Онъ, какъ коновалъ, пускался на послѣднія средства. Принесенная водка была вылита въ ротъ кобылѣ, но она уже не могла проглотить живительной влаги и издохла на глазахъ собравшихся сосѣдей. Мòрокъ пришелъ въ какое-то неистовство: рвалъ на себѣ волосы, ругался, грозилъ неизвѣстно кому кулакомъ, а слезы такъ и катились по его лицу.

— Матушка ты моя... кормилица!—причиталъ заворуй Мòрокъ и, въ порывѣ охватившей его нѣжности, при всемъ честномъ народѣ поклонился мертвой кобылѣ въ ноги.—Кости твои похороню!.:

Сбѣжавшіяся бабы ревѣли навзрыдъ, глядя на убивавшагося Мòрока.

X.

Голиковскій рѣшился дѣйствовать энергично. Онъ сейчасъ же послалъ въ степь закупить овса, сѣна и соломы на тридцать тысячъ рублей и распредѣлилъ этотъ кормъ по заводамъ. Конные рабочіе могли забирать доставленные изъ орды припасы по особымъ книжкамъ, какъ долгосрочную и безпроцентную ссуду. Будь принята эта мѣра съ осени, тысячи лошадей были бы спасены, а теперь скотина уже обезсилѣла и, какъ говорили, „кормъ ее ѣлъ, а не она кормъ“. Такимъ образомъ только половина ежегодной поставки древеснаго топлива кое-какъ была исполнена, и сообразно съ этимъ приходилось соразмѣрять всякое заводское дѣйствіе. По закону заводъ не имѣлъ права оставлять населеніе безъ работы, поэтому заведены были „половинныя выписки“—одну недѣлю работаетъ, а другую гуляетъ, потомъ стали работать одну „третью недѣлю“ и т. д. Заработная плата такимъ образомъ понизилась до невозможнаго minimum'a, а тутъ еще введена была новая система штрафовъ, вычетовъ и просто мелкихъ недоплатъ. Это послѣднее касалось ближе всего коренного фабричнаго люда; котораго лошадиный моръ не тронулъ. Общій ропотъ поднимался со всѣхъ сторонъ.

— Что же я могу сдѣлать? Я не Богъ,—повторялъ Голиковскій.—Вотъ только бы отправить весенній караванъ, а тамъ увидимъ...

Весенній караванъ являлся и для заводовъ и для Голиковскаго единственнымъ спасеніемъ: во-время будетъ отправленъ караванъ, во-время продастся желѣзо—и заводскій годъ обезпеченъ средствами, а главное, владѣльцы получатъ установленный дивидендъ „по примѣру прошлыхъ лѣтъ“. На Самосадкѣ работа кипѣла. Благодаря голодовкѣ, Голиковскій разсчитывалъ выиграть на караванѣ тѣ убытки, которые понесли заводы на перевозкахъ: можно было подтянуть голодавшихъ рабочихъ по извѣстному правилу: хлѣбъ дорогъ—руки дешевы. Все шло отлично: и опять главная поддержка шла отъ моло-

дыхъ, которымъ выгодно было работать и за малыя платы. Такъ бы все хорошо и кончилось, не случись дружная весна, — тепло ударило двумя недѣлями раньше. Началась та спѣшка, когда пускаются въ оборотъ всѣ наличныя силы, не исключая стариковъ и бабъ. Вообще дѣло получалось горячее, но съ первыхъ же шаговъ почувствовалась какая-то невидимая задержка, а потомъ перешла въ открытый антагонизмъ. Нужно было устроить „спишку“ совсѣмъ готовыхъ коломенокъ въ воду, что̀ составляло обыкновенно на Самосадкѣ что-то въ родѣ праздника. Старъ и младъ сбѣгались къ коломенкамъ и въ свою силу помогали дружной работѣ. А на этотъ разъ пришли старики въ караванную контору и потребовали задатокъ.

— Это за что?—изумился служащій.—Да въ умѣ ли вы, старички?

— Мы-то въ умѣ, а вотъ какъ вы снихиваться будете съ Леонидомъ-то Ѳедоровичемъ... Онъ насъ достигъ, такъ теперь пусть самъ управляется. Когда еще чужестранный народъ наберется, а полая вода сойдетъ. Какъ бы вы на сухомъ берегу не остались.

Начались переговоры, а горячее время шло и шло. Каждая минута была дорога. Старички заломили по рублю на человѣка,—цѣна неслыханная, чудовищная. Полетѣлъ нарочный въ Мурмосъ, и Голиковскій пріѣхалъ сейчасъ же, опять съ исправникомъ. Появленіе начальства окончательно озлобило народъ, и всѣ засѣли по домамъ. Это было похуже бунта съ лошадинымъ моромъ. Голиковскій бѣсился, подозрѣвая чье-то скрытое вліяніе, портившее ему все. Староста обѣгалъ всѣ избы, сгоняя народъ, но на работу вышли все тѣ же молодые рабочіе, а старики отсиживались и бабъ не пустили.

— Я имъ покажу!—ругался Голиковскій, переживавшій скверное положеніе.—Они узнаютъ меня!

— Вода уйдетъ, Леонидъ Ѳедорычъ,—почтительно докладывалъ караванный.—Не успѣемъ нагрузиться...

Кончилось тѣмъ, что Голиковскій уѣхалъ, предоставивъ дѣло караванному. Онъ чувствовалъ, что своимъ присутствіемъ только портитъ возможное соглашеніе: народъ былъ противъ него. Сдѣлка состоялась на „любой половинѣ“, т.-е. по полтинѣ на брата. За нагрузку тоже пришлось платить усиленно. Однимъ словомъ, деньги пришлось отдать несчитанныя да время пропустить дня четыре. Караванъ отвалилъ съ грѣхомъ пополамъ на хвостѣ весенняго „паводка“, разсчитывая обѣжать главный валъ на пути,—коломенки бѣгутъ скорѣе воды. Но вышло нѣсколько иначе, благодаря новымъ случайностямъ. Паводокъ ушелъ, а весь караванъ обмелѣлъ немного пониже бойца Горюна, гдѣ раньше похоронилъ свое богатство Груздевъ. Голиковскій рвалъ и металъ, но дѣло было непоправимое. Оставалось ждать осени, когда можно будетъ разгружать весеннія коломенки, поднимавшія до 15 тысячъ пудовъ, на полубарки по пяти тысячъ. Вся эта операція учетверяла стоимость провоза, а главное—металлъ не поспѣетъ къ сроку ни въ Лапшевъ, ни въ Нижній, ни на Низъ (низовья Волги). Самосадскіе старички устукали-таки ненавистнаго имъ главнаго управляющаго, который въ отместку отнялъ у нихъ всякій выгонъ и уже неизвѣстно для чего закрылъ мѣдный рудникъ Крутяшъ, существованіе котораго Петръ Елисѣичъ отстаивалъ всѣми силами.

— А мнѣ все равно, — повторялъ Голиковскій, чувствовавшій, что ему ничего не остается, какъ только бѣжать съ заводовъ. — Одинъ въ полѣ не воинъ... А Самосадку я все-таки укомплектую: на войнѣ, какъ на войнѣ. Мы сами виноваты, что распустили населеніе.

Въ кабакѣ Рачителихи происходило невиданное еще оживленіе, какого не было даже при объявленіи воли. Наѣхали самосадчане, и въ кабакѣ шелъ

стономъ стонъ. Старики снаряжали ходоковъ въ Петербургъ къ самимъ владѣльцамъ, а вмѣстѣ заводили дѣло о своей землѣ. Выискался и подходящій адвокатъ, который обѣщалъ „выправить землю“. Мосей былъ выпущенъ и теперь орудовалъ съ мрачною энергіей, какъ обреченный человѣкъ. Къ самосадскимъ старикамъ присталъ Кержацкій конецъ и нѣкоторые старички-мочегане, какъ Титъ Горбатый и Коваль. Молодяжникъ отмалчивался, обдумывая свое дѣло. Наступала лѣтняя пора, и — во всѣ стороны дорога скатерью. Кромѣ золотыхъ промысловъ, рабочія руки требовались на вновь строившуюся желѣзную дорогу. Начались спѣшные сборы. Молодежь уходила съ женами, а дома оставались одни старики съ ребятишками. Нѣкоторыя избы заколачивались наглухо, потому что некому было въ нихъ жить.

Первыми двинулись самосадчане, не взявшіе подрядовъ на куренную работу, за ними потянула Пеньковка, потомъ тронулся и Кержацкій конецъ. Это происходило въ началѣ мая, когда дорога попросохла.

Черезъ Мурмосъ каждый день двигались цѣлые обозы съ уходившими на заработки. Ѣхали на телѣгахъ, нагруженныхъ домашнимъ скарбомъ и необходимыми для дальней дороги запасами разнаго провіанта. Лука Назарычъ, стоя у своего окна, каждое утро наблюдалъ вереницы двигавшихся подводъ, и его старое крѣпостное сердце обливалось кровью: уходила та живая сила, которая складывалась сотнями лѣтъ. Это было все равно, если бы здоровому человѣку „отворить кровь“. А Голиковскій и въ усъ не дулъ: выйдетъ на балконъ, закуритъ сигару и смотритъ, какъ мимо господскаго дома ѣдутъ то самосадчане, то ключевляне, то свои мурмосскіе. Когда новый главный управляющій оставался совершенно спокойнымъ, старый крѣпостной управляющій Лука Назарычъ ужасно волновался и, какъ говорится, не находилъ себѣ мѣста. Его волненіе раздѣлялъ только — „неизмѣнное конье“ — бывшій личный секретарь Овсянниковъ, высохшій на канцелярской работѣ.

— Что же это такое, Лука Назарычъ? — спрашивалъ Овсянниковъ.— Вѣдь это безъ смерти смерть... Голиковскій-то уѣдетъ, а мы останемся. Намъ некуда итти.

Даже почью не снится Лукѣ Назарычу: все онъ слышитъ грохотъ телѣгъ и конскій топотъ. А встанетъ утромъ и сейчасъ къ окну: можетъ-быть, сегодня остановятся. Не всѣ же уѣдутъ... Раза два изъ господскаго дома забѣгалъ къ Лукѣ Назарычу вѣрный рабъ, Аристашка, который тоже мучился переселеніемъ.

— Ну, что твой-то баринъ?—спрашивалъ нехотя Лука Назарычъ.

— А ничего: сидитъ да свои цыгары куритъ... Нехорошо, Лука Назарычъ.

Наконецъ старикъ не вытерпѣлъ. Однажды утромъ онъ одѣлся съ особенною тщательностью, точно въ христовскую заутреню: надѣлъ крахмальную манишку, пестрый бархатный жилетъ, старомодный сюртукъ синяго англійскаго сукна и дареные часы-луковицу. Торжественно вышелъ онъ изъ дома и направился прямо въ господскій домъ, въ которомъ не бывалъ со времени своего изгнанія. Голиковскаго онъ видѣлъ раза два только издали. Аристашка остолбенѣлъ, когда въ переднюю вошелъ самъ Лука Назарычъ.

— Доложи барину,—коротко приказалъ Лука Назарычъ.

Голиковскій вышелъ встрѣтить рѣдкаго гостя на верхнюю площадку лѣстницы.

— Я очень радъ видѣть васъ, дорогой Лука Назарычъ.

— Давно собираюсь, Леонидъ Оедорычъ, да все какъ-то не могъ удосужиться. Да и вы—занятой человѣкъ... да...

Первый моментъ свиданія вышелъ довольно натянутымъ, какъ Голиковскій ни старался занять гостя. Лука Назарычъ какъ-то все ежился, точно ему было холодно, и только кряхтѣлъ, хмуря сѣдыя брови. Наконецъ онъ поднялся, застегнулъ сюртукъ на всѣ пуговицы и проговорилъ:

— Леонидъ Ѳедорычъ, что же это такое?

— А что?—сухо спросилъ Голиковскій, суживая косившій глазъ.

— Да вѣдь весь народъ разбѣжится съ нашихъ заводовъ! Значитъ, невтерпежъ, если побросали и дома и всякое обзаведеніе, и побрели, куда глаза глядятъ.

— Ахъ, вы вотъ про что, дорогой Лука Назарычъ... Да... Къ сожалѣнію, вы безпокоитесь совершенно напрасно: безъ рабочихъ не останемся.

— Какъ безъ рабочихъ?

— Наймемъ изъ другихъ мѣстъ; наконецъ выпишемъ изъ Россіи...

— Другихъ? Нѣтъ, ужъ извините, Леонидъ Ѳедорычъ, другихъ такихъ-то вы днемъ съ огнемъ не сыщете... Помилуйте, взять хоть тѣхъ же ключевлянъ! Ахъ, Леонидъ Ѳедоровичъ, напрасно-съ... даже весьма напрасно: вѣдь это полное разореніе. Сила уходитъ, капиталъ, котораго и не нажить... Послушайте меня, старика, опомнитесь. Вѣдь это похуже крѣпостного права, ежели ужъ никакого житья не стало... По душѣ надо сдѣлать... Мы наказывали, мы и жалѣли при случаѣ. Тоже въ каждомъ своя совѣсть есть...

Голиковскій не далъ кончить, а, положивъ руку на плечо Лукѣ Назарычу, сухо отвѣтилъ:

— Я очень уважаю васъ, Лука Назарычъ, но не люблю, когда люди суются въ чужія дѣла.

Онъ круто повернулся и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

— Какъ въ чужія?—крикнулъ ему вслѣдъ Лука Назарычъ.—Ты здѣсь чужой, а мы-то свои всѣ... Это наше кровное дѣло.

Постоявъ съ минуту, старикъ махнулъ рукой и побрелъ къ выходу. Аристашка потомъ увѣрялъ, что Лука Назарычъ плакалъ. На площади у памятника старика дожидался Овсянниковъ. Лука Назарычъ шелъ безъ шапки, сѣдые волосы развѣвались, а онъ ничего не чувствовалъ. Завидѣвъ вѣрнаго крѣпостного слугу, онъ только махнулъ рукой: дескать, все кончено.

XI

Заводы остановились, „жила“ опустѣли. Половина избъ стояла съ заколоченными окнами. Лѣто прошло невеселое: страдовали старики да бабы съ подростками. Почти все мужское взрослое населеніе разбрелось, куда глаза глядятъ, побросавъ дома и семьи. Случилось что-то стихійно-ужасное, какъ повѣтріе или засуха. На покосахъ больше не пѣли веселыхъ пѣсенъ и не курились покосные огоньки, точно пронеслось мертвое дуновеніе. Раньше на время дѣлалась мертвой только одна фабрика, а теперь замерло вмѣстѣ съ фабриками и все жилое. Картина получилась ужасная, точно послѣ военнаго разгрома. Послѣднимъ уѣхалъ самъ Голиковскій. Онъ поступилъ на другое мѣсто съ еще бо̀льшимъ жалованьемъ, какъ „человѣкъ твердаго характера“.

Въ Ключевскомъ заводѣ безмолвствовали всѣ три конца, какъ безмолвствовала фабрика и мѣдный рудникъ. По праздникамъ на базарѣ не толпился народъ, а вечеромъ домой съ пасева возвращалось всего десятка два коровъ. Не было жизни, не было движенія, не было трудового шума, который поднимался вмѣстѣ съ зарей. Петръ Елисѣичъ попрежнему оставался въ господскомъ домѣ въ ожиданіи назначенія новаго главнаго управляющаго, а пока

могъ наблюдать только за сохраненіемъ пустовавшей фабрики и мѣднаго рудника. Онъ по привычкѣ аккуратно поднимался въ пять часовъ и отправлялся съ дѣловымъ видомъ по знакомой дорогѣ на фабрику. На плотинѣ у спуска къ доменному корпусу его уже ждалъ остававшійся попрежнему сторожемъ Слѣпень. Онъ стоялъ безъ шапки, молча кланялся и сейчасъ же отбивалъ на работу. Петръ Елисѣичъ спускался внизъ и завертывалъ въ доменный корпусъ, гдѣ теперь жилъ, какъ дома, остававшійся безъ дѣла мастеръ Никитичъ. Онъ сильно постарѣлъ, а борода сдѣлалась совсѣмъ сѣдой.

— Что новенькаго, Петръ Елисѣичъ? — спрашивалъ Никитичъ, вытягиваясь передъ управителемъ въ струнку.

— А скоро назначатъ новаго управляющаго, — отвѣчалъ Петръ Елисѣичъ.—Ну, а ты какъ тутъ живешь?

— Живу, родимый мой, какъ сизый голубь... День прошелъ, и слава Богу.

Они вдвоемъ обходили всѣ корпуса и подробно осматривали, все ли въ порядкѣ. Мертвымъ холодомъ вѣяло изъ каждаго угла, точно они ходили по кладбищу. Петра Елисѣича удивляло, что фабрика стоитъ пустая всего полгода, а между тѣмъ вездѣ являлись новые изъяны, требовавшіе ремонта и поправокъ. Когда фабрика была въ полномъ дѣйствіи, все казалось и крѣпче и лучше. Явились трещины въ стѣнахъ, машины ржавѣли, печи и горны разваливались сами собой, водяной ларь далъ течь, дерево гнило на глазахъ.

— Отчего это, Никитичъ, все рушится такъ скоро?—спрашивалъ Петръ Елисѣичъ, указывая на всѣ эти признаки начинавшагося разложенія. — Если бы фабрика была въ полномъ ходу, этого бы не было...

— Не было бы, родимый мой... Все равно, какъ пустой домъ: стоитъ и самъ валится. Пока живутъ — держится, а запустѣлъ — и конецъ. Ежели здороваго человѣка, напримѣрно, положить въ лазаретъ, такъ онъ безпремѣнно помретъ... Такъ и это дѣло.

— Что же, правильно,—соглашался Петръ Елисѣичъ.

— Ужъ это завсегда такъ...

Бездѣйствовавшая фабрика походила на парализованное сердце: она остановилась, и все кругомъ точно омертвѣло. Стоявшая молча фабрика походила на громаднаго покойника, лежавшаго всѣми своими желѣзными членами въ каменномъ гробу. Именно такое чувство испытывалъ Петръ Елисѣичъ каждый разъ, когда обходилъ съ Никитичемъ фабричные корпуса.

Никитичъ сторожилъ фабрику совершенно добровольно, какъ добровольно Петръ Елисѣичъ каждое утро дѣлалъ свой обходъ, — оба отлично понимали другъ друга. Однажды Никитичъ сообщилъ по секрету удивительную вещь.

— Этакъ вечеркомъ лежу я въ формовочной,—разсказывалъ Никитичъ таинственнымъ полуголосомъ: — будто этакъ прикурнулъ малость... Лежу и слышу: кто-то какъ дохнетъ всею пастью! Ей-Богу, Петръ Елисѣичъ... Ну, я выскочилъ въ корпусъ, обошелъ все, сотворилъ молитву и опять спать. Только-только стану засыпать, и опять дохнетъ... Потомъ ужъ я догадался, что это моя-то старуха домна вздыхала. Вотъ сейчасъ провалиться...

Съ фабрики Петръ Елисѣичъ шелъ на мѣдный рудникъ, гдѣ его ждалъ Ефимъ Андреичъ. Старый рудничный смотритель находился въ ужасной тревогѣ: оставленная мѣдная шахта разрушалась на глазахъ. Главное, одолѣвала жильная вода, подкапывавшаяся гдѣ-то тамъ въ таинственной глубинѣ, какъ воръ. Если Никитичъ слышалъ дыханіе своей домны, то Ефимъ Андреичъ постоянно чувствовалъ, какъ его шахта напрасно борется съ наступающимъ

на нее врагомъ—водой. Это было ужасно, какъ ужасно видѣть захлебывающагося человѣка. Припавъ ухомъ къ землѣ, Ефимъ Андреичъ слышалъ журчаніе сочившейся воды, слышалъ, какъ обваливалась земля, а врагъ подходилъ все ближе и ближе. Рискуя собственною жизнью, онъ нѣсколько разъ одинъ спускался по стремянкѣ и ползалъ по безмолвнымъ штольнямъ и штрекамъ, какъ кротъ. Новыя работы еще держались, но старыя быстро наполнялись водой. Откуда только эта вода и бралась? И вода особенная: студеная, темная, тяжелая и зловѣщая, какая бываетъ только въ рудникахъ. Холодъ смерти проникалъ все, какъ разлагавшійся трупъ. Ефимъ Андреичъ могъ только вздыхать...

Иногда съ рудника Петръ Елисѣичъ завертывалъ къ Ефиму Андреичу напиться чаю, а главнымъ образомъ поговорить о разныхъ разностяхъ. Ефимъ Андреичъ выписывалъ „Сынъ Отечества“ и усиленно слѣдилъ за политикой, такъ что тема для разговоровъ была неисчерпаема.

— Опять поговорили о политикѣ? — говорила Нюрочка, если отецъ заставлялъ ее ждать съ обѣдомъ.

— Да... немножко...

Нюрочка стала замѣчать, что вообще съ Петромъ Елисѣичемъ творится что-то неладное: онъ сталъ забываться, былъ ужасно разсѣянъ и вообще измѣнялся на глазахъ. Нюрочка нарочно посылала за о. Сергѣемъ, чтобы развлечь отца. Вася Груздевъ, жившій теперь въ Ключевскомъ заводѣ, въ счетъ не шелъ: онъ былъ своимъ человѣкомъ въ домѣ. Дѣла у Груздева разстроились окончательно, такъ что всю торговлю въ Ключевскомъ заводѣ онъ передалъ сыну. Но это было немного поздно: приказчики успѣли растащить все, такъ что даже подсчитать ихъ не было никакой возможности. Да и душа у Васи не лежала къ торговлѣ. Онъ даже смущался тѣмъ, что сдѣлался сидѣльцемъ. Переломъ ноги подѣйствовалъ на него рѣшающимъ образомъ: прежняго сорванца какъ не бывало. Конечно, дѣло тутъ было не въ ногѣ, а въ томъ вліяніи, которое произвела на него Нюрочка. Вася только черезъ нее увидѣлъ себя и неучемъ и дрянным человѣкомъ. Ему сдѣлалось ужасно совѣстно за свою безпорядочную жизнь, и онъ потихоньку началъ учиться, чтобы догнать Нюрочку хоть немного. Переѣздъ въ Ключевской заводъ окончательно передѣлалъ его, и Вася откровенно признался Нюрочкѣ въ своихъ недостаткахъ, порокахъ и слабостяхъ, а также и въ томъ, что искренно желаетъ исправиться и, прежде всего, учиться. Это духовное воскресніе привело Нюрочку въ восторгъ, и она предложила свои услуги по части занятій.

— Черезъ годъ вы можете быть народнымъ учителемъ, — съ наивною серьезностью говорила она, какъ старшая сестра.—Не унывайте.

— Я буду стараться, Анна Петровна.

Ахъ, какое это было хорошее время, время розовыхъ надеждъ, вѣры и счастливыхъ молодыхъ грезъ!.. Сознавая собственную неподготовку, Нюрочка сама училась съ лихорадочною энергіей. Раньше занятія шли только по обязанности, подъ вліяніемъ отца, а теперь они получили самостоятельный и глубокій внутренній смыслъ. Заниматься Вася могъ только по вечерамъ, когда кончалъ торговлю. Онъ обыкновенно приходилъ къ вечернему чаю и терпѣливо ждалъ, когда Нюрочка освободится. Занятія происходили въ залѣ, а Петръ Елисѣичъ шагалъ по ней изъ угла въ уголъ, заложивъ руки за спину. Онъ тоже занимался съ Васей, но по своему методу, путемъ бесѣдъ и разсказовъ. Старикъ самъ увлекался, когда начиналъ разсказывать о чудесахъ современной техники, о томъ страшномъ движеніи впередъ, которое совершается сейчасъ на европейскомъ Западѣ, о томъ, что должно сдѣлать у насъ.

Ахъ, если бы можно было зажить сначала,—вѣдь теперь открыты всѣ пути, не то, что въ глухое крѣпостное время. И сколько работы молодымъ поколѣніямъ, святой, необходимой работы!.. Потухавшіе глаза старика разгорались, и онъ переживалъ каждый разъ восторженное настроеніе, выкупавшееся потомъ старческою апатіей и тоской.

— Я, папа, непремѣнно поѣду за границу,—мечтала вслухъ одушевлявшаяся Нюрочка.—Все увижу своими глазами.

— Слѣдуетъ съѣздить,—соглашался Петръ Елисѣичъ:—слѣдуетъ... Хотя бы для того одного, чтобы сдѣлалось совѣстно за окружающую родную дѣйствительность.

Эти разговоры о поѣздкѣ Нюрочки отзывались въ душѣ Васи рѣжущею болью, и на время эта чудная дѣвушка точно умирала для него. Да, она уѣдетъ и не вернется, а онъ такъ и останется на всю жизнь сидѣльцемъ. Вася квартировалъ въ новомъ домѣ солдата Артема и черезъ Домнушку зналъ всѣ заводскія новости. Веселаго въ нихъ ничего не было: всѣхъ начинала донимать быстро разраставшаяся нужда. Заработковъ не было, и проѣдали послѣднее. Солдатъ Артемъ сумѣлъ выжать деньги и изъ этой бѣды, выдавая харчи и разный лежалый товаръ подъ закладъ одежи и разной другой домашности. Операція оказалась чрезвычайно выгодною, и каждую недѣлю Артемъ отправлялъ нѣсколько возовъ съ одежей, конскою сбруей и разною рухлядью куда-то на золотые промыслы, гдѣ все это продавалось уже по настоящей цѣнѣ. Другіе торгаши сидѣли безъ дѣла, а солдатъ набивалъ мошну. По улицамъ стали бродить нищіе десятками, чего раньше и „въ заводѣ“ не было. Да и семейные люди сидѣли впроголодь. Всѣ надежды и упованія увезли съ собой по разнымъ мѣстамъ тѣ, кто еще былъ въ силахъ и надѣялся найти работу. Особенно жутко приходилось разному сиротству, изработавшимся на огненной работѣ старикамъ и вообще всѣмъ тѣмъ, кто жилъ въ семьѣ изъ-за готоваго хлѣба и промышлялъ по части разной домашности.

Даже такія семьи, какъ Горбатые, и тѣ нуждались, хотя и крѣпились. Собственно говоря, единственную рабочую силу представлялъ Макаръ, который попрежнему оставался лѣсообъѣздчикомъ, хотя вотъ уже цѣлыхъ полгода не получалъ жалованья. Большакъ Ѳедоръ попрежнему оставался въ ордѣ, Флоръ ушелъ на заработки, а жену Агаѳью съ дѣтьми бросилъ на произволъ судьбы. Артемъ жилъ въ отдѣлѣ, какъ и Пашка, поселившійся у Никитича „влазнемъ“. Впрочемъ, Пашка тоже ушелъ куда-то на желѣзную дорогу и увелъ за собой Оленку. У Макара лежалыхъ денегъ не было, и семья съ трудомъ перебивалась изо дня въ день. Старому Титу больше всего не хотѣлось „покориться солдату“, который звалъ его жить къ себѣ, а денегъ не давалъ.

— Лучше помру, этово-тово, а къ солдату не пойду,—повторялъ упрямый Титъ.—Вотъ ребятишекъ жаль... Эхъ, не надо было изъ орды выворачиваться. Кабы не проклятущія бабенки, жили бы, этово-тово...

Макаръ сдѣлался задумчивымъ до суровости. Татьяна больше не боялась за него, хотя онъ и частенько похаживалъ въ Кержацкій конецъ къ мастерицѣ Таисьѣ. Аглаида тоже бывала у Таисьи, но она содержала себя строго: комаръ носу не подточитъ. У Таисьи шли какія-то таинственныя бесѣды, въ которыхъ принимали участіе старикъ Основа, Макаръ и еще кое-кто изъ мужиковъ. Пробовали они залучить къ себѣ и Тита, но старикъ не пошелъ.

Въ Туляцкомъ концѣ только двѣ семьи поднялись на ноги: Филиппъ Чеботаревъ, у котораго всѣ дѣвки, за исключеніемъ Феклисты, уходили на промысла, да старуха Мавра, мать разбойника Окулка. Чеботаревы дѣвки

выносили съ промысловъ и наряды и деньги, а Наташка, сестра Окулка, пожилась около Грузлева, когда тотъ еще былъ въ силѣ. У Мавры теперь была своя изба. Въ Хохлацкомъ концѣ была сплошная нужда. Между прочимъ, быстро захудали Ковали, потому что Терешка-казакъ бросилъ семью и ушелъ вмѣстѣ съ другими куда-то на промысла. Разбогатѣвшая Рачителиха собиралась переѣзжать въ Мурмосъ. Илюшка хотѣлъ открывать тамъ свою торговлю и пока проживался въ Ключевскомъ только изъ-за того, что выжидалъ жениться на старшей дочери старика Основы. Поговаривали, что Спирька Гущинъ хочетъ жениться на Наташкѣ, которая слыла теперь за богатую невѣсту. Всѣ три конца срастались все больше. Первыя свадьбы выходили убѣгомъ, вызывая родительскія проклятія и непріятности, а теперь говорили о предполагавшихся свадьбахъ, какъ о дѣлѣ законномъ. Сама Рачителиха не перечила любимцу Илюшкѣ, только бы сынъ былъ счастливъ съ кержанкой.

Дѣйствительно, послѣ Пасхи сыграли обѣ свадьбы въ Кержацкомъ концѣ совсѣмъ открыто. Мочегане и кержаки наконецъ сошлись за свадебнымъ столомъ, что было крѣпче и крѣпостного права, и кабака Рачителихи, и огненной работы, и соединявшей всѣхъ нужды. Солдатъ Артемъ, какъ ни въ чемъ не бывало, пировалъ на свадьбѣ у Спирьки Гущина, бывшаго любовника своей жены,—онъ нарочно пошелъ на эту свадьбу, чтобы отомстить и Домнушкѣ, и показать всѣмъ, что онъ плевать хочетъ на пересуды да на бабьи сплетни. Онъ теперь каждый вечеръ уходилъ въ господскій домъ и сидѣлъ въ кухнѣ до тѣхъ поръ, пока Катря не выгоняла его. Говорили, что онъ ждетъ только смерти Домнушки, чтобы жениться на Катрѣ.

Одни играли свадьбы, а другіе тужили да горевали. Наступала страда, а запасовъ не хватало на покосъ. Старый Титъ прикидывалъ и такъ и этакъ,—ничего не выходило. Макаръ не обращалъ вниманія на хозяйственные недостатки, а только читалъ какія-то церковныя книги да долго молился по ночамъ. „Охъ, уйдетъ въ кержаки!“—думалъ старый Титъ въ ужасѣ, хотя открыто и не смѣлъ сказать Макару своихъ стариковскихъ мыслей. Татьяна тоже потихоньку плакала. Снохи вообще со всякою бѣдой шли къ свекру и наконецъ доняли-таки его передъ страдой, чтобы сходилъ къ солдату Артему и перехватилъ деньжонокъ на страду. Титъ ругался и даже замахивался на снохъ, а потомъ согласился.

Итти ему одному къ солдату очень ужъ было муторно, и онъ завернулъ къ свату Ковалю, — Ковали давно занимали деньги у Артема подъ разный закладъ.

— И то пойдемъ, сватъ, — согласился Коваль. — Не помирать же съ голода... Солдатъ на свадьбѣ у Спирьки пировалъ третьяго-дня, а съ похмелья онъ добрѣе.

— Увидимъ, этово-тово...

— У магазинъ пойдемъ къ бісову сыну!.. Отто выворотень!..

Старики отправились, подпираясь палками,—плохо ужъ ходили старыя ноги. Проходя мимо кабака Рачителихи, старый Коваль остановился, покрутилъ своею сивою головой и вопросительно посмотрѣлъ на свата.

— А ну его, этово-тово,—отвѣтилъ Титъ на нѣмое предложеніе стараго пьяницы и благочестиво отплюнулся. — Добрымъ людямъ ѣсть нечего, а тутъ кабакъ... тьфу!

Вплоть до дома Артема сваты шли молча, удрученные самыми разнообразными мыслями.

— Тебѣ, сватъ, попереду у магазинъ итти, — рѣшилъ Коваль, останавливаясь передъ стеклянными дверями солдатскаго магазина.

Дверь оказалась незапертой, какъ обыкновенно. Титъ, поправивъ опояску, вошелъ первымъ, оглядѣлся и вылетѣлъ назадъ, точно его сдуло изъ магазина вѣтромъ. Онъ чуть не сшибъ съ ногъ Коваля.

— А, чтобъ тебя ущемило!—ругался Коваль.

Титъ совершенно растерялся и не могъ вымолвить ни одного слова. Онъ только показывалъ рукой въ магазинъ... Тамъ надъ прилавкомъ, гдѣ въ потолочинѣ были на толстомъ желѣзномъ крюкѣ прилажены вѣсы, теперь висѣла въ петлѣ Домнушка. Несчастная баба хоть своею смертью отомстила солдату за свой послѣдній позоръ.

XII.

Трагическій конецъ Домнушки произвелъ на Петра Елисѣича потрясающее впечатлѣніе. Онъ нѣсколько разъ ходилъ на мѣсто печальнаго происшествія и возвращался точно въ туманѣ. Катря замѣтила первая, что „съ паномъ неладно“,—и ходитъ не попрежнему, и какъ будто заговаривается. Положимъ, онъ всегда отличался нѣкоторыми странностями, но сейчасъ онѣ обострились. Свои подозрѣнія Катря сообщила Нюрочкѣ, которая похолодѣла отъ ужаса. Дѣйствительно, во всемъ сказывался повихнувшійся человѣкъ, особенно въ этихъ безцѣльно-торопливыхъ движеніяхъ и лихорадочно-безсвязной рѣчи. Нюрочка сейчасъ же послала за Таисьей.

— Поздравь меня, — говорилъ ей Петръ Елисѣичъ. — Меня назначили главнымъ управляющимъ, вмѣсто Голиковскаго... Какъ это мнѣ раньше не пришло въ голову? Завтра же переѣзжаемъ въ Мурмосъ... А главное: винокуренный заводъ, потому что прудъ въ Мурмосѣ мелкій и воды не хватаетъ зимой.

Таисья только качала головой, слушая этотъ бредъ. Вечеромъ завернулъ о. Сергѣй, уже слышавшій о несчастіи. Нюрочка встрѣтила его съ красными отъ слезъ глазами. Она догадалась, что о. Сергѣя пригласилъ Вася.

— Необходимо послать за докторомъ, — рѣшилъ о. Сергѣй. — И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Я самъ съѣзжу,—вызвался Вася.—Ночью успѣю обернуться...

Какая это была ужасная ночь!.. Петръ Елисѣичъ уже давно страдалъ безсонницей, а теперь онъ всю ночь не сомкнулъ глазъ и все ходилъ изъ комнаты въ комнату своими торопливыми, сумасшедшими шагами. Нюрочка тоже не спала. Она вдругъ почувствовала себя такою одинокой, точно цѣлый міръ закрылся передъ ней. Что-то безсмысленно-страшное неожиданно поднялось передъ ней, и она почувствовала себя такою маленькой и беззащитной. У другихъ есть хоть близкіе родные, а у ней никого, никого... Куда она дѣнется съ сумасшедшимъ отцомъ и другимъ сумасшедшимъ, Сидоромъ Карпычемъ?.. Утѣшителемъ явился Ефимъ Андреичъ, который прибѣжалъ чуть свѣтъ. Старикъ ужасно обидѣлся, что за нимъ не послали вчера же, какъ за о. Сергѣемъ.

— Слава Богу, не чужіе,—повторялъ онъ и въ порывѣ нѣжности по-отечески поцѣловалъ Нюрочку въ голову.—Умница вы моя, всѣ мы такъ-то... живемъ-живемъ, а потомъ Господь и пошлетъ испытаніе... Не нужно падать духомъ.

Докторъ пріѣхалъ только къ обѣду вмѣстѣ съ Васей. Онъ осмотрѣлъ больного и только покачалъ головой: углы губъ были опущены, зрачокъ не реагировалъ на свѣтъ. Однимъ словомъ, передъ нимъ былъ прогрессивный параличъ въ самой яркой формѣ.

— Какъ вы нашли больного, докторъ? — со страхомъ спрашивала Нюрочка.—Пожалуйста, говорите правду...

— Хорошаго ничего нѣтъ, хотя, конечно, бываютъ случаи... Вообще не слѣдуетъ приходить въ отчаяніе.

Нюрочка горько рыдала, охваченная отчаяніемъ. Господи, да за что же? Вѣдь живутъ же другіе, тысячи и милліоны этихъ „другихъ“. Наконецъ зачѣмъ такая страшная кара, какъ сумасшествіе? Лучше было бы, если бы онъ умеръ, какъ всѣ другіе, а не оставался безсмысленнымъ и жалкимъ существомъ, какъ позоръ жалкой въ своей немощи человѣческой природы. Тысячи мыслей вихремъ пронеслись въ головѣ Нюрочки, и ей самой начинало казаться, что и она тоже сходитъ съ ума. Она даже замѣтила по особой внимательности доктора, что и на нее смотрятъ, какъ на кандидатку въ сумасшедшіе. Ее охватилъ смертный ужасъ за самоё себя, и она стала наблюдать за каждымъ своимъ шагомъ, за каждымъ словомъ и каждою мыслью, подмѣчая ненормальности и уклоненія. Да, и она тоже сумасшедшая, и давно сумасшедшая, сумасшедшая дочь сумасшедшаго отца! Наслѣдственность не знаетъ пощады, она въ крови, въ каждомъ волокнѣ нервной ткани, въ каждой органической клѣточкѣ, какъ отрава, какъ страшное проклятіе, какъ постоянный свидѣтель ничтожества человѣка и всего человѣчества.

— Необходимо ихъ разъединить,—посовѣтовалъ докторъ Ефиму Андреичу, котораго принималъ за родственника. — Она еще молода и нервничаетъ, но все-таки лучше изолировать ее... Главное обратите вниманіе на развлеченія. Кажется, она слишкомъ много читала для своихъ лѣтъ и, можетъ-быть, пережила что-нибудь такое, что̀ дѣйствуетъ потрясающимъ образомъ на душу. Пусть развлекается чѣмъ-нибудъ... маленькія удовольствія...

— Какія у насъ удовольствія, господинъ докторъ! — уныло отвѣчалъ Ефимъ Андреичъ, удрученный до глубины души. — Всего и развлеченія, что по ягоды дѣвушки сходятъ или праздничнымъ дѣломъ пѣсенку споютъ...

— Какъ ужъ тамъ знаете... Мое дѣло—сказать. А больного необходимо отправить въ больницу, въ Пермь... Тамъ за нимъ будетъ и уходъ и лѣченіе, а бываютъ случаи, что и выздоравливаютъ. Вотъ все, что̀ я могу сказать.

— Что̀ же вы насъ оставляете въ такую минуту, докторъ? — умоляюще заговорилъ Ефимъ Андреичъ. — Мы впотьмахъ живемъ, ничего не знаемъ, а вы—человѣкъ образованный... Помогите хоть чѣмъ-нибудь!

— Наука безсильна, наука сама ничего не знаетъ въ этой области, — съ грустью отвѣтилъ докторъ. — Я остался бы, если бы могъ принести хоть какую-нибудь пользу.

Докторъ былъ хорошій человѣкъ и говорилъ вполнѣ искренно. Такіе случаи собственнаго безсилія на самого него нагоняли какую-то подавляющую тоску, и онъ понималъ состояніе Нюрочки. Послѣ нѣкотораго раздумья онъ прибавилъ:

— Все, что̀ я могу сдѣлать, это—самому проводить больного до Перми, если заводоуправленіе дастъ мнѣ отпускъ.

Докторъ остался въ Ключевскомъ заводѣ на нѣсколько дней, воспользовавшись предлогомъ привести въ порядокъ заводскую больницу. Кстати, ждали слѣдователя по дѣлу о повѣсившейся Домнушкѣ, которую приходилось „потрошить“ ему же. Онъ поселился въ господскомъ домѣ, въ комнатѣ Нюрочки, а сама Нюрочка на время переѣхала къ Парасковьѣ Ивановнѣ. Катря пока ушла къ своимъ, т.-е. въ избу къ Ковалямъ, благо тамъ мѣсто теперь для нея нашлось. Каждый вечеръ докторъ уходилъ въ Пеньковку и подолгу сидѣлъ, разговаривая съ Ефимомъ Андреичемъ или съ Нюрочкой. Его за-

интересовалъ этотъ изолированный мірокъ, гдѣ были свои интересы, свои взгляды, убѣжденія и вообще цѣлый порядокъ неизвѣстной ему жизни. Нюрочка просто поражала его: какъ могла такая дѣвушка родиться и вырасти въ такой ветхозавѣтной обстановкѣ? Нюрочка скоро привыкла къ новому человѣку, и только Парасковья Ивановна косилась на него. Вася тоже приходилъ по вечерамъ, скромно усаживался куда-нибудь въ уголокъ и больше молчалъ, подавленный своею необразованностью, — онъ отъ всей души завидовалъ доктору, который вотъ такъ свободно можетъ говорить съ Нюрочкой обо всемъ, точно самъ родился и выросъ въ Ключевскомъ.

Вмѣсто нѣсколькихъ дней, докторъ зажился цѣлыхъ двѣ недѣли, потому что задержалъ слѣдователь, пріѣхавшій производить слѣдствіе по дѣлу Домнушки. Парасковья Ивановна ужасно волновалась и зорко слѣдила за каждымъ шагомъ Нюрочки. Старушкѣ казалось, что дѣвушка какъ будто начала „припадать“ къ доктору, день ходитъ, какъ въ воду опущенная, и только ждетъ вечера. Конечно, докторъ полюбопытнѣе Васи, а разговору сколько хочешь. Да и докторъ тоже какъ будто припадалъ къ Нюрочкѣ,—такъ глазами и ищетъ ее. Долго крѣпилась Парасковья Ивановна и наконецъ не вытерпѣла. Разъ вечеромъ, оставшись въ комнатѣ съ глазу на глазъ съ докторомъ, она съ рѣшительнымъ видомъ проговорила:

— Вотъ что, Иванъ Петровичъ, давно я хочу сказать тебѣ одно словечко. Не обижайся на глупую старуху.

— Пожалуйста, говорите, Парасковья Ивановна.

— Ужъ какъ тамъ знаешь, а скажу... Вотъ ты теперь Домнушку распотрошилъ и повезешь Петра Елисѣича въ умалишенную больницу.

— Да, повезу...

— Повезешь-то повезешь, дай тебѣ Богъ здоровья, а только назадъ-то ужъ къ намъ въ Ключевской не ворочайся...

— Это почему?

— А вотъ по этому самому... Мы люди простые и живемъ попросту. Нюрочку я считаю въ родѣ какъ за родную дочь, и жить она у насъ же останется, потому что и дѣться ей некуда. Ученая она, а тоже простая... Дѣвушка ужъ на возрастѣ, и пора ей свою судьбу устроить. Вѣдь правильно я говорю? Есть у насъ на примѣтѣ для нея и подходящій человѣкъ... Простой онъ, невелико за нимъ ученье-то, а только главное душа въ ёмъ добрая, и хорошихъ родителей, притомъ.

— Какое же отношеніе это имѣетъ ко мнѣ?

— Да ужъ такое... Всѣ науки произошелъ, а тутъ и догадаться не можешь?.. Пріѣхалъ ты къ намъ, Иванъ Петровичъ, незнамо откуда и, можетъ, совсѣмъ хорошій человѣкъ,—тебѣ же лучше. А вотъ напрасно разговорами-то своими дѣвушку смущаешь. Дѣвичье дѣло, какъ невитое сѣно... Ты вотъ поговоришь-поговоришь, сѣлъ въ повозку, да и былъ таковъ, поминай какъ звали, а намъ-то здѣсь вѣкъ вѣковать. Незавидно живемъ, а не плачемъ, пока Богъ грѣхамъ терпитъ...

— Понимаю, Парасковья Ивановна...

Докторъ задумался и даже немного покраснѣлъ, провѣряя самого себя. Да, самое лучшее будетъ ему не возвращаться въ Ключевской заводъ, какъ говоритъ Парасковья Ивановна. Нюрочка ему нравилась, какъ рѣдкій экземпляръ — не больше, а она могла взглянуть на него другими глазами. Да и моментъ-то выдался такой, что она пойдетъ на каждое ласковое слово, на каждый участливый взглядъ. Онъ не подумалъ объ этомъ, потому что думалъ только объ одномъ себѣ.

— Хорошо, я уѣду, Парасковья Ивановна,—согласился онъ.—Спасибо за хорошій совѣтъ...

— Ужъ не взыщи на глупомъ совѣтѣ, голубчикъ!.. Я тебѣ ужо подорожниковъ испеку: не поминай старуху лихомъ.

Докторъ и Парасковья Ивановна разстались большими друзьями. Проводы Петра Елисѣича всего больше походили на похороны. Нюрочка потеряла всю свою выдержку и навела тоску слезами на всѣхъ. Она прощалась съ отцомъ навсегда и въ послѣднюю минуту заявила, что непремѣнно сама поѣдетъ.

— Мы съ тобой потомъ съѣздимъ провѣдать его,—уговаривала ее Парасковья Ивановна.—Не женское это дѣло, а докторъ управится и безъ насъ. Только мѣшать ему будемъ.

По пути докторъ захватилъ и Сидора Карпыча, которому теперь рѣшительно негдѣ было жить, да и его присутствіе дѣйствовало на Петра Елисѣича самымъ успокоительнымъ образомъ. Вася проводилъ больныхъ до Мурмоса и привезъ оттуда вѣсточку, что все благополучно. Нюрочка выслушала его съ особеннымъ вниманіемъ и все смотрѣла на него, смотрѣла не одними глазами, а всѣмъ существомъ: вѣдь это былъ свой, родной, любящій человѣкъ.

— Вася... Вася... — шептала она, протягивая руки.

— Нюрочка...

ЭПИЛОГЪ.

По дорогѣ изъ Мурмоса въ Ключевской заводъ шли, не торопясь, два путника, одѣтые разночинцами. Стояло такъ называемое „отзимье“, т.-е. та весенняя слякоть, когда ни съ того ни съ сего валится мокрый снѣгъ. Такъ было и теперь. Дорога пролегала по самому берегу озера Черчежъ, съ котораго всегда дулъ вѣтеръ, а весенній вѣтеръ особенно донималъ.

— Экъ его взяло!—ворчалъ высокій сгорбленный путникъ, корчившійся въ дырявомъ дипломатѣ. — Это отъ Рябиновыхъ горъ нашибаетъ вѣтромъ-то... И только мокроть!.. Прежде, бывало, ѣдешь въ фаэтонѣ, такъ тутъ хоть лопни дуй...

— Охъ, было поѣзжено, Никонъ Авдеичъ!.. А теперь вотъ на своихъ на двоихъ катимъ. Что же, я не ропщу,—Богъ далъ, Богъ и взялъ. Даже это весьма необходимо для человѣка, чтобы его Господь смирялъ. Человѣкъ превознесется, задуритъ, зафордыбачитъ, а тутъ ему вдругъ крышка,—поневолѣ одумается.

— Правильно, Самойло Евтихычъ.

Это были наши старые знакомые — Палачъ и старикъ Груздевъ. Груздевъ совсѣмъ былъ сѣдой, но его грубое лицо точно просвѣтлѣло и глаза смотрѣли съ улыбающеюся кротостью. Одѣтъ онъ былъ въ старый полушубокъ, видимо, съ чужого плеча, и выростковые крестьянскіе сапоги. Рядомъ съ нимъ Палачъ казался гораздо старше: сгорбленный, худой, съ потухшими глазами и невѣрною походкой. Сказывался старый пьяница, утопившій въ водкѣ всю свою богатырскую силу. Палача мучила одышка, и онъ черезъ каждыя двѣ-три версты садился отдыхать. Груздевъ тоже присаживался рядомъ съ нимъ и все что-нибудь говорилъ, точно старался развлечь своего спутника.

— Долги, поди, будешь собирать въ Ключевскомъ-то?—спрашивалъ Палачъ, раскуривая дорожную трубочку.

— Надо походить по добрымъ людямъ... Только это напрасно: бѣднымъ отдать нечего, а съ богатыхъ не возьмешь. Такой народъ пошелъ нынче, что не сообразишь...

— А приказчики-то твои какъ разжились нынче... Илюшка Рачитель вонъ какъ въ Мурмосѣ расторговался, Тишка въ Ключевскомъ, а про Артема Горбатаго и говорить нечево... Въ купцы, слышь, записаться хочетъ. Онъ вѣдь на Катрѣ женился, на хохлушкѣ?

— На ей на самой.

— Ну, а какъ Вася?

— А мой-то Васька устроился совсѣмъ хорошо, какъ женился. Третій годъ пошелъ, какъ Петръ-то Елисѣичъ кончился въ душевной больницѣ, а Нюрочка и вышла замужъ за Васю черезъ годъ.

— Хорошо живутъ?

— Лучше не надо... Она тутъ земскою учительшей, а Вася-то у ней въ помощникахъ. Это онъ такъ, временно... Лавку открываетъ, потребительская называется, чтобы напротивъ солдату Артему: сами сложатся, кто хочетъ, накупятъ товару и продаютъ. Вездѣ по заводамъ эта самая мода прошла, а торгующимъ прямой зарѣзъ...

— Что же начальство смотритъ? Ежели бы при мнѣ начали устраивать такихъ потребителей, такъ я прописалъ бы имъ два неполныхъ... До свѣжихъ вѣниковъ не забыли бы!

Въ этихъ разговорахъ время шло незамѣтно. Палачъ сильно ослабѣлъ и едва волочилъ ноги. Его душилъ страшный кашель, какой бываетъ только у пропойцъ. Когда они уже подходили къ Ключевскому заводу, Палачъ спросилъ:

— У сына остановишься, Самойло Евтихычъ?

— А не знаю. Ближе бы къ сыну, да безпокоить не хочется. Есть у меня дружки на Ключевскомъ, у кого-нибудь пристану. А ты?

— Я-то? Ужъ, право, и не знаю... Да и иду-то я съ тобой не знаю зачѣмъ. Въ кабакъ къ Рачителихѣ сперва пройду.

Груздевъ только вздохнулъ и про себя пожалѣлъ совсѣмъ погибшаго человѣка. Самъ онъ чувствовалъ себя такъ хорошо и легко, точно снова родился. Палачъ все время проживалъ въ Мурмосѣ, опускаясь все ниже и ниже. Сначала онъ кутилъ дома, потомъ ходилъ по знакомымъ, выжидая угощенія, а кончалъ кабакомъ. Въ Ключевской заводъ, гдѣ онъ когда-то царилъ, его давно тянуло, но удерживала извѣстная гордость, какая сохраняется и у пьяницъ. Встрѣтившись съ Груздевымъ, онъ вдругъ рѣшилъ отправиться въ Ключевской заводъ. Ему хотѣлось повидать Анисью, которая вела тамъ какую-то торговлю и, какъ говорила молва, жила припѣваючи. Онъ зналъ, что Анисья жила съ бывшимъ груздевскимъ обережнымъ Матюшкой Гущинымъ, но это ничего не значитъ: неужели у нихъ не найдется для него рюмки водки?

Въ Ключевскомъ заводѣ путешественники распростились у кабака Рачителихи. Палачъ проводилъ глазами уходившаго въ гору Груздева, постоялъ и вошелъ въ захватанную низкую дверь. Первое, что ему бросилось въ глаза,— это Окулко, который сидѣлъ у стойки, опустивъ кудрявую голову. Палачъ даже попятился, но пересилилъ себя и храбро подошелъ прямо къ стойкѣ.

— Налей стаканчикъ...—хрипло проговорилъ онъ, бросая нѣсколько мѣдяковъ на стойку.

Рачителиха еще смотрѣла крѣпкою женщиной, лѣтъ пятидесяти. Она даже не взглянула на новаго гостя и машинально черпнула мѣрку прямо изъ открытой бочки. Только когда Палачъ съ жадностью опрокинулъ стаканъ водки въ свою пасть, она вглядѣлась въ него и узнала. Не выдавая себя, она торопливо налила сейчасъ же второй стаканъ, что̀ заставило Палача покраснѣть.

— Что̀, признала? — спросилъ онъ, дѣлая передышку.

— Какъ не признать, Никонъ Авдеичъ...

Окулко поднялъ голову и внимательно посмотрѣлъ на Палача. Ихъ глаза встрѣтились. Палачъ выпилъ второй стаканъ, вытеръ губы рукой и спросилъ Окулка:

— Что̀, узналъ?

Не дожидаясь отвѣта, Палачъ хрипло засмѣялся.

— Откуда Богъ несетъ?—спрашивала Рачителиха участливымъ тономъ.— Вонъ какая непогодь.

— А пришелъ посмотрѣть, какъ вы тутъ живете... Давно не бывалъ. Вотъ къ Анисьѣ въ гости пойду... Можетъ, и не прогонитъ.

— Какъ будто оно неловко, Никонъ Авдеичъ,—заговорила Рачителиха, качая головой.—Оно, конечно, дѣло житейское, а все-таки Матюшка-то, пожалуй, остребенится...

— Да вѣдь я не къ нему?

— Ты-то не къ нему, да Анисья-то его, выходитъ... Какъ же этому дѣлу быть, Никонъ Авдеичъ?

Палачъ только развелъ руками: дескать, что̀ тутъ подѣлаешь? Молчаливый Окулко еще разъ посмотрѣлъ на него и проговорилъ:

— Пойдемъ ко мнѣ въ волость ночевать, Никонъ Авдеичъ... Прежде-то мы съ тобой ссоривались, а теперь, пожалуй, и дѣлить намъ нечего.

— И въ самомъ дѣлѣ,—подхватила Рачителиха,—чего лучше! Тепло въ волости-то, а поѣсть я ужо̀ пришлю. Къ Анисьѣ-то погоди ходить.

— Давай намъ полуштофъ, Дуня,—заявилъ Окулко.—Устроимъ мировую.

На стойкѣ появилась опять водка. Бывшій крѣпостной разбойникъ и крѣпостной управитель выпили вмѣстѣ и заставили выпить Рачителиху, а потомъ, обнявшись, побрели изъ кабака въ волость.

— Кто у васъ старшиной-то нынче, Окулко?—спрашивалъ Палачъ.

— А Макаръ Горбатый... Прежде въ лѣсообъѣздчикахъ ходилъ. Основа-то померъ, такъ на его мѣсто онъ и поступилъ... Ничего, правильный мужикъ. Въ волости-то не житье, а масленица.

Такъ они подошли самымъ мирнымъ образомъ къ волости. Окулко вошелъ первымъ и принялся кого-то расталкивать въ темной каморкѣ, гдѣ спали днемъ и ночью волостные старосты и сотскіе.

— Эй, вставай, голова малиновая!—будилъ Окулко лежавшаго пластомъ на деревянномъ коникѣ мужика.—Погляди-ка, какого я гостя приспособилъ.

Съ трудомъ поднялась мохнатая голова и посмотрѣла на вошедшихъ. Это былъ заворуй Мо̀рокъ, служившій при волости сторожемъ. Окулко исправлялъ должность сотскаго. Долго онъ ходилъ изъ острога въ острогъ, пока былъ не вырѣшенъ окончательно еще по старому судопроизводству: оставить въ подозрѣніи—и только. Пришелъ Окулко послѣ двадцатилѣтняго скитальчества домой ни къ чему, пожилъ въ новой избѣ у старухи-матери, а потомъ, когда выбрали въ головы Макара Горбатаго, выпросился на службу въ сотскіе—такого вѣрнаго слуги нужно было поискать. Съ Мо̀рокомъ они жили душа въ душу и свою службу исправляли съ такою ревностью, что ни одна

кража и никакое баловство не могло укрыться. Прочухавшись, Мòрокъ вглядывался въ Палача и потомъ ахнулъ отъ изумленія.

— А ты вотъ что̀, Мòрокъ: соловья баснями не кормятъ... Айда къ Рачителихѣ за полштофомъ! Душа разгорѣлась.

Вечеромъ въ волости всѣ трое сидѣли обнявшись и горланили пѣсни. Пьяный Палачъ плакалъ слезами умиленія.

Разставшись съ Палачомъ у кабака Рачителихи, Груздевъ бодро пошелъ къ базару. Вонъ и магазинъ солдата Артема, и лавка Тишки—все его разорители радуются. Ну, да Богъ съ ними. Рядомъ съ домомъ солдата Артема красовался низенькій деревянный домикъ въ шесть оконъ—это была новая земская школа. Нюрочка съ мужемъ и жили въ ней,—при школѣ полагалась квартира учителю. Груздева взяло сомнѣніе, не завернуть ли къ сыну, но онъ поборолъ это желаніе, вздохнулъ и пошелъ дальше. Господскій домъ былъ лѣтомъ подновленъ, и въ немъ жилъ сейчасъ новый управитель „изъ поляковъ“. Мурмосскіе заводы за долги ушли съ молотка и достались какой-то безыменной компаніи, которая пріобрѣла ихъ въ разсрочку на 39 лѣтъ и сейчасъ же заложила въ земельный банкъ. Для видимости фабрики ремонтировали и доменныя печи пущены въ дѣйствіе. Даже на мѣдномъ рудникѣ дымилась паровая машина. Груздевъ еще разъ вздохнулъ,—онъ въ тонкости понималъ крупную мошенническую аферу и то безвыходное положеніе, въ какомъ находился одинъ изъ лучшихъ уральскихъ горнозаводскихъ округовъ.

Минуя заводскую контору, Груздевъ по заводской плотинѣ направился въ Кержацкій конецъ. У домны онъ остановился, чтобы поздороваться съ Слѣпнемъ, который отказался узнавать его.

— А Никитичъ гдѣ?—спросилъ Груздевъ.

— Вò, руководствуетъ подъ домной,—указалъ Слѣпень на фабрику.— Груздева-то я хорошо зналъ, только онъ не такой былъ.

Вотъ и Кержацкій конецъ. Много избъ стояло еще заколоченными. Груздевъ прошелъ мимо двора братьевъ Гущиныхъ, миновалъ избу Никитича и не безъ волненія подошелъ къ избушкѣ мастерицы Таисьи. Онъ постучалъ въ оконце и помолитвовался: „Господи Іисусе Христе, помилуй насъ!“—„Аминь!“—отвѣтилъ женскій голосъ изъ избушки. Груздевъ больше всего боялся, что не застанетъ мастерицы дома, и теперь облегченно вздохнулъ. Выглянувъ въ окошко, Таисья узнала гостя и бросилась навстрѣчу.

— Здравствуй, сестрица, здравствуй, дорогая,—здоровался съ ней Груздевъ.

— Да какъ это ты надумалъ-то ко мнѣ зайти, Самойло Евтихычъ? Ахъ, батюшки, неужели ты пѣшкомъ?

— Будетъ, сестрица, поѣздилъ въ свою долю, а теперь пѣшечкомъ... Получше насъ люди бывали да пѣшкомъ ходили, а намъ и Богъ велѣлъ.

Таисья провела гостя въ заднюю избу и не знала, куда его усадить и чѣмъ угостить. Въ сутѣ она не забыла послать какую-то дѣвчонку въ школу оповѣстить Нюрочку,—за быстроту въ шутку Таисья называла эту слугу телеграммой.

— Вотъ ужò самоварчикъ поставлю, родимый мой, а то, можетъ, водочки хочешь съ дороги?—угощала Таисья.

— Ничего не нужно, мастерица: хлѣбца ржаного кусочекъ да водицы... Сладко ѣлъ, сладко пилъ, сладко жилъ,—пора и честь знать.

По разговору и по взгляду Таисья сразу догадалась, что Груздевъ пришелъ къ ней неспроста. Пока телеграмма летала въ школу, она успѣла кое-что выспросить и только качала головой.

— Все порѣшилъ и будетъ,—разсказывалъ Груздевъ и улыбался.—И такъ-то мнѣ легко сейчасъ, сестрица, точно я гору съ себя снялъ. Будетъ... А все хваталъ, все было мало,—даже вспомнить-то смѣшно! Такъ ли я говорю?

— Куда же ты направился сейчасъ, Самойло Евтихычъ?

— А въ Заболотье, къ матери Енафѣ.

Таисья опустила глаза и собрала губы оборочкой, а Груздевъ опять улыбнулся.

— Знаю, знаю, сестрица, что̀ ты подумала: слабый человѣкъ мать Енафа... такъ?.. Знаю... Только я-то почитаю въ ней не ея женскую слабость, а скитское иночество. Самъ въ скитахъ буду жить... Гдѣ сестрица-то Аглаида у тебя?

— Ужо̀ пошлю и за ней,—растерянно отвѣтила Таисья.—Трудно тебѣ будетъ, Самойло Евтихычъ, съ непривычки-то.

— Сперва я на Анбашъ думалъ, къ матери Фаинѣ, да раздумалъ: ближе будетъ Енафа-то, да и строгая она нынче стала, какъ инока Кирилла убили.

„Телеграмма“ вернулась, а за ней пришла и Нюрочка. Она бросилась на шею къ Самойлу Евтихычу да такъ и замерла,—очень ужъ обрадовалась старику, котораго давно не видала. Свой, родной человѣкъ... Одѣта она была простенько, въ ситцевую кофточку, на плечахъ простенькій платокъ, волосы зачесаны гладко. Груздевъ долго гладилъ эту бѣлокурую головку и прослезился: Богъ счастье послалъ Васѣ за родительскія молитвы Анѳисы Егоровны. Таисья отвернулась въ уголокъ и тоже плакала.

— Слышалъ, какъ вы тутъ живете, Нюрочка,—говорилъ Груздевъ, усаживая сноху рядомъ съ собой.—Дай Богъ и впереди миръ да любовь... А я вотъ по дорогѣ завернулъ къ вамъ проститься.

— Какъ проститься?

— А такъ... Ухожу въ лѣсъ, душу свою грѣшную спасать да чужіе грѣхи замаливать.

Онъ разсказалъ то же, что̀ говорилъ передъ этимъ Таисьѣ, и все смотрѣлъ на Нюрочку любящими, кроткими, просвѣтленными глазами. Какая она славная, эта Нюрочка,—еще лучше стала, чѣмъ была въ дѣвушкахъ. И глаза смотрятъ такъ строго-строго—строго и, вмѣстѣ, любовно, какъ у мастерицы Таисьи.

— А у насъ-то что̀ тутъ дѣлается,—разсказывала Таисья, чтобы успокоить взволнованныхъ свиданіемъ родственниковъ.—И не разберешь ничего: перепутались концы-то наши... Мочеганка Ѳедорка недавно мужа окрестила и законъ съ нимъ приняла у православнаго попа, мочеганъ Пашка Горбатый этакъ же жену Оленку окрестилъ... То же самое и про Илюшку Рачителя сказываютъ,—онъ у васъ въ Мурмосѣ торгуетъ, а взялъ за себя сестру Агланды нашей. Другіе опять въ нашу вѣру уходятъ, хоть взять того же старшину Макара: онъ не по старой вѣрѣ, а въ духовныхъ братьяхъ. Аглаида его и въ согласіе принимала.

Вечеркомъ завернулъ къ Таисьѣ новый старшина Макаръ, который пришелъ вмѣстѣ съ Васей, а потомъ пришла сестра Аглаида. Много было разговоровъ о ключевскомъ разореньи, о ключевской нуждѣ, о старыхъ знакомыхъ. Груздевъ приномнилъ и мочеганскихъ ходоковъ, которые искали свою землю въ ордѣ.

— А они въ каморникахъ въ церкви служатъ,—объяснилъ Макаръ—Вмѣстѣ и живутъ старички... Древніе стали, слабые, а все вмѣстѣ.

На другой день утромъ въ избушкѣ Таисьи еще разъ собрались всѣ вмѣстѣ проводить Самойла Евтихыча. Нюрочка опять плакала, а Груздевъ ее утѣшалъ:

— Не плакать нужно, моя умница, а радоваться, что слѣпъ былъ человѣкъ, всю жизнь слѣпъ, и вдругъ прозрѣлъ.

По обычаю, присѣли передъ отходомъ, а потомъ началось прощанье. Груздевъ поклонился въ ноги обѣимъ „сестрамъ“, и Таисьѣ и Аглаидѣ.

— Не вамъ кланяюсь, а вашему женскому страданію,—шепталъ онъ умиленно.—Чужіе грѣхи на себѣ несете...

У воротъ избушки Таисьи долго стояла кучка провожавшихъ Самойла Евтихыча, а онъ шелъ по дорогѣ въ Самосадку, шелъ и крестился.

1890 г.

ИЗЪ УРАЛЬСКОЙ СТАРИНЫ.

ОХОНИНЫ БРОВИ.

Повѣсть.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ нижней клѣти усторожской судной избы сидѣли вмѣстѣ башкиръ-переметчикъ Аблай, слѣпецъ Брехунъ, бѣломѣстный казакъ Тимошка Бѣлоусъ и дьячокъ изъ Служней слободы Прокопьевскаго монастыря Ареѳа. Попали они вмѣстѣ благодаря большому судному дѣлу, которое вершилось сейчасъ въ Усторожьѣ воеводой Полуектомъ Степанычемъ Чушкинымъ. А дѣло было не маленькое. Бунтовали крестьяне громадной монастырской вотчины. Узники прикованы были на одинъ желѣзный прутъ. Такъ ихъ водили и на допросъ къ воеводѣ.

— Имѣю большую причину отъ игумена Моисея,—жаловался дьячокъ Ареѳа товарищамъ по несчастью.—Нещадно онъ билъ меня шелепами *)... А еще измо̀ромъ морилъ на всякой своей монастырской работѣ. Яко левъ рыкающій, забрался въ нашу святую обитель... Новшества вездѣ завелъ, съ огнепальною яростію работы египетскія вмѣнилъ... Лютуетъ надъ своею монастырскою братіею и надъ крестьянами.

— И долютовалъ,—отвѣчалъ слѣпецъ Брехунъ.—Какъ крестьяне подступили къ монастырю, игуменъ спрятался у себя въ кельѣ... Не погляну̀лось, какъ съ вилами да съ дрекольемъ наступали, а быть бы бычку на веревочкѣ.

— Живъ смерти боится,—угнетенно соглашался Ареѳа и тяжко вздыхалъ.

— А тебя-то онъ за что изживалъ?

— Немощь у меня, Брехунъ.

— Насчетъ Дивьей обители, что ли?—ядовито спрашивалъ Брехунъ.—Можетъ, дьячиха нажалилась отцу игумену...

— Тоже и сказалъ человѣкъ! Статочное ли это дѣло про Дивью обитель такія словеса изрыгать?

Слѣпецъ Брехунъ любилъ подтрунивать надъ дьячкомъ: надо же было какъ-нибудь коротать долгое тюремное время.

---

*) Шелепы—мѣшки съ пескомъ.

— Немощь у меня къ зелену вину,—объяснялъ дьячокъ:—а соблазнъ вездѣ... Своя монастырская братія стомаха ради и частыхъ недугъ вкушаетъ, а потомъ попъ Миронъ въ Служней слободѣ, казаки изъ слободъ, воинскіе люди... Охъ, великое искушеніе, ежели человѣкъ слабѣетъ!.. Ну, игуменъ Моисей и истерзалъ меня многажды...

— И шеленами, и плетями, и батожьемъ?

— Всячески... Онъ и на поповъ не очень-то глядитъ, чуть что, сейчасъ отправитъ на конюшенный дворъ, а тамъ разговоры короткіе. Раньше игуменъ Моисей въ Тобольскѣ происходилъ служеніе, бѣлымъ попомъ былъ. Ну, а разъярится, такъ необыкновенную скорость на руку оказывалъ... Такъ и попадью свою уходилъ: за обѣдомъ костью говяжьей ее зашибъ, какъ сказываютъ. Вотъ послѣ этого онъ и принялъ на себя иноческій чинъ... На великой рѣкѣ Оби остяковъ крестилъ, монастырь поставилъ, а потомъ къ намъ попалъ, да подъ духовные штаты и угодилъ. Вотчина монастырская огромадная: близко ста тыщъ десятинъ земли, на нихъ девять деревень, да четыре поселка, да шесть заимокъ, а еще лѣсу не считано, да хмелевыя угодья, да три рыбныхъ озера, да двои рыбные пески въ низовьѣ Яровой... Свои четыре мельницы было, кожевня, свѣчная, а въ городахъ вездѣ подворья. Одного сѣна ставили больше двунадесять тыщъ копенъ... Монастырскихъ крестьянъ близко трехъ тыщъ податныхъ душъ состояло и одного оброка тыщу рублей каждогодно приносили. Процвѣталъ нашъ Прокопьевскій монастырь, кабы не новые духовные штаты: все ограничили сразу—и землю, и крестьянъ, и всякое прочее угодье. Вотъ игуменъ-то Моисей и лютуетъ... Пріѣхалъ онъ на большое, а вышло маленькое. А монастырь ограничили, чети *) не оставили, а тутъ еще передъ самыми штатами дубинщина ваша. Меня же прицѣпили къ ней неповинно.

— Сказывай!—недовѣрчиво ворчалъ Брехунъ.—Вы больно умны съ игуменомъ-то, а другіе одурѣли для васъ. Какой крестьянинъ безъ земли, а земля Божья... Государскій указъ монахи скрыли. Кабы не воевода Полуехтъ Степанычъ, такъ тряхнули бы вашимъ монастыремъ. Погоди, еще тряхнутъ.

— Нечѣмъ трясти-то, коли все отняли.

— Щука умерла, а зубы остались.

Худенькое и сморщенное лицо Ареоы съ козлиной бородкой во время разговора все подергивалось, точно сейчасъ подъ кожей у него были натянуты нитки. Сгорбленный и худой, онъ казался старше своихъ лѣтъ, но это только казалось, а въ дѣйствительности это былъ очень сильный мужчина, поднимавшій одной рукой семь пудовъ. Синій подрясникъ изъ домашней крашенины придавалъ ему видъ отшельника. Желтые волосы были заплетены въ двѣ жиденькихъ косички, постоянно выбѣгавшихъ изъ-подъ высокаго стоячаго воротника подрясника. Слѣпецъ Брехунъ, потерявшій глаза еще во время второго башкирскаго бунта, когда по Зауралью проходили воровскія башкирскія шайки подъ предводительствомъ Непени, Майдара и Тулкучуры, являлся полною противоположностью „мухортаго“ дьячка. Это былъ плотный, совсѣмъ лысый старикъ съ неподвижнымъ лицомъ, какъ у всѣхъ слѣпцовъ. Онъ былъ въ одной холщевой рубахѣ и такихъ же портахъ. Слѣпецъ Брехунъ и дьячокъ Ареоа вели между собой долгіе разговоры, причемъ первый разсказывалъ больше про свой монастырь, а Брехунъ вспоминалъ свои скитанья по Зауралью и Оренбургской степи.

— Бывалъ я и въ степѣ,—задумчиво говорилъ дьячокъ.—Съ благосло-

*) Четь—четверть.

вепія прежняго игумена Поликарпа ѣздилъ на рыбныя ловли и за степную соль на озеро Ургачъ. А все домой тянетъ: не могу безъ Служней слободы жить.

— Какъ цѣпная собака безъ своей конуры?

— Тянетъ меня и сейчасъ: хоть бы однимъ глазкомъ поглядѣлъ, что дѣлается тамъ... Одной-то дѣячихѣ моей трудненько управляться. Тоже и пашенка есть, и скотинка, и огородъ, — по женскому дѣлу весьма трудно за всѣмъ углядѣть. Одна надежа на нашего заступника Прокопія, иже о Христѣ юродиваго: всѣ за нимъ сидимъ, какъ тараканы за печью. Орда-то прежде частенько-таки набѣгала на монастырскую вотчину,—домишки сожгутъ, а людей поколютъ или въ полонъ возьмутъ. Не можно было уцититься, а спасалъ все онъ же, преподобный Прокопій... Великая сила ему дана на всю сибирскую сторону. Восьмого іулія монастырь празднуетъ, и торжокъ бываетъ въ нашей слободѣ, такъ и называется—прокопьевскій торжокъ.

— Прокопьевъ-то день по всей Сибири прошелъ,—объяснялъ Брехунъ:— крестьяны по всѣмъ мѣстамъ его весьма уважаютъ.

Въ этихъ бесѣдахъ не принимали участія только башкиръ Аблай и казакъ Бѣлоусъ. Первый, правда, по вечерамъ затягивалъ свои унылыя башкирскія пѣсни про старшину Сеита или Алдаръ-бая. Это пѣніе походило на протяжный волчій вой и нагоняло на всѣхъ страшную тоску. Подземелье, гдѣ сидѣли узники, выходило на Божій свѣтъ всего однимъ оконцемъ, обрѣшеченнымъ желѣзомъ. Слабая полоса свѣта не освѣщала и четвертой части подземелья. Особенно трудно было ночью, когда узники укладывались вповалку на земляной полъ, и каждое движеніе во снѣ сопровождалось лязгомъ желѣза. Другимъ неудобствомъ было то, что рядомъ съ этимъ подземельемъ находилась воеводская „заплечная“, гдѣ снимали показанія съ провинившихся. Работа начиналась съ ранняго утра, и слышно было, какъ хрустѣли кости на дыбѣ, а палачиный кнутъ рѣзалъ живое человѣческое тѣло. Мертвая тишина оглашалась отчаянными воплями, хрипѣньемъ и визгами, какъ визжитъ желѣзо подъ пилой.

— Охъ, горе душамъ нашимъ!—вздыхалъ Ареѳа, съежившался и шепталъ молитву.

— Что, не глянется? — смѣялся Брехунъ.—Это, видно, получніе будетъ вашихъ монастырскихъ шелеповъ... Воевода Полуехтъ Степанычъ тѣшитъ свою душеньку, а катомъ *) у него башкиръ Кильмякъ—такая собака, что не приведи Богъ во снѣ увидать... Съ одного раза можетъ убить человѣка, когда разстервенится. Кнутомъ наказали душъ пятнадцать за дубинщину, а другимъ ноздри повырывали... И игуменъ вмѣстѣ съ нимъ: все, слышь, прибавки проситъ. Тоже съ Баламутскихъ заводовъ самъ Гарусовъ наѣзжалъ: у него съ Полуехтомъ-то Степанычемъ рука руку моетъ.

— Слышь, какъ рѣзанулъ опять Кильмякъ?..

— Батюшки-свѣты, преподобный Прокопій!—молился вслухъ Ареѳа, прислушиваясь къ заплечной работѣ.—Что же это будетъ такое? Душеньку вынули...

Молчалъ одинъ Бѣлоусъ, хотя ему приходилось больше всѣхъ бояться кровавой работы Кильмяка. Это былъ важный преступникъ, попавшійся съ поличнымъ, и разлакомившійся кровавою расправою воевода приберегалъ его на закуску. Всѣ остальные содержались по оговору или по подозрѣнію, а дьячокъ Ареѳа представленъ былъ самимъ грознымъ игуменомъ Моисеемъ, какъ зачинщикъ и подстрекатель крестьянскаго бунта. Бѣлоуса уже два раза

*) Катъ—палачъ.

выводили на допросъ, и два раза его приносили съ допроса замертво и въ такомъ видѣ приковывали къ пруту. Онъ дней по пяти не могъ подняться на ноги, и Ареѳа залѣчивалъ раны на спинѣ его хлѣбнымъ мякишемъ. Искусный былъ дьячокъ и слылъ за колдуна.

Узники содержались давно, а Бѣлоусъ не сказалъ и десяти словъ. Его молчаніе было нарушено только разъ, именно утромъ, когда въ оконце узникамъ подавали ѣду, т.-е. нѣсколько ломтей ржаного хлѣба съ лукомъ. Въ это утро, вмѣсто усатой солдатской рожи, въ оконцѣ показалось румяное дѣвичье лицо.

— Здѣсь батя?—спрашивалъ дѣвичій голосъ, перехваченный слезами.

— Охонюшка, милая... да тебя ли я вижу, свѣтъ мой ясный!—откликнулся Ареѳа, подходя къ оконцу.—Да какъ въ городъ-то попала, родная?

— Матушка прислала, батя... Горюетъ она по тебѣ, а тутъ попъ Миронъ наклался въ городъ ѣхать, вотъ матушка и прислала меня провѣдать тебя. Слезьми вся изошла матушка-то...

— Да какъ же ты, Охонюшка, въ чужомъ-то мѣстѣ не боишься?

— А мы на монастырскомъ подворьѣ стали, батя... Ловко тамъ. Монашекъ Гермогенъ тамъ же... Онъ еще не монашекъ, а на послушаньи.

— Какой Гермогенъ, Охонюшка? Чего-то ровно такого не упомню въ Прокопьевскомъ... Развѣ пришлый какой?

— Нѣтъ... Понамарь-то нашъ Герасимъ, помнишь?—онъ самый и будетъ. Сейчасъ послѣ Святой пошелъ въ монастырь и теперь въ служкахъ, а потомъ постригётся.

— Ахъ, какой грѣхъ... то-есть оно, конечно, Божье дѣло, а жаль парня. Какъ же это такъ вышло-то, Охонюшка?.. Ну, его дѣло, ему и ближе знать. А попъ Миронъ что?

— Ничего, батя... Пыталъ онъ Герасима-то уговаривать, тотъ не послушался. Надоѣло, говоритъ, въ міру жить... А я къ тебѣ, батя, каждое утро буду приходить. Мамушка гостинцевъ прислала. „Отдай,—говоритъ,—батѣ“, а сама безъ утыху плачетъ.

Охоня присѣла къ окошечку на корточки и тоже всплакнула, когда увидѣла исхудалое и пожелтѣвшее лицо старика-отца. Это была средняго роста дѣвушка съ загорѣлымъ и румянымъ лицомъ. Туго заплетенная черная коса ползла по спинѣ змѣей. На скуластомъ лицѣ Охони съ приплюснутымъ носомъ и узкими темными глазами всего замѣчательнѣе были густыя, черныя, сросшіяся брови—союзныя, какъ говорили въ старину. Такія брови росли, по народному повѣрью, только у счастливыхъ людей. Одѣта она была во все домашнее, какъ простая деревенская дѣвка.

— Это чья такая будетъ?—спрашивалъ Бѣлоусъ, когда Охоню отъ оконца оттащила дюжая солдатская рука: шелъ на допросъ самъ воевода.

— Моя, видно,—отвѣтилъ Ареѳа не безъ гордости.—Дочерью прежде звали.

— Что-то не похожа на тебя,—усомнился Бѣлоусъ.

— Говорятъ тебѣ, что моя!—сказалъ Ареѳа.—Не лошадь, тавра не положено.

— То-то вотъ и есть, что дочь твоя, а тавро-то чужое.

— Молчи, песъ! Можетъ, она поближе, чѣмъ своя, а какъ ужъ она мнѣ приходится, и самъ не разберу... Эхъ, вышло тутъ одно неудобь-сказуемое дѣльце. Еще при игуменѣ Поликарпѣ вышло-то, когда онъ меня на неводьбу въ орду посылалъ, на степныя озера. Съѣздилъ я до трехъ разъ и все благополучно: преподобный Прокопій проносилъ, а тутъ моя-то дьячиха и увяжись за мною. „Скучно мнѣ безъ тебя, Ареоа, поѣду съ тобой“.—„Куда ты,

глупая? Въ степѣ-то наѣдутъ кыргызы и заколютъ обоихъ".—„Ничего, говоритъ; когда, говоритъ, я у батюшки въ Черномъ-Яру въ дѣвкахъ еще жила, такъ они, собаки, два раза наѣзжали, а я изъ ружья въ нихъ палила, въ собакъ"... Дьячиха-то у меня орелъ-баба. Ну, собрались мы со своею худобой и поѣхали въ степь. На озера пріѣхали благополучно и цѣлую недѣлю такъ-то и прожили, а тутъ ночью, подъ Ильинъ день, собаки-кыргызы и наѣхали... Мы вмѣстѣ съ дьячихой-то спали, ну, одинъ кыргызъ меня копьемъ къ землѣ прикололъ, а другой ухватилъ дьячиху и уволокъ. Не далась бы она живою, кабы не сонная,—мертвый у ней сонъ. Такъ ее, сердечную, въ степь и увезли, а меня въ монастырь предоставили колотаго. Полгода я лежалъ такъ-то,—нога у меня насквозь копьемъ пройдена. Пришелъ послѣ въ свою избенку на Служней слободѣ и горько всплакалъ: не стало моей дьячихи. Однако помолился я преподобному, а онъ и ущитилъ мою дьячиху отъ орды: черезъ полгода выворотилась дьячиха-то изъ степи... Ушла о двуконь ночнымъ дѣломъ, когда орда спала. Ну, а только выворотилась она такая...

— Какая?

— Да ужъ такая... Отяжелѣла въ ордѣ моя дьячиха, вотъ какая... Ну, а потомъ разродилась вотъ этою самою Охоней. Другихъ дѣтей у насъ нѣтъ, вотъ намъ и вышла радость на старости лѣтъ. За свою растимъ... Богъ далъ Охоню.

Бѣлоусъ ничего не сказалъ, а только съежилъ богатырскія плечи. Красивый былъ казакъ, кудрявый, глаза сѣрые, бойкіе, а руки желѣзныя. День и ночь онъ думалъ объ одномъ, а Охоня нарушила его вольныя казацкія мысли.

II.

Охоня стала ходить къ судной избѣ каждое утро, чѣмъ доставляла немало хлопотъ караульнымъ солдатамъ. Придетъ, подсядетъ къ окошечку, да такъ и замретъ на цѣлый часъ, пока солдаты не прогонятъ. Очень ужъ жалѣла отца Охоня и горько плакала надъ нимъ, какъ причитаютъ покойникамъ,—гдѣ только она набрала такихъ жалкихъ бабьихъ словъ!

— Родимый ты мой батюшка, застава наша богатырская!—голосила Охоня, припадая своей непокрытой дѣвичьей головой къ желѣзной оконной рѣшеткѣ.—Жили мы съ матушкой за тобой, какъ за горою бѣлокаменной, зла-горя не вѣдали...

Эти причеты и плачи наводили тоску даже на солдатъ,—очень ужъ реветъ дѣвка, пожалуй, еще воевода Полуектъ Степанычъ услышитъ, тогда всѣмъ достанется. Охоня успѣла разглядѣть всѣхъ узниковъ и узнавала каждаго по голосу. Всѣхъ ей было жаль, а особенно сжималось ея дѣвичье сердце, когда изъ темноты глядѣли на нее два сѣрыхъ соколиныхъ глаза. Бѣлоусъ только встряхивалъ кудрями, когда Охоня приваливалась къ ихъ окну.

— Не застуй *), дѣвка...—замѣтилъ онъ ей всего одинъ разъ.—Безъ тебя тошно.

Ходила, ходила Охоня, надоѣло попу Мирону ее ждать, и уѣхалъ онъ домой вмѣстѣ со служкой Гермогеномъ, а Охоня дошла-таки до своего. Пришла она разъ своимъ обычаемъ къ судной избѣ, припала къ оконцу, а солдаты накинулись отгонять ее.

— Убирайся, дѣвка, откуда пришла!—кричалъ на нее сердитый капралъ.

— Я не дѣвка, а отецкая дочь,—бойко отвѣчала Охоня.

---

*) Не застуй—не заслоняй свѣта.

— Сказывай, а все-таки убирайся по-добру по-здорову... Воевода придетъ, такъ наотвѣчаешься за тебя, а вся-то твоя дѣвичья цѣна: наплевать. Проваливай, говорятъ...

— Не пойду!.. Не трожь, говорятъ!

Сначала солдаты старались оттолкнуть Охоню вѣжливенько, кто плечомъ, кто кулакомъ, но она остервенилась и накинулась на солдатъ, какъ волчица.

— Креста на васъ нѣтъ, скобленыя рыла!—кричала Охоня, цѣпляясь за солдатскую амуницію.—Дѣвка имъ помѣшала... Стыда у васъ на глазахъ нѣтъ!..

Слово за слово, и кончилось дѣло рукопашной. Проворная и могутная была дьячковская дочь и надавала командѣ такихъ затрещинъ, что на нее бросился самъ капралъ. Что тутъ произошло, трудно сказать, но у Охони въ рукахъ очутилась какая-то палка, и, прислонившись къ стѣнѣ, дѣвушка очень ловко защищалась ею отъ наступавшаго врага. Во время свалки у Охони свалился платокъ съ головы, и темные волосы лѣзли на глаза.

— Не давайся, Охоня, вшивой командѣ!—послышался изъ подземелья знакомый молодой голосъ.—Катай ихъ по бритымъ-то рыламъ!

Въ самый критическій моментъ, когда Охоня уже ослабѣвала, къ судной избѣ подъѣхалъ верхомъ на гнѣдомъ иноходцѣ самъ воевода Полуектъ Степанычъ.

— Стой, команда!—зычно крикнулъ онъ на солдатъ.—Что за драка?

— Вотъ дѣвка увязалась,—жаловался капралъ. — Никакъ не могли ее отогнать отъ избы.

— Не дѣвка, а отецкая дочь!—съ гордостью отвѣтила Охоня.

Воевода Чушкинъ, старикъ съ сѣдою коренною бородкою, длиннымъ носомъ и изрытымъ оспой „шадривымъ“ лицомъ, держался въ сѣдлѣ еще молодцомъ. Онъ оглядѣлъ Охоню съ ногъ до головы и только покачалъ головой. Смущенная стража сбилась въ одну кучу, какъ покрытые рѣшетомъ молодые пѣтухи. Воспользовавшись воеводскимъ раздумьемъ, Охоня кубаремъ бросилась начальству въ ноги, такъ что шарахнулся въ сторону иноходецъ, а затѣмъ уцѣпилась за воеводское стремя.

— Ущити, воевода, честную отецкую дочь!—кричала Охоня.—Твои солдаты безвинно опростоволосили и надругались надъ моею дивьей красотой... Смертнымъ боемъ хотѣли убить.

— Постой, дура! — крикнулъ воевода, сдерживая шарахнувшуюся лошадь.—откедова ты взялась-то, жаръ-птица?.. Чего тебѣ надобно?

— Батю отдай, воевода... моего батю... Безвинно онъ на цѣпь посаженъ. Мамушка слезами изошла... Дьячилъ батя въ Служней слободѣ, а игуменъ Моисей по злобѣ его заковалъ.

Воевода грозно нахмурился, стараясь припомнить дьячка изъ Служней слободы. Мало ли у него народа по затворамъ сидитъ. Но какая-то неожиданная мысль осѣнила воеводское чело, и старикъ подозвалъ капрала.

— Выпустить колодниковъ!—приказалъ онъ. -А ты, отецкая дочь, лошадь-то не пугай у меня! Дуры эти бабы, прямо сказать. Ну, чего голосишь-то? Надѣнь платокъ, глупая...

Загремѣлъ тяжелый замокъ у судной тюрьмы, и узниковъ вывели на свѣтъ Божій. Они едва держались на ногахъ отъ истомы и долгаго сидѣнья. Бѣлоусъ и Аблай были прикованы къ серединѣ желѣзнаго прута, а Брехунъ и Ареоа по концамъ. Воевода посмотрѣлъ на колодниковъ и покачалъ головой,—дескать, хороши голуби.

— Ну, отецкая дочь, выбирай любого,—сказалъ воевода.—Ни котораго не жаль.

Конечно, Охоня бросилась къ отцу и повисла на шеѣ со своими бабьими причитаньями, такъ что воевода опять нахмурился.

— Будетъ, не люблю, — сказалъ онъ и прибавилъ, обращаясь къ капралу:—раскуйте этого дурака-дьячка, а съ игуменомъ я свой разговоръ буду имѣть.

Ареѳа стоялъ и не могъ произнести ни одного слова, точно все происходило во снѣ. Сначала его отковали отъ желѣзнаго прута, а потомъ сняли наручни. Охоня догадалась и толкнула отца, чтобы падалъ воеводѣ въ ноги. Ареѳа рухнулъ всѣмъ тѣломъ и припалъ головой къ землѣ, такъ что его дьячковскія косички поднялись хвостиками вверхъ, что̀ вызвало смѣхъ выскочившихъ на крыльцо судейскихъ писчиковъ.

— Кормилецъ, Полуехтъ Степанычъ, безвинно отъ игумна претерпѣлъ,— заговорилъ Ареѳа, стукаясь лбомъ въ землю.

— Ну, ладно, потомъ разберемъ,—отвѣтилъ воевода. — Кабы не встрѣтилъ такую вострую дочь, такъ отвѣдать бы тебѣ у Кильмяка лапши... А ты, отецкая дочь, уводи отца, пока игуменъ не нагналъ въ городъ.

Охоня, какъ птица, подлетѣла къ воеводѣ и со слезами цѣловала его волосатую руку. Она отскочила, когда позади грянула цѣпь, — это Бѣлоусъ схватилъ желѣзный прутъ и хотѣлъ броситься съ нимъ на воеводу или Охоню,— трудно было разобрать. Солдаты во-время схватили его и удержали.

— Гей, приковать его за шею отдѣльно отъ другихъ! — скомандовалъ воевода.

— Спасибо на добромъ словѣ, — поблагодарилъ Бѣлоусъ, дѣлая отчаянную попытку вырваться изъ вцѣпившихся въ него дюжихъ рукъ. — А ты, отецкая дочь, помни Бѣлоуса.

Эти слова заставили Охоню задрожать,—не боялась она ни солдатъ ни воеводы, а тутъ испугалась. Бѣлоусъ такъ страшно посмотрѣлъ на нее, а самъ смѣется. Его сейчасъ же увели куда-то въ другое подземелье, гдѣ приковалъ его къ стѣнѣ самъ Кильмякъ, пользовавшійся у воеводы безграничнымъ довѣріемъ. На желѣзномъ прутѣ остались башкиръ Аблай да слѣпецъ Брехунъ, которыхъ и увели на старое мѣсто. Когда ихъ подводили къ двери, Брехунъ повернулъ свое неподвижное лицо и сказалъ воеводѣ:

— Не въ пору ты разлакомился, Полуехтъ Степанычъ... Дерево не по себѣ выбираешь, а больная кость у волка поперекъ горла встаетъ.

Ареѳѣ сдѣлалось даже совѣстно, когда низенькая деревянная дверь, обитая толстыми желѣзными полосами, точно проглотила его недавнихъ товарищей по сидѣнью въ „узилищѣ“. Самъ онъ черезъ дѣвку вышелъ на волю и читалъ нѣмой укоръ своей мужской гордости на окружающихъ лицахъ.

Воевода подождалъ, пока расковали Ареѳу, а потомъ отправился въ судную избу. Охоня повела отца на монастырское подворье, благо тамъ игумена не было, хотя его и ждали съ часу на часъ. За ними шла толпа народу, точно за невиданными звѣрями: всѣ бѣжали посмотрѣть на дѣвку, которая отца изъ тюрьмы выкупила. Поровнявшись съ соборною церковью, стоявшею на базарѣ, Ареѳа въ первый разъ вздохнулъ свободнѣе и началъ усердно молиться за счастливое избавленіе отъ смертной напасти.

— Охонюшка, милая, не ты меня выкупила своими слезами, — сказалъ онъ дочери: — а быть мнѣ въ нощи прещеніе... Видѣлъ я преподобнаго Прокопія и слезно плакался: его молитвами умягчилось воеводное сердце.

— Скорѣе бы только изъ городу выбраться, батя,—говорила Охоня:—а тамъ ужъ всѣ вмѣстѣ помолитвуемъ преподобному.

— Охъ, и то бы скорѣе!..

Ареѳа шелъ съ трудомъ: и ноги, избитыя кандалами, болѣли, да и самъ онъ шатался отъ слабости. Когда купцы увидали выпущеннаго на волю колодника, то надавали ему мѣдныхъ денегъ. Ареѳа даже прослезился отъ сыпавшейся на него благодати.

Городъ Усторожье былъ не великъ: дворовъ на шестьсотъ. Постройки всѣ деревянныя, какъ воеводскій дворъ и старая церковь. Каменное зданіе было одно — новый соборъ, выстроенный тщаніемъ, а отчасти иждивеніемъ воеводы Чушкина. Все это деревянное строеніе было обнесено земляным валомъ, а на валу шелъ тынъ изъ бревенъ, деревянныя рогатки и „надолбы". По угламъ, гдѣ сходились выси, поднимались срубленныя въ паз деревянныя башни-бойницы. Трое воротъ вели изъ города, одни—на полдень, другія—на сѣверъ, а третьи—прямо въ орду, т.-е. въ сторону степи. Усторожье выросло изъ небольшого пограничнаго острожка, въ которомъ казаки отсиживались и отъ башкиръ, и отъ киргизовъ, и отъ калмыковъ. Боевое мѣстечко выдалось, и въ случаѣ „заворохи" сюда сбѣгались посельщики изъ всѣхъ окрестныхъ деревень, поселковъ и займищъ, пока не улегалась гроза.

Монастырское подворье было сейчасъ за соборомъ, гдѣ шла узкая Набѣжная улица. Одноэтажное деревянное зданіе со всякими хозяйственными пристройками и большими хлѣбными амбарами было выстроено еще игуменомъ Поликарпомъ. Монастырь бойко торговалъ здѣсь своимъ хлѣбомъ, овсомъ, сѣномъ и разными припасами. Съ введеніемъ духовныхъ штатовъ подворье точно замерло, и громадные амбары стояли пустыми.

— Жаль, что попъ-то Миронъ уѣхалъ,—жалѣлъ Ареѳа, присаживаясь на скамеечку у воротъ подворья перевести духъ. — Довезъ бы онъ насъ по пути.

— И пѣшкомъ дойдемъ, батя, только бы изъ города поскорѣе вырваться,— говорила Охоня, занятая одною мыслью.—То-то мамушка обрадуется...

Въ подворьѣ сейчасъ никого не было, кромѣ старца Спиридона, проживавшаго здѣсь на покоѣ, да нѣсколькихъ амбарныхъ мужиковъ изъ своей монастырской вотчины. Ареѳу встрѣтили, какъ выходца съ того свѣта, а дряхлый Спиридонъ даже прослезился.

— Мертвъ былъ, а теперь ожилъ, — шепталъ старикъ и качалъ своею сѣдою головою, когда Охоня разсказывала ему, какъ все случилось.—На счастливаго все, Охоня. Вотъ попъ-то Миронъ обрадуется, когда увидитъ Ареѳу... Малое дѣло не дождался онъ: повременить бы всего два дня. Ну, да тридцать верстъ *) до монастыря не дальняя дорога. Въ двои сутки обернетесь домой.

Первымъ дѣломъ, конечно, была истоплена монастырская баня,—Ареѳа едва дождался этого счастья. Узникамъ всего тяжелѣе доставалось именно это лишеніе. Изъѣденныя кандалами ноги ему перевязала Охоня, — она умѣла ходить за больными, чему научилась у матери. Въ пограничныхъ деревняхъ, на которыя дѣлались постоянныя нападенія со стороны степи, женщины умѣли унимать кровь, дѣлать перевязки и вообще „отхаживать сколотыхъ".

— Зѣло оскорбѣлъ во узилищѣ, доченька,—жаловался Ареѳа. — Сидѣлъ на гноищѣ, какъ Іовъ многострадальный...

Забравшись въ банѣ на полокъ, Ареѳа блаженствовалъ часа два, пока монастырскіе мужики нещадно парили его свѣжими вѣниками. Нѣсколько разъ онъ выскакивалъ на дворъ, обливался студеною колодезною водою и опять лѣзъ въ баню, пока не ослабѣлъ до того, что его принесли въ жилую избу на подрясникѣ. Ареѳа нѣсколько времени ничего не понималъ и даже не со-

*) Въ старину версты считались въ тысячу саженъ.

знавалъ, гдѣ онъ и что съ нимъ дѣлается, а только тяжело дышалъ, какъ загнанная лошадь. Охоня опять растирала ему руки и ноги какимъ-то составомъ и нѣсколько разъ принималась плакать.

— Перестань, дура,—проговорилъ очнувшійся Арсоа.—Исхитилъ преподобный Прокопій изъ львиныхъ челюстей невредима, а впередъ Богъ. Сподобился и въ банѣ попариться.

Послѣ бани старецъ Спиридонъ преподнесъ Ареѳѣ монастырскаго травника, который на подворьѣ не переводился, и недавній узникъ даже крякнулъ отъ удовольствія. Но не успѣлъ онъ поднести чару ко рту, какъ въ дверяхъ появились два солдата съ воеводскаго двора.

— Гдѣ здѣсь дьячокъ Ареѳа?—спрашивалъ старшій.

— Нѣту его,—уѣхалъ домой!—отвѣтила за отца Охоня.

— Анисъ прислалъ воевода за нимъ: надобенъ на воеводскій дворъ немедля. Строгій наказъ отъ самого воеводы. Погоню пошлетъ, ежели уѣхалъ.

Ареѳа перекрестился, выпилъ чару и отвѣчалъ:

— Здѣсь! Дѣвка по глупости сболтнула, что уѣхалъ. Вотъ ужо оболокусь и предстану воеводѣ.

— Ты поскорѣе, дьячокъ,—воевода не любитъ ждать.

У Охони даже сердце упало, когда она увидала воеводскихъ „приставовъ“: надо было сейчасъ же бѣжать изъ города, а теперь воевода опомнился и опять посадитъ батю въ темницу. Она помогала отцу одѣваться, а сама была ни жива ни мертва, даже зубы чокали, точно въ трясовицѣ.

— Батя, не ходи, расказнитъ тебя воевода,—шепнула она отцу.—А то лучше я съ тобой сама пойду.

Освѣженный баней Ареѳа совсѣмъ расхрабрился и даже цыкнулъ на дочь, зачѣмъ суется не въ свое дѣло. Главное, не было въ городѣ игумена Моисея, а Полуектъ Степанычъ помилуетъ, ежели подвернуться въ добрый часъ.

Бѣдная Охоня опять горько плакала, когда пристава повели отца на воеводскій дворъ.

III.

Воевода Полуектъ Степанычъ, проводивъ дьячка Ареѳу, отправился въ судную избу производить судъ и расправу, но сегодня дѣло у него совсѣмъ не клеилось. И жарко было въ избѣ, и духъ тяжелый. Старикъ обругалъ ни за что любимаго писчика Терешку и вообще былъ не въ духѣ. Зачѣмъ онъ въ самомъ-то дѣлѣ выпустилъ Ареѳу? Нагонитъ игуменъ Моисей и подниметъ свару, да еще пожалуется въ Тобольскъ,—отъ него все станетъ.

— А дѣвка—макъ!—вслухъ проговорилъ воевода, когда Терешка подсунулъ ему какую-то бумагу.

— Макъ-то макъ, да не совсѣмъ,—отвѣтилъ Терешка, одинъ изъ всей приказной челяди осмѣливавшійся разговаривать съ воеводой.

— А что?

— Да-такъ... Не спроста это дѣло вышло, Полуехтъ Степанычъ: дьячокъ-то Ареѳа зазнамый волхитъ *).

— Н-но-о?

— Да ужъ вѣрно: и кровь умѣетъ заговаривать, и траву всякую знаетъ. Кого змѣя укуситъ, лошадь разнеможется, съ глазу кому попритчится,—всѣ къ Ареѳѣ идутъ. Не простъ человѣкъ, однимъ словомъ...

---

*) Волхитъ—волшебникъ, знахарь.

Это извѣстіе заставило воеводу задуматься. Далъ онъ маху — дѣвка обошла, а теперь Арсѳа будетъ ходить по городу да бахвалиться. Нѣтъ, нехорошо. Когда пришло время спуститься внизъ, для допроса съ пристрастіемъ, воевода только махнулъ рукой и уѣхалъ домой. Онъ вспомнилъ нехорошій сонъ, который видѣлъ ночью. Будто сидитъ онъ на берегу, а вода такъ и подступаетъ; онъ бѣжать, а вода за нимъ. Вышибло изъ памяти этотъ сонъ, а то не видать бы Арсѳѣ свободы, какъ своихъ ушей.

Воеводскій дворъ стоялъ тоже у базарной площади, какъ и монастырское подворье, только по другую сторону, гдѣ шли мелкія лавочки съ разнымъ товаромъ. Одноэтажный деревянный домъ со слюдяными оконцами и желѣзной крышей тянулся саженъ на десять и на улицу выходилъ пузатымъ раскрашеннымъ крылечкомъ. Внутреннія покои были низки, но уютны. Въ одной половинѣ воевода проживалъ самъ, а въ другой помѣщалась его воеводская канцелярія. Мѣста въ домѣ хватило бы еще на двѣ семьи, благо Полуектъ Степанычъ жилъ съ женой Дарьей Никитичной самъ-другъ,—дѣтей у нихъ не было. Покои внутри были расписаны, а на полу вездѣ лежали бухарскіе ковры, которые воевода получалъ въ благодарность съ мѣнового двора и торговыхъ заставъ. Всякаго добра было достаточно у воеводы, кромѣ того, что дѣтками Господь не благословилъ. Это всего больше сокрушало воеводшу, ѣздившую много разъ въ Прокопьевскій монастырь, совѣтовавшуюся со знахарями и бабами-вѣдуньями, а толку никакого. Брюзгливая и толстая Дарья Никитична горько плакалась на свою судьбу, а бабьи годы все уходили да уходили...

— Что воротился-то спозаранку?—встрѣтила она мужа.

— Такъ,— коротко отвѣтилъ воевода.—Не твоего бабьяго ума дѣло.

Воевода выпилъ чарку любимаго травника отъ сорока немощей, который ему присылали изъ монастыря, потомъ спросилъ домашняго меду,—ничто не помогало. Проклятый дьячокъ не выходилъ изъ головы, хоть ты что дѣлай. Ужъ не напустилъ ли онъ на него какой-нибудь порчи, а то и прямо сглазилъ?.. Долго ли до грѣха? Вечеромъ воеводѣ совсѣмъ стало невтерпежъ, и онъ отправилъ за дьячкомъ своихъ приставовъ.

„А дѣвка гладкая,—думалъ воевода и отплевывался отъ нечестивой мысли, заползавшей въ старую голову,—Какъ ее звать-то? А ловко она солдатъ орясиной шарашила... Однимъ словомъ, удалая дѣвка“.

Въ ожиданіи дьячка, воевода сильно волновался и нѣсколько разъ подходилъ къ слюдяному окну, чтобы посмотрѣть на площадь, не ведутъ ли пристава волхита. Когда онъ увидѣлъ приближающуюся процессію, то его волненіе достигло высшей степени. Арсѳа, войдя въ воеводскій покой, повалился воеводѣ прямо въ ноги.

— Ну, вотъ что, несообразный человѣкъ,—заговорилъ воевода:—выпустить я тебя выпустилъ, а отвѣчать-то игумену кто будетъ?

— Безвинно я томился въ узилищѣ, Полуехтъ Степанычъ,—взмолился Арсѳа, стоя на колѣняхъ.—Крестьяне бунтовали и хотѣли игумна убить, а я не причинилъ... Служилъ я въ своей слободѣ у попа Мирона и больше ничего не знаю. Весь тутъ, Полуехтъ Степанычъ, дома нисколько не осталось.

— Хорошо, хорошо... Тамъ послѣ увидимъ, а что ты теперь-то думаешь дѣлать?

— А въ Служную слободу домой проберусь. Моя дьячиха, слышь, безъ утыху реветъ.

— Ахъ, глупая голова!.. Ну, придешь ты къ себѣ въ слободу, а игуменъ опять тебя закуетъ въ желѣзо и привезетъ ко мнѣ... Это какъ?.. Тогда

уже пеняй на себя, а во второй разъ я не буду тебя выпускать... Дьячиха-то твоя тогда не такъ зареветъ.

— Смилуйся, Полуехтъ Степанычъ, житья мнѣ не стало отъ игумна... Безвинно онъ лютуетъ.

— Ну, это ваше дѣло, а я не судья монастырскія дѣла разбирать. Безъ того мнѣ хлопотъ съ вашимъ монастыремъ новыне усовъ... А я тебѣ вотъ что скажу, Ареѳа: отдохнешь денекъ-другой на подворьѣ, да по-добру по здорову и отправляйся на Баламутскіе заводы. Прямо къ Гарусову пріѣдешь и скажешь, что я тебя прислалъ, а я съ нимъ сошлюсь при случаѣ...

— А какъ же дьячиха-то, Полуехтъ Степанычъ?

— Увидишь и дьячиху по пути, когда поѣдешь мимо монастыря. Только проѣзжай ночью, чтобы на глаза игумену не попасть. Тебѣ же добра желаю, дураку...

Это предложеніе совсѣмъ обезкуражило Ареѳу, и онъ никакъ не могъ взять въ толкъ, что онъ будетъ дѣлать на заводахъ у Гарусова. Совсѣмъ не по его духовной части, да и разстаться съ Служнею слободой тяжко. Охъ, какъ тяжко, до смертыньки!

— Ну, одинъ разговоръ кончили, а теперь заведемъ другую рѣчь,—заговорилъ воевода ласково и даже потрепалъ Ареѳу по плечу.—Вотъ что, милый другъ, сказывалъ мнѣ одинъ человѣкъ, что ты зазнамый волхитъ: и кровь заговариваешь, и съ порченными людьми отваживаешься.

— Покленали напрасно, Полуехтъ Степанычъ. Куда мнѣ при моей худости этакими неподобными дѣлами заниматься?

— На виноватаго съ поклепомъ?—засмѣялся воевода.—Не бойся, не выдамъ никому, а дѣльце есть у меня къ тебѣ, и не маленькое...

Старикъ оглядѣлся, приперъ дверь на всякій случай и, усадивъ дьячка на скамью, проговорилъ тихимъ голосомъ:

— Два у меня дѣла къ тебѣ, Ареѳа... Озолочу, коли потрафишь, а не потрафишь—не взыщи. Первое дѣло, не наградилъ меня Господь дѣтками, а моя воеводша уже въ годкахъ и совсѣмъ жиромъ заплыла.

— Слыхивалъ, Полуехтъ Степанычъ, только мудреное дѣло... У меня такъ же съ дьячихой было, пока ее въ полонъ не угнали.

— Дуракъ... Что же мнѣ свою жену по-твоему въ полонъ тоже отдать? Прямой ты дуракъ, дьячокъ.

— Обмолвился, Полуехтъ Степанычъ... Есть хорошее средствіе отъ неплодія: изловить живого воробья, вынуть изъ него сердце, сжечь и пепломъ поить воеводшу по три утреннихъ зари, а самому медвѣжьей желчью намазаться. Помогаетъ, особливо ежели съ молитвой... На всякое любовное дѣло способствуетъ и отъ неплодія разрѣшаетъ.

— Чего-нибудь врешь, поди?

— Сейчасъ провалиться, не вру... А другое средство, Полуехтъ Степанычъ, совсѣмъ уже секретное и даже неудобь сказуемое.

— Говори.

— Да вѣдь грѣшно и говорить-то!..

— Говори.

— Видишь ли какое дѣло, Полуехтъ Степанычъ. Въ степи я слышалъ отъ одного кыргыза: у нихъ ханы завсегда такъ-то дѣлаютъ. Ты ужъ не сердитуй на меня за глупое слово. Ежели, напримѣрно, у хана пѣтъ дѣтей, а главная ханша старая, такъ ему привозятъ молоденькую полонянночку, чтобъ онъ размолодился съ ней. Разгорится у него сердце съ молоденькой, и отъ старой жены плодъ будетъ.

— Послушай, Ареѳа, за такія твои слова тебя надо къ Кильмяку отдать,—пошутилъ воевода и ухмыльнулся. — Ахъ, ты, оборотень, что̀ придумалъ!.. Только мнѣ это средство не по моему чину и не по закону христіанскому, да и свою Дарью Никитичну не желаю обижать на старости лѣтъ. Ахъ, какое ты мнѣ слово завернулъ, Ареѳа. Да вѣдь надо, чтобы молодая-то полюбила старика!

— Ну, это не больно кручиновато дѣло, Полуехтъ Степанычъ. Самому можно помолодѣть, коли понадобится. И нѣтъ того проще... Закажи бѣлый платъ, чтобъ его выткала безвинная дѣвица, да тѣмъ платомъ по семь зорь снимай съ пшеничнаго колоса росу и мажь ей лицо, а то и обвяжи этимъ платомъ. Которое лицо рябое или угриновато, все сгонитъ росой-то.

— Вѣрно говоришь?

— Ужъ такъ вѣрно, что вѣрнѣе не бываетъ.

Воевода совсѣмъ развеселился и даже подалъ дьячку изъ собственныхъ рукъ чарку завѣтнаго монастырскаго травника.

— Изъ нашей обители травничокъ,—замѣтилъ Ареѳа, пропустивъ чарку.— Лучше его нигдѣ не сыщешь.

За хорошій совѣтъ воевода наградилъ дьячка еще деньгами и отпустилъ домой, повторивъ свой наказъ поскорѣй убираться изъ города. Въ послѣднемъ случаѣ хитрый старикъ хлопоталъ не столько о дьячкѣ, сколько о самомъ себѣ: выпустилъ онъ дьячка, а того и гляди, игуменъ нагонитъ.

Воеводѣ Полуекту Степанычу уже надоѣло возиться съ разборкой монастырской „дубинщины“, тѣмъ болѣе, что бунтовавшіе крестьяне уже отписаны были отъ монастыря по новымъ духовнымъ штатамъ. Изъ разборки ясно выступало одно, что кругомъ былъ виноватъ перестроивший игуменъ Моисей, утѣснявшій своихъ монастырскихъ крестьянъ непосильными работами и наказывавшій ихъ нещадно за малѣйшую провинность. Цѣлыхъ два года тянулась разборка, и Полуектъ Степанычъ наконецъ усталъ. Конечно, и крестьянишки были тоже виноваты, зачѣмъ поднялись „съ уязвительнымъ оружіемъ“ на игумена и чуть не нарушили самый монастырь. И какъ вѣдь поднялись: тысячи три народу сбилось. Озвѣрѣли вконецъ, полѣзли къ монастырскимъ стѣнамъ, а игуменъ ихъ кипяткомъ со стѣнъ варилъ, горячею смолою обливалъ, изъ пищалей палилъ и смертнымъ боемъ билъ. Хорошо, что во̀-время дошла вѣсть о монастырской „заворохѣ“ въ Усторожье, и монастырь выручили рейтары, проживавшіе на винтеръ-квартирахъ, да драгунскій полкъ, подоспѣвшій изъ Тобольска. Какъ ударила эта воинская сила, такъ дубинщина и разбѣжалась по своимъ угламъ.

— Суди Богъ игумена, — часто повторялъ Полуектъ Степанычъ, производя расправу надъ крестьянами. — Не намъ, грѣшнымъ, судить его высокій санъ.

Цѣлыми толпами приводили въ Усторожье замѣшанныхъ въ дубинщинѣ крестьянъ, и воевода творилъ нещадный судъ. А игуменъ разгорѣлся яростью и присылалъ все новыхъ виновниковъ, которыхъ разыскивалъ по бывшимъ монастырскимъ деревнямъ. Опалился на нихъ игуменъ больше всего за то, что вскорѣ за дубинщиной введены были духовные штаты, и крестьяне объясняли, что это они своей дубинщиной доняли монастырь. Игуменъ хваталъ безъ разбору каждаго, на кого только доносили. Къ такимъ случайнымъ бунтарямъ принадлежалъ и дьячокъ Ареѳа, вины котораго воеводскій сыскъ не могъ найти, несмотря ни на какое пристрастіе. И слѣпецъ Брехунъ тоже, — онъ попалъ за какія-то „поносныя рѣчи“ на игумена. Вотъ бѣломѣстный казакъ Бѣлоусъ другое дѣло: этотъ кругомъ виноватъ... Онъ подводилъ толпы

дубинщиковъ къ монастырскимъ воротамъ и похвалялся разнести весь монастырь по кирпичику. Попался Бѣлоусъ въ руки воеводы однимъ изъ послѣднихъ, потому что послѣ дубинщины больше года скрывался гдѣ-то на Яикѣ по казачьимъ уметамъ.

— Ареову выпустилъ, а съ Бѣлоусомъ раздѣлаюсь, — утѣшалъ себя воевода.

IV.

Изъ Усторожья подъ вечеръ выѣзжала простая крестьянская телѣга, въ которой ѣхалъ Ареоа съ дочерью Охоней по монастырской дорогѣ. Лошадь и телѣгу они должны были сдать въ монастырь.

— Пронесло тучу мòрокомъ, а все преподобный Прокопій, о Христѣ юродивый,—повторялъ дьячокъ вслухъ и крестился. — Легкое мѣсто сказать, высидѣлъ въ узилищѣ цѣлую зиму, а теперь отрыгнутъ на волю, яко отъ кита Іона.

Охоня правила лошадью и больше молчала. Она часто оглядывалась, точно боялась за собой погони. Да и было чего бояться: у нея съ ума не шелъ казакъ Бѣлоусъ, который пригрозилъ ей у судной избы: „А ты, отецкая дочь, помни Бѣлоуса!“. Даже во снѣ грезился Охонѣ этотъ лихой человѣкъ, какъ его вывели тогда изъ тюрьмы: весь въ лохмотьяхъ, черезъ которыя видно было покрытое багровыми рубцами и не зажившими свѣжими ранами тѣло, а лицо такое молодое да сердитое. Когда Бѣлоусъ бросился на воеводу, Охоня закрыла лицо руками и покорно ждала, какъ онъ ударитъ ее желѣзнымъ прутомъ,—ей такъ и казалось, что сейчасъ смерть. Не теперь, такъ потомъ убьетъ, коли пообѣщалъ... Ухаживая на монастырскомъ подворьѣ за отцомъ, Охоня все время думала о Бѣлоусѣ и вздрагивала отъ малѣйшаго шороха. И теперь дорòгой она все боялась, хотя не говорила отцу ни слова.

Дорога въ монастырь наполовину шла лѣсомъ. Ѣхать ночью, пожалуй, было и опасно, если бы не гнала крайняя нужда. Ареоа поглядывалъ все время по сторонамъ и говорилъ нѣскодько разъ:

— Ну, чего съ насъ взять, Охоня, ежели разбойные люди подвернутся?

— Ничего у насъ нѣтъ, батя, — соглашалась Охоня. — Попъ Миронъ воинъ не боится... А на него грозились, потому какъ онъ съ собой деньги возитъ.

— Попа-то Мирона нескоро возьмешь, — смѣялся Ареоа. — Онъ самъ кого бы не освѣжевалъ. Воинъ какой онъ проворнящій попъ... Какъ-то по зимѣ онъ везъ на своей кобылѣ бревно изъ монастырскаго лѣсу, ну, кобыла и завязла въ снѣгу, а попъ Миронъ вмѣстѣ съ бревномъ ее выволокъ. Этакого-то звѣря нескоро возьмешь. Да и Герасимъ съ нимъ тоже охулки на руку не положитъ, даромъ что иноческій чинъ хочетъ принять. Два медвѣдя, однимъ словомъ.

Ночь застала путниковъ на полдорогѣ, гдѣ кончался лѣсъ и начинались отобранныя отъ монастыря угодья. Ареоа вздохнулъ свободнѣе: все же не такъ жутко въ чистомъ полѣ, гдѣ больше орда баловалась. Теперь орда отогнана съ линіи далеко, и уже года два, какъ о ней не было ни слуху ни духу. Обрадовался Ареоа, да только рано: не успѣла телѣга отъѣхать и пяти верстъ, какъ у рѣчки выскочили четверо и остановили ее.

— Стой!.. Кто живъ человѣкъ ѣдетъ?

Двое ухватили за лошадь, а двое приступили къ телѣгѣ.

— Обознались, други милые, — отвѣтилъ Ареоа. — Поймали, да не ту

птицу... Дьячокъ Аѳоа изъ затвору ѣдетъ, а взять съ него нечего, окромя язвъ и ранъ.

— Ахъ, ты, дурень старый!—ругались разбойные люди.—А мы думали, кто другой.

— Ступайте къ попу Мирону, у него денегъ много,—посовѣтовалъ ехидно Аѳоа.—Будетъ пожива... Пожалуй, вотъ дѣвку мою возьмите, надоѣло мнѣ ее кормить.

— Не до дѣвокъ намъ, дурья голова!

Разбойные люди разспросили дьячка про розыскъ, который велъ въ Усторожьѣ воевода Полуектъ Степанычъ, и обрадовались, когда Аѳоа сказалъ, что сидѣлъ вмѣстѣ съ Бѣлоусомъ и Брехуномъ. Аѳоа подробно разсказалъ все, что самъ зналъ, и разбойные люди отпустили его. Правда, одинъ мужикъ приглядывался къ Охонѣ и даже бралъ ее за руку, но его оттащили: не такое было время, чтобы возиться съ бабами. Охоня сидѣла ни жива ни мертва,—очень ужъ она испугалась. Когда телѣга отъѣхала, Аѳоа захохоталъ.

— Вотъ дураки-то!—говорилъ онъ.—Они за лошадь, а я преподобному Прокопію молитву творю... Прямо дураки!.. Гдѣ же имъ супротивъ нашего заступника устоять, Охонюшка?

Все-таки, благодаря разбойнымъ людямъ, монастырской лошади досталось порядочно,—Аѳоа то и дѣло погонялъ ее, пока не доѣхалъ до рѣки Яровой, которую нужно было переѣзжать вбродь. Она здѣсь разливалась въ низкихъ и топкихъ берегахъ, и мѣсто переправы носило старинное названіе „Калмыцкій бродъ", потому что здѣсь переправлялась съ испоконъ вѣку всякая степная орда. Отъ Яровой до монастыря было рукой подать, всего верстъ съ шесть. Монастырь забѣлѣлъ уже на свѣту, и Аѳоа набожно перекрестился.

— Привелъ Господь мнѣ, недостойному, узрѣть святую обитель,—проговорилъ онъ и даже прослезился.

Начались пашни, а въ сторону Яровой ушли зеленою полосой монастырскіе неемные луга, на которыхъ случалось работать и Аѳоѣ, когда онъ состоялъ въ обители на смиреніи. И хороши мѣста—скатерть-скатертью! И Яровая-то какъ разливается... Аѳоа глядѣлъ по сторонамъ и не могъ налюбоваться. Подъ самымъ монастыремъ рѣка была сдавлена каменистой грядой. Правый берегъ поднимался высокой кручей, на которой красовался густой сосновый боръ. Лѣвый берегъ широкимъ языкомъ вдавался въ рѣку, и на этомъ откосѣ разсыпала свои деревянныя избушки Служняя слобода съ бревенчатою церковкой по срединѣ. Монастырь стоялъ ниже, на самомъ берегу, и далеко бѣлѣлъ своими зубчатыми каменными стѣнами, сложенными еще игуменомъ Поликарномъ. Аѳоа на околицѣ вылѣзъ изъ телѣги и велѣлъ Охонѣ ѣхать одной.

— А ты куда, батя?

— Поѣзжай, дура...

Когда телѣга съ Охоней скрылась, Аѳоа палъ на землю и долго молился на святую обитель, о которой день и ночь думалъ, сидя въ своемъ затворѣ. Самое угодное мѣсто, и не будь дьячихи, Аѳоа давно бы постригся въ монахи, какъ Герасимъ. Да и не стоило на міру жить. Отдохнуть хотѣлъ Аѳоа и успокоить свою грѣшную душу. Будетъ, до зла-горя-черпнулъ онъ мірской суеты, и пора о душѣ позаботиться. Всегда Аѳоа завидовалъ нескверному иноческому житію, и сама дьячиха уже не одинъ разъ говорила ему, что пора за Божье дѣло приниматься, а о мірскомъ позабыть.

Домой Ареоа пошелъ задами, чтобы кто-нибудь на Служней его не узналъ и не донесъ игумену Моисею. Онъ шелъ берегомъ Яровой и нѣсколько разъ перелѣзъ черезъ прясла огородовъ, выходившихъ прямо къ рѣкѣ. Вверхъ по рѣкѣ, сейчасъ за Служней слободой, точно присѣла къ землѣ своею ветхою деревянною стѣною Дивья обитель,—тамъ вся постройка была деревянная, и давно надо было обновить ее, да грозный игуменъ Моисей не давалъ старицамъ ни одного бревна и еще обѣщалъ совсѣмъ снести эту обитель, потому что не подобало ей торчать на глазахъ у Прокопьевскаго монастыря: и монахамъ соблазнъ, да и мірскіе люди напрасныя рѣчи говорили. Только была одна причина, которая дѣлала игумена Моисея безсильнымъ: въ Дивьей обители сидѣла въ затворѣ вотъ уже двадцать лѣтъ присланная изъ Петербурга неизвѣстная „болярыня“. Кто она такая, зналъ одинъ игуменъ Моисей. Когда умерла императрица Елизавета, игуменъ думалъ, что болярыню выпустятъ, но наступилъ Петръ III, потомъ Екатерина II, а болярыня все сидѣла и сидѣла: ее забыли тамъ, въ Петербургѣ. Такъ Дивья обитель и держалась своею именитою узницею.

Дьячковская избушка стояла недалеко отъ церкви, и Ареоа прошелъ къ ней огородомъ. Осенью прошлаго года схватилъ его игуменъ Моисей, и съ тѣхъ поръ Ареоа не бывалъ дома. Безъ него дьячиха управлялась одна, и все у ней было въ порядкѣ: капуста, горохъ, рѣпа. Съ Охоней она и гряды копала, и виолинъ управлялась. Первымъ встрѣтилъ дьячка вѣрный песъ Орѣшка; онъ сначала залаялъ на хозяина, а потомъ завизжалъ и бросился лизать хозяйскія руки. На его визгъ выскочила дьячиха и, по обычаю, повалилась мужу въ ноги.

— Родимый ты мой, Ареоа Кузьмичъ!—причитала она источнымъ голосомъ, обнимая мужа за ноги.—И не думала я тебя въ живыхъ видѣть, солнышко ты мое красное!..

— Тише, баба!..—окликнулъ Ареоа жену.—Чему обрадѣла-то?

Дьячиха Домна Степановна была высокая, здоровенная женщина, широкая въ кости и съ такимъ рябымъ лицомъ, про которое всѣ сосѣди говорили, что по ночамъ на немъ чортъ горохъ молотитъ. Некрасива была дьячиха, но зато могла воротить весь домъ, да еще успѣвала обругать всю свою улицу. На прокопьевской ярмаркѣ она торговала квасомъ и калачами, а по зимамъ сама ѣздила за дровами. Однимъ словомъ, кладъ—не баба, если бъ не побывала въ полонѣ у орды. Чуть что, свои бабы и начнутъ корить богоданной дочкой Охоней, которую дьячиха изъ орды принесла. Охоня часто плакала, когда ребята на улицѣ ей проходу не давали: и раскосая, и черная, и киргизская кость. Матери подучатъ, а ребятишки выкрикиваютъ.

Вошелъ Ареоа въ свою избушку и долго молился образу Прокопія, который стоялъ въ переднемъ углу, а потомъ уже поздоровался съ женой.

— Ну, здравствуй, Домна Степановна... Каково живешь-можешь?

— Охъ, и не спрашивай, Ареоа Кузьмичъ!—всплакала дьячиха...—И свѣту Божьяго безъ тебя не видала... Глазыньки всѣ проплакала.

Лошадь Ареоа отправилъ къ попу Мирону съ Охоней, да заказалъ сказать, что она пріѣхала одна, а онъ остался въ Усторожьѣ. Не ровенъ часъ, развяжетъ попъ Миронъ языкъ не ко времени. Оставшись съ женой, Ареоа разсказалъ, какъ освободила его Охоня, какъ призывалъ его къ себѣ воевода Полуектъ Степанычъ и какъ велѣлъ, нимало не медля, уѣзжать на Баламутскіе заводы къ Гарусову.

— Опять ты сиротой останешься, Домна Степановна,—проговорилъ онъ ласково, жалѣя жену.—Сколь времени, а поживу у Гарусова, пока игуменъ

утишится... Не то горько мнѣ, что въ ссылку ѣду и тебя одну опять оставлю, а то горько, что на заводахъ все двоеданы *) живутъ. Да и самъ Гарусовъ двоеданитъ и ихнюю руку держитъ... Тошно и подумать-то, Домна Степановна.

Запричитала и завыла дьячиха пуще прежняго, пока мужъ не цыкнулъ на нее. Потомъ онъ осмотрѣлъ хозяйскимъ глазомъ всю свою домашнюю худобу и за все похвалилъ дьячиху: все въ порядкѣ и на своемъ мѣстѣ, любому мужику впору.

— День-то проболтаюсь у тебя, а въ ночь выѣду на заводы, — сказалъ Ареѳа, когда послышались шаги Охони.—Смотри, никому ни гу-гу...

Такъ цѣлый день и просидѣлъ Ареѳа въ своей избушкѣ, поглядывая на улицу изъ-за косяка. Очень ужъ тошно было, что не могъ онъ сходить въ монастырь помолиться. Какъ разъ на игумена наткнешься, такъ опять сцапаетъ и своимъ судомъ разсудитъ. Къ вечеру Ареѳа собрался въ путь. Дьячиха приготовила ему котомку, сѣлъ онъ на собственную чалую кобылу и, когда стемнѣло, выѣхалъ огородами на заводскую дорогу. До Баламутскихъ заводовъ считали полтораста верстъ, и все время надо было ѣхать берегомъ Яровой.

За околицей Ареѳа остановился и долго смотрѣлъ на бѣлыя стѣны Прокопьевскаго монастыря, на его высокую каменную колокольню и ряды низкихъ монастырскихъ построекъ. Его опять охватило такое горе, что лучше бы, кажется, утопиться въ Яровой, чѣмъ ѣхать къ двоеданамъ. Служняя слобода вся спала, и только въ Дивьей обители слабо мигалъ одинокій огонекъ, день и ночь горѣвшій въ кельѣ безыменной затворницы.

— Двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать, — рѣшилъ Ареѳа, понукая свою чалую кобылу.

Прокопьевскій монастырь былъ основанъ въ концѣ XVII столѣтія пустынножителемъ Саввой, въ иночествѣ Савватіемъ, когда кругомъ жила еще „орда“ „обонполъ Яровой“. Около Савватія собрались благоувѣтливые старцы, искавшіе спасенія „въ отишіи“ дремучихъ лѣсовъ по Яровой. Такъ возникла новая обитель, „яже въ сибирстѣй странѣ“, а потомъ она переименовалась въ общежительный монастырь. Инокъ Савватій по происхожденію былъ не чужимъ для орды, потому что его мать была татарка. Казаки въ большинствѣ случаевъ женились на татаркахъ, о чемъ сибирскій лѣтописецъ повѣствуетъ такъ: „Поколѣніе въ казацкомъ сословіи первоначально пошло отъ крови татарокъ, которыя, бывъ обласканы смѣлыми пришельцами, взошли на ложе ихъ, впослѣдствіи законное, по подобію сабинянокъ, и съ чертами кавказскаго отродья не обезобразили мужественнаго потомства“. Это обстоятельство много помогло Савватію удержаться въ незнакомой странѣ, принадлежащей кочевникамъ. На новую обитель дѣлались частыя нападенія, и благоувѣтливые иноки отсиживались за деревянными стѣнами съ разнымъ „уязвительнымъ оружіемъ“ въ рукахъ. Рѣшительный моментъ для обители наступилъ, когда въ степь былъ выдвинутъ новый городокъ Усторожье. Русская колонизація сразу двинулась впередъ, и дикія времена для обители миновали навсегда. Если и приходилось ей терпѣть напасти отъ орды, то помощь теперь была подъ рукой: воинскіе люди приходили изъ Усторожья и выручали обитель. Главное богатство Прокопьевскаго монастыря заключалось въ земельныхъ угодьяхъ, захваченныхъ еще до основанія Усторожья. Лѣсъ, пашенныя мѣста, сѣнокосы, рыбныя ловли, бортныя ухожья и хмельники—всего было вволю, и

*) Двоеданами называли при Петрѣ I раскольниковъ, потому что они были обложены двойною податью.

монастырь быстро выросъ и украсился на славу. Вклады благочестивыхъ людей въ монастырскую казну усилили это богатство, а нѣсколько тысячъ крестьянъ, осѣвшихъ на монастырской землѣ, представляли собой даровую рабочую силу. Такъ было до введенія духовныхъ штатовъ, когда за монастыремъ не осталось и десятой части его земельныхъ богатствъ, а крестьяне монастырскихъ вотчинъ перечислены были на государя. Дубинщина являлась послѣднимъ ударомъ. Игуменъ Моисей попалъ въ разгаръ монастырскаго лихолѣтья, и это окончательно его ожесточило.

Однимъ словомъ, наступало новое время и новые порядки, и тотъ же игуменъ Моисей предпочелъ бы стародавнія времена, когда приходилось выстаивать обители передъ ордой однѣми своими силами, минуя всякую воинскую помощь.

V.

Послѣ отъѣзда дьячка Ареевы изъ Усторожья воевода Полуектъ Степанычъ ходилъ, какъ въ воду опущенный. Всякое дѣло у него изъ рукъ валилось, и онъ точно забылъ про судную избу, гдѣ заканчивалось дѣло по разборкѣ монастырской „заворохи“. Ходитъ воевода по своимъ покоямъ и тяжко вздыхаетъ. А по ночамъ сна рѣшился. Воеводша Дарья Никитична замѣтила, что съ мужемъ что-то попритчилось, но ни къ чему не могла приложить своего бабьяго ума. Она и наговорную соль клала воеводѣ подъ подушку, и мазала волчьимъ саломъ всѣ пороги въ домѣ, и даже съ уголька спрыснула воеводу, когда онъ выходилъ изъ бани,—ничто не помогало. Дѣло раскрылось само собой, когда пришла къ воеводшѣ старуха, мать Терешки-писчика, и подъ великимъ секретомъ сообщила, что воевода испорченъ волхитомъ, дьячкомъ изъ Служней монастырской слободы, который черезъ свое волшебство и изъ тюрьмы выпущенъ на соблазнъ всему городу. Приплела старая баба и отецкую дочь Охопю, которая ульстила своими дѣвичьими слезами воеводино сердце.

Вскипѣло сердце у старой воеводши отъ неслыханнаго позора, и поднялась она настоящей медвѣдицей.

— Ужо разскажу все игумну Моисею!—грозила она мужу.—Не буду я, ежели не скажу... Гдѣ это показано, чтобы живыхъ людей изводить?

— Перестань, старая дура!—огрызался воевода:—истинно сказано, что дологъ волосъ у бабы, а умъ короче воробьинаго носу...

— А на дѣвокъ зачѣмъ заглядываешься, несытые глаза?.. Все я знаю... все... и все игумну Моисею разскажу, какъ на духу.

Не взлюбились такія поносныя слова Полуекту Степанычу, снялъ онъ со стѣны киргизскую нагайку и поучилъ свою старую воеводшу, чтобы хоть чѣмъ-нибудь унять проклятый бабій языкъ.

— Не ты меня бьешь, Полуехтъ Степанычъ, а дьячковскій заговоръ!—вопила воеводша.

— А вотъ тебѣ и за дьячковскій заговоръ прибавка! — оралъ воевода, работая тяжелою нагайкой.—Будешь еще поносныя слова выговаривать?

Давно не бивалъ жены Полуектъ Степанычъ, пожалуй, всѣ лѣтъ пятнадцать, и стало ему совѣстно, когда воеводша слегла въ постель отъ его науки. Не гожее это дѣло, когда старики дерутся, а вотъ попуталъ врагъ. Чтобы сорвать сердце, отправился воевода въ судную избу, сѣлъ за свой столъ и велѣлъ вывести на допросъ бѣломѣстнаго казака Тимошку Бѣлоуса. Загремѣли замки, заскрипѣли проржавѣвшія желѣзныя петли у дверей, вошли

сторожа въ яму къ Тимошкѣ, а его и слѣдъ простылъ. Когда онъ ушелъ и какъ ушелъ—все осталось неизвѣстнымъ. Наказали плетьми сторожей да солдатъ, прокарауливших самаго главнаго преступника, а Полуектъ Степанычъ совсѣмъ опустилъ голову. Все неспроста дѣлалось кругомъ.

Окончательно заскучалъ усторожскій воевода и заперся у себя въ горницѣ. Поняла и воеводша, что неладно повела дѣло съ самаго начала: надо было безъ разговоровъ увезти воеводу въ Прокопьевскій монастырь да тамъ отмолить его отъ напущенныхъ волхитомъ поганыхъ чаръ. Теперь она подходила къ воеводской горницѣ, стучалась въ дверь и говорила:

— Голубчикъ, Полуектъ Степанычъ, поѣдемъ въ монастырь, помолимся угоднику Прокопію. Не гожее это дѣло грѣшить намъ съ тобой на старости лѣтъ... Я на тебя сердца не имѣю, хотя и обидѣлъ ты меня напрасно.

— А игумену Моисею не будешь жаловаться?

— Сказала, не буду. Только поѣдемъ...

— Что же, поѣдемъ... Въ монастырь, такъ въ монастырь, а у игумена Моисея зѣло добрый травникъ.

Воеводшѣ только это и нужно было. Склались они въ дорогу живой рукой, чтобы воевода какъ не раздумалъ. Всю дорогу воевода молчалъ, и только когда ихъ колымага подъѣзжала къ Прокопьевскому монастырю, онъ проговорилъ:

— Испортилъ меня проклятый дьячокъ вконецъ.

Обыкновенно Полуектъ Степанычъ завертывалъ къ попу Мирону, а потомъ уже пѣшкомъ шелъ въ монастырь, но на этотъ разъ колымага остановилась прямо у монастырскихъ воротъ. Воеводша такъ разсчитала, чтобы попасть прямо къ обѣднѣ. Въ старой зимней церкви какъ разъ шла служба. Народу набралось-таки порядочно.

— Что это у васъ, никакъ праздникъ? — спросила воеводша служку-вратаря.

— Нѣтъ, сегодня постриженіе нашего служки Герасима.

Церковь была полна, но народъ разступился передъ воеводой. Онъ сталъ на свое мѣсто у праваго клироса, а воеводша на свое у лѣваго. Длинная монастырская служба только еще начиналась. Любилъ воевода эту монастырскую службу: по-настоящему правилъ игуменъ Моисей весь церковный уставъ и даже завелъ своихъ нѣвчихъ. Сегодня и служба была особенная. Началъ молиться Полуектъ Степанычъ—и точно, ему сразу полегчало: гора съ плечъ. И воеводша тоже со слезами молится. Вотъ уже братія привела и ставленника, накрытаго чернымъ. Вышелъ игуменъ Моисей изъ алтаря, подали большія ножницы. Ставленникъ три раза самъ подавалъ ихъ игумену, и три раза игуменъ возвращалъ ихъ, а въ четвертый взялъ. Теперь только воевода замѣтилъ ставленника: такой рыжій, некрасивый, да еще сутулый. Самъ игуменъ былъ важный старикъ, съ такими строгими голубыми глазами. Когда онъ занесъ ножницы надъ головой ставленника, въ толпѣ раздался женскій крикъ, отъ котораго вздрогнула вся церковь.

Воевода оглянулся, точно ударили его ножомъ въ сердце: въ трехъ шагахъ отъ него выдѣлилось изъ всѣхъ лицъ искаженное отчаяніемъ молодое женское лицо. Это была она, Охоня. Ее подхватили подъ руки и увели изъ церкви, а Полуектъ Степанычъ стоялъ ни живъ ни мертвъ, точно туманомъ его обдало. Страшно ему вдругъ сдѣлалось за свою грѣшную душу, за смѣлость, съ какой онъ вошелъ въ святой Божій храмъ, за свое грѣшное безсиліе, точно постригали его, а не безвѣстнаго служку Герасима. Онъ не помнилъ, какъ вышелъ изъ церкви и какъ очутился въ кельѣ у игумена.

— Грѣхъ, грѣхъ... — шепталъ Полуектъ Степанычъ, глотая слезы. — Грѣшный я человѣкъ... душу свою погубилъ...

Такъ сидѣлъ усторожскій воевода въ игуменской кельѣ и горько плакалъ. Онъ ждалъ только одного, чтобы поскорѣе пришелъ со службы самъ игуменъ: все разскажетъ ему Полуектъ Степанычъ, до послѣдней ниточки. Пусть игуменъ эпитимію наложитъ, какую хочетъ, только бы снять съ души грѣхъ. Въ растворенное окно келіи, выходившее на монастырскій дворъ, онъ видѣлъ, какъ пошелъ народъ изъ церкви, какъ прошла его воеводша съ Мироновой попадьей, какъ вышелъ изъ церкви и самъ игуменъ Моисей, благословлявшій народъ. Вотъ онъ уже идетъ по двору, вотъ зашелъ въ сѣни и поднимается по ступенькамъ. Духъ занялся въ груди у воеводы: вотъ сейчасъ распахнется дверь, и онъ кинется въ ноги строгому игумену. Но дверь распахнулась, вошелъ игуменъ Моисей, а воевода не двинулся съ мѣста и не проронилъ ни одного слово.

— Что же ты, овца погибшая, благословеніемъ моимъ брезгуешь?—спросилъ игуменъ, останавливаясь посреди кельи.—Какъ вѣтромъ дунуло давѣ изъ церкви-то: легче пуху вылетѣлъ. Эхъ, Полуектъ Степанычъ, Полуектъ Степанычъ!..

Воевода опустилъ голову и не смѣлъ дохнуть. Грозный игуменъ нахмурился и, подойдя совсѣмъ близко, проговорилъ:

— Зачѣмъ противъ моей воли идешь, Полуектъ Степанычъ, а? Кто дьячка Арсюу выпустилъ? Кто Тимошку Бѣлоуса выпустилъ?

— Ну, ужъ про Тимошку-то ты врешь, игуменъ, — отвѣтилъ воевода, приходя въ себя.—Дьячка я выпустилъ, мой грѣхъ, а Тимошка самъ ушелъ...

— Тебѣ же хуже, воевода... У меня бы, небось, не ушли.

Опомнившись, Полуектъ Степанычъ земно поклонился игумену и принялъ отъ него благословеніе.

— Богъ тебя благословитъ, Полуектъ Степанычъ...

— Прости, святой отецъ. Грѣшенъ я передъ тобой, яко песъ смердящій... Но не таю своей вины и пріѣхалъ покаяться.

— Вотъ всѣ вы такъ-то: больно охочи каяться, чтобы грѣшить легче было. Знаю, съ чѣмъ пріѣхалъ-то...

Игуменская келья походила на всѣ другія братскія кельи, съ тою разницей, что окна у нея были обрѣшечены желѣзомъ и дверь была тоже обита желѣзомъ. Въ кельѣ стояли простыя деревянныя лавки, такой же столъ и деревянная кровать: игуменъ спалъ на голыхъ доскахъ. Единственную роскошь составлялъ кіотъ въ переднемъ углу съ иконами въ дорогихъ окладахъ. Узкое окно, пробитое въ стѣнѣ крѣпостной толщины, открывало видъ на весь монастырскій дворъ, такъ что игуменъ могъ каждую минуту видѣть, что дѣлается у него на дворѣ. Пока игуменъ Моисей снималъ свой клобукъ и мантію, Полуектъ Степанычъ откровенно разсказалъ, какъ вышло дѣло съ дьячкомъ Арсюой, и какъ онъ ослабѣлъ окончательно.

— Это та самая дѣвка, которая въ церкви сегодня выкликала?—сурово спросилъ игуменъ.

— Она самая, святой отецъ.

— И тебѣ не стыдно, воевода? — загремѣлъ игуменъ Моисей, размахивая четками. — Что не глядишь-то на меня? Бѣсу послужилъ на старости лѣтъ... Свою честную сѣдину осрамилъ.

Игуменъ теперь оставался въ одномъ подрясникѣ изъ своей монастырской черной крашенины, препоясанный широкимъ кожанымъ поясомъ, на которомъ висѣлъ большой ключъ отъ желѣзнаго сундука съ монастырской казной. Игуменъ былъ средняго роста, но такой коренастый и крѣпкій.

— Мірской человѣкъ, отецъ святой... Согрѣшилъ, окаянный...

— И своей воеводши, Дарьи Никитичны, не постыдился?.. Нескверное житіе погубилъ навѣки и другимъ пагубный примѣръ оказалъ, яко козелъ смрадный. Простой человѣкъ увязнетъ въ грѣхѣ—себя одного погубитъ, а ты другимъ дорогу показываешь, воевода...

Недавнее смиреніе соскочило вдругъ съ Полуекта Степаныча, когда игуменъ замахнулся на него своими четками.

— Да ты никакъ сдурѣлъ, игуменъ? Я къ тебѣ съ покаяніемъ, какъ на духу, а ты лаешь... Какой я тебѣ козелъ?

— Ты у меня поговори! Заморю на поклонахъ... Ползать будешь за мной, Ахавъ нечестивый.

Это уже окончательно взорвало воеводу.

— Попъ, молчи!.. Тебѣ говорю, молчи! Я свою вину получше тебя знаю, а ты кто таковъ есть самъ-то?.. Попомни-ка, какъ говяжьею костью попадью свою уходилъ, когда еще бѣлымъ попомъ былъ? Думаешь, не знаемъ? Все знаемъ... Теперь монаховъ бьешь нещадно, крестьянишекъ своихъ монастырскихъ изволочилъ на работѣ, а я за тебя расхлебывай кашу...

Воевода вскочилъ на ноги и наступалъ на игумена все ближе. Теперь онъ видѣлъ въ немъ простого чернаго попа. Игуменъ понялъ его настроеніе, надѣлъ мантію и клобукъ и проговорилъ:

— Такъ ты за этимъ ко мнѣ пріѣхалъ, смердящій песъ?

Полуектъ Степанычъ сразу опомнился, повалился въ ноги игумену и, стукаясь головой о полъ, заговорилъ:

— Прости, святой отецъ!.. Вконецъ меня испортилъ проклятый двячокъ... Прости, игуменъ... Изъ ума выступилъ... осатанѣлъ...

— Ладно, прощу, коли смиреніе вынесешь,—отвѣтилъ игуменъ, снимая клобукъ.—А смиреніе тебѣ будетъ монастырскій дворъ подметать, чтобы другіе глядѣли на тебя и казнились... Согласенъ?

Какъ ни умолялъ Полуектъ Степанычъ, какъ ни ползалъ на колѣняхъ за игуменомъ, тотъ остался непреклоннымъ.

— Люби наказую твою воеводскую гордость, — рѣшилъ игуменъ. — Гордость свою смири...

— Да вѣдь стыдно будетъ передъ всѣмъ народомъ съ метлой-то выходить.

— А не стыдно было на дѣвку заглядываться? Не стыдно было старую воеводшу увѣчить? Не я тебя наказую, а ты самъ себя...

Полуектъ Степанычъ сѣлъ на лавку и горько заплакалъ. Игуменъ тоже отошелъ и молча его наблюдалъ.

— Не могу „ее“ забыть, — повторялъ воевода слабымъ голосомъ. — И днемъ и ночью стоитъ у меня передъ глазами, какъ живая... Руки на себя наложить, такъ въ ту же пору.

— Ну, эту бѣду мы уладимъ, какъ ни на есть... Не печалуйся, Полуектъ Степанычъ. Бѣда избывная... Вотъ съ метелкой-то походишь, такъ дурь-то соскочитъ живой рукой. А скверно то, что ты мирволилъ моимъ ворогамъ и супостатамъ... Все знаю, не отпирайся. Все знаю, какъ и Гарусовъ теперь радуется нашему монастырскому безвременью. Только раненько онъ обрадовался. Думаетъ, захватилъ монастырскія вотчины, такъ и крыто дѣло.

— Да вѣдь ваши-то духовные штаты не Гарусовымъ придуманы?

— Чужое мѣсто онъ захватилъ, вотъ что... И самъ не обрадуется потомъ, да поздно будетъ. Да и ты помянешь мои слова, Полуектъ Степанычъ... Охъ, какъ еще помянешь-то!.. Жаль мнѣ тебя, миленькаго...

— Къ чему ты эту рѣчь гнешь, игуменъ?.. Невдомекъ мнѣ какъ будто...

— А вотъ будешь съ метелкой по нашему двору похаживать, такъ, можетъ, и догадаешься. Ты ничего не слыхалъ, какіе слухи пали съ Яика?

— Казачишки опять чего-нибудь набунтовали?

— Не казачишками тутъ дѣло пахнетъ, Полуектъ Степанычъ. Получилъ я опасное письмо, чтобы на всякій случай обитель укрѣпить можно было отъ воровскихъ людей. Какъ бы похуже своей монастырской дубинщины не вышло, я такъ мекаю... А ты сидишь у себя въ Усторожьѣ и сномъ дѣла не знаешь. До глухого еще вѣсти не дошли.

— Приказу ниоткуда не получалъ, а мое дѣло тоже подневольное: по приказамъ должонъ поступать. Только мнѣ все невдомекъ, игуменъ, какимъ рожномъ ты меня пугаешь?

Игуменъ оглядѣлся, приперъ дверь кельи и тихо проговорилъ:

— На Яикѣ объявился не простъ человѣкъ, а именующій себя высокою персоною... По уметамъ казачишки уже толкуютъ вездѣ объ немъ, а тутъ, гляди, и къ намъ недалеко. Мы-то первые подъ обухъ попадемъ... Ты вотъ распустилъ дубинщину, а тѣ же монастырскіе мужики и подымутся опять. Вотъ попомни мое слово...

— А на что рейтарскіе и драгунскіе полки, владыка? Воинская опора велика... У тебя еще послѣ дубинщины страхъ остался.

— Я за свой монастырь не опасаюсь: ко мнѣ же придете въ случаѣ чего. Тѣ же крестьяне прибѣгутъ, да и Гарусовъ тоже... У него на заводахъ большая тягота, и народъ подымется, только кликни кличъ. Охъ, не могу я говорить про Гарусова: радуется онъ нашимъ безвременьемъ. Вѣдь ничего у насъ не осталось, какъ есть ничего...

— Вездѣ новые порядки, владыка честной. Вотъ и наше городовое дѣло вездѣ по-новому... Я-то послѣднимъ воеводой досиживаю въ Усторожьѣ, а по другимъ городамъ ратманы да головы объявлены. Усторожье позабыли—вотъ и все мое воеводство. Не сегодня-завтра и съ коня долой. Приказные люди въ силу входятъ, и вездѣ нѣмцы проявляются, особливо въ воинскомъ нашемъ дѣлѣ... Поэтому и разборку твоей монастырской дубинщинѣ съ большой опаской дѣлалъ. Самъ, какъ сорока, на колу сижу... А что касаемо самозванца, такъ не безпокойся, я одинъ его узломъ завяжу. Въ орду хаживали, и то не боялись...

— Домашняя-то бѣда, Полуектъ Степанычъ, всегда больше... Лише бѣсъ раздѣлится на ся, погибнуть бѣсу тому.

— Ну, это по Писанію, а мы по-своему считаемъ бѣды-то.

Такъ сидѣли и рядили старики про разныя дѣла. Служка тѣмъ временемъ подалъ скудную монастырскую трапезу: щи рыбныя, пирогъ съ рыбой, кашу и огурцы съ медомъ.

— Вотъ послѣднія крохи проѣдаемъ, — грустно замѣтилъ игуменъ, угощая воеводу.—Гдѣ-то у меня травникъ остался...

Воевода только вздохнулъ: горекъ показался ему теперь этотъ монастырскій травникъ.

Послѣ обѣда игуменъ Моисей повелъ гостя въ свой монастырскій садъ, устроенный игуменскими руками. Раньше были однѣ березы, теперь пестрѣли цвѣтники. Любилъ грозный игуменъ всякое произрастаніе, особенно „крикъ сельный“. Для зимы была выстроена цѣлая оранжерея, куда онъ уходилъ каждый день послѣ обѣда и работалъ.

VI.

Изъ церкви воеводша прошла съ попадьей Мироніхой въ Служнюю слободу, въ поповскій домъ, гдѣ уже все было приготовлено къ пріему дорогой гостьи. Самъ попъ Миронъ выскочилъ встрѣчать ее за ворота.

— Какъ живешь-можешь, попъ? — спрашивала воеводша. — Отгащивать къ тебѣ пріѣхала... Давно ли ты у насъ былъ въ Усторожьѣ, а теперь мы съ воеводой наклались въ обитель съѣздить.

— Ужъ не взыщи на нашей худобѣ, матушка Дарья Никитична!—плакался попъ Миронъ.—Чѣмъ тебя только и принимать будемъ: по-крестьянски живемъ...

— А мнѣ до мѣста, отдохнуть—вотъ и угощенье. А вечеркомъ ужо съ попадьей въ Дивью обитель сходимъ... Давно я игуменью, мать Досиѳею, не видала.

Поповскій домъ былъ не великъ. Своими руками строилъ его попъ Миронъ и выстроилъ переднюю избу сначала, а потомъ заднюю, да наверху свѣтелку. Главное, чтобы зимой было тепло попадьѣ да поповымъ ребятишкамъ. Могутный былъ человѣкъ попъ Миронъ: косая сажень въ плечахъ, а голова, какъ пивной котелъ. Простъ былъ и увѣтливъ, если бы не слабость къ зелену вину.

Еще дорогой попадья Мирониха разсказала воеводшѣ, отчего въ церкви выкликнула Охоня,—совѣсть ее ущемила. Изъ-за нея постригся бывшій попамарь Герасимъ... Сколько разъ засылалъ онъ сватовъ къ дьячку Аѳеѳѣ, и сама попадья ходила сватать Охоню, да только уперлась Охоня и не пошла за Герасима. Набаловалась дѣвка, живучи у отца, и никакого порядку не хочетъ знать. Не все ли равно: за кого ни выходить замужъ, а надо выходить.

— Видѣла я ее давѣ въ церкви-то,—задумчиво говорила воеводша, покачивая головой.—Ничего дѣвка, только рожей калмыковата. Въ кого она у нихъ уродилась такая раскосая?

Тутъ уже начались бабьи шопоты, а Мирониха выгнала своего попа изъ избы и даже дверь затворила на крюкъ. Все разсказала попадья, что только знала сама, а воеводша слушала и качала головой.

— Ишь, какое зелье уродилось!—проговорила важная гостья, когда попадья разсказала про дьячихинъ полопъ.—То-то оно и замѣтно...

— А то мудреное дѣло, матушка Дарья Никитична, — тараторила попадья, желавшая угодить воеводшѣ: — что отецъ съ матерью не надышатся на свою Охоньку... Другіе бы стыдились, что приблудная она, а они радуются. Эвонъ, легка на помипѣ наша дьячиха!..

На поповскій дворъ, дѣйствительно, прибѣжала сама дьячиха и такъ завыла и запричитала, что всѣ изъ избы повыскакивали, а попъ Миронъ впереди всѣхъ.

— Что стряслось-то, говори толкомъ?—спрашивалъ онъ валявшуюся въ ногахъ дьячиху.

— Управы пришла искать на игумена!—вопила дьячиха, стоя на колѣняхъ.—Къ матушкѣ-воеводшѣ пришла... Дьячка моего Аѳеѳу сжилъ со свѣту игуменъ, а теперь и дочь отнялъ... Прямо изъ церкви уволокли Охонюшку въ Дивью обитель и въ затворъ посадили, а какая ея вина—не вѣдомо!.. Схватилась я, горькая, побѣжала въ Дивью обитель, а меня и близко не пустили къ Охонѣ: игуменъ не приказалъ... Охъ, горькая я!.. И зачѣмъ только

на свѣтъ родилась?.. Одна только заступа осталась: матушка-воеводша... Слезно пришла плакаться на свою злосчастную судьбу.

Вышла на крылечко и сама воеводша Дарья Никитична и поманила голосистую дьячиху въ избу. Опять бабы заперлись тамъ, и начались новые бабьи шопоты. Усадила воеводша дьячиху на лавку и стала выспрашивать, какая бѣда приключилась.

— Не печалуйся прежде поры-время, — проговорила она, когда дьячиха разсказала все.—Суровъ игуменъ Моисей, да санъ на немъ великъ: не намъ, грѣшнымъ, судить его. А твою Охоню я сегодня же повидаю... Мнѣ надо къ матери Досиѳеѣ побывать. Молитвенница наша... Ужо поговорю съ ней.

— Матушка-воеводша, заступись! — вопила дьячиха.— На тебя вся надежда... Извелъ насъ игуменъ вконецъ и всю монастырскую братію измором сморилъ, да бѣлыхъ поповъ шелепами наказывалъ у себя на конюшнѣ. Лютуетъ не по сану... А какая я мужняя жена безъ мово-то дьячка?.. Измаялась вся на работѣ, а тутъ еще Охоню въ затворъ игуменъ посадилъ...

Сжалилась воеводша надъ горюшей-дьячихой и подарила ей серебряный рубль.

— Ну, будетъ убиваться, — говорила попадья. — Вотъ разскажи лучше, какъ въ полонѣ была въ ордѣ.

— Охъ, помереть бы мнѣ тамъ, — плакала дьячиха. — У другихъ бабъ грѣхъ-то съ крещеными, а мой грѣхъ съ ордой неумытой... Тьфу!.. Растерзали-было меня кыргызы до смерти. Стыдно и разсказывать-то... Духъ отъ нихъ, какъ отъ псовъ. Наругались они надо мной... Охъ, стыдобушка головушкѣ! Тошнехонько и вспоминать-то, матушка-воеводша... Арканомъ меня связывали, какъ лошадь,—свяжутъ и ругаются, а я имъ въ морды плюю. А потомъ ночью и ушла изъ орды... Погоня гналась за мной двѣ ночи, а я о дву-конь бѣжала. Конечно, не своею бабьею немощью ослобонилась, а дьячковской молитвой: онъ умолилъ угодника Прокопія...

Воеводша слушала дьячиху и тихо смѣялась: очень ужъ забавно о своемъ полонѣ дьячиха разсказывала.

— Ну, теперь ступай домой,—сказала она дьячихѣ:—а мы съ попадьей въ Дивью обитель сходимъ.

Дьячиха опять заголосила и повалилась въ ноги матушкѣ-воеводшѣ, такъ что попъ Миронъ едва ее оттащилъ.

— Загостился мой воевода у игумена,—говорила воеводша, дѣлая удивленное лицо.—И что бы ему столько время въ монастырѣ дѣлать? Ну, попадья, пойдемъ къ матери Досиѳеѣ.

Воеводша пошла пѣшкомъ, благо до Дивьей обители было рукой подать. Служняя слобода была невелика, а тамъ версты не будетъ. Попадья едва поспѣвала за гостьей, потому что задыхалась отъ жары, — толстая была попадья.

— И мѣсто у васъ только угодливое!—любовалась воеводша на высокій красивый берегъ Яровой, подъ которымъ пріютилась своими бревенчатыми избушками Дивья обитель.—Одна благодать... У насъ, въ Усторожьѣ, гладко все, а здѣсь и рѣка, и лѣсъ, и горы. Умольное мѣсто... Охъ-хо-хо! Мужа похороню, такъ сама постригусь въ Дивьей обители, попадья. Будетъ грѣшить-то...

— Нѣтъ лучше иноческаго тихаго житія,—соглашалась попадья со вздохомъ.—Суета мірская одолѣла да дѣтишки, а то и я давно бы въ обитель къ матери Досиѳеѣ ушла... Умольная жисть обительская.

Дивья обитель издали представляла собой настоящій деревянный городокъ, точно вросшій отъ старости въ землю. Срубленныя въ пазъ бревенчатыя

стѣны давно покосились, деревянныя ворота затворялись съ трудомъ, а внутри стѣнъ тянулись почернѣвшія отъ времени деревянныя избы-кельи; деревянная ветхая церковь стояла въ серединѣ. Мѣсто подъ обитель было выбрано совсѣмъ въ „отишіи“, осѣненное сосновымъ боромъ. Сестра-вратарь, узнавшая попадью Мирониху, пропустила гостей въ обитель съ низкимъ поклономъ.

— Дома мать Досиѳея?—спрашивала попадья.

— Дома... Куда ей дѣться-то? Все здоровьемъ скудается... Обезножила наша матушка.

Проходя монастырскимъ дворомъ, попадья показала глазами на отдѣльную избу, у которой ходилъ „профосъ“ съ ружьемъ,—это и былъ „затворъ“ таинственной узницы Фоины, содержавшейся подъ нарочитымъ военнымъ карауломъ царскихъ приставовъ. Сестра Фоина находилась въ „неисходномъ содержаніи подъ прикрытіемъ сержанта Сарычева“.

— Жалятся благоувѣтливыя старицы на Фоину,—шопотомъ сообщала попадья.—Мірской мятежъ проявляетъ и доходитъ до остервенѣнія злобы... Игуменьѣ Досиѳеѣ постоянно встрѣчныя слова говоритъ, ссорится и супротивничаетъ. Холопками сестеръ величаетъ...

— Легко ли ей въ затворѣ-то сидѣть, голубкѣ?—жалѣла воеводша, качая головой.—Сказываютъ, изъ знатныхъ персонъ она, а тутъ въ отишіе попала... Тоже живой человѣкъ.

— Мать Досиѳея бьется-бьется съ ней... Шелепами, слышь, наказывала какъ-то за непослушаніе.

— Охъ, страсть какая! Статочное ли это дѣло?

Келья матери-игуменьи стояла вблизи церкви. Это была бревенчатая пятистѣнная изба со свѣтелкой и деревяннымъ шатровымъ крылечкомъ. Въ сѣняхъ встрѣтила гостей маленькая послушница въ черной плисовой повязкѣ. Она низко поклонилась и, какъ мышь, исчезла неслышными шагами въ темнотѣ.

— Ишь, какъ выстрожила матушка сестеръ,—полюбовалась попадья.—Ходятъ, какъ тѣни.

Игуменская келья состояла изъ двухъ низенькихъ комнатъ съ бревенчатыми стѣнами. Въ первой весь передній уголъ занятъ былъ образами, завѣшенными шелковой пеленой; передъ кіотомъ „Всѣхъ скорбящихъ радости“ горѣла „неугасимая“ и стоялъ кожаный аналой. У стѣны помѣщены были двѣ укладки съ книгами. Въ церковь игуменья не могла выходить и молилась у себя дома. Въ обители служилъ черный попъ Пафнутій, онъ же монастырскій келарь, или попъ Миронъ. Полъ былъ устланъ половиками своего монастырскаго дѣла. Игуменья лежала въ другой комнатѣ на деревянной кровати. Та же послушница пригласила гостей къ самой.

— Кто тамъ, крещеный человѣкъ?—спрашивалъ старушечій брюзжащій голосъ.—Никакъ ты, попадья?

— Я, многогрѣшная, матушка... А какую гостью тебѣ я привела: то-то спасибо попадьѣ скажешь! Радость всей вашей обители.

Игуменья Досиѳея была худая, какъ сушеная рыба, старуха, съ пожелтѣвшими отъ старости волосами. Ей было восемьдесятъ лѣтъ, изъ которыхъ она провела въ своей обители шестьдесятъ. Строгое восковое лицо глядѣло мутными глазами. Черное монашеское одѣяніе рѣзко выдѣляло и эту сѣдину и эту старость: казалось, въ игуменьѣ не оставалось ни одной капли крови. Она встрѣтила воеводшу со слезами на глазахъ и благословила ее своею высохшею, дрожавшею рукой, а воеводша поклонилась ей до земли.

— Трудница ты наша, матушка, побезпокоила я тебя,—извинялась воеводша.—Давно я собиралась къ тебѣ, да все недосужилось...

Мутные старческіе глаза пытливо смотрѣли на воеводшу, а сухія побѣлѣвшія губы шептали беззвучныя слова.

— Игуменъ Моисей помереть не дастъ,—заговорила игуменья, усаживаясь на кровати; она теперь походила на привидѣніе.—Обитель рушится... все развалилось... а онъ одно твердитъ, что изничтожитъ насъ въ конецъ. Лѣсу не дастъ на поправку... тѣснитъ... Вотъ я и не могу помереть: сестеръ жаль. Куда онѣ безъ меня-то дѣнутся?.. Три десятка сестеръ, а кто промыслитъ про нихъ все?.. Тоже надо и обуть, и одѣть, и накормить. Облютѣлъ игуменъ Моисей на нашу обитель... Соблазнъ, говоритъ, монастырю... Вотъ какія дѣла, Дарья Никитишна! Когда игуменъ Поликарпъ монастырскія стѣны клалъ, такъ обѣщался и Дивью обитель подновить, да только Богъ вѣку ему не далъ. А теперь все у насъ повалилось да сгнило, скоро и затвориться будетъ нечѣмъ...

— Жалѣемъ мы всѣ тебя, матушка... да что съ игуменомъ Моисеемъ подѣлаешь? Лютуетъ онъ на всѣхъ...

— Жаль и мнѣ его,—устало проговорила игуменья, опуская глаза.—Воздай ему Богъ за зло добромъ, а только жалѣю я...

Попадья и воеводша переглянулись: игуменья Досиѳея слыла за прозорливицу и не спроста пожалѣла гордаго игумена Моисея.

— А надо бы намъ стѣнки-то подкрѣпить,—точно бредила игуменья.—Охъ, какъ надо! И ворота вонъ совсѣмъ развалились... Башенки прежде на углахъ-то стояли, когда орда приходила. Когда Алдаръ-бей съ башкирью набѣгалъ, такъ крестьяне со всѣхъ деревень укрывались въ Дивьей обители... Тоже и отъ Пепени съ Тулкучарой... подъ самыя стѣны набѣгала орда, и Господь ущитилъ.

— Что же, матушка, опять орда набѣжитъ?—спрашивала воеводша.

— Горе будетъ, миленькія... Тогда и моя смертенька.

Потомъ игуменья сразу спохватилась:

— Что же это я томлю васъ, миленькія?.. Анѳиса, сбѣгай въ келарню къ сестрѣ Маремьянѣ и накажи ей... Она знаетъ порядокъ.

— Мы не за угощеніемъ пришли, матушка, а тебя провѣдать,—говорила воеводша.—Чего тебѣ безпокоиться-то для насъ?

Игуменья взглянула на воеводшу, ожевала губами и проговорила, обращаясь къ попадьѣ:

— Ступай-ка ты сама, попадейка, въ келарню... Пожалуй, лучше будетъ.

Воеводша виновато опустила голову: проникла ея тайную мысль прозорливица. Наступило неловкое молчаніе. Игуменья откинулась на подушку и лежала съ закрытыми глазами.

— Ну, разсказывай, зачѣмъ пришла,—тихо прошептала она.—Вижу, что неспроста... Говори. По лицу вижу, что не съ добромъ пришла. Охъ, грѣхи!..

Эти слова сразу разжалобили воеводшу, и она опять повалилась въ ноги прозорливицѣ. Все время крѣпилась и ничѣмъ не выдала себя ни попадьѣ ни дьячихѣ, а теперь ее прорвало... Она долго плакала, прежде чѣмъ повѣдала свое бабье горе и мужнюю обиду. Игуменья лежала попрежнему, съ закрытыми глазами, и только сухія губы продолжали шевелиться.

— Жизнь прожили душа въ душу, а тутъ вонъ какая пакость приключилась,—причитала воеводша:—всю душеньку истомило...

— Монастырскіе служки привели ко мнѣ Охоню,—отвѣтила игуменья.—Игуменъ прислалъ за выклики... Ну, я се въ келарню посадила. Дѣвка-то не причинна тутъ, Дарья Никитична, а такъ она... роковая. Какъ зародилась, такъ и помретъ...

— Охота мнѣ на нее поглядѣть, матушка: какая-такая моя лютая бѣда завелась? На что польстился Полуектъ-то Степанычъ?

— И глядѣть нечего,—сурово отвѣтила игуменья.—Дѣвка какъ дѣвка... Пытала она убиваться давѣ: такъ рѣкой и разливается. Прибѣгала къ ней матка, дьячиха, да я не пустила. Соблазнъ одинъ...

Воеводша посидѣла малымъ дѣломъ, прикушала обительскаго взварцу да сыченаго меду, а потомъ стала прощаться.

— Ничего, твоя бѣда износится,—успокоила ее на прощанье игуменья.— А воеводу твоего игуменъ утихомиритъ... Постыдится воевода твой, да поздненько будетъ. А ты не кручинься безъ пути... Мы не выпустимъ Охоню.

Противившись съ игуменьей, воеводша не утерпѣла и на обратномъ пути завернула въ келарню, гдѣ сидѣла попадья. Чернички въ келарнѣ разбирали прошлогоднюю сушеную рыбу, присланную изъ Тобольска богатой купчихой. Между ними пряталась и Охоня, рѣзко выдѣлявшаяся своимъ дѣвичьимъ румянцемъ и союзными бровями. Попадья успѣла малымъ дѣломъ клюкнуть какой-то обительской настойки и совсѣмъ разомлѣла.

— Вонъ она, Охоня,—ткнула она на дьячковскую дочь.—Ишь, какая гладкая!.. Ягода, а не дѣвка...

— Ну-ка, подойди ко мнѣ, отецкая дочь,—проговорила воеводша.

Зардѣлась Охоня, какъ маковъ цвѣтъ, и не двигалась съ мѣста, пока чернички не окружили ее и не стали подталкивать.

— Подойди, не бойся,—проговорила воеводша.—Хочу поглядѣть на тебя, какая ты есть отецкая дочь. Ну, иди же... не упирайся!.. Не изъ страшливыхъ ты, коли воеводы не испугалась... Ну, что молчишь-то?

— Себя не помнила,—бормотала Охоня, не поднимая глазъ.—Солдаты тогда учали меня срамить, а тутъ воевода присунулся...

— Такъ, такъ... Ну, а въ церкви-то отчего выкликала?

Охоня вздрогнула и закрыла поблѣднѣвшее лицо руками.

— Застыдилась дѣвонька,—пожалѣла ее попадья.—Ну, инъ я за тебя скажу, Охоня: совѣстно тебѣ стало, какъ Герасима постригали. Изъ-за тебя въ монахи онъ ушелъ...

— Несчастная я уродилась,—шептала Охоня.—Не любъ онъ мнѣ былъ, когда сватался, а тутъ... охъ, горькое мое горюшко!.. Свѣту бѣлаго я не взвидѣла, какъ игуменъ взялъ ножницы... духъ у меня занялся... умереть бы мнѣ...

VII.

Воевода Полуектъ Степанычъ остался въ монастырѣ, чтобы вынести „послушаніе“ на глазахъ у игумена. Утромъ на другой день его разбудилъ келарь Пафнутій.

— Вставай, Полуектъ Степанычъ... Игуменъ ужъ тебя ждетъ во дворѣ.

— О, Господи, Господи! — взмолился усторожскій воевода, соображая предстоящій позоръ.—И до чего я дожилъ?

— Оболокайся, воевода. Игуменъ у насъ не больно-то любитъ ждать, а то еще на поклоны поставитъ.

Нечего дѣлать, пришлось подниматься ни свѣтъ ни заря, и старый воевода невольно вспомнилъ свое Усторожье, гдѣ спалъ вволю и никого не боялся. Келарь принесъ съ собой затрапезный кафтанишко и помогъ его надѣть.

— Ну вотъ, теперь совсѣмъ,—повторялъ келарь, оглядывая воеводу въ новомъ нарядѣ.

— А ты чему обрадовался, долгогривый?—обозлился воевода.— Вотъ возьму, да и не пойду...

— Воеводушка, не кобянься ты, ради Христа, — уговаривалъ испугавшійся келарь.—И тебѣ и мнѣ достанется...

Приземистый, курносый, рябой и плѣшивый черный попъ Пафнутій былъ общимъ любимцемъ и въ монастырѣ, и въ обители, и въ Служней слободѣ, потому что имѣлъ веселый нравъ и съ каждымъ умѣлъ обойтись. Попу Мирону онъ приходился сродни, и они часто вмѣстѣ „угобжались отъ вина и елея". Угнетенные игуменомъ или за утѣсненіемъ къ черному попу Пафнутію, у котораго для каждаго находилось ласковое словечко.

— А ежели народъ пойдетъ въ церковь да меня увидитъ въ затрапезномъ-то одѣяніи?—спрашивалъ воевода уже въ дверяхъ.

— Никто не увидитъ, воеводушка... Будній день сегодня, кому въ монастырь итти, окромя своихъ же, монастырскихъ?

— Достаточно и монастырскихъ.

Игуменъ гулялъ въ саду, когда пришелъ воевода.

— Вотъ тебѣ метелка, — сурово проговорилъ игуменъ, показывая на стоявшую въ уголкѣ метлу.—Я пойду къ заутренѣ, а ты тутъ все прибери. Да, смотри, не лѣнись... У меня изъ алтаря все будетъ видно.

Сказалъ и ушелъ, а воевода остался съ метлой въ рукѣ. Оглядѣлся онъ кругомъ—никого, слава Богу, нѣтъ. Монахи уже прошли въ церковь. И принялся Полуектъ Степанычъ за свою работу, только метелка свиститъ... Изъ церкви монашеское пѣнье несется, и легко стало у воеводы на душѣ: что же, привелъ Господь въ монастырскихъ служкахъ поработать... Мететъ Полуектъ Степанычъ и слышитъ за собой легкіе знакомые шаги. Оглянулся, а это Дарья Никитична идетъ въ церковь, идетъ, а сама и глаза опустила, будто ничего не замѣчаетъ. Опять горько стало воеводѣ... Присѣлъ онъ на лавочкѣ и пригорюнился.

— Эй, чего разсѣлся, лѣнивый рабъ?

Это крикнулъ игуменъ въ свое окошечко изъ алтаря.

Опять работаетъ воевода, даже вспотѣлъ съ непривычки, а присѣсть боится. Спасибо, пришелъ на выручку высокій рыжій монахъ и молча взялъ метелку. Воевода взглянулъ на него и сразу узналъ вчерашняго ставленника,— издали страшный такой, а глаза добрые, какъ у младенца.

— Эге, да это тебя вчера... тово?—обрадовался воевода.

— Видно, меня...

Плохая была воеводская работа, и новый монашекъ показалъ ему, какъ надо было по-настоящему дѣлать. Потомъ повелъ онъ воеводу въ оранжерею и тамъ показалъ все. Славный такой монашекъ, и воевода про себя даже пожалѣлъ его.

— Трудно тебѣ будетъ въ монастырѣ, Гермогенъ?

— И въ міру не легко... По крайности здѣсь одному Богу послужу, а на міру больше мамонѣ служатъ да своему лакомству. И игуменъ у насъ строгій, не дастъ поблажки.

Воевода проработалъ въ саду вплоть до обѣда, пока игуменъ не послалъ за нимъ.

— Ну, и умаялъ ты меня, владыка,—ворчалъ Полуектъ Степанычъ. — Пожалуй, не обрадуешься твоему-то послушанію... хоть бы ворота въ монастырь велѣлъ запереть, а то, давѣ, гляжу, моя Дарья Никитична идетъ. Срамъ...

— Ты у меня поговори... Не хочешь на хлѣбѣ да на водѣ недѣлю высидѣть? А то и похуже будетъ: нашихъ монастырскихъ шелеповъ отвѣдаешь...

Не стерпѣлъ обиды Полуектъ Степанычъ и обругалъ игумена по своему воеводскому обычаю, а игуменъ заперъ его въ своей кельѣ, положилъ ключъ себѣ въ карманъ и ушелъ къ вечернѣ. Тутъ ужъ зло-горе взяло воеводу, и началъ онъ ломиться въ дверь и лаять игумена неподобными словами, пока не выбился изъ силъ. А игуменъ воротился изъ церкви и спрашиваетъ черезъ дверь:

— Будешь еще борзость свою показывать да лаять меня?

— Охъ, владыка, прости ты меня, многогрѣшнаго! Не я тебя лаялъ, а напущено на меня проклятымъ дьячкомъ...

— Не заговаривай зубовъ: поумнѣй тебя найдутся.

Тяжело достался первый день монастырскаго послушанія усторожскому воеводѣ, а впереди еще цѣлыхъ шесть дней, — на недѣлю зарокъ положенъ игуменомъ. Всплакался Полуектъ Степанычъ, а своя воля снята...

Другой день послушанія какъ будто былъ полегче: въ келарнѣ пришлось съ братіей постныя монастырскія щи варить да кашу. Все же не на виду у всѣхъ и не съ метлой. Третій день воевода провелъ на скотномъ дворѣ, — тоже ничего. Добрая скотинка у игумена Моисея, кормная и береженая. На четвертый день Полуектъ Степанычъ звонилъ на колокольнѣ, и это ему больше всего понравилось: никто его не видитъ, а ему всѣхъ видно. Любовался онъ и рѣкой Яровой, и Служнею слободою, и Дивьею обителью, и съ тоской глядѣлъ на дорогу въ свое Усторожье. Охъ, убраться бы поскорѣе изъ монастыря домой... Будетъ, напринимался всего. Но не такъ думалъ игуменъ Моисей и приготовилъ еще испытаніе воеводѣ: поставилъ его вратаремъ. Тутъ ужъ не увернешься: у всѣхъ на виду, какъ глазъ во лбу.

„Ужъ постой, игуменушка, перетерплю я у тебя все, да и ты меня попомнишь! — думалъ про себя воевода, низко кланяясь проходившимъ въ ворота богомольцамъ. — Дай только ослобониться“.

„Лаять“ игумена въ глаза Полуектъ Степанычъ не смѣлъ, а то и въ самомъ дѣлѣ монастырскихъ шелеповъ отвѣдаешь, какъ дьячокъ Ареѳа.

Стоитъ воевода у воротъ и горюетъ, а у воротъ толкутся нищіе, да калѣки, да убогіе, кто съ чашкой, кто съ пригоршней. Ближе всѣхъ къ новому вратарю сидитъ съ деревянною чашкою на колѣняхъ лысый, слѣпой старикъ, сидитъ и паговариваетъ:

— Попалъ соколъ въ воронье гнѣздо... Забылъ свою повадку соколиную и закаркалъ по-вороньему. А красная пташка, вострый глазокъ, сидитъ въ бревенчатой клѣткѣ, сидитъ да горюетъ по ясномъ соколѣ... Не рука соколу прыгать по-воробьиному, а красной пташкѣ убиваться по немъ...

— Ты это что бормочешь-то? — удивился Полуектъ Степанычъ, прислушиваясь.

— Я-то бормочу, а другой послушаетъ... У слѣпого языкъ вмѣсто глазъ: старую хлѣбъ-соль видитъ. А вотъ зачѣмъ зрячіе слѣпнями ходятъ?

Этими словами слѣпой старикъ точно придавилъ вратаря. Полуектъ Степанычъ узналъ его: это былъ тотъ самый Брехунъ, который сидѣлъ на одной цѣпи съ дьячкомъ Ареѳой. Это открытіе испугало воеводу, да и рѣчи неподобныя болтаетъ слѣпой бродяга. А сердце такъ и захолонуло, точно кто схватилъ его рукой... По какомъ ясномъ соколѣ убивается красная пташка?.. Боялся догадаться старый воевода, боялся повѣрить своимъ ушамъ...

— Завтра по вечеру красная пташка вылетитъ, а за ней взмоетъ ясенъ соколъ... Тутъ и болтовнѣ конецъ, а я глазами послушалъ, ушами поглядѣлъ, да и сижу-посижу, ничего не знаю.

Въ рукѣ Брехуна звякнули два серебряныхъ рубля. Онъ поднялся,

взялъ свою чашку, длинную палку и пошелъ къ Служней свободѣ, а воевода стоялъ, смотрѣлъ ему вслѣдъ и чувствовалъ, какъ передъ нимъ ходенемъ ходитъ вся Служняя слобода, Яровая, и лѣсъ за Яровой, и горы. И страшно ему и радостно... Проводивъ глазами слѣпца, Полуектъ Степанычъ припомнилъ обѣщанія дьячка Ареѳы относительно приворота. Вотъ оно когда сказалось! Захолонуло на душѣ у воеводы: погибалъ онъ окончательно... Теперь прощай и воеводша, и грозный игуменъ Моисей, и монастырское послушаніе, и нескверное воеводское житіе. Красные круги заходили въ глазахъ у Полуекта Степаныча.

Къ вечеру воевода исчезъ изъ монастыря. Забѣгала монастырская братія, разыскивая по всѣмъ монастырскимъ щелямъ живую пропажу, сбѣгали въ Служнюю слободу къ попу Мирону,—воевода какъ въ воду канулъ. Главное дѣло, какъ объявить объ этомъ случаѣ игумену? Братія перекорялась, кому итти первому, и всѣ подталкивали другъ друга, а свою голову подъ игуменскій гнѣвъ никому не хотѣлось подставлять. Вызвался только одинъ новый ставленникъ Гермогенъ.

— Я пойду объявлюсь, братіе, — говорилъ онъ со смиреніемъ.

— Захотѣлъ на конюшню, видно, попасть, братъ Гермогенъ? Не знаешь ты игумена, каковъ онъ подъ сердитую руку...

— А ужъ что̀ Богъ дастъ, — повторялъ Гермогенъ.

Братію вывелъ изъ затрудненія келарь Пафнутій, который вечеромъ вернулся отъ всенощной изъ Дивьей обители. Старикъ пришелъ въ одномъ подрясникѣ и безъ клобука. Случалось это съ нимъ, когда онъ въ Служней слободѣ у попа Мирона „ослабѣвалъ“ дня на три, а теперь келарь былъ чистъ, какъ стеклышко. Обступила его монашеская братія и немало дивилась случившейся оказіи.

— Да куда у тебя одѣяніе-то дѣвалось, отецъ честной?

— Не знаю, — хмуро отвѣчалъ келарь.—Послѣ вечерни зашелъ провѣдать игуменью Досиѳею, ну и снялъ рясу и клобукъ: зѣло жарко было. Посидѣлъ малое время, собрался домой — нѣтъ моей ряски и клобука. Ужъ искали-искали, всю обитель вверхъ ногами поставили, а пропажи не нашли.

Благоувѣтливые иноки только качали головами и въ свою очередь разсказали, какъ изъ монастыря пропалъ воевода, котораго тоже никакъ не могли найти. Теперь ужъ совсѣмъ на глаза не показывайся игумену, разнесетъ онъ въ крохи благоувѣтливую монашескую братію да и обительскихъ сестеръ тоже. Тужатъ монахи, а у святыхъ воротъ слѣпой Брехунъ ведетъ переговоры со служкой-вратаремъ.

— Вотъ, служка, нашелъ я находку, — говорилъ Брехунъ, подавая монашескую рясу и клобукъ. Не мірского дѣла одежда, а валяется на дорогѣ. Соблазнъ бы пошелъ на братію, кабы натыкался на нее мірской человѣкъ,— ну, я-то, пожалуй, и помолчу...

— Да какъ ты нашелъ, когда ты и видѣть не можешь?

— Видѣть не вижу, а глазъ все-таки есть,—посмѣялся Брехунъ, показывая свой черемуховый посошокъ. — Я-то иду, а глазъ впереди меня...

Усомнился вратарь въ подлинныхъ словахъ слѣпца, заперъ врата и понесъ находку въ кельи, а тамъ келарь Пафнутій о своемъ клобукѣ чуть не плачетъ. Сразу узналъ онъ свое одѣяніе. Кинулись монахи къ воротамъ, а отъ Брехуна и слѣдъ простылъ.

— Навожденіе!—шепталъ келарь Пафнутій, разглядывая свой клобукъ.— Кому понадобилось?.. А горше всего, ежели игуменъ Моисей вызнаетъ... Осрамился келарь на старости лѣтъ: скажутъ, въ Дивьей обители клобукъ потерялъ!

Пока благоувѣтливые иноки судили да рядили, въ Дивьей обители шла жестокая переборка. Этакого сраму не видано было, какъ поставлены обительскія стѣны... Особенно растужилась игуменья Досиѳея и даже прослезилась: живьемъ теперь съѣстъ Дивью обитель игуменъ Моисей.

— Не безъ того это дѣло вышло, матушка, что нечистая сила объявилась въ обители,—объясняла сестра-келарша Маремьяна.—Попущеніе божецкое на святую обитель...

Всего удивительнѣе было то, что сестра-вратарь клятвенно увѣряла, какъ своими глазами видѣла выходившаго въ обительскія врата келаря Пафнутія, — два раза онъ выходилъ и въ первый разъ ушелъ въ рясѣ и въ клобукѣ.

— Дьявольское прещеніе быть,—объясняла келарша.—Не могъ онъ два раза выходить, когда сидѣлъ у матушки-игуменьи въ опочивальнѣ.

Когда первая суматоха прошла, хватились Охони, которой и слѣдъ простылъ. Всѣ сестры сразу поняли, куда дѣвались ряска и клобукъ чернаго попа Пафнутія: проклятая дѣвка выкрала ихъ изъ игуменской кельи, нарядилась монахомъ, да и вышла изъ обители, благо темно было.

Это предположеніе подтвердилось, когда на другой день утромъ сестры узнали, какъ пропалъ изъ монастыря воевода Полуектъ Степанычъ, и какъ ночью слѣпецъ Брехунъ принесъ монашеское одѣяніе чернаго попа Пафнутія.

— Дѣвки-поганки дѣло, — рѣшила и мать-игуменья. — Не инако могло быть, какъ черезъ нее. Она, поганка, перенначила себя въ честный образъ миниха... То-то кыргызское отродье посмѣялась надъ святою обителью. Сорому не износить теперь...

А слѣпецъ Брехунъ ходилъ со своимъ „глазомъ“ по Служней слободѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Утромъ онъ сидѣлъ у монастыря и пѣлъ Лазаря, а вечеромъ переходилъ къ обители, куда благочестивые люди шли къ вечернѣ. Дня черезъ три послѣ бѣгства воеводы, ночью, Брехунъ имѣлъ тайное свиданіе на старой монастырской мельницѣ съ бѣломѣстнымъ казакомъ Бѣлоусомъ, который вызвалъ его туда черезъ одного нищаго.

— Гдѣ Охоня?—повторялъ Бѣлоусъ, схвативъ Брехуна за горло.—Ты все знаешь. Сказывай!..

— Гдѣ ей быть, окромя Усторожья?.. Вмѣстѣ съ воеводой Полуектомъ Степанычемъ бѣжала. Пали слухи, что Полуектъ-то Степанычъ привезъ дѣвку прямо на свой воеводскій дворъ и заперъ ее тамъ, а когда пригнала воеводша домой, выгналъ воеводшу-то. Осатанѣлъ старикъ вконецъ.

Застоналъ Бѣлоусъ отъ этой вѣсточки, грянулся на землю и плакался, какъ ребенокъ малый.

— Охоня, что ты меня не подождала? — выкрикивалъ Бѣлоусъ и грозилъ кулакомъ въ сторону Усторожья. — Эхъ, Охоня, Охоня!.. А съ воеводой я еще перевѣдаюсь. Будетъ помнить Бѣлоуса... Да и Прокопьевскимъ монастыремъ тряхнемъ!.. Эхъ, Охонюшка!

Слушалъ Брехунъ эти причитанья и радовался: связала бы дѣвка Бѣлоуса по рукамъ и ногамъ, какъ лѣсной хмель, а теперь бѣломѣстный казакъ — вольная птица. Пронесло тучу морокомъ... Не пропадать казачьей головѣ изъ-за дѣвичьей красы, а утихнетъ казачье сердце, и казачья буйная голова пригодится. А кто свелъ воеводу съ Охоней? Кто научилъ глупую дѣвку, какъ уйти изъ обители, нарядившись монахомъ?.. Эхъ, куда бы имъ, если бъ не подвернулся слѣпецъ Брехунъ... Сказалъ бы спасибо ему Бѣлоусъ, когда бы догадался, кто просваталъ отецкую дочь Охоню. Ну, семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ, а бѣломѣстный казакъ Бѣлоусъ цѣлъ останется.

Послѣднимъ узналъ о всемъ случившемся игуменъ Моисей и возревновалъ, яко скименъ. Досталось больше всѣхъ келарю Пафнутію, которому въ послушаніе пришлось звонить на колокольнѣ, гдѣ недавно звонилъ усторожскій воевода. Не успѣлъ утишиться игуменъ, какъ пріѣхала изъ Усторожья воеводша Дарья Никитична и горько плакалась на свою злую бѣду.

— Видѣть меня не хочетъ Полуектъ Степанычъ... Со свѣту сживаетъ: обошла его вконецъ дѣвка-поганка. Какъ чирей, теперь сидитъ и пухнетъ въ моемъ дому... Охъ, горюнко, игуменъ, а одна надежда на тебя, какъ ты изволишь мнѣ быть.

— Прокляну я воеводу — вотъ тебѣ и весь мой сказъ.

— Да вѣдь не своею волей грѣшитъ-то мой Полуектъ Стпанычъ, а напущено на него проклятымъ дьячкомъ. Самъ мнѣ каялся, когда я везла его къ тебѣ въ монастырь. Я-то въ обители пока поживу, у матушки Досиѳеи, можетъ, и отмолю моего сердечнаго друга. Связалъ его сатана по рукамъ и ногамъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Цѣлыхъ три дня ѣхалъ Ареѳа до заводовъ. Степь давно осталась позади, а впереди уже высились лѣсистыя горы, изъ которыхъ выбѣгала бойкая горная рѣка Яровая. Баламутскій заводъ былъ построенъ Гарусовымъ на монастырской вотчинѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ когда-то стояла раструсная монастырская мельница. Монахи давно открыли въ горахъ желѣзную и мѣдную руду по чудскимъ „конанямъ“ и плавили ее на свою монастырскую потребу въ ручныхъ домницахъ. Гарусовъ имѣлъ дѣло съ монастыремъ, скупая монастырскій хлѣбъ. При игуменѣ Поликарпѣ онъ арендовалъ мѣсто подъ мельницей, запрудилъ Яровую и поставилъ свой заводъ. Когда введены были духовные штаты, у Гарусова очутился громадный заводскій участокъ на полномъ правѣ собственности: устроили это дѣло ему въ Тобольскѣ его дружки-приказные. Игуменъ Моисей поэтому питалъ большую злобу къ Гарусову и считалъ его однимъ изъ главныхъ виновниковъ введенія духовныхъ штатовъ въ Зауральѣ.

Подъѣзжая къ заводу, Ареѳа испытывалъ непріятное чувство: все кругомъ было чужое — и горы, и лѣсъ, и каменистая заводская дорога. Родныя поля и степной просторъ оставались далеко назади, и по нимъ все больше и больше ныло сердце Ареѳы.

— Помяни, Господи, игумена Моисея и воздай ему сторицей, добромъ за зло!—вслухъ молился Ареѳа.—Но его злобѣ и неистовству не знаю, куда главу преклонить.

Не доѣзжая верстъ десяти до завода, Ареѳа догналъ вершника на мохноногомъ и горбоносомъ киргизѣ. Вершникъ одѣтъ былъ совсѣмъ по-мужицки: въ зипунѣ, въ сибирскихъ котахъ и въ высокой шляпѣ, только сидѣлъ на сѣдлѣ не по-мужицки.

— Миръ дорогой, добрый человѣкъ,—поздоровался Ареоа, рысцой подъѣзжая къ вершнику. — Куда Богъ несетъ?

— По одной дорогѣ ѣдемъ, такъ увидишь.

Лицо у вершника было обвѣтрѣлое, со слѣдами зимняго озноба на щекахъ и на носу, темные волосы по-раскольничьи стрижены въ скобку, самъ онъ точно былъ выкроенъ изъ сыромятной кожи. Всего болѣе удивили Ареѳу глаза: сѣрые, большіе, смѣлые, какъ у ловчаго ястреба.

— Откуда путь держишь? — полюбопытствовалъ вершникъ въ свою очередь.

— А къ двоеданамъ... Значитъ, къ Гарусову на заводъ. Меня воевода Полуектъ Степанычъ послалъ изъ Усторожья, чтобы ущититься у Гарусова отъ игумена Моисея... Самъ-то я изъ Служней слободы буду.

— Промѣнялъ кукушку на ястреба!—засмѣялся вершникъ, поглядывая на Ареѳу сбоку.—Хорошъ твой игуменъ Моисей, а Гарусовъ, пожалуй, и того почище будетъ...

— Пали и до насъ слухи о Гарусовѣ, это точно... Народъ заморилъ на своей заводской работѣ. Да мнѣ-то, милъ человѣкъ, выбирать не изъ чего: едва ноги уплелъ изъ узилища...

— Хорошъ и ты... Ну, да Гарусовъ выколотитъ изъ тебя монастырскую-то пыль. У него это живой рукой...

Обрадовался Ареѳа живому человѣку и разболтался, а вершникъ все слушалъ и посмѣивался. Разсказалъ Ареѳа о своихъ монастырскихъ порядкахъ, о лютомъ характерѣ игумена Моисея, о дубинщинѣ и духовныхъ штатахъ и о своемъ сидѣньи въ Усторожьѣ.

— А мнѣ глянется игуменъ-то, — отвѣтилъ вершникъ: — крѣпкій человѣкъ, хоша бы и не монахомъ быть... Монастырскіе-то ваши мужичонки при Поликарпѣ совсѣмъ измотались, да и монашеская честная братія тоже, а Моисей и взнуздалъ. Онъ правильно, Моисей-то...

— Тебя бы ему отдать въ правило, такъ не то бы запѣлъ. Отъ однихъ шелеповъ глаза бы повылѣзли.

— А Гарусовъ еще полютѣй будетъ... Народъ въ земляной работѣ заморилъ, а чуть неустойка—безъ милости казнитъ. И вездѣ самъ поспѣваетъ, и все видитъ... А работа заводская тяжелая: все около огня. Пожалуй, ты и просчитался, что поѣхалъ къ двоеданамъ.

— Двумъ смертямъ не бывать—одной не миновать,—храбрился Ареѳа.— Не боюсь я твоего Гарусова, хоша онъ на мелкія части меня рѣжь... Въ ордѣ бывалъ и изъ полону цѣлъ ушелъ, а отъ Гарусова и подавно.

— Не захваливайся, дьячокъ!

Показался засѣвшій въ горахъ Баламутскій заводъ. Строеніе было почти все новое. Издали блеснулъ заводскій прудъ, а подъ нимъ чернѣла фабрика. Кругомъ завода шла свѣжая порубь: много свелъ Гарусовъ настоящаго кондоваго лѣса на свою постройку. У Ареѳы даже сердце сжалось при видѣ этой незнакомой для степного глаза картины. Эхъ, невеселое мѣсто: горы, лѣсъ, дымъ, и сама Яровая бурлитъ здѣсь по-сердитому, точно никакъ не можетъ вырваться изъ стѣснившихъ ее горъ.

— Молодецъ Гарусовъ!—похвалилъ вершникъ, любуясь заводомъ.—Вонъ какое обзаведенье поставилъ: любо-дорого... Раньше-то пустое мѣсто было, а теперь работа кипитъ... Эвонъ, за горой-то, влѣво, мѣдный рудникъ у Гарусова, а на горѣ желѣзная руда. Сподобишься и ты поробить на Гарусова.

— Ахъ, чтобъ тебѣ пусто было, вмѣстѣ и съ Гарусовымъ!.. Не боюсь я никого, окромя игумена Моисея...

У самаго завода они разстались. Вершникъ указалъ, куда ѣхать Ареѳѣ, гдѣ остановиться и гдѣ найти самого Гарусова.

Ареѳа отыскалъ постоялый, отдохнулъ, а утромъ пошелъ на господскій

дворъ, чтобы объявиться Гарусову. Дворъ стоялъ на берегу пруда и былъ обнесенъ высокимъ тыномъ, какъ острогъ. У воротъ стояли заводскіе пристава и пускали во дворъ по допросу: кто, откуда, зачѣмъ? У деревяннаго крыльца толпилась кучка рабочихъ, ожидавшихъ выхода самого, и Ареѳа примкнулъ къ нимъ. Скоро показался и самъ... Ареѳа, какъ глянулъ, такъ и обомлѣлъ: это былъ ѣхавшій съ нимъ вершникъ.

— Что, монастырская крыса, обозналъ теперь, какой есть Гарусовъ?— засмѣялся самъ и махнулъ рукой приставамъ:—Эй, возьмите ворону, да посадите ее въ яму, чтобы поменьше каркала.

Шесть сильныхъ рукъ схватили Ареѳу и поволокли съ господскаго двора, какъ цыпленка. Дьячокъ даже закрылъ глаза со страху и только про себя молился преподобному Прокопію: попалъ онъ изъ огня прямо въ полымя. Ахъ, какъ попалъ... Заводскіе пристава были почище монастырскихъ служекъ: руки—какъ желѣзныя клещи. Съ господскаго двора они сволокли Ареѳу въ какой-то каменный погребъ, толкнули его и притворили тяжелою желѣзною дверью. Новое помѣщеніе было куда похуже усторожскаго воеводскаго узилища.

— А какъ же дьячиха?—вопилъ Ареѳа, царапаясь въ желѣзную дверь.— Эй, вы... дьячиха-то моя какъ?

Отвѣта не послѣдовало. Присѣлъ Ареѳа на какой-то обрубокъ дерева и „плакаша горько“.

Когда онъ оглядѣлся, то замѣтилъ въ одной стѣнѣ чернѣвшее отверстіе, которое вело въ слѣдующій такой же подвалъ. Ареѳа осторожно заглянулъ и прислушался. Ни одного звука. Только издали доносился грохотъ работавшей фабрики, стукъ кричныхъ молотовъ и лязгъ желѣза. Не привыкъ Ареѳа къ заводской огненной работѣ, и стало ему тошнѣе прежняго. Такъ онъ и заснулъ въ слезахъ, какъ малый ребенокъ.

Раннимъ утромъ на другой день его разбудили.

— Эй, ты, ворона, поднимайся!.. Айда въ контору!

Несмотря на ранній часъ, Гарусовъ уже былъ въ конторѣ. Онъ успѣлъ осмотрѣть всѣ ночныя работы, побывалъ на фабрикѣ, съѣздилъ на мѣдный рудникъ. Теперь распредѣлялись дневные рабочіе и ставились новые. Гарусовъ сидѣлъ у деревяннаго стола и что-то писалъ. Ареѳа сталъ въ толпѣ другихъ рабочихъ, оглядывавшихъ его, какъ новичка. Народъ заводскій былъ все такой дюжій, точно сшитый изъ воловьей кожи. Монастырскій дьячокъ походилъ на курицу среди этихъ богатырей.

— Тарасъ Григорьичъ, ослобони...—повторялъ какой-то испитой мужикъ съ взлохмаченной головой.—Изнеможили мы у тебя на твоей заводской работѣ.

— А уговоръ забылъ?—заревѣлъ на него Гарусовъ, ударивъ кулакомъ по столу. — Задатки любите брать, а?.. Да съ кѣмъ ты разговариваешь-то, челдонъ?

— Послѣдняя лошаденка пала, — не унимался мужикъ.—Какой я тебѣ теперь работный человѣкъ?.. На твоей работѣ послѣдняго живота рѣшился... А дома ребятенки малъ мала меньше остались.

Другіе рабочіе представляли свои резоны, а Гарусовъ свирѣпѣлъ все больше, такъ что лицо у него покраснѣло, на шеѣ надулись толстыя жилы, и даже глаза налились кровью. Съ наемными всегда была возня. Это не то, что свои заводскіе: вѣчно жалуются, вѣчно бунтуютъ, а потомъ разбѣгутся. Для острастки въ другой разъ и наказалъ бы, какъ теперь, да толку изъ этого не будетъ. Завидѣвъ монастырскаго дьячка, Гарусовъ захотѣлъ на немъ сорвать расходившееся сердце.

— Ну-ка, ты, кутья, иди сюда... На какую ты работу поступить хочешь? Въ монастырѣ-то васъ сладко кормятъ, спите въ волю, а у меня, поди, не поглянется. Что дѣлать-то умѣешь, чортова кукла?

— А все умѣю,—безъ запинки отвѣтилъ Аре0а.—И церковную службу могу управить, и пашню спашу, и дровишекъ нарублю...

— Да ты повернись, монастырская ворона... Дай поглядѣть на тебя съ разныхъ сторонъ. Нечего сказать, хорошъ гусь!

Дьячокъ повернулся при общемъ смѣхѣ и не понималъ, для чего это нужно.

— Хлѣбъ ѣсть даромъ—вотъ и всей твоей работы,—рѣшилъ Гарусовъ и прибавилъ, обратившись къ стоявшему около приказчику: — Сведи его на фабрику да поставь, гдѣ потеплѣе. Пусть разомнется для перваго раза...

Всѣ переглянулись. Куда этакому цыпленку въ огненную работу? На вѣрную смерть посылалъ Гарусовъ ледащаго дьячка.

— А насчетъ харчей какъ? — спрашивалъ Аре0а.—Со вчерашняго дни маковой росинки не бывало во рту... Окромя того, у меня кобыла. Послѣдній животъ со двора...

— Ты у меня поговори!..

Приказчикъ уже вытолкнулъ дьячка изъ конторы и по дорогѣ далъ ему здоровую затрещину, такъ что у бѣдняги въ ушахъ зазвенѣло. Аре0а, умудренный опытомъ, перенесъ эту обиду молча. Ему всегда доставалось за языкъ, а дьячиха Домна Степановна не разъ даже колачивала его, и пребольно колачивала. Мысль о дьячихѣ постоянно его преслѣдовала, какъ было и теперь. Что-то она подѣлываетъ безъ него, милъ-сердечный другъ?

Приказчикъ довелъ Аре0у до фабрики и передалъ съ рукъ на руки какому-то надзирателю.

— Вотъ какого орла зацѣпилъ,—объяснилъ онъ, презрительно указывая на своего подневольника.—На подтопку годится...

Надзиратель, суровый старикъ съ окладистою сѣдою бородою, какъ-то сбоку взглянулъ на дьячка и только покачалъ головой. Куда этакую птицу упомѣстить?.. Приказчикъ объяснилъ, какъ Тарасъ Григорьевичъ наказывалъ поступить.

— Будетъ тепло,—рѣшилъ надзиратель.

Фабрика занимала большой квадратъ подъ плотиной, которой была запружена Яровая. Ближе всего къ плотинѣ стояли двѣ доменныхъ печи, въ которыхъ плавили желѣзную руду. Средину двора занимали два кирпичныхъ корпуса, кузницы, листокатальная и слесарная, а дальній конецъ былъ застроенъ амбарами и складами. Вся фабрика огораживалась деревяннымъ бревенчатымъ тыномъ. Ворота были одни, и у нихъ всегда стоялъ свой заводскій караулъ. Надзиратель повелъ Аре0у въ кричный корпусъ и приставилъ къ одной изъ печей, въ которыхъ нагрѣвались желѣзныя полосы для проковки. Рабочіе въ кожаныхъ фартукахъ встрѣтили новаго товарища довольно равнодушно.

— Вотъ тутъ будешь работать,—сказалъ надзиратель, передавая Аре0у уставщику.—Смотри, не лѣнись.

Работа въ кричной показалась Аре0ѣ съ непривычки настоящимъ адомъ. Огонь, искры, грохотъ, лязгъ желѣза, оглушительный стукъ двадцати тяжелыхъ молотовъ. Собственно ему работа досталась не особенно тяжелая, да и Аре0а былъ гораздо сильнѣе, чѣмъ могъ показаться. Онъ свободно управлялся съ двухпудовой крицей, только очень ужъ жарило отъ раскаленной печи. Двое подмастерьевъ указали ему, какъ „сажать“ крицу въ печь, какъ ее на-

каливать добѣла, какъ вынимать изъ огня и подавать мастеру къ молоту. Послѣднее было хуже всего: раскаленная крица жгла руки, лицо, сыпались искры, и вообще доставалось трудно. Недаромъ кричные мастера ходили съ такими красными, запеченными лицами. Всѣ были такіе худые, точно они высохли на своей огненной работѣ.

— Ну, поворачивай, дьячокъ!—покрикивалъ на новаго рабочаго мастеръ.

Ареѳа старался, обливаясь потомъ. Послѣ второй „садки“ у него отнялись руки, заломило спину, а въ глазахъ заходили красные круги.

„Охъ, смертынька моя приходитъ,—подумалъ Ареоа съ унынiемъ.—Погинула напрасно православная душа...“

Его главнымъ образомъ огорчало то, что всѣ рабочіе были раскольники-двоеданы. Они косились на его подрясникъ и двѣ косицы. Уставщикъ тоже былъ двоеданъ. Онъ похаживалъ по фабрикѣ съ правиломъ въ рукахъ и зорко поглядывалъ на работу: чтобъ и ковали скоро, и чтобъ изъяну не было. Налетитъ самъ—всѣмъ достанется.

Но тутъ же Ареоа замѣтилъ, что есть что-то такое, чего онъ не знаетъ и что̀ всѣхъ занимаетъ. Въ другое время ему не дали бы прохода, а теперь почти не замѣчали, — всякому было до себя. Замѣтилъ это Ареѳа по тѣмъ отрывочнымъ разговорамъ, какими перекидывались рабочіе подъ грохотъ работавшихъ молотовъ, когда уставщики отходили. О чемъ они переговаривались, Ареѳа не могъ понять. Чаще всего повторялись слова: „батюшка“ и „змѣй“. Но, видимо, вся фабрика была занята какою-то одной мыслью, носившеюся въ воздухѣ, и ее не могла заглушить никакая огненная работа.

Когда работа кончилась, Ареѳа шатался на ногахъ, какъ пьяный. Ему нужно было итти вмѣстѣ съ другими въ особую казарму. Но онъ сначала прошелъ въ господскую конюшню и разыскалъ свою кобылу: это было единственное родное живое существо, которое напоминало ему и Служнюю слободу, и свой домишко, и всю дьячковскую худобу. Ареѳа обнималъ кобылу и обливалъ слезами. Онъ тутъ бы и ночевать остался, если бы конюхи не выгнали его. Въ казармѣ ждала Ареѳу новая непріятность: рабочіе уже поужинали и полегли спать, а двери казармы были заперты на замокъ. Около казармы всю ночь ходилъ караулъ.

— Ты это гдѣ пропадалъ?—накинулся на Ареѳу приставъ.—Порядковъ не знаешь... Смотри у меня: всю душу вытрясу.

— А ты не больно аркайся! — разсердился дьячокъ, изнемогавшій отъ усталости и еще больше отъ горя.—Я слободской человѣкъ, иду, куда хочу... Надъ своими изневаживайтесь.

За такія поносныя слова приставъ ударилъ Ареѳу, а потомъ втолкнулъ въ казарму, гдѣ было и темно и душно, какъ въ тюрьмѣ. Около стѣнъ шли сплошныя деревянныя нары, и на нихъ сплошь лежали тѣла. Ареѳа только здѣсь облегченно вздохнулъ, потому что вольные рабочіе были набраны Гарусовымъ по деревнямъ, и тутъ много было крестьянъ изъ бывшихъ монастырскихъ вотчинъ. Все-таки свои, православные, а не двоеданы. Однимъ словомъ, свой, крещеный народъ. Только не было ни одной души изъ своей Служней слободы.

— Посѣдать бы...—проговорилъ Ареѳа, приглядываясь къ темнотѣ.

— Видно, уже завтра поѣшь, милъ человѣкъ, — отвѣтилъ голосъ изъ темноты.

Ареѳа только вздохнулъ и прилегъ на свободное мѣсто поближе къ дверямъ. Что̀ же, самъ виноватъ, а будетъ день — будетъ и хлѣбъ. Отъ усталости у него слипались глаза. Теперь онъ даже плакать не могъ. Умереть

бы поскорѣе... Все равно, одинъ конецъ. Кругомъ было тихо. Всѣ намаялись за день и рады были мѣсту. Ареѳа сейчасъ же задремалъ, но проснулся отъ тихаго шопота.

— Объявился напъ батюшка... Будетъ намъ муку мученическую принимать отъ Гарусова. Слышь, по казачьимъ уметамъ на Яикѣ царская воля прошла... Набѣгали башкиришки и сказывали.

— Давно объ этомъ молва-то идетъ... Пора. Занищалъ народъ вконецъ, хоть одинова надо дыхнуть, а батюшка на выручку хрестьянамъ идетъ. И до насъ дойдетъ... Увидитъ нашу маяту и вырѣшитъ всѣхъ. Двоеданы, слышь, засылку уже дѣлали на Яикъ, да ни съ чѣмъ выворотилась засылка; повременить казаки паказывали.

Опять тишина, опять Ареѳа дремлетъ и опять слышитъ сквозь сонъ:

— А какъ же, сказываютъ, батюшка-то двоеданскимъ крестомъ молится? Что-нибудь да не такъ... Намъ, хрестьянамъ, это, пожалуй, и не рука.

II.

Гарусовъ провелъ скверную ночь. Наканунѣ онъ узналъ о „засылкѣ“ своихъ рабочихъ къ казакамъ. Это его взбѣсило. Скверно было то, что затѣяли эту „засылку“ свои же заводскіе рабочіе, а не деревенскіе. Старикъ рвалъ и металъ, а взять было не съ кого. Конечно, онъ могъ бы разыскать виноватыхъ и примѣрно ихъ наказать, но лиха бѣда въ томъ, что онъ самъ начиналъ побаиваться. А что, ежели и въ самомъ дѣлѣ казачишки подымутся, да пристануть къ нимъ воровскіе люди со всѣхъ сторонъ, да башкиришки, да слобожане съ заводскими? Это будетъ почище монастырской дубинщины, отъ которой игуменъ Моисей еле живъ ушелъ. Такъ думалъ и передумывалъ Гарусовъ, и какъ ни думалъ, все выходило плохо. Ни игуменъ Моисей ни воевода Чушкинъ ничего не понимали, потому что надѣялись—одинъ на свои каменныя монастырскія стѣны, а другой на воинскую опору. Вотъ Баламутскіе заводы открыты на всѣ четыре стороны, и не на что было надѣяться, а поднимутся свои же работники и приколютъ. Работа тяжелая, народъ непривычный—только ждутъ случая.

Жилъ Гарусовъ въ деревянномъ одноэтажномъ домѣ, выстроенномъ изъ кондоваго лѣса. Въ низенькихъ комнатахъ и зиму и лѣто было натоплено, какъ въ банѣ. Жена съ дѣтьми занимала двѣ заднихъ комнаты, а Гарусовъ четыре остальныхъ, т.-е. въ нихъ помѣщалась и контора, и касса, и четыре заводскихъ писчика, подводившихъ заводскія книги. Строгій былъ человѣкъ Гарусовъ, и весь домъ походилъ на тюрьму, въ которой безъ его вѣдома никто не смѣлъ дохнуть. Особенно доставалось старухѣ-женѣ, женщинѣ простой, всего боявшейся, а пуще всего своего мужа. Она вышла замужъ еще въ то время, когда Гарусовъ былъ простымъ гуртовщикомъ и гонялъ изъ степи барановъ. Какъ говорила стоустая молва, онъ и жить пошелъ съ того, что зарѣзалъ въ степи какого-то богатаго киргиза. Онъ сейчасъ же бросилъ свои гурты, высмотрѣлъ угодливое мѣстечко въ верховьяхъ Яровой, арендовалъ его у монастыря и поставилъ первую домну. Дѣло быстро пошло въ ходъ, благо въ чугунѣ и желѣзѣ вездѣ была нужда, а тутъ руды сколько хочешь, лѣсу тоже, воды тоже. Лѣтъ черезъ пять присмотрѣлъ Гарусовъ мѣдную руду и завелъ новый промыселъ, который оправдалъ себя лучше желѣзнаго. Все горе выходило изъ-за рабочихъ. Ядро заводскаго населенія сложилось изъ бѣглыхъ съ другихъ уральскихъ горныхъ заводовъ, а къ нимъ пристали рассейскіе выходцы, бѣжавшіе съ Поволжья, съ Керженца, съ Бѣломорья. Почти всѣ

уральскіе заводчики были раскольники, и населеніе всѣхъ заводовъ складывалось приблизительно одинаково. Но дѣло росло быстро, а своихъ рукъ не хватало. Приходилось набирать рабочихъ со стороны, а это для Гарусова было ножъ острый. Во-первыхъ, кругомъ складывались православныя села и деревни, а во-вторыхъ, народъ былъ непривычный къ огненной работѣ. Вербовались рабочіе задатками, причемъ получалась неуловимая кабала. Гарусовъ изучилъ это еще въ степи, гдѣ опутывалъ задатками киргизовъ и калмыковъ. Не одинъ разъ слободскіе бунтовали, и Гарусову приходилось усмирять ихъ при помощи воинской команды, высылаемой на подмогу изъ Усторожья доброхотомъ-воеводой, съ которымъ у Гарусова были свои дѣла.

Такъ дѣло шло не одинъ десятокъ лѣтъ. Гарусовъ все богатѣлъ, и чѣмъ дѣлался богаче, тѣмъ сильнѣе его охватывала жадность. Рабочихъ онъ буквально морилъ на тяжелой горной работѣ и не зналъ пощады ослушникамъ, которыхъ казнилъ самымъ жестокимъ образомъ: батожья, кнутъ, застѣнокъ— все шло въ ходъ.

Слухи о занимавшейся смутѣ на Яикѣ подняли въ душѣ Гарусова воспоминанія о прошлыхъ заводскихъ бунтахъ. Долго ли до грѣха: народъ дикій, радъ случаю... Всю ночь онъ промучился и поднялся на ноги чѣмъ свѣтъ. Приказчикъ уже ждалъ въ конторѣ.

— Ну, что̀ новаго?—спросилъ Гарусовъ.

— Новаго, слава Богу, ничего нѣтъ, Тарасъ Григорьичъ... Сторо̀ной я кое-что вызналъ. А между прочимъ пустяки болтаютъ разные бродяги... Не надо имъ давать вѣры...

— Ну, это ужъ я знаю... А бродягамъ я покажу...

Приказчикъ сразу увидѣлъ, что Гарусовъ ступилъ лѣвой ногой, и молчалъ, выжидая приказаній. Старикъ прошелся нѣсколько разъ по конторѣ, посмотрѣлъ въ окно на дворъ, зѣвнулъ и нахмурился. Дома онъ ходилъ на мужицкій ладъ, въ одной рубахѣ и босикомъ. Да и по своимъ дѣламъ тоже разъѣзжалъ мужичкомъ. Лѣтомъ одѣвался въ кафтанъ, а зимой въ простой полушубокъ. Любилъ Гарусовъ и помудрить въ другой разъ. Пристанетъ къ какому-нибудь обозу на дорогѣ и попроситъ довезти даромъ, или разыграетъ комедію гдѣ-нибудь на постояломъ дворѣ. Всѣ знали эти выходки богатея-заводчика и все-таки попадались впросакъ, а Гарусовъ этимъ путемъ вызналъ все, что̀ ему нужно было и чего онъ не могъ бы узнать ни за какія деньги. Главное, онъ умѣлъ неожиданно являться тамъ, гдѣ его совсѣмъ не ждали, и наводилъ на всѣхъ страхъ. Да и дома никто не зналъ, что̀ у него на умѣ и куда онъ собирается. Услужливая молва говорила, что Гарусовъ знается съ нечистымъ и можетъ за-разъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ объявляться.

Накинувъ заплатанный кафтанишко, Гарусовъ отправился сначала на фабрику. Приказчикъ едва поспѣвалъ за нимъ,—очень ужъ легокъ былъ старикъ на ногу. Дорогой онъ нѣсколько разъ встряхивалъ головой, что̀ не сулило добра. Скверная примѣта, которую всѣ знали. Съ фабрики выходила ночная смѣна, когда они подошли къ воротамъ. Рабочіе шарахнулись, когда завидѣли грознаго старика, но онъ прошелъ мимо, никого не тронувъ. Но не успѣлъ онъ пройти ворота, какъ сторожъ за его спиной махнулъ шестомъ,— условленный знакъ для всѣхъ рабочихъ. Гарусовъ оглянулся какъ разъ въ этотъ моментъ, и сторожъ обомлѣлъ.

— Въ подвалъ!—коротко сказалъ Гарусовъ. — Тамъ ему покажутъ, какъ надо палками-то размахивать!

Повторять приказаніе было не нужно, и сторожъ моментально исчезъ

Гарусовъ окончательно нахмурился. Ему сегодня казалось все какъ-то не такъ, и онъ только встряхивалъ головой. Ахъ, никому нельзя вѣрить; всѣ продадутъ ни за грошъ, продадутъ да еще ногой придавятъ. Черною тучею прошелъ Гарусовъ по своимъ фабрикамъ и только мелькомъ вглядывался въ нѣкоторыхъ рабочихъ, которые казались ему особенно подозрительными. Но придраться рѣшительно было не къ чему: работа шла на отличку, точно на зло. Завидѣвъ работавшаго у горна Ареоу, Гарусовъ остановился, тряхнулъ головой и точно обронилъ роковое слово.

— Въ мѣдную гору...

Ареоа даже побѣлѣлъ весь, когда услыхалъ роковой приказъ. Работа въ мѣдномъ рудникѣ являлась своего рода домашней каторгой, и туда посылали только за особыя вины.

— Ты у меня узнаешь, какъ у каменнаго попа ѣдятъ желѣзныя просфоры,—проговорилъ Гарусовъ безмолвствовавшему несчастному дьячку.

Ареоа что-то хотѣлъ сказать въ свое оправданіе, хотѣлъ взмолиться источнымъ голосомъ и пасть въ ноги, но заводскіе пристава уже волокли его прямо въ кузницу, гдѣ сейчасъ же были надѣты на него желѣзные „поручни“ и „поножни“ и заклепаны. Такъ отправляли всѣхъ въ мѣдную гору... Дьячокъ только въ кузницѣ немного опомнился и понялъ, что Гарусовъ принялъ его за „шпына“, т.-е. за подосланнаго игуменомъ Моисеемъ шпіона, а его жалобы на игумена—за прелестныя рѣчи, чтобы отвести глаза. Гарусовъ, несомнѣнно, стороной уже зналъ о поносныхъ словахъ, которыя говорились рабочими, его же двоеданами, и завинилъ дьячка, чтобы хоть на комъ-нибудь сорвать сердце.

Повезли Ареоу въ мѣдный рудникъ, нимало не медля, подъ строгимъ надзоромъ, какъ разбойника. Старикъ сидѣлъ въ телѣгѣ и громко молился „иже о Христѣ юродивому Прокопію“, спасавшему его отъ столькихъ бѣдъ.

— Не отъ себя лютуетъ Тарасъ Григорьичъ, а по дьявольскому наущенію, какъ и игуменъ Моисей,—выкрикивалъ Ареоа.—Не сердитую я на ихнюю темноту и ослѣпленіе... Воздай имъ, Господи, добромъ за зло, а мои худыя слезы видитъ одинъ Прокопій преподобный.

— Закаркала ворона,—ворчали на дьячка провожатые, давая ему подзатыльники.

И здоровенные, эти двоеданы, а руки — какъ желѣзныя. Ареоа думалъ, что и живъ не доѣдетъ до рудника. Помолчитъ-помолчитъ и опять давай молиться вслухъ, а двоеданы давай колотить его. Остановятъ лошадь, снимутъ его съ телѣги и бьютъ, пока Ареоа кричитъ и выкликаетъ на всѣ голоса. Совсѣмъ озвѣрѣлъ заводскій народъ... Положатъ потомъ Ареоу замертво на телѣгу и сами же начнутъ жаловаться.

— Замаялись мы съ тобой, воронье пугало!.. Изъ силъ выбились... Замолчи, окаянный!

— По слѣпотѣ вашей пріемлю раны...

— Ты опять разговаривать, шпынъ?

Провожатые удивлялись только одному, что очень ужъ живучъ дьячокъ,—такой маленькій да дохлый, а ничего ему не дѣлается. Привезли они его на рудникъ пластъ пластомъ и долго жаловались смотрителю, что замучилъ ихъ дьячокъ дорогой, а теперь вотъ притворился, накинулъ на себя черную немочь и только глазами моргаетъ.

Мѣдный рудникъ спрятался совсѣмъ въ горахъ, на лѣсномъ безлюдьѣ. Руда была найдена въ „отбочинѣ“, на лѣвомъ берегу Яровой, которая здѣсь выбивалась изъ горъ маленькой рѣчкой. Обрадовалось сердце Ареоы, когда

онъ увидѣлъ родную рѣку, которая отсюда скатывалась подъ самый Прокопьевскій монастырь и дальше въ „орду“. Рудничное строенье облегло отбочину горбатыми крышами. Стояли одинъ казармы, такая же контора-казарма и рядъ шахтъ. Весь берегъ Яровой былъ заваленъ пустою породою, которую добывали изъ шахтъ,—свѣжедобытая земля такъ и желтѣла. Рабочихъ было мало видно; всѣ въ шахтѣ, а наверху копошились одни откатчики да отвальщики. И казармы здѣсь были устроены по-тюремному — изъ толстыхъ бревенъ, съ крохотными оконцами, едва руку просунуть, съ толстыми дверями и высокимъ тыномъ кругомъ. Смотритель даже не взглянулъ на новаго рабочаго, а только мотнулъ головой, чтобы сволокли его въ казарму, пока „оклемается“. Видалъ онъ такихъ представленныхъ...

Опять Ареѳа очутился въ узилищѣ, — это было четвертое по счету. Томился онъ въ затворѣ монастырскомъ у игумена Моисея, потомъ сидѣлъ въ Усторожьѣ у воеводы Полуекта Степаныча, потомъ на Баламутскомъ заводѣ, а теперь попалъ въ рудниковую тюрьму. И все напрасно... Любя Господь наказуетъ, и нужно любя терпѣть. Очень ужъ больно дорогой двоеданы проклятые колотили; мѣста живого не оставили. Прилегъ Ареѳа на соломку, сотворилъ молитву и восплакалъ. Лежитъ, молится и плачетъ.

— Ты это о чемъ, человѣче?—послышался голосъ изъ темноты.

Ареѳа думалъ, что онъ одинъ, и испугался. Въ тюрьмѣ было совершенно темно, и онъ ничего не могъ разглядѣть.

— Кто живъ человѣкъ?—спросилъ онъ, обрадовавшись въ слѣдующій моментъ живому человѣчьему голосу.

— А ты кто?

— Я по злобѣ игумена Моисея... Да ты иди поближе, зачѣмъ спрятался?

Въ отвѣтъ грянула тяжелая желѣзная цѣпь и послышался стонъ. Ареѳа понялъ все и ощупью пошелъ на этотъ стонъ Въ самомъ углу къ стѣнѣ былъ прикованъ на цѣпь какой-то мужикъ. Онъ лежалъ на гнилой соломѣ и не могъ подняться. Онъ и говорилъ плохо. Присѣлъ около него Ареѳа, ощупалъ больного и только покачалъ головой: въ чемъ душа держится. Лѣвая рука вывернута въ плечѣ, правая нога плеть-плетью, а спина, какъ рѣшето.

— Изъ бѣгуновъ я,—тяжело шепталъ несчастный.—Три раза изъ рудника убѣгалъ, ну, и попалъ въ лапы приставамъ. Чуть душу не вытрясли...

— Плохо твое дѣло, милашъ! — жалѣлъ дьячокъ, потряхивая своими желѣзами.—Кабы сила-мочь, такъ я бы травкой тебя попользовалъ. Есть такія въ степи пользительныя травки отъ убоя, отъ раны, ото всякой лихой болѣсти... Да вотъ подъ руками ничего нѣтъ.

— Тошнехонько мнѣ... подъ сердце подкатываетъ... Прибралъ бы Господь-Батюшка поскорѣе, а то моченьки не стало... Я изъ слободскихъ, изъ Чернаго-Яру... женишка осталась, ребятенки... вся худоба... къ нимъ урваться хотѣлъ, а меня въ горахъ и имали...

— Не изъ двоеданъ, значитъ?—обрадовался Ареѳа.

— Православный... Отъ дубинщины бѣжалъ изъ-подъ самаго монастыря, да въ лапы къ Гарусову и попалъ. Все одно помирать: въ мѣдной горѣ, али здѣсь на цѣпи... Живымъ и ты не уйдешь. Въ горѣ-то къ тачкѣ на цѣпь прикуютъ... Можетъ, ты счастливѣе меня будешь... вырвешься какъ ни на есть отседова... такъ въ Черномъ-Яру повидай мою-то женишку... скажи ей поклончикъ... а ребятенки... ну, на міру сиротами вырастутъ: сирота растетъ—міру работникъ.

— Какъ тебя звать-то, милашъ?

— Трофимомъ... Въ Черномъ-Яру скажутъ...

Дольше больной говорить не могъ, охваченный тяжелымъ забытьемъ. Онъ началъ бредить, метался и все поминалъ свою жену... Аѳоу даже слеза прошибла, а помочь нечѣмъ. Онъ оборвалъ полу своего дьячковскаго подрясника, помочилъ ее въ водѣ и обвязалъ ею горячую голову больного. Тотъ на мгновеніе приходилъ въ себя и начиналъ неистово ругать Гарусова.

— Погоди, отольются медвѣдю коровьи слезы!.. Будетъ ему кровь нашу пить... по колѣнъ въ нашей крови ходить... Вотъ побѣгутъ казаки съ Яика да орда со степи подвалить: по камешку всѣ заводы разнесутъ. Я-то не доживу, а ты увидишь, какъ трахнутъ заводами, и монастыремъ, и Усторожьемъ. Къ казакамъ и заводчина пристанетъ и наши крестьяне... Огонь... дымъ...

Аѳоа просидѣлъ надъ больнымъ цѣлый день и громко молился. Подъ утро Трофимъ какъ будто стихалъ, а потомъ попросилъ воды. Аѳоа подалъ ему деревянную чашку, но не нужно было уже ни воды ни лѣкарствъ...

— Помяни, Господи, новопреставленнаго раба твоего Трофима, — молился Аѳоа, стоя на колѣняхъ. — Прости ему вольныя и невольныя прегрѣшенія, ѣся, яже содѣялъ вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ, яже словомъ, яже помышленіемъ.

Затѣмъ онъ проговорилъ молитву на исходъ души и благословилъ усопшаго узника, въ мірѣ раба Божьяго Трофима, а потомъ громко наизусть принялся читать заупокойный канонъ о единоумершемъ. Службу церковную онъ зналъ наизусть, потому что по-печатному разбиралъ съ грѣхомъ пополамъ, за что много претерпѣлъ и отъ своего попа Мирона и отъ покойнаго игумена Поликарпа.

Рудниковые пристава нашли дьячка у покойника и еще разъ обругали его, а затѣмъ поволокли въ мѣдную гору, въ нарядъ. Упало дьячковское сердце, когда его посадили въ большую деревянную бадью и начали опускать въ шахту. Онъ со страху закрылъ глаза и громко читалъ канонъ преподобному Прокопію: точно сама земля разверзлась и поглощала его грѣшное дьячковское тѣло черною пастью. Гдѣ-то гудѣла вода, скрипѣли насосы, и бадья летѣла все внизъ со своею живою добычей. Но вотъ, въ глубинѣ, мелькнулъ живой огонекъ, и взыграло дьячковское сердце: живъ Господь, и живъ дьячокъ Аѳоа. По дорогѣ попалась другая бадья, которая шла наверхъ съ рудой. Но вотъ и дно шахты. Бадья остановилась. Двое рабочихъ поддержали ее и помогли дьячку вылѣзти.

— Трофимъ приказалъ долго жить, братцы,—сказалъ Аѳоа.—Подъ утро кончился, сердяга...

Рудниковые молча сняли шапки и молча перекрестились. Они съ удивленіемъ разглядывали дьячка.

— Да ты откелева взялся-то, милъ человѣкъ?

— А я изъ монастырской слободы, яже въ Сибирстей странѣ, у Прокопьевскаго монастыря... По злобѣ игумена Моисея...

Его поволокли куда-то въ боковую шахту, и тамъ кузнецъ расковалъ его... Все равно, отсюда не убѣжишь, а работать въ желѣзахъ неспособно. Возблагодарилъ Аѳоа Бога, что опять могъ двигать руками и ногами, а его уже повели въ нарядъ. Итти пришлось по темной боковой шахтѣ, укрѣпленной лиственничными плахами. Вездѣ сочилась вода и пахло прѣлымъ деревомъ. Такъ привели его въ забой, гдѣ добывали мѣдную руду кайлами и ломами. Работа, пожалуй, и не трудная, кабы не глухой воздухъ. Да и жарко при этомъ... Съ дьячка катился потъ градомъ, когда онъ проработалъ первую смѣну.

III.

Работа въ мѣдной горѣ считалась самою трудною, но Ареоа считалъ ее отдыхомъ. Главное, нѣтъ здѣсь огня, какъ на фабрикѣ, и нѣтъ вѣчнаго грохота. Правда, и здѣсь донимали большими уроками немилосердные пристава и уставщики, но все-таки можно было жить. Ареоа даже повеселѣлъ, присмотрѣвшись къ дѣлу. Конечно, подъ землей духъ тяжелый и теплынь, какъ въ банѣ, а все-таки можно перебиваться.

— Чему ты радуешься, дурень?—удивлялись другіе шахтари.—Послѣднее наше дѣло. Живымъ отсюда не выпущаютъ.

— Вы-то не уйдете, а я уйду.

— Не захваливайся.

— Изъ орды ушелъ колотый, а отъ Гарусова и подавно уйду... Главная причина, кто сильнѣе: преподобный Прокопій али Гарусовъ? Вотъ то-то вы, глупые... Надъ кѣмъ изневаживается Гарусовъ-то?.. Надъ своими же двосданами, потому какъ они омрачены... А преподобный Прокопій вызволитъ и отъ Гарусова.

Вообще, дьячокъ говорилъ многое „неудобь сказуемое“, и шахтари только покачивали головами. И достанется дьячку, ежели Гарусовъ вызнаетъ про его поносныя рѣчи. А дьячокъ и въ усъ себѣ не дуетъ: копаетъ руду, а самъ акаѳистъ преподобному Прокопію читаетъ.

— Я вольный человѣкъ,—говорилъ онъ рабочимъ:—а васъ всѣхъ Гарусовъ озадачилъ... Кого одежей, кого харчами, кого скотиной, а я весь тутъ. Не по задатку пришелъ, а своей полной волей. А чуть что, сейчасъ пойду въ судную избу и скажу: Гарусовъ смертнымъ боемъ убилъ мужика Трофима изъ Черпаго-Яру. Не похвалятъ и Гарусова. Въ горную канцелярію прошеніе на Гарусова подамъ: не бей смертнымъ боемъ.

„Озадаченные“ Гарусовымъ рабочіе только почесывали въ затылкахъ. Правильно говорилъ дьячокъ Ареоа, хотя и не миновать ему гарусовскихъ плетей. Со всѣхъ сторонъ тутъ были люди: и мѣщане изъ Верхотурья, и посадскіе изъ Кайгородка, и слобожане, и пашенные солдаты, и бѣломѣстные казаки, и монастырскіе садчики, и разная татарва. Гарусовъ не разбиралъ, кто откуда, а только копали бы руду. И всѣхъ одинаково опутывалъ задатками. Вольная птица монастырскій дьячокъ составлялъ единственное исключеніе.

Но эта дьячковская воля продолжалась недолго. Черезъ двѣ недѣли Ареоу повели въ рудниковую контору. Приказчикъ сидѣлъ за деревянной рѣшеткой и издали показалъ дьячку лоскутокъ синей бумаги, написанной кудрявымъ почеркомъ.

— Узнаёшь, вольный человѣкъ? — глухо спросилъ приказчикъ и засмѣялся.

Ареоа даже зашатался на мѣстѣ. Это была его собственная расписка, выданная секретарю тобольской консисторіи, когда ему выдавали ставленническую грамоту. Долгу было 20 рублей, и Ареоа заплатилъ его уже два раза — одинъ разъ черезъ своего монастырскаго казначея, а въ другой присылалъ деньги „съ оказіей“. Дѣло было давнишнее, и онъ совсѣмъ позабылъ про расписку, а тутъ она и выплыла. Это Гарусовъ выкупилъ ее черезъ своихъ приставниковъ у секретаря и теперь закабалилъ его, какъ и всѣхъ остальныхъ.

— Ну, что скажешь, вольный человѣкъ?—смѣялся приказчикъ.—Похва-

лятся умѣешь, а у самого хвостъ завязъ... Такъ-то? Да еще съ тебя причитается за прокормъ твоей кобылы... понимаешь?..

Ареѳа какъ-то сразу упалъ духомъ, точно его ударили обухомъ по головѣ: и его „озадачилъ“ Гарусовъ... А все отчего? За похвальбу преподобный Прокопій нашелъ... Вотъ тебѣ и вольный человѣкъ! Былъ вольный, да только попалъ въ кабалу. Съ другой стороны, Ареѳа обозлился. Все одно пропадать...

— Искать буду съ Гарусова,—смѣло заявилъ онъ.—Я письменный человѣкъ и дорогу найду... У меня и свое монастырское начальство есть и горная канцелярія, и воеводу Полуэхта Степаныча знаю... да.

— И вездѣ тебѣ скажутъ, что ты дуракъ...

— Я дуракъ?... Дуракъ да про себя, а на Гарусова я имѣю извѣтъ. Попомнитъ онъ у меня единоумершаго хрестьянина Трофима изъ Черногорску, вотъ какъ попомнитъ!...

На такія слова приказчикъ сейчасъ же „ощерился“ и собственноручно избилъ зубастаго дьячка, а потомъ велѣлъ запереть его въ деревянныя „смыги“ накосо: лѣвую ногу съ правою рукою, а правую ногу съ лѣвою рукою. Помѣстили Ареѳу въ то самое узилище, гдѣ умеръ Трофимъ, и для безопасности приковали цѣпью къ деревянному стулу. Положеніе было самое неудобное: ни встать, ни сѣсть, ни лежать. Два дня такимъ образомъ промучился Ареѳа, а на третій день не вытерпѣлъ и заявилъ приставу, что желаетъ учинить разборку своего дѣла въ судной избѣ на Баламутскомъ заводѣ.

— Тебѣ же хуже, — посмѣялся приказчикъ — Теперь тебѣ наши деревянныя смыги не поглянулись, ну, перемѣнимъ на желѣзную рогатку и посадимъ тебя на стѣнную цѣпь. За языкъ бы тебя слѣдовало приковать, да еще погодимъ малое время...

Двѣ недѣли высидѣлъ Ареѳа въ своей рогаткѣ. Желѣзо въѣдалось ему въ плечи, и тонкая шея была покрыта струпьями. Каждое движеніе вызывало страшную боль. А главное, нельзя было спать. Никакъ нельзя прилечь: желѣзо еще сильнѣе впивалось въ живое тѣло. Такъ, прислонится къ стѣнкѣ Ареѳа и дремлетъ. Какъ будто забудется, какъ будто дремота одолѣваетъ, а открылъ глаза, голова съ плечъ катится. Сталъ совсѣмъ изнемогать Ареѳа, и стало ему казаться, что онъ совсѣмъ не дьячокъ, а черноярскій мужикъ Трофимъ, и что онъ уже мертвъ, а мучится за грѣхи одна плоть.

Ареѳа лежалъ безъ памяти, когда въ тюрьму привели новыхъ преступниковъ. Это были свои заводскіе двоеданы, провинившіеся на урокахъ. Они пожалѣли Ареѳу и отваживались съ нимъ по двѣ ночи. Тутъ ужъ смилостивился и приказчикъ и велѣлъ расковать дьячка.

— Къ Трофиму еще успѣемъ тебя отправить, коли соскучился, — пригрозилъ онъ ему.

Въ казармѣ вылежалъ Ареѳа двѣ недѣли. Лежитъ Ареѳа и молчитъ, молчитъ и думаетъ: за свой языкъ онъ мýку принималъ и чуть живота не рѣшился. Нѣтъ, теперь, братъ, шабашъ: про себя лучше знать... Лежитъ и думаетъ Ареѳа о томъ, какъ бы ему вырваться опять на волю и уйти отъ Гарусова. Кругомъ мѣста дикія, не скоро поймаютъ... Эхъ, кабы еще кобылу добыть, такъ и того бы лучше. А тамъ и своя Служняя слобода, и дьячиха Домна Степановна, и милая дочь Охонюшка, и попъ Миронъ, и весь благоувѣтливый иноческій чинъ. Точно ножомъ кто ударитъ, какъ только вспомнитъ Ареѳа про свое тихое убѣжище.

Да, легко бѣжать, а каково будетъ, когда поймаютъ? Ареѳа уже совсѣмъ рѣшился на бѣгство, но ему помѣшалъ случай: съ Баламутскаго завода бѣжало нѣсколько рабочихъ, ихъ переловили и привели наказывать на рудникъ.

Что тутъ было, и не разсказать... Всѣхъ рудниковыхъ выстроили на дворѣ и наказаніе учинили на глазахъ, чтобы остальные смотрѣли и казнились. Двоихъ наказали кнутомъ, троихъ плетьми, а остальныхъ нещадно били батожьемъ. Это было похуже, чѣмъ расправа „съ пристрастіемъ“ у самого воеводы Полуекта Степаныча. Всѣхъ наказанныхъ сволокли замертво въ тюрьму. Со страху Ареѳа не спалъ цѣлую ночь, и ему все казалось, что онъ уже бѣжалъ и его ловятъ. Вотъ настигли совсѣмъ, онъ даже глаза закрылъ... вотъ, вотъ... Заводскіе пристава стрѣляли бѣгуновъ прямо изъ ружей, а потомъ убитыхъ списывали за пропавшихъ безъ вѣсти. Мертвый не пойдетъ искать, а живымъ до себя.

Но, видно, отъ судьбы не уйдешь. Только Ареѳа поправился и спустился въ свою шахту, а тамъ уже все готово: смѣна, въ которой онъ работалъ, сговорилась бѣжать въ полномъ составѣ.

— Ежели ты съ нами не пойдешь, мы тебя живымъ не оставимъ,— объяснилъ Ареѳѣ главный зачинщикъ изъ слобожанъ. — Гинуть, такъ всѣмъ за-разъ, а то еще продашь...

— Братцы, куда же я?—взмолился Ареѳа.—Игуменъ Моисей истязалъ меня шелепами, воевода Полуехтъ Степанычъ въ желѣзахъ выдержалъ цѣлую зиму, Гарусовъ въ кабалу повернулъ... А сколько я натерпѣлся отъ приставовъ?.. Въ чемъ душа... Вы-то убѣжите, а меня поймаютъ.

Но Ареѳу никто не слушалъ. Пока онъ сидѣлъ въ своей рогаткѣ да выздоравливалъ, что-то случилось, чего онъ не зналъ, а могъ только догадываться. Рабочіе шушукались между собой и скрывали отъ него. Можетъ, отъ казаковъ съ Яика пришла вѣсточка?.. Покойный Трофимъ что-то болталъ, а потомъ рабочіе галдѣли по казармамъ... Слухи шли давно, еще во время монастырской „дубинщины“, и Ареѳа плохо имъ вѣрилъ. Такъ темное мужичье болтаетъ, а никто хорошенько ничего не знаетъ. Положимъ, у Гарусова постоянно бунтовали рабочіе, а потомъ Полуектъ Степанычъ ихъ усмирялъ воинскою силою,—ну, и теперь въ этомъ же родѣ, надо полагать.

Это было на другой день послѣ Успенья. Еще съ вечера слобожанинъ Аверкій шепнулъ Ареѳѣ:

— Смотри, завтра у насъ вода побѣжитъ... Теперь самый разъ, потому приказчикъ не сторожится: думаетъ, испугалъ всѣхъ наказаніемъ. Понялъ?

Ареѳа молчалъ. Будь, что будетъ, а чему быть, того не миновать... Онъ приготовилъ на всякій случай котомочку и съ тупою покорностью сталъ ждать. Отъ міра не уйдешь, а на людяхъ и смерть красна.

По уговору, двое рабочихъ передъ вечернею смѣною затѣяли драку. Приказчикъ вступился въ это дѣло, набѣжали пристава, а въ это время шахтари обрубили канатъ съ бадьей, сбросили сторожа въ шахту и пустились бѣжать въ лѣсъ. Когда-то Ареѳа былъ очень лёгокъ на ногу и теперь летѣлъ впереди другихъ. Черезъ Яровую они переправились на плоту, на которомъ привозили камень въ рудникъ, а потомъ разсыпались по лѣсу.

Погоня схватилась позже, когда бѣглецы были уже далеко. Сначала подумали, что оборвался канатъ, и бадья упала въ шахту вмѣстѣ съ людьми. На сомнѣніе навело отсутствіе сторожа. Прошло больше часу, прежде чѣмъ ударили тревогу. Приказчикъ рвалъ на себѣ волосы и разослалъ погоню по всѣмъ тропамъ, дорогамъ и переходамъ.

Въ смѣнѣ было двѣнадцать человѣкъ. Сначала бѣжали гурьбой, а потомъ разбились кучками по трое, чтобы запутать слѣды. За ночь нужно пройти верстъ двадцать. Ареѳа пристадъ къ слобожанамъ, — имъ всѣмъ была одна дорога внизъ по Яровой.

— Меня бы только до монастыря Господь донесъ,—мечталъ Ареоа.—А тамъ укроюсь гдѣ ни на есть... Да что̀ туть говорить: прямо къ игумну Моисею приду... Весь тутъ и кругомъ виноватъ. Хоть на части рѣжь, только дома... Игуменъ-то съ Гарусовымъ на перекосыхъ и меня не выдастъ. Шелеповъ отвѣдать придется, это ужъ вѣрно,—ну, да Богъ съ нимъ...

Слобожане отмалчивались. Они боялись, какъ пройдутъ мимо Баламутскаго завода: ихъ тутъ будутъ караулить... Да и дорога-то одна къ Усторожью. Днемъ бродяги спали гдѣ-нибудь въ чащѣ, а шли, главнымъ образомъ, по ночамъ. Рѣшено было сдѣлать большой кругъ, чтобы обойти Баламутскій заводъ. Мѣста попадались все лѣсныя, тропы шли угорами да раменьемъ, того гляди, еще съ дороги собьешься. Приходилось дать кругъ верстъ въ пятьдесятъ. Когда заводъ обошли, слобожане вздохнули свободнѣе.

— Пронесъ Господь тучу морокомъ...

Одинъ дьячокъ закручинился. Присѣлъ на пенекъ и сидитъ.

— Эй, дьячокъ, будетъ сидѣть... Пойдемъ. Аль стосковался по Гарусовѣ?

— А я ворочусь на заводъ, братцы,—отвѣтилъ Ареоа.

— Да ты въ умѣ ли?

— А кобыла? Первое дѣло, не доставайся моя кобыла Гарусову, а второе дѣло—какъ я къ дьячихѣ на глаза покажусь безъ кобылы? Уѣхалъ на кобылѣ, а приду пѣшкомъ...

— Ахъ, дурья голова... Вѣдь кожу съ тебя сыметъ Гарусовъ теперь, какъ попадешься къ нему въ лапы... А ему кобыла далась...

— А преподобный Прокопій на что?

Бродяги обругали полоумнаго дьячка и пошли своею дорогою. Отдохнулъ Ареоа, помолился и побрелъ обратно къ заводу. Припасъ всякій вышелъ, а въ лѣсу по осени нечего взять. Развѣ гдѣ саранку выкопаешь да медвѣжью дудку пососешь... Затощалъ дьячокъ въ конецъ, чувствуетъ, что и послѣднихъ силъ выбивается. Пройдетъ съ полверсты и приляжетъ. Только на другой день добрался до завода. Добраться добрался, а войти боится. Цѣлый день пролежалъ за околицей, выжидая ночи, чтобы въ темнотѣ пробраться на господскія конюшни, гдѣ стояла кобыла. Лежитъ Ареоа недалеко отъ проѣзжей дороги въ кустахъ, а у самого темные круги передъ глазами начинаютъ ходить. А тутъ подъ самый вечеръ, глядитъ онъ, ѣдутъ по дорогѣ верныники. Поглядѣлъ дьячокъ и глазамъ своимъ не вѣритъ: ведутъ связанными его слобожанъ. Попались гдѣ-то сердяги... Перекрестился дьячокъ: ухранилъ преподобный Прокопій. Скоро провезли слобожанъ на полныхъ рысяхъ. У одного голова бѣлымъ платкомъ перевязана, а самъ едва въ сѣдлѣ держится,—должно полагать, стрѣляный. А пристава везутъ и все оглядываются, точно боятся погони. Удивительно это показалось дьячку.

Темною ночью пробрался онъ въ Баламутскій заводъ, а тамъ стоитъ дымъ коромысломъ. Всѣ на ногахъ, всѣ бѣгаютъ, а самъ Гарусовъ скрылся неизвѣстно куда. Сначала Ареоа перепугался, а потомъ сообразилъ, что ему подъ шумокъ всего лучше выкрасть свою кобылу. На него никто не обращалъ вниманія: всякому было до себя.

— Орда валитъ!.. Казаки идутъ... — слышалось со всѣхъ сторонъ. — А нашъ-то орелъ схоронился...

— Догадливъ, песъ!..

Работы были оставлены, и народъ бродилъ по улицамъ, какъ пьяный. Слухи росли, а съ ними увеличивалось и общее смятеніе. Это было не свое, заводское волненіе, успокаиваемое отчасти домашними средствами, отчасти

воинскою рукою, а откуда-то извнѣ надвигалась страшная гроза. Опредѣленнаго никто ничего еще не зналъ, и это было хуже всего. Общую панику увеличило неожиданное бѣгство Гарусова, получившаго какое-то важное извѣстіе съ нарочнымъ. На заводѣ всегда было много недовольныхъ, и они сейчасъ объявились. Открытаго возмущенія не существовало, но уже сказывалось глухое недовольство и ропотъ. Это особенно проявилось тогда, когда приказчики потребовали рабочихъ на постройку вала, надолбовъ и рогатокъ.

— Пусть самъ Гарусовъ строитъ! — галдѣла толпа. — Небось, удралъ!

Болѣе благоразумные люди говорили, что вся эта кутерьма—только одинъ подвохъ со стороны Гарусова, а потомъ онъ налетитъ и произведетъ жестокую расправу съ ослушниками и своевольцами. Старикъ любилъ выкидывать штуки... Именно такіе благоразумные и отправились копать рвы и дѣлать рогатки. Работа была спѣшная, при освѣщеніи костровъ.

Ареѳа отлично воспользовался общею суматохою и прокрался на господскую конюшню, гдѣ и разыскалъ среди другихъ лошадей свою кобылу. Она тоже узнала его и даже вильнула хвостомъ. Никто не видѣлъ, какъ Ареѳа выѣхалъ съ господскаго двора, какъ онъ проѣхалъ по заводу и направился по дорогѣ въ Усторожье. Но тутъ шли главныя работы, и его остановили.

— Куда чортъ понесъ?

— А по своему дѣлу...

— Братцы, да вѣдь это дьячокъ съ рудника! Держи его, оборотня!

Поднялся гвалтъ, десятки рукъ ухватились за кобылу, но Ареѳа сказалъ вѣрному коню завѣтное киргизское словечко, и кобыла взвилась на дыбы. Она съ удивительною легкостью перепрыгнула ровъ и понеслась стрѣлой по дорогѣ въ Усторожье.

— Держи дьячка!.. Братцы, держи!..

Вдогонку грянуло нѣсколько выстрѣловъ, но Ареѳа припалъ къ шеѣ вѣрнаго коня, и опасность осталась позади.

IV.

Ареѳа былъ совершенно счастливъ, что выбрался живъ изъ Баламутскаго завода. Конечно, все это случилось по милости преподобнаго Прокопія: онъ вызволилъ грѣшную дьячковскую душу прямо изъ утробы земной. Ѣдетъ Ареѳа и радуется, и даже смѣшно ему, что такой переполохъ въ Баламутскомъ заводѣ, и что Гарусовъ бѣжалъ. Въ Служней слободѣ въ прежнее время, когда набѣгала орда, часто такіе переполохи бывали и большею частью напрасно. Такъ, бѣгаютъ, суетятся, галдятъ, другъ дружку пугаютъ, а бѣду дымомъ разноситъ.

— Нѣтъ, Гарусовъ-то какого стрекача задалъ! — говорилъ Ареѳа своей кобылѣ.—Живъ смерти, видно, боится... Это его преподобный Прокопій устигнулъ: не лютуй, не пей чужую кровь, не озорничай. Нѣтъ, братъ, мірская-то слеза велика...

Отъѣхавъ верстъ двадцать, Ареѳа свернулъ въ лѣсокъ покормить свою кобылу. „Вѣдь вотъ, тварь, а чувствуетъ, что домой идетъ, и башкой вертитъ“. Прилегъ Ареѳа на травку, а кобыла около него ходитъ да травку пощипываетъ. „Хорошо бы огонекъ разложить, да страшно: какъ разъ кто-нибудь наѣдетъ на дымъ, и повернутъ раба Божія обратно въ Баламутскій заводъ. Нѣтъ, ужъ достаточно натерпѣлся за свою простоту“.

— Эхъ, перекусить бы малую толику! — вслухъ думалъ Ареѳа. — Затощалъ вконецъ... Ну, да потерплю, а тамъ дьячиха Домна Степановна от-

кормитъ. Хорошо она заказные блины печетъ... Ну, и рѣдьки съ квасомъ похлебать тоже отлично. Своя рѣдька-то... А то рыбка найдется соленькая: карасики, максунишка... Да еще капустки пластовой прибавить, да кашки пшенной на молочкѣ, да взварцу изъ черемухи, да вишенки...

Отъ этихъ суетныхъ мыслей у Ареѳы окончательно подвело животъ. Лучше ужъ не думать, не тревожить себя напрасно.

Не успѣлъ Ареѳа передумать своихъ голодныхъ мыслей, а хлѣбъ самъ пришелъ къ нему. Лежитъ Ареѳа и слышитъ, какъ сучокъ хрустнулъ. Потомъ тихо стало, а потомъ опять шелестъ по травѣ. Чуткое дьячковское ухо сторожливое, потому какъ привыкъ сызмала въ ордѣ беречься: одно ухо спитъ, а другое слушаетъ.

— Башкирятинъ кобылу скрасть хочетъ,—подумалъ Ареѳа и успокоился: не таковская кобыла, чтобы чужого человѣка подпустить.

И кобыла тоже учуяла, насторожилась и храпнула. Тоже степная тварипка, нескоро возьмешь... А человѣкъ дѣйствительно подкрадывался. Онъ долго разглядывалъ лежавшаго на землѣ дьячка, спрятавшись за дерево.

— Ну, чего ты воззрился-то?—окликнулъ его Ареѳа.—Добрый человѣкъ, такъ милости просимъ на станъ, а худой, такъ проходи мимо... У меня разговоръ короткій.

Въ сущности, Ареѳа струхнулъ, а напустилъ на себя храбрость для видимости: почью-то не видно. Таинственный человѣкъ еще разъ оглядѣлся кругомъ и подошелъ. Это былъ плечистый мужикъ въ рваномъ зипунѣ и рваной шляпенкѣ.

— Вотъ что, милъ человѣкъ,—заговорилъ онъ, подсаживаясь къ Ареѳѣ:— ѣдешь ты на кобылѣ одинъ, а намъ по пути...

— Н-ин-о?

— Вѣрно тебѣ говорю... Я отъ Гарусова съ заводу бѣжалъ. Погони боюсь.

Ареѳа почесалъ за ухомъ и прикинулся, что не узналъ по голосу, что за птица налетѣла. Онъ и въ темнотѣ сразу узналъ самого Гарусова, хотя онъ и былъ переодѣтъ. Вотъ онъ, хорошяка и бѣгунъ, гдѣ шляется... Но главное вниманіе Ареѳы обратила на себя теперь отдувавшаяся пазуха самозваннаго бѣгуна, и дьячокъ даже понюхалъ воздухъ.

— Знаешь сказку, милъ человѣкъ,—заговорилъ Ареѳа:—поѣдешь налѣво— самъ сытъ, конь голоденъ, поѣдешь направо — конь сытъ, самъ голоденъ.

Мужикъ засмѣялся и досталъ изъ-за пазухи здоровую краюху хлѣба. Ареѳа только перекрестился: Господь невидимо пищу послалъ. Потомъ онъ переломилъ краюху пополамъ и отдалъ одну половинку назадъ.

— Какой ты добрый на чужое-то, — засмѣялся мужикъ. — Тоже, видно, отъ Гарусова бѣжишь?

— Ну, мы съ Гарусовымъ-то душа въ душу жили,—отпучивался Ареѳа, уплетая хлѣбъ за обѣ щеки.— У насъ все пополамъ было: моя спина — его палка, моя шея—его рогатка, мои руки—его руда... Ему ничего не жаль, и мнѣ ничего не жаль. Я, братъ, Гарусовымъ доволенъ вотъ какъ... И какой добрый: душу оставилъ.

Ареѳу забавляло, что Гарусовъ прикинулся бродягой и думалъ, что его не признаютъ: отъ прежняго звѣря одинъ хвостъ остался. Гарусовъ въ свою очередь тоже призналъ дьячка и рѣшилъ про себя, что доѣдетъ на его кобылѣ до монастыря, а потомъ въ благодарность и выдастъ дьячка игумену Моисею. У всякаго былъ свой расчетъ.

— Утро вечера мудренѣе, милъ человѣкъ, — говорилъ Ареѳа. — Ужо, кобыла отдохнетъ, на брезгу и поѣдемъ.

Ночью однако никому не спалось. Они караулили другъ друга, чтобы одинъ безъ другого не уѣхалъ на кобылѣ. Подъ утро они притворились, что спятъ, и Гарусовъ храпѣлъ, какъ зарѣзанный. Ареѳа наконецъ поднялся и поймалъ кобылу. Когда они сѣли верхомъ, дьячокъ проговорилъ:

— Битъ небитаго везетъ.

— А ты какъ знаешь?

— Рожа у тебя толстая... Закормилъ, видно, Гарусовъ-то съ осени. Вишь, какъ нащечился!

— А тебя Гарусовъ-то, видно, мало еще билъ: вонъ какъ языкъ болтается!

Такъ они и поѣхали вмѣстѣ, какъ лучшіе друзья, и только кряхтѣла одна кобыла. Дьячокъ сидѣлъ впереди и правилъ, а Гарусовъ сидѣлъ за нимъ. Ареѳа ѣхалъ и въ умиленіи думалъ о томъ, какъ Господь смиряетъ гордыню и превозноситъ убогихъ. Вотъ хоть сейчасъ, стоитъ захотѣть, и Гарусовъ пойдетъ пѣшкомъ... Дорогой отъ-нечего-дѣлать они болтали о разныхъ разностяхъ и подшучивали другъ надъ другомъ. Здѣсь же въ первый разъ Ареѳа услыхалъ, что проявился въ казакахъ не простъ человѣкъ, прозвищемъ Пугачъ, и что этотъ человѣкъ принялъ на себя августѣйшую персону государя Петра III. Молва уже облетѣла по казачьимъ уметамъ и станицамъ, перекинулась въ орду и дошла до заводовъ. Бунтовали пока ближніе башкиришки, которые грозились пожечь русскія селенія. Къ нимъ присталъ разный сбродъ, шатавшійся по дорогамъ. Казакамъ тоже вѣрить нельзя, — эти продадутъ. Ареѳа только качалъ своею маленькою головкою, припоминая, о чемъ болтали рабочіе на рудникѣ. Конечно, Гарусовъ не все разсказываетъ, а бѣжалъ онъ не спроста. Ѣдутъ на одной кобылѣ, а мысли разныя. Дорога была пустынная, а гдѣ попадалась деревушка, они объѣзжали ее стороной.

Такъ они ѣхали цѣлый день и заночевали въ лѣсу. Теперь до монастыря оставалось полтора дня ходу.

— Только бы до монастыря добраться,—повторялъ Ареѳа, укладываясь спать.—Игуменъ Моисей травникомъ угоститъ... а то и шелеповъ не пожалѣетъ. Онъ простоватъ, игуменъ-то...

— Ахъ, ты, шиликунъ!—смѣялся Гарусовъ.—Простъ игуменъ?..

— Съ Гарусовымъ два сапога—пара... И любятъ другъ дружку, водой не разольешь.

Друзья крѣпко спали, когда пришла нежданная бѣда. Ареѳа проснулся первымъ, хотѣлъ крикнуть, но у него во рту оказался деревянный „клинъ“, такъ что онъ могъ только мычать. Гарусовъ въ темнотѣ съ кѣмъ-то отчаянно боролся, пока у него кости не захрустѣли: на немъ сидѣли четверо молодцовъ. Ихъ накрылъ разъѣздъ, состоящій изъ башкиръ, киргизовъ и русскихъ лихихъ людей. Связанныхъ плѣнниковъ посадили на кобылу и быстро поволокли куда-то въ сторону отъ большой дороги. Ареѳа и Гарусовъ поняли, что ихъ везутъ въ „орду“.

„Охъ, съѣдятъ мою кобылу башкиришки!“ — думалъ Ареѳа въ горести.

Гарусовъ и Ареѳа знали по-татарски и понимали изъ отрывочныхъ разговоровъ схватившихъ ихъ конниковъ, что ихъ везутъ въ какое-то стойбище, гдѣ большой сборъ. Охъ, что-то будетъ?.. Всѣхъ конниковъ было человѣкъ двадцать, и всѣ везли въ торокахъ награбленное по русскимъ деревнямъ добро, а у двоихъ за сѣдлами привязано было по молоденькой дѣвкѣ. У орды ужъ такой обычай: мужиковъ перебьютъ, а молодыхъ дѣвокъ въ полонъ возьмутъ.

Такъ они ѣхали два дня и всего одинъ разъ плѣнникамъ дали напиться воды. Особенно страдалъ Гарусовъ. Лицо у него даже почернѣло, а оба глаза были подбиты. Отрядъ шелъ къ стойбищу напрямикъ, по степной сакмѣ. Лѣсъ

и горы остались далеко назади. За плѣнниками усиленно слѣдили, чтобъ они не могли между собой разговаривать. Выѣхали на стойбище только на третій день къ вечеру. Издали въ степи показалось яркое зарево горѣвшихъ костровъ. Навстрѣчу вылетѣла стая высокихъ киргизскихъ псовъ, а за ними прискакали другіе конники. Всѣ окружили плѣнниковъ, осматривали ихъ, щупали руками и всячески издѣвались. Особенно доставалось Ареѳѣ за его дьячковскую косицу.

На стойбищѣ сбилось народу до двухъ тысячъ. Тутъ были и киргизы, и башкиры, и казаки, и разные воровскіе русскіе люди, укрывавшіеся въ ордѣ и по казачьимъ станицамъ. Не было только женщинъ и дѣтей, потому что весь этотъ сбродъ составлялъ передовой отрядъ. Плѣнниковъ привязали къ коновязямъ, обыскали и стали добывать языка: кто? откуда? и т. д. Ареѳа отрывисто разсказалъ свою исторію, а Гарусовъ началъ путаться и возбудилъ общее подозрѣніе.

— Повѣсить ихъ! — кричали голоса.—Они насъ подведутъ при случаѣ!

— Повѣсить успѣемъ всегда,—спорилъ кто-то:—а надо изъ нихъ правды добиться... На уголькахъ поджарить али водой холодной полить: развяжутъ языкъ-то скорѣе.

Къ счастью Ареѳы, его опознался какой-то оборванецъ, бывшій въ Прокопьевскомъ монастырѣ. Сейчасъ же его развязали и пустили на волю, т.-е. онъ оставленъ былъ при шайкѣ вмѣстѣ съ другими плѣнниками, которыхъ было за сто человѣкъ. „Орда“ давно бы передушила ихъ всѣхъ, да не давали въ обиду казаки, которые часто вздорили съ „ордой“. Отъ этихъ плѣнниковъ, набранныхъ съ разныхъ мѣстъ, Ареѳа узналъ досконально положеніе дѣла. О батюшкѣ Петрѣ Ѳедоровичѣ говорили вездѣ, и всѣ бѣжали къ нему: сила у него несмѣтная, и всѣмъ жалуетъ волю. Одно смущало Ареѳу, что Петръ Ѳедорычъ очень ужъ мирволилъ двоеданамъ и, какъ сказывали, самъ крестился раскольничьимъ двуперстіемъ. Второе было то, что казаки сыспоконъ вѣку смуту разводили, и вѣрить имъ было нельзя: продувной народъ, особенно на Яикѣ. Однихъ бѣглыхъ сколько укрывалось по казачьимъ землямъ, раскольниковъ и всякихъ лихихъ людей. А тутъ вдругъ батюшка Петръ Ѳедорычъ объявился въ казакахъ... Какъ будто оно и не совсѣмъ похоже.

Гарусову досталось отъ казаковъ. Его не признали за настоящаго мужика и долго пытали, что̀ за человѣкъ. Но крѣпокъ былъ Гарусовъ—все вынесъ. И на огнѣ его припекали, и студеною ключевою водою поливали, и конскимъ арканомъ пытали душить. Совсѣмъ зайдется, посинѣетъ весь, а себя не выдаетъ. Ареѳа не одинъ разъ вступался за него, не обращая вниманія на тумаки и издѣвательства.

— Ты заодно съ нимъ, дьячокъ?.. Вмѣстѣ на кобылѣ-то ѣхали...

— Неизвѣстный мнѣ человѣкъ,—увѣрялъ Ареѳа.—Мало ли шляется по попѣшнимъ временамъ безпризорнаго народу. Съ заводовъ, грить, бѣжалъ.

— Смотри, дьячокъ, худо будетъ.

Особенно досталось Гарусову, когда онъ наотрѣзъ отказался ѣсть кобылятину. Казаки хотя и считались по старой вѣрѣ, а ѣли конину вмѣстѣ съ „ордой“, потому что привыкли въ походахъ ко всему. Ареѳа хоть и морщился, а тоже ѣлъ, утѣшая себя тѣмъ, что „не сквернитъ входящее въ уста, а исходящее изъ устъ“. Гарусовъ даже плюнулъ на него, когда увидѣлъ:

— Ужо вотъ я скажу игумену-то Моисею,—пригрозилъ онъ.—Онъ изъ тебя всю душу вытрясетъ.

— А ты помалкивай лучше, кабы я чего не сказалъ,—отвѣтилъ Ареѳа.—Ворочусь въ монастырь и самъ замолю свои грѣхи.

На стойбищѣ простояли близко двухъ недѣль. А потомъ налетѣли казаки и увели своихъ. Плѣнные остались съ одной „ордой“. Вѣсти были получены невеселыя, и стойбище волновалось изъ конца въ конецъ. Только одни плѣнные не знали, въ чемъ дѣло. Скоро, впрочемъ, выяснилось, что и „орда“ тоже снимается въ походъ. Сборы были короткіе: засѣдлали коней, связали въ торока разный скарбъ—и все тутъ. Плѣнныхъ повели пѣшкомъ, одною кучею, подъ прикрытіемъ пяти джигитовъ, подгонявшихъ отставшихъ нагайками. Страшнѣе этого Ареѳа ничего не видалъ. Немилостивая „орда“ не знала пощады и заколачивала нагайками на-смерть. Кормили тоже плохо, и плѣнные едва держались на ногахъ. Аѳефа всѣхъ лѣчилъ, перевязывалъ раны и вообще ухаживалъ за больными. Благодаря этой доморощенной медицинѣ, онъ спасъ и свою кобылу. Правда, что онъ валялся въ ногахъ у немилостивой „орды“, слезно плакалъ и наконецъ добился своего.

— Ну, потомъ съѣдимъ твою кобылу,—въ видѣ особенной милости согласился главный вожакъ, тоже лѣчившійся у Ареѳы.

— А какъ я безъ кобылы къ апайкѣ *) покажусь?—объяснялъ Ареѳа со своею наивностью.—Какъ къ ней пѣшкомъ-то ворочусь?

Двѣ недѣли брели по степи, пока добрались до русской селитьбы. Изъ плѣнныхъ едва уцѣлѣла „любая половина“. А тамъ пошла новая потѣха: „орда“ кинулась на русскія деревни съ особеннымъ ожесточеніемъ, все жгла, зорила, а людей нещадно избивала, забирая въ полонъ однѣхъ подростковъ-дѣвушекъ. Кровь лилась рѣкой, а „орда“ не разбирала,—только бы грабить. Въ видѣ развлеченія захваченныхъ плѣнныхъ истязали, разстрѣливали изъ луковъ и предавали самой мучительной смерти. Испуганные жители не знали, въ какую сторону имъ бѣжать. А впереди вездѣ по ночамъ кровавыми пятнами стояло зарево пожаровъ...

Плѣнныхъ было такъ много, что „ордѣ“ наскучило вѣшать и рѣзать ихъ отдѣльно, а поэтому устраивали для потѣхи казнь гуртомъ: топили, разстрѣливали, жгли. Разъ Ареѳа попался въ такую же свалку и едва ушелъ живъ. „Орда“ разграбила одну русскую деревню, сбила въ одну кучу всѣхъ плѣнныхъ и рѣшила давить ихъ оптомъ. Для этого разобрали заплотъ у одной избы, оставивъ послѣднее звено. На него въ рядъ уложили десятка полтора плѣнныхъ, такъ что у всѣхъ головы очутились по другую сторону заплота, а шеи на деревянной плахѣ. Сверху спустили на нихъ тяжелое бревно и придавили. Это была ужасная картина, когда изъ-подъ бревна раздались раздирающіе душу крики, отчаянные вопли, стоны и предсмертное хрипѣнье. „Орда“ выла отъ радости... Не всѣ удавленники кончились разомъ. Къ общему удивленію, въ числѣ удавленниковъ оказался и дьячокъ Ареѳа. Онъ оказался живымъ, благодаря своей тонкой шеѣ.

— Ахъ, ты, шайтанъ!—удивлялись башкиры, освобождая его изъ общей массы мертвыхъ тѣлъ.—Да какъ ты-то попалъ?

Ареѳа со страху ничего не могъ отвѣтить, а только моргалъ. Его сильно помяли, и онъ дня три не могъ произнести ни одного слова, а потомъ отошелъ. Этотъ случай всѣхъ насмѣшилъ, даже плѣнныхъ, ожидавшихъ своей очереди.

— Вызволилъ преподобный Прокопій отъ неминучей смерти,—слезливо объяснялъ Ареѳа.—Рядомъ попались мужики съ толстыми шеями,—ну, меня и не задавило. А то бы у смерти конецъ...

Всѣ эти ужасы были только далекимъ откликомъ кроваваго замиренія

*) Апайка—жена.

Башкиріи, когда русскіе продѣлывали надъ плѣнными башкирами еще бо́льшія жестокости: десятками сажали на колъ, какъ дѣлалъ генералъ Соймоновъ подъ Оренбургомъ, вѣшали сотнями, отрубали руки, обрѣзывали уши, морили по тюрьмамъ и вообще изводили всяческими способами тысячи людей. Память объ этомъ звѣрствѣ еще не успѣла остыть, и о немъ пѣли заунывныя башкирскія пѣсни, когда по вечерамъ „орда“ сбивалась около огней. Всѣхъ помнила эта народная пѣсня, какъ помнитъ своихъ любимыхъ дѣтей только родная мать: и старика Сеита, бунтовавшаго въ 1662 г., и Кучюмовичей съ Алдаръ-баемъ' бунтовавшихъ въ 1707 году, и Пепеню съ Майдаромъ и Тулкучурой, бунтовавшихъ въ 1736 году. Много ихъ было, и всѣ они полегли за родную Башкирію, какъ ложится подъ косой зеленая степная трава

Курились башкирскіе огоньки, а около нихъ башкирскіе батыри пѣли кровавую славу погибшимъ бойцамъ, воодушевляя всѣхъ къ новымъ жестокостямъ. Кровь смывалась кровью... У Ареевы сердце сжималось, когда башкиры затягивали эти свои проклятыя пѣсни.

V.

Пока дьячокъ Ареѳа томился въ огненной работѣ, въ мѣдной горѣ, а потомъ въ полонѣ, Прокопьевскій монастырь переживалъ тревожное время. Со всѣхъ сторонъ надвигались плохія вѣсти, и со всѣхъ сторонъ къ монастырю сбѣгался народъ изъ разоренныхъ и выжженныхъ деревень и селъ. Не въ первый разъ за монастырскими толстыми стѣнами укрывались отъ напастей, но тогда наступала, зорила и жгла „орда“, а теперь бунтовали свои же казаки, и къ нимъ вездѣ приставали не только простые крестьяне, а и царскіе воинскіе люди, высылаемые для усмиренія. Творилось что-то ужасное, непонятное, громадное, и главное—сейчасъ нельзя было даже приблизительно опредѣлить размѣры поднимавшейся грозы. Слухи о самозванцѣ тоже немало смущали: то онъ идетъ съ несмѣтною силой, то его нѣтъ, то онъ появится въ такомъ мѣстѣ, гдѣ никто его не ожидалъ. Къ казакамъ прежде всего пристала „орда“, а потомъ потянули на ихъ же сторону заводскіе люди, страдавшіе отъ непосильныхъ работъ и еще болѣе отъ жестокихъ наказаній, бывшіе монастырскіе крестьяне, еще не остывшіе отъ своей дубинщины, слобожане и всякіе гулящіе люди, какихъ такъ много бродило по боевой линіи, разграничивавшей русскія владѣнія отъ „орды“.

Прокопьевскій монастырь въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ чередился сильною рукой. Игуменъ Моисей самолично нѣсколько разъ обошелъ всѣ стѣны, подробно осмотрѣлъ сторожевыя башни, бойницы и привелъ въ извѣстность весь воинскій снарядъ, хранившійся по монастырскимъ подваламъ и кладовымъ. Всѣхъ башенъ было пять по угламъ окаймлявшей монастырь стѣны. Въ каждой стояло по три пушки въ двадцать пудовъ вѣсомъ, затѣмъ меньшія пушки спрятаны были въ бойницахъ, а на особыхъ площадкахъ открыто помѣщались чугунныя мортиры. Самая большая пушка, вѣсившая 120 пудовъ, стояла на монастырскомъ дворѣ противъ полуденныхъ воротъ,—это было самое опасное мѣсто, откуда нападала „орда“. На случай, если бы непріятель сбилъ ворота, онъ былъ бы встрѣченъ двадцатифунтовымъ ядромъ. Особенно любовался этою большою пушкою новый инокъ Гермогенъ. Онъ по нѣскольку разъ въ день обходилъ ее кругомъ, ощупывалъ лафетъ и колеса, любовно гладилъ и еще болѣе любовно говорилъ келарю Пафнутію:

— Это наша матушка-игуменья... Какъ ахнетъ старушка, такъ уноси ноги.

Вообще Гермогенъ ужасно интересовался всякою воинскою снастью и даже надоѣлъ грозному игумену своими разспросами, какъ и что̀ и что̀ къ чему. Чугунныхъ ядеръ и картечи въ кладовыхъ было достаточно,—нѣсколько тысячъ, а пороху не хватало—всего было 12 пудовъ и нѣсколько фунтовъ. Кромѣ пушекъ и мортиръ въ монастырѣ было три десятка старинныхъ затинныхъ пищалей и до ста ружей—фузей, турокъ, мушкетоновъ и простыхъ дробовиковъ. Въ особомъ амбарѣ хранилось всякое ручное оружіе—луки, копья, сабли, пики, а также проволочныя кольчуги, старинные шишаки и брони. Весь этотъ воинскій скарбъ былъ добытъ изъ подваловъ и усиленно приводился въ порядокъ монахами. Изъ Усторожья воевода Полуектъ Степанычъ прислалъ нарочито двухъ пушкарей, которые должны были учить монаховъ воинскому дѣлу. Положимъ, пушкари были очень древніе старцы, беззубые и лысые, но и отъ нихъ Гермогенъ успѣлъ научиться многому: сколько „принимала зелья“ каждая пушка, какъ закладывается ядро, какъ наводить цѣль, какъ чистить послѣ стрѣльбы и т. д. По совѣту Гермогена, одну трехфунтовую пушку монахи втащили на каменную колокольню собора. Изъ нея можно было отстрѣливаться на далекое разстояніе, особенно по теченію Яровой.

А у игумена Моисея, кромѣ своего монастыря, много было заботъ съ Дивьей обителью, которая тоже всполошилась. Главная причина заключалась въ томъ, что тамъ томилась въ затворѣ именитая узница, а потомъ пріѣхала воеводша Дарья Никитична, сильно неладившая съ воеводой, благодаря дѣвкѣ Охонькѣ. Игуменъ Моисей разъ подъ вечеръ самолично отправился въ Дивью обитель, чтобы осмотрѣть все. Не любилъ онъ это „воронье гнѣздо“ и годами не заглядывалъ сюда, а теперь пришлось. Скрѣпилъ сердце игуменъ Моисей и отправился въ сопровожденіи чернаго попа Пафнутія. Вся обитель всполошилась, когда появился рѣдкій гость, и только лежала одна игуменья Досиѳея, прикованная къ одру своею тяжкою болѣзнью. Въ другой комнатѣ игуменской кельи проживала воеводша. Игуменъ Моисей обошелъ кругомъ стѣны и только покачалъ головой: все сгнило, обвалилось и кричало о запустѣніи. Башенъ было всего двѣ, да и тѣ покосились и грозили паденіемъ ежечасно.

— Плохо мѣсто,—замѣтилъ Пафнутій, поглядывая на обительскія стѣны.— Одна труха осталась... Пожалуй, и починивать нечего.

— Пора совсѣмъ нарушить это лукошко,—задумчиво отвѣтилъ игуменъ.— Не подобаетъ ему здѣсь быти... Пронесетъ Господь грозу, сейчасъ же снесу обитель напрочь.

— А куда же сестры дѣнутся?

— По другимъ монастырямъ разошлемъ... Да и разослалъ бы раньше, кабы не эта наша княжиха. Нѣтъ моей силы на нее... Самъ подневольный человѣкъ и отвѣтъ за нее держу. Охъ, связала меня княжиха по рукамъ и по ногамъ!

Все хмурился игуменъ Моисей, дѣлая обзоръ захудавшей обители. Онъ побывалъ и въ келарнѣ, и въ мастерскихъ, гдѣ сестры ткали себѣ холсты, и отсюда уже прошелъ къ игуменьѣ.

На порогѣ встрѣтила грознаго игумена сама воеводша Дарья Никитична. Сильно она похудѣла за послѣднее время, постарѣла и посѣдѣла: горе-то одного рака краситъ. Игуменъ благословилъ ее и ласково спросилъ:

— Ну, какъ поживаешь, матушка воеводша?

— Охъ, не спрашивай... Какое мое житье: ни баба, ни дѣвка, ни вдова. Просилась у Полуехта Степаныча на постриженіе въ обитель, такъ онъ меня такъ обидѣлъ, такъ обидѣлъ... Истинно сказать, послѣдняго ума рѣшился.

— Мудреное ваше дѣло, воеводша. Гордыня обуяла воеводу, а своя-то

слабость очень ужъ сладка кажется... Ему пора бы старые грѣхи замаливать, а онъ вонъ что придумалъ. Писалъ я ему, да только отвѣта не получалъ... Не сладкія игуменскія письма.

Дарья Никитична только опустила глаза. Плохо она вѣрила теперь даже игумену Моисею: не умѣлъ онъ устранить воеводу во-время, а теперь лови вѣтеръ въ полѣ. Осатанѣлъ воевода вконецъ, и приступу къ нему нѣтъ. Такъ на всѣхъ и рычитъ, а знаетъ только свою поганку Охоньку. Для нея подсѣкъ и свою честную браду, и рядиться сталъ по-молодому, и все дѣлаетъ, что она захочетъ, поганка. Ходитъ воевода за Охонькой, какъ медвѣдь за козой, и радуется своей погибели. Пробовала воеводша плакаться игумену Моисею, да толку вышло мало.

— У меня съ игуменомъ будетъ еще свой разговоръ,—хвастался воевода.—Онъ еще у меня запостъ матушку-рѣпку...

Воевода не могъ забыть монастырской эпитиміи, которой его постоянно корила Охоня. Старикъ только отплевывался, когда заводилась рѣчь про монастырь. Очень ужъ горько ему досталось монастырское послушаніе: не для Бога поработалъ, а только посмѣшилъ добрыхъ людей. То же самое и Охоня говорила...

— Все лежишь, Досиѳея?—спрашивалъ игуменъ Моисей.

— Богъ за всѣхъ наказываетъ,—смиренно отвѣтила больная игуменья.—Молитвы-то наши недоходны къ Богу, вотъ и лежу второй годъ. Хоть бы ты помолился, отецъ...

— И то молюсь по своему смиренію... Вотъ стѣпки пришелъ поглядѣть: плохо ваше мѣсто, игуменья. Даже и починивать нечего... Одна дыра, а цѣлаго мѣста и не покажешь.

— А чья вина?—заговорила со слезами Досиѳея.—Кто тебя просилъ поправить обитель? Вотъ и дождались: набѣжитъ орда, а намъ и укрыться негдѣ. Небось самъ-то за каменною стѣною будешь сидѣть да изъ пушекъ палить...

— Еще неизвѣстно, что будетъ, а ты зря болтаешь.

— Чего зря-то: немилучее дѣло. Не за себя хлопочу, а за сестеръ. Вонъ, слухи нали, Гарусовъ бѣжалъ съ своихъ заводовъ... Казачишки съ „ордой“ хрестьянъ зорятъ. Дойдутъ и до насъ... Большой отвѣтъ дашь, игуменъ, за души неповинныя. Богу одинъ отвѣтъ, а начальству другой... Вотъ и матушка-воеводша съ нами страдать остается, и сестра Фоина въ затворѣ.

— Будетъ, мать Досиѳея... Безъ тебя знаю,—сурово отвѣтилъ игуменъ.—Тебя не прошу за себя отвѣтъ держать...

— Горденекъ сталъ, игуменъ, а Господь и тебя найдетъ. Съ меня нечего взять: стара и немощна. А жалѣючи трудницъ, говорю тебѣ... Ихъ некому укрыть будетъ въ обители. Сиротскія слезы велики... Ты вотъ золъ, а можетъ, позлѣе тебя найдутся.

— Да что ты мнѣ грозишь?!—крикнулъ игуменъ, стукнувъ костылемъ.—Раскаркалась ворона къ ненастью...

— А я скажу, все скажу,—не унималась Досиѳея.—Всѣ тебя боятся, а я скажу. Меня вѣдь бить не будешь, а въ затворъ посадишь, за тебя же Богу буду молить. Денно-нощно прошу смерти, да Богъ меня забылъ... Вмѣстѣ съ обителью кончину приму. А тебя мнѣ жаль, игуменъ,—тоже напрасную смерть примешь... да. Охъ, какъ надо молиться тебѣ... крѣпко молиться.

Не выносилъ игуменъ Моисей встрѣчныхъ словъ и зѣло распалился на старуху: даже ногами затопалъ. Пуще всѣхъ напугалась воеводша: она забилась въ уголъ и даже закрыла глаза. Впрямь послѣднія времена наступили,

когда игуменъ съ игуменьей ссориться стали... Въ другой комнатѣ сидѣлъ черный попъ Пафнутій и тоже набрался страху. Вотъ-вотъ игуменъ размахнется честнымъ игуменскимъ посохомъ, — скоръ онъ на руку,—а старухѣ много ли надо? Да и прозорливица Досиѳея недаромъ выкликаетъ бѣду,— быть бѣдѣ.

Такъ и ушелъ игуменъ Моисей, ни съ кѣмъ не простившись. Гнѣвенъ былъ и суровъ свыше мѣры. Пафнутій едва поспѣвалъ за нимъ.

— Завтра поѣду въ Усторожье,—объявилъ игуменъ Моисей келарю Пафнутію, когда они входили въ монастырь.—У насъ въ монастырѣ все въ порядкѣ... Надо съ воеводой переговорить по нарочито важному дѣлу. Я его вызывалъ, да онъ не ѣдетъ... Время не ждетъ.

Келарь Пафнутій только опустилъ глаза, проникая въ тайный смыслъ игуменскаго намѣренія. Стыдно ему стало за игумена... И почью плохо спалось черному попу Пафнутію. Все онъ думалъ про игумена и смущался отъ черныхъ мыслей, которыя такъ и крутились надъ нимъ, какъ лѣтній оводъ. И грѣшно было думать такъ, и стыдно за игумена... Славу пуститъ про себя неудобо-сказуемую, да и на весь монастырь вмѣстѣ. Благоувѣтливый инокъ тяжко вздыхалъ и всю ночь проворочался съ боку на бокъ. А подумать было о чемъ: вѣдь онъ долженъ былъ замѣстить игумена Моисея и за все отвѣчать. Можетъ, и напрасно онъ смущается—опять хорошаго мало. Сумраченъ всталъ Пафнутій на другой день, а игуменъ ужъ успѣлъ собраться: живою рукою склался. Торопливъ не ко времени сдѣлался...

— Я скоро ворочусь, а вы на всякій случай сторожитесь,—совѣтовалъ игуменъ, благословляя братію.—Поднимается великая смута, но да не смутится сердце ваше: Господь любя наказуетъ...

Братія молча поклонилась игумену въ землю, и никто не проронилъ ни одного слова на игуменскій увѣтъ: Какое-то смущеніе овладѣло всѣми, а когда игуменская колымага, запряженная четверней цугомъ, выѣхала изъ воротъ, неизвѣстный голосъ сказалъ:

— Однако и напугала его матушка Досиѳея!..

Всѣ оглянулись, а кто сказалъ, такъ и осталось неизвѣстнымъ. Келарь Пафнутій поникъ своею лысою головою: худая вѣсть объ игуменскомъ малодушествѣ уже перелетѣла изъ Дивьей обители въ монастырь.

Сумраченъ ѣхалъ игуменъ Моисей въ Усторожье: туча тучей. Все какъ-то не клеилось у него... Не успѣла утихнуть дубинщина, какъ поднимается новая завороха, да еще похуже старой. Со всѣхъ сторонъ шли худыя вѣсти, а отъ гражданской власти никакой помощи пока еще не видали. Тотъ же воевода засѣлъ себѣ въ Усторожьѣ и знать ничего не хочетъ. Черныя мысли одолѣли игумена Моисея, а тутъ еще выжившая изъ ума Досиѳея каркаетъ про напрасную смерть... Покажетъ онъ прозорливицѣ, какая бываетъ напрасная смерть, только бы сперва избыть свою бѣду.

Въ Усторожьѣ игуменъ прежде останавливался всегда у воеводы, потому что на своемъ подворьѣ и бѣдно и неприборно, а теперь велѣлъ ѣхать прямо въ Набѣжную улицу. Прежде-то подворье ломилось отъ монастырскихъ припасовъ, разныхъ кладей и рухляди, а теперь одинъ Спиридонъ управлялся, да и тому дѣлать было нечего. У воротъ подворья сидѣлъ какой-то оборванный мужикъ. Онъ поднялся, завидѣвъ тяжелую игуменскую колымагу, снялъ шапку и, какъ показалось игумену, улыбнулся.

— Что̀ за человѣкъ? — сурово спросилъ игуменъ старца Спиридона, глядѣвшаго на него оторопѣлыми глазами:—тамъ, у воротъ?..

— А тамъ... невѣдомо кто, владыко. Пришелъ да и прижился. Близко

недѣли, какъ на подворьѣ... Изъ „орды“, сказываетъ, едва ушелъ, изъ полону. Отдыхаетъ теперь... Онъ будто верхомъ пріѣхалъ, а самъ зѣло немощенъ. Били, сказываетъ, нещадно...

Оглядѣвшись, старецъ Спиридонъ прибавилъ уже шопотомъ:

— Одно неладно, владыко: лошадь-то я опозналъ у него. Дьячокъ тутъ въ Служней слободѣ былъ, такъ его, значитъ, кобыла...

Игуменъ велѣлъ позвать таинственнаго мужика и, когда тотъ вошелъ, притворилъ дверь на крюкъ. Мужикъ остановился у порога и смѣло смотрѣлъ на грознаго игумена, который въ волненіи прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ.

— Что, сладко ли въ ордѣ было? — спросилъ игуменъ, останавливаясь.— Все, видно, бросилъ, ничего съ собою не взялъ... Монастырское-то добро въ прокъ не пошло? Вижу твое рубище, а не вижу смиренія...

— Не подъ силу намъ, мірскимъ людямъ, смиреніе, когда и монаховъ гордость обуяла,—смѣло отвѣтилъ мужикъ.—Я свою гордость пѣшкомъ унесъ, а ты едва привезъ ее на четверицѣ...

— Смѣйся, заблудящій несъ... Скитаешься по ордѣ, яко Каинъ, стеный и трясыйся, а другихъ коришь гордостью. Дивно мнѣ поглядѣть на тебя...

— А мнѣ еще дивнѣе тебя видѣть, какъ ты бросилъ свой монастырь и прибѣжалъ схорониться къ воеводѣ. Ты вотъ псомъ меня взвеличалъ, а въ Писаніи сказано, что „песъ живой паче льва мертва“... Вижу твой страхъ, игуменъ, а храбрость свою ты позабылъ. На кого монастырь-то бросилъ? А промежду прочимъ будетъ намъ бобы разводить: оба хороши. Только никому не сказывай, который хуже будетъ... Теперь и дѣлить намъ съ тобой нечего. Видно, такъ... Бѣда-то, видно, лбами насъ вмѣстѣ стукнула.

Смѣлый мужикъ положилъ шапку и протянулъ руку игумену.

— Здравствуй, Тарасъ Григорьевичъ... Сильно ты помятъ, пожалуй, и не признать бы сразу.

— И то никто не узнаетъ, а я и радъ. Вотъ выправлюсь малымъ дѣломъ, отдохну, ну, тогда и объявлюсь. Да вотъ еще къ тебѣ у меня есть просьба: надо лошадь переслать въ Служнюю слободу. Дьячкова лошадь-то, а у насъ уговоръ былъ: онъ мнѣ помогъ бѣжать изъ орды на своей лошади, а я обѣщалъ ее представить въ цѣлости дьячихѣ. И хитрый дьячокъ: за нимъ-то слѣдили, чтобы не угналъ на своей лошади, а меня и проглядѣли... Такъ и живъ ушелъ.

Гарусовъ былъ совершенно неузнаваемъ благодаря ордынскому полону. Только игуменъ узналъ его сразу. Долго они проговорили, запершись, и игуменъ качалъ головой, пока Гарусовъ разсказывалъ про свои злоключенія. Всего онъ натерпѣлся и сколько разъ у смерти былъ, да и погибъ бы, кабы не дьячокъ. Разсказалъ Гарусовъ, что дѣлается въ ордѣ и въ казакахъ, и какъ смута разливается уже по южному Уралу. Мятежники захватили заводы и сами льютъ себѣ пушки.

— А воевода Полуехтъ Степанычъ сидитъ въ Усторожьѣ да радуется,— заключилъ Гарусовъ свой разсказъ.—Свое стариковское лакомство одолѣло... Запрется, слышь, съ дьячковскою дочерью и кантуетъ.

— А вотъ мы доберемся до него.

Вечеромъ игуменъ Моисей и Гарусовъ пѣшкомъ отправились къ воеводскому двору, а тамъ и ворота на запорѣ и ставни закрыты. Постучали въ окошко. Выглянулъ самъ воевода.

— Что вамъ нужно, полупощники? — громко спросила воеводская голова.

— А къ тебѣ въ гости пришли, Полуехтъ Степанычъ... Аль не призналъ?.. Ну-ка, растворись да принимай дорогихъ гостей честь-честью...

Голова скрылась. Долго пришлось ждать гостямъ, пока распахнулись тяжелыя ворота и дорогихъ гостей пустили на воеводскій дворъ. Самъ Полуектъ Степанычъ вышелъ на крыльцо.

— Благослови, владыко...

— Нѣтъ тебѣ благословенія, блудникъ!—отрѣзалъ игуменъ Моисей, проходя въ горницы.—Гдѣ дѣвку спряталъ? Подавай ее... Она моя, изъ нашей Служней слободы, а ты ее уволокъ тогда съ послушанія, какъ волкъ овцу. Подавай дѣвку... Сейчасъ прокляну!..

Затрясся весь Полуектъ Степанычъ, изъ лица выступилъ и только прошепталъ:

— Ничего я не знаю, владыко... Бери самъ, а я не знаю.

Игуменъ Моисей обошелъ воеводскіе покои и нашелъ Охоню въ опочивальнѣ. Онъ ухватилъ ее за руку и вывелъ съ воеводскаго двора, а потомъ привелъ на подворье, толкнулъ въ баню и самъ заперъ на замокъ. Охоня молчала все время. Одѣта она была, какъ боярыня: въ парчевомъ сарафанѣ, въ кокошникѣ, въ шелковой рубашкѣ. Старецъ Спиридонъ сунулъ ей въ окно холщевую исподницу и крестьянскій синій дубасъ. Она такъ же молча переодѣлась и выкинула въ окно свой боярскій нарядъ и даже ленту изъ косы, а оставила себѣ только одно золотое колечко съ яхонтомъ.

VI.

Охоня высидѣла въ банѣ цѣлыхъ три дня и все время почти не ѣла. Да и нечего было ѣсть. Только старецъ Спиридонъ сжалится иной разъ и принесетъ какую-нибудь корочку.

— Эй, Охоня, что ты все молчишь?—спросилъ старикъ.—Эхъ, дѣвонька, не ладно твое дѣло, а поправить нельзя: пролакомила свою честь дѣвичью на воеводскомъ дворѣ.

— А что мнѣ было дожидать?.. Хоть часъ, да мой... Было бы въ чемъ покаяться да подъ старость вспомнить.

— Дѣвка, молчи!..

— И то молчу... А ты не спрашивай безъ пути. Говорятъ тебѣ: тошно.

— Грѣхъ-то какой ты на душу приняла, а? — брюзжалъ Спиридонъ.— Ты подумай только, грѣхъ-то какой...

— У дѣвки одинъ грѣхъ, а ты осудилъ—грѣхъ-то и вышелъ на тебѣ. Помру, ты же замаливать будешь.

— Ну и дѣвка!—удивлялся Спиридонъ.—Ты какъ должна бы себя содержать: на голосъ ревѣть... А то молчитъ, какъ березовый пень.

— Можетъ, плакать-то не о чемъ. Надоѣлъ... уйди.

Старецъ Спиридонъ только вздохнулъ. Ну и чадушко только зародилось у дьячка. Того гляди, еще что-нибудь сдѣлаетъ надъ собой. А Охоня дѣйствительно сильно задумывалась: забьется въ уголъ и по цѣлымъ часамъ не шевельнется. Думаетъ-думаетъ, закроетъ глаза, и кажется ей, точно она по водѣ плыветъ. Все дальше, все дальше, а тутъ обомретъ сердце, духъ захватитъ, и она вскочитъ, какъ сумасшедшая. Страхъ нападалъ на нее по ночамъ. Все какіе-то шаги слышатся, а потомъ знакомый сердитый голосъ спрашиваетъ: „А, ты вотъ гдѣ!“. Хочетъ Охоня крикнуть и не можетъ. У самой руки и ноги трясутся, потъ холодный выступаетъ. Ахъ, какъ страшно, какъ горько, какъ обидно! Всю-то свою дѣвичью жизнь вспоминаетъ Охоня, какъ она у бати жила въ Служней слободѣ, ничего не знала, не вѣдала, какъ батю въ Усторожье увезли, какъ ходила къ нему въ тюрьму... А тамъ въ окно

глядѣли на нее два соколиныхъ молодецкихъ глаза,—глядѣли прямо въ душу, и запалъ молодецкій взглядъ. Горячіе дѣвичьи сны грёзой прошли, а потомъ все повернулось по-другому. Очень ужъ не поглянулось Охонѣ обительское послушаніе: убѣжала она къ старому да корявому воеводѣ. Стыдно ей было сначала, а больше того муторно. Ласковый былъ къ ней Полуектъ Степанычъ, и боялась она, когда онъ къ ней подходилъ. Припадочный какой-то старичонка, а размякнетъ — не глядѣли бы глазыньки. Туда же — цѣловаться лѣзетъ, сторожитъ, заглядываетъ... Смѣшно даже было, когда Охоня, случалось, прогонитъ его, а воевода сядетъ и заплачетъ, какъ ребенокъ малый.

— Сняла ты съ меня голову, Охоня, а теперь гонишь... Молодого тебѣ надо. Скучно со старикомъ.

Въ другой разъ Охоня и пожалѣетъ воеводу, приголубитъ, засмѣется, и воевода повеселѣетъ.

Да, было всего, а главное—стала привыкать Охоня къ старому воеводѣ, который тѣшилъ ее да баловалъ. Вотъ только кончилъ скверно: увидѣлъ игумена Моисея и продалъ съ перваго слова, а еще сколько грозился противъ игумена. Обидно Охонѣ больше всего, что воевода испугался и не выстоялъ ее. Все бы по-другому пошло, кабы старикъ удержался.

А воевода тоже думалъ и передумывалъ объ Охонѣ всѣ эти три дня. Старикъ даже плакалъ, запершись у себя въ опочивальнѣ. А когда ему принесли съ подворья весь дареный Охонинъ нарядъ, воевода затрясся, припалъ головой къ парчевому сарафану и зарыдалъ. Все прислала назадъ, ничего не оставила, кромѣ перстенька съ яхонтомъ. Такое лютое горе схватило воеводу, такое горе, что хуже и не бываетъ. Пробовалъ онъ было подослать на подворье вѣрнаго раба, писчика Терешку, но тотъ вернулся, почесывая бока,—больно дерется игуменскій посохъ... А черезъ три дня игуменъ взялъ у воеводы нарочитую колымагу и отправилъ въ Дивью обитель за воеводшей. Повѣсилъ сѣдую голову Полуектъ Степанычъ, закручинился... Молодая-то радость вспорхнула, и нѣтъ ея, а воеводшу не скоро-то избудешь. Возвратится изъ обители, поселится и будетъ жить, какъ бѣльмо на глазу. Эхъ, Охоня, Охоня!.. Эхъ, старость проклятая!.. Одного не зналъ воевода, что въ колымагѣ отправлена была и Охоня, подъ крѣпкимъ карауломъ. Ее прямо должны были привезти въ Дивью обитель и посадить въ затворъ, какъ сидѣла инокиня Фоина.

Утѣшался Полуектъ Степанычъ только травникомъ, да и то приходилось пить одному, — ни игуменъ ни Гарусовъ не принимали даже стомаха ради. Выпьетъ воевода, задумается, а у самого слезы катятся,

— Ну, будетъ тебѣ дурить!—бранилъ его игуменъ.—На старости лѣтъ натворилъ того, что и подумать-то нелѣпо. Съ лукавою плотью нужно бороться и нещадно ее терзать.

— А ежели меня дьячокъ испортилъ? — оправдывался воевода. — Я-то знаю хорошо, какъ все это дѣло вышло... Вотъ какъ испортилъ: не успѣлъ я глазомъ мигануть. Какія онъ мнѣ слова-то говорилъ?.. Охъ, горюшко душамъ нашимъ!

— Ну, это ужъ ты врешь! — спорилъ игуменъ, стукая посохомъ.— Дьячокъ просто дуракъ, а ты дурака слушалъ... Я вотъ его на цѣпь прикую, какъ только выворотится изъ орды. Сколько ни погуляетъ, а моихъ рукъ не минуетъ.

— Теперь ты не удивишь его ничѣмъ,—посмѣивался Гарусовъ.—Послѣ моей науки нечему учить... Самъ дьячокъ-то мнѣ говорилъ, что у васъ въ монастырѣ только по губамъ мажутъ, а настоящаго и нѣтъ.

— Ну, ты ужъ тово, какъ медвѣдь, — ворчалъ воевода. — Зачѣмъ на смерть-то забивать крестьянишекъ?

— А ежели они не хотятъ задатковъ отрабатывать?

— Помалкивай, Тарасъ Григорьичъ... Знаемъ, что̀ знаемъ, а промежду прочимъ дѣло твое, ты и въ отвѣтѣ.

Гарусовъ былъ скучный такой и рѣдко вступался въ разговоръ. Сидитъ, молчитъ и вздыхаетъ. Забота у него была о своемъ дѣлѣ. Что-то тамъ творится?.. Плохо мѣсто, когда свои работники поднимутся, а приказчикамъ безъ него не управиться. Сколько уже теперь времени-то прошло... А вѣдь все тамъ осталось, на Баламутскомъ заводѣ да на рудникѣ. Разорятъ въ конецъ, ежели казачишки захватятъ все обзаведенье. Поправлять поруху хуже, чѣмъ заново строиться. Эхъ, плохо дѣло... А начальство ничего не хочетъ помочь, да и силы нѣтъ. Вотъ ждутъ въ Усторожье со дня на день рейтаръ и драгунъ изъ Тобольска, а о̀ нихъ ни слуху ни духу. Улита ѣдетъ, когда-то будетъ. И все такъ у начальства: схватятся, а дѣло уже сдѣлано.

А время-то какъ летитъ. Вотъ и осень миновала, и первый снѣжокъ палъ. Мерзлая земля гудитъ подъ конскимъ копытомъ, какъ стекло. Яровая покрылась льдомъ. Сиверкомъ начало подувать. А у Гарусова даже шубы своей нѣтъ. Пришлось взять шубенку у воеводы и въ чужой щеголять. Тошно Гарусову: бродитъ онъ по Усторожью, какъ неприкаянный, и все смотритъ въ свою сторону. Заберется на башню и смотритъ, какъ по степи гуляетъ сиверко да сухой снѣгъ подметаетъ. А потомъ стыдно дѣлается Гарусову, когда онъ съ игуменомъ Моисеемъ встрѣтится: оба бѣжали. Воевода, когда немножко отошелъ отъ своей лихоты, сталъ травить гостей. Нѣтъ-нѣтъ, да и завернетъ кусательное словечко, а гостей коробитъ.

— Хорошо, что вы во̀-время помирились,—язвитъ Полуектъ Степанычъ.— А то дѣлились, дѣлились, никакъ раздѣлиться не могли... Игумену своего жаль, а Гарусовъ чужое любитъ.

— Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ, Полуехтъ Степанычъ. Вотъ что̀ ты заговоришь, когда воеводша Дарья Никитична изъ обители выворотится.

— А ежели на меня напущено было? Да ты, Тарасъ Григорьичъ, зубовъто не заговаривай... Мой грѣхъ, мой и отвѣтъ, а промежъ мужа и жены одинъ Богъ судья. Ну, согрѣшилъ, ну, виноватъ—и весь тутъ... Мой грѣхъ не по улицѣ гуляетъ, а у себя дома. Не бѣгалъ я отъ него, не прятался, не хоронилъ концовъ.

— Такъ, такъ, — повторялъ игуменъ. — Хорошій ты человѣкъ, воевода, когда спишь. А днемъ-то мы тебя что-то немного видимъ. Вотъ и сидимъ у тебя да ждемъ погоды. Засилья намъ не даешь, а то и мы бы выворотились къ своимъ мѣстамъ...

— Ужо, по заморозкамъ, рейтары придутъ,—отвѣчалъ воевода.—Они теперь на винтеръ-квартирахъ. Мнѣ и то маэоръ Мамѣевъ засылку дѣлалъ... Тоже приказу ждутъ. Не вѣдомо еще, куда ихъ пошлютъ. А васъ и безъ рейтаръ ущитимъ... Тоже видали виды...

Въ Усторожье приходили бѣглецы съ линіи и приносили невеселыя вѣсти. Смута росла, какъ пожаръ. Теперь уже все было охвачено: и бывшая монастырская вотчина, и южные заводы, которые были въ Оренбургской губерніи. Воровскіе люди заняли весь Яикъ, а потомъ разошлись по казачьимъ станицамъ на Ую. А тамъ башкиры поднялись. У нихъ свой батырь объявился. Тѣсное житьишко вездѣ, народъ разбѣжался, куда глаза глядятъ, а помощи ниоткуда. По станицамъ гарнизоны сами сдаются самозванцу, а попы даже съ крестомъ встрѣчаютъ и на ектеньяхъ поминаютъ царя Петра Ѳедорыча.

— Что же это будетъ-то?—спрашивалъ Гарусовъ, наступая на воеводу.— Гдѣ же начальство-то? Чего оно смотритъ?..

— А вы сами виноваты,—объяснялъ Полуектъ Степанычъ.—Затѣснили вконецъ крестьянъ, вотъ теперь и расхлебывайте кашу... Озлобился народъ, озвѣрѣлъ. У всякаго своя причина. Суди на волка, суди и по волку... А главная причина—темнота одолѣла. Вотъ я,—у меня все тихо, потому какъ никого я напрасно не обижалъ... У меня порядокъ.

Похвастался воевода, а тутъ какъ разъ писчикъ Терешка сбѣжалъ къ мятежникамъ, да еще подбросилъ на воеводскій дворъ „противное“ письмо, въ которомъ всячески обзывалъ стараго воеводу и грозилъ ему выдергать по волоску всю „поганую бороденку“.

— Что же, не кормя, не поя, ворога не наживешь,—грустно замѣтилъ Полуектъ Степанычъ.

Побѣгъ Терешки обозначалъ, во-первыхъ, близость поднимавшейся грозы, а во-вторыхъ, то, что и въ Усторожьѣ не все было спокойно, и что существовали какія-то тайныя сношенія съ непріятелемъ. Полуектъ Степанычъ сразу встряхнулся и принялся за дѣло. Онъ осмотрѣлъ валъ и ровъ, деревянныя стѣны съ надолбами, рогатки, башни, ворота, привелъ въ извѣстность воинскій снарядъ и произвелъ смотръ своей командѣ. Старикъ самъ подтянулся, вспомнивъ былые походы въ орду и сторожевую службу по линіи. Городскіе жители тоже готовились къ предстоящему сидѣнью, потому что и зима велика, а народу набѣжитъ со всѣхъ сторонъ достаточно. А тутъ подметное письмо нашли на паперти собора и другое въ судной избѣ. Это былъ „именной указъ самодержавнаго императора Петра Ѳедоровича Всероссійскаго и проч. и проч. и проч.“, въ которомъ говорилось: „Какъ дѣды и отцы ваши служили, такъ и вы мнѣ послужите, великому государю, вѣрно и неизмѣнно, до послѣдней капли крови. А когда вы исполните мое именное повелѣніе и за то будете жалованы крестомъ и бородою, рѣкою и землею, травами и морями, денежнымъ жалованіемъ и хлѣбнымъ провіантомъ, и свинцомъ и порохомъ, и вѣчною вольностію. И повелѣніе мое исполните со усердіемъ. Ко мнѣ пріѣзжайте, то совершенно меня за оное пріобрѣсти можете къ себѣ мою монаршескую милость; а ежели вы моему указу противиться будете, то вскорости возчювствовати на себя праведный мой гнѣвъ. Власти Всевышняго Создателя нашего и гнѣва моего избѣгнуть не можетъ никто,—отъ сильныя нашея руки защищать не можетъ“. Дальше слѣдовала именная подпись: „Великій государь Петръ третій Всероссійскій“. Въ народѣ, вѣроятно, такіе возмутительные листы ходили еще раньше.

Возмутительные листы были прочитаны въ воеводскомъ домѣ соборнѣ. Воевода только покачалъ головой, разсматривая тотъ листъ, который былъ подкинутъ въ судную избу.

— Терешкина рука,—проговорилъ онъ со вздохомъ.—Ахъ, сквернавецъ!..

— А это дьячкова рука,—увѣрялъ игуменъ Моисей, разглядывая другой листъ.—Напрасно ты его до смерти не замучилъ, Тарасъ Григорьичъ... Хорошимъ ремесломъ занялся, нечего сказать. Повѣсить мало... А что же наша воеводша не ѣдетъ?

— Пора бы ей быть дома,—смущенно заявлялъ воевода.—Не попритчилось ли какого дурна на дорогѣ, не ровенъ часъ!..

Въ сущности, воевода думалъ про себя, что какъ бы хорошо вышло, если бы бунтовщики порѣшили его воеводшу, а онъ остался бы вдовцомъ. Время бурное, и все можетъ быть. Прямо онъ этого не высказывалъ, но про себя согрѣшилъ, подумалъ. И жаль воеводшу, пожалуй, и хорошо бы пожить

на своей полной волѣ. Воеводша пріѣхала совершенно неожиданно ночью, когда ее никто не ждалъ. Колымага прилетѣла къ городскимъ воротамъ на всѣхъ рысяхъ, спасаясь отъ погони. Ударили тревогу, и всполошился весь городъ. Оказалось, что колымагу остановили пять вершниковъ еще на Калмыцкомъ броду, чуть не въ виду Прокопьевскаго монастыря. Первый, кто заглянулъ въ колымагу, былъ Терешка-писчикъ. Дарья Никитична вся обмерла со страху, ожидая неминучей смерти, но Терешка ограничился только тѣмъ, что обыскалъ ее и забралъ кошелекъ да разную цѣнную рухлядь.

— Терешка, побойся ты Бога,—взмолилась воеводша.

— Это вы побойтесь теперь Бога-то, а мы достаточно Его боялись,—съ холопскою наглостью отвѣтилъ Терешка.—Поклончикъ воеводѣ... Скоро увидимся, и то я уже соскучился.

Изъ другихъ вершниковъ напугалъ воеводшу рослый молодой дѣтина въ бараньей шапкѣ съ краснымъ верхомъ. Онъ, видимо, былъ за начальника. Заглянувъ въ кибитку, молодецъ схватилъ уже воеводшу за руку, но Терешка его остановилъ:

— Оставь, Тимошка... Старуха добрая, и воевода по ней соскучился. Пусть порадуется, что старушка благополучно доѣхала.

По всѣмъ примѣтамъ, это былъ Тимошка Бѣлоусъ, тотъ самый бѣломѣстный казакъ, который сидѣлъ за дубинщину въ усторожской судной избѣ и потомъ бѣжалъ. О немъ уже ходили слухи, что онъ пристадъ къ мятежникамъ и даже „атаманитъ“.

— Посмѣялись они надъ нелюбимою женою,—жаловалась воеводша.—Ну, да Богъ ихъ проститъ... Чужой человѣкъ и обидитъ, такъ не обидно, а та обида, которая въ своемъ дому.

Воеводша встрѣтилась съ мужемъ какъ и слѣдуетъ женѣ: вида никакого не подала, что сердится или обижена. Воевода порядкомъ струхнулъ и немного совѣстился. Оба вмѣстѣ думали одно и то же: напущена бѣда со стороны. Старуха обошла свои покои вмѣстѣ съ игуменомъ Моисеемъ и попросила окропить ихъ святою водою, чтобъ и духу отъ недавней нечести не осталось. А потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, стала разсказывать привезенныя новости. Воровскіе люди уже завладѣли Баламутскимъ заводомъ, контору сожгли вмѣстѣ со всѣми бумагами, господскій домъ разграбили, а на фабрикѣ стали лить чугунныя ядра да пушки. На мѣдномъ рудникѣ затопили всѣ шахты и освободили колодниковъ, а приказчиковъ перебили. Народъ ходитъ пьяный. Приставовъ и уставщиковъ перевязали и мучатъ всякими муками.

— Похваляются Прокопьевскій монастырь взять, — разсказывала воеводша, покачивая головой.—На монастырскую казну зарятся... А потомъ, говорятъ, и Усторожью не сдобровать.

— А про дьячка Ареву не слыхать?—полюбопытствовалъ Гарусовъ.

— Какъ же, пали слухи и про него... Онъ теперь у нихъ въ чести и подметныя письма пишетъ. Какъ-то прибѣгала въ обитель дьячиха-то и рѣкой разливалась... Убивается старуха вотъ какъ. Охоньку въ затворъ посадили... Косу ей первымъ дѣломъ мать Досиѳея обрѣзала. Безъ косы-то ужъ ей дѣваться будетъ некуда. Ночью ее привезли, и никто не знаетъ. Охъ, срамота и говорить-то... Въ первый же день хотѣла она удавиться, ну, изъ петли вынули, а потомъ стала голодомъ себя морить. Насильно теперь кормятъ... Оборотень какой-то, а не дѣвка.

VII.

Въ Прокопьевскомъ монастырѣ въ концѣ 1773 г. скопилась масса народа, сбѣжавшагося сюда со всей Яровой и ордынской линіи. Другіе пока пристроились въ Служней слободѣ, потому что монастырскихъ помѣщеній не хватало. А время было зимнее, холодное, и всѣмъ нужно было тепло. Сначала келарь Пафнутій принималъ всѣхъ безъ разбора, а потомъ пришлось отказывать. Хлѣбная и квасоварня и часть иноческихъ келій отошли подъ пришлый народъ, а сами благоувѣтливые старцы сбились въ общей братской трапезѣ. Келарь Пафнутій постоянно чесалъ затылокъ, когда встрѣчалось какое-нибудь затрудненіе. Бѣда все близилась. Дороги къ Усторожью, въ „орду“ и на заводы были захвачены мятежниками. Бѣглецы являлись въ монастырь въ самомъ жалкомъ видѣ и разсказывали ужасы. Взбунтовались заводскіе рабочіе, башкиры, монастырскіе крестьяне, и всѣ сбивались въ одну шайку, чтобъ итти на Прокопьевскій монастырь.

— Въ Башкири свой атаманъ объявился,—разсказывали бѣглецы.—Изъ тептярей онъ, Салаватъ Юлаевъ... Съ нимъ великое множество конниковъ. Все грабятъ, жгутъ, зорятъ...

Но Башкирь была не страшна, потому что она хозяйничала въ своихъ горахъ и по ту сторону Урала, куда наступали пугачовскія скопища, пролагая себѣ кровавый путь. Страшнѣе былъ новый пугачовскій атаманъ Тимошка Бѣлоусъ, который грозился разнести Прокопьевскій монастырь по кирпичику. Онъ прославился еще въ монастырскую дубинщину, и за нимъ свои крестьяне шли толпами. Разсказывали, что при Бѣлоусѣ главнымъ совѣтникомъ состоитъ слѣпецъ Брехунъ, томившійся съ нимъ вмѣстѣ въ усторожской тюрьмѣ, а писчиками Терешка и дьячокъ Ареѳа. Послѣднее смущало монастырскую братію больше всего. Какъ это могло случиться, чтобы смирный дьячокъ пошелъ на такое богопротивное дѣло? Монастырская братія негодовала, и защищалъ Ареѳу только одинъ инокъ Гермогенъ.

— Не своею волей Ареѳа подметныя письма пишетъ,—говорилъ онъ.—Застращали его, ну, онъ и впалъ въ малодушіе. Живъ смерти боится...

— Въ животѣ и смерти одинъ Господь воленъ...

— Хорошо такъ-то говорить, сидя за стѣной. Я-то ужъ хорошо знаю Ареѳу. Не таковскій человѣкъ, чтобы на зло, а такъ уже судьба выдалась злосчастная... Напринимался онъ муки и въ Усторожьѣ и у Гарусова.

— На одной цѣпи у Полуехта Степаныча сидѣлъ съ Бѣлоусомъ: вотъ и сосватались въ тюрьмѣ. Не покрывай Ареѳу, Гермогенъ, не гоже... Изъ пушки его мало застрѣлить за его воровство.

О Бѣлоусѣ было извѣстно все. Ходилъ онъ въ бѣломъ полушубкѣ изъ домашней овчины съ перевязью изъ полотенца черезъ лѣвое плечо; на головѣ казачья шапка съ краснымъ верхомъ. За нимъ вели двухъ гнѣдыхъ иноходцевъ, на которыхъ онъ выѣзжалъ. Ничего не пилъ Бѣлоусъ, не льстился на бабъ и дѣвокъ и держалъ себя очень сурово, особенно ежели „встрѣча“ случалась. Первымъ летѣлъ Бѣлоусъ въ огонь и съ плѣнными расправлялся коротко. Повѣсить—и весь сказъ. Всѣ это знали и всѣ боялись грознаго атамана. Мало съ кѣмъ онъ разговаривалъ, кромѣ слѣпого Брехуна, подучивавшаго атамана на какое-нибудь воровство. Главная шайка сбилась еще подъ Баламутскимъ заводомъ и теперь катилась къ монастырю, какъ комъ снѣга. Къ ней пристала почти поголовно вся бывшая монастырская вотчина. Бѣлоусъ сдѣлалъ главную стоянку въ Черномъ-Яру, повыше монастыря верстъ

на тридцать. Высокое было мѣсто, усторожливое и для шайки самое способное.

Разсказывали, что Бѣлоусъ не одинъ разъ наѣзжалъ въ Служнюю слободу для какихъ-то тайныхъ переговоровъ со своими единомышленниками, и что будто его лошадь видѣли привязанной у задворковъ попа Мирона. Послѣднее уже было совсѣмъ несообразно. Политика Бѣлоуса, впрочемъ, была понятна. Ему хотѣлось переманить на свою сторону Служнюю слободу и подъ ея прикрытіемъ начать осаду монастыря. Первымъ догадался объ этомъ инокъ Гермогенъ и нарочито отправился къ попу Мирону, чтобы выпытать у него, какъ и что. Сумраченъ вернулся Гермогенъ въ монастырь и сказалъ только одному Пафнутію, что дѣло скверно.

— Плохая надежда на Служнюю слободу, отецъ келарь,—говорилъ онъ.— Смущаетъ мужиковъ Бѣлоусъ, а попъ Миронъ древоголовъ вельми...

— А что онъ говоритъ?

— Вотъ то-то и дѣло, что отмалчивается попъ Миронъ не къ добру. Не чисто дѣло, отецъ келарь... Только и Бѣлоусъ ничего не возьметъ: крѣпокъ монастырь, а за насъ предстательство преподобнаго Прокопія.

Больнымъ мѣстомъ готовившейся осады была Дивья обитель, вѣрнѣе сказать—сидѣвшая въ затворѣ княжиха, въ иночествѣ Фоина. Самъ игуменъ Моисей не посмѣлъ ее тронуть, а безъ нея и сестры не пойдутъ. Мать Досиѳея наотрѣзъ отказалась: отъ своей смерти, слышь, никуда не уйдешь, а Господь и не это терпѣлъ отъ разбойниковъ. О томившейся въ затворѣ Охонѣ зналъ одинъ черный попъ Пафнутій, а сестры не знали, потому что привезена она была тайно и сдана на поруки самой Досиѳеѣ. Инокъ Гермогенъ тоже ничего не подозрѣвалъ.

— Обитель захватятъ воры прежде всего,—говорилъ Гермогенъ, разсматривая съ башни позицію.—Ловкое мѣсто, чтобы нашъ монастырь осаждать... Сжечь бы ее надо было.

— Указу нѣтъ относительно затвора, ничего не подѣлаешь,—повторялъ Пафнутій съ сокрушеніемъ.—Связала насъ княжиха по рукамъ и по ногамъ, а то всѣхъ сестеръ перевели бы къ себѣ въ монастырь. Заодно отсиживаться-то...

Въ большой тревогѣ встрѣтила монастырская братія Рождество, потому что на праздникахъ ждали наступленія шайки Бѣлоуса, о которой имѣли точныя свѣдѣнія черезъ переметчиковъ. Атаманъ готовился къ походу и только поджидалъ пушекъ съ Баламутскаго завода.

Такъ прошли первые дни праздника. Тихо было въ Служней слободѣ, какъ въ будень день. Никому праздникъ на умъ не шелъ. Бѣлоусовскіе воры начали появляться въ Служней слободѣ среди бѣлаго дня, подъѣзжали къ самымъ монастырскимъ стѣнамъ и кричали:

— Эй, вы, вороны, сдавайтесь батюшкѣ Петру Ѳедорычу! А то силой возьмемъ: хуже будетъ. Игуменъ бѣжалъ, а вамъ нечего больше ждать... На чужомъ мѣстѣ сидите!

Мятежники пускали въ монастырь стрѣлы съ подметными письмами, въ которыхъ ругали игумена Моисея. Иноки отписывались и называли мятежниковъ ворами.

„Какой у васъ Петръ Ѳедорычъ? — писалъ имъ отписку келарь Пафнутій.—Царь Петръ III помре Божіею милостью уже тому время дванадесять лѣтъ... А вы, воры и разбойники, поднимаете дерзновенную руку противъ Ея Императорскаго Величества и наслѣдія преподобнаго Прокопія, иже о Христѣ юродиваго. Сгинете, проклятые нечестивцы, яко смрадъ, а мы васъ не боимся.

Въ остервенѣніи злобы и огнепальной ярости забыли вы, всескверные, страхъ Божій, а сѣкира уже лежитъ у корня смоковницы... Тако будетъ, яко во дни нечестиваго Ахава. Буди...“

Монахи боялись за Крещенье, когда изъ монастыря совершался церковный ходъ на Іордань, устраиваемую на Яровой. Но и Крещенье прошло благополучно, хотя Гермогенъ и просидѣлъ все время на колокольнѣ, чтобы вò-время подать знакъ. Врагъ появился только на третій день Крещенья. Погода была тихая, и въ воздухѣ крутился легкій снѣжокъ. Передовые конники показались съ нагорной стороны, и монастырскій колоколъ ударилъ набатъ. Поднялись всѣ на ноги. Монахи разставлены были впередъ по убойнымъ мѣстамъ, у пушекъ, и на бойницахъ. Распоряжался всѣмъ инокъ Гермогенъ, рыжіе волосы котораго мелькали вездѣ. Простой народъ высыпалъ тоже на стѣны. Бабы причитали и плакали. А гроза все надвигалась... За передовыми конниками показалась густая ватага, которую велъ самъ Бѣлоусъ. За ней везли на саняхъ тяжелыя пушки и всякій воинскій припасъ, а тамъ вдали шла несмѣтная пѣшая толпа, вооруженная чѣмъ попало. Съ колокольни видно было дорогу верстъ на пять, и вся она была усыпана мятежниками, двигавшимися одною живою черною лентой, точно муравьище. Келарь Пафнутій долго смотрѣлъ на эту картину и упалъ духомъ. Кабы еще игуменъ былъ, такъ все же легче.

— И безъ игумена управимся, — утѣшалъ его Гермогенъ. — Онъ намъ изъ Усторожья подмогу приведетъ.

Какъ предполагалъ Гермогенъ, такъ и случилось. Мятежники первымъ дѣломъ заняли Дивью обитель, а потомъ остановились. Служняя слобода находилась въ страшномъ волненіи, но къ монастырю никто и не думалъ итти. Между слобожанами и атаманомъ велись какіе-то переговоры, а потомъ на деревянной церкви въ Служней слободѣ раздался трезвонъ, и показался церковный ходъ съ попомъ Мирономъ во главѣ. Инокъ Гермогенъ такъ и замеръ и даже протеръ себѣ глаза,—не во снѣ ли все это дѣлается. Нѣтъ, колокола радостно гудѣли, и Бѣлоусъ былъ встрѣченъ честь честью, какъ воевода. Къ его шайкѣ примкнула вся слобода: куда попъ, туда и приходъ. А потомъ началось веселье. Всѣхъ слобожанъ остригли въ кружокъ, на казацкій ладъ. При занятіи Дивьей обители оказали сопротивленіе только профосы и сержантъ Сарычевъ, стороживній княжиху въ затворѣ. Казаки двухъ профосовъ изрубили, а всѣхъ остальныхъ забрали живьемъ. Бѣлоусъ самъ вошелъ въ затворъ, гдѣ неисходно томилась именитая узница.

— Батюшка-царь Петръ Ѳедорычъ жалуетъ тебя волей,—заявилъ онъ.— По злобѣ ты засажена была сюда...

Узница отнеслась къ своей волѣ совершенно равнодушно и даже точно не поняла, что̀ ей говорилъ атаманъ. Это была среднихъ лѣтъ женщина съ преждевременно сѣдыми волосами и точно выцвѣтшимъ отъ долгаго сидѣнья въ затворѣ лицомъ. Живыми оставались одни глаза, большіе, темные, сердитые... Сообразивъ что-то, узница отвѣтила съ гордостью:

— Я хочу, чтобы самъ царь меня пожаловалъ, а не псарь.

Она даже засмѣялась такимъ нехорошимъ смѣхомъ. Вскипѣлъ Бѣлоусъ, но оглянулся и обомлѣлъ. Въ углу, покрытая иноческимъ куколемъ, стояла съ опущенными глазами Охоня... Дрогнуло атаманское сердце, и не повѣрилъ онъ своимъ глазамъ.

— Ты... ты кто такая будешь? — тихо спросилъ онъ.

— А все та же... была отецкая дочь...

Ударилъ себя въ грудь атаманъ, и глаза его сверкнули, а потомъ засто-

налъ онъ, зашатался и упалъ на скамью. Во-время прибѣжалъ за нимъ слѣпецъ Брехунъ съ поводыремъ и вывелъ атамана изъ затвора.

— Не время теперь дѣвокъ разглядывать,—ворчалъ онъ.—Была Охоня, да на воеводскомъ дворѣ вся вышла.

Кинулся-было Бѣлоусъ назадъ въ затворъ, да Брехунъ повисъ у него на рукѣ и оттащилъ. Онять застоналъ атаманъ, но стыдно ему сдѣлалось своихъ, а обитель кишѣла народомъ. А Охоня стояла на томъ же мѣстѣ, точно застыла. Ахъ, лучше бы атаманъ убилъ ее тутъ же, чѣмъ принимать позоръ. Брехунъ въ это время успѣлъ распорядиться, чтобы къ затвору приставить своихъ и беречь затворницъ накрѣпко.

Игуменья Досиѳея была найдена въ своей кельѣ на слѣдующее утро мертвой, и осталось неизвѣстнымъ, была ли она задушена разбойниками или кончилась своею смертью.

Тихое обительское житье смѣнилось гуломъ военнаго стойбища. Сестеръ выдворили въ Служнюю слободу, а всѣ обительскія зданія были заняты воинскими людями. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ ветхая обительская стѣна правилась заново. Ставили новые срубы, забивали ихъ землей и на такихъ бастіонахъ поднимали привезенныя пушки. Отсюда Прокопьевскій монастырь былъ точно на ладони. Работами распоряжались особые пушкари изъ взятыхъ въ плѣнъ солдатъ. Квартира атамана была устроена въ обительской келарнѣ, гдѣ стояла громадная теплая печь. Сюда принесли и сундукъ съ обительскою казною, которой налицо оказалось очень немного: бѣдная была обитель. Всѣмъ распоряжался самъ Бѣлоусъ, ходившій, какъ пьяный. За нимъ ходилъ дьячокъ Ареѳа и наговаривалъ:

— Пусти меня, атаманъ...

— Куда тебя пустить?

— А къ дьячихѣ. До смерти стосковался по своемъ доминкѣ.

— Ну, ступай, чортъ съ тобой, да только не сбѣги у меня, а то...

— Теперь уже мнѣ некуда бѣжать. Будетъ... Мнѣ бы только дьячиху повидать, а тутъ помирать такъ въ ту же пору.

Побѣжалъ Ареѳа къ себѣ въ Служнюю слободу, а самъ ногъ подъ собой не слышитъ. Это ужъ было подъ вечеръ. Зимній день коротокъ,—не успѣли мигнуть, а его ужъ нѣтъ. На полдорогѣ дьячокъ остановился перевести духъ. Служняя слобода такъ и гудѣла, какъ шмелиное гнѣздо, въ Дивьей обители ярко пылали костры на работахъ, поставленныхъ въ ночь, а въ Прокопьевскомъ монастырѣ было тихо-тихо, какъ въ могилѣ. Нѣсколько огоньковъ едва теплилось только на сторожевыхъ башняхъ. Смущеніе напало на Ареѳу при видѣ монастырскихъ стѣнъ. Ахъ, неладно... Но что онъ можетъ сдѣлать, маленькій человѣкъ? Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ государь Петръ Ѳедоровичъ есть, а можетъ, и нѣтъ. Вонъ попъ Миронъ соблазнился... Простъ онъ, Миронъ-то, хоть и попъ, а между прочимъ, никому ничего не извѣстно.

Дьячиха встрѣтила Ареѳу довольно сурово. Она была занята своею бабьею стряпнею, благо было кому теперь продавать и калачи и квасъ. Почище ярмарки дѣло выходило.

— Здравствуй, Домна Степановна.

— Здравствуй, Ареѳа Кузьмичъ... Каково тебя Богъ носитъ? Забылъ ты насъ совсѣмъ... Спасибо, что хоть кобылу прислалъ.

— А гдѣ Охоня?

Дьячиха ничего не отвѣтила, а только сердито застучала своими ухватами. Въ избу то и дѣло приходили казаки за хлѣбомъ. Некогда было дьячихѣ бобы разводить. Присѣлъ Ареѳа къ столу, поснѣдалъ домашнихъ щецъ и проговорилъ:

— Трудненько будетъ, Домна Степановна... Въ Дивьей обители атаманъ пушки ставитъ, а завтра изъ пушекъ по монастырю палить будетъ.

— И въ монастырѣ тоже пушки налажены... Только, сказываютъ, бонбы-то верхомъ пролетятъ надъ Служнею слободой. Я и то бѣгала къ попу Мирону... У него Терешка-писчикъ изъ Усторожья сидѣлъ, такъ онъ сказывалъ. Дожили мы съ тобой, Аре0а Кузьмичъ, до самаго нельзя, что ни взадъ ни впередъ...

— Ничего, не бойся: маленькіе мы люди, съ насъ и отвѣтъ не великъ.

Опять обошелъ все хозяйство Аре0а и подивился: все въ исправности у Домны Степановны и всего напасено вдоволь. Не покладаючи рукъ работала старуха. Цѣлую ночь провелъ Аре0а дома и все разсказывалъ женѣ про свои злоключенія, а дьячиха охала, ахала и тихо плакала. Жаль ей стало бѣднаго дьячка до смерти, да и разсказывалъ онъ ужъ очень жалобно. Въ свою очередь она разсказывала, какъ бѣжалъ игуменъ изъ монастыря, и какъ чередился монастырь уже послѣ него, какъ всѣмъ руководствуетъ Гермогенъ, какъ увезли воеводшу изъ Дивьей обители, какъ бѣжала Охоня и какъ ухватилъ ее нечестивый Ахавъ-воевода. Ѣздила дьячиха въ Усторожье, только пристава ее не допустили къ дочери. Напринималась она сраму и воротилась ни съ чѣмъ. Потомъ пали слухи, что Охоню бѣглый игуменъ Моисей своими руками схватилъ въ воеводскомъ домѣ и сослалъ невѣдомо куда. Теперь ужъ Аре0а слушалъ и плакалъ.

— Забылъ, видно, насъ преподобный Прокопій,—повторялъ дьячокъ.— Ни въ живыхъ ни въ мертвыхъ живемъ.

И дома Аре0ѣ не довелось отдохнуть порядкомъ. Дьячиха поднялась съ пѣтухами, чтобы не упустить квашню, а дьячокъ спалъ на своихъ полатяхъ. Только стало свѣтать, какъ съ монастырской колокольни грянула вѣстовая пушка. Инокъ Гермогенъ самъ навелъ ее на мятежный станъ и выпалилъ. Ждать было нечего. Всю ночь около стѣнъ рыскали воровскіе люди и всячески пробовали подняться, но напрасно. Со стѣнъ ихъ обливали горячею водой и варили варомъ. А утромъ видно было, какъ зашевелилась вся Дивья обитель. Конники выстроились, а на бастіонахъ чередились пушки. Инокъ Гермогенъ не могъ перенести этого зрѣлища и выпалилъ. Легкое трехфунтовое ядро ударилось въ Яровую и застряло въ снѣгу. На выстрѣлъ всполошилась вся Служняя слобода. Немного погодя грянула первая пушка изъ Дивьей обители, и тяжелое чугунное ядро впилось въ каменную монастырскую стѣну.

Это было началомъ, а потомъ пошла стрѣльба на цѣлый день. Въ виду энергичной обороны, скопище мятежниковъ не смѣло подступать къ монастырскимъ стѣнамъ совсѣмъ близко, а пускали стрѣлы изъ-за построекъ Служней слободы и отсюда же палили изъ ружей. При каждомъ пушечномъ выстрѣлѣ дьячокъ Аре0а закрывалъ глаза и крестился. Когда онъ пришелъ въ Дивью обитель, Брехунъ его прогналъ.

— Ступай къ своей дьячихѣ, а намъ и безъ тебя хлопотъ достаточно...

Къ дьячихѣ, такъ къ дьячихѣ. Аре0а не спорилъ. Только когда онъ проходилъ по улицѣ Служней слободы, то чуть не былъ убитъ картечиной. Ватага пьяныхъ мужиковъ бросилась съ разнымъ дрекольемъ къ монастырскимъ воротамъ и была встрѣчена картечью. Человѣкъ пять оказалось убитыхъ, а въ томъ числѣ чуть не пострадалъ и Аре0а. Всѣ видѣли, что стрѣлялъ инокъ Гермогенъ, и озлобленіе противъ него росло съ каждымъ часомъ.

VIII.

Осада монастыря затянулась. Бѣлоусъ, повидимому, разсчитывалъ на переметчиковъ, которые отворятъ мятежникамъ монастырскія ворота. Но изъ этого ничего не вышло, потому что Гермогенъ ни днемъ ни ночью не зналъ отдыха и вездѣ слѣдилъ самъ. Переметчики были переловлены и посажены въ тюрьму. Монашеская братія заразилась энергіей Гермогена и мужественно вела оборону. Приводилъ всѣхъ въ отчаяніе одинъ келарь Пафнутій, который сидѣлъ на запорѣ у себя въ кельѣ и не внималъ никакимъ увѣщаніямъ. Когда начиналась пушечная пальба, онъ закрывалъ голову шубой и такъ лежалъ по нѣсколько часовъ. Это былъ какой-то паническій страхъ.

— Охъ, смертынька моя пришла!—бормоталъ старикъ, когда кто-нибудь изъ иноковъ старался его ободрить.—Конецъ мой... тошнехонько...

Даже Гермогенъ ничего не могъ подѣлать.

Когда наступила очередная служба въ соборѣ, Пафнутій долго не рѣшался перебѣжать изъ своей кельи до церкви. Выходило даже смѣшно, когда этотъ тучный старикъ, подобравъ полы монашеской рясы, жалкою трусцой сѣменилъ черезъ дворъ. Онъ вздыхалъ свободнѣе, только добравшись до церкви. Инокъ Гермогенъ сердился на старика за его постыдную трусость.

— А ежели меня вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ убьютъ?—упавшимъ голосомъ объяснялъ сконфуженный старикъ.

— Гдѣ это?

— А на дворѣ... Мнѣ это покойная мать Досиѳея объяснила. Прозорливица была и очень жалѣла меня...

— А тебѣ мать Досиѳея не сказывала, какой санъ ты носишь и какой примѣръ другимъ долженъ подавать?.. Монахъ отъ міра отрекся, чего же ему смерти бояться?.. Только мірянъ смущаешь да смѣшишь, отецъ келарь.

Инокъ Гермогенъ не спалъ сряду нѣсколько ночей и чувствовалъ себя очень бодро. Только и отдыху было, что прислонится гдѣ-нибудь къ стѣнѣ и, сидя, вздремнетъ. Никто не зналъ, что безпокоило молодого инока, а онъ мучился про себя, и сильно мучился, вспоминая раненыхъ и убитыхъ мятежниковъ. Конечно, они въ ослѣпленіи злобы бросались на монастырь, не отъ ума, а все-таки большой отвѣтъ за нихъ придется дать Богу. Напрасная христіанская кровь проливается...

Было уже нѣсколько большихъ приступовъ, отбитыхъ съ урономъ у той и другой стороны. Доставалось больше всего мятежникамъ. Въ монастырѣ первымъ былъ убитъ молоденькій монашекъ Анѳимъ. Смирный такой былъ. Пришелъ въ монастырь незадолго до осады и, несмотря на молодость, пожелалъ принять иночество. По происхожденію онъ былъ изъ сибирскихъ боярскихъ дѣтей. Стоялъ онъ на стѣнѣ рядомъ съ Гермогеномъ, когда прилетѣла горячая пуля. Безъ слова повалился Анѳимъ прямо на руки Гермогену, точно подкошенный. Снесъ его Гермогенъ на рукахъ со стѣны и положилъ на снѣгъ. И сколь же хорошъ былъ молоденькій монашекъ, когда лежалъ на снѣгу мертвый! Лицо какое-то дѣвичье, льняные длинные волосы, на головѣ черная монашеская шапочка, весь такой строгій, какъ воинъ Христовъ, и вмѣстѣ кроткій, какъ агнецъ. Горько плакалъ инокъ Гермогенъ надъ усопшимъ братомъ и со слезами выкопалъ ему могилу. Вся братія плакала, когда хоронили Анѳима, и Гермогенъ больше всѣхъ. Очень ужъ хорошій и безстрашный былъ монашекъ... Кругомъ стояла густая толпа запершагося въ монастырѣ народа и тоже плакала надъ раннею могилкою раба Божія Анѳима. Это была первая кровь, пролитая на брани.

— Вотъ, учись, какъ умирать надо,—замѣтилъ Гермогенъ плакавшему келарю Пафнутію.—Ты—старикъ, а боишься...

Немало огорчало инока Гермогена и то, что большинство обвиняло именно его въ пролитіи крови. Подъѣзжавшіе къ стѣнамъ мятежники такъ и кричали:

— Эй, Гермогенъ, побойся Бога, не проливай напрасной крови... Келарь Пафнутій давно бы сдалъ намъ монастырь и братія тоже, а ты одинъ упорствуешь. На твою голову падетъ кровь на брани убіенныхъ. Богъ-то все видитъ, какъ ты изъ пушекъ палишь. Волкъ ты, а не инокъ.

Въ отвѣтъ на это съ монастырской стѣны сыпалась картечь и летѣли чугунныя ядра. Не зналъ страха Гермогенъ и молча дѣлалъ свое дѣло. Но случилось и ему испугаться. Задрожали у инока руки и ноги, а въ глазахъ пошли красные круги. Выѣхалъ какъ-то подъ стѣну монастырскую самъ Бѣлоусъ на своемъ гнѣдомъ иноходцѣ и какимъ-то узелкомъ надъ головой помахиваетъ. Навелъ на него пушку Гермогенъ, грянулъ выстрѣлъ — трое убито, а Бѣлоусъ все своимъ узелкомъ машетъ.

— Эй, Гермогенъ, принимай гостинецъ, — кричалъ Бѣлоусъ. — Спасибо скажешь, святая душа!

Выискался бойкій башкирятинъ, подскакалъ къ самой стѣнѣ и бросилъ на пикѣ узелокъ прямо къ ногамъ Гермогена. Всѣ столпились вокругъ атаманскаго подарка. Почуялъ бѣду Гермогенъ, поднимая узелокъ. Мягкое что-то завернуто въ тряпицѣ, а сверху привязана записка: „Иноку Гермогену отъ атамана Бѣлоуса“. Развернулъ Гермогенъ узелокъ, а изъ него, какъ змѣя, выползла черная дѣвичья коса. Побѣлѣлъ инокъ, какъ полотно, и зашатался: онъ сразу узналъ Охонину косу. И стыдно ему стало, и страшно, и обидно. Да, горько посмѣялся вольный атаманъ надъ смиреннымъ инокомъ. Поднята эта отрѣзанная дѣвичья коса старое мірское горе, похороненное подъ монашескою рясою. Долго стоялъ Гермогенъ на одномъ мѣстѣ и ничего не видѣлъ и не слышалъ, что дѣлалось кругомъ.

Кто-то изъ приспѣшниковъ уже донесъ келарю Пафнутію о случившемся поруганіи всей монашествующей братіи, и старикъ, перемогая страхъ, самъ отправился на стѣну, чтобы уговорить Гермогена.

— Не Бѣлоусъ отрѣзалъ косу Охонѣ, а мать Досиѳея, — разсказывалъ онъ.—Затаилъ я это самое дѣло, чтобы напрасно не тревожить тебя... Ты тутъ ни при чемъ. Это писчикъ Терешка да слѣпецъ Брехунъ подучили атамана. Ихнее это дѣло.

— А гдѣ же Охоня?—тихо спросилъ Гермогенъ, не поднимая глазъ.

— Была въ Дивьей обители на затворѣ, а сейчасъ невѣдомо гдѣ.

Больше ни одного слова не проронилъ инокъ Гермогенъ, а только весь вытянулся, какъ покойникъ. Узелокъ онъ унесъ съ собой въ келью и тутъ выплакалъ свое горе надъ поруганной дѣвичьей красой. Долго онъ плакалъ надъ ней, цѣловалъ, а потомъ ночью тайно вырылъ могилу и похоронилъ въ ней свое послѣднее мірское горе. Больше у него ничего не оставалось.

Опять гудѣли монастырскія пушки, и посыпались чугунные гостинцы на Дивью обитель. Мѣтко стрѣлялъ Гермогенъ и сбилъ двѣ пушки у Бѣлоуса.

— Это поминки по Охонѣ, — смѣялся Брехунъ, подружившійся съ Терешкой-писчикомъ.—Не поглянулся Гермогену нашъ-то подарокъ... А Бѣлоусъ ходитъ темнѣе ночи.

— Видѣлъ онъ Охоню вдругорядь, аль нѣтъ?

— И близко не подходитъ къ затвору... Ну, пусть погорюетъ, а Охони все-таки не воротить. Уѣла добра молодца дивья красота.

— И не говоритъ ничего про нее?

— Ни-ни. Теперь и Ареоу на глаза къ себя не пущаетъ, а тотъ и радъ. У дьячихи своей жируетъ...

Атаманъ не подавалъ и виду, что его заботитъ присутствіе Охони. Да и некогда ему было пустяками заниматься. Осада монастыря затянулась, а тутъ, того и гляди, подоспѣетъ помощь изъ Усторожья. Всего два дня перехода до монастыря. Сердился Бѣлоусъ на свое сборное войско, которое могло только грабить беззащитныхъ, а когда привелось настоящее дѣло дѣлать, такъ и нѣтъ никого. Мужики-слобожане тоже были не свычны настоящему ратному дѣлу. Шумятъ, галдятъ, р[illegible]ками машутъ, мы да мы, а какъ пошли на приступъ—нѣтъ ихъ. Пошлетъ Гермогенъ по мятежникамъ нѣсколько зарядовъ картечи и всѣхъ точно метлой вымететъ. И перебито народу до сотни человѣкъ совсѣмъ напрасно. Бѣлоусъ чувствовалъ, какъ начало колебаться къ нему довѣріе всей этой толпы, набранной съ бору да съ сосенки. Нужно было торопиться. Гонцы съ оренбургской стороны привозили другія вѣсти: сдавались самыя крѣпкія станицы, и батюшка Петръ Ѳедорычъ шелъ уже тою стороною Урала.

— Надо будетъ изъ-за возовъ съ сѣномъ добывать монастырь,—совѣтовалъ Брехунъ. — Лучше этого нѣтъ средствія... Къ самымъ стѣнамъ подкатимъ воза.

Конечно, Бѣлоусъ зналъ это испытанное средство, но приберегалъ его до послѣдняго момента. Онъ придумалъ съ Терешкой другую штуку: пустить попа Мирона съ крестнымъ ходомъ подъ монастырь,—по иконамъ Гермогенъ не посмѣетъ палить, ну, тогда и брать монастырь. Задумано, сдѣлано... Но Гермогенъ повернулъ на другое. Крестнаго хода онъ не тронулъ, а пустилъ картечь на Служнюю слободу и поджегъ нѣсколько домовъ. Народъ бросилъ крестный ходъ и пустился спасать свою худобу. Остался одинъ попъ Миронъ да дьячокъ Ареѳа.

— Сдавайтесь!—кричалъ Миронъ своимъ зычнымъ голосомъ.—Можетъ, батюшка Петръ Ѳедорычъ и помилуетъ!

— Вотъ ужо придетъ къ намъ подмога изъ Усторожья, такъ ужъ тогда мы съ тобой поговоримъ, оглашенный,—отвѣчали со стѣны монахи.—Не отъ ума ты, попъ, задурилъ... Никакого батюшки Петра Ѳедорыча нѣту, а есть только воры и измѣнщики. И тебѣ, Ареѳа, достанется на орѣхи за твое воровство.

— Я не своею волею, братіе,—смиренно оправдывался Ареѳа.

Такъ выдумка и не удалась, а половины Служней слободы какъ не бывало. Мужики-слобожане во всемъ завиняли неистоваго инока Гермогена, который недавно еще съ ними вмѣстѣ пилъ и ѣлъ, а тутъ не пожалѣлъ роднаго гнѣзда. Выискались охотники, которые выслѣживали Гермогена, когда онъ показывался на стѣнѣ, и стрѣляли по немъ, но инокъ точно былъ заколдованъ.

— Изморомъ возьмемъ это воронье гнѣздо,—грозился Брехунъ.—Народу заперлось много въ монастырѣ, съѣдятъ весь запасъ, тогда сами выйдутъ къ намъ.

Бѣлоусъ не вѣрилъ этому. Крѣпокъ монастырь, а тутъ какъ разъ подоспѣетъ помощь изъ Усторожья. Онъ какъ-то вдругъ опустился и началъ крѣпко задумываться. Сидитъ у себя и молчитъ. Ахъ, сколько передумала эта буйная казацкая головушка!.. Думала и передумывала, а сердце такъ огнемъ и горитъ. То злоба его охватитъ къ Охонѣ, — своими руками задавилъ бы змѣю подколодную,—то жалость такая схватитъ прямо за сердце, что самъ

бы задавился. Жизни своей постылой не радъ атаманъ, а Охоню увидать боится пуще того. Что онъ ей скажетъ, какъ она ему въ глаза посмотритъ? Ахъ, нѣтъ, лучше и не думать, а тоска, какъ змѣя лютая, сердце сосетъ... И день и ночь думаетъ атаманъ про Охоню и про свою несчастную судьбу. Мало ли дѣвушекъ по казачьимъ станицамъ, мало ли красныхъ по уметамъ, да милой нѣтъ... А вотъ пришла отецкая дочь и заворожила горячее казацкое сердце. Близко пришлась степная красавица, а оторвать ее невозможно. Силы нѣтъ... А тутъ еще люди нашептываютъ. Слышалъ какъ-то атаманъ, какъ Брехунъ и Терешка переговаривались между собой про Охоню, какъ она сперва Гермогена подманивала, а потомъ къ воеводѣ сбѣжала. Своею волею ушла... Цѣловалась и миловалась съ старымъ да корявымъ, а про казацкую голову позабыла. Мягко спала, сладко ѣла-пила, красно одѣвалась и честь свою дѣвичью на воеводскомъ дворѣ оставила. Какъ вспомнитъ атаманъ про воеводу, такъ его точно кто ножомъ въ самое сердце ударитъ. Схватится онъ за волосы и застонетъ... И себя и его погубила Охоня, а взять не съ кого. Закроетъ глаза атаманъ и все видитъ, какъ старый воевода голубитъ его Охоню. Вскочитъ онъ, какъ бѣшеный, метнется по комнатѣ и себя не помнитъ. Не воротить Охони, не переломить молодецкаго сердца, не износить мертваго горя. Нѣсколько разъ ночью атаманъ подходилъ къ затвору, брался за дверную скобу—и уходилъ ни съ чѣмъ: не хватало его силы.

Пока думалъ да передумывалъ атаманъ свое горе, изъ Усторожья прилетѣлъ гонецъ: идутъ къ Усторожью рейтарскіе полки, а денъ черезъ пять и подъ монастыремъ будутъ. Вскинулся атаманъ, закипѣлъ и сейчасъ же назначилъ приступъ съ возами. Надо было добывать монастырь теперь же, не медля, пока помощь не подоспѣла. Загудѣла опять Дивья обитель. Теперь снимали пушки и перевозили ихъ въ Служнюю слободу, противъ главныхъ монастырскихъ воротъ. Сѣно было заготовлено раньше. Главный приступъ былъ назначенъ ночью, чтобы застать монаховъ врасплохъ. Умаялся двухнедѣльною осадою Гермогенъ и бродитъ по монастырю, какъ тѣнь. Не укрылось отъ него, какъ готовили засаду воровскіе люди. Все онъ видѣлъ и все понималъ. Монастырскія пушки незамѣтно были поставлены поближе къ воротамъ, чтобы встрѣтить гостей честь-честью. Приготовлены были и пищали, и ружья, и сабли, и кампи, и горячая смола. Самъ келарь Пафнутій оставилъ свой бабій страхъ и торжественно исповѣдалъ и причастилъ всѣхъ мужчинъ, готовившихся къ бою. Неизвѣстно, кто живъ останется, а кого Богъ приберетъ.

А тутъ и ночь на дворѣ, настоящая волчья ночь, когда хоть глаза выколи—ничего не увидишь. Не спитъ монастырь. Женщины и дѣти собрались въ церкви, а мужчины у пушекъ, въ бойницахъ, на башняхъ. Снѣжокъ около ночи началъ падать, значитъ, теплѣе будетъ. Ходитъ Гермогенъ по стѣнѣ и слушаетъ. Тихо въ Служней слободѣ, только мелькаютъ огоньки, точно волчьи глаза. Слышится изрѣдка сдержанный конскій топотъ. Но вотъ грянула первая пушка, и ядро пробило монастырскія ворота. Со стѣны отвѣтила монастырская пушка, наведенная прямо на Служнюю слободу. Съ этого и началась осада. Незамѣтно въ темнотѣ подкатились воза съ сѣномъ къ самымъ стѣнамъ, а изъ-за нихъ невидимые люди стрѣляли кверху и лѣзли по лѣстницамъ на стѣны. На стѣнахъ завязалась рукопашная. Всѣ мятежники надѣли черезъ лѣвое плечо по бѣлому полотенцу и по этому знаку отличали своихъ отъ чужихъ. Въ темнотѣ слышался одинъ громкій голосъ, который посылалъ все впередъ,—это былъ самъ атаманъ. Онъ скакалъ на своей лошади подъ стѣной, а потомъ бросилъ лошадь и полѣзъ на стѣну впереди другихъ. Этого только и ждалъ Гермогенъ. Навелъ онъ всѣ пищали, и по-

сыпались съ лѣстницы убитые, а атаманскій голосъ замолкъ. Служняя слобода опять горѣла, и зарево пожара освѣщало теперь страшную картину. Мало было защитниковъ въ монастырѣ, притомились всѣ, а нѣкоторые были уже перебиты. Зато не убывалъ народъ подъ монастырской стѣной, а подходили все новыя силы. Ожесточеніе росло. Смутилась монашеская братія и другіе монастырскіе воины, но въ это время показался келарь Пафнутій съ крестомъ въ рукахъ и сталъ ободрять смутившихся. Онъ стоялъ посреди двора, и здѣсь его положило непріятельское ядро. Окончательно смутился весь народъ, но въ это время толпа мятежниковъ начала ломиться въ главныя ворота, и всѣ бросились туда. Гермогенъ самъ навелъ большую пушку, стоявшую во дворѣ, и приложилъ фитиль. Грянулъ страшный выстрѣлъ, ядро пробило ворота и пронеслось въ Служнюю слободу, оставивъ на своемъ пути до десятка убитыхъ. Прострѣленныя ядрами ворота еще держались на желѣзныхъ связяхъ, и ихъ заваливали изнутри бревнами и кирпичами.

Такъ шайка и не могла взять монастыря, несмотря на отчаянный приступъ. Начало свѣтать, когда мятежники отступили отъ стѣнъ, унося за собой раненыхъ и убитыхъ. Бѣлоусъ былъ контуженъ въ голову и замертво снесенъ въ Дивью обитель. Онъ только тамъ пришелъ въ себя и первое, что̀ узналъ, это то, что приступъ отбитъ съ большимъ урономъ.

— Надо, атаманъ, убирать по-добру по-здорову пяты, — совѣтовалъ Терешка.—Чортъ съ ними, съ монахами... Того гляди, изъ Усторожья нагрянутъ рейтары и драгуны.

— Уходи, коли боишься...

— Да я такъ...

Неудачный приступъ навелъ на всѣхъ тяжелое уныніе. Бѣлоусъ велѣлъ отступать по дорогѣ на заводы. Сначала былъ двинутъ обозъ съ запасами, за нимъ везли пушки, а послѣ всѣхъ слѣдовала пестрая толпа пѣхарей. Изъ Служней слободы многіе пристали къ шайкѣ. Въ Дивьей обители оставался одинъ атаманъ со своею казачьею сотнею. Бѣлоусъ точно еще на что-то надѣялся и все выжидалъ. Такъ прошло томительно-долгихъ три дня. Атаманъ не двигался. Казаки уже начинали роптать, попрекая его неудачнымъ походомъ. Сколько людей перебито, сколько пороху изведено, а толку на волосъ нѣтъ.

Наконецъ прилетѣлъ гонецъ съ извѣстіемъ, что три рейтарскихъ полка выступили изъ Усторожья по дорогѣ къ монастырю. Тогда атаманъ отпустилъ свою сотню, сказавъ, что догонитъ ее на дорогѣ. Съ нимъ остались только Терешка и Брехунъ.

— Атаманъ, смотри, живьемъ заберутъ...

— Пусть!..

Рейтары были уже совсѣмъ близко, у Калмыцкаго брода черезъ Яровую, когда Бѣлоусъ, наконецъ, поднялся. Онъ самъ отправился въ затворъ и вывелъ оттуда Охоню. Она покорно шла за нимъ. Терешка и Брехунъ долго смотрѣли, какъ атаманъ шелъ съ Охоней на гору, которая поднималась сейчасъ за обителью и вся поросла густымъ боромъ. Черезъ часъ атаманъ вернулся, сѣлъ на коня и уѣхалъ въ тотъ моментъ, когда Служнюю слободу съ другого конца занимали рейтары. Дивья обитель была подожжена.

Охоня была найдена зарѣзанной на горѣ, въ виду Служней слободы.

Инокъ Гермогенъ съ радостью встрѣтилъ подмогу, какъ и вся монашеская братія. Всѣхъ удивило только одно: когда инокъ Гермогенъ пошелъ въ церковь, то на паперти увидѣлъ дьячка Ареѳу, который сидѣлъ, закрывъ лицо руками, и горько плакалъ. Какъ онъ попалъ въ монастырь и когда — никто и ничего не могъ сказать. А маэоръ Мамѣевъ уже хозяйничалъ въ Служней слободѣ и первымъ дѣломъ связалъ попа Мирона.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Главная грозовая туча миновала Яровую и пронеслась по ту сторону Урала. Скопища Пугачова прошли на Казань, а по всей Яровой шла дѣятельная „разборка“. Въ Баламутскомъ заводѣ неистовствовалъ вернувшійся съ драгунами Гарусовъ, въ Прокопьевскомъ монастырѣ чинилъ судъ и расправу игуменъ Моисей и маэоръ Мамѣевъ, а въ Усторожьѣ усиленно трудился воевода Полуектъ Степанычъ. Попорченная административная машина была снова пущена въ ходъ. Собственно говоря, въ руки мѣстной администраціи попался одинъ „ровнячокъ“, та безличная масса, которая была виновата въ полномъ составѣ, а отдѣльныя лица не имѣли самостоятельнаго значенія. Отсюда выработалась и своя система наказанія — „брать десятаго“. Этого несчастнаго десятаго били кнутомъ, драли плетьми, дули батожьемъ и вообще истязали всяческими средствами добраго стараго времени.

„Головка“ бунта ушла за Уралъ, куда потянула главная масса зачинщиковъ. Игуменъ Моисей особенно жалѣлъ, что не удалось захватить такихъ важныхъ бунтарей, какъ Бѣлоусъ и Брехунъ. Они ушли цѣлы и невредимы и затерялись въ шайкѣ Пугачова. Изъ крупныхъ попались только трое: попъ Миронъ, дьячокъ Аревѳа и писчикъ Терешка. Они, какъ важные преступники, были отправлены въ Усторожье и заключены въ узилище подъ судною избою, гдѣ раньше уже сидѣлъ Аревѳа вмѣстѣ съ Бѣлоусомъ. Воевода Полуектъ Степанычъ хотя и чинилъ жестокую расправу надъ мятежниками, но дѣлалъ это только по обязанности, а самъ радъ былъ уже уйти на отдыхъ. Онъ гордился тѣмъ, что Усторожье удержалось отъ общей „шатости“ и не примкнуло къ самозванцу.

— Э, пора костямъ и на покой, — устало говорилъ воевода. — Будетъ, послужилъ... Да и своихъ грѣховъ достаточно. Пора о душѣ подумать...

Воевода даже осуждалъ игумена Моисея и Гарусова, неистовавшихъ у себя съ неослабною энергіею, возмѣщая свое позорное бѣгство на чужихъ спинахъ. Служняя слобода давно повинилась, какъ одинъ человѣкъ, „десятый“ былъ наказанъ по всей формѣ, а игуменъ все выискивалъ виноватыхъ своими домашними средствами и одолѣвалъ воеводу все новыми просьбами о наказаніяхъ.

Замирившійся край представлялъ собой печальную картину. Половина селитьбы пустовала, а оставшіеся въ цѣлыхъ жители неохотно шли на старыя пепелища, боясь розысковъ и жестокой расправы. Особенно пострадала бывшая монастырская вотчина, несшая на себѣ тройной гнетъ дубинщины, заводскаго ига и пугачовщины. Пашни оставались непаханными, крестьянское хозяйство вездѣ рушилось, и бывшіе монастырскіе людишки брели врозь. Немалымъ зломъ являлись разбойничьи шайки, бродившія за Яровой и разорявшія остатки. Это были осколки разбитыхъ скопищъ. У каждой являлся свой атаманъ, и каждая работала въ свою голову.

Для суда надъ попомъ Миропомъ, дьячкомъ Аревѳой и писчикомъ Терешкой собрались въ Усторожьѣ всѣ: и воевода Полуектъ Степанычъ, и игуменъ Моисей, и Гарусовъ, и маэоръ Мамѣевъ. Долго допрашивали виновныхъ, а Терешку даже пытали. Связали руки и ноги, продѣли оглоблю и поджаривали надъ огнемъ, какъ палятъ свиней къ празднику. Писчикъ Терешка не вынесъ этой пытки и „волею Божіею помре“, какъ сказано было въ протоколѣ допроса. Попа Мирона и дьячка Аревѳу присудили къ постриженію въ монастырь.

— Слава Богу,—проговорилъ Ареоа, перекрестившись.—Давно бы такъ-то, такъ оно бы лучше. Конечно, жаль дьячихи Домны Степановны, только на что я ей теперь? Былъ конь, да уѣзженъ.

Такимъ образомъ, все успокоилось.

Игуменъ Моисей тоже успокоился. Нѣтъ худа безъ добра: во время осады умерла игуменья Досиѳея, а потомъ и вся Дивья обитель сгорѣла. Когда на пожарище прибѣжали слободскіе мужики и хотѣли спасать изъ затвора княжиху, послѣдняя взбунтовалась въ послѣдній разъ и не захотѣла выйти. Она заперлась изнутри и сгорѣла живая. По слухамъ, она давно уже была не въ своемъ умѣ. Остался одинъ Прокопьевскій монастырь, а въ немъ засѣлъ крѣпче прежняго игуменъ Моисей. Плохо пришлось теперь монастырской братіи, изнуряемой египетскими работами и тяжелыми наказаніями. Особенно донималъ игуменъ инока Гермогена, котораго возненавидѣлъ за защиту монастыря. Доставалось и попу Мирону, въ иночествѣ Мисаилу, и дьячку Ареѳѣ, въ иночествѣ Агаѳангелу. Всѣ трое несли на себѣ игуменскую опалу съ подобающею кротостью.

Прошло нѣсколько лѣтъ.

Одряхлѣлъ воевода Полуектъ Степанычъ и просился на покой. Онъ оставался послѣднимъ воеводой, а въ другихъ городахъ были устроены уже ратуши и магистраты, и управлялись новые люди, бритоусы и табачники. Полуектъ Степанычъ совсѣмъ не понималъ новыхъ порядковъ и скорбѣлъ душой. Единственнымъ его утѣшеніемъ было съѣздить въ Прокопьевскій монастырь къ игумену Моисею. Все оно какъ будто легче на душѣ... Любилъ старикъ покалякать съ опальными иноками о недавней заворохѣ, особенно съ Агаѳангеломъ. Бывшій дьячокъ много могъ разсказать о своихъ злоключеніяхъ и всегда заканчивалъ свою скорбную повѣсть слезами о неповинно зарѣзанной Охонѣ и дьячихѣ Домнѣ Степановнѣ, переѣхавшей на житье въ Усторожье, — она торговала тамъ своими калачами и квасомъ въ обжорномъ ряду.

— Всѣ мы грѣшные люди,—повторялъ съ грустью Полуектъ Степанычъ, качая своею сѣдою головою. — А на каждомъ грѣховъ, какъ на черемухѣ цвѣту...

Агаѳангелъ иногда начиналъ заговариваться, приходилъ въ ярость, и его уводили на послушаніе въ особую келью. Старикъ повихнулся..

Игуменъ Моисей тоже начиналъ сильно задумываться. Не любъ ему сталъ свой монастырь, и задумалъ онъ небывалое, именно перенести монастырь на новое мѣсто, на Калмыцкій бродъ. Задумано—сдѣлано. Какъ ни уговаривали старика, а онъ поставилъ на своемъ. Небывалая работа закипѣла. Разбирали каменныя монастырскія стѣны и кирпичъ свозили на плотахъ по Яровой къ Калмыцкому броду. Послѣ того разобрали кельи, всѣ хозяйственныя пристройки, и только оставили до времени одинъ соборъ, стоявшій на пустырѣ. Въ одномъ мѣстѣ зорили, а въ другомъ строили. Монахи выбились изъ силъ на этой новой работѣ, а игуменъ Моисей былъ неумолимъ и успокоился только тогда, когда переѣхалъ на новое мѣсто, въ свою новую келью съ толстыми крѣпостными стѣнами, желѣзными дверями и желѣзными рѣшетками. Къ себѣ въ келью игуменъ свезъ всю монастырскую казну и дорогую церковную утварь. Иноки строили новую церковь и клали новыя стѣны, а игуменъ Моисей любовался новымъ мѣстомъ, которое не напоминало ему ни о дубинщинѣ ни о пугачовщинѣ.

Опустѣлъ Прокопьевскій монастырь, обезлюдѣла и Служняя слобода. Монастырскіе крестьяне были переселены на Калмыцкій бродъ къ новому

монастырю, а за ними потянули и остальные. Но новый монастырь строился тихо. Своихъ крестьянъ оставалось мало, да и монастырская братія порѣдѣла, а новыхъ иноковъ не прибывало. Всѣ боялись строгаго игумена и обѣгали новый монастырь.

Лѣтъ черезъ пять послѣ пугачовщины подъ Усторожьемъ показалась шайка разбойниковъ. Предводителемъ былъ старый пугачовскій атаманъ Бѣлоусъ. Воровскіе люди грабили по дорогамъ купеческіе обозы и наѣзжали къ самому городу. Говорили, что Бѣлоусъ часто бываетъ даже въ самомъ Усторожьѣ. Старый воевода встрепенулся. Надо было ловить разбойниковъ. Онъ нѣсколько разъ выступалъ съ поискомъ, а шайка все уходила прямо изъ-подъ носу. Пока воевода гонялся за разбойниками, они успѣли напасть на новый монастырь, убили игумена Моисея, а казну захватили съ собой. Это дерзкое убійство утроило энергію Полуекта Степаныча. Онъ самолично отправился ловить Бѣлоуса, но это предпріятіе закончилось совершенно неожиданно и необычно. Разбойники разбили воеводскихъ воинскихъ людей, взяли самого Полуекта Степаныча въ полонъ, высѣкли и отпустили домой... Такъ печально кончилъ послѣдній усторожскій воевода.

Сейчасъ отъ Прокопьевскаго монастыря, Дивьей обители и Служней слободы остались одни пустыри. Только попрежнему высоко поднимается правый гористый берегъ Яровой, гдѣ шумѣлъ когда-то вѣковой боръ. Теперь торчатъ одни пни, а отъ прежняго осталось одно названіе: народъ называетъ и сейчасъ горы „Охонинными бровями“.

1892 г.

БРАТЬЯ ГОРДѢЕВЫ*).

Повѣсть.

I.

Ѳедотъ Якимычъ поднимался утромъ очень рано и въ шесть часовъ уже выходилъ на крыльцо, какъ всегда дѣлалъ лѣтомъ. Казакъ Мишка впередъ вытаскивалъ складной стулъ, разстилалъ подъ ноги маленькій бухарскій коврикъ, и Ѳедотъ Якимычъ усаживался съ обычною важностью. Сегодня онъ былъ важенъ и все время разглаживалъ свою сѣдую окладистую бороду, что̀ не обѣщало ничего добраго. Крыльцо лѣтомъ замѣняло пріемную, и ожидавшіе появленія Ѳедота Якимыча просители терпѣливо толклись гдѣ-нибудь во дворѣ или у воротъ. Собственно дворъ приказчичьяго дома походилъ скорѣе на большую залу: кругомъ сплошною деревянною стѣной шли разныя хозяйственныя пристройки, полъ былъ выстланъ аршинными досками и гладко выструганъ; чистота вездѣ поразительная. Открытыя настежь ворота давали возможность видѣть съ улицы все, что̀ дѣлалось во дворѣ, и наоборотъ. Сегодня кучка любопытныхъ толпилась у воротъ задолго до появленія Ѳедота Якимыча, о чемъ-то шепталась, переглядывалась и вопросительно озиралась на улицу. Очевидно, кого-то поджидали. Лѣтній день занялся такимъ яркимъ свѣтомъ, что глядѣть было больно. Солнце только не заглядывало подъ навѣсъ крыльца, гдѣ сидѣлъ самъ Ѳедотъ Якимычъ на своемъ раздвижномъ стульчикѣ. Онъ уже нѣсколько разъ озабоченно поглядѣлъ на улицу и поморщился, что̀ заставило казака Мишку съежиться,—быть грозѣ.

— Шесть часовъ отбило на пожарной? — тихо спросилъ старикъ, не обращаясь собственно ни къ кому.

— Часы отданы, Ѳедотъ Якимычъ! — почтительно доложилъ Мишка и, какъ заяцъ на угонкахъ, глянулъ бокомъ на улицу.

Ѳедотъ Якимычъ молча погладилъ свою окладистую сѣдую бороду и еще разъ свелъ брови. Это былъ типичный старикъ, какіе цвѣтутъ наперекоръ природѣ какою-то старческою красотою. Широкое русское лицо такъ и дышало силой, — розовое, свѣжее, благообразное. Особенно хорошо было это лицо, когда Ѳедотъ Якимычъ улыбался своею задумчивою, почти грустною улыбкою, что̀ случалось съ нимъ очень рѣдко. Длинополый сюртукъ, сапоги бутылками, ситцевая розовая рубашка съ косымъ воротомъ — все шло къ степенной фигурѣ степеннаго и важнаго старика. Въ особенно трудныхъ случаяхъ онъ

*) Дѣйствіе происходитъ въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія.

надѣвалъ большія круглыя очки въ серебряной оправѣ и доставалъ серебряную табакерку, завернутую въ красный шелковый платокъ. Онъ мелькомъ взглянулъ на почтительно затихшую при его появленіи толпу и сразу увидѣлъ всѣхъ: особенно нужныхъ людей не было. Съ опущенными головами стояли провинившіеся рабочіе, ожидавшіе строгой кары, двѣ-три бабенки старались пролѣзть впередъ,—навѣрное, пришли просить о чемъ-нибудь; понуро стоялъ высокій мужикъ въ картузѣ.

— Ты, Карпушка, погоди,— обратился Ѳедотъ Якимычъ. — Съ тобой у насъ будетъ свой разговоръ...

Карпушка только снялъ картузъ и поклонился. И наружностью и манерой себя держать онъ рѣзко выдѣлялся среди другихъ просителей. Избитыя, мозолистыя и почернѣвшія отъ слесарной работы руки служили вывѣской его занятій. Казакъ Мишка нѣсколько разъ говорящимъ взглядомъ окидывалъ Карпушку и даже закрывалъ ротъ рукой, точно хотѣлъ удержать просившееся съ языка словечко. Карпушка хмурился и сосредоточенно старался смотрѣть въ другую сторону.

Прошло пять минутъ томительнаго ожиданія, а Ѳедотъ Якимычъ не шевелился, точно застылъ. Только перебиравшіе красный платокъ пальцы говорили, что онъ не спитъ, а все видитъ и слышитъ. Ѳедотъ Якимычъ все видѣлъ и все слышалъ, какъ былъ увѣренъ весь Землянскій заводъ. Онъ только слегка вскидывалъ глазами, когда по улицѣ лихо прокатывалась двухколесная рудниковая таратайка или тяжело проѣзжала телѣга, нагруженная дровами. Всѣ, кто шелъ или ѣхалъ мимо господскаго дома, снимали шапки, а бабы по-утиному кивали головами и на всякій случай старались пройти опасное мѣсто поскорѣе. Изъ господскаго дома шли гроза и милость на весь заводъ. Робкіе люди обходили грозный господскій домъ другою улицею.

Прошла еще четверть часа. Ѳедотъ Якимычъ распахнулъ свой сюртукъ, досталъ изъ пестраго бархатнаго жилета большіе серебряные часы луковицей, посмотрѣлъ и только поднялъ сѣдыя брови. Онъ только-что хотѣлъ подняться съ мѣста, чтобъ итти въ горницы, какъ на улицѣ задребезжала телѣжка и смѣло подкатила прямо къ воротамъ господскаго дома. Изъ нея выскочили два молодыхъ человѣка, одѣтыхъ совсѣмъ необычно для Землянскаго завода. Одинъ, высокій, бѣлокурый, съ выбритымъ лицомъ и длинными баками на англійскій манеръ, одѣтъ былъ въ длинную камлотовую шинель съ крагеномъ и въ цилиндръ съ широкими полями; другой, такой же ростомъ, съ русою бородою и золотыми очками на носу, въ драповое пальто „французскаго покроя“ и въ лаковые сапоги съ желтыми отворотами. Не нужно было особенной проницательности, чтобъ узнать въ пріѣхавшихъ двухъ братьевъ,—старшему, высокому, было подъ тридцать, а младшему—лѣтъ двадцать пять.

— Ждать заставляете!—рѣзко замѣтилъ Ѳедотъ Якимычъ, поднося свою луковицу прямо къ носу старшему брату. Руки онъ имъ не подалъ, что̀ замѣтно смутило младшаго брата.—Да, ждать... Порядковъ не знаете.

Старшій братъ молча досталъ свои золотые часы и молча поднесъ ихъ тоже прямо къ носу Ѳедота Якимыча. Близорукіе большіе глаза были защищены золотыми очками.

— Да ты что̀ мнѣ своими часами въ носъ тычешь? — ужъ закричалъ старикъ, вскакивая.

— Вы назначили намъ явиться ровно въ шесть часовъ, — спокойно объяснилъ смѣлый молодой человѣкъ, пряча часы въ карманъ:—а сейчасъ ровно шесть часовъ.

— Врешь ты все, полчаса седьмого прошло.

— Неправда... У васъ утромъ часы бьютъ на полчаса раньше, а вечеромъ на полчаса позже...

— А, ты мнѣ указывать! — загремѣлъ старикъ и весь побагровѣлъ, но сейчасъ же сдержалъ себя и только махнулъ рукой.—У насъ часы по-своему ходятъ, а не по-вашему, заграничному.

Заводскіе часы отбивались неправильно, чтобы выгадать лишній рабочій часъ, и молодой человѣкъ только улыбнулся. Онъ сразу попалъ въ самое больное мѣсто всесильному владыкѣ.

— Вѣдь ваша фамилія Гордѣевы... — въ раздумьѣ заговорилъ Ѳедотъ Якимычъ, точно стараясь что-то припомнить.—Да... И отца вашего покойнаго знавалъ. Какъ же... Еще въ свойствѣ съ нимъ. Долго у нѣмцевъ загостились... долго... Ума много накопили, пасъ, дураковъ, теперь будете учить.

— Братъ Леонидъ десять лѣтъ въ Швеціи прожилъ, а я двѣнадцать—въ Англіи,—съ смѣлою простотою отвѣтилъ старшій, поправляя свои очки.

— Тебя звать-то какъ?

— Никономъ, а по батюшкѣ Зотычъ.

— Такъ... — протянулъ старикъ, прищурившись и пожевавъ губами. — Такъ я тебѣ перво-на-перво вотъ что скажу, Никонъ: не погляпулся ты мнѣ съ перваго разу. Развязка у тебя не по чину...

— Каковъ есть...

— Молчать!.. Говори, когда спрашиваютъ, да слушай.

Леонидъ даже вздрогнулъ отъ этого окрика и недоумѣвающе посмотрѣлъ назадъ, гдѣ у воротъ боязливо жалась кучка рабочихъ. Его все смущало: и то, что Ѳедотъ Якимычъ принимаетъ ихъ во дворѣ, и то, что онъ не подалъ имъ руки, и то, что не пригласилъ сѣсть, и то, что онъ кричитъ на брата при постороннихъ. Что же это такое? Онъ плотно сжалъ губы и уперся глазами въ землю.

Наступила тяжелая пауза. Ѳедотъ Якимычъ разглаживалъ бороду и жевалъ губами, а потомъ рѣзко проговорилъ:

— Вотъ что я вамъ скажу, нехристи: что въ шапкахъ-то стоите передо мной, какъ другіе подобные идолы? Не знаете порядковъ? Я васъ выучу! Я вамъ покажу, какъ добрые люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ...

Леонидъ снялъ свою фуражку, а Никонъ такъ и остался въ цилиндрѣ, что окончательно взбѣсило Ѳедота Якимыча. Старикъ закричалъ, затопалъ ногами.

— Я васъ въ бараній рогъ согну, нехристи! Вы, поди, и по постнымъ днямъ скоромное жрете... Обасурманились на чужой сторонѣ вконецъ. Учить пріѣхали! Я вамъ покажу свою науку!..

Братья молчали. Никонъ, закусивъ губу, смотрѣлъ въ упоръ на неистовствовавшаго старика.

— Да вы что о себѣ-то думаете, заморскія птицы? — кричалъ Ѳедотъ Якимычъ, бѣгая по крылечку.—Шапки не умѣете снять, а туда же, по десяти лѣтъ учились... Да у меня первый слесарь больше васъ знаетъ... Да... Простой мужикъ... Онъ всякое дѣло обмозгуетъ, а вы хлѣбъ даромъ ѣли. Эй, Карпушка, выходи!

Казакъ Мишка посторонился, давая дорогу Карпушкѣ, который подошелъ къ крыльцу, держа шапку въ рукахъ.

— Ну что, Карпушка, наладилъ штангу? — спрашивалъ Ѳедотъ Якимычъ, стараясь говорить ласково.—И дѣйствуетъ?

— Дѣйствуетъ, Ѳедотъ Якимычъ, въ лучшемъ видѣ.

— Вотъ вамъ у кого учиться надо,—объяснилъ Ѳедотъ Якимычъ, тыкая

пальцемъ на Карпушку.—Простой мужикъ, слесарь, а какую штуку удумалъ... До всего своимъ умомъ дошелъ, а по заграницамъ не ѣздилъ. На три версты машину поставилъ... Теперь будемъ его штангой воду изъ Мѣднаго рудника отливать. Молодецъ, Карпушка, хвалю!

Ѳедотъ Якимычъ сдѣлалъ знакъ казаку Мишкѣ, и тотъ моментально исчезъ, точно Ѳедотъ Якимычъ имъ выстрѣлилъ. Черезъ минуту онъ появился въ дверяхъ крыльца съ подносомъ, на которомъ стояла большая старинная рюмка. Ѳедотъ Якимычъ собственными руками подалъ рюмку Карпушкѣ, а когда тотъ выпилъ, расцѣловалъ его изъ щеки въ щеку.

— Впередъ старайся,—говорилъ онъ:—а главное, не зазнавайся...

Карпушка неожиданно подавился поданной закуской и принялся усиленно кашлять, что̀ опять разсердило Ѳедота Якимыча, и онъ сурово махнулъ Карпушкѣ рукой. Машинально дойдя до воротъ, Карпушка оглянулся на грознаго владыку, на мгновеніе остановился, а потомъ вышелъ на улицу, попрежнему держа шапку въ рукахъ. Вся эта комедія съ домашнимъ самоучкой нарочно была подстроена Ѳедотомъ Якимычемъ для вящшаго посрамленія заграничныхъ,—штанга была устроена уже полгода, а Карпушка получилъ благодарность только сегодня.

— Кто тамъ еще есть?—крикнулъ Ѳедотъ Якимычъ.

Казакъ Мишка поочередно началъ допускать провинившихся рабочихъ; бѣдняги чувствовали, что попали въ дурную минуту, и не пробовали даже оправдываться. Первымъ подошелъ черноволосый и плечистый обжимочный мастеръ, прогулявшій двое сутокъ.

— Въ Мѣдный рудникъ подлеца...—коротко рѣшилъ Ѳедотъ Якимычъ.—Сгною въ шахтѣ...

Слѣдующій номеръ отправленъ былъ въ машинную, гдѣ долженъ былъ получить двѣсти розогъ. Третій не успѣлъ подойти, какъ Ѳедотъ Якимычъ ударилъ его прямо по лицу и заревѣлъ, какъ дикій звѣрь. Просительницы бабенки даже присѣли и хотѣли потихоньку улизнуть, но казакъ Мишка подмигнулъ имъ: дескать, ваша бабья часть особенная. Когда мужики были „разсмотрѣны“, ближайшая баба съ причитаніями повалилась Ѳедоту Якимычу въ ноги. Мужикъ умеръ, трое ребятъ, а коровы нѣтъ.

— Ну, ладно, сирота, устроимъ,—неожиданно-мягкимъ тономъ проговорилъ Ѳедотъ Якимычъ, стараясь загладить добрымъ дѣломъ сегодняшній свой грѣхъ.—Будешь съ молокомъ... Убирайся.

Слѣдующая баба просила поправить развалившуюся избенку, и Ѳедотъ Якимычъ тутъ же рѣшилъ, что поправлять не стоитъ, а нужно поставить новую избу. У третьей бабы мужъ былъ боленъ, она получила пособіе изъ конторы. Братья Гордѣевы продолжали стоять, но Ѳедотъ Якимычъ намѣренно не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Леонидъ машинально теребилъ свою бородку, а Никонъ упрямо слѣдилъ за каждымъ движеніемъ владыки. Когда пріемъ кончился, онъ молча повернулся и, не простившись, пошелъ къ воротамъ. Эта новая дерзость совсѣмъ обезкуражила Ѳедота Якимыча, такъ что онъ даже ничего не могъ сказать, а только затряслись губы. Что̀ же это такое?.. Да какъ онъ смѣлъ? У всѣхъ на глазахъ ушелъ, а самъ ни здорово ни прости...

— Такъ вотъ вы какіе?!—обрушился онъ всѣмъ своимъ негодованіемъ на стоявшаго безъ шапки Леонида.—Я вамъ покажу!.. А ты что̀ стоишь? Шелъ бы за братомъ: одной свиньи мясо.

— Я не знаю...—бормоталъ Леонидъ.—За брата я не могу отвѣчать...

— Молчать! Кто тебя спрашивалъ? И ты бы тоже ушелъ, кабы у тебя

хвостъ не былъ привязанъ... Ушелъ бы?... Знаю, все знаю... Нѣмку свою пожалѣлъ? Хорошо, убирайся къ чорту...

А Никонъ шелъ по Мѣдной улицѣ въ дальній конецъ, спокойно и съ достоинствомъ, не обращая никакого вниманія на любопытство встрѣчающихся прохожихъ, которые смотрѣли на него, какъ на звѣря, и указывали пальцами. Въ концѣ улицы, поровнявшись съ кабакомъ, Никонъ носъ къ носу встрѣтился съ Карпушкой: самоучка-механикъ, сильно пошатываясь, выходилъ изъ кабака. Узнавъ Никона, Карпушка остановился, покрутилъ головой и проговорилъ заплетающимся языкомъ:

— Вотъ те Христосъ: въ первый разъ... Никогда и въ кабакѣ не бывалъ. Эхъ, жисть!..

Карпушка схватилъ свой картузъ и съ ожесточеніемъ бросилъ его оземь.

II.

Все время, пока на крыльцѣ происходилъ утренній пріемъ, въ сѣняхъ стояла высокая старуха въ раскольничьемъ сарафанѣ. Это была жена Ѳедота Якимыча, Амѳея Парѳеновна. Она прислушивалась въ дверную щель, что̀ дѣлается тамъ, на крыльцѣ, а когда Ѳедотъ Якимычъ затопалъ ногами на Никона, не утерпѣла и выглянула,—заграничные ее интересовали. Она ихъ помнила еще дѣтьми и теперь только грустно качала головой, когда Никонъ „рѣзалъ“ прямо въ глаза Ѳедоту Якимычу.

„Этакій безстрашный! — думала старуха. — Самому-то такъ и рѣжетъ... Ахъ, отчаянный!“

Время отъ времени дверь изъ задней горницы отворялась, и неслышными шагами входила круглая, маленькая женщина, объяснявшаяся съ Амѳеей Парѳеновной знаками. Это была нѣмушка Палагея, игравшая въ домѣ видную роль. Она тоже одѣта была въ косоклинный сарафанъ изъ синяго изгребного холста съ желтой оторочкой на проймахъ. Взглянувъ на госпожу своими маленькими сѣрыми глазками, нѣмушка закрыла ротъ широкою ладонью: она знала, въ чемъ дѣло, и успѣла разглядѣть басурмановъ изъ своей кухни. Амѳея Парѳеновна поджимала губы, хмурила густыя брови, и нѣмушка такъ же незамѣтно исчезала, какъ появлялась. Это была „вѣрная слуга“, воротившая весь домъ. На Амѳею Парѳеновну она просто молилась и по выраженію ея глазъ угадывала каждую ея мысль.

Когда Ѳедотъ Якимычъ кончилъ свой утренній пріемъ, Амѳея Парѳеновна неслышно удалилась въ заднюю горницу, гдѣ на столѣ кипѣлъ самоваръ и дымились горячіе блины. Старикъ не любилъ, чтобы въ его дѣла мѣшались бабы. Но на этотъ разъ онъ вошелъ въ заднюю избу веселый и проговорилъ:

— Ничего, для перваго разу достаточно, Ѳеюшка... Носи—не потеряй. Разнесъ я этихъ прохвостовъ во̀-какъ... Наррoдецъ!..

— Ужъ очень ты себя-то обезпокоилъ, Ѳедотъ Якимычъ,—покорно замѣтила старуха.—Легкое мѣсто сказать: горло перекричалъ. Нестоящіе того люди... Обасурманились на чужой сторонѣ вконецъ...

— А мы ихъ въ свою вѣру повернемъ... ха-ха!.. Нѣтъ, Никашка-то, а? Ловокъ... И шляпу не снялъ, и ушелъ не простившись. Идолъ-идоломъ...

— Левонидъ-то поскромнѣе будетъ... очестливѣе.

— Оба хороши, Ѳеюшка... Ну, да и мы не черезъ заборъ лаптемъ щи хлебаемъ. Нѣтъ, Никашка-то какъ строго себя оказалъ.. Ха-ха!.. Туда же,

амбицію свою соблюдаетъ... А того не знаетъ, что онъ у меня весь въ рукахъ. Хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло пахтаю... Всѣ науки произошелъ, а начальства не понимаетъ. Ну, да умыкаютъ бурку крутыя горки... Я Никашку по первому дѣлу въ Мѣдную горку пошлю... Пусть отвѣдаетъ, каково сладко съ Ѳедотомъ Якимычемъ тягаться.

— Молодъ еще...—какъ бы въ оправданіе Никона замѣтила Амѳея Парѳеновна и сама испугалась собственной смѣлости.—Къ слову я молвила, Ѳедотъ Якимычъ,—не бабьяго ума дѣло.

— То-то!—окрикнулъ жену старикъ и нахмурился.—Не люблю, чтобы курицы пѣтухомъ пѣли... Не люблю, вотъ и весь сказъ! Противъ сердца мнѣ сказала, вотъ что! Только я отошелъ-было, а ты меня опять подняла. Тьфу!..

— Прости, Ѳедотъ Якимычъ, не отъ ума сболтнула.

— Дура!

Старикъ ударилъ кулакомъ по столу и молча зашагалъ по горницѣ.

Господскій домъ былъ устроенъ по старинкѣ. Собственно, это была громадная изба, раздѣленная по-крестьянски сѣнями на переднюю половину и заднюю. Въ передней половинѣ было всего двѣ комнаты, выходившія на улицу пятью маленькими оконцами. Обстановка здѣсь устроена по-модному—съ кисейными занавѣсками, мягкою мебелью, коврами, горками съ посудой и дешевенькими картинами по стѣнамъ. Хозяева бывали въ передней половинѣ только при гостяхъ, поэтому она носила нежилой, парадный характеръ. Задняя половина была устроена по старинѣ, и, вмѣсто стульевъ, около стѣнъ шли широкія лавки, крашеныя кубовой синей краской. Передній уголъ занятъ былъ иконостасомъ съ образами стариннаго раскольничьяго письма, мѣдными складнями и крестами. Здѣсь теплилась всегда „неугасимая“. Въ особой укладкѣ, прикрѣпленной къ стѣнѣ, хранились часовникъ и псалтирь, свѣчи и ладанъ. За этимъ блюла сама Амѳея Парѳеновна. Нѣсколько шкаповъ съ посудой, письменный столъ у внутренней стѣны, старинные большіе часы на стѣнѣ, канарейка въ клѣткѣ, нѣсколько гераней на окнахъ—вотъ и все. Дощатой перегородкой, тоже выкрашенной кубовою синею краскою, задняя изба дѣлилась на двѣ горницы, и во второй была устроена спальня, съ широкою двухспальною кроватью, перинами, горой подушекъ, комодами и гардеробомъ. Когда дѣти были маленькія, здѣсь была дѣтская, но дѣти давно выросли, были пристроены, и старики жили въ домѣ только вдвоемъ. Собственно говоря, Амѳея Парѳеновна мало жила въ горницахъ, а при постороннихъ и совсѣмъ не показывалась,—у ней была наверху своя свѣтлица, гдѣ все было устроено по ея вкусу. Въ свѣтлицу самъ Ѳедотъ Якимычъ ходилъ только по спросу, когда Амѳея Парѳеновна позволитъ. Въ горницахъ была вся воля Ѳедота Якимыча, а въ свѣтлицѣ царила одна Амѳея Парѳеновна.

Свѣтлица походила на моленную. Одна стѣна была сплошь уставлена образами, и Амѳея Парѳеновна сама здѣсь „говорила кануны“ далеко за полночь. Единственною свидѣтельницею этого домашняго благочестія была нѣмушка Палагея да разные „странные люди“, проникавшіе въ господскій домъ никому невѣдомыми путями и такъ же исчезавшіе. Въ своей свѣтлицѣ Амѳея Парѳеновна была строга и недоступна, такъ что ея побаивался и самъ Ѳедотъ Якимычъ, покрикивавшій на жену у себя въ горницахъ.

— Чаепіецъ ты и табачникъ!—карала мужа Амѳея Парѳеновна, входя въ свою роль главы дома.—Въ смолѣ будешь кипѣть потомъ.

— Охъ, буду...—соглашался Ѳедотъ Якимычъ, сокрушенно вздыхая.—Ослабѣлъ, Амѳея Парѳеновна.

Горницы и свѣтлица такимъ образомъ представляли два различныхъ

міра, соприкасавшихся между собой опять-таки ради житейской нужды и слабости. Старики жили по старой вѣрѣ, хотя Ѳедотъ Якимычъ уже давно „обмірщился“. Въ этомъ заключалось большое преимущество Амоси Парѳеновны, неукоснительно соблюдавшей древле-отеческія преданія. Она въ своемъ раскольничьемъ мірѣ являлась столпомъ и крѣпкимъ оплотомъ гонимой старой вѣры и вела обширныя сношенія со своими единомышленниками. Общественное положеніе Ѳедота Якимыча, какъ главнаго управляющаго Землянскими заводами, заставляло дѣлать постоянныя уступки „никоніанской злобѣ“, и онъ какъ будто всегда чувствовалъ себя немного виноватымъ передъ женой. Мало ли гдѣ ему приходилось бывать самому, а еще больше того принимать въ своихъ горницахъ никоніанъ: и горный исправникъ, и протопопъ, и разные судейскіе чины, властодержавцы, начальники и просто нужные люди. Въ качествѣ блюстительницы древляго благочестія Амѳея Парѳеновна держала свое имя грозно, и Ѳедотъ Якимычъ, въ сущности, боялся ея, несмотря на свои окрики и грубыя выходки. Это послѣднее чувство выросло съ годами совершенно незамѣтно, такъ что и самъ крутой старикъ не давалъ себѣ въ немъ отчета. Съ другой стороны, Амѳея Парѳеновна пріобрѣла большое и рѣшающее вліяніе въ своемъ старообрядческомъ мірѣ, такъ что въ важныхъ дѣлахъ къ ней шли за негласнымъ благословеніемъ, когда нужно было склонить на свою сторону какого-нибудь нужнаго милостивца, утишить загорѣвшуюся никоніанскую ярость или устранить вреднаго человѣка. Старуха умѣла сдѣлать все это незамѣтно и просто, оставаясь въ тѣни. Конечно, успѣху дѣла много содѣйствовало общественное положеніе жены главнаго управляющаго.

Ѳедотъ Якимычъ былъ то, что̀ называютъ самородкомъ. Онъ вышелъ въ люди исключительно благодаря собственному уму, смѣткѣ и чисто-крѣпостной энергіи. Заводское добро, заводскіе интересы и польза стояли для него выше всего на свѣтѣ, и онъ являлся неподкупнымъ и вѣрнымъ рабомъ. Заводовладѣльцы никогда не заглядывали на свои заводы, проживая то въ Италіи, то въ Парижѣ, и для нихъ такой управляющій, какъ Ѳедотъ Якимычъ, былъ кладомъ. Онъ уже два раза долженъ былъ совершить длинное заграничное путешествіе, чтобы повидаться съ владыками,—первый разъ въ Парижъ, а второй въ Неаполь. Эти путешествія оставили послѣ себя извѣстное впечатлѣніе. Старикъ замѣтно „отшатнулся“ отъ закоснѣлаго строя своей раскольничьей жизни, по крайней мѣрѣ душой, хотя и старался этого не показывать. Знала объ этой измѣнѣ одна Амѳея Парѳеновна и горько скорбѣла, а затѣмъ постаралась извлечь изъ этого свою, бабью пользу. Такъ было и теперь. Съ заграничными Ѳедотъ Якимычъ устроилъ тяжелую комедію, чтобы показать, съ одной стороны, свою темную крѣпостную силу, а съ другой—чтобы не выдать себя: втайнѣ онъ сочувствовалъ заграничнымъ людямъ. Это было раздвоенное чувство: съ одной стороны, старикъ отлично понималъ великую силу образованія, а съ другой—ему дѣлалось совѣстно за собственное крѣпостное невѣжество, точно пріѣхавшіе молодые люди являлись для него упрекомъ. Онъ цѣлый день былъ не въ духѣ и грозой прошелъ по всѣмъ фабрикамъ, грозой съѣздилъ на Мѣдный рудникъ, грозой явился въ громадной конторѣ, гдѣ, не разгибая спины, работали сотни крѣпостныхъ служащихъ. Все время изъ головы Ѳедота Якимыча не выходили эти заграничные, а главнымъ образомъ—гордецъ Никашка.

— Ахъ, и покажу я ему!..—какъ-то стоналъ старикъ, припоминая картину нанесеннаго оскорбленія.—Колкеринаго-то жару какъ разъ убавитъ...

Дома Ѳедотъ Якимычъ ходилъ туча тучей, такъ что нѣмушка Палагея въ своей кухнѣ только хмурила брови, что̀ означало, что тамъ, наверху,—

гроза. Кучеръ Антонъ, горничная дѣвка Дашка, коморникъ Спиридонъ, стряпка Лукерья—всѣ боялись дохнуть. Боже упаси попасть теперь на глаза самой или самому. Больше всего опасность грозила, конечно, дѣвкѣ Дашкѣ, которой приходилось прислуживать въ горницахъ. Это было безотвѣтное существо, преисполненное покорнаго страха и рабьей угодливости. „Хоть бы гости какіе навернулись, все бы легче“,—соображала дѣвка Дашка, но, какъ на грѣхъ, и гостей не случилось. То же самое думалъ и казакъ Мишка, трепетавшій за свою неприкосновенность. Единственная надежда оставалась на ужинъ; въ господскомъ домѣ, когда не было гостей, ужинали рано, и такимъ раннимъ ужиномъ и закончился бы этотъ тревожный для всѣхъ день. Амѳея Парѳеновна затворилась бы наверху въ своей свѣтлицѣ, а Ѳедотъ Якимычъ шагалъ бы въ парадныхъ горницахъ, разглаживая бороду и вполголоса напѣвая стихиру: „Твоя побѣдительная десница“...

Накрывая столъ къ ужину, казакъ Мишка и дѣвка Дашка боялись послѣдней бѣды: а ну, какъ Амѳея Парѳеновна не спустятся въ горницы изъ своей свѣтлицы? Бывали и такіе случаи... Но все разыгралось совершенно неожиданно. Амѳея Парѳеновна спустилась изъ свѣтлицы какъ ни въ чемъ не бывало, сѣла за столъ и даже сама налила рюмку анисовки, которую Ѳедотъ Якимычъ выпивалъ на сонъ грядущій. Впрочемъ, за щами не было сказано ни одного слова. Щи были горячія, какъ любилъ Ѳедотъ Якимычъ.

— Сказываютъ, мудреная нѣмка-то у Левонида,—заговорила первой Амѳея Парѳеновна, нарушая гробовое молчаніе.

— Ну?

— Дома, слышь, и въ люди ходитъ простоволосая...

— Н-но?

— По-русски ни слова...

— Ахъ, волкъ ее заѣшь!.. Такъ Левонидъ-то какъ же?

— По-ихнему тоже лопочетъ... Смѣхъ одинъ, сказываютъ. Приданаго нѣмка вывезла тоже разъ-два, да и обчелся: платьишекъ штукъ пять, французское пальто, шляпку съ лентами... Только она простая, нѣмка-то, и изъ себя ничего, кабы ходила не простоволосая.

Молчаніе. Ѳедотъ Якимычъ хрустаетъ прошлогоднюю соленую капусту—любимое его кушанье—и время отъ времени сбоку поглядываетъ на жену. Онъ чувствуетъ себя немного виноватымъ: погорячился и обругалъ жену ни за что.

— Такъ простоволосая?—спрашиваетъ онъ и улыбается въ бороду.—Ахъ, чучело гороховое!

— Ничего не чучело: она по своей вѣрѣ и одѣвается, какъ тамъ у нихъ, въ нѣмцахъ, бабамъ полагается. Мы по-своему, а онѣ по-своему... Только оно со стороны-то все-таки смѣшно.

— Никашка—гордецъ, а Левонидъ какъ будто ничего,—въ раздумьѣ говоритъ Ѳедотъ Якимычъ.—Левонидъ поочестливѣе будетъ...

— А что говорятъ другіе-то про нихъ?

— Да разное... Уѣхали свои, а пріѣхали чужіе,—что тутъ разговаривать? Видно будетъ потомъ.

Опять молчаніе. Ѳедотъ Якимычъ сосредоточенно хлебалъ деревянной ложкой молоко изъ деревянной чашки. Дома старики живутъ совсѣмъ просто и ѣдятъ деревянными ложками. Для гостей есть и дорогая фаянсовая посуда, и столовое серебро, и салфетки, а безъ гостей зачѣмъ стѣснять себя?

— Больно охота мнѣ поглядѣть эту самую нѣмку,—неожиданно заявляетъ Амѳея Парѳеновна, когда ужинъ уже кончается.—Не видала я ихъ сроду, какія онѣ такія есть на бѣломъ свѣтѣ...

— Такія же, какъ и всѣ бабы: костяныя да жиленыя,—шутливо отвѣчаетъ Ѳедотъ Якимычъ.

— Ты-то видалъ, а я нѣтъ...

Послѣ ужина въ свѣтлицѣ шло вечернее богомолье: Амѳея Пароѳновна читала „канунъ“, а Ѳедотъ Якимычъ откладывалъ поклоны по ременной лѣстовкѣ. Нѣмушка Палагея всегда присутствовала при этой молитвѣ и повторяла каждое движеніе Амѳеи Пароѳеновны. Она же потомъ провожала свою „владыку“ въ спальню и укладывала въ постель,—Ѳедотъ Якимычъ приходилъ потомъ. Лежа въ постели, Амѳея Пароѳеновна все о чемъ-то думала, а когда пришелъ Ѳедотъ Якимычъ, она сонным голосомъ проговорила:

— Ужо какъ-нибудь въ гости нѣмку позову.

— Тоже и придумала!—изумился старикъ.

— А ежели я не видала?

III.

Мысль о нѣмкѣ засѣла въ головѣ Амѳеи Пароѳеновны гвоздемъ. Сначала Ѳедотъ Якимычъ посмѣялся надъ этой затѣей, а потомъ нахмурился. Легко сказать, зазвать нѣмку въ гости, да еще вмѣстѣ съ мужемъ, потому что хотя она и нѣмка, а все-таки какъ ее одну-то въ чужой домъ привести?

— Не ладно ты удумала, Ѳеюшка,—уговаривалъ старикъ жену.—Надо и Левонида звать...

— Что изъ того, и Левонида позовемъ. Тебѣ-то какая причина отъ того? Уѣхалъ на фабрику и все тутъ... Сына Гришу со снохой позову, а можетъ, и Наташа къ тому времени подъѣдетъ. Управимся и безъ тебя...

— Какъ знаешь, только оно тово... т.-е. мнѣ-то низко будетъ Левонида угощать.

— И не угощай, безъ тебя обойдемся. Уѣхалъ бы куда-нибудь на заводы—только и всего.

Осуществленіе этой мысли заняло весь домъ, причемъ нѣмушка Палагея даже мычала отъ удовольствія: пусть матушка Амѳея Пароѳеновна потѣшитъ свою душеньку. А хлопоты не велики: всего-то званый обѣдъ приготовить. Съ оказіей была послана вѣсточка Григорію Ѳедотычу, который служилъ управителемъ въ Новомъ заводѣ, и дочери Наташѣ, выданной замужъ за купца Недошивина у себя, въ Землянскомъ заводѣ. Стряпка Лукерья, горничная дѣвка Дашка и казакъ Мишка тоже волновались въ ожиданіи готовившейся комедіи, когда въ господскій домъ привезутъ настоящую нѣмку. То-то будетъ потѣха... Нѣмушка Палагея уже забѣгала посломъ къ Гордѣевымъ и только закрывала ротъ рукой, когда ее разспрашивали про нѣмку. Изъ ея мычанья и жестовъ всѣ понимали только одно, что нѣмка такая же нѣмая, какъ Палагея, и это всѣхъ смѣшило.

Въ назначенный день пріѣхалъ самъ Григорій Ѳедотычъ съ женой Татьяной. Это былъ серьезный молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, съ окладистой русой бородой и скуластымъ лицомъ; онъ походилъ на мать. Сноха Татьяна была городская и ходила въ платьяхъ и въ шляпкахъ, и Амѳея Пароѳеновна за глаза величала ее модницей. Явилась и дочь Наташа, любимое и балованное дѣтище. Въ угоду матери она въ родительскій домъ приходила въ шелковомъ сарафанѣ и въ платочкѣ на головѣ. Бойкая и рѣчистая, эта Наташа въ своемъ купеческомъ быту пользовалась репутаціей удалой бабенки, которой пальца въ ротъ не клади. Мужъ ей попался простой, притомъ онъ „зашибалъ водкой“, и Наташа жила своей вольной волюшкой. Молода

была, красива, а грѣхъ не по лѣсу ходитъ. Впрочемъ, молва о Наташиныхъ грѣхахъ не доходила до господскаго дома, и Аѳея Парѳеновна души не чаяла въ дочкѣ.

— Чтой-то, мамынька, вы и придумали,—говорила Наташа, щелкая орѣхи.—Наслышались мы про нѣмку чудесъ... Ни встать ни сѣсть не умѣетъ, а съ мужчинами, какъ съ своимъ братомъ, такъ съ рукой и лѣзетъ. Въ томъ родѣ, какъ не совсѣмъ она умомъ, мамынька. Проста ужъ очень...

— Просто сказать, дура,—коротко отрѣзалъ Григорій Ѳедотычъ.—А промежду прочимъ, мамынька, ваша полная воля...

— Ужъ мнѣ отъ отца досталось за эту самую нѣмку,—объясняла Аѳея Парѳеновна.—Пожалуй, и то, что не ладно я затѣяла. Хотѣла и себя и васъ потѣшить.

— Ничего тутъ худого нѣтъ, мамынька,—успокаивала Наташа:—не съѣстъ она насъ... Посмѣемся и только.

Гордѣевы были приглашены вечеркомъ, какъ настоящіе гости. Ѳедотъ Якимычъ нарочно уѣхалъ въ заводоуправленіе, чтобы не встрѣчаться съ ними. Аѳея Парѳеновна заперлась въ свѣтлицѣ, а принимать дорогихъ гостей оставила Наташу. Григорій Ѳедотычъ съ женой оставались въ парадныхъ горницахъ.

— Чтой-то, какъ они долго,—повторяла Наташа, перебѣгая отъ окна къ окну.—Вечеръ на дворѣ...

— По-заграничному,—язвилъ Григорій Ѳедотычъ.—Нашли важное кушанье... Конечно, я не подверженъ къ тому, чтобы перечить мамынькѣ, а Левонида Гордѣева помню даже весьма превосходно. Мальчишками вмѣстѣ, бывало, въ бабки играли... Сиротами они росли, Гордѣевы-то, ну, достатковъ нѣтъ, а въ другой разъ дома и куска нѣтъ. Бывало, украду у мамыньки кусокъ да Левониду и отдамъ: на, ѣшь.

— Мало ли, братецъ, что̀ бываетъ,—уклончиво отвѣчала Наташа:—прежде ѣсть нечего было Гордѣевымъ, а теперь они ученые... Тятенька-то вонъ какъ взбуриваетъ на нихъ. А почему? Боится, что сядутъ ему на шею... Вотъ послужитъ-послужитъ тотъ же Никонъ, да главнымъ управляющимъ на тятенькино мѣсто и сядетъ. Умница Никонъ-то, сказываютъ...

— Пока особеннаго ума еще не оказалъ, сестрица, окромя дерзости... Только все это не нашего съ тобой ума дѣло. Родитель получше насъ знаетъ...

Гости пріѣхали только въ сумерки, часовъ около девяти, когда нѣмушка стала зажигать сальныя свѣчи въ горницахъ. Наташа встрѣтила ихъ въ передней.

— Мамынька сейчасъ выйдетъ,—объясняла она, нарочно обращаясь къ не понимавшей ничего нѣмкѣ.—Пожалуйте...

Когда нѣмка сняла свое французское пальто, Наташа такъ и ахнула: она была въ какомъ-то дѣтскомъ кисейномъ платьѣ, съ голубою широкою лентою, вмѣсто пояса. Руки выше локтя были голыя. Бѣлокурые волнистые волосы были подвязаны такою же голубенькою ленточкой, и только. Всего больше изумило Наташу короткое платье. „Вотъ безстыдница!“—невольно подумала Наташа, цѣлуясь съ гостьей. Самъ Гордѣевъ замѣтно смущался и отвѣчалъ за жену. Опъ, правда, замѣтно повеселѣлъ, когда увидалъ Григорія Ѳедотыча и узналъ его.

— Милости просимъ,—пригласила Наташа, усаживая нѣмку на диванъ.—Мамынька сейчасъ выйдетъ...

Нѣмка осматривала своими большими сѣрыми глазами парадныя горницы съ какимъ-то дѣтскимъ любопытствомъ, потомъ переводила глаза на мужа и

улыбалась. У ней было такое красивое и нѣжное лицо, съ тонкимъ профилемъ и алыми губками. Когда она улыбалась, два ряда бѣлыхъ зубовъ такъ и сверкали. Небольшого роста, стройная, гибкая, подвижная, она казалась красавицей. Когда нѣмушка Палагея подала чай, нѣмка осмотрѣла чашки, сахарницу, поднос и опять засмѣялась.

— Какая она у васъ веселая, Левонидъ Зотычъ,—замѣтила Наташа.

— Амалія совсѣмъ ребенокъ,—уклончиво отвѣтилъ Гордѣевъ и что-то сказалъ женѣ по-нѣмецки.

Она засмѣялась уже совсѣмъ весело, бросилась Наташѣ на шею и расцѣловала ее прямо въ губы. Григорій Ѳедотычъ все время молчалъ и все посматривалъ на дверь, въ которую должна была войти мать. Амѳея Парѳеновна появилась настоящей королевой. Дѣвка Дашка забѣжала впередъ, чтобъ отворить дверь, и старуха вошла съ медленною важностью. Она была въ тяжеломъ парчевомъ сарафанѣ и въ жемчужной сорокѣ. Нѣмка быстро поднялась съ мѣста и сдѣлала реверансъ. Это окончательно разсмѣшило всѣхъ, а Наташа такъ и прыснула.

— Здравствуй, милашка...—ласково заговорила Амѳея Парѳеновна и поцѣловала гостью плотно сжатыми губами.—Садись, такъ гостья будешь.

— Жена очень рада познакомиться съ вами, Амѳея Парѳеновна,—отвѣтилъ за жену Гордѣевъ.—Къ сожалѣнію, она пока еще не умѣетъ говорить по-русски...

— Ничего, пусть говоритъ по-своему, по-нѣмецкому,—милостиво замѣтила старуха, оглядывая выставлявшіяся изъ-подъ платья нѣмкины ноги.—Какъ ее звать-то у тебя, Левонидъ?

— Амалія Карловна.

— Такъ... Мнѣ-то и не выговорить сразу. Славная бабочка, хоть нѣмка...

Нѣмку больше всего заинтересовалъ сарафанъ хозяйки, и она долго его разсматривала, разглаживая бѣлою пухлою ручкою тяжелую старинную матерію и золотой позументъ. Эта наивность и довѣрчивая простота очень понравилась старухѣ.

— Жена ужъ начинаетъ учиться по-русски,—объяснялъ Гордѣевъ.

— Чи!..—весело заговорила нѣмка и засмѣялась.

— Она хочетъ сказать: „щи“,—опять объяснилъ Гордѣевъ.

— Чи... чи!—лепетала нѣмка.

Всѣ весело засмѣялись, и сама Амѳея Парѳеновна тоже. Очень забавна эта нѣмка: и простоволосая, и ноги чуть не до колѣнъ выставляетъ. Когда подали закуску, она, не дожидаясь приглашенія, первая подошла къ столу и сама налила себѣ рюмку вина. Гордѣевъ что-то сказалъ ей, но Амѳея Парѳеновна замѣтила ему:

— Оставь ее, Левонидъ... Нашихъ порядковъ она не знаетъ. Я и сама съ ней пригублю рюмочку... Гриша, а ты что же?

Мужчины выпили водки и закусили балыкомъ. Григорій Ѳедотычъ сразу отмякъ и сталъ разспрашивать Гордѣева, гдѣ онъ учился, какъ живутъ нѣмцы, и что они думаютъ дѣлать. Давешней неловкости какъ не бывало, особенно когда выпили по второй. Амѳея Парѳеновна увела гостью въ заднюю половину, чтобы тамъ осмотрѣть ее на свободѣ. Наташа и сноха Татьяна пошли за ними. Особенно развеселилась Наташа и все приставала къ нѣмкѣ, чтобы та сказала „чи“. Смѣялись и нѣмушка Палагея, дѣвка Дашка и сама нѣмка.

— Ей только съ нашей Палагеей разговаривать,—говорила Амѳея Парѳеновна, безцеремонно оглядывая гостью съ ногъ до головы.—Зачѣмъ ты, ми-

лушка, ручки-то оголила? Не хорошо это при посторонних мужчинах, да и платье-то подлиннѣе бы сдѣлать...

Въ задней половинѣ послѣдовало новое угощеніе: варенье, орѣхи, пряники, конфеты. Но нѣмку занимала больше всего обстановка комнатъ, и она по-ребячьи осмотрѣла каждый уголокъ. Замѣтивъ двухспальную кровать, она кокетливо покачала головой.

— У нихъ, мамынька, мужья и жены въ разныхъ комнатахъ спятъ,— объяснила Наташа.—Все равно, какъ чужіе люди... Вотъ ей и удивительно.

— А славная бабочка...—повторяла Аѳея Парѳеновна.—Хоть куда... А ежели бы ее нарядить въ сарафанъ, да косу заплести, да кокошникъ—лучше не надо.

Гордѣевъ и Григорій Ѳедотычъ пристроились къ закускѣ и вели оживленную бесѣду.

— Тяжело вамъ будетъ здѣсь,—говорилъ Григорій Ѳедотычъ.—Главное, что непривычное ваше дѣло, а у насъ на все свои порядки...

— Привыкнемъ помаленьку... Только вотъ Ѳедотъ Якимычъ какъ-то странно отнесся къ намъ. Я совсѣмъ не понимаю, на что онъ разсердился тогда на насъ съ братомъ...

За этими разговорами молодые люди совсѣмъ не замѣтили, какъ вошелъ самъ Ѳедотъ Якимычъ. Онъ остановился въ дверяхъ и подозрительно оглядѣлъ комнату. Первымъ замѣтилъ его Григорій Ѳедотычъ и почтительно вскочилъ...

— Здравствуйте, тятенька.

— Здравствуй.

Гордѣевъ поклонился издали и ждалъ. Грозный старикъ отдалъ картузъ казаку Мишкѣ, еще разъ оглядѣлъ свои горницы и проговорилъ ласково:

— Ну, здравствуй, Левонидъ Зотычъ.

— Здравствуйте, Ѳедотъ Якимычъ.

— Садись, такъ гость будешь,—пригласилъ его старикъ.—Въ ногахъ правды нѣтъ, какъ говаривали старинные люди... Мишка, анисовой!

Григорій Ѳедотычъ продолжалъ стоять, потому что не получилъ приглашенія садиться. Старикъ не любилъ баловать дѣтей, и если пригласилъ сѣсть Гордѣева, то только потому, что, во-первыхъ, чувствовалъ себя немного виноватымъ передъ нимъ, а во-вторыхъ—женатый человѣкъ, не слѣдуетъ его по первому разу срамить передъ женой. Выпивъ рюмку анисовки и закусивъ соленымъ рыжикомъ, Ѳедотъ Якимычъ посмотрѣлъ на гостя уже совсѣмъ ласково и даже улыбнулся.

— Ты у меня теперь гость, Левонидъ, и разговоръ у насъ будетъ другой,—заговорилъ старикъ, улыбаясь.—Подвернешься подъ руку, не взыщи, а гостю первое мѣсто и красная ложка... Эй, Мишка, анисовой!

Послѣ второй рюмки старикъ заалѣлъ и взглянулъ на двери въ сѣни. Онъ сегодня былъ въ хорошемъ расположеніи духа и казался такимъ важно-красивымъ, что даже Гордѣевъ полюбовался имъ.

— Покричалъ я тогда на васъ съ братомъ,—объяснялъ онъ.—Горденекъ Никонъ-то, хоть и братъ тебѣ доводится. Изъ одной печи, да не однѣ рѣчи... Ну, да ничего, авось помиримся. Такъ я говорю?

— Совершенно вѣрно, Ѳедотъ Якимычъ...

— Крутъ я сердцемъ, да отходчивъ, Левонидъ. Да... Ты мнѣ поглянулся съ перваго разу, а что я посердитовалъ тогда, такъ не всякое лыко въ строку. Гриша, садись, чего столбомъ-то стоять?

Старикъ совсѣмъ развеселился и выпилъ еще третью рюмку, что̀ съ

нимъ рѣдко случалось. У Гордѣева тоже отлегло на душѣ. Они сидѣли у закуски и бесѣдовали. Ѳедотъ Якимычъ разсказывалъ, какъ онъ началъ свою службу разсылкой въ конторѣ, сколько натерпѣлся, пока поступилъ въ писцы, какъ работалъ день и ночь, не покладаючи рукъ, и какъ ему трудно и посейчасъ, потому что приходится отвѣчать за всѣхъ остальныхъ служащихъ. Но въ срединѣ разсказа онъ вдругъ остановился, посмотрѣлъ на входную дверь и безсильно опустилъ руки: въ дверяхъ стояла нѣмка и смотрѣла на него своими дѣтскими сѣрыми глазами. У старика точно захлонуло на душѣ: онъ какъ во снѣ видѣлъ это кисейное бѣлое платье, голубую ленту, распущенные бѣлокурые волосы.

— Да ты хоть поздоровайся съ гостьей-то, — замѣтила Аѳоея Пароѳеновна. — Она веселая бабочка...

Ѳедотъ Якимычъ съ удивленіемъ перевелъ глаза на жену и только сейчасъ замѣтилъ, какая она старая и безобразная: лицо обрюзгло, глаза злые, фигура опустившаяся. Онъ поднялся съ своего мѣста, сдѣлалъ шагъ впередъ, чтобы поздороваться съ гостьей, но только махнулъ рукой и, пошатываясь, пошелъ изъ горницы къ себѣ на заднюю половину.

IV.

Гордецъ Никашка попалъ въ Мѣдный рудникъ и съ блендочкой *) на поясѣ спускался по стремянкѣ въ шахту каждое утро вмѣстѣ съ другими рабочими. Онъ не роптalъ, не жаловался и вообще не подавалъ вида, что это ему не нравится. Крѣпкій былъ человѣкъ, съ англійской складкой характера. На первый разъ ему дали производить съемку новыхъ работъ въ шахтѣ, что уже совсѣмъ не соотвѣтствовало его спеціальности. Но и на этомъ чужомъ для него дѣлѣ Никонъ сумѣлъ такъ себя поставить, что и рудниковые рабочіе и рудниковые служащіе отнеслись къ нему съ большимъ уваженіемъ, какъ къ своего рода начальству. Онъ и по заводу не стѣснялся ходить въ костюмѣ простого рабочаго — въ бѣломъ балахонѣ, запачканномъ желтою рудниковою глиною. Когда били въ четыре часа утра на поденщину, онъ шелъ въ рудникъ, но не спускался въ шахту, пока не выходило время по его часамъ, т.-е. получасомъ позже другихъ рабочихъ. Конечно, о такомъ своевольствѣ донесено было Ѳедоту Якимычу, который опять рвалъ и металъ, но ничего подѣлать не могъ.

— Онъ у меня всѣхъ рабочихъ перебунтуетъ! — оралъ старикъ. — Да я его въ цѣпи закую, коли на то пошло!

Но это была пустая угроза. Никонъ могъ пожаловаться горному исправнику на неправильное отбиваніе часовъ, и Ѳедотъ Якимычъ только скрежеталъ зубами. И выходилъ изъ шахты Никонъ тоже получасомъ раньше, чѣмъ другіе рабочіе. Но что больше всего возмущало Ѳедота Якимыча, такъ это то, что Никону приходилось каждый день четыре раза проходить по Мѣдной улицѣ мимо господскаго дома. Утромъ еще ничего, всѣ спали, а среди бѣлаго дня это хожденіе было Ѳедоту Якимычу ножъ острый, — всѣ пальцами указывали на Никашку и всѣ ему сочувствовали, хотя открыто и не смѣли выказывать этого сочувствія.

— Вотъ навяжется этакій сахаръ! — ругался про себя старикъ.

Это пустое, въ сущности, обстоятельство отравляло ему каждый день. Когда наступалъ часъ рабочаго обѣда, Ѳедотъ Якимычъ замѣтно начиналъ

*) Блендочка—рудниковый фонарь.

волноваться и, притаившись у окна, поджидалъ, когда пройдетъ Никашка. Вечеромъ это волненіе усиливалось еще болѣе, потому что Никашка шелъ съ работы на полчаса раньше и этимъ обличалъ крѣпостную хитрость главнаго управляющаго, воровавшаго у рабочихъ по получасу.

— Нѣтъ, онъ изъ меня душу вымотаетъ, Ѳеюшка, — жаловался старикъ женѣ. — Вѣдь всѣ видятъ, какъ онъ вышагиваетъ, разбойникъ...

— Ну и пусть его шагаетъ. Тебѣ-то какая печаль? — успокаивала мужа Аѳоея Пароѳеновна. — Ежели онъ не хочетъ покориться, такъ и пеняй на себя...

— А другіе-то меня завинятъ, Ѳеюшка... Скажутъ, живого человѣка въ шахтѣ гною. Ну, да мнѣ плевать!..

Ѳедотъ Якимычъ сдѣлался не въ мѣру подозрительнымъ и въ каждомъ постороннемъ взглядѣ видѣлъ упрекъ себѣ, хотя въ глаза никто и ничего не смѣлъ ему говорить. Но наступилъ часъ, когда старикъ услышалъ и обличающее слово, и притомъ отъ кого? — отъ родной дочери. Разъ утромъ пріѣхала Наташа, такая взволнованная и разстроенная, и прямо заявила отцу:

— Тятенька, что же это вы такое дѣлаете съ Никономъ-то? Креста на васъ нѣтъ... да. Всѣ на васъ судачатъ, зачѣмъ Никона въ шахтѣ гноите.

— Да ты... ты-то откуда заступницей выискалась? — грянулъ на нее старикъ. — Да какъ ты смѣешь, негодная?.. Да тебѣ-то какое дѣло, а?

Ѳедотъ Якимычъ даже затрясся отъ охватившаго его бѣшенства и, по обыкновенію, затопалъ ногами, но Наташа и не думала уступать отцу, а тоже вся тряслась и продолжала свое:

— Должонъ же кто-нибудь сказать вамъ правду, тятенька, — ну, вотъ я и сказала... Другіе-то боятся, а я вотъ взяла и сказала. И не боюсь я васъ вотъ нисколичко...

На шумъ и крикъ спустилась изъ своей свѣтлицы сама Аѳоея Пароѳеновна и только развела руками. Положимъ, и раньше Наташѣ случалось перечить отцу, — смѣлая ужъ такая уродилась, — да все-таки не такъ, какъ сегодня: точно бѣлены объѣлась баба. Такъ на стѣну и лѣзетъ.

— Да ты ополоумѣла въ самъ-то дѣлѣ? — накинулась на нее Аѳоея Пароѳеновна. — Кому ты зубишь-то, Наталья?.. Вотъ возьму лѣстовку, да какъ начну обихаживать...

— Было ваше время, мамынька, учить-то меня, а теперь у меня мужъ есть, — съ дерзостью отвѣчала Наташа. — Вотъ вамъ некому правды-то сказать, потому какъ всѣ васъ боятся... да. А я вотъ пришла и сказала тятенькѣ все...

— Ахъ, ты, дрянь! — взъѣлась старуха. — Да тебѣ-то какое дѣло до Никашки, срамница? Вотъ еще заступа нашлась... Спустить вотъ въ шахту къ Никашкѣ: два сапога — пара. Больно зубы-то у васъ долгіе...

— Мать, оставь! — закликнулъ Ѳедотъ Якимычъ, успѣвшій опомниться. — Не тронь ее: не отъ ума болтаетъ человѣкъ...

Это неожиданное доброе слово точно придавило Наташу, — она сразу затихла, смутилась и опустила глаза. Старикъ знаками выслалъ жену изъ горницы, прошелся нѣсколько разъ, потомъ быстро повернулся къ дочери, обнялъ ее и шопотомъ спросилъ:

— Наташа, Христосъ съ тобой, что ты говоришь?

Наташа безсильно припала своею красивою русою головкою къ широкому отцовскому плечу и какъ-то по-дѣтски всхлипывала.

— Наташа, что съ тобой попритчилось?

— Тятенька, родимый, жаль мнѣ Никона... до смерти жаль. Не могу я

видѣть, какъ онъ по заводу ходитъ рабочимъ. Такъ бы вотъ бросилась къ нему, сняла съ него все грязное, надѣла все и сама бы руки ему вымыла.

— Да ты познакомилась съ нимъ, что ли? Ну, говори...

— Только издали и видала, тятенька... Гордый онъ, умница... Не томи ты его, тятенька: въ ножки поклонюсь.

Ѳедотъ Якимычъ ничего не пообѣщалъ, какъ ни молила его Наташа, и ничего не сказалъ женѣ: ему не по душѣ пришлась горячая выходка любимой дочери. И гордая она, и добрая, и вся огонь — вся въ него. Былъ одинъ моментъ, когда онъ усомнился въ ней: не попуталъ ли ее бабьимъ дѣломъ грѣхъ, но этого не оказалось, и старикъ успокоился. А все-таки нельзя Никашкѣ спускать, — пусть его походитъ съ блендочкой. Послѣ самъ спасибо за науку скажетъ... Амоея Пароѳновна зато была огорчена поведеніемъ Наташи до глубины души, но, по своей материнской логикѣ, сейчасъ же во всемъ обвинила Наташина мужа, который не умѣлъ держать жену въ рукахъ. Вотъ она и блажитъ. Хорошо, что пришла къ отцу съ матерью, а домашній срамъ дома же и изнашивается. У старухи все-таки осталось какое-то темное предчувствіе неизвѣстной бѣды, которую привезли съ собой вотъ эти самые басурманы.

„Хорошо еще, что Левонида въ Новый заводъ избыли, — подумала въ заключеніе Амоея Пароѳновна, припоминая то впечатлѣніе, которое нѣмка произвела на Ѳедота Якимыча. — Приворотная гривенка эта нѣмка...“

Леонидъ Гордѣевъ былъ опредѣленъ на службу въ Новый заводъ, подъ начало Григорію Ѳедотычу. На сына старикъ надѣялся вполнѣ: потачки не дастъ, хотя и вмѣстѣ ребятами въ бабки играли. Тяжелая рука была у Григорія Ѳедотыча, пожалуй, потяжелѣе родительской, только онъ разговаривать много не любилъ, — характеромъ пошибалъ больше въ мать. Чтобы выдержать свою политику, Ѳедотъ Якимычъ опредѣлилъ Леонида въ бухгалтерію, т.-е. не по его спеціальности, какъ и Никона. Пусть чувствуетъ, что въ его наукѣ никто не нуждается: и безъ него жили и при немъ проживутъ. Въ отместку Никону заводоуправленіемъ Леониду дано было сразу мѣсто служащаго, съ жалованьемъ въ двадцать рублей, что составляло уже цѣлое богатство по сравненію съ рабочей поденщиной Никона. Ѳедотъ Якимычъ хотѣлъ достигнуть гордеца Никашку не мытьемъ, такъ катаньемъ.

Молодые Гордѣевы сразу устроились хорошо въ Новомъ заводѣ. Заводъ былъ небольшой, служащихъ мало, и все дѣло велъ Григорій Ѳедотычъ, сразу наваливший на Леонида кучу канцелярской заводской работы. Впрочемъ, Леонидъ и самъ былъ радъ, что дорвался хоть до какого-нибудь дѣла, а то цѣлыхъ полгода онъ проживалъ въ Землянскомъ заводѣ совсѣмъ безъ занятій, что томило его хуже всякой работы. И на квартирѣ Гордѣевы устроились прекрасно, именно—у заводскаго попа Евстигнея, который жилъ въ большомъ господскомъ домѣ только вдвоемъ со своей попадьей Капитолиной. Это была оригинальная парочка. Попъ былъ высокій, волосатый, худой и молчаливый человѣкъ, вѣчно шагавшій изъ угла въ уголъ, какъ маятникъ, а попадья, красивая и молодая женщина, совсѣмъ не умѣла молчать. Дѣтей не было, и попъ съ попадьей обрадовались квартирантамъ, какъ дорогимъ гостямъ, особенно говорунья-попадья. Подъ ея руководствомъ нѣмка быстро научилась говорить по-русски, такъ что даже Леонидъ только удивлялся успѣхамъ жены.

— У меня мертвый заговоритъ, — хвасталась попадья. — Чего бабамъ и дѣлать, какъ не разговоры разговаривать?.. Да и нѣмочку твою, Леонидъ Зотычъ, я полюбила сразу, ровно бы вотъ родную сестру. Только вотъ одного

не можетъ выучить: чи, и кончено. Точно вотъ примерзло это самое слово у ней къ языку...

— Я ужъ не знаю, какъ васъ и благодарить, Капитолина Егоровна, — повторялъ Гордѣевъ.

— Какъ-нибудь, авось, сочтемся...

Новозаводская попадья славилась, какъ развертная бабенка. Самъ Ѳедотъ Якимычъ любилъ завертывать къ ней въ гости: и квасомъ напоитъ такимъ, что въ носъ ударитъ, и на гитарѣ сыграетъ, и пѣсню споетъ, и наговоритъ съ три короба. Однимъ словомъ, на всѣ руки попадья. А ужъ какъ она пѣла, эта самая попадья — до слезъ доведетъ, какъ зальется. И все-то у ней смѣшкомъ, да шуткой, да уверткой, точно вотъ на огнѣ горитъ.

— Гдѣ ты такая и зародилась, Капитолинушка? — бывало, пошутитъ Ѳедотъ Якимычъ, хлопнувъ попадью по крутому бѣлому плечу. — Хоть бы и не попу такую жену, такъ въ самую пору...

— И то не по чину досталась попу попадья, — отшучивается Капитолина Егоровна, ласково поглядывая на дорогого гостя. — Кому ужъ какое счастье на роду написано, Ѳедотъ Якимычъ. Отъ судьбы не уйдешь...

Выговоритъ попадья такое словечко и сама легонько вздохнетъ. А попъ все шагаетъ изъ угла въ уголъ, какъ журавль по покосу, и все молчитъ да бороду свою теребитъ. Онъ съ гостями двухъ словъ другой разъ не скажетъ. Ѳедотъ Якимычъ не пріѣзжалъ въ Новый заводъ безъ того, чтобы не привезти попадьѣ гостинца — то шелковый платокъ, то ситцу на платье, то меду или яблоковъ. Вмѣстѣ съ гостинцами старикъ всегда привозилъ попадьѣ поклонъ отъ Наташи. А сама Наташа, когда пріѣзжала погостить въ Новый заводъ къ брату, все время проводила въ поповскомъ домѣ, гдѣ и ночевала. Брата Григорія Ѳедотыча она не любила, какъ и сноху Татьяну, — скучные они какіе-то. Съ попадьей Наташа и спала на одной кровати, а попа выдворяли въ это время въ дальнюю угловую комнату.

— Хохлатый онъ у тебя какой-то, — повторяла Наташа въ припадкѣ откровенности. — Какъ ты и живешь съ нимъ.

— А мнѣ хорошъ, — смѣялась попадья.

— Нашла тоже сокровище...

Черезъ Наташу попадья знала рѣшительно все, что дѣлалось въ Землянскомъ заводѣ, и пользовалась этимъ, чтобы подтравить иногда Ѳедота Якимыча.

Мѣсяца черезъ два по переѣздѣ Гордѣевыхъ въ Новый заводъ, прилетѣла туда и Наташа. Попадья просто не узнала ее: скучная такая да молчаливая, точно въ воду опущенная. Она, противъ обыкновенія, ничего не разсказывала, а только дразнила нѣмку, такъ смѣшно коверкавшую русскія слова. Вмѣсто „корова“ Амалія Карловна говорила „говядина“, оглобли называла жердями и т. д. Попадьѣ на первый разъ показалось, что Наташа просто приревновала се къ нѣмкѣ, и только улыбалась про себя. День кончился тѣмъ, что Наташа капризничала и даже кричала на попадью, а потомъ вдругъ затихла и принялась уговаривать попадью спѣть ея любимую пѣсню: „Не взвивайся, мой голубчикъ, выше лѣсу, выше горъ“.

— Голубушка, родная, спой! — умоляла она. — Охъ, тяжело мнѣ... тошно.

— Да что случилось-то, говори толкомъ?

— Все будешь знать, скоро состаришься.

Вечеромъ попъ Евстигней, по обыкновенію, шагалъ изъ угла въ уголъ. Попадья усѣлась на диванѣ съ гитарой и пѣла любимыя Наташины пѣсни,

а сама Наташа слушала и плакала. Подъ конецъ она не выдержала и разсказала все, какъ на духу.

— Капочка, родная, сама я не своя... — каялась Наташа. — Точно вотъ громомъ меня оглушило: ничего не понимаю, ничего не слышу и не вижу. Ты говоришь, а я не понимаю ничего... И какъ это все случилось?..

— Попъ, ты бы вышелъ, — говорила попадья, предчувствуя интимное объясненіе. — Мы съ Наташей мало ли что болтаемъ промежду себя.

Попъ покорно хотѣлъ выйти, какъ Наташа остановила его:

— Не уходи, попъ: все равно ничего не поймешь... И таиться мнѣ не отъ кого: мой грѣхъ — мой и отвѣтъ. Вся тутъ... Капочка, полюбился онъ мнѣ, ворогъ мой лютый, и сама не знаю какъ и за что. Даже не заговаривала съ нимъ ни единаго разу, а все только думаю о немъ да про себя ласковыя слова наговариваю... Вотъ какъ крѣпко полюбился, что ни крестомъ ни пестомъ не оторвешь его. Ахъ, пропала моя головушка, Капочка...

— Да кто онъ-то, обворожитель-то твой? Не говори, сама знаю: гордецъ Никашка... Слышала мелькомъ, сорока на хвостѣ принесла. Только я тебя не похвалю, Наташа... Непутевое это дѣло мужней женѣ...

— Не понимаю я, ничего не понимаю! — повторяла Наташа, закрывая глаза, какъ подстрѣленная птица. — Не искала я его, самъ пришелъ да противъ самаго сердца и сталъ. Охъ, головушка моя!..

V.

Прошелъ годъ. Жизнь вошла въ обычную колею. Леонидъ Гордѣевъ попрежнему служилъ бухгалтеромъ и мало-по-малу втянулся въ свою служительскую лямку. Это былъ трудолюбивый и скромный человѣкъ, сумѣвшій приспособиться къ новой средѣ. Только временами на него нападали минуты тяжелаго раздумья и какой-то апатіи: онъ былъ не на своемъ мѣстѣ. Кромѣ того, изъ-за канцелярской работы онъ не имѣлъ свободнаго времени, чтобы пополнять свое образованіе. Да и книгъ не было, и даже газетъ, — на двадцать рублей не далеко ускачешь. А вѣдь время идетъ... Черезъ пять лѣтъ такой канцелярщины какой можетъ быть изъ него горный инженеръ? Придется начинать съ аза... Но больше всего Леонида мучило то, что онъ—крѣпостной человѣкъ, слѣдовательно не имѣетъ никакихъ правъ. Постепенно эта мысль сдѣлалась его больнымъ мѣстомъ. Да и не онъ одинъ крѣпостной, а и жена и будущія дѣти... Нѣтъ, даже страшно подумать! Мысль невольно уходила назадъ, въ тотъ свободный міръ, гдѣ нѣтъ крѣпостныхъ и рабовладѣльцевъ, а царитъ свобода. Да, золотая свобода... Не разъ у Леонида мелькала мысль о бѣгствѣ въ Швецію,—тамъ онъ нашелъ бы себѣ работу и устроился бы, какъ всѣ свободные люди. Онъ, какъ сквозь сонъ, видѣлъ страну горъ, лѣсовъ и озеръ, гдѣ прошли лучшіе годы. Тамъ онъ учился, тамъ работалъ, тамъ въ первый разъ увидѣлъ бѣлокурую дѣвичью головку съ этими дѣтски-довѣрчивыми глазами. Это была семья шведскаго горнаго инженера, гдѣ онъ былъ принятъ, какъ свой человѣкъ. Вѣдь живутъ же люди по-человѣчески, работаютъ, веселятся и не знаютъ, что такое неволя, рабство, позоръ. Съ какимъ хорошимъ чувствомъ Леонидъ возвращался на далекую родину и какія гордыя мечты онъ везъ съ собой! Онъ уже видѣлъ впереди святое дѣло, громадный трудъ, процвѣтаніе цѣлаго заводскаго округа, успѣхи и тріумфъ,—а все дѣло свелось на грязную контору и проклятыя конторскія книги.

Единственнымъ утѣшеніемъ оставалась своя собственная семья. Леонидъ отдыхалъ только у себя дома и былъ счастливъ. Но и это счастье было нару-

шено. Что случилось, Леонидъ не могъ бы и самъ сказать, но что-то случилось. Между нимъ и женой легла непрошенная тѣнь, то первое недовольство, которое не объясняется словами. Амалія Карловна быстро выучилась русскому языку и съ чисто-женскою ловкостью приспособилась къ новой обстановкѣ и къ новымъ людямъ. Часто, вглядываясь въ жену, Леонидъ находилъ въ ней что-то новое, ему незнакомое, точно это была другая женщина. Прежде всего, ему казалось, что она перестала быть съ нимъ откровенной, какъ раньше, и чего-то не договариваетъ, а затѣмъ... а затѣмъ, что она тоже въ свою очередь открыла въ немъ совсѣмъ другого человѣка. Потерялся искренній, дружескій тонъ, и начиналась чувствоваться житейская гнетущая фальшь, покрывавшая ржавчиной каждую мысль, каждое движеніе. Разъ Амалія Карловна спросила мужа:

— Послушай, Леонидъ, вѣдь я тоже крѣпостная?

— Кто это тебѣ сказалъ?

— Все равно, я знаю... Вѣдь рабство—ужасная вещь, и если бъ у насъ были дѣти, они родились бы тоже рабами. Я не подозрѣвала этого.

— И я тоже не думалъ, что меня оставятъ крѣпостнымъ. Но вѣдь это все равно: тебя, кажется, никто не притѣсняетъ, и ты живешь, какъ свободная женщина.

— Да? А ты думаешь, мнѣ легко смотрѣть на твое зависимое положеніе? Развѣ я не понимаю, что все это значитъ?

— Милая, я тоже отлично понимаю, и если не говорю объ этомъ, то только потому, чтобы напрасно не тревожить тебя. Словами дѣлу не поможешь... Будетъ время, когда и мы будемъ вольны.

Амалія Карловна только вздыхала.

Разставшись съ братомъ Никономъ еще въ дѣтствѣ, Леонидъ встрѣтился опять съ нимъ въ Землянскомъ заводѣ, какъ чужой человѣкъ. Это чувство сгладилось только подъ давленіемъ общаго несчастія. Оно ихъ сблизило. Да и съ кѣмъ было отвести душу, когда кругомъ царило огульное невѣжество и кромѣшная тьма? Заводскіе служащіе образованія никакого не получали и, кромѣ своихъ заводскихъ дѣлъ, ни о чемъ не хотѣли знать. Въ этой средѣ положеніе Леонида было самое фальшивое: къ нему относились, какъ къ чужому, и замѣтно старались избѣгать его, да и самъ онъ не искалъ поводовъ для сближенія. Единственное, что оставалось—это братъ Никонъ. И старшинство лѣтъ и непреклонная энергія Никона давали ему извѣстный перевѣсъ. Время отъ времени Леонидъ уѣзжалъ въ Землянскій заводъ, чтобы повидаться съ братомъ, и каждый разъ возвращался оттуда такимъ бодрымъ, съ новымъ запасомъ силъ, точно молодѣлъ на нѣсколько лѣтъ. Никонъ все еще ходилъ съ блендочкой и, повидимому, нисколько не тяготился своимъ положеніемъ. Чѣмъ хуже его другіе рабочіе? Онъ желаетъ быть такимъ же, и только. Да, онъ ѣстъ свой трудовой хлѣбъ, а тамъ увидимъ.

— Мы еще тряхнемъ Ѳедотомъ Якимычемъ, — говорилъ Никонъ съ обычнымъ спокойствіемъ, посасывая коротенькую англійскую трубочку.

— Меня удивляетъ только одно, Никонъ,—отвѣчалъ Леонидъ:—ты говоришь объ этомъ звѣрѣ такимъ тономъ, точно онъ тебѣ нравится.

— А что же? Ты, пожалуй, и угадалъ. Мнѣ старикъ дѣйствительно нравится, нравится именно выдержкой характера. Посмотри, какъ онъ систематически давитъ насъ съ тобой... Это, братъ, настоящая сила, только дурно направленная; а я люблю всякую силу. Рѣшительно Ѳедотъ Якимычъ мнѣ нравится... Въ немъ есть кровь.

Никонъ жилъ въ Землянскомъ заводѣ, вмѣстѣ съ матерью, въ отцов-

скомъ старомъ домикѣ. Обстановка была самая бѣдная, почти нищенская, но Никонъ ничего не хотѣлъ замѣчать и довольствовался малымъ. Даже свою камлотовую шинель и цилиндръ онъ забросилъ и сталъ ходить лѣтомъ въ татарскомъ азямѣ, а зимой—въ нагольномъ полушубкѣ,—такъ было удобнѣе. Если кто жаловался и постоянно скорбѣлъ, такъ это старуха Анна Гавриловна, постоянно болѣвшая своимъ материнскимъ сердцемъ за дѣтей. Въ сущности, это была забитая и тихая старушка, прошедшая слишкомъ тяжелую школу. Она могла только плакать безсильными слезами и во всемъ слѣпо повиновалась Никону, на котораго молилась.

— Погоди, мать, будетъ и на нашей улицѣ праздникъ,—говорилъ Никонъ въ веселую минуту.—А Ѳедота Якимыча мы узломъ завяжемъ, да...

Никто такъ весело не умѣлъ смѣяться, какъ Никонъ, хотя это случалось съ нимъ очень рѣдко,—точно солнце освѣтитъ, когда онъ улыбается. Такъ смѣялся Ѳедотъ Якимычъ,—у нихъ была эта общая черта. Намеки Никона на то, что онъ что-то устроитъ главному управляющему, ужасно безпокоили старуху-мать, и разъ она по секрету сообщила свои опасенія Леониду.

— Устроитъ онъ, Никонъ-то, какъ пить дастъ,—шопотомъ говорила она, хотя въ комнатѣ никого не было.—Знаешь, какой у него характеръ? Безстрашный онъ... Въ кого, подумаешь, и уродится такой человѣкъ!

— Ничего, мать, и такъ сойдетъ,—успокаивалъ Леонидъ.—Мало ли сгоряча что̀ говорится.

У Никона, дѣйствительно, былъ замыселъ, хотя, повидимому, онъ ничего и не дѣлалъ. Правда, за нимъ былъ устроенъ негласный дозоръ, и каждый шагъ его былъ извѣстенъ Ѳедоту Якимычу. Единственное, что̀ онъ позволялъ себѣ, это то, что онъ выходилъ на работу позже получасомъ и настолько же уходилъ раньше. Сначала рабочіе шутили надъ заграничнымъ и потихоньку ждали, что̀ сдѣлаетъ съ нимъ Ѳедотъ Якимычъ, а когда тотъ оказался безсильнымъ, рабочіе догадались, въ чемъ дѣло. Переговоры, глухой ропотъ и шептанье по угламъ разрѣшились открытымъ бунтомъ, т.-е., когда ударили поденщину, никто изъ рабочихъ не шевельнулся. Только когда пришелъ Никонъ, вышли и рабочіе. Это ничтожное въ своей сущности событіе подняло на ноги все крѣпостное начальство, а самъ Ѳедотъ Якимычъ пріѣхалъ на Мѣдный рудникъ въ сопровожденіи горнаго начальника и горной стражи.

— Гдѣ бунтовщики?—кричалъ Ѳедотъ Якимычъ, не вылѣзая изъ экипажа.—Въ острогѣ сгною!.. Запорю!..

Рабочіе были подняты изъ шахты и выстроены въ двѣ шеренги. Бунтари представляли собою очень жалкій видъ. Желтые, изможденные, они точно сейчасъ только были откопаны изъ земли, какъ заживо похороненные покойники. Въ числѣ другихъ стоялъ и Никонъ, выдѣлявшійся и ростомъ и крѣпкимъ сложеніемъ.

— Не ладно поденщину отдаютъ,—послышался изъ толпы робкій голосъ.

— А, поденщину?—заревѣлъ Ѳедотъ Якимычъ.—Кто это сказалъ? Выходи!

— Дѣйствительно, невѣрно,—отвѣтилъ смѣло за всѣхъ Никонъ.—На цѣлыхъ полчаса раньше... Это не по закону. И съ работы отпускаютъ получасомъ позже...

— А, такъ это ты?—обрадовался Ѳедотъ Якимычъ.—Давно я добирался до тебя, голубчикъ... Казаки, берите его и ведите его ко мнѣ въ домъ. Тамъ мы поговоримъ.

Казаки подхватили Никона подъ руки и повели въ господскій домъ, а

Ѳедотъ Якимычъ остался для окончательной расправы на рудникѣ. Когда Никона вели по Мѣдной улицѣ, изъ всѣхъ оконъ выглядывали любопытныя лица и сейчасъ же прятались. А Никонъ шагалъ совершенно спокойно, точно шелъ въ гости. Около господскаго дома толпился народъ, когда привели Никона и поставили во дворѣ передъ краснымъ крыльцомъ. Онъ оставался невозмутимымъ попрежнему. Въ эту минуту на крыльцо торопливо вышла Наташа.

— Никонъ Зотычъ, пожалуйте въ горницы,—смѣло пригласила она.— А казакамъ подадутъ по стакану водки въ кухнѣ... Эй, отпустите его!

Казаки разступились,—всѣ знали въ лицо дочь главнаго управляющаго. Никонъ спокойно посмотрѣлъ черезъ очки своими близорукими глазами на неизвѣстную ему женщину и спокойно поднялся на крыльцо. Наташа стояла передъ нимъ такая молодая, красивая, взволнованная и счастливая. Она была сегодня въ красномъ шелковомъ сарафанѣ и въ бѣлой шелковой рубашкѣ. Опустивъ глаза, она шопотомъ проговорила:

— Пожалуйте въ горницы...

Никонъ молча пошелъ за ней. Когда вошли на парадную половину, онъ оглядѣлся кругомъ, оглядѣлъ стоявшую передъ нимъ молодую женщину и спокойно спросилъ:

— А вы-то кто такая будете, сударыня?

— Я-то... дочь Ѳедота Якимыча, а зовутъ меня Наташей,—смѣло отвѣтила Наташа и первая протянула руку гостю.—Садитесь, гостемъ будете...

— Вы здѣсь живете?

— Нѣтъ, я отдѣльно... Я замужняя.

— А я думалъ, что вы дѣвушка...

— Какой вы смѣшной!.. У дѣвушекъ коса бываетъ...

Никонъ сѣлъ на первый стулъ, заложилъ ногу на ногу и раскурилъ свою трубочку. Наташа молчала и только поглядывала на него исподлобья своими бархатными глазами.

Можно себѣ представить изумленіе Ѳедота Якимыча, когда онъ явился домой для расправы съ гордецомъ Никашкой. Казакъ Мишка еще за воротами доложилъ ему, что Никонъ сидитъ въ горницѣ и куритъ трубку. Старикъ точно остолбенѣлъ, а потомъ быстро вбѣжалъ на крыльцо, распахнулъ двери въ горницы, да такъ и остановился, какъ только взглянулъ на Наташу.

Вотъ это чья работа!..

— Трубку-то, трубку проклятую брось, басурманъ! — закричалъ онъ, топая ногами. — Вѣдь образа въ переднемъ углу, нехристь, а ты табачищу напустилъ...

Никонъ поднялся, сунулъ трубку въ карманъ и съ любопытствомъ посмотрѣлъ на хозяина.

— Тятенька, послѣ успѣешь обругаться, — вступилась Наташа:—а Никонъ Зотычъ нашъ гость. Я его позвала сюда.

— Ты?.. Наташа, да ты съ меня голову сняла, — застоналъ старикъ, хватаясь за свои сѣдины. — Бунтовщикъ... смутьянъ... а ты ведешь его въ горницы! Да ему въ острогѣ мало мѣста... Рабочихъ перебунтовалъ, самъ поклониться не умѣетъ порядкомъ. Что же это такое?

— Никонъ Зотычъ правильно дѣлалъ, — отвѣтила Наташа. — Вы обманывали рабочихъ поденщиной, а онъ справедливый...

— Я никого не бунтовалъ, Ѳедотъ Якимычъ, — проговорилъ Никонъ своимъ обыкновеннымъ тономъ.—Вы сами знаете, что это такъ...

Ѳедотъ Якимычъ повернулся къ дочери и повелительно указалъ на дверь. Она безъ слова вышла. Никонъ продолжалъ стоять и въ упоръ смотрѣлъ на

старика, который порывисто ходилъ по комнатѣ, точно хотѣлъ угомонить какую-то мысль.

— Ты, гордецъ, чего столбомъ-то стоишь? — крикнулъ на него Ѳедотъ Якимычъ, круто повернувшись лицомъ.—Порядковъ не знаешь...

Никонъ сѣлъ и заложилъ по привычкѣ ногу за ногу, а Ѳедотъ Якимычъ принялся бѣгать по горницѣ. Изрѣдка онъ останавливался, быстро взглядывалъ на Никона, что-то бормоталъ себѣ въ бороду и опять начиналъ ходить. Наконецъ онъ усталъ, разстегнулъ давившій шею воротникъ ситцевой рубахи и остановился. Посмотрѣвъ на Никона одно мгновеніе, онъ быстро подошелъ къ нему, крѣпко обнялъ, расцѣловалъ прямо въ губы и проговорилъ:

— Люблю молодца за обычай... А теперь убирайся къ чорту, да, смотри, на глаза мнѣ не попадайся, коли хочешь быть цѣлъ.

VI.

Леонидъ очень безпокоился о судьбѣ Никона, когда стороной услышалъ о происходившемъ на Мѣдномъ рудникѣ бунтѣ. Въ участіи Никона онъ не сомнѣвался, а потаенная крѣпостная молва разнесла, что онъ арестованъ и содержится подъ стражей. Правильной почты между заводами не существовало, а ссылаться приходилось при оказіи. Да и писать брату Леонидъ не рѣшался, потому что письма могли перехватить, и тогда досталось бы по пути и ему.

Разъ лѣтнимъ вечеромъ, когда Леонидъ заканчивалъ какую-то работу въ своей конторѣ, къ господскому дому, гдѣ жилъ Григорій Ѳедотычъ, сломя голову прискакалъ верховой. Всѣ служащіе переполошились: это былъ „загонщикъ“, ѣхавшій впереди самого Ѳедота Якимыча. Эти поѣздки главнаго управляющаго съ завода на заводъ обставлялись большою торжественностью: впереди летѣлъ загонщикъ, за нимъ на пятеркѣ съ форейторомъ мчался тяжелый дорожный дормезъ, а позади дормеза скакали казаки горной стражи и свои заводскіе лѣсообъѣздчики. Такъ было и теперь. По случаю хорошей погоды, дормезъ былъ открытъ, и въ окна заводской конторы можно было разсмотрѣть, что Ѳедотъ Якимычъ сидѣлъ рядомъ съ какимъ-то высокимъ господиномъ въ цилиндрѣ, а на козлахъ рядомъ съ кучеромъ сидѣлъ изобрѣтатель штанговой машины Карпушка.

— Да вѣдь это Никонъ! — крикнулъ кто-то изъ служащихъ. — Онъ самый... Рядомъ съ Ѳедотъ Якимычемъ сидитъ. Вотъ такъ фунтъ!

Острый рабій глазъ не ошибся: Ѳедотъ Якимычъ пріѣхалъ въ Новый заводъ дѣйствительно въ сопровожденіи Никона и Карпушки. Старикъ былъ въ веселомъ настроеніи и, не вылѣзая изъ экипажа, проговорилъ, указывая глазами на Карпушку:

— Отвяжите этого подлеца, да пусть протрезвится въ машинной.

Изобрѣтатель Карпушка, дѣйствительно, былъ привязанъ къ козламъ, потому что былъ пьянъ и могъ свалиться. Онъ такъ и не просыпался съ тѣхъ поръ, какъ выпилъ большую управительскую рюмку изъ собственныхъ рукъ Ѳедота Якимыча. Его развязали, сняли съ козелъ, встряхнули и повели въ контору, гдѣ „машинная“ замѣняла карцеръ (свое названіе это узилище получило отъ хранившейся здѣсь никуда негодной, старой пожарной машины). Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, Карпушка неожиданно вырвался, подбѣжалъ къ экипажу и хрипло проговорилъ:

— Ѳедотъ Якимычъ, родимый... одну рюмочку... совсѣмъ розняло...

— Ахъ, ты, ненасытный песъ!—обругался старикъ, но велѣлъ подать рюмку.

Григорій Ѳедотычъ былъ на фабрикѣ, и гостей приняла одна сноха Татьяна, трепетавшая въ присутствіи грознаго свекра.

— Ну, принимай дорогихъ гостей, — пошутилъ съ ней старикъ. — Вотъ привезъ вамъ двухъ гостинцевъ... Выбирайте, который больше поглянется. Ну, а что попадья? Прыгаетъ?.. Ахъ, дуй ее горой!.. Вечеромъ, Никонъ, въ гости пойдемъ къ попу... Одно удивленіе, а не попъ. Левонидъ-то у нихъ на квартирѣ стоитъ. Вотъ такъ кампанію завели... ха-ха! И нѣмка съ ними...

Никонъ разсѣянно молчалъ, не слушая, что говоритъ владыка. Это молчаніе и разсѣянность возмущали Ѳедота Якимыча всю дорогу, и онъ нѣсколько разъ принимался ругать Никона.

— Да ты что молчишь-то, басурманъ? Вѣдь съ тобой говорятъ... Съ Карпушкой-то на одно лыко тебя связать. Уродится же этакій человѣкъ... Не гляди ты, ради Христа, очками своими на меня: съ души воротитъ.

Вечеромъ, когда у попа пили чай, пожаловали пріѣхавшіе гости, т.-е. Ѳедотъ Якимычъ и Никонъ. Старикъ, помолившись образу, сейчасъ же преподнесъ попадьѣ таинственный свертокъ, расцѣловалъ ее и проговорилъ:

— Это тебѣ поминки отъ меня, попадья, чтобы не забывала старика, а отъ Наташи поклончикъ отдѣльно... Ну, здравствуй, хохлатый!

На Гордѣевыхъ въ первую минуту Ѳедотъ Якимычъ не обратилъ никакого вниманія, точно ихъ и въ комнатѣ не было. Никонъ поцѣловалъ руку у Амаліи Карловны, а попадьѣ поклонился издали. Это опять разсмѣшило Ѳедота Якимыча.

— Чего ты басурманомъ-то, Никонъ, прикидываешься? — шутилъ старикъ.—Руку у нѣмки поцѣловалъ, теперь цѣлуй попадью прямо въ губы... У насъ, братъ, попросту!.. А я-то и не поздоровался съ нѣмочкой. Ну, здравствуй, бѣляночка!

Ѳедотъ Якимычъ хотѣлъ ее обнять и расцѣловать, какъ попадью, но та вскрикнула и выбѣжала изъ комнаты.

— Ишь, недотрога-царевна!—смѣялся старикъ.—Ладно я ее напугалъ... А того не подумала, глупая, что я по-отечески... Старика можно поцѣловать всегда. За угломъ не хорошо цѣловаться, а старика да при людяхъ по обычаю должна.

Попадья не сводила глазъ съ Никона, точно хотѣла прочесть въ немъ тайныя думы Наташи. „Вотъ понравится сатана пуще яснаго сокола“,—невольно подумала она, легонько вздыхая. А Никонъ пилъ чай и ни на кого не обращалъ вниманія, точно пришелъ къ себѣ домой. Это невниманіе задѣло попадью за живое. „Постой, голубчикъ, ты у меня заговоришь, даромъ что ученый“,—рѣшила она про себя. Хохлатый попъ, по обыкновенію, шагалъ изъ угла въ уголъ и упорно молчалъ, точно воды въ ротъ набралъ. Ѳедотъ Якимычъ разговаривалъ съ Леонидомъ о заводскихъ дѣлахъ, — давешнее веселое настроеніе соскочило съ него разомъ, и онъ началъ поглаживать свою бороду. Амалія Карловна нѣсколько разъ появлялась въ дверяхъ и пряталась, точно дѣвочка-подростокъ. Попадья дѣлала ей какіе-то таинственные знаки, но нѣмка ничего не хотѣла понимать, отрицательно качала бѣлокурою головкой и глядѣла исподлобья на гостей.

— Послушайте, да вы что немъ-то сидите? — обрушилась неожиданно попадья на Никона.—Ну, спойте что-нибудь, по крайней мѣрѣ... Я вамъ на гитарѣ сыграю.

— Такъ его, хорошенько! — похвалилъ Ѳедотъ Якимычъ. — Не съ кислымъ молокомъ пріѣхали.

Никонъ поднялъ глаза на бойкую попадью и безотчетно улыбнулся.

„Да онъ хорошій!“—удивилась попадья. Ихъ глаза встрѣтились еще въ первый разъ. Попадья беззаботно тряхнула головой, достала гитару и, заложивъ по-мужскому ногу за ногу, усѣлась на диванъ. Ѳедотъ Якимычъ подсѣлъ къ ней рядомъ.

— Ну, милушка, затягивай,—упрашивалъ онъ.—Да позаунывнѣе, чтобы до слезъ проняло. Уважь, Капитолинушка...

Когда раздались первые аккорды и къ нимъ присоединился красивый женскій контральто, Никонъ даже поднялся съ мѣста да такъ и впился своими близорукими глазами въ мудреную попадью. Отлично пѣла попадья, а сегодня въ особенности. И красивая была, особенно когда быстро взглядывала своими темными глазами съ поволокой. Ѳедотъ Якимычъ совсѣмъ расчувствовался и кончилъ тѣмъ, что вытеръ скатившуюся старческую слезу. И Никонъ чувствовалъ, что съ нимъ дѣлается что-то необыкновенное, точно вотъ онъ упалъ куда-то и не можетъ подняться, но это было сладкое безсиліе, какъ въ утреннихъ просонкахъ.

Амалія Карловна воспользовалась этимъ моментомъ и знаками вызвала мужа въ другую комнату. Здѣсь она съ дѣтскою порывистостью бросилась къ нему на шею и заплакала.

— Милочка, что̀ съ тобой?—изумился Леонидъ, цѣлуя жену.

— Да какъ онъ смѣлъ...—повторяла нѣмка, задыхаясь отъ слезъ.—Такъ обращаются только съ крѣпостными...

— А попадья?

— Она другое дѣло, Леонидъ... Потомъ онъ такъ посмотрѣлъ на меня... нехорошо посмотрѣлъ.

— Да вѣдь онъ — старикъ. А впрочемъ, какъ знаешь...

Нѣмка такъ и не показалась больше. Она заперлась въ своей комнатѣ, сославшись на головную боль. Когда попадья объявила объ этомъ, Ѳедотъ Якимычъ погладилъ свою бороду и крякнулъ. Впрочемъ, онъ сейчасъ же спохватился и принялся за серьезные разговоры съ Леонидомъ.

— Я привезъ къ тебѣ брата, ты у меня и будешь за него въ отвѣтѣ,—объяснилъ старикъ.—Положимъ, мы съ нимъ помирились, а все-таки ему пальца въ ротъ не клади... Насквозь вижу всего! Однимъ словомъ, ластистый звѣрь. Онъ будетъ у васъ на Новомъ заводѣ мѣховой корпусъ строить, а Карпушка будетъ помогать. Наказаніе мое этотъ Карпушка: съ кругу спился мужикъ... И съ чего бы, кажется? Ума не приложу... Ужъ я съ нимъ и такъ и этакъ, и лаской и строгостью—ничего не беретъ. Дуритъ мужикъ... Ты его тоже къ рукамъ прибери: съ тебя взыскивать буду.

— Да что̀ же я съ нимъ подѣлаю, Ѳедотъ Якимычъ?—взмолился Леонидъ.

— А ужъ это твоего ума дѣло... Не люблю, когда со мной такъ разговариваютъ. Слышалъ? Не люблю. Учился у нѣмцевъ, а не понимаешь того, какъ съ добрыми людьми жить. Я бы Григорію Ѳедотычу наказалъ, да не таковскій онъ человѣкъ: характеръ потяжелѣе моего.

Ужинъ прошелъ довольно скучно, несмотря на всѣ усилія попадьи развеселить компанію. Всѣ были точно связаны. Никонъ сидѣлъ рядомъ съ попадьей, и она не утерпѣла, чтобы не спросить его шопотомъ:

— А вы Наташу знаете?

— Какую Наташу?

— Ну, дочь Ѳедота Якимыча... Красивая такая женщина—кровь съ молокомъ.

— Ахъ, да...

— Что̀ да?

— Ничего...

Попадья улыбнулась одними глазами и даже отодвинулась отъ Никона,— очень ужъ пристально онъ смотрѣлъ на нее.

„Этакій мудреный, Христосъ съ нимъ,—подумала попадья.—Ничего съ нимъ не сообразишь“.

Попъ Евстигней промолчалъ все время, и все время никто не обращалъ на него вниманія, какъ на бѣднаго родственника или приживальца.

— Вотъ что̀, Леонидъ, ты скажи женѣ мой поклончикъ,—говорилъ Ѳедотъ Якимычъ на прощанье.—Такъ и скажи, что старикъ Ѳедотъ Якимычъ кланяется...

Никонъ на прощанье такъ крѣпко пожалъ руку попадьѣ, что та чуть не вскрикнула.

На другой день утромъ Ѳедотъ Якимычъ опять заявился въ поповскій домъ, на этотъ разъ уже одинъ. Леонидъ былъ на службѣ, попа увезли куда-то съ требой, а попадья убиралась въ кухнѣ. Старикъ подождалъ, когда выйдетъ „бѣлянка“.

— Заѣхалъ проститься...—коротко объяснилъ онъ, когда Амалія Карловна вышла въ гостиную.

— Вы уже уѣзжаете? Такъ скоро...—отвѣтила нѣмка и посмотрѣла своими ясными глазами прямо въ душу старику.

— А зачѣмъ ты вчера убѣжала?—въ упоръ спросилъ старикъ.—Я вѣдь къ тебѣ, бѣляночка, не съ худомъ... Ну, чего смотришь-то такъ на меня? Для другихъ я и крутъ и строгъ, а для тебя найдемъ и ласковое словечко...

— Благодарю, но я не знаю, чѣмъ я заслужила ваше вниманіе...— смущенно отвѣтила Амалія Карловна.

— Чѣмъ? А ужъ это какъ кому Богъ на душу положитъ. Поглянулась ты мнѣ съ перваго разу—и весь сказъ... Вотъ попадью тоже люблю, Никашку-гордеца помирилъ. Ну, какъ живешь-можешь: скучно, поди, въ другой разъ?.. Да вотъ что̀, бѣляночка, принеси-ка мнѣ, старику, рюмку анисовки,—у попа есть. Я изъ твоихъ рукъ хочу выпить...

Нѣмка быстро ушла, а Ѳедотъ Якимычъ присѣлъ къ столу, положивъ свою сѣдую голову на руки, да такъ и застылъ. Съ нимъ дѣлалось что-то странное, въ чемъ онъ самъ не могъ дать себѣ отчета. Зачѣмъ онъ пришелъ сюда? Еще, на грѣхъ-то, попъ хохлатый воротится... Охъ, стыдобушка головушкѣ! Когда нѣмка вернулась съ рюмкой анисовки, старикъ молча выпилъ ее, посмотрѣлъ еще разъ на „бѣляночку“ и проговорилъ:

— Ну, не поминай лихомъ старика, нѣмка...

Она чуть улыбнулась, и Ѳедотъ Якимычъ весь побагровѣлъ.

— Чему обрадовалась-то, а?.. Эхъ, да что̀ тутъ толковать... Прощай...

Попадья подслушивала всю эту сцену и укоризненно качала головой. Когда старикъ вышелъ, она скрылась въ свою кухню, какъ ни въ чемъ не бывало. Амалія Карловна ушла въ свою комнату, заперлась и заплакала. О чемъ были эти слезы, она ничего не могла бы сказать, но ей такъ сдѣлалось грустно, такъ грустно, какъ еще никогда. Ей вдругъ страстно захотѣлось уѣхать отсюда, туда, въ свои зеленыя горы, точно пришла какая-то неминучая бѣда. Сердце такъ и ныло. Первая ложь въ ея жизни была та, что она ничего не сказала мужу о визитѣ Ѳедота Якимыча и о своемъ разговорѣ съ нимъ. Попадья тоже молчала, точно воды въ ротъ набрала, но по выраженію ея лица Амалія Карловна видѣла, что попадья все знаетъ. Это фальшивое

положеніе мучило нѣмку, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ ея душѣ таинственно образовался какой-то собственный мірокъ.

Первымъ вопросомъ послѣ отъѣзда Ѳедота Якимыча было то, какъ устроить Никона. Онъ пока перебивался въ господскомъ домѣ, у Григорья Ѳедотыча, но оставаться тамъ было неудобно.

— Развѣ мы помѣстимъ его у себя? — спрашивалъ разъ Леонидъ. — Я могу ему уступить свою комнату.

— Да удобно ли ему будетъ? — замѣтила попадья. — Мы-то вѣдь попросту живемъ...

— Да и онъ простой человѣкъ, Капитолина Егоровна...

Попадья политично промолчала и только мелькомъ взглянула на своего хохлатаго попа. Въ результатѣ вышло все-таки то, что Никонъ поселился въ господскомъ поповскомъ домѣ. Правда, дома онъ почти не бывалъ: уходилъ на работу въ пять часовъ утра, приходилъ въ двѣнадцать часовъ обѣдать, а потомъ опять на работу до поздняго вечера. Дома онъ былъ занятъ разными чертежами, смѣтами и вычисленіями.

VII.

Амоея Парѳеновна была встревожена. Пока особеннаго еще ничего не случилось, но ее безпокоило поведеніе Наташи. Съ бабой творилось что-то неладное... Нѣмушка Палагея примѣчала то же самое, мычала и показывала рукой вдаль, дескать, бѣда Наташина тамъ, въ Новомъ заводѣ, съ очками на носу и въ шляпѣ. Старуха отлично понимала все, что̀ говорила нѣмушка, и должна была соглашаться. Наташа мало теперь жила въ Землянскомъ заводѣ, а все уѣзжала въ Новый, подъ предлогомъ гостить у брата Григорія Ѳедотыча.

— Эхъ, мужъ у Наташи плохъ,—жалѣла старуха. — Польстились тогда на богатство... Ну, да Богъ не безъ милости. И не такая бѣда избывается...

Купецъ Недошивинъ, мужъ Наташи, былъ недалекій и добрый человѣкъ, страдавшій купеческимъ ярмарочнымъ запоемъ. У него былъ свой каменный домъ въ Землянскомъ заводѣ и каменная лавка съ краснымъ товаромъ. Дѣло велось плохо, и наживались одни приказчики, а хозяину доставалась „любая половина“ изъ выручки. Впрочемъ, Недошивинъ не любилъ считать барышей, а проводилъ день, играя въ шашки съ другими купцами. Къ вечеру онъ шелъ куда-нибудь въ гости или напивался дома. Наташа оставалась дома одна и не знала, куда ей дѣваться со своимъ бездѣльемъ. Обыкновенно она уѣзжала къ матери, если заберетъ тоска, а то укатитъ въ Новый заводъ, чтобы отвести душеньку съ попадьей. Амоея Парѳеновна рѣдко навѣщала зятя, потому что не выносила пьяницъ вообще. Но въ виду экстреннаго дѣла она рѣшилась провѣдать Наташу и нежданно-негаданно нагрянула къ обѣду. Это было цѣлое событіе, когда старуха собиралась куда-нибудь въ гости. Даже безпечная Наташа—и та чувствовала въ себѣ какой-то дѣтскій страхъ, когда пріѣзжала дорогая гостья.

— Ну, какъ живете-можете? — строго спрашивала Амоея Парѳеновна, чинно усаживаясь на поданное зятемъ кресло. — Провѣдать васъ пріѣхала...

— Ничего, мамынька, живемъ, пока мыши головы не отъѣли, — отвѣчалъ зять съ напускною развязностью.—А между прочимъ, покорно благодаримъ...

Старуха взглянула на его заплывшее и опухшее лицо, на слезившіеся глаза, на молчавшую Наташу, и строго покачала головой.

— Когда успѣлъ наклюкаться-то? — укоризненно проговорила она.—На дворѣ свять день до обѣда, а ты ужъ языкомъ-то заплетаешься...

— Мамынька, вчера въ гостяхъ былъ...

— У насъ каждый день одна музыка, — замѣтила Наташа: — съ утра пьяны...

— А не твое дѣло мужу-то указывать! — накинулась на нее старуха.— Въ другой разъ жена-то должна и помолчать: видитъ—не видитъ... Плохъ у тебя мужъ-то!.. Это я ему могу сказать, потому какъ постарше его, а твое дѣло совсѣмъ маленькое.

— Вѣрно, мамынька!—одобрительно проговорилъ Недошивинъ.—А промежду прочимъ я на Наташу не жалуюсь, живемъ ничего.

— Какая это жизнь, мамынька? — взмолилась Наташа. — Тоска одна... Глаза бы мои не смотрѣли на безобразіе-то на наше.

Это только было и нужно Амосѣ Пароеновнѣ. Она съ раскольничьею настойчивостью начала отчитывать дочери разныя строгія слова, а главное, что должна уважать мужа больше всего на свѣтѣ. „Господь соединилъ, а человѣкъ да не разлучаетъ... Да. Мужемъ домъ держится, а жена безъ мужа — какъ домъ безъ крыши. И худой мужъ все-таки—мужъ... Другой мужъ и съ пути свихнется отъ своей же жены, а домашняя бѣда хуже заѣзжей въ тысячу разъ. Строгости у васъ въ домѣ никакой нѣтъ—вотъ главная причина“.

Наташа выслушала эти грозныя рѣчи съ почтительнымъ молчаніемъ, какъ была пріучена еще въ родительскомъ домѣ, и ничего не отвѣтила матери, а только тихо заплакала. Недошивинъ смотрѣлъ съ недоумѣніемъ то на тещу, то на жену, и кончилъ тѣмъ, что хлопнулъ рюмку водки самымъ безсовѣстнымъ образомъ.

— Эхъ, мамынька!—бормоталъ онъ, смущенный собственною смѣлостью.— Ничего я не понимаю, простой человѣкъ.

— Вотъ то-то и лиха бѣда, что простъ ты,—пилила старуха:—а другой разъ наша-то простота хуже воровства... Поучилъ бы жену хоть для примѣру. Все-таки острастка... ,

— Какъ я ее буду учить-то?—взмолился Недошивинъ:—не бить же ее мнѣ, мамынька?

— Ну, и бей! — съ ожесточеніемъ говорила Наташа. — Ну, бей!.. Всѣ бейте меня, а я въ своемъ дому чужая...

— Опомнись, полоумная, что говоришь-то? — испугалась Амося Пароеновна,—она знала азартный характеръ Наташи.

— Бейте, бейте!—повторяла Наташа, захлебываясь отъ слезъ.—Я хуже скажу...

Вся сцена кончилась тѣмъ, что Наташа совсѣмъ расплакалась, и Амосѣ Пароеновнѣ пришлось ее же утѣшать. Старуха сдѣлала зятю знакъ, чтобъ онъ уходилъ. Недошивинъ обрадовался случаю улизнуть. Наташа рыдала, закрывъ лицо руками. Этотъ приступъ такого искренняго горя совсѣмъ обезкуражилъ Амосю Пароеновну.

— Милушка, родная, чѣмъ я тебя разобидѣла?—ласково заговорила она, обнимая дочь.—Ну, скажи... Все скажи, какъ на духу.

— Нечего мнѣ и говорить, мамынька... Знаю только одно, что тошно мнѣ... Хоть бы дѣти были, а то чужая я въ дому. Мужъ—пьяница... Ахъ, тошно!..

Своею ласковостью Амося Пароеновна хотѣла вывѣдать у Наташи всю подноготную, а когда эта попытка не удалась, она угрюмо замолчала. Въ комнатѣ слышны были только подавленныя рыданія Наташи.

— Такъ ты вотъ какая!—строго проговорила старуха.

— Какая, мамынька?

— А такая... Все я знаю, милушка, и не спроста къ вамъ пріѣхала. Вотъ скажу мужу-то, такъ и узнаешь, какая ты мужняя жена. Срамишь отца съ матерью да добрыхъ людей смѣшишь... Ты думаешь, добрые-то люди не видятъ ничего? Все, матушка, видятъ, да еще и своего прибавятъ... Мужъ не любъ, такъ другой приглянулся. Сказывай, змѣя, не таи...

— Ничего я не знаю, мамынька!

— А! не знаешь? Такъ я тебѣ скажу, зачѣмъ ты въ Новый заводъ ѣздишь...

— Мамынька, родная...

— Къ гордецу Никашкѣ ѣздишь... Все знаю!

Послѣднее сорвалось съ языка Амоси Парфеновны сгоряча; она могла только подозрѣвать, но опредѣленнаго ничего не знала. А Наташа даже отскочила отъ нея и посмотрѣла такими большими-большими глазами. Ее точно громомъ ударило.

— Мамынька, Господь съ тобой!

— Все знаю!.. Охъ, согрѣшила я на старости лѣтъ!..

— Какъ же я-то не знаю, мамынька? Любъ онъ мнѣ, Никонъ, а только не въ чемъ мнѣ и Богу каяться... Онъ и смотрѣть на меня не хочетъ, а ты какія слова говоришь! Я и мужу то же скажу, постылому... Не жена я ему, чужая въ дому!.. Судить-то всякъ судитъ, а слезъ-то моихъ никто еще не видалъ...

Такъ ничего и не добилась Амося Парфеновна, съ тѣмъ и домой пріѣхала. Цѣлыхъ два дня она не показывалась изъ свѣтлицы, а потомъ позвала Ѳедота Якимыча.

— Сгоняй-ка въ Новый заводъ, Ѳедотъ Якимычъ, да привези мнѣ эту Евстигнееву попадью,—говорила она.

— Нарочнаго можно послать, Ѳеюшка,—пробовалъ возразить старикъ.

— Это я и безъ тебя знаю. Наслушимъ всѣхъ, ежели черезъ нарочнаго попадью вытребуемъ... А съ тобой-то она по пути пріѣдетъ, будто сама выпросилась. Надо мнѣ ее, бѣлобокую сороку... Разговоръ серьезный имѣю.

Ѳедотъ Якимычъ пробовалъ-было сопротивляться, но изъ этого ничего не вышло,—старуха была непреклонна. Цѣлую ночь онъ ворочался съ боку на бокъ и вздыхалъ, а на утро въ послѣдній разъ сказалъ:

— Не поѣду я, Ѳеюшка...

— Нѣтъ, поѣдешь, коли тебѣ говорятъ русскимъ языкомъ.

Ну, ѣхать такъ ѣхать... До Новаго завода было всего верстъ сорокъ. На другой день Ѳедотъ Якимычъ вернулся и привезъ съ собой попадью. Онъ нарочно пріѣхалъ затемно, чтобы люди не видали, какую онъ съ собой птицу привезъ. Попадья тоже струсила и всю дорогу молчала. О грозной раскольницѣ Амосѣ Парфеновнѣ она много слыхала, но видать ее не случалось. Зачѣмъ ее вызвала старуха, шустрая попадья смутно догадывалась. Всю дорогу она молчала и со страхомъ вступила въ грозный господскій домъ. Нѣмушка Палагея провела попадью прямо наверхъ, въ свѣтлицу, къ самой Амосѣ Парфеновнѣ; та грозно оглядѣла званую гостью и безъ предисловій спросила:

— Ну, жаръ-птица, разсказывай, чего вы тамъ намутили? Да у меня, смотри, не запирайся,—наскозь вижу.

Начался грозный допросъ. Попадья боялась больше всего, что не о Ѳедотѣ ли Якимычѣ пойдетъ рѣчь, а когда поняла, что дѣло въ Наташѣ, вздохнула свободно. Никонъ и вниманія никакого не обращаетъ на нее, хотя она,

дѣйствительно, сильно припадала къ нему и, можно сказать, даже женскій свой стыдъ забывала. Не иначе все это дѣло, что Наташа испорчена,—рѣшила попадья въ заключеніе, выгораживая пріятельницу.

— Да ты не вертись, какъ береста на огнѣ, а говори правду,—нѣсколько разъ окрикнула Аѳея Парѳеновна. — Ужъ я-то знаю, какая-такая есть на бѣломъ свѣтѣ Наташа, не твоего это ума дѣло... Вотъ ты про Никона-то все молчишь.

— Никонъ тутъ ни при чемъ, Аѳея Парѳеновна!

— По глазамъ вижу, что врешь!..

— Сейчасъ съ мѣста не сойти, не вру.

Прижатая къ стѣнкѣ попадья должна была сознаться, что Никонъ какъ будто ухаживаетъ больше за ней, т.-е. и не ухаживаетъ, а все смотритъ. Даже страшно дѣлается, какъ упрется глазами.

— Ну, это ужъ твое дѣло, — совершенно равнодушно отвѣтила Аѳея Парѳеновна.—Больно пѣсни мастеровато поешь... Тоже слыхали.

Вслѣдъ за допросомъ, успокоившимъ старуху, началось угощенье заѣзжей попадьи и чаемъ, и вареньемъ, и закусками, и наливками. Въ заключеніе Аѳея Парѳеновна подарила попадьѣ большой шелковый платокъ и даже расцѣловала. Попадью отправили домой въ ночь, какъ и привезли, чтобы никто и ничего не видѣлъ. У Аѳеи Парѳеновны точно гора съ плечъ свалилась, она сразу повеселѣла. Просто дуритъ Наташа, потому что мужъ — дуракъ. Суди на волка, суди и по волку... Живой человѣкъ о живомъ и думаетъ.

Въ своихъ заботахъ о дочери Аѳея Парѳеновна совсѣмъ не замѣтила, что съ Ѳедотомъ Якимычемъ творится что-то неладное. Онъ изъ лица даже спалъ, плохо ѣлъ и ходилъ дома ночь-ночью. Днемъ еще болтается за разными дѣлами—то въ заводѣ, то въ конторѣ, а какъ пришелъ вечеръ, такъ старикъ и заходилъ по горницѣ—ходитъ изъ угла въ уголъ, точно маятникъ. И ночью не спится старику, какъ-то обидно ему сдѣлается, и стыдно, и точно все равно. Не замѣчалъ онъ раньше, что состарилась Ѳеюшка, а теперь невольно отвертывался, чтобы не видѣть ея старости. А самого такъ и тянетъ туда, въ Новый заводъ, хоть бы однимъ глазкомъ глянуть. Ѳедоту Якимычу вдругъ сдѣлалось страшно и за себя, и за весь свой домъ, и за всю прожитую жизнь. Что же это такое? Навожденіе, колдовство, чары...

— Такъ нѣтъ же, не будетъ по-твоему,—вслухъ думалъ онъ.—Вздоръ!..

Онъ уходилъ въ моленную и горячо молился по цѣлымъ часамъ, но и молитва не подкрѣпляла его, точно молился не онъ, Ѳедотъ Якимычъ, а кто-то другой. Старикъ чувствовалъ, точно холодная вода подступала къ нему, и опять онъ переживалъ дѣтскій безотчетный страхъ. Хотѣлось плакать, а плакать было стыдно. А Аѳея Парѳеновна ничего не хотѣла видѣть, и у Ѳедота Якимыча накипало къ женѣ нехорошее чувство. Какъ же она-то не чувствуетъ, что дѣлается съ нимъ? И сны у старика были все такіе тяжелые и нехорошіе. Разъ онъ увидѣлъ даже, какъ пошатнулся на своихъ устояхъ старый дѣдовскій домъ, а матица погнулась и затрещала,—не къ добру такіе-то сны.

Когда очень ужъ приходилось тошно, Ѳедотъ Якимычъ уѣзжалъ куда-нибудь на другіе заводы, но и это не спасало,—съ нимъ вмѣстѣ ѣхала и неотвязная дума, присосавшаяся къ его старой душѣ лютымъ ворогомъ. Позваниваютъ дорожные колокольчики, покрикиваетъ лихой „фалеторъ“, а въ головѣ Ѳедота Якимыча тоже звонъ стоитъ, и передъ глазами ходятъ красные круги. Такъ бы вотъ, кажется, взялъ бы, да и стряхнулъ съ себя свою старость, всю прошлую жизнь, и зажилъ по-новому, по-молодому.

— Господи, прости меня грѣшнаго! — молился старикъ, въ ужасѣ закрывая глаза.

Наконецъ онъ не вытерпѣлъ. Надо во всемъ покаяться Амосѣ Парѳеновнѣ: пусть отмаливаетъ его отъ дьявольскаго наваожденія. Съ этою мыслью старикъ вернулся изъ послѣдней поѣздки, съ этою мыслью вошелъ въ свой домъ, съ этою мыслью поднялся наверхъ въ моленную, отворилъ дверь—и вернулся назадъ.

— Не могу, не могу, не могу!..—шепталъ онъ, сдерживая рыданія.

VIII.

На Новомъ заводѣ все шло по-старому, то-есть такъ оно казалось со стороны. Въ поповскомъ домѣ теперь жилось очень весело, сравнительно съ тѣмъ, какъ жили тихо раньше. Днемъ дома оставались только одни женщины, но зато вечеромъ собиралось цѣлое общество: братья Гордѣевы, попъ Евстигней, а затѣмъ частенько приходилъ Григорій Ѳедотычъ. Разсуждали о разныхъ разностяхъ, спорили, иногда садились играть въ карты. Былъ еще человѣкъ, который скромно помѣщался гдѣ-нибудь въ уголкѣ и молчалъ: это былъ изобрѣтатель Карпушка, пригрѣтый Леонидомъ.

— Охъ, ужъ и надоѣлъ онъ мнѣ, этотъ Карпушка, — ворчала иногда попадья.—Чего онъ сидитъ, какъ сычъ?.. Слова отъ него не добьешься.

— Онъ такой же человѣкъ, Капитолина Егоровна, какъ и мы съ вами,— объяснялъ Леонидъ.—Можетъ-быть, и лучше насъ съ вами...

— У васъ всѣ хорошіе... А я вотъ видѣть его не могу. Хоть бы водку пилъ, что ли!.. Мнѣ свой-то молчальникъ-попъ надоѣлъ, а тутъ еще другой на глазахъ постоянно торчитъ... Тошнехонько!

Поѣздка на поклонъ къ Амосѣ Парѳеновнѣ замѣтно повліяла на попадью, она сдѣлалась какъ будто тише, и нѣтъ-нѣтъ, да и задумается. Никона попадья стала просто бояться и по возможности старалась избѣгать его, что̀, живя въ одномъ домѣ, было довольно трудно сдѣлать. Собственно говоря, Никонъ ничего такого не дѣлалъ, что̀ представляло бы опасность, но попадья инстинктивно чувствовала на себѣ его взглядъ и смущалась каждый разъ, какъ дѣвчонка. Вообще въ попадьѣ явились непонятныя перемѣны. Такъ, она вдругъ, безъ всякой видимой причины, возненавидѣла Амалію Карловну и по-женски преслѣдовала на каждомъ шагу. Это было темное и безотчетное чувство, одно изъ тѣхъ, въ которыхъ не даютъ себѣ отчета.

А Карпушка сидѣлъ въ уголкѣ и смотрѣлъ, какъ живутъ господа. Онъ вообще имѣлъ какой-то растерянный и пришибленный видъ, какъ человѣкъ, что-то потерявшій или старавшійся что-то припомнить. Съ переѣздомъ въ Новый заводъ онъ бросилъ водку и усердно работалъ подъ руководствомъ Никона. Постройка мѣхового корпуса была уже кончена, и теперь ставили машину. Работы было по горло, а у Карпушки были золотыя руки. Онъ понималъ Никона по выраженію лица, по малѣйшему движенію и исполнялъ впередъ каждую его мысль. Часто Никонъ съ удивленіемъ глядѣлъ на самоучку и только качалъ головой. Если бъ этакому способному человѣку дать образованіе, что̀ бы изъ него вышло? Впрочемъ, образованіе еще не дѣлаетъ человѣка. Однако, какъ ни крѣпился Карпушка, а его прорвало, когда мѣха были кончены и пущены въ ходъ. На открытіе пріѣхалъ самъ Ѳедотъ Якимычъ, и было устроено угощеніе для рабочихъ.

— Ну, ты, сахаръ, смотри у меня, — предупреждалъ Ѳедотъ Якимычъ, подавая опять рюмку Карпушкѣ.—Лучше не пей...

— Больно тяжела твоя-то рюмка, Ѳедотъ Якимычъ, — сказалъ Карпъ, залпомъ выпивая водку.—Точно камнемъ придавила...

— Дуракъ ты, Карпушка...

— Я—дуракъ?

Карпушка засмѣялся и потянулся за слѣдующей рюмкой уже безъ приглашенія. Вечеромъ онъ былъ мертвецки пьянъ и устроилъ скандалъ по всей формѣ. Ѳедотъ Якимычъ сидѣлъ въ господскомъ домѣ, когда пьяный Карпушка явился къ нему. Его, конечно, не пустили въ домъ, и Карпушкѣ ничего не оставалось, какъ только буянить подъ окнами, что̀ онъ и исполнилъ.

— Подавай мнѣ Ѳедота Якимыча!—оралъ Карпушка.—Я ему пок-кажу... да. Пок-кажу, каковъ человѣкъ есть Карпушка... Машину наладилъ своимъ умомъ... Эхъ, вы, страмцы, всѣхъ-то васъ сложить, такъ вы одного пальца Карпушки не стоите!

Буяна отвели протрезвиться въ машинную, но этотъ случай испортилъ Ѳедоту Якимычу цѣлый день. Онъ нахмурился и мало съ кѣмъ говорилъ.

— Онъ тебя любитъ, развлекай его, — шепнулъ Леонидъ женѣ. — Вѣдь старикъ хоть и самодуръ, но въ немъ есть что-то такое... хорошее. Никонъ правъ...

Нѣмка только посмотрѣла на мужа и ничего не отвѣтила. Вечеромъ мужчины играли въ карты, а попадья играла на гитарѣ и пѣла. Ѳедоту Якимычу особенно понравилась старинная пѣсня:

У воробушка головушка болѣла,
Да ахъ! какъ болѣла...
На одну ножку онъ припадаетъ,
Да ахъ! какъ припадаетъ.

— Вотъ это ты правильно, Капитолинушка! — ободрялъ старикъ, отбивая рукой тактъ. — Головушка болѣла...

Съ Амаліей Карловной онъ почти не говорилъ и точно не обращалъ на нее никакого вниманія. Когда она подошла къ нему, по совѣту мужа, сама, Ѳедотъ Якимычъ замѣтно смутился и даже опустилъ глаза.

— Какой вы сегодня странный... — заговорила нѣмка, усаживаясь рядомъ съ нимъ.

— А что̀?

— Да такъ... Не походите на себя.

— А какой я, по-твоему-то? Ну-ка, скажи, бѣлянка.

— Вы... а вы не разсердитесь?

— На тебя у меня нѣтъ сердца...

— Вы добрый... только всѣ васъ боятся.

— За дѣло строгъ, за дѣло и милостивъ. На всѣхъ не угодишь... А что я добръ, такъ ты это правильно, бѣлянка. Тебя вотъ полюбилъ...

Нѣмка замолчала, опустивъ глаза. Ѳедотъ Якимычъ тяжело вздохнулъ. Она сидѣла такая изящная, нѣжная, бѣленькая, какъ дѣвочка-подростокъ. При огнѣ вечеромъ глаза потемнѣли, а когда она смѣялась, на щекахъ прыгали двѣ ямочки, какія бываютъ у пухлыхъ дѣтей. Ахъ, и хороша же была нѣмочка, особенно когда выглядывала исподлобья, точно сердилась.

— Зачѣмъ вы бываете сердитымъ? — спрашивала она послѣ длинной паузы.

— Ахъ, бѣляночка, да вѣдь нельзя же!.. За всѣхъ я одинъ въ отвѣтѣ, какъ цѣпной песъ: вотъ и бросаешься на людей. Ты думаешь, я самъ-то не понимаю своего звѣрства? Весьма даже превосходно понимаю... Вотъ ты теперь сидишь рядомъ со мной, и тише меня нѣтъ.

— И будьте всегда такимъ, Ѳедотъ Якимычъ...

— А будешь сидѣть рядомъ со мной? — тихо спросилъ старикъ.

Этотъ вопросъ заставилъ нѣмку отодвинуться. Она ничего не отвѣтила, а только опустила глаза. Ѳедотъ Якимычъ широко вздохнулъ, повернулся на мѣстѣ и попрежнему тихо проговорилъ:

— А вѣдь попадья-то про меня нѣсню спѣла: „У воробушка головушка болѣла“... Самъ я не свой, бѣляночка. Сердце упадетъ въ другой разъ, какъ... Ну, да не объ чемъ намъ съ тобой разговоры разговаривать. Заболтался я... У тебя свое на умѣ, у меня — свое.

Нѣмка тихо подняла свои сѣрые глаза и посмотрѣла прямо въ лицо Ѳедоту Якимычу, да такъ посмотрѣла, что онъ привскочилъ на мѣстѣ, разгладилъ сѣдую бороду и сердито отмахнулся рукой. Нѣмка опять опустила глаза и слегка закраснѣлась, какъ виноватая.

Сталъ Ѳедотъ Якимычъ поѣзживать въ Новый заводъ все чаще и чаще. Пріѣдетъ будто за дѣломъ, а самъ цѣлое утро въ поповскомъ домѣ сидитъ, — попадья толчется бабьимъ дѣломъ на кухнѣ, а нѣмка съ гостемъ прохлаждается. Окончательно не взлюбила ее попадья, да и нѣмка затаилась. Двѣ сердитыя бабы въ домѣ хуже двухъ медвѣдей въ одной берлогѣ. А Ѳедотъ Якимычъ точно ничего не замѣчаетъ.

— Камень ты самоцвѣтный, бѣляночка, — ласково говоритъ онъ, когда въ комнатѣ никого нѣтъ. — И дорогой камень...

— Будто? — удивляется нѣмка.

— Въ парчѣ бы тебѣ ходить да въ золотѣ.

Очень ужъ ласково умѣла смотрѣть нѣмка, — какъ взглянетъ, такъ и упадетъ стариковское сердце. Пробовалъ онъ было привезти ей подарокъ, но нѣмка даже обидѣлась и замахала руками.

— За кого вы меня принимаете, Ѳедотъ Якимычъ? Ничего мнѣ не нужно.

— А нехорошо гордиться передъ старикомъ... Я не для обиды, а въ честь.

Разъ Ѳедотъ Якимычъ попался, какъ куръ во щи. Онъ пріѣхалъ прямо къ поповскому дому, а лошадей однѣхъ отправилъ въ господскій. Дѣло было утромъ. Входитъ въ комнату, а тамъ Наташа сидитъ съ попадьей. У старика даже руки опустились.

— Ты... ты зачѣмъ здѣсь? — бормоталъ старикъ виновато. — Какъ сюда-то попала?

— Какъ и раньше, тятенька... Къ попадьѣ въ гости пріѣхала.

Наташа была такая скучная да туманная и ничего не замѣтила. Ѳедотъ Якимычъ посидѣлъ съ бабами, поговорилъ для приличія и, не видавши нѣмки, ушелъ въ господскій домъ. Попадья только вздыхала, — очень ужъ тяжело приходилось ей съ квартирантами. Того и гляди, бѣду наживешь. Наташа еще ничего, а какъ придется отвѣтъ держать за Ѳедота Якимыча? Амѳея-то Парѳеновна шутить не любитъ: такого жару задастъ всѣмъ, что не обрадуешься. Вонъ она какая — медвѣдица... Ѳедотъ Якимычъ на этотъ разъ такъ и не заглянулъ больше въ поповскій домъ, а послалъ за Наташей и увезъ ее съ собой домой. Всю дорогу онъ молчалъ, молчала и Наташа. У каждаго была своя дума.

Братья Гордѣевы продолжали свою службу попрежнему. Никонъ заново перестраивалъ помаленьку весь заводъ, а Леонидъ все сидѣлъ въ своей конторѣ. Не весело было у нихъ на душѣ, хоть оба и молчали. Никона тяготила эта куриная работа: вотъ домну перестроитъ, поставитъ катальную машину, а дальше что?.. Развѣ къ этому онъ готовился, объ этомъ замышлялъ?..

Иногда Никону просто дѣлалось жаль самого себя: не на своемъ онъ мѣстѣ. Его отчасти мирила съ жизнью въ Новомъ заводѣ разбитная попадья. Онъ не то, чтобы ухаживалъ за ней, а просто чувствовалъ себя легче въ ея присутствіи. А время идетъ день за днемъ, недѣля за недѣлей — лучшее, молодое время. Крѣпкій былъ человѣкъ Никонъ и не любилъ жаловаться на свою судьбу, но ему дѣлалось подчасъ тошно, и онъ начиналъ понимать настроеніе Карпушки. Даже дѣлалось завидно, что вотъ человѣкъ хоть водкой можетъ залить свое горе, а онъ и этого сдѣлать не въ состояніи. Карпушка быстро „привѣсился“ къ новому механику и жилъ на льготныхъ условіяхъ. Недѣлю работаетъ, двѣ пируетъ. А какъ напьется, сейчасъ пристанетъ къ Никону:

— Я — цѣпная собака, и ты, Никонъ Зотычъ, не лучше меня... На одной цѣпи-то сидимъ, только я маненько поумнѣе тебя. Мозговитый я человѣкъ — вотъ главная причина. Могу все понимать...

— Негодяй ты, вотъ что̀, — ругался Никонъ.

Леонидъ тоже молчалъ, но у него были свои мысли. О, какъ онъ мучился и страдалъ!.. Но эти страданія были скрыты, какъ родниковая вода въ глубинахъ земныхъ нѣдръ. Никто и не подозрѣвалъ, какъ мучился Леонидъ, и это доставляло ему какое-то жестокое наслажденіе. Да, онъ все видѣлъ, чувствовалъ, понималъ и молчалъ. Слѣпнущій человѣкъ, когда передъ нимъ закрывается міръ, чувствуетъ, вѣроятно, то же — мучительную и гнетущую темноту, которая обступаетъ со всѣхъ сторонъ. Сознаніе собственнаго безсилія, оскорбленной гордости, попраннаго святого чувства — все это складывалось въ одно гнетущее настроеніе, которому не было ни выхода ни названія. Свѣтъ закрывался у него въ глазахъ. Бѣда была у себя дома, она приходила и уходила вмѣстѣ съ нимъ, вмѣстѣ съ нимъ ложилась спать, поднималась утромъ и могильнымъ камнемъ давила весь день.

— За что? — повторялъ про себя Леонидъ, ломая руки. — Маличка, что̀ ты дѣлаешь!.. Чувствуешь ли, какъ я страдаю?

Женѣ Леонидъ не говорилъ ничего, да и что̀ онъ могъ ей сказать? Она его любила, очень любила, но куда все это дѣвалось? Передъ нимъ была другая женщина, чужая и неизвѣстная ему, далекая и непріятная. Какъ все это могло случиться? Онъ первый замѣтилъ, что Маличка нравится Ѳедоту Якимычу, и даже самъ какъ-то просилъ ее занимать старика... Не смѣшно ли ревновать ее къ нему? Вѣдь это глупо, обидно и нелѣпо... А между тѣмъ это было такъ. Маличка любила Ѳедота Якимыча, потому что старикъ былъ еще хорошъ оригинальною старческою красотою, энергіей, умомъ и своею особенною ласковостью. Къ нему навстрѣчу пошла проснувшаяся въ Маличкѣ женщина, а та дѣвочка, которая любила Леонида, умерла... Да и какъ любить его, крѣпостного служащаго, запертаго въ этой проклятой мышеловкѣ? Леонидъ чувствовалъ, что жена извѣрилась въ немъ, что она больше не уважаетъ его и не чувствуетъ того, что̀ было раньше. Да, было и прошло... и не воротишь! Нѣсколько разъ Леонидъ хотѣлъ по душѣ поговорить съ женой, раскрыть ей всю душу, но она смотрѣла на него такими чужими глазами, что слова замирали у него на губахъ. И это повторялось каждый разъ, когда онъ видѣлъ ее. Безъ нея онъ отлично зналъ, что̀ долженъ сказать ей и какъ сказать — убѣдительно, просто, душевно, а при ней все это замирало, и онъ могъ только молчать. Иногда ему казалось, что онъ начинаетъ ненавидѣть жену, и самъ пугался своего настроенія.

„Но вѣдь она ребенокъ... Она не понимаетъ сама, куда идетъ, — думалъ Леонидъ въ тысячу первый разъ. — Нужно ей объяснить, растолковать, наконецъ внушить“.

Но все это были слова, слова, слова... Леониду мѣшала и своя оскорбленная гордость, и скрытность жены, и тонкое пониманіе каждаго ея движенія. О, онъ по ея глазамъ зналъ, когда Ѳедотъ Якимычъ пріѣдетъ, когда ей было весело, когда нападали минуты раздумья, и когда накатывалась полоса непонятнаго, но упрямаго желанія плыть по теченію... Господи, какъ все это глупо, невѣроятно и еще разъ глупо!.. Часто Леонидъ начиналъ думать, что ужъ не сходитъ ли онъ съ ума, и что все это плодъ его разстроеннаго воображенія. Но стоило ему взглянуть на жену, какъ онъ сейчасъ же видѣлъ, что все это — правда, правда, правда...

IX.

Первая поѣздка Амаліи Карловны въ Землянскій заводъ рѣшила все дѣло Леонидъ чувствовалъ, что этимъ все кончается, но не противорѣчилъ и не отговаривалъ жену. Только передъ отъѣздомъ, когда уже были поданы лошади, онъ сказалъ ей:

— Маличка, не лучше ли остаться? Мало ли что̀ можетъ случиться дорогой...

Она быстро посмотрѣла на него и точно испугалась. Это былъ моментъ нерѣшительности, но Леонидъ не могъ имъ воспользоваться, — вся кровь бросилась ему въ голову, и горло точно что̀ сдавило. Да, онъ былъ гордъ и не хотѣлъ просить, умолять, плакать, грозить. Къ чему? Все понятно и безъ жалкихъ словъ. Для чего унижать себя, когда онъ и безъ того чувствовалъ себя такимъ несчастнымъ, безгранично несчастнымъ?

Такъ Маличка и уѣхала, а Леонидъ затворился въ своей комнатѣ. Онъ плакалъ, рвалъ на себѣ въ отчаяньи волосы, — вѣдь она хуже чѣмъ умерла для него. Нѣтъ, лучше, если бъ она умерла. Муки были слишкомъ сильны, и Леонидъ измѣнилъ себѣ. Дѣло было лѣтомъ, онъ взялъ верховую лошадь и отправился догонять жену. Двадцать верстъ пролетѣли незамѣтно, лошадь выбилась изъ силъ. Догналъ онъ жену уже на второй половинѣ. Она, видимо, смутилась и велѣла кучеру остановиться.

— Что̀ вамъ угодно? — спросила она съ дѣланною смѣлостью.

— Маличка, вернись... родная... голубка... что̀ ты дѣлаешь?

Она посмотрѣла на него, отвернулась и сказала всего одно слово:

— Поздно...

Онъ безъ словъ повернулъ лошадь и поѣхалъ обратно, не оглянувшись ни разу. Домой вернулся Леонидъ только на другой день, вернулся пѣшкомъ, измученный, разбитый, сумасшедшій. Два дня онъ не выходилъ изъ своей комнаты, и попадья слышала, какъ рыдалъ этотъ крѣпкій и гордый человѣкъ, точно заблудившійся въ лѣсу ребенокъ.

— Растерзать мало эту проклятую нѣмку, — повторяла попадья про себя. — Что-нибудь сдѣлаетъ онъ надъ собой... На кого польстилась-то, отчаянная? Мужъ молодой, а тутъ сѣдой старикъ.. Стыдно и подумать-то!

Все-таки нужно же было что-нибудь предпринять. Пробовала попадья разговаривать со своимъ хохлатымъ попомъ, но изъ этого рѣшительно ничего не вышло: попъ посмотрѣлъ на нее удивленными глазами, пожалъ плечами и рѣшительно ничего не отвѣтилъ. Въ запасѣ оставался одинъ Никонъ, и попадья обратилась къ нему съ необходимыми предосторожностями. Онъ внимательно выслушалъ, помолчалъ и спросилъ:

— Что̀ же вамъ собственно отъ меня нужно, Капитолина Егоровна?

— Какъ что̀? Да вѣдь Леонидъ Зотычъ не чужой вамъ... Добрые люди роднымъ братомъ называютъ.

— Все это такъ, но мой принципъ никогда не вмѣшиваться въ чужія дѣла... Не думаю, чтобъ я могъ поправить такое дѣло своимъ непрошеннымъ вмѣшательствомъ.

— А если онъ что̀ сдѣлаетъ надъ собой?

— Опять-таки не мое дѣло, Капитолина Егоровна... Конечно, мнѣ его жаль, какъ и всякаго другого человѣка на его мѣстѣ, но вѣдь я не могу сдѣлать Амалію Карловну умнѣе и честнѣе, не могу заставить ее полюбить мужа.

— Ахъ, согрѣшила я съ вами грѣшная! — взмолилась попадья, ломая руки. — Всѣ-то вы какіе-то оглашенные собрались. Вѣдь я дѣло вамъ говорю и попу своему то же говорила. Ахъ, ты, Господи-батюшка!

Попадья даже всплакнула съ горя, а Никонъ сидѣлъ, молчалъ и смотрѣлъ на нее. Хохлатый попъ тутъ же шагалъ изъ угла въ уголъ и тоже молчалъ.

— Что̀ вы глядите-то на меня, окаянные? — накинулась на нихъ попадья съ внезапнымъ азартомъ. — Ну, что̀ уставились? Не узоры на мнѣ нарисованы... Убирайтесь съ глазъ долой! Глядѣть-то на васъ тошнехонько... Всю душу вымотали, оглашенные.

Попадья такъ и выгнала изъ дому и попа Евстигнея и Никона. Они не спорили и пошли вмѣстѣ въ заводъ, какъ ни въ чемъ не бывало. А попадья высунулась въ окно и обругала ихъ вдогонку еще разъ.

— Батька, а погода стоитъ отличная, — задумчиво говорилъ Никонъ, шагая съ заложенными въ карманы брюкъ руками и посасывая свою англійскую трубочку.

— Скоро ерши будутъ отлично клевать, — отвѣтилъ попъ Евстигней, страстный рыболовъ.

„Этакій дуракъ попъ!“ — невольно подумалъ Никонъ, сплевывая сквозь зубы.

Нѣмка вернулась только черезъ три дня,—вернулась, какъ ни въ чемъ не бывало, веселая и счастливая. Она навезла съ собою разныхъ покупокъ, но никому не показывала, а спрятала куда-то въ комодъ.

Въ поповскомъ домѣ начался тотъ семейный адъ, которому нѣтъ названія. Амалія Карловна бравировала своимъ новымъ положеніемъ и дѣлала, кажется, все, чтобы вызвать мужа на какой-нибудь крайній поступокъ. Его нѣмой укоръ она встрѣчала отчаянною рѣшимостью и шла впередъ, очертя голову. Леонидъ отказывался даже понимать, что̀ съ ней творится. А между тѣмъ дѣло было ясно, какъ день. Нѣмкѣ нравилось, что она покорила силу, ею овладѣлъ инстинктъ разрушенія: пусть все рушится, какъ испорчена и ея жизнь. Ей нравился и самъ Ѳедотъ Якимычъ въ его старческой красотѣ, горѣвшей послѣднимъ огнемъ запоздалой страсти. Да, все пусть рушится... Нѣмка точно выкупала свое собственное крѣпостное безправіе разрушеніемъ крѣпкой старинной семьи, покоившейся на вѣковыхъ устояхъ. Ѳедотъ Якимычъ—все-таки сила, и странная сила, и пріятно, когда такая сила ползала у ея ногъ. А старикъ совсѣмъ потерялъ голову и готовъ былъ сдѣлать въ угоду нѣмкѣ рѣшительно все на свѣтѣ,—у него не осталось даже того стыда, который удерживаетъ мужчину отъ послѣднихъ глупостей. Это былъ настоящій пожаръ, который оставляетъ послѣ себя только пепелъ.

— Мужъ меня зарѣжетъ,—говорила Амалія Карловна.

— Не смѣетъ... Молокососъ твой мужъ, вотъ что̀!

— Нѣтъ, зарѣжетъ, я это знаю. Но мнѣ рѣшительно все равно... Мнѣ жить надоѣло.

Часто бывало такъ, что Оедотъ Якимычъ готовъ былъ по привычкѣ вспылить, но стоило нѣмкѣ взглянуть на него, какъ онъ сейчасъ же стихалъ, точно обваренный кипяткомъ. У него не было словъ, не было мыслей, не было воли... А нѣмка нарочно дѣлала все, чтобы поставить старика въ неловкое и фальшивое положеніе: ѣздила сама въ Землянскій заводъ, заставляла Оедота Якимыча пріѣзжать въ Новый черезъ день и т. д. Она добивалась упорно одного: именно, чтобы Амося Пароеновна наконецъ все узнала. Что-то тогда будетъ? Отъ одной мысли у нѣмки кружилась голова. О, она теперь—сила, и пусть другіе переживаютъ то, что переживала она.

Но, какъ на зло нѣмкѣ, Амося Пароеновна ничего не хотѣла замѣчать: весь Землянскій заводъ кричалъ о нѣмкѣ, а она ничего и не подозрѣвала, точно кто напустилъ на нее слѣпоту. Правда, она видѣла, что съ мужемъ творится что-то неладное, но объясняла это нездоровьемъ или разными дѣлами. Частыя поѣздки въ Новый заводъ тоже имѣли свое толкованіе: тамъ шла перестройка фабрики, а Никону Оедотъ Якимычъ не довѣрялъ. Знали о случаѣ Оедота Якимыча и нѣмушка Палагея и Наташа, и объ молчали, потому что какъ сказать такую вещь Амосѣ Пароеновнѣ? Нѣмушка по-своему глубоко была убѣждена въ одномъ, что нѣмка околдовала старика какимъ-нибудь приворотнымъ зельемъ,—впрочемъ, это было общее убѣжденіе. Статочное ли дѣло, чтобы такой обстоятельный человѣкъ бросилъ все для какой-нибудь оголтѣлой нѣмки?

Наташа бывала въ Новомъ заводѣ теперь гораздо рѣже и мало видѣла Никона, что ее заставляло страдать молча и невыносимо, какъ умѣютъ страдать однѣ женщины. Она не жаловалась, не плакала, не искала чьего-нибудь сочувствія, а точно наслаждалась своимъ горькимъ одиночествомъ. Новозаводскую попадью она возненавидѣла, какъ та ненавидѣла нѣмку,—это было кровное чувство. По этой причинѣ она стала рѣже бывать въ Новомъ заводѣ. Каждая такая поѣздка ей дорого стоила, потому что она видѣла то, чего не видѣлъ и самъ Никонъ: у истинной любви есть внутреннее зрѣніе.

Разъ только Наташа не выдержала. Она осталась какъ-то вдвоемъ съ Никономъ. Онъ, по обыкновенію, не обращалъ на нее никакого вниманія.

— Вамъ тяжело, Никонъ Зотычъ, — неожиданно проговорила она, прерывая тяжелую паузу.

— Почему вы такъ думаете, Наталья Оедотовна?

Наташа засмѣялась и кокетливо отвѣтила:

— А вѣдь я все вижу... все! Напрасно вы скрываете... Со стороны-то оно всегда виднѣе...

— Интересно, что вы можете знать...

— А знаю, и весь тутъ сказъ. Знаю и не скажу.

— Нѣтъ, скажите, — упрямо замѣтилъ Никонъ:—иначе не стоило и затѣвать разговоръ. Ну-съ, что же вы знаете?

— Вамъ это очень хочется слышать?

— Да...

— Извольте. Вы влюблены... въ меня...

Наташа громко расхохоталась,—до того, что у ней слезы выступили на глазахъ. Никонъ смотрѣлъ на нее и пожималъ плечами: онъ ничего не понималъ.

— Вамъ только совѣстно въ этомъ признаться, — продолжала Наташа, довольная, что могла высказать шуткой глодавшую ее мысль.—Наконецъ вы знаете, что я васъ не люблю. Это ужъ совсѣмъ неудобно...

— Какая вы странная,—замѣтилъ Никонъ послѣ нѣкотораго раздумья.—Развѣ такими вещами шутятъ?

— А вы думаете, что я шучу? Ахъ, вы... Нѣтъ, я говорю совершенно серьезно. Да... Очень серьезно. Я давно это замѣтила... Ха-ха!.. Ну, не притворяйтесь...

— Послушайте, Наталья Ѳедотовна, я окончательно васъ не понимаю. Что вы меня не любите, это очень естественно, но я...

— Что̀ вы?

— Я... однимъ словомъ, вы ошибаетесь. Я уважаю васъ, я считаю себя даже обязаннымъ вамъ, но любовь—это совсѣмъ другое...

— Я тоже знаю, что̀ такое любовь, — серьезно проговорила Наташа, опуская глаза.—И мнѣ совсѣмъ не смѣшно...

Она вдругъ замолчала. Никонъ чувствовалъ себя крайне неловко и не зналъ, что̀ ему дѣлать, а между тѣмъ онъ чувствовалъ, что нужно что-то сдѣлать или сказать.

— Нѣтъ, вы странная...—пробормоталъ онъ, чувствуя полное безсиліе.

— Вы находите? Какой вы недогадливый, Никонъ Зотычъ! Я шучу. А что̀ я знаю, такъ это то, что вы любите Капитолину Егоровну... Да, любите и думаете, что этого никто не замѣчаетъ.

— Ну-съ, что̀ же изъ этого слѣдуетъ? — отвѣтилъ вопросомъ Никонъ, щуря свои близорукіе глаза. — Полагаю, что я никому не обязанъ давать отчета въ своихъ личныхъ дѣлахъ...

— Ахъ, Боже мой, развѣ можно такъ разговаривать? — застонала Наташа и сейчасъ же опять засмѣялась.

Она съ чисто-женскою ловкостью вырвала наконецъ у Никона роковое признаніе и точно обрадовалась. Да, онъ любитъ... Съ неменьшею ловкостью Наташа вывѣдала всѣ подробности этой любви, хотя репертуаръ Никона по этой части оказался очень небогатымъ: онъ только смотрѣлъ на попадью, и больше ничего.

— Неправда!—увѣряла Наташа.—Не можетъ быть!.. Живете въ одномъ домѣ, и нужно быть сумасшедшимъ, чтобы не сказать ни одного слова.

— Безполезно...

— А можетъ-быть, она пойметъ васъ?.. Вы не знаете женскаго сердца, Никонъ Зотычъ: женщины часто притворяются, чтобы не выдать своихъ истинныхъ чувствъ. Кажутся равнодушными, даже ненавидятъ, а все это одинъ обманъ. Хотите, я сама переговорю за васъ съ попадьей?

— Да вы съ ума сошли...

— А, испугались?.. Ну, какъ знаете, ваше дѣло.

Вся эта сцена закончилась неожиданными слезами Наташи, и Никонъ опять былъ поставленъ въ самое дурацкое положеніе, потому что ни въ одной механикѣ ничего не сказано, какъ слѣдуетъ поступать съ плачущей женщиной. А Наташа рыдала и рыдала, потомъ смѣялась и опять рыдала.

— Успокойтесь, Наталья Ѳедотовна,—повторялъ Никонъ, наклонившись надъ ней.

Какъ онъ былъ близко къ ней сейчасъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ далекъ! У Наташи сердце разрывалось отъ горя, но она нашла въ себѣ силы и проговорила:

— Это со мной бываетъ: сама не знаю, о чемъ плачу. Вспомнила, какъ сама любила когда-то... да... Вотъ и сдѣлалось грустно.

Такимъ образомъ Наташа сдѣлалась повѣреннымъ любви Никона и хотя этимъ окольнымъ путемъ желала быть ему близкой, чтобы говорить съ нимъ, видѣть его, чувствовать его вообще. Это было жалкое нищенство чувства, но и оно давало хоть какой-нибудь исходъ, а не мертвую пустоту, давившую Наташину душу. Онъ, Никонъ, нравился ей весь такимъ, какимъ былъ, даже вотъ съ этимъ дѣтскимъ непониманіемъ ея горя, ея любви, ея безумія. Милый, родной, дорогой...

X.

Наташа опять зачастила на Новый заводъ, счастливая своею новою ролью повѣреннаго. Къ попадьѣ она удвоила свою нѣжность, хотя та и не поддавалась на эту приманку. Попадья вообще что-то задумала и ходила хмурая, какъ осенняя ночь. Если кто пользовался этой домашней неурядицей, такъ изобрѣтатель Карпушка, который являлся въ поповскій домъ, какъ свой человѣкъ. Онъ приходилъ каждый вечеръ къ Леониду и просиживалъ съ нимъ до полуночи. Хохлатый попъ Евстигней, Леонидъ и Карпушка составляли оригинальную компанію, причемъ говорилъ одинъ Карпушка и говорилъ всегда только о себѣ.

— Родимые мои, каковъ я человѣкъ есть на бѣломъ свѣтѣ?—повторялъ Карпушка, встряхивая головой.—Золотой человѣкъ, пряменько сказать. Цѣны мнѣ нѣту, кабы не придавило тогда рюмкой Ѳедота Якимыча... Да. Вотъ какъ онъ тогда меня придавилъ... Думалъ я награду получить, вольную, а онъ мнѣ рюмку выноситъ. Это какъ? Могу я это чувствовать, аль нѣтъ?.. Даже и весьма чувствую... А мнѣ плевать!.. Эхъ, да что тутъ говорить: ущемила меня рюмка. Раньше-то я капли въ ротъ не бралъ, а тутъ очухаться не могу отъ господской милости.

Леонидъ каждый вечеръ поилъ Карпушку водкой и самъ пилъ, но водка на него дѣйствовала самымъ удручающимъ образомъ, не принося облегченія. Амалія Карловна обыкновенно запиралась въ своей комнатѣ и сидѣла тамъ одна, раздумывая неизвѣстныя никому думы. Когда она оставалась съ мужемъ вдвоемъ, съ глазу на глазъ, время проходило въ мучительномъ молчаніи. Леонидъ былъ только вѣжливъ, предупредителенъ и старался совсѣмъ не смотрѣть на жену. „Хоть бы онъ убилъ меня скорѣе,—думала часто нѣмка:— все же лучше этой каторги“.

Домашній адъ былъ переполненъ невысказанныхъ думъ, сдержанныхъ мукъ и взаимнаго глухого озлобленія. Леонидъ въ глазахъ жены являлся просто жалкимъ человѣкомъ, съ роковою ошибкою, несчастной судьбой. Развѣ она когда-нибудь думала о подобной жизни? Зачѣмъ онъ завезъ ее въ эту трущобу? Зачѣмъ онъ, Леонидъ, самъ такой?.. Если дѣвочкой она еще могла обманывать себя, то женщина смотрѣла на все открытыми глазами. Ложное положеніе—вотъ источникъ всей бѣды. Яркая форма проявленія старческой страсти Ѳедота Якимыча, вся обстановка, въ которой она происходила, и близившаяся развязка занимали нѣмку больше всего, и она любила думать на эту тему. Пусть всѣ мучатся и страдаютъ, какъ и она. Это было мстительное и полное инстинкта разрушенія чувство, на какое способна только женщина, потерявшая подъ ногами всякую почву.

— Все равно... — повторяла нѣмка самой себѣ. — Судьба, а отъ судьбы не уйдешь!..

Ненависть попадьи и холодное презрѣніе Наташи она выносила съ полнымъ равнодушіемъ и точно сама напрашивалась на какое-нибудь оскорбленіе. Послѣднею выходкой съ ея стороны въ этомъ направленіи было то, что она уѣхала въ Землянскій заводъ въ одномъ экипажѣ съ Ѳедотомъ Якимычемъ. Старикъ сначала смутился, когда нѣмка заявила о своемъ желаніи ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, а потомъ исполнилъ съ отчаянною рѣшимостью; э, будь, что будетъ. Снявши голову, о волосахъ не плачутъ... Онъ шелъ впередъ, очертя голову, и видѣлъ только одни сѣрые ласковые глаза, глядѣвшіе къ нему въ душу. Ничего ему не было жаль, никого не стыдно и совсѣмъ не

страшно: будетъ, что̀ будетъ. Только бы не потерять ее, эту ласковую, какъ русалка, бѣляночку.

Попадья теряла голову и не знала, что̀ ей дѣлать, а между тѣмъ что-нибудь нужно было предпринять. Бѣда была на носу... Попытка посовѣтоваться съ мужемъ или съ Никономъ закончилась полной неудачей. Оставалось одно — обратиться къ Григорію Ѳедотычу. Онъ — мужчина, онъ долженъ знать, какъ быть и что̀ дѣлать. Попадья собралась живой рукой и отправилась въ господскій домъ. Григорій Ѳедотычъ, конечно, давно все зналъ, но сдѣлалъ видъ, что въ первый разъ слышитъ эту исторію. Обозленная попадья выложила ему всю подноготную.

— Амѳея-то Парѳеновна узна̀етъ, я же въ отвѣтѣ за всѣхъ буду, — жаловалась попадья, вытирая слезы. — Этакое дѣло случилось, а она, голубушка, сномъ дѣла не знаетъ.

— Да, мамынька тово... — бормоталъ Григорій Ѳедотычъ, сохранившій въ себѣ еще чувство дѣтскаго страха къ грознымъ родителямъ.—Пожалуй, оно и лучше, что мамынька-то ничего не знаетъ. Всѣмъ достанется...

— Что̀ же я-то буду дѣлать, Григорій Ѳедотычъ?

— А ужъ это твое дѣло, Капитолина Егоровна. Раскинь своимъ бабьимъ умомъ, можетъ, что-нибудь и придумаешь...

— Да вѣдь я къ тебѣ посовѣтоваться пришла, Григорій Ѳедотычъ. Вѣдь ты—мужчина, долженъ же сказать мнѣ...

— Ничего я не знаю: мое дѣло—сторона.

Съ тѣмъ попадья и ушла изъ господскаго дома. Что̀ же это такое, въ самомъ-то дѣлѣ? Вѣдь все равно, не сегодня-завтра Амѳея Парѳеновна узна̀етъ все, и тогда расхлебывай чужую кашу... Коли мужчины ничего не могутъ подѣлать, такъ надо ей дѣйствовать въ свою безотвѣтную бабью голову. Сказано-сдѣлано. Попадья скла̀лась въ одинъ часъ и отправилась въ Землянскій заводъ одна.

Много передумала попадья, пока ѣхала въ Землянскій заводъ, да и было о чемъ подумать. Раза два, по женской своей слабости, она всплакнула, потому что впереди была гроза. Чѣмъ она грѣшнѣе другихъ прочихъ, что въ огонь головой должна лѣзть? А тутъ еще Никонъ глазъ съ нея не спускаетъ... Тоже сокровище Богъ послалъ! И чего, подумаешь, человѣкъ бѣльма свои на нее выворачиваетъ? У, взяла бы, кажется, всѣхъ на одно лыко да въ воду... Чѣмъ ближе былъ Землянскій заводъ, тѣмъ попадья чувствовала себя меньше, точно ребеночекъ малый. А вотъ и заводъ, раскинувшійся по теченію горной рѣчушки Землянки верстъ на пять. „Гдѣ остановиться, у Наташи?“—раздумывала попадья, соображая обстоятельства.

— Ступай въ господскій домъ, — сказала она и сама испугалась собственной смѣлости: какъ разъ еще на Ѳедота Якимыча набѣжишь.

Сердце у попадьи совсѣмъ унало, когда ея повозочка въѣхала прямо на дворъ грознаго господскаго дома. Встрѣтила ее нѣмушка Палагея и только покачала головой, когда попадья знаками заявила свое непремѣнное желаніе видѣть самоё. На счастье, Ѳедотъ Якимычъ былъ въ заводской конторѣ. Пока нѣмушка бѣгала въ горницы, попадья стояла на крыльцѣ, какъ приведенная на лобное мѣсто. Ахъ, что-то будетъ... Когда нѣмушка вернулась и поманила гостью наверхъ, у попадьи явилась отчаянная рѣшимость. Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ... Она храбро зашагала по узкой крашеной лѣсенкѣ въ свѣтлицу, гдѣ Амѳея Парѳеновна и встрѣтила ее строгимъ, испытующимъ взглядомъ:

— Здравствуй, дорогая гостьюшка, — раскольничьимъ распѣвомъ прого-

ворила старуха, не приглашая гостью садиться.—Съ чѣмъ прилетѣла-то? Ну, говори скорѣе... Вижу, что живая вода не держится.

Попадья бокомъ взглянула на нѣмушку Палагею и только переминалась съ ноги на ногу.

— Ну?—властно повторила Аѳоея Пароѳеновна.—При ней можешь все говорить, да она и не слышитъ... Чего-нибудь, вѣрно, Натаха набѣдокурила?

— Нѣтъ, тутъ дѣло не Наташей пахнетъ,—сказала попадья, нѣсколько обозленная гордостью старухи.

Безъ обиняковъ она разсказала все, что̀ сама знала про отношенія Ѳедота Якимыча къ нѣмкѣ. Старуха выслушала ее молча, не прервавъ ни одного раза, точно дѣло шло о комъ-то постороннемъ. Она только поблѣднѣла и строго опустила глаза. Эта неприступность опять сбила попадью, и послѣднія слова она договорила, запинаясь и путаясь, точно сама была виновата во всемъ и хотѣла оправдаться.

— Теперь все?—тихо спросила Аѳоея Пароѳеновна, поднимая глаза на попадью.

— Все...

Старуха выпрямилась, сверкнула глазами и съ разстановкой проговорила, точно отвѣшивая каждое слово, какъ дорогое лѣкарство:

— Такъ я, милая, не вѣрю ни одному твоему слову... Да, не вѣрю. Не можетъ этого быть... да, не можетъ. Напрасно ты себя только безпокоила.

Обратившись къ нѣмушкѣ, она прибавила:

— Проводи ее, да впередъ на глаза ко мнѣ не пускай. И худо мое, и хорошо мое, а другимъ до меня дѣла нѣтъ...

Попадья вышла изъ свѣтлицы, какъ оплеванная. У нея даже голова кружилась и ноги подкашивались. Въ довершеніе несчастія, спускаясь по лѣстницѣ, она столкнулась съ самимъ Ѳедотомъ Якимычемъ, который грузно поднимался наверхъ. Онъ оглядѣлъ попадью съ ногъ до головы, точно видѣлъ ее въ первый разъ, и даже посторонился, давая дорогу. Попадья выскочила на улицу, какъ ошпаренная, и велѣла ѣхать сейчасъ же домой. А Ѳедотъ Якимычъ постоялъ на лѣстницѣ, покрутилъ головой и широко вздохнулъ,—онъ понялъ, зачѣмъ прилетала новозаводская попадья. Поднявшись наверхъ, онъ перевелъ духъ прежде, чѣмъ отворить дверь въ свѣтлицу. Аѳоея Пароѳеновна встрѣтила его на порогѣ и спросила, показывая глазами на лѣстницу, по которой ушла попадья:

— Правда?

Ѳедотъ Якимычъ даже зашатался на мѣстѣ, но отвѣтилъ:

— Правда, Ѳеюшка...

Дверь свѣтлицы сейчасъ же затворилась. Онъ слышалъ только, какъ Аѳоея Пароѳеновна затворилась изнутри на желѣзный крюкъ. Неужели все кончено? И такъ быстро... Прожили сорокъ лѣтъ душа въ душу, а тутъ сразу оборвалось. Старику казалось, что подъ его ногами зашатался весь родительскій домъ, и онъ безсильно прислонился къ стѣнѣ. Что̀ же это такое? Гдѣ онъ? Пахло ладаномъ, восковыми свѣчами, какими-то странными духами, какіе были только у Аѳоеи Пароѳеновны.

— Ѳеюша... Ѳеюшка!

Отвѣта не послѣдовало. Ѳедотъ Якимычъ закрылъ лицо руками и горько заплакалъ. Все было кончено... Кругомъ стояла полутьма и мертвая тишина, а онъ рыдалъ, точно вотъ самъ умеръ,—нѣтъ, хуже, чѣмъ умеръ. Живого въ землю закопали бы, и то, кажется, было бы легче.

Аѳоея Пароѳеновна слышала все, что̀ дѣлалось передъ дверьми свѣтлицы,

и стояла неподвижно, какъ окаменѣлая. Она походила теперь на разбитое грозой дерево, которое стоитъ безъ вершины, съ расщепленной сердцевиной и оборванной листвой. Да, ударилъ нежданный громъ... Она была оскорблена не только какъ жена, какъ мать семейства, какъ хозяйка дома, но главнымъ образомъ какъ представительница стариннаго рода Севастьяновыхъ. Ѳедотъ Якимычъ забылъ, какъ она выходила изъ богатаго дома за него, маленькаго заводскаго служащаго, наперекоръ родительской волѣ, какъ потомъ переносила для него нужду и лишенія, какъ поддерживала его въ неудачахъ, какъ довела его до настоящаго положенія и какъ наконецъ ввела въ свой родовой домъ, въ которомъ они сейчасъ жили. Севастьяновы искони были главными управляющими, и ихъ домъ всегда назывался господскимъ. Когда-то большая семья выродилась, родъ пошелъ на переводъ, и она осталась одна изъ этой фамиліи, полная своей родовой гордости, властныхъ преданій и сознанія своего родового превосходства надъ остальной массой заводскихъ служащихъ. Да, все это было, но въ севастьяновскомъ роду не было ни одного случая, чтобы мужъ позорилъ жену... Стояла Аѳея Парѳеновна и думала. Вотъ она, гордая дѣвушка, въ отцовскомъ домѣ, къ ней засылали сватовъ съ разныхъ сторонъ, но она полюбила маленькаго безроднаго служащаго и пошла наперекоръ родительской волѣ.

— Попомни это, Аѳея, — говорилъ старикъ-отецъ, когда уже простилъ ее: — попомни меня, что счастье не ходитъ навстрѣчу родительской волѣ... Захотѣла ты своей воли — пеняй на себя. У насъ этого въ роду не бывало: противъ всего рода ты одна пошла.

Черезъ сорокъ лѣтъ Аѳея Парѳеновна припомнила эти роковыя слова. Вѣдь и жизнь прошла, и она уже забыла про нихъ, а они вонъ когда откликнулись. Дѣвичья воля да своя гордость навстрѣчу роду пошли, а теперь родъ-то и сказался. Да, вотъ этотъ деревянный старинный домъ казался старухѣ нѣмымъ укоромъ, а прожитая жизнь—какимъ-то сномъ... И куда все дѣвалось? Дунулъ вѣтеръ—и ничего не осталось. Недаромъ за годъ старинный родовой образъ соловецкихъ угодниковъ Зосимы и Савватія, писанный на кипарисной доскѣ, раскололся на-двое... Это было знаменіе, а она въ слѣпотѣ ничего не видѣла. Горе пришло въ севастьяновскій родъ, позоръ и уничиженіе...

Три дня и три ночи молилась Аѳея Парѳеновна въ своей свѣтлицѣ и никого не допускала къ себѣ, даже нѣмушку Палагею. На четвертый она спустилась внизъ, въ горницы, блѣдная, важная, спокойная, и велѣла позвать Ѳедота Якимыча. Онъ вошелъ въ тѣ же горницы, куда ходилъ молодымъ, потаеннымъ женихомъ, и остановился у порога.

— Ѳедотъ Якимычъ, спасибо тебѣ за привѣтъ, за ласку, за твою любовь,—съ разстановкой заговорила старуха, не глядя на него.—А теперь нарушилъ ты родительскіе завѣты, нарушилъ свои обѣщанныя слова, нарушилъ родовой домъ, и Богъ тебѣ судья, а я тебѣ больше не жена.

Она молча и гордо прошла мимо него, и онъ даже не посмѣлъ взглянуть на нее и стоялъ у порога, какъ это было сорокъ лѣтъ тому назадъ. Чья-то невидимая рука вычеркнула эти сорокъ лѣтъ изъ его жизни.

XI.

Ближайшимъ результатомъ экспедиціи новозаводской попадьи въ Земляискій заводъ было то, что Аѳея Парѳеновна покинула навсегда родное пепелище. Съ ней вмѣстѣ уѣхала нѣмушка Палагея. Гордая старуха-раскольница сначала отправилась куда-то къ роднымъ, а потомъ, какъ было извѣстно

стороной, въ скиты. Непосредственнымъ слѣдствіемъ этого отъѣзда явилось то, что нѣмка переѣхала въ Землянскій заводъ. Она не поселилась въ господскомъ домѣ прямо, а пока заняла отдѣльную квартиру. Скандалъ разыгрался въ полной мѣрѣ, хотя открыто никто и ничего не смѣлъ говорить. Ѳедотъ Якимычъ для всѣхъ оставался прежней грозой. По отъѣздѣ жены онъ поскучалъ недѣли двѣ, а потомъ сразу точно помолодѣлъ. Всѣ приписывали это вліянію нѣмки. Родныя дѣти — и тѣ не смѣли протестовать открыто, а ограничились тѣмъ, что перестали бывать у отца, что̀ его страшно возмущало, хотя онъ этого и не высказывалъ.

— Все мое: худо и хорошо,—повторялъ онъ:—и дѣти не судьи родителямъ. Съ Амосей Парѳеновной меня Богъ разсудитъ...

Въ сущности, онъ побаивался дѣтей, особенно рѣзкой Наташи, и храбрился только для видимости. На него иногда накатывались минуты тяжелаго раздумья, и тоска схватывала за сердце. Что̀ онъ дѣлаетъ? Къ обыкновеннымъ будничнымъ мыслямъ и ходячей морали примѣшивался религіозный страхъ и сознаніе большой отвѣтственности. Обыкновенно такое настроеніе захватывало старика по вечерамъ, и онъ старался не оставаться въ пустомъ домѣ одинъ, а уѣзжалъ къ нѣмкѣ, гдѣ успокаивался. Да какъ было и не успокоиться, когда она умѣла такъ заговаривать его стариковское сердце своими ласковыми бабьими словами; смѣхомъ и молодымъ весельемъ, точно солнцемъ освѣтитъ?

Послѣ недавняго веселья въ поповскомъ домѣ въ Новомъ заводѣ наступила мертвая тоска. Братья оставались на той же квартирѣ и жили теперь въ одной комнатѣ. Попадья не разъ покаялась за свою торопливость объявить все Амосѣ Парѳеновнѣ: она сыграла въ руку нѣмкѣ... Даже хохлатый попъ, вѣчно молчаливый, и тотъ сказалъ ей:

— Ну, попадья, дуру сваляла...

Леонидъ жилъ отщепенцемъ. День проводилъ на службѣ, а остальное время запирался въ своей компатѣ. Единственнымъ человѣкомъ, пользовавшимся его расположеніемъ, былъ Карпушка. Изобрѣтатель прямо проходилъ въ комнату къ Леониду, требовалъ водки, разговаривалъ вслухъ самъ съ собой.

— Эхъ, жисть! — повторялъ онъ каждый разъ. — Дуракамъ только на бѣломъ свѣтѣ и жить, а умному человѣку зарѣзъ... А все судьба, Левонидъ Зотычъ. Отъ своей судьбы, братъ, не уйдешь... Нѣтъ, братъ, отъ нея не скроешься: на днѣ морскомъ сыщетъ. Тутъ, братъ, шабашъ!.. А ты, Карпушка, свою линію не теряй, потому какъ умный человѣкъ и могу соотвѣтствовать вполнѣ. Да... Кто машину наладилъ въ Землянскомъ заводѣ? — Карпушка... Кто награду водкой получилъ? — Карпушка... Кто изъ кабака не выходитъ? — да все онъ же, Карпушка, — вотъ вся главная причина. Какое такое полное право Ѳедотъ Якимычъ имѣлъ губить живого человѣка?.. Эхъ, жисть проклятущая... Такъ я говорю, Левонидъ Зотычъ? Правильно? Голубь ты мой сизокрылый, Карпъ Маркычъ, брось ты водку, остепенись, погляди, какъ добрые люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ, — живутъ да радуются.

Карпушка пилъ водку, бормоталъ все слабѣе и кончалъ тѣмъ, что засыпалъ тутъ же на мѣстѣ тяжелымъ пьянымъ сномъ. Въ угоду брату Никонъ переносилъ это безобразіе и не обращалъ на Карпушку никакого вниманія.

Никонъ остался прежнимъ Никономъ, такъ что попадья успѣла къ нему привыкнуть и больше не боялась его. Собственно онъ одинъ и оставался живымъ человѣкомъ въ домѣ. И каждое дѣло онъ дѣлалъ по-своему, не какъ другіе. Попадьѣ нравилось больше всего то, что Никонъ понималъ каждый ея шагъ и по-своему цѣнилъ ее. И веселье, и горе, и непріятности — все онъ

видѣлъ, точно въ книгѣ читалъ душу попадьи. А главное, самъ виду не подастъ, что̀ знаетъ, чего не знаетъ.

„И мудреный же человѣкъ уродится, — часто думала попадья, приглядываясь къ Никону. — Никакъ ты его не разберешь“.

Прежде она боялась, что Никонъ будетъ приставать къ ней, а теперь и этого нѣтъ. Никонъ даже пересталъ смотрѣть на попадью. Когда онъ скучалъ, попадья умѣла его утѣшить, какъ никто: возьметъ гитару да и споетъ. Ѳедотъ Якимычъ, бывало, такъ гоголемъ и заходитъ, если пѣсня по праву придется, а Никонъ только трубо̀чку посасываетъ.

Разъ лѣтомъ всѣ отправились въ поле. Попъ съ попадьей, Никонъ, Леонидъ съ Карпушкой — всѣ поѣхали. Верстахъ въ трехъ отъ завода былъ казенный поповскій покосъ съ медовымъ ключикомъ и рыбною горною рѣчкою. Попъ захватилъ съ собой бредень, чтобы устроить уху изъ живыхъ харюзовъ. День былъ отличный, свѣтлый, жаркій. А въ лѣсу стояла настоящая благодать. Карпушка первымъ дѣломъ соорудилъ костеръ, чтобы дымомъ отогнать лѣсной оводъ. Попадья занялась устройствомъ соотвѣтствующей закуски и выпивки. Леонидъ лежалъ на травѣ, закинувъ руки за голову. Когда попъ съ Карпушкой скрылись въ кустахъ съ бреднемъ, попадья совсѣмъ развеселилась и, забывъ всякую осторожность, проговорила:

— Никонъ Зо̀тычъ, пойдемте земляннику брать.

— Что̀ же, пойдемте, — равнодушно согласился Никонъ.

Леонидъ остался у костра, а Никонъ съ попадьей пошли въ лѣсъ. Она сейчасъ же спохватилась, что какъ будто неладно сдѣлала, но изъ непонятнаго упрямства не хотѣла вернуться. Да и было очень смѣшно, какъ близорукій Никонъ ползалъ на колѣняхъ, отыскивая въ травѣ спѣлую ягоду. Попадья такъ и заливалась неудержимымъ хохотомъ, помыкая своимъ спутникомъ, точно ручнымъ медвѣдемъ. Она была одѣта въ лѣтнее ситцевое платье и въ простой платочекъ на головѣ. Отъ жары лицо попадьи раскраснѣлось, и она сняла даже платокъ.

— Вонъ тамъ ягоды, — указывала она ползавшему Никону. — Эхъ, ничего вы не видите у себя подъ носомъ. Слѣпой курицѣ все — пшеница.

Расшалившись, попадья наклонилась къ Никону, показывая ягоды, но въ это время ее схватили двѣ сильныхъ руки, такъ что она не успѣла даже вскрикнуть.

— Никонъ, ради Бога, отпусти... — шептала попадья, изнемогая въ неравной борьбѣ. — Голубчикъ... Никонъ...

Прежняго Никона не было, — онъ потерялъ свою голову, а попадья свои пѣсни и беззаботное веселье. Когда попъ съ Карпушкой вернулись съ добычи, попадья и Никонъ сидѣли у костра и смотрѣли въ разныя стороны. Ловъ былъ удачный, и хохлатый попъ торжествовалъ. Леонидъ попрежнему лежалъ, уткнувъ лицо въ траву, точно раздавленный.

— Эхъ, жисть! — ругался Карпушка, недовольный общимъ невеселымъ настроеніемъ. — Не ко времю мы съ тобой, попъ, харюзовъ-то наловили. Омморошные какіе-то...

Съ горя Карпушка напился въ лоскъ, такъ что его увезли домой пластомъ.

На другой день попадья не показывалась совсѣмъ: она лежала на своей двухспальной кровати и горько плакала. На третій день она вышла, когда Никонъ былъ одинъ, и сказала:

— Никонъ Зотычъ, грѣшно вамъ... да, грѣшно. Что̀ вы со мною сдѣлали? Я была честная жена попу, а теперь какъ я ему въ глаза-то буду глядѣть? Грѣшно вамъ, Никонъ Зотычъ.

— Я васъ люблю, Капитолина Егоровна, — отвѣтилъ Никонъ. — Съ перваго раза полюбилъ.

— А я не люблю васъ.

Никонъ выпрямился, взглянулъ на попадью испуганными глазами и пробормоталъ:

— Зачѣмъ же вы... мнѣ казалось...

— Нѣтъ, не люблю! — повторила настойчивая попадья. — Вотъ пойду и повинюсь во всемъ попу, а вы уѣзжайте, куда глаза глядятъ. Мой грѣхъ, мой и отвѣтъ...

— Куда же я пойду? — безпомощно спросилъ Никонъ.

— Ахъ, Господи! — взмолилась попадья, ломая руки. — Да уйдите вы отъ меня: тошно мнѣ глядѣть.

Никонъ помолчалъ, пожевалъ губами и спросилъ въ послѣдній разъ:

— И только, Капитолина Егоровна?

— И только, Никонъ Зотычъ.

Онъ круто повернулся, нахлобучилъ шапку на глаза и вышелъ. Больше Капитолина Егоровна такъ его и не видала. Какъ на грѣхъ, вечеромъ пригнала Наташа и по лицу попадьи сразу догадалась, что случилось что-то важное. Она повела дѣло политично и не заговорила сразу о главномъ, а цѣлый вечеръ болтала разные пустяки. Только уже въ концѣ она спросила:

— А гдѣ Никонъ Зотычъ?

— Кто его знаетъ, куда онъ ушелъ: взялъ шапку и пошелъ, — отвѣтила попадья, пряча виновато глаза: — меня онъ не спрашивается... Я ему сегодня отъ квартиры отказала. Надоѣли мнѣ эти басурманы хуже горькой рѣдьки.

Наташа только сжала губы, какъ дѣлала мамынька Аѳея Парѳеновна въ трудныхъ случаяхъ. За послѣднее время она сильно измѣнилась — похудѣла, осунулась, присмирѣла. Очень ужъ тошно ей жилось: дома — на свѣтъ бѣлый не смотрѣла бы, а пріѣхала въ Новый заводъ — тоже хуже. Ни свѣту ни радости, когда бунтуетъ каждая жилка и молодое сердце обливается горячею кровью.

А Никонъ ушелъ на фабрику и тамъ ходилъ изъ корпуса въ другой. Работы по перестройкѣ и ремонту приходили къ концу, и онъ осмотрѣлъ все, какъ дѣлалъ каждый день. Только обѣдать онъ домой не пошелъ, а закусилъ тутъ же, въ мѣховомъ корпусѣ, вмѣстѣ съ рабочими. Къ вечеру и работа вся была кончена, а Никонъ все не уходилъ изъ фабрики. Онъ ушелъ въ кричный корпусъ, присѣлъ на лавочку къ уставщику и смотрѣлъ, какъ работаютъ новозаводскіе мастера, вытягивая желѣзныя полосы. А работали новозаводскіе мастера ловко. Кричное производство было поставлено искони, какъ построена фабрика. Никонъ сидѣлъ и смотрѣлъ на ярко пылавшіе горна, на добѣла накаленныя полосы желѣза, на суетившихся рабочихъ, а въ головѣ стучали свои молота, выковывая одну роковую мысль:

— Не люблю, не люблю, не люблю!

Огнемъ горѣло сердце Никона, и чувствовалъ онъ, какъ сдѣлался самому себѣ чужимъ человѣкомъ.

Изъ кричнаго корпуса Никонъ нѣсколько разъ уходилъ въ мѣховой, — придетъ, остановится противъ мѣховъ и смотритъ, какъ машина набираетъ съ подавленнымъ шипѣньемъ воздухъ. Два громадныхъ цилиндра, положенныхъ горизонтально, работали отлично. Поршень, приводимый въ движеніе водянымъ колесомъ, вдвигался и выдвигался съ эластическою легкостью; заслонки раскрывались и закрывались безъ малѣйшаго шума, хотя отъ этой ра-

боты дрожали стѣны новаго корпуса. Все было пригнано съ математическою точностью, и Никонъ любовался новою машиной глазомъ знатока. Мальчикъ-машинистъ вертѣлся около него съ паклей въ рукахъ, ожидая приказаній.

— Ты что̀ тутъ суешься? — спросилъ Никонъ, замѣтивъ его наконецъ.

— А такъ, Никонъ Зотычъ... Я при машинѣ. Машинистъ вышелъ, такъ я за него.

— Молодецъ!

Въ это время въ мѣховой корпусъ, пошатываясь, ворвался Карпушка. Онъ еле держался на ногахъ.

— Никонъ Зотычъ... родимый... она тамъ, — бормоталъ Карпушка, указывая рукою на плотину. — Она ждетъ.

Никонъ весь вздрогнулъ и дикими глазами посмотрѣлъ на пьянаго Карпушку.

— Кто она? — тихо спросилъ онъ, чувствуя, какъ у него сводитъ губы.

— Да все она же, Наталья Ѳедотовна... Наказала васъ вызвать туды на плотину. Словечко, гритъ, надо сказать.

— А... хорошо, — протянулъ Никонъ, щупая свою голову. — Скажи, что я сейчасъ.

— Такъ и сказать, Никонъ Зотычъ?

— Такъ и скажи.

— Такъ я тово...

— Убирайся, болванъ!

Карпушку вынесло изъ мѣховаго корпуса точно вѣтромъ.

Пока онъ разслабленною, пьяною походкой переходилъ фабричный дворъ и поднимался по крутой деревянной лѣстницѣ на плотину, гдѣ его ждала Наташа, Никонъ успѣлъ еще разъ пережить всю свою неудачную жизнь. Да, онъ все пережилъ — и свои гордыя мечты, и окружавшую его тьму, и пустоту, наполнявшую его душу. Потомъ онъ выпрямился, застегнулъ на всѣ пуговицы рабочую куртку и выслалъ мальчика-машиниста въ слесарную. Когда мальчикъ вернулся, то увидѣлъ ужасную картину: Никонъ на колѣняхъ стоялъ у мѣхового цилиндра, а голова была раздавлена работавшимъ поршнемъ.

Какъ это случилось — осталось неизвѣстнымъ. Никонъ могъ попасть головой въ цилиндръ нечаянно, поправляя какую-нибудь гайку, а могло быть и не такъ... Знали о послѣднемъ только новозаводская попадья да Наташа — и больше никто.

XII.

Прошло три года. На заводахъ все шло по-старому, за исключеніемъ того, что вмѣсто Никона заводскимъ механикомъ поступилъ рыжій англичанинъ Бруксъ. Ѳедотъ Якимычъ царилъ надъ всѣми и всѣмъ попрежнему, хотя замѣтно опустился и началъ по временамъ забываться, — послѣднее было замѣчено вѣрнымъ рабомъ Мишкой. Аѳея Парѳеновна проживала гдѣ-то въ скитахъ, и къ ней ѣздила одна Наташа. Дѣти примирились съ Ѳедотомъ Якимычемъ и время отъ времени навѣщали его. Частымъ гостемъ въ господскомъ домѣ теперь былъ мистеръ Бруксъ, напоминавшій во многомъ Никона: такой же гордый, упрямый и умный. Старикъ Ѳедотъ Якимычъ полюбилъ его, хотя могъ объясняться съ нимъ только при помощи Амаліи Карловны, — англичанинъ говорилъ невозможнымъ ломанымъ языкомъ. Теперь нѣмка свободно являлась въ господскій домъ, и мало-по-малу всѣ къ этому привыкли, такъ

что казакъ Мишка называлъ ее „наша барыня“. По вечерамъ въ господскомъ домѣ шла игра въ преферансъ, обыкновенно составляли партію самъ хозяинъ, нѣмка и мистеръ Брукъ. Когда игра затягивалась за полночь, мистеръ Брукъ провожалъ нѣмку до ея квартиры.

Наташа жила въ своемъ купеческомъ домѣ, но сдѣлалась неузнаваемой — похудѣла, осунулась, постарѣла. Смерть Никона произвела на нее потрясающее впечатлѣніе и унесла съ собой все Наташино веселье, заразительный смѣхъ и самую молодость. Она замѣтно стала чуждаться людей и сдѣлалась богомольной, какъ мать. Въ характерѣ Наташи проявились черты родовой гордости и печальной раскольничьей религіозности. Внѣшнимъ міромъ она перестала интересоваться и какъ-то вся ушла въ себя, — глаза смотрѣли безстрастно, губы складывались строго, и въ каждомъ движеніи чувствовался прежде времени отживши человѣкъ. Даже къ ньяницѣ-мужу Наташа стала относиться терпимѣе, какъ умирающій человѣкъ, который прощаетъ даже своего самаго злого врага. Это умирающее спокойствіе Наташи время отъ времени нарушалось только пріѣзжавшей изъ Новаго завода попадьей, привозившей какія-нибудь новости, — попадья знала рѣшительно все, что дѣлалось на заводахъ, и сообщала Наташѣ послѣднія землянскія новости. Какъ-то въ Великій постъ она пріѣхала въ необычное время и заявилась къ Наташѣ съ таинственнымъ видомъ.

— Ну, что скажешь? — спрашивала Наташа безъ предисловій.

— Охъ, плохо, моя голубушка! Ужъ не умѣю, какъ и сказать... Попритчилось что-то съ Леонидомъ Зотычемъ: вотъ уже третья недѣля пошла, какъ молчитъ... На службу не ходитъ, а лежитъ у себя въ каморкѣ и молчитъ.

— Можетъ, разсердился на кого-нибудь?

— Нѣтъ, ровно бы не на кого ему сердиться... Говорю: попритчилось. И съ Карпушкой ничего не говоритъ... Прежде-то хоть съ нимъ словечкомъ перемолвится, а теперь и этого не стало. Я своего попа подсылала, да отъ него какой толкъ?.. Тошно смотрѣть-то, да и страшно въ другой разъ.

— Чего страшно-то?

— А кто его знаетъ, что у него на умѣ... Чего-нибудь думаетъ же: молчитъ-молчитъ, да какъ бросится, неровенъ часъ... Ужъ только и квартирантовъ мнѣ Богъ послалъ: какъ есть вся смаялась.

Попадья присѣла на стулъ и даже всплакнула, припомнивъ нанесенную ей Никономъ обиду. Наташа поняла это движеніе, вспыхнула и какъ-то брезгливо отвернулась отъ старой пріятельницы.

Это извѣстіе точно на ноги поставило Наташу. Она сейчасъ же отправилась къ отцу разузнавать, какъ и что, — въ конторѣ должны были знать все изъ ордеровъ Григорія Ѳедотыча.

— Дуритъ Левонидъ, и больше ничего, — равнодушно объяснилъ Ѳедотъ Якимычъ, стараясь что-то припомнить. — Какъ будто Григорій доносилъ въ контору, а между прочимъ, не знаю.

Наташа опять вспыхнула и рѣзко проговорила:

— Тятенька, какъ вамъ не совѣстно? Отъ кого Леонидъ-то Зотычъ страдаетъ?

— Ты... ты... Да какъ ты смѣешь отцу такія рѣчи говорить?

— А скажу, и все тутъ... Хоть бы вольную ему дали, Леониду, а то вѣдь онъ измучился весь. Легкое мѣсто сказать...

Ѳедотъ Якимычъ вспылилъ, какъ давно съ нимъ не бывало: затопалъ ногами, закричалъ и выгналъ Наташу вонъ. Она такъ и ушла, не простившись съ отцомъ, ушла полная рѣшимости и жалости къ несчастному Леониду, въ которомъ продолжала любить тѣнь погибшаго Никона. Не откладывая

дѣла въ долгій ящикъ, Наташа вмѣстѣ съ попадьей отправилась на Новый заводъ.

Леонидъ, дѣйствительно, лежалъ въ своей комнатѣ и не отвѣтилъ Наташѣ ни одного слова, какъ ничего не говорилъ и съ другими. Наташа посовѣтовалась съ братомъ Григоріемъ Ѳедотычемъ и рѣшила увезти Леонида въ Землянскій заводъ, чтобы тамъ полѣчилъ его свой заводскій докторъ. По наружности Леонидъ былъ неузнаваемъ: похудѣлъ, побѣднѣлъ, оброс весь волосами. Его отправили въ сопровожденіи Карпушки, а Наташа поѣхала вслѣдъ за ними.

— Ну, слава Тебѣ, Господи! — взмолилась попадья, когда послѣдній квартирантъ оставилъ поповскій домъ. — Теперь, попъ, ужъ шабашъ квартирантовъ держать: озолоти меня всю — не возьму.

Покаялась попадья своему хохлатому попу или не покаялась, такъ и осталось неизвѣстнымъ, только попъ молчалъ попрежнему.

Наташа привезла Леонида прямо къ себѣ въ домъ. Свободныхъ комнатъ было достаточно, а мужъ ничего не могъ сказать, — что же, пусть его живетъ. Когда свои лавочники начинали вышучивать, Недошивинъ отвѣчалъ одно и то же:

— Особенная у меня жена... Не чета вашимъ-то бабамъ, чтобы про нее разныя слова говорить. Да... У ней все по-своему: въ мамыньку родимую характеромъ-то издалась.

Мать Гордѣевыхъ была еще жива и приплелась въ недошивинскій домъ, чтобы своими старыми глазами посмотрѣть на обрушившуюся новую бѣду. Она не плакала, не жаловалась, а только удивлялась, — ее захватило уже старческое дѣтство. У Наташи изболѣлось сердце при видѣ этихъ несчастныхъ, но она ушла вся въ хлопоты: нужно было устроить Леонида, пригрѣть и утѣшить старуху, пригласить доктора и т. д. Жизнь точно вернулась къ ней: нужна же и она, Наташа, нужна не себѣ, а вотъ чужимъ людямъ. А какъ надрывалось ея женское изстрадавшееся сердце — знали только лики потемнѣвшихъ старинныхъ образовъ.

Приглашенный для совѣта заводскій врачъ внимательно осмотрѣлъ больного, выслушалъ его, выстукалъ и только покачалъ головой.

— Дѣло безнадежное, — объявилъ онъ Наташѣ: — общій медленный параличъ.

Наташа такъ и повалилась, какъ подкошенная. Она не горевала такъ, когда умеръ Никонъ, а теперь обрывалась послѣдняя живая ниточка, которая незримо привязывала ее къ тѣни прошлаго. Вѣдь это ужасно, — живой мертвецъ!.. Въ слѣдующую минуту Наташа усомнилась въ докторскомъ опредѣленіи и сама принялась лѣчить больного разными снадобьями отъ своихъ раскольничьихъ старухъ-лѣкарокъ. Ей помогалъ одинъ Карпушка, неотлучно состоявшій при больномъ. Изобрѣтатель-самоучка сдѣлался своимъ человѣкомъ въ недошивинскомъ домѣ и пилъ теперь водку вмѣстѣ съ хозяиномъ. Послѣдній даже радъ былъ компаньону и, хлопая его по плечу, говорилъ:

— Да ты, Карпушка, цѣлая фигура, чортъ тебя возьми! Вонъ какъ водку-то заливаешь...

— Отъ ума я нью, Ѳедоръ Иванычъ. Другіе-прочіе отъ глупости, а я отъ ума.

Цѣлые дни Наташа просиживала надъ своимъ больнымъ, точно птица надъ выпавшимъ изъ гнѣзда и разбившимся птенцомъ. Ей иногда казалось, что въ этомъ безжизненномъ лицѣ являлась слабая тѣнь мысли и въ глазахъ искрится сознаніе. Но эти рѣдкіе свѣтлые промежутки сейчасъ же заслоня-

лись темною ночью безсознательнаго состоянія. Леонидъ никого не узнавалъ и ни съ кѣмъ не говорилъ. Такъ медленно тянулся одинъ день за другимъ. Такъ дни тянутся только въ тюрьмѣ да у постели больного. Наташа все-таки смутно надѣялась на что-то: неужели ея труды и заботы должны были пропасть даромъ, какъ пропала и вся ея жизнь? Ей въ первый разъ пришла въ голову мысль, что вѣдь это несправедливо... Да, несправедливо. А вѣдь все могло бы быть иначе... Сидѣла Наташа и раздумывала свои одинокія думы, вся охваченная неудовлетвореннымъ желаніемъ жизни. Въ Леонидѣ для нея умирало что-то такое безконечно-родное, точно это была она, Наташа. Она и по ночамъ приходила провѣдать больного и смутно старалась въ этомъ безжизненномъ лицѣ найти дорогія ея сердцу черты... Иногда ей казалось, что она узнаётъ въ немъ другое лицо, и смертный страхъ охватывалъ Наташину душу. Господи, сколько ей хотѣлось сказать вотъ этому лицу, выплакать свое горе, просто потужить и погоревать, чтобы хоть на минутку отлегло на сердцѣ.

Разъ ночью, когда Наташа такимъ образомъ сидѣла въ комнатѣ Леонида, въ дверяхъ неслышными шагами появилась темная высокая фигура и остановилась. Она инстинктивно оглянулась и оцѣпенѣла отъ ужаса: это была сама Амоея Пароеновна въ темномъ скитскомъ одѣяніи. Отъ ужаса Наташа не могла въ первую минуту выговорить ни одного слова.

— Мамынька... родная... да ты ли это?

— Я, милушка... Не бойся, родная.

— Да зачѣмъ ты здѣсь, мамынька, въ такую пору?

— Сердце — вѣщунъ, доченька... Нужно, вотъ и пріѣхала провѣдать. Съ ума ты у меня не шла... дошли твои слезы, горюша, до материнскаго сердца. Преступила свой скитскій обѣтъ и пріѣхала...

До свѣта мать и дочь сидѣли вмѣстѣ и вмѣстѣ плакали мірскими грѣшными слезами. Все разсказала Наташа матери, ничего не утаила и билась у нея въ рукахъ, какъ подстрѣленная птица. Грозная была женщина Амоея Пароеновна — свое собственное горе перенесла безъ слезинки, а тутъ не стерпѣла: за Наташу плакала, за Наташину хорошую душу. Когда разсвѣло, старуха спохватилась и сразу сдѣлалась неприступною и гордою.

— Будетъ ревѣть, — оговорила она вздрагивавшую отъ подавленныхъ рыданій Наташу. — Не къ тому дѣло идетъ.

— А къ чему, мамынька?

— Сама я не знаю.

Такъ и замолчала суровая скитница, — она точно жалѣла свою прорвавшуюся женскую жалость и только хмурилась. Сердце Наташи опять сжалось предчувствіемъ новой бѣды: охъ, не спроста мамынька изъ скитовъ наѣхала, — быть неминучей бѣдѣ.

А бѣда была не за горами.

Ѳедотъ Якимычъ нѣсколько дней все задумывался. Ссора съ Наташей мучила его. Въ самомъ дѣлѣ, жену свою выгналъ изъ дому, другую жену развелъ съ мужемъ, а тутъ еще Леониду попритчилось что-то. Стороной онъ слышалъ, что Леонидъ — не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ, и для очищенія своей совѣсти велѣлъ въ конторѣ написать ему вольную. Съ этою роковою бумагой въ недошивинскій домъ былъ отправленъ вѣрный рабъ Мишка. Его встрѣтила сама Наташа.

— Вотъ Ѳедотъ Якимычъ бумагу прислали... — бормоталъ Мишка, вытягиваясь въ струнку.

Наташа схватила вольную и птицей полетѣла съ ней къ больному. Она

растолкала его и со слезами на глазахъ громко читала роковое освобожденіе. Леонидъ смотрѣлъ на нее и силился понять.

— Воля, Леонидъ Зотычъ... — повторяла Наташа, задыхаясь отъ слезъ: — воля... Неужели вы ничего не понимаете?

Ея искреннее горе передалось и ему. Онъ посмотрѣлъ на нее совсѣмъ разумными глазами, вздохнулъ и, повертываясь къ стѣнѣ лицомъ, проговорилъ всего одно слово:

— Поздно...

Леонида хоронили черезъ нѣсколько дней. Въ день похоронъ внезапно умеръ Ѳедотъ Якимычъ: онъ засталъ мистера Брукса въ объятіяхъ нѣмки, пошатнулся, захрипѣлъ и безъ слова, бездыханный, повалился на полъ. Амоея Пароѳеовна недаромъ наѣхала изъ скитовъ: она по-христіански во всемъ простила мужа, а Наташу увезла съ собой въ скиты.

1891 г.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ПЕПКО.

Романъ.

I.

Стояло хмурое осеннее петербургское утро. Я провелъ скверную ночь и на лекціи не пошелъ. Во-первыхъ, опоздалъ, а во-вторыхъ, нужно было доканчивать седьмую главу третьей части перваго моего романа. Кто пробовалъ писать романъ, тотъ пойметъ, насколько послѣдняя причина была уважительна. Прежде чѣмъ приняться за работу, я долго ходилъ по комнатѣ, обдумывая какую-то сцену и останавливаясь у единственнаго окна, выходившаго на улицу. Это окно было моимъ пробнымъ пунктомъ, точно каждая трудная мысль сама останавливалась у него. Можетъ-быть, это было инстинктивнымъ тяготѣніемъ къ свѣту, котораго такъ мало отпущено Петербургу. Окно хотя и выходило на улицу, но открывавшійся изъ него видъ не представлялъ собой ничего интереснаго. Просто пустырь, занятый безконечными грядами капусты. Такихъ пустырей въ глубинѣ Петербургской стороны и сейчасъ достаточно, а двадцать лѣтъ тому назадъ ихъ было еще больше. Мой пустырь до нѣкоторой степени оживлялся только канатчикомъ, который, какъ паукъ паутину, цѣлые дни вытягивалъ свои веревки. Я уже привыкъ къ этому неизвѣстному мнѣ человѣку и, подходя къ окну, прежде всего отыскивалъ его глазами. У меня плелась своя паутина, а у него—своя.

Обыкновенно моя улица цѣлый день оставалась пустынной—въ этомъ заключалось ея главное достоинство. Но въ описываемое утро я былъ удивленъ поднявшимся въ ней движеніемъ. Подъ моимъ окномъ раздавался торопливый топотъ невидимыхъ ногъ, громкій говоръ—вообще, происходила какая-то суматоха. Дѣло разъяснилось, когда въ дверяхъ моей комнаты показалась голова чухонской дѣвицы Лизы, отвѣчавшей за горничную и кухарку, и проговорила:

— Она повѣсилась...

Меня удивило то, что Лиза улыбалась, хотя это и дѣлалось изъ вѣжливости къ жильцу. Затѣмъ, она была такъ счастлива, что успѣла первой сообщить мнѣ взволновавшую всю улицу новость.

— Кто повѣсился?

— Вировка вѣсилась...

Репертуаръ русскихъ словъ у Лизы находился въ несоотвѣтствіи съ пожиравшей ее жаждой разсказать мнѣ новость, и свое объясненіе она закончила при помощи рукъ. Я понялъ наконецъ, кто повѣсился, и успокоенная

чухонская дѣвица скрылась. Впрочемъ, теперь я и безъ нея могъ увидѣть собственными глазами эту новость, т.-е. грязныя босыя ноги, выставлявшіяся изъ-подъ ветхаго навѣса, въ которомъ канатчикъ складывалъ свою паклю и веревку. Толпа прибывала съ удивительной быстротой,—откуда только бралось столько народа въ пустынной улицѣ. Стремглавъ летѣли босоногіе „сапожные“ мальчишки, портняжки, горничныя, какія-то подозрительныя бабы, разные „отставные“, которыми по преимуществу населена Петербургская сторона, и просто „жильцы“. Сначала толпа хлынула-было въ огородъ, но явившіеся на мѣсто дѣйствія два городовыхъ выгнали любопытныхъ обратно на улицу, и, благодаря этому обстоятельству, я изъ своего бельэтажа могъ отлично видѣть нижнюю часть неподвижно висѣвшаго въ сарайчикѣ мертваго тѣла канатчика. Чухонка Лиза уже три раза вихремъ пронеслась по улицѣ взадъ и впередъ, собирая налету послѣднія извѣстія, чтобы сейчасъ же разнести ихъ съ проворствомъ обезьяны по всѣмъ тремъ этажамъ нашего деревяннаго домика. Меня всегда возмущало это нахальное любопытство уличной толпы въ такихъ случаяхъ, а теперь въ особенности, потому что мнѣ казалось, что канатчикъ почти принадлежалъ мнѣ, какъ собратъ по профессіи.

Главнымъ неудобствомъ моей комнаты было то, что она отдѣлялась отъ хозяйской половины очень тонкой дощатой стѣнкой, и слышно было каждое слово, которое говорилось по обѣ ея стороны. Благодаря этому обстоятельству, я въ теченіе какого-нибудь мѣсяца до тонкости узналъ всю жизнь моихъ хозяевъ, до малѣйшихъ подробностей. Во-первыхъ, они были люди одинокіе—мужъ и жена, можетъ-быть, даже и не мужъ и не жена, а я хочу сказать, что у нихъ не было дѣтей; во-вторыхъ, они были люди очень небогатые, часто ссорились и вообще вели жизнь мелкаго служилаго петербургскаго класса. Онъ уходилъ въ какую-то канцелярію ровно въ одиннадцать часовъ и возвращался обыкновенно къ обѣду. Если онъ запаздывалъ или приходилъ навеселѣ, жена начинала на него ворчать, постепенно усиливая тонъ. Видимо, у него былъ прекрасный характеръ, потому что въ такихъ случаяхъ онъ начиналъ оправдываться виноватымъ голосомъ, просилъ прощенія и вообще употреблялъ всѣ средства, чтобы потушить бѣду домашними средствами. Но все-таки онъ былъ большой хитрецъ. Я это зналъ по тѣмъ пустымъ словамъ, какими онъ старался заговорить жену. Онъ десятки разъ коснѣвшимъ языкомъ повторялъ самыя нелѣпыя объясненія своего поведенія, пока женѣ не надоѣдало слушать его глупости. Вся суть этой политики заключалась въ томъ, чтобы выиграть время и не дать женѣ войти въ ражъ. Впрочемъ, эти опыты гипнотизма не всегда удавались, и дѣло доходило до очень громкихъ словъ, взаимныхъ укоровъ, подавленной ругани, швырянія разныхъ предметовъ домашняго обихода и какихъ-то подозрительныхъ паузъ, которыя разрѣшались сдержанными рыданіями жены. Въ такихъ исключительныхъ случаяхъ я считалъ своимъ долгомъ издавать предупредительный кашель, ронялъ на полъ книгу или начиналъ ходить по комнатѣ, стуча каблуками. Этотъ маневръ моментально производилъ желанное дѣйствіе, и сцена заканчивалась сердитымъ шопотомъ, тяжелымъ молчаніемъ и такими движеніями, точно кто-то кого-то отталкивалъ и не могъ оттолкнуть. Нужно признаться, что я не злоупотреблялъ своимъ вліяніемъ, потому что мое вмѣшательство, очевидно, шло въ пользу только виноватой стороны, которой являлся всегда мужъ, а я не хотѣлъ быть его тайнымъ сообщникомъ. Наканунѣ разыгралась именно одна изъ такихъ семейныхъ бурныхъ сценъ, и поэтому утро было молчаливо-тяжелое. Меня интересовало, какъ сегодня вывернется мой легкомысленный хозяинъ, который, какъ мнѣ было извѣстно доподлинно, именно по утрамъ мучился

угрызеніями совѣсти. И представьте себѣ, этотъ хитрецъ воспользовался смертью несчастнаго канатчика, чтобы помириться съ женой! Онъ такъ громко его жалѣлъ, такъ вздыхалъ, высказалъ столько хорошихъ чувствъ и даже самъ сбѣгалъ посмотрѣть на покойника, чтобы удовлетворить разгорѣвшееся любопытство жены въ качествѣ очевидца. По тону ея голоса я уже слышалъ, что ей просто лѣнь сердиться и что ради повѣсившагося канатчика она готова совсѣмъ простить своего тирана. Мое предположеніе скоро подтвердилось: послышался съ его стороны ласковый шопотъ и уговариванье, а потомъ поцѣлуй. Однимъ словомъ, канатчикъ точно нарочно повѣсился именно въ это утро, чтобы поссорившіеся наканунѣ супруги помирились...

— И хорошо сдѣлалъ этотъ канатчикъ, чортъ возьми!—слышался голосъ мужа.

— А если у него маленькія дѣти остались?—слезливо отвѣчала жена.

— Почему непремѣнно дѣти и почему непремѣнно маленькія?

Меня всегда удивлялъ тотъ быстрый переходъ, который совершался вслѣдъ за такимъ примиреніемъ. Мужъ сразу дѣлался другимъ человѣкомъ—увѣренный тонъ, отвѣты полусловами, даже походка другая. Такъ было и теперь. Прощенный грѣшникъ, видимо, чувствовалъ себя прекрасно и даже, кажется, любезно ущипнулъ жену, потому что она подавленно взвизгнула и засмѣялась, но въ этотъ трогательный моментъ появилось третье лицо, которое вошло въ комнату, не раздѣваясь въ передней. По первымъ фразамъ можно было заключить, что это третье лицо было своимъ человѣкомъ и притомъ, несмотря на сравнительно ранній часъ, было уже сильно навеселѣ и плохо владѣло заплетавшимся языкомъ. По тону хозяина можно было заключить, что онъ не былъ радъ неожиданному появленію гостя, который въ другое время могъ бы явиться спасителемъ семейнаго счастья, а сейчасъ просто не далъ довести до конца счастливый моментъ. Самъ гость упорно не желалъ замѣчать ничего и добродушнѣйшимъ образомъ что-то сюсюкалъ, причмокивалъ языкомъ и топтался на одномъ мѣстѣ, какъ привязанная къ столбу лошадь.

Всѣ эти событія совершенно вышибли меня изъ рабочей колеи, и я, вмѣсто того, чтобы дописывать свою седьмую главу, глядѣлъ въ окно и прислушивался ко всему, что дѣлалось на хозяйской половинѣ, совсѣмъ не желая этого дѣлать, какъ это иногда случается.

Дальше я услышалъ, какъ хозяинъ что-то принялся разсказывать гостю, а тотъ одобрительно мычалъ.

— Отлично... Одобряю!—повторялъ пьяный голосъ.—А я сейчасъ къ нему пойду познакомлюсь... да.

— Пожалуйста, оставьте, Порфиръ Порфирычъ,—проговорила хозяйка.—Какое намъ дѣло до другихъ, и какое мы имѣемъ право мѣшать человѣку?.. Наконецъ я васъ прошу, Порфиръ Порфирычъ... Человѣкъ пишетъ, а вдругъ вы ввалитесь,—кому же пріятно въ самомъ дѣлѣ?

— Пишетъ? Та-акъ...—тянулъ гость и съ упрямствомъ пьянаго человѣка добавилъ:—А я все-таки пойду и познакомлюсь, чортъ возьми... Что же тутъ особеннаго? Вѣдь я не съѣмъ.

Я понялъ, что разговоръ шелъ обо мнѣ и что хозяинъ своимъ молчаніемъ поощряетъ намѣреніе гостя,—проклятый плутъ за мой счетъ хотѣлъ выдворить непрошеннаго гостя, докончить прерванную сцену супружескаго примиренія въ окончательной формѣ. Это меня наконецъ взбѣсило... Что имъ нужно отъ меня? Вотъ тебѣ и седьмая глава третьей части! Я приготовился такъ принять незваного гостя, что онъ въ слѣдующій разъ позабудетъ мой адресъ. А тутъ чухонка Лиза заглянула въ мою дверь безъ всякой причины,

ухмыльнулась и скрылась, какъ крыса, укравшая кусокъ сала. Какъ хотите. это было уже слишкомъ: за мой счетъ готовилось какое-то очень глупое представленіе.

— Она дома...—послышался предупреждавшій шопотъ Лизы, когда въ коридорчикѣ, отдѣлявшемъ мою комнату отъ кухни, послышались какіе-то шмыгающіе шаги, точно чьи-то ноги прилипали къ полу.

II.

— Можно войти-съ?—послышался голосъ за моей дверью, сопровождаемый пьянымъ причмокиваньемъ и сдержаннымъ хихиканьемъ Лизы.

— Войдите...

Въ дверяхъ показался лысый низенькій старичокъ, одѣтый въ старое, потертое осеннее пальто; на ногахъ были резиновыя калоши, одѣтыя прямо на голую ногу. Обросшіе бахромой, вытертые и точно вылощенные штаны служили только дополненіемъ остального костюма, который, говоря откровенно, произвелъ на меня совсѣмъ невыгодное впечатлѣніе, и я даже подумалъ одно мгновеніе, что это какой-нибудь благородный отецъ, собирающій пятачки. Но старичокъ улыбнулся самымъ веселымъ образомъ и даже лукаво подмигнулъ мнѣ, когда, какъ-то по-театральному, прочиталъ мнѣ свою рекомендацію:

— Порфиръ Порфирычъ Селезневъ, литераторъ изъ мелкотравчатыхъ... Прошу любить и жаловать. Да... Полюбите насъ черненькими... хе-хе!.. А впрочемъ, не въ этомъ дѣло-съ... ибо я пришелъ познакомиться съ молодымъ человѣкомъ. Вашу руку...

Бываютъ такіе особенные люди, которые однимъ видомъ уничтожаютъ даже приготовленное заранѣе настроеніе. Такъ было и здѣсь. Развѣ можно было сердиться на этого пьянаго старика? Пока я это думалъ, мелкотравчатый литераторъ успѣлъ пожать мою руку, сдѣлалъ преуморительную гримасу и удушливо расхохотался. Въ слѣдующій моментъ онъ указалъ глазами на свою отставленную съ сжатымъ кулакомъ лѣвую руку (я подумалъ, что она у него болитъ) и проговорилъ:

— Я—рабъ, я—царь, я—червь, я—Богъ...

При послѣднемъ словѣ кулакъ разжался, и въ немъ оказалось нѣсколько смятыхъ кредитокъ.

— Это мой несгораемый шкапъ, молодой человѣкъ... Хе-хе!.. Сколько вамъ нужно? Берите десять, пятнадцать...

— Позвольте, мнѣ кажется страннымъ... Однимъ словомъ, что вамъ угодно отъ меня?..

Порфиръ Порфирычъ посмотрѣлъ на меня непонимающимъ взглядомъ, быстро опустился на мой стулъ у письменнаго стола и торопливо забормоталъ:

— Понимаю, понимаю... молодая гордость! Понимаю и не обижаюсь: такъ и должно быть. Это хорошо... Иначе оставалось бы сдѣлать то же, что устроилъ вашъ канатчикъ. А вѣдь какой хитрецъ... а? Я про канатчика... Вы только подумайте: у человѣка работишка совсѣмъ плохая, притомъ онъ долженъ кругомъ—хозяину за квартиру, въ мелочную лавку, въ кабакъ... да. Наконецъ бѣднягу постоянно сосалъ червячокъ: эхъ, опохмелиться бы!.. Ну, и представьте себѣ, долженъ онъ цѣлые дни тянуть эти проклятыя веревки, цѣлые дни думать, какъ ему извернуться, чтобы и голодная жена не ругалась, чтобы и своя голова не трещала, и чтобы лавочникъ повѣрилъ въ долгъ... И вотъ присмотрѣлъ онъ этакій гвоздь въ своемъ сарайчикѣ, приспособилъ веревочку и—готовъ. Это, скажу я вамъ, былъ истинный философъ, который

перехитрилъ все и всѣхъ. Понимаете: трахъ!—и ни долга въ лавочку, ни платы за квартиру, ни похмелья, ни этихъ проклятыхъ веревокъ, которыя ему отравили всю жизнь. Я нахожу это недурнымъ способомъ „раскланяться съ здѣшнимъ міромъ“, какъ говорятъ китайцы. Главное, ремесло такое подлое у человѣка: вилъ-вилъ свои безконечныя веревки, ну наконецъ и соблазнился. На его мѣстѣ всякій порядочный человѣкъ давно бы сдѣлалъ то же самое...

Слушая эту пьяную болтовню, я разсматривалъ физіономію Порфира Порфирыча. Ему было за пятьдесятъ лѣтъ. Жиденькіе, мягкіе, сѣдые, слегка вившіеся волосики оставались только на вискахъ и на затылкѣ; маленькая козлиная бородка и усы тоже были подернуты сѣдиной. Когда-то это лицо было очень красиво—и большой умный лобъ, и живые, темные, большіе глаза, и правильный носъ, и весь профиль. Теперь это лицо отъ великаго пьянства и другихъ причинъ было обложено густой сѣтью глубокихъ морщинъ, вѣки опухли, глаза смотрѣли воспаленнымъ взглядомъ, губы блестѣли тѣмъ синеватымъ отливомъ, какой бываетъ только у записныхъ пьяницъ. Наконецъ эти гримасы, причмокиванья и подмигиванья тоже говорили сами за себя.

Мое первоначальное рѣшеніе выпроводить гостя безъ церемоній смѣнилось раздумьемъ: зачѣмъ гнать пьянаго старика—поболтаетъ и самъ уйдетъ.

— Такъ вы, молодой человѣкъ, неужели никогда и ничего не слыхали про Порфира Порфирова Селезнева?—спрашивалъ старикъ, доставая берестяную тавлинку и дѣлая самую аппетитную понюшку.

— Ничего не слыхалъ.

— Значитъ, и моего „Яблока раздора“ не читали?

— Нѣтъ...

Старикъ вытащилъ изъ бокового кармана смятый листъ уличной газетки и ткнулъ пальцемъ на фельетонъ, гдѣ дѣйствительно былъ напечатанъ разсказъ „Яблоко раздора“, подписанный П. Селезневымъ.

— Да-съ, а теперь я напишу другой разсказъ... — заговорилъ старикъ, пряча свой номеръ въ карманъ. — Опишу молодого человѣка, который, сидя вотъ въ такой конуркѣ, думалъ о далекой родинѣ, о своихъ надеждахъ и прочее и прочее. Молодому человѣку частенько нечѣмъ платить за квартиру, и онъ по ночамъ пишетъ, пишетъ, пишетъ. Прекрасное средство, которымъ за-разъ достигаются двѣ цѣли: прогоняется нужда и догоняется слава... Поэма въ стихахъ? трагедія? романъ?

Я сдѣлалъ невольное движеніе, чтобы закрыть книгой роковую седьмую главу третьей части романа, но Порфиръ Порфирычъ поймалъ мою руку и неожиданно поцѣловалъ ее.

— Люблю, — шепталъ пьяный старикъ, не выпуская моей руки. — Ахъ, люблю... Именно хорошъ этотъ молодой стыдъ... эта невинность и дѣвственность просыпающейся мысли. Голубчикъ, пьяница Селезневъ все понимаетъ... да! А только не забудьте, что канатчикъ-то все-таки повѣсился. И какая хитрая штука: тутъ бытіе, вившее свою веревку нѣсколько лѣтъ, и тутъ же небытіе, повѣшенное на этой самой веревкѣ. И притомъ какая деликатность: пусть теперь другіе вьютъ эту проклятую веревку... хе-хе!

Порфиръ Порфирычъ тяжело раскашлялся, схватившись за надсаженную простудой грудь, и даже выпустилъ изъ кулака деньги. Я подалъ ему стаканъ воды, и пьяница поблагодарилъ меня улыбнувшимися глазами. Меня начинала интересовать эта немного дикая сцена.

Собравъ деньги съ пола, старикъ разложилъ ихъ на моемъ столѣ, пересчиталъ и съ глубокимъ вздохомъ проговорилъ:

— Двадцать семь рубликовъ, двадцать семь соколиковъ... Это я за свое

„Яблоко раздора“ сцапалъ. Да... Хо-хо! Намъ тоже пальца въ ротъ не клади... Такъ вы не желаете взять ничего изъ сихъ динаріевъ?

— Нѣтъ.

— Все равно, пропью.

— Зачѣмъ пропивать?.. Вотъ у васъ пальто холодное, а скоро наступитъ зима. Мало ли что можно пріобрѣсти на эти деньги.

— Вотъ вы говорите одно, а думаете другое: пропьетъ старый чортъ. Такъ? Ну, да не въ этомъ дѣло-съ... Все равно, пропью, а потомъ зубы на полку. Къ вамъ же приду двугривенный на похмелье просить... хе-хе!.. Дадите?

— Если у самого будутъ...

— О, юноша, юноша... Ну, да не въ этомъ дѣло. Д-да... А слыхали вы, юноша, нѣчто о волчьемъ хлѣбѣ?

— Нѣтъ.

— Та-акъ-съ... А это вотъ какая исторія-съ, юноша. Возьмите вы теперь волка, настоящаго лѣсного волка, который по лѣсу бѣгаетъ и этакъ зубами съ голоду щелкаетъ. Жалованья ему не полагается, опредѣленныхъ занятій не имѣетъ, ну, однимъ словомъ, настоящій волкъ, которому на роду написано голодать. И вдобавокъ волкъ-то еще состарѣлся: шерсть у него вылиняла, глазъ притупился, на ухо тугъ, носъ заржавѣлъ, зубы съѣлъ,—ну, ему вдвойнѣ приходится голодать супротивъ молодыхъ волковъ. Не итти же ему къ дантисту: вставьте, молъ, новые зубы и при этомъ позвольте-съ очки... Такъ? И вдругъ этому облѣзлому, беззубому волчищу этакій кусъ попадаетъ?.. Хамъ! Неужели онъ по частямъ будетъ добычу размѣривать? Сразу голубчикъ слопаетъ, а потомъ опять голодать. Такъ и въ нашемъ дѣлѣ... Теперь поняли?.. Вѣдь это надо на своей кожѣ испытать. А кстати, вотъ что, пойдемте въ одно мѣсто злачное?

— Куда?

— Да попросту въ трактирное заведеніе... Чайку напьемся, машину послушаемъ, ибо душа требуетъ простора, трубныхъ звуковъ и сладкаго забвенія. Вы газеты почитаете, а я просіяю божественной теплотой. Знаете, какъ сказано у Гафиза: „пустыня льву, лѣсъ птицѣ и кабакъ Гафизу“... хе-хе!.. Тамъ ужъ всѣ наши въ сборѣ. Вѣдь вы Гришука знаете? Нѣтъ? Ну, какъ вы, юноша, ничего не знаете. И Молодина не знаете? и полковника Фрея? Тэ-тэ... да вѣдь это такіе праведники, безъ которыхъ нѣсть граду стоянія... Одѣвайтесь и идемте. Все равно, сегодня ничего писать не будете... Канатчикъ-то вѣдь повѣсился—вы и будете думать о немъ. Вонъ и ножки болтаются.

На лекціи итти было поздно, работа расклеилась, настроеніе было испорчено, и я согласился. Да и старикъ все равно не уйдетъ. Лучше пройтись, а тамъ можно будетъ всегда бросить компанію. Пока я одѣвался, Порфиръ Порфирычъ присѣлъ на мою кровать, заложилъ ногу на ногу и старчески дребезжавшимъ теноркомъ пропѣлъ:

Надо мной пѣвала матушка,
Колыбель мою качаючи:
„Будешь счастливъ, Калистратушка...“

Мы вышли. Порфиръ Порфирычъ въ порывѣ восторга ущипнулъ подвернувшуюся Лизу и за нанесенное оскорбленіе подарилъ двугривенный.

— На, чухоночка, гдѣ тебѣ взять...—бормоталъ старикъ, пыля своими калошами.

Лиза проводила насъ улыбавшимися глазами и проговорила:

— У ней много денекъ... бокгатая!..

III.

На улицѣ Порфиръ Порфирычъ показался мнѣ такимъ маленькимъ и жалкимъ. Приподнявъ воротникъ своего пальто, онъ весь съежился, и я слышалъ, какъ у него начали стучать зубы.

— Мы автомедона возьмемъ...—рѣшилъ онъ, изнемогая окончательно.— Эй, извозецъ, на Симеоніевскую, четвертакъ!

Мы поѣхали.

— Вы не думайте, юноша, что я везу васъ куда-нибудь, — объяснялъ Порфиръ Порфирычъ, еще сильнѣе съеживаясь.—Самое избранное общество, и почти всѣ съ высшимъ образованіемъ. Однимъ словомъ, газетные гоги и магоги... А меня ваша чухоночка подстроила: „она пишетъ... день пишетъ и ночь пишетъ“. Э, думаю, нашего поля ягода... И потомъ жаль мнѣ васъ стало. Навѣрно, думаю, этакій романище закатилъ въ пяти частяхъ, а самому жрать нечего. Помереть вѣдь можно надъ романищемъ-то. Вы въ газетномъ борзописаніи не искушались? Э, батенька, сіе не обогатитъ, а кусочекъ хлѣба съ масломъ дастъ... Да вотъ я васъ привезу прямо въ академію, а тамъ ужъ научатъ. Тамъ собаку съѣли... Научатъ, какъ волчій хлѣбъ добывать.

На Троицкомъ мосту насъ пронялъ довольно свѣжій вѣтеръ, и Порфиръ Порфирычъ малодушно спрятался за меня.

— У меня личныя непріятности съ этимъ проклятымъ мостомъ,—объяснялъ онъ.—Сколько флюсовъ я износилъ изъ-за него... И всегда здѣсь проклятый вѣтеръ, точно въ форточкѣ. Изнемогаю въ непосильной борьбѣ съ враждебными стихіями!..

Мы едва дотащились до Симеоніевской улицы. Порфиръ Порфирычъ вздохнулъ свободнѣе, когда мы очутились за гостепріимной дверью. Трактиръ изъ приличныхъ, хотя и средней руки. Пившіе чай купцы подозрительно посмотрѣли на пальто моего спутника и его калоши. Но онъ удѣлилъ имъ нуль вниманія, потому что чувствовалъ себя здѣсь, какъ дома.

— Агапычу сто лѣтъ...—здоровался онъ съ буфетчикомъ, перекладывая деньги изъ правой руки въ лѣвую.

— Пожалуйте...—приглашалъ лакей, забѣгая передъ Порфиромъ Порфирычемъ пѣтушкомъ.—Тамъ ужъ компанія-съ...

Мы прошли общую залу и вошли въ отдѣльную комнату, гдѣ у окна за столикомъ размѣстилась компанія неизвѣстныхъ людей, встрѣтившая появленіе Порфира Порфирыча гуломъ одобренія, какъ театральный народъ встрѣчаетъ короля.

— Отцы, позвольте презентовать прежде всего вамъ юношу,—бормоталъ Порфиръ Порфирычъ, указывая на меня.—Навозну кучу разрывая, пѣтухъ нашелъ жемчужное зерно... Не въ этомъ дѣло-съ. Василій Ивановичъ Поповъ... Кажется, такъ?

— Да...—подтвердилъ я, здороваясь съ новыми знакомыми.

Первое впечатлѣніе было не въ пользу академіи. Ближе всѣхъ сидѣлъ шестифутовый хохолъ Гришукъ, студентъ лѣсного института, рядомъ съ нимъ сѣдой старикъ съ военной выправкой—полковникъ Фрей, напротивъ него Молодинъ, юркій блондинъ съ окладистой бородкой и пенснэ. Четвертымъ оказался худенькій господинъ съ веснущатымъ лицомъ и длиннымъ носомъ.

— Тоже Поповъ, а попросту—Пепко,—самъ отрекомендовался онъ, протягивая длинную сырую руку.

Мнѣ почему-то показалось, что изъ всей академіи только этотъ Пепко

отнесся ко мнѣ съ какой-то скрытой враждебностью, и я почувствовалъ себя неловко. Бываютъ такія встрѣчи, когда по первому впечатлѣнію почему-то не взлюбишь человѣка. Какъ оказалось впослѣдствіи, я не ошибся: Пепко возненавидѣлъ меня съ перваго раза, потому что по природѣ былъ ревнивъ и относился къ каждому новому человѣку крайне подозрительно. Мнѣ лично онъ тоже не понравился, начиная съ его длиннаго носа и кончая холодной, сырой рукой.

Много прошло лѣтъ съ этого момента, и изъ дѣйствующихъ лицъ моего разсказа мало уже осталось въ живыхъ, но я всѣхъ ихъ вижу, какъ сейчасъ. Вотъ молчаливый Фрей съ его англійской коротенькой трубочкой. Лицо точно вырублено топоромъ, сѣрые глаза на выкатѣ, опущенные книзу сѣрые усы, сѣрая тужурка; онъ не любилъ говорить и умѣлъ слушать. Кто онъ такой, какъ попалъ въ газетное колесо, почему полковникъ и почему Фрей—я такъ и не узналъ, хотя имѣлъ впослѣдствіи съ нимъ постоянно дѣло. Хохолъ Гришукъ былъ настоящій хохолъ—добродушный, лѣнивый, лукавый по-хохлацки и очень слабый до горилки. Молодинъ скоро выбылъ изъ компаніи, пристроившись секретаремъ къ какому-то дамскому благотворительному комитету, собиравшему тряпки, старыя коробки изъ-подъ сардинъ и всякую непутную дрянь. Его видали потомъ уже въ шинели съ настоящими бобрами, но онъ отвертывался, не узнавая членовъ академіи. Да, я смотрю черезъ призму двадцати лѣтъ на сидѣвшую за столикомъ компанію и могу только удивляться человѣческой непроницательности. Въ трактиръ на Симеоніевской меня привело простое любопытство, и я не подозрѣвалъ, что въ моей жизни это былъ самый рѣшительный шагъ. Бываютъ такіе роковые дни, когда жизнь поворачиваетъ въ новое русло, а человѣкъ этого не чувствуетъ, поддаваясь теченію. Такъ было и тутъ. Передо мной открывалась совершенно новая жизнь, новые люди, новые интересы, и я присѣлъ къ общему столику съ скромною мыслью посидѣть немного и уйти.

То же самое могу сказать о людяхъ. Если бы человѣкъ могъ провидѣть будущее хоть немного... Я сейчасъ смотрю на Пепку и вижу его совсѣмъ другимъ, чѣмъ онъ мнѣ показался съ перваго раза. Могъ я себѣ представить, что именно съ этимъ человѣкомъ будетъ связана цѣлая полоса моей жизни, больше—самое горячее, дорогое время, которое называется молодостью. Вспоминая прошлое, я обобщаю свою молодость именно съ Пепкой и иначе не могу думать. Это былъ мой двойникъ, мое alter ego. Милый Пепко, молодость, гдѣ вы? У меня невольно сжимается сердце, и мысленно я опять продѣлываю тотъ тернистый путь, по которому мы шли рука объ руку, переживаю тѣ же молодыя надежды, испытываю тѣ же муки молодой совѣсти, неудачи и злоключенія... И мнѣ хочется пожать эту холодную, сырую руку, хочется слышать неровный, крикливый голосъ Пепки, странный смѣхъ — онъ смѣялся только нижней частью лица, а верхняя оставалась серьезной; хочется наконецъ видѣть себя опять молодымъ, съ единственнымъ капиталомъ своихъ двадцати лѣтъ. Позвольте, это, кажется, получается маленькое отступленіе, а Пепко ненавидѣлъ лиризмъ, и я не буду оскорблять его памяти. Въ обиходѣ нашей жизни сентиментальности вообще не полагалось, хотя, говоря между нами, Пепко былъ самымъ сентиментальнымъ человѣкомъ, какого я только встрѣчалъ. Но я забѣгаю впередъ.

Порфиръ Порфирычъ торжественно подошелъ къ столу и раскрылъ свой несгораемый шкапъ. Присутствующіе отнеслись къ скомканнымъ ассигнаціямъ довольно равнодушно, какъ люди, привыкшіе обращаться съ денежными знаками довольно фамильярно.

— Это твое „Яблоко раздора“, Порфирычъ? — сдѣлалъ догадку одинъ Гришукъ.

— Не въ этомъ дѣло-съ, — бормоталъ Селезневъ, продолжая топтаться на мѣстѣ. — Господа, разгладимъ чело и предадимся веселію. Ахъ, да, какой случай сегодня...

Пока „человѣкъ“ „соображалъ“ водку и закуску, Селезневъ разсказалъ о повѣсившемся канатчикѣ приблизительно въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ говорилъ у меня въ комнатѣ.

— Ну, что же изъ этого?—сурово спросилъ Фрей, посасывая свою трубочку.—У каждаго есть своя веревочка, а все дѣло только въ хронологіи...

Всѣхъ внимательнѣе отнесся къ судьбѣ канатчика Пепко. Когда Селезневъ кончилъ, онъ замѣтилъ:

— Что же, разсказецъ этотъ рублевиковъ на двѣнадцать можно будетъ вылѣпить... Главное, названіе хорошее: „Петля“.

— Нѣтъ, братъ, шалишь! — вступился Селезневъ. — Это моя тема... У меня уже все обдумано и названіе другое: „Веревочка“. У тебя скверная привычка, Пепко, воровать чужія темы... Это уже не въ первый разъ.

— А не болтай...—сказалъ Пепко. — Никто за языкъ не тянетъ. Наконецъ можно и на одну тему писать. Все дѣло въ обработкѣ сюжета, въ деталяхъ.

Когда была подана водка и закуска, Селезневъ обратился ко мнѣ:

— Ну, вотъ мы и дома... Выпьемъ, юноша.

— Я не пью.

Мой отвѣтъ, видимо, произвелъ неблагопріятное впечатлѣніе, а Пепко сдѣлалъ какую-то гримасу, отвернулся и фыркнулъ. Я чувствовалъ, что начинаю краснѣть. Зачѣмъ же тогда было итти въ трактиръ, если не пить? Конечно, глупо. Чтобы поправиться, я взялъ рюмку и выпилъ, причемъ поперхнулся и закашлялся. Это уже вышло окончательно глупо, и Пепко имѣлъ право расхохотаться, что онъ и сдѣлалъ. Мнѣ даже показалось, что онъ обругалъ меня телятиной или чѣмъ-то въ этомъ родѣ. Я почувствовалъ себя среди этихъ академиковъ мальчишкой и готовъ былъ выпить керосинъ изъ лампы, чтобы показаться большимъ.

— Ничего, ничего, юноша...—успокаивалъ меня Селезневъ.—Всему свое время... А впрочемъ, не въ этомъ дѣло-съ!..

Поданная водка быстро оживила всю компанію, а Селезневъ захмелѣлъ быстрѣе всѣхъ. Въ общей залѣ давно уже была „поставлена машина“, и подъ звуки этой трактирной музыки старикъ блаженно улыбался, причмокивалъ, въ тактъ раскачивалъ ногой и повторялъ:

— Да-съ, у каждаго есть своя веревочка... Вѣрно-съ!.. А канатчикъ-то все-таки повѣсился... Конечно... finita la comedia... Хе-хе!.. Теперь, братъ, шабашъ... Не съ кого взять. И жена, которая пилила бѣднягу съ утра до ночи, и хозяинъ изъ мелочной лавки, и хозяинъ дома — всѣ съ носомъ остались. Былъ канатчикъ и нѣтъ канатчика, а Порфиръ Порфирычъ напишетъ разсказъ „Веревочка“ и получитъ за оный мзду...

Чтобы поправить свою неловкость съ первой рюмкой, я выпилъ залпомъ вторую и сразу почувствовалъ себя какъ-то необыкновенно легко и почувствовалъ, что люблю всю академію и что меня всѣ любятъ. Главное, всѣ такіе хорошіе... А машина продолжала играть, у меня начинала сладко кружиться голова, и я помню только полковника Фрея, который сидѣлъ со своей трубочкой на одномъ мѣстѣ, точно бронзовый памятникъ.

— Онъ пишетъ романъ...—рекомендовалъ меня Селезневъ. — Да, чортъ возьми! Этакій священный огонь въ нѣкоторомъ родѣ... Хе-хе!..

IV.

Дальнѣйшія событія слѣдовали въ такомъ порядкѣ, вѣрнѣе сказать—въ безпорядкѣ. На другой день я проснулся въ совершенно незнакомой мнѣ комнатѣ и долго не могъ сообразить, гдѣ я и какъ я могъ попасть сюда. Отвѣтомъ послужила только нестерпимая головная боль... Но и эта боль ничто по сравненію съ тѣмъ стыдомъ, который меня охватилъ. Боже мой, гдѣ я вчера былъ? Какъ провелъ вечеръ? Что дѣлалъ, что говорилъ? Въ головѣ проносились обрывки чего-то ужаснаго, безобразнаго, нелѣпаго... Мнѣ начинало казаться, что весь вчерашній день являлся однимъ сплошнымъ безобразіемъ. Нечего сказать, хорошъ будущій романистъ... Для начала даже совсѣмъ недурно.

Немало меня смущало и то обстоятельство, что въ комнатѣ я былъ одинъ. Я лежалъ на какой-то твердой, какъ камень, клеенчатой кушеткѣ, а рядомъ у стѣны стояла кровать. По смятой подушкѣ и сбитому одѣялу я могъ сдѣлать предположеніе, что на ней кто-то спалъ и вышелъ, а слѣдовательно долженъ вернуться. Кстати у меня мелькнулъ обрывокъ вчерашнихъ воспоминаній. Мы вышли изъ трактира вмѣстѣ съ Пепкой, вышли подъ руку, какъ и слѣдуетъ друзьямъ. Потомъ Пепко остановился на углу улицы, взялъ меня за пуговицу и сообщилъ мнѣ трагическимъ шопотомъ:

— Знаете, Поповъ, я—великая свинья...

Онъ, очевидно, разсчитывалъ на эффектъ этого открытія, а такъ какъ такового не получилось, то неожиданно прибавилъ:

— И всѣ подлецы...

Послѣдняя гипотеза была очень невыгодна для меня, но я почему-то счелъ неудобнымъ оспаривать ее, кажется, даже подтвердилъ ее, мысленно выдѣливъ только самого себя. Да, да, именно такъ все было, и я отлично помнилъ, какъ Пепко держалъ меня за пуговицу.

На основаніи этого маленькаго эпизода я имѣлъ нѣкоторое право догадываться, что нахожусь въ квартирѣ Пепки. Комната была большая, по какого-то необыкновенно унылаго вида, вѣроятно, благодаря абсолютной пустотѣ, за исключеніемъ моей кушетки, кровати, ломбернаго стола, одного стула и этажерки съ книгами. Единственное окно упиралось куда-то въ стѣну. По разложеннымъ на столѣ литографированнымъ запискамъ я имѣлъ основаніе заключить, что хозяинъ—студентъ, и это значительно меня успокоило. Впрочемъ, скоро послышался довольно крупный разговоръ, который окончательно вернулъ меня къ дѣйствительности.

— Когда же вы мнѣ деньги-то за квартиру отдадите, Поповъ? — слышался сердитый женскій голосъ.

— Любезнѣйшая Ѳедосья Ниловна, какъ только получу, такъ и отдамъ,—увѣрялъ мужской голосъ, старавшійся быть любезнымъ.—Какъ только получу...

— Я ужъ это давно слышу. Пьянствовать вы можете, а денегъ за квартиру нѣтъ. Вчера вы въ какомъ видѣ пришли, да еще какого-то ньяницу съ собой привели...

Это, очевидно, относилось по моему адресу. Скверная баба, очевидно, не имѣла привычки церемониться со своими жильцами.

— Любезнѣйшая Ѳедосья Ниловна, вы говорите совершенно напрасныя женскія слова, потому что находитесь не въ курсѣ дѣла. Да, мы выпили, это вѣрно, но это еще не значитъ, что у насъ были свои деньги...

— Что же, васъ даромъ поили?..

— Не даромъ, но предположите, что деньги могли быть у третьяго лица, совершенно непричастнаго къ настоящему вопросу о квартирной платѣ. Конечно, нравственная сторона всего дѣла этимъ не устраняется: мы были нѣсколько навеселѣ, это вѣрно. Но міръ такъ прекрасенъ, Ѳедосья Ниловна, а человѣкъ такъ слабъ...

— Пожалуйста, не заговаривайте зубовъ... О, я васъ отлично знаю!..

Гдѣ-то послышался сдержанный смѣхъ, затѣмъ дверь отворилась, и я увидѣлъ длинный коридоръ, въ дальнемъ концѣ котораго стояла среднихъ лѣтъ некрасивая женщина, а въ ближнемъ отъ меня — Пепко. Въ коридоръ выходило нѣсколько дверей изъ другихъ комнатъ, и въ каждой торчало по любопытной головѣ,—очевидно, глупый смѣхъ принадлежалъ именно этимъ головамъ. Мнѣ лично не понравилась эта сцена, какъ и все поведеніе Пепки, разыгрывавшаго шута. Послѣднее сказывалось главнымъ образомъ въ тонѣ его голоса.

Онъ вошелъ въ комнату съ сердитымъ лицомъ, прижеръ за собой дверь, оглядѣлся и поставилъ на столъ полбутылки водки, двѣ бутылки пива и досталъ изъ кармана что-то очень подозрительное, завернутое въ довольно грязную бумажку.

— А на закуску-то и не хватило...—резюмировалъ Пепко тайный ходъ своихъ мыслей.

Онъ еще разъ оглядѣлъ всю комнату, сердито сплюнулъ и швырнулъ свою длиннополую шляпу куда-то на этажерку. Мнѣ показалось, что сегодняшній Пепко былъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, не походившимъ на вчерашняго.

— Главизна зѣло трещитъ? — обратился онъ ко мнѣ, глядя куда-то въ уголъ.—Нечего сказать, хороши мы были вчера... Однимъ словомъ, свинство!.. Нужно корректировать подлую природу...

Онъ еще разъ оглядѣлъ всю комнату, еще разъ посмотрѣлъ на дверь и еще разъ плюнулъ.

— Проклятая баба...—ворчалъ Пепко, подходя къ письменному столу и вынимая изъ письменнаго прибора вторую, чистую чернильницу. — Вотъ изъ чего придется пить водку. Да... А что касается пива... Позвольте...

Пепко съ рѣшительнымъ видомъ отправился въ коридоръ, и я имѣлъ удовольствіе слышать, какъ онъ потребовалъ стаканъ отварной воды для полосканія горла. Очевидно, все дѣло было въ томъ, чтобы добыть этотъ стаканъ, не возбуждая подозрѣній.

Когда я наотрѣзъ отказался опохмеляться, Пепко нѣсколько времени смотрѣлъ на меня съ недовѣрчивымъ изумленіемъ.

— Вообще ничего не пью...—виновато оправдывался я.—Вчерашній случай вышелъ какъ-то самъ собой, и я даже хорошенько не помню всѣхъ обстоятельствъ.

— И отлично!—согласился Пепко.—Кстати, вы, кажется, и не курите?

— Нѣтъ, не курю...

Пепко быстро окинулъ меня испытующимъ взоромъ, а потомъ подошелъ и молча пожалъ руку.

— Я могу только позавидовать,—бормоталъ онъ, наливая водку въ чернильницу. — Да, я глубоко испорченный человѣкъ... За ваше здоровье и за наше случайное знакомство. Виноватъ старый чортъ Порфирычъ...

Двѣ выпитыхъ чернильницы сразу измѣнили настроеніе духа Пепки. Онъ какъ-то размякъ и осовѣлъ. Явилась неудачная попытка спѣть куплетъ изъ „Прекрасной Елены“:

...но вѣдь бываютъ столкновенья,
Когда мы нехотя грѣшимъ.

Мнѣ нравилась въ Пепкѣ та рѣшительность, которой недоставало мнѣ. Онъ умѣлъ дѣлать съ рѣшительнымъ видомъ самыя обыкновенныя вещи. И какъ-то особенно вкусно дѣлалъ... Напримѣръ, какъ онъ развернулъ бумажку съ подозрительнымъ содержаніемъ, которое оказалось обыкновеннымъ рубцомъ.

— А знаете, Ѳедосья прекрасная женщина,—говорилъ онъ, прожевывая свою жесткую закуску. — Я ее очень люблю... Эхъ, кабы горчицы, немножко горчицы! Полцарства за горчицу... Тридцать пять съ половиной самыхъ лучшихъ египетскихъ фараоновъ за одну баночку горчицы! Вы знаете, что комнаты, въ которыхъ мы сейчасъ имѣемъ честь разговаривать, называются „Ѳедосьиными покровами“. Здѣсь прошелъ цѣлый рядъ поколѣній, вѣрнѣе сказать—здѣсь голодали поколѣнія... Но это вздоръ, потому что и голодъ понятіе относительное. Вы не хотите рубца?..

Я великодушно отказался. По лицу Пепки я замѣтилъ, что онъ заподозрѣлъ во мнѣ барина и сбавилъ мнѣ цѣну. Размягченный водкой, онъ подсѣлъ ко мнѣ на кушетку и заговорилъ о литературѣ. Это былъ опять новый человѣкъ. Пепко, видимо, упорно слѣдилъ за литературой и говорилъ тономъ знатока. Излишняя самоувѣренность скрашивалась здѣсь его молодостью. Мы неожиданно разговорились, какъ умѣютъ говорить въ двадцать лѣтъ. Я, несмотря на свой сдержанный характеръ, какъ-то невзначай разговорился и повѣрилъ Пепкѣ свои самые задушевные планы. Дѣло въ томъ, что мной была задумана цѣлая серія романовъ, на манеръ „Ругоновъ“ Золя. Пепко выслушалъ внимательно и покачалъ головой.

— Вздоръ! — убѣжденно проговорилъ онъ, встряхивая головой. — Предпріятіе почтенное по замыслу, но, какъ простое подражаніе, оно не имѣетъ смысла. Вѣдь Россія, голубчикъ, не Франція... Тамъ въ самомъ воздухѣ виситъ культура. А намъ, т.-е. каждому начинающему автору, приходится проходить всю теорію словесности собственнымъ горбомъ, начиная съ поученія какого-нибудь Луки Жидяты. Да... До сихъ поръ мы, русскіе, изобрѣтаемъ еще часы, швейныя машины и прочее, что давно извѣстно. То же самое и въ литературѣ. Прибавьте къ этому наше полное незнаніе жизни и, главное, отсутствіе этой жизни. Ну, гдѣ она? Всю жизнь мы просиживаемъ по своимъ норамъ, и по норамъ помираемъ. Гдѣ-то тамъ, далеко, люди живутъ, а мы только облизываемся или носимъ платье съ чужого плеча. Непріятно, а правда... Если вы хотите узнать нѣсколько жизнь, есть прекрасный случай. Вчера даже былъ разговоръ объ этомъ.

— Припоминаю... Быть репортеромъ?

— Да... Досыта эта профессія не накормитъ, ну, и съ голоду окончательно не подохнете. Ужо я переговорю съ Фреемъ, и онъ васъ устроитъ. Это „великій ловецъ передъ Господомъ“... А кстати, переѣзжайте ко мнѣ въ комнату. Отлично бы устроились... Дѣло въ томъ, что я единолично плачу за свою персону 8 р., а вдвоемъ мы могли бы платить, ну, десять рублей, значитъ на каждаго пришлось бы по пяти. Подумайте... Я серьезно говорю. Я вѣдь тоже болтаюсь съ газетчиками, хотя и живу не этимъ... Такъ, между прочимъ...

Это предложеніе застало меня совершенно врасплохъ, такъ что я рѣшительно не могъ отвѣтить ни да ни нѣтъ. Пепко, видимо, огорчился и точно въ свое оправданіе прибавилъ;

— А какіе у меня сосѣди: рядомъ черкесъ, потомъ студентъ-медикъ, потомъ горнякъ... Все отличные ребята.

Въ этомъ предложеніи Пепки для меня заключалось начало моей собственной литературной веревочки.

V.

Предложеніе Пепки переѣхать къ нему въ комнату вызвало во мнѣ какое-то смутное чувство нерѣшимости. Съ одной стороны, моя комната „очертѣла“ мнѣ до невозможности, какъ пунктъ какого-то предварительнаго заключенія, и поэтому, естественно, меня тянуло раздѣлить свое одиночество съ другимъ, подобнымъ мнѣ существомъ,—это инстинктивное тяготѣніе къ дружбѣ общенію лучшая характеристика юности; а съ другой—я такъ же инстинктивно боялся потерять пока свое единственное право—сидѣть одному въ четырехъ стѣнахъ. Я уже сказалъ, что мой характеръ отличался нѣкоторою скрытностью, и я почти не имѣлъ друзей, а затѣмъ у меня была какая-то непонятная косность, почти боязнь перемѣнить мѣсто. Являлся почти мистическій страхъ: а если тамъ будетъ хуже? Эта черта осталась на всю жизнь и принесла мнѣ немало вреда. Въ данномъ случаѣ рѣшающимъ обстоятельствомъ являлся все тотъ же повѣсившійся канатчикъ. Стоило мнѣ подойти къ окну и взглянуть на огородъ съ капустой, какъ сейчасъ же являлась мысль о канатчикѣ, и я не могъ отъ нея отвязаться. Мнѣ начинало казаться, что тѣнь несчастнаго канатчика бродитъ по огороду и все-таки вьетъ свои веревки, хотя это и происходило главнымъ образомъ въ сумерки. Однимъ словомъ, что-то было нарушено въ общемъ настроеніи, и меня неотступно преслѣдовала эта совершенно вздорная мысль, относительно которой я не рѣшился бы признаться самому близкому человѣку.

А тамъ, у Пепки, меня ждало общество и, главное, новые интересы. У меня не выходило изъ головы высказанное Пепкой предложеніе заняться репортерствомъ, хотя я относительно этой спеціальности имѣлъ самыя смутныя представленія. Взвѣшивая за и противъ всѣ эти обстоятельства, я наконецъ рѣшился оставить свою одинокую комнату. Хозяева отнеслись къ моему рѣшенію совершенно индифферентно, какъ настоящіе петербургскіе хозяева, которымъ все равно, кому бы ни сдавать лишнюю комнату. Кажется, искренно пожалѣла меня одна чухонка Лиза, которая крала мой сахаръ и чай самымъ добросовѣстнымъ образомъ.

— Порфиръ Порфирычъ ѣкалъ?—догадывалась она, помогая мнѣ вытащить мой тощій чемоданъ.

— Нѣтъ, къ товарищу...

— Пьяница?—еще разъ сдѣлала она попытку угадать.

— Вы говорите глупости, Лиза...

Я чувствовалъ, что начинаю краснѣть, и еще больше обозлился на проницательную чухонскую дѣвицу. Нечего сказать, недурное напутствіе...

Дальше опять слѣдовала непріятность, именно, что Ѳедосья встрѣтила меня почти враждебно. И самъ деревянный флигель, нижній этажъ котораго былъ занятъ „Ѳедосьиными покровами“, тоже, казалось, не особенно дружелюбно смотрѣлъ на новаго жильца своими слезившимися окнами... Вообще хорошаго было мало, и я уже раскаивался, когда мой чемоданъ очутился въ комнатѣ Пепки. Вѣдь этимъ простымъ актомъ, какъ переѣздъ на новую квартиру, я навсегда терялъ свою голодную свободу... Кто знаетъ, что̀ было бы, если бы я остался на старой квартирѣ, и дѣлается обидно, изъ какихъ ничтожныхъ мелочей складывается то неизвѣстное, которое называется жизнью.

Пепко былъ дома и, какъ мнѣ показалось, тоже былъ не особенно радъ новому сожителю. Вѣрнѣе сказать, онъ отнесся ко мнѣ равнодушно, потому что былъ занятъ чтеніемъ письма. Я уже сказалъ, что онъ умѣлъ дѣлать все

съ какой-то особенной солидностью, и поэтому, прочитавъ письмо, самымъ подробнымъ образомъ осмотрѣлъ конвертъ, почтовый штемпель, марку, сургучную печать,—конвертъ былъ домашней работы и поэтому запечатанъ, что̀ дало мнѣ полное основаніе предположить о его далекомъ провинціальномъ происхожденіи.

— Это прямо къ тебѣ относится,—проговорилъ Пепко, развертывая аккуратно сложенное письмо,—онъ перешелъ на „ты“ безъ всякихъ предисловій.—Вотъ, слушай... Это пишетъ моя добрая мать... „А больше всего, Агаѳоша, остерегайся дурныхъ товарищей...“ Понимаешь, не въ бровь, а прямо тебѣ въ глазъ. Дальше: „...въ столицахъ очень много блеска, но еще больше дурныхъ примѣровъ и дурныхъ людей, которые совращаютъ неопытныхъ юношей съ истиннаго пути“. Неопытный юноша—это я... Какая милая наивность! Моя добрая мать не подумала только одного, что у каждаго, даже столичнаго подлеца должна быть тоже одна добрая мать, которая думаетъ то же самое, что̀ и одна моя добрая мать. Признайся, ты, вѣроятно, получаешь точно такія же письма съ мудрыми предостереженіями относительно дурныхъ товарищей?

Мнѣ ничего не оставалось, какъ признаться, хотя мнѣ писала не „одна добрая мать“, а „одинъ добрый отецъ“. У меня лежало только-что вчера полученное письмо, въ такомъ же конвертѣ и съ такой же печатью, хотя оно пришло изъ противоположнаго конца Россіи. И Пепко и я были далекими провинціалами.

Нашъ первый совмѣстный день сложился подъ впечатлѣніемъ этого письма „одной доброй матери“ Пепки.

Пообѣдали мы дома разнымъ „сухоястіемъ“, въ родѣ рубца, дрянной колбасы и соленыхъ огурцовъ. Послѣ такого меню необходимо было добыть самоваръ. Такъ какъ я имѣлъ неосторожность отдать Ѳедосьѣ деньги за цѣлый мѣсяцъ впередъ, то Пепко принялъ съ ней совершенно другой топъ.

— Ѳедосья Ниловна, не пожелаете ли вы водрузить намъ самоваръ?— говорилъ онъ совсѣмъ другимъ тономъ, точно самъ заплатилъ за квартиру.— И, пожалуйста, поскорѣе.

Ѳедосья какъ-то смѣшно фыркнула себѣ подъ носъ и молча перенесла нанесенное ей оскорбленіе. Видимо, они были люди свои и отлично понимали другъ друга съ полуслова. Я, съ своей стороны, отмѣтилъ въ поведеніи Пепки нѣкоторую дозу нахальства, что̀ мнѣ очень не понравилось. Впрочемъ, Ѳедосья не осталась въ долгу: она такъ долго ставила свой самоваръ, что лопнуло бы самое благочестивое терпѣніе. Пепко принимался ругаться раза три.

— Если бы у меня были часы,—повторялъ онъ съ особою убѣдительностью,—я показалъ бы ей, что нельзя ставить самоваръ цѣлый часъ. Вотъ проклятая баба навязалась... Сколько она испортила крови моего сердца и сока моихъ нервовъ! Не даромъ сказано, что Господь создалъ женщину въ минуту гнѣва... А Ѳедосья—позоръ натуры и ужасъ всей природы.

Я замѣтилъ, что Пепко подъ вліяніемъ аффекта могъ достигнуть высокихъ красотъ истиннаго краснорѣчія, и впечатлѣніе нарушалось только нѣсколько однообразной жестикуляціей,—въ распоряженіи Пепки былъ всего одинъ жестъ: онъ какъ-то смѣшно совалъ лѣвую руку впередъ, какъ это дѣлаютъ прасолы, когда щупаютъ возъ съ сѣномъ. Впрочемъ, священное негодованіе Пепки сейчасъ же упало, какъ только появился на столѣ кипѣвшій самоваръ. Можетъ-быть, его добродушное старческое ворчанье напоминало Пепкѣ его „одну добрую мать“, а можетъ-быть, просто истощился запасъ энергіи.

Помню, что спускался уже темный осенній вечеръ, и Пепко зажегъ грошовую лампочку подъ бумажнымъ зеленымъ абажуромъ. Нашъ флигелекъ стоялъ на самомъ берегу Невы, недалеко отъ Самсоніевскаго моста, и теперь, когда нѣсколько затихъ дневной шумъ, съ особенной отчетливостью раздавались наводящіе тоску свистки финляндскихъ пароходиковъ, сновавшихъ по Невѣ въ темныя ночи, какъ свѣтляки. На меня эти свистки произвели особенно тяжелое впечатлѣніе, какъ дикіе вскрики всполошившейся ночной птицы.

— Какъ это странно,—говорилъ Пепко, выпивъ залпомъ три стакана:— какъ странно, что вотъ мы съ тобой сидимъ и пьемъ чай...

— Что же тутъ страннаго?

— Даже очень странно, какъ вообще все въ жизни. Нужно тебѣ сказать, что я постоянно удивляюсь тому, что дѣлается кругомъ меня. Сдѣлаемъ простое предположеніе: не будь „мѣднаго всадника“ на Сенатской площади, и мы никогда бы не встрѣтились. Мало того, не было бы и Петербурга, а лежало бы себѣ ржавое чухонское болото и „угрюмый насынокъ природы“ колотилъ бы свой дырявый челнъ... А теперь вотъ мы имѣемъ удовольствіе наслаждаться свистками этихъ подлыхъ финляндскихъ пароходишекъ. Лично мнѣ затѣя Петра основать Петербургъ обошлась уже ровно въ сорокъ рублей съ копейками... да. Считай: пять концовъ по Николаевской желѣзной дорогѣ... Да, такъ меня удивляетъ вотъ то, что мы сидимъ и пьемъ чай: я—уроженецъ далекаго сѣверо-востока, а ты — южанинъ. Есть даже нѣчто трогательное въ этомъ сближеніи, и, выражаясь высокимъ слогомъ, можно опредѣлить настоящій моментъ слѣдующей формулой: въ нѣдрахъ „Ѳедосьиныхъ покрововъ“, у кипящаго самовара, далекій сѣверо-востокъ подалъ руку далекому югу...

Очевидно, у Пепки была слабость къ цитатамъ, чужимъ выраженіямъ и высокому слогу, въ чемъ я впослѣдствіи могъ убѣдиться уже окончательно. Выражаясь проще, кипѣвшій самоваръ просто напоминалъ намъ наши далекія гнѣзда, гдѣ, вѣроятно, тоже теперь пили чай и, быть-можетъ, тоже вспоминали отлетѣвшихъ птенцовъ.

— А знаешь, что привело насъ сюда? — неожиданно обратился ко мнѣ Пепко, дѣлая свой единственный жестъ. — Ты скажешь: любовь къ знанію... жажда образованія... Хе-хе!.. Все это слова, хорошія слова, и все-таки слова... Сущность дѣла гораздо проще: образованіе образованіемъ, а хорошо и свой кусочекъ пирога получить. Вотъ молодой провинціалъ и ѣдетъ въ Питеръ... Это настоящая осада, и каждый несетъ сюда самое лучшее, что только у него есть. Добродушная провинція сваливаетъ сюда свое сырье, а получаетъ обратно уже готовый фабрикатъ... Мѣна, во всякомъ случаѣ, выгодная только фабриканту. Знаешь, у меня есть страсть весной бродить по кладбищамъ... Вотъ поучительная картина: сколько тутъ уложено нашего брата провинціала, который тащится въ Петербургъ съ добрыми намѣреніями вмѣсто багажа. Тутъ и голодъ, и холодъ, и пьянство съ голода и холода, и безконечный рядъ неудачъ, и неудовлетворенная жажда жить по-человѣчески,—все это доводитъ до преждевременнаго конца. А сколько по этимъ кладбищамъ гніетъ не успѣвшихъ даже проявить себя талантовъ, сильныхъ людей, можетъ-быть, геніевъ,—смотришь на эти могилы и чувствуешь, что самъ идешь по дорогѣ вотъ этихъ неудачниковъ-мертвецовъ, продѣлываешь тѣ же ошибки, повинуясь простому физическому закону центростремительной силы. И на смѣну этихъ мертвецовъ являются новые батальоны, т.-е. мы, а на нашу смѣну готовятся въ невѣдомой провинціальной глуши новые Пети и Коли. Страшно даже подумать, какая масса силы растрачивается совершенно непроизводительно и съ какимъ замѣчательнымъ самопожертвованіемъ провинція отдаетъ столицамъ свою луч-

шую плоть и кровь. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я не желаю обманывать себя и называю вещи своими именами: я явился сюда съ скромной цѣлью протискаться впередъ и занять мѣсто за столомъ господъ. Однимъ словомъ, я хочу жить, а не прозябать...

— Какъ мнѣ кажется, ты немножко противорѣчишь себѣ... Я не думаю, чтобы тебя привела сюда только одна жажда карьеры.

— Э, голубчикъ, оставимъ это! Человѣкъ, который въ теченіе двухъ лѣтъ получилъ петербургскій катарръ желудка и долженъ питаться рубцами, такой человѣкъ имѣетъ право на одно право—быть откровеннымъ съ самимъ собой. Вѣдь я средній человѣкъ, та безразличность, изъ которой ткется ткань жизни, и поэтому разсуждаю, какъ нитка въ матеріи...

Въ этой репликѣ выступала еще новая черта въ характерѣ Пепки, именно — его склонность къ саморазъѣдающему анализу, самобичеванію и вообще къ всенародному покаянію. Ему вообще хотѣлось почему-то показаться хуже, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, что̀ я понялъ только впослѣдствіи.

Свой первый вечеръ мы скоротали какъ-то незамѣтно, поддавшись чисто-семейнымъ воспоминаніямъ. Въ „Ѳедосьиныхъ покровахъ“ раздалась сердечная нота и пахну̀ло тепломъ далекой милой провинціи. Каждый думалъ и говорилъ о своемъ.

— Моя генеалогія довольно несложная,—объяснялъ Пепко съ ироническою ноткой въ голосѣ.—Мои предки принадлежали къ завоевателямъ и обрусителямъ, говоря проще—просто душили несчастныхъ инородцевъ... Вообще наша сибирская генеалогія отличается большой скромностью и кончается дѣдушкой, котораго гнали и истребляли, или дѣдушкой, который самъ гналъ и истреблялъ. Въ томъ и другомъ случаѣ молчаніе является лучшей добродѣтелью. И у тебя не лучше... Э, да что̀ тутъ говорить!.. Мы-то видимъ только ближайшихъ предковъ, одного добраго папашу и одну добрую мамашу, которые уже сняли съ себя кору ветхаго человѣка.

Изъ этихъ разсужденій Пепки для меня ясно выступало только одно, именно—самъ Пепко съ его оригинальной, немного угловатой психологіей, какъ тѣ камни, которые высились на его далекой родинѣ. Каждая мысль Пепки точно обрастала однимъ изъ тѣхъ чужеядныхъ, бородатыхъ лишайниковъ, какими въ тайгѣ глушились родныя ели. А изъ-подъ этого хлама выяснялась простая, любящая русская душа, со всѣми присущими ей достоинствами и недостатками. Уже лежа въ постели, Пепко еще разъ перечиталъ письмо матери и еще разъ комментировалъ его по-своему. Въ выраженіи его лица и въ самомъ тонѣ голоса было столько скрытой теплоты, столько ласки и здороваго хорошаго чувства.

— Ахъ, какая забавная эта одна добрая мать,—повторялъ Пепко, натягивая на себя одѣяло.—Она все еще видитъ во мнѣ ребенка... Хорошъ ребеночекъ!... Кстати, вотъ что̀, любезный другъ Василій Иванычъ: съ завтрашняго дня я устраиваю революцію — пьянство прочь, шатанье всякое прочь, вообще безпорядочность. У меня уже составлена такая таблица, нѣкоторый проспектъ жизни: встаемъ въ семь часовъ утра, до восьми умыванье, чай и краткая бесѣда, затѣмъ до двухъ часовъ лекціи, вообще занятія, затѣмъ обѣдъ...

На послѣднемъ словѣ Пепко запнулся: въ проспектѣ его жизни появлялась неожиданная прорѣха.

— А, чортъ, утро вечера мудренѣе! — ворчалъ онъ, закутываясь въ одѣяло съ головой.

Черезъ пять минутъ Пепко уже храпѣлъ, какъ зарѣзанный. А я долго

не могъ уснуть, что̀ случалось со мной на каждомъ новомъ мѣстѣ. Въ голову лѣзли какіе-то обрывки мыслей, полузабытыя воспоминанія, анализы сегодняшнихъ разговоровъ... А невскіе пароходы, какъ на зло, свистѣли точно подъ самымъ ухомъ. Гдѣ-то хлопали невидимыя двери, слышались шаги, говоръ, хохотъ—жизнь въ „Ѳедосьиныхъ покровахъ“ затихала очень поздно. Я пожалѣлъ свое покинутое одиночество еще разъ и чувствовалъ въ то же время, что возврата нѣтъ, а оставалось одно—итти впередъ.

Мнѣ вообще сдѣлалось грустно. а въ такія минуты молодая мысль сама собой уносится къ далекому родному гнѣзду. Да, я видѣлъ далекія степи, тихія воды, ясныя зори, и душа начинала ныть подъ наплывомъ какого-то неяснаго противорѣчія. Стоило ли ѣхать сюда, на туманный чухонскій сѣверъ, и не лучше ли было бы оставаться тамъ, откуда прилетаютъ эти письма въ самодѣльныхъ конвертахъ съ сургучными печатями, сохраняя еще въ себѣ какъ бы теплоту любящей руки?.. Меня начиналъ пугать преждевременный скептицизмъ Пепки... Засыпая, я составлялъ проспектъ собственной жизни и давалъ себѣ слово не отступать отъ него ни на одну іоту. Странно, что эта добросовѣстная работа нарушалась постоянно письмомъ „одной доброй матери“ Пепки, точно протягивалась какая-то рука и вынимала изъ проспекта самые лучшіе параграфы...

VI.

Составленный мной, совмѣстно съ Пепкой, „проспектъ жизни“ подвергался большимъ испытаніямъ и требовалъ постоянныхъ „коррективовъ“,— Пепко любилъ мудреныя слова, относя ихъ къ высокому стилю. Зависѣло это отчасти отъ несовершенства человѣческой природы вообще, а съ другой стороны—отъ общаго строя жизни „Ѳедосьиныхъ покрововъ“.

Вставали мы утромъ въ назначенный часъ и продѣлывали все необходимое въ установленный срокъ, а затѣмъ уходили на лекціи. Это было лучшее наше время. Затѣмъ наступалъ обѣдъ... Мой бюджетъ составляли тѣ шестнадцать рублей, которые я получалъ отъ отца аккуратно перваго числа. Изъ нихъ пять рублей шли на каартиру, шесть въ кухмистерскую, а остатокъ на все остальное. Не скажу, чтобы при такомъ скромномъ бюджетѣ я особенно бѣдствовалъ. Напротивъ, рядомъ съ Пепкой я чувствовалъ себя безсовѣстнымъ богачомъ: бѣдняга ниоткуда и ничего не получалъ, кромѣ писемъ „одной доброй матери“. Онъ голодалъ по цѣлымъ недѣлямъ, молча и гордо, какъ настоящій спартанецъ. Я нѣсколько разъ предлагалъ ему свою посильную помощь, но получалъ въ отвѣтъ холодное презрѣніе.

— Вздоръ... пустяки...—бормоталъ Пепко и только въ крайнемъ случаѣ позволялъ позаимствовать гривенникъ, при чемъ никогда не говорилъ: „гривенникъ“, а непремѣнно—„десять крейцеровъ“.

Въ моменты случайной роскоши онъ велъ счетъ на франки, и по этой терминологіи можно было уже судить о состояніи его финансовъ.

Забота о насущномъ хлѣбѣ въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ являлась для Пепки проклятымъ вопросомъ, разрѣшеніе котораго разбивало въ дребезги лучшіе параграфы нашего „проспекта жизни“. Пепко устраивалъ всевозможныя комбинаціи, чтобы раздобыть какой-нибудь несчастный рубль, и въ большинствѣ случаевъ самыя трогательныя усилія въ результатѣ давали круглый нуль.

— Нѣтъ, въ какомъ обществѣ я вращаюсь?—взывалъ обозленный Пепко, обращаясь къ неумолимому року.—Мои добрые знакомые не имѣютъ даже сво-

боднаго рубля... Говоря между нами, это порядочные идіоты, потому что каждый нормальный человѣкъ обязательно долженъ имѣть свободный рубль. Но это частность, а вообще судьба могла бы быть нѣсколько повѣжливѣе... Наконецъ и моему терпѣнію есть предѣлъ, чортъ возьми!.. Иду давеча мимо Ѳедосьиной комнаты, а она что-то чавкаетъ... Почему она можетъ чавкать, а я долженъ вкушать отъ пищи святого Антонія? Удивляюсь...

„Ѳедосьины покровы“ состояли изъ пяти комнатъ и маленькой кухни. Послѣднюю Ѳедосья занимала сама, а комнаты сдавала жильцамъ. Самую большую занимали мы съ Пепкой, рядомъ съ нами жилъ „черкесъ“ Горгедзе, студентъ медицинской академіи, дальше другой студентъ-медикъ Соловьевъ, еще дальше студентъ-горнякъ Анфаловъ, и самую послѣднюю комнату занимала курсистка-медичка Анна Петровна. Общественное и матеріальное положеніе всѣхъ жильцовъ было приблизительно одинаково, за исключеніемъ студента Соловьева, который существовалъ игрой на бильярдѣ. Онъ каждый вечеръ уходилъ къ Доминику, гдѣ пользовался широкой популярностью и выигрывалъ порядочные „мазы“. Въ общежитіи это былъ очень скромный молодой человѣкъ, но цѣлымъ днямъ корпѣвшій надъ своими лекціями. Больше другихъ голодалъ, повидимому, черкесъ Горгедзе, красавецъ-мужчина, на котораго было жаль смотрѣть—лицо зеленѣло, подъ глазами образовались темные круги, въ глазахъ являлся злой огонекъ. Кажется, черкесъ отличался большимъ стоицизмомъ и даже не старался изыскать средствъ къ пропитанію, какъ дѣлалъ Пепко, а только по цѣлымъ часамъ ходилъ по комнатѣ, какъ маятникъ.

— Черкесъ голоденъ,—говорилъ Пепко, прислушиваясь къ этому голодному шаганью.—Этакій левъ, и вдругъ ни манзе ни буаръ... Вѣдь такой звѣрь съѣстъ за-разъ цѣлаго барана, не то что медичка Анна Петровна: поклевала крошечекъ и сыта.

Курсистка была на особомъ положеніи и пользовалась общимъ вниманіемъ. Ѳедосья считала своей священной обязанностью слѣдить за каждымъ ея шагомъ и относилась къ ней съ совершенно непонятной, какой-то затаенной злобой, какъ къ соперницѣ по принадлежавшей ей, Ѳедосьѣ, „женской части“ по преимуществу. Если Анна Петровна приходила часомъ позже, Ѳедосья сейчасъ же сообщала намъ объ этомъ преступленіи, улыбаясь самымъ ехиднымъ образомъ. Ее томила мысль о томъ мужчинѣ, который долженъ былъ быть у курсистки,—иначе Ѳедосья не могла представить себѣ эту новую опасную часть. Но самыя тщательныя изслѣдованія не могли открыть ни малѣйшаго признака мнимаго мужчины, и Ѳедосья приходила къ логическому заключенію, что всѣ курсистки ужасно хитрыя. Сама по себѣ Анна Петровна представляла собой сѣренькую, скромную дѣвушку лѣтъ двадцати,—у нея были и волосы сѣрые, и глаза, и цвѣтъ лица, и платье. Жила она монашенкой и по цѣлымъ днямъ сидѣла въ своей комнатѣ, какъ мышь въ норѣ—ни одного звука. Пепко относился къ ней съ галантностью настоящаго джентльмена и нѣсколько разъ предлагалъ свои маленькія услуги, какія долженъ оказывать истинный джентльменъ каждой женщинѣ. Эти скромныя попытки встрѣчали вѣжливый, но настойчивый отказъ, такъ что Пепкѣ оставалось только пожимать плечами, и онъ называлъ упрямую курсистку „женскимъ вопросомъ“, что, по его соображеніямъ, выходило очень смѣшнымъ и до извѣстной степени обиднымъ. Анна Петровна не желала ничего замѣчать и скромно отсиживалась въ своей комнатѣ, какъ настоящая схимница.

— Ей хорошо,—злобствовалъ Пепко:—водки она не пьетъ, пива тоже... Этакъ и я прожилъ бы отлично. Да... Наконецъ женскій организмъ гораздо

скромнѣе относительно питанія. И это дьявольское терпѣніе! Сидитъ по цѣлымъ недѣлямъ, какъ кикимора. Никакихъ общественныхъ чувствъ, а еще Аристотель сказалъ, что человѣкъ—общественное животное. Однимъ словомъ, женскій вопросъ... Кстати, почему нѣтъ мужского вопроса? Если равноправность, такъ долженъ быть и мужской вопросъ...

Мой переѣздъ въ „Ѳедосьины покровы“ совпалъ съ самымъ труднымъ временемъ для Пепки. У него что-то вышло съ членами „академіи“, и поэтому онъ голодалъ сугубо. Въ чемъ было дѣло—я не разспрашивалъ, считая такое любопытство неумѣстнымъ. Вопросъ о моемъ репортерствѣ потерялся въ какомъ-то туманѣ. По вечерамъ Пепко что-то такое строчилъ, а потомъ приносилъ обратно свои рукописанія и съ ожесточеніемъ рвалъ ихъ въ мелкіе клочья. Вообще, видимо, ему не везло, и онъ мучился вдвойнѣ, потому что считалъ меня подъ своимъ протекторатомъ.

Да, наступили трудные дни...

Помню темный сентябрьскій вечеръ. По программѣ мы должны были заниматься литературой. Я писалъ романъ, Пепко тоже что-то строчилъ за своимъ столомъ. Онъ уже цѣлыхъ два дня ничего не ѣлъ, кромѣ чая съ неклеванымъ хлѣбомъ, и впалъ въ мертво-злобное настроеніе. Мои средства тоже истощились, такъ что не оставалось даже десяти крейцеровъ. Въ комнатѣ было тихо, и можно было слышать, какъ скрипѣли наши перья.

— А, чортъ...—ворчалъ Пепко, время отъ времени дѣлая передышку.

Я боялся, что онъ попроситъ у меня несуществующіе десять крейцеровъ, и молчалъ. Наконецъ мученія Пепки перешли всякія границы, и онъ проговорилъ мрачнымъ голосомъ:

— Есть десять крейцеровъ?

— Увы, нѣтъ...

Пепко заскрипѣлъ зубами отъ молчаливаго отчаянія.

Какая это ужасная вещь — голодъ, особенно въ молодые годы, когда организмъ такъ настойчиво предъявляетъ свои права на питаніе. Среднимъ числомъ мнѣ пришлось прожить впроголодь около десяти лѣтъ, и я отлично понимаю, что̀ значитъ вѣчно недоѣдать. Теперь мнѣ кажется страннымъ, почему намъ тогда не пришла самая простая мысль, именно — готовить обѣдъ самимъ... Стоило купить какой-нибудь крупы и заварить великолѣпную кашу. Питаніе сухоястіемъ было втрое дороже и не достигало цѣли. Даже рубецъ въ нашемъ меню являлся большой роскошью... Удивительнѣе всего то, что студенты-медики на голодный желудокъ изучали свою гигіену, которая такъ любезно предлагаетъ самые раціональные методы питанія, а относительно самой обыкновенной русской каши глухо молчитъ. Впрочемъ, мы, какъ мужчины, могли и не догадаться, а вотъ почему тутъ же рядомъ молчаливо голодали наши медички, тогда какъ по своей женской части могли обсудить вопросы питанія болѣе практическимъ способомъ.

Итакъ, Пепко заскрипѣлъ съ голода зубами. Онъ глоталъ слюну, желудокъ Пепки сводила голодная позѣвота. И все-таки десяти крейцеровъ не было... Чтобы утишить нѣсколько муки голода, Пепко улегся на кровать и долго лежалъ съ закрытыми глазами. Наконецъ его осѣнила какая-то счастливая идея. Пепко быстро вскочилъ, нахлобучилъ свою шляпу, надѣлъ пальто и бомбой вылетѣлъ изъ комнаты. Минутъ черезъ десять онъ вернулся веселый и счастливый.

— Эврика!—проговорилъ онъ, добывая изъ кармана полфунта ржаного хлѣба и полфунта дешевой лавочной колбасы.—И перехитрилъ fortunam adversam... Предадимся чревоугодію.

Пепко съѣлъ все съ жадностью наголодавшагося волка, облегченно вздохнулъ и даже разстегнулъ свой пиджакъ, причемъ я убѣдился въ отсутствіи жилета.

— Проклятый закладчикъ далъ всего десять крейцеровъ...—конфузливо проговорилъ Пепко на мой нѣмой вопросъ. — Ну, да это все равно: не въ деньгахъ счастье.

Насытившись, Пепко сейчасъ же впалъ въ самое радужное настроеніе. Въ такія минуты онъ обыкновенно доставалъ изъ своей библіотеки какой-нибудь женскій романъ и начиналъ его читать, иронически подчеркивая всѣ особенности женскаго творчества. Нужно оказать ему справедливость, Пепко читалъ мастерски, а сегодня въ особенности. Я хохоталъ до слезъ, поддаваясь его веселому настроенію.

— „Онъ былъ средняго роста, съ тонкой таліей, обличавшей серьезную силу и ловкость“... Есть!.. „Но въ усталыхъ глазахъ (почему въ усталыхъ?) преждевременно свѣтился недобрый огонекъ“... Невредно сказано: огонекъ! „Меланхолическое выраженіе этихъ глазъ смѣнялось неопредѣленно-жестокой улыбкой, эти удивительные глаза улыбались, когда все лицо оставалось спокойнымъ“. Вотъ учись, какъ пишутъ...

Мы очень весело провели нашъ вечерній чай, позанимались еще часа два и, по программѣ, въ девять часовъ улеглись спать.

— Я чувствую себя въ положеніи боа-констриктора, который только-что сожралъ цѣлаго теленка,—объяснялъ Пепко, кутаясь въ заношенномъ байковомъ одѣялѣ.—Да... И вотъ страданія двадцать перваго сентября закончились.

Пепко жестоко ошибся: страданіямъ не суждено было закончиться.

Мы только-что потушили свои лампы и приготовились заснуть, какъ было назначено въ нашей программѣ, но именно въ этотъ критическій моментъ въ коридорѣ послышались легкіе женскіе шаги, а затѣмъ осторожный стукъ въ двери черкеса. „Войдите“,—отвѣчалъ грубоватый мужской голосъ, а затѣмъ прибавилъ уже вполголоса совсѣмъ другимъ тономъ: „Ахъ, это вы“... Дальше послышался сдержанный шопотъ и что-то въ родѣ поцѣлуя...

— А, чортъ...—обругался Пепко въ пространство, тяжело ворочаясь на своей кровати.

Благодаря тонкой дощатой стѣнкѣ, отдѣлявшей нашу комнату отъ комнаты черкеса, мы сдѣлались настоящими мучениками. Стоявшая мертвая тишина чутко подхватывала малѣйшій шорохъ, точно наша комната превратилась въ громадный резонаторъ. А шопотъ продолжался, и ему аккомпанировалъ смущенно-счастливый смѣхъ... Я напрасно пряталъ голову въ подушку, напрасно Пепко прятался съ головой подъ одѣяло, — мы были беззащитны. Если бы въ сосѣдней комнатѣ кричали и хохотали во все горло, было бы лучше, чѣмъ этотъ раздражавшій полушопотъ, тихій смѣхъ и паузы.

— А чортъ...—еще разъ обругался Пепко, зажигая лампу.—Нѣтъ, это невозможно! Эти проклятые восточные человѣки думаютъ только о себѣ...

Обозленный Пепко надѣлъ сапоги и въ видѣ демонстраціи зашагалъ по комнатѣ, стуча каблуками. Но и это не помогло... Остановившись и прислушавшись, Пепко поднялъ высоко плечи и заявилъ:

— Вѣдь то же самое было и третьяго и четвертаго дня, когда ты уходилъ изъ дому... Но тогда приходили другія—я въ этомъ убѣжденъ. По голосу слышу... О, проклятый черкесъ!.. Ты только представь себѣ, что вмѣсто насъ въ этой комнатѣ жила бы Анна Петровна?..

Пепко принялъ позу „послѣдняго римлянина“ и трагически воздѣлъ руки горѣ. Кстати, въ этой позѣ Пепко видѣлъ всѣ свои права на блестящее будущее и гордился ей.

VII.

Первыя печатныя строки... Сколько въ этомъ прозаическомъ дѣлѣ скрытой молодой поэзіи, какое пробужденіе самостоятельной дѣятельности, какое окрыляющее сознаніе своей силы! Объ этомъ много было писано, какъ о самомъ поэтическомъ моментѣ, и эти первые поцѣлуи остаются навсегда въ памяти, какъ полуистлѣвшія отъ времени любовныя письма.

— Сегодня ты отправляешься въ Энтомологическое Общество отъ „Нашей Газеты“,—сурово заявилъ мнѣ Пепко въ одно совсѣмъ непрекрасное „послѣобѣда“.

— Что же я тамъ буду дѣлать?—откровенно недоумѣвалъ я.

— Будешь сидѣть въ засѣданіи, запишешь докладъ и пренія, а завтра къ утру составишь отчетъ... Самое простое дѣло.

— Но вѣдь я по части энтомологіи ни бельмеса не смыслю... Что-то такое о жучкахъ, бабочкахъ, козявкахъ...

— Именно, наука о козявкахъ, мушкахъ и таракашкахъ, а въ сущности—вздоръ и ерунда. Еще лучше, что ты ничего не смыслишь: будетъ свѣжѣе впечатлѣніе... А публикѣ нужно только съ пылу горячаго.

— Однако что же я буду писать, если незнакомъ даже съ научной терминологіей?

— Э, вздоръ... А впрочемъ, мнѣ некогда.

Обстоятельства Пепки круто измѣнились къ лучшему, и поэтому онъ относился свысока и ко мнѣ и къ Ѳедосьѣ. Онъ гдѣ-то напечаталъ свою „Петлю“ и, кромѣ того, какіе-то стишки, — послѣднее для меня было неожиданнымъ открытіемъ. Я не подозрѣвалъ, что въ Пепкѣ самымъ скромнымъ образомъ скрывался поэтъ... У меня даже явилось чувство зависти, когда Пепко принесъ номеръ уличнаго листка и показалъ мнѣ свое произведеніе. Есть какое-то мистическое уваженіе къ печатному слову, и я смотрѣлъ на стихи Пепки почти съ благоговѣніемъ, какъ и на его маленькіе разсказы. Благодаря нахлынувшему богатству, Пепко, во-первыхъ, выкупилъ свой жилетъ, во-вторыхъ, отправился въ ресторанъ обѣдать и по пути напился, и, въ-третьихъ, возвращаясь домой, увидѣлъ въ окнѣ табачной лавочки гитару, которую и пріобрѣлъ немедленно, какъ вещь необходимую въ эстетическомъ обиходѣ „Ѳедосьиныхъ покрововъ“. Оказалось, что Пепко, кромѣ поэтическаго жара, владѣлъ сладкимъ искусствомъ тренькать на гитарѣ какіе-то ветхозавѣтные романсы и подъ аккомпанементъ этого треньканья распѣвалъ „пшеничнымъ теноркомъ“ очень жалобныя и чувствительныя строфы.

— Эстетика въ жизни все, — объяснялъ Пепко съ авторитетомъ сытаго человѣка. — Посмотри на цвѣты, на окраску бабочекъ, на брачное оперенiе птицъ, на платье любой молоденькой дѣвушки. Недавно я встрѣтилъ Анну Петровну, смотрю, а у нея голубенькій бантикъ нацѣпленъ, — это тоже эстетика. Это въ предѣлахъ цвѣтовыхъ впечатлѣній, т.-е. въ области сравнительно грубой, а за ней открывается царство звуковъ... Почему соловей поетъ?..

— Послушай, Пепко, а въ чемъ же я пойду въ Энтомологическое Общество?—спрашивалъ я, прерывая эту философію эстетики.—У меня, кромѣ высокихъ сапоговъ и пестрой визитки, ничего нѣтъ...

— Э, вздоръ! Можешь надѣть мои ботинки и мои штаны. Если тебя смущаетъ твоя пестрая визитка, то пусть другіе думаютъ, что ты оригиналъ: всѣ въ черномъ, а ты не признаёшь этого по твоимъ эстетическимъ убѣжденіямъ. Только и всего...

Это было еще то блаженное время, когда студенты могли ходить въ высокихъ сапогахъ, и на этомъ основаніи я не имѣлъ другой, болѣе эстетической обуви. Когда смущавшій меня костюмерскій вопросъ былъ разрѣшенъ предложеннымъ Пепкой компромиссомъ, я опять повергся въ бездну малодушія, сознавая свою полную несостоятельность по части энтомологіи. Пепко и тутъ оказался на высотѣ призванія: онъ относился къ ученымъ свысока. Единственнымъ основаніемъ для этого могло служить только то, что онъ въ теченіе трехъ лѣтъ своего студенчества успѣлъ побывать въ технологическомъ институтѣ, въ медицинской академіи, а сейчасъ слушалъ лекціи въ университетѣ. разомъ на нѣсколькихъ факультетахъ, потому что не могъ остановиться окончательно ни на одной спеціальности. Самый способъ слушанія лекцій у Пепки превращался въ жестокую критику профессоровъ, причемъ онъ любилъ выражаться довольно энергично: „балда“, „старая подошва“, „прохвостъ“ и т. д. Пепко былъ вообще строгъ къ ученымъ людямъ и, отправляя меня на засѣданіе Энтомологическаго Общества, говорилъ въ назиданіе:

— Я тебѣ открою секретъ не только репортерскаго писанія, но и всякаго художественнаго творчества: нужно считать себя умнѣе всѣхъ... Если не можешь поддерживать себя въ этомъ настроеніи постоянно, то будь умнѣе всѣхъ хотя въ то время, пока будешь сидѣть за своимъ письменнымъ столомъ.

Все это, можетъ-быть, было и остроумно и справедливо, но я испытывалъ гнетущее настроеніе, отправляясь на свою первую репортерскую экскурсію. Я чувствовалъ себя прохвостомъ, который забирается самымъ нахальнымъ образомъ прямо въ храмъ чистой науки. Вдобавокъ шелъ дождь, и это ничтожное обстоятельство еще больше нагоняло уныніе.

Энтомологическое Общество засѣдало у Синяго моста, въ помѣщеніи министерства. Сановитый и представительный швейцаръ съ молчаливымъ презрѣніемъ принялъ мое мокрое верхнее пальто съ большимъ изъяномъ по части подкладки и молча ткнулъ пальцемъ куда-то наверхъ. Зачѣмъ существуютъ пестрые пиджаки и скверныя осеннія пальто съ продырявленной подкладкой? Ахъ, сколько незаслуженныхъ непріятностей я перенесъ именно отъ этихъ невиннѣйшихъ по существу подробностей мужской костюмировки... Памятуя наставленія своего друга, я принялъ видъ оригинала, когда взбирался по широкой министерской лѣстницѣ во второй этажъ. Съ этимъ же видомъ я подошелъ къ какому-то начинающему молодому человѣку, фигурировавшему въ роли секретаря, и вручилъ ему свою вѣрительную грамоту отъ редакціи „Нашей Газеты“. Онъ такъ же молча, какъ швейцаръ, указалъ мнѣ на отдѣльный столъ. Какъ новичокъ, я забрался слишкомъ рано и въ теченіе цѣлаго часа могъ любоваться лѣпнымъ потолкомъ громадной министерской залы, громаднымъ столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, листами бѣлой бумаги, которые были разложены по столу передъ каждымъ стуломъ,—получалась самая зловѣщая обстановка готовившагося ученаго пиршества. У меня что-то заныло подъ ложечкой, и я началъ чувствовать, что постепенно теряю свою оригинальность, какъ человѣкъ, попавшій на холодъ, теряетъ постепенно живую теплоту собственнаго тѣла.

Прошло съ четверть часа, пока я осмотрѣлся и замѣтилъ двухъ молодыхъ людей, шушукавшихся въ углу залы. Это были, видимо, начинающіе ученые, которые забрались, въ качествѣ новичковъ, тоже раньше другихъ. Потомъ явились еще и еще, и я могъ наблюдать, какъ наука росла на моихъ глазахъ. Потомъ явились средняго возраста жрецы науки, которые держали себя уже своими людьми. Они разговаривали громко, фамильярно подавали руку секретарю и вообще проявляли такую развязность, которая заставляла меня только

завидовать, какъ неудавшагося оригинала. Засѣданіе открылось только съ прибытіемъ ученой женщины, солидно занявшей главное мѣсто. Я не помню, какъ около моего столика точно изъ земли выросъ какой-то юркій молодой человѣкъ въ золотыхъ очкахъ, который спросилъ меня безъ всякихъ предисловій:

— Вы отъ какой газеты? Прежде отъ „Нашей Газеты“ приходилъ сюда Молодинъ.

Шустрый молодой человѣкъ оказался представителемъ большой распространенной газеты и поэтому держалъ себя съ соотвѣтствующимъ апломбомъ. Затѣмъ явились еще два репортера—одинъ прилизанный, чистенькій, точно накрахмаленный, а другой суровый, всклоченный, съ припухшими вѣками. Это уже было свое общество, и я сразу успокоился.

Не буду описывать ходъ ученаго засѣданія: секретарь читалъ протоколъ предыдущаго засѣданія, потомъ слѣдовалъ докладъ одного изъ „нашихъ начинающихъ молодыхъ ученыхъ“ о какихъ-то жучкахъ, истребившихъ сосновые лѣса въ Германіи, затѣмъ пренія и т. д. Мнѣ въ первый разъ пришлось выслушать, какую страшную силу составляютъ эти ничтожныя въ отдѣльности букашки, мошки и таракашки, если онѣ дѣйствуютъ оптомъ. Впослѣдствіи я постоянно встрѣчалъ ихъ въ жизни и невольно вспоминалъ докладъ въ Энтомологическомъ Обществѣ.

Тутъ же въ первый разъ я имѣлъ удовольствіе видѣть спеціально ученую ложь, уснащенную стереотипными фразами: „беру на себя смѣлость сдѣлать одно замѣчаніе уважаемому докладчику“, „нашъ дорогой Иванъ Петровичъ высказалъ мнѣніе“, „не полагаясь на свой авторитетъ, я рѣшаюсь внести маленькую поправку“ и т. д. Меня удивляло это обиліе никому ненужныхъ канцелярскихъ словъ и торжественно-похоронное выраженіе лицъ всѣхъ этихъ Ивановъ Петровичей, фигурировавшихъ здѣсь въ роли столповъ науки и отцовъ отечества. Сколько ненужной лжи и дрянныхъ, ненужныхъ словъ, интимной подкладкой которой служило только то, что молодые, подающіе надежды энтомологи-черви скромно подтачивали старые пни и гнилыя колоды родной науки. Приблизительно происходило то же, что съ нѣмецкимъ лѣсомъ, который былъ съѣденъ ничтожными жуками.

Записалъ я все, что происходило, очень плохо, потому что отчасти былъ занятъ совершенно посторонними наблюденіями, а отчасти потому, что не умѣлъ еще быстро схватывать сущность доклада и преній. Поэтому, возвращаясь домой, я испытывалъ приливъ самаго мрачнаго отчаянія... Какой я репортеръ для ученыхъ обществъ?.. Что я буду писать и о чемъ? Никто не будетъ печатать мою галиматью, а если „Наша Газета“ напечатаетъ, то будетъ еще хуже, потому что появится возраженіе. Однимъ словомъ, скверно, а всего скверне то, что я никакъ не могъ вообразить себя умнымъ человѣкомъ.

Вернувшись домой, я засталъ Пенку уже въ постели. Онъ спалъ сномъ младенца, и меня это огорчило: мнѣ не съ кѣмъ было даже подѣлиться своимъ отчаяніемъ. Вообще скверно... Я могъ только попросить Ѳедосью разбудить меня завтра въ шесть часовъ утра.

Утро было ужасное. Отчетъ долженъ былъ быть готовъ къ восьми часамъ, и я работалъ, какъ приговоренный къ смертной казни. Нужно было вылѣпить изъ отрывочныхъ замѣчаній, занесенныхъ въ репортерскую книжку, хоть что-нибудь осмысленное и до извѣстной степени цѣлое. Это была жестокая практика... Убивало главнымъ образомъ то, что нужно было кончить къ восьми часамъ.

Пробило и восемь часовъ. Отчетъ былъ готовъ.

— Теперь неси его къ Фрею,—говорилъ Пепко.—Его найдешь въ трактирѣ у Симеоніевскаго моста... Я сегодня туда не пойду.

Предстояло новое испытаніе. Мнѣ казалось, что Фрей отнесется ко мнѣ съ презрѣніемъ и засмѣется прямо въ лицо. Но Фрей не высказалъ никакихъ особливыхъ враждебныхъ чувствъ, а молча просмотрѣлъ мой первый опытъ, молча сунулъ его себѣ въ карманъ и самымъ равнодушнымъ тономъ проговорилъ:

— Хорошо...

„Академія“ тоже встрѣтила меня равнодушно, точно я всю жизнь только и дѣлалъ, что писалъ отчеты о засѣданіяхъ Энтомологическаго Общества.

Какой тяжелый день, какая тяжелая ночь! Нѣтъ ничего тяжелѣе и мучительнѣе ожиданія. Я даже во снѣ видѣлъ, какъ за мной гнались начинающіе этномологи, гикали и указывали на меня пальцами и хохотали, а вся земля состояла изъ однихъ жучковъ...

Наступило утро, холодное, туманное петербургское утро, пропитанное сыростью и болотными міазмами. Конечно, все дѣло было въ томъ номерѣ „Нашей Газеты“, въ которомъ долженъ былъ появиться мой отчетъ. Наконецъ звонокъ, Ѳедосья несетъ этотъ роковой номеръ... У меня кружилась голова, когда я развертывалъ еще неуспѣвшую хорошенько просохнуть газету. Вотъ политика, телеграммы, хроника, разныя извѣстія.

— Напечатанъ?—спрашиваетъ Пепко.

Отъ волненія я пробѣгаю мимо своего отчета и только потомъ его нахожу. „Засѣданіе Энтомологическаго Общества“. Да, это моя статья, моя первая статья, мой первородный грѣхъ. Читаю и прихожу въ ужасъ, какой, вѣроятно, испытываетъ солдатъ-новобранецъ, когда его остригутъ подъ гребенку. „Лучшія мѣста“ были безжалостно выключены, а оставалась сухая реляція, въ родѣ тѣхъ докладовъ, какіе дѣлали подающіе надежды молодые люди. Пепко раздѣляетъ мое волненіе и, пробѣжавъ отчетъ, говоритъ:

— Ничего...

— Какъ ничего?.. А что скажутъ господа ученые, о которыхъ я писалъ? Что скажетъ публика?..

Мнѣ казалось, что глаза всей Европы устремлены именно на мой несчастный отчетъ... Весь остальной міръ существовалъ только какъ прибавленіе къ моему отчету. Роженица, вѣроятно, чувствуетъ то же, когда въ первый разъ смотритъ на своего ребенка...

— Ничего...—тянулъ изъ меня душу Пепко.—Завтра ты отправляешься въ университетъ, на ученый диспутъ; какой-то чортъ написалъ цѣлую диссертацію о греческихъ придыханіяхъ...

Какъ же это такъ, вдругъ: вчера жучки, а завтра греческія придыханія? Я только тутъ въ первый разъ почувствовалъ себя литературнымъ солдатомъ, который не имѣетъ права отказываться даже самымъ вѣжливымъ образомъ...

VIII.

Мое репортерство быстро пошло въ ходъ, и въ какой-нибудь мѣсяцъ я превратился въ заурядnаго газетнаго сотрудника. Меня уже не смущала больше моя пестрая визитка, потому что были и другіе репортеры, которые настойчиво желали быть оригиналами. Громадное неудобство этой работы заключалось въ томъ, что она отнимала ужасно много времени. Приходилось въ день засѣданія уходить изъ дому часовъ въ семь вечера и возвращаться въ часъ, а затѣмъ утромъ писать отчетъ и нести его въ трактиръ. Однимъ сло-

вомъ, уходилъ почти цѣлый день. Такая работа въ результатѣ давала въ среднемъ отъ рубля до двухъ за отчетъ. Считая отъ десяти до пятнадцати ученыхъ засѣданій въ мѣсяцъ, мой заработокъ колебался между двадцатью и тридцатью рублями. Цифра для меня являлась громадной, особенно принимая во вниманіе, что это были первые заработки, дававшіе извѣстную самостоятельность и даже нѣкоторое уваженіе къ собственной особѣ. Да, я уже являлся составной частью того живого цѣлаго, которое называется ежедневной газетой. Про себя я очень гордился своей первой литературной работой и былъ радъ, что началъ службу простымъ рядовымъ. Теперь для меня раскрывалась другая сторона газетнаго дѣла, которая для обыкновеннаго газетнаго читателя не существуетъ,—за этими печатными строчками открывался оригинальный живой міръ,.. органически связанный вотъ именно съ такимъ печатнымъ лицомъ бумаги. Настоящій газетный сотрудникъ, въ обще-житейскомъ смыслѣ, погибшій человѣкъ, потому что послѣ пяти-шести лѣтъ газетной работы онъ настолько въѣдается въ свое дѣло, что теряетъ всякую способность къ другой работѣ. Я видѣлъ настоящихъ фанатиковъ газетнаго дѣла, какъ тотъ же полковникъ Фрей. Меня поражала прежде всего его изумительная аккуратность,—аккуратность настоящаго стараго газетнаго солдата, который зналъ только одно, что „газета не ждетъ“. Мнѣ пришлось проработать съ нимъ вмѣстѣ около трехъ лѣтъ, и не было случая, когда бы онъ опоздалъ хотя на пять минутъ.

Газетное братство распадалось на цѣлый рядъ категорій: передовики, фельетонисты, хроникеры, завѣдующіе отдѣлами вообще и просто мелкая газетная сошка. Въ сущности, получались двѣ неравныхъ „половины“: съ одной стороны—газетная аристократія, какъ модные фельетонисты, передовики и „наши уважаемые сотрудники“, а съ другой—безыменная газетная челядь, ютившаяся на послѣднихъ страницахъ, въ отдѣлѣ мелкихъ извѣстій, замѣтокъ, слуховъ и сообщеній. Особенно сильная борьба шла именно въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ газетныхъ микроорганизмовъ, гдѣ каждая напечатанная строка являлась синонимомъ насущнаго хлѣба. Я быстро понялъ эту газетную философію: каждая напечатанная мной строка отнимала у кого-то его кусокъ хлѣба. Отсюда своя подводная борьба за существованіе, свои бури въ стаканѣ воды, свои интриги, симпатіи и антипатіи. Типичнымъ человѣкомъ въ этомъ отношеніи являлся полковникъ Фрей, который со всѣми былъ знакомъ и доставлялъ работу. На его голову сыпались самыя тяжелыя обвиненія, его упрекали чуть не въ воровствѣ, ему устраивали непріятныя сцены, и онъ все выносилъ, оставаясь на своемъ посту. Лично я съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю о немъ, какъ о человѣкѣ, который такъ просто отнесся ко мнѣ съ перваго раза и такъ до конца. И прочіе члены „академіи“ тоже относились хорошо, и мнѣ дѣлается грустно, что ихъ уже нѣтъ—послѣднимъ умеръ полковникъ Фрей.

Что же свело ихъ въ преждевременную могилу? Отвѣтъ довольно грустный: пьянство... Происходило это и отъ безпорядочности самой работы, и отъ періодическихъ голодовокъ, и, можетъ-быть, по установившейся годами традиціи. Я уже описалъ свою первую встрѣчу съ „академіей“; послѣдующія встрѣчи были только повтореніемъ. Утромъ „академія“ засѣдала въ трактирѣ Агапыча, а вечеромъ перекочевывала въ сосѣднюю портерную. Здѣсь раздавалась работа, здѣсь обсуждались свои газетныя дѣла, здѣсь проходила вся жизнь подъ давленіемъ винныхъ паровъ. Это была самая грустная страница въ жизни нашей газетной богемы... Мы съ Пепкой не могли избавиться отъ установившагося режима и время отъ времени сильно напивались. Происходило это безъ предварительнаго намѣренія, а какъ-то само собой, какъ

умѣетъ напиваться русскій человѣкъ въ обществѣ другого хорошаго русскаго человѣка. Мало-по-малу это вошло даже въ привычку, особенно въ трудную минуту, когда дома ѣсть было нечего, а тутъ Агапычъ открывалъ маленькій кредитъ и портерная тоже.

Послѣ каждаго излишества Пепко испытывалъ припадки самаго жестокаго раскаянія, хотя и называлъ каждый случай пьянства „ошибкой“ или описательно—„мы немного ошиблись“. Было тяжело смотрѣть на него въ эти минуты.

— Смотри и молча презирай меня!—заявлялъ Пепко, еще лежа утромъ въ постели.—Передъ тобой надежда отечества, цвѣтъ юношества, будущій знаменитый писатель и... Нѣтъ, это невозможно!.. Дай мнѣ орудіе, которымъ я могъ бы прекратить свое гнусное существованіе. Ахъ, Боже мой, Боже мой... И это интеллигентные люди? Чему насъ учатъ, къ чему примѣры лучшихъ людей, мораль, этика, нравственность?...

— Да будетъ тебѣ, Пепко! Надоѣлъ... Причитаешь, какъ наемная плакальщица.

— Нѣтъ, ты посмотри на мою рожу... Глаза красные, кожа свѣтится пьянымъ жиромъ—вообще самый гнусный видъ кабацкаго пропойцы.

За этимъ немедленно слѣдовалъ цѣлый реестръ искупающихъ поступковъ, какъ очистительная жертва. Всякое правонарушеніе требуетъ жертвъ... Напримѣръ, придумать и сказать самый гнусный комплиментъ Ѳедосьѣ, причемъ недурно поцѣловать у нея руку, или не умываться въ теченіе цѣлой недѣли, или—прочитать залпомъ самый большой женскій романъ и т. д. Странно, чѣмъ ярче было такое раскаяніе и чѣмъ ужаснѣе придумывались очищающія кары, тѣмъ скорѣе наступала новая „ошибка“. Въ психологіи преступности есть своя логика...

Приливъ средствъ и необходимость дѣловыхъ сношеній съ „академіей“ совершенно нарушали всю программу нашей жизни, хотя мы и давали каждый день въ одиночку и сообща самыя торжественныя клятвы, что это послѣдняя „ошибка“ и ничего подобнаго не повторится. Но эти добрыя намѣренія принадлежали, очевидно, къ тѣмъ, которыми вымощенъ адъ.

— Что же это такое?—взывалъ Пепко, изнемогая въ борьбѣ съ собственною слабостью.—Еще одинъ маленькій шагъ, и мы превратимся въ настоящихъ трактирныхъ героевъ.,. Мутные глаза, сизый носъ, развинченныя движенія, вѣчный запахъ перегорѣлаго вина—нѣтъ, благодарю покорно! Не согласенъ... Къ чорту всю „академію“! Я еще молодъ и могу подавать надежды, даже очень просто... Наконецъ благодарное потомство ждетъ отъ меня соотвѣтствующихъ поступковъ, чортъ возьми!..

Пока Пепко предавался своему унылому самоѣдству, судьба уже приготовила коррективъ.

Произошло это совершенно неожиданно, какъ происходятъ только серьезныя вещи въ жизни.

Дѣло происходило на Святкахъ. Ученыя общества прекратили свою дѣятельность, и мы могли воспользоваться по усмотрѣнію своей голодной свободой. Семейныхъ знакомствъ у насъ не было, да и не могло быть, благодаря отсутствію приличныхъ костюмовъ. Все это было очень грустно, особенно въ такіе семейные праздники, какъ Святки. Всѣ веселились, у всѣхъ былъ свой семейный уголъ, и мы особенно ярко чувствовали свое унылое одиночество. Пепко съ какимъ-то ожесточеніемъ рѣшительно ничего не дѣлалъ, валялся цѣлые дни на кровати и зудилъ на гитарѣ до тошноты, развивая въ себѣ и во мнѣ эстетическій вкусъ. Иногда, достигнувъ конечнаго предѣла одурѣнія, онъ вскакивалъ, кого-то

ругалъ въ пространство, убѣгалъ изъ дому и черезъ десять минутъ возвращался съ сильнымъ запахомъ водки.

— А, чортъ...—ворчалъ онъ, хватаясь опять за гитару.

Произошла очень печальная исторія, которая случается при совмѣстномъ сожительствѣ: мы надоѣли другъ другу... Всѣ разговоры были переговорены, интересы исчерпаны, откровенія сдѣланы—оставалось только скучать. Всѣ привычки, недостатки и достоинства были извѣстны взаимно, какъ платье, физіономіи, жесты, интонаціи голоса и т. д. Незамѣтно мы старались не видѣть другъ друга, уходя изъ дому на цѣлые дни. Это было самое лучшее, что можно было сдѣлать въ нашемъ положеніи. Именно въ одинъ изъ такихъ тяжелыхъ дней, когда я скрылся изъ дому къ знакомому студенту-технологу, и произошло то, что перевернуло жизнь Пепки напрадикальнѣйшимъ образомъ.

Какъ отчетливо я помню этотъ проклятый зимній день, гнилой, сѣрый, тоскливый! Вмѣсто снѣга на мостовой лежала какая-то жидкая каша. Я нарочно засидѣлся у своего знакомаго подольше, чтобы вернуться домой, когда Пепко уже спитъ,—отъ скуки онъ въ праздники заваливался спать съ десяти часовъ. Я возвращался въ самомъ скверномъ настроеніи, проклиная погоду, праздники, собственную молодость. На мосткахъ черезъ Неву меня продуло самымъ безпощаднымъ образомъ, точно самыя стихіи ополчились на беззащитнаго молодого человѣка. Наконецъ вотъ и нашъ домъ, нашъ флигелекъ. На звонокъ вышла Ѳедосья и встрѣтила меня загадочной улыбкой,—она умѣла улыбаться самымъ глупымъ образомъ.

— Что такое случилось, Ѳедосья Ниловна?

Вмѣсто отвѣта Ѳедосья только фыркнула и мотнула головой по направленію нашей комнаты, откуда раздавались звуки польки-трамблянъ. Значитъ, еще Пепко не спалъ... Отворяю дверь и отъ изумленія превращаюсь въ знакъ вопроса. Представьте себѣ совершенно невѣроятную картину: на моей кушеткѣ сидѣлъ Пепко съ гитарой, принявъ какую-то особую позу жуирующаго молодого человѣка, а передъ нимъ... Нѣтъ, это нужно писать другимъ перомъ и другими чернилами... Въ нашей комнатѣ кружились двѣ пары самыхъ очаровательныхъ масокъ: два „турка“, цыганка и „Ночь“. „Турки“ были своего домашняго приготовленія, и не нужно было особенной проницательности, чтобы угадать въ нихъ переодѣтыхъ дѣвушекъ. Да, это были настоящія маски, тотъ милый маскарадъ, который не требовалъ объясненій. И все-таки я рѣшительно ничего не понималъ... На столѣ, гдѣ лежали мои рукописи, стояли три пустыхъ бутылки изъ-подъ пива, двѣ тарелки съ объѣдками колбасы и сыра, два вѣера и перчатки не первой молодости.

— Рекомендую: мой другъ,—рекомендовалъ меня Пепко.—Отличный парень, а главное—замѣчательный талантъ.

— Въ какомъ смыслѣ?—освѣдомилась Ночь, подавая мнѣ холодную, длинную и худую руку.

— Во всякомъ, милая Ночь...

Маски сбились въ одну кучу и о чемъ-то шушукались. Очевидно, мое появленіе нарушило трогательный семейный праздникъ. Впрочемъ, скоро все уладилось само собой. Храбрѣе всѣхъ оказались „турки“, которые первыми сняли маски, а ихъ примѣру послѣдовала цыганка. Въ результатѣ этого разоблаченія оказались три молодыхъ, довольно миловидныхъ рожицы, улыбавшихся и хихикавшихъ самымъ задорнымъ образомъ. Упорнѣе всѣхъ оказалась Ночь, которая ни за что не хотѣла снимать маску. Пепко пустилъ въ ходъ какой-то дипломатическій подвохъ, чтобы „обнаружить прелестную незнакомку“, которая оказалась дѣвушкой среднихъ лѣтъ, съ какими-то испуганными темными глазами.

— Ну, вотъ и отлично!—одобрялъ Пепко, принимаясь за свою гитару.

— Что это значитъ?—спросилъ я, продолжая не понимать.

— Что значитъ? Въ нашемъ репертуарѣ это будетъ называться месть проклятому черкесу... Это тѣ самыя милыя особы, которыя такъ часто нарушали нашъ проспектъ жизни своимъ шопотомъ, смѣхомъ и поцѣлуями. Сегодня онѣ вздумали сдѣлать сюрпризъ своему черкесу и заявились всѣ вмѣстѣ. Его не оказалось дома, и я пригласилъ ихъ сюда! Теперь понялъ? Желалъ бы я видѣть его рожу, когда онъ вернется домой...

У насъ открылся настоящій балъ. Появилось новое пиво, а съ нимъ разлилось и новое веселье. Наши маски оказались очень милыми и веселыми созданіями, а Пепко проявилъ необыкновенную галантность—нѣчто среднее между турецкимъ пашой и французскимъ маркизомъ конца грѣшнаго восемнадцатаго вѣка.

— Гризетки изъ Латинскаго квартала,—резюмировалъ Пепко свои впечатлѣнія и какъ-то особенно глупо захохоталъ; я его видѣлъ въ женскомъ обществѣ въ первый разъ.

Говоря откровенно, дѣвушки были очень недурны и дурачились такъ мило, точно разыгравшіеся котята. Мы танцовали кадриль, польки, вальсы—вообще развеселились. Потомъ начались святочныя игры, пѣніе, всѣ тѣ маленькія глупости, которыя продѣлываются молодежью съ такимъ усердіемъ. Пепко проявлялъ всѣ свои таланты, и наши дамы хохотали надъ нимъ до слезъ. Онъ самъ вошелъ въ свою роль и тоже хохоталъ.

— Позвольте однако, mesdames, какъ васъ зовутъ?—спохватился Пепко немножко поздно.

— Угадайте...

Пепко посмотрѣлъ на нихъ и по какому-то наитію проговорилъ съ полной увѣренностью:

— Вѣра, Надежда, Любовь и мать ихъ Софья-премудрость...

По странной случайности оказалось, что это было именно такъ, и Пепко, увлекшись своей ролью прорицателя, подошелъ къ Ночи, взялъ ее за руку и проговорилъ:

— А ты—Любовь, т. е. любовь и въ частности и вообще.

IX.

— Что такое женщина?—спрашивалъ Пепко на другой день послѣ нашего импровизированнаго бала.—За что мы любимъ эту женщину? Почему, наконецъ наша Ѳедосья тоже женщина и тоже, на этомъ только основаніи, можетъ вызвать любовную эмоцію?... Тутъ, братъ, дѣло поглубже одной физики...

Затѣмъ Пепко сдѣлалъ рукой свой единственный жестъ, сладко зажмурилъ глаза и кончилъ тѣмъ, что бросился на свою кровать. Это было непослѣдовательно, какъ и дальнѣйшія внѣшнія проявленія собственной Пепкиной эмоціи. Онъ лежалъ на кровати ничкомъ и болталъ ногами; онъ что-то бормоталъ, хихикалъ и пряталъ лицо въ подушку; онъ проявлялъ вообще „рѣзвость дитяти“.

— Что съ тобой, Пепко?

— Со мной? Что со мной?.. Я влюбленъ въ Ѳедосью... Ххе!.. По-моему, она бальзаковская женщина съ очень колоритнымъ темпераментомъ, и я посвящу ей стихи.

Пепко вскочилъ со своего ложа, остановился посреди комнаты и совершенно неожиданно захохоталъ, сдѣлавъ глупое лицо.

— Что такое женщина?.. О, ты не знаешь, что такое женщина!

По всѣмъ признакамъ, Пепко мучился желаніемъ разсказать мнѣ что-то очень пикантное и вмѣстѣ съ тѣмъ не рѣшался. Я могъ сдѣлать довольно основательное предположеніе по адресу вчерашнихъ масокъ,—мы ихъ провожали вмѣстѣ, а потомъ разлучились; на мою долю досталось провожать двухъ сестеръ, Вѣру и Надежду, а Пепко провожалъ Ночь и мать премудрость Софью. Домой вернулся онъ очень поздно, когда я уже спалъ, и утромъ не желалъ подѣлиться своими впечатлѣніями. Настоящій разговоръ происходилъ уже послѣ обѣда, когда на Пепку напала томящая жажда соткровенничать.

— Если не ошибаюсь, тебя угнетаетъ какая-то тайна?—замѣтилъ я, подавая реплику.

— О, ты проникъ на самое дно моей души, мой другъ... Да, величайшая тайна, больше—тайна женщины. А впрочемъ, подозрѣніе да не коснется жены цезаря!

— Гдѣ цезарь, Пепко?

— Цезарь—это я, т.-е. цезарь пока еще въ возможности, in spe. Но я уже на пути къ этому высокому сану... Однимъ словомъ, я вчера лобзнулъ Ночь, и Ночь лобзнула меня обратно. Привѣтъ тебѣ, счастливый мигъ... Въ нашемъ лицѣ человѣчество проявило первую попытку сдѣлать продолженіе изданія. Ахъ, какая дѣвушка, какая дѣвушка!..

— По-моему, она очень некрасива...

— А глаза?.. И миръ, и любовь, и блаженство... Въ нихъ для меня повернулась вся наша грѣшная планетишка, въ нихъ отразилась вся небесная сфера, въ нихъ мелькнула тѣнь божества... Съ ней, какъ говоритъ Гейне, шла весна, пѣсни, цвѣты, молодость.

Освободившись отъ своей тайны, Пепко, кажется, почувствовалъ нѣкоторое угрызеніе совѣсти, вѣрнѣе сказать, ему сдѣлалось жаль меня, какъ человѣка, который оставался въ самомъ прозаическомъ настроеніи. Чтобы нѣсколько стушевать свою безсовѣстную радость, Пепко проговорилъ какимъ-то фальшивымъ тономъ, какимъ говорятъ про „дорогихъ покойниковъ“:

— А эта бѣлокуренькая Надежда ничего... Этакій пухленькій чертенокъ. Я замѣтилъ, какъ она посматривала на тебя. И ты въ свою очередь...

— Нельзя ли меня оставить въ покоѣ.

— Гм, твое дѣло... Если не ошибаюсь, Вѣра и Надежда—сестры, и, если не ошибаюсь, у нихъ есть мамаша, т.-е. онѣ живутъ при мамашѣ.

— Да, что-то въ этомъ родѣ... Онѣ приглашали насъ къ себѣ какъ-нибудь въ воскресенье. Очень милыя дѣвушки вообще...

— Да, милыя... А Горгедзе?..

— Онъ просто знакомый... Бываетъ у нихъ. Ничего особеннаго...

— Гм, да... Вещь обыкновенная.

Пепко вдругъ замолчалъ и посмотрѣлъ на меня, стиснувъ зубы. Въ воздухѣ пронеслась одна изъ тѣхъ невысказанныхъ мыслей, которыя являются иногда при взаимномъ молчаливомъ пониманіи. Пепко даже смутился и еще разъ посмотрѣлъ на меня уже съ затаенной злобой: онъ во мнѣ начиналъ ненавидѣть свою собственную ошибку, о которой я только догадывался. Эта маленькая сцена безъ словъ выдавала Пепку головой... Пепко уже раскаивался въ своей откровенности и въ то же время обвинялъ меня, какъ главнаго виновника этой откровенности.

Мнѣ приходится сдѣлать маленькое отступленіе и вернуться назадъ. Дѣло въ томъ, что у Пепки была настоящая тайна, о которой онъ не говорилъ, но относительно существованія которой я могъ догадываться по разнымъ апа-

логіямъ и логическимъ наведеніямъ. Познакомившись съ нимъ ближе, я, во-первыхъ, открылъ существованіе въ его инвентарѣ нѣсколькихъ вещей, настолько ненужныхъ, что ихъ даже нельзя было заложить и которыя Пепко тщательно пряталъ: вышитая шелкомъ закладка для книги, таковая же неротерка и т. д.; во-вторыхъ, я сдѣлался невольнымъ свидѣтелемъ нѣкоторыхъ поступковъ, не соотвѣтствовавшихъ общему характеру Пепки, и наконецъ, въ-третьихъ, время отъ времени на имя Пепки получались таинственныя письма, которыя не имѣли ничего общаго съ письмами „одной доброй матери“ и которыя Пепко, не распечатывая, торопливо пряталъ въ карманъ. Не нужно было особенной проницательности, чтобы догадаться о существованіи какой-то невидимой женской руки, протягивавшейся въ „Ѳедосьины покровы“ прямо къ сердцу Пепки. Ѳедосья была убѣждена въ существованіи этой таинственной особы и съ ехидствомъ обезьяны каждый разъ сама приносила письма Пепкѣ.

— Опять письмо...—говорила она, пожирая глазами Пепку.

— А, чортъ!..—ругался Пепко.

Было разъ даже такъ, что Ѳедосья вошла въ нашу комнату на цыпочкахъ и проговорила змѣинымъ сипомъ:

— Васъ спрашиваетъ какая-то дама...

Пепко вылетѣлъ въ коридоръ, какъ бомба. Тамъ, дѣйствительно, стояла дама, скрывавшая свое лицо подъ густой вуалью. Произошелъ короткій діалогъ, и дама ушла, а Пепко вернулся взбѣшенный до послѣдней степени. Его имя компрометировалось передъ лицомъ всѣхъ обитателей „Ѳедосьиныхъ покрововъ“.

Именно этотъ эпизодъ съ таинственной незнакомкой и промелькнулъ передъ нашими внутренними очами послѣ сдѣланнаго Пепкой признанія о лобзаніи. Мужчина, обманывающій женщину, вообще гадокъ, а Пепко еще не былъ настолько испорченнымъ, чтобы не чувствовать сдѣланной гадости. Мучила молодая совѣсть...

Когда Пепко послѣ утренней откровенности вышелъ, въ комнату заявилась Ѳедосья. Она какъ-то особенно старательно вытирала пыль и кончила тѣмъ, что обратилась ко мнѣ съ слѣдующимъ воззваніемъ:

— Самый невѣроятный Ѳома!..

— Кто?..

— А самъ-то Агаѳонъ Павлычъ... Развѣ это хорошо, и даму обманывать, и дѣвушку хочетъ обмануть. Конечно, она глупая дѣвушка...

— Какую даму?

— А та, которая съ письмами... Раньше-то Агаѳонъ Павлычъ у ней комнату снималъ, ну, и обманулъ. Она вдова, живетъ на пенсіи... Еще сама какъ-то приходила. Дуры эти бабы... Ну, чего лѣзетъ и людей смѣшитъ? Ошиблась и молчи... А я бы этому Ѳомѣ невѣроятному всѣ глаза выцарапала. Вонъ какимъ сахаромъ къ дѣвушкѣ-то подсыпался... Я ее тоже знаю: швейка. Дама-то на Васильевскомъ островѣ живетъ, далеко къ ней ходить, ну, а эта ближе...

„Ѳома невѣрный“, передѣланный Ѳедосьей въ „Ѳому невѣроятнаго“, получилъ спеціальное значеніе въ смыслѣ вообще невѣрности. Я выслушалъ Ѳедосью молча, а потомъ отвѣтилъ:

— Меня удивляетъ, Ѳедосья Ниловна, ваша слабость говорить о томъ, чего вы не знаете...

— Я-то не знаю?!.

Ѳедосья сдѣлала носомъ какой-то шипящій звукъ, взмахнула тряпкой и вышла изъ комнаты съ видомъ оскорбленной королевы. Я понялъ только одно, что, благодаря Пепкѣ, съ настоящаго дня попалъ въ разрядъ „Ѳомы невѣроятнаго“.

Событія полетѣли быстрой чередой. Пепко имѣлъ видъ заговорщика и въ одно февральское утро заявилъ мнѣ, что въ слѣдующее воскресенье мы отправляемся къ Вѣрѣ и Надеждѣ.

— У этихъ милыхъ дѣвушекъ одинъ недостатокъ: надежда должна быть старше вѣры, eo ipso, а въ дѣйствительности Вѣра старше Надежды. Но съ этой маленькой хронологической неточностью можно помириться, потому что она умѣетъ такъ хорошо улыбаться и смотритъ такими свѣтлыми глазками...

— Надѣюсь, что твоя Ночь будетъ тамъ?

— Ну, этого я не знаю, — откровенно совралъ Пепко. — Можетъ-быть...

Вѣра и Надежда обитали въ глубинахъ Петербургской стороны. Когда мы шли къ нимъ вечеромъ въ воскресенье, Пепко сначала отмалчивался, а потомъ заговорилъ, продолжая какую-то тайную мысль:

— Да вообще, ежели разсудить...

— Что̀ разсудить?

— А вотъ хоть бы то, что мы сейчасъ идемъ. Ты думаешь, что все такъ просто: встрѣтились случайно съ какими-то барышнями, получили приглашеніе на журъ-фиксъ и пошли... Какъ бы не такъ! Мы не сами идемъ, а насъ толкаетъ неумолимый законъ... Да, законъ, который гласитъ коротко и ясно: на четырехъ петербургскихъ мужчинъ приходится всего одна петербургская женщина. И вотъ мы идемъ, повинуясь закону судебъ, влекомые наглядной ариѳметической несообразностью...

— А ты не можешь безъ философіи?

— Самому дороже стоитъ...

Квартира нашихъ новыхъ знакомыхъ помѣщалась во второмъ этажѣ довольно гнуснаго флигеля. Первое впечатлѣніе получалось довольно невыгодное, начиная съ темной передней, гдѣ стоялъ промозглый воздухъ маленькой тѣсной квартирки. Дальше слѣдовала небольшая зала, обставленная съ убогой роскошью. Въ ожиданіи гостей все было прибрано. Насъ встрѣтила довольно суровая дама, напоминавшая нашу собственную Ѳедосью. Впослѣдствіи она оказалась матерью Вѣры и Надежды. Это было, какъ пишутъ въ афишахъ, лицо безъ рѣчей. Въ залѣ уже сидѣлъ какой-то офицеръ, т.-е не офицеръ, а интендантскій чиновникъ въ военной формѣ, пожилой, лысый, съ ласково бѣгавшими масляными глазами.

— Люба обѣщала прійти... — замѣтила бѣлокурая Надежда, поглядывая на Пепку улыбавшимися глазками.

— Я не знаю, какъ ты рѣшилась ее пригласить, — брезгливо отвѣтила Вѣра, пожимая плечами. — Мы съ ней познакомились въ Нѣмецкомъ клубѣ передъ Рождествомъ. Впрочемъ, я это такъ...

Мы чувствовали себя не въ своей тарелкѣ, пока не поданъ былъ самоваръ; прислуги не было, и „отвѣчала за кухарку“ все та же мамаша. Нѣкоторое оживленіе внесъ сѣдой толстый старикъ-фельдшеръ съ золотой цѣпочкой, который держалъ себя другомъ дома. Онъ называлъ дѣвицъ попросту Вѣрочкой и Наденькой. Онѣ почему-то хихикали, переглядывались и даже толкали смѣшного старика. Разговоръ шелъ о Нѣмецкомъ клубѣ и неизвѣстныхъ намъ общихъ знакомыхъ. Я молчалъ самымъ глупымъ образомъ, а Пепко что-то вралъ о провинціальныхъ клубахъ, въ которыхъ никогда не бывалъ. Въ общемъ все-таки ничего интереснаго не получалось. Самая обыкновенная кисленькая чиновничья вечеринка. Пепко уже нѣсколько разъ съ тоской посматривалъ на дверь, вызывая улыбку Нади. Она говорила ему глазами: „придетъ, не безпокойтесь“.

Сами по себѣ барышни были средняго разбора — ни хороши, ни худы,

ни особенно молоды. Мнѣ нравилось, что онѣ одѣвались очень скромно, безъ всякихъ претензій и безъ помощи портнихи. Младшая, Надежда, бѣлокурая и какъ-то задорно здоровая, мнѣ нравилась больше старшей Вѣры, которая была красивѣе, — я не любилъ брюнетокъ.

— Ну, братику, мы попали въ небольшое, но избранное общество, — шепнулъ мнѣ Пепко, отводя въ сторону. — Отъ скуки челюсти свело... Недостаетъ еще отца дьякона, гитары и домашней наливки, которая пахнетъ кошкой.

Мнѣ тоже казалось что-то подозрительное во всей обстановкѣ. Чего-то недоставало и что-то было лишнее, какъ лысая интендантская голова и эта мамаша безъ словъ. Къ числу дѣйствующихъ лицъ нужно еще прибавить ветхозавѣтное фортепіано краснаго дерева, которое имѣло здѣсь свое самостоятельное значеніе, — „мамаша безъ словъ“ играла за тапера и аккомпанировала Вѣрочкѣ, исполнявшей съ большимъ чувствомъ самые модные романсы. Подъ это фортепіано мы съ Пепкой много танцовали впослѣдствіи, такъ что я сейчасъ вспоминаю о немъ, какъ о живомъ свидѣтелѣ нашихъ хореографическихъ упражненій. Увы! — нынче такія цимбалы исчезли даже въ глубинахъ Петербургской стороны, а съ ними исчезло и дешевенькое веселье.

Скучавшій Пепко не подозрѣвалъ, какой сюрпризъ готовила ему роковая судьба. Онъ вздрогнулъ, когда въ передней забренчалъ звонокъ. Это была она... Надя посмотрѣла на Пепку улыбавшимися глазами и выскочила встрѣчать гостью. Послышались поцѣлуи, говоръ и молодой смѣхъ. Она вошла въ сопровожденіи какого-то очень франтоватаго молодого человѣка іудейскаго происхожденія. Онъ отрекомендовался помощникомъ провизора, и Пепко поблѣднѣлъ, пожираемый муками ревности. А она была сегодня почти красива, что̀ можно было объяснить быстрой ходьбой, а быть-можетъ — обществомъ интереснаго кавалера. Юркій еврейчикъ держалъ себя съ большой развязностью, и барышни чувствовали его своимъ человѣкомъ.

— Я его убью... — сообщилъ мнѣ Пепко по секрету. — Посмотри, какая отвратительная морда!

Ослѣпленный страстью, Пепко былъ несправедливъ, потому что еврейчикъ могъ сойти за очень красиваго молодого человѣка, а особенно хороши были горячіе темные глаза. Общее впечатлѣніе портила только эта спеціально провизорская юркость. Впрочемъ, Пепко скоро примирился со своею участью, чему отчасти способствовала поданная во̀-время закуска. Дѣвица Любовь держала себя съ большимъ тактомъ, и я подозрѣваю, что она явилась въ сопровожденіи своего кавалера съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, именно, чтобы подвинтить въ Пепкѣ ревнивое чувство.

Послѣ ужина послѣдовали танцы, причемъ Пепко лѣзъ изъ кожи, чтобы затмить проклятаго провизора. Танцовалъ онъ очень недурно. Потомъ слѣдовала вокальная часть, — пѣла Вѣрочка модные, только-что вышедшіе романсы: „Только станетъ смеркаться немножко“, Вьется ласточка“ и т. д. Фельдшеръ не пѣлъ и не танцовалъ, а поэтому исполнилъ свой номеръ отдѣльно.

— Илья Самсонычъ, пожужжите, — приставала къ нему Надя.

Старикъ поломался, выпилъ залпомъ двѣ рюмки водки и принялся жужжать пчелой. Барышни хохотали до слезъ, да и всѣ остальные почувствовали себя какъ-то легче. Интендантскій хотя и не танцовалъ, но долженъ былъ изображать спящую на диванѣ болонку, что̀ выходило тоже смѣшно. Это разнообразіе талантовъ возбудило въ Пепкѣ зависть.

— Господа, у кого есть пятиалтынный? — спрашивалъ онъ.

Пятиалтынный нашелся, и Пепко согнулъ его двумя пальцами, — у него

была страшная сила въ рукахъ. Этотъ фокусъ привелъ фельдшера въ восторгъ, и онъ расцѣловалъ подававшаго надежды молодого человѣка.

— О, вы далеко пойдете! — повторялъ старикъ.

Вечеръ закончился полной побѣдой Пепки: онъ провожалъ свою Любовь и этимъ уже уничтожалъ провизора. Я никого не провожалъ, но тоже чувствовалъ себя недурно, потому что въ передней Надя такъ крѣпко пожала мою руку и прошептала:

— Вы приходите какъ-нибудь одинъ...

Странно, что, очутившись на улицѣ, я почувствовалъ себя очень скверно. Впереди меня шелъ Пепко подъ ручку со своею дамой и говорилъ что-то смѣшное, потому что дама смѣялась до слезъ. Мнѣ почему-то вспомнилась „одна добрая мать“. Бѣдная старушка, если бы она знала, по какой опасной дорогѣ шелъ ея Пепко...

X.

Мои занятія шли своимъ чередомъ. Все свободное время, которое у меня оставалось, шло на писаніе романа. То была работа Сизифа, потому что приходилось по десяти разъ передѣлывать каждую главу, мѣнять планъ, вводить новыхъ лицъ, вставлять новыя описанія и т. д. Недоставало прежде всего знанія жизни и технической опытности. Я зналъ, какъ смотритъ на мою работу Пепко, и старался писать, когда его не было. Кстати, теперь онъ часто исчезалъ изъ дому, особенно по вечерамъ. Сначала онъ подыскивалъ какіе-нибудь предлоги для этихъ таинственныхъ путешествій, обманывая больше всего самого себя, а потомъ началъ пропадать уже безъ всякихъ предлоговъ. Я дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаю и не интересуюсь его поведеніемъ, и продолжалъ катить свой камень. У этого перваго произведенія было всего одно достоинство: оно дало привычку къ упорному самостоятельному труду. Да, труда было достаточно, а главное — была цѣль впереди, для которой стоило поработать. Время отъ времени наступали моменты глухого отчаянія, когда я бросалъ все. Ну, какой я писатель? Вѣдь писатель долженъ быть чуткимъ человѣкомъ, впечатлительнымъ, вообще особеннымъ, а я чувствовалъ себя самымъ заурядным, среднимъ рабочимъ — и только. Я перечитывалъ русскихъ и иностранныхъ классиковъ и впадалъ въ еще большее уныніе. Какъ у нихъ все просто, хорошо, красиво и, главное, какъ легко написано, точно взялъ бы и самъ написалъ то же самое. И какъ понятно — вѣдь я то же самое думалъ и чувствовалъ, что̀ они писали, а они умѣли угадать самыя сокровенныя движенія души, самыя тайныя мысли, всю ложь и неправду жизни. Что̀ же писать послѣ этихъ избранниковъ, съ которыми говорила морская волна и для которыхъ звѣздная книга была ясна...

Первоначальная форма романа была совершенно особенная, безъ главъ и частей. Кажется, чего проще — разбить поэму на части и главы, а между тѣмъ это представляло непреодолимыя трудности, — дѣйствующія лица никакъ не укладывались въ предполагаемыя рамки, и самое дѣйствіе не поддавалось расчлененію. Однимъ словомъ, мнѣ приходилось писать такъ, какъ будто это былъ первый романъ въ свѣтѣ и до меня еще никто не написалъ ничего похожаго на романъ. Дѣйствіе получалось самое запутанное, такъ что изъ каждой главы можно было сдѣлать самостоятельный романъ. А затѣмъ дѣйствующія лица такъ мало походили на живыхъ людей, начиная съ того, что рѣзко разграничивались на два разряда — собственно героевъ и мерзавцевъ по преимуществу. Это было то же, если бы въ мірѣ было всего два

цвѣта — бѣлый и черный, а спектръ не существовалъ. Настоящая жизнь еще не давала красокъ. Да и какая это была жизнь: описывать свое родное гнѣздо, когда Гоголь уже давѣки описалъ ютъ, описывать свою школу, студенчество, репортеровъ, Ѳедосью, Пенку, фельдшера, какъ онъ жужжитъ мухой, пухленькую Надю, — все это было такъ сѣро, заурядно и не давало ничего. Вообще было достаточно основаній для отчаянія... Пенко былъ правъ, когда говорилъ объ отсутствіи у насъ жизни: она шла гдѣ-то тамъ, далеко, внѣ поля нашего зрѣнія. Да и что можно было написать, сидя въ своей проклятой мурьѣ? Я началъ ненавидѣть свою комнату, Ѳедосью, всѣхъ квартирантовъ; это была та стѣна, которая заслоняла отъ меня настоящую жизнь. Оставалась надежда на будущее, и я хватался за нее, какъ утопающій хватается за соломинку.

Впрочемъ, была одна область, въ которой я чувствовалъ себя до извѣстной степени сильнымъ и даже компетентнымъ: это — описаніе природы. Вѣдь я такъ ее любилъ и такъ тосковалъ по ней, придавленный петербургской слякотью, сыростью и вообще мерзостью. У меня въ душѣ жили и южное солнце, и высокое синее небо, и широкая степь, и роскошный южный лѣсъ... Нужно было только перенести все это на бумагу, чтобы и читатель увидѣлъ и почувствовалъ величайшее чудо, которое открывается каждымъ восходящимъ солнцемъ и къ которому мы настолько привыкли, что даже не замѣчаемъ его. Вотъ указать на него, раскрыть всѣ тонкости, всю гармонію, все то, что благодаря этой природѣ отливается въ національныя особенности, начиная пѣсней и кончая общимъ душевнымъ тономъ. Свои описанія природы я началъ съ подражаній тѣмъ образцамъ, которые помѣщены въ хрестоматіяхъ, какъ образцовые. Сначала я писалъ напыщенно-риторическимъ стилемъ à la Гоголь, потомъ старательно усвоилъ себѣ манеру красивыхъ описаній à la Тургеневъ и только подъ конецъ понялъ, что и гоголевская природа и тургеневская — обѣ не русскія, и подъ ними можетъ смѣло подписаться всякая другая природа, за очень немногими исключеніями. Настоящая равнинная Русь чувствуется только у Л. Толстого, а горная — у Лермонтова, — эти два автора навсегда остались для меня недосягаемыми образцами. Надъ выработкой пейзажа я бился больше двухъ лѣтъ, причемъ мнѣ много помогли русскіе художники-пейзажисты новаго реальнаго направленія. Я не пропускалъ ни одной выставки, подробно познакомился съ галлереями Эрмитажа и только здѣсь понялъ, какъ далеко ушли русскіе пейзажисты по сравненію съ литературными описаніями. Они схватили ту затаенную, скромную красоту, которая навѣваетъ спеціально-русскую хорошую тоску на сѣверѣ; они поняли чарующую прелесть русскаго юга, того юга, который въ концѣ концовъ подавляетъ роскошью своихъ красокъ и богатствомъ свѣтотѣни. И тамъ и тутъ разливалась спеціально наша русская поэзія, оригинальная, мощная, безграничная и безъ конца родная... Красота вообще — вещь слишкомъ условная, а красота типичная — величина опредѣленная. Сѣверные сумерки и разсвѣты съ ихъ шелковымъ небомъ, молочной мглой и трепетнымъ полуосвѣщеніемъ, сѣверныя бѣлыя ночи, кровавыя зори, когда въ іюнѣ утро съ вечеромъ сходится, — все это было наше родное, отъ чего поетъ и горитъ огнемъ русская душа; бархатныя синія южныя ночи съ золотыми звѣздами, безбрежная даль южной степи, захватывающій просторъ синяго южнаго моря — тоже наше и тоже съ оттѣнкомъ какого-то глубоко неудовлетвореннаго чувства. Блѣдная сѣверная зелень-скороспѣлка, блѣдные сѣверные цвѣтики, контрастирующая траурная окраска вѣчно-зеленаго хвойнаго лѣса съ его молитвенно-строгими готическими линіями, унылая средне-русская равнина съ зарѣ врачующимъ просторомъ, разливы могучихъ рѣкъ, — все это только служило дополненіемъ мо-

гучей южной красоты, горѣвшей тысячью яркихъ живыхъ красокъ-цвѣтовъ, смуглой, кожистой, точно лакированной южной зеленью, кругливнимися кунами южныхъ деревьевъ. Съ какимъ удовольствіемъ я провѣрялъ свои описанія природы по лучшимъ картинамъ, сравнивалъ, исправлялъ и постепенно доходилъ до пониманія этого захватывающаго чувства природы. Мнѣ много помогло еще то, что я съ дѣтства бродилъ съ ружьемъ по степи и въ лѣсу и не одинъ десятокъ ночей провелъ подъ открытымъ небомъ на охотничьихъ привалахъ. Подъ рукой былъ необходимый живой матеріалъ, и я разрабатывалъ его съ упоеніемъ влюбленнаго, радуясь каждому удачному штриху, каждому удачному эпитету или сравненію.

Работа въ газетѣ шла чередомъ. Я уже привыкъ къ ней и относился къ печатнымъ строчкамъ съ гонорарной точки зрѣнія. Во всякомъ случаѣ, работа была интересная и очень полезная, потому что вводила въ кругъ новыхъ знаній и новыхъ людей. Своихъ товарищей-репортеровъ я видалъ очень рѣдко, за исключеніемъ неизмѣннаго Фрея. „Академія“ попрежнему сходилась въ трактирѣ Аганыча или въ портерной. Прихожу разъ утромъ, незадолго до масляницы, съ отчетомъ въ трактиръ.

— Ихъ нѣтъ-съ...—заявилъ Аганычъ, осклабляясь.

— Какъ нѣтъ?

— Точно такъ-съ: были да всѣ вышли-съ. А промежду прочимъ вы ихъ найдете въ портерномъ заведеніи...

Я инстинктивно почувствовалъ, что случилось что-то особенное, если даже Фрей измѣнилъ насиженному мѣсту. Прихожу въ портерную и нахожу всю „академію“ in corpore. Былъ налицо даже Порфиръ Порфирычъ, пропадавшій безслѣдно въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Несмотря на ранній часъ, всѣ были уже пьяны, и даже Фрей покраснѣлъ вмѣстѣ съ шеей. Мое появленіе вызвало настоящую бурю, потому что всѣ были рады подѣлиться съ новымъ человѣкомъ новостью.

— Ау, братику!—крикнулъ Гришукъ, размахивая длинными руками.

— Не въ этомъ дѣло, юноша...—бормоталъ Порфиръ Порфирычъ, ухвативъ меня за руку. — Не въ этомъ дѣло-съ, а впрочемъ, весьма наплевать...

— Что такое случилось, господа?..

Фрей разъяснилъ все одной фразой:

— „Наша Газета“ приказала долго жить... Пріостановка на три мѣсяца. Да...

— Почему? какъ?..

— А мы съ однимъ министерствомъ будировали, ну, насъ и по шапкѣ. Дрянь дѣло, вообще...

Все было ясно „и даже очень просто“, какъ объяснилъ Порфиръ Порфирычъ, причмокивая и притопывая,—онъ былъ спеціально пьянъ по случаю закрытія газеты.

— Охъ, и меръ же я все это время, юноша,—объяснялъ онъ мнѣ, подмигивая.—Вотъ какъ меръ... Даже распухъ съ голоду. Работать не могъ, все болитъ, башка пустая—ложись и помирай. А тутъ хозяйка за квартиру требуетъ, изъ дому выйти не въ чемъ... Не въ этомъ дѣло, юноша! Ибо не подохъ, а живъ, и жива душа моя. Учись, о, юноша, житейской философіи... Напримѣръ, нѣкоторый пьяница не хотѣлъ умирать съ голоду, а посему отправился къ нѣкоторому добродѣтельному гробовщику со слезницей, — „такъ и такъ, выручай“. Ну, гробовщикъ осмотрѣлъ натуру онаго пьяницы и предложилъ ему преломить хлѣбъ, а затѣмъ облекъ въ этакую подлую похоронную хламиду, далъ въ руки черный фонарь и рекъ: „Иди факельщикомъ и полу-

чай мзду, даже до двухъ двугривенныхъ". — „А какъ же вы, милостивецъ, другимъ факельщикамъ даете по полтинѣ?"—„У другихъ натура выше, а съ тебя и сорока копеекъ достаточно". И пьяница шелъ по Невскому съ фонаремъ, скрывая свой срамъ воротникомъ... Это разъ. Второе: тотъ же гробовщикъ пожалѣлъ пьяницу и пристроилъ его въ оперу „народомъ", и пьяница ходилъ по сценѣ съ бумажной трубой, изображалъ ногами морскую бурю, ползалъ черепахой и паки и паки получалъ мзду. Да, юноша, труденъ и тернистъ путь, а отрада обходится дорого... Но не въ этомъ дѣло, ибо истинный мудрецъ смѣется надъ собственными несчастіями, ибо выше ихъ.

Искусственная пьяная бодрость не могла скрыть общаго тяжелаго настроенія. Положеніе во всякомъ случаѣ получалось критическое, потому что впереди предстояли три голодныхъ мѣсяца. Было о чемъ подумать, тѣмъ болѣе, что всѣ жили одной литературной поденщиной. Рабочая машина остановилась на полномъ ходу, и всѣ очутились на улицѣ. Въ другихъ газетахъ мѣста были, конечно, заняты, и нечего было думать устроиться даже въ приблизительной формѣ. Главнымъ страдающимъ лицомъ отъ пріостановки изданія являлись именно мы, мелкая сошка. Главари могли выждать три мѣсяца, а намъ „кусать" было нечего.

— Скверно!—резюмировалъ Фрей общее положеніе дѣлъ, какъ капитанъ сѣвшаго на мель корабля.—Да... Человѣкъ, кружку!..

Не получивъ утромъ газеты, Пепко тоже прилетѣлъ въ „академію", чтобы узнать новость изъ первыхъ рукъ. Онъ былъ вообще въ скверномъ настроеніи духа и выругался за всѣхъ. Всѣ чувствовали, что нужно что-то такое предпринять, что-то устроить, вообще вывернуться. Фрей сердито кусалъ свои усы и нѣсколько разъ ударялъ кулакомъ по столу, точно хотѣлъ вышибить изъ него какую-то упрямую мысль, не дававшуюся добромъ.

— Молодой человѣкъ, вѣдь вамъ къ экзамену нужно готовиться?—обратился онъ ко мнѣ.—Скверно... А вотъ что: у васъ есть богатство. Да... Вы его не знаете, какъ всѣ богатые люди: у васъ прекрасный языкъ. Да... Если бы я могъ такъ писать, то не сидѣлъ бы здѣсь. Языку не выучишься — это даръ Божій... Да. Такъ вотъ-съ, пишете вы какой-то романъ и подохнете съ нимъ вмѣстѣ. Я не говорю, что не пишите, а только надо злобу дня имѣть въ виду. Такъ вотъ что: попробуйте вы написать небольшой разсказецъ.

— Право, я не знаю... Ничего не выйдетъ.

— А вы попробуйте. Этакъ въ листикъ печатный что-нибудь настрочите... Если васъ смущаетъ сюжетъ, такъ возьмите какую-нибудь уголовщину и валяйте. Что-нибудь слышали тамъ, у себя дома. Чтобы этакій couleur locale получился... Есть тутъ такой журналецъ, который платитъ за убійства. Все-таки передышка, пока что...

— Попробую...

— Спасибо послѣ скажете.

Порфиръ Порфирычъ со своей стороны давалъ совѣты Пепкѣ. Общее несчастіе еще тѣснѣе сблизило всѣхъ.

— Есть у меня нѣкоторый содержатель хора пѣвицъ, — разсказывалъ старикъ.—Онъ такой же запойный, какъ и я. Ну, въ одной трущобѣ познакомились... У него такая ужъ зараза: какъ попала вредная рюмочка—все съ себя спуститъ до тла. А человѣкъ талантливый: на музыку кладетъ цыганскіе романсы. Ну и предлагаетъ мнѣ написать романсъ и предлагаетъ по четвертаку за строку... А я двухъ стиховъ не слѣплю, тѣмъ болѣе, что тутъ особенное условіе: нужно, чтобы вездѣ удареніе приходилось на буквы *а*, *о* и *е*. Только и всего. Даже смысла не нужно, а этакое поэтическое... Ну, да

ты пописываешь стишки, такъ понимаешь. Дѣло отмѣнное во всякомъ случаѣ...

Пепко размыслилъ и изъявилъ согласіе познакомиться съ таинственнымъ хормейстеромъ. Онъ и не подозрѣвалъ, что этой работой предвосхищаетъ поэзію послѣдующихъ декадентовъ.

— А, чортъ, все равно!—ворчалъ онъ, сердито ероша волосы.—Будемъ писать *a*, *o* и *c*.

Всѣ наперерывъ строили планы новаго образа жизни и совѣтовали другъ другу что-нибудь. Меньше всего каждый думалъ, кажется, только о самомъ себѣ. Товарищеское великодушіе выразилось въ самой яркой формѣ. Въ портерной стоялъ шумъ и говоръ.

— Ну, а вы что думаете, полковникъ?—приставали къ Фрею.

— Я? А не знаю... Впрочемъ, кажется, придется обратиться къ Спирькѣ.

— Э, да вонъ и самъ онъ, легокъ на поминѣ!

Въ портерную входилъ средняго роста улыбавшійся сѣдой старикъ купеческой складки съ какимъ-то иконописнымъ лицомъ и сизымъ носомъ.

— Про волка промолвка, а волкъ въ хату,—весело заговорилъ купецъ, здороваясь. — Каково прыгаете, отцы? Газетину-то порѣшили... Ну, что же дѣлать, случается и хуже. Услыхалъ я и думаю: надо поминки устроить упокойницѣ... хе-хе!..

— Ужъ пронюхалъ, Спиридонъ Иванычъ, гдѣ жаренымъ пахнетъ!..

— Жареное-то впереди... Къ Агапычу, что ли, отцы?..

Рѣшено было справить тризну у Агапыча. Дорогой, когда мы шли изъ портерной, Спирька взялъ меня подъ руку и проговорилъ:

— Пріятно познакомиться, молодой человѣкъ, а ежели что касаемо, напримѣръ, денегъ... Сколько вамъ нужно?..

Я отказался и даже обидѣлся. Но Пепко разъяснилъ мнѣ на лѣстницѣ:

— Денегъ предлагалъ Спирька? Не безпокойся, не дастъ... Этотъ фокусъ онъ продѣлываетъ съ каждымъ новичкомъ, чтобы пофорсить. Вотъ на части выпивки—другое дѣло. Хоть обливайся... А денегъ не дастъ. Прелестная бестія, а впрочемъ, человѣкъ добрый. Выбился въ люди изъ офеней-книгоношъ, а теперь имѣетъ лавчонку съ книгами, дѣлаетъ изданія для народа и состоитъ при собственномъ капиталѣ. А сейчасъ онъ явился, чтобы воспользоваться пріостановкой газеты и устроить дешевку... Ему нужны какія-нибудь книжонки.

Тризна вышла на славу. Мнѣ еще въ первый разъ приходилось видѣть въ такомъ объемѣ трактирную роскошь. Спирька все время улыбался, похлопывалъ сосѣда по плечу и, когда всѣ подвыпили, устроилъ заразъ нѣсколько дѣлъ.

— Ты мнѣ, полковникъ, оборудуй романъ, да чтобы заглавіе было того, позазвонистѣе, — говорилъ Спирька. — А ужъ насчетъ цѣны будь спокоенъ... Знаешь, я не люблю впередъ цѣну ставить, не видавши товару.

— Ладно, знаю,—сумрачно отвѣчалъ полковникъ.—Опять надуешь...

— Я? надую? Да спроси Порфирыча, сколько онъ отъ меня хлѣба ѣдалъ... Я-то надую?.. Ахъ, ты, братецъ ты мой, полковничекъ... Потомъ еще мнѣ нужно поправить два сонника и „Тайны натуры“. Понимаешь? Работы всѣмъ хватитъ, а ты: надуешь. Я о васъ же хлопочу, отцы... Названіе-то есть для романа?

— Есть: „Тайны Петербурга“.

— Тайны? Ну, оно, пожалуй, начетисто нынче съ тайнами-то: у меня ужъ есть „Тайны Мадрита“, „Тайны Варшавы“... А промежду прочимъ увидимъ... хе-хе...

XI.

Спиридонъ Иванычъ Рѣдкинъ былъ типичнымъ дополненіемъ „академіи“. Онъ являлся въ роли шакала, когда чуялъ легкую добычу, какъ въ данномъ случаѣ. Заказывая романы, повѣсти, сборники и мелкія брошюры, онъ вопросъ о гонорарѣ оставлялъ „впредь до усмотрѣнія“. Когда приносили совсѣмъ готовую рукопись, Спирька чесалъ въ затылкѣ, морщился и говорилъ:

— А вѣдь мнѣ не нужно твоего романа...

— Какъ не нужно? Вѣдь вы же заказывали, Спиридонъ Иванычъ...

— Развѣ заказывалъ? Какъ будто и не упомню... Куды мнѣ съ твоимъ романомъ, когда своего хлама не могу сбыть.

Это было стереотипное вступленіе, а затѣмъ, поломавшись по положенію, Спирька говорилъ:

— Ну, ужъ для тебя только возьму... На затычку уйдетъ.

Подъ рукопись выдавался такой микроскопическій авансъ, что даже самая скромная бактерія навѣрно умерла бы съ голоду. Остальныя деньги слѣдовали „по напечатаніи“ и тоже выдавались аптекарскими дозами, причемъ Спирька любилъ платить натурой, т.-е. предметами первой необходимости, какъ шуба, пальто, сапоги и другія принадлежности костюма, причемъ въ его пользу оставался извѣстный процентъ, по соглашенію съ лавочникомъ. Платить наличными деньгами Спирька терпѣть не могъ и вытягивалъ жилы мелкими подачками. И все-таки въ минуту жизни трудную Спирька являлся для „академіи“ якоремъ спасенія, и всѣ его любили. Вотъ по части угощенія Спирька ничего не жалѣлъ, и его появленіе служило синонимомъ дарового праздника. Спирька систематически спаивалъ всю „академію“.

Меня удивило открытіе, что Фрей пишетъ романы, — я не подозрѣвалъ за нимъ этого таланта.

— Ну, это дѣло особенное,—объяснилъ Пенко:—Фрей знаетъ три языка... Выберетъ что-нибудь изъ бульварной литературы, переставитъ имена на русскій ладъ, сдѣлаетъ кое-гдѣ урѣзки, кое-гдѣ вставки, — и романъ готовъ. За романъ въ десять листовъ онъ получитъ со Спирьки рублей семьдесятъ, а то и всѣ сто. Ничего, можно работать на голодные зубы... Все-таки хоть что-нибудь. Это не то, что мои романсы съ *a*, *o* и *e*. Вотъ подлая вещь... И какъ это въ жизни все происходитъ роковымъ образомъ: приперло человѣка къ стѣнѣ, а тутъ врагъ человѣческаго рода въ лицѣ Порфирыча и подкатится горошкомъ. На, продавай себя въ размѣнъ...

Пенко находился въ ожесточенно-мрачномъ настроеніи еще раньше закрытія „Нашей Газеты“. Онъ угнетенно вздыхалъ, щелкалъ пальцами, крутилъ головой и вообще обнаруживалъ несомнѣнные признаки недовольства собой. Я не спрашивалъ его о причинѣ, потому что начиналъ догадываться безъ его объясненій. Разъ вечеромъ онъ не выдержалъ и всенародно раскаялся въ своихъ прегрѣшеніяхъ.

— Т.-е. такого подлеца, какъ я, кажется, еще и свѣтъ не производилъ!..— объяснялъ Пенко, ударяя себя въ грудь.—Да... Помнишь эту дѣвушку съ испуганными глазами?.. Ахъ, какой я мерзавецъ, какой мерзавецъ... Она теперь въ такомъ положеніи, въ какомъ дѣвушкѣ не полагается быть.

— Что же, дѣло, кажется, очень просто: тебѣ нужно жениться...

— Жениться? А если я ее не люблю?..

— Объ этомъ слѣдовало, кажется, подумать немного раньше.

— Развѣ тутъ думаютъ, несчастный?.. Ахъ, мерзавецъ, мерзавецъ...

Помнишь, я говорилъ тебѣ о роковой пропорціи между количествомъ мужчинъ и женщинъ въ Петербургѣ: предъ тобой жертва этой пропорціи. По логикѣ вещей, конечно, мнѣ слѣдуетъ жениться... Но что изъ этого можетъ произойти? Одно сплошное несчастіе. Сейчасъ несчастіе временное, а тогда несчастіе на всю жизнь... Я возненавижу себя и ее. Все будетъ отравлено...

Пепко ломалъ руки и бѣгалъ по комнатѣ, какъ звѣрь, въ первый разъ попавшійся въ клѣтку. Мнѣ было и досадно за легкомысліе Пепки, и обидно за него, и жаль несчастной дѣвушки съ испуганными глазами.

Пепко волновался цѣлыхъ три дня. Я дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаю, и это еще больше его смущало. Онъ видимо жаждалъ какой-нибудь искупительной жертвы за свое грѣхопаденіе, а жертвы не было. Я увѣренъ, что онъ былъ бы счастливъ, если бы кто-нибудь бранилъ его, оскорблялъ, и особенно, если бы кто-нибудь былъ несправедливъ къ нему. Въ послѣднемъ случаѣ для него являлась бы нѣкоторая лазейка для самозащиты. Но я хранилъ упорное молчаніе, испытывая какое-то болѣзненное чувство,—пусть Пепко мучится молча и пусть онъ чувствуетъ, что до его мученій никому нѣтъ дѣла. Есть вещи, которыя творятся только съ глазу на глазъ.

— А, чортъ...—повторялъ Пепко, шагая изъ угла въ уголъ. — Хоть бы нашелся мерзавецъ, который задушилъ бы меня.

Затѣмъ настроеніе Пепки вдругъ пало. Случилось это утромъ, когда Ѳедосья подала газету. Пепко пробѣжалъ номеръ, бросилъ его на полъ и заговорилъ:

— Какія глупости, ежели разобрать...

— Что разобрать?

— Да все... Вѣдь земля еще вращается на своей оси, солнце еще свѣтитъ, слѣдовательно нѣтъ такого положенія, изъ котораго не было бы выхода. Во-первыхъ, нужно принять во вниманіе время, которое является всеисцѣляющимъ врачомъ и затѣмъ, по итальянской пословицѣ, самымъ справедливымъ человѣкомъ. Да... Затѣмъ я займусь спеціально самосозерцаніемъ по буддійскому методу. Это, братъ, штука... Во мнѣ вселенная и слѣдовательно во мнѣ же вся правда и вся неправда цѣлаго міра; а если это во мнѣ, то я могу быть хозяиномъ того и другого. Въ-третьихъ, т.-е. наконецъ всякое настроеніе можно уравновѣсить внѣшними впечатлѣніями. Это третье является единственнымъ средствомъ, и поэтому...

Пепко поднялъ газету съ полу и прочиталъ:

— „Прощальный бенефисъ дивы... Патти уѣзжаетъ... Идетъ опера „Динора“, знаменитый дуэтъ Патти и Николини“. Какъ ты полагаешь относительно этого?

— Ничего я не полагаю, потому что у насъ нѣтъ ни билетовъ ни денегъ...

— Вздоръ!.. Все это вещи и понятія относительныя. У меня есть [illegible] рубля...

— У меня около этого...

— И отлично. Четыре цѣлковыхъ обезпечиваютъ вполнѣ порядочность... Сегодня же мы будемъ слушать „Динору“, чортъ возьми, или ты наплюй мнѣ въ глаза. Чѣмъ мы хуже другихъ, т.-е. людей, которые могутъ выбрасывать за абонементъ сотни рублей? Да, я буду слушать Патти во что бы то ни стало, хоть бы земной шаръ раскололся на три половины, какъ говорятъ институтки.

Психологія Пепки отличалась необыкновенно быстрыми переходами отъ одного настроенія къ другому, что меня не только поражало, но до извѣстной степени подчиняло. Въ немъ былъ какой-то дремавшій запасъ энергіи, именно

то незамѣнимое качество, когда человѣкъ подъ извѣстнымъ впечатлѣніемъ можетъ сдѣлать что угодно. Конечно, все зависѣло отъ направленія этой энергіи, какъ было и въ данномъ случаѣ.

Вечеромъ мы отправились въ Большой театръ, гдѣ играла итальянская труппа. Билетовъ у насъ не было, но мы шли съ видомъ людей, у которыхъ есть абонементъ. Прежде всего Пепко отправился въ кассу, чтобы получить билетъ,—расчетъ былъ настолько же вѣрный, какъ возвращеніе съ того свѣта.

— А, чортъ...—обратился Пепко.—Идемъ въ пятый ярусъ!

Мы поднялись по безчисленнымъ лѣстницамъ къ знаменитой „коробкѣ“, гдѣ изнывали счастливцы, получившіе билеты цѣной цѣлонощнаго стоянія въ цѣпи у кассы. Пепко довольно развязно обратился къ расшитому капельдинеру.

— Можно-съ...—отвѣтилъ театральный холуй, мѣряя насъ взглядомъ съ ногъ до головы.—Пять рублей съ персоны...

— За что?

— А постоять у двери... Все будетъ слышно.

У насъ было на двоихъ всего четыре рубля, и поэтому предложеніе капельдинера не могло быть осуществимо. Пепко заскрипѣлъ отъ ярости зубами, обругалъ капельдинера, и мы быстро ретировались, во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній.

— А я все-таки буду въ театрѣ, — повторялъ Пепко, спускаясь по лѣстницѣ. — Вѣдь другіе будутъ же слушать. Затѣмъ, два рубля тоже что-нибудь значатъ.

Спустившись, мы остановились у подъѣзда и начали наблюдать, какъ съѣзжается избранная публика, тѣ счастливцы, у которыхъ были билеты. Большинство являлось въ собственныхъ экипажахъ. Изъ каретъ выходили разряженныя дамы, офицеры, привилегированные мужчины. Это былъ совершенно особенный міръ, который мы могли наблюдать только у подъѣзда. У нихъ были свои интересы, свои разговоры, даже свои слова.

— Ахъ, какая красавица...—восхищался Пепко, наблюдая каждую даму.

— Идемъ домой, Пепко...

— Нѣтъ, я долженъ быть тамъ, въ театрѣ...

Мы простояли на подъѣздѣ съ полчаса, и только съ неба могла свалиться возможность попасть въ заколдованный кругъ. И такая возможность пришла въ лицѣ простого мужика въ нагольномъ полушубкѣ.

— Вамъ госпожу Патти желательно посмотрѣть? — заговорилъ мужикъ, обращаясь къ намъ.

— Да...

— Въ лучшемъ видѣ: полтора цѣлковыхъ съ рыла.

— У тебя есть билеты?

— Какіе тамъ билеты... Прямо на сцену проведу. Только уговоръ на берегу, а потомъ за рѣку: мы поднимемся въ пятый ярусъ, къ самой „коробкѣ“... Тамъ, значитъ, есть дверь въ стѣнѣ, я въ нее, а вы за мной. Чтобы, главное дѣло, скапельдинеры не пымали... Ужъ вы надѣйтесь на дядю Петру. Будьте, значитъ, благонадежны. Прямо на сцену проведу и эту самую Патти покажу вамъ, какъ вотъ сейчасъ вы на меня смотрите.

Предложеніе было болѣе чѣмъ соблазнительно, и мы покорно послѣдовали за дядей Петрой опять въ пятый ярусъ.

Второй подъемъ даже для молодыхъ ногъ на такую фатальную высоту труденъ. Но вотъ и роковой пятый ярусъ и тѣ же расшитые капельдинеры. Дядя Петра сдѣлалъ намъ знакъ глазами и, какъ театральное привидѣніе, исчезъ въ стѣнѣ. Мы ринулись за нимъ, согласно уговору, причемъ Пепко

чуть не пострадалъ,—его налету ухватилъ одинъ изъ капельдинеровъ такъ, что чуть не оторвалъ рукавъ.

— А, чортъ... Чуть на языкъ не наступилъ,—ругался Пепко, шагая въ темнотѣ по узкой чердачной лѣстницѣ.

Еще одно мгновеніе, и мы на потолкѣ Большого театра, представлявшемъ собой громадный сарай, размѣромъ съ хорошій манежъ. Посреди изъ широкаго отверстія воронкой шелъ свѣтъ отъ главной люстры. Нѣсколько рабочихъ толпились около этого отверстія, точно сказочные гномы.

— Теперь, братъ, шабашъ!..—заявлялъ торжествовавшій дядя Петра.— Теперь вотъ скапельдинерамъ...

Онъ показалъ рукой символически-обидную фигуру и хрипло захохоталъ. „Скапельдинеры“ были посрамлены, а мы торжествовали.

— Валяй, братцы, за мной,—командовалъ дядя Петра, шагая мимо рабочихъ.—Прямо на колосники предоставлю.

Наше похожденіе принимало фантастическій характеръ, напоминая бѣгство изъ какой-нибудь средневѣковой тюрьмы. Мы шли по потолку, испытывая странное ощущеніе: вотъ сейчасъ подъ нашими ногами три тысячи избраннѣйшей публики, тотъ „весь Петербургъ“, который пользуется всевозможными привилегіями на существованіе, любезно предоставляя остальному Петербургу скорлупки безвѣстнаго существованія. Въ отверстіе спущенной люстры доносился глухой, подавленный гулъ тысячной толпы,—мы точно шли по крышкѣ котла съ начинавшей уже кипѣть водой.

— Сюды!..—кричалъ дядя Петра, скрываясь въ дальнемъ концѣ потолка, гдѣ было совершенно темно.—Надѣйтесь на дядю Петру. Лѣвѣе держи...

Дальнѣйшее путешествіе приняло нѣсколько фантастическій характеръ. Мы очутились на краю какой-то пропасти. Когда глазъ нѣсколько привыкъ къ темнотѣ, можно было различить цѣлый рядъ какихъ-то балокъ и дядю Петру, перелѣзавшаго черезъ нихъ.

— Послушай, куда ты насъ ведешь? Вѣдь этакъ шею можно сломать!

— Держи направо,—слышался голосъ дяди Петра,—самого его уже не было видно.

Мы ползли въ темнотѣ, цѣпляясь за какія-то бревна, доски и выступы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходилось въ буквальномъ смыслѣ ползти на четверенькахъ.

— А, чортъ... Колѣнку ушибъ,—ругался Пепко.

— Забирай лѣвѣе!—командовалъ дядя Петра.

Наконецъ мы увидѣли сцену, т.-е. слабое свѣтлое пятно, которое чуть брезжило на днѣ пропасти. Спуститься въ темнотѣ съ высоты пятаго яруса было дѣломъ не легкимъ и рискованнымъ, но молодость счастлива тѣмъ, что не разсуждаетъ въ такихъ случаяхъ. Черезъ десять минутъ головоломнаго путешествія въ темнотѣ мы наконецъ достигли „колосниковъ“. Это была узкая галлерея, которая проходила надъ сценой сбоку. Кругомъ насъ висѣлъ цѣлый лѣсъ декорацій, деревянные валы, которыми поднимали и опускали эти декораціи, и цѣлая сѣть веревокъ, точно на какомъ-то кораблѣ. Самая сцена была сейчасъ у насъ подъ ногами. Тамъ происходила ужасная суматоха, потому что устанавливали ученицъ и учениковъ театральнаго училища въ красивыя группы.

— Сейчасъ занавѣсъ дадутъ,— объяснялъ дядя Петра.— Вотъ онъ, Адамъ-то Адамычъ бѣгаетъ... сѣденькій... Это нашъ машинистъ. Нѣтъ, братъ, шалишь: „Динора“ эта самая наплевать, а вотъ когда „Царь Кандавлъ“ идетъ, ну, тогда ужъ его воля, Адамъ Адамыча. Въ семь потовъ вгонитъ... Балеты эти проклятущіе, нѣтъ ихъ хуже.

Поднялся занавѣсъ, заигралъ оркестръ, хоръ что-то запѣлъ.

— Вотъ она, Патти, за кулисой сидитъ... платочкомъ закрывается.

Это была она, знаменитая дива... Съ высоты колосниковъ можно было видѣть маленькую женскую фигурку, кутавшуюся въ теплый платокъ. Ея появленіе на сценѣ вызвало настоящую бурю аплодисментовъ. Говорить о томъ, какъ поетъ Патти, — излишне. Особенно хороши были дуэты съ Николини. Увы! нынче ужъ такъ не поютъ...

Мы добились цѣли и прослушали всю оперу. Послѣ спектакля на безчисленные вызовы Патти исполнила знаменитаго „Соловья“ и еще какіе-то номера.

— Теперь валяй за мной на сцену,—командовалъ дядя Петра.

Мы повиновались. Спускъ съ колосниковъ шелъ по винтовой желѣзной лѣстницѣ. Въ залѣ буря не смолкала. Мы шли по сценѣ, прошли къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла дива. Мы остановились въ двухъ шагахъ. Худенькая, смуглая, почти некрасивая женщина очень небольшого роста. Рядомъ съ ея стуломъ стоялъ представительный господинъ во фракѣ.

— Это Патти,—указывалъ дядя Петра на диву:—а это ейный мужъ... По-русски ничего не понимаютъ. А поправѣе-то господинъ Николини...

Изъ-за декоративнаго куста розъ мы съ Пепкой могли любоваться всей зрительной залой. Да, вотъ онъ, этотъ весь Петербургъ, тѣ избранники, которые наслаждаются всѣми благами жизни. Я посмотрѣлъ на Пепку,—у него было самое мрачное выраженіе, губы стиснуты, брови нахмурены. Для меня было ясно, о чемъ онъ думалъ: мы должны завоевать этотъ весь Петербургъ и прорваться въ этотъ кругъ избранниковъ и баловней судьбы. Я почему-то припомнилъ старика-фельдшера, жужжавшаго мухой, бойкаго провизора, нашу „академію“, „Ѳедосьины покровы“, нашихъ новыхъ знакомыхъ дѣвицъ,—все это было такъ мизерно, жалко, ничтожно... Въ душѣ шевельнулось нехорошее завистливое чувство,—это была та ржавчина, которая въѣдается въ молодое сердце...

XII.

Въ виду надвигавшихся экзаменовъ мнѣ приходилось серьезно подумать о средствахъ, чтобы обезпечить себѣ свободныхъ мѣсяца два. Я ухватился за совѣтъ Фрея, хотя при этомъ приходилось вступить въ нѣкоторую сдѣлку съ самимъ собой, даже почти измѣнить себѣ, т.-е. измѣнить роману. Вмѣсто идейной вещи приходилось писать на заказъ, писать изъ-за куска хлѣба. Чтобы успокоить себя до нѣкоторой степени, я закончилъ вторую часть романа и въ этомъ видѣ снесъ рукопись въ редакцію одного „толстаго“ журнала. Нужно сознаться, что я испытывалъ сильное волненіе, отдавая свое дѣтище на нелицепріятный судъ редакціи. Это совершенно особенное чувство: вѣдь ничего дурного нѣтъ въ томъ, что человѣкъ сидитъ и пишетъ романъ, ничего нѣтъ дурного и въ томъ, что онъ можетъ написать неудачную вещь,—отъ неудачъ не гарантированы и опытные писатели,—и все-таки являлось какое-то нехорошее и тяжелое чувство малодушія. Я скрылъ отъ Пепки свой рѣшительный шагъ и мучился въ одиночку. Что-то будетъ?.. Вообще, нѣтъ ничего тяжелѣе и мучительнѣе ожиданія, а тутъ приходилось ждать цѣлый мѣсяцъ,—редакція была завалена рукописями.

„Э, все равно!—храбрился я про себя:— не боги горшки обжигаютъ...“

Сдѣлавъ одинъ рѣшительный шагъ, я сейчасъ же отважился на другой и засѣлъ писать разсказъ по рецепту Фрея.

— Вотъ что, молодой человѣкъ, — совѣтовалъ полковникъ, интересовавшійся моей работой: — я давно болтаюсь около литературы и выработалъ свою мѣрку для каждой новой вещи. Возьмите страницу и сосчитайте, сколько разъ встрѣчаются слова „былъ“ и „который“. Вѣдь въ языкѣ—весь авторъ, а эти два словечка рельефно показываютъ, какой запасъ словъ въ распоряженіи даннаго автора. Языку, конечно, нельзя выучиться, но нужно относиться къ нему съ крайней осторожностью. Нужна строгая школа, то, что у спортсменовъ называется тренировкой.

Воспользовавшись фабулой одного уголовнаго происшествія, я приступилъ къ работѣ. Пенко опять пропадалъ, и я работалъ на свободѣ. Черезъ три дня рукопись была готова, и я ее понесъ въ указанный Фреемъ маленькій еженедѣльный журнальчикъ. Редакція помѣщалась на Невскомъ, въ пятомъ этажѣ. Рукописи принималъ какой-то ветхозавѣтный старецъ, очень подержанный и забитый. Помѣщеніе редакціи тоже было скромное и какое-то унылое.

— Зайдите черезъ недѣльку,—проговорилъ старецъ какимъ-то затхлымъ голосомъ.

Еще ожиданіе... Впрочемъ, терпѣть за-разъ всегда легче, и недѣля прошла быстрѣе, чѣмъ я ожидалъ. Прихожу за отвѣтомъ. Старецъ узналъ меня, пригласилъ сѣсть и сказалъ:

— Иванъ Иванычъ хотѣлъ переговорить съ вами.

Иванъ Иванычъ былъ самъ редакторъ, и у меня екнуло сердце, какъ у рыбака, когда крупная рыба пошевелитъ поплавокъ. Черезъ минуту въ редакцію вошелъ высокій, полный господинъ лѣтъ пятидесяти. Онъ смѣрялъ меня съ ногъ до головы, обратилъ особое вниманіе на мои высокіе сапоги и проговорилъ:

— Это вашъ разсказецъ?

— Да, мой...

— Первая вещь, если не ошибаюсь?

— Да...

— Такъ-съ...

Онъ взялъ со стола рукопись, какъ-то презрительно взвѣсилъ ее на рукѣ и проговорилъ:

— У меня матеріалу, батенька, на три года впередъ... Да. Недавно мнѣ одна барыня принесла повѣстушку... Повѣстушка-то такъ себѣ, а вотъ названіе ядовитое: „Поцѣлуй Іуды“. Какъ это вамъ нравится? Хе-хе... Вотъ такъ барыня!

Взвѣсивъ еще разъ мое произведеніе, онъ проговорилъ устало-равнодушнымъ тономъ:

— Ваша вещица... гм... ничего, уйдетъ *на затычку;* какія ваши условія?

— Право, не знаю... Какъ хотите.

Моя беззащитность видимо тронула принципала, и онъ рѣшилъ:

— Тридцать рублей за печатный листъ...

— Хорошо.

У меня колесомъ вертѣлась въ головѣ роковая фраза „на затычку“; я чувствовалъ, что начинаю краснѣть, и поэтому поспѣшилъ откланяться.

— Послушайте, г. Поповъ, — остановилъ меня редакторъ. — Дѣло къ празднику идетъ, вы, навѣрно, нуждаетесь въ деньгахъ, и я могу вамъ заплатить впередъ... Петръ Васильичъ, подсчитайте.

Ветхозавѣтный старецъ быстро принялся считать строки и буквы моей рукописи, слюнявя пальцы.

— Вы студентъ? Такъ-съ...—занималъ меня Иванъ Иванычъ.—Что же, хорошее дѣло... У меня былъ одинъ товарищъ, вотъ такой же бѣднякъ, какъ и вы, а теперь на своей парѣ сѣрыхъ ѣздитъ. Кто знаетъ, вотъ сейчасъ вы въ высокихъ сапогахъ ходите, а можетъ-быть...

— Тридцать рублей-съ,—прервалъ старецъ готовившееся предсказаніе.—Ровно-съ печатный листъ...

— Выдайте деньги молодому человѣку... Да, такъ своя пара сѣрыхъ, а былъ бѣденъ, какъ Іовъ. Бываетъ...

Получивъ деньги, я выскочилъ изъ редакціи въ какомъ-то чаду. Цѣлыхъ тридцать рублей, первый настоящій литературный гонораръ,—я даже простилъ Ивану Иванычу его „на затычку“. Дѣло происходило за три дня до Пасхи, когда весь Петербургъ охваченъ радостной тревогой. Окна всѣхъ магазиновъ декорированы самыми соблазнительными вещами, публика спѣшитъ съ разными свертками и коробками, въ самомъ воздухѣ чувствуется какая-то радость, обидная для тѣхъ, кто не можетъ принять въ ней участія даже косвеннымъ образомъ. Именно въ такомъ настроеніи я шелъ въ редакцію, а возвращался крезомъ, сжимая въ кулакѣ право на существованіе. Да здравствуетъ милый Иванъ Ивановичъ!.. Много прошло времени съ этого рѣшительнаго момента, черезъ мои руки прошло немало денегъ, но никогда онѣ не были мнѣ такъ дороги, какъ именно эти тридцать рублей. Говорятъ, что первая ласточка не дѣлаетъ весны,—это глубоко несправедливо...

Съ деньгами я отправился прямо въ портерную, гдѣ и сообщилъ „академіи“ о неожиданно свалившемся счастьѣ.

— Удивительно, какъ это разступился Иванъ Иванычъ,—замѣтилъ сдержанно Фрей.—Говоря между нами, онъ порядочная собачья жила... А впрочемъ, хорошо то, что хорошо кончается.

Въ качествѣ счастливчика, которому покровительствовала сама судьба, я долженъ былъ выставить „академіи“ цѣлую дюжину пива. Эта жертва была принята съ благодарностью. Откуда-то явился Порфиръ Порфирычъ, слышавшій верхнимъ чутьемъ, гдѣ пьютъ.

— Alea jacta est,—проговорилъ онъ.—Посвящается рабъ Божій Василій во псаломщика отъ литературы... Дай Богъ нашему теляти волка поймати. А впрочемъ, не въ этомъ дѣло, юноша... Блюди, юноша, духъ правъ и сердце смиренно. Однимъ словомъ—ура!..

Мнѣ сдѣлалось даже совѣстно фигурировать въ роли именинника потому, что другіе сидѣли безъ работы; это было черной точкой на моемъ литературномъ горизонтѣ.

Воспользовавшись нахлынувшимъ богатствомъ, я засѣлъ за свои лекціи и книги. Работа была запущена, и приходилось работать дни и ночи до головокруженія. Пепко тоже работалъ. Онъ написалъ для пробы два романса и тоже получилъ „мзду“, такъ что наши дѣла были въ отличномъ положеніи.

— Продажный поэтъ... — съ горечью каралъ самого себя Пепко. — Да, продажа священнаго вдохновенія по мелочамъ... Э, все равно!..

Въ разгаръ этой работы истекъ наконецъ срокъ моего ожиданія отвѣта „толстой“ редакціи. Отправился я туда съ замирающимъ сердцемъ. До нѣкоторой степени все было поставлено на карту. Въ своемъ родѣ „быть или не быть“... Въ редакціи „толстаго“ журнала происходилъ пріемъ, и мнѣ пришлось имѣть дѣло съ самимъ редакторомъ. Это былъ худенькій подвижной старичокъ съ необыкновенно живыми глазами. Про него ходила нехорошая молва, какъ о человѣкѣ, который держитъ сотрудниковъ въ ежовыхъ рукавицахъ. Но меня онъ принялъ очень любезно.

— Читалъ, читалъ вашъ романъ... да, — заговорилъ онъ, суетливо роняя слова. Трудно сказать что-нибудь сейчасъ... да, трудно. Это только первая половина, а когда кончите, тогда и разсмотримъ окончательно.

— Мнѣ хотѣлось бы знать ваше мнѣніе...

— Мое мнѣніе? У васъ слишкомъ много описаній... Да, слишкомъ много. Это наша русская манера... Пишите сценами, какъ дѣлаютъ французы. Мы должны у нихъ учиться... Да, учиться. И чтобы не было этихъ предварительныхъ вступленій отъ Адама, эпизодическихъ вставокъ, и вообще главное достоинство каждаго произведенія — его краткость. Мы работаемъ для нашего читателя и не имѣемъ права отнимать у него время напрасно.

Меня этотъ полуотвѣтъ мало удовлетворилъ, и я снесъ рукопись въ другой „толстый“ журналъ, пользовавшійся репутаціей необыкновенной солидности. Черезъ двѣ недѣли его редакторъ говорилъ мнѣ:

— Главный недостатокъ вашего романа въ томъ, что слишкомъ много сценъ и мало описаній...

XIII.

— „Выставляется первая рама, и въ комнату шумъ ворвался, — декламировалъ Пепко, выглядывая въ форточку: — и благовѣстъ ближняго храма, и говоръ народа, и стукъ колеса“... Есть! „Вонъ даль голубая видна“, т.-е., въ переводѣ на прозу, заборъ. А вообще — тьфу!.. А я все-таки испытываю нѣкоторое томленіе натуры... Этакое особенное подлое чувство, которое создано только для людей богатыхъ, имѣющихъ возможность переѣхать куда-нибудь въ Павловскъ, чортъ возьми!..

По обыкновенію Пепко бравировалъ, хотя въ дѣйствительности переживалъ тревожное состояніе, нагоняемое наступившей весной. Да, весна наступала, напоминая намъ о далекой родинѣ съ особенной яркостью и поднимая такую хорошую, молодую тоску. „Ѳедосьины покровы“ казались теперь просто отвратительными, и мы искренно ненавидѣли нашу комнату, которая казалась казематомъ. Все казалось немилымъ, а тутъ еще близились экзамены, заставлявшіе просиживать дни и ночи за лекціями.

— Знаешь что? Мы сегодня будемъ дышать свѣжимъ воздухомъ, — заявилъ Пепко разъ вечеромъ съ такимъ видомъ, точно хотѣлъ выстрѣлить. — Да, будемъ дышать, и все тутъ. Судьба насъ загнала въ подлую конуру, а мы на зло ей вотъ какъ надышимся! Всю гигіену выправимъ въ лучшемъ видѣ.

— Куда же мы пойдемъ? Въ Александровскій паркъ?..

— Тоже хватилъ: въ паркъ! Нѣтъ, я на этомъ не помирюсь. Закатимъ прямо на острова... Вообще будемъ вести себя, какъ прилично порядочнымъ молодымъ людямъ. Теперь самое модное мѣсто — pointe на Елагиномъ; ну, туда и отправимся посмотрѣть, какъ будетъ садиться *наше* солнце, ибо сегодня оно будетъ принадлежать намъ по праву захвата и труда. Мы заработаемъ собственными ногами нашъ закатъ... Кстати, у тебя не найдется ли нѣсколько крейцеровъ на конку? Нѣтъ? Ну, наплевать... Я гдѣ-то читалъ въ газетинѣ, что теперь мода совершать прогулки пѣшкомъ; значитъ, будемъ жить по послѣдней модѣ. У меня есть священный пятачокъ, который я сберегу на бутылку квасу... Всѣ порядочные люди пьютъ изысканные напитки, а мы прикинемся славянофилами и будемъ отдуваться квасомъ принципіально. У меня въ каждомъ дѣлѣ принципъ на первомъ мѣстѣ...

Мы отправились по Каменноостровскому проспекту, который по вечерамъ въ концѣ апрѣля имѣетъ какой-то особенно задорный и бойкій видъ.

Мчится цѣлая вереница щегольскихъ экипажей, летятъ кавалькады, гремятъ конки, выбиваются изъ силъ извозчичьи лошади,—все движется, живетъ и торопится жить. Въ самомъ воздухѣ есть что-то бодрое, оживляющее, подающее какую-то смутную надежду. Мы были совершенно счастливы, что могли двигаться вмѣстѣ съ другими, хотя и съ меньшей инерціей. Важна цѣль, а средства для ея достиженія въ данномъ случаѣ имѣли совершенно условное значеніе. Пепко принялъ беззаботный видъ гуляющаго человѣка и шелъ, помахивая дешевенькой тросточкой, пріобрѣтенной въ табачномъ магазинѣ въ минуту безумной роскоши.

— Я дышу, слѣдовательно—я существую,— говорилъ онъ, когда мы шагали по Крестовскому острову.—Ахъ, какъ хорошо, Вася!.. Мы будемъ каждый день дѣлать такую прогулку. Положимъ себѣ за правило...

— Это не предусмотрѣно проспектомъ нашей жизни, Пепко.

— Къ чорту всякіе проспекты! Зачѣмъ добровольно стѣснять собственную свободу, когда и безъ того до усовъ всякой неволи? Я хочу быть вольнымъ, какъ птица...

Въ доказательство этой послѣдней мысли Пепко галантно раскланялся съ двумя шикарными дамами, катившими полулежа въ шикарномъ „ландѣ“. Онѣ даже не повернули головы въ нашу сторону, принявъ насъ, вѣроятно, за оборванцевъ, и быстро исчезли въ облачкѣ пыли, гнавшемся за ними. Пепко глухо расхохотался.

— Впрочемъ, онѣ имѣютъ полное право меня презирать и не отвѣчать на мой поклонъ,—резонировалъ онъ:—гусь свиньѣ не товарищъ... да. Посмотримъ, что онѣ скажутъ, когда я самъ поѣду въ собственномъ ландѣ

— А когда это будетъ?

— Знаешь поговорку: кто не женится до тридцати лѣтъ и кто не наживетъ милліона до сорока лѣтъ, тотъ никогда не женится и никогда ничего не будетъ имѣть.

— Я все-таки не понимаю, для чего тебѣ именно ландо?

— Какъ для чего? А вотъ показать *имъ* всѣмъ, что и я могу ѣздить, какъ они всѣ, и что это ничего не стоитъ. Да... Вотъ я теперь иду пѣшкомъ, а тогда развалюсь такъ же, закурю этакую регалію... „Эхъ, птица тройка! Неситесь, кони“... Впрочемъ, это изъ другой оперы, да и я сейчасъ еще не рѣшилъ, на чемъ остановиться: ландо, открытая коляска или этакого англійскаго чорта купить.

Увы! Пепко такъ и не разрѣшилъ этого мудренаго вопроса. Его кровные рысаки носились въ области юношеской болтливости, а верхъ благополучія совпалъ съ ѣздой на самой обыкновенной извозчичьей клячѣ.

Мы долго любовались красавицей Невой. Какъ она здѣсь хороша, эта чудная рѣка, такая спокойная, могучая и всегда красивая! Водная гладь только кой-гдѣ рябилась, стрѣлой неслись финляндскіе пароходики, чертили воду десятки лодокъ, — однимъ словомъ, жизнь кипѣла. Деревья стояли еще голыя, и только пушились одни ивняки, да кой-гдѣ высыпала ярко-зеленая весенняя травка. Въ воздухѣ чувствовался смолистый горьковатый ароматъ назрѣвшихъ почекъ, особенно когда неизвѣстно откуда точно дохнетъ прямо въ лицо теплый весенній вѣтерокъ.

На poinť'ѣ набралось уже столько публики, что мы не нашли свободнаго мѣста на скамейкахъ. Дорога была загромождена экипажами, и прибывали все новые. Мы очутились въ лучшемъ обществѣ, которое видѣли зимой въ итальянской оперѣ. Да, этотъ богатый, жирующій, пресыщенный Петербургъ былъ здѣсь налицо, рядомъ съ нами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ онъ былъ

неизмѣримо далекъ отъ насъ! „Наше солнце“ уже близилось къ горизонту багровымъ раскаленнымъ шаромъ, точно невидимая рука хотѣла опустить его въ Финскій заливъ, чтобы охладить немного. Раскинувшаяся морская гладь манила и звала, навѣвая пріятную тоску—это былъ, такъ сказать, аппетитъ воли, простора и движенія. Въ крайнемъ случаѣ, получался контрастъ съ нашимъ заборомъ, ревниво заслонявшимъ отъ нашихъ глазъ всѣ перспективы и даже нижнюю часть неба. А какъ красиво летѣли по заливу маленькія яхточки, окрыленныя косыми парусами настоящія птицы... Съ моря потягивало свѣжимъ воздухомъ, гдѣ-то въ камышахъ морская волна тихо сосала иловатый берегъ, на самомъ горизонтѣ тянулись дымки невидимыхъ морскихъ пароходовъ, а еще дальше чуть брезжился Кронштадтъ своими шпицами и колокольнями...

Меня удивило, что Пепко отнесся совершенно безучастно къ закату „нашего солнца“, а занятъ былъ главнымъ образомъ разсмотрѣніемъ пуантовой „зоологіи“. По крѣпко сжатымъ губамъ и нахмуреннымъ бровямъ было видно, что онъ серьезно думалъ о чемъ-то.

— Да, они живутъ... — какъ-то вздохнулъ онъ, точно просыпаясь. — И стоитъ жить, чортъ возьми!.. Жизнь хороша, если брать ее, а не поддаваться ей... И знаешь, для чего стоитъ жить?

— Для истины, добра и красоты!

— Э, вздоръ, старая эстетика! Вотъ для чего стоитъ жить,—проговорилъ онъ, указывая на красивую даму, полулежавшую въ коляскѣ.—Для такой женщины стоитъ жить... Вѣдь это совсѣмъ другая зоологическая разновидность, особенно по сравненію съ тѣми дамами, съ которыми намъ приходится имѣть дѣло. Это особенный міръ, гдѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ кровь и порода. Сравни извозчичью клячу и кровнаго рысака—такъ и тутъ.

— Послушай, Пепко, это довольно забавный юнкерскій аристократизмъ, цѣль котораго—любовь аристократки.

— Нѣтъ, не то... Положимъ, я простой дворняга, но это мнѣ не мѣшаетъ чувствовать красоту вотъ такихъ гордыхъ, холодныхъ и красиво-недоступныхъ патриціанокъ. Вѣдь это высшая форма полового подбора...

— Ты это серьезно?

— Совершенно серьезно... Вѣдь это только кажется, что у нихъ такія же руки и ноги, такіе же глаза и носы, такія же слова и мысли, какъ и у насъ съ тобой. Нѣтъ, я буду жить только для того, чтобы такіе глаза смотрѣли на меня, чтобы такія руки обнимали меня, чтобы такія ножки бѣжали ко мнѣ навстрѣчу. Я не могу всего высказать и могъ бы выразить свое настроеніе только музыкой.

Пепко даже поникъ грустно головой, а потомъ прибавилъ совершенно другимъ тономъ:

— А знаешь, какъ образовалась эта высшая порода людей? Я объ этомъ думалъ, когда смотрѣлъ со сцены итальянскаго театра на „весь Петербургъ“, вызывавшій Патти... Сколько нужно чужихъ слезъ, чтобы вотъ такая патриціанка выѣхала въ собственномъ „ландѣ“, на кровныхъ рысакахъ. Зло, какъ ассигнація, потеряло всякую личную окраску, а является только подкупающе-красивой формой. Да, я знаю все это и ненавижу себя, что меня чаруютъ вотъ эти патриціанки... Я ихъ люблю, хотя и издали. Я люблю себя въ нихъ...

— Вотъ что, Пепко, пойдемъ-ка домой, пока ты окончательно не зарапортовался. Я что-то плохо началъ понимать тебя...

Пепко только вздохнулъ и уныло поплелся за мной. Солнце уже давно закатилось, патриціанки разъѣхались по своимъ палаццо, а на Невѣ замигали

красные огоньки сновавшихъ тамъ и сямъ пароходовъ и яликовъ. Мягкій весенній сумракъ окутывалъ голыя деревья; гдѣ-то шарахнулся сонный грачъ; непріятно-рѣзкій свистъ парохода разрѣзалъ засыпавшій воздухъ, точно ударъ бича. Мы шли долго молча, и я думалъ о томъ, какой странный человѣкъ мой другъ Пепко, это олицетвореніе всевозможныхъ противорѣчій. Послѣднимъ номеромъ въ скалѣ этихъ странностей явился апоѳеозъ патриціанства и стремленіе къ нему. Положимъ, что все это были одни разговоры, но, провѣряя себя, я не могъ скрыть, что Пепко до извѣстной степени правъ. Я думалъ о нашихъ знакомыхъ дамахъ, и это сравненіе было не въ ихъ пользу. Съ другой стороны, меня возмущала откровенность Пепки и я спросилъ, чтобы позлить его:

— Кстати, что твоя любовь?

— Въ какомъ смыслѣ любовь? Въ прямомъ или переносномъ?

— И въ томъ и въ другомъ...

Пепко махнулъ рукой и засмѣялся.

— Это была просто глупость,—проговорилъ онъ.—Вѣрнѣе сказать, фальсификація...

— Однако ты говорилъ, что эта дѣвушка...

— То-есть это она меня увѣряла, а въ дѣйствительности ничего не оказалось. Я поставилъ уже точку...

— Кажется, даже двоеточіе?

— А, чортъ!.. Терпѣть не могу бабъ, которыя прилипаютъ, какъ пластырь. „Ахъ, охъ, я навѣки твоя“... Мнѣ достаточно подмѣтить эту черту, чтобы такая женщина опротивѣла навѣки. Развѣ такихъ женщинъ можно любить? Женщина должна быть горда своей хорошей женской гордостью. У такихъ женщинъ каждую ласку нужно завоевывать и поэтому такихъ только женщинъ и стоитъ любить.

— Да, все это патриціанская философія, а нужно спросить, что чувствуетъ та дѣвушка, которая, можетъ-быть, любитъ тебя...

— Послушай, что ты привязался ко мнѣ? Это, понимаешь, скучно... Ты идеализируешь женщинъ, а я—простой человѣкъ и на вещи смотрю просто. Что такое—любить?.. Если дѣйствительно человѣкъ любитъ, то для любимаго человѣка готовъ пожертвовать всѣмъ и прежде всего своей личностью, то-есть въ данномъ случаѣ во имя любви откажется отъ собственнаго чувства, если оно не получаетъ отвѣта.

— Это софизмъ и очень даже некрасивый софизмъ...

— Отстань!

Въ нашихъ голосахъ послышалось раздраженіе, и мы остальную часть пути сдѣлали молча, позабывъ даже о бутылкѣ квасу, которою долженъ былъ завершиться нашъ пикникъ. Когда мы подходили уже къ своему Симеоніевскому мосту, Пепко неожиданно заявилъ:

— А мы послѣ экзаменовъ переѣзжаемъ на дачу...

— Это очень интересно, но какъ и куда?

— Э, вздоръ!.. Свѣтъ не клиномъ сошелся.

У меня оставалось легкое раздраженіе по отношенію къ Пепкѣ, и поэтому мы опять замолчали. Это же молчаніе мы принесли въ свою конуру, молча раздѣлись и молча улеглись спать.

— Какое прекрасное изобрѣтеніе сонъ, говорилъ Санчо Панчо!—сонным голосомъ бормоталъ Пепко, поворачиваясь лицомъ къ стѣнѣ.

У меня вдругъ мелькнула мысль, которая разогнала охватывавшую дремоту.

— Пепко, ты спишь?

— Мм!.. а?..

— А я не поѣду съ тобой на дачу, потому что это... это замаскированное бѣгство съ твоей стороны. Я отлично понимаю... Ты хочешь скрыться на лѣто отъ этой несчастной дѣвушки и разсчитываешь на время, которое поправитъ все.

Пепко тяжело повернулся на своей кровати и проворчалъ:

— Представь себѣ, милый мой мальчикъ, что ты угадалъ... Покойной ночи, милѣйшій!..

XIV.

Я мечталъ лѣтомъ пробраться въ свои стѣны; это повторялось каждую весну, и каждую весну эта надежда разбивалась о главное препятствіе: не было денегъ на поѣздку. Такимъ образомъ мнѣ пришлось провести два ужасныхъ лѣта въ Петербургѣ, и я утѣшалъ себя только расчетами на третье. Но—увы!—и этой мечтѣ не суждено было сбыться... Какъ разъ передъ послѣднимъ экзаменомъ я получилъ письмо отъ отца, въ которомъ было такъ много хорошихъ совѣтовъ и не было денегъ на поѣздку. Деньги, проклятыя деньги! Онѣ отнимаютъ у насъ даже родное небо, родное солнце, ласки любимыхъ людей,—однимъ словомъ, все хорошее и самое дорогое. Я очень любилъ и уважалъ отца. Это былъ простой и добрый, но строгій человѣкъ, смотрѣвшій на жизнь серьезно. „Перебейся какъ-нибудь лѣто въ Питерѣ,—писалъ онъ:—конечно, это тебѣ покажется скучнымъ, но нужно примириться... Сколько есть людей, которые всю жизнь мечтаютъ попасть въ Петербургъ, чтобы посмотрѣть своими глазами на его чудеса, да такъ и остаются въ своей глуши. Пользуйся случаемъ... Кончишь курсъ, поступишь въ провинцію на службу, и еще неизвѣстно, удастся ли тебѣ въ другой разъ видѣть знаменитую столицу“. Милый старикъ, какъ онъ мило ошибался... Чудеса Петербурга—верхъ наивности. Съ какой радостью я послалъ бы къ чорту эти чудеса, чтобы умчаться туда, на дорогую родину.

— Ну, что пишетъ старикъ?—угрюмо спрашивалъ Пепко, не поднимая головы отъ своихъ лекцій.

— Ничего особеннаго... Кстати, ты какъ-то говорилъ о дачѣ. Если бы...

Пепко поднялъ голову, посмотрѣлъ на меня и проговорилъ съ рѣшительнымъ видомъ:

— Дача должна быть... Вѣдь живутъ же другіе люди на дачахъ, слѣдовательно и мы должны жить.

— Все это—отвлеченныя разсужденія, Пепко.

— Разсужденія? Ты не знаешь простой истины, что человѣку только стоитъ захотѣть, и онъ все можетъ сдѣлать. Рѣшительно все... Вотъ тебѣ примѣръ: человѣка посадятъ въ тюрьму, запрутъ желѣзной дверью, поставятъ къ двери часового. Стѣны толстыя, каменныя, окошко маленькое, съ желѣзной рѣшеткой, полъ каменный,—однимъ словомъ, каменный мѣшокъ. И все-таки люди уходятъ изъ тюрьмы... А почему? Потому что умѣютъ сосредоточить свое вниманіе на одномъ пунктѣ. Сидитъ человѣкъ годъ, два, три и все думаетъ объ одномъ, и уйдетъ въ концѣ концовъ, потому что у него явится такая комбинація, которая не снилась во снѣ ни архитектору, строившему тюрьму, ни бдительному начальству, стерегущему ее, ни одному чорту на свѣтѣ. Кстати, въ этомъ вся психологія творчества,—именно, чтобы умѣть сосредоточить свое вниманіе на одной точкѣ до того, чтобы вызвать живые образы... Да, такъ

это я такъ, à part. А дѣло въ томъ, что если арестанты могутъ убѣгать изъ тюремъ, то сколь проще и естественнѣе найти себѣ дачу и устроиться въ ней, подобно другимъ дачнымъ человѣкамъ. Я сказалъ: дача будетъ, она должна быть...

Милый Пепко, какъ онъ иногда бывалъ остроуменъ, самъ не замѣчая этого. Въ эти моменты какого-то душевнаго просвѣтлѣнія я такъ любилъ его, и мнѣ даже казалось, что онъ очень красивъ, и что женщины должны его любить. Сколько въ немъ захватывающей энергіи, усыпанной блестками неподдѣльнаго остроумія. Во всякомъ случаѣ это былъ незаурядный человѣкъ, хотя и съ большими поправками. Много было лишняго, многаго недоставало, а въ концѣ концовъ все-таки настоящій живой человѣкъ, какихъ немного.

Да здравствуетъ весна, любовь и... и Третье Парголово!.. Недавно я былъ тамъ, почти черезъ двадцать лѣтъ, и не узналъ когда-то знакомыхъ мѣстъ...Со мной вмѣстѣ шли мои сорокъ лѣтъ, и черезъ ихъ дымку я видѣлъ только старыя лица, старыхъ знакомыхъ, давно минувшія событія, сцены, мысли и чувства. Да, я несъ съ собой воспоминанія и чувствовалъ себя пришлецомъ изъ другого міра. И никому-никому не было дѣла до моихъ старческихъ воспоминаній... Я почувствовалъ себя чужимъ, и сорокалѣтнее сердце сжалось отъ тоски, какую нагоняетъ солнечный закатъ. Да, они уже не вернутся, эти молодыя грезы, иллюзіи, надежды, улыбки, взгляды молодыхъ глазъ, беззаботный смѣхъ, молодыя лица... Гдѣ они? Пепко правъ, что жизнь—ужасная вещь, и, бродя по нынѣшнему Третьему Парголову, я больше всего думалъ о немъ, моемъ alter ego, точно и самъ я умеръ, а смѣется, надѣется, думаетъ, любитъ и ненавидитъ кто-то другой... Да, эти другіе уже пришли на смѣну, я видѣлъ ихъ и въ ихъ глазахъ прочиталъ собственный смертный приговоръ. И они правы, потому что жизнь принадлежитъ имъ, хотя и течетъ по руслу, вырытому покойниками. Какая это ужасная мысль, что міръ управляется именно покойниками, которые заставляютъ насъ жить опредѣленнымъ образомъ, оставляютъ намъ свои правила морали, свои стремленія, чувства, мысли и даже покрой платья. Мы безсильны стряхнуть съ себя это иго мертвыхъ... Вонъ, напримѣръ, дачная дѣвушка въ лѣтнемъ свѣтломъ платьѣ; какъ она счастлива своими семнадцатью годами, румянцемъ, блескомъ глазъ, счастлива мыслью, что живетъ только она одна, а другіе существуютъ только такъ, для декораціи; счастлива наконецъ тѣмъ, что ей еще далеко до психологіи старыхъ пней и сломанныхъ бурей деревьевъ. Милыя дѣвушки, вы убѣждены, что вамъ будетъ всегда семнадцать лѣтъ, потому что вы еще не испытали долгихъ-долгихъ безсонныхъ ночей, когда къ безсонному изголовью сходятся призраки прошлаго и когда начинаютъ точить заживо „господа черви“...

Свѣтлый весенній майскій день. Петербургская природа долго и добросовѣстно дѣлала усиліе, чтобы показаться весенней. Въ результатѣ получилась улыбка больного, которому перемѣняютъ лѣкарство, а съ перемѣной даютъ и нѣкоторую надежду. Но эта немного больная петербургская весна была скрашена двадцатью годами, и молодые глаза дополняли недочеты дѣйствительности нѣкоторой игрой воображенія. Съ какимъ рѣшительнымъ видомъ ходилъ Пепко по Финляндскому вокзалу, какъ развязно заглядывалъ онъ на молоденькихъ женщинъ и наконецъ резюмировалъ свое настроеніе:

— Знаешь что, мнѣ такъ хочется жить, что даже совѣстно... Я бы любилъ вотъ всѣхъ этихъ женщинъ, обнялъ бы всѣхъ желѣзнодорожныхъ чухонцевъ и наконецъ выпилъ и съѣлъ бы весь буфетъ перваго класса, то-есть что тамъ можно выпить и съѣсть. Во мнѣ какая-то безумная алчность проглотить за разъ всю огромность жизни...

Я удивляюсь одному, какъ это раньше мнѣ не пришла мысль о дачѣ.

Просидѣть два лѣта въ Петербургѣ, слоняясь по паркамъ и островамъ, когда одна такая поѣздка уже чего стоитъ. Мнѣ нравился и вокзалъ, и суетившаяся на немъ публика, и чистенькіе чухонскіе вагоны. Поѣздъ летитъ, мелькаютъ какіе-то огороды, вправо остается возвышенность Лѣсного, Поклонная гора, покрытая сосновымъ лѣсомъ, а влѣво ровнемъ-гладнемъ стелется къ „синему морю“ проклятое Богомъ чухонское болото. Вотъ и первыя дачи со своимъ убогимъ кокетствомъ, чахлыми садиками и скромнымъ желаніемъ казаться безмятежнымъ пріютомъ легкаго дачнаго счастья. А мнѣ онѣ нравятся, вотъ эти дачи, кое-какъ слѣпленныя изъ барочнаго лѣса и напоминающія собой скворечницы, какъ дачники напоминаютъ скворцовъ, а больше всѣхъ такими скворцами являемся мы съ Пепкой.

— Вотъ и девятая верста,—ворчитъ Пепко, когда мы остановились на Удѣльной.—Милости просимъ, пожалуйте... „Вы на чемъ изволили повихнуться? Ахъ, да, вы испанскій король Фердинандъ, у котораго украли маймисты сивую лошадь. Пожалуйте“... Гм... Всѣ тамъ будемъ, братику, и это только вопросъ времени.

Трагическое настроеніе, накатившее на Пепку, сейчасъ же смѣнилось удивительнымъ легкомысліемъ. Онъ надулъ грудь, пріосанился, закрутилъ усы, которые въ „академіи“ назывались лучистой теплотой, и даже толкнулъ меня локтемъ. По „сумасшедшей“ платформѣ проходила очень красивая и представительная дама, искавшая кого-то глазами. Пепко млѣлъ и изнывалъ при видѣ каждой „рельефной“ дамы, а тутъ съ нимъ сдѣлался чуть не столбнякъ.

— Ахъ, какая красавица!—шепталъ онъ, набирая воздуха.—Я сейчасъ положу къ ея ножкамъ свое многогрѣшное сердце. Не поѣдемъ дальше... Ей-Богу!.. Отправимся въ больницу и заявимъ, что мы дорогой сошли съ ума. Вотъ тебѣ и даровая дача... Вѣдь это одна изъ тѣхъ идей, которыя имѣютъ полное римское право называться счастливыми. Ахъ, какая дама, какая дама... Я, кажется, съѣлъ бы ее вмѣстѣ со шляпкой и зонтикомъ! А мужъ у нея навѣрно этакій дохленькій петербургскій мерзавецъ... Знаешь, есть самый скверный сортъ мерзавцевъ: такіе чистенькіе, приличненькіе, съ тонкимъ ароматцемъ дорогихъ заграничныхъ духовъ, съ перстеньками на ручкѣ. Вотъ у нея такой мужъ... Ахъ, какая женщина!..

Пепко всегда жилъ какими-то взрывами, и мнѣ пришлось серьезно его удерживать, чтобы, чего добраго, дѣйствительно не остался въ Удѣльной.

— Ты—несчастная проза, а я наполняю весь міръ своими тремя буквами: *а*, *о* и *е*!—резюмировалъ Пепко эту сцену.—А на даму и на ея собственнаго мерзавца наплевать... Мы еще не такихъ найдемъ.

Станція Третьяго Парголова имѣла довольно мизерный видъ, какъ и сейчасъ. Мы вышли съ особенной торопливостью, какъ люди, достигшіе цѣли или по меньшей мѣрѣ отчаго дома. Пепко сдѣлалъ предварительную обсерваціо дачнаго мѣста и одобрительно промычалъ. Здѣсь уже высились круглые глинистые холмы съ глубокими промоинами, а по нимъ такъ привѣтливо лѣпились крестьянскія избенки и дачки-скворечницы. Кое-гдѣ зелеными пятнами расплывались рѣдкіе садики. Вообще недурно для перваго раза, а главное, цѣлыхъ сорокъ саженъ надъ уровнемъ „синяго моря“.

— Сіе благопотребно,—рѣшилъ Пепко, шагая по узенькой тропинкѣ, взбиравшейся желтой лентой по дну одной изъ промоинъ.—Возвысимся малую толику...

Тогдашнее Третье Парголово не было такъ безобразно застроено и не заросло такъ садами, какъ нынѣшнее. Тогда былъ у него еще видъ простой деревни, хотя и сильно попорченной дачными постройками самой нелѣпой

архитектуры. Главное, были еще самыя простыя деревенскія избы, напоминавшія деревню. Мы прошли деревню изъ конца въ конецъ и нашли сразу то, о чемъ даже не смѣли мечтать, именно, наняли крошечную избушку на курьихъ ножкахъ за десять рублей за все лѣто. Это была феноменальная дешевизна даже для того времени, и мы торжествовали, не смѣя выдать даже своего торжества предъ хозяиномъ дачи, здоровеннымъ мужикомъ.

— Вотъ тебѣ задатокъ...—заявилъ Пепко, отдавая три рубля съ небрежностью настоящаго барина.

— Покорно благодаримъ, господинъ хорошій.

Собственно наша дача состояла изъ крошечной комнаты съ двумя крошечными оконцами и огромной русской печью. Нечего было и думать о такихъ удобствахъ, какъ кровать, но зато были холодныя сѣни, гдѣ можно было спасаться отъ лѣтнихъ жаровъ. Вообще мы были довольны и лучшаго ничего не желали. Впечатлѣніе испортила только жена хозяина, которая догнала насъ на улицѣ и принялась жаловаться:

— Зачѣмъ вы отдали деньги Алексѣю? Пропьетъ онъ ихъ сегодня же... А у меня двое ребятишекъ... Цѣльное лѣто вѣдь я должна съ ними биться въ хлѣву.

— Ты права, женщина, и вотъ тебѣ въ утѣшеніе еще рупь...

Это была наша первая встрѣча съ типичнымъ дачнымъ мужикомъ.

— У меня такое желаніе, точно взялъ бы да что-нибудь изломалъ,— говорилъ Пепко, когда мы направились въ Шуваловскій паркъ, чтобы провести остатокъ ims Grüne. — А все я... Видишь, какъ важна опредѣленная идея, въ данномъ случаѣ идея дачи. Викторія!.. За четыре мѣсяца мы заплатили бы Ѳедосьѣ сорокъ рублей, а тутъ всего десять. Ничего больше не остается, какъ пропить остальныя деньги. У меня цѣлыхъ десять франковъ... Въ сущности говоря, это до того безумно-огромная сумма, что ее можно привести въ норму только безумнымъ кутежомъ.

— А тебѣ не жаль Ѳедосьи, у которой наша комната останется пустой на все лѣто?

— Что же, мы должны задыхаться для ея удовольствія? Да и эти квартирные первоорганизмы отличаются необыкновенной живучестью, и я подозрѣваю, что они появляются на свѣтъ таинственнымъ самозарожденіемъ, какъ разная плѣсень и прочая дрянь.

Мы направились въ паркъ черезъ Второе Парголово, имѣвшее уже тогда дачный видъ. Тамъ и сямъ красовались настоящія дачи, и мы имѣли удовольствіе любоваться настоящими живыми дачниками, копавшими землю подъ клумбы, что-то тащившими и вообще усиленно приготовлявшимися къ встрѣчѣ настоящаго лѣта. Еще разъ, хорошо жить на бѣломъ свѣтѣ, если не богачамъ, то просто людямъ, которые завтра не рискуютъ умереть съ голода.

— Буржуа, филистеры, вообще сквалыги!—ругался Пепко, почувствовавшій себя радикаломъ благодаря нанятой лачугѣ.—Счастье жизни не въ какой-нибудь дурацкой дачѣ, а въ моемъ *я*, въ моемъ самосознаніи, въ моемъ внутреннемъ мірѣ...

Шуваловскій паркъ привелъ насъ въ нѣмой восторгъ. Настоящія деревья, настоящая трава, настоящая вода, настоящее небо, наконецъ... Мы обошли всѣ аллеи, полюбовались видомъ съ Парнаса, отыскали нѣсколько совсѣмъ глухихъ, нетронутыхъ уголковъ и еще разъ пришли въ восторгъ. Надъ нашими головами ласково и строго шумѣли ели и сосны, мы могли ходить по зеленой травѣ, и невольно являлось то невинное чувство, которое заставляетъ выпущеннаго въ поле теленка брыкаться.

— Мнѣ этотъ паркъ напоминаетъ XVIII вѣкъ,—фантазировалъ Пепко.— Да... Если бы сюда пустить съ полдюжины хотя подержанныхъ маркизовъ да, чортъ возьми, штучекъ десять маркизъ и столько же пастушекъ... Го-го! Тсс!..

Пепко издалъ предупредительное шипѣнье. Изъ боковой аллеи прямо на насъ вывернулась влюбленная парочка. *Она* замѣтно смутилась и задержала ходъ, *онъ* явилъ примѣръ мужества и повелъ свою даму прямо на насъ: счастливые люди смѣлы. Пепко пропустилъ ихъ, оглянулся и проговорилъ:

— Благословляю васъ, mes enfants...

Мы закончили нашъ первый дачный день въ „остеріи“, какъ назвалъ Пепко маленькій ресторанчикъ, пріютившійся совсѣмъ въ лѣсу. Безумный кутежъ состоялъ изъ яичницы съ ветчиной и шести бутылокъ пива. Подавала намъ какая-то очень миловидная дѣвушка въ бѣломъ передникѣ,— она получила двойное названіе — доброй лѣсной феи и ундины. Послѣднее названіе было присвоено ей благодаря недалекому озеру.

— Mademoiselle, позвольте выпить за ваше здоровье!..—галантно предлагалъ Пепко тостъ.

Миловидная дѣвушка только улыбнулась, а съ ней вмѣстѣ улыбнулось и все остальное— и паркъ, и озеро, и даже наша лачуга въ Третьемъ Парголовѣ.

XV.

Переѣздъ на дачу составлялъ дѣло одного дня. Два чемодана, двѣ подушки, два одѣяла, двѣ лампы и гитара. Наши сборы закончились комическимъ эпизодомъ: когда Ѳедосья узнала, что мы ѣдемъ на дачу, то расхохоталась до слезъ.

— Ахъ, Агаѳонъ Павлычъ, Агаѳонъ Павлычъ, перестаньте вы добрыхъ-то людей смѣшить! — повторяла она, хватаясь за бока.—Туда же, на дачу... ха-ха!..

— Да, на дачу, достоуважаемая...

— Курятникъ какой-нибудь наняли?

— А вотъ и не курятникъ... да-съ.

— А небель у васъ гдѣ?... Вы бы ломового наняли, дачники! Ха-ха!..

Дѣло дошло безъ малаго до драки, такъ что я долженъ былъ удерживать Пепку. Онъ впалъ въ бѣшенство и наговорилъ Ѳедосьѣ дерзостей. Та, конечно, не осталась въ долгу и „надерзила“ въ свою очередь.

— Если бы вы не были дамой... да, дамой, такъ я бы показалъ вамъ... да, показалъ!—задыхаясь, повторялъ Пепко.

— Туда же, аника-воинъ, распустилъ перья-то! Знаю я васъ, дачниковъ...

На мою долю выпала самая неблагодарная роль добраго генія, которую я и выполнилъ настолько добросовѣстно, что наконецъ Пепко и Ѳедосья распрощались самымъ трогательнымъ образомъ.

— Пріѣзжайте къ намъ чай пить...—приглашалъ успокоившійся Пепко.— Вотъ и увидите, какія дачи бываютъ.

— И то какъ-нибудь соберусь, Агаѳонъ Павлычъ,—съ изысканной вѣжливостью отвѣчала Ѳедосья.—Конечно, мнѣ обидно, что вамъ моя квартира не угодила... Ужъ, кажется, я ли не старалась! Ну, да Богъ съ вами.

— Пріѣзжайте непремѣнно...

Экзамены были сданы, и мы переѣзжали на дачу съ легкимъ сердцемъ

людей, исполнившихъ свой долгъ. Скромные размѣры нашего движимаго имущества произвели невыгодное впечатлѣніе на нашего новаго хозяина, который видимо усомнился въ нашей принадлежности къ кастѣ господъ. Впрочемъ, онъ успокоился, когда узналъ, что мы „скубенты“. Во всякомъ случаѣ, мы потеряли въ его глазахъ по крайней мѣрѣ процентовъ на двадцать. Другое непріятное открытіе для насъ заключалось въ томъ, что подъ самыми окнами у насъ оказался городовой.

— Вотъ тебѣ и идиллія...—ворчалъ Пепко.—Дача съ городовымъ... О, проклятая цивилизація, ты меня преслѣдуешь даже на лонѣ природы!.. Я жажду невинныхъ и чистыхъ восторговъ, а тутъ вдругъ городовой.

Нанимая дачу, мы совсѣмъ не замѣтили этого блюстителя порядка, а теперь онъ будетъ торчать передъ глазами цѣлые дни. Впрочемъ, городовой оказался очень милымъ малымъ, и Пепко, проходя мимо, раскланивался съ „вѣрнымъ стражемъ отечества“.

Устройство на дачѣ заняло у насъ ровно часъ времени.

— Теперь остается только выработать программу жизни на лѣто,—говорилъ Пепко, когда все кончилось.—Нельзя же безъ программы... Нужно провести опредѣленную идею и рѣшить коренной вопросъ, чему отдать преимущество: тѣлу или духу.

— Не лучше ли безъ программы, Пепко? У насъ уже былъ опытъ...

— Составимъ комиссію, а такъ какъ tres faciunt collegium, то пригласимъ въ предсѣдатели вѣрнаго стража отечества. Онъ несомнѣнно предпочтетъ духъ...

— Это еще вопросъ, Пепко. Сначала отдохнемъ съ недѣльку такъ, а потомъ увидимъ, что и какъ.

Первыя минуты дачной свободы даже стѣсняли насъ. Опредѣленный городской хомутъ остался тамъ, далеко, а сейчасъ нужно было дѣлать что-то новое. Собака, сорвавшаяся съ цѣпи, переживаетъ именно такой нерѣшительный моментъ и нѣкоторое время не довѣряетъ собственной свободѣ.

— Что будемъ дѣлать?—спрашивалъ Пепко, отвѣчая на мой нѣмой вопросъ.—А первымъ дѣломъ отправимся гулять... Всѣ порядочные дачники гуляютъ. Надо и людей посмотрѣть и себя показать, чортъ возьми!..

Когда мы вышли изъ своей „дачи“, насъ встрѣтилъ какой-то длинноносый мужикъ съ бѣлыми волосами.

— Съ пріѣздомъ, господа хорошіе...

— Спасибо.

Мужикъ взмахнулъ волосами, подмигнулъ и довольно нахально заявилъ:

— Не будетъ ли на чаекъ съ вашей милости?

— За что на чаекъ?

— А какъ же, сусѣди будемъ.., Я вотъ тутъ рядомъ сейчасъ живу. У меня третій годъ Иванъ Павлычъ квартируетъ... Вотъ господинъ, такъ господинъ. Ахъ, какой господинъ... Прямо говоритъ: „Васька, можешь ты мнѣ соотвѣтствовать?“ Завсегда могу, Иванъ Павлычъ... Ужъ Васька потрафитъ, Васька все можетъ сруководствовать. Не будетъ ли на чаекъ съ вашей милости?

Я совершенно не понимаю, почему Пепко расщедрился и выдалъ дачному оголтѣлому мужику цѣлый двугривенный. Васька зажалъ монету въ кулакѣ и помчался черезъ дорогу прямо въ кабакъ. Онъ былъ въ одной рубахѣ и портахъ, безъ шапки и сапогъ. Бывшій свидѣтелемъ этой сцены городовой неодобрительно покачалъ только головой и передернулъ плечи. Этотъ двугривенный послужилъ впослѣдствіи источникомъ многихъ непріятностей,

потому что Васька началъ просто одолѣвать насъ. Однимъ словомъ, Пепко допустилъ безтактность.

Наступилъ уже вечеръ, мягкій и теплый. Откуда-то такъ и несло ароматомъ распускавшейся зелени и свѣжей травы. Казавшіяся днемъ пустыми, теперь всѣ дачи оживились. Этому способствовали вернувшіеся изъ города со службы дачные „отцы". На импровизированныхъ террасахъ, въ которыя превращались крыльца деревенскихъ избъ, расположились оживленныя группы. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ являлся самоваръ. Желавшіе насладиться природой en plein air пили чай прямо въ садикахъ. Вся жизнь была на виду, и это придавало дачному кочевью совершенно особенный колоритъ. Долженъ сознаться, что эта мирная картина произвела на меня очень сильное впечатлѣніе. Чѣмъ-то такимъ добродушнымъ, домашнимъ вѣяло отъ этой дачной простоты. Петербургскій чиновникъ превращался въ дачника, т.-е. въ совершенно другое существо, точно онъ вмѣстѣ съ вицмундиромъ снималъ съ себя и петербургскую дѣловитость. На петербургскія дачи вообще много ходитъ совершенно напрасныхъ нареканій. Право, онѣ не такъ ужъ дурны, какъ могутъ показаться на первый разъ. Я говорю спеціально о маленькихъ дачахъ, въ которыхъ находятъ себѣ лѣтній пріютъ небогатые люди. Да, великолѣпіе не особенно велико,—подъ носомъ пыльное шоссе, садики еще всѣ въ будущемъ,—но, право, недурно отдохнуть вотъ именно въ такой дачѣ, особенно у кого есть маленькія дѣти. Тамъ и сямъ свѣтлыми пятнами выдѣлялись платья молоденькихъ дачницъ. Такія же платья гуляли мимо дачъ, и Пепко уже нѣсколько разъ толкнулъ меня локтемъ, отмѣчая этимъ движеніемъ смазливыя личики. Попались двѣ-три совсѣмъ хорошенькихъ.

— Что же, жить еще можно,—говорилъ Пепко, закручивая усъ.—Замѣтилъ блондинку въ барежевомъ платьѣ? Ничего, невредная дѣвица...

Мысль о женщинахъ теперь неотступно преслѣдовала Пепку, являясь его больнымъ мѣстомъ. Мнѣ начинало не нравиться это исключительное направленіе Пепкиныхъ помысловъ, и я не поддерживалъ его восторговъ.

Мы сдѣлали самый подробный обзоръ всего Парголова и имѣли случай видѣть цѣлый рядъ сценъ дачной жизни. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ винтили, на одной дачѣ слышались звуки рояля и доносился пѣвшій женскій голосъ, на самомъ краю составилась партія въ рюхи, при чемъ играли гимназисты, два интендантскихъ чиновника и дьяконъ. У Пепки чесались руки принять участіе въ послѣднемъ невинномъ удовольствіи, но онъ не рѣшился быть навязчивымъ.

— Что же, отлично, — говорилъ Пепко. — А главное, все такъ просто: барышня распѣваетъ чувствительные романсы, папахенъ винтитъ, мутерхенъ пьетъ чай, а дьяконъ играетъ въ рюхи.

Движимые любопытствомъ, мы даже зашли въ мелочную лавочку и купили папиросъ. Пепко познакомился съ лавочникомъ и узналъ, что поетъ дочь какого-то нѣмца-аптекаря.

— Ну, я нѣмокъ не люблю, ваше степенство, хотя и среди нихъ попадаются аппетитные пимандкухены...

Когда мы возвращались домой, Пепко сдѣлалъ непріятное открытіе.

— Отлично было бы теперь чайку напиться, братику, только вотъ самовара у насъ съ тобой нѣтъ... Да и вообще, гдѣ мы будемъ утолять голодъ и жажду?

Вопросъ былъ тѣмъ серьезнѣе, что раньше мы о немъ какъ-то не подумали. Все наше хозяйство заключалось въ гитарѣ.

— Постой, эврика...—думалъ вслухъ Пепко. — Видѣлъ давеча вывѣску:

ресторанъ „Роза“? Очевидно, сама судьба позаботилась о насъ... Идемъ. Я жажду...

Ресторанъ „Роза“ занималъ мѣсто въ самомъ центрѣ. При ресторанѣ былъ недурной садикъ съ отдѣльными деревянными будочками. Даже былъ бильярдъ и порядочная общая зала съ эстрадой. Вообще полное трактирное великолѣпіе, подкрашенное дачной обстановкой. Въ садикѣ пахло акаціями и распускавшимися сиренями.

— Бутылку пива!..—командовалъ Пепко тономъ трактирнаго завсегдатая.

„Человѣкъ“ молча сдѣлалъ налѣво кругомъ и, взмахнувъ салфеткой, удалился. Существованіе этого дачнаго ресторана навело меня на грустныя размышленія. Опять трактиръ и трактирная жизнь... Почему-то мнѣ сдѣлалось грустно. Зато Пепко торжествовалъ. Онъ чувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ. Выпивъ бутылку пива, онъ впалъ въ блаженное состояніе.

— А, право, недурно,—говорилъ Пепко:—и садикъ, и фонарики, и акаціи...

Эти мысли вслухъ были прерваны появленіемъ двухъ особъ. Это были женщины на пути къ подозрѣнію. Онѣ появились точно изъ-подъ земли. Подведенные глаза, увядшія лица, убогая роскошь нарядовъ говорили въ ихъ пользу. Пепко взглянулъ вопросительно на меня и издалъ „неопредѣленный звукъ“, какъ говорится въ излюбленныхъ имъ женскихъ романахъ.

— Що се таке?—спросилъ онъ почему-то на хохлацкомъ жаргонѣ.—Во всякомъ случаѣ это интересно...

Становилось уже темно, и садъ освѣтился разноцвѣтными фонариками. „Особы“ продолжали гулять, не обращая на насъ никакого вниманія. Пепко прошелъ по аллеѣ, чтобы встрѣтиться съ ними—опять никакого вниманія.

— Что онѣ тутъ дѣлаютъ? Что онѣ такое сами по себѣ, наконецъ?.. Меня этотъ женскій вопросъ интересуетъ...

Мы отправились въ залу и тамъ встрѣтили еще нѣсколько такихъ же подозрительныхъ дамъ, разгуливавшихъ парочками. У одного столика сидѣлъ—вѣрнѣе, лежалъ—какой-то подозрительный мужчина. Онъ уронилъ голову на столъ и спалъ въ самой неудобной позѣ.

— Ба! да вѣдь это Карлуша, Карлъ Иванычъ Гаммъ,—изумился Пепко, разводя руками.—Вотъ такъ штука! А это—его хоръ, другими словами—олицетвореніе моихъ кормилицъ буквъ: *а*, *о* и *е*.

Пепко безъ церемоніи растолкалъ спавшаго хормейстера, который съ трудомъ поднялъ отяжелѣвшую голову и долго не могъ прійти въ себя.

— Румочку водки...—проговорилъ онъ наконецъ.

— Что вы тутъ дѣлаете, мейнъ герръ?

— Доннеръ веттеръ, я ничего не дѣлай... Доннеръ веттеръ, всего одна румочка водки, герръ Попъ.

— А сельтерской хотите, Карлъ Иванычъ?

— Швамдрюберъ... Я честный человѣкъ и не хочу зельтеръ.

Видимо Карлъ Иванычъ находился въ послѣднемъ періодѣ жесточайшаго запоя и ничего не могъ понять, кромѣ своей „эйнъ румочки“.

— Милѣйшій нѣмецъ этотъ Карлъ Иванычъ,—объяснилъ Пепко, оставивъ въ покоѣ хормейстера.—Только ужасно пьетъ... И талантливый человѣкъ при этомъ. Хоръ принадлежитъ его женѣ, т.-е. даже не женѣ, а какому-то третьему подставному лицу. Чортъ ихъ разберетъ... Кстати, я еще не слыхалъ, какъ исполняются на сценѣ мои сладкіе звуки. Интересно во всякомъ случаѣ... Однимъ словомъ, сюрпризъ. Вотъ тебѣ и дача и невинныя забавы дѣтства. Я могу про себя воскликнуть словами Карамзина: „Бѣдная Лиза, гдѣ твоя невинность“... Гм... да... вообще... Однимъ словомъ, свинство. Я это уже чувствую...

Проходившая мимо очень хорошенькая хористка подтвердила послѣднюю мысль Пепки своей очаровательной улыбкой.

— Другъ, я погибаю...—трагически прошепталъ Пепко, порываясь итти за ней.—О, ты, которая цвѣтка весенняго свѣжѣй и которой черныхъ глазъ глубина превратила меня въ чернила... „Гафизъ убитъ, а что его сгубило? Дитя, свой черный глазъ бы ты спросила“... Я теперь въ положеніи священной римской имперіи, которая мало-по-малу, не вдругъ, постепенно, шагъ за шагомъ падала, падала и наконецъ совсѣмъ разрушилась. О, моя юность, о, мое неопытное сердце...

Къ моему удивленію, Карлъ Иванычъ не дольше какъ черезъ часъ сидѣлъ за роялемъ и аккомпанировалъ своему хору. Прельстившая Пепку хористка оказалась недурной солисткой. Мы съ Пепкой представляли собой „благородную публику“. Показались въ дверяхъ залы двѣ фуражки съ краснымъ околышемъ и скрылись. Очевидно, дачная публика стѣснялась.

— Браво!—кричалъ Пепко, аплодируя хору.—Да, мы должны поощрять искусство... Человѣкъ, бутылку пива!

Послѣдующія событія нашего перваго дачнаго дня были подернуты дымкой. За нашимъ столикомъ оказались и Карлъ Иванычъ, и очаровательная солистка, и какой-то чахоточный басъ.

— Меня зовутъ Мелюдэ, — рекомендовалась красавица.

Когда я проснулся на слѣдующій день, на полу нашей дачи врастяжку спалъ Карлъ Иванычъ Гаммъ. Пепко спалъ совсѣмъ одѣтый на лавкѣ, подложивъ связку лекцій вмѣсто подушки. Меня охватило какое-то жуткое чувство: и стыдно, и гадко, и хотѣлось убѣжать отъ самого себя.

Черезъ полчаса происходила такая трогательная сцена.

— Эй, ты, погибшее, но милое созданіе!—будилъ Пепко гостя.—Вставай, нѣмецъ...

— Доннеръ веттеръ... румочку...

Когда Карлъ Иванычъ сѣлъ, Пепко подошелъ къ нему, присѣлъ на корточки и проговорилъ:

— Послушай, Карлуша, ты — одна добрая, хорошая, нѣмецкая свинья, а я—просто русская свинья. Вмѣстѣ мы составляемъ свинство.

XVI.

Въ теченіе какой-нибудь недѣли мы совершенно „опредѣлились“, какъ дачники. Мы уже приспособились къ новымъ условіямъ существованія и сдѣлались нераздѣльной, живой, органической частью дачнаго цѣлаго. Когда мы съ Пепкой гуляли, дачныя барышни смотрѣли на насъ съ чувствомъ собственности. „Наши тронулись“, какъ говорилъ Пепко про другихъ дачниковъ. Благодаря нѣкоторымъ вольностямъ дачнаго существованія, мы знали всю подноготную не только нашихъ сосѣдей, но и всѣхъ вообще: кто и гдѣ служитъ, сколько членовъ семьи, какой порядокъ жизни, даже какіе добродѣтели и недостатки. Пепко завелъ послужной списокъ дачныхъ дѣвицъ и выставлялъ имъ баллы въ поведеніи.

— Интересно, что изъ этого выйдетъ къ осени,—соображалъ онъ, дѣлая въ умѣ какія-то таинственныя математическія комбинаціи.—Аптекарской дочери я уже поставилъ четыре въ поведеніи, потому что она на вокзалѣ дѣлала глазки тятенькиному провизору... Не полагается это одной доброй дочери... Вотъ не знаю, какъ быть съ одной жидовочкой... Общая мѣрка не годится, потому что нужно принять во вниманіе темпераментъ, расу и термометръ

Реомюра. Я замѣтилъ, что главное вліяніе на нее оказываетъ температура: при двѣнадцати градусахъ тепла она скромна, при пятнадцати градусахъ являются признаки смутнаго дѣвичьяго безпокойства, при восемнадцати она сама смотритъ на мужчинъ. Интересно, что съ ней будетъ при температурѣ въ тридцать градусовъ? Я сильно опасаюсь, что она въ іюлѣ бросится на шею первому чухонцу... Да, цифра безжалостна.

У насъ быстро сформировались свои дачныя привычки. Я, напримѣръ, любилъ вставать очень рано и отправлялся гулять. Это былъ интересный моментъ. Всѣ дачи еще спали. Исключеніе представляла дачная дѣтвора, которую въ это время кормили и поили мамки, бонны и няньки. Молодое дачное поколѣніе пользовалось въ эти часы неограниченной свободой дѣйствія и костюмовъ. Мамаши еще спали, а малыя дѣти не превращались еще въ жертвы нарядныхъ дѣтскихъ костюмчиковъ. Эта трагическая метаморфоза происходила только часамъ къ двѣнадцати, когда маленькіе мученики и мученицы показывались во всеоружіи бѣлыхъ передниковъ, лѣтнихъ платьицъ и дальнѣйшихъ подробностей, каковыя не полагалось пачкать, мять и рвать.

А какъ хорошо было раннимъ утромъ въ паркѣ, гдѣ такъ и обдавало застоявшимся смолистымъ ароматомъ и ночной свѣжестью. Обыкновенно я по цѣлымъ часамъ бродилъ по аллеямъ совершенно одинъ и на свободѣ обдумывалъ свой безконечный романъ. Я не могъ не удивляться, что дачники самое лучшее время дня просыпали самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Только разъ я встрѣтилъ Карла Иваныча, который наслаждался природой въ одиночествѣ, какъ и я. Онъ находился въ періодѣ выздоровленія и поэтому выглядѣлъ философски-уныло.

— Какъ поживаете, Карлъ Иванычъ?

— А благодаримъ къ вамъ: очень карошо. А гдѣ герръ Ионъ? Безсовѣстельникъ, просыпываетъ лучшую дню...

Я возвращался домой только къ чаю, который устраивала мнѣ старуха, мать Алексѣя. Мы пользовались хозяйскимъ самоваромъ на условіи „сколько положеие“. Пепко спалъ въ сѣняхъ и просыпался только къ десяти часамъ, поэтому мнѣ приходилось наслаждаться одному. Я открывалъ окно и дѣлался свидѣтелемъ все одной и той же сцены. Напротивъ насъ была большая дача, населенная многочисленнымъ нѣмецкимъ семействомъ. Въ этотъ часъ утра, пока еще всѣ спали, родоначальница нѣмецкаго гнѣзда, очень почтенная и красивая старуха, выходила на улицу и садилась на скамью. Она дѣлала это методически, съ нѣмецкой аккуратностью, и цѣлый часъ оставалась неподвижной, какъ статуя, наблюдая закипавшую дачную жизнь. По шоссе катились чухонскія таратайки, мимо дачъ сновали булочники, разносчики, медленно проѣзжалъ отъ дачи къ дачѣ мясникъ, летѣли на всѣхъ парахъ въ мелочную лавочку развязныя дачныя горничныя и кухарки. Однимъ словомъ, дачная жизнь закипала. Вѣроятно, старухѣ-нѣмкѣ былъ прописанъ свѣжій воздухъ, и она дышала самымъ добросовѣстнымъ образомъ опредѣленное количество времени, какъ было предписано. Это скромное занятіе обыкновенно нарушалось появленіемъ дачнаго мужика Васьки. Онъ вывертывался откуда-то изъ-за угла, выходилъ на шоссе, оглядывался и начиналъ монологъ приблизительно въ такой формѣ:

— Дачники... ххе!.. А наплевать, вотъ тебѣ и дачники!.. Выйдетъ какая-нибудь нѣмецкая кикимора, одѣнетъ на себя банты да фанты и сидитъ идоломъ... тьфу!.. Вотъ взялъ бы да своими руками удавилъ... Сидѣла бы въ городѣ, а туда же, на дачи тащится!

Васька принималъ угрожающе-свирѣпый видъ. Вѣроятно, съ похмелья у

него трещала башка. Нужно было куда-нибудь помѣстить накипѣвшую пьяную злость, и Васька начиналъ травить нѣмецкую бабушку. Отставивъ одну ногу впередъ, Васька визгливымъ голосомъ неожиданно выкрикивалъ самое неприличное ругательство, отъ котораго у бѣдной нѣмки встряхивались всѣ бантики на безукоризненно бѣломъ чепцѣ.

— Дачники... Да я васъ всѣхъ распатроню! Зачѣмъ сюда наѣхали? Какія-такія особенныя дѣла?..

Опять ругательство, и опять ленты нѣмецкаго чепца возмущаются. Ваську бѣситъ то, что нѣмка продолжаетъ сидѣть, не то что̀ русская барыня, которая сейчасъ бы убѣжала и даже дверь за собой затворила бы на крючокъ. Васькѣ остается только выдерживать характеръ, и онъ начинаетъ ругаться залпами, не обращаясь ни къ кому, а такъ, въ пространство, какъ ластъ песъ. Крахмальный чепчикъ въ тактъ этихъ залповъ вздрагиваетъ, какъ осиновый листъ, и Ваську это еще больше злитъ.

Я два раза дѣлалъ попытку прекратить это безобразіе, но добился какъ разъ обратныхъ результатовъ. Васька только ждалъ реплики и обрушилъ все негодованіе на меня.

— Вотъ я ужо доберусь до васъ, скубенты... Произведу въ лучшемъ видѣ. Вотъ какъ расчешу... да.

Нашимъ спасителемъ явился городовой, который выходилъ на свой постъ къ восьми часамъ. Завидѣвъ вѣрнаго стража отечества, Васька удиралъ куда-то за уголъ и уже изъ-подъ прикрытія посылалъ по нашему адресу нѣсколько заключительныхъ проклятій. Городовой дѣлалъ видъ, что гонится за нимъ. и настуналъ желанный миръ. Одинъ разъ, впрочемъ, Васька попался, какъ куръ во щи. Ему пришла дикая фантазія забраться на крышу своей избушки и оттуда громить дачниковъ. Городовой воспользовался этимъ обстоятельствомъ и устроилъ форменную осаду при помощи старосты и четырехъ мужиковъ.

— Слѣзай-ка, Вася, будетъ тебѣ баловать, — уговаривалъ городовой.

— А ты кто есть таковъ человѣкъ?—ревѣлъ Васька съ крыши.—Да я изъ тебя лучшу нащеплю... Ну-ка, полѣзай сюда, обалдуй!..

— Въ самомъ дѣлѣ, Васька, слѣзай...—усовѣщевалъ староста, хмурый и важный мужикъ.—Будетъ тебѣ фигуры-то показывать. а то вѣдь мы и того...

— Въ карцъ поведете? — сомнѣвался Васька. — Посидите-ка сами въ карцу... Покорно благодарю.

— Будетъ тебѣ, шалая голова. Сказано—слѣзай...

Начались формальные переговоры, причемъ Васька выговорилъ себѣ свободное отступленіе. Но только онъ слѣзъ съ крыши, какъ непріятель нарушилъ всѣ условія,—и староста и городовой точно впились въ Ваську и нещадно поволокли въ карцъ.

— Это таки не модель!..—оралъ Васька, упираясь.—По какому-такому закону живого человѣка по шеѣ?

Подвиги Васьки вообще нарушали весь мирный строй дачной жизни. Они достигли апогея, когда „закурилъ“ его таинственный жилецъ, какой-то Иванъ Павлычъ. Разъ ночью они вдвоемъ напугали всю улицу. Мы уже ложились съ Пепкой спать, когда послышалось похоронное пѣніе.

Но дачникъ умеръ бы у себя на дачѣ, а пѣніе доносилось съ улицы. Мы одѣлись и попали къ мѣсту дѣйствія одними изъ первыхъ. Прямо на шоссе, въ пыли, лежалъ Васька, скрестивъ по-покойницки руки на груди. Надъ нимъ стоялъ какой-то средняго роста господинъ въ военномъ мундирѣ и хриплымъ басомъ читалъ:

— О бла-жени-номъ ус-пе-ніи вѣч-ный по-кой по-да-а-ждь, Господи...

вновь преставленному рабу Твоему Василію... И сотвори ему вѣ-ѣ-ѣчную па-а-мять!..

— Господинъ, такъ невозможно, — уговаривалъ городовой: — Иванъ Павлычъ, невозможно-съ... Помилуйте, этакое, можно сказать, безобразіе. Васька, вставай... Вотъ я тебя, кудлатаго, какъ начну обихаживать... Иванъ Павлычъ, голубчикъ, терпленья нѣтъ.

—Па-азвольте... азартно отвѣчалъ Иванъ Павлычъ, наступая на городового.— А ежели онъ, Васька, хочетъ принять христіанскую кончину? Невозможно?

— Иванъ Павлычъ, то-есть никакъ невозможно... Васька, вставай!

Произошла цѣлая исторія. Сбѣжались дачники и приняли участіе. Кто-то уговорилъ Ивана Павлыча уйти въ ресторанъ, а Васька попалъ въ руки городового. Онъ защищался отчаянно, пока не обезсилѣлъ.

— Н-на, получай...—хрипѣлъ Васька, отдавая свою особу въ руки правосудія.—Только не подавись, смотри.

— Ты у меня разговаривать, идолъ?

— А ты зачѣмъ по скулѣ?.. Развѣ это порядокъ? Да я тебя...

За вычетомъ этихъ маленькихъ неудобствъ, какъ озорничество дачнаго мужика Васьки, дачная жизнь катилась тихо и мирно. Удобства для наблюденія этой жизни были на каждомъ шагу, и я любилъ бродить около дачъ, особенно въ дальнихъ уголкахъ, какъ деревушки Кабаловка и Заманиловка. Тамъ были такія милыя дачки, прятавшіяся въ лѣсу. И, должно-быть, тамъ жилось хорошо. По крайней мѣрѣ, мнѣ такъ казалось... Я часто встрѣчалъ импровизированныя кавалькады, возвращеніе съ веселыхъ пикниковъ, просто прогулки, и втайнѣ завидовалъ этимъ счастливымъ людямъ, особенно сравнивая свое собственное положеніе. Оставшаяся въ Петербургѣ „академія“ и наши знакомыя швеи здѣсь замѣнились пьяницей-нѣмцемъ и хористками, — обмѣнъ не особенно выгодный. Меня начинала мучить какая-то смутная жажда жизни, и я презиралъ обстановку и людей, среди которыхъ приходилось вращаться. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ это за жизнь и что̀ за люди — стыдно сказать. А время проходитъ, тѣ лучшіе годы, о которыхъ говоритъ поэтъ. Отъ природы я былъ всегда склоненъ къ мечтательности, а здѣсь для этихъ упражненій матеріалъ представлялся кругомъ. Я ставилъ себя въ разныя геройскія положенія, создавалъ цѣлыя сцены и романы и даже удивлялся своей собственной находчивости, остроумію и непобѣдимости. Природная скромность и застѣнчивость смѣнялись противоположными качествами. О, я хотѣлъ жить за всѣхъ, чтобы все испытать и все перечувствовать. Вѣдь такъ мало одной своей жизни, да и та проходитъ чортъ знаетъ какъ. Очень незавидное существованіе бѣдняка-студента, заброшеннаго среди чужихъ людей. Можно было, конечно, познакомиться съ приличнымъ обществомъ, но тутъ являлось неразрѣшимое препятствіе: не было подходящаго костюма, а появиться гдѣ-нибудь въ звѣриномъ образѣ—смѣшно. Оставалось продолжать роль „оригинала“, которая дѣлалась тяжелой именно теперь, когда просто хотѣлось жить, какъ жили всѣ другіе не-оригиналы.

Иногда на меня находило какое-то глухое отчаяніе. Вѣдь вся жизнь такъ пройдетъ, межъ пальцевъ, все только будешь собираться жить и думать, что настоящее гнусное положеніе только пока, такъ, а завтра начнется уже суть жизни. Я зналъ, какъ много людей изживаютъ всю жизнь съ этой дешевенькой философіей и получаютъ счастливыя завтра только тамъ, послѣ смерти. Вѣдь такъ страшно жить наконецъ, да и не сто̀итъ. За этимъ унылымъ настроеніемъ наступала реакція, и я говорилъ себѣ: „Нѣтъ, постойте,

я еще буду жить и добьюсь своего... Всѣ вы, которые сейчасъ наслаждаетесь жизнью въ полную мѣру, будете мнѣ завидовать... Да... да и еще разъ да!“ Основаніемъ для такихъ гордыхъ мыслей служилъ мой романъ: вотъ напишу, и тогда вы узнаете, какой есть человѣкъ Василій Поповъ... Средство было самое вѣрное, а остальное—вопросъ времени. Мое мечтательное настроеніе переходило почти въ галлюцинаціи, до того я видѣлъ себя тѣмъ другимъ человѣкомъ, котораго такъ упорно не хотѣли замѣчать другіе. Наша дачная лачуга и общій складъ существованія заставляли думать объ иной жизни.

Кстати, Пепко началъ пропадать въ „Розѣ“ и часто возвращался подъ хмелькомъ въ обществѣ Карла Иваныча. Нѣмецъ отличался голубиной незлобивостью и никому не мѣшалъ. У него была удивительная черта; музыку онъ писалъ по утрамъ, именно съ похмелья, точно хотѣлъ въ мірѣ звуковъ получать просвѣтлѣніе и очищеніе. Стихи Пепки аранжировались иногда очень удачно, и нѣмецъ говорилъ съ гордостью, ударяя себя кулакомъ въ грудь:

— О, это большой человѣкъ писалъ... Настоящій большой!.. А маленькій человѣкъ—ньянница...

Разъ Пепко вернулся изъ „Розы“ мрачнѣе ночи и улегся спать съ жестикуляціей самоубійцы. Я, по обыкновенію, не разспрашивалъ его, въ чемъ дѣло, потому что утромъ онъ самъ все разскажетъ. Дѣйствительно, на другой день за утреннимъ чаемъ онъ раскрылъ свою душу, продолжая оставаться самоубійцей.

— Поздравляю: къ намъ переѣзжаютъ Вѣрочка и Наденька...

— Куда къ намъ?

— А сюда, въ Парголово... Ты, конечно, будешь радъ, потому что ухаживалъ за этой индюшкой Наденькой. А, чортъ...

— Гдѣ ты ихъ встрѣтилъ?

— Да въ „Розѣ“... Сижу съ нѣмцемъ за столикомъ, пью пиво, и вдругъ вваливается этотъ старый дуракъ, который жужжалъ тогда мухой, а подъ ручку съ нимъ Вѣрочка и Наденька. Однимъ словомъ, семейная радость... „Ахъ, какой сюрпризъ, Агаѳонъ Павлычъ! Какъ мы рады васъ видѣть... А вы совсѣмъ безсовѣстный человѣкъ: даже не пришли проститься передъ отъѣздомъ“. Тьфу!..

— Я не понимаю, чѣмъ онѣ тебѣ мѣшаютъ?—удивился я, хотя и понималъ истинную причину его недовольства: онъ боялся, что появится въ pendant дѣвица Любовь.

— А, чортъ...—ругался Пепко.—Вѣдь пришла же фантазія этимъ дуракамъ нанять дачу именно въ Парголовѣ, точно не стало другихъ мѣстъ. Ужъ именно чортовы куклы!.. Тьфу!..

Пепко волновался цѣлый день и съ горя напился жесточайшимъ образомъ. Его скромное исчезновеніе изъ Петербурга уже не было тайной...

XVII

Я продолжалъ мечтать, пополняя недочеты и прорѣхи дѣйствительности игрой воображенія. Мое настроеніе принимало болѣзненный характеръ, граничившій съ помѣшательствомъ. Мысль о послѣднемъ приходила мнѣ не разъ, и, чтобы провѣрить себя, я сообщалъ свои мечты Пепкѣ. Нужно отдать полную справедливость моему другу, который обладалъ одной изъ величайшихъ добродѣтелей, именно—умѣньемъ слушать.

— Такъ жить нельзя, Пепко, какъ мы живемъ... Это—жалкое прозябаніе, нищета, несчастье. Возьмемъ хоть твой „женскій вопросъ“... Ты такъ легко къ нему относишься, а между тѣмъ здѣсь похоронена цѣлая трагедія.

Въ извѣстномъ возрастѣ мужчина испытываетъ мучительную потребность въ любви и реализуетъ ее въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ самымъ неудачнымъ образомъ. Взять, напримѣръ, хоть тебя...

— Ну, меня-то можно оставить въ покоѣ.

— Нѣтъ, просто, какъ примѣръ. Вѣдь ты любишь женщинъ?

— О!..

— А между тѣмъ это только иллюзія. Разбери свое поведеніе и свои отношенія къ женщинамъ. Ты размѣниваешься на мелкую монету и удовлетворяешься болѣе или менѣе печальными суррогатами, включительно до Мелодэ.

— Я—погибшій развратникъ.

— И этого нѣтъ, потому что и въ порокахъ есть своя обязательная хронологія. Я не хочу сказать, что именно я лучше,—всѣ одинаковы. Но вѣдь это страшно, когда человѣкъ сознательно толкаетъ себя въ пропасть... И чистота чувства, и нетронутость силъ, и весь духовный ансамбль — куда это все уходитъ? Нельзя безнаказанно подвергать природу такому насилію.

— Интересно, продолжай. Изъ тебя вышелъ бы недурной проповѣдникъ для старыхъ дѣвъ...

— Нѣтъ, я не имѣю намѣренія заниматься твоимъ исправленіемъ, а говорю вообще и главнымъ образомъ о себѣ. Ты обратилъ вниманіе на дачу напротивъ, гдѣ живутъ нѣмцы?

— Эге, тихоня... Вотъ оно куда дѣло пошло! Тамъ есть нѣкоторая бѣлокурая Гретхенъ, или Маргарита. Ну что же, желаю успѣха, ибо не завистливъ...

— Я недавно встрѣтилъ эту дѣвушку на вокзалѣ и со стороны полюбовался ею. Какая она вся чистенькая, именно чистенькая, —это сказывается въ каждомъ движеніи, въ каждомъ взглядѣ. Она чистенькой ложится спать, чистенькой встаетъ и чистенькой проводитъ цѣлый день.

— Прибавь къ этому, что она выйдетъ замужъ за самаго прозаическаго Карла Иваныча, который будетъ курить дешевыя сигары, дуть пиво и наплодитъ цѣлую дюжину новыхъ Гретхенъ и Карловъ. Я вообще не люблю нѣмокъ, потому что онѣ по натурѣ—кухарки... Твой выборъ неудаченъ.

— А между тѣмъ ты ошибаешься, и жестоко ошибаешься... Я съ ней познакомился и могу тебя разувѣрить.

— Ты? Познакомился? Однако ты того, вообще порядочный плутъ...

— Совершенно случайно познакомился...

— То-то тебя благочестіе начало заѣдать... Понимаю!.

— Нѣтъ, ты слушай... Я разъ гулялъ вечеромъ. Навстрѣчу идетъ стадо коровъ. Она шла передо мной и страшно перепугалась. Конечно, я воспользовался случаемъ и предложилъ ей руку. Она такъ мило стѣснялась, но страхъ сдѣлалъ свое дѣло...

— Мнѣ это нравится: коровы въ качествѣ добраго генія. Для начала недурно...

— Не перебивай, пожалуйста... Она шла гулять, и мы отправились вмѣстѣ. Она быстро привыкла ко мнѣ и очень мило болтала все время. Представь себѣ, что она давно уже наблюдаетъ насъ и составила представленіе о русскомъ студентѣ, какъ о чемъ-то ужасномъ. Она знаетъ о нашихъ путешествіяхъ въ „Розу“, знаетъ, что пьяный Карлъ Иванычъ спитъ у насъ, знаетъ, что мы большіе неряхи и вообще что не умѣемъ жить.

— Позволь, ей-то какое дѣло до насъ?..

— Дачное право... Потомъ она говорила, что ей насъ бываетъ жаль. Какъ это было мило высказано...

— Воображаю!..

Пенко даже озлился и фукнулъ носомъ, какъ старый котъ, на котораго брызнули холодной водой.

— Потомъ она разсказывала о себѣ, какъ училась въ пансіонѣ, какъ получила конфирмацію, какъ занимается теперь чтеніемъ нѣмецкихъ классиковъ, немножко музыкой (Пенко сморщилъ носъ), любитъ цвѣты, немножко поетъ (Пенко закрылъ ротъ, чтобы не расхохотаться, — поющая нѣмка, это превосходно!), учитъ братишекъ, ухаживаетъ за бабушкой... Однимъ словомъ, это цѣлый міръ, и весь ея день занятъ съ утра до ночи. Представь себѣ, она очень развитая дѣвушка и, главное, такая умненькая... Какъ разъ навстрѣчу попался намъ ея дядя; онъ служитъ гдѣ-то инспекторомъ. Она еще разъ мило смутилась, а нѣмецкій дядя посмотрѣлъ на меня довольно подозрительно.

— Я его какъ-то видѣлъ — самая отвратительная морда.

— Нѣтъ, не морда... Напротивъ, самый добродушный нѣмецъ, хотя немного и поврежденный мыслью о всесокрушающемъ величіи Германіи. Онъ меня пригласилъ къ себѣ, и я... я былъ у нихъ уже два раза. Очень милое семейство... Мы уговорились какъ-нибудь въ воскресенье отправиться въ Юкки.

— Partie de plaisir съ бутербродами? Очень мило... Что же ты молчалъ до сихъ поръ?

— Вольно же тебѣ пропадать въ „Розѣ“...

— Воображаю, какъ ты меня аттестовалъ... Вѣдь это законъ природы, что истинные друзья выстраиваютъ свою репутацію самымъ скромнымъ образомъ на очерненіи своихъ истинныхъ друзей — единственный вѣрный путь. Да, превосходно... Послѣ поѣздки въ Юкки твоя Гретхенъ приметъ православіе, а ты будешь цѣловать руку у этой старой фрау съ бантами... Что же, все въ порядкѣ вещей. Жаль только одного, что ты плохъ по части нѣмецкаго языка. Впрочемъ, это отличный предлогъ — она будетъ давать тебѣ уроки, старая фрау будетъ вязать чулокъ, а ты будешь пожимать маленькія нѣмецкія ручки подъ столомъ...

— Ты угадалъ: я уже беру уроки... Какая она милая, эта Гретхенъ, если бы ты зналъ. И какая веселая... Смѣется, какъ русалка...

— Русалка изъ картофеля?

Дальше я признался, что, дѣйствительно, увлекся этой нѣмочкой, и представилъ цѣлый рядъ доказательствъ, что бракъ есть лотерея, и что самыя безошибочныя впечатлѣнія — тѣ, которыя получаются первыми, а слѣдовательно...

— Поздравляю! — ядовито заявилъ Пенко. — Значитъ, Исаія ликуй...

— Въ томъ-то и дѣло, что есть одно препятствіе... гм... да... У Гретхенъ есть мать, больная женщина..

— У которой тридцать лѣтъ болятъ зубы?

— Нѣтъ, какой-то ревматизмъ... Да, и представь себѣ, эта мать возненавидѣла меня съ перваго раза. Прихожу третьяго-дня на урокъ, у Гретхенъ заплаканные глаза... Что-то такое вообще случилось. Когда бабушка вывернулась изъ комнаты, она мнѣ откровенно разсказала все и даже просила извиненія за родительскую несправедливость. Гм... Знаешь, эта мутерхенъ принесла мнѣ большую пользу, и Гретхенъ такъ горячо жала мнѣ руку на прощанье.

— Ага!.. Одобряю вполнѣ эту нѣмецкую одну добрую мать, которой мѣшаютъ только ревматизмы выгнать тебя въ три шеи. А что же папахенъ?

— Отецъ какой-то странный человѣкъ, ни во что не вступается и держится дома гостемъ... Кажется, дядя имѣетъ больше вліянія. Я подозрѣваю,

что тутъ кроется нѣкоторый конфликтъ, — именно, что бѣдный нѣмчикъ женился на богатой нѣмочкѣ и теперь несетъ добровольное иго.

— Дуракъ нѣмецкій, говоря проще.

— Право же, онъ очень милый человѣкъ, хотя и со странностями.

Свой разсказъ я закончилъ мечтами о будущемъ, напирая главнымъ образомъ на то, что устойчивая нѣмецкая кровь въ слѣдующемъ поколѣніи исправитъ неровности и всполохи русской. Студенчество я брошу, а буду заниматься сотрудничествомъ въ газетахъ, поступлю на службу куда-нибудь въ контору и т. д. У насъ будетъ маленькая своя квартира, цвѣты на окнахъ, рояль, и Пепко будетъ приходить пить чай. Все это я разсказывалъ съ такимъ убѣжденіемъ, что Пепко мнѣ повѣрилъ на добрую половину. Такой опытъ меня поощрялъ къ дальнѣйшимъ фантазіямъ. Черезъ недѣлю я разсказалъ Пепкѣ, что, благодаря происканъ нѣмецкой матери, мой романъ кончился, и что въ довершеніе всего явился какой-то двоюродный братъ — студентъ изъ дерптскихъ буршей. Я ревновалъ, мучился и рѣшился покончить все разомъ. Богъ съ ними, съ нѣмцами...

— А! испугался, что нѣмецкій буршъ тебѣ зеркало души наковыряетъ?— злорадствовалъ Пепко, воспользовавшись случаемъ.

— Нѣтъ, не совсѣмъ такъ... Буршъ глупъ до святости, а дѣло въ томъ... какъ это тебѣ сказать?.. У нихъ бываетъ одна знакомая русская дѣвушка. Знаешь, дачка во Второмъ Парголовѣ съ качелями? Да, такъ я познакомился съ ней и только по сравненіи оцѣнилъ всѣ достоинства нашей собственной, славянской женщины. Однимъ словомъ, я, на повѣрку оказалось, совсѣмъ не любилъ Гретхенъ, а только обманывалъ самого себя. Что можетъ быть лучше русской дѣвушки? Какая жизненная сила, какая дорогая простота! Недаромъ сказалъ какой-то французъ, что будущее цивилизаціи виситъ на губахъ славянской женщины.

Дѣйствительно такая русская дѣвушка существовала, дѣйствительно жила во Второмъ Парголовѣ на дачѣ съ качелями и дѣйствительно произвела на меня сильное впечатлѣніе. Случилось послѣднее утромъ часовъ въ одиннадцать, когда я со своими мечтами возвращался изъ длинной прогулки по парку. Я шелъ задумавшись. Заставилъ меня остановиться и поднять голову чей-то звонкій смѣхъ. Какъ разъ это была дача съ качелями, а на качеляхъ сидѣла *она* въ бѣломъ лѣтнемъ платьѣ, перехваченномъ красной широкой лентой вмѣсто пояса. Ей на видъ было не больше шестнадцати лѣтъ, но она выглядѣла сформировавшейся дѣвушкой. И какое лицо — красивое, свѣжее, полное жизни. Сѣрые большіе глаза смотрѣли съ такой милой серьезностью, на спинѣ трепалась цѣлая волна слегка вившихся русыхъ шелковистыхъ волосъ, концы красной ленты развѣвались по воздуху, широкополая соломенная шляпа валялась на пескѣ... Мнѣ показалось, что незнакомка смотритъ прямо мнѣ въ сердце, и я весь застылъ въ одной позѣ. Дѣвушка сидѣла на качели, ухватившись руками за веревки, причемъ можно было видѣть эти чудныя руки до самаго плеча. Было еще дѣйствующее лицо, горбунъ, который за длинную веревку раскачивалъ хохотавшую шалунью. Мое появленіе точно погасило смѣхъ. Горбунъ оглянулся въ мою сторону и, какъ мнѣ показалось. посмотрѣлъ на меня такими злыми глазами, точно по меньшей мѣрѣ хотѣлъ меня проглотить живьемъ. Я смутился, даже покраснѣлъ и пошелъ своей дорогой, унося въ душѣ чудное видѣнье. Эту живую картину я потомъ реализовалъ въ своихъ мистификаціяхъ Пепкѣ, а по утрамъ нарочно проходилъ мимо дачи съ качелями, чтобы хотя издали полюбоваться чудной дѣвушкой въ бѣломъ платьѣ. По справкамъ оказалось, что она—дочь какого-то

инженера и живетъ съ отцомъ, а горбунъ—дальній родственникъ. Какъ я завидовалъ этому горбуну, который осмѣливался смотрѣть на нее, говорить съ ней, дышать однимъ воздухомъ съ ней!

Въ моихъ разсказахъ теперь приняли самое дѣятельное и живое участіе отецъ-инженеръ, безумно любившій свою красавицу-дочь, и по-сказочному злой горбунъ, оберегавшій это живое сокровище. Отецъ не отличался большимъ характеромъ и баловалъ свою красавицу. Дѣвушка въ бѣломъ платьѣ была и капризна, и эгоистка, и пустовата, какъ всѣ избалованныя дѣти. Она не понимала отца и не могла ему платить той же монетой; и онъ это чувствовалъ, мучился и не могъ передѣлать самого себя. Впереди дѣвушку въ бѣломъ платьѣ ожидала незавидная участь. Я слишкомъ поторопился, предупреждая событія и давая каждый день по новой главѣ. Пепко догадался, но сдѣлалъ видъ, что вѣритъ, какъ раньше, и охотно присоединился къ моимъ фантазіямъ, развивая основную тему. Ему больше всего нравилась психологія горбуна, какъ провѣрка нормальнаго средняго человѣка.

— А знаешь что̀, братику, — проговорилъ Пепко однажды, когда мы импровизировали свою „исторію дѣвушки въ бѣломъ платьѣ“: — вѣдь это и есть то, что̀ называется психологіей творчества. Да, да... Именно умѣть сосредоточить свое вниманіе такъ, чтобы получались живые люди, которыхъ можно видѣть, съ которыми можно разговаривать, какъ съ живыми людьми. Но вопросъ въ томъ, *какъ* сосредоточить вниманіе именно такимъ образомъ? Путь одинъ: *неудовлетворенное чувство*... да. Ты представь себѣ голоднаго человѣка, сильно голоднаго—вѣдь всѣ мысли и чувства у него сосредоточены на ѣдѣ, и онъ лучше всякаго завзятаго гастронома представляетъ цѣлую съѣдобную оперу. Онъ видитъ эти кушанья, ощущаетъ ихъ запахъ, вообще создаетъ... Вотъ гдѣ тайна всякаго творчества. А такъ какъ любовь составляетъ центральный пунктъ въ нашей жизни, то естественно, что только отсюда должно проистекать все остальное. Желаніе желаній, какъ называетъ Шопенгауэръ любовь, заставляетъ поэта писать стихи, музыканта создавать гармоническія звуковыя комбинаціи, живописца писать картину, пѣвца пѣть,— все идетъ отъ этого желанія желаній и все къ нему же возвращается. Возьми литературу, которая существуетъ нѣсколько столѣтій, и вездѣ и все основано именно на этомъ, и такъ же будетъ, когда и насъ съ тобой не будетъ. Однимъ словомъ, я бы издалъ законъ, чтобы поэтамъ, беллетристамъ и вообще художникамъ показывать красивыхъ женщинъ только издали, и тогда наступилъ бы золотой вѣкъ искусства.

— Но вѣдь это жестоко, по меньшей мѣрѣ.

— Нисколько, потому что всѣ эти господа художники жили бы удесятеренной жизнью въ своихъ произведеніяхъ. Да, да... Это вѣрно.

XVIII.

Бѣлыя ночи... Что̀ можетъ быть лучше петербургской бѣлой ночи? Зачѣмъ я лишенъ дара писать стихи, а то я непремѣнно описалъ бы эти ночи въ звучныхъ риѳмахъ. Пепко пишетъ стихи, но у него нѣтъ „чувства природы“. Несчастный предпочитаетъ простое газовое освѣщеніе и увѣряетъ, что только лунатики могутъ восхищаться бѣлыми ночами.

— Прежде всего, луна — предразсудокъ, — увѣряетъ онъ серьезнымъ образомъ.

— Тогда все небо нужно считать предразсудкомъ?

— И все небо предразсудокъ, вѣрнѣе — блестящая ложь. Достаточно

сказать, что свѣтъ отъ ближайшей къ землѣ звѣзды доходитъ до насъ только черезъ восемь тысячъ лѣтъ, а отъ дальнихъ звѣздъ черезъ сотни тысячъ лѣтъ... Значитъ, я вижу не настоящее небо, а только его призракъ. А луну я прямо ненавижу, какъ самую лукавую планетишку, которая и свѣтитъ-то краденымъ свѣтомъ. Поэтому, вѣроятно, и большинство кражъ совершается именно ночью... Вообще ночь располагаетъ къ гнуснымъ поступкамъ, и луна можетъ служить эмблемой воровства. Вотъ солнце — это вполнѣ порядочное свѣтило, которое свѣтитъ своимъ собственнымъ свѣтомъ, и я уважаю его, какъ порядочнаго человѣка. Когда ты будешь дѣлать описанія небеснаго свода, рекомендую тебѣ одно сравненіе, которое, кажется, еще не встрѣчалось въ изящной литературѣ: небо—это голубая шелковая ткань, усыпанная серебряными пятачками, гривенниками, пятиалтынными и двугривенными.

— Можно даже сказать: крейцерами и франками?

— Отчего же не сказать и такъ... Въ такихъ сравненіяхъ самое главное—пріятная неожиданность, чтобы у читателя защекотало въ носу. Ты даже можешь впередъ уплатить мнѣ за вышеприведенное блестящее сравненіе... Напримѣръ, бутылка пива въ „Розѣ“? Это меня поощритъ къ дальнѣйшимъ сравненіямъ.

Пепко былъ неисправимъ, и спорить съ нимъ было безполезно.

А мнѣ такъ нравились эти чудныя бѣлыя ночи. Отъ нихъ вѣяло какой-то сказочно-меланхолической красотой... Въ воздухѣ точно взвѣшена серебристая пыль. Всѣ краски выцвѣтали и покрывались серебристымъ налетомъ, какъ будто весь земной шаръ опустили въ гальванопластическую ванну и высеребрили. Впрочемъ, это дрожавшее и переливавшееся живое серебро, заставлявшее чувствовать притаившіяся подъ нимъ краски, принимало выцвѣтшіе гобеленовскіе тона и нѣжность акварели. Я сравнилъ бы день съ картиной, написанной грубыми масляными красками, а ночь—съ той же картиной, повторенной акварелью. Кажется, это сравненіе принадлежитъ мнѣ, и я не обязанъ поощрять Пепку новой бутылкой пива. Да, хороши бѣлыя ночи... Онѣ нагоняли на меня и тоску, и жажду жизни, и то неопредѣленно-хорошее настроеніе, которое можетъ передать только музыкальный аккордъ. Я не могъ спать въ такую ночь и бродилъ мимо дачъ, гдѣ тоже не спали, любуясь красотою чуднаго освѣщенія. Мнѣ было пріятно сознаніе, что есть еще другіе лунатики и что они смутно переживаютъ то же самое, что̀ носилъ я въ себѣ.

Какъ это иногда случается въ жизни, самыя тонкія ощущенія и самыя изящныя эмоціи помѣщались рядомъ съ грубыми проявленіями человѣческой натуры. Достаточно сказать, что прямо отъ наслажденій бѣлой ночью я попадалъ въ кабакъ, т.-е. въ ресторанъ „Розу“, гдѣ Пепко культивировался довольно прочно. Общество арфистокъ, пьянаго тапера, интенданта Летучаго и К°, — однимъ словомъ, проза въ самой обидной формѣ. Пепко обладалъ удивительной способностью необыкновенно быстро ассимилироваться вездѣ и сдѣлался въ „Розѣ“ своимъ человѣкомъ. Арфистки совѣтовались съ нимъ, повѣряли какія-то тайны; Пепко дошелъ до того, что даже лѣчилъ одну изъ этихъ несчастныхъ созданій.

— Какъ тебѣ не стыдно! — укорялъ я легкомысленнаго друга. — Вѣдь это шарлатанство...

— Во-первыхъ, я не виноватъ, что Мелюдэ такая хорошенькая, а во-вторыхъ, мое шарлатанство отличается отъ докторскаго только тѣмъ, что я не беру за него гонорара...

Мелюдэ—кличка хорошенькой пациентки по хору. Это было очень изящное

и миленькое созданіе, почти красавица, въ стилѣ нѣмецкой Гретхенъ. Изъ живой рамы бѣлокурыхъ волосъ глядѣло такое изящное, тонкое личико, съ красиво очерченнымъ носикомъ, дѣтски-свѣжимъ ротикомъ, съ какой-то особенной граціей каждой линіи и голубыми дѣтскими глазами. Ей было всего восемнадцать лѣтъ, но эти дѣтскіе глаза уже смотрѣли мертвымъ взглядомъ, отражая въ себѣ безсонныя пьяныя ночи, бродяжничество въ качествѣ арфистки по кабакамъ и вообще улицу. Оставалась одна внѣшняя оболочка красивой и свѣжей дѣвушки, прикрывавшая собой полное нравственное паденіе. Я испытывалъ каждый разъ какое-то жуткое чувство, когда Мелюдэ протягивала изящную тонкую ручку и смотрѣла прямо въ лицо немигающими, наивно открытыми глазами,—получалось такое же ощущеніе, какое испытываешь, здороваясь съ тѣми больными, которые еще двигаются на ногахъ, имѣютъ здоровый видъ и про которыхъ знаешь, что они безповоротно приговорены къ смерти. Пепко, кажется, былъ другого мнѣнія и велъ какія-то таинственныя и длинныя бесѣды съ этимъ падшимъ ангеломъ. Разъ и сдѣлался невольнымъ свидѣтелемъ одного трагическаго финала. Пепко тономъ проповѣдника приглашалъ Мелюдэ бросить трактирную жизнь и сдѣлаться порядочной женщиной.

— Вѣдь стоитъ только захотѣть,—повторялъ онъ, дѣлая удареніе на послѣднемъ словѣ.

Она посмотрѣла на него своими дѣтскими глазами и расхохоталась прямо въ лицо. Пепко ужасно сконфузился и почувствовалъ себя мальчишкой, а красивое чудовище продолжало хохотать.

— Ты забылъ только одно, Пепко: всѣ вы, мужчины, подлецы...—говорила Мелюдэ, задыхаясь отъ хохота.—Особенно мнѣ нравятся вотъ такіе проповѣдники, какъ ты. Вѣдь хорошія слова такъ дешево стоятъ...

Пепко со всѣмъ хоромъ былъ на „ты“.

Когда мы возвращались на свою дачу, Пепко встряхивалъ головой, какъ собака, проглотившая муху, что-то мычалъ и наконецъ проговорилъ:

— А вѣдь она права...

— Кто?

— Мелюдэ... Физіологи дѣлаютъ такой опытъ: вырѣзаютъ у голубя одну половину мозга, и голубь начинаетъ кружиться въ одну сторону, пока не подохнетъ. И Мелюдэ тоже кружится... А затѣмъ она очень хорошо сказала относительно подлецовъ: вѣдь въ каждомъ изъ насъ притаился неисправимый подлецъ, котораго мы такъ тщательно скрываемъ всю нашу жизнь,—вѣрнѣе, вся наша жизнь заключается въ этомъ скромномъ занятіи. Изъ вѣжливости я говорю только о мужчинахъ... Впрочемъ, я, кажется, впадаю въ философію, а въ большомъ количествѣ это скучно.

Проживая въ своей избушкѣ самымъ мирнымъ образомъ, мы и не предчувствовали, что стоимъ наканунѣ событій, выражаясь газетнымъ стилемъ. Я уже сказалъ, что наши знакомыя, сестры Глазковы, тоже переселились на лѣто въ наше Третье Парголово. У нихъ была нанята такая же дача, какъ и у насъ, т.-е. простая деревенская изба. Разница была въ величинѣ и въ томъ, что женскія руки сумѣли убрать ее и прикрасить, благодаря дешевенькимъ дачнымъ обоямъ, драпировкамъ изъ дешеваго ситца и цвѣтамъ. Мы встрѣчались съ ними, но прежнее знакомство какъ-то плохо вязалось. Главнымъ препятствіемъ являлась здѣсь невидимо присутствовавшая тѣнь дѣвицы Любочки, о которой Пепко не желалъ вспоминать. Онъ не безъ основанія предполагалъ, что Наденька или Вѣрочка гдѣ-нибудь случайно ее встрѣтятъ и, конечно, не преминутъ открыть его убѣжище. Дѣвицы тоже относились къ

Пепкѣ немного подозрительно и не упускали случая сдѣлать болѣе или менѣе ядовитый намекъ по адресу Любочки. Однимъ словомъ, получалось то, что называется натянутыми отношеніями.

Какъ-то уже вошло въ обычай, что даже капитальныя событія начинаются съ пустяковъ и мелочей. Въ данномъ случаѣ началомъ событія послужила приклеенная къ гостепріимнымъ дверямъ „Розы“ простая бѣлая бумажка, на которой было начертано: „Сего 17 іюня имѣетъ быть данъ инструментально-вокально-музыкально-танцовальный семейный вечеръ съ плату 20 к. на персона. А дитю пускаютъ весма даромъ“. Очевидно, это безграмотное объявленіе было составлено пьянымъ тапёромъ, оказавшимся единственнымъ грамотнымъ человѣкомъ во всемъ хорѣ. Это невинно-безграмотное объявленіе сдѣлало то, что въ первое же воскресенье въ „Розѣ“ появились сестры Глазковы, въ сопровожденіи жужжавшаго мухой толстяка. Пепко питалъ слабость къ хореографіи и танцовалъ съ барышнями до ожесточенія. На объявленіе пришли еще кое-какіе дачники, и дешевенькое веселье оформилось. Набралось человѣкъ двадцать. Вообще время провели недурно, и только подъ конецъ вечера Пепко едва не подрался съ какимъ-то служащимъ на финляндской желѣзной дорогѣ. Собственно, это было лингвистическое недоразумѣніе: Пепко не говорилъ по-шведски, а чухонецъ не желалъ понимать по-русски. Стороны хотѣли разрѣшить это взаимное непониманіе при помощи вѣнскихъ стульевъ и пустыхъ бутылокъ изъ-подъ пива, и, вѣроятно, произошло бы настоящее побоище, если бы въ дѣло не вмѣшалась Мелюдэ, изъ-за которой, собственно, и вышла вся исторія. Она отлично знала трактирную психологію и потушила бурю однимъ движеніемъ: схватила два стакана пива и подала врагамъ, — каждый изъ нихъ имѣлъ полное основаніе думать, что пиво отъ чистаго сердца подано именно ему, а другому только для отвода глазъ. По крайней мѣрѣ, Пепко давалъ впослѣдствіи такое толкованіе въ с[illegible]о пользу.

— Я вообще не понимаю, за что меня такъ любятъ женщины,—хвастался онъ.—А чухонецъ-то въ какихъ дуракахъ остался...

Между прочимъ, Пепко страдалъ особаго рода маніей мужского величія и былъ убѣжденъ, что всѣ женщины безнадежно влюблены въ него. Иногда это проявлялось въ такихъ явныхъ формахъ, что онъ изъ скромности утаивалъ имена. Я плохо вѣрилъ въ эти безкровныя побѣды, но успѣхъ былъ несомнѣнный. Мелюдэ въ этомъ мартирологѣ являлась послѣдней жертвой, хотя впослѣдствіи интендантъ Летучій и увѣрялъ, что видѣлъ собственными глазами, какъ раннимъ утромъ изъ окна комнаты Мелюдэ выпрыгнулъ не кто другой, какъ глупый желѣзнодорожный чухонецъ.

Эти невинныя развлеченія были неожиданно прерваны. Какъ теперь, помню роковое воскресенье, когда мы съ Пепкой отправились въ „Розу“ вечеромъ. Оба находились въ самомъ хорошемъ настроеніи, какъ и слѣдуетъ людямъ, приготовившимся повеселиться. Когда я у кассы бралъ входной билетъ, меня кто-то тронулъ за руку. Оглядываюсь—Наденька Глазкова, которая улыбалась съ какой-то особенной таинственностью. Молчитъ и улыбается съ вызывающимъ кокетствомъ. Я инстинктивно обернулся и встрѣтился лицомъ къ лицу съ высокой, удивительно красивой дѣвушкой, которая тоже смотрѣла на меня чуть-чуть прищуренными глазами и чуть-чуть улыбалась.

— Извините...—пробормоталъ я ни къ селу ни къ городу.

— Шура, позволь тебѣ представить Василія Иваныча,—рекомендовала меня Наденька, продолжая улыбаться...—Онъ сочиняетъ большой романъ... Да.

Лицо Шуры вдругъ приняло серьезное выраженіе, и она почти торжественно протянула мнѣ свою руку. Я еще больше смутился и готовъ былъ

наговорить Наденькѣ дерзостей, потому что она своей рекомендаціей ставила меня въ самое нелѣпое положеніе. Но вмѣсто дерзостей я проговорилъ какимъ-то не своимъ голосомъ:

— Позвольте быть вашимъ кавалеромъ.

Она просто и серьезно подала мнѣ руку, и я торжественно ввелъ въ залу своихъ дамъ. Вся эта немногосложная и ничтожная по содержанію сцена произошла на разстояніи какихъ-нибудь двухъ минутъ, но мнѣ показалось, что это была сама вѣчность, что я уже не я, что всѣ люди превратились въ какихъ-то жалкихъ букашекъ, что общая зала „Розы“ ужасная мерзость, что со мной подъ руку идетъ все прошедшее, настоящее и будущее, что полъ подъ ногами немного колеблется, что пахнетъ какими-то удивительными духами, что ножки Шуры отбиваютъ пульсъ моего собственнаго сердца. Да, такія минуты не повторяются, какъ сама молодость. А Наденька Глазкова заглядывала мнѣ въ лицо и улыбалась. Я, должно-быть, тоже улыбался и, должно-быть, очень глупо улыбался... Но женщины умѣютъ читать между строкъ, и Наденька отлично понимала, что̀ дѣлается у меня на душѣ. О, я готовъ былъ итти вотъ съ этой незнакомой Шурой подъ руку цѣлую жизнь и чувствовалъ, какъ сердце замираетъ въ груди отъ наплыва неизвѣданнаго чувства. Это была она, та первая любовь, которая приходитъ, какъ пожаръ, и не оставляетъ камня на камнѣ. И теперь, черезъ много лѣтъ, въ воображеніи проносятся знакомыя черты чуднаго дѣвичьяго лица, и какая-то запоздалая тоска охватываетъ уставшее сердце. Да, это было чудное лицо, серьезное и наивное, съ большими сѣрыми глазами, съ удивительнымъ цвѣтомъ кожи, съ строгими линіями, съ выраженіемъ какой-то дѣтской довѣрчивости. Темные волнистые волосы были собраны въ одну косу, а на лбу зачесаны гладко, безъ противныхъ кудряжекъ. Одѣта была первая любовь въ черное шелковое платье и въ черную накидку; черная шляпа, черныя перчатки и черный зонтикъ дополняли этотъ костюмъ не по сезону. Именно черный цвѣтъ всего больше шелъ къ ней, и она была такъ хороша, что не нуждалась въ сезонныхъ костюмахъ. Высокій ростъ придавалъ ей видъ королевы, которая только-что сошла съ престола и милостиво вмѣшалась въ толпу обыкновенныхъ людишекъ.

— Меня зовутъ Александра Васильевна,—говорила она, усаживаясь къ нашему столику.

XIX.

Весь вечеръ пронесся въ какомъ-то туманѣ. Я не помню, о чемъ шелъ разговоръ, что̀ я самъ говорилъ,—я даже не замѣтилъ, что Пепко куда-то исчезъ, и былъ очень удивленъ, когда лакей подошелъ и сказалъ, что онъ меня вызываетъ въ буфетъ. Пепко имѣлъ жалкій и таинственный видъ. Онъ стоялъ у буфета съ рюмкой водки въ рукахъ.

— Что̀ такое случилось, Пепко?

— Очень пріятная исторія... сейчасъ ѣду въ Петербургъ и задушу эту гадину Ѳедосью.

Пепко былъ блѣденъ, губы дрожали, и мнѣ показалось, что онъ сошелъ съ ума. При чемъ этотъ трагическій тонъ, рюмка водки, удушеніе Ѳедосьи? Машинально выпивъ рюмку и позабывъ закусить, Пепко отвелъ меня въ сторону и прошепталъ:

— *Она* здѣсь... понимаешь? Захожу давеча въ садъ, чтобы увидѣть Мелюдэ, а тамъ на скамеечкѣ сидитъ *она*.

— Да кто *она*?

— Ахъ, какой ты... ну, она, Любочка. Сейчасъ меня за рукавъ, слезы, упреки,—однимъ словомъ, полный репертуаръ. И вотъ все время мучила... Это ее проклятая Ѳедосья подвела, т.-е. сказала мой адресъ. Я съ ней разсчитаюсь...

— Да вѣдь Любочка могла достать нашъ адресъ и помимо Ѳедосьи?

— Нѣтъ, ужъ я это знаю... оставь. Теперь одно спасенье—бѣжать. Всѣ великіе люди въ подобныхъ случаяхъ такъ дѣлали... Только дѣло въ томъ, что и для трагедіи нужны деньги, а у меня кромѣ нѣсколькихъ крейцеровъ и кредита въ буфетѣ ничего нѣтъ.

Я съ своей стороны могъ бы прибавить, что и для любви тоже нужны деньги, но трагедія пересилила, и половина моихъ крейцеровъ перешла къ Пепкѣ. Онъ какъ-то особенно конфузливо взялъ деньги и проговорилъ:

— Я знаю, что ты будешь меня презирать... Я самъ презираю себя. Да... Прощай. Если *она* придетъ къ намъ на дачу, скажи, что я утонулъ. Во всякомъ случаѣ, я совсѣмъ не гожусь на амплуа бѣлошвейнаго предмета... Ты только вникни: предметъ... тьфу!

Признаться сказать, я совершенно безучастно отнесся къ трагическому положенію пріятеля и мысленно соображалъ, хватитъ ли моихъ крейцеровъ, въ случаѣ, если Александра Васильевна захочетъ поужинать. Никогда еще я такъ не презиралъ свою бѣдность... Какихъ-нибудь десять рублей могли меня сдѣлать счастливымъ, потому что нельзя же было угощать богиню пивомъ и бутербродами.

— Прощай, Вася!

— Прощай, Пепко!

Я сейчасъ же забылъ о Пепкиной трагедіи и вспомнилъ о ней только въ антрактѣ, когда гулялъ подъ руку съ Александрой Васильевной въ трактирномъ садикѣ. Любочка сидѣла на скамейкѣ и ждала... Я узналъ ее, но по малодушію сдѣлалъ видъ, что не узнаю, и прошелъ мимо. Это было безцѣльно-глупо, и потомъ мнѣ было совѣстно. Бѣдная дѣвушка, вѣроятно, страдала, ожидая возвращенія коварнаго „предмета“. Александра Васильевна крѣпко опиралась на мою руку и въ короткихъ словахъ разсказала свою біографію.

— Мама живетъ на Пескахъ... Она получаетъ небольшую пенсію. Раньше я работала на магазинъ... Когда будете въ Петербургѣ, непремѣнно заверните къ намъ. Слышите: непремѣнно...

Эта просьба походила на то, если бы начали упрашивать землю вращаться около своей оси, и я великодушно обѣщалъ быть на Пескахъ непремѣнно. Потомъ мнѣ удалось сказать что-то остроумное, и Александра Васильевна тихо засмѣялась. Она удивительно хорошо смѣялась и дѣлалась еще красивѣе. Этотъ смѣхъ меня ободрилъ, и я уже начиналъ придумывать смѣшное, а дѣвушка опять смѣялась, смѣялась больше потому, что стояла такая дивная бѣлая ночь, что ей, дѣвушкѣ, было всего восемнадцать лѣтъ, что кавалеръ дѣлалъ героическія усилія быть остроумнымъ, что вообще при такихъ обстоятельствахъ ничего не остается, какъ только смѣяться.

Вечеръ промелькнулъ съ какой-то сумасшедшей быстротой. Былъ одинъ трагическій моментъ, когда я предложилъ Александрѣ Васильевнѣ поужинать въ одной изъ садовыхъ бесѣдокъ,— я даже теперь, черезъ двадцать лѣтъ, не могу себѣ представить, чѣмъ бы я могъ заплатить за эту безумную роскошь. Но вѣдь моя богиня хотѣла ѣсть, и я замѣтилъ, что она съ жадностью посмотрѣла на сосѣдній столикъ, гдѣ были поданы цыплята. Меня выручила Наденька Глазкова.

— Нѣтъ, мы не будемъ ужинать въ ресторанѣ, — заявила она съ рѣшительнымъ видомъ:—и подадутъ грязно, и масло прогорклое... Вообще здѣсь не стоитъ ужинать, и мы это устроимъ лучше у насъ дома. Не правда ли, Шура?

Отвѣтомъ былъ голодный взглядъ, обращенный на сосѣдняго цыпленка. Бѣдная богиня очень хотѣла кушать... А я готовъ былъ расцѣловать мою спасительницу Наденьку. Вообще это была замѣчательно милая дѣвушка, которая въ теченіе цѣлаго вечера упорно жертвовала собой,— больше того, она старалась оставаться незамѣтной, на что рѣшатся очень немногія женщины. Я питалъ къ ней благодарное чувство, которое было испорчено только однимъ эпизодомъ. Ресторанъ закрывался, и намъ слѣдовало уходить. Я вспомнилъ про несчастную Любочку, скитавшуюся скорбной тѣнью въ саду, и сообщилъ объ этомъ Наденькѣ.

— Я ее видѣла... —равнодушно отвѣтила дѣвушка.

— Видѣли? Вы съ ней здоровались?

— Нѣтъ...

Меня больше всего поразилъ самый тонъ, которымъ Наденька говорила. А, вѣроятно, Любочка страшно наскучалась и хочетъ тоже ѣсть... Отчего бы ее не пригласить поужинать вмѣстѣ съ нами?

Наденька отвѣтила на мой нѣмой вопросъ одной фразой.

— Она можетъ уѣхать съ послѣднимъ поѣздомъ... Я вообще не понимаю, зачѣмъ она притащилась сюда и зачѣмъ прячется въ саду. Вообще глупо...

Это была спеціально женская жестокость, которая въ то время меня очень удивляла, а въ данномъ случаѣ какъ-то уже совсѣмъ не вязалась съ проявленными въ теченіе вечера Наденькой благородными качествами души и сердца.

Половина разноцвѣтныхъ фонариковъ въ саду погасла сама, другую половину гасилъ сторожъ. Въ залѣ было уже совсѣмъ темно. Меня охватило какое-то жуткое чувство, точно что̀ оборвалось въ груди.

— Я имѣю дурную привычку крѣпко опираться на руку своего кавалера,—объяснила Александра Васильевна, когда мы выходили изъ „Розы“.

— О, пожалуйста...

Наденька опять впала въ самопожертвенное настроеніе, отказалась отъ моей другой руки и быстро пошла впередъ одна, оставивъ насъ tête-à-tête. Впрочемъ, этотъ невинный маневръ имѣлъ и свое спеціальное значеніе— именно, дѣвушка, вѣроятно, хотѣла предупредить относительно ужина свою одну добрую мать безъ словъ. Когда я остался одинъ съ Александрой Васильевной, первое чувство, которое неожиданно охватило меня, былъ страхъ, страхъ за собственное ничтожество, осмѣлившееся служить опорой совершенству. Въ довершеніе всего меня совершенно оставило остроумное настроеніе, и я рѣшительно не могъ ничего придумать, чѣмъ занять даму. Впрочемъ, она шагала такой усталой походкой, что не спасло бы никакое остроуміе. Мы дошли до мѣста почти молча, и Александра Васильевна только изъ вѣжливости удерживала голодную зѣвоту. Эта маленькая неудача служила только введеніемъ къ слѣдующей: одна добрая мать безъ словъ встрѣтила насъ такъ сурово, что мысль о домашнемъ ужинѣ могла показаться чуть не святотатствомъ. По лицу Наденьки я замѣтилъ, что у нея только-что вышло бурное объясненіе съ матерью, и она даже готова заплакать. Я удивился, гдѣ эта милая дѣвушка взяла силы сказать мнѣ:

— Вы, конечно, Василій Иванычъ, останетесь поужинать съ нами...

Милая Наденька жертвовала собой еще разъ, и можно себѣ представить ея положеніе, если бы я взялъ да и остался. Но я этого, конечно, не сдѣлалъ и началъ прощаться. Наденька понимала, какъ мнѣ больно уходить въ свою нору, и съ особой выразительностью пожала мнѣ руку.

—Приходите завтра!—крикнула она мнѣ вслѣдъ.—Я Шуру не отпущу...

Это было наградой за мою проницательность,—женщины ничего такъ не цѣнятъ, какъ это пониманіе безъ словъ.

Я возвращался домой въ какомъ-то чаду, напрасно стараясь связать въ одно цѣлое впечатлѣнія этого рокового вечера. Прежде всего, я ужасно досадовалъ на свою ненаходчивость при возвращеніи изъ „Розы“. А между тѣмъ какъ мнѣ много хотѣлось сказать Шурѣ, мучительно хотѣлось. И все какія хорошія вещи... О, только она одна въ цѣломъ мірѣ могла понять меня, а я шелъ рядомъ съ ней болванъ-болваномъ! Зато теперь—какіе остроумные діалоги я велъ съ ней, какъ былъ краснорѣчивъ, находчивъ и какъ непринужденно предъявлялъ ея вниманію сокровища своего ума. Было просто жаль, что Александра Васильевна лишена возможности видѣть меня во всемъ блескѣ. Навѣрно, она составила себѣ не особенно лестное понятіе о моей особѣ и даже, можетъ-быть, считаетъ меня просто болваномъ... Но есть завтра—слышите, Шура?—есть солнце, которое взойдетъ завтра съ спеціальной цѣлью показать вамъ вашего покорнаго слугу совершенно въ иномъ свѣтѣ. Да, вы будете пріятно изумлены, Шура, потому что еще никогда не встрѣчали такого удивительнаго молодого человѣка. Завтра, завтра, завтра...

Мнѣ хотѣлось пѣть, хотѣлось думать стихами, хотѣлось разбудить все Третье Парголово и сказать всѣмъ, что Шура красавица и что она завтра останется на весь день.

— Шура, Шура...— повторилъ я вслухъ, точно въ этомъ имени скрыто было какое-то заклинаніе.

Странно, что первое, что обратило на себя мое вниманіе при возвращеніи въ свою избушку, были... сапоги. Да, тѣ высокіе студенческіе сапоги, въ которыхъ я обыкновенно ходилъ. Мнѣ показалось, что они, эти сапоги, являлись оскорбленіемъ изящныхъ прюнелевыхъ ботинокъ, черныхъ лайковыхъ перчатокъ, чернаго зонтика, черной шляпы и особенно чернаго шелковаго платья. Вѣдь это было нахальствомъ, что такіе нелѣпые сапожищи осмѣливались шагать рядомъ съ прюнелевыми кроше́чными ботинками. А завтра... Позвольте, Пепко уѣхалъ въ моихъ штиблетахъ, и я цѣлый день долженъ буду оставаться „оригиналомъ“. Свои штиблеты Пепко отдалъ въ починку, надѣлъ мои и уѣхалъ... Что же это будетъ? Полцарства за самыя скромныя штиблеты... И какъ мнѣ это давеча въ голову не пришло, когда Пепко собрался удрать? Ахъ, извергъ естества... Эта маленькая подробность привела меня въ отчаяніе и нагнала цѣлый рой какихъ-то уже совсѣмъ безсвязныхъ мыслей. Напримѣръ, припоминая разговоръ съ Александрой Васильевной въ саду, я точно открылъ трещину въ томъ, что еще часъ назадъ было и естественно, и понятно, и просто—именно: одна добрая мать, получающая *маленькую* пенсію, адресъ *Пески*, работа *на магазинъ*, и тутъ же шелковое платье, зонтикъ, перчатки и т. д. Мнѣ вдругъ захотѣлось вернуться на дачу Глазковыхъ, вызвать Наденьку и спросить ее, что это значитъ. Да, узнать все сейчасъ же, разъяснить... Я весь задрожалъ при той мысли, что на мой вопросъ Наденька только пожметъ плечами и улыбнется, какъ улыбнулась давеча. Нѣтъ, это ужасно, это безчеловѣчно, это... этому нѣтъ названія. Смертный приговоръ рядомъ съ этимъ является милой шуткой...

Потомъ я сразу успокоился. Доказательство нелѣпости предыдущихъ

сомнѣній было подъ рукой: стоило только закрыть глаза и представить себѣ это дивное лицо... Развѣ этотъ чистый взглядъ осмѣлится омрачить хотя одна нечистая мысль? Она—совершенство, а все остальное пустяки. По естественной ассоціаціи идей я логически перешелъ къ собственной особѣ. Во-первыхъ, красивъ я или „немного лучше чорта“, какъ большинство мужчинъ? Какъ-то раньше я мало обращалъ вниманія на свою наружность, а теперь испытывалъ мучительную потребность быть именно красивымъ, красивымъ только для того, чтобы имѣть право думать о ней. Кажется, у меня выразительные глаза, правильный носъ, хорошій для мужчины ростъ, небольшія руки; но вѣдь это еще очень немного, больше, чѣмъ немного. У насъ съ Пепкой даже не было зеркала, и я не могъ сейчасъ же провѣрить свои физическія достоинства. Впрочемъ, для мужчины наружность—вещь не первой важности, и ее можно съ успѣхомъ замѣнить громкимъ именемъ, успѣхомъ, извѣстностью; женщины летятъ на эти пустяки, какъ мотыльки на огонь. Да, я буду знаменитъ, чортъ возьми, и не для себя, а для нея... Она будетъ гордиться тѣмъ, что первая открыла во мнѣ будущую знаменитость, когда остальной міръ оставался еще въ возмутительномъ невѣдѣніи. Нѣтъ, вы всѣ меня признаете: будете завидовать, а я буду думать о ней, жить для нея, дышать ею...

Однимъ словомъ, въ моей головѣ несся какой-то ураганъ, и мысли летѣли впередъ съ страшной быстротой, какъ тѣ англійскіе скакуны, которые берутъ одно препятствіе за другимъ съ такой красивой энергіей. Въ моей головѣ тоже происходила скачка на дорогой призъ, какого еще не видалъ міръ.

Эта внутренняя работа мысли и чувства дѣлалась просто невыносимой благодаря тому, что не могла ничѣмъ проявиться во внѣшнихъ формахъ. Бѣжавшій позорно Пепко подвергался большой опасности выслушать цѣлую исповѣдь первой любви... У меня явилось даже подозрѣніе, что не бѣжалъ ли онъ вмѣстѣ и отъ меня, заподозрѣвъ двойную опасность. Вообще я къ нему относился сейчасъ враждебно. Не угодно ли: человѣкъ убѣжалъ ни раньше ни послѣ, какъ именно сегодня,—убѣжалъ человѣкъ, испытывавшій мое терпѣніе своими исповѣдями самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Нѣтъ, какъ хотите, а это нехорошо, безсовѣстно, подло... Однимъ словомъ, не по-товарищески.

Я десять разъ укладывался спать, и изъ этого ничего не выходило. Сонъ бѣжалъ отъ моихъ глазъ, какъ выражался Пепко высокимъ слогомъ. Вдобавокъ, въ нашей избушкѣ ужасно душно... Этотъ низкій потолокъ просто давилъ меня. Измучившись окончательно, я поднялся съ своей постели, подошелъ къ окну и открылъ его. Вдругъ мнѣ показалось... Нѣтъ, это, вѣроятно, была тѣнь. Послѣ нѣкотораго колебанія я взглянулъ въ окно и увидѣлъ... Нѣтъ, я не увидѣлъ, а почувствовалъ какъ-то всѣмъ тѣломъ, что это она, несчастная Любочка, которая сидѣла на скамейкѣ у нашей калитки. Какая она маленькая въ этой позѣ... Настоящій ребенокъ. И поза такая безпомощная, какъ у замерзающаго человѣка. У меня явилось давешнее малодушное желаніе не замѣтить ея, но я преодолѣлъ себя и тихо спросилъ:

— Это вы, Любочка?..

Она вскочила, сдѣлала движеніе убѣжать, но только закрыла лицо руками и безсильно опустилась на свою скамейку. О, какой ты мерзавецъ, Пепко!..

XX.

Одѣться было дѣломъ одной минуты. Я торопился точно на пожаръ, а Любочка и не думала уходить. Она сидѣла попрежнему на лавочкѣ, въ прежней убитой позѣ. Бѣлая ночь придавала ея блѣдному лицу какой-то нехорошій пепельный оттѣнокъ.

— Любочка, что вы тутъ дѣлаете?—спрашивалъ я, выходя въ калитку.

Она подняла на меня свои кроткіе большіе глаза съ опухшими отъ слезъ вѣками. Меня охватила какая-то невыразимая жалость. Мнѣ вдругъ захотѣлось ее обнять, приласкать, наговорить тѣхъ словъ, отъ которыхъ дѣлается тепло на душѣ. Помню, что больше всего меня подкупала въ ней эта дѣтская покорность и беззащитность.

— Любочка, вамъ холодно?

— Нѣтъ...

— Вы хотите ѣсть?

— Нѣтъ...

— Вы устали?

— Нѣтъ... Если вамъ не трудно, дайте мнѣ стаканъ воды.

Это была трогательная просьба. Только воды, и больше ничего. Она выпила залпомъ два стакана, и я чувствовалъ, какъ она дрожитъ. Да, нужно было предпринять что-то энергичное, рѣшительное, что-то сдѣлать, что-то сказать, а я думалъ о томъ, какъ давеча нехорошо поступилъ, сдѣлавъ видъ, что не узналъ ее въ саду. Кто знаетъ, какія страшныя мысли роятся въ этой дѣвичьей головѣ...

— Знаете что, Любочка, идите спать въ нашу избушку, а я пойду гулять въ паркъ. Мнѣ все равно не спится, а до утра осталось немного... Потомъ мы поговоримъ серьезно.

Это предложеніе точно испугало ее. Любочка опять сдѣлала такое движеніе, какъ человѣкъ, у котораго единственное спасеніе въ бѣгствѣ. Я понялъ, что это значило, и еще разъ возненавидѣлъ Пепку: она не рѣшалась переночевать въ нашей избушкѣ потому, что боялась возбудить ревнивыя подозрѣнія въ моемъ другѣ. Мнѣ сдѣлалось обидно отъ такой постановки вопроса, точно я имѣлъ въ виду воспользоваться ея беззащитнымъ положеніемъ. „Она глупа до святости“,—мелькнула у меня мысль въ головѣ.

— Мнѣ рѣшительно ничего не нужно,—прошептала она въ отвѣтъ на мои обидныя мысли.—Ничего... Только, ради Бога, не гоните меня.

— Послушайте, Любочка, вѣдь это сумасшествіе! Да, настоящее сумасшествіе... Вѣдь вы знаете, что Пепко уѣхалъ, вѣрнѣе сказать—бѣжалъ?..

— Да, знаю...

— Зачѣмъ же вы остались въ такомъ случаѣ?

Она посмотрѣла на меня и совершенно серьезно отвѣтила:

— Не знаю... Да мнѣ и некуда итти... Я ничего не знаю.

— Послушайте, нужно же имѣть хотя маленькое самолюбіе: человѣкъ бѣгаетъ отъ васъ самымъ позорнымъ образомъ, ведетъ себя, какъ... какъ... ну, какъ негодяй, если хотите знать.

— Что вы, что вы?! — испугалась еще разъ Любочка, вскакивая.—Это я сама виновата... Да, сама, а Агаѳонъ Павлычъ хорошій.

— Хорошій?.. ха-ха!

Меня начала душить безсильная злость. Что вы будете тутъ дѣлать или говорить?.. У Любочки, очевидно, голова была не въ порядкѣ. А она смотрѣла на меня полными ненависти глазами и тяжело дышала. „Онъ хорошій, хорошій, хорошій“... говорили эти покорные глаза и вся ея фигура.

Наступила неловкая и тяжелая пауза. Небо сдѣлалось сѣрымъ, — близился солнцевосходъ. Гдѣ-то въ дачномъ садикѣ чирикнула первая птичка. Бѣлая ночь кончалась. Любочка опять впала въ свое полузабытье. Въ сущности я только теперь хорошенько разсмотрѣлъ ее. Она была почти красива, вѣрнѣе сказать—миловидна. Эти большіе испуганные глаза смотрѣли съ такой

затаенной скорбью. Меня, между прочимъ, поразила одна особенность — современный женскій костюмъ совсѣмъ не приспособленъ для такихъ положеній, въ какомъ находилась сейчасъ Любочка. Шерстяная юбка была некрасиво смята, шляпа съѣхала на бокъ, лѣтняя накидка висѣла какой-то тряпкой, сложенный зонтикъ походилъ на сломанное крыло птицы; однимъ словомъ, все это не годилось для трагической обстановки, напоминая будничную деневенькую суету.

— Нужно же что-нибудь дѣлать, Любочка, — заговорилъ я, набираясь силъ.—Такъ нельзя...

— Что нельзя?

— Да вотъ сидѣть такъ...

— Идите спать... А я посижу здѣсь... Можетъ-быть, я васъ компрометирую?

— А вы боитесь скомпрометировать себя, если пойдете и уснете въ нашей избушкѣ? Что можетъ подумать о вашемъ поведеніи Пепко!.. Какъ это страшно...

— Вы его не любите...

— И даже очень не люблю.

Она закрыла лицо и зарыдала. Теперь ужъ я сдѣлалъ движеніе въ ожиданіи истерики.

— Я... я его такъ люблю... — шептала Любочка, не отнимая рукъ.—А васъ ненавижу... Да, ненавижу, ненавижу, ненавижу!.. Вы его не любите и разстраиваете... Не отъ меня онъ убѣжалъ, а отъ васъ.

— Отъ меня?

— Да, вы, вы... Вы думаете, что я совсѣмъ дура и ничего не понимаю? Ха-ха!.. Вы нарочно увезли его и на дачу, чтобы спрятать отъ меня. Я все знаю... и ненавижу васъ... всѣхъ...

Разговоръ принялъ совсѣмъ неожиданный оборотъ, и я немного растерялся въ качествѣ опытнаго заговорщика и предателя.

— Вотъ что, Любочка... Идемте гулять?

— Не хочу... Я останусь здѣсь и дождусь его. Вѣдь когда-нибудь онъ вернется изъ города... Вотъ на зло вамъ всѣмъ и буду сидѣть.

Это, очевидно, былъ бредъ сумасшедшаго. Я молча взялъ Любочку за руку и молча повелъ гулять. Она сначала отчаянно сопротивлялась, бранила меня, а потомъ вдругъ стихла и покорилась. Въ сущности, она отъ усталости едва держалась на ногахъ, и я боялся, что она повалится, какъ снопъ. Положеніе не изъ красивыхъ, и въ душѣ я проклиналъ Пепку въ тысячу первый разъ. Да, прекрасная логика: *онъ* во всемъ обвинялъ Ѳедосью, *она* во всемъ обвиняла меня,—мнѣ оставалось только пожать руку Ѳедосьѣ, какъ товарищу по человѣческой несправедливости.

— Куда вы меня тащите?—взмолилась Любочка, изнемогая.

— Не знаю... Войдите и въ мое положеніе: что я буду дѣлать съ вами? Оставить васъ я не могу, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые... Утѣшать—безполезно.

Мы прошли два раза все Третье Парголово и остановились наконецъ на пустой горкѣ, мимо которой спускалась тропинка на вокзалъ. Нашлась спасительная скамейка, на которую мы могли присѣсть. Солнце уже поднималось,—солнце холодное, безъ лучей. Передъ нашими глазами разлеглось чухонское болото, перерѣзанное Финляндской желѣзной дорогой; налѣво въ пыльной мглѣ едва брезжился Петербургъ. Моя дама сидѣла безмолвно, какъ тѣнь. Глаза у ней слипались, но она продолжала бороться со сномъ. Былъ моментъ, когда ей хотѣлось расплакаться,—я это видѣлъ по дрожавшимъ губамъ,—но дневной свѣтъ, видимо, дѣйствовалъ на нее отрезвляющимъ образомъ.

— Бѣдный, гдѣ-то *онъ* провелъ ночь...—думала она вслухъ.

— Да, бѣдный... Чортъ бы его побралъ!..

Она посмотрѣла на меня и улыбнулась.

— Воображаю, какъ вы меня проклинаете въ душѣ,—проговорила она, продолжая улыбаться.—Цѣлую ночь няньчитесь... Я васъ, кажется, бранила?

— Да... Вѣрнѣе сказать, вы сами не знали, что говорили.

— Миленькій, простите... Я такъ страдала, такъ измучилась... Идите, голубчикъ, спать, а я посижу здѣсь. Съ первымъ поѣздомъ уѣду въ Петербургъ... Кланяйтесь Агаѳону Павлычу и скажите, что онъ напрасно считаетъ меня такой... такой нехорошей. Вѣдь только отъ дурныхъ женщинъ бѣгаютъ и скрываются...

На мой нѣмой вопросъ она сама отвѣтила:

— Вы боитесь, что я опять пріѣду? Конечно, пріѣду, но на этотъ разъ буду умнѣе и не буду лѣзть къ нему на глаза... Хотя издали посмотрѣть... только посмотрѣть... Вѣдь я ничего не требую... Идите.

— Нѣтъ... Я все равно сегодня не буду спать.

— Почему?

— Я влюбленъ...

— Вы? Когда это случилось?

— Вчера, въ восемь часовъ вечера...

— Въ Надю?

— Нѣтъ.

— Ахъ, да, эта высокая, съ которой вы гуляли въ саду. Она очень хорошенькая... Если бы я была такая, Агаѳонъ Павлычъ не уѣхалъ бы въ Петербургъ. Вы на ней женитесь? Да? Вы о ней думали все время? Какъ пріятно думать о любимомъ человѣкѣ... Точно самъ лучше дѣлаешься... Какъ-то немножко и стыдно, и хорошо, и хочется плакать. Вчера я долго бродила мимо дачъ... Вездѣ огоньки, всѣ счастливы, у всѣхъ свой уголъ... Какъ имъ всѣмъ хорошо, а я должна была бродить одна, какъ собака, которую выгнали изъ кухни. И я все время думала...

— О чемъ?

— Вѣдь и мы могли бы такъ же жить на дачѣ съ Агаѳономъ Павлычемъ... Я такъ бы ждала его каждый день, когда онъ вернется изъ города. Онъ пріѣзжаетъ со службы усталый, сердитый, а у меня все чисто, прибрано, обѣдъ вкусный... У насъ была бы маленькая дѣвочка, которую онъ обожаетъ. Тихо, хорошо... Потомъ мы состарились бы, дѣвочка уже замужемъ, и вдругъ... Нѣтъ, это страшно! Мнѣ представилось, что Агаѳонъ Павлычъ умеръ раньше меня, и я хожу въ траурѣ... Знаете, такая длинная-длинная вуаль изъ крепа... Переѣзжаю жить къ дочери и все плачу, плачу... Каждый день хожу къ нему на могилу, приношу цвѣтовъ и опять плачу. Вѣдь никто не знаетъ, какой онъ былъ хорошій, добрый, какъ любилъ меня... Вы не смѣйтесь надо мной, Василій Иванычъ. Если вы дѣйствительно любите ту дѣвушку, такъ все поймете...

— Я не смѣюсь.

— И вдругъ ничего нѣтъ... и мнѣ такъ жаль себя, ту дѣвочку, которой никогда не будетъ... За что? Мнѣ самой хочется умереть... Можетъ-быть, тогда Агаѳонъ Павлычъ пожалѣетъ меня, хорошо пожалѣетъ... А я ужъ ничего не буду понимать, не буду мучиться... Вы думали когда-нибудь о смерти?

— Нѣтъ, какъ-то не случалось.

— Значитъ, вы еще не любите. Если человѣкъ любитъ, онъ все пони-

маетъ, рѣшительно все, и обо всемъ думаетъ... Я цѣлые дни сижу и думаю и не боюсь смерти, потому что люблю Агаѳона Павлыча. Онъ хорошій...

Мнѣ опять сдѣлалось жаль Любочку, въ которой мучительно умиралъ цѣлый міръ и все будущее. Она была права: любовь дѣлала ее почти умной, и она многое понимала такъ, какъ въ нормальномъ состояніи никогда не понимала. Ея наивная философія навѣяла на меня невольную грусть. Въ самомъ дѣлѣ, отъ какихъ случайностей зависитъ иногда вся жизнь: не будь у насъ сосѣда по компатамъ „черкеса“, мы никогда не познакомились бы съ Любочкой, и сейчасъ эта Любочка не тосковала бы о „хорошемъ“ Пепкѣ. По аналогіи я повторилъ про себя свою вчерашнюю встрѣчу съ Александрой Васильевной—тоже случайность и тоже... Дальше я старался ничего не думать, потому что мое солнце уже поднялось, и рѣшительный день наступилъ. А она, навѣрно, спитъ молодымъ, крѣпкимъ сномъ и давно забыла о моемъ существованіи.

Мы просидѣли на горкѣ до перваго поѣзда, отходившаго въ Петербургъ въ восемь часовъ утра. Любочка замѣтно успокоилась,—вѣрнѣе, она до того устала, что не могла даже горевать. Я проводилъ ее на вокзалъ.

— Желаю вамъ счастья... много счастья! — шепнула она, выглядывая изъ окна вагона.

Домой я вернулся, пошатываясь отъ усталости. Представьте мое изумленіе, когда въ сѣняхъ я увидѣлъ спавшаго мертвымъ сномъ Пепку. Онъ и не думалъ уѣзжать въ Петербургъ и, какъ я догадывался, весело проводилъ время въ обществѣ Мелюдэ и пьянаго Гамма, пока я отваживался съ Любочкой. Зачѣмъ нужно было обманывать еще меня? Мнѣ ужасно хотѣлось пнуть его ногой, обругать, приколотить... Меня больше всего возмущало то, что человѣкъ спалъ спокойно послѣ всѣхъ тѣхъ гадостей, какія надѣлалъ въ теченіе одного вечера,—спрятался отъ обманутой дѣвушки, обманулъ лучшаго друга... Воображаю, какъ Пепко хохоталъ и дурачился съ Мелюдэ, пропивая взятые у меня крейцеры.

— Пепко!

Пепко не шевелился, но я видѣлъ, что онъ проснулся и притворяется спящимъ. Это была послѣдняя ложь...

— Пепко, я тебя презираю...

Мнѣ показалось, что, когда я отвернулся, Пепко сдержанно хихикнулъ. Это животное было способно на все...

Я заснулъ, не раздѣваясь. Это былъ даже не сонъ, а какая-то тяжесть, раздавившая меня. Меня разбудилъ осторожный стукъ въ окно, — въ окнѣ мелькалъ черный зонтикъ, точно о переплетъ рамы билась крыломъ черная птица.

— Какъ вамъ не стыдно!..—слышался голосъ Наденьки.—Вставайте и догоняйте насъ съ Шурой. Мы идемъ въ паркъ.

Изъ-за косяка дверей выглядывала измятая рожа Пепки и самымъ нахальнымъ образомъ подмигивала мнѣ по адресу чернаго зонтика.

— Мало-по-малу, не вдругъ, постепенно, шагъ за шагомъ падала... падала священная римская имперія и совсѣмъ развалилась...—бормоталъ онъ, ухмыляясь.

Я отвѣтилъ ему молчаливымъ презрѣніемъ.

XXI.

Я такъ торопился, что даже забылъ о штиблетахъ и вспомнилъ объ этомъ обстоятельствѣ только на улицѣ, догоняя дѣвушекъ. Я несся точно на крыльяхъ. Помню, что я догналъ ихъ какъ разъ напротивъ той дачи съ ка-

челями, на которой мы съ Пепкой разыгрывали нашъ „романъ дѣвушки въ бѣломъ платьѣ“. Эта дѣвушка какъ разъ была налицо,—она тихо раскачивалась на своей качели съ книгой въ рукахъ. Мнѣ показалось, что она съ какимъ-то укоромъ подняла на меня свои чудные глаза, точно я измѣнялъ ей каждымъ своимъ шагомъ. Но развѣ могло быть какое-нибудь сравненіе этого ребенка съ настоящей женской красотой, живымъ олицетвореніемъ которой являлась она, Александра Васильевна. При дневномъ свѣтѣ она показалась мнѣ еще лучше. Какъ она граціозно шла, какой ростъ, какое выраженіе лица... „Она покоится стыдливо въ красѣ торжественной своей“, мелькнули у меня въ головѣ стихи Пушкина, а бѣдная дѣвушка въ бѣломъ платьѣ все блѣднѣла и блѣднѣла, пока не растаяла какъ снѣгурочка.

— Вы остаетесь на цѣлый день?—говорилъ я, здороваясь со своей дамой сердца.

— Надя этого хочетъ... — наивно отвѣтила она и улыбнулась, посмотрѣвъ на подругу.—Я уѣду вечеромъ, съ девятичасовымъ поѣздомъ.

Я чуть не вскрикнулъ: цѣлый день счастья! Меня эта мысль точно испугала... Цѣлый день—это побольше вѣчности. Мнѣ почему-то припомнился вычитанный гдѣ-то Пепкой анекдотъ о Гёте, скромно признавшемся передъ смертью, что онъ былъ счастливъ въ жизни всего четверть часа. А я буду счастливъ цѣлый день, цѣлую вѣчность... Самая обыкновенная прогулка по Шуваловскому парку для меня являлась міровымъ событіемъ, передъ которымъ блѣднѣло все остальное. Это было торжественное шествіе царицы, для которой свѣтило солнце, цвѣты лили свой ароматъ, благоговѣйно шептали деревья, а воздухъ окружалъ свѣтлымъ облакомъ... Я могъ только удивляться слѣпотѣ встрѣчавшихся на дорогѣ людей, которые упорно не хотѣли замѣчать проходившаго мимо нихъ совершенства. Несчастные, они ничего не понимали, а между тѣмъ все кричало: гряди, голубица!..

Мы долго гуляли по всему парку, и мнѣ казалось, что онъ принадлежитъ мнѣ, и я показываю его своей избранницѣ. Наденька продолжала свою вчерашнюю политику и разными способами устраняла себя, предоставляя намъ полную свободу. Наденька любила рвать цвѣты, хотя это и было строго воспрещено аншлагами; Наденька любила дурачиться, какъ козочка, и пряталась за деревьями; Наденька уставала и садилась на каждую скамейку отдыхать... А я опять шелъ подъ руку съ Александрой Васильевной, опять чувствовалъ, какъ она опирается на мою руку, опять что-то разсказывалъ, и опять она такъ хорошо и довѣрчиво улыбалась.

— Скажите, пожалуйста, какъ пишутъ романы?..—спрашивала она.—Я люблю читать романы... Вѣдь этого нельзя придумать, и гдѣ-нибудь все это было. Я всегда хотѣла познакомиться съ романистомъ.

Наденька поусердствовала, и я долженъ былъ фигурировать въ качествѣ реализовавшагося романиста. Это была ложь, но въ данный моментъ я такъ вѣрилъ въ себя, что маленькая хронологическая неточность ничего не значила,—пока я печаталъ только разсказики у Ивана Иваныча „на затычку“, но скоро, очень скоро всѣ узнаютъ, какія капитальныя вещи я представлю удивленному міру. Положимъ, я забѣгалъ немного впередъ своей славѣ, но важно вѣрить въ себя, въ свою миссію, въ свои идеалы. Однимъ словомъ, я разыгрывалъ роль романиста самымъ безсовѣстнымъ образомъ и между прочимъ сейчасъ же воспользовался разработаннымъ совмѣстно съ Пепкой романомъ дѣвушки въ бѣломъ платьѣ, поставивъ героиней Александру Васильевну и измѣнивъ начало. Я прямо взялъ нашу вчерашнюю встрѣчу и къ ней придѣлалъ романъ нашей дѣвушки въ бѣломъ платьѣ. На мою долю выпа-

дала выигрышная роль героя, преодолѣвающаго очень серьезныя препятствія. Въ сущности я дѣлалъ самый безсовѣстный плагіатъ и нисколько не стѣснялся. Мой герой, т.-е. я, высказывалъ Александрѣ Васильевнѣ все то, что я чувствовалъ и переживалъ самъ. Кромѣ того, я не пощадилъ своего друга и для контраста провелъ параллель несчастнаго романа Любочки и кое-что кстати позаимствовалъ изъ бесѣды съ ней. Подъ конецъ я самъ удивлялся самому себѣ, т.-е. своей находчивости,—вѣдь это было цѣлое и обстоятельное объясненіе въ любви, замаскированное романической фабулой.

— И вы все это написали?—наивно удивлялась Александра Васильевна, окончательно убѣждаясь въ моемъ призваніи романиста.

— Да... т.-е. еще не кончилъ. Необходимо кое-что исправить, кое-что дополнить, вообще—докончить.

— Ахъ, какъ это интересно, Василій Иванычъ...

— Когда выйдетъ моя книга, я преподнесу ее вамъ первой...

— Мнѣ? О, я очень благодарна...

Видимо, она не догадывалась, въ чемъ заключается суть моего будущаго романа, и не узнавала себя въ нарисованной мной героинѣ. Конечно, она немножко наивна... да. Даже—какъ это выразиться повѣжливѣе?—почти глупа той красивой и милой глупостью, которую самые умные и самые строгіе мужчины такъ охотно прощаютъ хорошенькимъ женщинамъ. Увы! она никогда не получила романа дѣвушки въ бѣломъ платьѣ, потому что онъ такъ и остался въ отдѣлѣ неосуществившихся добрыхъ намѣреній, хотя въ данномъ случаѣ и сослужилъ мнѣ хорошую службу. Неужели Пепко правъ, увѣряя, что наши лучшія намѣренія никогда не осуществляются, и каждый авторъ долженъ умереть, не исполнивъ того, что онъ считаетъ лучшей частью самого себя? Только золотая посредственность довольна собой, а настоящій авторъ вѣчно мучится роковымъ сознаніемъ, что могъ бы сдѣлать лучше, да и нѣтъ такой вещи, лучше которой нельзя было бы представить. Всякая форма — только жалкое приближеніе къ авторскому замыслу,..

Какъ это хорошо, когда чувствуешь, что *она* тебѣ вѣритъ и самъ вѣришь себѣ... Именно такъ и было въ данномъ случаѣ. Александра Васильевна сама разболталась и такъ мило разсказывала мнѣ разныя мелочи изъ своей жизни.

— Вы только не смѣйтесь надо мной,—упрашивала она кокетливо.

— Почему вы думаете, что я буду смѣяться надъ вами?

Она сдѣлала серьезное лицо, посмотрѣла на меня и отвѣтила съ самой милой наивностью:

— Вы такой умный...

Мнѣ оставалось только расписаться въ собственной геніальности, что я сдѣлалъ молчаніемъ, хотя и смутился отъ собственнаго величія. Кажется, это ужъ немножко много, а главное—преждевременно. Впрочемъ, я такъ далеко зашелъ, что дѣйствительность совершенно тонула въ цѣломъ морѣ вымысловъ и галлюцинацій. Я уже былъ знаменитъ по той простой причинѣ, что *она* шла рядомъ со мной и такъ довѣрчиво опиралась на мою руку. Вѣдь я ее велъ къ такому свѣтлому будущему и впередъ отдавалъ ей всю свою славу, всю жизнь. И вѣковыя деревья соглашались со мной, и плывшія въ небѣ облака, и бродившія между деревьями тѣни...

Наденькѣ наконецъ надоѣло разыгрывать роль добраго генія, и она заявила безъ церемоній:

— Господа, я хочу ѣсть... Голодна до безсовѣстности.

— Что же, отлично... Мы позавтракаемъ въ ресторанчикѣ доброй лѣсной феи, она же и ундина,—согласился я.—Это отсюда въ двухъ шагахъ...

У меня въ карманѣ былъ всего одинъ рубль, и я колебался, какъ устроиться съ нимъ: предложить дамамъ катанье на лодкѣ или „легкій“ завтракъ. Наденька разрѣшила мои сомнѣнія.

Мы весело отправились къ доброй лѣсной феѣ, и я впередъ рисовалъ себѣ этотъ лѣсной уютный уголокъ, который послужитъ пріютомъ нашей любви,— въ моемъ воображеніи она уже любила меня, и я говорилъ „мы“. Я впередъ любилъ этотъ пріютъ и добрую лѣсную фею. Небольшая дачка совсѣмъ пряталась подъ столѣтними соснами.

— Вотъ и пріютъ доброй лѣсной феи,— торжественно провозгласилъ я, вводя своихъ дамъ въ палатку маленькаго садика.

Наденька уже раскрыла ротъ, чтобы разсмѣяться, но взглянула на одинъ изъ столиковъ, задрапированныхъ акаціями, и превратилась въ нѣмой вопросъ. За столикомъ сидѣли Пепко и Любочка... Встрѣча была настолько неожиданна, что мы оба смутились и даже церемонно раскланялись, какъ дальніе родственники. Любочка смотрѣла на меня торжествующими злыми глазами и улыбалась. Я ничего не понималъ. Это былъ какой-то нелѣпый сонъ, и я съ облаковъ упалъ прямо на землю. Пепко по присущей ему безсовѣстности подошелъ къ Наденькѣ и попросилъ представить его „прелестной незнакомкѣ“, а я подошелъ къ Любочкѣ.

— Вы удивлены, да? — спрашивала она, подавая мнѣ два пальца, и прибавила, сверкая глазами: — Ловко вы меня обманывали цѣлую ночь, а я оказалась умнѣе васъ. Доѣхала до Шувалова и сообразила все... Конечно, Агаѳонъ Павлычъ долженъ быть дома, и вы меня все время водили за носъ. Дождалась обратнаго поѣзда и вернулась... Ха-ха! Я видѣла, какъ вы погнались за своими дамами, и накрыла Агаѳона Павлыча. Онъ и не думалъ никуда уѣзжать... Я вамъ этого никогда, никогда не прощу!.. Вы безсовѣстный человѣкъ... Я даже не могла себѣ представить, что такіе люди вообще могутъ быть. Вы—чудовище...

Мнѣ ничего не оставалось, какъ только поднять плечи и сдѣлать большіе глаза. Я понялъ, что Пепко продалъ меня самымъ безсовѣстнымъ образомъ и за мой счетъ вышелъ сухъ изъ воды.

— Вотъ и отлично,—повторялъ Пепко, потирая руки.—Мы тутъ позавтракаемъ совсѣмъ по-семейному...

Это безсовѣстное животное, кажется, разсчитывало на мой несчастный рубль, сохраняя за собой престижъ любезнаго кавалера. Меня это окончательно возмутило. Вся прогулка была испорчена. Въ довершеніе всего Пепко смотрѣлъ на Александру Васильевну такими глазами, что мнѣ хотѣлось „дать ему на морда“, какъ говорилъ Гаммъ. А Пепко ничего не хотѣлъ замѣчать и даже подмигнулъ мнѣ: дескать, знаемъ, что знаемъ. Мои дамы были недовольны обществомъ Любочки, къ которой отнеслись почти враждебно. Недавняя непринужденность исчезла разомъ, и скромный завтракъ прошелъ совсѣмъ скучно. Торжествовала одна Любочка и сама первая взяла Пепку за руку, когда мы поднялись.

Эта встрѣча отравила мнѣ остальную часть дня, потому что Пепко не хотѣлъ отставать отъ насъ со своей дамой и довелъ свою дерзость до того, что забрался на дачу къ Глазковымъ и выкупилъ свое вторженіе какой-то лестью одной доброй матери безъ словъ. Послѣдняя вообще благоволила къ нему и оказывала нѣкоторые знаки вниманія. А мнѣ нельзя было даже переговорить съ Александрой Васильевной наединѣ, чтобъ досказать конецъ моего романа.

Да, вторая часть дня совершенно пропала для меня... Дорогія минуты летѣли, какъ птицы, а солнце не хотѣло останавливаться. Вечеръ наступалъ

съ ужасающей быстротой. Моя любовь уже покрывалась холодными тѣнями и тяжелымъ предчувствіемъ близившейся темноты.

— Вы меня проводите на вокзалъ...—устало проговорила Александра Васильевна, когда вечерній чай кончился и кое-гдѣ на дачахъ замелькали огоньки.—Мнѣ пора домой...

О, милая, какъ она была хороша, завоевывая себѣ нѣсколько свободныхъ минутъ. Наденька не пошла провожать, сославшись на головную боль. Она же задержала Любочку подъ какимъ-то предлогомъ... Мы отправились вдвоемъ. Я нарочно замедлялъ шаги, чтобы опоздать на поѣздъ и выгадать лишній часъ. Мы медленно спускались съ горы, болтая о какихъ-то пустякахъ, а я испытывалъ жуткое чувство, точно разставался со своей дамой навсегда. Бываютъ пророческіе сны и роковыя предчувствія... Въ то же время я чувствовалъ, что сегодняшній день имѣетъ рѣшающее значеніе и что онъ не вернется никогда, что совершилось что-то такое огромное и подавляющее, и что я уже не могу вернуться къ своему прошлому. А маленькія ножки все шли впередъ, къ тому неизвѣстному будущему, которое должно было разлучить насъ навсегда... Мнѣ вдругъ сдѣлалось жаль себя, жаль за сѣренькое существованіе, за неизжитую молодость, за неудовлетворенный проблескъ счастья. Вѣдь съ ней уходила моя первая любовь, цѣлый свѣтлый міръ, все будущее... Вотъ остается жить только маленькое разстояніе, отдѣляющее насъ отъ вокзала. Кто знаетъ, что могло бы быть, если бы поѣздъ опоздалъ, но поѣзда опаздываютъ совсѣмъ не тогда, когда это нужно. Онъ подошелъ къ станціи какъ разъ въ моментъ, когда подходили мы, такъ что я едва успѣлъ купить билетъ. Это ужъ второй разъ сегодня я провожаю: тамъ я радъ былъ избавиться, а здѣсь готовъ былъ удержать поѣздъ руками. У меня даже мелькнула мысль ѣхать провожать въ городъ, но—увы!—въ карманѣ оставался всего одинъ пятачокъ.

— До свиданія...—говорила Александра Васильевна, появляясь въ окнѣ вагона.—Не забудьте, я васъ буду ждать. Непремѣнно...

Она что-то хотѣла еще сказать, но поѣздъ уже тронулся, и сказанная ею фраза улетѣла на воздухъ.

Я возвращался домой въ самомъ мрачномъ настроеніи, какъ человѣкъ, который нашелъ сокровище и сейчасъ же его потерялъ. Я почему-то припомнилъ психологію творчества, которую развивалъ Пепко, и горько усмѣхнулся. Она уже начиналась.

XXII.

— Пепко, ты большой негодяй.

— Гм... Пожалуй, я не буду спорить. Но негодяй созданъ негодяемъ и не виноватъ, что природа создала его именно негодяемъ, а нехорошо то, когда люди порядочные, т.-е. тѣ, которые считаютъ себя порядочными, знаются съ негодяями. Скажи мнѣ, кто твои друзья, и т. д.

— Это игра словъ, а я говорю серьезно. Самое скверное то, что ты утратилъ всякій аппетитъ порядочности. Да... Ты еще можешь смѣяться надъ собственными безобразіями, а это признакъ окончательнаго паденія. Глухой не слышитъ звуковъ, слѣпой не видитъ свѣта, а ты не чувствуешь тѣхъ гадостей, которыя продѣлываешь. Однимъ словомъ, ты долженъ жениться на Любочкѣ.

Заключеніе было такъ неожиданно, что Пепко сѣлъ на своемъ дѣвственномъ ложѣ, какъ онъ называлъ матрацъ, посмотрѣлъ на меня удивленными

глазами и расхохотался. Ничто меня такъ не выводило изъ себя, какъ этотъ дурацкій хохотъ. Я ненавидѣлъ Пепку въ эти моменты и не скупился на дерзости. Его поведеніе въ послѣднее время возмущало меня до глубины души, а теперь въ особенности, потому что я весь былъ полонъ самыми возвышенными чувствами. Александра Васильевна являлась для меня мѣрой всѣхъ вещей, и, обличая Пепку, я думалъ о ней. Я былъ увѣренъ, что она сказала бы то же самое, что̀ говорилъ сейчасъ я самъ.

— Послушай, время пророковъ миновало,—отвѣчалъ Пепко, успокоившись отъ хохота.—Да... Напримѣръ, явись Исаія или Іеремія и начни обличать прогрессирующую современность—имъ бы пришлось не сладко... Да и самое слово въ наше время потеряло всякую цѣну, мы не вѣримъ словамъ, потому что беремъ ихъ напрокатъ. Слово ветхаго человѣка было полно крови, оно составляло его органическое продолженіе, поэтому оно и имѣло громадное значеніе. Какой смыслъ твоего обличенія? Вѣдь обличать имѣетъ право только тотъ, кто самъ не сдѣлалъ ничего дурного, а ты сдѣлаешь хуже, чѣмъ я. Если не сдѣлалъ, то еще сдѣлаешь. Вся разница между нами только въ томъ, что я избалованъ женщинами... Развѣ я виноватъ?

— Женщинами? Ха-ха!.. Мелюдэ и Любочка!..

— Гм... Совершенства на землѣ, къ сожалѣнію, нѣтъ, и опять-таки я въ этомъ не виноватъ.

— Нѣтъ, ужъ извини: есть совершенство. Понимаешь: есть!..

Мой отвѣтъ былъ высказанъ съ такимъ азартомъ, что Пепко посмотрѣлъ на меня испытующимъ окомъ, издалъ носовой свистъ и проговорилъ успокоеннымъ тономъ:

— По-ни-ма-ю... Мы влюблены. Что̀ же, священная римская имперія тоже была разрушена...

— Молчи, несчастный!..

Эта глупая по своему существу сцена заставила меня задуматься. Мнѣ казалось, что Пепко былъ правъ относительно моей предполагаемой преступности. Я даже немного покраснѣлъ, когда онъ высказалъ свою мысль, точно онъ видѣлъ мои собственныя сомнѣнія. Дѣло было такъ. Проходя мимо дачи съ качелями, я машинально засмотрѣлся на дѣвушку въ бѣломъ платьѣ,—она была какъ-то особенно хороша въ этотъ роковой моментъ, хороша, какъ весеннее утро, когда ликуетъ одинъ свѣтъ и нѣтъ ни одной тѣни. Мнѣ показалось, что и она тоже смотритъ на меня, и я почувствовалъ какую-то сладкую истому. Потомъ у меня мелькнула въ головѣ страшная мысль: я измѣнялъ Александрѣ Васильевнѣ... Развѣ я имѣлъ право смотрѣть на другихъ женщинъ? Продолжая мысль Пепки о моей непроявившейся преступности, я пришелъ въ недоумѣніе. А если бы эта дѣвушка въ бѣломъ платьѣ полюбила меня? По-настоящему полюбила... Вѣдь я по своей испорченности могу думать объ этомъ, слѣдовательно допускаю такую возможность. И мнѣ не было бы непріятно... О, какое чудовище я вынашивалъ въ собственной груди! Пепко, по крайней мѣрѣ, дѣйствуетъ откровенно, какъ откровенно лѣсной звѣрь рветъ другого звѣря. Онъ—человѣкъ минуты и растворяется безъ остатка въ настоящемъ, какъ брошенная въ стаканъ воды крупинка соли. Я начиналъ чувствовать себя погибшимъ человѣкомъ и чувствовалъ, что единственное спасеніе—это увидать Александру Васильевну,—одинъ ея взглядъ разогналъ бы угнетавшіе меня призраки.

Тутъ явилось непреодолимое препятствіе, испортившее все. Вѣдь не могъ же я явиться къ ней въ своихъ высокихъ сапогахъ... Сдѣлавъ осмотръ своего сборнаго репортерскаго костюма, я пришелъ къ печальному заключенію, что

онъ удовлетворяетъ еще меньше, чѣмъ сапоги. Оставался компромиссъ, именно—добыть чужой костюмъ. Гардеробъ Пепки находился въ положеніи излюбленной имъ разрушавшейся священной римской имперіи и заставлялъ желать многаго. Студенты-товарищи разъѣхались по домамъ. Однимъ словомъ, скверно, какъ только можетъ быть скверно. На меня напало отчаяніе. Въ самомъ дѣлѣ, судьба могла бы быть немного повѣжливѣе... Я повѣрилъ свое горе Пепкѣ, и онъ отнесся къ нему съ большимъ сочувствіемъ, чѣмъ тронулъ меня.

— Нѣтъ, въ этихъ сапожищахъ невозможно,—размышлялъ онъ, оглядывая меня.—Слава и женщины не любятъ, когда къ нимъ подходятъ въ скверныхъ сапогахъ. Да... Это, такъ сказать, міровой вопросъ. Я даже подозрѣваю, что и священная римская имперія разрушилась главнымъ образомъ потому, что римляне не додумались до сапогъ.

— Отвяжись ты со своей римской имперіей!

— А она, значитъ, приглашала тебя къ себѣ? Гм... Для начала недурно. Пикантная штучка...

— Не смѣй такъ говорить...

— Если взять за бока академію...—вслухъ думалъ Пепко.—Гришукъ выше тебя ростомъ, Фрей толще, Порфирычъ санкюлотъ... гм... Ничего не выйдетъ, какъ ни верти. Молодинъ куда-то пропалъ... Да и неловко съ такими франтиками амикошонствовать... Знаешь что, Вася...

Пепко повертѣлъ пальцемъ около лба и проговорилъ съ авторитетомъ старшины присяжныхъ засѣдателей:

— Тебѣ ничего не остается, какъ только кончить твой романъ. Получишь деньги и тогда даже мнѣ можешь оказать протекцію по части костюма!.. Мысль!.. Единственный выходъ... Одна нужда искусствомъ двигала отъ вѣка и побуждала человѣка на бремя тяжкое труда, такъ сказалъ Вильямъ Шекспиръ.

Пепко вторично угадалъ мою мысль. Я уже думалъ объ этомъ, хотя не съ экономической точки зрѣнія. У меня явилась потребность именно въ такой работѣ, которая открывала необъятный просторъ фантазіи. Вотъ единственный случай, когда можно излить на бумагу всѣ свои чувства, всѣ свои мысли и заставить другихъ чувствовать и думать то же самое. Это будетъ замаскированная исповѣдь, то, чего нельзя создать никакимъ трудомъ, никакой добросовѣстностью. Мнѣ припомнилась аллегорическая картина, изображавшая происхожденіе живописи. Южная лунная ночь. У стѣны стоятъ молодой человѣкъ и молодая дѣвушка. Онъ углемъ вычерчиваетъ на стѣнѣ абрисъ ея головки. Ахъ, какъ это справедливо и вѣрно... Вѣдь и я буду дѣлать то же, но только не въ области живописи, которую Гейне называетъ плоской ложью, а создамъ чудный женскій образъ словомъ. Все остальное будетъ только фономъ, подробностями, свѣтотѣнью, а главное—она, которая выйдетъ въ ореолѣ царицы.

— О, ты все это прочтешь и поймешь, какой человѣкъ тебя любитъ,—повторилъ я самому себѣ, принимаясь за работу съ ожесточеніемъ.—Я буду достоинъ тебя...

Но этотъ порывъ привелъ къ цѣлому ряду самыхъ печальныхъ открытій. Перечитавъ свои рукописи, я пришелъ къ грустному заключенію, что все написанное мной рѣшительно никуда не годится, какъ плохая выдумка неопытнаго лгуна. Не было жизни, потому что не было знанія жизни, и мои дѣйствующія лица походили на манекеновъ изъ папье-маше. Я только теперь понялъ, что придумывать жизнь нельзя, какъ нельзя довольствоваться фотографіями. За внѣшними абрисами, линіями и красками должны стоять живые

люди, нужно ихъ видѣть именно живыми, чтобы писать. Это самый таинственный процессъ въ психологіи творчества, еще болѣе таинственный, чѣмъ зарожденіе какого-нибудь реально-живого существа. Въ самомъ дѣлѣ, какая страшная сила заложена въ произведенія, созданныя двѣ тысячи лѣтъ назадъ и вызывающія у насъ слезы на глазахъ сейчасъ. Это такая неизмѣримо-громадная задача, передъ которой цѣпенѣлъ умъ. Нужно было быть избранникомъ, солью земли, чтобы набраться рѣшимости приступить къ такой задачѣ. И, представьте себѣ, то, что̀ называется классической литературой, самыя выдающіяся произведенія были написаны за много лѣтъ раньше, чѣмъ явилась критика со своимъ аршиномъ. При чемъ тутъ эта критика, и какъ она бѣдна... Я много читалъ и нигдѣ не нашелъ того, что̀ сейчасъ раскрывалось передъ моими глазами. Нѣтъ, неправда: въ исповѣди Ж.-Ж. Руссо есть одно мѣсто, гдѣ онъ близко подходилъ къ истинѣ, объясняя процессъ зарожденія своихъ произведеній. Кстати, я припомнилъ афоризмъ Любочки, что влюбленный человѣкъ понимаетъ все, какъ я сейчасъ понималъ все. Да, все... Это смѣло сказано и можетъ вызвать снисходительную улыбку, но это правда, и я еще разъ обращаюсь къ сравненію: любовь—это молнія, которая всполохомъ выхватываетъ громадную картину жизни, и вы видите эту картину въ мельчайшихъ подробностяхъ, ускользающихъ отъ вниманія въ обыкновенное время.

Бываютъ такіе моменты, когда человѣкъ начинаетъ провѣрять себя, спускаясь въ душевную глубину. Вѣдь себя нельзя обмануть, и нѣтъ суровѣе суда, какъ тотъ, который человѣкъ производитъ молча надъ самимъ собой. Эта психологическая анатомія не оставляетъ камня на камнѣ. Въ такія только минуты мы дѣлаемся искренними вполнѣ. Провѣряя самого себя, я пришелъ къ выводамъ и заключеніямъ самаго неутѣшительнаго характера и внутренно обличалъ себя. Прежде всего, недоставало высокой нравственной чистоты, той чистоты, которую можно сравнить только съ чистотой драгоцѣннаго металла, гарантированнаго природой отъ опасности окисленія. Эту чистоту замѣняла условная порядочность и самая обыкновенная нравственная чистоплотность. На этомъ скромномъ основаніи не могло развиться въ полную величину ни одно чувство, и оно появилось на свѣтъ уже тронутымъ и саморазлагающимся, какъ новый листъ растенія, который развертывается изъ почки съ роковыми пятнами начинающагося гніенія. Гнилостное зараженіе происходило еще въ зародышѣ. Какъ видите, я нисколько не обманывалъ себя относительно собственной особы и меньше всего вѣрилъ въ такъ называемые молодые порывы. Эта безпощадная критика имѣла тотъ смыслъ, что такимъ душевнымъ тономъ средняго человѣка нельзя писать, потому что все исходитъ изъ таинственныхъ глубинъ нашего чувства. Мой романъ сейчасъ меня приводитъ въ отчаяніе, какъ величайшая нелѣпость, вылѣпленная съ грѣхомъ пополамъ по чужому шаблону. Я въ отчаяніи швырнулъ свою рукопись въ уголъ.

— Ты это что̀?—удивился Пепко, никогда не терявшій присутствія духа и лишенный способности приходить въ отчаяніе.—Малодушіе?.. Разочарованіе въ собственной особѣ?

Я молчалъ и только смотрѣлъ на него злыми глазами. Эта самодовольная посредственность не могла ничего понять, такъ что слова были излишни. Въ Пепкѣ я ненавидѣлъ сейчасъ самого себя.

— Мы желали быть великими... гм... — думалъ вслухъ Пепко, начиная шагать по конурѣ.—Желаніе по своему существу довольно скромное, какъ всякое стремленіе къ совершенству, прогрессу и еще чортъ знаетъ къ чему-то зазвонистому, сногсшибательному. Хе-хе... Прежде чѣмъ человѣкъ что-нибудь сдѣлалъ, онъ разрѣшаетъ вопросъ о своей правоспособности на таковое величіе

и геройство. Очень недурно, даже мило... Настоящій большой талантъ внѣ всякой условной мѣры, вѣрнѣе—онъ самъ мѣра самому себѣ. Всѣ эти рамочки, шаблоны и трафареты существуютъ только для жалкой посредственности... Настоящій большой человѣкъ никогда не будетъ думать, есть у него талантъ или нѣтъ, какъ не думаетъ объ этомъ рѣка, когда въ весеннее половодье выступаетъ изъ береговъ, какъ не думаетъ соловей, который поетъ свою любовь. Вышло одно, именно—это томящая потребность выложить свою душу, охватить міръ, подняться вверхъ... Даже самая добродѣтель теряетъ здѣсь всякую цѣну, потому что она никому не нужна, а нужны творчество, вдохновеніе, высокій порывъ.

— Рѣка, берущая начало изъ нечистаго источника, не можетъ быть чистой, т.-е. утолять жажду.

— Все это прописная мораль, батенька... Если ужъ на то пошло, то посмотри на меня: передъ тобой стоитъ великій человѣкъ, который напишетъ „пѣсни смерти“. А вѣдь ты этого не замѣчалъ... Живешь вмѣстѣ со мной и ничего не видишь... Я расплачусь за свои недостатки и пороки золотой монетой...

— Твое величіе совершенно недоступно... невооруженному глазу.

— Въ тебѣ говоритъ зависть, мой другъ, но ты еще можешь проторить себѣ путь къ безсмертію, если впослѣдствіи напишешь свои воспоминанія о моей бурной юности. У всѣхъ великихъ людей были такіе друзья, которые нагрѣвали свои руки около огня ихъ славы... Dixi. Да, „Пѣсни смерти“—это вся философія жизни, потому что смерть—все, а жизнь—нуль.

XXIII.

Мое отчаяніе продолжалось цѣлую недѣлю, потомъ оно мнѣ надоѣло, потомъ я окончательно махнулъ рукой на литературу. Не всякому быть писателемъ... Я старался не думать о писаной бумагѣ, хоть было и не легко разставаться съ мыслью о грядущемъ величіи. Началась опять будничная сѣренькая жизнь, походившая на дождливый день. Распрощавшись навсегда съ собственнымъ величіемъ, я обратился къ настоящему, а это настоящее, въ лицѣ редактора Ивана Ивановича, говорило:

— Что вы пишете мелочи, молодой человѣкъ? Вы написали бы намъ вещицу побольше... Да-съ. Главное—названіе. Что тамъ ни говори, а названіе—все... Французы это отлично, батенька, понимаютъ: „Огненная женщина“, „Руки, полныя крови, розъ и золота“. Можно подпустить что-нибудь таинственное въ названіи, чтобы у читателя заперло духъ отъ одной обложки...

Первый мѣсяцъ своей дачной жизни мы съ Пепкой какъ-то совсѣмъ порвали и съ академіей и съ Петербургомъ. Но „необходимость жевать“ напомнила намъ о томъ и о другомъ. Буквы *а*, *е* и *о*, которыя Пепко называлъ своими кормилицами, давали ничтожный заработокъ, репортерской работы лѣтомъ не было, вообще приходилось серьезно подумать о томъ, что и какъ жевать. А тутъ еще Любочка, которая начала систематически донимать Пепку. Она являлась ровно черезъ день, какъ на службу, и теперь уже не стѣснялась моимъ присутствіемъ, чтобы разыгрывать сцены ревности, истерики и даже обмороки. Пепко только скрипѣлъ зубами отъ подавленной ярости, но ничего не могъ подѣлать. При появленіи Любочки я обыкновенно уходилъ, коварно предоставляя друга его собственной судьбѣ. Возвращаясь, я заставалъ самую мирную картину: Пепко обладалъ секретомъ успокаивать Любочку. Мнѣ казалось, что онъ пускалъ въ ходъ тотъ же маневръ, какъ хо-

зяинъ моей первой квартиры. Онъ заговаривалъ Любочку пустыми словами. Она была счастлива, какъ поденка, и уѣзжала домой съ улыбкой на лицѣ. Пепко провожалъ ее тоже съ улыбкой, а когда поѣздъ отходилъ, впадалъ въ моментальную ярость и начиналъ ругаться даже по-чухонски.

— Она изъ меня всѣ жилы вытянула... Что я буду дѣлать? Отчего я не турецкій султанъ и не могу бросить ее въ воду, зашивъ предварительно въ мѣшокъ? Отчего я не могу ее заточить куда-нибудь въ монастырь, какъ дѣлалось въ доброе старое время? Проклятіе вамъ, всѣ женщины, всѣ, всѣ... Я чувствую, что меня оставляютъ послѣднія силы, и я могу только воскликнуть съ мичашкой Нерономъ: какой великій артистъ погибаетъ!.. Проклятіе... и еще разъ проклятіе... О, я знаю, что такое женщина: это живая ложь, это притворство; это мертвая петля, это отрава...

— Послушай, ты говоришь, какъ старинный византійскій хронографъ...

— Женщина—это воплощеніе всяческой неправды и грѣха. Она создана на нашу погибель, вотъ эта самая милая женщина... И вѣдь какими дѣтскими средствами онѣ насъ пугаютъ—смѣшно сказать. Любочка твердитъ одно: утоплюсь, отравлюсь, брошусь подъ поѣздъ. Нарочно читаетъ газеты, вырѣзываетъ изъ нихъ подходящіе случаи самоубійства и преподноситъ ихъ мнѣ въ назиданіе. Какъ это тебѣ понравится? И вѣдь знаю, отлично знаю, что не отравится и не утопится, а все-таки какъ-то жутко... Чортъ ее знаетъ, что ей взбредетъ въ башку! Благодарю покорно... Оставитъ еще записку: „Умираю отъ несчастной любви къ такому-то студенту“. Всѣ газеты перепечатаютъ, потомъ носа никуда нельзя будетъ показать... О, женщины, проклятіе вамъ! Недаромъ въ Китаѣ считается верхомъ неприличія спросить почтеннаго человѣка о его женѣ или дочеряхъ...

— Послушай, Пепко, вѣдь это прекрасная тема...

— Тема? Тьфу... Знаешь, чѣмъ все кончится: я убѣгу въ Америку и осную тамъ секту ненавистниковъ женщинъ. Въ члены будутъ приниматься только тѣ, кто дастъ клятву не говорить ни слова съ женщиной, не смотрѣть на женщину и не думать о женщинѣ.

— Бѣдныя женщины!.. А я все-таки воспользуюсь твоей темой и даже названіе придумалъ: „Романъ Любочки“.

— А, чортъ, все равно... Катай Ивану Иванычу. Только названіе нужно другое... Что-нибудь этакое, понимаешь, забористое: „На волоскѣ отъ погибели“, „Бури сердца“, „Тигръ въ юбкѣ“. Иванъ Иванычъ съ руками оторветъ...

— Да, но.. гм... Какъ-то претитъ, Пепко...

— Э, вздоръ! Печатаясь у Ивана Иваныча, никто не мѣшаетъ тебѣ сдѣлаться Шекспиромъ... Это даже полезно, потому что расширяетъ горизонтъ. Необходимо пройти школу...

Пепко умѣлъ возвышаться до настоящаго краснорѣчія, какъ я уже говорилъ, но въ данномъ случаѣ его слова для меня были пустымъ звукомъ. Конечно, я писалъ кое-какія мелочи для Ивана Иваныча, но здѣсь шелъ вопросъ о „большой вещицѣ“, а это уже совсѣмъ другое дѣло. У меня уже составился цѣлый планъ настоящаго романа во вкусѣ Ивана Иваныча, и оставалось только осуществить его. Но даже въ замыслѣ мнѣ все это казалось жалкимъ предательствомъ, почти измѣной, потому что все это было только сдѣлкой и подлаживаніемъ. Писать для настоящаго большого журнала и писать для Ивана Иваныча—вещи несоизмѣримыя, и я впередъ чувствовалъ давленіе невидимой руки. Съ этой именно точки зрѣнія забракованный мною собственный романъ показался мнѣ особенно милымъ. Да, онъ выдуманъ, онъ

вмѣсто живыхъ лицъ даетъ манекеновъ, онъ не художественное произведеніе вообще, но зато онъ писался вполнѣ свободно, писался для избранной публики, писался вообще съ тѣмъ подъемомъ духа, который только и дѣлаетъ автора. А отъ Ивана Иваныча вѣяло спертымъ воздухомъ мелочной лавочки и ремесленничествомъ, которое сводится на угожденіе публикѣ. Тутъ не до идей и высокихъ помысловъ... Я впередъ предвидѣлъ, какъ отъ такой работы будетъ понижаться мой собственный душевный уровень, какъ я потеряю чуткость, языкъ, оригинальность и размѣняюсь на мелочи. Вообще скверно. И это съ самаго начала, а что же будетъ потомъ?

Я опять перечитывалъ свой романъ и начиналъ находить въ немъ нѣкоторыя достоинства, какъ описанія природы, двѣ-три удачныхъ сцены, двѣ-три характеристики. Есть авторы, которые выступаютъ сразу въ своемъ настоящемъ амплуа, и есть другіе авторы, которые поднимаются къ этому амплуа точно по лѣсенкѣ. Вдумываясь въ свое сомнительное дѣтище, я отнесъ себя къ послѣднему разряду. Да, впереди предстоялъ цѣлый рядъ неудачъ, разочарованій и ошибокъ, и только этимъ путемъ я могъ достигнуть цѣли. Я нисколько не обманывалъ себя и видѣлъ впередъ этотъ тернистый путь. Что же, у всякаго своя дорога... Вѣдь музыкантъ, прежде чѣмъ перейти къ композиторству, долженъ пройти громадную школу, художникъ тоже, и одна теорія ни тому ни другому не даетъ еще ничего, кромѣ знанія. Автору приходится сразу выступать композиторомъ, и въ этомъ громадная разница. Конечно, и у автора есть свой подражательный періодъ, который только постепенно смѣняется тѣмъ *своимъ*, что одно только и дѣлаетъ автора. Въ этомъ *своемъ*, какъ бы оно мало ни было, заключается весь авторъ; разница только въ степени. Есть свои рядовые, офицеры, генералы и даже фельдфебеля и унтеръ-офицеры.

Всѣ эти мысли и чувства проходили у меня довольно безсвязно, путались, сбивали другъ друга и производили тотъ хаосъ, въ которомъ трудно разобраться. А нужно было жить, нужно было работать... Ждать было нечего. Скрѣпя сердце, я принялся за работу для Ивана Иваныча. Помню, какъ мнѣ было совѣстно писать: „Романъ въ трехъ частяхъ“. Названіе пока еще не выяснилось, вѣрнѣе—было нѣсколько названій. Я старался писать потихоньку отъ Пепки, когда онъ пропадалъ въ „Розѣ“ или отправлялся съ Любочкой гулять въ паркъ. Стоялъ уже іюль. Погода была жаркая, и работа туго подвигалась впередъ. Мнѣ все казалось, что я пишу не то, что слѣдуетъ, и начинаю торговать собой. Это было мучительное сознаніе, которое отравляло всю работу. Предо мной неотступно стоялъ Иванъ Иванычъ со своей жирной улыбочкой и поощрительно говорилъ: „Ничего, уйдетъ на затычку“... А за нимъ стояла громадная толпа, которая требовала закрученной темы, кровавыхъ эпизодовъ, экстравагантной завязки. Я начиналъ ненавидѣть и эту толпу и самого Ивана Ивановича, которые совмѣстно давили меня. Вѣдь, кажется, можно было написать хорошую „вещицу“ и для этой толпы, о которой авторъ могъ и не думать, но это только казалось, а въ дѣйствительности получалось совсѣмъ не то: еще ни одно выдающееся произведеніе не появлялось на страницахъ изданій такихъ Ивановъ Иванычей, какъ причудливая орхидея не появится гдѣ-нибудь около забора. Всякому овощу свое мѣсто и свое время.

Разъ я сидѣлъ и писалъ въ особенно уныломъ настроеніи, какъ пловецъ, отъ котораго бѣжитъ желанный берегъ все дальше и дальше. Мнѣ опротивѣла моя работа, и я продолжалъ ее только изъ упрямства. Все равно, нужно было кончать такъ или иначе. У меня въ характерѣ было именно упрямство, а не

выдержка характера, какъ у Пепки. Отсюда проистекали неисчислимыя послѣдствія, о которыхъ послѣ.

Итакъ, я сидѣлъ за своей работой. Въ раскрытое окно такъ и дышало лѣтнимъ зноемъ. Пепко проводилъ эти часы въ „Розѣ“, гдѣ проходилъ курсъ бильярдной игры или гулялъ въ тѣни акацій и черемухъ съ Мелюдэ. Гдѣ-то сонно жужжала муха, гдѣ-то слышалась лѣнивая перебранка нашихъ милыхъ хозяевъ, въ окно летѣла пыль съ шоссе.

— О, юноша, который пренебрегъ радостями земли и предался сладкому труду,—раздался въ окнѣ знакомый голосъ.

Поднимаю голову и вижу улыбающееся и подмигивающее лицо Порфира Порфирыча. Онъ былъ, по обыкновенію, навеселѣ, причмокивалъ и топтался на мѣстѣ. Изъ-за его спины заглядывали въ мое окно лица остальныхъ членовъ „академіи“. Они были всѣ тутъ налицо, и даже самъ Спирька съ его краснымъ носомъ.

— Господа, пожалуйте...—приглашалъ я, пряча свою рукопись.

Компанія ввалилась въ нашу хибарку и наполнила все пространство, такъ что нечѣмъ сдѣлалось дышать.

— Ото дворюга...—хрипло басилъ Гришукъ, который чуть не доставалъ головой потолка.—А гдѣ Пепко, сучій сынъ? Уѣхалъ и адреса не оставилъ, а мы же сами нашли.

— Не въ этомъ дѣло...—бормоталъ Селезневъ.—Мы хотѣли подышать свѣжимъ воздухомъ, какъ это дѣлаютъ теперь всѣ порядочные люди, и сдѣлать вамъ сюрпризъ. Адресъ-то я разыскалъ... Зашелъ къ Ѳедосьѣ и разыскалъ. Тамъ еще познакомился съ нѣкоторой ученой дѣвицей, которая тоже собирается къ вамъ въ гости. Говоритъ, что ее приглашалъ Пепко. А впрочемъ, не въ этомъ дѣло...

Селезневъ протянулъ сжатый кулакъ, и я понялъ, что у него есть деньги, и что онъ опять предлагаетъ мнѣ братски раздѣлить ихъ.

— Что же мы будемъ здѣсь сидѣть зря?—заговорилъ Спирька, вытирая свою рожу шелковымъ платкомъ.—Мы вѣдь пріѣхали подышать воздухомъ... Гдѣ у васъ здѣсь воздухъ-то полагается?

Можно себѣ представить пріятное изумленіе Пепки, когда вся „академія“ ввалилась въ садикъ „Розы“. Онъ, дѣйствительно, гулялъ съ Мелюдэ, которая при видѣ незнакомыхъ мужчинъ вдругъ почувствовала себя женщиной, взвизгнула и убѣжала.

— Это что?—спрашивалъ Спирька, провожая глазами убѣгавшую даму.—Ахъ, нехорошо, молодой человѣкъ, и даже весьма вредно... Ужо вотъ маменькѣ напишу, какую вы здѣсь тѣнь наводите.

Дальнѣйшія событія послѣдовали въ обычномъ порядкѣ. Явился „человѣкъ“ съ салфеткой, явилась бутылка водки, бутерброды, селянка, ботвинья и т. д. Фрей былъ по обыкновенію молчаливъ, молча пилъ рюмку за рюмкой и молча сосалъ свою трубочку. Спирька раскраснѣлся, хлопалъ всѣхъ по плечу и предлагалъ всѣмъ денегъ. Гришукъ впалъ въ тяжелое настроеніе, которое имъ овладѣвало послѣ десятой рюмки. Селезневъ причмокивалъ, бормоталъ, подмигивалъ и все носился съ своимъ кулакомъ, въ которомъ оказалась зажатой „красная бумага“, т.-е. десять рублей. Пепко былъ на высотѣ призванія и распоряжался въ качествѣ тароватаго хозяина. Все равно, Спирька заплатитъ за всѣхъ. У меня шумѣло въ головѣ, и я былъ радъ, что опять вижу „академію“. Люди въ сущности очень хорошіе... Настоящее веселье началось съ появленіемъ Гамма, котораго Пепко отрекомендовалъ, какъ своего лучшаго друга.

— Ну, нѣмецкая фигура, показывай свой воздухъ... — заплетавшимся языкомъ приставалъ къ нему Спирька.—Тутъ была эта штучка... Ахъ, развей горе веревочкой!..

День промелькнулъ незамѣтно, а тамъ загорѣлись разноцвѣтные фонарики, и таинственная мгла покрыла „Розу“. Гремѣлъ хоръ, пьяный Спирька плясалъ вприсядку съ Мелюдэ, цѣловалъ Гамма и вообще развернулся по-купечески. Пьяный Гришукъ спалъ въ саду. Бодрствовалъ одинъ Фрей, по-прежнему пилъ и по-прежнему сосалъ свою трубочку. Была уже полночь, когда Спирька бросилъ на полъ хору двадцать пять рублей, обругалъ ни за что Гамма и заявилъ, что хочетъ дышать воздухомъ.

— Жена спроситъ... гдѣ былъ? Ну, а я скажу... ежели я дышалъ...

„Роза“ уже закрывалась, когда мы очутились на улицѣ, т.-е. на шоссе. Подняли даже Гришука, который только моталъ головой. Пепко повелъ компанію черезъ Второе Парголово. Мы шли по шоссе одной гурьбой. Кто-то затянулъ пѣсню, кто-то подхватилъ, и мирныя обители огласились неистовымъ ревомъ. Впереди шелъ Селезневъ, выкидывая какіе-то артикулы, какъ тамбуръ-мажоръ. Помню, какъ мы поровнялись съ дачей, гдѣ жила „дѣвушка въ бѣломъ платьѣ“. Въ мезонинѣ распахнулось окно, въ немъ показалось испуганное дѣвичье лицо и сейчасъ же скрылось...

„Романъ дѣвушки въ бѣломъ платьѣ“ былъ конченъ.

XXIV.

Эту главу я могъ бы назвать: „Пробужденіе льва“, какъ Пепко называлъ тотъ моментъ, когда просыпался утромъ.

— Мнѣ кажется, что я только-что родился, — увѣрялъ онъ, валяясь въ постели.—Да... Вѣдь каждый день вѣчность, по крайней мѣрѣ, цѣлый вѣкъ. А какъ я засыпаю, мнѣ кажется, что я умираю. Каждое утро — это новое рожденіе, и только наше неисправимое легкомысліе скрываетъ отъ насъ его великое значеніе и внутренній смыслъ. Я радуюсь, когда просыпаюсь, потому что чувствую каждой каплей крови, что живу и хочу жить... Вѣдь такъ немного дней отпущено намъ на долю. Однимъ словомъ, пробужденіе льва...

Разсужденія, несомнѣнно, прекрасныя; но то утро, которое я сейчасъ буду описывать, являлось яркимъ опроверженіемъ Пепкиной философіи. Начать съ того, что въ собственномъ смыслѣ утра уже не было, потому что солнце уже стояло надъ головой — значитъ, былъ лѣтній полдень. Я проснулся отъ легкаго стука въ окно и сейчасъ же заснулъ. Стукъ повторился. Я съ трудомъ поднялъ тяжелую вчерашнимъ похмельемъ голову и увидалъ заглядывавшее въ стекло женское лицо. Первая мысль была та, что это явилась Любочка.

— Пепко, вставай... Къ тебѣ.

— Къ чорту...—мычалъ Пепко.

Онъ лежалъ на полу въ самой растерзанной позѣ, какъ птица, которую раздавило колесомъ.

— Пепко, это свинство.

Пепко сѣлъ, покачалъ похмельной головой и, взглянувъ въ окно, только развелъ руками. Онъ узналъ медичку Анну Петровну. Я вчера совершенно забылъ предупредить его, что она собирается къ намъ.

— Голубушка, Анна Петровна, подождите сущую малость, — взмолился Пепко, вскакивая горошкомъ.—Вотъ такъ фунтъ!..

Я тоже поднялся. Трагичность нашего положенія, кромѣ жестокаго по-

хмелья, заключалась главнымъ образомъ въ томъ, что даже войти въ нашу избушку не было возможности: сѣни были забаррикадированы мертвыми тѣлами „академіи“. Окончаніе вчерашняго дня пронеслось въ очень смутныхъ сценахъ, и я могъ только удивляться, какъ попалъ къ намъ нѣмецъ Гаммъ, котораго Спирька хотѣлъ бить и который теперь спалъ, положивъ свою нѣмецкую голову на русское брюхо Спирьки.

— Господа, вставайте...—сдѣлалъ я попытку разбудить.

Отвѣтилъ только одинъ голосъ Спирьки, проговоривъ въ изнеможеніи:

— Испить бы... Все нутро горитъ.

Потомъ голосъ прибавилъ умоляющимъ тономъ:

— Гдѣ я?

Въ сѣняхъ было темно, и Спирька успокоился только тогда, когда при падавшемъ черезъ дверь свѣтѣ увидѣлъ спавшаго Фрея, Гришука и Порфира Порфирыча. Всѣ спали, какъ зарѣзанные. Пепко сдѣлалъ попытку разбудить, но изъ этого ничего не вышло, и онъ трагически поднялъ руки кверху.

— Что я буду дѣлать? О, что я буду дѣлать?.. Это какой-то свиной хлѣвъ, а не жилище порядочныхъ людей. Нечего сказать, товарищи...

— Ты иди сейчасъ съ Анной Петровной гулять въ паркъ,—совѣтовалъ я:—а я тѣмъ временемъ все устрою. Ты потомъ найдешь насъ въ „Розѣ“...

— Но вѣдь у меня башка трещитъ, какъ у чорта... Я ничего не понимаю, наконецъ. О, несчастный юноша!..

— Ничего, на свѣжемъ воздухѣ оправишься...

— Я чувствую себя свиньей, винной бочкой... Нѣтъ ли хоть нашатырнаго спирта?

— Ступай, ступай... Анна Петровна ждетъ. Оказывается, что ты самъ приглашалъ ее въ гости...

Большаго наказанія для Пепки нельзя было придумать. Я въ окно поздоровался съ гостьей и сказалъ, что Пепко сейчасъ выйдетъ. Анна Петровна сегодня выглядѣла свѣжѣе обыкновеннаго и казалась такой миловидной. Въ видѣ уступки лѣтнему сезону на черной касторовой шляпѣ у нея былъ неумѣло прицѣпленъ какой-то сиреневый бантъ. Вотъ посмѣялась бы Наденька надъ этимъ наивнымъ украшеніемъ, — она была великая мастерица по части дамскихъ туалетовъ.

— Къ намъ сейчасъ нельзя войти... — сбивчиво объяснялъ я.—Дача у насъ крошечная, а вчера къ намъ пріѣхали изъ города гости...

— А, понимаю, — протянула Анна Петровна однимъ звукомъ, и потрепанный черный зонтикъ въ ея рукѣ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.—Я пріѣхала, кажется, не во-время.

— Вы не можете пріѣхать не во-время,—галантно заявилъ Пепко, показываясь въ калиткѣ.—Я васъ давно поджидалъ... погода стоитъ отличная...

Анна Петровна съ печальной улыбкой посмотрѣла на его измятое лицо, на опухшіе красные глаза, и какъ-то брезгливо подала свою маленькую худую ручку.

— Пока мы пройдемся по парку, Анна Петровна...

— Отлично... Я такъ давно не дышала свѣжимъ воздухомъ.

Пепко подошелъ ко мнѣ и прошепталъ:

— Кажется, намъ теперь лучше не ходить по Второму Парголову послѣ вчерашняго концерта?

— Ступай въ паркъ Третьимъ Парголовымъ... Намъ теперь входъ во Второе Парголово закрытъ навсегда.

Этотъ вопросъ Пепки поднялъ въ моей памяти яркую картину нашего

вчерашняго безобразія. Это было не теоретическое свинство, а настоящее, реальное. Да, теперь со Вторымъ Пархоломъ все кончено... Что подумала вчера о насъ эта милая дѣвушка въ бѣломъ платьѣ? Нѣтъ, это ужасно... Идетъ орава пьяныхъ людей и горланитъ пѣсни. Такъ могли сдѣлать пьяные дворники, дачный мужикъ, чухонцы, возвращающіеся изъ города... И въ числѣ этихъ забулдыгъ и трактирныхъ завсегдатаевъ идетъ будущій русскій писатель? О, онъ никогда не будетъ писателемъ... Слышите, дѣвушка въ бѣломъ платьѣ: никогда! Меня охватило такое отчаяніе, что я готовъ былъ расплакаться, какъ ребенокъ. Неужели это былъ я? Гдѣ же разумъ, характеръ, совѣсть, гдѣ самая простая порядочность? Достаточно было пріѣхать пьяному купцу, книжнику, чтобы мы всѣ напились, какъ сапожники. Обидно, возмутительно, несправедливо... И какъ должна насъ презирать вотъ эта сѣрая дѣвушка Анна Петровна, вся такая чистенькая, свѣтлая и какъ-то печально-серьезная. Она явилась живой совѣстью нашего безобразнаго поведенія... Объ Александрѣ Васильевнѣ я старался не думать: это было святотатствомъ.

— Послушайте, а гдѣ моя красная бумага? — умоляюще спрашивалъ хриплымъ голосомъ проснувшійся Селезневъ.

Онъ шарилъ около себя руками и приходилъ въ отчаяніе: деньги были потеряны во время ночной прогулки. Этотъ случай разсмѣшилъ Спирьку до слезъ.

— Ахъ, Порфирычъ, жаль мнѣ тебя... Вотъ тебѣ и несгораемый шкапъ! Ошибку давалъ...

Старикъ вскочилъ, одѣлся и побѣжалъ въ паркъ разыскивать потерянныя деньги, а Спирька лежалъ и хохоталъ.

— Говорилъ вчера: отдай мнѣ на сохраненіе... Ахъ, прокуратъ, прокуратъ!.. Ну, да деньги дѣло наживное: не радуйся — нашелъ, не тужи — потерялъ.

Черезъ часъ вся компанія сидѣла опять въ садикѣ „Розы“, и опять стояла бутылка водки, окруженная разной трактирной снѣдью. Всѣ опохмелялись съ какимъ-то молчаливымъ ожесточеніемъ, хлопая рюмку за рюмкой. Исключеніе представлялъ только одинъ я, потому что не могъ даже видѣть, какъ другіе пьютъ. Особенно усердствовалъ вернувшійся съ безуспѣшныхъ поисковъ Порфиръ Порфирычъ и сейчасъ же захмелѣлъ. Спирька продолжалъ надъ нимъ потѣшаться и придумывалъ разныя сентенціи.

— Можетъ-быть, бѣдный человѣкъ нашелъ твои десять цѣлковыхъ, ну, Богу помолится за тебя... Все же однимъ грѣхомъ меньше.

— Не въ этомъ дѣло... гм... послѣднія были.

— А я такъ дѣлаю: постоянно молю Бога, чтобы самому кого не обидѣть, а ежели меня кто обидитъ—мнѣ же лучше. Такъ-то, малиновая голова...

Гришукъ и Фрей упорно молчали, какъ люди, которые шли на что-то съ отчаянной рѣшимостью.

— Эй, ты, зебра полосатая, еще ейнъ фляшъ!—приказывалъ Спирька трактирному человѣку и хохоталъ: слово „зебра“ ему казалось очень смѣшнымъ.

„Академія“ была уже на первомъ взводѣ, когда появился Пепко въ сопровожденіи своей дамы. Меня удивила рѣшимость его привести ее въ этотъ вертепъ и отрекомендовать „друзьямъ“. По глазамъ дѣвушки я замѣтилъ, что Пепко успѣлъ наговорить ей про академиковъ невѣсть что, и она отнеслась ко всѣмъ съ особеннымъ почтеніемъ, потому что видѣла въ нихъ литераторовъ.

— Зачѣмъ ты затащилъ ее сюда?—журилъ я Пепку.

— Во-первыхъ, дома у насъ нѣтъ ни чаю ни сахару, во-вторыхъ, у меня башка трещитъ съ похмелья, а дома ни одной капли водки, и въ-третьихъ... да, въ-третьихъ...

Пепко прищурилъ одинъ глазъ, покривилъ лицо и проговорилъ съ особенной таинственностью, точно сообщилъ секретъ величайшей важности:

— Я—несчастный человѣкъ, и больше ничего...

— Анна Петровна влюблена въ тебя?—предупредилъ я исповѣдь.

— И даже очень... Три раза сказала, что скучаетъ, потомъ начала обращать меня на путь истины... Трогательно! Точно съ младенцемъ говоритъ... Однимъ словомъ, мнѣ нельзя сказать съ молоденькой женщиной двухъ словъ, и я просто боялся остаться съ ней дольше съ глазу на глазъ.

— Боялся, что она бросится къ тебѣ на шею? Ахъ, ты, шутъ гороховый...

Воображаю, какъ вознегодовала бы Анна Петровна, если бы только подозрѣвала мысли Пепки. Мнѣ вчужѣ было совѣстно за нее.

— Вы ужъ насъ извините, барышня,—оправдывался Спирька за всѣхъ.—Человѣкъ не камень, въ другой разъ и опохмелиться захочетъ... Вышла у насъ вчера небольшая ошибочка. Я такъ полагаю, что это не иначе, какъ отъ свѣжаго воздуху. Ошибетъ человѣка, ну, онъ и закуритъ...

Дѣвушка наскоро выпила стаканъ чаю и начала прощаться. Она поняла, кажется, въ какое милое общество попала, особенно, когда появилась Мелюдэ. Интересно было видѣть, какъ встрѣтились эти двѣ дѣвушки, представлявшія крайніе полюсы своего женскаго рода. Мелюдэ съ нахальствомъ трактирной гетеры сдѣлала видъ, что не замѣчаетъ Анны Петровны. Я постарался увести медичку.

— Я въ первый разъ вижу такъ близко этого сорта женщину...—говорила Анна Петровна со своей больной улыбкой.—Какая она красивая... Мнѣ очень было интересно посмотрѣть на нее. Зачѣмъ вы меня увели?

— Нѣтъ, Анна Петровна, это не годится... Да и интереснаго мало. Лучше я вамъ разскажу...

Анна Петровна вздохнула и оглянулась, точно за ней по пятамъ гналась красивая тѣнь этой жертвы общественнаго темперамента.

Появленіе „академіи“ имѣло роковое значеніе въ нашемъ лѣтнемъ сезонѣ, потому что послужило поворотнымъ пунктомъ. Приходилось отсиживаться въ своей избушкѣ. На прогулки я выходилъ или раннимъ утромъ, или поднимъ вечеромъ. Мнѣ казалось, что всѣ указываютъ на насъ пальцами. Ничего не оставалось, какъ углубиться въ романъ для Ивана Иваныча, что я и дѣлалъ. Правда, что эта роль падшаго ангела доставалась не легко, но человѣкъ можетъ привыкнуть ко всему. Вообще было скверно и гадко на душѣ, и я долго не могъ забыть нашей дикой прогулки по Второму Парголову. Спеціально для Пепки этотъ день принесъ нѣкоторыя спеціальныя огорченія. Оказалось, что Анна Петровна пріѣзжала съ спеціальной миссіей завести переговоры съ Пепкой относительно Любочки, о положеніи которой она знала отъ Ѳедосьи. Первая неудача не остановила медичку, и она явилась къ намъ вторично, но на этотъ разъ вмѣсто „академіи“ столкнулась съ самой Любочкой, встрѣтившей ее крайне враждебно, какъ явную соперницу. Произошла пренелѣпая сцена, причемъ Пепко очутился въ положеніи свиньи, которую палятъ на огнѣ со всѣхъ сторонъ.

— Васъ кто просилъ заступаться за меня? — наступала Любочка на Анну Петровну съ какимъ-то бабьимъ азартомъ— Это мое дѣло...

— Да вѣдь я въ вашихъ же интересахъ хотѣла поговорить съ Агаѳономъ Павловичемъ...

— Покорно благодарю... Знаю я, какіе у васъ интересы. Отбить хотите у меня Агаѳона Павловича, вотъ и весь сказъ... Меня не проведете. А еще студентка!..

— Послушайте, вы забываетесь...

— Нѣтъ, это вы забываетесь и считаете меня круглой дурой. Не безпокойтесь, живая не дамся въ руки. Не таковская... Самой дороже стоитъ. Я вѣдь не посмотрю, что вы ученая, и прямо глаза выцарапаю... да. Я въ ваши дѣла не мѣшаюсь: любите, кого хотите, а меня оставьте.

Дальше послѣдовала непритворная истерика, угрозы по неизвѣстному адресу и вообще скандалъ въ благородномъ семействѣ. Положеніе Пепки было самое отчаянное, и онъ молча скрежеталъ зубами.

— Значитъ, мнѣ остается только уходить?—закончила сцену Анна Петровна, обращаясь къ Пепкѣ. — Я вступилась въ это дѣло именно потому что имѣю несчастіе принадлежать къ одной съ вами корпораціи, и могу только пожалѣть...

— И уходите, и не нужно!.. — голосила Любочка. — Жениха вы себѣ ищете, вотъ что... Да не туда попали. Адресъ не тотъ...

Въ сущности, своимъ неистовымъ поведеніемъ Любочка спасла Пепку въ глазахъ Анны Петровны.

— Это ужасно... ужасно... —повторяла она, когда я провожалъ ее на вокзалъ.

— Да, и не совсѣмъ красиво...

— И вы можете такъ спокойно говорить объ этомъ?—возмущалась Анна Петровна уже по моему адресу.—Какая испорченность!..

— Будемте справедливы, Анна Петровна: при чемъ же я-то тутъ? Поставьте себя на мое мѣсто. Вообще самая грустная ошибка.

— Хороша ошибка!.. И такая женщина... Нѣтъ, скажите мнѣ, что могло ихъ связать?

При всемъ желаніи дать основательный отвѣтъ на этотъ наивный вопросъ, я только долженъ былъ пожать плечами. Мы говорили на двухъ разныхъ языкахъ.

XXV.

Нашъ лѣтній сезонъ закончился „исторіей сѣраго человѣка“, о которой я разскажу здѣсь, хотя и приходится нѣсколько забѣжать впередъ.

Вторая половина нашего дачнаго сезона прошла довольно скучно. Мы рѣдко показывались изъ дома и вели жизнь отшельниковъ. Не думаю, что этимъ мы исправили свою репутацію, которую, какъ извѣстно, достаточно потерять всего одинъ разъ. Пепко былъ особенно мраченъ и отдыхалъ только въ „Розѣ“. Даже періодическія нападенія Любочки уже потеряли свой острый характеръ и, кажется, начинали надоѣдать ей самой. Она теперь ревновала Пепку къ Аннѣ Петровнѣ, упорно и несправедливо, какъ это умѣютъ дѣлать только безнадежно влюбленныя женщины.

— Чортъ возьми, она наводитъ на меня дурныя мысли!—ругался Пепко, напрасно стараясь разсердиться.—Такъ я и въ самомъ дѣлѣ могу влюбиться въ Анну Петровну... Она мнѣ даже начинаетъ нравиться. Я такъ не люблю, когда женщина первая начинаетъ подавать реплики... Это мое несчастье, что женщины не могутъ видѣть меня равнодушно...

— У тебя просто разстроенное воображеніе, Пепко. Могу тебя увѣрить, что твоя единственная побѣда—это Любочка...

Я начиналъ вообще замѣчать какую-то перемѣну въ настроеніи Пепки. Отдавая должную дань концу лѣта, онъ часто принималъ задумчивый видъ и мурлыкалъ про себя:

. . . . Отъ ликующихъ,
Праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви.

Мнѣ лично было какъ-то странно слышать эти слова именно отъ Пепки съ его рафинированнымъ индифферентизмомъ и органическимъ недовѣріемъ къ каждому большому слову. Въ немъ это недовѣріе прикрывалось цѣлымъ фейерверкомъ какихъ-то бурныхъ парадоксовъ, афоризмовъ и полумыслей, потому что Пепко всегда держалъ камень за пазухой и относился съ презрѣніемъ какъ къ другимъ, такъ и къ самому себѣ.

Начались дождливые дни. Дунулъ холодный вѣтеръ. Пожелтѣвшіе листья засыпали аллеи парка. По усвоенному маршруту я почти ежедневно обходилъ всѣ тѣ мѣста, которыя казались мнѣ освященными невидимымъ присутствіемъ Александры Васильевны. Да, она проходила здѣсь, садилась отдохнуть, а сейчасъ холодный вѣтеръ точно отнѣвалъ промелькнувшее короткое счастье. Да и было ли оно, это счастье? Оно начинало казаться мнѣ миѳомъ, выдумкой, плодомъ воображенія... Но вотъ эти сосны и ели, которыя видѣли ее,—значитъ, счастье было. Мое паломничество заканчивалось обыкновенно пріютомъ доброй феи, она же и ундина. Помню, какъ мы подходили съ Пепкой къ этому пріюту въ дождливый и холодный осенній день. Ставни дачи были закрыты, въ садикѣ неизвѣстно откуда появились кучи сора, и на калиткѣ была прилѣплена бумажка съ надписью: „ресторанъ закрытъ“. Пепко перечиталъ нѣсколько разъ эту бумажку, вздохнулъ и проговорилъ:

— Это намъ повѣстка: пора удирать съ дачи. На-дняхъ Мелюдэ тоже уѣзжаетъ... Какъ будто даже чего-то жаль. Этакое, знаешь, подлое, слезливое чувство, а въ сущности наплевать...

Я молчалъ, испытывая такое же подлое и слезливое чувство, — оно появилось съ первымъ желтымъ листомъ.

Кстати, вмѣстѣ съ сезономъ конченъ былъ и мой романъ. Получилась „объемистая“ рукопись, которую я повезъ въ городъ вмѣстѣ съ остальнымъ скарбомъ. Свою работу я тщательно скрывалъ отъ Пепки, а онъ дѣлалъ видъ, что ничего не подозрѣваетъ. „Ѳедосьины покровы“ мнѣ показались особенно мрачными послѣ лѣтняго приволья.

— Это же удивительно, что на всемъ земномъ шарѣ нигдѣ не нашлось мѣста подлѣе,—ворчалъ Пепко.—Гдѣ-то синѣетъ южное небо, гдѣ-то плещетъ голубая морская волна, гдѣ-то растутъ пальмы и лотосы, а мы должны пропадать въ этой подлой дырѣ... И вѣдь это только такъ кажется, что все это пока, такъ, до поры до времени, а настоящее еще будетъ тамъ, впереди, — ничего не будетъ, кромѣ деликатной перемѣны одной дыры на другую. Тьфу!.. Я вообще чувствую себя заживо погребеннымъ, въ родѣ шильонскаго узника. О, проклятіе несправедливой судьбѣ!

Ѳедосья встрѣтила насъ довольно холодно, а потомъ начала таинственно ухмыляться, поглядывая на Пепку. Анна Петровна попрежнему жила въ своей каморкѣ и попрежнему умѣла оставаться незамѣтной. Остальной составъ жильцовъ возобновился почти въ прежнемъ видѣ, за исключеніемъ Горгедзе, который кончилъ курсъ и уѣхалъ къ себѣ на Кавказъ. Да, все было попрежнему, какъ это умѣетъ дѣлать только скучное, безцвѣтное и вялое,—всякая энергія выражается перемѣнами въ томъ или другомъ смыслѣ. „Ѳедосьины покровы“ такимъ образомъ являлись мѣрой своихъ обитателей. Всѣ эти грустныя мысли являлись въ невольной связи съ открывавшимся изъ нашего окна ландшаф-

томъ забора, осеннимъ дождемъ и какимъ-то унынiемъ, висѣвшимъ въ самомъ воздухѣ.

Въ одно непрекрасное утро я свернулъ въ трубочку свой романъ и отправился къ Ивану Иванычу. Та же контора, тотъ же старичокъ-секретарь и то же стереотипное приглашенiе зайти за отвѣтомъ „недѣльки черезъ двѣ“. Я былъ увѣренъ въ успѣхѣ и не волновался особенно. „Недѣльки“ прошли быстро. Отвѣтъ я получилъ лично отъ самого Ивана Иваныча. Онъ вынесъ „объемистую рукопись“, по привычкѣ, какъ купецъ, взвѣсилъ ее на рукѣ и изрекъ:

— А вѣдь вещица-то не годится, молодой человѣкъ...

— Какъ не годится, Иванъ Иванычъ!..

— А такъ... Вы знаете, что по существу дѣла мы не обязаны отвѣчать, а просто не подходитъ, и все тутъ. У васъ удачнѣе маленькiе разсказики...

У меня какъ-то вдругъ закружилась голова отъ этого отвѣта. Пропадало около четырехсотъ рублей, распланированныхъ впередъ съ особенной тщательностью. Отвѣтъ Ивана Иваныча прежде всего лишалъ возможности костюмироваться прилично, т.-е. имѣть пріятную возможность отправиться съ визитомъ къ Александрѣ Васильевнѣ. Въ первую минуту я даже какъ-то не повѣрилъ своимъ ушамъ.

— Да, не годится,—добродушно тянулъ Иванъ Иванычъ, какъ хирургъ, который по всѣмъ правиламъ науки отрѣзываетъ голову живому человѣку. — Приносите маленькую вещицу—напечатаю съ удовольствiемъ.

Это былъ вообще страшный ударъ. Съ возвращенной рукописью я отправился прямо въ портерную, гдѣ засѣдала „академiя“. Налицо оказался одинъ Фрей. Онъ молча выслушалъ меня и, не выпуская трубки, рѣшилъ:

— Что-нибудь неспроста... Я разузнаю... Хотите пива?

Я чувствовалъ только одно, что вполнѣ заслужилъ такой афронтъ: сама судьба карала за допущенный компромиссъ. Да, есть что-то такое, что справедливѣе насъ.

Черезъ нѣсколько дней Фрей мнѣ сообщилъ все „неспроста“.

— У васъ есть врагъ... Онъ передалъ Ивану Иванычу, что вы гдѣ-то говорили, что получаете съ него по десяти рублей за каждаго убитаго человѣка. Онъ обидѣлся, и я его понимаю... Но вы не унывайте: мы устроимъ вашъ романъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Свѣтъ не клиномъ сошелся.

— Ахъ, дѣлайте, что хотите! Мнѣ рѣшительно все равно...

Это равнодушiе, кажется, понравилось Фрею, хотя онъ по привычкѣ и не высказалъ своихъ чувствъ. Онъ вообще напоминалъ одного изъ тѣхъ лоцмановъ, которые всю жизнь проводятъ чужiя суда въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ и настолько свыкаются со своимъ отвѣтственнымъ и рискованнымъ дѣломъ, что даже не чувствуютъ этого.

Итакъ, съ романомъ было все кончено. Впереди оставалось прежнее репортерство, мыканье по ученымъ обществамъ, вообще мелкiй и малопроизводительный трудъ. А главное, оставалась связь съ „академiей“, тѣмъ болѣе, что срокъ запрещенiя „Нашей Газеты“ истекъ, и машина пошла прежнимъ ходомъ.

Мысль объ Александрѣ Васильевнѣ не оставляла меня все время. Я съ ней ложился и съ ней вставалъ. Весь вопросъ опять сводился на то, какъ явиться къ ней „оригиналомъ“. Я готовъ былъ продать душу чорту, чтобы достать приличный костюмъ, и дѣлалъ отчаянныя попытки въ этомъ направленiи, которыя, къ сожалѣнiю, не привели ни къ чему. Подходящаго костюма не нашлось ни у одного изъ товарищей, т.-е. отдѣльныя подробности находи-

лись, но изъ нихъ еще не получалось приличнаго цѣлаго. Положеніе, во всякомъ случаѣ, получалось трагикомическое, и я не повѣрилъ своей тайны даже Пепкѣ. Все равно, онъ ничего бы не понялъ...

Здѣсь именно мнѣ приходится забѣжать впередъ, къ февралю мѣсяцу, когда въ клубѣ художниковъ, существовавшемъ въ Троицкомъ переулкѣ, устраивался студенческій балъ. У меня въ этотъ вечеръ было засѣданіе въ Техническомъ обществѣ, но я предпочелъ отправиться на балъ, надѣясь встрѣтить кого-нибудь изъ знакомыхъ репортеровъ и отъ нихъ позаимствовать что-нибудь для отчета. Вопросъ о костюмѣ разрѣшился тѣмъ, что я досталъ у одного изъ товарищей лѣтнюю сѣрую пару. Никогда я не забуду этого костюма... Ничтожное по своей сущности стремленіе быть одѣтымъ, какъ другіе, отравило мнѣ весь вечеръ. Мнѣ казалось, что трехтысячная толпа смотритъ на одного меня, и всѣ улыбаются, поглядывая на „сѣраго человѣка“. Чувство жуткое и непріятное, особенно, когда всѣ одѣты во фраки и сюртуки. Я уныло бродилъ изъ залы въ залу, тщетно отыскивая другого „сѣраго человѣка“. Какъ на зло, такого alter ego не оказалось, и я опять чувствовалъ, что всѣ смотрятъ на меня. Глупое чувство, пелѣное, но оно меня мучило... Въ довершеніе всего, встрѣчаю Александру Васильевну, которая шла подъ руку съ какимъ-то франтикомъ во фракѣ. Она сейчасъ же оставила его руку и обратилась ко мнѣ съ упрекомъ:

— И вамъ не совѣстно? Нисколько?.. А я-то ждала васъ...

— Александра Васильевна, я былъ серьезно боленъ, — совралъ я съ самымъ серьезнымъ лицомъ.

— А какъ же Надя мнѣ говорила, что вы здоровы и просто не хотите быть у меня?.. Вы, просто, безсовѣстный человѣкъ...

Она, кажется, еще никогда не была такъ красива, какъ сейчасъ. И опять въ неизмѣнномъ черномъ шелковомъ платьѣ, еще сильнѣе вытѣнявшемъ матовую бѣлизну кожи. Она такъ просто взяла подъ руку „сѣраго человѣка“ и пошла по заламъ. Это уже было геройство, и я чувствовалъ себя на седьмомъ небѣ. Да, она была красива, настолько красива, что толпа почтительно разступалась передъ ней, провожая насъ почтительнымъ шопотомъ. „Сѣрый человѣкъ“ шелъ подъ руку съ признанной царицей бала и позабылъ все на свѣтѣ... Она о чемъ-то разспрашивала, онъ что-то отвѣчалъ, сознавая только одно, что она опять около него, цвѣтущая, красивая, чудная, восхитительная, какъ греза поэта. Она опять смѣялась, а „сѣрый человѣкъ“ держалъ себя съ такимъ непринужденнымъ видомъ, точно ему было все равно, или, вѣрнѣе сказать, вся трехтысячная толпа превратилась въ такихъ же сѣрыхъ человѣковъ. Свою смѣлость „сѣрый человѣкъ“ довелъ до того, что пригласилъ даму на кадриль, каковая и была исполнена визави съ Пепкой, танцовавшимъ съ Анной Петровной.

— Трогательная картина, — шепнулъ мнѣ Пепко, выдѣлывая solo во второй фигурѣ.—Похоже на семейную радость.

Анна Петровна съ какимъ-то печальнымъ изумленіемъ смотрѣла на мою даму и участливо улыбалась мнѣ.

— Какая красавица...—проговорила она, когда въ шестой фигурѣ перешла въ мои объятія.—Это даже несправедливо!..

Послѣ танцевъ Александра Васильевна захотѣла пить, и я былъ счастливъ, что имѣлъ возможность предложить ей порцію мороженаго. Мы сидѣли за мраморнымъ столикомъ и болтали всякій вздоръ, который въ передачѣ является уже полной безсмыслицей. Ея кавалеръ демонстративно прошелъ мимо насъ уже три раза, но Александра Васильевна умышленно не замѣчала

его, точно отвоевывала себѣ каждую четверть часа. Наконецъ кончилось и мороженое. Она поднялась, подавая руку, и устало проговорила:

— Проводите меня въ слѣдующую комнату, гдѣ сидитъ мой... кавалеръ.

Послѣднее слово она выговорила съ замѣтнымъ усиліемъ, а потомъ улыбнулась и прибавила:

— А вы все-таки безсовѣстный... Я жду васъ.

— О, конечно. Я буду такъ счастливъ видѣть васъ...

Сколько такихъ обѣщаній не выполняется никогда, гораздо больше, чѣмъ не сбывается сновъ. Но я вѣрилъ въ свои слова, отводя свою даму къ ея компаніи. Я даже не посмотрѣлъ, кто тамъ сидѣлъ, а отправился прямо въ „мертвецкую“, гдѣ сейчасъ же напился съ горя и почувствовалъ себя „сѣрымъ человѣкомъ“ съ новой силой. Откуда-то появился Пепко, освободившійся отъ дамы. Онъ тоже былъ мраченъ. Опьяняла вся обстановка: шумъ голосовъ, пѣніе, табачный дымъ. Когда я вышелъ въ залу, публики оставалось едва одна половина. Къ моему удивленію, я замѣтилъ другого сѣраго человѣка, который внимательно наблюдалъ меня. Я вдругъ почувствовалъ облегченіе, точно встрѣтилъ родного брата. Такой же точно лѣтній костюмъ, такой же ростъ, и даже лицомъ походитъ на меня. Я пошелъ къ нему, онъ двинулся навстрѣчу мнѣ. Потомъ... потомъ оказалось, что это было отраженіе въ стѣнномъ зеркалѣ моей собственной персоны. „Сѣрый человѣкъ“ такъ и остался въ одиночествѣ.

XXVI.

Въ предыдущемъ очеркѣ я забѣжалъ впередъ, чтобы закончить исторію „сѣраго человѣка“, а сейчасъ возвращусь къ моменту, когда Фрей взялъ у меня рукопись романа. Черезъ три дня онъ мнѣ объявилъ:

— Съ января будетъ издаваться новый журналъ „Кошница“, матеріала у нихъ нѣтъ, и они съ удовольствіемъ напечатаютъ вашъ романъ. Только, чуръ, условіе: не слѣдуетъ дешевить.

— Постараюсь...

— Да, да... Не забывайте, что не вы одинъ, не слѣдуетъ сбивать цѣнъ.

Разговоръ происходилъ въ трактирѣ Агапыча, гдѣ мы снова водворились вмѣстѣ съ возстановленіемъ дѣятельности „Нашей Газеты“. Притягательной силой являлись привычка къ своему насиженному углу и нѣкоторый кредитъ, который открывалъ Агапычъ своимъ завсегдатаямъ. Вообще мы здѣсь чувствовали себя по-домашнему, какъ богатые люди въ своихъ клубахъ. Прислуга давно уже выдѣлила насъ изъ остальной, случайной публики и относилась къ намъ по-родственному, чему немало способствовало и то, что въ глазахъ этого трактирнаго человѣчества мы являлись представителями литературы. Лакеи съ салфетками подъ мышкой являлись той благосклонной публикой, которая уже служила для каждаго автора живымъ фономъ. Литературныя имена котировались на этой читательской биржѣ. Тутъ были уже твердыя, установившіяся фирмы, какъ Порфиръ Порфирычъ, разсказы котораго лакеи читали взасосъ. Къ моему удивленію, я убѣдился, что тоже начинаю пріобрѣтать нѣкоторое имя, хотя и нахожусь еще въ періодѣ искуса. Сѣдой лакей Степанычъ какъ-то по-отечески шепнулъ мнѣ:

— Помилуйте-съ, читали мы ваши разсказы... Ничего-съ, форменно, хотя супротивъ Порфира Порфирыча еще и не дошли-съ. У нихъ искра-съ...

Это были первые пары той несчастной литературной славы, которая окутываетъ автора, какъ дымъ фабрику. Не скрою, что мнѣ было пріятно

слышать отзывъ Степаныча: искаженная, искалѣченная и изувѣченная условіями мелкаго литературнаго рынка мысль невѣдомыми путями проникла къ читателю, и еще болѣе невѣдомыми путями возникла тамъ писательская физіономія. Невыгодное для меня сравненіе съ Порфиромъ Порфирычемъ нисколько не было обидно: онъ писалъ не Богъ знаетъ какъ хорошо, но у него была своя публика, съ которой онъ умѣлъ говорить ея языкомъ, ея радостями и горемъ, заботами и злобами дня. Принципіально великихъ людей нѣтъ, какъ принципіально нѣтъ холода; величіе создается только нашимъ эгоизмомъ. Нивеллирующей силой здѣсь является только одно чувство. Съ другой стороны, меня въ отзывѣ Степаныча поразило то привилегированное положеніе, которое занимаютъ по отношенію къ читателю беллетристы. Напримѣръ, тотъ же Степанычъ цѣнилъ и уважалъ Фрея, какъ „серьезнаго газетчика“, но его симпатіи были на сторонѣ Порфира Порфирыча. „Они, Порфиръ Порфирычъ, конечно, имѣютъ свою большую неустойку, значитъ, прямо сказать, слабость, а промежду прочимъ, завернутъ такое тепленькое словечко въ другой разъ, что самого буфетчика Агапыча слезой прошибутъ-съ“... Да, у насъ уже была своя маленькая публика, которая дѣлала насъ общественнымъ достояніемъ.

Кстати, во время моего разговора съ Фреемъ относительно „Кошницы“ изъ остальныхъ членовъ „академіи“ присутствовалъ одинъ Порфиръ Порфирычъ. Онъ сидѣлъ въ креслѣ и дремалъ. За послѣднее время старикъ сильно измѣнился и даже не могъ пить. Жаль было смотрѣть на это осунувшееся пожелтѣвшее лицо съ умными и такими жалкими глазами. Многолѣтнее искусственное возбужденіе напитками смѣнилось теперь страдальчествомъ завзятаго алкоголика. Притупленные и проржавѣвшіе нервы возбуждались только по инерціи, по привычкѣ къ знакомымъ словамъ: есть своя профессіональная энергія, которая переживаетъ всего человѣка. Такъ сейчасъ, когда Фрей заговорилъ о „новомъ журналѣ“, Порфиръ Порфирычъ точно проснулся, причмокнулъ и даже подмигнулъ въ пространство. Ага, новый журналъ! Такъ-съ... Отлично. „Кошница“? Превосходно, хотя названіе и съ претензіей!

— Весьма одобряю...—тихо проговорилъ старикъ, улыбаясь, и прибавилъ съ грустной улыбкой:—Сколько будетъ новыхъ журналовъ, когда насъ уже и на свѣтѣ не будетъ! И литераторъ будетъ другой... Народится этакій чистоплюй и захватитъ литературу. Хе-хе... И еще горькимъ смѣхомъ посмѣется надъ нами, своими предками, ибо мы покрыты грязью и несовершенствами. Да, посмѣется... А того не будетъ знать, черезъ какія трущобы мы брели, какіе терніи рвали нашу душу, и какъ насъ обманывали на каждомъ шагу блуждающіе огоньки, дѣлавшіе ночь еще темнѣй. Чистоплюй онъ, и по своему чистоплюйству будетъ доволенъ всѣмъ, потому что будетъ думать только о себѣ. Вонъ названіе-то какое: „Кошница“... Этакъ какъ будто и славянофильствомъ попахиваетъ и о присовокупленіи чего-то говоритъ... А впрочемъ, не въ этомъ дѣло-то, о, юноша!

Старикъ закашлялся, схватившись за натруженную грудь, и долго не могъ прійти въ себя.

— Да, „Кошница“...—шепталъ онъ, вытирая слезы, выступившія отъ натуги.—Отчего не „Цѣвница“? А впрочемъ, юноша, не въ этомъ дѣло... да. Мы въ потемкахъ кончимъ дни своего странствія въ сей юдоли, а вы помните...да, помните, что литература священна. Еще седмь тысящъ мужей не преклоняло колѣнъ предъ Вааломъ... Ты написалъ печатный листъ; чтобы его прочесть, нужно minimum четверть часа, а если ты авторъ, котораго будетъ публика читать нарасхватъ, то нужно считать, что каждымъ такимъ листомъ ты отнимаешь

у него сто тысячъ четвертей часа, или 25 тысячъ часовъ. Это составитъ... составитъ около тысячи дней, или около трехъ лѣтъ... Уже этотъ механическій расчетъ представляетъ все величіе твоего призванія, а посему гори правдой, не лукавствуй и не давай камень вмѣсто хлѣба. Не формальная правда нужна, не чистоплюйство, а та правда, которая тамъ живетъ, въ сердцѣ... Маленькій у тебя талантикъ, крошечный, а ты еще пуще береги эту искорку, ибо она священна. Величайшая тайна — человѣческое слово... Будь жрецомъ.

Отвлеченныя разсужденія сдѣлались теперь слабостью Порфира Порфирыча, точно онъ торопился высказать все, что наболѣло въ душѣ. Трезвый онъ былъ совсѣмъ другой, и мнѣ каждый разъ дѣлалось его жаль. За что пропалъ человѣкъ? Потомъ, я зналъ, чѣмъ кончались эти старческія изліянія: Порфиръ Порфирычъ бралъ меня подъ руку, отводилъ въ сторону и, оглядѣвшись, говорилъ шопотомъ:

— Помните... тогда... на дачѣ? Вѣдь вы видѣли у меня тогда красную бумагу? И вдругъ нѣтъ ничего... Нѣтъ—и кончено, все кончено.

— Послушайте, Порфиръ Порфирычъ, не стоитъ даже говорить объ этомъ... Вы заработаете десять такихъ красныхъ бумагъ, если захотите.

— Не стоитъ? Хе-хе... А почему же именно я долженъ былъ потерять деньги, а не кто-нибудь другой, третій, пятый, десятый? Конечно, десять рублей пустяки, но въ нихъ заключалась плата за квартиру, пища, одежда и пропой. Я теперь даже писать не могу... ей-Богу! Какъ начну, такъ мнѣ и полѣзетъ въ башку эта красная бумага: вѣдь я долженъ снова заработать эти десять рублей, и у меня опускаются руки. И мнѣ начинаетъ казаться, что я ихъ никогда не отработаю... Сколько бы ни написалъ, а красная бумага все-таки останется.

Бѣдняга начиналъ заговариваться. „Красная бумага“ являлась для него роковымъ „пунктикомъ“, и онъ постоянно возвращался къ этой темѣ, какъ магнитная стрѣлка къ сѣверу. Всѣ члены „академіи“ были посвящены имъ въ эту тайну и рѣшили, что у Порфирыча заяцъ въ головѣ, какъ выражался Непко. Потомъ Порфиръ Порфирычъ скрылся съ нашего горизонта; потомъ прошелъ слухъ, что онъ серьезно боленъ и лежитъ гдѣ-то въ больницѣ, а потомъ въ уличномъ листкѣ, въ которомъ онъ работалъ, появилось коротенькое извѣстіе о его смерти. Некрологъ, написанный дружеской рукой, въ теплыхъ выраженіяхъ, вспоминалъ заслуги покойнаго, его незлобивость и даже „роковую слабость“, которая взяла у литературы столько жертвъ. Между прочимъ, явился въ газеткѣ и посмертный разсказъ старика „Бѣдный Іорикъ“. Разсказъ былъ слабъ, вымученъ, и отъ него уже вѣяло тлѣніемъ, — внутренній человѣкъ умеръ раньше. Я припомнилъ, какъ Порфиръ Порфирычъ, подмигивая и причмокивая, говорилъ.

— Эге, а мы, литераторы, умѣемъ сводить концы... Развѣ собака умираетъ дома? И мы тоже...

На моихъ глазахъ это была еще первая литературная смерть, которая произвела сильное впечатлѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, какими невѣдомыми путями создается вотъ этотъ русскій писатель, откуда онъ приходитъ, какая роковая сила выталкиваетъ его на литературную ниву? Положимъ, что писатель Селезневъ былъ маленькій писатель, но здѣсь не въ величинѣ дѣло, какъ въ одной ткани толщина и длина отдѣльныхъ нитокъ теряется въ общемъ. Есть роковыя силы, которыя заставляютъ человѣка дѣлаться тѣмъ или другимъ, и я увѣренъ, что никакой преступникъ не думаетъ о скамьѣ подсудимыхъ, а тюремщикъ, который своимъ ключомъ замыкаетъ ему весь вольный бѣлый свѣтъ, никогда не думалъ быть тюремщикомъ.

„Академія“ жалѣла Порфира Порфирыча и даже устроила по немъ тризну, на которой главнымъ образомъ обсуждались „теплыя слова“ некролога.

— Умеръ человѣкъ, такъ нѣтъ, и мертвому не даютъ покоя,—ворчалъ Фрей.—Къ чему эта похоронная ложь, и кому она нужна?..

— А все-таки... — спорилъ пьяный Гришукъ: — чтобы другіе чувствовали... да.

— А ты пошелъ на похороны? Ты навѣстилъ его въ больницѣ?

Вся „академія“ была смущена этими простыми вопросами, и каждый постарался представить какое-нибудь доказательство своей невинности.

Меня удивило, что всѣхъ больше пораженъ былъ смертью Порфира Порфирыча мой другъ Пепко.

— Да, вообще... — бормоталъ онъ виновато. — Чортъ знаетъ, что̀ такое, если разобрать!.. Помнишь его разсказъ про „веревочку“? Собственно благодаря ему мы и познакомились, а то, вѣроятно, никогда бы и не встрѣтились.

Да, странная вещь эта наша жизнь... какъ свѣжую могилу покрываетъ трава, такъ жизнь заставляетъ забывать недавнія потери, благодаря тѣмъ тысячамъ мелкихъ заботъ и хлопотъ, которыми опутанъ человѣкъ. Поговорили о Порфирѣ Порфирычѣ, пожалѣли старика — и забыли, уносимые впередъ своими маленькими дѣлами, соображеніями и расчетами. Такъ, мнѣ пришлось „устраивать“ свой романъ въ „Кошницѣ“. Отвѣтъ былъ полученъ сравнительно скоро, и Фрей сказалъ:

— Вотъ видите, у нихъ нѣтъ матеріала... Да и гдѣ его взять по нынѣшнимъ временамъ...

Я отправился въ редакцію „Кошницы“, которая помѣщалась въ Троицкомъ переулкѣ. Бельэтажъ. Двери отворилъ лакей, въ переднюю выбѣжали два ирландскихъ сеттера—вообще совсѣмъ другое, чѣмъ у Ивана Иваныча. Редакція помѣщалась въ квартирѣ издателя, который и принялъ меня. Это былъ господинъ подъ тридцать лѣтъ, южнаго типа, безукоризненно одѣтый и сіявшій брильянтами.

— Это вашъ романъ? Онъ уже печатается... Кстати, ваши условія?

Я съ нѣкоторой робостью выговорилъ цифру, — листъ былъ гораздо меньше, чѣмъ у Ивана Иваныча, и я и назначилъ ту же цѣну, выгадывая на разницѣ.

— Что̀ же, хорошо...—согласился сіяющій господинъ.—Кстати, я только издатель, а редакціей завѣдуетъ...

Онъ назвалъ фамилію редактора, сообщилъ его адресъ и посмотрѣлъ на меня такими глазами, когда желаютъ покойной ночи.

Отъ издателя я полетѣлъ къ редактору, который жилъ у Таврическаго сада. Это былъ очень милый и очень образованный человѣкъ въ какомъ-то мундирѣ.

— Очень радъ съ вами познакомиться... Вы уже видѣли нашего издателя? Очень хорошо... Я *только* редакторъ.

Въ этотъ моментъ я не придалъ особеннаго значенія этимъ словамъ, потому что былъ слишкомъ счастливъ, какъ, вѣроятно, счастлива та женщина, которую такъ мило обманываетъ любимый человѣкъ. Есть и такое счастье...

Романъ принятъ, романъ печатается не въ газетѣ, а въ журналѣ „Кошница“,—отъ этого хоть у кого закружится голова. Домой я вернулся въ какомъ-то туманѣ и заключилъ Пепку въ свои объятія,—дольше скрываться было невозможно.

— Пепко, мой романъ печатается... Да, печатается! Понимаешь?..

— И ты радъ? И я тоже радъ... Значитъ, мы оба рады. На всякій случай поздравляю...

Извергъ даже не спросилъ, гдѣ печатается мой романъ, но я ему простилъ впередъ, потому что, очевидно, Пепко ревновалъ меня къ моему первому успѣху. Конечно, теперь всѣ мнѣ завидовали, весь земной шаръ...

XXVII.

Съ Пепкой что-то случилось, начиная съ того, что онъ теперь отсиживался дома и выходилъ только утромъ на лекціи. Ѳедосья уже нѣсколько разъ иносказательно давала мнѣ понять, что онъ влюбленъ въ Анну Петровну. Единственнымъ основаніемъ для такого заключенія было то, что Пепко по вечерамъ пилъ чай у Анны Петровны и такимъ образомъ осуществлялъ того „мужчину“, который, по соображеніямъ Ѳедосьи, долженъ былъ быть у каждой женщины, какъ бываютъ дѣтскія болѣзни. Кстати, Ѳедосья наносила Пепкѣ систематическій вредъ, и я только могъ удивляться его терпѣнію. Дѣло въ томъ, что лѣтомъ Ѳедосья подружилась съ Любочкой, и теперь Любочка почти каждый день приходила къ ней. Онѣ о чемъ-то вѣчно шептались, и Пепко жилъ въ ожиданіи какого-нибудь скандала. Съ другой стороны, онъ не хотѣлъ уступать и казаться малодушнымъ, а поэтому продолжалъ свои вечерніе чаи у Анны Петровны. Часто случалось такъ, что Пепко сидитъ у медички, а Любочка — у Ѳедосьи. Я не понималъ въ данномъ случаѣ поведенія Анны Петровны, которая разъ уже имѣла крупную непріятность отъ Любочки. Впрочемъ, можетъ-быть, здѣсь объясненіемъ могло служить то, что медичка считала себя выше всякихъ подозрѣній и тоже не желала уступать. Такъ или иначе, но скандалъ все-таки разыгрался: Любочка подкараулила вечеромъ Анну Петровну на улицѣ, бросилась на нее и, кажется, хотѣла откусить носъ. Къ счастью, никого не было поблизости, и дѣло обошлось семейнымъ образомъ. Любочка вбѣжала съ воплями и причитаніями къ Ѳедосьѣ и проявила большія наклонности къ буйству, такъ что потребовалось вмѣшательство Пепки.

— Если вы еще разъ явитесь сюда, я... я... — задыхаясь и сжимая кулаки, кричалъ Пепко. —Да, я...

Онъ схватилъ Любочку за плечи и вытолкнулъ на улицу. Получилась сцена до послѣдней степени возмутительная, такъ что мнѣ пришлось вмѣшаться.

— Пепко, это гадость...

Пепко тяжело дышалъ и только смотрѣлъ на меня обезумѣвшими глазами. Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, и побѣлѣвшія губы шевелились беззвучно, какъ у китайской куклы. Сцена происходила въ коридорѣ, и единственной свидѣтельницей была Ѳедосья, наслаждавшаяся готовымъ вспыхнуть ратоборствомъ. Обезумѣвшій Пепко уже сдѣлалъ шагъ ко мнѣ, лицо искривилось улыбкой, правая рука протянулась впередъ,—вѣроятно, его бѣшенство обрушилось бы на меня, и мнѣ, вѣроятно, пришлось бы раздѣлить участь Любочки, но въ этотъ трагическій моментъ появилась въ дверяхъ Анна Петровна. Еще моментъ — и протянутая рука Пепки опустилась. Анна Петровна взяла его за плечо, повернула и втолкнула къ себѣ въ комнату, какъ напроказившаго ребенка. Онъ повиновался, и я замѣтилъ, какъ у него дрожали губы.

Распорядившись съ Пепкой, Анна Петровна обратила теперь свое благосклонное вниманіе на меня.

— Вы... вы... вы... — шептала она хрипло. — Я васъ ненавижу... да. Сейчасъ разыгралась дикая и нелѣпая сцена, но вы хуже въ тысячу разъ

его съ вашей безсильной добродѣтелью... У васъ не хватитъ силенки даже на маленькое зло. Вы — ничтожность, приличная ничтожность... Да, да, да...

Это было повтореніемъ сцены съ Любочкой почью въ Парголовѣ, и я только разсмѣялся. Моя улыбка окончательно взбѣсила Анну Петровну.

— И вы еще можете смѣяться, несчастный? Наконецъ... наконецъ, если вы хотите знать... да, хотите... я *его* люблю. Онъ въ тысячу разъ лучше васъ всѣхъ... да, лучше.

— Я могу только поздравить васъ съ счастливымъ пріобрѣтеніемъ...

— Вы — циникъ!..

Признаюсь, я тоже былъ взбѣшенъ. Если Любочка могла себѣ позволить неистовство, то она на это имѣла „полное римское право“, какъ говорила Ѳедосья. По-женски Любочка была вполнѣ послѣдовательна, потому что она была только женщиной и ничѣмъ другимъ. Но Анна Петровна совсѣмъ другое — у нея должны были существовать нѣкоторые задерживающіе центры. Я подошелъ къ двери въ комнату Анны Петровны и крикнулъ:

— Эй, ты, трусъ, выходи!.. Я имѣю сказать тебѣ нѣсколько теплыхъ словъ, которыя поднимутъ твою храбрость на приличную высоту!

За дверью послышалось рычаніе Пепки, а затѣмъ онъ однимъ прыжкомъ былъ въ дверяхъ. Анна Петровна не растерялась и захлопнула у него дверь подъ носомъ, а мнѣ величественнымъ жестомъ показала на дверь моей комнаты. Я поклонился и пошелъ въ противоположный конецъ коридора, къ выходу. У меня горѣла голова, въ вискахъ стучала кровь, и я почему-то повторялъ про себя: „Нѣтъ, погодите, господа... да, погодите, чортъ возьми!“ Я вышелъ на лѣстницу и нашелъ тамъ Любочку, которая сидѣла на ступенькѣ, схватившись руками за голову. Это была живая статуя страданья.

— Любочка, идите домой. Вамъ нечего здѣсь дѣлать, если не хотите, чтобы васъ били... Нужно имѣть хоть какую-нибудь гордость...

Любочка только глухо всхлипывала. Я насильно отнялъ отъ лица ея руку, — рука была холодна, какъ ледъ.

— Любочка, вы простудитесь... Стоитъ ли рисковать своимъ здоровьемъ изъ-за какого-то негодяя.

— Онъ не виноватъ... — простонала Любочка. — Онъ хорошій...

На меня напала непонятная жестокость... Я молча повернулся, хлопнулъ дверью и ушелъ къ себѣ въ комнату. Дѣлать я ничего не могъ. Голова точно была набита какой-то кашей. Походивъ по комнатѣ, какъ звѣрь въ клѣткѣ, я улегся на кушеткѣ и пролежалъ такъ битый часъ. Кругомъ стояла мертвая тишина, точно „Ѳедосьины покровы“ вымерли поголовно и живымъ человѣкомъ остался я одинъ.

„Нѣтъ, погодите, господа...“ — повторялъ я про себя давешнюю безсмысленную фразу.

Въ самомъ дѣлѣ, я-то тутъ при чемъ? Благодарю покорно... Рѣжьтесь, отравляйтесь, деритесь, — я ничего больше знать не хочу и не разогну для васъ пальца. Да-съ, такъ и знайте... Свое негодованіе съ Пепки я, по логикѣ разсерженнаго человѣка, перенесъ на Анну Петровну. Вотъ вы какая, Анна Петровна! Отлично... Кто могъ подумать про васъ что-нибудь подобное! И какая энергія... Очень недурно, какъ въ плохомъ театрѣ, гдѣ комики говорятъ трагическимъ тономъ, а трагики вызываютъ неудержимый смѣхъ. А потомъ, какъ это мило: полное повтореніе того, что говорила лѣтомъ Любочка. О, женщины!.. какъ сказалъ Шекспиръ.

Сильныя волненія у меня всегда заканчивались безсовѣстно крѣпкимъ сномъ, — вѣрнѣйшій признакъ посредственности, что меня сильно огорчало.

Такъ было и въ данномъ случаѣ: я неожиданно заснулъ, продолжая давешнюю сцену, причемъ во снѣ оказался гораздо болѣе находчивымъ и остроумнымъ, чѣмъ въ дѣйствительности. Вѣроятно, я такъ бы и проспалъ до утра, если бы меня не разбудилъ осторожный стукъ въ дверь.

— Войдите...

Дверь скрипнула, зашуршало платье, и незнакомый женскій голосъ проговорилъ:

— Да у васъ совсѣмъ темно.

— Виноватъ... Я сейчасъ зажгу лампу.

Зажигая лампу, я чувствовалъ, что незнакомка пристально разсматриваетъ меня.

— Вы, вѣроятно, удивлены, молодой человѣкъ, что къ вамъ въ одиннадцать часовъ ночи врывается совершенно незнакомая дама...

Голосъ былъ молодой и пріятный, но его обладательница имѣла уже блеклый видъ въ той мѣрѣ, въ какой онъ нравится совсѣмъ неопытнымъ юношамъ. На мой нѣмой вопросъ она объяснила:

— Я къ вамъ по дѣлу... Позвольте представиться: сестра Анны Петровны. Зовутъ меня Аграфеной... Вы, вѣроятно, догадываетесь о цѣли моего посѣщенія?

— Ахъ, да... почти... Садитесь, пожалуйста.

Я только теперь разсмотрѣлъ ее хорошенько: шатенка, средняго роста, въ коричневомъ платьѣ не первой молодости, которое не скрывало очень солидныхъ формъ. Сѣрые глаза, чуть-чуть подведенные, смотрѣли съ веселой дерзостью. Меня поразили густые волосы, сложенные на затылкѣ тяжелымъ узломъ. Она медленно оглядѣла комнату, оглядѣла ветхій стулъ, который я ей подалъ, а потомъ сѣла и спокойно перевела глаза на меня.

— Послушайте, молодой человѣкъ...

— Меня зовутъ Василіемъ Ивановичемъ...

— Виновата, Василій Иванычъ... Скажите, пожалуйста, вамъ не совѣстно? Нисколько?

— Странный вопросъ...

— Вы понимаете, о чемъ я говорю. По крайней мѣрѣ, вы должны испытывать неловкость, что заставили замужнюю женщину прійти къ вамъ съ объясненіями довольно интимнаго характера. Это не по-джентльменски....

— Я могу только удивляться, Аграфена Петровна, — именно, что̀ вамъ за охота вмѣшиваться въ чужія дѣла?..

— Какъ чужія? Вѣдь Анна Петровна — моя сестра, родная сестра. Положимъ, мы видимся очень рѣдко, но все-таки сестра... У васъ нѣтъ сестры-дѣвушки? О, это очень отвѣтственный постъ... Она дѣлаетъ глупость, — я это сказала ей въ глаза. Да... Она васъ оскорбила давеча совершенно напрасно, — я ей это тоже высказала. Вы согласны? Ну, значитъ, вамъ нужно итти къ ней и извиниться.

— ?

— Вы забываете, что сестра моя женщина, больше — дѣвушка, и мужчина виноватъ всегда, особенно, если выведетъ ее изъ себя.

Это была оригинальная логика, и сѣрые глаза весело улыбнулись. Сдѣлавъ небольшую паузу, она проговорила съ разстановкой:

— Агаѳонъ Павлычъ вашъ другъ? Моя бѣдная сестра имѣла несчастіе его полюбить, а въ этомъ состояніи женщина дѣлается эгоисткой до жестокости. Я знаю исторію этой несчастной Любочки и, представьте себѣ, жалѣю ее отъ души... Да, жалѣю, вѣрнѣе сказать — жалѣла. Но сейчасъ мнѣ ее ни-

сколько не жаль.... Можетъ-быть, я несправедлива, можетъ-быть, я ошибаюсь, но... но...' Однимъ словомъ, что она можетъ сдѣлать, если онъ ее не любитъ, т.-е. Любочку?

Я засмѣялся. Развѣ Пепко могъ кого-нибудь любить? Этотъ отвѣтъ видимо обидѣлъ моего парламентера.

— Аграфена Петровна, я все-таки не понимаю, что вамъ нужно отъ меня.

— Я уже сказала вамъ... А затѣмъ моя сестра надѣется исправить вашего друга. Я подозрѣваю, что эта миссія именно и увлекаетъ ее. Что дѣлать, мы, женщины, всѣ страдаемъ неизлѣчимой довѣрчивостью. Многое она приписываетъ вашему дурному вліянію...

Это уже было слишкомъ, и я расхохотался. Моя собесѣдница закусила губы и вызывающе посмотрѣла на меня. Потомъ она точно передумала и опять улыбнулась.

— Все-таки вы сдѣлаете по-моему, пойдете и извинитесь... да. Это вы сдѣлаете для меня... Скажу больше, — вы меня проводите, потому что уже поздно. Вы этому рады, конечно, потому что избавляетесь отъ меня...

— Хорошо. Я согласенъ... Но только извинюсь не сегодня.

— О, это рѣшительно все равно...

У нея явилось усталое выраженіе, и она съ трудомъ сдержала зѣвоту.

Я отправился ее провожать. Стояла холодная зимняя ночь, но она отказалась отъ извозчика и пошла пѣшкомъ. Нужно было итти на Выборгскую сторону, куда-то на Сампсоніевскій проспектъ. Она сама меня взяла подъ руку и дорогой разсказала, что у нея есть мужъ, который постоянно ее обманываетъ (какъ всѣ мужчины), что, кромѣ того, есть дочь, дѣвочка лѣтъ восьми, что ей вообще скучно, и что она наконецъ презираетъ всѣхъ мужчинъ.

— Не стоитъ жить,—закончила она свою исповѣдь.—А сегодня у меня какая-то особенная тоска... Къ сестрѣ я попала совершенно случайно — и вдругъ попадаю на эту глупую исторію. Я серьезно противъ ея увлеченія...

Мы остановились у подъѣзда. Внутренно я былъ радъ, что и моя миссія закончилась. Моя дама что-то медлила и устало проговорила.

— Мужъ возвращается только въ два часа ночи... дѣвочка давно спитъ...

Она съ тоской посмотрѣла на меня, крѣпко пожала мою руку и молодымъ движеніемъ скрылась въ дверяхъ. Я стоялъ на тротуарѣ и думалъ: какая странная дама, по крайней, мѣрѣ для первой встрѣчи. Тогда еще не было изобрѣтено всеобъясняющее слово „психопатка“.

Когда я вернулся домой, Пепко спалъ на своей кровати невиннымъ сномъ грудного младенца. Меня это даже не возмутило... Что же, счастливъ тотъ, кто можетъ спать такъ крѣпко.

XXVIII.

Первая книжка новаго журнала „Кошница“ должна была выйти перваго января, но этому благочестивому намѣренію помѣшали разныя непредвидѣнныя обстоятельства, и книжка вышла только въ концѣ января. Понятно, что я ждалъ съ нетерпѣніемъ этого событія: это былъ первый опытъ моего журнальнаго „тисненія“...

Объявленіе о выходѣ „Кошницы“ я прочелъ въ газетѣ. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза, это то, что у моего романа было измѣнено заглавіе — вмѣсто „Больной совѣсти“ получились „Удары судьбы“. Въ новомъ названіи чувствовалось какое-то роковое пророчество. Мало этого, романъ былъ под-

писать просто инициалами, а неизвѣстная рука придѣлала мнѣ псевдонимъ „Запорожецъ“, что̀ выходило и крикливо и помпезно. Пепко, прочитавъ объявленіе, расхохотался и проговорилъ.

— „Для начала недурно“, какъ сказалъ турокъ, посаженный на колъ... Да, не вредно, г. Запорожецъ, а удары судьбы были провиденціальнымъ назначеніемъ каждаго добраго запорожца... На всякій случай поздравляю „съ колемъ“, какъ говорятъ охотники, когда убита первая дичь.

Мнѣ была совершенно понятна затаенная ревность Пепки: онъ печатался только въ газетахъ, а тутъ настоящій журналъ, хотя и „Кошница“. Собственно, и къ названію и къ псевдониму Пепко былъ совершенно равнодушенъ, но, кромѣ начинающейся славы, онъ провидѣлъ и другую сторону — полученіе гонорара „кучкой“, ибо „причиталось“ по приблизительному расчету мнѣ получить около ста рублей. У меня никогда не бывало ста рублей, и эта цифра точно жгла мой мозгъ, и мнѣ дѣлалось даже совѣстно, что я изъ богемы дѣлаю скачокъ прямо въ заколдованный кругъ Ротшильдовъ.

— Невинные восторги перваго авторства погибаютъ въ неравной борьбѣ съ томящей жаждой получить первый гонораръ, — резюмировалъ Пепко мое настроеніе: — тутъ тебѣ и святое искусство, и служеніе истинѣ, добру и красотѣ, и призваніе, и лучшія идеи вѣка, и вкладъ во всемірную сокровищницу своей скромной лепты вдовицы, и тутъ же душевный вопль: „Подайте мнѣ мой двугривенный!“. Я увѣренъ, что литература упала, — это фактъ, не требующій доказательствъ, — отъ двухъ причинъ: перевелись на бѣломъ свѣтѣ меценаты, которые авторамъ давали случаи понюхать, чѣмъ пахнетъ жареное, а съ другой — авторы нынѣшніе не нюхаютъ табака. Ты не смѣйся, — это гораздо серьезнѣе, чѣмъ ты думаешь, и упадокъ современной поэзіи находится въ прямой зависимости отъ брошенной привычки набивать себѣ носъ табакомъ. Вотъ прекрасная тема для диссертаціи...

— А какъ же классическіе поэты?

— О, я убѣжденъ, что и они нюхали табакъ, а потомъ человѣчество на цѣлую тысячу лѣтъ забыло объ этомъ, пока Колумбъ снова не открылъ табакъ уже въ Америкѣ. Да, такъ что̀ было бы въ доброе старое время? Ты написалъ свои „Удары судьбы“, несешь ихъ меценату... Меценатъ даетъ ихъ читать своему любимому арапу, а потомъ жертвуетъ тебѣ золотую табакерку, кафтанъ со своего меценатскаго плеча, сапоги, штанишки и отпускаетъ кормъ со своей кухни. По торжественнымъ днямъ ты сочиняешь ему оды и получаешь новую мзду не за обычай. Но ты уже получаешь извѣстность... Выступаетъ женщина — чудная женщина добраго стараго времени, богомольная безбожница, суевѣрная, ласковая, красивая — да, всегда красивая. Она уже замѣтила тебя, пролила слезу и вытащитъ тебя за ушко въ люди. А теперь что̀: отправишься ты въ свою „Кошницу“, получишь свой двугривенный, — и все тутъ. Публика совсѣмъ не интересуется тобой, какъ не интересуется клоуномъ, который на ея благосклонныхъ глазахъ сорвался съ трапеціи и проломилъ себѣ башку.

— Это, кажется, относится ближе къ твоимъ „Пѣснямъ смерти“, чѣмъ къ моей скромной прозѣ.

— Ты правъ, противъ собственнаго желанія... Да, теперь время скверной прозы, а священный огонь поэзіи обрекаетъ на самую подлую нищету. Живой примѣръ у тебя на глазахъ... Я не виноватъ, что родился слишкомъ поздно. Представь себѣ, лежитъ этакій восточный деспотище, который даже не можетъ ничего желать, — до того онъ пресыщенъ всѣмъ... Сегодня онъ отрубилъ уши тридцати тысячамъ человѣкъ, которые имѣли дерзость защищать свое

отечество, вчера онъ превратилъ въ пепелъ цвѣтущую страну, третьяго-дня избилъ младенцевъ въ собственномъ государствѣ; у него дремлетъ въ смертельной истомѣ цѣлый садъ красавицъ, ожидающихъ его ласки, какъ трава въ зной ждетъ капли дождя, а деспотице уже ничего не можетъ и для развлеченія кромсаетъ придворную челядь. И вдругъ является посланникъ боговъ — поэтъ, т.-е. я... Да, это я вхожу къ деспотицу въ своемъ вретищѣ и подношу ему нѣсколько чудныхъ газелей, гдѣ воспѣвается любовь, молодость, красота... Я — сладчайшій Фирдуси, я — Гафизъ. У деспотица отъ моихъ стиховъ защипало въ носу, деспотице проливаетъ слезу... И посланникъ боговъ получаетъ мзду въ видѣ цѣлаго стада верблюдовъ, другого стада гаремныхъ красавицъ, достигшихъ предѣльнаго возраста, и еще, и еще. Или: Луишка Каторзъ заскучалъ... Ликъ короля-солнца покрытъ зловѣщими морщинами, и вдругъ опять я съ напудреннымъ, вспѣненнымъ и наркотизированнымъ стихомъ — и морщины на челѣ Луишки Каторза разглаживаются, а глаза дѣлаютъ безмолвно знакъ какому-нибудь маршалу осчастливить меня на всю жизнь. Я скромно цѣлую руку у послѣдней королевской метрессы, дѣлаю реверансъ и удаляюсь къ благополучію. Или: русскій вельможа... Онъ все съѣлъ, все выпилъ и страдаетъ одышкой. У него тяжелыя ночи, какъ у страсбургскаго гуся, у котораго вся жизнь сосредоточивается въ одной печенкѣ. И вдругъ является поэтъ, который пишетъ оду на смерть россійскаго Цинцинната. Да, вотъ что я такое... А сейчасъ я долженъ питаться всего тремя буквами, да и тѣ вынужденъ тащить на улицу, въ кабакъ.

— Да, ты потерялъ много времени совершенно напрасно...

— И мнѣ ничего не остается, какъ купить табакерку на свой собственный счетъ и открыть новую эру въ поэзіи. Dixi.

Дѣйствительность не оправдала тѣхъ надеждъ, съ какими я шелъ въ первый разъ въ редакцію „Кошницы“. Во-первыхъ, издателя не оказалось дома, и „человѣкъ“ не могъ сказать, когда онъ бываетъ дома.

— Да вѣдь бываетъ же онъ когда-нибудь дома? — приставалъ я, охваченный первой тѣнью сомнѣнія.

— Сегодня были-съ...

— А завтра?

— Не могу знать-съ... Иногда они уѣзжаютъ изъ дому дня на три

Я чувствовалъ, что издатель дома и что меня просто-напросто „не принимаютъ“. Кстати, я первый разъ даже не замѣтилъ фамиліи издателя и прочиталъ ее въ первый разъ на оберткѣ журнала: С. Я. Райскій. Пенко видѣлъ въ ней залогъ несомнѣннаго блаженства, что для перваго раза не оправдалось.

Пришлось уйти, не солоно хлебавши. Признаюсь, меня охватило мрачное предчувствіе, что дѣло какъ будто неладно. Вдобавокъ, въ надеждѣ на полученіе гонорара, я издержалъ послѣдніе гроши и сейчасъ не имѣлъ денегъ даже на конку. Пришлось шагать пѣшкомъ къ Таврическому саду. „Только редакторъ“ оказался дома и принялъ меня съ изысканной любезностью.

— Поздравляю... Это вашъ первый опытъ, кажется?

— Да, первый...

— Вы, конечно, понимаете, что онъ могъ быть бы и лучше, но первому блину многое прощается...

Эта развязность „только редактора“ немного кольнула меня, и я безъ предисловій перешелъ къ вопросу о гонорарѣ.

— Я уже васъ предупреждалъ, что я только редакторъ и въ хозяйственную часть журнала не вмѣшиваюсь. Я такой же сотрудникъ, какъ и вы...

— Послушайте, отъ кого же я могу получить свѣдѣнія о срокѣ полу-

ченія гонорара? Для меня это очень важный вопросъ... При редакціи полагается обыкновенно контора.

— Да, да... Но у насъ дѣло новое, и пока никакой конторы не существуетъ, а ее совмѣщаетъ въ себѣ Райскій. Онъ немножко легкомысленный человѣкъ и не признаётъ никакихъ сроковъ...

Однимъ словомъ, я вернулся ни съ чѣмъ, кромѣ тяжелаго предчувствія, что мой первый блинъ выйдетъ комомъ. Мое положеніе было до того скверное, что я даже не могъ ничего говорить, когда въ трактирѣ Аганыча встрѣтилъ „академію“. Пенко такъ и сверлилъ меня глазами, изнемогая отъ любопытства. Онъ даже заглядывалъ мнѣ въ карманы, точно я, по меньшей мѣрѣ, спряталъ Голконду. Меня это взорвало, и я его обругалъ.

— Ты глупъ до святости, мой другъ.

— Послушай, это не по-товарищески скрывать сокровище.

— Убирайся къ чорту!..

Пенко почувствовалъ, что стряслась какая-то бѣда, и въ качествѣ истиннаго друга тайно торжествовалъ. Фрей хмурился и старался не смотрѣть на меня. Это было скверным знакомъ... Наконецъ онъ отвелъ меня въ сторону и конфиденціально сообщилъ:

— А знаете, этотъ Райскій просто мазурикъ, изъ мелкихъ клубныхъ шулеровъ. Я слишкомъ поздно узналъ... Необходимо дѣйствовать энергично.

Я разсказалъ свой первый „опытъ“, и брови Фрея приняли угрожающее положеніе, а трубочка захрипѣла.

На слѣдующій день я, конечно, опять не засталъ Райскаго; то же было и еще на слѣдующій день. Отворявшій дверь лакей смотрѣлъ на меня съ полнымъ равнодушіемъ человѣка, привыкшаго и не къ такимъ видамъ. Эта скотина съ каждымъ разомъ пріобрѣтала все болѣе и болѣе замороженный видъ. Я оставилъ издателю письмо и въ теченіе цѣлой недѣли мучился ожиданіемъ отвѣта, но его не послѣдовало.

— Возьмите рукопись, и ну ихъ къ чорту!—совѣтовалъ Фрей.

— Это неудобно: можетъ-быть, и заплатятъ!

Брови Фрея сильно сомнѣвались въ возможности такого исхода, а мнѣ въ утѣшеніе оставалась только вѣра,—не хотѣлось разстаться съ блестящей иллюзіей.

„Только редакторъ“ былъ постоянно дома и вѣчно что-то такое строчилъ. Онъ старался успокоить меня разными остроумными предположеніями, не забывая выгораживать свою личную неприкосновенность.

— Да, мы раздѣляемъ общую участь,—повторялъ онъ.—Вы видите, что я постоянно работаю. Однѣхъ рукописей сколько приходится перечитывать, а потомъ поправлять ихъ.

— А какъ вы думаете, Райскій заплатитъ что-нибудь?

Этотъ вопросъ заставилъ руки „только редактора“ раскинуться въ такой формѣ, точно я пригвождалъ его ко кресту.

— Могу сказать только про себя и о себѣ, что я... Знаете французскую поговорку: la plus jolie fille du monde ne peut donner que ce qu'elle a.

Поговорку я слышалъ въ первый разъ, и она стоила мнѣ около пятисотъ рублей.

„Только редакторъ“ для меня лично навсегда остался неразрѣшимой загадкой, какъ шестой палецъ. Онъ имѣлъ спеціальное образованіе, зналъ три языка, гдѣ-то служилъ и кончилъ тѣмъ, что сдѣлался редакторомъ сомнительнаго журнала „Кошница“. Можно прослѣдить даже періоды появленія такихъ никому ненужныхъ журналовъ, которые раздѣляютъ печальную участь

писемъ, отправленныхъ безъ адреса. Какими путями зарождается мысль о такихъ журналахъ, какъ они осуществляются, и какъ находятся люди, которые рѣшаются отдавать имъ и деньги, и трудъ, и энергію? Впослѣдствіи я встрѣчалъ много такихъ людей, которые какъ-то бочкомъ всю жизнь проведутъ „около литературы“. Замѣчательно то, что именно эти люди съ особенной беззавѣтностью преданы литературѣ и для нея готовы пожертвовать всѣмъ. Впрочемъ, есть цѣлая категорія такъ называемыхъ „друзей артистовъ“, и къ ней примыкаютъ „друзья литературы“. Въ этой пестрой и оригинальной средѣ много лишняго, и подчасъ сюда вторгаются даже совсѣмъ нежелательные элементы, какъ издатель Райскій.

Опытъ съ „Конницей“ имѣлъ для меня только то значеніе, что послужилъ предостереженіемъ не дѣлать такихъ опытовъ въ другой разъ.

XXIX.

Сгоряча я было-махнулъ рукой на свои „Удары судьбы“, но Фрей смотрѣлъ на дѣло иначе.

— Нѣтъ, такъ нельзя,—упрямо повторялъ онъ.—Съ какой стати какимъ-то прохвостамъ бросать пятьсотъ рублей? Мы испортимъ имъ характеръ...

— Что же дѣлать?

— А къ мировому!

— Знаете, какъ-то неудобно начинать литературную дѣятельность съ прошенія къ мировому.

— Вздоръ! Я самъ пойду за васъ... Такъ нельзя, государь мой! Это грабежъ на большой дорогѣ...

Мнѣ было тяжело и обидно даже думать о такомъ оборотѣ дѣла, и я употреблялъ всѣ усилія, чтобы кончить дѣло миромъ. Опять начались безплодныя хожденія къ „только редактору“, который ударялъ себя въ грудь и говорилъ:

— Посмотрите на меня: я работаю больше васъ и тоже ничего не получаю.

— Это, во-первыхъ, дѣло вкуса, а во-вторыхъ—плохое утѣшеніе для меня.

— Нѣтъ, извините, чужія несчастія—наше лучшее утѣшеніе. Мы—друзья по несчастію.

Когда я намекнулъ относительно вчиненія иска законнымъ порядкомъ, „только редакторъ“ видимо струсилъ и вручилъ мнѣ двадцать пять рублей.

— Ага, я говорилъ!..—торжествовалъ Фрей.—Впрочемъ, первая ласточка еще не дѣлаетъ весны... И мы все-таки вчинимъ искъ, чортъ меня побери!..

Мнѣ дорого обошлась эта „первая ласточка“. Если бы я слушалъ Фрея и вчинилъ искъ немедленно, то получилъ бы деньги, какъ это было съ другими сотрудниками, о чемъ я узналъ позже; но я надѣялся на увѣренія „только редактора“ и затянулъ дѣло. Потомъ я получилъ еще двадцать пять рублей, итого—пятьдесятъ. Кстати, это—все, что я получилъ за романъ въ семнадцать печатныхъ листовъ, изданный вдобавокъ отдѣльно безъ моего согласія.

А жизнь шла своимъ чередомъ, загромождая путь къ славѣ безплоднымъ каменіемъ и евангельскими терніями. Въ неудачѣ съ первымъ романомъ я начиналъ видѣть достойную кару за сдѣлку съ совѣстью. А не пиши романовъ для сомнительныхъ изданій, не имѣй дѣла съ сомнительными людьми... Человѣкъ, надѣлавшій ошибокъ и глупостей, съ трогательной настойчивостью предается отыскиванію истиннаго виновника, а въ данномъ случаѣ онъ былъ

налицо, это—я самъ. Слѣдующимъ моментомъ этой философіи впавшаго въ ошибку человѣка является скромное желаніе искупить ее дѣяніемъ противоположнаго характера, покрывающаго содѣянное прегрѣшеніе. Да, нужно было искупленіе, нужна очистительная жертва... А она была тутъ, налицо. Я добылъ заброшенныя рукописи и принялся ихъ перечитывать съ жадностью. Да, въ нихъ было и чистое и хорошее, то, для чего стоитъ жить, а главное—нѣтъ принижающаго подлаживанья къ кому-то и чему-то. Много незрѣлаго, вымученнаго, придуманнаго и все-таки хорошаго. Я съ какой-то жадностью перечитывалъ свой первый романъ, потерпѣвшій фіаско уже въ двухъ редакціяхъ, и невольно пришелъ къ заключенію, что ко мнѣ тамъ были несправедливы. Одинъ редакторъ „толстаго журнала“ говорилъ, что слишкомъ много описаній и мало сценъ, а другой—что описаній мало. Гдѣ же правда? Кстати, я припомнилъ Пепку, который серьезно вѣрилъ въ мой талантъ и предсказывалъ даже литературную будущность. Милый Пепко... Онъ пока одинъ цѣнилъ меня. Что же, другіе потомъ убѣдятся, какъ они ошибались, т.-е. даже не ошибались, а просто не замѣчали, какой умный человѣкъ замѣшался среди нихъ. И умный и талантливый... Да, работать, работать, работать! Къ чорту всѣ сомнѣнія!.. Хотя, съ другой стороны, если подумать, что въ Россіи сто милліоновъ населенія, что интеллигенціи наберется около милліона, что изъ этого милліона въ теченіе десяти лѣтъ выдвинется всего одно или, много, два литературныхъ дарованія,—нѣтъ, эта комбинація приводила меня въ отчаяніе, потому что приходилось самого себя считать избранникомъ, солью земли, тѣмъ счастливымъ номеромъ, на который падаетъ выигрышъ въ двѣсти тысячъ. Нѣтъ, выиграть двѣсти тысячъ даже легче (два раза въ годъ можно выиграть), чѣмъ сдѣлаться писателемъ. А сколько тысячъ неудачниковъ, ожесточенныхъ самолюбій, озлобленныхъ умовъ и неудовлетворенныхъ самомнѣній на этомъ тернистомъ пути—настоящій дремучій лѣсъ! А какая масса растрачивается никому ненужнаго труда, энергіи, лучшихъ чувствъ, просто физической силы, чтобы получалась вся эта мякина и шелуха!

Эти предварительныя родовыя схватки творческихъ мукъ доводили меня до отчаянія. Я хватался за перо и начиналъ писать, чтобы потомъ уничтожить написанное. Выступала другая сторона дѣла: существуетъ русская литература, нѣмецкая, французская, итальянская, англійская, классическая, цѣлый рядъ восточныхъ,—о чемъ ни было писано, какіе вопросы ни были затронуты, какіе изгибы души и самыя сокровенныя движенія чувства ни были трактованы на всѣ лады! Я перебиралъ классическія произведенія и приходилъ къ печальному заключенію, что все уже написано и что я родился немного поздно. Что можно было сказать новаго на этомъ пирѣ избранниковъ? Какое новое слово можно принести въ этотъ міръ князей мысли? Наконецъ каждый человѣкъ является продуктомъ своего времени, своихъ обстоятельствъ, условій своей жизни... Да, хорошо писать заграничному автору, когда тамъ жизнь бьетъ ключомъ, когда онъ родится на свѣтъ уже культурнымъ, когда въ самомъ воздухѣ виситъ эта культурная тонкость пониманія,—однимъ словомъ, этотъ заграничный авторъ несетъ въ себѣ громадное культурное наслѣдство, а мы рядомъ съ нимъ нищіе, тѣ жалкіе нищіе, которые прячутъ въ тряпки собранные по грошикамъ чужіе двугривенные. Много ли у насъ своего? Вѣдь лучшія наши произведенія—только подражанія, болѣе или менѣе удачныя, лучшимъ заграничнымъ образцамъ... Да иначе и не могло быть, потому что у насъ собственно и жизни нѣтъ. Авторъ долженъ ее придумывать, прикрашивать, сдабривать вотъ эту несуществующую жизнь... Я прикинулъ свое собственное „поле зрѣнія“ и пришелъ въ ужасъ. Да развѣ можно быть авторомъ, заживо

похоронивъ себя въ какихъ-нибудь „Ѳедосьиныхъ покровахъ“? Здѣсь можно только задыхаться, и ни одна здоровая мысль не пробьется въ эту проклятую дыру, а чувства должны атрофироваться, какъ атрофируются глаза рыбъ, попавшихъ въ подземныя озера.

Позвольте, да и это все уже давно сказано лучшими русскими людьми, сказано талантливо, убѣдительно, красиво! Неужели ново только то, что̀ хорошо позабыто? „Несовершенство“ нашей русской жизни—избитый конекъ всѣхъ русскихъ авторовъ, но вѣдь это только отрицательная сторона, а должна быть и положительная. Иначе нельзя было бы и жить, дышать, думать... Гдѣ эта жизнь? Гдѣ эти таинственные родники, изъ которыхъ сочилась многострадальная русская исторія? Гдѣ тѣ пути-дороженьки и роковыя розстани (направо поѣдешь—самъ сытъ, конь голоденъ, налѣво—конь сытъ, самъ голоденъ, а прямо поѣдешь—не видать ни коня ни головы), по которымъ ѣздили могучіе родные богатыри? Нѣтъ, жизнь есть, она должна быть...

Я писалъ, перечитывалъ написанное и рвалъ.

Дѣйствительность выражалась въ рѣдкомъ хожденіи на лекціи и въ репортерствѣ. Тутъ еще ярче выступала печальная истина, что мы плетемся въ хвостѣ Европы и питаемся отъ крохъ, падающихъ со стола европейской науки. Наши ученыя имена не шли дальше добросовѣстныхъ компиляцій, связанныхъ съ грѣхомъ пополамъ собственной отсебятиной. Исключеній было такъ мало, а остальное подавляющее большинство представляло ту жалкую посредственность, которая заклеймена въ Вагнерѣ у Гёте. Мое репортерство открывало мнѣ изнанку этой русской науки и тѣхъ лиллипутовъ, которые присосались къ ней съ незапамятныхъ временъ. По своимъ обязанностямъ репортера я попалъ на самые боевые пункты этой ученой трагикомедіи и былъ au courant русской доброй науки. Свои отчеты я попрежнему приносилъ въ трактиръ Агапыча, гдѣ попрежнему священнодѣйствовалъ Фрей. Я искренно полюбилъ этого фанатика газетнаго дѣла,—только такими людьми и держится міръ. Кромѣ газеты для него ничего не существовало, и онъ всегда былъ на своемъ посту.

— А, чортъ...—ругался однажды Фрей, просматривая телеграммы.

— Что̀ такое случилось?

— А вотъ, полюбуйтесь...

Фрей ткнулъ пальцемъ на телеграммы о герцеговинскомъ возстаніи. Я не понялъ его негодованія.

— Что̀ же тутъ дурного, полковникъ? Люди хотятъ освободиться отъ ига... Турецкія звѣрства наконецъ...

— Э, батенька, стара штука... А скверно то, что вотъ изъ такихъ пустяковъ загораются большія событія. Да... Тамъ этихъ братушекъ сколько угодно: сербы, болгары, Македонія. Ну, мы заступимся за нихъ, загорится война—вотъ вамъ, т.-е. намъ, репортерамъ, и матъ. Кто будетъ читать наши ученыя общества и разныя извѣстія о пожарахъ, убійствахъ, банковыхъ крахахъ и юбилеяхъ? Ложись и умирай... Публику хлѣбомъ не корми, а только подавай войну. Вотъ на этомъ самомъ теперь всѣ газетчики и наигрываютъ, кромѣ „Нашей Газеты“. Однимъ словомъ, дрянь дѣло. Порохомъ пахнетъ...

Фрей предсказалъ войну, хотя зналъ объ истинномъ положеніи дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ не больше другихъ, т.-е. ровно ничего. Русско-турецкая война открыла намъ и Сербію и Болгарію, о которыхъ мы знали столько же, сколько о китайскихъ дѣлахъ. Русское общество ухватилось за славянъ съ особеннымъ азартомъ, потому что нуженъ же былъ какой-нибудь интересъ. Сразу выплыли какіе-то никому неизвѣстные дѣятели. ораторы, радѣтели и

просто жалобные люди, взасосъ читавшіе послѣднія извѣстія о новыхъ турецкихъ звѣрствахъ.

Фрей находился въ какомъ-то ожесточенномъ настроеніи и съ особеннымъ удовольствіемъ ухватился за мое дѣло, какъ я ни уговаривалъ его бросить.

— Нѣтъ, постой, такъ нельзя...—мрачно говорилъ онъ, запрятывая въ карманъ полученную отъ меня довѣренность.—Этакъ съ живого человѣка будутъ кожу драть, а онъ будетъ „покорно благодарю“ говорить.

Подано было прошеніе мировому судьѣ, и къ дѣлу пріобщены три книжки „Кошницы“, въ которыхъ печатался мой романъ. Я былъ въ камерѣ только публикой. Со стороны Райскаго никто не явился, и мировой судья присудилъ Василію Попову четыреста пятьдесятъ шесть рублей. Это рѣшеніе было обжаловано Райскимъ, и дѣло перешло въ съѣздъ мировыхъ судей. Дальше мнѣ было совѣстно безпокоить Фрея; черезъ двѣ недѣли я выступилъ въ съѣздѣ уже лично. Съѣздъ утвердилъ рѣшеніе мирового судьи, потому что противная сторона опять не явилась, и я получилъ исполнительный листъ.

— Такъ-то будетъ лучше,—торжествовалъ Фрей, перечитывая этотъ цѣнный документъ.—Мы имъ покажемъ.

Однако намъ такъ и не удалось „имъ показать“, потому что Райскій скрылся изъ Петербурга неизвѣстно куда, а имущество журнала находилось въ типографіи. Судебный приставъ отказалъ производить взысканіе, такъ какъ не было ни редакціи, ни конторы, ни склада изданій... Въ теченіе восьми недѣль я ходилъ въ съѣздъ со своимъ исполнительнымъ листомъ, чтобы разрѣшить вопросъ, но непремѣнные члены только пожимали плечами и просили зайти еще. Наконецъ нашелся одинъ добрый человѣкъ, который вошелъ въ мое положеніе.

— Вы давно ходите къ намъ съ этимъ исполнительнымъ листомъ?

— Да вотъ уже два мѣсяца...

— Да? Знаете, что я вамъ посовѣтую: бросьте это дѣло... Все равно, ничего не выйдетъ.

— Я самъ начинаю объ этомъ догадываться...

— Да, да...

Фрей даже зарычалъ, когда я предложилъ свой исполнительный листъ ему на память. Онъ хотѣлъ еще куда-то жаловаться, искать мѣстожительство Райскаго и т. д., но я его уговорилъ бросить всю эту комедію.

— Послушайте, я считалъ васъ умнѣе, Поповъ...

— Что дѣлать: таковъ уродился.

Пенко, узнавшій объ исходѣ дѣла, остался совершенно равнодушенъ и даже, по своему коварству, кажется, тайно торжествовалъ. У насъ вообще установились крайне неловкія отношенія, выходъ изъ которыхъ былъ одинъ—разойтись. Мы не говорили между собой по цѣлымъ недѣлямъ. Очевидно, Пенко находился подъ вліяніемъ Анны Петровны, продолжавшей меня ненавидѣть съ женской послѣдовательностью. Нѣтъ ничего хуже такихъ отношеній, особенно, когда связанъ необходимостью прозябать въ одной конурѣ.

— Послушай, ты долженъ быть мнѣ благодаренъ,—замѣтилъ Пенко, принимая какой-то великодушный видъ.—Да, благодаренъ. Вѣдь я могъ бы тебѣ сказать, что все это можно бы предвидѣть, и что именно я это предвидѣлъ и такъ далѣе. Но я этого не дѣлаю, и ты чувствуй.

XXX.

Всѣ эти треволненія, усиленная работа и не менѣе усиленное пьянство привели меня къ естественному концу. Кстати, о пьянствѣ. Можетъ-быть, я

началъ именно съ того, чѣмъ долженъ кончить русскій писатель. Я уже говорилъ выше объ условіяхъ работы и образѣ нашей жизни. Съ семи часовъ вечера я обыкновенно уходилъ на работу, т.-е. въ засѣданіе какого-нибудь общества. Домой возвращаться приходилось уже поздно, въ полночь. Затѣмъ Ѳедосья будила меня въ шесть часовъ утра. Нужно было написать отчетъ къ восьми часамъ и немедленно снести въ редакцію, т.-е. въ трактиръ Агапыча. Въ своей спеціальности я уже набилъ руку и вполнѣ усвоилъ репортерскую привычку писать о совершенно незнакомыхъ вещахъ съ развязностью завзятаго спеціалиста. Обвинять же репортерское незнаніе, пожалуй, несправедливо, потому что поневолѣ приходится репортеру писать обо всемъ, а маленькая газетная кляча не обязана быть Гумбольдтомъ.

Итакъ, мы работали, работали и пили. Приходишь къ Агапычу, Фрей на своемъ посту и кто-нибудь изъ членовъ „академіи“. Такое дѣловое утро начиналось обыкновенно съ водки. Трактирный „человѣкъ“ даже не спрашивалъ, что̀ нужно, а безъ предупрежденія подавалъ графинчикъ водки. Фрей методически выпивалъ двѣ рюмки, закусывалъ водку соленымъ огурцомъ, нюхалъ корочку чернаго хлѣба и дѣлался нормальнымъ Фреемъ. Я водки съ утра не могъ пить, а спрашивалъ себѣ бутылку пива. Это быстро вошло въ привычку. Начиналъ сосать пьяный червячокъ, если не выпьешь своей порціи. Выпитое натощакъ пиво быстро дурманило, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалось какое-то облегченіе,—совершенно особенное чувство, какое испытывается при прекращеніи зубной боли. Въ первый моментъ не вѣрится, что эта боль утихла, а какъ-то повторяешь ее про себя и только потомъ привыкаешь быть попрежнему здоровымъ. Такъ и при пьянствѣ: количество выпитаго не играетъ здѣсь особенной роли, потому что бо̀льшая или меньшая „пріемность“ слишкомъ субъективна. Выпивъ свою бутылку пива, я всегда испытывалъ пріятное возбужденіе, точно снималъ съ себя какую-то тяжесть. Затѣмъ этого заряда энергіи начало недоставать, и пришлось пить другую бутылку. И такъ изо дня въ день. Мысль о выпивкѣ являлась съ ранняго утра. Я сознавалъ, что это нехорошо, что это вредно, глупо, и все-таки повторялъ свои порціи. Молодой организмъ быстро поддается излишествамъ. Вечеромъ являлась выпивка уже не въ счетъ и въ неопредѣленныхъ размѣрахъ. Если не было засѣданія, я все чаще и чаще возвращался домой сильно подъ хмелькомъ.

Настоящей многолѣтней привычки еще не могло быть, но пьянство было. Про себя я утѣшался разсужденіемъ каждаго пьяницы, что вотъ возьму и брошу, а сегодня это только такъ, пока. Сколько людей на Руси гибнетъ отъ жестокаго пьянства, а между тѣмъ чего, кажется, проще отказаться отъ *одной* рюмки, всего отъ одной. Я быстро пошелъ по избитой дорожкѣ и усвоилъ эту пьяную логику. Къ моему счастію, явился протестъ со стороны организма, что̀ меня и спасло отъ окончательнаго паденія. Началось съ простого недомоганія, безсонницы, плохого аппетита и лихорадки. Я не обращалъ на такіе пустяки вниманія и старался избавиться отъ нихъ усиленной дозой напитковъ. Наконецъ все завершилось кризисомъ, и въ одно прекрасное утро я почувствовалъ, что серьезно боленъ и что продолжать прежній образъ жизни невозможно. Это было органическое темное чувство, вызывавшее страшную тяжесть, апатію и неспособность къ какой бы то ни было работѣ.

Странная вещь болѣзни вообще, и у нихъ есть своя философія. По крайней мѣрѣ, это было вѣрно лично для меня. Сколько передумаешь, перечувствуешь и переживешь въ теченіе какого-нибудь одного дня. Первымъ ощущеніемъ у меня являлось то, какъ будто какая-то невидимая рука взяла тебя и вывела изъ круга здоровыхъ людей. Съ каждымъ ударомъ сердца эта отчуж-

дѣйность усиливалась, и съ роковой быстротой увеличивалось разстояніе, отдѣлявшее тебя отъ жизни. Теперь все сосредоточивалось гдѣ-то тамъ, внутри, гдѣ незримо работала какая-то разрушительная сила. Еще вчера былъ здоровъ и не думалъ о здоровьѣ, а сегодня уже пронеслась въ воздухѣ грозная мысль объ уничтоженіи, о смерти, о собственной ничтожности. Все, что дѣлалъ, къ чему стремился, о чемъ заботился,—все это теперь являлось въ совершенно другомъ свѣтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какое ничтожество каждый отдѣльный человѣкъ, взятый только самъ по себѣ, и какъ мало дѣла всѣмъ остальнымъ ничтожествамъ, если однимъ ничтожествомъ сдѣлается меньше. Отъ больныхъ не сторонятся только изъ вѣжливости, изъ вѣжливости выслушиваютъ ихъ жалобы и очень рады, когда могутъ опять вернуться въ общество своихъ здоровыхъ людей. Все это я съ особенной яркостью видѣлъ на моемъ другѣ Пепкѣ и не обвинялъ его, потому что самъ, вѣроятно, сдѣлалъ бы то же самое.

Да, я лежалъ на своей кушеткѣ, считалъ лихорадочный пульсъ, обливался холоднымъ потомъ и думалъ о смерти. Кажется, Некрасовъ сказалъ, что хорошо молодымъ умереть. Я съ этимъ не могъ согласиться и какъ-то весь затаился, какъ прячется подстрѣленная птица. Да и къ кому было итти со своей болью, когда всякому только до себя! А какъ страшно сознавать, что каждый день все ближе и ближе подвигаетъ тебя къ роковой развязкѣ, къ тому огромному неизвѣстному, о которомъ здоровые люди думаютъ меньше всего.

Но я ошибался. За мной слѣдила смѣшная и нелѣпая по существу женщина Ѳедосья. Мы съ ней періодически враждовали и ссорились, но сейчасъ она видѣла во мнѣ больного и отнеслась съ чисто-женскимъ участіемъ. Получалась трогательная картина, когда она приносила то чашку бульона, то какіе-то сухари, то кусокъ жареной говядины.

— Что вы все лежите, Поповъ?..—ворчала она.—Пошли бы прогуляться, а то одурь возьметъ... Вонъ ночью какъ сегодня кашляли!

— Ничего, пройдетъ...

— А отчего вы въ клинику не хотите сходить?

— Незачѣмъ...

Къ клиникѣ Ѳедосья возвращалась съ особенной настойчивостью, и это меня начинало злить.

— Вамъ хочется избавиться отъ меня,—замѣтилъ я ей довольно грубымъ тономъ.—Боитесь, что я умру у васъ...

Ѳедосья что-то прибирала въ нашей комнаткѣ, остановилась и съ удивленіемъ посмотрѣла на меня. Она не обидѣлась, а только удивилась. Я ей платилъ черной неблагодарностью за ея женскую доброту. Въ другое время она отвѣтила бы соотвѣтствующей же грубостью, но сейчасъ только посмотрѣла на меня такими жалѣющими добрыми глазами. Мнѣ сдѣлалось совѣстно, и я въ первый разъ подумалъ, что вотъ живу у Ѳедосьи скоро два года, а ни разу даже не подумалъ, что это и хорошая и, главное, добрая женщина. Да... А когда я умру, она, можетъ-быть, одна проводитъ меня на кладбище, искренно поплачетъ надъ могилой и будетъ по-женски хорошо жалѣть. Она и сейчасъ жалѣла, хотя и надоѣдала своей клиникой. Да, мнѣ сдѣлалось совѣстно, и я посмотрѣлъ на эту смѣшную Ѳедосью совсѣмъ другими глазами.

Убѣдившись, что съ клиникой ничего не подѣлаешь, Ѳедосья обратилась къ другимъ средствамъ. Она недолюбливала жиличку Анну Петровну, въ которой ревновала женщину, но для меня примирилась съ ней. Я это сразу понялъ, когда въ одно непрекрасное февральское утро Анна Петровна постучала въ дверь моей комнаты и попросила позволенія войти.

— Пожалуйста...

Дѣвушка вошла съ немного сконфуженнымъ видомъ, вѣроятно, припоминая нашу ссору изъ-за Любочки

— Вы больны, Поповъ?

— Да, что-то нездоровится... Такъ, пустяки.

— Какіе же пустяки... Вы ничего не будете имѣть, если я васъ выслушаю?

— Вы, кажется, начинаете смотрѣть на меня, какъ на медицинскій препаратъ?

Медичка строго сложила губы и сдѣлала видъ, что не разслышала моего отвѣта.

— Впрочемъ, какъ хотите... — поправился я. — Вамъ полезно поупражняться въ перкуссіи...

— Да, да, именно, полезно.

Я отдался въ ея распоряженіе и сталъ вслушиваться въ постукиванье молотка, который разыгрывалъ на моей груди оригинальную мелодію. Лѣвое легкое было благополучно, нижняя часть праваго тоже, а въ верхушкѣ его послышался характерный тупой звукъ, точно тамъ не было хозяина дома и все было заперто. Анна Петровна припала ухомъ къ пойманному очагу и не выдержала, вскрикнувъ съ какой-то радостью:

— *Взвизгиваетъ*... да, совершенно ясно *взвизгиваетъ!*.

Она радовалась, какъ охотникъ, выслѣдившій интересную дичь, и совершенно забыла обо мнѣ. Я отлично понималъ, что̀ означаетъ этотъ медицинскій терминъ, и почувствовалъ, какъ у меня передъ глазами заходили темные круги и „Ѳедосьины покровы“ точно пошатнулись. Я очнулся отъ легкаго обморока только благодаря холодной водѣ, которой меня отпаивала Анна Петровна.

— Ничего... это бываетъ...—бормотала она смущенно.—Если уѣхать въ Крымъ и взять тамъ весну...

— Еще лучше, если уѣхать въ Ментону... да. У меня притупленіе праваго легкаго?

— Да...

— Пріятное открытіе...

— Проклятый петербургскій климатъ...

— И многое другое... Впрочемъ, очень благодаренъ вамъ.

— Необходимо урегулировать питаніе... хорошее вино... легкій моціонъ...

— Послушайте, не будемъ говорить объ этомъ, Анна Петровна... У меня въ карманѣ ровно двугривенный, а работать сейчасъ я не могу. Впрочемъ, все это пустяки...

Притупленіе легкаго—это начало форменной чахотки. Изъ ста случаевъ одинъ шансъ остаться въ живыхъ, особенно, когда въ карманѣ двугривенный. Вотъ когда пригодились бы пропавшія за Райскимъ деньги. Да, это былъ почти смертный приговоръ, а остальное все придетъ въ свое время. И время стояло проклятое: конецъ февраля. До петербургской кислой весны было еще далеко. Меня охватило вполнѣ понятное отчаяніе... Благодаря занятіямъ въ медицинской академіи, я отлично зналъ, какъ систематически пойдетъ весь процессъ, пока изъ живого человѣка не получится cadaver. Неужели все кончено и нѣтъ спасенія? Я носилъ уже смерть въ собственной груди, и будущее заключалось только въ постепенномъ разложеніи живого тѣла. Молодой, неокрѣпшій организмъ такъ быстро реагируетъ въ такихъ случаяхъ, и пламя жизни потухаетъ, какъ тѣ свѣтильники, въ которые евангельскія дѣвы позабыли налить масла.

О, какъ я помню эту ужасную ночь!.. Это была ночь итога, ночь нравственной сводки всего сдѣланнаго и мукъ за несдѣланное, непережитое, неосуществленное. Прежде всего больная мысль унесла меня на родной благодатный югъ, подъ родную кровлю. Да, тамъ еще ничего не знаютъ, да и не должны ничего знать, пока все не разрѣшится въ ту или другую сторону. Бѣдная мать... Какъ она будетъ плакать и убиваться, какъ убивались и плакали тѣ матери, дѣтьми которыхъ вымощены петербургскія кладбища. Пріѣхать домой больнымъ и отравить себѣ послѣдніе дни видомъ чужихъ страданій — нѣтъ, это невозможно. Тѣмъ болѣе, что во всемъ виноватъ я самъ, и только я самъ. Моя болѣзнь—только результатъ безпутной, нехорошей жизни, а я не имѣю права огорчать другихъ, получая достойную кару за свое недостойное поведеніе.

Да, я по косточкамъ разобралъ всю свою недолгую жизнь и пришелъ къ убѣжденію, что еще разъ виноватъ самъ. Одно пьянство чего стоило и другія излишества! Если бы можно было начать жить снова... Неужели нѣтъ спасенія, и со мной умретъ все будущее? По скрытой ассоціаціи идей я припомнилъ Александру Васильевну, какой я видѣлъ ее на балу. Вѣдь это было такъ недавно, чуть не на-дняхъ... Да, она такая молодая, свѣжая, полная силъ... На меня смотрѣли эти чудные дѣвичьи глаза, а въ нихъ смотрѣло счастье, любовь и цѣлый рядъ дѣтскихъ глазъ—да, глаза тѣхъ нашихъ дѣтей, въ которыхъ мы должны были продолжиться и которыхъ мы никогда-никогда не увидимъ. Мнѣ безумно захотѣлось видѣть ее и сказать, какъ я ее любилъ, какъ мы были бы счастливы, какъ прошли бы всю жизнь рука объ руку... Развѣ написать ей? Можетъ-быть, она пріѣдетъ...

А кругомъ стояла нѣмая ночь. Въ коридорѣ почикивали дешевенькіе стѣнные часы. Кругомъ темнота. Такая же ночь и на душѣ, а вмѣсто дешевенькихъ часовъ отбиваетъ тактъ измученное сердце. Я садился на своей кушеткѣ и смотрѣлъ въ темное пространство, изъ котораго выступалъ цѣлый рядъ картинъ. Голыя ноги повѣсившагося канатчика, пьяная улыбка Порфира Порфирыча, заплаканные глаза Любочки... Меня охватывала мучительная жажда жизни, именно—жажда. Я не хочу умирать... слышите?.. Я хочу жить, любить, работать, давать жизнь другимъ. Не правда ли, я вѣдь еще такъ молодъ, и это было бы величайшей несправедливостью — умереть на разсвѣтѣ жизни. Я наконецъ не настолько испорченный человѣкъ, чтобы не могъ исправиться. Вѣдь живутъ же никому ненужные старики и старухи, калѣки и нищіе, разбойники и просто негодяи, безнадежные пьяницы и совсѣмъ лишніе люди? Зачѣмъ именно я долженъ умереть?..

XXXI.

Болѣзнь съ неудержимой быстротой шла впередъ. Я уже рѣшилъ, что все кончено. Что же, другіе умираютъ, а теперь моя очередь,—и только. Вещь по своему существу не только обыкновенная, но даже прозаичная. Конечно жаль, но все равно, ничего не подѣлаешь. Человѣкъ, который, провожая знакомыхъ, случайно остался въ вагонѣ и ѣдетъ совсѣмъ не туда, куда ему нужно,—вотъ то ощущеніе, которое меня преслѣдовало неотступно.

Но я не былъ одинъ. Ѳедосья зорко слѣдила за мной и не оставляла своими заботами. Мнѣ пришлось тяжелымъ личнымъ опытомъ убѣдиться, сколько настоящей хорошей доброты заложила природа въ это неуклюжее и ворчливое существо. Да, это была добрая женщина, не головной добротой, а такъ, просто, потому что другой она не умѣла и не могла быть.

— А я вамъ парного молока добыла... — какъ-то конфузливо-сурово сообщала Ѳедосья, глядя куда-нибудь въ сторону. — У дворника есть курицы, такъ тоже скоро нестись будутъ. Свѣжее яичко хорошо скушать. Вотъ если бы краснаго вина добыть...

На послѣднемъ пунктѣ политическая экономія Ѳедосьи дѣлала остановку. Бутылка вина на худой конецъ стоила рубль, а гдѣ его взять... Мои рессурсы были плохи. Оставалась надежда на родныхъ,—какъ было ни тяжело, но мнѣ пришлось просить у нихъ денегъ. За послѣдніе полтора года я не получалъ „изъ дома“ ни гроша и рѣшился просить помощи, только вынужденный крайностью. Отецъ и мать, конечно, догадаются, что случилась какая-то бѣда, но обойти этотъ роковой вопросъ не было никакой возможности.

Кромѣ физической стороны, Ѳедосью занимала и психологія болѣзни. Она рѣшила про себя, что мнѣ вредно оставаться одному, съ неотвязной мыслью о своей болѣзни, и старалась развлекать меня, что̀ оказалось труднѣе вопросовъ питанія. По вечерамъ Ѳедосья приходила въ мою комнату, становилась у двери и разсказывала какой-нибудь интересный случай изъ своей жизни: какъ ее три раза обкрадывали, какъ она лежала больная въ клиникѣ, какъ ее ударилъ на улицѣ пьяный мастеровой, какъ она чуть не утонула въ Невѣ, какъ за нее сватался пьянчуга-чиновникъ и т. д. О себѣ она говорила какъ о постороннемъ человѣкѣ, и всѣ эти воспоминанія сводились обязательно на что-нибудь непріятное. Вся жизнь Ѳедосьи составляла одну сплошную непріятность. Когда этотъ личный матеріалъ исчерпался, Ѳедосья перешла къ жильцамъ, и я могъ только удивляться ея наблюдательности. Она, какъ оказалось, отлично понимала бѣдствовавшую въ ея конурахъ молодость и дѣлала мѣткія характеристики. Впрочемъ, чужія злоключенія и ошибки Ѳедосья понимала по личному горькому опыту.

Разъ Ѳедосья заявилась съ бутылкой дешевенькаго краснаго вина. Замѣтивъ мой недовольный взглядъ, она поспѣшила оправдаться:

— Не мое вино-то... И бутылка почата... Это мужъ у Аграфены Петровны былъ именинникъ, такъ вино-то и осталось. Все равно, такъ же бы слопали... Я какъ-то забѣжала къ ней, ну, разговорились, ну, она мнѣ сама и суетъ бутылку. А я не просила... Ей-Богу, не просила. Она добрая..

Мнѣ было совѣстно пользоваться любезностью почти совсѣмъ незнакомой женщины, тѣмъ болѣе, что у меня явилось подозрѣніе относительно правдивости Ѳедосьи. Навѣрно, она просила, а это являлось уже чуть не милостыней.

— Не хочу я вина,—рѣшительно заявилъ я.—Не хочу,—и все тутъ.

Ѳедосья отличалась большимъ упрямствомъ и повела дѣло другимъ путемъ. Въ этотъ же день явилась ко мнѣ сама Аграфена Петровна.

— Вы это что̀ капризничаете?—напустилась она на меня безъ всякихъ предисловій.—Это я *сама* послала вамъ вино... Все равно испортилось бы. Я не пью, а мужу вредно пить. Однимъ словомъ, вздоръ...

Она осмотрѣла комнату и только покачала головой. На окнѣ не было шторы, по угламъ пыль, мебель жалкая,—однимъ словомъ, одна мерзость. Мое дѣвственное ложе тоже возбудило негодованіе Аграфены Петровны. Результатомъ этой ревизіи явилось совершенно неожиданное заключеніе:

— Мы съ вами будемъ играть въ карты...

— Я не умѣю.

— А я научу. Будемъ играть въ рамсъ... Я ужасно люблю. А вамъ необходимо развлечься немного, чтобы не думать о болѣзни. Сегодня у насъ что̀? Да, равноденствіе... Скоро весна, на дачу поѣдемъ, а пока въ картишки

поиграемъ. Мнѣ одной-то тоже не весело. Сидишь-сидишь, и одурь возьметъ. Бабъ я терпѣть не могу, а одной скучно... Я васъ живо выучу. Какъ жаль, что сегодня картъ не захватила съ собой, а еще думала... Этакая тетеря...

Аграфена Петровна была немного странная женщина и поражала неожиданными фантазіями. Одна изъ такихъ фантазій — ухаживать за „больнымъ студентомъ“. Хорошо было то, что она все дѣлала какъ-то заразительно-просто, съ вѣчной улыбкой. На меня дѣйствовала больше всего именно эта простота. Такъ и пахнуло какимъ-то домашнимъ тепломъ, уютнымъ спокойствіемъ и улыбающейся добротой. Каждое появленіе Аграфены Петровны сопровождалось какой-нибудь реформой: одинъ разъ переставленъ былъ письменный столъ, въ другой—моя кушетка, въ третій—стулья. Свою ненависть къ Пепкѣ она переносила и на его вещи и говорила: „ну, этотъ и такъ живетъ“...

Вечера за картами проходили, дѣйствительно, веселые. Аграфена Петровна ужасно волновалась и доходила до обвиненія меня въ подтасовкѣ. Кажется, въ репертуаръ развлеченія больного входили и карточныя ссоры. Въ антракты Аграфена Петровна прилаживалась къ столу, по-бабьи подпирала щеку одной рукой и говорила:

— Ну, разсказывайте что-нибудь... Вы вѣдь были влюблены въ эту пухлявку Наденьку. Не отпирайтесь, пожалуйста, я все знаю... Разсказывайте. Я люблю, когда разсказываютъ про любовь... Вѣдь вы были влюблены? да?

— Да, но только не въ Наденьку.

— А въ кого? Хотите, я сама съѣзжу къ ней съ письмомъ?.. Она, навѣрное, не знаетъ, что вы больны. О, какъ это хорошо — любить!.. Особенно когда весна, цвѣты, соловей... Вы любите луну? Когда я смотрю на луну, мнѣ почему-то хочется плакать.

Эти разговоры вызвали во мнѣ желаніе подѣлиться своей тайной. Все равно умру, и никто не узнаетъ. Аграфена Петровна выслушала мою исповѣдь съ широко раскрытыми глазами и въ тактъ разсказа качала головой.

— И только?—удивилась она, когда я кончилъ.

— Что же вамъ еще нужно?

— Какъ что? Даже ни разу не поцѣловать хорошенькой дѣвушки? Да вы, просто, мямля и тюфякъ... Васъ никогда женщины не будутъ любить. Не можетъ же дѣвушка первая броситься на шею къ мужчинѣ... Первый шагъ долженъ сдѣлать онъ.

— Я не хотѣлъ повторять исторію съ Любочкой...

— Что же, она сама виновата, если позволила себѣ слишкомъ много. Есть извѣстная граница... да... Не забывайте, что жизнь такъ и пройдетъ межъ пальцевъ, а спохватитесь—уже поздно. Я вашего Пепку презираю, но онъ не теряетъ напрасно времени. Онъ—настоящій мужчина.

— Извините меня, но я васъ не понимаю...

— А вы—мямля... Что же будетъ, если молодые люди не будутъ цѣловать дѣвушекъ?.. Все книжки да книжки, а когда же жить?.. Хотите, я съѣзжу къ этой Александрѣ Васильевнѣ и привезу ее сюда? Адресъ узнаю въ адресномъ столѣ или у Наденьки.

— Нѣтъ, нѣтъ...

— Ну, это другое дѣло: значитъ, вы ее не любили по-настоящему. Если она любитъ, то пріѣдетъ... Пѣшкомъ придетъ и меня еще благодарить будетъ.

Мое здоровье ухудшалось съ каждымъ днемъ. Особенно донималъ холодный потъ. Сидишь—и вдругъ всего точно обольетъ холодной водой, а потомъ

сейчасъ же наступало страшное безсиліе. Я чувствовалъ, какъ жизнь выходила всѣми порами и уничтоженіе близилось. Особенно тяжелы были безсонныя ночи... Чего-чего ни передумаешь въ такую ночь! Обидно было то, что наступала весна, всѣ готовились къ ней, въ газетахъ появились объявленія о дачахъ... А тамъ, на югѣ, уже совсѣмъ хорошо. Скоро тронутся рѣки, высыплетъ первая зеленая травка, весело зацвѣтутъ первые цвѣты. Мысль о домѣ все чаще и чаще посѣщала меня, подрывая нежеланіе огорчать родную семью своей смертью на глазахъ у нихъ. Кажется, я рѣшился бы уѣхать на югъ, если бы не Аграфена Петровна.

Она явилась разъ съ извѣстіемъ, что наняла дачу.

— Будемъ вмѣстѣ жить,—рѣшила она за меня.—Я буду ухаживать за вами... У васъ будетъ своя комната; я сама готовлю обѣдъ и откормлю васъ. Все зависитъ отъ ѣды, а лѣкарства—пустяки...

— А гдѣ вы наняли дачу?

— Въ Третьемъ Парголовѣ... Тамъ отлично. Одинъ Шуваловскій паркъ чего стоитъ... Кстати, у васъ тамъ есть свои пріятныя воспоминанія. Однимъ словомъ, все отлично...

Мнѣ оставалось только благодарить за вниманіе. Оставалась надежда на чистый воздухъ начинавшейся Финляндской возвышенности. Да, тамъ хорошо...

Я плохо помню, какъ время дотянулось до конца апрѣля. Взглянувъ на себя въ зеркало, я даже испугался: это былъ какой-то живой скелетъ.

Мой другъ Пенко совершенно забылъ обо мнѣ, предоставивъ меня своей участи. Это было жестоко, но молодость склонна думать только о самой себѣ,—вѣдь міръ существуетъ только для нея и принадлежитъ ей. Мы почти не говорили. Пенко изрѣдка справлялся о моемъ здоровьѣ и издавалъ неопредѣленный носовой звукъ, выражавшій его неудовольствіе.

— Да... гм...

Онъ почти все время проводилъ въ комнатѣ у Анны Петровны и былъ счастливъ.

Наканунѣ отъѣзда Аграфена Петровна пришла собрать мои вещи и уложила все въ чемоданъ. Вещей было такъ немного, а мѣсто еще оставалось. Она такъ посмотрѣла кругомъ, что мнѣ показалось, что она и меня съ удовольствіемъ тоже уложила бы въ чемоданъ. Я невольно засмѣялся.

— Вы это чему смѣетесь, мямля?

Она присѣла ко мнѣ на кушетку, пощупала мой лобъ, покачала головой, а потомъ быстро наклонилась и поцѣловала прямо въ губы съ энергіей, излишней для больныхъ. Черезъ ея плечо я видѣлъ, какъ въ дверяхъ показалась фигура Пенки и благочестиво скрылась.

XXXII.

Передъ самымъ отъѣздомъ на дачу ко мнѣ завернула Любочка. Она имѣла самый несчастный видъ: исхудала, пожелтѣла и не обращала даже вниманія на свой костюмъ—послѣдняя степень женскаго отчаянія. Она даже не знала, зачѣмъ пришла, что ей нужно было сказать и что дѣлать. Это была тѣнь живого человѣка. У меня сжалось сердце при видѣ убитой дѣвушки. Всѣ что-то дѣлали, куда-то стремились, чего-то желали и на что-то надѣялись; одна она была выкинута изъ этого живого круга, обреченная на спеціально-женскую муку мученическую. Зашла въ мою комнату, оглядѣлась кругомъ съ какимъ-то дѣтскимъ удивленіемъ и присѣла на стулъ, позабывъ даже поздороваться съ хозяиномъ.

— Какъ поживаете, Любочка?

— Я? Не стоитъ говорить...

Она даже улыбнулась какой-то больной улыбкой. Я не зналъ, что говорить и что дѣлать съ ней. Ея безмолвное присутствіе начинало меня тяготить. Есть извѣстная граница, до которой чужое горе насъ трогаетъ, а дальше этой границы оно начинаетъ раздражать, какъ плачъ или крикъ. Именно такъ и я посмотрѣлъ на Любочку. Что же, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь нельзя же заставить человѣка полюбить насильно! Я не оправдывалъ Пепку, но, съ другой стороны, и Любочка разыгрывала трагедію не по нашему сѣренькому времени. Что такое любовь? Развѣ можетъ быть любовь безъ взаимности? Представленіе объ этомъ чувствѣ у меня, признаюсь, было довольно смутное, и я не могъ понять, какъ это люди теряютъ голову и всякое самообладаніе. Опять является вопросъ о границахъ... Потомъ мнѣ было какъ-то совѣстно за Анну Петровну, являвшуюся въ роли злой разлучницы. Какъ будто и нехорошо... Возникалъ неразрѣшимый вопросъ о женскомъ соперничествѣ, не предусмотрѣнный никакими кодексами и сводами законовъ. Для меня ясно было одно, — именно, что Анна Петровна, охваченная эгоизмомъ собственнаго чувства, устраняла Любочку безъ всякаго сожалѣнія, и поэтому я смотрѣлъ на настоящую живую Любочку, сидѣвшую передо мной, съ тѣмъ сожалѣніемъ, на какое она имѣла право разсчитывать.

— Вамъ что-нибудь нужно, Любочка?

— Мнѣ? Нѣтъ, ничего не нужно... Ахъ, нѣтъ, очень, очень нужно...

Любочка поднялась и кинулась мнѣ въ ноги.

— Уговорите Агаѳона Павлыча... Онъ васъ послушаетъ... — шептала она, заливаясь слезами. — Вы все знаете... Скажите ему...

— Любочка, встаньте...

— Не встану, если вы не пообѣщаете. Умру вотъ здѣсь... у васъ... Ну, что вамъ стоитъ? Вы мнѣ дайте честное слово, самое честное слово...

Несчастная ничего не понимала и ничего не желала понимать. Я ее насильно поднялъ, усадилъ и далъ воды. У меня отъ слабости кружилась голова и дрожали ноги. Затѣмъ я, по логикѣ всякой слабости, возненавидѣлъ Любочку. Что она ко мнѣ-то пристаетъ, когда я самъ едва дышу? Довольно этой комедіи. Ничего знать не хочу. До свиданія... Любочка смотрѣла на меня широко раскрытыми глазами и только теперь замѣтила, какъ я хорошъ— краше въ гробъ кладутъ.

— Я больше не буду, Василій Иванычъ...—какъ-то по-дѣтски покорно проговорила она, подымаясь со стула. — Я уйду сейчасъ... Вы больны.

— Да, да, боленъ, чортъ возьми! Умираю, а вы ко мнѣ лѣзете съ вашими пустяками... Какое мнѣ дѣло до васъ? Зачѣмъ вы пришли ко мнѣ?

Когда Любочка вышла, не простившись со мной, у меня начался пароксизмъ жестокой лихорадки. И опять этотъ потъ... Въ послѣднее время начали появляться признаки апатіи. Э, не все ли равно, когда ни умереть? Да и стоитъ ли жить вообще, когда столько гадостей кругомъ, и когда въ самомъ тебѣ эти же гадости таятся въ зачаточномъ состояніи, потому что не выпало еще подходящаго случая имъ реализироваться. И что такое смерть сама по себѣ? Во-первыхъ—абсолютный покой, во-вторыхъ — вопросъ моей личной хронологіи. Вѣдь все равно, умирать когда-нибудь придется, сколько ни живи, и только одна иллюзія, что мнѣ не нужно умирать и не нужно умирать именно сейчасъ, въ данный моментъ. Въ болѣзняхъ есть своя философія.

На дачу я готовился переѣзжать въ очень дурномъ настроеніи. Мнѣ все казалось, что этого не слѣдовало дѣлать. Къ чему тревожить и себя и

другихъ, когда все уже рѣшено. Мнѣ казалось, что ѣду не я, а только тѣнь того, что составляло мое *я*. Будетъ обидно видѣть столько здоровыхъ, цвѣтущихъ людей, которые ѣхали на дачу не умирать, а жить. У нихъ счастливые номера, а мой вышелъ въ погашеніе.

Мой добрый геній, Аграфена Петровна, сама уложила мои вещи, покачивая головой надъ ихъ скуднымъ репертуаромъ. Она вообще относилась ко мнѣ, какъ къ ребенку, что̀ подавало поводъ къ довольно забавнымъ сценамъ. Мнѣ даже нравилось подчиняться чужой волѣ, чтобы только самому ничего не рѣшать и ни о чемъ не думать. Это былъ эгоизмъ безнадежно больного человѣка. Ухаживая за мной, Аграфена Петровна постоянно повторяла:

— Андрей Иванычъ всегда такъ дѣлаетъ... Андрей Иванычъ это любитъ... Андрей Иванычъ терпѣть не можетъ, чтобы кто-нибудь подходилъ къ его письменному столу.

Однимъ словомъ, этотъ неизвѣстный мнѣ Андрей Иванычъ, казалось, наполнялъ всю вселенную и для Аграфены Петровны являлся чѣмъ-то въ родѣ той атмосферы, которая окружаетъ земной шаръ. Выражаясь фигурально, можно было подумать, что она дышала имъ. Я понималъ только одно, что дома этотъ всеобъемлющій и всенаполняющій Андрей Иванычъ являлся только дорогимъ гостемъ, а дѣлала всю „домашность“ одна Аграфена Петровна: она и дачу нанимала, и все укладывала, и перевозила на дачу весь скарбъ, и тамъ все приводила въ новый порядокъ, и дѣлала все такъ, чтобы Андрею Иванычу было и удобно, и беззаботно, и хорошо. Развѣ Андрей Иванычъ понимаетъ что-нибудь въ этихъ домашнихъ дрязгахъ? Онъ лампы не умѣетъ зажечь. Я почему-то впередъ возненавидѣлъ этого трутня, который потерялъ всякій обликъ мужчины, какъ главы дома. Да, мужчина долженъ строить свое гнѣздо, оберегать и защищать его, а не сваливать всю работу на женскія плечи. Меня возмущало это добровольное рабство Аграфены Петровны, и я понялъ, что въ медичкѣ Аннѣ Петровнѣ есть родственныя черты: она точно такъ же ухаживала за своимъ Пепкой и такъ же его баловала. Однимъ словомъ, обѣ сестры принадлежали къ типу тѣхъ женщинъ, которыя создаютъ культъ мужчины и всю жизнь служатъ кому-нибудь. Несчастная Любочка принадлежала къ этому же типу, хотя ей и выпалъ дурной номеръ....

Пепку я видѣлъ совсѣмъ мало. Между нами установились какія-то глупыя, натянутыя отношенія. Я чувствовалъ, что онъ меня ненавидитъ, и понималъ, что единственнымъ основаніемъ этой ненависти было только то, что я все-таки оставался живымъ свидѣтелемъ его исторіи съ Любочкой. Онъ видѣлъ во мнѣ какой-то упрекъ себѣ и помѣху своему счастью, и я увѣренъ, что онъ былъ бы радъ моей смерти. О, Пепко былъ величайшій эгоистъ, который думалъ, что міръ скромно существуетъ только для него! Передъ моимъ отъѣздомъ онъ соблаговолилъ сказать мнѣ нѣсколько теплыхъ словъ:

— Всего лучшаго, collega... Надѣюсь, что ты не будешь терять даромъ своего маленькаго дачнаго времени. Аграфена Петровна такая добрая... Желаю успѣха.

Это былъ намекъ на тотъ поцѣлуй, свидѣтелемъ котораго невольно сдѣлался Пепко. Онъ по своей испорченности самыя чистыя движенія женской души объяснялъ какой-нибудь гнусностью, и я жалѣлъ только объ одномъ, что былъ настолько слабъ, что не имѣлъ силы проломить Пепкину башку. Я могъ только краснѣть остатками крови и молча скрежеталъ зубами.

— А ты куда помѣщаешь свою особу на лѣто?—спросилъ я, чтобы сказать что-нибудь.

— Не знаю еще хорошенько: въ Павловскъ или въ Ораніенбаумъ.

У Пепки были совершенно необъяснимыя движенія души, какъ въ данномъ случаѣ. Для чего онъ важничалъ и вралъ прямо въ глаза? Павловскъ и Ораніенбаумъ были такъ же далеки отъ Пепки, какъ Голконда и тѣ бѣлые медвѣди, которые должны были превратиться въ ковры для Пепкиныхъ ногъ. По-моему, Пепко былъ просто маніакъ. Разъ онъ мнѣ совершенно серьёзно сказалъ:

— Ты обратилъ вниманіе на мой профиль? Это профиль человѣка, который ѣздитъ на резинѣ, имѣетъ свои собственные дома, дачу въ Крыму, лакея, который докладываетъ каждый день о состояніи погоды, — однимъ словомъ, живетъ порядочнымъ человѣкомъ. По-моему, все зависитъ отъ профиля... Возьми исторію Греціи и Рима—вся сила заключалась только въ профилѣ.

Забавнѣе всего было то, что профиль Пепки требовалъ серьезныхъ поправокъ и даже снисхожденія, но онъ серьезно гордился имъ и при разговорѣ часто поворачивалъ голову въ три четверти, какъ настоящій актеръ.

Аграфена Петровна уѣхала на дачу раньше, чтобы окончательно все тамъ приготовить. Я долженъ былъ тронуться съ мѣста только черезъ два дня. Помню, какъ свѣжій весенній воздухъ пьянилъ меня, и какъ моя голова кружилась въ смертельной истомѣ. Я едва доѣхалъ до Финляндскаго вокзала, хотя до него было рукой подать. Весенняя дачная суета раздражала меня. Куда они всѣ торопятся, о чемъ хлопочутъ, чему радуются, когда нужно только одно — чтобы не кружилась голова и не ныла зловѣще грудь? Мнѣ казалось, что вокзалъ—это моя собственная голова, и что въ этой собственной головѣ торопятся, бѣгутъ и кружатся всѣ эти пассажиры. Я чувствовалъ, какъ все куда-то плыветъ, сливаясь въ одну мутную полосу. Изъ этого забытья меня выводилъ какой-то неугомонный пассажиръ, жужжавшій около меня, какъ осенняя муха. Это былъ мужчина въ критическомъ возрастѣ, въ котелкѣ и золотомъ пенснэ. Сначала онъ потерялъ свои вещи, потомъ свою даму въ синей вуали, потомъ еще что-то — вообще онъ ужасно суетился, представляя своей особой типичный образчикъ дачнаго мужа. Дама въ синей вуали видимо капризничала и говорила несчастному очень обидныя и ядовитыя вещи, потому что онъ дѣлалъ умоляющее лицо и начиналъ виновато улыбаться, какъ только-что наказанная собака. Чтобы искупить свои прегрѣшенія, онъ пускался на отчаянное средство: навѣшивалъ на себя всѣ картонки, узелки, пакеты и свертки, бралъ въ руки саквояжи, подъ мышки два дамскихъ зонтика, и превращался въ одного изъ тѣхъ фокусниковъ, которые вытаскиваютъ всѣ эти вещи изъ собственнаго носа и съ торжествомъ удаляются со сцены, нагруженные, какъ верблюды. Этотъ маневръ бѣднягѣ удавался, и дама въ синей вуали улыбалась. Мнѣ эта нѣмая сцена семейнаго дачнаго счастья порядочно надоѣла, и я хотѣлъ перемѣнить мѣсто, чтобы избавиться отъ дачнаго мужа, начинавшаго уже поглядывать на меня съ заискивающей улыбкой человѣка, который вотъ-вотъ любезно заговоритъ съ вами о погодѣ. Но мой маневръ не удался. Я только-что поднялся, какъ дачный мужъ остановилъ меня.

— Извините, пожалуйста...—бормоталъ онъ.—Если я не ошибаюсь, вы Василій Ивановичъ Поповъ?

— Къ вашимъ услугамъ...

— Представьте себѣ, я узналъ васъ по описанію жены... Вѣдь вы ѣдете въ Третье Парголово? Ваши вещи отправлены раньше? Видите, какъ я все знаю.

Мнѣ оставалось только удивляться догадливости дачнаго мужа, который взялъ меня подъ локоть, таинственно отвелъ меня въ сторону и проговорилъ шопотомъ:

— Имѣю честь представиться: Андрей Иванычъ... Слышали?.. Хе-хе... До нѣкоторой степени вашъ хозяинъ, то-есть я-то тутъ ни при чемъ, а все Агриппина... да. Такъ вотъ видите ли... гм... да... Я провожаю въ Шувалово одну даму... да... моя дальняя родственница... да... Такъ вы того... Въ случаѣ, зайдетъ разговоръ, ради Бога не проболтайтесь Агриппинѣ... Она такая нервная... Однимъ словомъ, вы понимаете мое положеніе.

— О, совершенно понимаю...

Дачный мужъ схватилъ меня за руку и крѣпко пожалъ ее, точно давалъ взятку.

— Мнѣ сорокъ лѣтъ, и въ эти года показаться смѣшнымъ—смерть...— бормоталъ онъ, заискивающе улыбаясь. — Вы меня понимаете, однимъ словомъ...

Дама въ синей вуали сдѣлала демонстративное движеніе, и Андрей Иванычъ бросился къ ней съ такой поспѣшностью, какъ бѣгутъ вытаскивать изъ воды утопающаго.

Для начала встрѣча вышла недурная. Знаменитый Андрей Иванычъ, не умѣвшій зажечь лампы, проявлялъ настоящій талантъ вьючнаго животнаго. Эта чета повторяла съ небольшими варіаціями моихъ первыхъ квартирныхъ хозяевъ.

XXXIII.

Я опять въ Третьемъ Парголовѣ. У насъ исправляетъ обязанность дачи простая деревенская изба, оклеенная внутри дешевенькими дачными обоями... Мое помѣщеніе вверху, на чердакѣ,—лѣтняя комната,—ужасно напоминаетъ большой гробъ, потому что потолокъ сдѣланъ именно гробовой крышкой. Ничего, скверно, особенно въ холодные дни. Вся жизнь семьи Андрея Иваныча выяснилась до мельчайшихъ подробностей въ нѣсколько дней, какъ жизнь большинства петербургскихъ чиновничьихъ семей. Дома Андрей Иванычъ изображалъ изъ себя божка-мужчину и пользовался всѣми привилегіями своего божественнаго состоянія. Доходило до того, что „Агриппина“ знала всѣ его похожденія и списходила. Это униженіе меня возмущало.

— Да вѣдь онъ мужчина?—удивлялась въ свою очередь Агриппина.— У него каждый годъ новая привязанность... Но я совершенно спокойна, потому что знаю, что онъ никуда отъ меня не уйдетъ...

— Дѣйствительно, счастье большое,—иронически соглашался я.

— А какъ бы вы думали? О, вы совсѣмъ не знаете жизни... Потомъ онъ ни одной ночи не провелъ внѣ дома. Гдѣ бы ни былъ, а домой все-таки вернется... Это много значитъ. Теперь онъ ухаживаетъ за этой старой дѣвой... Не дѣлаетъ чести его вкусу — и только.

Самъ Андрей Иванычъ въ шутливомъ тонѣ очень любилъ поговорить о своей новой привязанности и даже требовалъ вниманія Агриппины къ ней. Въ одно прекрасное утро незнакомка въ синей вуали сидѣла у насъ на балконѣ и кисло улыбалась. Я только теперь хорошенько разсмотрѣлъ ее. Блондинка, съ грязноватымъ цвѣтомъ волосъ, лицо маленькое, покрытое веснушками, дѣтская картавость и претензіи на манеры женщины „изъ общества“. Звали ее Анжеликой Карловной. Меня лично она возмущала, какъ живое воплощеніе всевозможной кислоты. Очевидно, желаніе познакомиться съ Агриппиной было ея капризомъ, и Андрей Иванычъ крутился, какъ береста на огнѣ. Терпимость Аграфены Петровны меня тоже возмущала.

— О, у Агриппины своя политика! — объяснилъ мнѣ конфиденціально

Андрей Иванычъ.—Ей нравится, что я нравлюсь женщинамъ... А это главное. Хе-хе... Анжелика въ меня влюблена, какъ кошка.

Это было повтореніемъ маніи Пепки, что всѣ женщины влюблены въ него. Но за Пепкой была молодость и острый умъ, а тутъ ровно ничего. Мнѣ лично было жаль дочери Андрея Иваныча, семилѣтней Любочки, которая должна быть свидѣтельницей мамашинаго теріѣнія и папашиныхъ успѣховъ. Дѣтскіе глаза смотрѣли такъ чисто и такъ довѣрчиво, и мнѣ вчужѣ дѣлалось совѣстно за безсовѣстнаго петербургскаго чиновника.

Мое здоровье быстро начало поправляться. Это было настоящее чудо, которому я былъ обязанъ только начинавшемуся финляндскому предгорію. Цѣлые дни я проводилъ въ Шуваловскомъ паркѣ, гдѣ дышалъ озонированнымъ воздухомъ финляндскаго лѣса. Можетъ-быть, молодость брала свое, но я свое исцѣленіе приписываю только парку. Да, я пріѣхалъ сюда умирающимъ, а черезъ двѣ недѣли почувствовалъ уже облегченіе и первый приливъ силъ: пораженная верхушка легкаго начала рубцеваться. Я не вѣрилъ, что спокойно начинаю спать, что у меня явился аппетитъ, что весь міръ точно измѣнился сразу, а главное—на душѣ было такъ хорошо и радостно. Нужно имѣть свою привычку даже къ здоровью, какъ я убѣдился по личному опыту. Просыпаясь утромъ, я задавалъ себѣ цѣлый экзаменъ и упорно подыскивалъ какіе-нибудь признаки болѣзни. Но ихъ не было, кромѣ слабости. Аграфена Петровна ухаживала за мной, какъ мать, и торжествовала. Я чувствовалъ постоянно на себѣ ея пристальный взглядъ, и это вниманіе доставляло мнѣ удовольствіе. Иногда Аграфена Петровна начинала тревожиться и производила мнѣ свой собственный экзаменъ: на первомъ планѣ аппетитъ, потомъ сонъ, потомъ настроеніе духа.

— Всѣ болѣзни бываютъ отъ огорченій, — увѣряла она совершенно серьезно.—Ужъ это вѣрно... Какъ у человѣка непріятность, такъ онъ и заболѣваетъ. Я это знаю по себѣ...

Утромъ, напившись парного молока, я уходилъ въ Шуваловскій паркъ и гулялъ здѣсь часа три, вспоминая прошлое лѣто и отдаваясь тѣмъ юношескимъ мечтамъ, которыя несутся въ головѣ, какъ весеннія облачка. И жутко, и хорошо, и какая-то смутная тоска охватываетъ... Я вспоминалъ Александру Васильевну,—гдѣ-то она теперь, бѣдная?—мнѣ именно казалось, что она бѣдная, и что я почему-то долженъ ее жалѣть. Потомъ мнѣ хотѣлось ее отъ чего-то защищать, утѣшить, приласкать—просто унести въ какой-то невѣдомый край, гдѣ и свѣтло, и хорошо, и цвѣтутъ сказочные цвѣты, и поютъ удивительныя птицы, и поэтически журчатъ фонтаны, и гуляетъ „дѣвушка въ бѣломъ платьѣ“, такая чудная и свѣжая, какъ только-что распустившійся цвѣтокъ. Нѣтъ, хорошо жить! Мысль о смерти, какъ грозовая туча, унеслась далеко-далеко. Да, мы будемъ жить, дѣвушка въ бѣломъ платьѣ, и вы живите, и всѣ пусть живутъ, и пусть всѣ любятъ другъ друга. Не нужно слезъ, горя, нужды, неправды. Это радостное и восторженное настроеніе нарушалось только воспоминаніемъ о бѣдномъ Порфирѣ Порфирычѣ,—я именно теперь почему-то часто думалъ о немъ и тоже жалѣлъ бѣднаго старика, какъ Александру Васильевну. Вотъ онъ уже не увидитъ больше ни этого солнца, ни этой небесной синевы, ни зелени, ни цвѣтовъ... Мысль о смерти теперь придавала особенно интенсивную окраску всему живому. Какъ коротка жизнь, какъ мало у каждаго осталось впереди дней, и какъ нужно ими пользоваться, чтобы не прожить даромъ. Я мечталъ съ открытыми глазами, подавленный этой жаждой жизни. Повторялись прошлогоднія муки творчества, и мнѣ иногда казалось, что я начинаю сходить съ ума. Меня окружала уже цѣлая толпа моихъ бу-

дущихъ героевъ и героинь, которымъ я дамъ жизнь. Я ихъ уже чувствовалъ и почти видѣлъ, т.-е. видѣлъ опять самого себя въ разныхъ положеніяхъ. Я любилъ всѣхъ этихъ женщинъ, я имъ всѣмъ говорилъ такія хорошія слова, я объяснялъ имъ самихъ себя, и онѣ отвѣчали мнѣ такими благодарными улыбками, влюбленными взглядами,—да, онѣ будутъ любить меня, ловить каждое мое слово и будутъ счастливы.

Переложить этотъ бредъ на бумагу, конечно, не было никакой физической возможности, и я ограничивался тѣмъ, что заносилъ отдѣльныя сцены, характеристики и описанія въ свою записную книжку. Можетъ-быть, все это было смѣшно, но мнѣ доставляло громадное наслажденіе быть такимъ смѣшнымъ мечтателемъ. Я идеализировалъ встрѣчавшихся въ паркѣ дачниковъ и въ нихъ продолжалъ свои мечты. Неужели можно удовлетвориться одной своей жизнью? Нѣтъ, жить тысячью жизней, страдать и радоваться тысячью сердецъ—вотъ гдѣ настоящая жизнь и настоящее счастье! Въ порывѣ такого отожествленія я разъ машинально забрелъ на чужую дачу и очень сконфузился, увидѣвъ реальныхъ людей.

Это возвышенное настроеніе совпадало съ твердымъ намѣреніемъ начать новую жизнь. Да, все старое кончено и никогда больше не повторится. Прощай, милая академія, прощай, о, ты, коварный другъ Пепко!.. Я съ ужасомъ припоминалъ послѣдніе два года, проведенные въ этомъ миломъ обществѣ. Взять хоть прошлое пьяное лѣто съ кутежами въ „Розѣ“ и разными дурацкими похожденіями до пьянаго безобразія включительно. Кончено, все кончено... Будемъ жить по-новому, по-другому. Я даже ни разу не прошелъ мимо своей прошлогодней избушки, не заглянулъ въ „Розу“, не полюбопытствовалъ, какъ живетъ во Второмъ Парголовѣ „дѣвушка въ бѣломъ платьѣ“.

Разъ я гулялъ въ паркѣ, занятый планомъ какой-то фантастической легенды,—мнѣ было уже тѣсно въ рамкахъ обыкновеннаго существованія обыкновенныхъ смертныхъ,—какъ меня окликнулъ знакомый голосъ. Я оглянулся и остолбенѣлъ: меня догонялъ Пепко. Онъ былъ въ лѣтнемъ порванномъ пальто и съ газетой въ рукахъ,—признакъ недурной.

— Вася, постой...

— Пепко, ты ли это? Вѣдь ты живешь въ Павловскѣ?

— Какъ ты легкомысленъ, мой другъ... Кто живетъ въ Павловскѣ? Разжирѣвшая буржуазія, тупые аристократы, бюрократы, гвардейцы, а я—мыслящій пролетаріатъ. Представь себѣ, что я живу въ двухъ шагахъ отъ тебя—знаешь Заманиловку? Это по дорогѣ къ доброй феѣ... Я, братъ, нынче шабашъ: ни-ни. Запрещено все.

Пепко тревожно посмотрѣлъ въ сосѣднюю аллею, гдѣ на скамейкѣ виднѣлась женская фигура, и сбавилъ шагу.

— Я тоже шабашъ,—признался я.

— Ты-то съ какой стати?—укоризненно замѣтилъ Пепко и сдѣлалъ неодобрительное движеніе головой.—Впрочемъ, всякій дуракъ по-своему съ ума сходитъ.

Потомъ онъ остановился, трагическимъ жестомъ указалъ на скамью съ женской фигурой и трагически проговорилъ:

— Видишь—скамья? Кажется, просто... На скамьѣ сидитъ дама—кажется, еще проще? Да... А между тѣмъ это не скамья и не дама, а мое несчастіе, моя погибель, моя могила. Да, да, да... Она, то-есть дама, а не скамья, довела меня до того, что я разорвалъ самыя священныя узы дружбы, я готовъ былъ отречься даже отъ своей одной доброй матери... Она стоитъ надъ моей душой и сторожитъ каждую мысль,—однимъ словомъ, это самое ужасное

изъ всѣхъ рабствъ... Вотъ сейчасъ я разговариваю съ тобой, а самъ трепещу... А чего боюсь? Боюсь, голубчикъ, этихъ слезъ, этихъ нѣмыхъ упрековъ, этого вѣчнаго домашняго сыска... Я больше не принадлежу себѣ, какъ не принадлежитъ самой себѣ какая-нибудь вещь домашняго обихода. Боже мой, какъ я завидую тебѣ, то-есть твоей свободѣ! Я когда увидѣлъ тебя, первой мыслью было броситься, догнать и сказать: „милый, родной, бѣги отъ женщины“... О, я знаю, что̀ такое женщина! И знаешь, что̀ въ женщинахъ самое ужасное: онѣ всѣ напоминаютъ другъ друга, какъ дождевыя капли. Образованная Анна Петровна дѣлаетъ то же самое, что̀ дѣлала глупенькая Любочка... Она меня ревнуетъ даже къ неодушевленнымъ предметамъ, къ моимъ тайнымъ мыслямъ. А самое скверное то, мой другъ, что Анна Петровна—умная, развитая, хорошая женщина... О, отъ этой, братъ, никуда не уйдешь! Она, братъ, все видитъ... Она создастъ изъ жизни такую пытку, что позавидовалъ бы самъ святой отецъ Игнатій Лойола. Знаешь, иногда я мечтаю, потихоньку отъ нея мечтаю, — отчего я не женился на Ѳедосьѣ? Чтобы она, Ѳедосья, была старая и рябая, и чтобы у нея былъ любовникъ, скверный солдатъ, и чтобы этотъ скверный солдатъ меня билъ...

— Пепко, ты по своей привычкѣ преувеличиваешь... Вѣроятно, какая-нибудь самая обыкновенная семейная ссоришка.

Пепко захохоталъ, а потомъ спохватился, закрылъ ротъ рукой и даже спрятался за меня. Потомъ онъ взялъ меня за руку и повелъ назадъ.

— Пусть *она* тамъ злится, а я хочу быть свободнымъ хоть на одинъ мигъ... Да, всего на одинъ мигъ. Кажется, самое скромное желаніе? Ты думаешь, она насъ не видитъ?.. О, все видитъ! Потомъ будетъ проникать мнѣ въ душу—понимаешь, прямо въ душу. Ну, все равно... Сядемъ вотъ здѣсь. Я хочу себя чувствовать тѣмъ Пепкой, какимъ ты меня зналъ тогда...

Мы сѣли. Пепко развернулъ свою газету, поискалъ что-то глазами и расхохотался, какъ это съ нимъ случалось,—расхохотался безъ всякой видимой причины.

— На̀, читай...—ткнулъ онъ мнѣ газету, отмѣчая ногтемъ столбецъ.

Газета трактовала о герцеговинскомъ возстаніи и что-то такое о Сербіи. Я за время своей болѣзни отсталъ отъ печатной бумаги и никакъ не могъ понять, что̀ могло интересовать Пепку.

— Ты не понимаешь?—удивлялся Пепко.

— Ровно ничего не понимаю...

— А независимость Сербіи? Звѣрства турокъ? Первые добровольцы? И теперь не понимаешь? Ха-ха!.. Такъ я тебѣ скажу: это мое спасеніе, мой послѣдній ходъ... Ты видишь, вонъ тамъ сидитъ на скамейкѣ дама и злится, а человѣкъ, на котораго она злится, возьметъ да и уйдетъ добровольцемъ освобождать братьевъ-славянъ отъ турецкаго звѣрства. Вѣдь это, голубчикъ, цѣлая идеища... Я даже во снѣ вижу этихъ турокъ. Во мнѣ просыпается наша славянская стихійная тяга на Востокъ...

— Ну, это будетъ не совсѣмъ на Востокъ.

— Э, не все ли равно!..

— Анна Петровна знаетъ твои намѣренія?

— Въ томъ-то и дѣло, что ничего не знаетъ... ха-ха!.. Хочу умереть за братьевъ и хоть этимъ искупить свои прегрѣшенія. Да... Серьезно тебѣ говорю... У меня это клиномъ засѣло въ башку. Ты только представь себѣ картину: порабощенная страна съ одной стороны, а съ другой—нашъ историческій врагъ... Сколько тамъ пролито русской крови, сколько положено головъ, а идея все-таки не достигнута. Умереть со знаменемъ въ рукахъ, умереть за святое дѣло—да развѣ можетъ быть счастье выше?

— Однако Анна Петровна...

— Вотъ, вотъ... Что мнѣ можетъ сказать Анна Петровна, когда я въ одно прекрасное утро объявлюсь предъ ней добровольцемъ? Вѣдь умныя-то книжки всѣ за меня, а тутъ я еще поѣду корреспондентомъ отъ „Нашей Газеты“. Ха-ха... Ради Бога, все это между нами. Величайшій секретъ... Я хотѣлъ сказать тебѣ... хотѣлъ...

Пепко какъ-то сразу сорвался съ мѣста и, не простившись со мной, бросился догонять уходившую Анну Петровну. Пепко былъ неисправимъ...

XXXIV.

Славянскій патріотизмъ Пепки мнѣ показался для перваго раза просто мальчишеской выходкой, одной изъ тѣхъ смѣшныхъ штукъ, какія онъ любилъ выдѣлывать время отъ времени. Но вышло гораздо серьезнѣе. Онъ дня черезъ два послѣ нашей встрѣчи зашелъ ко мнѣ и потащилъ въ „Розу“.

— Зачѣмъ итти въ трактиръ?—слабо протестовалъ я.—Напились бы чаю у меня и потолковали...

— Нѣтъ, не могу, Вася. Мнѣ нуженъ этотъ трактирный воздухъ... И чтобы трактиръ былъ такой, съ грязцой: салфетки коробомъ, заржавленныя, у лакеевъ фраки въ пятнахъ, посуда разномастная, у буфетчика красный носъ,—однимъ словомъ, полное великолѣпіе. Да... Я вѣдь кромѣ чая ни-ни.

Послѣднему я позволилъ себѣ не повѣрить.

— Стаканъ чаю,—приказалъ Пепко грязному лакею и посмотрѣлъ на него такимъ вызывающимъ взглядомъ, точно спросилъ яду.

Мнѣ докторъ совѣтовалъ для возстановленія силъ пить пиво, и стоицизмъ Пепки подвергался серьезному искусу. Но онъ выдержалъ свое „отчаяніе“ съ полной бодростью духа, потому что страдалъ жаждой высказаться и подѣлиться своимъ настроеніемъ. На него нападала временемъ неудержимая общительность. Прихлебывая чай, Пепко началъ говорить съ торопливостью человѣка, за которымъ кто-то гонится и вотъ-вотъ сейчасъ схватитъ.

— Видишь ли, Вася... я много думалъ... Ночи даже не сплю. Въ самомъ дѣлѣ, если разобрать: какая наша жизнь? Одно сплошное свинство... Мы даже любить не умѣемъ, а только тянемъ одинъ изъ другого жилы. Да... Мнѣ просто опротивѣло жить, ѣсть, дышать, смотрѣть. Понимаешь: не хочу. Для чего я сейчасъ хлебаю вотъ это пойло? Неизвѣстно, а пойло негодное и ненужное. И все такъ... Мы всю жизнь именно дѣлаемъ то, что намъ не нужно. Я дошелъ до того, что эту ложь вижу даже въ неодушевленныхъ предметахъ: вотъ возьми хоть этотъ трактирный садишко—вѣдь деревья только притворяются деревьями, а въ сущности это зеленые лакеи, которые должны прикрывать своей тѣнью пьяницъ, влюбленныя парочки и всякую остальную трактирную гадость. Понимаешь, я не вѣрю вотъ этимъ зеленымъ листьямъ—они тоже лгутъ, потому что въ сущности не листья, а чортъ знаетъ что. Развѣ услужающій, буфетчикъ, теперь—люди? Мнѣ кажется, что и стулья притворяются стульями, столы—столами, салфетки—салфетками, и что больше всѣхъ притворяюсь я, сидящій на этихъ стульяхъ и утирающій свою морду этими салфетками. Ты меня понимаешь?

— Порывъ раскаянія въ національномъ стилѣ. Остается только выйти куда-нибудь на Красную площадь, подняться на высокое мѣсто лобное и оттуда раскланяться на всѣ четыре стороны: „Прости, народъ православный“.

— Да, да, именно. Такъ дѣлалъ Иванъ Грозный, Стенька Разинъ, Емелька Пугачовъ... Это наше. Ни Марія-Антуанета, ни Луишка Сезъ такъ

не дѣлали, когда ихъ привели къ гильотинѣ. Да, это наше... И за этимъ, знаешь, что̀ стоитъ: мучительнѣйшая жажда подвига, искупленія. Вѣдь въ каждомъ русскомъ человѣкѣ сидитъ именно такой подвижникъ. Я нынче читаю житія русскихъ угодниковъ и вижу, что они въ себѣ воплотили нашу исконную русскую покаянно-подвижническую черту. Это стихійная сила, съ которой даже невозможно считаться. Они, подвижники, тоже ушли отъ окружавшаго ихъ свинства и мучительнымъ подвигомъ достигли желаемаго просвѣтлѣнія, то-есть настоящаго, того, для чего только и сто̀итъ жить. И мнѣ надоѣло жить, и я тоже мучительно ищу подвига, искупленія...

— Однимъ словомъ, желаешь быть добровольцемъ?

— Да, да... Ты представь себѣ, что и другіе тоже мучатся, какъ я, и тоже ищутъ подвига. Мы не знаемъ другъ друга, но уже впередъ дѣлаемся братьями по душѣ.

— Извини, я сдѣлаю одно замѣчаніе: большую роль въ данномъ случаѣ играетъ декоративная сторона. Каждый впередъ воображаетъ себя уже героемъ, который жертвуетъ собой за любовь къ ближнему—эта мысль красиво окутывается пороховымъ дымомъ, освѣщается блескомъ выстрѣловъ, а ухо слышитъ мольбы угнетенныхъ братьевъ, стоны раненыхъ, рыданія женщинъ и дѣтей. Ты, вѣроятно, встрѣчалъ охотниковъ бѣгать на пожары? Тоже декоративная слабость...

— Ну, ужъ извини, пожалуйста. Тоже русская черта: по всякому поводу предаваться дешевенькому скептицизму. Ничего ты не понимаешь, Вася, и мнѣ просто жаль, этакъ просто, по-хорошему жаль... Да, я могу ошибиться, я преувеличиваю, идеализирую, — все, что̀ хочешь, но все-таки я переживаю извѣстный подъемъ духа и дѣлаюсь лучше.

Въ доказательство Пепко досталъ изъ кармана цѣлую пачку вырѣзокъ изъ газетъ, въ которыхъ описывались всевозможныя турецкія звѣрства надъ беззащитными. По свойственному Пепкѣ деспотизму онъ заставилъ меня выслушать весь этотъ матеріалъ, разсортированный съ величайшей аккуратностью: звѣрства надъ мужчинами, звѣрства надъ женщинами, звѣрства надъ дѣтьми и звѣрства вообще. Въ нужныхъ мѣстахъ Пепко дѣлалъ трагическія паузы и вызывающе смотрѣлъ на меня, точно я только-что приготовился къ совершенію какого-нибудь турецкаго звѣрства.

— Вася, пойдемъ вмѣстѣ,—закончилъ Пепко, бережно укладывая драгоцѣнные матеріалы. — Ей-Богу... А то вѣдь исподличаешься, очерствѣешь, заржавѣешь.

— Ты забываешь, что я только-что началъ поправляться. Кстати, что̀ Анна Петровна?

— Пока она ничего не знаетъ... Я ей который день читаю о звѣрствахъ. Знаешь, нужно подготовить постепенно. Только, кажется, она не изъ тѣхъ, которыя способны признавать чужія горести. Она эгоистка, какъ ты и какъ всѣ вы. Она во всякомъ случаѣ не понимаетъ моего настроенія, а настроеніе—все.

— Еще одинъ нескромный вопросъ: что̀ Любочка? Она передъ отъѣздомъ на дачу приходила ко мнѣ...

— Она, конечно, разыскала меня въ Заманиловкѣ и устраиваетъ мнѣ скандалы. Придетъ къ дачѣ, сядетъ на лавочку и сидитъ цѣлый день... Знаешь, это хуже всего. Моя Анна Петровна пилитъ-пилитъ меня... А при чемъ же я тутъ?.. Могу сказать, что женщины въ нравственномъ отношеніи слишкомъ спеціализируются. Да и какая это нравственность...

— И вдругъ ты уѣзжаешь добровольцемъ, избавляясь разомъ отъ двухъ

бѣдъ: не будетъ сидѣть Любочка противъ дачи, и не будетъ пилить Анна Петровна... Это недурно...

— Къ сожалѣнію, ты правъ... Подводная часть мужской храбрости всегда заготовляется у себя дома. Эти милыя женщины кого угодно доведутъ до геройства, которому человѣчество потомъ удивляется, разиня ротъ. О, какъ я теперь ненавижу всѣхъ женщинъ!.. Представь себѣ, что у тебя жестоко болитъ зубъ,—вотъ что̀ такое женщина, съ той разницей, что отъ зубной боли есть лѣкарство, больной зубъ наконецъ можно выдернуть.

Пепко началъ просто одолѣвать меня своимъ добровольческимъ настроеніемъ, и не проходило двухъ дней, чтобъ онъ не тащилъ меня въ „Розу“ подѣлиться новыми звѣрствами. Дома Андрей Иванычъ тоже читалъ женѣ о звѣрствахъ, такъ что я самъ готовъ былъ превратиться въ башибузука. Дѣло дошло до того, что Пепко и Андрей Иванычъ соединились и принялись вмѣстѣ устраивать въ Шуваловѣ какіе-то герцеговинскіе вечера. Нужно замѣтить, что Аграфена Петровна относилась къ Пепкѣ какъ-то подозрительно и до сихъ поръ не могла примириться съ его ролью зятя. Для меня это было задачей. Въ послѣднее время Пепко началъ приходить къ намъ, но старался не попадаться Аграфенѣ Петровнѣ на глаза.

— Ты ея боишься?—спросилъ я его однажды.

— Агриппины? О, да... Недостаетъ, чтобы еще она бросилась мнѣ на шею. Будетъ. Довольно... Я презираю всѣхъ женщинъ.

Относительно герцеговинскихъ вечеровъ Аграфена Петровна составила себѣ сейчасъ же свое собственное мнѣніе.

— Два дурака сошлись,—коротко объяснила она.—Еще мой-то Андрей Иванычъ поумнѣе будетъ... Онъ хлопочетъ для Анжелики, чтобы ее на публику выставить билетершей или благотворительной продавщицей. А Пепко самъ не знаетъ, чего хочетъ. Удивляюсь я сестрѣ Анютѣ...

Аграфена Петровна обыкновенно не договаривала, чему она удивляется, и только строго подбирала губы. Вообще это была странная женщина. Какъ-то ни съ того ни съ сего развеселится, потомъ же ни съ того ни съ сего побабьи пригорюнится. Къ Андрею Иванычу она относилась, какъ къ младенцу, и даже входила въ его любовныя горести, когда Андрей Иванычъ начиналъ, напримѣръ, ревновать Анжелику къ какому-то офицеру.

— Это она тебя подвинчиваетъ,—объясняла Аграфена Петровна.—Всѣ женщины такъ дѣлаютъ, когда начинаютъ сомнѣваться въ мужчинѣ... Значитъ, Анжелика дорожитъ тобой.

— Ты въ этомъ увѣрена, Агриппина?

— Спроси кого угодно... Даже Василій Иванычъ понимаетъ, а тебѣ-то стыдно не знать такихъ пустяковъ.

Относительно моей невинности Аграфена Петровна любила иногда прогуляться, и я чувствовалъ, что начинаю превращаться въ младенца номеръ второй. Въ манерѣ держать себя у нея было что-то мягкое и ласково-угнетающее, и мнѣ это не нравилось. Еще больше мнѣ не нравилось любопытство Аграфены Петровны. По нѣкоторымъ намекамъ я догадался, что она читаетъ мои письма и мои рукописи. Это уже было слишкомъ, и я разъ откровенно ей замѣтилъ, что нехорошо простирать свое любопытство такъ далеко. Она вся вспыхнула и отреклась отъ всего начисто, какъ отпираются иногда дѣти.

— За кого вы меня принимаете, Василій Иванычъ? — повторяла она, напрасно стараясь попасть въ тонъ несправедливо обиженнаго человѣка.—И наконецъ какое мнѣ дѣло...

— Я такъ, къ слову...

Въ концѣ концовъ я самъ увѣрился, что она права, и даже попросилъ извиненія. Этого было достаточно, чтобы Аграфена Петровна расхохоталась и заявила:

— Читала, все читала... Не могла никакъ удержаться. И даже плакала надъ одной главой... Женское любопытство одолѣло. А вы сами виноваты, зачѣмъ не прячете того, чего я не должна читать. Не могу... Пойду убирать комнату, такъ меня и потянетъ взглянуть хоть однимъ глазкомъ, что онъ такое пишетъ. Ахъ, если бы я умѣла писать...

— Сейчасъ бы Андрея Иваныча описали?

— Нѣтъ, другое...

У Аграфены Петровны явилось серьезное лицо, и она съ печальной улыбкой проговорила:

— Я написала бы, что думаетъ и чувствуетъ одинокая женщина... Вѣдь всѣ женщины въ концѣ концовъ остаются одинокими. Вотъ вы этого-то, главнаго, и не понимаете, Василій Иванычъ...

Вмѣстѣ съ выздоровленіемъ у меня явилась неудержимая потребность къ творчеству. Я еще разъ перебралъ всѣ свои бумаги, еще разъ провѣрилъ написанное и еще разъ убѣдился, что вся эта писаная бумага никуда не годится. Пережитая болѣзнь открыла мнѣ глаза на многое, чего я раньше не понималъ и не замѣчалъ. Приходилось начинать съ новыхъ опытовъ. Это была увлекательная работа, тѣмъ болѣе, что я уже не думалъ ни о редакціяхъ, ни о публикѣ, ни о критикѣ,—не все ли равно, какъ тамъ или здѣсь отнесутся къ моей работѣ? Важно одно, именно, чтобы она до извѣстной степени удовлетворяла самого автора и служила выраженіемъ его внутренняго человѣка. Въ этомъ все, а остальное пустяки. Журналы могутъ не печатать, публика не читать, критики разносить,—все это можетъ быть одной случайностью, а важно только одно, именно, что у автора есть свое собственное содержаніе, свое *я*. Конечно, до извѣстной степени онъ явится подражателемъ кого-нибудь изъ своихъ любимыхъ авторовъ-предшественниковъ, — это неизбѣжно, какъ дѣтскія болѣзни,—но авторъ начинается только тамъ, гдѣ начинаетъ проявлять *свое я*, гдѣ внесетъ *свое* новое, маленькое новое, но все-таки свое. До сихъ поръ я дальше Ивана Иваныча и „Кошницы“ не могъ пойти именно потому, что только безсознательно кому-то подражалъ, что писалъ о людяхъ по наслышкѣ, придумывалъ и высиживалъ жизнь.

Плодомъ этого новаго подъема моего творчества явилась небольшая повѣсть „Межеумокъ“, которую я потихоньку свезъ въ Петербургъ и передалъ въ знаменитую редакцію самаго вліятельнаго журнала. Домашняя увѣренность и литературная храбрость сразу оставили меня, когда я очутился въ редакціонной пріемной. Мнѣ казалось, что здѣсь еще слышатся шаги тѣхъ знаменитостей, которыя когда-то работали здѣсь, а нынѣшнія знаменитости проходятъ вотъ этой же дверью, садятся на эти стулья, дышатъ этимъ же воздухомъ. Меня еще никогда не охватывало такое сознаніе собственной ничтожности... Принималъ статьи высокій представительный старикъ съ удивительно добрыми глазами. Онъ былъ такъ изысканно вѣжливъ, такъ предупредительно внимателенъ, что я ушелъ изъ знаменитой редакціи со спокойнымъ сердцемъ.

Отвѣтъ по обычаю черезъ двѣ недѣли. Иду, имѣя въ виду встрѣтить того же любвеобильнаго старичка-европейца. Увы, его не оказалось въ редакціи, а его мѣсто заступилъ какой-то улыбающійся черненькій молодой человѣчекъ съ живыми темными глазами. Онъ юркнулъ въ сосѣднюю дверь, а на его мѣстѣ появился взъерошенный пожилой господинъ, съ выпуклыми остановившимися глазами. Въ его рукахъ была моя рукопись. Онъ посмотрѣлъ на меня черезъ очки и хриплымъ голосомъ проговорилъ:

— Мы такихъ вещей не принимаемъ...

Я вылетѣлъ изъ редакціи бомбой, даже забылъ въ передней свои калоши. Это было незаслуженное оскорбленіе... И отъ кого? Я *его* узналъ по портретамъ. Это былъ громадный литературный человѣкъ, а въ его отвѣтѣ для меня заключалось еще восемь лѣтъ неудачъ.

XXXV.

Неудача „Межеумка“ сильно меня обезкуражила, хотя я и готовился впередъ ко всевозможнымъ неудачамъ. Ужъ слишкомъ рѣзкій отказъ, а фраза знаменитаго человѣка нѣсколько дней стояла у меня въ ушахъ. Это почти смертный приговоръ. Вѣроятно, у меня былъ очень некрасивый видъ, потому что даже Пепко замѣтилъ и съ участіемъ спросилъ:

— Опять обзатылили?

— Да, и еще какъ...

Я разсказалъ свою „дерзость“ и результаты оной, до уничтожающей фразы включительно.

— Мы такихъ статей не принимаемъ?—повторилъ Пепко отвѣтъ знаменитаго человѣка, видимо, его смакуя.—Ну, а ты что же?

— Я? Кажется, я походилъ на собаку, которая хотѣла проникнуть въ кухню и вмѣсто кости получила палку... Вообще подлое чувство. День полнаго отчаянія, день отчаянія половиннаго, день просто сомнѣнія въ самомъ себѣ и въ заключеніе такой выводъ: онъ правъ по-своему...

— Ахъ, ты, мякишъ!

— Нѣтъ, не мякишъ... Я буду *тамъ* печататься и добьюсь своего. Эти неудачи меня только ободряютъ... Немного передохну — и опять за работу...

— Исторія перваго портного? Что же, не вредно... Могу только сочувствовать. Да... У насъ вонъ тоже неудача: кассирша сбѣжала. А мы съ Андреемъ Иванычемъ все-таки не унываемъ... да.

— Нашли занятіе...

— И прекрасное занятіе. Мы уже отправили триста рублей въ славянскій комитетъ. Лепта вдовицы по размѣрамъ, а все-таки лепта. Если бы каждый могъ внести столько.

Пепко, какъ извѣстно изъ предыдущаго, жилъ взрывами, переходя съ сумасшедшей быстротой отъ одного настроенія къ другому. Теперь онъ почему-то занялся мной и моими дѣлами. Этотъ приливъ дружеской нѣжности дошелъ до того, что разъ Пепко явился ко мнѣ въ часъ ночи, разбудилъ меня, усѣлся ко мнѣ на кровать и, тяжело дыша, заговорилъ:

— Знаешь, я все время думаю...

— Постой, который теперь часъ?

— Два... т.-е. второй.

— Да ты съ ума сошелъ, Пепко... Что такое случилось?

— Мнѣ нужно серьезно поговорить съ тобой о „Межеумкѣ“. Я прочиталъ рукопись и отправлюсь съ ней въ редакцію для нѣкоторыхъ объясненій. Видишь ли, *онъ* тебя оскорбилъ... Это нехорошо, очень нехорошо. *Онъ* слишкомъ большой человѣкъ, а ты сущая литературная ничтожность. Да... Значитъ, онъ долженъ быть вѣжливъ прежде всего. Это minimum... Допустимъ, что ты написалъ неудачную статью, — это еще не бѣда и ни для кого не обидно. Даже опытный авторъ можетъ написать неудачную статью... Занятіе, во всякомъ случаѣ, скромное. Я приду къ *нему* и скажу: „Милостивый государь, я васъ очень люблю, уважаю и цѣню, и это мнѣ даетъ право прійти

къ вамъ и сказать, что мнѣ больно,—да, больно видѣть ваши отношенія къ начинающимъ авторамъ“... О, я ему все скажу! Я буду краснорѣчивъ... Вѣдь *онъ* нанесъ тебѣ оскорбленіе.

— Послушай, ты, кажется, рехнулся?.. Съ какой стати ты полѣзешь объясняться?.. Оскорбителемъ былъ тотъ, — да, но ты прими во вниманіе, сколько тысячъ рукописей ему приходится перечитывать; поневолѣ человѣкъ озлобится на нашего брата, неудачниковъ. На его мѣстѣ ты, вѣроятно, сталъ бы кусаться...

— Нѣтъ, нѣтъ, этого дѣла такъ нельзя оставлять. Я скажу *ему* нѣсколько теплыхъ словъ.

— Редакціи не обязаны мотивировать свои отказы и отвѣчать по существу дѣла: для этого не хватило бы времени. Если каждый отвергнутый авторъ полѣзетъ съ объясненіями, когда же *онъ* самъ будетъ писать?.. Нѣтъ, это дѣло нужно оставить.

Мнѣ стоило большого труда успокоить Пепку. Онъ кончилъ тѣмъ, что принялся ругать меня, колотилъ въ стѣну кулаками и вообще проявилъ формальное бѣшенство.

— Вася, ты глупъ... о, какъ ты глупъ! Съ какимъ удовольствіемъ я сейчасъ вздулъ бы тебя...

— Ты сядь, Пепко... Странно, что твои добрыя намѣренія заканчиваются непремѣнно мордобитіемъ.

— Дерево деревянное!.. Ветчина!.. олухъ!..

За этимъ пароксизмомъ послѣдовалъ быстрый упадокъ силъ. Пепко сѣлъ на полъ и умолкъ. Въ единственное окно моего гроба глядѣло уже лѣтнее утро. Какой-то нерѣшительный свѣтъ бродилъ по дешевенькимъ обоямъ, по расщелявшемуся деревянному полу, по гробовой крышкѣ-потолку, точно чего-то искалъ и не находилъ. Пепко сидѣлъ, презрительно моталъ головой и, взглядывая на меня, еще болѣе презрительно фыркалъ. Потомъ онъ досталъ изъ кармана нѣсколько написанныхъ листовъ и, бросивъ ихъ мнѣ въ физіономію, проворчалъ:

— На, чортъ тебя возьми...

— Что это такое?

— А вотъ, читай... Цѣлую недѣлю корпѣлъ. Знаешь, я открылъ наконецъ секретъ сдѣлаться великимъ писателемъ. Да... И какъ видишь, это совсѣмъ не такъ трудно. Когда ты прочтешь, то сейчасъ же превратишься въ мудреца. Посмотримъ тогда, что *онъ* скажетъ... Ха-ха!.. Да, будемъ посмотрѣть...

Просматривая Пепкину работу, я нѣсколько разъ вопросительно смотрѣлъ на автора,—кажется, мой бѣдный другъ серьезно тронулся. Всѣхъ листовъ было шесть и у каждаго свое заглавіе: „Старосвѣтскіе помѣщики“, „Ермолай и Валетка“, „Максимъ Максимычъ“ и т. д. Дальше слѣдовало что-то въ родѣ счета изъ ресторана: съ одной стороны шли рубрики, а съ другой—цифры.

— Пепко, извини, это выше моего пониманія...

— Ага!.. Я взялъ у каждаго знаменитаго автора по разсказу и произвелъ самый точный химическій анализъ, вѣрнѣе — анатомическое вскрытіе. Вотъ не угодно ли: вступленіе—23 строки, вводная сцена—47 строкъ, описаніе лѣтняго утра — 17 строкъ, выводъ главнаго дѣйствующаго лица — 32 строки, завязка—15 строкъ, размышленія автора—59 строкъ, сцена дѣйствія—100 строкъ, описаніе природы, лирическое отступленіе, двѣ параллельныя сцены — у меня все высчитано, голубчикъ. И посмотри, что изъ этого

выходитъ... Листъ шестой: сравнительный анализъ — у Гоголя столько-то строкъ занимаютъ описанія природы, столько-то характеристики, столько-то сцены, столько-то лирическія отступленія; у Лермонтова — столько-то, у Тургенева—столько-то, у Л. Толстого—столько-то. Затѣмъ сравнительный порядокъ, въ которомъ расположены эти отдѣльныя части у каждаго автора, — однимъ словомъ, рѣшительно все. Еще ни одинъ бестія-критикъ не додумался до подобнаго *точнаго* метода изслѣдованія, и въ этомъ весь секретъ упадка нашей критики, что̀ уже не составляетъ ни для кого тайны.

— Пепко, да вѣдь здѣсь недостаетъ только масштаба... Ты авторовъ мѣряешь аршиномъ.

— А ты слушай: я анатомировалъ твоего „Межеумка“ и убѣдился, что ты ближе всего подходишь къ Гоголю. Да... Вѣдь это цѣлое открытіе, и тебѣ только остается имъ воспользоваться. Прежде, чѣмъ писать что-нибудь, сдѣлай сценарій: тутъ описаніе природы столько-то строкъ, тутъ выходъ героини, тамъ любовная сцена,—однимъ словомъ, все какъ на ладони. Знаешь, я хотѣлъ высчитать, сколько каждый авторъ употребилъ именъ существительныхъ, прилагательныхъ, глаголовъ, нарѣчій, затѣмъ, сколько у него главныхъ предложеній и придаточныхъ, многоточій, знаковъ восклицанія и т. д. Не хватило терпѣнія, да и сдѣлать это можетъ только какой-нибудь нѣмецъ. Нашелся такой подлецъ Карлъ Иванычъ, который высчиталъ, сколько разъ у Цицерона встрѣчается союзъ ut во всѣхъ его сочиненіяхъ.

Мнѣ показалось, что Пепко серьезно рехнулся, и я въ тотъ же день отправился къ нему на дачу. Это былъ мой первый визитъ. Анна Петровна, какъ всѣ молодыя жены, ревновала мужа больше всего къ его старымъ друзьямъ, служившимъ для нея олицетвореніемъ тѣхъ пороковъ, какими страдалъ мужъ; вѣдь самъ онъ, конечно, хорошій, милый, чудесный, если бы не проклятые друзья. Исторія извѣстная, и я до сихъ поръ старался не отягощать Анну Петровну своимъ присутствіемъ, да и роль олицетвореннаго порока мнѣ не нравилась. Къ моему счастью, Анны Петровны не оказалось дома, а Пепко шагалъ по дачному садику въ гимназическомъ ранцѣ. Оказалось, что ранецъ былъ набитъ камнями, и онъ впередъ пріучалъ себя къ трудностямъ предстоявшей боевой жизни.

— Я ужъ теперь могу сдѣлать пять тысячъ шаговъ безъ одышки, — объяснялъ онъ.—Впрочемъ, зависитъ отъ питанія... Вѣдь я уже цѣлый мѣсяцъ питаюсь солдатскимъ пайкомъ. Труднѣе всего перелѣзать въ рощѣ черезъ заборъ...

— Это еще что̀ такое?

— А видишь ли, заборъ для меня замѣняетъ горы... Сначала я могъ перелѣзать всего сорокъ разъ, а сейчасъ уже достигъ до сотни. Вотъ, не хочешь ли попробовать?

— Нѣтъ, благодарю. Я вѣдь не собираюсь поступать въ герои...

Пепко оглядѣлся, подмигнулъ мнѣ и шопотомъ сообщилъ:

— Я сдѣлалъ чудное открытіе, Вася... Ха-ха!.. Знаешь, я раньше очень страдалъ... ну, въ семейной жизни это случается. Серьезно страдалъ... да. А теперь, братъ, шалишь... Напримѣръ: Анюта меня оскорбитъ... понимаешь? Мнѣ обидно... Раньше я дня на два терялъ расположеніе духа, а теперь надѣну ранецъ — и въ паркъ. При легкихъ огорченіяхъ достаточно сдѣлать двѣ тысячи шаговъ, при серьезныхъ тысячи четыре—и все какъ рукой сниметъ. Дѣло въ томъ, что нужно создать физическій противовѣсъ внутренней душевной тяжести — и равновѣсіе возстановляется. Не правда ли, какъ это удобно? Анюта, напримѣръ, говоритъ: „ты — негодяй“, — это сто̀итъ двѣсти

шаговъ; „ты испортилъ мнѣ всю жизнь“, — ну, это триста пятьдесятъ, даже всѣ четыреста; „ты—пьяница и умрешь подъ заборомъ“,—это всего пятьдесятъ шаговъ, а когда она начинаетъ плакать, — тутъ уже прямо тысяча. У меня есть таблицы, гдѣ я веду строгую отчетность и даже высчитываю тѣ ошибки, которыя у астрономовъ подводятся подъ личное уравненіе. У меня, братику, все по счету, ибо цифра составляетъ душу міра, какъ говорили еще пиѳагорейцы.

Пепко опять былъ милъ, какъ ребенокъ, и я чувствовалъ, что опять начинаю его любить. Въ немъ была эта проклятая черта русскаго характера, за которую можно простить человѣку все... Онъ меня заразилъ даже своимъ славянскимъ патріотизмомъ, особенно, когда вспыхнуло сербское возстаніе. Гдѣ-то далеко-далеко рубили лѣсъ, и щепки долетали до насъ... На вокзалѣ я встрѣтилъ уже нѣсколько братушекъ въ расшитыхъ курткахъ, въ какихъ-то шапочкахъ и шароварахъ. Откуда они взялись? Въ газетахъ шелъ набатъ,— Фрей былъ правъ. Общество было охвачено движеніемъ. Всѣ радовались чему-то. Чувствовался подъемъ и мысли и чувства. Теперь, почти черезъ двадцать лѣтъ, трудно объ этомъ судить, но движеніе было, и такое хорошее движеніе, заражавшее всѣхъ, отъ гимназиста до сѣдовласаго старца.

Мы разъ отправились съ Аграфеной Петровной въ Шувалово на вечеръ, устроенный Пепкой и Андреемъ Иванычемъ уже въ пользу сербовъ. Публики было много. На каждомъ шагу — возбужденныя лица. У буфета кто-то кричалъ: живіо!.. Хоръ любителей пѣлъ сербскія пѣсни, оркестръ игралъ сербскіе мотивы. Вообще въ самомъ воздухѣ стояло что-то захватывающее, возбуждающее и хорошее. Сейчасъ это движеніе осмѣяно и подвергнуто безпощадной критикѣ, а тогда было хорошо. Я даже начиналъ завидовать Пепкѣ, который даже въ мелочахъ проявлялъ такую кипучую дѣятельность. Одна Аграфена Петровна смотрѣла на оживленную публику грустными глазами и потихоньку вздыхала. Мнѣ казалось, что она жалѣла, что не можетъ накормить всѣхъ этихъ угнетенныхъ герцеговинцевъ, сербовъ и болгаръ,—кормить кого-нибудь было ея слабостью. Она была слишкомъ женщина...

— Живіо!—кричалъ Пепко, подбѣгая къ намъ.

— Вотъ танцовать-то какъ будто нехорошо, Агаѳонъ Павлычъ,—оговорила его Аграфена Петровна.—Тамъ звѣрства, а вы танцуете...

Изъ Шувалова мы возвращались съ Аграфеной Петровной вдвоемъ; дорога паркомъ въ лѣтнюю теплую ночь была чудная. Я находился подъ впечатлѣніемъ сербскаго вечера и еще разъ завидовалъ Пепкѣ. Мы шли пѣшкомъ и даже немного заблудились.

— Присядемте... Я устала.

Садовая скамейка была къ нашимъ услугамъ. Аграфена Петровна сѣла и долго молчала, выводя на пескѣ зонтикомъ какія-то фигуры. Чрезъ зеленую листву, точно опыленную серебристымъ луннымъ свѣтомъ, глядѣла на насъ бездонная синева ночного неба. Я замечтался и очнулся только отъ тихихъ всхлипываній моей дамы, — она плакала съ открытыми глазами, и крупныя слезы падали прямо на песокъ.

— Аграфена Петровна, что съ вами?

Заплаканные глаза смотрѣли на меня, а потомъ голова Аграфены Петровны очутилась на моемъ плечѣ.

— Милый, милый, какъ я... я счастлива.

Когда женщина первая дѣлаетъ признаніе въ любви, мужчина попадаетъ въ крайне неловкое положеніе. Я помню, что поцѣловалъ ее въ лобъ, что потомъ это горячее заплаканное лицо прижалось къ моему лицу, что... Прежніе романисты ставили на этомъ пунктѣ цѣлую страницу точекъ, а я ограничусь тремя.

XXXVI.

Что̀ можетъ быть хуже обмана, особенно обмана въ той интимной области, гдѣ все должно освѣщаться искреннимъ чувствомъ... И я шелъ по этой торной дорогѣ лжи и обмана, усыпленный первой женской лаской, первыми признаніями и поцѣлуями. Давно ли я обличалъ Пепку, а теперь дѣлалъ то же, нѣтъ—гораздо хуже. Не скрою, что мнѣ временами дѣлалось ужасно совѣстно, я начиналъ презирать себя, но ласковый женскій шопотъ тушилъ эти послѣдніе проблески. Развѣ вся исторія—не обманъ? И герой и нищій одинаковы, особенно, когда дѣло касается собственности, которая сама идетъ къ своему вору съ ласками и поцѣлуями. И все-таки я презиралъ себя, молча и сосредоточенно, какъ иногда презиралъ Аграфену Петровну, Андрея Иваныча, Пепку и весь родъ людской вообще, точно всѣ были виноваты моей собственной виной. Мнѣ было обидно, что такъ нелѣпо помѣстились мои первые восторги; вѣдь я даже не любилъ Аграфену Петровну, а отдавался простому физическому влеченію. Гдѣ же идеалы, гдѣ та свѣтлая и чистая, которая носилась въ туманѣ юношескихъ грезъ? Меня охватывало чувство позора и стыда.

— Вы, кажется, предаетесь угрызеніямъ совѣсти? — замѣтила однажды Аграфена Петровна съ улыбкой.—Успокойтесь, мой милый... Мы съ Андреемъ Иванычемъ только играемъ въ мужа и жену, по старой памяти.

— Тѣмъ хуже... Я-то при чемъ тутъ?

Меня удивляло ея спокойствіе. Она рѣшительно ничѣмъ не выдавала себя и оставалась такой же, какой была раньше. Я былъ увѣренъ, что ее даже совѣсть не мучила. Она просто шла своей дорогой, полная сегодняшнимъ днемъ, какъ это умѣютъ дѣлать женщины. Впрочемъ, долженъ сознаться, что трудно ее и винить: будь другой мужъ — и ничего бы не было. Къ самому себѣ я всегда былъ строгъ и называлъ вещи ихъ собственными именами, хотя гораздо удобнѣе ненавидѣть и прощать свои собственные пороки и недостатки, когда ихъ находишь въ другихъ людяхъ. До этого я еще не дошелъ. Да, я пилъ изъ отравленнаго источника и, какъ пьяница, хотѣлъ пить и пить безъ конца. Къ Андрею Иванычу у меня было смѣшанное чувство ненависти, презрѣнія и ревности; вѣдь никто такъ не ревнуетъ, какъ любовникъ. Меня, конечно, главнымъ образомъ волновали картины прошлаго счастья Андрея Иваныча. Въ душу закрадывалось то подлое чувство собственности, которое изъ мужчины дѣлаетъ самца.

Пепку я старался совсѣмъ не встрѣчать и даже избѣгалъ его. Впрочемъ, ему было не до меня. Событія разгорались. Уже весь Балканскій полуостровъ былъ охваченъ могучей мыслью о національной независимости.

— Представьте себѣ, этотъ сумасшедшій Пепко ѣдетъ на войну, — заявила однажды Аграфена Петровна (она говорила „сумашедчій“, какъ горничная).—Анюта прибѣгала ко мнѣ...

— Неужели ѣдетъ?—удивлялся я самымъ безсовѣстнымъ образомъ.

— Да, да... Въ добровольцы поступаетъ. И Анюта тоже сумашедчая... Какъ же, помилуйте, и она туда же за нимъ!.. И что̀ она только нашла въ немъ... Удивляюсь, удивляюсь!..

Я расхохотался внутренно. Мечты Пепки хотя на время избавиться отъ жены рушились самымъ позорнымъ образомъ. Жена ѣхала вмѣстѣ съ нимъ... Это уже входило въ область комедіи. То-то онъ въ послѣднее время совсѣмъ глазъ не показываетъ. Тоже есть кое-какая совѣсть. Ловко, Анна Петровна...

Я про себя злорадствовалъ по адресу своего друга, точно желалъ вымстить на немъ свое собственное свинство. Я даже съ нетерпѣніемъ ждалъ случая, когда наконецъ увижу женатаго добровольца. Какъ-то все геройство Пепки уничтожалось однимъ этимъ словомъ: жена. Получалась обидная нелѣпость: итти на войну съ женой. Однимъ словомъ, только Пепко могъ очутиться въ такомъ дурацкомъ положеніи.

— Анюта ѣдетъ фельдшерицей,—объяснила Аграфена Петровна. — Что же, оно, можетъ, и хорошо, а притомъ и мужъ все-таки на глазахъ. Мало ли что на войнѣ можетъ случиться... Эти лупоглазыя турчанки какъ разъ изведутъ добра молодца.

Движимая родственнымъ патріотизмомъ, Аграфена Петровна усиленно что-то шила, проявляя сестринскую любовь. Она даже раза два всплакнула надъ работой, такъ, по-бабьи всплакнула, потому что и глаза на мокромъ мѣстѣ, и война—страшное слово.

Наступилъ день отъѣзда. Пепко не завернулъ даже проститься, а написалъ коротенькую записку съ просьбой пріѣхать на Варшавскій вокзалъ.

— Что же, надо проводить, — рѣшила Аграфена Петровна.— Все-таки родственники...

Она ходила уже цѣлыхъ два дня съ заплаканными глазами, и, какъ мнѣ казалось, ей самой нравилось это родственное горе и то, что она можетъ поплакать на опредѣленную тему. Кстати, она заготовила цѣлую корзину съѣстного,—голодные они *тамъ*, такъ пусть покушаютъ.

Варшавскій вокзалъ имѣлъ необычно оживленный видъ. Зала и платформа были биткомъ набиты. Большинство составляла провожающая публика. Всѣ лица имѣли возбужденно-торжественный видъ. Толпу охватило то хорошее общественное чувство, которое изъ будней дѣлаетъ праздникъ. И баринъ, и мужикъ, и мѣщанинъ, и купецъ — всѣ точно приподнялись. Да, совершалось что-то необычно-хорошее, трогательное и братское. Это было написано у всѣхъ въ глазахъ, въ движеніяхъ, въ тонѣ голоса. Это движеніе впослѣдствіи было осмѣяно, а сами добровольцы сдѣлались притчей во языцѣхъ, но это просто несправедливо, вѣрнѣе сказать — дурная русская привычка обращать все въ позорище. Какъ сейчасъ вижу эту разношерстную и разномастную толпу добровольцевъ, состоявшую главнымъ образомъ изъ отставныхъ солдатъ. Какъ-то странно было видѣть самыя обыкновенныя лица, которыя сдѣлались необыкновенными. Положимъ, что въ массѣ эти кучки добровольцевъ были плодомъ газетнаго поджиганья, патріотическихъ рѣчей, такихъ же разговоровъ и главнымъ образомъ того, что дома ужъ очень тошно жилось. Но были и другіе сюжеты. Я невольно полюбовался двумя братьями-добровольцами—старшій съ офицерской выправкой, а младшій просто хорошій юнецъ. Оба такіе славные и серьезные. Ихъ никто не провожалъ, и они держались въ сторонкѣ отъ общей волны. Трогательно было смотрѣть, какъ старшій братъ ухаживалъ за красавцемъ младшимъ. Эти знали, куда идутъ и зачѣмъ идутъ.

Я боялся за Пепку, именно боялся за его настроеніе, которое могло испортить общій тонъ. Но онъ оказался на высотѣ задачи. Ничего театральнаго и дѣланнаго. Я его еще никогда не видалъ такимъ простымъ. Немного рѣзала глазъ только зеленая вѣточка, пришпиленная, какъ у всѣхъ добровольцевъ, къ шапкѣ. Около Пепки уже юлилъ какой-то доброволецъ изъ отставныхъ солдатъ, заглядывавшій ему въ лицо и повторявшій безъ всякаго повода:

— Ахъ, ваше благородіе, мнѣ бы хучь одного турку прикончить...

Неужто Господь батюшка не приведетъ?.. Ужъ я бы... ахъ, ты, братецъ ты мой...

Пепко уже успѣлъ заручиться ординарцемъ, и солдатъ таскалъ его вещи, суетился и повеличивалъ „вашимъ благородіемъ“. У Пепки вообще было что-то привлекающее къ себѣ. Когда Пепко сконфузился немного при видѣ корзины съ съѣстнымъ, которую Аграфена Петровна привезла на вокзалъ, выручилъ солдатъ.

— Позвольте, сударыня... У насъ все уйдетъ... Какъ же можно, ваше высокоблагородіе. Можно сказать: даръ Божій. Уйдетъ... Тутъ еще, ваше высокоблагородіе, одна женщина, желающая насчетъ провіанту.

— Какая женщина?

Притиснутая толпой, стояла наша Ѳедосья. Она протягивала молча какой-то узелокъ.

— Проводить пришла, Агаѳонъ Павлычъ,—виновато повторяла она, точно оправдывалась за свою смѣлость.—Бывало, ссорились... такъ ужъ вы того...

Растроганный этой лептой вдовицы, Пепко заключилъ въ свои объятія Ѳедосью и по-русски расцѣловалъ ее изъ щеки въ щеку. Эта ничтожная сцена произвела на всѣхъ впечатлѣніе: Аграфена Петровна отвернулась и начала сморкаться, Анна Петровна плотно сжала губы и моргала, стараясь подавить просившіяся слезы, у меня тоже сдавило горло, точно прихлынула какая-то теплая волна. Потомъ толпа насъ разъединила, и я почувствовалъ, какъ Ѳедосья тянетъ меня куда-то за рукавъ. Я пошелъ за ней. Въ самомъ дальнемъ уголкѣ вокзала сидѣла Любочка, одѣтая въ черное. Она казалась дѣвочкой. Худенькое блѣдное личико совсѣмъ вытянулось и глядѣло такими трогательно-напуганными глазами.

— Въ сестры въ милосердныя записалась...—объяснила Ѳедосья.

— Здравствуйте, Любочка... И вы на войну?

— Не знаю... Куда повезутъ, Василій Иванычъ. Не поминайте лихомъ...

Пепкинъ солдатъ очутился опять около насъ и куда-то потащилъ Любочкинъ багажъ.

— Ты это куда поволокъ?—уцѣпилась за него Ѳедосья.

— А какъ же?—удивился и обидѣлся солдатъ.—Вмѣстяхъ всѣ ѣдемъ... Одна компанія. Значитъ, у ихъ благородія супруга на манеръ милосердной сестры, и вотъ онѣ въ томъ же родѣ... Ужъ я потрафлю, не безпокойтесь, только бы привелъ Господь сокрушить хучь въ одномъ родѣ это самое турецкое челмо... а-ахъ, Боже мой!..

Солдатъ являлся въ роли той роковой судьбы, отъ которой не уйдешь. Любочка только опустила глаза. Я увѣренъ, что она сейчасъ не думала о Пепкѣ. Ей просто нужно было куда-нибудь помѣстить свое изболѣвшее чувство,—она тоже искала своего бабьяго подвига и была такъ хороша своей кроткой простотой.

— И что только будетъ...—шептала Ѳедосья, покачивая головой.—Откуда взялся этотъ проклятущій солдатишка... Люба, а ты не сумлѣвайся, потому какъ теперь не объ *этомъ* слѣдуетъ думать. Записалась въ сестры—ну, значитъ, конецъ.

Хлопотавшіе съ отправкой добровольцевъ члены Славянскаго Общества усаживали свою безпокойную публику въ вагоны. Изъ залы публика хлынула на платформу. Безучастными оставались одни буфетные человѣки и фрачные лакеи,—ихъ трудно было пришибить. Пепко разыскалъ меня, отвелъ въ сторону и торопливо заговорилъ:

— Мнѣ давно хотѣлось сказать тебѣ, Вася... да, сказать... Ахъ, нехорошо, Вася!.. Мнѣ больно тебѣ это говорить...

— Да ты о чемъ?

— А ты не знаешь, о чемъ? Перестань... Ахъ, нехорошо!.. Можетъ-быть, не увидимся, Вася... все равно... Однимъ словомъ, мнѣ жаль тебя. Нельзя такъ... Гдѣ твои идеалы? Ты только представь себѣ, что это кто-нибудь другой сдѣлалъ... Лучше бы ужъ тебѣ ѣхать вмѣстѣ съ нами добровольцемъ. Вообще скверное предисловіе къ той настоящей жизни, о которой мы когда-то вмѣстѣ мечтали.

Я чувствовалъ, какъ вся кровь хлынула мнѣ въ голову, и какъ все у меня завертѣлось предъ глазами, точно кто меня ударилъ. Было даже это ощущеніе физической боли.

— Мнѣ странно слышать это именно отъ тебя, Пепко...—бормоталъ я и неожиданно прибавилъ:—А ты видѣлъ Любочку?

— Да, она ѣдетъ вмѣстѣ съ нами... Я говорилъ съ ней. Только ты ошибаешься: это совсѣмъ другое. Тутъ была хоть тѣнь чувства и увлеченія, а не одно холодное свинство...

— Послушай, ты говоришь о томъ, чего не знаешь, и позволяешь себѣ слишкомъ много... да.

Мнѣ вдругъ захотѣлось сказать Пепкѣ что-нибудь такое обидное и несправедливое, но раздался уже второй звонокъ, и мы разстались совершенно холодно.

Помню, какъ я стоялъ въ толпѣ чужимъ человѣкомъ. Обидныя слезы душили меня, и въ то же время мнѣ хотѣлось во всемъ обвинить Пепку. Вотъ разсаженные по вагонамъ добровольцы запѣли „Спаси, Господи, люди Твоя“, и толпа, какъ одинъ человѣкъ, обнажила головы. Всѣ были охвачены однимъ жуткимъ чувствомъ. Рядомъ со мной стоялъ купецъ, толстый и бородатый, и плакалъ какими-то дѣтскими слезами... У меня тоже катились слезы. А знакомый съ дѣтства церковный мотивъ разрастался и широкой волной покрылъ всю платформу,—пѣлъ стоявшій рядомъ купецъ, пѣлъ офиціантъ съ салфеткой подъ мышкой, пѣла Ѳедосья... Подступала одна общая волна, которая была сильнѣе того пара, который долженъ былъ сейчасъ унести горсть добровольцевъ.

Трогательный моментъ былъ нарушенъ только Пепкинымъ солдатомъ. Онъ какъ-то кубаремъ выскочилъ безъ шапки изъ вагона и кинулся къ члену Славянскаго Общества.

— Вашескородіе, шапку украли... Что же это такое?.. Можно сказать, душу полагать готовъ, а они, подлецы, напримѣръ, шапку.. Какимъ же манеромъ я, напримѣръ, въ Сербію? Всѣ въ шапкахъ, а я одинъ оглашенный...

Солдата едва успокоили и какъ-то засунули обратно въ вагонъ. Поѣздъ тронулся, а за нимъ поплылъ и торжественный церковный мотивъ.

XXXVII.

Осенью, когда я съ дачи вернулся въ гостепріимныя нѣдра „Ѳедосьиныхъ покрововъ“, на мое имя было получено толстое письмо съ заграничнымъ штемпелемъ. Это было первое заграничное письмо для меня, и я сейчасъ же узналъ руку Пепки. Мое сердце невольно забилось, когда я разрывалъ конвертъ. Какъ хотите, а въ молодые годы узы дружбы составляютъ все. Мелкимъ почеркомъ Пепки было написано цѣлыхъ пять листовъ.

„Бѣлградъ, военный госпиталь (потихоньку отъ жены, которая слѣдитъ

за мной, какъ рыба за червякомъ, извивающимся на крючкѣ), койка № 37. Милый, дорогой другъ... Извини, что я такъ давно не писалъ тебѣ, т.-е. не писалъ совсѣмъ. Главной причиной этому было то, что, уѣзжая въ Сербію, я ненавидѣлъ тебя самымъ благороднымъ манеромъ, какъ сорокъ тысячъ благородныхъ братьевъ, возведенные въ квадратъ. Да... Потомъ—это ужъ роковая черта всякой истинной дружбы—я совсѣмъ позабылъ о твоемъ существованіи. Итакъ, я не писалъ тебѣ и сейчасъ пишу только потому, что лежу въ госпиталѣ уже второй мѣсяцъ и скучаю, какъ, вѣроятно, будутъ скучать только будущіе читатели твоихъ будущихъ произведеній. Потомъ—я ненавижу проклятыхъ братушекъ и всю эту опереточную войну... Еще потомъ—моя любезная супруга не отходитъ отъ меня, и я ненавижу ее больше того, если бы сложить Сербію и Болгарію вмѣстѣ и помножить эти прелестныя страны на Герцеговину, Боснію и Черногорію. Однимъ словомъ, ты уже предчувствуешь излитіе священной эссенціи дружбы и съ мужествомъ еще нераненаго добровольца пускаешься въ чащу дружескихъ признаній и конфесьеновъ. Милый другъ, представь себѣ самую смѣшную картину: раненый Пепко лежитъ въ военномъ госпиталѣ въ Бѣлградѣ... Онъ сейчасъ походитъ на одну изъ тѣхъ восковыхъ фигуръ, какія показываются на ярмарочныхъ балаганахъ, это—смѣшной, выцвѣтшій и захватанный руками дрянной манекенъ, къ которому нельзя дотронуться, чтобы не нарушить семейнаго счастья какой-нибудь добродѣтельной моли. Я иногда думаю, что для полноты картины недостаетъ только твоей раненой персоны... Вдвоемъ оно все-таки веселѣе—поругались бы хоть для развлеченія. Постой, главное-то, почему я пишу тебѣ, я и забылъ сказать—пишу сіе, братику... да, пишу... Помнишь романсъ:

Не говори, что молодость сгубила
Ты, ревностью истерзана моей...
Не говори: близка моя могила,
А ты цвѣтка весенняго свѣжѣй.

Помнишь, еще провизоръ пѣлъ тогда у Наденьки? Нейдетъ онъ у меня изъ башки вторую недѣлю—лежу и повторяю его про себя. Повторялъ, повторялъ да и додумался: вѣдь это про меня сказано, да и про тебя тоже. Ты раскинь умомъ, вникни и восчувствуешь нѣкоторую подлую тоску... Я свое настроеніе скрылъ даже отъ своей любезной супруги, которая любитъ ковыряться у меня въ душѣ и, какъ кошка, выцарапываетъ самыя тайныя мысли. У женщинъ, братику, на это есть какой-то чертовскій нюхъ... Прямо носомъ чуютъ, гдѣ жаренымъ пахнетъ. Какъ-то у насъ въ лагеряхъ появилась одна сербочка-маркитантка... Мордашка у нея, я тебѣ скажу, какъ у котенка, и въ глазенкахъ этакая приглашающая пожарная тревога,—однимъ словомъ, фруктъ. Ты знаешь мое несчастіе: женщины не могутъ меня видѣть равнодушно. Ну, и тутъ альте гешихте: сколько было офицеровъ, а она въ меня влюбилась—сразу врѣзалась. Время военное, сегодня живъ, а завтра неизвѣстно,—ну, я, признаюсь, немного того... Приходитъ она ко мнѣ этакъ въ палатку, рубашечка на ней въ сборочкахъ, расшитая курточка, а я ее этакъ за рукавъ и начинаю курточку разстегивать... Жмется, хихикаетъ, а тѣльце у нея такое смугленькое, на верхней губѣ усики... Разстегиваю я эти національныя пуговки, какъ вдругъ кто-то меня сзади бацъ: въ самое ухо. Супружница... Табло. Побѣжала сейчасъ же къ Черняеву разводъ просить,—ну, а онъ, натурально, говоритъ, что это не его дѣло и что въ наказаніе пошлетъ меня въ секретъ на линію. Однимъ словомъ, спасъ меня генералъ. И какъ же былъ я радъ, когда такъ дешево отдѣлался. Какъ видишь, политическія

событія иногда зависятъ чортъ знаетъ отъ чего, отъ какихъ-то серебряныхъ пуговокъ... Кстати, увы!—сербочки моей ужъ нѣтъ—фюить! сбѣжала съ какимъ-то казачьимъ офицеромъ въ Рассею. До сихъ поръ жаль... фруктикъ былъ правильный и все въ порядкѣ. А я развѣ виноватъ, что она сама первая мнѣ на шею бросается, да еще въ военное время?.. Тсс... Грядетъ *сама*, и я прячу свои грѣшные конфесьены, какъ улитка рога...“

Письмо было скомкано. Пенко, вѣроятно, пряталъ его куда-нибудь подъ подушку, когда показалась *сама*, т.-е. Анна Петровна. Слѣдующій листъ былъ написанъ уже другими чернилами—тоже результатъ семейной инквизиціи. Мнѣ очень понравился безпорядочный тонъ этого удивительнаго посланія,—Пенко не думалъ, а гонялся за мыслями, какъ выпущенная въ первый разъ въ поле молодая собака. Милый Пенко, какъ я его опять любилъ, и онъ опять былъ весь на этихъ смятыхъ исписанныхъ листахъ. Онъ вѣжливо предоставлялъ мнѣ право возстановлять связь между отдѣльными частями его письма и отыскивать смыслъ. Слѣдующій листъ начинался такъ:

„Извини за невольный перерывъ; семейное счастье всегда идетъ скачками... Возвращаюсь къ прерванному повѣствованію. Позволь сначала отрекомендоваться: я—герой, я дѣлалъ всеобщую исторію, пролитая мною кровь послужитъ Иловайскому матеріаломъ для самоновѣйшей исторіи, я—ординарецъ при генералѣ Черняевѣ, я, т.-е. моя персона, покрыта ранами (жаль, что милые турки ранили меня довольно невѣжливо, ибо я не могу даже показать публикѣ своихъ почетныхъ шрамовъ и рубцовъ), наконецъ я въ скоромъ времени кавалеръ сербскаго ордена Такова... И вдругъ герой, т.-е. я, влопался въ гроссъ шкандалъ съ сербочкой, а моя супруга сжила бы меня со свѣту, если бы не любезность милыхъ турокъ. Между нами, братику: всѣ эти братушки рѣшительно дрянь, а въ турокъ я влюбленъ. Чудный народъ... И, знаешь, я рѣшилъ, что остаюсь въ Турціи. Да, остаюсь и со временемъ натурализируюсь, какъ дѣлаютъ нѣмцы. Чудный народъ, однимъ словомъ, и я влюбленъ въ каждаго турка. Сколько въ нихъ природнаго благородства, храбрости, вѣжливости—просто даже обидно за свое холуйство. Представь себѣ, что у нихъ нѣтъ самыхъ величайшихъ нашихъ золъ, какъ пьянство и проституція... Затѣмъ, у нихъ нѣтъ старыхъ дѣвъ. Я презираю нашу фальшивую цивилизацію и сдѣлаюсь туркомъ. Феска очень идетъ къ моей фотографіи... Разъ на рекогносцировкѣ я попалъ въ турецкую деревушку, захожу въ одинъ домъ, чтобы напиться,—вижу, сидитъ на полу на коврѣ старый-старый турокъ съ сѣдой длинной бородой и читаетъ коранъ. Вся деревня бѣжала, а старикъ остался. Никогда не забуду, какъ онъ посмотрѣлъ на меня... Мнѣ вдругъ сдѣлалось стыдно. Я прочиталъ въ его глазахъ глубокое и справедливое презрѣніе къ моей персонѣ, къ моему военному мундиру, къ выраженію лица, къ торопливымъ движеніямъ. Старикъ не боялся смерти, и я походилъ на собаку, которая неожиданно наскочила на волка и поджала хвостъ. Кстати, этого старика потомъ нашли убитымъ, и кто бы, ты думалъ, убилъ его? Помнишь солдата-добровольца, который при нашемъ отъѣздѣ изъ Петербурга устроилъ скандалъ съ шапкой? Онъ его и убилъ... Впослѣдствіи самъ мнѣ сознался. Впрочемъ, я забѣгаю впередъ. Начинаю съ начала. Какъ я уже писалъ выше, послѣ скандала съ сербочкой Черняевъ отправилъ меня на линію. Я давно вызывался въ охотничью команду, ну, и получилъ. Съ позиціи насъ отправили въ секретъ человѣкъ пять. Хорошо. Со мной былъ и тотъ солдатъ, который скандалилъ изъ-за шапки. Засѣли мы въ кукурузѣ на двѣ ночи. Трудно это здоровому человѣку вылежать двое сутокъ безъ признаковъ жизни, а тутъ еще и курить нельзя. Начался холодище, зубъ на зубъ не попадаетъ.

Сидѣли-сидѣли, тощища... Я даже разсердился: какая это война? Такъ, чортъ знаетъ что̀ такое... Только тутъ я понялъ, какъ-то всѣмъ тѣломъ понялъ, какая колоссальная безсмыслица эта война. Только и развлеченія, что смотришь, какъ снаряды надъ головой летаютъ. Ттрах-ттрах!.. Кто-то кого-то желаетъ уничтожить, однимъ словомъ. И представь себѣ, какая безсмыслица: вѣдь я ихъ люблю, этихъ милыхъ турокъ, а они въ меня палятъ... Сначала я трусилъ, а потомъ надоѣло бояться—очень ужъ скучно было сидѣть въ этой проклятой кукурузѣ. И потомъ этакія жалобныя мысли въ башку лѣзутъ... А вдругъ убьютъ? Даже этакъ впередъ жалѣешь самого себя: а тамъ родина, родной уголъ, одна добрая мать—всего надумаешься. Вообще не совѣтую тебѣ, братику, поступать въ герои, потому что это во-первыхъ, во-вторыхъ и въ-третьихъ скучно... Посадятъ въ кукурузу — и сиди дуракомъ. А между тѣмъ нужно, кому-нибудь сидѣть нужно, чтобы кто-то кого-то убивалъ... И какое это геройство: прячешься, какъ заяцъ въ капустѣ. Меня утѣшалъ только мой солдатъ, который трусилъ еще больше меня... Вотъ онъ тутъ мнѣ и признался про турка, котораго убилъ. Было это ночью. Сидимъ и дремлемъ. Солдатъ какъ схватитъ меня за руку: „Ваше благородіе, *ёнъ*...“—„Кто онъ?“—спрашиваю, а у самого морозъ по кожѣ.—„Да тотъ, сѣдой турокъ, котораго я тогда изничтожилъ... Вотъ сейчасъ провалиться: въ кукурузѣ прошелъ и этакъ меня перстомъ поманилъ. Охъ, не къ добру это, ваше благородіе!“ Я его обругалъ, а потомъ оказалось, что солдатъ былъ правъ. Утромъ турецкіе аванпосты выдвинулись, началась перестрѣлка; братушки, конечно, бѣжали, какъ зайцы, а мы были обойдены лѣвымъ флангомъ. Даже бѣжать было некуда... Насъ выручила разорвавшаяся надъ нашими головами шрапнель: мой солдатъ былъ убитъ наповалъ, а я очнулся только въ госпиталѣ. Видишь, какъ скучно дѣлается всемірная исторія: не будь серебряныхъ пуговокъ у сербочки, не сидѣлъ бы я два дня героемъ въ кукурузѣ и не былъ бы раненъ шальной шрапнелью. А затѣмъ не лежалъ бы я въ лазаретѣ и не пришелъ бы къ печальному выводу, что—увы!—молодость прошла... Меня это открытіе сильно озадачило, и я...“

Дальше слѣдовалъ перерывъ, а продолженіе написано на новой бумагѣ и новыми чернилами.

„Братику, мнѣ кажется, что я никогда не кончу своего̀ письма — въ самый интересный моментъ ворвалась моя дражайшая... Охъ, какъ я ненавижу всѣхъ женщинъ, начиная съ праматери Евы, благодаря маленькой любезности которой появился весь родъ людской. Да, я ненавижу, потому что женщины всегда мѣшали мнѣ въ самый интересный моментъ. Милый братику, думалъ ли ты о старости? О, она теперь сидитъ у моего изголовья и любуется новой жертвой... Братику, миленькій, мнѣ страшно, когда я думаю о старости. Гдѣ рой тѣхъ чудныхъ красавицъ, которыя должны были цѣловать меня? гдѣ тѣ виллы, въ которыхъ я долженъ былъ жить? гдѣ тѣ подвиги, которые передали бы мое имя благодарному потомству? Червь, ничтожество, эссенція праха... Я и раньше частенько задумывался надъ этимъ, говорилъ на эту тему, но впереди все-таки оставалось что-то въ родѣ слабой надежды, а сейчасъ я чувствую всей своей грѣшной плотью, что ничего не будетъ и что остается только скромно тянуть до благополучнаго отбытія въ небытіе... Боже мой, гдѣ же вы, молодыя грезы? гдѣ мечты о счастьѣ? гдѣ ты, молодая дерзость?.. Я лежу на своей койкѣ № 37 и жалѣю себя... Да, жалѣю себя и тебя тоже жалѣю. Кто-то *другой* взялъ все лучшее въ жизни, этого *другого* любили тѣ красавицы, о которыхъ мы мечтали въ безсонныя ночи, *другой* пилъ полной чашей отъ радости жизни, наслаждался чудесами святого искус-

ства,—я ненавижу этого *другого*, потому что всю молодость просидѣлъ въ кукурузѣ... У меня сейчасъ слезы на глазахъ, милый, и мнѣ стыдно ихъ, стыдно и хочется, чтобы ты пожалѣлъ меня. Я часто думалъ о тебѣ, даже тамъ, когда сидѣлъ въ кукурузѣ, составилъ новую теорію словесности. Жаль, что не было съ собой карандаша и бумаги, а то я осчастливилъ бы человѣчество. Да... А вотъ къ такому человѣку подкралась злодѣйка старость, и я чувствую ея холодное дыханіе. Отдайте мнѣ мои двадцать лѣтъ, отдайте мою молодость, мои мечты, мое веселье... Я вѣдь еще даже не начиналъ жить и страстно хочу жить,—жить не своей одной жизнью, а тысячью другихъ жизней, любить, плакать и смѣяться. Знаешь, кто мнѣ это говорилъ? Любочка... Кстати... да... гм... Она потихоньку приходитъ ко мнѣ въ госпиталь, присядетъ на кровать и смотритъ—не глазами смотритъ, а вся смотритъ. Лицо у нея блѣдное, строгое, глубокое... И какъ она умѣетъ любить! Недавно сидѣла-сидѣла, легонько вздохнула и говоритъ: „А вы пожалѣете, Агаѳонъ Павлычъ, что *тогда* оттолкнули меня... Дѣло прошлое, я ужъ теперь перемучилась, а все-таки пожалѣете“. И сказала правду, братику... Ты испыталъ чувство ненависти? Я ненавижу свою жену... Ненавижу ея голосъ, походку, самоувѣренную улыбку, порядочность — все, все, все. Хуже: я ее боюсь!.. Это послѣдняя степень мужского паденія. О, отдайте мнѣ мои двадцать лѣтъ... Чувствую, что никогда не кончу, а поэтому лобзаю тебя, мой товарищъ по несчастію — и твоя юность тоже сдѣлалась достояніемъ всепожирающаго времени. Твой другъ и кавалеръ ордена Такова — Пепко“.

Въ постскриптумѣ стояла лаконическая фраза:

„Пріѣзжай въ Бѣлградъ, и перейдемъ въ турки — это единственный исходъ изъ нашей безшабашной жизни“.

XXXVIII.

Письмо Пепки для меня было ударомъ. Да, онъ былъ правъ, милый Пепко... Не молодость прошла, а юность, и особенно скверно прошла она для меня. Пепко, по крайней мѣрѣ, утѣшался тѣмъ, что не было еще женщины, которая отнеслась бы къ нему равнодушно, могъ наконецъ ненавидѣть женщинъ, причинявшихъ ему столько непріятностей, а я даже не могъ сказать и этого. Моя жизнь складывалась уже совсѣмъ кисло. Даже своимъ романомъ съ Аграфеной Петровной я не могъ похвастаться, потому что она во мнѣ любила не меня даже, а собственное неудовлетворенное чувство. Я это отлично понималъ. Сама по себѣ она была очень хорошая женщина, съ здоровыми инстинктами и честная—не головной честностью, а по натурѣ. Въ ней была только одна порабощающая черта — это та женская покорность, которая дѣлаетъ изъ мужчины раба. Ей никогда и ничего не было нужно, она ничего не требовала и была счастлива сознаніемъ, что ее тоже любятъ — такъ, немножко, а все-таки любятъ. Меня эта покорность часто возмущала. Потомъ, у насъ не было будущаго, и мы о немъ никогда не говорили, какъ не говорятъ въ присутствіи трудно-больного о смерти. А самое ужасное—надъ нами висѣлъ длящійся обманъ. Вообще положеніе было самое скверное, особенно принимая во вниманіе, что въ него отлилась моя юность. Письмо Пепки только иллюстрировало эту скверность. Я его разорвалъ въ клочья, какъ собственный обвинительный актъ, и пролежалъ на своей кушеткѣ въ молчаливомъ отчаяніи цѣлый день.

— Молодость прошла—отлично...—злобно повторялъ я про себя.—Значитъ, она никому не нужна; значитъ, выпалъ скверный номеръ; значитъ, вообще

наплевать. Пусть *другіе* живутъ, наслаждаются, радуются... Чортъ съ ними, съ этими другими. Все равно и жирный король и тощій нищій въ концѣ концовъ сдѣлаются достояніемъ господъ червей, какъ сказалъ Шекспиръ, а въ томъ числѣ и *другіе*.

Мрачныя мысли Пепки отвѣтили на то настроеніе, которое я скрывалъ отъ самого себя. Мнѣ было и обидно и больно, и въ то же время я не могъ не согласиться съ Пепкой. Да, мой другъ былъ правъ, тысячу разъ правъ, хотя отъ этой правды ни ему ни мнѣ не было легче. Приходилось ставить крестъ на грустный опытъ первыхъ двадцати пяти лѣтъ, вѣрнѣе—на послѣдніе семь-восемь годовъ. Вмѣсто жизни получался неясный призракъ, что-то въ родѣ тѣхъ китайскихъ тѣней, какія показываютъ дѣтямъ. Гдѣ же настоящая жизнь? когда она наступитъ? Боже мой, вѣдь ни одинъ день не вернется... Какъ отлично понималъ я обуревавшую Пепку жажду жизни—я страдалъ еще сильнѣе.

Итакъ, я лежалъ у себя на кушеткѣ и предавался самому отчаянному самоѣдству. Не хотѣлось ничего дѣлать, читать, работать, двигаться, просто смотрѣть. На улицѣ трещали экипажи, съ Невы доносились свистки пароходовъ — это *другой* торопился по своимъ счастливымъ дѣламъ, *другой* ѣхалъ куда-то мимо, одни „Ѳедосьины покровы“ незыблемо оставались на мѣстѣ, а я сидѣлъ въ нихъ и точилъ самого себя, какъ могильный червь. Меня не интересовало больше, кто живетъ за перегородкой рядомъ, гдѣ жилъ „черкесъ“, кто другіе жильцы, — не все ли равно? Ѳедосья держалась со мной какъ-то странно. Она, конечно, пронюхала про мои отношенія къ Аграфенѣ Петровнѣ и дѣлала благочестивое лицо, когда та изрѣдка приходила навѣстить меня.

— Ну ужъ...—говорила Ѳедосья, оставляя весь свѣтъ въ неизвѣстности, что̀ она хотѣла сказать этими словами.

Аграфена Петровна изъ женской деликатности всегда являлась подъ какимъ-нибудь предлогомъ, однимъ изъ которыхъ были письма отъ сестры Анюты изъ Сербіи.

— А вѣдь онъ совсѣмъ порядочный, вашъ Пепко,—удивлялась Аграфена Петровна, перечитывая мнѣ вслухъ письма сестры.—Кто бы могъ ожидать... Анюта совершенно счастлива. Глупая она, хоть и образованная. Нашла въ кого влюбиться... Удивляюсь я этимъ образованнымъ дѣвицамъ, какъ онѣ ничего не понимаютъ.

Къ другимъ Аграфена Петровна относилась, какъ всѣ женщины, очень строго, забывая свой собственный грустный опытъ. Меня больше всего интересовала политика Анны Петровны, не желавшей даже сестрѣ выдать свои семейныя тайны. Я, конечно, молчалъ, оставляя Аграфену Петровну въ счастливой увѣренности, что все обстоитъ благополучно. Вѣроятно, и Аграфена Петровна писала про себя сестрѣ то же самое. Въ сущности говоря, сестры обманывали другъ друга самымъ трогательнымъ образомъ. Я былъ невольнымъ свидѣтелемъ этого обмана и думалъ, что вѣдь самое счастье не есть ли обманъ? И какъ немного нужно этого обмана, чтобы человѣкъ почувствовалъ себя счастливымъ...

Для меня лично эти „счастливыя“ письма Анны Петровны имѣли спеціально дурныя послѣдствія. Дѣло въ томъ, что послѣ каждаго такого письма Аграфена Петровна испытывала извѣстный упадокъ духа, потихоньку вздыхала и поднимала разныя грустныя темы.

— Удивительно это, Василій Иванычъ, отчего однимъ счастье, а другимъ такъ, сумерки какія-то, — говорила она задумчиво. — Ну, подумайте, за что?

— Право, не знаю,—отвѣчалъ я совершенно серьезно.

— И что̀ обидно: это ни отъ кого не зависитъ... Будь ты хоть разумница, будь раскрасавица, принцесса, королевская дочь—все равно...

— Вѣдь и мужчины то же самое.

— Нѣтъ, мужчины совсѣмъ наоборотъ... Взять вотъ хоть васъ. Вотъ сейчасъ сидимъ мы съ вами, разговариваемъ, а гдѣ-нибудь растетъ дѣвушка, которую вы полюбите и женитесь, заведете дѣтокъ... Я это къ слову говорю, а не изъ ревности. Я даже рада буду вашему счастью... Дай Богъ всего хорошаго и вамъ и вашей дѣвушкѣ. А подъ окошечкомъ у васъ все-таки пройду...

— Аграфена Петровна, какъ это вамъ хочется говорить глупости...

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, пройду... У васъ будетъ огонекъ горѣть, а я по тротуару и пройду. Вамъ-то хорошо, а я... Что̀ же, у всякаго своя судьба, и я буду рада, что вы счастливы. Можетъ-быть, когда-нибудь и меня вспомните въ такой вечерокъ. Жена-то, конечно, ничего не знаетъ—молодыя ничего не понимаютъ, а у васъ свои мысли въ головѣ.

У Аграфены Петровны появлялись даже слезы на глазахъ отъ этихъ чувствительныхъ размышленій, и она впередъ ревновала меня къ своей неизвѣстной счастливой соперницѣ.

— Ежели разобрать, такъ что̀ я для васъ, Василій Иванычъ? Такъ, игрушка... Мало ли нашего брата, дуръ-бабъ. А оно все-таки какъ-то обидно... И ваше дѣло молодое, жить захотите... да. Оно ужъ все такъ на свѣтѣ дѣлается... Скучно вамъ со мной, вѣдь я вижу.

Меня убивали не эти разговоры, а то, какъ Аграфена Петровна смотрѣла на меня, — такъ смотрятъ только на дорогихъ покойниковъ. Удивительно, сколько можетъ передать такой взглядъ... И словъ никакихъ не нужно, да и словъ-то такихъ нѣтъ. Отъ такихъ чувствительныхъ разговоровъ у меня дѣлалось ужасно скверно на душѣ, до того скверно, что и не разскажешь. Да, скверно... И вмѣстѣ съ тѣмъ являлась впередъ какая-то жалость вотъ къ этой самой Аграфенѣ Петровнѣ. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ она пойдетъ подъ окошечкомъ, а я буду сидѣть и думать о ней. Ко всѣмъ этимъ пріятнымъ вещамъ нужно прибавить еще мужа Аграфены Петровны, который въ теченіе лѣта совсѣмъ сжился со мной и во время приступовъ откровенности блуднаго мужа повѣрялъ мнѣ свои тайны. Сначала я его презиралъ, потомъ ревновалъ и наконецъ началъ смотрѣть на него, какъ на своего alter ego. Въ немъ жила эта неуловимая жажда разнообразія, удовлетворявшаяся маленькимъ настоящимъ. Я замѣтилъ, что онъ прежде всего идеализировалъ тѣхъ женщинъ, за которыми ухаживалъ,—вѣдь и герцогини такъ же устроены.

— Вы разсмотрите-ка подъ микроскопомъ каждую женщину и найдите разницу,—предлагалъ онъ.—Эту разницу мы любимъ только въ себѣ, въ своихъ ощущеніяхъ, и счастливы, если данный номеръ вызываетъ въ насъ эти эмоціи. Въ насъ — все, а женщины—случайность, вѣрнѣе — маленькая подробность... Почему намъ нравится, когда въ нашихъ рукахъ сладко трепещетъ молодое женское тѣло, а глаза смотрятъ испуганно и довѣрчиво? Мы хотимъ пережить сами этотъ сладкій испугъ пробудившейся страсти, эти первые восторги, эту довѣрчивость къ неизвѣданной силѣ...

Мнѣ приходилось еще въ первый разъ встрѣчать развратника pur sang, и меня радовало, что я самъ не такой и не буду такимъ. Ахъ, я могъ дѣлать ошибки, глупости, но никогда не дойду до того, чтобы наслаждаться „трепетомъ молодого женскаго тѣла“,—одна терминологія чего стоитъ! Я еще могъ любить въ женщинѣ человѣка, а не одну самку. Откровенныя бесѣды съ этимъ откровеннымъ мужемъ поднимали меня въ собственномъ мнѣніи. Это было какое-то отребье человѣчества... Ничто живое уже не могло поднять душу.

О, нѣтъ, я не такой! Съ другой стороны, являлась мысль, что вѣдь и онъ, этотъ замотавшійся петербургскій чиновникъ, родился тоже не такимъ, а дошелъ до своего настоящаго длиннымъ путемъ, и что я, повидимому, иду именно по этому пути. Вотъ тутъ и выплывалъ вопросъ объ alter ego.

Разъ мы сидѣли въ трактирѣ, и онъ задумчиво спросилъ:

— Вамъ сколько лѣтъ?

— Двадцать пять...

— О, еще успѣете все пройти.

Онъ такъ гадко засмѣялся, точно радовался, что отыскалъ во мнѣ родственныя черты. Неужели я буду когда-нибудь такимъ? Ужъ лучше тогда умереть...

Въ общемъ я проходилъ тяжелый житейскій опытъ и не пожелалъ бы его никому другому. Письмо Пепки только рельефнѣе объяснило мнѣ ту степень, до какой я дошелъ. Мое отчаяніе было вполнѣ понятно.

Теперь я выходилъ изъ дому только по вечерамъ и любилъ долго бродить по улицамъ. Обыкновенно я уходилъ со своей ненавистной Петербургской стороны въ городъ. Сколько здѣсь было богатыхъ домовъ, какіе великолѣпные экипажи неслись мимо, и я наслаждался собственнымъ ничтожествомъ, останавливаясь передъ окнами богатыхъ магазиновъ, у ярко освѣщенныхъ подъѣздовъ, въ мѣстахъ, гдѣ скоплялась глазѣющая праздная публика. Времени у меня было достаточно, и я бродилъ до мертвой усталости, а потомъ отправлялся въ трактиръ Агапыча, гдѣ засѣдали оставшіеся члены распадавшейся „академіи“. Здѣсь все было по-старому. Я возненавидѣлъ трактиръ, трактирныхъ завсегдатаевъ и все, что носило на себѣ проклятую печать трактира.

— Гдѣ это вы пропадаете?—спросилъ меня разъ Фрей, остававшійся на своемъ посту.

— А такъ... Самъ не умѣю хорошенько сказать. Скучно...

Фрей издалъ неопредѣленный звукъ, засосалъ свою трубочку и не сталъ больше разспрашивать. У него было достаточно своей собственной работы. Хроника падала. Публика рвала нарасхватъ только извѣстія съ театра войны, относясь ко всему остальному совершенно равнодушно. Да и что могла интереснаго дать наша русская жизнь? Засѣданія ученыхъ обществъ, пожары, убійства и только на закуску какой-нибудь крупный скандалъ, въ родѣ расхищенія банковской кассы. Да и самые скандалы скоро пріѣлись, потому что устраивались по общему шаблону. Однимъ словомъ, матъ... Фрей предчувствовалъ, что дѣло пойдетъ дальше и не ограничится одной сербской войной.

Меня лично теперь ничто не интересовало. Война такъ война... Что же изъ этого? Въ сущности, это была громадная комедія, въ которой стороны совершенно не понимали другъ друга. Наживался одинъ юркій газетчикъ — неужели для этого стоило воевать? Мной вообще овладѣлъ пессимизмъ, и пессимизмъ нехорошій, потому что онъ развивался на подкладкѣ личныхъ неудачъ. Я думалъ только о себѣ и этой мѣркой мѣрялъ все остальное.

Не знаю почему, но это бродяжничество по улицамъ меня успокаивало, и я возвращался домой съ аппетитомъ жизни,—есть желаніе жить, какъ есть желаніе питаться. Меня начинала пугать развивавшаяся старческая апатія— это уже была смерть заживо. Глядя на другихъ, я начиналъ точно приходить въ себя. Являлось то, что называется самочувствіемъ. Выздоравливающіе хорошо знаютъ этотъ переходъ отъ апатіи къ самочувствію и аппетиту жизни.

Репортерская работа шла своимъ чередомъ и почти совсѣмъ меня не интересовала, какъ всякое ремесло. Я уже пережилъ острый періодъ первыхъ опытовъ, когда волновала каждая печатная строчка. Точно такъ же я относился

къ сотрудничеству у Ивана Иваныча: написалъ разсказъ, получилъ деньги и — конецъ. Наше недоразумѣніе, вызванное романомъ, давно было забыто. Однимъ словомъ, я шагъ за шагомъ превращался въ настоящую газетную крысу и подъ руководствомъ такого фанатика, какъ Фрей, вѣроятно, сдѣлался бы хроникеромъ. Я уже входилъ во вкусъ безпорядочной газетной работы и, главное, началъ чувствовать себя дома, — это большое чувство въ каждой профессіи.

XXXIX.

Мое стремленіе къ большой литературѣ на время какъ-то совсѣмъ заглохло. Я старался даже не думать объ этомъ больномъ мѣстѣ. Цѣлый ворохъ рукописей лежалъ одной связкой въ уголкѣ, и я не рѣшался къ нимъ прикоснуться, какъ больной боится разбередить свою рану. Получалось что-то въ родѣ литературной летаргіи. Къ прежнему репертуару заражавшихъ меня чувствъ прибавилась озлобленность неудачника. И тутъ были *другіе*, не только составлявшіе себѣ къ двадцати пяти годамъ имя, но уже умиравшіе, свершивъ въ литературѣ все земное. Я, конечно, зналъ наперечетъ всѣхъ настоящихъ русскихъ беллетристовъ и особенно слѣдилъ за начинающей фракціей. Относительно послѣднихъ я проявлялъ положительное звѣрство, третируя ихъ, какъ мальчишекъ и выскочекъ. Если бы представить схему моихъ мыслей и разговоровъ на эту тему, получалось бы слѣдующее:

Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Левъ Толстой... Левъ Толстой, Достоевскій, Гончаровъ, Тургеневъ, Гоголь, Лермонтовъ, Пушкинъ.

Этимъ синодикомъ все исчерпывалось, а остальное шло на затычку... Для окончательнаго растерзанія новаго автора я имѣлъ два самыхъ страшныхъ слова: Бѣлинскій и Добролюбовъ. Тутъ ужъ конецъ всему начинающему, и я злобно торжествовалъ. Нутка, вы, нынѣшніе, попробуйте перелѣзть черезъ этотъ заборъ? Лучше и не пробуйте, господа, потому что Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Левъ Толстой все сказали, не оставивъ вамъ даже объѣдковъ. Я злился и торжествовалъ, изливая накипѣвшій ядъ систематическаго неудачника на своихъ воображаемыхъ конкурентовъ. Впрочемъ, себя я выдѣлялъ на особую полочку и вѣрилъ, что, сложись обстоятельства чуть-чуть иначе, изъ меня выработался бы настоящій авторъ. Да-съ, настоящій... Я вошелъ во вкусъ этого всеуничтожающаго настроенія и даже начиналъ подумывать, не кроется ли во мнѣ таланта литературнаго критика, просто злобнаго, а можетъ-быть, даже и мертво-злобнаго. Ужъ я бы задалъ всей этой мелюзгѣ, да и изъ признанныхъ корифеевъ повыдергалъ бы красное перо. Конечно, это нужно сдѣлать складно, а не такъ, какъ дѣлалъ увлекавшійся Писаревъ. Чортъ съ ней, съ беллетристикой, лучше самому взять палку, чѣмъ подставлять спину. Да и пріемъ готовъ впередъ: всѣ эти начинающіе мерзавцы...

Итакъ, я лежалъ и злобствовалъ. Занятія въ университетѣ были брошены, да и раньше я относился къ нимъ спустя рукава. Сейчасъ я посвящалъ себя служенію родной литературѣ въ окончательной формѣ. Если не выйдетъ беллетристъ, то навѣрно ужъ получится критикъ, въ достаточной мѣрѣ злобный. Въ видахъ подготовленія къ этому отвѣтственному посту я серьезно занялся пробѣлами своего образованія, причемъ открылъ цѣлыя пропасти самаго возмутительнаго невѣдѣнія. Въ сущности, говоря между нами, я не зналъ основательно ничего, а только бросался на все, хваталъ вершки,

усвоивалъ съ грѣхомъ пополамъ терминологію, кое-какія теоремы и летѣлъ дальше. Это были жалкія лохмотья знанія, а критику сіе не полагается. Я записался въ двѣ библіотеки, натащилъ самыхъ мудреныхъ книгъ и углубился въ бездну знанія. Это было что-то въ родѣ запоя. Книги читались систематически, со множествомъ выписокъ, чтобы впослѣдствіи блеснуть эрудиціей! Французы это называютъ брать быка за рога...

Разъ утромъ я былъ особенно злобно настроенъ. Начинались уже заморозки. Единственное окно моей комнаты отпотѣло. Чувствовалась болотная сырость, заползавшая сквозь ветхія, прогнившія насквозь стѣны. Комната имѣла при такомъ освѣщеніи очень некрасивый видъ, и невольно являлась мысль, что вѣдь есть же въ Петербургѣ хорошія, свѣтлыя, сухія и теплыя комнаты. Да, есть, какъ есть нѣсколько милліоновъ свѣтлыхъ большихъ оконъ, за которыми сидятъ эти *другіе*... Я серьезно раздумался на эту благородную тему и даже чувствовалъ какое-то пріятное ожесточеніе: и живите въ свѣтлыхъ, высокихъ, теплыхъ и сухихъ комнатахъ, смотрите въ большія свѣтлыя окна, а я буду отсиживаться въ своей конурѣ, какъ цѣпная собака, которая когда-нибудь да сорвется съ своей цѣпи.

— Поповъ, васъ спрашиваетъ какой-то жандармъ...—прервала мои размышленія Ѳедосья, ворвавшаяся въ комнату съ побѣлѣвшимъ лицомъ.

— Какой жандармъ?

— Какіе бываютъ жандармы: синій...

Я отворилъ дверь и пригласилъ „синяго“ жандарма войти,—это былъ Пепко въ синемъ сербскомъ мундирѣ. Со страху Ѳедосья видѣла только одинъ синій цвѣтъ, а не разобрала, что Пепко былъ не въ мундирѣ русскаго покроя, а въ сербской куцой курточкѣ. Можно себѣ представить ея удивленіе, когда жандармъ бросился ко мнѣ на шею и принялся горячо цѣловать, а потомъ продѣлалъ то же самое съ ней.

— Охъ, Агаѳонъ Павлычъ, вотъ напугалъ-то... А я какъ взглянула, такъ и обомлѣла: весь синій... жандармъ...

— О, женщина, ты видишь передъ собой героя,—заявлялъ немного сконфуженный этой маленькой комедіей Пепко.—Жалѣю, что не могу тебѣ представить въ видѣ доказательства свои раны... Да, настоящій герой, хотя и синій.

Ѳедосья прислонилась къ косяку и заплакала. Она еще раньше оплакивала много разъ геройство Пепки, особенно когда Аграфена Петровна читала ей письма сестры, а теперь Пепко стоялъ передъ ней цѣлъ и невредимъ. Меня, признаться, эта вступительная сцена разсмѣшила до слезъ. Злѣйшій врагъ не могъ бы придумать Пепкѣ болѣе сквернаго эффекта, какой устроила Ѳедосья въ простотѣ сердца. Вѣдь онъ цѣлую дорогу лелѣялъ мысль о томъ, какъ явится въ „Ѳедосьины покровы“ въ своемъ добровольческомъ мундирѣ. И вдругъ все попорчено испугавшейся глупой бабой... Онъ въ смущеніи отстегнулъ свою боевую саблю и повѣсилъ на гвоздь, на которомъ раньше висѣла гитара.

— Моя старшая дочь будетъ съ гордостью указывать на нее своимъ дѣтямъ,—объяснилъ онъ совершенно серьезно.

— Le sabre de mon père?—съязвилъ я.—Кстати, развѣ у тебя въ виду имѣется приращеніе семейства?

— Ну, до этого мы еще не дошли съ Анной Петровной, но теоретически у всякаго индивидуума въ интересахъ продолженія вида должна быть старшая дочь... Я даже люблю эту теоретическую старшую дочь.

Пепко разстегнулъ свою военную курточку, сѣлъ на стулъ, какъ-то осо-

бенно широко разставивъ ноги, и сдѣлалъ паузу, ожидая отъ меня знаковъ восторга. Увы! онъ ихъ не дождался, а даже, наоборотъ, почувствовалъ, что мы сейчасъ были гораздо дальше другъ отъ друга, чѣмъ до его отъѣзда въ Сербію. Достаточно сказать, что я даже не отвѣтилъ ему на его бѣлградское письмо. Видъ у него былъ прежній, съ замѣтной военной выправкой, — онъ точно постоянно хотѣлъ сдѣлать налѣво кругомъ. Подстриженные усы придавали видъ сторожа при клиникѣ.

Пока Анна Петровна поселилась у сестры, а Пепко остался у меня. Очевидно, это было послѣдствіе какой-нибудь дорожной размолвки, которую оба тщательно скрывали. Пепко повѣсилъ свою амуницію на стѣнку, облекся въ одинъ изъ моихъ костюмовъ и предался сладкому ничегонедѣланію. Онъ по цѣлымъ днямъ валялся на кровати и говорилъ въ пространство.

— Какъ ты глупъ, г. Василій Поповъ, — ораторствовалъ онъ, болтая ногами. — Да, глупъ, ибо не понимаешь величайшаго счастья быть самимъ собой и только самимъ собой. Дорого бы я далъ за собственную свободу, чтобъ опять поселиться въ этой дырѣ и опять мыслить и страдать. Сладчайшій ширазскій шейхъ Саади, нѣтъ—персидскій Гейне, Гафизъ, сказалъ: „назначенъ птицѣ лѣсъ, пустыня льву, духанъ Гафизу“, а намъ съ тобой „Ѳедосьины покровы“. Ты не понимаешь собственнаго счастья, какъ здоровый не цѣнитъ своего здоровья, а между тѣмъ именно такая комната—идеалъ для всякаго будущаго знаменитаго человѣка... Не въ чертогахъ, не въ виллахъ и палатахъ задумывались великія мысли, а вотъ въ такихъ язвинахъ и тараканьихъ щеляхъ. Тебя давитъ потолокъ—мечтай о высокихъ палатахъ; тебѣ мало свѣту—воображай залитую солнцемъ страну; тебя пробираетъ цыганская дрожь — лети на благословенный югъ; ты заключенъ въ четырехъ стѣнахъ, какъ мышь въ мышеловкѣ—мечтай о свободѣ, и т. д. Только голодный мечтаетъ объ изысканныхъ кушаньяхъ, а пресыщенный богачъ отвертывается отъ нихъ въ безсильной ярости. Кажется, я выражаюсь достаточно ясно? Это, милый мой идіотъ, величайшій изъ законовъ, законъ контрастовъ; на немъ выстроенъ весь нашъ многогрѣшный міръ, а не на трехъ китахъ, какъ думаетъ достопочтенная Ѳедосья.

— Ну, а когда ты въ турка будешь превращаться?

— Это дѣло серьезное, братику... Спсрва-наперво я съѣзжу въ Сибирь повидаться съ одной доброй матерью, потомъ разведусь съ женой и потомъ уже сдѣлаюсь правовѣрнымъ.

— Да вѣдь для этого нужны деньги?

— Деньги будутъ... Это вздоръ. Устрою приличный гаремецъ,—я не выношу единоженства. Гораздо приличнѣе, когда четыре жены... Тамъ я буду чувствовать себя господиномъ, а не стреноженнымъ мужемъ своей жены. Да-съ... И женщина на Востокѣ, несмотря на кажущееся рабство, въ тысячу разъ счастливѣе. Возьмемъ хоть нашу Ѳедосью... Я покупаю, напримѣръ, ее на невольничьемъ рынкѣ за нѣсколько лиръ. Хорошо. Сейчасъ полагается ей соотвѣтствующій костюмъ, харчъ и почетная должность главной надзирательницы моего гарема. Цѣлый министерскій постъ, и ея жизнь полна. Здѣсь она только прозябала, а тамъ будетъ чувствовать себя человѣкомъ. Ты, конечно, тоже пойдешь въ правовѣрные?

— Нѣтъ... я, кажется, сдѣлаюсь критикомъ.

— Э, братику, стàра штука. Ты эту мысль у меня укралъ... да.

— Ну, ужъ извини, пожалуйста... Своимъ умомъ дошелъ.

— А я раньше тебя объ этомъ думалъ и могу представить тебѣ письменныя тому доказательства. Положимъ, что я тщательно скрывалъ это...

— Ты, кажется, вообще намѣренъ скрыть отъ публики всѣ свои таланты...

— Нѣтъ, кромѣ шутокъ, ей-Богу, думалъ запузыривать по критикѣ. Вѣдь это очень легко... Это не то, что̀ самому писать, а только ругай направо и налѣво. И потомъ: власть, братику, а у меня деспотическій характеръ. Авторъ-то помалчиваетъ да почесывается, а я его накаливаю, я его накаливаю...

— А если тебя самого примется накаливать другой критикъ?

— Голубчикъ, да вѣдь это и есть хлѣбъ насущный: и я ему не пирогами буду откладывать, а пропишу такую вселенскую смазь, что благосклонный читатель только ахнетъ. Я даже самъ буду себя ругать, конечно, подъ другимъ псевдонимомъ, а публикѣ и любопытно посмотрѣть, какъ два критика другъ друга за волосы таскаютъ и въ морду другъ другу плюютъ. Зрѣлище весьма поучительное... Да, думалъ, да раздумалъ. Не сто̀итъ... Хочу кончить дни своего страданія турецкимъ джентльменомъ. Теперь много англичанъ переходятъ въ турки... Ты только представь себѣ этакого пашу, Пепко-паша, эффенди Пепко—и фамилія готова...

Меня возмущало, что Пепко говорилъ глупости серьезнымъ тономъ. А въ сущности онъ занятъ былъ совершенно другимъ. Отдохнувъ недѣлю, онъ засѣлъ готовиться на кандидата правъ. Юридическими науками онъ занимался и раньше, во время своихъ кочевокъ съ одного факультета на другой, и теперь принимался возстановлять пріобрѣтенныя когда-то знанія. У него была удивительно счастливая память, а потомъ дьявольское терпѣніе.

— Къ Рождеству я отваляю всю юриспруденцію, — коротко объяснилъ онъ мнѣ.—Я двухъ зайцевъ ловлю: во-первыхъ, получаю кандидатскій дипломъ, а во-вторыхъ—избавляюсь на цѣлыхъ три мѣсяца отъ семейной неволи... Подъ предлогомъ подготовки къ экзамену я опять буду жить съ тобой, и да будете благословенны вы, Ѳедосьины покровы. Подъ вашей сѣнью я упьюсь сладкимъ медомъ науки...

Съ войны Пепко вывезъ цѣлый словарь пышныхъ восточныхъ сравненій и любилъ теперь употреблять ихъ къ мѣсту и не къ мѣсту. Углубившись въ права, Пепко рѣшительно позабылъ цѣлый міръ и съ утра до ночи зубрилъ, наполняя воздухъ цитатами, статьями закона, датами, ссылками, распространенными толкованіями и опредѣленіями. Получалось что-то въ родѣ мельницы, безпощадно моловшей булыжникъ и зерно науки. Онъ приводилъ меня въ отчаяніе своимъ зубреньемъ.

Дѣйствительно, къ Рождеству все было кончено, и Пепко получилъ кандидата правъ. Вернувшись съ экзамена, онъ швырнулъ всѣ учебники и заявилъ:

— Я еще никогда не былъ въ такомъ глупомъ положеніи, какъ сейчасъ... У меня и морда сдѣлалась глупая.

Только вынесши этотъ искусъ, Пепко отправился въ трактиръ Агапыча и пьянствовалъ безъ просыпа три дня и три ночи, пока не очутился въ участкѣ. Онъ былъ послѣдователенъ... Анна Петровна обвинила, конечно, меня, что я развращаю ея мужа. Изъ-за этого даже возникло нѣкоторое крупное недоразумѣніе между сестрами, потому что Аграфена Петровна обвиняла Пепку какъ разъ въ томъ же по отношенію ко мнѣ.

XL.

Въ теченіе всего времени, какъ Пепко жилъ у меня по возвращеніи изъ Сербіи, у насъ не было сказано ни одного слова о его бѣлградскомъ письмѣ. Мы точно боялись заключавшейся въ немъ печальной правды, вѣр-

нѣе — боялись затронуть вопросъ о глупо потраченной юности. Вмѣстѣ съ тѣмъ и Пенкѣ и мнѣ очень хотѣлось поговорить на эту тему, и въ то же время оба сдерживались и откладывали день за днемъ, какъ это дѣлаютъ хроническіе больные, которые откладываютъ визитъ къ доктору, чтобы хоть немного оттянуть роковой діагнозъ.

— Какую величайшую глупость я сдѣлалъ!—въ отчаяніи заявилъ Пенко, когда проснулся послѣ трехдневнаго кутежа въ моей комнатѣ.

— Кажется, это не должно бы тебя удивлять.

— Нѣтъ, серьезно, Вася.

Пенко сѣлъ на кровати, покрутилъ головой и началъ думать вслухъ:

— Я, говоря между нами, свалялъ дурака... да. На кой чортъ я сдавалъ на кандидата правъ? Ну, на что мнѣ это кандидатство? Всѣ юридическія науки основаны на опредѣленіи правъ сильнаго; всѣ законы написаны побѣдителями и насильниками, чтобы не затруднять себя пріисканіемъ какой-нибудь формулировки для каждой новой несправедливости. Поэтому лучшими юристами навсегда останутся римляне, какъ первостатейные хищники. Потомъ писалъ законы феодалъ, военный диктаторъ, крѣпостникъ, а впослѣдствіи будетъ писать капиталъ, въ которомъ рафинировались всѣ виды рабства. Онъ, биржевикъ, потребуетъ санкціонированія этихъ правъ, своего рода канонизаціи, и будетъ правъ, потому что всѣ остальныя права основаны на томъ же единственномъ правѣ—правѣ сильнаго.

— Чѣмъ же наконецъ ты хотѣлъ бы быть?

— Профессоромъ монгольскихъ нарѣчій... Это дало бы мнѣ право ежегодно отправляться куда-нибудь въ экспедицію. Слава Богу, Азія велика, а у меня къ ней влеченье, родъ недуга... Подозрѣваю, что во мнѣ притаился тотъ самый татаринъ, о которомъ говорилъ Наполеонъ. Да... Теперь бы ужъ я дѣлалъ приготовленія къ экспедиціи, газеты трубили бы о „смѣломъ молодомъ путешественникѣ“, а тамъ пустыня, тигры, опасности, голодовки и чудесныя спасенія. Потомъ возвращеніе изъ экспедиціи, доклады по ученымъ обществамъ, лекціи, статьи въ журналахъ и овваціи. Женщины бѣгали бы за мной, какъ за итальянскимъ теноромъ...

— Прибавь, что, благодаря такой славной экспедиціи, ты удралъ бы отъ собственной жены, по крайней мѣрѣ, на годъ...

— И это имѣетъ свою тайную прелесть.

— Ну, а теперь ты какъ думаешь устраиваться?

— Да я ужъ устроился... Развѣ я тебѣ не говорилъ? Имѣю честь рекомендоваться: вольнослушатель технологическаго института. Да... Я люблю математику вообще, какъ единственную чистую науку, которая по самой природѣ не допускаетъ лѣни, а затѣмъ нашъ вѣкъ—вѣкъ по преимуществу техники. Не юристъ, не воинъ, не философъ перестроитъ весь строй нашей жизни, а техникъ... Да, въ этомъ задача нашего вѣка, и я хочу дѣятельно участвовать въ ея разрѣшеніи. Будущая всеобщая исторія уже приготовляется въ мастерскихъ, выковывается подъ паровымъ молотомъ, блеститъ яркой звѣздочкой въ электрическомъ фонарѣ и скоро полетитъ по воздуху. Да, здѣсь бьется главный пульсъ и здѣсь центръ жизни...

Какъ я ни привыкъ ко всевозможнымъ выходкамъ Пенки, но меня все-таки удивляли его странныя отношенія къ женѣ. Онъ изрѣдка навѣщалъ ее и возвращался въ „Ѳедосьины покровы“ злой. Что за сцены происходили у этой оригинальной четы, я не зналъ и не желалъ знать. Аграфена Петровна стѣснялась теперь приходить ко мнѣ запросто, и мы видѣлись тоже рѣдко. О сестрѣ она не любила говорить.

Такъ наступила зима и прошли Святки. Въ нашей жизни никакихъ особенныхъ перемѣнъ не случилось, и мы такъ же скучали. Я опять писалъ повѣсть для толстаго журнала и опять мучился. Разъ вечеромъ сижу, работаю, вдругъ отворяется дверь, и Пепко вводитъ какого-то низенькаго старичка съ окладистой сѣдой бородой.

— Вотъ онъ...—указалъ на меня Пепко.

Старецъ смотрѣлъ на меня темными глазами и протягивалъ руку.

Что-то знакомое было въ этомъ лицѣ, въ глазахъ, въ самой манерѣ подавать руку.

Я какъ-то сконфузился и пробормоталъ:

— Извините, не имѣю чести знать...

— Не признали, Вася... т.-е. Василій Иванычъ?

Именно звукъ голоса перенесъ меня черезъ рядъ лѣтъ въ далекій край, къ раннему дѣтству, подъ родное небо. Старецъ былъ старинный знакомый нашей семьи и когда-то носилъ меня на рукахъ. Я уже окончательно сконфузился, точно воръ, пойманный съ поличнымъ.

— Никифоръ Евграфычъ...

— Онъ самый... Давненько не видались, Василій Иванычъ. А я адрецъ-то вашъ затерялъ и на память искалъ по Са[illegible]ь-Петербургу. Да вотъ, на счастье, они встрѣтились, Агаѳонъ Павлычъ...

— Представь себѣ, Вася, какая случайность,—объяснялъ Пепко.—Иду по улицѣ и вижу: идетъ предо мной старичокъ и номера у домовъ читаетъ. Я такъ сразу и подумалъ: навѣрно провинціалъ. Обогналъ его и оглянулся... А онъ ко мнѣ. „Извините, говоритъ, не знаете ли г. Попова?“—„Къ вашимъ услугамъ: Поповъ“... Вышло, что Ѳедотъ, да не тотъ... Ну, разговорились. Оказалось, что онъ тебя разыскиваетъ.

— Поистинѣ, гора съ горой только не сходится... — философствовалъ старецъ, оглядывая съ любопытствомъ провинціала нашу убогую обстановку.— А квартирка-то, Василій Иванычъ, того...

— Не красна изба углами, а пирогами,—объяснилъ Пепко.

Пепко вообще почему-то ухаживалъ за старичкомъ и всячески старался ему угодить. Появился самоваръ, полбутылка водки, колбаса въ бумажкѣ, нѣсколько пирожковъ изъ ближайшаго трактира и двѣ бутылки пива. Старичокъ сидѣлъ на кушеткѣ и разсказывалъ далекія новости.

— Анна-то Ивановна, аптекарша, померла отъ родовъ... Двое ребятишекъ осталось. Полицеймейстеръ у насъ новый, баронъ Краусъ... Помните деревянные ряды, гдѣ о Николинѣ днѣ торжокъ былъ? Сгорѣли еще въ позапрошломъ году... Теперь церковь новую строимъ. Не знаю ужъ, какъ Господь поможетъ... Дядюшка-то вашъ, Гаврила Павлычъ, ножку себѣ сломали... Очень ужъ они любили лошадей дикихъ объѣзжать, ну, а тутъ имъ и попадись не лошадь, а прямо сказать — звѣрь. Замертво принесли домой дядюшку-то... Архирея намъ новаго обѣщаютъ, а старый-то, Мисаилъ, на покой выпросился. Хорошій былъ архирей... Въ третьемъ году купца убили. Это еще до чугунки,—теперь вѣдь подъ насъ чугунку подвели.

Пепко накинулся на старца съ какой-то непонятной для меня жадностью и засыпалъ его вопросами. Ему все было нужно знать, до судьбы моихъ тетушекъ включительно.

— Хорошо у васъ тамъ, на югѣ, а?—резюмировалъ онъ свой допросъ.

— Ужъ на что лучше, Агаѳонъ Павлычъ... Такъ хорошо, что помирать не надо. Я въ первый разъ въ Питерѣ, такъ даже страшно съ непривычки. Всѣ куда-то бѣгутъ, торопятся, точно на пожаръ... Тѣсненько живете. Вотъ бы

Василью Иванычу домой съѣздить, стариковъ провѣдать. Т.-е. въ самый бы разъ... Давненько не бывали въ нашихъ палестинахъ.

— Конечно, Васька поѣдетъ,—рѣшилъ за меня Пепко.—Я ему давно это говорю... Всего три дня дороги.

— Вотъ, вотъ... Отдохнули бы у родителевъ. И родителямъ пріятно... Не чужіе люди.

— Я тоже домой поѣду, къ себѣ въ Сибирь,—объяснялъ Пепко.—У меня мамаша... Славная такая старушенція.

— Такъ, такъ... Родителевъ завсегда нужно уважать, Агаѳонъ Павлычъ.

Появленіе старичка нагнало на Пепку цѣлый строй новыхъ мыслей и чувствъ. Онъ просто бредилъ наяву и не далъ мнѣ спать цѣлую ночь.

— Въ самомъ дѣлѣ, Вася, поѣзжай домой. Право, лучше будетъ... Развѣ мы здѣсь живемъ? Такъ, призракъ какой-то, кошмаръ... Тамъ придешь въ себя и будешь работать по-настоящему. Столицы только берутъ все отъ провинціи, а сами ничего не даютъ. Это несправедливо... А провинція, братъ,—все. Помнишь былину объ Ильѣ Муромцѣ: какъ упадетъ на землю, такъ въ немъ силы и прибавится. Въ этомъ, братъ, сказалась глубокая народная мудрость: вся сила изъ родной земли претъ. Такъ-то! — Подумавъ немного, Пепко неожиданно даже для себя прибавилъ: — А что, если бы у этого иконописнаго старца занять рупь серебра?

Дня черезъ два старичокъ опять пришелъ. Онъ былъ озабоченъ какими-то дѣлами, и Пепко въ качествѣ юриста далъ ему нѣсколько хорошихъ совѣтовъ. Это ихъ сблизило окончательно. Меня удивляло только одно, что Пепко хлопоталъ больше всего о моемъ отъѣздѣ. Меня это наконецъ возмущало. Какая ему въ самомъ дѣлѣ забота обо мнѣ? Пусть ѣдетъ самъ, если нравится. Съ другой стороны, мысль о поѣздкѣ занимала меня все больше и больше. Потянуло на родину... Въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ я какъ-то рѣдко думалъ на эту тему и все откладывалъ. Теперь уже нечего было ждать.

— Въ самомъ дѣлѣ, Василій Иванычъ, вотъ какъ махнемъ,—соблазнялъ меня старичокъ.—Въ лучшемъ видѣ... А какъ тятенька съ маменькой обрадуются! Курса вы, положимъ, не кончили, а на службу можете поступить. Молодой человѣкъ, все впереди... А тамъ устроитесь—и о другомъ можно подумать. Разыщемъ этакую жаръ-птицу... Хе-хе!.. По человѣчеству будемъ думать...

Еще наканунѣ отъѣзда я не зналъ, уѣду или останусь. Вопросъ заключается въ Аграфенѣ Петровнѣ. Она уже знала черезъ сестру о моемъ намѣреніи и первая одобрила этотъ планъ.

— Поѣзжайте, голубчикъ...—съ твердостью уговаривала она.—Нужно все это кончить. Скучно будетъ, а все-таки лучше...

Что можетъ быть грустнѣе такихъ прощальныхъ разговоровъ? Я, кажется, еще никогда не чувствовалъ себя такъ скверно. Но нужно было рѣшиться.

— Я всего на двѣ недѣли,—говорилъ я, не знаю для чего.—Что я буду дѣлать тамъ, въ провинціи?

— Все-таки поѣзжайте... съ Богомъ.

Дебаркадеръ Николаевскаго вокзала. Паровозъ уже пускаетъ клубы чернаго дыма. Мой старичокъ ужасно хлопочетъ, какъ всѣ непривычные путешественники. Меня провожаютъ Пепко, Аграфена Петровна и Фрей. Пепко по случаю проводовъ сильно навеселѣ и коснѣющимъ языкомъ повторяетъ:

— Ты, землячокъ, поскорѣе къ нашимъ полямъ возвратись... легче дышать... поклонись храмамъ селенья родного. О, я и самъ уѣду... Все къ чорту! Фрей, ѣдемъ вмѣстѣ въ Сибирь... да...

Второй звонокъ. Пепко отвелъ меня въ сторону.

— Вотъ что, Вася...—заговорилъ онъ торопливо.—Помнишь, я тебѣ изъ Бѣлграда тогда писалъ? Кончено, братъ... Молодость кончена. Э, плевать... Я, братъ, на себя крестъ поставилъ.

Третій звонокъ. У меня глаза затуманиваетъ слезой, но я сдерживаюсь. У Пепки глаза тоже красные. Меня почему-то начинаетъ разбирать злость.

Оберъ-кондукторъ даетъ свистокъ. Я смотрю въ окно вагона. Платформа точно дрогнула и поплыла назадъ, унося съ собой Фрея, Пепку и Аграфену Петровну.

— Живіо!—крикнулъ Пепко ни къ селу ни къ городу.

— Слава тебѣ, Господи...—вслухъ молится мой старичокъ, откладывая кресты.—Донесъ бы Господь живыми...

Скоро Петербургъ остался назади, а съ нимъ осталась назади и „свѣтлая юность“... Я думалъ о Пепкѣ и чувствовалъ, какъ его люблю. Его дальнѣйшую исторію разскажу какъ-нибудь потомъ.

1894 г.

Оглавленіе

II тома.

стр.

Три конца. Уральская лѣтопись въ шести частяхъ 3

Изъ уральской старины.

Охонины брови. Повѣсть 269

Братья Гордѣевы. Повѣсть 341

Черты изъ жизни Пепко. Романъ 389

5-41

С

494385
LR
M2655B
Mamin, Dmitry Narkisovich
Полное собрание сочинений ... [П.В.Быков].
v.2. [Translit: Polnoe sobranie sochineny ...
[P.V. Bykov]

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED